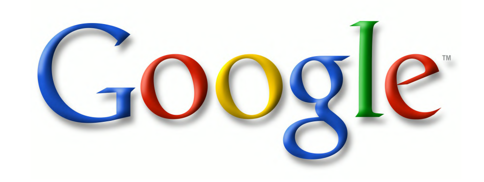



HARVARDINAE
ET
VE
RI
TAS
CHRISTO
ECCLESIAE
SIGILLUM ACADEMIAE
IN NOV ANG



БАЛТІЙСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

(1544—1648).

Томъ I: Борьба изъ за Ливоніи.

Georgii Vasilievitch Forsten.

Изслѣдованіе Г. В. Форстена.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. С. Балашева, и К°, Екатерининск. кан., д. 80.
1893.

ПАМЯТИ НЕЗАБВЕННОЙ ЖЕНЫ МОЕЙ,

ВАЛЕНТИНЫ ФОРСТЕНЪ!

Оглавленіе.

Изслѣдованіе балтійскаго вопроса было задумано нами очень давно; по мѣрѣ того, какъ этотъ вопросъ выросталъ передъ нами во всей своей интересной сложности, планъ изслѣдованія все расширялся; еще въ первой работѣ нашей „Борьба изъ за господства на Балтійскомъ морѣ", намъ представлялось возможнымъ довести изслѣдованіе до вестфальскаго или оливскаго мира, но уже тогда оказалось необходимымъ детально разсмотрѣть многія стороны вопроса: мы остановились на шпейерскомъ мирѣ. Командированный за границу въ 1885 и 1889 годахъ, авторъ настоящаго изслѣдованія не разъ тужилъ о томъ, что въ предоставленный ему срокъ времени не одолѣть и половины богатаго, непочатаго матеріала; съ жадностью бралъ онъ все, что успѣвалъ и покидалъ все таки всѣ архивы съ сожалѣніемъ, что многое, многое осталось ему неизвѣстнымъ. Планъ, которымъ онъ задался, то есть, разсмотрѣніе балтійскаго вопроса до 1721 года, снова оказался слишкомъ обширнымъ, что сказалось уже въ самомъ началѣ работы: рядъ любопытныхъ моментовъ, отмѣченныхъ въ заманчивой перспективѣ работы, пришлось отложить. Архивы нерѣдко давали автору счастливую долю впервые выдвинуть и освѣтить многіе важные вопросы; выяснялась важность такихъ фактовъ, которые у раннихъ изслѣдователей проходили незамѣченными. Первая часть изслѣдованія оказалась сложнѣе и труднѣе второй. Въ основаніе его легъ, главнымъ образомъ, архивный матеріалъ, частью изданный нами въ двухъ книжкахъ

актовъ, которыя и должны разсматриваться какъ *приложенія* къ изслѣдованію, частью помѣщенный въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Намъ не приходится останавливаться на этомъ матеріалѣ, такъ какъ отчеты о нашихъ архивныхъ занятіяхъ уже раньше напечатаны [1]). И говорить нечего, что приходилось знакомиться и съ множествомъ уже изданныхъ актовъ, хроникъ, лѣтописей и проч. Жаловаться на скудость матеріала не приходилось; можно однако, безошибочно, сказать, что до 1561 года его больше, чѣмъ послѣ него. Мы намѣренно избѣгали приводить въ примѣчаніяхъ выдержки изъ уже опубликованныхъ изданій и приводили только неизданный архивный матеріалъ или отрывки изъ публицистическихъ трудовъ, составляющихъ теперь большую рѣдкость. Наша работа писалась съ большими перерывами, обстоятельства жизни не благопріятствовали ей, и это, думаемъ мы, безъ сомнѣнія отразилось на ней. Никто лучше автора труда не чувствуетъ всѣхъ недостатковъ его, много хотѣлъ бы онъ видѣть въ иной, лучшей обработкѣ. Онъ будетъ, однако, доволенъ уже тѣмъ, если ему удалось выяснить значеніе такихъ фактовъ, какъ ливонская война, династическая борьба Вазъ и т. д., и, такимъ образомъ, нѣсколько расширить, освѣтить историческій горизонтъ сѣверной и сѣверо-восточной Европы.

Задача настоящаго труда—изслѣдовать исторію Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Вопросъ этотъ вызвалъ въ разбираемую эпоху ожесточенную борьбу, имѣвшую въ началѣ характеръ болѣе культурный и коммерсіальный, впослѣдствіи же исключительно политическій.

Новое направленіе всей Европейской торговлѣ дало открытіе Новаго Свѣта: это событіе нанесло рѣшительный ударъ Ганзѣ, паденіе которой въ свою очередь вызвало подъемъ цѣлаго ряда новыхъ государствъ, возвысившихся теперь на степень Европей-

[1]) Въ журналѣ М. Н. Пр. 1886, 1888, 1890.

скихъ державъ. Данія, Россія, Швеція и Польша наперерывъ одна передъ другою стремятся теперь присвоить себѣ богатое наслѣдіе Ганзы и ради этого начинаютъ между собою продолжительную борьбу; государь, вышедшій побѣдителемъ изъ нея, утвердилъ бы за собою господствующее положеніе на всемъ сѣверѣ. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ получаетъ съ этихъ поръ значеніе и меркантильное и политическое. Самый Балтійскій вопросъ вслѣдствіе этого входитъ въ новую стадію своего развитія, не ограничиваясь уже торговымъ, коммерсіальнымъ господствомъ и преобладаніемъ на морѣ, а становясь все шире, захватывая и политику, и религію; на очереди сталъ вопросъ о территоріальномъ владѣніи Балтійскими берегами. Вся исторія сѣверныхъ государствъ, Россіи, Польши, Швеціи и Даніи, какъ государствъ Европейскихъ, совпадаетъ съ исторіей балтійскаго вопроса въ новой стадіи его развитія; внѣшняя политика всѣхъ этихъ государствъ, это ихъ балтійская политика.

Первый періодъ избранной нами эпохи балтійскаго вопроса заключается въ Ливонской войнѣ; это событіе можетъ быть правильно оцѣнено только въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду его обще-европейское значеніе, а не смотрѣть на него какъ на событіе чисто мѣстное. Первая часть нашего труда и будетъ изслѣдованіе этой ливонской войны, ходъ которой обусловливался не только политикою сѣверныхъ государствъ, но также ожесточенною борьбой императоровъ съ территоріальными князьями, этихъ послѣднихъ съ дворянствомъ, борьбою двухъ религіозныхъ началъ—католичества съ протестантизмомъ и, наконецъ, столкновеніемъ французскаго дома Валуа и Бурбоновъ съ австрійской испанскою линіями Габсбургскаго дома.

Тема, которая ляжетъ въ основаніе первой части нашего труда, является менѣе разработанною и извѣстною, нежели предыдущій періодъ борьбы изъ-за балтійскаго господства, гдѣ главную роль играли вендскіе города съ Любекомъ во главѣ, и послѣдующій, въ которомъ главное вниманіе сосредоточивается на

замѣчательной личности Густава II Адольфа. Царствованіе сыновей перваго Вазы, по справедливому замѣчанію одного шведскаго историка, затемнено блестящею эпохой Густава Адольфа, когда Швеція являлась рѣшающимъ политическимъ факторомъ въ обще-европейскихъ дѣлахъ; но и царствованія Эрика и Іоанна, когда вопросъ о балтійскомъ господствѣ разрѣшался въ борьбѣ скандинавскихъ государей съ Москвою и Польшей, являются весьма знаменательными въ исторіи второй половины XVI столѣтія; не маловажно это время для развитія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, самихъ скандинавскихъ государствъ; въ продолжительныхъ войнахъ изъ-за балтійскаго господства силы ихъ выростаютъ, границы закругляются, сословные принципы уступаютъ мѣсто абсолютному началу, и въ слѣдующемъ XVII столѣтіи оба скандинавскихъ государства такъ усилились, что могли выступить въ первенствующей роли при разрѣшеніи общеевропейскихъ вопросовъ. Вторая половина XVI столѣтія—это періодъ политической эволюціи скандинавскихъ государствъ.

Вторая часть нашего изслѣдованія—это балтійскій вопросъ съ конца XVI столѣтія и до Вестфальскаго мира, когда разрѣшеніе его стояло въ связи съ борьбой католической реакціи съ протестантизмомъ, испанскаго универсализма съ идеей національной самостоятельности. Съ конца XVI столѣтія католическая реакція, твердо укоренившаяся въ романскихъ государствахъ, гдѣ ея основаніемъ служилъ тридентинумъ, орудіями—инквизиція и іезуитскій орденъ, гдѣ покровителями ея являлись Филиппы Испанскіе, Фердинанды Австрійскіе и Римскіе папы, съ конца XVI столѣтія католическая реакція проникаетъ и въ сѣверную Европу. Съ мечемъ въ рукахъ проложивши себѣ дорогу въ средней Европѣ, она съ самоувѣренностью ухватилась и за сѣверъ. Являлся вопросъ, также ли успѣшно привьется реакція на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, какъ на югѣ и юго-западѣ Европы. Первый шагъ къ систематическому окатоличенію сѣвера представляло царствованіе Іоанна III, а за-

тѣмъ Сигизмунда III; вступленіе перваго на престолъ Швеціи измѣнило положеніе дѣлъ во всей Сѣверной Европѣ. Новую шведско-польскую унію привѣтствовали во всей католической Европѣ, какъ зарю новой побѣды ортодоксальнаго католичества. Прежнія традиціи Вазъ были оставлены Сигизмундомъ, вѣрнѣйшимъ питомцемъ іезуитовъ: онъ присталъ къ реакціи и шедшему съ ней рука объ руку испанско-габсбургскому *универсализму*, терминъ—вполнѣ понятный, если принять въ соображеніе чрезмѣрное территоріальное расширеніе, какого Габсбурги достигли еще со времени Карла V.

Чтобы обезпечить успѣхъ въ принятой на себя религіозной миссіи, католическимъ государямъ необходимо было утвердиться на Балтійскомъ морѣ; имѣя его въ своихъ рукахъ, они могли подавить всякую попытку политическаго и религіознаго сопротивленія. Въ этомъ новомъ періодѣ борьбы, гдѣ балтійскій вопросъ сплетался съ католическою реакціей, Ливонія также играетъ въ началѣ выдающуюся роль, которая затѣмъ переходитъ къ Помераніи и приморскимъ городамъ Германской имперіи, какъ членамъ политически обанкротившейся Ганзы. Въ разбираемый періодъ балтійскій вопросъ могъ быть только рѣшенъ или на обще-европейскомъ конгрессѣ или въ обще-европейской войнѣ.

Итакъ, въ избранномъ нами періодѣ изслѣдованія можно отмѣтить два вопроса, стоявшихъ на очереди и имѣвшихъ въ высшей степени важное значеніе; они были діаметрально противоположны одинъ другому и по существу и по вліянію ихъ на свое время. Первый вопросъ — вѣроисповѣдный, бывшій, какъ говоритъ Дройзенъ, у всѣхъ на устахъ; второй — вопросъ торговый, меркантильный, по важности не уступавшій первому, хотя только немногіе это сознавали. Вѣроисповѣдный вопросъ становился со второй половины XVI столѣтія все сложнѣе и живѣе, онъ пріобрѣталъ самые разнообразные оттѣнки, распадался на цѣлый рядъ второстепенныхъ побочныхъ вопросовъ, и разросся съ необычайною быстротою. Религіозные вопросы

уже съ Шмалькальденской войны начинаютъ сливаться съ вопросами политическими; сначала они идутъ параллельно, вліяя одинъ на другой, давая другъ другу своеобразную окраску; въ 30-ти-лѣтней же войнѣ они такъ тѣсно связаны, такъ слились, что являлись рѣшительно нерасторжимыми, одинъ безъ другаго немыслимыми, логически недопустимыми.

Торговый вопросъ, какъ мы выше указали, вступилъ также во вторую половину XVI столѣтія въ новый періодъ своего развитія; имѣя въ виду исключительно балтійскій вопросъ, слѣдуетъ помнить, что онъ постепенно становился вопросомъ общеевропейскимъ, вслѣдствіе того, главнымъ образомъ, что въ немъ должна была рѣшиться проблема, какія изъ молодыхъ сѣверныхъ государствъ въ состояніи будутъ вступить въ существовавшую тогда въ Европѣ государственную систему.

По отношенію къ балтійскому вопросу Европейскія государства раздѣлились на двѣ половины, изъ которыхъ одна желала разрѣшить его путемъ войны, другая путемъ мирныхъ переговоровъ. Верхъ одержала партія войны. Слѣдуетъ замѣтить, говоритъ Дройзенъ, что обѣ партіи взглянули односторонне на дѣло и невѣрно отнеслись къ вопросу. Партіи войны не удалось заинтересовать всѣ прибалтійскія государства, вовлечь ихъ въ войну; не сумѣла она и достаточно рѣзко выдвинуть принципіальную сторону вопроса, выдѣлить ее изъ множества вопросовъ чисто личнаго характера. Политика Швеціи, напримѣръ, не достигла тогда еще тѣхъ широкихъ размѣровъ, при которыхъ она была бы въ состояніи дѣйствовать самостоятельно и рѣшительно и привести въ исполненіе свои планы о балтійскомъ господствѣ.

Вторая партія, партія мира, къ которой слѣдуетъ отнести прежде всего Саксонію, Нидерланды и мелкихъ нѣмецкихъ государей, относилась къ балтійскому вопросу съ чисто-внѣшней стороны, не признавала за нимъ никакой принципіальной важности и отвергала необходимость борьбы изъ-за него.

Чтобы опредѣлить, на чьей изъ двухъ сторонъ была историческая правда, необходимо будетъ вспомнить, что вопросъ о господствѣ на Балтійскомъ морѣ, какъ въ XV столѣтіи, когда факторами борьбы были датскіе короли и ганзейскіе города, такъ и въ XVI, когда претендентами на господство являются Швеція, Данія, Россія и Польша, всегда по самой природѣ сѣверныхъ государствъ являлся вопросомъ ихъ силы и могущества, жизненнымъ вопросомъ ихъ. Рѣшеніе его могло быть достигнуто только войною; но вслѣдствіе того, что рѣшеніе его слишкомъ глубоко затрогивало и другіе разнообразные вопросы, понятными становятся и попытки къ мирному разрѣшенію его. Такъ, въ интересахъ европейскихъ государей, нѣмецкихъ въ особенности, было тщательно наблюдать за ходомъ борьбы между балтійскими державами, такъ какъ балтійскій вопросъ, повторяемъ, стоялъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ политическихъ, религіозныхъ и экономическихъ вопросовъ, волновавшихъ тогда Европу.

ГЛАВА I.

Скандинавскія государства послѣ Шпейерскаго мира.—Послѣдніе годы Христіана III.—Карлъ V и шмалькальденская война.—Густавъ-Ваза и его отношенія къ имперіи.—Вражда къ Даніи. — Три короны. — Политическая литература.—Война съ Россіей. — Переходъ скандинавскихъ престоловъ къ Фридриху II и Эрику XIV.—Эрикъ XIV.—Его личность и характеръ.—Параллель съ Грознымъ.—Перссонъ.—Арбогскій рейхстагъ.—Сигизмундъ II Августъ.—Іоаннъ Грозный.—Шлитте.—Англичане въ Бѣломъ морѣ.—Фридрихъ II, его личность и внутренняя политика.—Августъ Саксонскій.—Историческій очеркъ ливонскаго ордена до 1558 года.

Въ исторіи скандинавскаго сѣвера шпейерскій миръ 1544 года составляетъ рѣзкій поворотный пунктъ какъ во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ, такъ и въ отношеніяхъ ихъ къ иноземнымъ державамъ [1]). Съ этихъ поръ начинается внутреннее развитіе ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ они постепенно входятъ въ политическую систему европейскихъ государствъ. Краеугольнымъ вопросомъ во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ является балтійскій вопросъ. Этому вопросу суждено было разрѣшиться въ полувѣковой борьбѣ изъ-за Ливоніи, въ которой участниками кромѣ скандинавскихъ государей являлись Москва и Польша.

Намъ предстоитъ прежде всего разсмотрѣть состояніе обоихъ скандинавскихъ государствъ послѣ шпейерскаго мира, затѣмъ остановиться на самой общей характеристикѣ главныхъ участниковъ будущей борьбы и, наконецъ, прослѣдить вкратцѣ исторію Ливонскаго ордена до катастрофы, наступившей въ 1557 году.

Даніи, какъ протестантскому государству, предстояло прежде всего точнѣе опредѣлить свои отношенія ко внутренней борьбѣ, происходившей въ Германіи между князьями и императоромъ. Политика Христіана III была въ высшей степени осторожной; король внимательно

[1]) О шпейерскомъ мирѣ и значеніи его см. Г. *Форстенъ*, Борьба изъ за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI ст., стр. 285 и далѣе.

слѣдилъ за успѣхами Карла V въ Германіи и отъ своихъ агентовъ получалъ, между прочимъ, свѣдѣнія и о замышлявшихся противъ него планахъ со стороны Пфальца и Лотарингіи, родственныхъ Христіану II государствъ. Христіанъ всегда дѣлился всѣми своими свѣдѣніями съ Августомъ Саксонскимъ и вмѣстѣ съ нимъ обыкновенно обсуждалъ, какого образа дѣйствія слѣдуетъ держаться въ томъ или другомъ случаѣ. На Христіана возлагали надежды какъ протестанты, такъ и католики. Борьба ихъ не могла быть желательной для Даніи въ виду миролюбивой политики ея короля, и Христіану III было въ высшей степени важно стать въ такія отношенія съ протестантскими князьями и Валуа съ одной стороны, католиками и Карломъ V—съ другой, чтобы не возбудить противъ себя ни тѣхъ, ни другихъ. Вовлечь Данію въ новую войну значило бы окончательно погубить ее; къ Христіану III обращались за помощью обѣ воевавшія стороны и необходимо было все его дипломатическое умѣніе, вся его стойкость, чтобы не поддаться соблазнительнымъ предложеніямъ Карла, Морица и Генриха II [1]).

Важнѣе всего было установить отношенія къ Карлу V. Шпейерскій трактатъ 1544 года касался лишь отношеній Даніи къ Нидерландамъ и устранялъ на будущее время всякія династическія притязанія на Данію со стороны Габсбурговъ. Въ силу этого трактата, обозначающаго собою новую эру во взаимныхъ отношеніяхъ Даніи и Нидерландъ, подданные Карла и Христіана III могли свободно торговать въ владѣніяхъ другъ друга, при чемъ Нидерланды обязывались уплачивать въ Зундѣ „обычную подать“ [2]). Это послѣднее выраженіе дало поводъ къ самымъ различнымъ толкованіямъ. Датскіе короли, опираясь на свое королевское право, понимали подъ „gewonlijcken tollen“ транзитную пошлину, какую они назначатъ; со стороны же Нидерландъ высказывалось требованіе, чтобы эта пошлина въ количественномъ отношеніи не превышала той суммы, какая существовала при заключеніи Шпейерскаго мира. Въ продолженіе всей второй половины XVI столѣтія нидерландцы дѣлали попытки возвратиться къ status quo 1544 г. Уже чрезъ пять лѣтъ послѣ Шпейерскаго мира со стороны Нидерландъ стали раздаваться жалобы на повышеніе Зундской пошлины, но онѣ мало помогали дѣлу.

---

[1]) Вопросъ объ участіи Даніи и Ганзейскихъ городовъ въ Шмалькальденской войнѣ еще совсѣмъ не разработанъ, хотя матеріалъ для этого вопроса довольно обширенъ. Ср. A. v. *Druffel*, Briefe und Acten zur Geschichte des XVI Jahrh. I.

[2]) *Kernkamp*, De Sleutels van de Sond, 15.

Датскіе короли всегда находили какое нибудь оправданіе къ самовольнымъ повышеніямъ пошлинъ въ Зундѣ: то они ссылались на войну съ Швеціей, то на необходимость укрѣпить тотъ или другой городъ, построить флотъ, расширить гавань. Изъ за этого возникали оживленныя сношенія Копенгагена и Брюсселя, которыя однако не имѣли политическаго характера. Когда же началась шмалькальденская война, Карлъ V вполнѣ расчитывалъ на содѣйствіе Христіана III. Отказаться прямо король не желалъ; его звали въ свой лагерь и протестанты, и французскій король. Рѣшившись въ этой общеевропейской борьбѣ нѣмецкихъ князей и Франціи противъ габсбургскаго дома держаться строгаго нейтралитета, онъ не порывалъ сношеній ни съ той, ни съ другой стороной. Въ началѣ борьбы успѣхъ, казалось, будетъ обезпеченъ за Карломъ V. Власть германскихъ императоровъ никогда не основывалась на такомъ прочномъ фундаментѣ, какъ власть Карла въ 1547 году. Карлъ былъ неограниченнымъ, всесильнымъ монархомъ; въ полномъ сознаніи своего величія, своей силы и всемогущества, онъ безъ ограниченія пользовался имъ и не щадилъ ни князей, ни народовъ, возникалъ ли вопросъ о религіи или о политикѣ—безразлично. По всей Германіи онъ возилъ съ собою двухъ плѣненныхъ имъ первыхъ князей Германіи, твердаго и непоколебимаго въ своей религіи курфюрста Саксонскаго Іоанна Фридриха и глубоко униженнаго Филиппа Гессенскаго. Карлъ наводилъ страхъ и на другихъ князей, всѣмъ непокорнымъ онъ грозилъ открытою силою; испытанныхъ старыхъ воиновъ, осмѣлившихся поднять противъ него оружіе, онъ наказывалъ имперскою опалою, изгнаніемъ изъ отечества. Имѣя въ своихъ рукахъ жизнь своихъ подданныхъ, Карлъ V стремился подавлять въ нихъ и свободу мысли и вѣры; его подданные, такъ думалось этому императору-космополиту, должны были и мыслить и вѣровать не иначе, чѣмъ предписывали имъ императорскіе указы. На рейхстагѣ 1547 года императоръ, желая обойдти римскую курію и сосредоточить въ собственныхъ рукахъ весь церковный вопросъ, заставилъ присутствовавшихъ принять религіозную норму, придуманную имъ самимъ и извѣстную подъ именемъ Jnterim'а; здѣсь императоръ самъ постановлялъ, что̀ сохранить въ дѣлахъ вѣры и что̀ откинуть. Ожидая сильной оппозиціи, Карлъ на томъ же рейхстагѣ издалъ строгій указъ относительно печати, свобода которой уничтожалась; ни одно сочиненіе богословскаго характера не могло выйдти изъ печати, не пройдя черезъ цензуру высшаго духовенства, ни одно сочиненіе свѣтскаго характера, не будучи разсмотрѣно предварительно въ такъ

называемой свѣтской цензурѣ. Каждое сочиненіе, однимъ словомъ, въ силу постановленія рейхстага 1547 года, должно было предварительно быть „besichtigt, approbirt und zugelassen“. Всѣ князья, во владѣніяхъ которыхъ были типографіи, должны были строго слѣдить за тѣмъ, чтобы въ печати не прошло чего либо оскорбительнаго для императорской власти. Если же уже успѣли появиться въ печати такого рода книжки, брошюры и т. д., то слѣдуетъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы ихъ нельзя было пріобрѣтать. Каждый, кто не повинуется буквѣ императорскаго указа, подвергается со стороны императорскаго фискала строгому наказанію. На томъ же рейхстагѣ 1547 года Карлъ запретилъ, наконецъ, безъ его разрѣшенія, носить оружіе и поступать на военную службу.

Обращаясь къ политикѣ Карла V въ это время, слѣдуетъ помнить, что она была совершенно не національна, а потому и не состоятельна. Его комбинаціи всегда были самыя обширныя, охватывали и западъ, и востокъ, и церковь, и государство, дѣла италіанскія, нѣмецкія и сѣверныя. Онъ твердо и неуклонно шелъ къ своей несбыточной цѣли; князьямъ, говоритъ одинъ нѣмецкій историкъ, на первыхъ порахъ и въ голову не приходило, что императоръ имѣетъ въ виду поступить съ ними такъ же, какъ въ баснѣ дѣйствовала лисица, пожиравшая одну курицу и игравшая одновременно съ другой. Карлу удалось вооружить князей противъ князей, евангелическихъ сторонниковъ противъ евангелическихъ же. Въ выборѣ средствъ Карлъ выказалъ всю свою недальновидность и „оказался болѣе мелкимъ и ничтожнымъ, чѣмъ допускало его циническое презрѣніе къ людямъ“. Онъ не спрашивалъ, откуда къ нему шли доходы, изъ церквей ли или его богемскихъ и бургундскихъ ленныхъ владѣній, изъ имперской ли камеры юстиціи или путемъ новыхъ налоговъ. Успѣхи Карла V и въ Европѣ, и въ Германіи были очень значительны. Императорство основывалось на такомъ территоріальномъ могуществѣ, какого оно не имѣло даже при Гогенштауфенахъ. Кромѣ австрійско-габсбургскихъ земель, то-есть, нынѣшней Австріи, сѣверо-восточной Швейцаріи, нынѣшняго Эльзаса, Венгріи и Чехіи, Карлъ владѣлъ и бургундскими землями, другими словами теченіемъ Нижняго Рейна, Мааса, Мозеля, Шельды, Соны и Руры; кромѣ того—Испаніей и Миланомъ, а въ перспективѣ и Португаліей, Сициліей и Неаполемъ и богатыми новооткрытыми землями въ Америкѣ.

Въ Шмалькальденской войнѣ Карлу оставалось одержать еще одну послѣднюю побѣду, но и самую трудную—„убить національный духъ

нѣмцевъ и наложить на него испанско-австрійскую печать". Положивъ временный предѣлъ церковной и территоріальной раздробленности націи, Карлъ сдѣлалъ это цѣною ея церковной и политической самостоятельности, самобытности, цѣною ея національнаго существованія.

Торжество Карла V продолжалось не долго; противъ его средневѣковыхъ тенденцій поднялась оппозиція князей и городовъ. Началась междоусобная война императора и его подданныхъ. Къ сожалѣнію, и среди князей и городовъ не было полнаго согласія, хотя, по свидѣтельству наблюдательнаго венеціанскаго посла, всѣ ненавидѣли императора; пришлось обратиться къ иноземной помощи, къ помощи Франціи. Франція, эта давнишняя соперница соединенной Австро-Испаніи, рада была каждому случаю, когда только можно было разстроить планы Карла V. Ей всего нежелательнѣе былъ обще-германскій миръ и она слѣдила за каждымъ движеніемъ сосѣда, чтобы только имѣть возможность раздвинуть свою сѣверо-восточную границу. Мѣсто Франсуа I занялъ сынъ его Генрихъ II. О немъ одинъ современникъ мѣтко выразился, что какъ левъ пожираетъ свою добычу, такъ короля пожирали четыре человѣка, герцогъ Гизъ, конетабль Франціи, съ своею партіей, герцогиня Валентинуа и маршалъ Saint André. Какъ политикъ, Генрихъ II, щедро раздававшій всѣмъ аристократамъ, желавшимъ служить ему, пенсіи и богатые дары, устроивавшій при своемъ дворѣ всевозможныя торжества, ради которыхъ приходилось прибѣгать къ самымъ тяжкимъ налогамъ на предметы крайней необходимости, напримѣръ, на соль, какъ политикъ Генрихъ II былъ гораздо непослѣдовательнѣе своего отца, и всѣ его начинанія противъ Карла V, а затѣмъ и противъ Филиппа II, окончились полнымъ пораженіемъ.

Карлъ V, принявшій вызовъ Шмалькальденцевъ, всего болѣе опасался, какъ бы къ нимъ не пристали сѣверныя государства, Данія и Швеція. Онъ предвидѣлъ, что Франція обратится къ нимъ и свои опасенія относительно французско-датскаго союза высказалъ въ письмѣ къ Маріи еще въ ноябрѣ 1546 года. Онъ просилъ свою сестру немедленно отправить тайнаго агента вь Данію, который бы тамъ слѣдилъ за переговорами съ Копенгагенскимъ дворомъ французскаго посла Ришера. Опасенія Карла были не безосновательны: въ миссіи Ришера заключался пунктъ о привлеченіи Даніи къ союзу противъ Габсбургскаго дома. До Карла доходили также слухи о помощи, доставляемой будто бы Христіаномъ III Магдебургу и о переговорахъ, начавших-

ся между Даніей и Ганзейскими городами съ Морицемъ Саксонскимъ [1]).

Марія не раздѣляла опасеній Карла V и въ письмѣ къ Гранвеллѣ (22-го января 1552 г.) выражала увѣренность въ мирномъ настроеніи Христіана III.

Все, что агенты Карла V доносили ему о желаніи Франціи и нѣмецкихъ князей склонить на свою сторону Христіана III, было совершенно вѣрно. Изъ князей Вильгельмъ Нассаускій и Морицъ Саксонскій не переставали склонять „христіаннѣйшаго короля сѣвера" къ активному участію въ войнѣ съ императоромъ [2]). Курфюрстъ Пфальцскій лучше другихъ понималъ политику осторожнаго Христіана и предупреждалъ остальныхъ князей, чтобы они не увлекались надеждою на союзъ съ нимъ, такъ какъ онъ одновременно пересылается и съ императоромъ, и съ братомъ его королемъ Фердинандомъ, и, какъ говорятъ, доставляетъ Карлу наемныхъ кнехтовъ.

Предупрежденіе курфюрста Пфальцскаго было справедливо только отчасти. Что Христіанъ не питалъ особенныхъ симпатій къ Габсбургамъ, не подлежитъ сомнѣнію; помощи имъ онъ никогда не оказывалъ; по крайней мѣрѣ, кромѣ голословнаго показанія курфюрста Пфальцскаго, въ пользу этого нѣтъ никакихъ данныхъ. Христіанъ III и Карлъ V слѣдили другъ за другомъ, будучи совершенно неувѣрены во взаимномъ расположеніи. Карлу Іоахимъ Бранденбургскій сообщалъ о переговорахъ, завязавшихся между датскимъ королемъ и протестантскими князьями; Карла сильно безпокоила тѣсная дружба, завязавшаяся между Саксоніей съ Даніей.

Разнорѣчивые отзывы о Христіанѣ III и его отношеніяхъ къ Шмалькальденской войнѣ вполнѣ понятны; такъ всегда бываетъ съ нейтральной стороной, ей никто вполнѣ не довѣряетъ. Вотъ какъ высказался датскій король о германской войнѣ въ переговорахъ съ Ришеромъ: не склоняясь ни на одну изъ воюющихъ сторонъ, онъ, король, желалъ бы по возможности продлить эту войну, поддерживая ее секретно [3]). Къ императору онъ не можетъ питать никакого довѣрія въ виду его интригъ противъ Даніи въ союзѣ съ Пфальцемъ и Ольденбургомъ. Относительно протестантовъ король сказалъ, что

---

[1]) Ср. *Druffel*, Briefe und Acten zur Gesch. des XVI Jahrh. I, 26; тоже 661 и далѣе.

[2]) *Druffel*, II, 246.

[3]) La nourrissant et entretenant secretement. Lempereur et les protestans se nuirent et ruynent par cette guerre.

давно уже убѣдился въ ихъ неблагодарности и неблагонадежности. Ришеръ указалъ королю, что императоръ на столько обезсилится въ настоящей войнѣ, что опасаться его плановъ нечего; король возражалъ ему, что порывать съ императоромъ и князьями онъ находитъ не политичнымъ, но былъ бы готовъ тайно переговариваться съ каждой изъ сторонъ, дѣлая видъ, что сочувствуетъ имъ. Французскій дипломатъ, желая вовлечь Христіана въ нѣмецкую войну, вѣрно замѣтилъ, что въ настоящей борьбѣ дѣло вовсе не идетъ о религіи, а о паденіи императорской или княжеской власти; выгоднѣе ослаблять своихъ враговъ вдали отъ своего государства и скрытнымъ дипломатическимъ путемъ поднимать однихъ противъ другихъ, нежели вести съ ними открытую войну, требующую большихъ жертвъ. Убѣжденія Ришера не дѣйствовали на Христіана III; онъ напрасно указывалъ ему на готовность Франціи помочь общему дѣлу протестантовъ. Своему правительству онъ доносилъ о безплодныхъ переговорахъ съ датскимъ королемъ; какъ ни заманчиво казалось Франціи отодвинуть театръ войны дальше на сѣверъ отъ французской границы, но это ей не удалось. Заключительныя слова въ донесеніи Ришера были ударомъ для дипломатическихъ расчетовъ Франціи: Датскій король думаетъ исключительно о своихъ домашнихъ, внутреннихъ дѣлахъ и развѣ только секретно вмѣшается въ раздоры князей и императора [1]).

---

[1]) Bibl. Nationale. Fonds français, № 17959. Discours dressé par le sieur Richer concernant le faict de sa negotiation en Dannemark et signaument. l'Estat des affaires de l' Allemaigne. ... Et pour autant que vous vous pourrez esmerveiller de ce que en cette guerre dallemaigne il (Xp. III) nadhere ne aux protestans ne a lempereur, il veut bien que vous scachiez que quand a lempereur il ne se fie avcunement en luy pour les tours et finesses dont l'on a veu quil a par cy devant usé tant envers luy que envers vous et autres, et quand aux protestans il se donne garde deux autant quil luy est possible les ayant ja par plusieurs fois essayez et surpris en ingratitude et decepuance. Il n'est icy question de la Religion ains de la ruine de lempereur ou deux (протестантовъ), et quil vous est plus aisé et meilleurs de faire battre vostre ennemy par autruy loin de vous et de vostre pays avec peu somme de deniers que de sefforcer de le battre vous mesmes en vottre pays avec la foulle et oppression de vostre peuple, mort et occision de vos gens et linexplicable valeur et despens que scauez que vous avez accoustoumé de supporter et soustenir en vos guerres... Il me semble aussy que pour faire en sorte que ne soyez meslé en cette patinastre et néanmoins vos besongnes se fassent il sera bon de faire jouer ce personnage par le Roy de Dannemark auquel poures escrire quil conforte lesd. protestans enuers lesquels il peut beaucoup et que la fortune leur estant contraire, et si tel est son aduis vous

Чтобы обезпечить себя со стороны германскаго императора, Христіанъ III думалъ соединиться брачнымъ союзомъ съ Австрійскимъ домомъ; онъ имѣлъ въ виду женить своего старшаго сына Фридриха на Элеонорѣ Австрійской. На этотъ шагъ онъ рѣшился съ согласія и одобренія своего вѣрнаго союзника и друга Августа Саксонскаго. 1-го ноября 1553 года Христіанъ впервые сообщилъ Августу о своемъ новомъ брачномъ проектѣ [1]); изъ его письма видно, что Фридрихъ и самъ желалъ этого брака. Августъ Саксонскій съ большимъ интересомъ отнесся къ проекту датскаго короля; ходили слухи о возможности избранія Августа въ римскіе короли; осуществленію этого

le secourriez volontiers de quelque somme dargent par main seconde comme par la sienne et de la sorte il sera tres jouyeux de le faire... Il vaut beaucoup mieux que Dannemark soit embrouillé et inuahy par hostilité que vre Royaume veu que Charité commence a soy mesme. Ledit Roy de Dannemark pense de ses affoires domestiques et ne se mesle sinon bien secretement du discord de l' Empereur et des protestans.

[1]) Дрезденскій архивъ, Das Ander Denische Buch, Darinnen vnter andern sachen zubefinden, was schreiben zwischen K. Christianen dem Dritten zu Denemarck, Churfursten Augusten zu Sachsen vnnd sonsten, wegen einer Heyrat, so mit des Römischen Königs Ferdinandi Tochter eine und dem neuen erweltem Könige zu Denemark Herrn Friderichen dem Andern, vorgewesen, entlichen aber wegen der wiederwerttigen Religion ersitzen blieben, gewechselt worden, nach inhalt der dobeij gehafften Registratur vonn dem 1553 bis vf das 1556 Jhar". Въ письмѣ отъ 1-го ноября 1553 года, Кольдингъ, Христіанъ говоритъ: Das wir vns mitt dem hauss osterreich, so es der Allmechtige vorsehen, nichtt ungeneigtt zubefreunden... Wir befindenn auch das vnser freuntlicher gelieptter sohn, zu diser freunthschafft, neigung tregtt, und sonderlich soll Rom. K. Mat. (wie berichtt wirdtt) ein freulein habenn Leonora genantt, zu derenn vnser gelieptter sohn nichtt vngeneigtt, so vhm dasselb freulein handlung woltt vhorstadt werdenn, vnd das auch hochgedachtes freuleins gelegencheitt, vorstandtt, gestaltt, vnnd leijbs gesuntheitt dermassen das darumb radsam zufurthern. Далѣе любопытно письмо Фердинанда Карловицу, Вѣна, 5-го ноября 1553 года. 20-го марта 1555 года Августъ писалъ Христіану: Nun haben wir diese sache durch vertraute personen sonderlich jüngst da der Ertzhertzog Ferdinand bej vns zu Dresden gewesen von weittem doch alles ohne verletzung Ewer K. M. oder auch jres geliebten Sohns Reputation regen lassen vnd soviell mir damals tuglich gekant selbst tzum werck befurdern helffenn. Wir haben aber allweg vermerckt, das man auff des Rom. Königs teill gar wohl darzu genaigt allein das sie von weg vngleicheit der Religion beiderseits bedencken getragen. Отмѣтимъ еще инструкцію Фердинанда его посламъ въ этомъ дѣлѣ отъ 21-го февраля 1555 года, гдѣ говорится: Das jrer Mai. Tochter vnser lieb Fraw Schwester bej jrer Religion gants vnuerhindert unbetrubt vnnd vnbedrangt solte gelassenn werdenn"—и письмо Фердинанда Августу 9-го сентября, Paidbrod.

много способствовало бы родство Габсбургскаго дома съ Даніей [1]). Августъ воспользовался пребываніемъ Фердинанда въ Дрезденѣ и узналъ отъ него, что осуществленію брачнаго союза препятствуетъ вѣроисповѣдное различіе; императоръ требовалъ, чтобы за его дочерью сохранено было право безпрепятственно исповѣдывать католическую религію и желалъ, чтобы переговоры о бракѣ Фридриха съ Элеонорою велись прямо между Христіаномъ III и имъ, безъ всякаго посредничества другихъ князей.

Изъ нѣмецкихъ князей рѣшительнымъ противникомъ датско-габсбургскаго сближенія былъ курфюрстъ Пфальцскій, желавшій вооружить противъ Даніи всѣ приморскіе ганзейскіе города, которые и примкнули къ нему вмѣстѣ съ Швеціей, также не желавшей допустить этого сближенія [2]). На рейхстагѣ, гдѣ разсматривалось предложеніе Христіана, оно послужило предметомъ оживленныхъ преній.

Имѣются нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія, что двигателемъ всего датско-габсбургскаго брачнаго проекта былъ Максиміліанъ [3]); Фердинандъ же не сочувствовалъ ему, и, не смотря на то, что Христіанъ III соглашался сохранить за габсбургской принцессой ея религію и дать даже императору заложниковъ, планъ брачнаго союза не увѣнчался успѣхомъ. Какая была причина этого, мы въ источникахъ указаній не находимъ.

Отношенія Даніи къ Германской имперіи при Фердинандѣ нѣсколько осложнились въ виду стоявшаго тогда на очереди ливонскаго вопроса. Въ этомъ вопросѣ, какъ и во всей своей внѣшней политикѣ, Христіанъ III и сынъ его Фридрихъ II руководились совѣтами курфюрста Августа Саксонскаго.

Въ Августѣ Саксонскомъ (1553—1586) мы имѣемъ одного изъ наиболѣе выдающихся князей Германіи второй половины XVI ст. Основныя черты его характера рано обнаружились; это—тонкая разсчетливость, ловкость и практичность; съ свѣтлымъ организаторскимъ умомъ, онъ способенъ былъ обнять всякую дипломатическую „конъюнктуру", какъ бы сложна она ни была; онъ умѣлъ ясно представить ее и себѣ и другимъ. Ни одного политическаго вопроса онъ не рѣшалъ, не разсмотрѣвши его со всѣхъ сторонъ, не обсудивши всѣхъ мелкихъ побочныхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ нимъ и не выяс-

---

1) *Fiedler*, 198.

2) Ibid. 224. Ср. *Druffel*. Acten und Briefe zur Geschichte des XVI Jahr., II. 587.

3) *Fiedler*, 198: Le quale prattiche credono alcuni che siano state fatte con partecipatione de Massimiliano.

нивши себѣ ближайшихъ цѣлей и отдаленныхъ слѣдствій его. Прямоты и честности эрнестинцевъ не было и слѣда въ новомъ курфюрстѣ. Отличаясь тонкимъ политическимъ тактомъ, неукротимою волей и большою опытностью, дипломатъ-интриганъ, онъ въ высшей степени ловко и удачно маневрировалъ среди самыхъ разновидныхъ и трудныхъ обстоятельствъ, и не легко рѣшить вопросъ, ему ли или Морицу слѣдуетъ отдать первенство въ умѣньи достигать своихъ цѣлей самыми различными, не рѣдко и коварными путями. Августу не доставало смѣлости Морица и не въ его характерѣ было дѣйствовать открыто. Холодный умъ его не шелъ дальше расчетовъ и вычисленій; ни на что рѣшительное не отваживаясь, онъ за то ничего не забывалъ; имѣлъ своихъ тайныхъ агентовъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ, всегда зналъ, чего хотѣлъ, къ чему стремился и чего могъ навѣрно достигнуть. Религіозность Августа соотвѣтствовала остальнымъ чертамъ его натуры— жадной и эгоистичной; въ ней не было ни теплоты, ни воодушевленія; узкая и нетерпимая, она близко граничила съ фанатичностью. Ортодоксальный лютеранинъ, онъ ненавидѣлъ кальвинистовъ и скорѣе готовъ былъ на компромиссъ съ католиками. Лютеранская ортодоксальность Августа едва ли вытекала изъ искренняго убѣжденія, скорѣе всего она была результатомъ привычки и политическихъ соображеній; въ этомъ человѣкѣ все заглушалось передъ расчетомъ и выгодою. Не сильный въ догматическихъ деталяхъ, онъ не принималъ участія въ богословскихъ аспряхъ своего времени. Какъ организаторъ своего государства, Августъ не имѣлъ себѣ равнаго. Бережливостью и хозяйственностью онъ поднялъ финансы, улучшилъ земледѣліе и торговлю и славился какъ богатѣйшій князь Германіи. Венеціанскіе послы особенно останавливаются на послѣднемъ фактѣ, выдвигая Августа среди другихъ ему современныхъ князей. „Августъ“, говорятъ они, „богатѣйшій государь Германіи, онъ всегда можетъ выставить до 6000 конницы и 15000 пѣхоты“.

Въ домашней обстановкѣ Дрезденскаго двора царила строгая патріархальность; большимъ значеніемъ пользовалась курфюрстина Анна, дочь Христіана III и Доротеи Софіи Лауенбургской; враги съ насмѣшкою говорили о гинэкократіи при саксонскомъ дворѣ.

Такимъ образомъ и во внѣшней, и во внутренней политикѣ, въ дѣлахъ политическихъ и религіозныхъ, Мейсенскій князь исключительно только преслѣдовалъ свои личные интересы и выгоды, являясь совершенною противоположностью Фридриху III Пфальцскому. Принципъ его политики — постоянное и всегда удачное лавированіе среди различ-

ныхъ теченій, при чемъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ сохранялъ строго консервативный характеръ [1]).

Переходя отъ Даніи къ Швеціи, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить шаткія отношенія ея къ германской имперіи. Густавъ I, мнительность котораго съ годами принимала все болѣе широкіе размѣры, не могъ быть доволенъ тѣмъ, что его совершенно обошли въ шпейерскомъ трактатѣ. Въ этомъ онъ усматривалъ уже нѣкоторую враждебность къ себѣ какъ со стороны Карла V, такъ и со стороны Даніи, и въ 1550 году рѣшился наконецъ отправить своихъ пословъ въ Брюссель, чтобы тамъ въ переговорахъ съ Карломъ выяснить свои къ нему отношенія. Карлъ V далъ посламъ Густава благопріятный отвѣтъ, но до письменнаго, формальнаго договора дѣло не дошло, какъ это ошибочно предполагалось до новѣйшаго времени [2]). Брюссельскіе переговоры привели лишь къ гарантіи свободной торговли и безпрепятственныхъ сношеній между подданными обоихъ государствъ. Въ 1551 году въ Аугсбургѣ возникли новыя дипломатическія сношенія между шведскими уполномоченными и совѣтниками Карла V; результатомъ этихъ переговоровъ былъ черновой набросокъ трактата между Швеціей и Нидерландами, который однако ратификованъ не былъ. Осенью 1551 года Густавъ обратился къ Карлу V съ письмомъ, въ которомъ выражалъ желаніе поддержать дружескія отношенія къ Имперіи; въ этомъ же письмѣ онъ просилъ императора не придавать вѣры жалобамъ на него ганзейскихъ городовъ и Любека въ особенности; жалобы эти, писалъ король, вымышлены и заключаютъ въ себѣ оскорбленіе и обиды для Швеціи; онъ проситъ императора взыскать за такую клевету съ Любекскаго рата и на будущее время не принимать таковыхъ, ибо цѣль Любека направлена лишь къ тому, чтобы нарушить добрыя отношенія, существующія между Швеціей и Нидерландами [3]).

Какъ только миновала опасность со стороны Карла V, все вниманіе Густава было обращено на Данію. Традиціонная непріязнь двухъ народовъ, не сдерживаемая болѣе опасеніемъ внѣшнихъ враговъ,

---

[1]) Ср. *Droysen*. Das Zeitalter des 30-jährigen Krieges. 1880, I, 47—48, 84. *Fiedler*, Relationen der Venet. Botsch. 185. Ср. Papiers d'Etat de Granvelle, VII, 405. *Languet-passim*. *Waddington*,—La France et les protestants Allemands sous Charles IX et Henri III. Rev. Hist. 1890. Dr. K. von *Weber*, Anna Churfürstin zu Sachsen, Leipz. 1865 p. 378. Joh. *Falke*, Die Geschichte des Kurfürsten August von Sachsen in volkswirthschaftlicher Beziehung. Leipz. 1868.

[2]) Ср. *Rydberg*, Traités de Suède, 460. *Tegel*, 283 и далѣе.

[3]) *Tegel*, 285.

не замедлила проявиться, и если она при Густавѣ и Христіанѣ III не перешла въ открытую борьбу, то единственно только потому, что оба государства утомились и какъ Густавъ, такъ и Христіанъ, послѣ продолжительныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ обратили свое вниманіе на внутреннія преобразованія и реформы. Между тѣмъ горючій матеріалъ все накапливался, и стоило молодымъ, энергическимъ королямъ занять скандинавскіе престолы, какъ столкновеніе между ними сдѣлалось неминуемымъ.

Отъ 1545 года сохранилось письмо Густава Вазы къ начальнику Кальмара, Стенъ Эриксону Лейонгувудъ, въ которомъ рельефно обнаруживается все недовѣріе Густава къ датчанамъ. „Совѣтуемъ тебѣ и убѣждаемъ, говорится въ этомъ письмѣ, не довѣряться датчанамъ и ихъ сладкимъ рѣчамъ; конечная цѣль ихъ интригъ и льстивыхъ пріемовъ—погубить насъ шведовъ“. Съ этого времени Густавъ начинаетъ заботиться исключительно о томъ, чтобы всегда имѣть на готовѣ для борьбы съ Даніей значительныя военныя силы [1]). Такъ въ 1553 году онъ назначаетъ смотръ всѣмъ своимъ войскамъ. сухопутнымъ и морскимъ, для чего въ каждую область отправляетъ по нѣсколько довѣренныхъ и компетентныхъ лицъ; король потребовалъ также и отъ штатгальтера Финляндіи, чтобы тотъ ему представилъ перечень всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ этой провинціи [2]). Въ 1549 году опасенія со стороны Даніи еще увеличились, такъ какъ пронесся слухъ о женитьбѣ Адольфа Голштинскаго на вдовствующей герцогинѣ Лотарингской, дочери Христіана II, и о его намѣреніяхъ возвратить наслѣдницѣ Христіана II ея права на Швецію. Эльфсборгскій съѣздъ [3]), созванный для улаженія различныхъ недоразумѣній между двумя сосѣдними государствами, не привелъ ни къ какимъ результатамъ и является лучшей иллюстраціей вражды и недоброжелательства другъ къ другу шведовъ и датчанъ. Съ обѣихъ сторонъ раздавались обвиненія въ нарушеніи добрыхъ отношеній; шведскіе коммисары выставили цѣлый обвинительный актъ противъ датскаго правительства, въ которомъ все сосредоточивалось около личности Дакке [4]), которому будто бы втайнѣ помогали датчане. Датскіе коммисары уклонялись отъ прямаго рѣшительнаго отвѣта, говорятъ шведскіе хроникеры, и

---

[1]) *Tegel*, 279.
[2]) Ibidem, 274.
[3]) О немъ *Tegel*, *Girs*, *Celsius* и др. историки.
[4]) О немъ—*Г. В. Форстенъ*, Борьба изъ за господства на Балтійскомъ морѣ.

просили отпуска домой. Въ Эльфсборгѣ не пришли ни къ какому соглашенію и рѣшили въ ближайшемъ будущемъ снова съѣхаться для улаженія спорныхъ вопросовъ, до новаго же съѣзда не поднимать споровъ изъ за границъ, не судиться изъ за частныхъ лицъ и случаевъ, и все отложить до будущаго съѣзда.

Густавъ остался недоволенъ дѣйствіями своихъ уполномоченныхъ въ Эльфсборгѣ, находилъ, что они сдѣлали слишкомъ много уступокъ датчанамъ и снова повторялъ, что цѣль датчанъ давно опредѣлилась и состоитъ въ томъ, чтобы сначала поднять междоусобія среди самихъ шведовъ, а затѣмъ уже поссорить ихъ съ любчанами; принявъ ту или другую сторону, смотря по обстоятельствамъ, они желаютъ поработить и тѣхъ и другихъ. Ганзейцы, заодно съ датчанами, желали бы ослабить шведовъ и сдѣлать ихъ своими служителями, какъ было въ періодъ уніи. „Въ виду такого настроенія къ намъ датчанъ и ганзейцевъ, сказалъ король, намъ необходимо быть на сторожѣ, дабы не стать жертвою ихъ козней и всегда быть въ состояніи предупредить всѣ ихъ вредныя практики".

Взаимныя отношенія Швеціи и Даніи вскорѣ ухудшились еще въ виду вопроса о трехъ коронахъ. Съ 1363 года шведское правительство помѣстило въ своемъ гербѣ изображеніе трехъ коронъ. Съ 1523 года къ нимъ присоединили и изображеніе льва, служившаго гербомъ Готаландіи. Такъ какъ Шведское королевство было двусоставное,—возникло изъ соединенія Свеаланда съ Готаландіей,—то и Шведскій гербъ сталъ двусоставнымъ, то-есть рядомъ съ тремя коронами помѣщался левъ. Датскій гербъ представлялъ трехъ леопардовъ съ коронами и изображеніями сердецъ. Со времени уніи короли направо отъ датскаго герба помѣщали шведскій, а налѣво норвежскій левъ съ топоромъ. Вопросъ „о трехъ коронахъ" возникъ впервые въ 1544 году, послѣ Вестероскаго рейхстага. Шведскіе источники говорятъ, что когда вѣсть о провозглашеніи наслѣдственности шведской короны въ домѣ Вазы дошла до датчанъ, то они настояли у Христіана III на томъ, чтобы онъ, какъ прежніе уніатскіе короли, носилъ въ своемъ гербѣ и три короны Швеціи и не видоизмѣнялъ датскаго герба. Въ 1555 году Густавъ узналъ, что Христіанъ III, выдавая свою дочь за Августа Саксонскаго, велѣлъ на щитѣ, украшавшемъ ея карету, изобразить не только датскій и норвежскій, но и шведскій гербъ „три короны"; при всѣхъ остановкахъ до самаго Торгау, гдѣ была отпразднована свадьба Августа и Анны, выставлялся этотъ уніатскій гербъ; его изображали на картинахъ, зданіяхъ

и пр. Наконецъ, съ 1557 года Христіанъ прибѣгъ еще къ одному нововведенію, рѣшительно поднявшему противъ него сосѣдняго короля: онъ видоизмѣнилъ уніатскій гербъ и три короны помѣстилъ подъ датскими леопардами. Спустя нѣсколько лѣтъ Фридрихъ II и Христіанъ III въ своей королевской печати, рядомъ съ датскимъ и норвежскимъ гербами, помѣстили и шведскій. Этотъ, повидимому, пустой фактъ о трехъ коронахъ, сдѣлался фактомъ историческимъ во взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу двухъ сосѣднихъ державъ и послужилъ поводомъ къ цѣлому ряду недоразумѣній, а впослѣдствіи и кровопролитной войны между ними. Густавъ Ваза усматривалъ въ этомъ прямое посягательство на его корону; датскіе короли, думалъ онъ, — и не безъ основанія, — не забыли еще своихъ традиціонныхъ притязаній на кальмарскую унію и при сколько-нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ не прочь возобновить эти притязанія, что грозило еще не вполнѣ упрочившейся самостоятельности Швеціи. Свое безпокойство на счетъ трехъ коронъ Густавъ Ваза обнаруживалъ въ цѣломъ рядѣ писемъ къ своимъ фохтамъ и совѣтникамъ: то онъ отдавалъ приказанія о наборѣ войскъ, то готовился воздвигнуть новыя крѣпости на границѣ Галланда. Война съ Россіей на время отвлекла вниманіе Густава отъ южнаго сосѣда, но по окончаніи ея взаимное недовѣріе Швеціи и Даніи обнаружилось въ гораздо бóльшей степени. Получая письма отъ Христіана III, Густавъ съ горечью замѣчалъ, что этотъ миролюбивый король въ своей печати помѣщаетъ три короны шведскаго герба подъ датскимъ и норвежскимъ, тогда какъ даже Христіанъ II, послѣдній уніатскій король, всегда ставилъ шведскій гербъ рядомъ съ датскимъ. Въ письмѣ къ Христіану III онъ указывалъ ему на это и укорялъ его въ желаніи вовлечь Швецію въ новую войну; онъ выставлялъ предъ Христіаномъ всѣ заслуги Швеціи въ борьбѣ его и отца его съ Христіаномъ II и Любекомъ; ради этихъ услугъ король не долженъ былъ бы оскорблять достоинство шведской короны; но все было напрасно: удовлетворенія Густавъ не могъ добиться, хотя уже и открыто протестовалъ противъ дѣйствій датскаго правительства. — Когда мѣсто миролюбиваго Христіана занялъ пылкій и воинственный сынъ его Фридрихъ, о враждѣ и ненависти котораго къ шведамъ было извѣстно, когда еще онъ былъ наслѣдникомъ датскаго престола, то Густавъ уже ни одного дня не могъ быть спокойнымъ. Въ Вадстенѣ онъ созвалъ совѣтъ, и здѣсь рѣшили дѣятельно готовиться къ войнѣ; всѣ нашли необходимымъ возстановить крѣпости, вооружить флотъ, собрать всѣ

военныя силы, стянувши ихъ съ востока въ Вестерготландъ и Смоландъ; назначены были особые сборные пункты для войскъ.

Густавъ Ваза вселилъ и въ дѣтяхъ своихъ то сильное недовѣріе къ датчанамъ, которое самъ онъ съ дѣтства питалъ къ нимъ; къ концу жизни знаменитаго короля это чувство возросло до своего апогея, и нуженъ былъ самый незначительный поводъ, чтобы вызвать окончательный разрывъ съ сосѣднею державой.

Въ концѣ своего царствованія старый король прибѣгнулъ и къ литературному оружію противъ Даніи. Нужно замѣтить, что полемическія сочиненія, выходившія тогда въ свѣтъ и быстро распространявшіяся по всему Скандинавскому сѣверу, въ значительной степени способствовали обостренію взаимныхъ отношеній Даніи и Швеціи. Еще со времени Христіана II и Фридриха I исторія стала орудіемъ политики и дипломатіи. Одни и тѣ же событія, освѣщенныя съ различныхъ политическихъ точекъ зрѣнія, вызывали совершенно противоположныя историческія толкованія. Одни авторы нападали, другіе отражали нападенія. Никто не желалъ обнаруживать своихъ слабыхъ сторонъ и всѣ старались только о томъ, какъ бы сильнѣе очернить противника. О безпристрастности въ историческихъ трудахъ разбираемаго времени не можетъ быть и рѣчи, и они имѣютъ значеніе лишь на столько, на сколько знакомятъ насъ съ настроеніемъ общества, съ его политическими страстями и интригами. Въ 1555 году въ Даніи вышло новое изданіе Датской риѳмованной хроники; оно быстро распространилось, между прочимъ, и въ Швеціи, гдѣ возбудило сильное неудовольствіе Густава Вазы. Онъ не зналъ, что хроника произведеніе средневѣковое, что дѣло шло лишь о новомъ изданіи давно извѣстнаго произведенія; въ изложеніи событій уніатской эпохи король усмотрѣлъ прямую насмѣшку надъ Швеціей и рѣшилъ тогда же отплатить Даніи тою же „литературною“ монетою. Въ 1558 году онъ велѣлъ издать нѣсколько отрывковъ Датской хроники отъ временъ Вальдемара и рядомъ поясненія, отвѣты на эти мѣста. Свое предпріятіе король оправдывалъ тѣмъ положеніемъ, что тотъ, кто молчитъ, очевидно соглашается. Поясненія или вѣрнѣе національная самозащита написана въ самомъ рѣшительномъ тонѣ, не обходится по мѣстамъ и безъ прямыхъ ругательствъ. Авторомъ бо̀льшей части этой „отвѣтной“ хроники былъ самъ Густавъ.

Въ Даніи быстро разнеслась вѣсть о появленіи въ печати шведской риѳмованной хроники; ее перевели даже на датскій языкъ, чтобы

сдѣлать достояніемъ всѣхъ датчанъ, и не преминули составить на нее отвѣтъ [1]).

Этимъ литературная война не окончилась: въ 1554 году въ Римѣ вышла хроника готовъ и свеевъ Іоанна Магнуса Гота, архіепископа Упсальскаго, служившая долгое время предметомъ раздоровъ между обоими сосѣдними народами. Хроника Гота составлена весьма интересно, стиль ея отличается живостью и плавностью, такъ что авторъ могъ расчитывать на значительный успѣхъ ея среди читающей и интересующейся части общества. Въ Даніи эту хронику встрѣтили съ большимъ неодобреніемъ въ виду враждебности, какою проникнуты были всѣ мѣста ея, касающіяся Даніи. Отъ вниманія датчанъ не укрылось и то, что Густавъ Ваза въ своей риѳмованной хроникѣ пользовался Іоанномъ Готомъ и положилъ его въ основаніе всего трактата о Даніи и ея отношеніяхъ къ шведамъ. Христіанъ III и его совѣтникъ Фризъ рѣшили отвѣтить на хронику Гота и автора задуманнаго труда нашли въ извѣстномъ Сванингѣ. Въ 1561 году вышла его „Готская хроника", въ которой онъ, скрывши свое имя подъ псевдонимомъ „Петръ Парвусъ Розефонтанъ", рѣзко полемизируетъ съ Іоанномъ Готомъ и горячо защищаетъ датчанъ. Эта новая литературная полемика еще сильнѣе разожгла страсти у обоихъ родственныхъ народовъ и явилась прелюдіей семилѣтней сѣверной войны шведовъ и датчанъ; эта домашняя литературная война содѣйствовала внѣшнему столкновенію; такъ въ началѣ XVII столѣтія кальмарская война была предвозвѣщена литературнымъ столкновеніемъ Мессенія и Виллиха фонъ Вестгофена.

Во время самой семилѣтней войны обѣ стороны продолжали издавать брошюры, летучіе листки, сатиры и т. п. Такъ, шведы издали на нижне-нѣмецкомъ языкѣ сатиру, съ помѣткою: Копенгагенъ, гдѣ всѣ событія войны представлены тенденціозно; въ такихъ листкахъ преобладаетъ рѣзкій обличительный тонъ. Датчане, разумѣется, въ долгу не оставались и вскорѣ, въ томъ же 1563 году, издали перечень причинъ, вызвавшихъ семилѣтнюю войну; все стараніе автора клонилось къ тому, чтобы въ начавшейся войнѣ свалить вину на шведовъ.

Все разроставшаяся полемическая литература распадалась на двѣ группы: къ первой принадлежали сочиненія, одобренныя самими правительствами, шведскимъ и датскимъ, которыя и способствовали выходу ихъ въ свѣтъ; ко второй—труды, иниціатива которыхъ принадлежала частнымъ лицамъ; эти послѣдніе имѣли, поэтому, чисто приватный ха-

---

[1]) Ср. *Regesta Diplomatica Historiae Daniae*, II, 188, № 1638. *Paludan Müller*.

рактеръ, и въ нихъ со всею силою обнаружилось взаимное нерасположеніе другъ къ другу двухъ родственныхъ народовъ. Къ полемической литературѣ мы должны относить и рядъ многочисленныхъ воззваній, съ которыми оба правительства обращались къ подданнымъ одно другаго, стараясь привлечь ихъ на свою сторону; тутъ, въ этихъ манифестахъ, факты передавались въ совершенно ложномъ свѣтѣ, авторы заботились только о томъ, чтобы придать имъ выгодную для себя окраску. Предъ политическими выгодами блекла истина. Духъ партійности проникъ даже въ офиціальныя донесенія о битвахъ, дипломатическихъ переговорахъ и т. д., такъ что и къ нимъ нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ, и они не свободны отъ тенденціозной окраски. Все это имѣетъ мѣсто и по отношенію къ письмамъ самихъ участниковъ войны, начиная съ обоихъ королей до подчиненныхъ имъ лицъ [1]). Густаву I не пришлось пережить столкновенія съ Даніей; онъ умеръ 29-го сентября 1560 года. Послѣ его смерти прошло еще три года до открытой войны съ Даніей.

Послѣдніе года царствованія Густава Вазы были ознаменованы несчастною войною съ Москвою [2]). Въ 1537 году Швеція заключила съ Москвою 60-лѣтній миръ и тогда же рѣшено было установить между обоими государствами новую границу, на основаніи договора 1323 года. Густавъ Ваза не желалъ поступиться своими восточными владѣніями и годъ отъ году оттягивалъ окончаніе вопроса о границахъ. Отсюда возникли продолжительные споры съ Іоанномъ IV. Отъ вниманія московскаго государя не могло укрыться намѣренное оттягиваніе Густавомъ срока, назначеннаго для проведенія границъ; онъ зналъ также о недоброжелательствѣ къ себѣ шведскаго короля. Вражда Швеціи съ Россіей была традиціонной: Густавъ боялся своего восточнаго сосѣда и еще въ 1548 году въ письмѣ къ архіепископу рижскому онъ убѣждалъ его внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы въ Россію не проникали иностранные мастера, свѣдущіе въ артиллерійскомъ и вообще военномъ дѣлѣ [3]).

Опасенія Густава еще усилились съ тѣхъ поръ, какъ завязались торговыя сношенія Москвы съ Англіей. Никто такъ не противился „неслыханнымъ сношеніямъ Англичанъ съ московитами“, какъ Густавъ I, онъ точно предвидѣлъ будущее величіе Россіи и тотчасъ во-

---

[1]) Ср. *Paludan Müller*, Historieskrifningen, 66—67, 78, 85, 107 и др.

[2]) Объ этой войнѣ ср. *Loccenii*, Rerum Suecicarum Historia, Holmiae, 1654, 328 и далѣе.

[3]) *Dalin*, III, 1, 417.

шелъ въ сношенія съ Маріей англійской, поднималъ противъ Россіи и Данію, и Польшу, и Ливонскій орденъ [1]). Король желалъ воспользоваться временемъ борьбы Россіи съ татарами и напасть въ расплохъ на грознаго сосѣда; но онъ пропустилъ время, и русскіе первые вторгнулись въ его предѣлы; не мало озабоченный такимъ оборотомъ дѣлъ, онъ сталъ искать себѣ союзниковъ. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы одновременно съ двухъ сторонъ напасть на Россію; самъ онъ желалъ двинуться съ своими силами со стороны Финляндіи, а Польша въ соединеніи съ орденомъ должна была вторгнуться въ западныя области московскаго государства. Король носился съ обширными планами оттѣснить московскаго государя дальше на востокъ и отдѣлить его китайскою стѣною отъ Европы. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что возникшія торговыя сношенія русскихъ съ англичанами не мало содѣйствовали рѣшимости Густава начать войну съ Москвою. Гирсъ, поэтому, передаетъ совершенно невѣроятный фактъ, будто бы Густавъ началъ войну, обманутый ложными слухами о смерти московскаго государя [2]),— сообщеніе, не подтверждаемое никакими данными.

До начала войны съ Россіей Густавъ въ 1554 году отправилъ посольство въ Вольмаръ. Его послы должны были донести магистру объ опустошительныхъ набѣгахъ русскихъ въ Финляндію и сообщить ему, что королю доподлинно извѣстно, что царь носился съ враждебными планами покорить себѣ всю Ливонію. Если, говорили шведскіе послы, ихъ государю не окажутъ помощи и онъ вынужденъ будетъ заключить миръ съ царемъ, то послѣдній немедленно же поведетъ свои войска на Ливонію; ливонцы должны были бы, поэтому, въ собственныхъ интересахъ помочь королю; если они этого не сдѣлаютъ, то они скоро узнаютъ, какого врага они имѣютъ въ московскомъ государѣ [3]). Одни изъ представителей ордена стояли за союзъ съ Швеціей противъ Москвы, бо́льшая же часть опасалась нарушить недавно заключенный миръ, хотя и желала продленія войны Швеціи съ Іоанномъ. Магистръ отправилъ орденскаго фохта въ Вейссенштейнѣ Бернгарда фонъ Шмертена въ Швецію, чтобы убѣдить короля продолжать начатую войну съ Россіей и обнадежить его скорою помощью ордена. Густавъ не могъ удовлетвориться одними обѣщаніями, грозилъ и требовалъ немедленнаго разрыва ордена съ Москвою и заключенія наступательнаго союза съ Швеціей. Только пола-

---

[1]) *Girs*, 235.

[2]) *Girs*, 220 и далѣе.

[3]) *Pallin*, 45.

гаясь на помощь ордена, сказалъ король, онъ началъ войну съ Москвою [1]). Вмѣсто обѣщанной помощи магистръ подтвердилъ 9-го апрѣля 1555 года мирный договоръ съ Москвою въ Венденѣ и тогда же чрезъ новыхъ пословъ извинялся за это передъ королемъ. Такимъ образомъ ни орденъ, ни Польша, ни Литва не помогли Густаву; „они не выслали ему ни одного человѣка, не дали ни одной копѣйки" [2]).

Во всѣхъ своихъ неудачахъ Густавъ обвинялъ ливонцевъ, ложно доносившихъ ему о готовности Польши-Литвы одновременно съ нимъ объявить войну Россіи, о нашествіи на Москву татаръ и т. д. Не оправдалось ни одно изъ этихъ сообщеній. Въ концѣ 1555 года новые послы Густава прибыли въ Ливонію; они должны были указать магистру, что настаетъ наиболѣе удобный моментъ для совмѣстнаго похода на Москву (царь занятъ своими астраханскими дѣлами), и что орденъ можетъ смѣло нарушить свой договоръ съ Москвою. Царя можно заставить, говорили послы, заплатить за всѣ военные расходы и за всѣ обиды, имъ причиненныя, его можно заставить поручиться за сохраненіе мира и, наконецъ, совершенно обезсилить, такъ чтобы сосѣднимъ державамъ нечего было его болѣе опасаться [3]). Вполнѣ спокойными сосѣднія державы могли считать себя только въ томъ случаѣ, если московскія владѣнія будутъ совершенно отрѣзаны отъ моря; въ письмахъ короля между строкъ легко прочитать стремленіе его включить въ предѣлы своего государства и Финскій заливъ, и Неву, и Ладожское озеро.

Грандіозные планы перваго Вазы разлетѣлись въ прахъ при первомъ же столкновеніи съ русскими. Іоаннъ Грозный собралъ огромныя силы и рѣшился наказать своего сосѣда за всѣ его неправды. А какія были эти неправды, мы читаемъ въ отвѣтномъ посланіи царя къ польскому королю, предложившему свое посредничество для примиренія обѣихъ воевавшихъ державъ. Царь пишетъ, что шведскій король черезъ старые рубежи вступилъ въ многія русскія земли и воды, и учинили его люди многія обиды и убійства; не смотря на частыя напоминанія пограничныя опустошенія не прекращались, „и Гоставъ король въ тѣхъ во всѣхъ делехъ ни котораго исправленья не вчинилъ", велѣлъ захватывать русскихъ купцовъ, многихъ заключилъ, отнявши товары. Густавъ, наконецъ, отказался совѣщаться съ новгородскими

[1]) Ibidem, 5.
[2]) Paralipomena, 93—102.
[3]) Napiersky, 383

намѣстниками, какъ велось изстари, и желалъ непосредственно сноситься съ самимъ царемъ [1]).

Ходъ самой войны 1555 — 1557 года не представляетъ для насъ ничего интереснаго; побѣда оставалась почти непрерывно на сторонѣ русскихъ, превосходившихъ шведовъ численностью своихъ боевыхъ силъ. Самый выдающійся моментъ во всей войнѣ — это осада шведами Нотебурга; попытки ихъ занять этотъ городъ окончились совершеннымъ пораженіемъ, стоившимъ шведамъ многихъ жертвъ. Вторженіе русскихъ въ январѣ 1556 года навело страхъ на все населеніе, они осадили Выборгъ, но уже на третій день сняли осаду, предположивъ гарнизонъ ея гораздо болѣе многочисленнымъ, чѣмъ онъ былъ на дѣлѣ [2]).

Въ 1556 году начались уже переговоры о мирѣ; Густавъ, мечтавшій выговорить своимъ подданнымъ право ѣздить въ Персію, не надѣялся болѣе на счастливый исходъ переговоровъ. Продолжая искать себѣ союзниковъ въ Западной Европѣ, онъ въ своихъ обращеніяхъ къ западнымъ государямъ впервые яркими красками рисуетъ опасность для Европы со стороны Россіи, какъ скоро она утвердится на Балтійскомъ морѣ. Россія, пишетъ король, станетъ на сѣверѣ-востокѣ такою же грозою для Европы, какъ на юго-западѣ Турція.

Переговоры о мирѣ шли, между тѣмъ, успѣшно, не понадобилось и посредничества Польши; въ мартѣ 1557 года въ Москвѣ заключенъ былъ новый миръ со Швеціей до 1597 года [3]). Чрезъ два года по заключеніи мира рѣшено было приступить къ урегулированію границъ, при чемъ опять таки въ основаніи долженъ былъ лечь договоръ 1323 года. Въ силу этого трактата шведскія границы должны были быть отодвинуты на западъ. Густавъ никакъ не могъ примириться съ мыслью объ уменьшеніи своей территоріи и, найдя искаженную редакцію договора 1323 года, заключавшую въ себѣ нѣкоторыя выгодныя постановленія для Швеціи, онъ уполномочилъ своихъ пословъ держаться этой редакціи. Но при жизни Густава никакого урегулированія границъ не было сдѣлано.

---

[1]) *Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей*, 1860 г., *Бантышъ-Каменскій*, Переписка между Россіей и Польшей по 1700 г., стр. 123, ср. *Соловьевъ*, VI, 126 и далѣе.

[2]) Шведскіе лѣтописцы говорятъ, что русскіе были обмануты сильнымъ скрипомъ колесъ въ городѣ.

[3]) *Rydberg*, I, 306.

Въ мирномъ договорѣ 1557 года обращаютъ на себя вниманіе въ особенности два пункта—о свободѣ торговли между Россіей и Швеціей и о свободномъ пропускѣ чрезъ Швецію русскихъ пословъ и уполномоченныхъ, въ какое бы государство они ни отправлялись. Сопоставивъ эти два пункта съ тѣмъ, что заключалось въ трактатѣ Грознаго съ ливонскимъ орденомъ въ 1554 году, мы увидимъ какъ широко понималъ московскій царь интересы Россіи и какъ энергично онъ велъ ее къ сближенію съ западомъ, съ цѣлью поднять туземную торговлю и имѣть возможность непосредственно сноситься съ западными государствами.

2-го апрѣля 1557 года старый король Швеціи вынужденъ былъ подписать мирный договоръ, такъ не гармонировавшій съ его цѣлями и стремленіями. Онъ убѣдился, что борьба съ Россіей преждевременна и, какъ увидимъ, сдѣлался до мелочей предупредительнымъ къ своему восточному сосѣду; въ своихъ дѣтяхъ онъ также вселилъ идею о необходимости держаться мирной политики по отношенію къ Москвѣ. Это всего рельефнѣе скажется въ исторіи отношеній Швеціи къ ливонскому ордену.

Въ іюлѣ въ Стокгольмъ прибыли русскіе послы и, по своему обычаю, говоритъ шведскій хроникеръ, крестнымъ цѣлованіемъ, подарками и подношеніями скрѣпили мирный договоръ [1]).

Дройзенъ въ высшей степени правъ, когда обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ государствахъ еще молодыхъ, только что вступающихъ въ кругъ всеобщихъ историческихъ интересовъ, всякій переходъ престола въ новыя руки обозначаетъ собою и новую эпоху въ ихъ развитіи. Когда же, напротивъ, образъ правленія уже установился, когда за государствомъ имѣется уже нѣкоторая политическая традиція, подобныя обстоятельства, какъ вступленіе на престолъ новаго лица, не сопровождаются никакими перемѣнами и не имѣютъ особенно важнаго значенія. Всего очевиднѣе вышесказанное по отношенію въ Даніи и Швеціи. Престолы этихъ государствъ въ разбираемую эпоху заняты новыми династіями; эти династіи утвердились на скандинавскихъ престолахъ послѣ двадцатилѣтнихъ смутъ и войнъ; ясно, что первые представители ихъ, какъ только они успѣли отразить внѣшнихъ враговъ, должны были заняться внутренними дѣлами; имъ не-

---

[1]) Ср. Paralipomena, 95.

обходимо было водворить порядокъ во внутреннемъ хаосѣ своихъ государствъ, имъ надо было укрѣпить, упрочить почву, на которой они стояли, создать себѣ сильный оплотъ въ борьбѣ съ сословными привилегіями. Дѣло для нихъ затруднялось еще и тѣмъ, что на очереди стоялъ всемірно-историческій вопросъ—реформація; необходимо было выяснить себѣ этотъ фактъ, стать къ нему въ такія отношенія, чтобъ въ выигрышѣ оказалось государственное дѣло, и вотъ послѣднія десятилѣтія правленія Христіана III и Густава Вазы, при всемъ недовѣріи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, носятъ на себѣ мирный характеръ и ознаменованы цѣлымъ рядомъ благодѣтельныхъ внутреннихъ реформъ. Старые монархи сошли въ могилу. Ихъ заступили натуры молодыя, пылкія; они приняли тронъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: внутри страны миръ, въ казнѣ сосредоточены огромныя богатства—плоды мирной политики и бережливости ихъ отцовъ. Когда сильно бьется пульсъ и человѣкъ чувствуетъ въ себѣ избытокъ силъ, онъ стремится проявить эти силы; ему хочется выдвинуться, отличиться. Такъ было съ Эрикомъ XIV и Фридрихомъ II. Они съ трудомъ переносили спокойную и сдержанную политику своихъ отцовъ; возникали какія-нибудь недоразумѣнія, и они готовы кинуться въ бой, а тутъ ихъ сдерживаютъ осторожные отцы. Очень понятно, что какъ скоро не стало этой сдерживающей силы, этого спокойнаго мирнаго элемента, молодые энергическіе государи считаютъ уже возможнымъ довести до крайности тенденціи своихъ отцовъ какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. Во внутренней политикѣ эта лихорадочная дѣятельность выразилась въ совершенномъ обезсиленіи и униженіи аристократіи, а во внѣшней политикѣ конкретныхъ результатовъ не оказалось такъ скоро, тутъ пришлось раздѣлаться съ мощною силою, до того времени не извѣстною, которая надвигалась съ дальняго востока на западъ.

Имѣя въ виду въ настоящемъ изслѣдованіи прослѣдить съ возможною полнотою и обстоятельностью внѣшнюю политику обоихъ скандинавскихъ государствъ, въ особенности по отношенію къ Балтійскому вопросу, мы только въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтимъ внутреннюю дѣятельность ихъ.

Даровитая натура Густава I Вазы только въ обломкахъ перешла къ его дѣтямъ, но и „въ этихъ обломкахъ свѣтились геніальныя искры“. Эрикъ XIV былъ талантливымъ дилеттантомъ и въ наукахъ, и въ искусствѣ правленія; Іоаннъ III, менѣе одаренный, отличался идеа-

листическимъ направленіемъ; онъ былъ на многое способенъ, но только въ извѣстныхъ рамкахъ, перейдти которыя онъ ужъ не могъ. Какъ Эрикъ, такъ и Іоаннъ, были натуры мечтательныя. Третій сынъ Густава Магнусъ, съ сильно развитою чувственностью, соединялъ въ себѣ лишь однѣ отрицательныя стороны Вазы. Отличные отъ своего отца сыновья Густава I во многомъ напоминаютъ его; такъ въ первомъ Вазѣ рядомъ уживались и мистицизмъ и бурныя страсти; у старшаго изъ его сыновей плодомъ этихъ противоположностей является сумашествіе и страшная жестокость; у втораго мистицизмъ породилъ религіозныя бредни, и страсти обратились у него въ какую-то безумную спѣсь и надменность, черты, замѣтныя и въ натурѣ Эрика XIV. Любопытно. что эти черты не чужды были и Густаву I. Извѣстно, какое высокое представленіе онъ имѣлъ о своей монархической власти; оно нерѣдко граничило съ деспотизмомъ, но никогда не переходило, какъ у сыновей его, въ дѣтскую надутость. Въ характерѣ сыновей Густава I проходятъ, однако, и черты, совершенно чуждыя Густаву— боязливость и трусость; эти черты содѣйствовали развитію въ Эрикѣ злобы и жестокости; трусость, а не прирожденная ненависть, заставила Іоанна согласиться на умерщвленіе брата. „Обломки геніальной натуры Густава снова какъ бы спаиваются въ одинъ цѣлый и стройный образъ въ Карлѣ IX, младшемъ изъ его сыновей"; въ немъ духъ Вазы обнаружился во всей своей силѣ; достигши своего полнаго развитія и совершенства, онъ проявился во всемъ богатствѣ своего содержанія.

По свидѣтельству современниковъ, подтверждаемому сохранившимися портретами Эрика XIV, этотъ король имѣлъ представительную наружность, былъ высокаго роста, строенъ, ловокъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, въ обращеніи ласковъ и привѣтливъ. Нетерпѣливый, вспыльчивый, способный къ припадкамъ страшнаго гнѣва и мономаніи, по временамъ меланхоликъ и ипохондрикъ—чѐрты его матери, Эрикъ XIV по природѣ своей былъ крайне подозрителенъ. Эта черта его характера, унаслѣдованная отъ отца, развивалась у него съ годами, намѣренно возбуждаемая негодными царедворцами, окружавшими престолъ. Воспитаніе будущаго короля Швеціи находилось въ вѣдѣніи Діонисія Буррея (Beurreus, Burreus), вкрадчиваго, придворнаго льстеца, что необходимо должно было отразиться на характерѣ Эрика [1]). Совѣтники его—Collart, Person и др.—въ нравственномъ

---

[1]) Мѣткая характеристика Буррея у *Elofsson*'а Paralipomena, 98. Ср. *Ludvicksson*s Crönika, 278.

отношеніи стояли очень низко, и ихъ весьма значительныя интеллектуальныя способности не соотвѣтствовали ихъ моральнымъ качествамъ; своими навѣтами и донесеніями они довели Эрика до такой жестокости, что за малѣйшей виною слѣдовала смертная казнь; душа короля, подавленная подозрѣніями, теряла всякое равновѣсіе, и онъ давалъ широкій просторъ своей ненависти: казнилъ, пыталъ, истязалъ; въ немъ пробуждались кровавые инстинкты, разгорались животныя страсти. Нерѣдко, за такими минутами изступленнаго гнѣва и безумной жестокости наступали внезапное раскаяніе, мучительное терзаніе совѣсти, желаніе бѣжать отъ взоровъ своихъ подданныхъ.

Густавъ Адольфъ въ своихъ историческихъ замѣткахъ говоритъ объ Эрикѣ, что онъ навлекъ на себя ненависть своихъ подданныхъ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, какія ему пришлось вести; ненависть подданныхъ возбудила въ королѣ сильную подозрительность, а послѣдняя— корень всякой несправедливости; несправедливость порождаетъ негодованіе въ массахъ, общую ненависть всѣхъ сословій, которая какъ клинъ врѣзывается между государемъ и подданными. Иллюстраціей сказаннаго служитъ царствованіе Эрика; жертвою его подозрительности были братъ его и фамилія Стуре; многихъ король казнилъ изъ за этой страсти. Эрикъ велъ себя, говоритъ герой Лютцена, какъ человѣкъ, котораго Богъ лишилъ своего духа, своей божеской искры.

Живой, даровитый и впечатлительный, интеллектуально одаренный, Эрикъ XIV отличался большою начитанностью, обладалъ большими знаніями въ языкахъ — нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ; съ запасомъ историческихъ знаній онъ соединялъ въ себѣ и выдающагося математика, и хорошаго музыканта, и талантливаго живописца; о реторическихъ и логическихъ способностяхъ его свидѣтельствуютъ рядъ сохранившихся до насъ трудовъ его. Эрикъ оставилъ послѣ себя и нѣсколько сочиненій историко-философскаго содержанія; особенно интересны его дневникъ и масса писемъ; они, вопервыхъ, вводятъ насъ въ міръ идей и чувствъ, которыя одушевляли этого замѣчательнаго короля, а затѣмъ и доказываютъ, какъ его, наравнѣ съ важными дѣлами и вопросами, занимали самые мелкіе и незначительные: онъ все тщательно взвѣшивалъ и сопоставлялъ всѣ случайности.

Быстро усваивая все имъ слышанное, Эрикъ, по свидѣтельству иностранца современника, давалъ всегда быстрые и точные отвѣты; величайшимъ удовольствіемъ короля было принимать участіе въ разсужденіяхъ выдающихся и ученыхъ людей; нерѣдко онъ намѣренно дѣлалъ имъ возраженія, чтобы вызвать ихъ къ бо́льшей откровенности

и ближе ознакомиться съ ихъ воззрѣніями и взглядами. Охотно выслушивалъ король отвѣты прямые и откровенные; самъ онъ входилъ во всѣ мельчайшія детали государственнаго правленія, и не было вопроса на столько незначительнаго, чтобы самъ онъ не былъ имъ заинтересованъ. Во время войны съ Даніей Эрикъ часто собиралъ своихъ капитановъ, совѣщался съ ними о томъ, что предпринять и откуда извлечь средства для выполненія того или другаго намѣренія своего. Военнымъ дѣламъ онъ предавался съ большою любовью и это уживалось въ немъ рядомъ съ заботливостью о внутреннемъ благосостояніи Швеціи. Отдавъ какое либо приказаніе, онъ съ неумолимою строгостью наказывалъ каждаго, кто въ точности не выполнялъ возложенныхъ на него обязанностей.

Выслушивая, какъ мы выше указали, совѣты своихъ приближенныхъ, король принималъ ихъ къ свѣдѣнію, но всего выше цѣнилъ свои собственные планы и предложенія. Онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ своего самодержавія и всякое поползновеніе на его королевскій авторитетъ онъ преслѣдовалъ съ страшною жестокостью. Съ безпокойнымъ, жестокимъ нравомъ Эрикъ соединялъ страсть къ роскоши и пышности; такъ извѣстно, что онъ для своей коронаціи выписалъ изъ Антверпена и Лондона новыя регаліи, роскошныя платья, жемчуга, драгоцѣнные камни, для увеселеній же и зрѣлищъ— нѣсколько львовъ, буйволовъ, верблюдовъ и сто кроликовъ.

Съ 1567 года въ Эрикѣ стали обнаруживаться уже явные признаки умопомѣшательства, а въ слѣдующемъ онъ былъ свергнутъ съ трона. Въ царствованіе Эрика XIV мы можемъ отмѣтить два періода, до 1564 года и послѣ него. Второй періодъ во многомъ напоминаетъ собою несчастный, хотя и вызванный необходимостью, періодъ опричнины въ царствованіе Іоанна Грознаго. Мы вообще едва ли впадемъ въ ошибку, если рѣшимся провести параллель между Эрикомъ и нашимъ Грознымъ. Тотъ и другой—натуры даровитыя и страстныя, въ нихъ общи „блестящія дарованія, чуткость нервовъ, желѣзная воля“, неустанное преслѣдованіе разъ намѣченной цѣли, воспріимчивость. Опередивъ своихъ современниковъ, они, какъ умные и дальновидные политики, одни сознавали всю важность стоявшихъ на очереди вопросовъ (централизація, Балтійское господство) и съ свойственной страстнымъ натурамъ энергіей преслѣдовали свои цѣли, впадали въ крайности, теряли нерѣдко подъ собою почву и въ концѣ концовъ падали жертвою идеаловъ, непонятыхъ современниками и оцѣненныхъ лишь впослѣдствіи. Тому и другому, какъ поборникамъ абсолютнаго

принципа, пришлось вести упорную борьбу съ враждебными этому принципу элементами сословными; въ этой борьбѣ всего рельефнѣе сказались плоды ихъ неудержимой страстной натуры; порывы жестокости и кровожадности, систематическія убійства оптомъ и въ розницу—все это, смѣняя одно другое, сливалось въ цѣлый потокъ крови политическихъ жертвъ. Зло надо искоренять рѣшительными мѣрами, а каковы эти мѣры—и Грозный, и Эрикъ познали отъ тѣхъ же аристократовъ, дворянъ и бояръ, которые въ своихъ партійныхъ смутахъ превосходили другъ друга жестокостью и безчеловѣчіемъ. Убѣдившись въ сепаративныхъ и антимонархическихъ стремленіяхъ привилегированныхъ классовъ, оба государя современника стали окружать себя людьми незнатными, всѣмъ обязанными ихъ государевой милости. Этотъ шагъ ихъ былъ вполнѣ естественъ, имѣлъ свои прецеденты въ Западной Европѣ (Людовикъ XI. Фердинандъ Католикъ и др.) и былъ вызванъ обстоятельствами. Но и эти незнатные, не родовитые опричники пошли своимъ путемъ; оказалось, что и на нихъ нельзя было вполнѣ опереться, что и они на первомъ планѣ преслѣдовали свои частные, узко-своекорыстные интересы: безъ вины доносили на дворянъ съ цѣлью воспользоваться всѣми плодами безпощаднѣйшей конфискаціи; ихъ шпіоны и креатуры вездѣ поспѣвали, и несчастные монархи вѣрили имъ! Ни знатность рода, ни богатство, ни заслуги предковъ—ничто не находило пощады, ничто не могло спасти заподозрѣнныхъ отъ плахи. Во всѣхъ знатныхъ эти государи усматривали своихъ личныхъ враговъ, всякому случайному явленію они придавали характеръ заговоровъ. У Эрика XIV жестокость была еще яростнѣе, чѣмъ у Іоанна Грознаго, что въ послѣдніе годы его жизни объясняется умопомѣшательствомъ. Достаточно было встрѣтиться съ королемъ на улицѣ съ ружьемъ въ рукахъ — и казнь была неминуема. Король организовалъ цѣлую систему шпіонства, тайные агенты его дѣйствовали не только въ Швеціи, но и за-границей; въ Даніи были шпіоны Эрика и во флотѣ, и при дворѣ, и въ войскѣ, и въ отдѣльныхъ пограничныхъ городахъ и т. д.; въ Норвегіи, Голштиніи и Ганзейскихъ городахъ тоже самое. Передъ нами списокъ всѣхъ этихъ шпіоновъ; по нѣскольку человѣкъ находилось и при дворахъ нѣмецкихъ князей, курфюрста Саксонскаго, герцога Мекленбургскаго, ландграфа Гессенскаго, маркграфа Бранденбургскаго и герцога Прусскаго; затѣмъ при польскомъ дворѣ, въ Литвѣ, у татаръ, при императорскомъ дворѣ, во Франціи — цѣлыхъ три, въ Лотарингіи, Испаніи, Португаліи, Англіи, Шотландіи и, наконецъ, въ Московскомъ государствѣ. Тутъ прежде

всего шпіоны были пограничные—Ǻämiena и его братъ, Märthenn и Lasse Läck, затѣмъ при особѣ царя—v. Swääs, Larszonn и Ionsson; въ Москвѣ—Claes Makenprängh, въ Новгородѣ — въ домѣ намѣстника—Forislainin; далѣе — въ Ливоніи, Дерптѣ, Курляндіи и при Магнусѣ Эзельскомъ — Michill Geenn[1]).

Эрикъ, какъ астрологъ и алхимикъ[2]), боялся колдовства, и обвиненія въ чернокнижіи и чародѣйствѣ стали все чаще повторяться и сопровождались жестокими казнями. Въ послѣдніе годы своего царствованія Эрикъ подпалъ подъ сильное вліяніе своего перваго министра Георга Перссона, шведскаго Малюты Скуратова, и во всемъ зависѣлъ отъ его взглядовъ и стремленій. Какъ главное лицо въ царствованіе Эрика XIV, Георгъ Перссонъ представляетъ для изслѣдователя эпохи особенный интересъ[3]).

---

[1]) Register opå alle Kundtscaffter szom både her inrijkes och vthon landtz brwkes. Historiskt Bibliothek, af *Silfverstolpe*, 1878, стр. 155 и д.

[2]) Астрологическія замѣтки короля сохранились въ книгахъ, которыя онъ читалъ. находясь въ заключеніи. Ср. *Ahlquist*, Karin Månsdotter, 1874, стр. 29.

[3]) Матеріаломъ для характеристики личности Эрика XIV, намъ служили: исторія его царствованія Тегеля и Цельзія, его переписка, частью только изданная, и его дневники; затѣмъ рукописное донесеніе Руджіери, во Флорентійской національной библіотекѣ; донесенія о Швеціи въ царствованіе Эрика французскаго агента Дансэ, частью напечатанныя въ Handlingar till Sueriges Historia, 11, 1824, частью рукописныя (Парижъ, нац. библіотека), донесенія римскихъ нунціевъ въ Ватиканской библіотекѣ и богатая переписка Августа Саксонскаго съ его приближенными въ Дрезденскомъ архивѣ; отзывы Густава Адольфа — въ собраніи его сочиненій, изданныхъ Стюффе. Въ новѣйшей шведской исторической литературѣ установилась тенденція очень враждебная къ царствованію старшихъ сыновей Вазы. Эрика XIV слишкомъ строго судитъ и Альквистъ, и Вестлингъ, и Нильссонъ; менѣе пристрастенъ, чѣмъ вышеназванные историки, Манкеллъ въ оцѣнкѣ личности Эрика XIV. Нѣмецкіе историки Дройзенъ и въ послѣднее время Арнгеймъ выдвигаютъ политическія способности Эрика; Арнгеймъ старается смягчить суровый отзывъ объ Эрикѣ XIV шведскихъ историковъ, что, конечно, не трудно въ виду положительной тенденціи, проходящей въ ихъ трудахъ. Они дѣлаютъ большую и исторически грубую ошибку, оцѣнивая Эрика внѣ его времени, внѣ обстоятельствъ, окружавшихъ его, и въ ихъ характеристикѣ Эрикъ является кровожаднымъ, чувственнымъ тираномъ, ни на что не способнымъ, съ особеннымъ наслажденіемъ избивающимъ своихъ подданныхъ. Достаточно привести для примѣра разборъ труда Манкелля, помѣщенный въ Historiskt Bibliothek *Сильверстольпе* за 1879 годъ. („Эрикъ настоящій представитель князей ренессанса; талантливый, изящный сластолюбецъ, испившій до послѣдней капли чашу наслажденій, онъ дошелъ до необходимости возбуждать свои ослабѣвшіе нервы убійствами и кровью. Не такихъ государе исторія учитъ насъ лю-

Георгъ Перссонъ (Jöran Persson) родился около 1530 года. Поступивъ въ Виттенбергскій университетъ, онъ изучалъ тамъ латинскій языкъ, математику и астрономію, выдавался своимъ прилежаніемъ и основательностью своихъ занятій; всего болѣе его интересовали латинскіе поэты, Аристотель, Платонъ, Софоклъ и древніе юристы. Меланхтонъ снабдилъ Перссона рекомендательнымъ письмомъ къ Эрику, тогда еще наслѣднику шведскаго престола, и этотъ сразу привязался къ молодому студенту. Въ придворныхъ вѣдомостяхъ имя Перссона упоминается въ первый разъ въ 1559 году; но уже раньше мы встрѣчаемъ его на службѣ у Густава I. Назначенный военачальникомъ Выборга, Перссонъ навлекъ на себя подозрѣніе и неудовольствіе короля за то, что не доставилъ ему нѣкоторыхъ писемъ изъ Россіи. Не смотря на это онъ все-таки, благодаря своимъ способностямъ, сохранилъ мѣсто королевскаго секретаря. Среди придворныхъ чиновниковъ Перссонъ дѣйствительно выдавался, какъ по уму и образованію, такъ и по усердію своему. Эрикъ награждалъ его значительными имѣніями, такъ что онъ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей; своекорыстный, онъ ради богатствъ не гнушался взятками и охотно принималъ подарки. При Эрикѣ XIV роль Перссона стала еще значительнѣе: онъ сталъ посредствующимъ звеномъ между королемъ и его подданными; всякія просьбы, дѣла, процессы, раньше чѣмъ доходить до короля, проходили чрезъ его руки, и тотъ только могъ ожидать успѣха, къ кому расположенъ былъ Перссонъ. Это—всесильный временщикъ, предъ которымъ всѣ трепетали. Дипломатическіе агенты никогда не покидали Швеціи, не одаривши чѣмъ либо могущественнаго царедворца.

Въ началѣ царствованія Эрика Перссонъ занималъ постъ канцлера; въ одномъ письмѣ 1562 года онъ названъ вице-канцлеромъ. Онъ въ высшей степени заботливо охранялъ королевскій архивъ и канцелярію, такъ что никто не могъ проникнуть туда безъ его вѣдома. Вскорѣ Перссонъ получилъ новое назначеніе, въ которомъ и проявилъ вмѣстѣ съ энергіей и служеніемъ королю всѣ низкія стороны своей натуры: его сдѣлали королевскимъ прокураторомъ и обвинителемъ

бить и уважать!") Только въ самое послѣднее время и въ Швеціи началась реакція противъ такого не-историческаго направленія въ оцѣнкѣ событій второй половины XVI столѣтія. Гаммаршёльдъ въ разборѣ книжки Цеттерстена — Исторія шведскаго флота, 1890, *Historisk Tidskrift*, 1891 года, дѣлаетъ упрекъ своимъ соотечественникамъ въ ихъ исторической близорукости при оцѣнкѣ Эрика XIV. (Ср. Сведеліуса).

сыскной коммиссіи; теперь на Перссона пала незавидная для болѣе возвышенныхъ натуръ роль — быть главнымъ представителемъ шпіонства, достигшаго такихъ широкихъ размѣровъ въ царствованіе Эрика XIV. Поле дѣятельности королевскаго прокуратора было самое обширное; его компетенціи были подвѣдомствены всѣ внутреннія дѣла королевства. Новая сыскная коммиссія пріобрѣла характеръ верховнаго суда, высшей судебной инстанціи.

Сыскная дѣятельность Перссона становится всего плодотворнѣе съ 1563 года, когда—какъ увидимъ—началась междоусобная война между Эрикомъ XIV и Іоанномъ Финляндскимъ. Тутъ ему поручено было выслѣживать всѣ дѣйствія сторонниковъ герцога; онъ составилъ и обвинительный актъ противъ Іоанна, когда онъ сдѣлался плѣнникомъ своего брата короля. Заключеніе Іоанна въ Грипсгольмѣ послужило мотивомъ къ самой оживленной перепискѣ Перссона съ королемъ; извѣстно, что Перссонъ совѣтовалъ королю казнить брата и разомъ освободиться отъ опаснаго соперника; Эрикъ тогда не принялъ предложенія Перссона, а въ 1568 году сожалѣлъ объ этомъ. Съ властолюбіемъ, не знавшимъ границъ, Перссонъ соединялъ и глубокую преданность престолу; проницательный царедворецъ считалъ позволенными всѣ средства, которыя вели къ укрѣпленію королевскаго самодержавія и ослабленію родовой аристократіи; ни минуты не задумываясь онъ подавалъ голосъ за терроръ, какъ лучшій путь къ достиженію этой цѣли. Отдѣльные представители общества, независимо отъ ихъ положенія или происхожденія, ничего не значили въ этой Перссоновой государственной программѣ. Глазъ Георга привыкъ къ крови и ничто не могло остановить его ударовъ.

Когда началась война съ Даніей, король и его первый министръ склонны были объяснять измѣною каждую неудачу шведовъ, и пытки, допросы, ссылки, казни не прекращались во все время войны. Перссонъ много помогалъ королю и при собираніи податей; благодаря его зоркости и искусству, истощенная казна быстро пополнялась, за то сколько же и смѣнилъ онъ фохтовъ, счетчиковъ, писарей и т. д. Возведенный въ дворянство, Перссонъ тѣмъ не менѣе преслѣдовалъ дворянъ и главнымъ образомъ знатнѣйшихъ и наиболѣе богатыхъ; онъ способенъ былъ, какъ человѣкъ, потерявшій всякую совѣсть, настаивать на самыхъ невѣроятныхъ обвиненіяхъ; его креатуры были разсѣяны по всей Швеціи; когда ихъ узнавали, жителей бралъ такой страхъ, какъ еслибы они натолкнулись на ютовъ, то-есть, на датчанъ. Изъ преступныхъ процессовъ, начатыхъ Перссономъ, наи-

болѣе извѣстенъ процессъ противъ Стена Стура въ 1565 году. Перссонъ измышлялъ для своихъ враговъ самыя звѣрскія пытки и казни; на заподозрѣнныхъ, напримѣръ, сжигали рубашки, предварительно окунувши ихъ въ водку, отсѣкали руки, ноги и т. д. При Іоаннѣ III страшный временщикъ и самъ погибъ (1569) мучительною смертью, свидѣтельствующей только о грубости и жестокости шведовъ [1]).

Одна заслуга всетаки остается за Перссономъ при всей необузданной тираніи его: онъ преданъ былъ Эрику до самой смерти, и паденіемъ короля обусловлено было его собственное паденіе. Число жертвъ Перссоновой политики достигаетъ 258.

Монархическій принципъ успѣлъ къ концу царствованія Густава Вазы пустить въ Швеціи глубокіе корни. Это въ особенности сказалось во время внутреннихъ войнъ и войнъ съ Россіей: аристократы, повинуясь волѣ короля, въ своихъ докладахъ и отчетахъ въ самыхъ вѣрноподданническихъ выраженіяхъ говорятъ о томъ или другомъ предпринятомъ ими дѣлѣ. Чуть они замедлили отвѣтить на сдѣланный монархомъ запросъ, какъ онъ въ гнѣвномъ повелительномъ тонѣ выражаетъ свое неудовольствіе. Вездѣ въ государствѣ, къ концу царствованія Густава, слышится одна его воля, она безпрекословно всѣми исполняется; на всемъ лежалъ отпечатокъ самодержавнаго государя. Аристократы и дворяне должны были до мелочей исполнять желанія короля; при малѣйшей съ ихъ стороны неточности — король недоволенъ, удивляется, грозитъ [2]).

Начало самодержавія одержало верхъ надъ традиціонными вольностями аристократовъ; единство, порядокъ и законъ снова возраждаются въ Швеціи, и государь ея—сильнѣйшій изъ ея слугъ.

Эрикъ XIV съ глубокимъ сознаніемъ и большою энергіей разви-

---

[1]) Едва ли и сосѣдніе московиты, прославленные шведами за свое безчеловѣчіе, нашли бы удовольствіе въ столь продолжительной казни: сначала Перссону отрѣзали оба уха, затѣмъ его повѣсили; чрезъ полчаса его сняли и привязали къ четыремъ столбамъ; тутъ ему разбили ноги и руки и опять оставили на полчаса; затѣмъ началось битье его въ грудь ножемъ. Къ счастью, на стоны несчастнаго явился Карлъ IX и велѣлъ отсѣчь ему голову.—О Перссонѣ см. *Historisk Tidskrift* за 1881—изслѣдованіе Сильверстольпе.

[2]) *Forssell*, I, 51. Ср. *Mechelin*, 75: „Чтобы привести свою мысль о централизаціи въ систему и эту систему обезпечить, необходимо было основать новую обширную правительственную форму, но все ограничивалось лишь частными мѣропріятіями“.

валъ самодержавный принципъ своего отца. Ему приписывали желаніе добиться въ своемъ государствѣ такого же абсолютнаго самодержавія, какого Филиппъ II достигъ въ Испаніи [1]).

По своимъ стремленіямъ его царствованіе составляетъ одно неразрывное цѣлое съ царствованіемъ Густава, и онъ только примѣнилъ къ дѣлу начала и идеи, созданныя его отцомъ. Это сказалось всего рельефнѣе въ вопросѣ о пожалованіи дворянъ помѣстьями, которое онъ имѣлъ въ виду совершенно отмѣнить.

Не успѣлъ Эрикъ занять престола, какъ со стороны его братьевъ и аристократіи готовилось покушеніе на уничтоженіе всѣхъ Густавомъ созданныхъ преградъ въ дѣлѣ земельнаго пожалованія.

Уже тотъ фактъ, что младшіе сыновья Густава были надѣлены обширными удѣлами, посягалъ на авторитетъ короля и грозилъ сильнымъ подрывомъ королевской казнѣ. Никто лучше Густава Адольфа не охарактеризовалъ вредныхъ сторонъ политическаго завѣщанія Густава Вазы, парализовавшихъ всѣ старанія короля укрѣпить въ своемъ государствѣ монархическую власть. Раздѣливши свои владѣнія между Эрикомъ, Іоанномъ и Магнусомъ, говоритъ Густавъ Адольфъ, Густавъ Ваза сдѣлалъ большую ошибку. Согласіе между братьями— явленіе очень рѣдкое. Герцоги Іоаннъ и Магнусъ были слишкомъ могущественными подданными, а стоитъ только подданнымъ чувствовать себя на столько же сильными, какъ король — и они ни мало не станутъ заботиться объ общихъ нуждахъ государства. Это сказалось въ первые годы царствованія Эрика XIV; между нимъ и братьями начались самыя гибельныя междоусобія [2]).

Дѣйствительно, отношенія между королемъ и герцогами были такъ не точно опредѣлены въ завѣщаніи Густава и въ дарственныхъ грамотахъ его сыновьямъ, что власть и значеніе герцоговъ могли быть очень опасными идеѣ самодержавія. Густавъ въ своемъ завѣщаніи

---

[1]) Любекскій архивъ... das er (Erich) darnach zu trachten entschlossen wie er ein solcher Herr sein moge, als der Konnig aus Hispanien, soll sagen er muste mehr Reich und Lannde unter sich zubrengen entlichen versuchen oder wolte seine Krone nicht halten.

[2]) *Styffe*, Konung Gustaf II Adolfs Skrifter. Stokholm, 1861, стр. 75: Men hä: ruthinnen hafwer Konung Gustaf allena fehlat; ty bröders samdrächt är och sällan att finna: och sällan finnes macht och eenigheet pă ett ställe. Thesse här hertigar woro får mächtige undersäther; ty när een undersäthe sig să mächtig befinner, att han sig moot regementet förswara kan, skiöter han thet mästadeels fögatheraf uppwax bröders träta...

какъ то совершенно упустилъ изъ виду взаимныя отношенія братьевъ; правда, онъ взывалъ къ братской любви, уговаривалъ сыновей жить въ мирѣ, слушаться старшаго и повиноваться ему, но все это не имѣло значенія, и правъ Форсселль, когда въ умоляющемъ тонѣ Густава отмѣчаетъ предчувствіе результатовъ, совершенно противоположныхъ ожидаемому. Поэтому первымъ шагомъ въ самостоятельномъ правленіи Эрика XIV было точнѣе опредѣлить свои отношенія къ братьямъ и сохранить монархическій строй въ молодомъ государствѣ; задача, поставленная Эрикомъ, состояла въ томъ, чтобы уничтожить вредныя для государственнаго единства постановленія своего отца о надѣлѣ герцоговъ землями и предупредить замѣну единовластія удѣльной формой правленія. Понимая, что раздѣлъ государства между герцогами грозитъ снова разъединить только что собранную и окрѣпшую Швецію, онъ ни передъ чѣмъ не останавливался для достиженія своей цѣли. По свойственной Эрику страстности, онъ нерѣдко въ преслѣдованіи своей цѣли впадалъ въ крайности и съ точки зрѣнія чисто человѣческой заслуживалъ, быть можетъ, и осужденія; но цѣль, какою онъ задался, была спасительной для Швеціи, а въ XVI столѣтіи о выборѣ средствъ рѣдко кто задумывался. Сознавая всю необходимость, въ виду внѣшнихъ враговъ, возстановить внутреннее единство въ странѣ, онъ на время отстранилъ всѣ другіе дѣла и вопросы. Желаніе точнѣе опредѣлить свои отношенія къ братьямъ послужило главнымъ мотивомъ къ созыву рейхстага въ Арбогѣ въ 1561 году [1]).

---

[1]) Первый рейхстагъ въ Швеціи былъ созванъ въ 1359 году. Раньше извѣстны были такъ называемые герредаги и ландстинги. Первые были по характеру противоположны вторымъ. Ландстинги были выраженіемъ демократической свободы и провинціальнаго самоуправленія, а герредаги — чисто аристократическія собранія, вначалѣ служившія опорою королевской власти и содѣйствовавшія скрѣпленію отдѣльныхъ частей государства. Въ XV и XVI столѣтіи герредаги стали опасны королямъ. Опору противъ сильныхъ магнатовъ они стали съ этихъ поръ находить въ низшихъ классахъ; вотъ причина, почему они начали привлекать и низшіе классы къ обсужденію различныхъ на очереди стоявшихъ вопросовъ. Этотъ шагъ королей явился вызовомъ какъ прежней провинціальной самостоятельности, такъ и притязаніямъ аристократовъ. При Густавѣ I крестьяне пріобрѣли значеніе и силу, какими раньше не пользовались; они возвели короля на престолъ и они же поддерживали монархическія стремленія Вазы. Со времени Густава рейхстаги являются собраніемъ представителей рата и фрельсеманновъ (дворянъ) съ одной стороны, съ другой—представителей бюргеровъ и крестьянъ всей Швеціи. Рядомъ съ рейхстагами продолжали сзываться и герредаги — изъ представителей отдѣльныхъ областей. При первыхъ Вазахъ рейхстаги не носили характера закономъ признанныхъ учрежденій. Ср. *Nilsson*, 2 и далѣе

Переговоры Эрика XIV съ его братьями открылись еще въ самомъ началѣ 1561 года [1]); эти переговоры въ высшей степени любопытны, ибо обнаруживаютъ всю энергію и страстность Эриковой натуры; ему нужно было какъ можно скорѣе опредѣлить свои шаткія и скользкія отношенія къ братьямъ, онъ спѣшилъ; обширные планы во внѣшней и внутренней политикѣ не терпѣли отлагательства, возможны же были они только при полномъ политическомъ единствѣ въ странѣ. Нетерпѣніе короля росло съ каждымъ днемъ; не отстранивши политической самостоятельности братьевъ герцоговъ, онъ чувствовалъ себя связаннымъ; его давила эта зависимость отъ провинцій, онъ жаждалъ скорѣе сбросить ее съ себя и явиться единодержавнымъ, самовластнымъ королемъ единой нераздѣльной Швеціи. Эрикъ рѣшительно отказывался отъ всякихъ другихъ дѣлъ, не желалъ выслушивать никакихъ докладовъ и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ торопилъ рейхстагъ. Королю казалось, что все намѣренно замедлялось, никто не обнаруживалъ достаточнаго рвенія. Первоначальный проектъ Эрика XIV о видоизмѣненіи политическаго завѣщанія Густава I не дошелъ до насъ. Король самъ говоритъ, что по желанію братьевъ отмѣнилъ нѣкоторые пункты своего проекта. Вѣроятно, этотъ проектъ заключалъ въ себѣ строже формулированныя постановленія, нежели Арбогская конституція, и вызвалъ протестъ со стороны герцоговъ. Іоаннъ находилъ требованія короля столь невыполнимыми, что готовъ былъ завести съ нимъ переговоры объ уступкѣ своего герцогства за денежное вознагражденіе и согласенъ былъ удалиться заграницу [2]). Первые годы царствованія Эрика носили, такимъ образомъ, на себѣ уже отпечатокъ вражды между братьями, той вражды, которая пробудила всѣ отрицательныя стороны даровитой натуры старшаго изъ сыновей Вазы. Каковы бы, повторяемъ, ни были съ общечеловѣческой точки зрѣнія отношенія Эрика къ его братьямъ, историкъ въ виду важности ихъ для внутренней исторіи Швеціи, съ особеннымъ интересомъ останавливается на знаменитой Арбогской конституціи 1561 года, направленной противъ завѣщанія Густава, съ цѣлью лишить Іоанна, Магнуса и Карла всякой

---

[1]) *August Nilsson*, Den svenska Riksdagen under Erik XIV s Regering. Karlstad. 1886.

[2]) *Nilsson*, II; *Claes Annerstedt*, Grundläggningen af svenska väldet i Livland 1558—1563, Uppsala, 1868, 138, прилож. 1... är iach dă tilsinnes welwilleligen updrage och öff. anthwarde E. K. M. samme mitt furstendöme i hender, — för ään sume Sölff. och gull, som är fyretietusendh lödhige mrchr. sölff., teslikes tretietusendh unge gyllen....

самостоятельности, гибельной для единства Швеціи. Арбогская конституція отстаивала монархическіе и самодержавные принципы и „явилась рѣшительнымъ протестомъ противъ всякаго рода медіатизаціи"; въ ней до мельчайшихъ подробностей разсмотрѣны вопросы, которые въ завѣщаніи Густава были намѣчены лишь самыми слабыми штрихами, въ самыхъ общихъ и поддающихся разнообразнѣйшимъ толкованіямъ выраженіяхъ.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ Іоаннъ, герцогъ финляндскій, согласился принять новую конституцію, выговоривши себѣ нѣкоторыя экономическія привилегіи; желаніе же его добиться самостоятельной внѣшней политики, права вести войну и заключать отдѣльные трактаты, затѣмъ права нейтральности въ случаѣ борьбы Эрика съ иностранными державами—не было исполнено [1]). Іоаннъ особенно настаивалъ на этомъ пунктѣ, имѣя тогда уже виды на Ливонію; опасаясь войны съ Россіей, онъ желалъ сблизиться съ Польшей; планъ брачнаго союза уже тогда занималъ его; быть можетъ его честолюбивой и юношеской фантазіи рисовалась возможность явиться въ будущемъ и кандидатомъ на польскій престолъ.

Для Эрика было очень важно окончить переговоры со своими братьями до открытія рейхстага, почему онъ и торопилъ ихъ отвѣтомъ; къ 13-му апрѣля, писалъ онъ имъ, отвѣтъ долженъ быть ему доставленъ. Наши источники въ разбираемомъ вопросѣ разнорѣчивы. Мессеніусъ говоритъ, что герцоговъ 14-го апрѣля принудили подписать арбогскія условія короля; исполнивши его волю, они будто бы заявили, что обращаются въ его рабовъ. Тегель говоритъ другое, а именно, что герцоги *добровольно* приняли предложенія короля, которыя представители рата и сословій подтвердили [2]). На рейхстагѣ готовыя уже постановленія были прочитаны и оповѣщены, затѣмъ подъ ними подписался король и его братья; скрѣплены они были королевскою и герцогскими печатями. Герцогъ Карлъ, еще несовершеннолѣтній, долженъ былъ подписаться подъ Арбогскіе „артикулы" по достиженіи совершеннолѣтія. Всѣхъ §§ такъ называемой Арбогской конституціи 14-го апрѣля 1561 года было сорокъ четыре [3]). Изъ нихъ многіе §§ заключали въ себѣ постановленія съ перваго взгляда совершенно излишнія. ибо они являлись лишь повтореніемъ извѣст-

---

[1]) *Annerstedt*, 142—143 (приложеніе II).

[2]) Ср. *Nilsson*, II.

[3]) О рейхстагѣ въ Арбогѣ см. *Tegel*, 12 — 30; *Stjernmann*, I, 246; *Messenius*, VI, 2. *Hildebrand*, II, 1, 2 и д., то-же, стр. 9—19.

ныхъ уже до этого законоположеній; приведены же они съ очевиднымъ намѣреніемъ—цѣльнѣе и рельефнѣе сгруппировать права и отношенія герцоговъ къ особѣ короля.

Первые два §§ занимающей насъ конституціи содержатъ въ себѣ правила о престолонаслѣдіи; они сходны съ постановленіями Вестеросскаго рейхстага и отличаются только одною любопытной подробностью, вполнѣ характеризующей Эрика XIV. Если кто либо изъ герцоговъ, говорится въ этомъ добавленіи, обнаружитъ по отношенію къ королю какое нибудь злое намѣреніе, или на него падетъ обвиненіе въ crimen laesae majestatis, то онъ лишается права наслѣдованія, безразлично,—успѣетъ ли онъ выполнить свой умыселъ или нѣтъ.

Роковая ошибка, сдѣланная Густавомъ при раздѣлѣ его владѣній, усугубилась еще тѣмъ, что герцоги получали свои удѣлы въ полную собственность и населеніе областей не признавало надъ собою подданства королю [1]. 3, 4 и слѣдующія постановленія Арбогской конституціи уничтожали это ненормальное отношеніе. Герцогамъ разрѣшалось пользоваться доходами съ своихъ удѣловъ, но земля и населеніе считалось достояніемъ короля. Герцоги получали доходы съ горныхъ промысловъ, сами назначали таможенные сборы въ своихъ владѣніяхъ, но по таксѣ, которая практиковалась въ королевствѣ. Десятинные сборы король сохранялъ за собою, не смотря на всѣ старанія Іоанна противостать этому; также какъ и право черезъ каждые 7 или 10 лѣтъ ревизовать доходы и расходы герцоговъ, чтобы съ этимъ сообразовать свои финансовыя дѣла.

Изъ судебной компетенціи герцоговъ исключаются всѣ случаи нарушенія Арбогской конституціи, crimen laesae majestatis и оскорбленія королевскихъ чиновниковъ. О какомъ либо азильномъ правѣ герцоговъ король не допускаетъ рѣчи; всѣ политическіе преступники должны быть ему выдаваемы. Герцогамъ запрещалось раздавать коронныя земли и имущества и промѣнивать ихъ на другія. Какъ ленники короля они въ силу § 7 должны были отправлять военную службу; этотъ §, впрочемъ, не ясенъ и отличается неопредѣленностью: тамъ ничего не говорится о количествѣ конницы и пѣхоты, какое герцоги обязаны были доставлять. Эрикъ имѣлъ въ виду все это опредѣлить точнѣе позже, путемъ отдѣльныхъ переговоровъ съ гер-

[1] Въ завѣщаніи Густава не мало затрудненій представлялъ слѣдующій пунктъ: герцоги владѣютъ своими ленами на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ и мы сами владѣли ими, безъ всякаго исключенія; въ своихъ ленахъ они, какъ имъ угодно, вѣдаютъ всѣ замки, крѣпости, города, земли свѣтскія и духовныя.

цогами; изъ его переписки съ Іоанномъ видно, что онъ дѣйствительно поднималъ вопросъ объ этомъ, но договорились ли они до чего нибудь опредѣленнаго, остается неизвѣстнымъ за неимѣніемъ данныхъ. Относительно Магнуса извѣстно, что онъ обязывался въ мирное время доставлять королю 200 рейтеровъ, въ военное же 400. § 10 даетъ королю право въ военное время расчитывать на вооруженную помощь герцоговъ; король въ силу того же § требовалъ, чтобы его войска имѣли право постоя въ герцогскихъ владѣніяхъ. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ налоговъ жители герцогствъ также должны принимать въ нихъ участіе. Всѣ подданные шведскаго короля, по мнѣнію Эрика, должны въ одинаковой степени участвовать въ уплатѣ податей и различныхъ налоговъ.

Далѣе слѣдуетъ любопытное постановленіе о томъ, что жители герцогствъ обязаны присягать королю на вѣрность, какъ и собственные подданные короля; герцогамъ же они *не имѣли права давать особую присягу;* исключеніе дѣлалось только для ближайшихъ слугъ герцоговъ [1]).

Въ силу §§ 8 и 9 король могъ имѣть въ герцогствахъ своихъ военныхъ чиновниковъ, которые должны были наблюдать за военною службою; при этомъ содержаніе названныхъ чиновниковъ шло отъ герцоговъ. Войска герцоговъ должны были подчиняться королевскимъ военачальникамъ и подлежать военнымъ уставамъ королевства. Еслибы кто либо изъ дворянъ въ герцогствахъ пожелалъ перейдти на службу королю, онъ имѣетъ на это право. Юрисдикція герцоговъ не касалась тѣхъ, кто участвовалъ въ рейхсратѣ или кому король давалъ какія либо порученія. Всякій подданный въ герцогствахъ имѣлъ право аппелировать къ королю, и король имѣлъ въ герцогствѣ свою розыскную коммиссію. Затѣмъ, хотя герцоги и могли строить въ своихъ владѣніяхъ замки и крѣпости, но они должны были быть открыты для короля и его уполномоченныхъ. Начальники и фохты замковъ считались законными только въ томъ случаѣ, если они предварительно принесли королю присягу на вѣрность. Относительно должностныхъ лицъ постановлено было, что герцоги назначаютъ уѣздныхъ судей—герадсгевдинговъ—и церковныхъ старшинъ, король же—лагмановъ и епископовъ (§§ 30, 32, 33). Всѣ протесты Іоанна противъ этого были напрасны. Отъ короля зависѣло также разрѣшать герцо-

---

[1]) *Nilsson*, 13. Самъ король выговорилъ себѣ право — брать по одному рейтеру за каждые 100 талеровъ сборовъ и податей.

гамъ собирать представителей всей области, или назначать новые налоги, или давать новыя привилегіи. Всѣ указы короля были обязательны для герцоговъ [1]).

Объ отдѣльной монетной системѣ теперь уже не могло быть рѣчи; всѣ монеты должны были чеканиться съ изображеніемъ короля и ничѣмъ не разниться отъ монетъ, ходившихъ въ Швеціи.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ §§ Арбогской конституціи—это тотъ, въ силу котораго герцогамъ безъ согласія короля нельзя было ни начинать войны, ни заключать особыхъ трактатовъ, ни вступать въ союзы, ни даже завязывать какія бы то ни было дипломатическіе переговоры съ иностранными государствами. Исключеніе составляли лишь брачные союзы. Этотъ § пріобрѣтаетъ особенное значеніе, такъ какъ уже въ 60 и 61 годахъ Іоаннъ дѣлалъ попытки самостоятельной внѣшней политики. Нарушеніе этого пункта въ 1563 году вызвало ожесточенную войну между обоими братьями—королемъ и герцогомъ, результатомъ которой было заключеніе Іоанна въ Грипсгольмѣ. Эрику удалось провести этотъ пунктъ, не смотря на всѣ протесты Іоанна, благодаря главнымъ образомъ содѣйствію высшаго дворянства и аристократіи.

Поднимался на Арбогскомъ рейхстагѣ вопросъ и объ англійскомъ брачномъ проектѣ; любопытно, что на время своего отъѣзда изъ Швеціи Эрикъ не желалъ болѣе передавать регентства своему брату Іоанну, какъ предполагалось при жизни Густава, а рѣшилъ вручить правленіе нѣсколькимъ представителямъ своей канцеляріи и нѣсколькимъ областнымъ правителямъ. Это опять таки рисуетъ, какое сильное недовѣріе было между обоими братьями.

Есть основаніе предположить, что на Арбогскомъ рейхстагѣ поднимался вопросъ и о Ливоніи; но какія были сдѣланы рѣшенія относительно этого вопроса, остается неизвѣстнымъ. Такимъ образомъ, въ силу арбогской конституціи герцоги — подданные короля и ихъ подданные прежде всего—слуги короля.

На отношеніяхъ Эрика съ герцогами мы намѣренно останавливаемъ свое вниманіе, такъ какъ эти отношенія уже черезъ два года привели къ ожесточенной внутренней борьбѣ между братьями, отразившейся и на внѣшней политикѣ Швеціи. Остальныя мѣры Эрика XIV

---

[1]) Есть любопытное извѣстіе, что Эрикъ тотчасъ по вступленіи на престолъ потребовалъ себѣ отъ финляндцевъ присяги, но Іоаннъ этому помѣшалъ (*Nilsson*, 14) По окончаніи Арбогскаго рейхстага Эрикъ отправилъ въ Финляндію двухъ уполномоченныхъ принять присягу отъ жителей.

касались главнымъ образомъ внутреннихъ преобразованій, почему мы и не останавливаемся на нихъ; достаточно было указать на господствующую тенденцію его царствованія.

Во внѣшней политикѣ балтійскій-ливонскій вопросъ всего болѣе интересовалъ предпріимчиваго короля. Соперниками ему явились кромѣ Даніи Польша и Москва, а изъ германскихъ государей Августъ Саксонскій, тѣсно соединившійся съ Даніей и постоянно ее поддерживавшій.

Въ Польшѣ въ это время царствовалъ Сигизмундъ II Августъ.

Онъ вступилъ на польскій престолъ въ 1548 году. Этотъ литовскій Сарданапалъ, какъ его назвалъ нашъ великій историкъ Соловьевъ, былъ воспитанъ среди женщинъ, отличался изнѣженностью, мягкостью, охотно предавался полному покою, былъ расточителенъ и нерѣдко обнаруживалъ совершенную безхарактерность. Въ мягкомъ, чувственномъ и терпѣливомъ королѣ „завтра" скрывалось большое честолюбіе и преувеличенное мнѣніе о своей королевской власти. Когда дѣло шло о его королевскихъ прерогативахъ, Сигизмундъ умѣлъ быть и строгимъ, и неумолимымъ: достаточно вспомнить отношенія его къ Данцигу. Король съ большою настойчивостью отстаивалъ свои права, ему не по душѣ были вольности и льготы прусскихъ городовъ. При всей своей женственности, при свойственной ему лѣни и умственной неповоротливости онъ нерѣдко способенъ былъ на весьма удачную дипломатическую уловку, составлялъ любопытные проекты, проявлялъ и лукавство, и жестокость; слова короля всегда почти расходились съ дѣломъ; вѣрить ему было невозможно. Стиль его писемъ, какъ и всѣ пріемы его рѣчи напоминаютъ іезуитовъ, только что выработавшихъ свой „іезуитскій стиль", отличавшійся и напыщенностью, и кажущейся искренностью; они уснащали свою рѣчь архаизмами, абстрактныя выраженія замѣняли нерѣдко конкретныя, сыпались безъ всякой нужды цитаты и сравненія, поэтическія слова и обороты, длинныя, ничѣмъ не вызванныя отступленія и т. д. Таковы же и пріемы Сигизмунда II Августа, который какъ политикъ дѣйствительно былъ совершенный іезуитъ. Всѣ его письма и инструкціи исполнены выраженій безкорыстія, реторическихъ самовосхваленій; за этою обманчивою реторикой не трудно, однако, добраться и до настоящаго смысла, до корня, зерна всѣхъ его политическихъ вожделѣній. Сарданапалъ соединялъ въ себѣ и ритора, и лицемѣра, и большаго фразера, жертвовавшаго ради политическихъ выгодъ и религіей, и истиною. Религіозныя убѣжденія короля не отличались твердостью и постоян

ствомъ; слухи о его симпатіяхъ къ протестантамъ дошли даже до папы Павла IV, вызвавши съ его стороны рядъ упрековъ и назиданій. Вообще мы едва ли впадемъ въ ошибку, если рѣшимся высказать, что религіозныя симпатіи Сигизмуна II опредѣлялись всего болѣе политическими моментами; находясь въ сношеніяхъ со многими корифеями протестантскаго міра, слѣдя за движеніями въ протестантскихъ государствахъ Европы и имѣя въ главнѣйшихъ изъ нихъ своихъ пословъ и корреспондентовъ, Сигизмундъ II тѣмъ не менѣе рѣшительно заступается за католиковъ въ Даніи и Швеціи, требуетъ для нихъ свободы вѣроисповѣданія, разрѣшаетъ іезуитамъ являться въ свое государство. Въ Польшу спасались многіе церковные новаторы даже самыхъ рѣшительныхъ оттѣнковъ; послѣ сандомирскаго соглашенія 1570 года, казалось, пробилъ послѣдній часъ романизму, и только іезуиты спасли правовѣріе въ Польшѣ. Религіозныя убѣжденія суетнаго короля были шатки и вѣчно колеблющимися. Общительный, привѣтливый, онъ съ удовольствіемъ отдавался занятіямъ алхиміей и астрологіей, говорилъ въ совершенствѣ на нѣсколькихъ языкахъ и по образованію стоялъ на одной ступени съ своими современниками. Во внѣшней политикѣ Сигизмунда, также по временамъ лишенной ясности и послѣдовательности, можно намѣтить двѣ цѣли: завоеваніе Ливоніи и утвержденіе на Балтійскомъ морѣ, а затѣмъ унія Литовская и Прусская. Король глубоко сознавалъ важность балтійскаго завоеванія и всѣми силами желалъ воспрепятствовать Москвѣ утвердиться въ Нарвѣ или другой приморской гавани; если ему не удавались всѣ его мѣры и проекты, то этому виною были его отношенія къ шляхтѣ; находясь совершенно во власти этого status in statu, онъ поневолѣ затягивалъ дѣла, откладывалъ рѣшеніе ихъ со дня на день. Кромѣ зависимости отъ шляхты Сигизмундъ II былъ связанъ и другими обстоятельствами: ему приходилось считаться съ двумя моментами—внутренними религіозными смутами въ странѣ и отношеніями къ Литвѣ и прусскимъ городамъ; къ этому слѣдуетъ присоединить не вполнѣ ясныя отношенія его къ императору Максимиліану II. Агентъ англійскаго правительства, присматриваясь къ польскимъ дѣламъ, находилъ большое сходство между отношеніями короля къ шляхтѣ съ тѣмъ, что было при Іоаннѣ Безземельномъ въ Англіи. Сигизмундъ II, дѣйствительно, былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, и многое въ его кажущейся бездѣятельности объясняется вышеприведенными мотивами.

„Виртуозность короля въ дипломатическихъ интригахъ и политическихъ дрязгахъ находитъ себѣ параллель въ итальянскихъ тираннахъ

политикахъ XV столѣтія". Нерѣдко у Сигизмунда II, какъ и у итальянскихъ государей Возрожденія, практическое осуществленіе многихъ проектовъ оставалось въ совершенномъ забвеніи и къ дипломатіи онъ относился какъ къ предмету искусства. Итальянское вліяніе было вообще очень значительно при польскомъ дворѣ со времени королевы Боны Сфорца. Ея итальянскіе агенты образовали своего рода дипломатическую школу, и ученики скоро превзошли учителей. Польская политика не была цѣльной, систематической, а именно, какъ въ Италіи XV столѣтія, „размѣнивалась на цѣлую серію болѣе или менѣе хитро и искусно вымышленныхъ интригъ". За Сигизмундомъ остается одна заслуга, и именно та, что онъ одинъ постоянно имѣлъ въ виду національные интересы и, какъ мы выше сказали, вся его дипломатія главнымъ образомъ сосредоточивалась около мысли не допустить, закрыть московитамъ доступъ къ Балтійскому морю; люблинской уніей онъ создалъ непреодолимое препятствіе, при которомъ невозможно было и думать объ отторженіи литовско-русскаго и греко-католическаго населенія отъ польской короны. Подробное разсмотрѣніе внѣшней политики послѣдняго Ягеллона послужитъ доказательствомъ вышевысказанныхъ мыслей [1]).

Изъ сосѣдей Польши самымъ ненавистнымъ и страшнымъ для нея былъ московскій царь. Какъ участникъ въ борьбѣ изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ, онъ необходимо приковываетъ къ себѣ наше вниманіе. Іоаннъ Грозный одинъ изъ тѣхъ высоко замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей, исторія которыхъ далеко еще не выяснена. О немъ существуютъ столь различныя мнѣнія, что разобраться въ нихъ не легко. Тенденція, къ сожалѣнію, проникаетъ иногда и въ исторіографію, оставляя на ней темныя, нежелательныя пятна.

---

[1]) Для характеристики Сигизмунда II Августа самый обильный и надежный матеріалъ въ его многочисленныхъ письмахъ; они частью изданы *Менкеніемъ* „Sigismundi Augusti epistolae, legationes et responsa. Lipsiae MDCCIII", частью въ нашихъ „Актахъ и письмахъ къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ". Множество ихъ разсѣяно по всѣмъ европейскимъ архивамъ. Изъ общихъ сочиненій ср. *Трачевскій*, *Шиманъ*, *Пирлингъ* и др. *Gadebusch*. II, 152. *De-Noailles*, I, 82 и др. *Christiani*, Die Gegenreformation in Livland, 1889, Balt. Monatschrift; *Соловьевъ*, VI. Ср. State Papers, Foreign series, 1866, № 857: „the king of Powel is in case much like king John of England, but his Lords are note Papists like his were". *Harald Hjärn*, Till belysning af Polens Nordiska Politik närmast före Kongressen i Stettin 1570. Upsala 1884. Это—скорѣе замѣтка, нежели изслѣдованіе, но замѣтка глубоко ученая, основанная на польскихъ источникахъ, которыхъ намъ не удалось изучить.

Многіе иностранные историки весьма вѣрно, по нашему мнѣнію, поняли характеръ и дѣятельность Іоанна Грознаго; извѣстны по выдержкамъ у Бестужева-Рюмина отзывы о немъ Рихтера и Miss Aikin. Французскій историкъ De Fleaux, разбирая въ своей исторіи Швеціи XVI столѣтія характеръ Грознаго, называетъ его государемъ замѣчательнымъ и необыкновеннымъ; среди всѣхъ своихъ слабостей, среди ужасныхъ порывовъ страсти, говоритъ онъ, московскій царь всегда остается человѣкомъ, высоко стоявшимъ надъ своими современниками; „какъ вѣрны были его взгляды, какъ удивительна его послѣдовательность, его безстрашная отвага! Все это черты, которыя должны были сдѣлать его величайшимъ законодателемъ, величайшимъ организаторомъ государства, замѣчательнымъ завоевателемъ, подобнаго которому Россія не знала до нашихъ дней; но обстоятельства не дали ему выполнить своей широкой задачи, онъ долженъ былъ явиться столѣтіемъ позже. Грозный—настоящій основатель Русской имперіи. Петръ Великій только продолжалъ начатое Грознымъ великое дѣло“ [1]).

Голландскій историкъ Scheltema говоритъ, что хотя имя Іоанна и занесено въ лѣтописи черною краскою, но онъ тѣмъ не менѣе заслуживаетъ большой похвалы и удивленія заботами о внутреннихъ преобразованіяхъ своего государства [2]).

Съ этимъ мнѣніемъ согласенъ и шведскій историкъ Celsius, называющій Іоанна величайшимъ государственнымъ дѣятелемъ, какого Россія когда либо имѣла [3]).

Геберлинъ, знаменитый историкъ-собиратель прошлаго столѣтія, называетъ Іоанна умнымъ политикомъ [4]). Меркель выдвигаетъ въ Іоаннѣ его проницательный умъ, живой и дѣятельный духъ, высоко энергическій характеръ. Это—великанъ, Геркулесъ. Онъ любилъ искусства и науки и употреблялъ всѣ средства къ тому, чтобы пересадить ихъ въ свое государство; онъ покровительствовалъ торговлѣ, отыскивалъ новые источники ея и разными мѣрами оживлялъ ее; онъ создалъ Россіи постоянное войско и былъ достойнымъ предшественникомъ Петра Великаго. Вспышки и промахи темперамента не могутъ умалить высокаго значенія великихъ историческихъ дѣятелей, подобныхъ Іоанну [5]).

---

[1]) *De Fleaux*, La Suède au XVI siècle, 390—391.

[2]) *Scheltema*, Rusland en de Nederlanden beschourvd in derzelver wederkeerige betrekkingen. Amsterdam, 1817, стр. 19.

[3]) *Celsius*, 42.

[4]) *Häberlin*, IV, 123.

[5]) *Merkel*, II, 398, 423, 426, 428, 437.

Наконецъ шведскій историкъ Альквистъ, знатокъ XVI столѣтія, говоритъ, что изъ всѣхъ государей, добивавшихся господства на Балтійскомъ морѣ во второй половинѣ XVI столѣтія, Іоаннъ Грозный обнаружилъ наибольшую политическую проницательность. Съ этимъ мнѣніемъ соглашается и Дройзенъ, указывающій на то, что потомство назвало Іоанна IV Васильевича Грознымъ за его личные недостатки, политическія же дарованія его были очень значительны. Рамбо сопоставляетъ Грознаго съ Карломъ VII, Людовикомъ XI, Ришелье, Фердинандомъ Католикомъ и Генрихомъ VII [1]). Если мы обратимся къ современнымъ отзывамъ иностранцевъ о Іоаннѣ Грозномъ, то мы встрѣтимся съ діаметрально противоположными взглядами. Одни возвышаютъ его, обходятъ совершенно его личные недостатки и выставляютъ его государемъ высоко замѣчательнымъ, другіе топчутъ его въ грязь, находя и моральныя и интеллектуальныя качества его весьма низкими. Чтобы выйдти изъ затрудненія при такой различной оцѣнкѣ исторической личности, необходимо разсматривать его въ той обстановкѣ, среди которой ему приходилось дѣйствовать, измѣряя его на нравственный аршинъ его времени; между тѣмъ на дѣлѣ нерѣдко бываетъ наоборотъ: историческаго дѣятеля вырываютъ изъ эпохи, въ какой онъ жилъ, и, примѣняя къ нему современныя нравственныя требованія и понятія, его разбираютъ и анатомируютъ. Первое условіе для сколько нибудь вѣрной оцѣнки историческаго дѣятеля — это отрѣшиться отъ тенденціозности, второе—понять вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ и дѣйствовалъ; выполнивъ эти два условія только и можно приступить къ оцѣнкѣ той или другой личности; тогда всѣ ужасы Людовиковъ, Фердинандовъ, Генриховъ и Грозныхъ не будутъ вовсе удивлять насъ; выдѣливъ эти отрицательныя стороны вѣка, мы найдемъ въ основаніи его нѣчто положительное, нѣчто такое, что для разбираемой эпохи было рѣшительно необходимымъ, принесло ей великую пользу. Абсолютный отзывъ о той или другой исторической личности всегда будетъ несправедливъ: будетъ или слишкомъ строгимъ, или слишкомъ сочувственнымъ [2]).

Въ настоящемъ изслѣдованіи намъ интересно лишь отмѣтить, насколько Грозный понималъ важность балтійской борьбы, которую онъ началъ съ такою энергіей. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Іоаннъ Грозный, одаренный необыкновенной чуткостью, свойственной лишь

---

[1]) *Rambaud*, Ivan le Terrible et les anglais en Russie. *Revue des D. M.* 1876.
[2]) Cp. *Philipson*, Histoire du règne de Marie Stuart, I. 1891. 147.

высоко талантливымъ государямъ, понялъ необходимость сближенія своего государства съ Западной Европой; онъ имѣлъ, вѣроятно, въ виду систематическое заимствованіе съ запада различныхъ техническихъ усовершенствованій, пересадку ихъ въ Россію. Все царствованіе его представляетъ непрерывный рядъ усилій въ этомъ направленіи. Такъ, въ 1547 году онъ съ этою именно цѣлью рѣшился воспользоваться пребываніемъ въ Москвѣ гослярца Ганса Шлитте. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ завязываетъ торговыя сношенія съ Англіей, а затѣмъ уже приступаетъ къ выясненію своихъ отношеній съ ливонскимъ орденомъ.

Все, что мы знаемъ объ Гансѣ Шлитте, даетъ намъ право считать его человѣкомъ энергичнымъ и предпріимчивымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ самоувѣреннымъ, съ извѣстною долею изобрѣтательности, не безъ нѣкоторой хвастливости, суетности и страсти къ проектамъ и разнаго рода предпріятіямъ. Проекты Шлитте съ перваго взгляда поражали своею новизною и смѣлостью, но рѣдко ему удавалось приводить ихъ въ исполненіе: это былъ неутомимый „прожектеръ", не жалѣвшій своихъ силъ, смѣло шедшій къ цѣли и не робѣвшій предъ неудачами [1]).

Въ Москву Шлитте явился по своимъ коммерческимъ дѣламъ, усвоилъ здѣсь, какъ человѣкъ способный, русскій языкъ и сдѣлался извѣстенъ царю; царь избралъ его своимъ агентомъ заграницу и поручилъ ему набрать въ Европѣ опытныхъ мастеровъ и техниковъ, свѣдущихъ въ военномъ и морскомъ дѣлѣ людей, врачей и т. д. Съ инструкціей царя, Шлитте явился на Аугсбургскій рейхстагъ, гдѣ въ это время находился Карлъ V. Это была та пора царствованія Карла V, когда, какъ мы выше видѣли, онъ находился на верху славы и могущества. Одинъ другаго величественнѣе проекты создавалъ знаменитый внукъ Фердинанда Католика, и въ эту то минуту, когда упоенный своими военными успѣхами Карлъ V лелѣялъ мысль объ универсальной монархіи, къ нему является Шлитте и предлагаетъ, вмѣстѣ съ грамотою царя, заключавшей въ себѣ просьбу разрѣшить проѣздъ въ Россію ремесленниковъ и „ученыхъ" людей, путь къ сближенію

---

[1]) Любекскій арх., Miscellanea Russica, томы 3, 4 и 5. Acta in Sachen Hans Schlitt (Schleden, Slede) contra senatum Lubecensem 1548. *Г. Форстенъ*, Любекскій и Данцигскій архивы, *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1890. *Pierling*, Rome et Moscou, 7. *Ioseph Fiedler*, Ein Versuch der Vereinung der russischen mit der römischen Kirche im 16 Jahrh. *Sitzungsbericht der Philosophisch-historichen Classe der Kais. Akademie der Wissenschaften.* 40 Band. Wien, 1862.

съ могущественнымъ московскимъ царемъ. Дерзко выдавая себя за московскаго посла, Шлитте не задумался пожертвовать истиною и сумѣлъ представить свой проектъ Карлу въ самомъ заманчивомъ свѣтѣ. Итакъ, на первыхъ же шагахъ Шлитте искажаетъ настоящій смыслъ своей миссіи. Обыкновенный агентъ московскаго царя, онъ выдаетъ себя за его посланника. Дипломатъ узурпаторъ въ своемъ обращеніи къ Карлу выдвинулъ на первый планъ *искреннее* желаніе Іоанна Грознаго начать съ императоромъ переговоры о сліяніи, уніи восточной и западной церквей, о чемъ въ грамотѣ царя не упоминалось ни единымъ словомъ.

Карлъ V передалъ царскую грамоту на обсужденіе членамъ рейхстага, которые, всесторонне разсмотрѣвъ ее, вынесли свое согласіе на просьбу царя. Карлъ и самъ съ радостью соглашался пойдти на встрѣчу желанію восточнаго царя и исполнить все, о чемъ онъ просилъ, мотивируя это между прочимъ тѣмъ, что отецъ Іоанна Грознаго и самъ онъ выразили желаніе подчиниться западной церкви. Въ письмѣ къ царю онъ, не касаясь религіозныхъ вопросовъ, съ большою похвалою отозвался о „цивилизаторскихъ" стремленіяхъ его" [1]).

30 января 1548 года Шлитте получилъ разрѣшеніе набрать нужныхъ царю людей, но долженъ былъ обѣщать, что никто изъ набранныхъ имъ „ученыхъ" не проникнетъ въ Турцію, Тартарію или другія нехристіанскія земли [2]). Шлитте передано было и письмо императора къ царю отъ 31-го января [3]).

Предпріятіе Шлитте началось, такимъ образомъ, при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Онъ набралъ 123 человѣка, среди которыхъ было и 4 богослова [4]). Карлъ обратился къ курфюрстамъ, свѣтскимъ и духовнымъ князьямъ, графамъ, фохтамъ и прочимъ. прося ихъ оказать Шлитте всякое содѣйствіе и не препятствовать вообще всѣмъ, кто бы пожелалъ поѣхать въ Россію.

Набрать 123 человѣка стоило Шлитте не мало труда и издержекъ.

---

[1]) *Pierling*, 10.

[2]) *Fiedler*, 78, прил. IE. Въ Любекскомъ архивѣ „Imperiale Privilegium Joh. Schlitten datum. 1548".

[3]) Ibid. I. F.

[4]) *Pierling*. Въ письмѣ Ревеля къ Любеку отъ 19-го іюля 1548 года перечисляются: doctorn magistri in allerlei frihen kunsten, glockengeter, berchuorstendige, goltsmeden, luden so jm Water soken, tymmerluthe, steinmetzer, sonderlich de Zirlicke kercken buwen konen, Bornemeister, papirmaker, artzten und derulicken Kunsterfarne.

Каково же было его разочарованіе, когда, прибывъ въ Любекъ съ своими спутниками, онъ не смотря на то, что снабженъ былъ императорскою грамотой и паспортомъ, былъ посаженъ подъ стражу. Его спутники разбѣжались въ разныя стороны. Любекскій ратъ совершилъ самовольный поступокъ, не обративъ вниманія ни на пропускную грамоту императора, ни на рѣшеніе рейхстага; онъ нарушилъ „и земскій миръ, и золотую буллу".

Поступокъ Любека былъ вызванъ усиленными просьбами ливонскихъ городовъ не пропускать въ Россію цивилизаторовъ. Предъ нами энергическое письмо ревельскаго рата, отвергающее всѣ извѣстія о готовности царя принять католицизмъ и рисующее страшную картину бѣдствія для всей Ливоніи и нѣмецкой націи, если только русскіе освоятся съ военнымъ искусствомъ запада [1]). Ревельцы и другіе просили любекскій ратъ употребить всѣ отъ него зависящія средства, чтобы только не пропустить Шлитте и его спутниковъ въ Москву [2]).

Любекъ, отношенія котораго къ ливонскимъ городамъ мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ, не зная какъ оправдаться передъ императоромъ, выставилъ на видъ, что гослярецъ Гансъ Шлитте долженъ былъ городу большую сумму денегъ и, какъ не уплатившій ее, заключенъ въ тюрьму. Съ этихъ поръ начался продолжительный процессъ родственниковъ Шлитте съ любекскимъ ратомъ [3]).

Заключеніе Шлитте продолжалось цѣлыхъ два года. Онъ неутомимо хлопоталъ объ освобожденіи и главнымъ образомъ о томъ, чтобы все-таки выполнить свой проектъ. Родственники [4]) его указывали Любекскому рату на беззаконность его поступка съ Гансомъ, которому будто бы не давали возможности писать, конфисковали всѣ приходившія къ нему письма, отняли отъ него лошадь и такъ далѣе. За Ганса заступился Георгъ герцогъ Силезскій, Лигницкій и Бриггскій, за него хлопотали ратманны Бреславля — все тщетно: Любекскій ратъ упорно отказывалъ всѣмъ ходатайствамъ.

---

[1]) Люб. арх. Wath merckiich vnheils diessen gantzen landen nicht alleine, sondern ock J. Erb. W. und gemeiner duitschen Nation daruth gewislick erfolgen wolde

[2]) Um sie sperren, weren und verhindern helpen.

[3]) Акты этого процесса въ Любекскомъ архивѣ. Ср. наши замѣтки объ архивныхъ занятіяхъ въ Любекѣ и Данцигѣ по исторіи Балтійскаго вопроса.

[4]) Люб. арх. Tyle vnd Zacharias Slitten sampt Irer andere freundschafft zu Goslar—Люб. рату. Sannabend nach Jacobi, 1549.

Гнѣвъ Карла V на беззаконное самоволіе Любека не имѣлъ границъ. Послѣ бѣгства Шлитте онъ вызывалъ Любекскій ратъ въ каммергерихтъ за нарушеніе императорской грамоты и защиты [1]). Шлитте бѣжалъ въ Рассебергъ; Любчане требовали его выдачи „ratione effracti carceris", грозили ему смертью; между тѣмъ ловкій гослярецъ бѣжалъ изъ Рассеберга и въ 1550 году создаетъ новый планъ: добиться у папы королевскаго титула для царя, подчинить послѣдняго римскому папѣ и поставить царя—короля во главѣ анти-турецкой лиги и такимъ образомъ дать новое направленіе всей политической системѣ Европы. Орудіе для этой опасной игры дипломатъ Донъ Кихотъ находитъ въ австрійскомъ дворянинѣ, такомъ-же искателѣ приключеній, какъ и самъ онъ, въ Іоаннѣ Штейнбергѣ. Шлитте, достигшій совершенной виртуозности въ измышленіяхъ и искаженіяхъ истины, далъ Штейнбергу титулъ московскаго канцлера и отправилъ его въ Римъ, а самъ сдѣлалъ новую попытку проѣхать въ Москву съ нѣсколькими ремесленниками [2]). Въ 1555 году онъ обратился къ Іоанну Грозному съ просьбою помочь ему деньгами, а черезъ два года онъ и самъ явился въ Москву. Вернувшись, онъ шлетъ имъ самимъ измышленный отвѣтъ царя Карлу V, въ которомъ царь сыплетъ щедрыми обѣ-

---

[1]) Kaiserliche Bewilligung, schutz schirm und glaidtsbrief. Люб. арх. Въ письмѣ Карла читаемъ: „Demnach dieweil zu solcher handlung vnd gefengnuss Jr gar kein ursach gehabt vnd euch solche handlung an Imo zuuben mit nichten geburt. Er auch durch solche vnrechtmessigehaft vonn seinem besteltenn leuthen vnnd in mercklichenn schaden uber 36.000 thaler komenn, wie solchs in auffürung der sachenn dargethann werden solt. Und enndtlichs willens euch derhalbenn rechtenns nicht zuerlassen, auch Jr vnns vnd dem Reich one mithel underworfen umbladung auch sonnst ander notturftig hilf, rechtenns Jme wider euch zuerkennen vnd mitzuthailenn, Demutiglich angeruffen vnd gebottenn. Wan wir nun niemandt recht versagenn sollenn, Jme auch solche ladung erkennt wordenn ist, Darumb so haischenn vnd ladenn wir euch vonn Rom. Kays. macht hiemit das Jr auf denn 36-ten tag denn nehsten nachdem euch dieser unser Kais. brief uberantwurt oder verkundt wurt, Deren wir euch 12 fur denn ersten, 12 fur denn andern vnd 12 fur den dritenn letsten vnd endtlichen rechtstag setzenn vnd benennen peremptorie, oder ob derselbig tah nit ein gerichtstag sein wurde, Denn nechsten Gerichtstag darnach selbs oder durch euwernn volmechtigenn Anwaldt an gedachtem vnnserm Chammergericht erscheinet obgemeltem cleger darumben jm rechtenn zuantwurtenn. Der sachenn und allen jren gerichtstagen vnd terminen bis nach endtlichen beschluss vnnd urthail ausszuwartenn. Wann Jr komet vnd erscheinet alsdann also oder nit, so wurdt nicht destominder auf des gehorsamen theils oder seins volmechtigen Anwaldts anrufen vnd erfordernn, hierin im rechtenn gehandelt und procedirt, wie sich das nach seiner ordnung geburt".

[2]) *Pierling*, 13—14. *Fiedler*, 51.

щаніями императору, высказываетъ полное согласіе выставить войско противъ турокъ, желаетъ находиться съ императоромъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, основать правильное почтовое сообщеніе между Москвою и Аугсбургомъ и прислать ко двору императора 25 русскихъ юношей изъ знатнѣйшихъ фамилій [1]).

Штейнбергъ между тѣмъ обратился съ своимъ проектомъ къ папскому нунцію въ Вѣнѣ, который, разумѣется, очень одобрилъ его, а оттуда направился въ Римъ. Онъ имѣлъ съ собою письмо Карла V къ Юлію III, въ которомъ императоръ выражаетъ свое „pium desiderium“ увидѣть восточную церковь въ соединеніи съ западной. Въ Римѣ Штейнберга ожидала самая восторженная встрѣча, какую только папы и могли устроить. Къ новому несчастію Шлитте и Штейнберга, въ Римѣ находился посолъ польскаго короля Конарскій, который, услыхавъ о миссіи Штейнберга, донесъ о ней въ Польшу, гдѣ „эта фантастическая дипломатическая комедія“ подняла цѣлую бурю; тамъ всему повѣрили и не на шутку испугались проекта Московскаго Королевства [2]).

Въ началѣ 1553 года польское правительство отправило два посольства, одно въ Римъ, другое въ Вѣну; цѣль этихъ посольствъ состояла въ томъ, чтобы указать какъ императору, такъ и папѣ на совершенную безцѣльность сближенія съ Москвою, государь которой окажется весьма ненадежнымъ союзникомъ въ борьбѣ съ турками; о какомъ либо религіозномъ сближеніи съ русскими также не можетъ быть рѣчи, говорили польскіе послы. „Московитъ всего болѣе ненавидитъ римскую церковь и ея представителя; прирожденная всѣмъ вообще московитамъ національная гордость не помирится ни съ какимъ верховнымъ авторитетомъ; достаточно вспомнить всѣ прежнія попытки соединенія церквей. Никогда русскіе не согласятся перейдти въ католичество; извѣстно, что они сожгли евангеліе, переведенное католикомъ“. Во второй части своей инструкціи польскіе послы указывали на совершенную неподготовленность русскихъ въ морскомъ дѣлѣ и прибавляли: если московитъ научится и морскому дѣлу и сдѣлается обладателемъ моря, то это послужитъ къ великому вреду всѣхъ народовъ; на морѣ они будутъ болѣе грозны, чѣмъ на сушѣ [3])—тема, которая впослѣдствіи подвергалась самымъ разнообразнымъ и, какъ увидимъ ниже, чудовищнымъ варіяціямъ. Инструкція польскихъ пословъ оканчивалась слѣдующею грозною дилеммой:

---

[1]) Мюнх. архивъ.
[2]) *Pierling*, 20 и д.; *Fiedler*, 54—55.
[3]) Ср. *Fiedler*, прилож. IV. I. N.

король требуетъ рѣшительнаго отвѣта, кого предпочтетъ папа— всегда ли вѣрнаго Апостольскому столу польскаго короля и польскій народъ, или варварскаго и дикаго московита, чуждаго всякой цивилизаціи и столь измѣнчиваго въ дѣлахъ вѣры. Онъ грозитъ порвать съ Римомъ и заключить союзъ съ турками, если только московскому царю дана будетъ королевская корона [1]).

Польскіе дипломаты одержали верхъ надъ самозваннымъ канцлеромъ московскаго царя: въ Римѣ Штейнбергу дали рѣшительный отказъ на его миссію и „политико-религіозныя“ комбинаціи.

Итакъ, проектъ Шлитте совершенно не удался и въ этой новой имъ самимъ измышленной редакціи.

Іоаннъ Грозный не забылъ вмѣшательства ливонскихъ городовъ въ его дѣло съ Шлитте, и, какъ будетъ видно ниже, это обстоятельство послужило однимъ изъ поводовъ къ войнѣ съ Орденомъ [2]).

Неудачная попытка только усиливаетъ энергію у выдающихся людей. Покоряя себѣ восточныя татарскія ханства, московскій царь непрестанно обращался на западъ, гдѣ ливонскій орденъ доживалъ свои послѣдніе годы. Появленіе англичанъ на Бѣломъ морѣ помогло царю войдти въ торговыя сношенія съ однимъ изъ наиболѣе выдающихся торговыхъ государствъ запада; этотъ фактъ совпалъ съ покореніемъ Казани и Астрахани, другими словами съ моментомъ рѣшительнаго господства Россіи надъ европейскимъ востокомъ. Съ тѣхъ поръ какъ англичане, стремившіеся къ конкуренціи съ испанско-океанійскою торговлей, открыли новый путь въ Бѣлое море и болѣе прежняго обнаружили свои торгово-политическія способности, это море стало „великою гаванью Россіи“ (Дройзенъ); торговля московскаго государства быстро расширилась и новый торговый путь Россіи „составилъ цѣлую эпоху въ ея внутренней экономической жизни“. Англійскіе товары проникали чрезъ Россію въ Астрахань, которая съ этихъ поръ стала главнымъ мѣстомъ европейско-азіатской торговли. Іоаннъ Грозный, такъ щедро одарившій англичанъ торговыми привилегіями, понималъ все громадное значеніе внезапнаго сближенія съ однимъ изъ океанійскихъ государствъ, „съ этихъ поръ Россія сама становилась участницею въ океанійской торговой политикѣ“ [3]).

---

[1]) *Pierling*, 31; *Fiedler*, I, M.

[2]) О судьбѣ Шлитте послѣ 1557 года мы не имѣемъ никакихъ данныхъ.

[3]) Ср. *Толстой*, Россія и Англія; *Замысловскій*, въ *Древней и Новой Россіи*, 876; *Гамель* въ VIII и XV т. *Записокъ академіи наукъ*; *Rambaud* въ выше названномъ изслѣдованіи. Намъ также придется остановиться нѣсколько на сношеніяхъ Россіи съ Англіей.

Завязавъ оживленныя торговыя сношенія съ Англіей, блестяще выполнивъ свою историческую задачу на востокѣ, Россія приняла участіе въ балтійскомъ вопросѣ. Третій моментъ, свидѣтельствующій, сколь глубоко Грозный понималъ необходимость стать прочною ногою на Балтійскомъ морѣ! Не удивительно, что Европа затрепетала. Россія уже владѣла Бѣлымъ и Каспійскимъ морями; еслибы ей удалось утвердиться еще и на Балтійскомъ морѣ и на его побережьѣ установить свой торговый суверенитетъ и явиться, такимъ образомъ, обладательницею заманчиваго наслѣдія Ганзы, ливонскіе го|ода и мелкія нѣмецкія балтійскія княжества должны бы отказаться отъ всякой торговой и политической автономіи. Принявъ участіе въ ливонской войнѣ, Грозный понялъ необходимость политическаго сближенія съ скандинавскими государствами; сначала онъ заключаетъ союзъ съ Швеціей, потомъ съ Даніей. Съ послѣднимъ государствомъ, не смотря на нѣкоторыя несогласія изъ за Лапландскихъ земель, устанавливаются твердыя и надежныя отношенія. Данія, какъ подробнѣе будетъ указано ниже, имѣла въ виду заключить цѣлую цѣпь договоровъ противъ Швеціи, съ Польшей, Любекомъ, Германскими княжествами и Москвой.

Послѣ смерти Христіана III датскій престолъ занялъ молодой и энергическій государь Фридрихъ II.

Фридрихъ II Датскій родился 1-го іюля 1534 года въ Гадерслевенѣ; ему было стало быть 25 лѣтъ, когда умеръ Христіанъ III и онъ занялъ датскій престолъ. По своему характеру будущій король Даніи имѣлъ очень мало общаго съ своимъ соперникомъ Эрикомъ XIV. Одаренный отъ природы недюжинными способностями, онъ получилъ очень скудное образованіе; съ молодыхъ лѣтъ его увлекала военная жизнь, свобода, рыцарскія игры. Угрюмость, невоздержность, нѣкоторая крутость, гордость и раздражительность—вотъ черты въ характерѣ датскаго короля Фридриха II, которыхъ не было въ его отцѣ. Учителемъ Фридриха II въ продолженіе 13 лѣтъ былъ извѣстный исторіографъ Даніи Іоаннъ Сванингъ, затѣмъ Христофъ Микельсенъ, будущій каноникъ Роскильде. Значеніе Сванинга, какъ природнаго датчанина, въ воспитаніи и образованіи молодаго короля должно быть особенно отмѣчено; онъ сообщилъ всему царствованію Фридриха II національный, чисто датскій характеръ, возбудилъ въ немъ любовь ко всему родному. Фридрихъ II зналъ датскій языкъ и на немъ велъ свой дневникъ [1]). Вступленіе Фридриха II на пре-

[1]) *Paludan Müller*, Historiographie, 71 и др.

столъ означаетъ паденіе иноземной, нѣмецкой партіи въ Даніи и торжество національной, датской; нѣмецкіе духовники были тотчасъ по смерти Христіана III удалены, ихъ замѣнили датчане. Этотъ шагъ опредѣлилъ все направленіе предстоявшаго царствованія.

Храбрый, веселый, увлекающійся, Фридрихъ II предпочиталъ книгамъ и наукамъ охоту; на сколько онъ былъ преданъ этому развлеченію, видно, между прочимъ, и изъ своеобразнаго девиза короля „thren ist wildprat“. Когда прошелъ юношескій пылъ и Фридрихъ уже занималъ датскій престолъ, онъ сожалѣлъ не разъ о своемъ пренебреженіи научными занятіями, о пробѣлахъ въ своихъ знаніяхъ. Какъ Эрикъ XIV оставилъ намъ множество своихъ писемъ, сочиненій, журналовъ и т. д., такъ отъ Фридриха II сохранился всего на всего одинъ тощій дневникъ на датскомъ языкѣ.

Христіана III заботила будущность датской короны въ рукахъ веселаго и легкомысленнаго молодаго человѣка; онъ не разъ привлекалъ его къ государственнымъ занятіямъ, Фридрихъ долженъ былъ участвовать въ совѣтахъ своего отца; вскорѣ ему переданъ былъ въ управленіе городъ Мальмё, но всѣ эти мѣры не могли заставить его сдѣлаться серьезнѣе; сдѣлавшись королемъ, Фридрихъ откровенно сознавался, что мало знаетъ о внутреннихъ дѣлахъ своего государства. Здравый умъ часто подсказывалъ ему то, чего не могъ дать недостатокъ знаній. Въ 1557 году Фридрихъ въ сопровожденіи Августа Саксонскаго уѣхалъ въ Саксонію, гдѣ тѣсно сошелся съ курфюрстомъ; съ этихъ поръ начинается ихъ дружба, имѣвшая такое важное значеніе во всей будущей исторіи дипломатическихъ сношеній Даніи съ Германіей. Фридрихъ сопровождалъ Августа на Франкфуртскій рейхстагъ, гдѣ познакомился съ Максимиліаномъ II. Не отрицая сильнаго вліянія курфюрста Августа на Фридриха II и его политику, слѣдуетъ однако отмѣтить нѣкоторое преувеличеніе въ отзывахъ нѣмецкихъ историковъ [1]). не признающихъ за Фридрихомъ уже никакой самостоятельности во внѣшней политикѣ. Можно указать на рядъ случаевъ, въ которыхъ Фридрихъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно и противъ совѣтовъ Августа, напримѣръ, союзъ его съ Польшей 1563 года, отношенія къ Москвѣ и т. д.

Настойчивый въ своихъ стремленіяхъ, Фридрихъ упорно шелъ къ разъ намѣченной цѣли и не отступалъ передъ затрудненіями; окруженный лучшими совѣтниками, нежели отецъ его, онъ охотно выслушивалъ

---

[1]) Ср. *Girardet*, Stettiner Friede, Halle, 1888, 5.

ихъ мнѣнія, но никогда не поддавался имъ во всемъ. Возраженія его раздражали. „Мы скоро какъ слѣдуетъ отблагодаримъ тебя за совѣтъ“— такими словами прерывалъ Фридрихъ назойливыхъ совѣтниковъ; за словами слѣдовало строгое наказаніе.

Слѣдуя монархическимъ тенденціямъ своего отца, Фридрихъ II рѣшился совершенно сокрушить могущество дворянъ и духовенства въ своемъ королевствѣ. Во время сѣверной семилѣтней войны онъ не могъ выполнить этого, такъ какъ нуждался въ деньгахъ, а дворяне ссужали ему ихъ лишь подъ условіемъ льготъ и привилегій; склонить ихъ на свою сторону можно было только уступкою въ пользованіе ихъ королевскихъ имѣній. Послѣ же 1570 года онъ уже рѣшительнѣе вступилъ на путь монархическихъ реформъ и распространилъ свое вліяніе мало по малу на всѣ государственные лены, находившіеся въ рукахъ дворянъ со времени Фридриха I, его дѣда. Зависимость отъ привилегированныхъ классовъ, какъ слѣдствіе финансовой нужды въ семилѣтнюю войну, была чисто преходящею, временною.

Христіанъ III намѣтилъ уже дѣло реформы земельныхъ леновъ, но, какъ удачно выразился датскій ученый Эрслевъ, только въ общихъ, крупныхъ чертахъ, завѣщавъ сыну заняться деталями и болѣе тонкими штрихами. Христіанъ шелъ къ своей цѣли съ какою-то лихорадочной поспѣшностью, сынъ же его имѣлъ возможность внести въ свои реформы больше послѣдовательности и систематичности; онъ дѣйствовалъ спокойнѣе и опредѣленнѣе и вносилъ большій порядокъ въ добытые его отцомъ результаты; вся его политика по отношенію къ ленамъ носитъ на себѣ характеръ цѣлостности и опредѣленности.

При вступленіи Фридриха II на престолъ аристократы обязали его избирательною грамотой, „Handfaestning“, которая въ нѣкоторыхъ пунктахъ отличалась отъ грамоты, данной Христіаномъ III при его вступленіи на престолъ, но практическаго значенія эти измѣненія, касавшіяся вообще права дворянъ на королевскіе лены, не имѣли. Постановленіе, по которому король могъ надѣлять ленами однихъ только природныхъ датчанъ, не выполнялось имъ; бывали случаи передачи леновъ служилымъ людямъ короля даже и не дворянскаго происхожденія. Изъ нѣмецкихъ выходцевъ многіе достигали значительныхъ отличій и были одарены ленами [1]); въ послѣдній годъ цар-

[1]) Списокъ именъ этихъ иностранныхъ (голштинскихъ и нѣмецкихъ) выходцевъ въ прибавленіяхъ къ труду *Эрслева*, стр. LXX и слѣд.

ствованія Фридриха II только шесть крупныхъ леновъ оставались въ рукахъ дворянъ; изъ 16 заложенныхъ имѣній къ концу его царствованія оставалось всего три.

Фридрихъ II постановилъ, что каждый ленъ,—получаетъ ли съ него король только извѣстный денежный процентъ (Regnskabslen), или онъ доставляетъ ему съѣстные припасы (Faderburslen),—долженъ считаться королевскимъ леномъ, королевскою собственностью. Мало по малу всѣ лены были обращены въ Regnskabslen. Это вытекало изъ желанія короля подчинить своей власти дворянъ, пересоздать родовую аристократію въ служилый классъ, а затѣмъ и изъ чисто финансовыхъ видовъ. Доходы съ леновъ къ концу царствованія Фридриха II дошли до 17.000 талеровъ. Относительно монастырей Фридрихъ также слѣдовалъ политикѣ своего отца и систематически уменьшалъ число ихъ. Монастырскія земли были въ Даніи очень значительны и часть ихъ послѣ реформаціи отошла къ дворянамъ. Уже Христіанъ III присоединилъ нѣкоторыя изъ нихъ къ коронѣ; Фридрихъ II продолжалъ его дѣло и прибѣгъ при этомъ къ системѣ обмѣна областей; онъ вступалъ въ сдѣлки съ дворянами, обмѣнивался съ ними землями и ловкою тактикою сумѣлъ присвоить бо́льшую часть секуляризованныхъ земель коронѣ. Въ 1559 году этихъ мелкихъ монастырскихъ секуляризованныхъ леновъ было 222, къ 1588 году ихъ осталось всего 70; въ 1540 году монастырскія земли составляли 30% всей казенной территоріи въ Ютландіи, къ началу же XVII вѣка (1602) всего только 15%. Количество закладныхъ денегъ, шедшихъ въ казну съ леновъ, въ 1559 г. было 830 талеровъ, а въ 1588 г.—2.000 съ лишнимъ; при Христіанѣ въ казну поступало въ общей сложности съ разныхъ леновъ 10.000 талеровъ, а при Фридрихѣ II послѣ 1570 года — 40.000 талеровъ ежегодно.

Такимъ образомъ, централизація въ областномъ правленіи проводилась Фридрихомъ I весьма послѣдовательно и энергично. Мелкіе лены были мало по малу уничтожены или присоединены къ крупнымъ, такъ что къ началу XVII вѣка вся Данія была разбита на нѣсколько крупныхъ земельныхъ леновъ; вслѣдствіе этого и надзоръ надъ ними сталъ менѣе затруднителенъ; во всемъ областномъ правленіи съ этого времени замѣчается больше систематичности, правительственный контроль надъ доходами и расходами въ областяхъ сталъ гораздо строже и составлены были особыя книги, гдѣ отмѣчали пространство и доходность каждой области. Вслѣдствіе лучшей экономіи въ странѣ, вслѣдствіе подчиненности леновъ коронѣ и болѣе строгой отчетности въ до-

ходахъ и расходахъ, финансовое состоянiе Данiи въ разсматриваемое царствованiе стало гораздо лучше.

Итакъ, во внутреннихъ реформахъ Фридриха II, областныхъ, монастырскихъ и другихъ, ясно сказались монархическiя тенденцiи его. О самостоятельной политической роли дворянства не могло быть болѣе рѣчи. Наслѣдственность леновъ была отмѣнена и владѣтельные аристократы перемѣщались изъ области въ область. Какъ скоро владѣтели леновъ, какъ лица служилыя, не выполняли всѣхъ своихъ обязанностей по отношенiю къ королю, послѣднiй, распоряжаясь богатою казною, имѣлъ возможность выкупить лены у непокорныхъ и присоединить ихъ къ коронѣ. Областное дворянство всецѣло зависѣло отъ милости и щедрости короля. Не успѣлъ Фридрихъ II сойдти въ могилу, какъ областные дворяне, пользуясь малолѣтствомъ короля Христiана IV, сдѣлали попытку отмѣнить всѣ реформы Фридриха II; съ такимъ анти-монархическимъ проектомъ они обратились къ регентамъ страны, членамъ королевскаго рейхсрата. Но ихъ попытка не удалась, и Христiанъ IV съ настойчивостью и твердостью продолжалъ дѣло своего отца и дѣда.

Въ началѣ XVI столѣтiя Данiя была, какъ мы видѣли, раздѣлена на нѣсколько крупныхъ и мелкихъ леновъ, такъ называемыхъ королевскихъ и дворянскихъ, при чемъ число послѣднихъ значительно превосходило число первыхъ. Въ концѣ же столѣтiя, благодаря внутренней дѣятельности Фридриха II, отношенiя измѣняются: бóльшая часть леновъ—уже королевскiе лены, и рѣзкое отличiе между коронными и дворянскими ленами мало по малу исчезаетъ. Король, какъ правитель страны, выше всѣхъ леновъ; въ его власти передача леновъ дворянамъ. Король съ этихъ поръ даетъ, жалуетъ; аристократы принимаютъ, какъ монаршую милость. Узелъ всей ленной, областной реформы въ переворотѣ 1536 года [1]).

Являясь представителемъ монархическаго принципа и строгой централизацiи, Фридрихъ II на первыхъ же порахъ рѣшился покончить съ свободою Дитмарсовъ.

Война Фридриха II съ Дитмарсами, о которой мы упоминаемъ въ настоящемъ изслѣдованiи только для характеристики политическихъ взглядовъ Фридриха II, событiе по характеру своему тожественное съ борьбою нѣмецкихъ князей съ франконскимъ рыцарствомъ и сѣверо-нѣмецкими крестьянами. Война съ Дитмарсами была окончена въ 4 не-

---

[1]) Ср. *Г. Форстенъ*, Борьба и т. д., II-я часть, глава IV.

дѣли, тогда какъ герцоги голштинскіе въ продолженіе четырехъ столѣтій не могли подчинить себѣ вольное населеніе приморской полосы; то, что не удалось шауенбургскому и ольденбургскому домамъ, удалось теперь соединеннымъ силамъ датскаго короля и голштинскаго рыцарства. Земля Дитмарсовъ распалась на три части: южную, среднюю и сѣверную съ городами Мельдорфомъ, Гейде и Лунденомъ во главѣ. Каждая изъ трехъ частей находилась въ вѣдѣніи фохта, 8 ратманновъ и одного писаря; всѣ они составляли судебную инстанцію, засѣдавшую разъ въ двѣ недѣли; на рѣшенія ея могли аппеллировать къ князьямъ. Надъ всѣми названными должностными лицами стояли три высшихъ чиновника, къ которымъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ должны были обращаться фохты: въ Мельдорфѣ — Генрихъ Рантцау, штатгальтеръ Фридриха II, въ Гейдѣ—уполномоченный отъ герцога Іоанна и въ Лунденѣ—уполномоченный отъ Адольфа готторпскаго [1]).

Миръ съ Дитмарсами (30-го. іюня 1560 г.) высоко поднялъ значеніе Фридриха II въ Даніи; его репутація укрѣпилась и внѣ королевства: онъ безъ труда справился съ возстаніемъ, тогда какъ современные ему нѣмецкіе князья должны были покупать себѣ миръ отъ рыцарей цѣлымъ рядомъ уступокъ, нерѣдко весьма унизительныхъ.

Во время войны съ Дитмарсами у Даніи возникаютъ оживленныя сношенія съ Ливоніей; Даніи удается создать себѣ тамъ сильную партію, которая не преминула вступить въ борьбу съ представителями шведскаго правительства. Запутанныя отношенія скандинавскихъ государствъ къ ордену выяснятся всего лучше изъ предварительнаго краткаго очерка его исторіи до начала такъ называемой ливонской войны.

Исторія ливонскаго ордена имѣетъ двоякій интересъ—мѣстный и общеевропейскій. Культурное стремленіе нѣмцевъ коснулось всего южнаго и восточнаго побережья Балтійскаго моря; Drang nach Osten, начавшійся еще при первыхъ франкскихъ короляхъ, все усиливался при послѣдовавшихъ за каролингами саксонской и франконской династіяхъ. Средневѣковыя учрежденія переносятся на дальній востокъ; тамъ насаждается христіанство, культура, торговля; тамъ возникаетъ новый средневѣковый германскій міръ, въ короткое время усилившійся и сдѣлавшійся страшнымъ для сосѣдей. При первомъ же сопротивленіи нѣмцы брались за оружіе и кровью пролагали путь христіанству и цивилизаціи. Такой диссонансъ—явленіе обычное въ средніе вѣка. Первую сильную преграду къ дальнѣйшему своему движенію на вос-

---

[1]) О Дитмарсской войнѣ см. приложеніе № 1.

токъ нѣмцы-просвѣтители встрѣтили со стороны русскихъ, и вотъ возникаетъ многовѣковая борьба между культурными нѣмцами-католиками и варварскими русскими схизматиками. Борьба была неравная: съ одной стороны прекрасно организованный духовно-рыцарскій орденъ, съ другой раздробленное государство, недавно потерпѣвшее татарскій погромъ, задержавшій какъ культурное, такъ и военное его развитіе.

Съ XIV столѣтія на орденѣ отражаются общія этому столѣтію явленія: средневѣковыя формы вступаютъ въ періодъ своего разложенія и паденія; орденъ, имѣвшій свой raison d'être въ эпоху процвѣтанія средневѣковыхъ началъ, теперь, окруженный все болѣе и болѣе объединявшимися государствами, теряетъ почву и въ долгой и упорной борьбѣ пробуетъ отстоять свои принципы, но тщетно. Къ XVI столѣтію орденъ исчезаетъ, но не исчезаетъ нѣмецкая культура, которая здѣсь прочно утверждается благодаря польскимъ, шведскимъ и русскимъ правительствамъ.

Намъ надо въ самомъ сжатомъ очеркѣ разсмотрѣть исторію ливонскаго ордена, чтобы тѣмъ рельефнѣе выступили причины его необходимаго разложенія въ XVI столѣтія, наканунѣ столкновенія съ Москвой.

Исторія ливонскаго ордена—это часть исторіи нѣмецкой колонизаціи [1]). Первое появленіе нѣмцевъ въ этомъ краѣ относится ко второй половинѣ XII столѣтія. Не бременцы были первыми колумбами страны, а вестфальцы любчане, имѣвшіе свои торговые склады на Готландѣ въ Висбю. Готландъ находился въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ Любекомъ и городами Вестфаліи; отсюда купцы проникали въ скандинавскія государства и на дальній востокъ. Первоначально всѣ эти сношенія были торговаго характера, и нѣмцы любчане и вестфальцы сколачивали на скорую руку лавочки и выставляли въ нихъ разную мелочь, взамѣнъ чего получали мѣстные продукты—кожи, медъ, мѣха и т. д. Нѣмцы, оставшіеся въ новооткрытой землѣ, поддерживали самыя дѣятельныя сношенія съ своими соотечественниками; вскорѣ колонизація привлекла на восточное побережье Балтійскаго моря множество трудолюбивыхъ нѣмцевъ. Съ торговлею впослѣдствіи соединилась и миссіонерская дѣятельность Мейнгарда въ концѣ XII вѣка. Онъ, какъ извѣстно, былъ первымъ епископомъ Ливоніи—икскюльскимъ—и находился въ зависимости отъ бременской архіепископіи. Теперь новую нѣмецкую колонію отличалъ характеръ чисто

---

[1]) *Harnack*, 365 (Ср. *Козеко-Труссманъ*).

религіозный, а не политическій; съ началомъ государственной организаціи Ливоніи связано и стремленіе точнѣе установить правовыя отношенія новаго политическаго органа съ Германскою имперіей. Альбертъ фонъ Аппельдернъ, перенесшій свою столицу изъ Икскюля въ Ригу, чувствовалъ себя уже не только миссіонеромъ, но и политическимъ, національнымъ организаторомъ. Явившись въ 1207 году ко двору Филиппа, онъ положилъ къ его ногамъ Ливонію и получилъ ее обратно уже какъ ленъ имперіи. При послѣдующихъ германскихъ императорахъ эта ленная зависимость. связь Ливоніи съ имперіей все утверждается [1]). Ленниками имперіи сдѣлались впослѣдствіи и епископы дерптскій, эзельскій и курляндскій; всѣ они были имперскими князьями—Reichsfürst.

Альбертъ фонъ Аппельдернъ, присланный въ Ливонію Иннокентіемъ III, былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей конца XII и начала XIII столѣтій, эпохи высшаго развитія средневѣковыхъ идей; онъ былъ „яркимъ выразителемъ главнѣйшихъ теологическихъ стремленій тогдашняго папства". Альберту принадлежала и мысль основать въ Ливоніи военный орденъ съ цѣлью распространять христіанство по всему Балтійскому краю. Его мысль была осуществлена въ 1202 году. Рыцари новаго ордена должны были давать клятву безбрачія, послушанія папѣ и епископу и постоянной борьбы съ язычниками. Во главѣ новооснованнаго ордена сталъ мейстеръ или магистръ; слѣдующую іерархическую ступень составляли комтуры (командоры), вѣдѣнію которыхъ подлежала военная часть, наблюденіе за орденскими землями, собираніе десятины и свѣтскій судъ. Комтуры съ магистромъ составляли капитулъ. Въ началѣ отношенія магистра къ епископу были самыя дружественныя, такъ что въ отсутствіе одного другой замѣщалъ его должность. Альбертъ надѣялся найдти во вновь учрежденномъ орденѣ опору для своей свѣтской власти и не подозрѣвалъ, что вызвалъ къ жизни силу, которая уже при ближайшихъ преемникахъ его начала борьбу съ епископскою властью. Первымъ магистромъ ливонскаго ордена былъ Vinnold von Rohrbach. Мѣстопребываніе его было сначала въ епископской резиденціи Ригѣ, но уже вскорѣ орденъ нашелъ необходимымъ имѣть собственную резиденцію, которую и основалъ въ Венденѣ.

Раздоры между епископомъ и орденомъ изъ-за ливонскихъ земель начались еще при жизни Альберта; имъ суждено было продлиться цѣ-

---

[1]) *Harnack*, 365.

лыхъ три столѣтія. Дѣло было такъ: императоръ германскій Филиппъ въ 1207 году отдалъ *всю* Ливонію въ ленъ епископу рижскому въ виду стремленія Даніи утвердиться въ Эстляндіи и на Эзелѣ. Какъ ленникъ германскаго императора, епископъ Риги получилъ право собирать подати, чеканить монету, вводить новые городскіе порядки, творить судъ. Ему же принадлежало и право дарить ленами. Рыцари новаго ордена, приписывая себѣ главную заслугу въ покореніи Ливоніи, стали требовать одной трети всѣхъ покоренныхъ земель и относительно будущаго настаивали на томъ же, то-есть, чтобы одна треть всего завоеваннаго принадлежала имъ. Первое требованіе ордена епископъ Альбертъ выполнилъ, второе же отвергъ. Въ этомъ обстоятельствѣ и кроется причина послѣдующей борьбы ордена съ епископами рижскими. При раздѣлѣ покоренныхъ земель Альбертъ взялъ себѣ земли по Двинѣ, Трейденъ, Идумею, Метсеполе и Венденскую область. Ордену досталась Сегевольдская область и остальная часть покоренной Ливоніи. Три епископства ливонское, дерптское и семигалленское занимали: первое — южную часть нынѣшней Лифляндіи, Перновскій округъ и Викенъ, второе — округи Дерптскій, Феллинскій и Верро, третье—земли по рѣкѣ Аа.

Такимъ образомъ, съ начала XIII столѣтія въ Ливоніи другъ противъ друга стоятъ двѣ силы — епископъ рижскій и орденъ, опирающіеся оба на довольно обширныя территоріальныя владѣнія; имъ пришлось вести борьбу на сѣверѣ съ Эстляндіей, на югѣ съ Курляндіей. Взаимное согласіе между ними было непродолжительно, отношенія осложняются уже со смертью Vinnold'a. Его преемникъ былъ избранъ уже не епископомъ, а самими орденскими рыцарями, что обнаружило стремленіе ордена совершенно сбросить съ себя всякую зависимость отъ епископа рижскаго и нежеланіе признавать надъ собою его господство. Въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній обѣ стороны обыкновенно обращались за судомъ къ римскому папѣ.

При Альбертѣ рижская епископія добилась совершенной самостоятельности отъ Бремена; при немъ же рыцари покорили всю Эстляндію и островъ Эзель; въ 1228 году императоръ Генрихъ даровалъ ордену Ревель, Вирландъ, Іервенъ, Гаррію и Роталію, такъ что, къ великому неудовольствію рижскаго епископа, орденъ въ территоріальномъ отношеніи все усиливался. Въ послѣдній годъ своей жизни (1229) Альбертъ долженъ былъ воочію убѣдиться, какъ сильно его интересы расходились съ интересами ордена. Какъ скоро не стало общаго врага, датчанъ, взаимная вражда ордена и епископа стала пріобрѣтать все

больше интенсивности. Внутреннее состоянiе Ливонiи, покорившей себѣ всю Эстляндiю, а въ 1231 году и Курляндiю, не соотвѣтствовало внѣшнему блеску ея. Наибольшая аномалiя ливонскаго ордена заключалась въ его зависимости отъ рижскаго архiепископа, въ подчиненности ему, тогда какъ всѣ другiе духовно-рыцарскiе ордена, какъ Iоанниты, Тамплiеры, Тевтоны, зависѣли непосредственно отъ римскаго папы [1]).

Къ 1237 году относится новый фактъ въ эволюцiи ордена, а именно соединенiе его съ нѣмецкимъ или прусскимъ орденомъ. Ливонскiй орденъ сталъ съ этихъ поръ какъ бы вѣтвью нѣмецкаго ордена. Ливонiя и Пруссiя соединились для одной общей колонизаторской и миссiонерской дѣятельности. Благодаря соединенiю обоихъ орденовъ политическая организацiя и миссiонерская дѣятельность балтiйскихъ нѣмцевъ прiобрѣтаетъ бóльшую твердость и единство [2]).

Это одна, лицевая часть медали, но вглядимся и въ обратную сторону ея. Во главѣ нѣмецкаго ордена стоялъ, какъ извѣстно, гохмейстеръ, имѣвшiй свою резиденцiю сначала въ Марбургѣ, а затѣмъ въ Марiенбургѣ. Съ 1237 года магистры ливонскаго ордена стоятъ подъ властью гохмейстера и отъ него получаютъ утвержденiе въ своей должности; рыцари же ливонскаго ордена по принципу должны были присягать на вѣрность и послушанiе архiепископу рижскому. По желанiю папы и нѣмецкiй орденъ долженъ былъ находиться въ вассальныхъ отношенiяхъ къ тому же архiепископу рижскому; гохмейстеръ давалъ ему присягу только не лично, а чрезъ посредство магистра ливонскаго ордена. Отношенiя становились еще ненормальнѣе съ тѣхъ поръ, какъ съ 1246 года ливонскiе и прусскiе епископы получили одного общаго архiепископа; чрезъ семь лѣтъ, въ довершенiе взаимной путаницы отношенiй, архiепископомъ Ливонiи и Пруссiи назначался епископъ рижскiй. Отношенiе прусскаго ордена къ архiепископу рижскому приравнивалось, съ одной стороны, къ отношенiямъ вассала къ сюзерену, съ другой—къ отношенiямъ сюзерена къ вассалу, такъ какъ церковь въ Пруссiи всецѣло зависѣла отъ ордена [3]). Независимыми и избирательными князьями оставались епископы дерптскiй, эзельскiй и курляндскiй. Новое своеобразное положенiе дѣлъ въ орденской организацiи естественно вызывало внутреннiя смуты; орденъ желалъ себѣ

---

[1]) *Bienemann*, Aus Livlands Vorzeit, 44.

[2]) *Harnack*, 366. Ср. *A. Büttner*, Die Vereinigung des Livl. Schwertbrüderordens mit dem deutschen Orden въ *Rig. Mittheilungen*. 1865. XI.

[3]) *Hammarskjöld*, 237.

присвоить исключительное право назначенія на вакантные епископскіе столы. Епископы, чувствуя себя безсильными вести борьбу съ орденомъ, обращались къ покровительству иноземныхъ державъ, которыя охотно и съ большою готовностью ухватывались за каждый представлявшійся случай, чтобы утвердить свое вліяніе на востокѣ Балтійскаго моря.

Итакъ, интересы ордена и архіепископа рижскаго продолжали расходиться и по соединеніи ордена съ Пруссіей; въ Ливоніи оказалось два политическихъ фактора, не желавшихъ поступиться первенствомъ. Въ исходѣ же XIII столѣтія въ Ливоніи возвышается новая сила, требующая себѣ правъ и льготъ, изъ за нихъ вступающая въ борьбу какъ съ орденомъ, такъ и съ архіепископами. Эта сила—города. Изъ нихъ Рига вошла въ составъ только что, въ томъ же XIII столѣтіи, возникшаго ганзейскаго союза. Въ концѣ вѣка въ составъ союза входятъ еще Ревель и Дерптъ. Изъ ливонскихъ городовъ ганзейскаго союза особенно возвышается Рига; этотъ городъ обладалъ многочисленнымъ торговымъ флотомъ, войскомъ и военными кораблями, находился въ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ сосѣдними нѣмецкими городами и являлся весьма значительной силой. Въ церковныхъ дѣлахъ Рига охотно подчинялась архіепископу, въ свѣтскихъ же дѣлахъ богатый городъ рѣшилъ идти своимъ путемъ, вполнѣ независимо и самостоятельно. Очень понятно, что интересы ганзейскаго города—Риги—расходились съ миссіонерскими стремленіями епископовъ и завоевательными планами ордена. Городъ держался своею торговлей, мало интересуясь общими вопросами, и всѣ силы свои естественно употреблялъ на развитіе и расширеніе этой торговли. Рига нѣкоторое время уживалась въ мирѣ со своимъ архіепископомъ, составляя, такъ сказать, опору его политическаго могущества; за то къ ордену богатый торговый городъ питалъ сильную ненависть; рыцари неоднократно препятствовали свободнымъ торговымъ сношеніямъ, захватывали товары, заключали купцовъ. Въ 1292 году началась открытая борьба между орденомъ и Ригою, и ей суждено было продлиться до конца самостоятельнаго существованія ордена. Въ этой борьбѣ посредникомъ выступилъ императоръ Рудольфъ I. Любопытно, что въ письмѣ къ Любеку императоръ Пруссію и Ливонію называетъ имперскими землями [1]). Ливонію съ имперіей теперь связывало то обстоятельство, что архіепископъ и епископы были импер-

---

[1]) *Harnack*, 367.

скіе князья и что Пруссіи принадлежало верховенство надъ Ливоніей. Магистры же Ливоніи не были еще въ это время князьями имперіи: этому препятствовала ихъ зависимость отъ гохмейстера Пруссіи. Императоры люксембургскаго дома въ XIV столѣтіи продолжали отстаивать свой авторитетъ по отношенію къ Ливоніи. Карлъ IV говорилъ о рижской церкви, что она непосредственно подчинена римской имперіи. Не смотря на это, императоры мало заботились о внутреннемъ мирѣ въ Ливоніи; съ Карла IV они каждый разъ, какъ ливонцы обращались къ нимъ за помощью, начинаютъ систематически отсылать ихъ къ скандинавскимъ государямъ и Польшѣ. Въ началѣ XIV вѣка орденъ одержалъ рѣшительно верхъ надъ Ригою и даже занялъ ее; городъ долженъ былъ признать его господство.

Первая половина XIV вѣка составляетъ высшую точку могущества ливонскаго ордена; въ это время датскій король Вальдемаръ IV уступилъ ордену всю Эстляндію. Въ этомъ же столѣтіи въ Ливоніи возникаетъ ея четвертый историческій факторъ — дворянство. Ливонское дворянство составилось изъ вассаловъ ордена и епископства. Еще въ предшествовавшемъ столѣтіи дворяне достигли значительной силы во время борьбы съ Даніей; въ Гарріи и Вирландѣ они были такъ сильны, что нерѣдко энергически возставали противъ воли датскаго короля. Въ концѣ же XIV вѣка дворяне являются уже какъ цѣльный и самостоятельный классъ съ своими особыми стремленіями и задачами. Какъ сословіе привилегированное, они исключительно только заботились о расширеніи и сохраненіи своихъ привилегій; какъ сословію замкнутому, ему чужды были интересы ордена и епископства; оно жило въ своихъ помѣстьяхъ, порабощало народъ и брало со страны все, что можно, до послѣдней копѣйки.

Переходя къ XV столѣтію, мы должны различать въ исторіи Ливоніи уже четыре начала—орденъ, архіепископа рижскаго, торговые города и дворянство. Время ливонской исторіи отъ 1347 до 1494 года, когда магистромъ сдѣлался Плеттенбергъ,—это періодъ безпрерывныхъ внутреннихъ смутъ и неурядицъ. Въ это время ясно обозначились признаки скораго и неминуемаго паденія ордена; сосѣднія державы усиливались, соединеніе Польши съ Литвою въ 1386 году грозило цѣлости орденской территоріи; съ ганзейскими городами, къ которымъ примкнули Рига и Ревель, скандинавскіе государи начали борьбу. Къ финансовому кризису, замѣчаемому въ началѣ XV столѣтія, слѣдуетъ присоединить и деморализацію всего ливонскаго общества. Духовенство впало въ развратъ, уваженія къ себѣ оно не могло внушить.

Остальныя сословія руководились исключительно узко-эгоистическими стремленіями къ собственной наживѣ; страдальцемъ былъ туземный классъ—крестьяне. На ихъ счетъ жили всѣ, и они безгласно нѣкоторое время сносили невыносимое иго, ожидая случая сбросить его съ себя. Въ 1347 году папа Бонифацій издалъ буллу, въ силу которой орденъ совершенно освобождался отъ всякой ленной зависимости отъ епископовъ. Съ этихъ поръ орденъ не только de facto, но и de jure сдѣлался руководящею силой страны, хотя епископы и играли еще роль владѣтельныхъ князей.

На Ливоніи не могли не отразиться враждебныя отношенія, въ какія стали другъ къ другу Польша-Литва и прусскій орденъ. Танненбергская катастрофа нанесла рѣшительный ударъ благосостоянію нѣмецкаго ордена. Хотя по торнскому миру 1411 года онъ ничего не потерялъ изъ своихъ владѣній, но эпохѣ его процвѣтанія насталъ конецъ; внутри ордена возникли партійныя смуты, извнѣ грозили поляки и литовцы, нужно было быть всегда наготовѣ для новой борьбы съ ними. Ливонскій орденъ, помогавшій прусскому ордену въ борьбѣ его съ соединенною Польшей-Литвой, долженъ былъ теперь постоянно опасаться своего южнаго сосѣда. Къ счастью для него, Польша была тогда отвлечена венгерскими событіями. Съ востока русскіе, псковичи и другіе, нерѣдко дѣлали на орденскія земли набѣги, сопровождавшіеся страшными опустошеніями.

Вторая половина XV вѣка была въ особенности богата разительными примѣрами междоусобій и сословной розни. Такъ архіепископъ рижскій Сильвестръ Стадеветеръ (1448—1479), человѣкъ отличавшійся лживостью, неискренностью, двуличіемъ, задумалъ соединиться съ орденомъ съ тѣмъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ вольностямъ Риги, однимъ разомъ уничтожить эту свободную общину и подѣлить господство надъ нею съ орденомъ. Плодомъ его вѣроломной и лишенной всякой справедливости политики былъ ландтагъ въ Кирхгольмѣ (1452), по которому Рига вмѣсто одного пріобрѣтала двухъ покровителей-господъ: архіепископа и магистра; обоимъ имъ городъ долженъ былъ присягать на вѣрность; отъ обоихъ зависѣло утвердить или нѣтъ выбраннаго фохта города; безъ ихъ согласія городъ не могъ издать ни одного закона, ни сдѣлать какого либо нововведенія. Городу оставалось одно изъ двухъ: или начать борьбу съ обоими узурпаторами или сблизиться съ однимъ изъ нихъ; послѣ нѣкотораго колебанія Рижане вошли въ сношенія съ орденомъ, и въ 1454 году

городъ присягнулъ магистру Менгдену, какъ своему единственному господину.

Недовольный такимъ ходомъ дѣлъ Сильвестръ вошелъ въ переговоры съ городомъ, давалъ ему несбыточныя обѣщанія, льстилъ ему, сулилъ золотую будущность, какъ скоро онъ отпадетъ отъ ордена и отдастся ему. Изъ за Риги между магистромъ ордена и архіепископомъ начались пререканія, перешедшія въ открытую вражду. Кровопролитіе окончилось новымъ съѣздомъ, на которомъ рѣшено было возстановить кирхгольмскій договоръ о раздѣлѣ господства надъ Ригою между обоими соперниками. Во время этой борьбы Сильвестра съ орденомъ у германской имперіи возникла мысль сдѣлать магистра имперскимъ княземъ. Прошло, однако, много времени до осуществленія этого намѣренія, что вообще объясняется медлительностью, какою отличались всѣ дѣйствія государственной машины Германской имперіи. Въ принципѣ, однако, и тогда уже Reichsunmittelbarkeit ливонскаго магистра была признана. Въ то время, какъ въ Ливоніи шли вышеупомянутые раздоры изъ за обладанія Ригою, произошло новое столкновеніе между Польшей и Прусскимъ орденомъ, окончившееся извѣстнымъ въ исторіи торнскимъ миромъ 1466 года. По этому миру вся западная Пруссія, съ Маріенбургомъ, переходила къ Казиміру польскому; восточная Пруссія оставалась за орденомъ, но и то какъ ленъ польской короны. Гохмейстеръ прусскій становился ленникомъ польскаго короля, и связь ордена съ имперіей порывалась. Гохмейстеръ теперь уже былъ не самостоятельный государь, а вассалъ Польши. Каждый гохмейстеръ долженъ былъ по своемъ избраніи являться къ польскому королю и присягать ему въ вѣрности. Послѣ папы единственнымъ господиномъ нѣмецкаго ордена становился польскій король. Прусскія епископства, до этого подвластныя рижскому архіепископу, теперь также подпадали подъ власть Польши. Совершенное распаденіе прусскаго ордена теперь уже было лишь вопросомъ времени.

Торнскій миръ долженъ былъ отразиться и на Ливоніи; ливонскій орденъ не былъ включенъ въ постановленія торнскаго мира, и поэтому зависимость его отъ прусскаго ордена становилась лишь номинальной. Прусскій орденъ не могъ уже представлять собою никакой опоры, связь обоихъ орденовъ была совершенно порвана, между ними стала сильная въ XV столѣтіи Польша. Раздираемый междоусобіями ливонскій орденъ протянулъ свое существованіе еще около столѣтія, когда ему уже не подъ силу стала борьба съ новымъ вѣяніемъ исторіи.

Въ борьбѣ Сильвестра съ орденомъ, окончившейся взятіемъ въ

плѣнъ архіепископа и всего капитула, принялъ участіе и Стенъ Стуре старшій [1]): онъ принялъ сторону архіепископа, надѣясь этимъ путемъ утвердить свое вліяніе въ Ливоніи, распаденіе которой казалось ему неминуемымъ [2]). Однако счастье было на сторонѣ ордена; онъ добился господства надъ Ригою, не взирая на недружелюбіе къ нему папы Сикста IV. Господство ордена надъ Ригою продолжалось до 1481 года, когда Ригѣ удалось, наконецъ, сбросить съ себя тяжкую зависимость отъ магистра.

Вальтеръ фонъ Плеттенбергъ, 43-й магистръ Ливоніи, занималъ эту должность съ 1494 по 1535 годъ. Онъ происходилъ изъ древне-вестфальской фамиліи и еще молодымъ человѣкомъ поступилъ въ нѣмецкій орденъ, въ которомъ насчитывалось не мало дѣятелей изъ фамиліи Плеттенберговъ. Затѣмъ онъ явился въ Ливонію, гдѣ за свои военные таланты, въ 1489 году, былъ назначенъ ландмаршаломъ. Престарѣлый магистръ Лорингофъ предоставилъ ему всѣ важнѣйшія дѣла ордена; фактически уже тогда правителемъ былъ Плеттенбергъ. Благодаря своимъ выдающимся способностямъ и необыкновенной энергіи, Плеттенбергу удалось еще на время оживить орденъ, придать ему даже внѣшній блескъ. Въ борьбѣ съ Ригою онъ проявилъ выдающіяся военныя дарованія. Нейермюленская побѣда ордена была всецѣло его дѣломъ; она нанесла Ригѣ рѣшительный ударъ, и городъ подчинился ордену. Что касается до политическаго состоянія сосѣднихъ съ орденомъ государствъ при вступленіи на магистерскій престолъ Плеттенберга, то наибольшая опасность грозила ордену со стороны сильной и сплоченной Москвы. Въ польско-литовскомъ королевствѣ, напротивъ, единства не было; Плеттенбергъ сблизился съ Александромъ литовскимъ и администраторомъ Швеціи, Стенъ Стуре. Этому союзу противостоялъ союзъ Іоанна датскаго съ великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ III. заключенный въ 1493 году въ Нарвѣ [3]).

Еще предшественникъ Плеттенберга заключилъ съ Москвою десятилѣтнее перемиріе въ 1483 году; за годъ до истеченія его срока русскіе построили на правомъ берегу Наровы, какъ разъ противъ Нарвы, Ивангородъ или русскую Нарву. Фактъ знаменательный! Нѣмцы назвали новый городъ „eine Trutz Narva“; изъ него русскіе дѣй-

[1]) Ср. *Г. Форстенъ*, Борьба изъ за господства на Балтійскомъ морѣ, глава III.

[2]) *Styffe*, IV, XLIII. *Mollerup*, 29.

[3]) Ср. *Г. Форстенъ*, Борьба изъ за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіи, стр. 153.

ствительно могли грозить не только Нарвѣ, но и всей Эстляндіи. Плеттенбергъ, сдѣлавшись магистромъ, долженъ былъ обратить все свое вниманіе на Москву и установить съ нею болѣе прочныя отношенія. Предвидя новое столкновеніе съ русскими, ему необходимо было прежде всего водворить единство и спокойствіе внутри Ливоніи, но тутъ то онъ и встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія. Прежде всего Ревель, какъ ганзейскій городъ, желалъ сохранить выгодныя торговыя сношенія съ Россіей; Дерптъ также предпочиталъ держаться полной нейтральности въ борьбѣ ордена съ Москвою и рѣшительно отказывался отъ всякаго участія въ ней. Первымъ годомъ своего правленія Плеттенбергъ воспользовался для приготовленія къ войнѣ, обезпечилъ себя политическими союзами (съ Литвой и Швеціей), укрѣплялъ и возстановлялъ крѣпости Дюнамюнде, Венденъ и др. Къ архіепископу и всему духовенству онъ относился съ большимъ тактомъ; поставивъ его въ политическую отъ себя зависимость, онъ сохранялъ къ духовнымъ лицамъ почетъ и тщательно избѣгалъ всякаго столкновенія съ ними.

Первыя недоразумѣнія ордена съ Москвою возникли еще въ 1493 г. Нѣмцы стѣсняли и задерживали новгородскихъ купцовъ, сожгли въ Ревелѣ живымъ одного русскаго и вообще совершали надъ ними большія насилія. Извѣстно, какъ отомстилъ Іоаннъ нѣмцамъ въ Новгородѣ въ 1495 году: купцы были посажены въ тюрьму, товары конфискованы, дворы закрыты,—первый сильный ударъ Ганзѣ въ XV столѣтіи, подорвавшій все ея существованіе и подготовившій ея паденіе [1]).

Въ концѣ 1496 года начались первыя враждебныя дѣйствія русскихъ противъ Нарвы и Ливоніи; но это была еще не настоящая война, а рядъ подготовительныхъ стычекъ, предвѣщавшихъ въ скоромъ времени открытую борьбу [2]). Въ Ливоніи возникли самые странные проекты объ основаніи новаго ордена св. Георгія, о крестовомъ походѣ на русскихъ и т. д., но ни одинъ изъ нихъ не нашелъ осуществленія. Въ началѣ сентября 1498 года происходилъ съѣздъ— ландтагъ — въ Валькѣ, гдѣ рельефно обнаружилось, что каждая отдѣльная корпорація имѣла въ виду лишь свои привилегіи и льготы, общее же дѣло никого не интересовало. Города объявили на ландтагѣ, что не могутъ жертвовать для войны ни деньгами, ни людьми, и сами позаботятся о защитѣ своихъ стѣнъ. Плеттенбергъ успѣлъ добиться

---

[1]) Ср. *Г. В. Форстенъ*, Борьба, стр. 154—155.

[2]) Ср. *Schiemann*, 160.

только самыхъ незначительныхъ денежныхъ пожертвованій. На внѣшнюю помощь Плеттенбергъ также не могъ расчитывать. Пруссія была противъ союза ордена съ Польшей и думала лишь о томъ, какъ бы ослабить Польшу, дабы сбросить съ себя тягостныя постановленія торнскаго мира. Въ іюнѣ 1501 года умеръ Іоаннъ Альбертъ, и Александръ литовскій, сдѣлавшись и польскимъ королемъ, вынужденъ былъ отказаться отъ союза съ Ливоніей противъ Москвы. Ливонскому ордену пришлось вести войну съ русскими одними своими силами. Война началась въ 1501 году. Разказъ о ходѣ ея отклонилъ бы насъ слишкомъ въ сторону; достаточно сказать, что все предпріятіе Плеттенберга оказалось совершенно безполезнымъ. Въ продолженіе всей войны, окончившейся уже въ 1505 году, Плеттенбергу приходилось бороться съ сословіями Ливоніи, интриговавшими одно противъ другаго; нужно было все дипломатическое искусство магистра, чтобы при полномъ разъединеніи, господствовавшемъ въ орденѣ и при несочувствіи къ нему прелатовъ [1]), удержаться на своемъ посту и выдержать трудную борьбу съ Москвою.

Раздоры въ орденѣ увеличились еще болѣе со времени утвержденія въ Ливоніи протестантства. Своеобразный строй ливонской конфедераціи былъ причиною того, что здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ либо, смѣшались духовные и свѣтскіе вопросы, отношенія между ними были болѣе сложны, чѣмъ въ Германіи. Религіозные вопросы вызвали политическій антагонизмъ между городами и рыцарствомъ, а это привело къ разъединенію сословій; бо́льшая часть рыцарства примкнула къ сторонникамъ стараго церковнаго порядка. Орденъ, прелаты и рыцарство составили одну сторону, другую же—города. Магистръ, находившійся между этими двумя противоположными лагерями, имѣлъ возможность принять протестантизмъ и сдѣлаться свѣтскимъ княземъ Ливоніи, подобно герцогамъ Прусскимъ; но онъ не захотѣлъ этого, чѣмъ главнымъ образомъ и избѣгъ разрыва съ основами государственной традиціи Ливоніи [2]).

---

[1]) О нихъ Плеттенбергъ высказался, что чѣмъ ихъ меньше, тѣмъ счастливѣе страна

[2]) Ср. *Schiemann*, 220 и д. Реформація проникла въ Ливонію изъ Пруссіи. Католическое духовенство дошло въ Ливоніи до такого же нравственнаго паденія, какъ и въ остальной Европѣ; всѣ въ одинъ голосъ требовали реформъ церкви, устраненія злоупотребленій и т. д. Многіе молодые ливонцы посѣщали протестантскіе университеты. Бугенгагенъ и Андреасъ Кнёпкенъ открыли въ Трептовѣ школу, куда привлекали и ливонцевъ. Въ 1521 году эта школа была закрыта и Кнёпкенъ по

Введеніе реформаціи въ Ливоніи важно также и въ томъ отношеніи, что значительно усложнило ея отношенія къ германской имперіи. Отдѣленіе отъ папства, посѣщеніе ливонцами нѣмецкихъ университетовъ, династическая связь ливонскаго магистра и рижскаго архіепископа съ германскими княжескими домами, Бранденбургомъ и Мекленбургомъ (о чемъ подробнѣе ниже)—все это факты, внесшіе цѣлый рядъ новыхъ элементовъ въ орденскую организацію. Трудно разобраться въ запутанныхъ отношеніяхъ ордена съ имперіей; разнаго рода имперскіе указы и эдикты распространялись, напримѣръ, на Ливонію, тогда какъ полная независимость и автономія ливонскихъ ландтаговъ продолжала существовать; рейхскаммергерихтъ бралъ на себя рѣшеніе различныхъ спорныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ Ливоніи, а между тѣмъ Ливонія не была причислена ни къ одному изъ десяти имперскихъ округовъ, она не платила турецкой пени (Türkenpfennig), она не подчинялась и другимъ требованіямъ императоровъ. Императоры въ наказаніе за это оставляли Ливонію безъ помощи въ ея борьбѣ съ сосѣдями [1]).

Организація ордена въ послѣднее столѣтіе его существованія была слѣдующая. Всѣ орденскія владѣнія распадались на нѣсколько от-

---

совѣту Меланхтона отправился въ Ригу, гдѣ и началъ свою проповѣдническую дѣятельность. Успѣхъ его былъ необычайный. Кромѣ проповѣднической дѣятельности, онъ училъ дѣтей, воспитывая ихъ въ лютеранствѣ. Кнёпкенъ нашелъ ревностнаго сторонника въ Іоаннѣ Ломюллерѣ, городскомъ секретарѣ. Къ 1522 году число протестантовъ значительно увеличилось; въ церквахъ начались оживленные диспуты. Общественное мнѣніе было за новое ученіе. Католики, разумѣется, смотрѣли недружелюбно на распространявшееся все дальше и глубже ученіе Лютера и на Вольмарскомъ ландтагѣ 1522 года добились своего: ученіе Лютера было объявлено еретическимъ.

Новымъ виднымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ распространенія протестантства въ Ливоніи былъ Iacob Tegetmeier. Народъ восторженно принималъ его. Вскорѣ началось неизбѣжное столкновеніе протестантовъ съ католиками; католическія церкви опустошали, грабили монастыри, повторялись Мюнстерскія сцены. Карлъ V неоднократно обращался къ городамъ, грозилъ имъ имперскою опалою,—все тщетно. Изъ Риги реформація распространилась въ Ревелѣ и на Эзелѣ. Въ Ревелѣ ученіе Лютера утвердилось въ 1524 году; тутъ оно возбудило въ угнетенныхъ крестьянахъ надежды на лучшія времена; начались возстанія, грозившія принять характеръ цѣлой крестьянской войны.

Еще шумнѣе и кровопролитнѣе было утвержденіе реформаціи въ Дерптѣ. Реформаторомъ Дерпта былъ Мельхіоръ Гоффманъ; его проповѣди сильно дѣйствовали на народъ. Менѣе успѣшна была лютеранская проповѣдь въ Курляндіи.

[1]) *Bienemann*, Aus Baltischer Vorzeit, 108.

дѣльныхъ областей, среди которыхъ возвышался бургъ; въ каждомъ бургѣ засѣдалъ конвентъ изъ 12 — 20 рыцарей, во главѣ же конвента стоялъ командоръ или фохтъ. Послѣдніе сосредоточивали въ своихъ рукахъ всѣ отрасли правленія, экономіи, финансовъ, судебную власть, полицію, военную организацію и т. д.; во всѣхъ выдающихся случаяхъ имъ вмѣнялось въ обязанность предварительно сноситься съ конвентомъ. Хозяйственныя, домашнія дѣла бурга зависѣли отъ такъ называемаго Hauscomtur'a или домоваго командора. Въ большихъ областяхъ нѣсколько бурговъ зависѣли отъ главнаго обербурга, такъ, напримѣръ, въ Феллинской области всѣхъ бурговъ было четыре, въ Гольдингенѣ семь. Въ распоряженіи магистра ордена было 14 замковъ, у маршала ордена ихъ было 8. Послѣднему принадлежало вѣдѣніе всего военнаго дѣла въ орденѣ и предводительство на войнѣ. Его резиденціями были Венденъ и Сегевольдъ. Рядомъ съ магистромъ стоялъ орденскій конвентъ, избиравшій магистра и представлявшій кандидатовъ гохмейстеру. Конвентъ состоялъ изъ маршала, командоровъ и фохтовъ. Всѣ названные члены ордена имѣли своихъ вассаловъ— такъ называемое ливонское рыцарство (Ritterschaft), — которые за пользованіе своими землями обязаны были нести военную службу [1]). Магистръ ливонскаго ордена не былъ такъ связанъ, такъ зависимъ, отъ генеральнаго капитула, состоявшаго изъ рыцарей (Mitbrüder) и гохмейстера и вѣдавшаго всѣ законы и дѣла ордена, какъ прусскій, власть котораго была въ высшей степени ограничена. Вліяніе же конвента на назначеніе магистра въ Ливоніи ограничивалось лишь правомъ предлагать двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ уже гохмейстеръ назначалъ одного. Далѣе, въ Пруссіи было правило, въ силу котораго ни одна часть орденскихъ владѣній не могла находиться въ непосредственной зависимости отъ гохмейстера, чего мы не встрѣчаемъ въ Ливоніи. Въ Пруссіи гохмейстеръ безъ согласія командора не имѣлъ права издавать какія либо приказанія даже въ маріенбургскомъ командорствѣ. Въ Ливоніи же, какъ мы выше указали, въ непосредственной зависимости отъ магистра было 14 замковъ [2]).

При обсужденіи какихъ либо вопросовъ внѣшней и внутренней политики сзывались такъ называемые ландтаги; на нихъ какъ при совѣщаніи, такъ и при подачѣ голосовъ, наблюдался такой порядокъ, что архіепископъ рижскій вмѣстѣ съ епископами дерптскимъ, эзель-

---

[1]) То-же, 48 и далѣе.

[2]) Ср. *Hammarskjöld*, 239. Ср. *Fahne*, 174.

скимъ, курляндскимъ и ревельскимъ и съ аббатами Фалькенау и Падиса составляли одно сословіе (Stand) и сообща подавали свое мнѣніе. За ними слѣдовалъ магистръ ордена съ его помощниками и рыцарями, которые составляли второе сословіе и также вмѣстѣ подавали голосъ. Третье мѣсто занимало дворянство всей Ливоніи и княжескіе совѣтники. Послѣднюю же группу составляли города—Рига, Дерптъ, Ревель, Перновъ, Венденъ, Вольмаръ, Нарва, Феллинъ и Кокенгаузенъ; ихъ представители подавали голоса вмѣстѣ съ владѣльцами отдѣльныхъ замковъ. Такимъ образомъ ландтагъ при обсужденіи тѣхъ или другихъ вопросовъ распадался не по территоріямъ, а по сословіямъ на 4 камеры или коллегіи—духовную, орденскую, рыцарскую и городскую [1]).

Намъ остается еще разсмотрѣть внутреннюю исторію ливонскаго ордена со смерти Плеттенберга до начала ливонской войны и вмѣшательства въ его судьбы Даніи, Швеціи, Польши и Москвы.

Послѣ смерти Плеттенберга искусственный миръ съ Россіей не нарушался; цѣлымъ рядомъ уступокъ московскому правительству ливонцамъ удалось отстранить открытый разрывъ съ нимъ, не смотря на то, что далеко не всѣ спорные пункты были устранены. Всѣ жили подъ страхомъ новаго столкновенія; въ Ливоніи знали, какъ усилились московскіе князя; они собрали послѣдніе удѣлы, Ганза потеряла свое значеніе; Іоаннъ III и послѣдующіе московскіе государи съ необычайной энергіей принимались проводить политическую задачу, стоявшую на очереди, а именно добиться доступа къ морю и непосредственныхъ сношеній съ цивилизованной Европой [2]). Для Россіи настала пора перестроиться фронтомъ съ востока на западъ. При нетвердыхъ и шаткихъ отношеніяхъ къ сильной Москвѣ, ливонскій орденъ долженъ былъ позаботиться объ организаціи твердаго правительства, о томъ чтобы тѣмъ или другимъ путемъ сдержать центробѣжныя силы, подчинивши ихъ и давши имъ единство хотя бы въ военномъ отношеніи. Но этого то магистры послѣ Плеттенберга и не могли достигнуть: они уступали ему какъ въ энергіи, такъ и въ пониманіи политическихъ „коньюнктуръ“ своего времени; идеѣ единодержавнаго принципа противорѣчили враждебные и несогласные элементы, составлявшіе ливонскую конфедерацію; отстранить этотъ порядокъ дѣлъ не удалось бы и болѣе одареннымъ дѣятелямъ, нежели были ливонскіе магистры съ 1535 по 1558 годъ. Протестантизмъ, который первона-

[1]) *Bunge*, Geschichtliche Entwickelung des Ordens.

[2]) *Mollerup*, 30; *Schiemann*, 281.

чально утверждался главнымъ образомъ въ городахъ, сталъ распространяться и при дворахъ епископовъ, и въ орденскихъ бургахъ и замкахъ. Характеръ ливонскаго протестантизма былъ строго лютеранскій, ортодоксально-лютеранскій. При такомъ повсемѣстномъ распространеніи реформаціи, весь внѣшній строй католической церкви оставался въ полной силѣ. Часто представлялось не малое затрудненіе опредѣлить, католикъ или протестантъ тотъ или другой епископъ. Покровительствуя реформаціи ни одинъ епископъ не проявилъ рѣшимости секуляризовать свою епархію. Такимъ образомъ, при номинальномъ существованіи католицизма вся страна, за исключеніемъ городовъ, признавала внѣшнія формы его, съ которыми соединялись и нѣкоторыя политическія права; каждому предоставлялась возможность держаться той или другой церковной формы. Даже магистры, хотя они и должны были, какъ представители ордена, исповѣдовать католицизмъ, относились къ дѣлу чисто формально и нѣкоторые изъ нихъ отдавали преимущество лютеранству. Этотъ внѣшній, формальный, для виду только исповѣдуемый католицизмъ было необходимъ ордену въ виду, между прочимъ, и отношеній его къ Польшѣ и Пруссіи [1]).

Положеніе герцога прусскаго, какъ недавняго гохмейстера нѣмецкаго ордена и какъ вассала и довѣреннаго лица короля польскаго, заставляло его желать и секуляризаціи ливонскаго ордена. Для достиженія этого въ Ливоніи встрѣтилось, однако, гораздо болѣе затрудненій, нежели въ Пруссіи. Шиманнъ справедливо выставляетъ на видъ, что уже одинъ тотъ фактъ, что Альбрехтъ Прусскій не долженъ былъ считаться съ другими политическими факторами, былъ для него въ высшей степени важнымъ. Разъ Плеттенбергъ не могъ рѣшиться на секуляризацію, не могли этого и послѣдующіе магистры, ибо ни одинъ прелатъ не былъ на столько силенъ, чтобы стать самостоятельнымъ свѣтскимъ владѣтелемъ. Силы каждаго изъ представителей ливонской конфедераціи, говоритъ Шиманнъ, доставало лишь на то, чтобы препятствовать свободнымъ дѣйствіямъ ближайшаго сосѣда. Какъ ревностный протестантъ, Альбрехтъ Прусскій открыто поддерживалъ антикатолическое движеніе въ Ливоніи [2]). Ригѣ онъ оказывалъ

---

[1]) *Schiemann*, 281—282.

[2]) *Lossius*, I, 4: Альбрехтъ симпатизировалъ Лютеру, что однако не мѣшало ему поддерживать и сношенія съ папою. Какъ гохмейстеръ прусскаго ордена онъ измѣнилъ и этому ордену, и католицизму, чтобы подъ покровительствомъ *католическаго* короля Польши сдѣлаться *евангелическимъ* герцогомъ Пруссіи.

постоянную поддержку, и агенты его обнаруживали большую дѣятельность въ Ливоніи. Съ 1530 года прусское вліяніе еще усиливается въ Ливоніи и повсюду даетъ себя чувствовать; дѣло въ томъ, что въ этомъ году маркграфъ Бранденбургскій Вильгельмъ, братъ Альбрехта Прусскаго и племянникъ Сигизмунда II Августа Польскаго, сдѣлался, вопреки желаніямъ Плеттенберга, и не смотря на то, что его приверженность протестантскимъ началамъ была всѣмъ извѣстна, коадъюторомъ рижскаго архіепископа Шенинга [1]). Фактъ очень знаменательный въ исторіи Ливоніи!

Съ этими иностранными князьями въ Ливонію вторгаются новые политическіе факторы, съ которыми ордену нельзя было не считаться; они болѣе другихъ въ состояніи были пріобрѣсти господство надъ страной, но „безъ той творческой, жизненной силы, которая необходима для внутренней крѣпости и надежнаго будущаго". Опираясь на свои внѣшнія связи, они усиливались и находили въ странѣ то, чего искали, то-есть, одной только наживы, однихъ только выгодъ [2]). Прусское вліяніе было вмѣстѣ и польскимъ, герцогъ Альбрехтъ заявлялъ себя открытымъ врагомъ ордена, „обвиненія его противъ ордена имѣли характеръ совершенныхъ доносовъ".

Итакъ, политическіе интересы довели дѣло до того, что Пруссія и Ливонія, недавно еще члены одного государственнаго организма, теперь сдѣлались открытыми врагами. Національное чувство поглощалось у Альбрехта политическими соображеніями и интересами; усиленіе и даже самостоятельное существованіе ордена казалось ему опаснымъ для его еще неупрочившейся и неполной политической самостоятельности, для его будущихъ политическихъ плановъ: о какомъ-нибудь компромиссѣ между княземъ-пришельцемъ и орденомъ нельзя было и думать: стремленія Вильгельма очевидно клонились къ достиженію архіепископства и къ секуляризаціи всѣхъ орденскихъ земель, съ тѣмъ чтобы обратить ихъ въ свѣтское герцогство и владѣть имъ въ ленной зависимости отъ Польши. Будущее сліяніе ливонскаго герцогства съ прусскимъ было лишь вопросомъ времени. Миссія Вильгельма въ Ливоніи была такою же, какою миссія его брата въ Пруссіи; если она не удалась, то главная причина этого заключается въ томъ, что Вильгельмъ взялъ на себя непосильную задачу: безъ твердой воли, съ ограниченнымъ кругозоромъ и сомнительными способно-

---

[1]) *Lossius* I, 14.
[2]) *Bienemann*, Aus Baltischer Vorzeit, стр. 97.

стями, онъ не проявилъ ни настойчивости въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, ни политическаго такта въ сношеніяхъ съ иностранными державами и орденскими представителями, и вся его дѣятельность только содѣйствовала скорѣйшему распаденію ливонскаго ордена. Человѣкъ крайне несамостоятельный, онъ искалъ совѣта и помощи то у Польши, то у своего брата. Всѣ вооружились противъ Вильгельма и лучшей иллюстраціей всеобщаго недовольства имъ служитъ Вольмарскій ландтагъ 1546 г. (Шиманнъ).

По рецессу этого ландтага за Ливоніей сохранялись, вопервыхъ, всѣ ея прежнія права и вольности; затѣмъ постановлялось, чтобы ни магистръ, ни архіепископъ не могли оставлять своего духовнаго званія и, наконецъ, чтобы ни одинъ иностранецъ не могъ быть избираемъ въ коадъюторы безъ желанія представителей всѣхъ сословій. Какъ видно, рѣшенія Вольмарскаго ландтага противорѣчили всѣмъ планамъ Вильгельма и онъ волей неволей долженъ былъ подтвердить ихъ, хотя втайнѣ рѣшилъ при первомъ же представившемся случаѣ ихъ нарушить; подчиниться имъ значило-бы отказаться отъ всѣхъ своихъ стремленій съ того самаго момента, когда онъ впервые вступилъ на Ливонскую територію. Вся дѣятельность Вильгельма, какъ мы сейчасъ увидимъ, явилась сначала скрытымъ, а затѣмъ и явнымъ протестомъ противъ Вольмарскаго рецесса. Очень любопытно, что этотъ рецессъ съ неудовольствіемъ встрѣтили и въ Германіи, такъ какъ онъ посягалъ на самостоятельность политической дѣятельности мелкихъ князей, бароновъ и др.; онъ противорѣчилъ также реформаціи, требовавшей секуляризаціи всѣхъ духовныхъ имѣній, не стоявшихъ въ связи съ папской іерархической организаціей (Шиманнъ).

Первые годы дѣятельности Вильгельма были ознаменованы насильственнымъ захватомъ эзельскаго епископства; въ продолженіе 4-хъ лѣтъ онъ противъ желанія жителей управлялъ этимъ епископствомъ, ознаменовавъ свою власть цѣлымъ рядомъ жестокостей [1]). Въ 1539 году, когда умеръ архіепископъ рижскій Томасъ Шёнингъ, Вильгельмъ, казалось, достигъ своей цѣли, но тутъ то ему пришлось выдержать серьезную борьбу съ Ригой, примкнувшей въ 1542 году къ Шмалькальденскому союзу. Съ этихъ поръ междоусобныя войны не прекращались въ Ливоніи. Положеніе становилось еще затруднительнѣе послѣ выше разсмотрѣннаго Вольмарскаго рецесса 1546 года, когда каждое отступ-

[1]) *Hildebrand*, Arbeiten, 31 и 101.

леніе отъ прежняго орденскаго строя, каждая попытка къ секуляризаціи непремѣнно вели за собою внутреннюю войну и столкновенія, а это давало сосѣдней Польшѣ удобный случай вмѣшаться въ дѣла ордена; ничего такъ не желала Польша, какъ подчинить себѣ вольные ливонскіе города, принявшіе протестантизмъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ и отношенія ордена къ Россіи становятся все болѣе и болѣе неустойчивыми. Будущее въ этихъ отношеніяхъ не обѣщало Ливоніи ничего добраго. Переговоры съ Москвою возникаютъ уже въ 1552 году [1]), съ цѣлью продолжить миръ съ этимъ государствомъ. Черезъ два года обѣ стороны согласились на новый миръ на 15 лѣтъ [2]), но при этомъ ливонцы „по Божьей волѣ и по приказанію великаго государя Москвы", должны были обѣщать никогда не заключать съ Польшей дружественныхъ договоровъ, а въ случаѣ русско-польскаго столкновенія оставаться нейтральными; кромѣ того московскій царь потребовалъ, какъ извѣстно, отъ дерптской епископіи подати въ размѣрѣ одной марки съ человѣка, да уплаты всѣхъ прежнихъ недоимокъ. На обязанности епископа дерптскаго было привести въ извѣстность количество не уплаченной дани и уже на третій годъ по заключеніи мира, то-есть въ 1557 году, недоимки должны были быть сполна доставлены царю; съ этого же года должна была высылаться въ Москву и ежегодно установленная подать. Если епископъ Дерпта не исполнитъ этого требованія, то отвѣчаетъ за это вся Ливонія. Выговаривалъ себѣ царь, наконецъ, и свободу торговли съ нѣмцами и возстановленіе русскихъ православныхъ церквей.

Подписывая договоръ 1554 года, ливонцы совершили актъ роковой политической слабости, говоритъ одинъ новѣйшій изслѣдователь. Согласиться на разрывъ дружественныхъ отношеній съ Польшей значило, дѣйствительно, совершенно себя изолировать. Могли ли ливонцы думать о точной уплатѣ громадной дани, требуемой Москвою? Война съ Россіей изъ за нея была неизбѣжна. Единственною здравою политикой ордена было бы, казалось, заключить оборонительный и наступательный договоръ съ Польшей и Швеціей, который бы могъ еще обезпечить его со стороны Москвы, но и тутъ, какъ мы увидимъ, встрѣтилось сильное препятствіе: и Польша, и Швеція требовали себѣ значительныхъ территоріальныхъ уступокъ; безкорыстной помощи никто не желалъ оказывать ордену.

---

[1]) *Gadebusch*, I, 430; *Arndt*, II, 217.

[2]) Ср. *Schiemann*, 286.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда, пользуясь мирными отношеніями съ Россіей, Вильгельмъ призвалъ въ Ливонію епископа и администратора Ратцебурга, 19-тилѣтняго брата герцога Іоанна Альбрехта Мекленбургскаго Христофа и, вопреки вольмарскому рецессу, назначилъ его коадьюторомъ рижской архіепископіи. Мы имѣемъ указаніе, что онъ совершилъ это по особенному желанію и рекомендаціи польскаго короля [1]) и что въ виду имѣлось женить его на одной изъ сестеръ Сигизмунда II Августа, съ цѣлью передать ему съ рукою королевской сестры и герцогство Ливонское [2]).

Вызванный на трудную политическую дѣятельность мало одаренный юноша далеко не обладалъ тѣми качествами, какія нужны были при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; онъ не представлялъ Ливоніи никакой гарантіи ни въ духовномъ, ни въ политическомъ отношеніи.

Христофъ Мекленбургскій родился 24-го іюня 1537 года въ Аугсбургѣ [3]); десяти лѣтъ онъ потерялъ своего отца, и съ этихъ поръ воспитаніе его перешло на попеченіе матери и ея гофъ-дамъ, что не могло не отразиться на развитіи характера Христофа. Мягкій и нерѣшительный юноша въ 1550 году былъ отправленъ ко двору своего старшаго брата Іоанна Альбрехта, гдѣ ему назначили новаго наставника въ лицѣ Андрея Мюлія (Mylius); но уже въ слѣдующемъ году, когда протестантскіе князья въ октябрѣ заключили оборонительный и наступательный союзъ съ Франціей, Христофъ и молодой Филиппъ гессенскій должны были отправиться заложниками въ Парижъ; но отправленъ былъ только Филиппъ, а Христофъ до начала 1552 года оставался въ Дрезденѣ съ своимъ гофмейстеромъ (Ioachim von Kleinow) и учителемъ (Wolfgang Leupold). Въ февралѣ этого года и онъ отправился въ Парижъ, гдѣ оставался цѣлый годъ, и пребываніе его тамъ также не осталось безъ вліянія на молодаго герцога. Въ 1554 году онъ назначенъ былъ администраторомъ Ратцебургскаго епископства. Вотъ самыя выдающіяся біографическія данныя изъ жизни будущаго ливонскаго дѣятеля. „Изнѣженный, подъ постоянной

---

1) *Häberlin*, III, 199: auf die nachdrückliche Empfehlung des Königs Sigmund August von Polen.

2) *Langueti*, II, 29: Cum ante quinquennium essem in Liuonia, talia audivi institui.

3) Ср. *Lisch*, Anna geborne Markgräfin von Brandenburg, Gemahlin des Herzogs Albrecht von Meklenburg. *Iahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte von Lisch*. XXII. 1857.

опекой боготворившей его матери, для своихъ лѣтъ слишкомъ уже вкусившій всѣхъ мірскихъ удовольствій въ бытность свою во Франціи, религіозно-индеферентный, безъ надлежащаго образованія, занятый одною только мыслью, какъ бы веселѣе и безпечнѣе провести жизнь, этотъ несчастный принцъ долженъ былъ съ самаго начала своего вступленія въ Ливонію сдѣлаться игрушкой въ рукахъ честолюбиваго Вильгельма прусскаго".

Примѣру Вильгельма послѣдовалъ и старый магистръ Генрихъ фонъ Галенъ, встревоженный слухами о вербовкахъ архіепископа въ Германіи, и въ мартѣ 1556 года назначилъ себѣ коадъютора въ лицѣ феллинскаго командора Вильгельма Фюрстенберга. Это назначеніе вызвало также не малую тревогу. Галенъ обошелъ ландмаршала Jasper Münster'a, которому по традиціи и закону должно было принадлежать коадъюторство, а сдѣлалъ онъ это въ виду того, что Мюнстеръ слылъ за друга Вильгельма и приверженца польской партіи. Рѣшившись отомстить за это магистру, Мюнстеръ удалился сначала въ Кокенгузенъ, а затѣмъ въ Польшу и Пруссію, вездѣ поднимая партійную вражду и всѣхъ возбуждая противъ магистра. Любопытно, что Мюнстеръ тогда уже выдвинулъ Кетлера, какъ достойнѣйшаго коадъютора [1]).

Въ назначеніи Фюрстенберга коадъюторомъ магистра вся польская партія усмотрѣла вызовъ себѣ; понятно поэтому, что отзывы этой партіи о Фюрстенбергѣ были самыя враждебныя [2]).

Съ назначеніемъ двухъ новыхъ коадъюторовъ два враждебныхъ другъ другу лагеря яснѣе прежняго обозначаются въ Ливоніи. Сигизмундъ II Августъ, внимательно слѣдившій за ходомъ дѣлъ въ Ливоніи, естественно поддерживалъ Христофа Мекленбургскаго и, мало того, въ январѣ 1556 года онъ заключилъ даже союзъ съ герцогами мекленбургскимъ, померанскимъ и прусскимъ. Такимъ образомъ на сторонѣ польской партіи оказались всѣ сѣверные нѣмецкіе князья.

Вражда между обѣими партіями не преминула обнаружиться. Фюрстенбергъ поставилъ себѣ задачей не допускать усиленія польско-прусскаго вліянія въ Ливоніи и тѣсно соединился съ епископами дерптскимъ, курляндскимъ и эзельскимъ и съ рыцарствомъ Гарріи и Вирланда. Онъ отправилъ даже въ Германію динабургскаго командора Готгарда Кетлера, чтобы обезпечить себя союзниками на случай столк-

[1]) *Merkel*, Die Vorzeit Lieflands. Berlin. 1807, II, 39. *Rutenberg*, II, 434.
[2]) Сравни кромѣ *Schiemann'a Bergmann*, II, 3, 14.

новенія съ Пруссіей и Польшей [1]). Когда въ Польшѣ узнали о дипломатической миссіи Кетлера, тамъ не на шутку испугались, магистру и его коадъютору стали приписывать несбыточные планы, толковали о союзѣ ордена съ Москвою, Даніей и ганзейскими городами противъ архіепископа и Польши.

Нуженъ былъ самый незначительный поводъ, чтобы вызвать столкновеніе двухъ враждебныхъ сторонъ, и поводъ этотъ скоро представился: перехвачено было письмо Вильгельма Рижскаго къ Альбрехту Прусскому, въ которомъ архіепископъ открыто говоритъ о своихъ замыслахъ противъ ордена и проситъ Альбрехта навербовать ему кнехтовъ и прислать ихъ въ Дюнамюнде, Перновъ и Салисъ. Это письмо послужило обвиненіемъ Вильгельма въ измѣнѣ ордену и Ливоніи. Всѣ возстали противъ архіепископа, посягнувшаго и на золотую буллу, и на права и рецессы страны (избирательное право капитула и ландмейстера было нарушено), и 16-го іюня 1556 г. началась послѣдняя междоусобная война въ Ливоніи [2]); Вильгельма, „титуловавшаго себя архіепископомъ рижскимъ", объявили нарушителемъ земскаго мира. Попытки иностранныхъ державъ предупредить эту войну путемъ переговоровъ не удались. Герцоги померанскіе прислали своихъ представителей—Blumenthal'а, Matthias Boess'а и Joh. Wulff'а—въ Венденъ въ августѣ 1556 года, но они были безсильны удержать взаимную ненависть двухъ партій. Въ маѣ 1557 года умеръ Генрихъ фонъ Галенъ, и магистромъ сдѣлался Вильгельмъ фонъ Фюрстенбергъ. Это былъ человѣкъ глубоко честный, съ возвышенными патріотическими намѣреніями, но окруженный одними недоброжелателями. Готовясь къ борьбѣ съ Польшей, онъ могъ собрать всего 7,000 наемныхъ воиновъ, небольшое число ландскнехтовъ, да наскоро вооруженныхъ крестьянъ. И съ такими-то ничтожными силами надо было выдержать борьбу съ 80,000 польскимъ войскомъ, стоявшимъ на курляндской границѣ у Позволя. Слабость Фюрстенберга являлась „дурнымъ предзнаменованіемъ для будущаго ордена", и вина этого падаетъ исключительно только на приверженцевъ Польши въ Ливоніи, которые отказывались помогать магистру. Начать борьбу при столь неравныхъ силахъ было равносильно совершенному пораженію. Дѣйствительно,

---

[1]) О дипломатической миссіи Кетлера ср. *Hosii*, Epistolae, 724. См. *Schiemann*, 288—289.

[2]) Ср. *Gadebusch*, I, 474 и д. *Yegor Sivers*, 23. *Bergman*, 15; *Häberlin*, III, 200. *Hosii*, 738 и д. *H. Hildebrand*, Die Arbeiten, 36 и д. *Schiemann*, 289.

не успѣла война разгорѣться, какъ Фюрстенбергъ долженъ былъ явиться къ королю въ Позволь и колѣнопреклоненно принять отъ него мирныя условія (5-го сентября) [1]. Нравственное пораженіе, отъ котораго Ливоніи не удалось больше оправиться! Слабость ордена обнаружилась во всемъ своимъ ужасѣ, и всѣ тогда уже видѣли, что ему не вернуть своего прежняго положенія безъ иноземной помощи; съ позвольскимъ миромъ изчезли послѣднія жизненныя силы ордена. Изъ донесенія данцигскихъ пословъ видно, что ливонцы въ своемъ затруднительномъ положеніи обращались за помощью противъ Польши къ Москвѣ; незнакомые съ положеніемъ дѣлъ на востокѣ послы соединяютъ эту просьбу ливонцевъ съ обѣщаніемъ платить за это царю ежегодную дань [2].

Въ силу позвольскаго договора Вильгельмъ получилъ обратно свой санъ и мѣсто; Христофъ оставался коадъюторомъ, но такъ какъ ему еще не минуло 25 лѣтъ, то ему назначили 4 опекуновъ. Затѣмъ—самый роковой пунктъ — орденъ обязывался заключить съ Польшей оборонительный и наступательный союзъ противъ Московскаго государя (14-го сентября).

Прусско-польская партія ликовала, орденъ былъ униженъ. Альбрехтъ Прусскій надѣялся, что Польша тотчасъ же воспользуется своимъ пе-

---

[1]) О позвольскомъ трактатѣ ср. *Häberlin*, III, 205. Самый трактатъ—*Dogiel*, V, *Gadebusch*. I, 501: Pacta Posuoliensia. *Rutenberg*, 439. *Chytraeus*, Saxonia 552. Ср. *Fahne*, 144. Пока Польша не принимала участія въ войнѣ, Фюрстенбергъ успѣшно дѣйствовалъ противъ Вильгельма и его коадъютора; онъ занялъ замки Кремонъ и Роннебургъ и осадилъ архіепископа въ Кокенгузенѣ. Христофъ сдался магистру 28-го іюня; спустя три дня его примѣру послѣдовалъ и Вильгельмъ. Послѣдній долженъ былъ отказаться отъ своего сана и былъ заключенъ въ Адзелѣ, Христофъ же въ Трейденѣ. Ср. *Schumacher*, Gelehrter Männer Briefe an die Könige in Dännnemark. 1758. Стр. 274. Johannes Aurifaber Христіану III, 19-го августа 1556: In Julich, Geldern vnd Westphalen soll der Orden in Lieffland in die 4000 Pferde werben. Тоже, 19-го января 1557: Der K. Ferdinandus und die Reichsstende haben in der Lifflendischen Sachen geordnet zu Commissarien den Churf. zu Sachsen, den Ertzbischof v. Coln, den Hertz. von Gulich vnd die Fürsten von Pommern vnd die stadt Goslar, das dieselbige Kriegshandlung auch möchte abgeschafft werden. Въ письмѣ Штурма къ Христіану отъ 2-го сентября 1556 г. говорится: Motum Liuonianum homines metuunt et hoc principio majus et perniciosius bellum nascatur, itaque compositum cupiunt.

[2]) Данц. архивъ, Acta Internunciorum, IX. vol. 12. ... Die Lifflender haben eine botschaft an den Muskoviter gefertigt vnd von jme kegen vnsern gnedigsten koning hülffe gebeten, Do kegen jme ein ierlichen tribut zugesagt, denselben boten hat der Muscowiter in harte bestrickunge nhemen lassen vnnd helt jhnen gantz ubell, wass weiter folgt gibt die zeit.

ревѣсомъ надъ Ливоніей, и что Сигизмундъ II Августъ заставитъ Ливонію стать въ вассальныя отношенія къ Польшѣ; но польскій король на этотъ разъ не послушался своего вассала. Онъ боялся и императора и короля датскаго. Послѣдній не оставилъ еще своихъ притязаній на часть ливонскихъ владѣній, когда-то принадлежавшихъ Даніи, и, какъ думалъ Сигизмундъ, рано или поздно выступитъ съ требованіемъ уступки ему Эстоніи. Императоръ, съ другой стороны, продолжалъ считать себя главою ордена и былъ уже очень недоволенъ секуляризаціей тевтонскаго ордена и вообще территоріальнымъ расширеніемъ Гогенцоллерновъ [1]). Сигизмундъ II Августъ опасался также, чтобы съ присоединеніемъ Ливоніи въ Польшѣ не усилился протестантизмъ; протестантскіе элементы нанесли бы католицизму такой ударъ, отъ котораго онъ бы не скоро оправился. Въ январѣ 1557 года король издалъ свой извѣстный эдиктъ въ защиту католицизма, въ странѣ происходили сильныя религіозныя броженія [2]). Затѣмъ, думалъ король, разрывъ съ германскимъ императоромъ можетъ повести за собою болѣе тѣсный союзъ имперіи съ Московскимъ государствомъ, что опять таки готовило ударъ политической самостоятельности Польши; какъ скоро, наконецъ, король сдѣлалъ бы вторженіе въ ливонскіе предѣлы, московскій царь не преминулъ бы нарушить свои мирныя отношенія какъ къ Польшѣ, такъ и къ Ливоніи. Сигизмундъ II жилъ все еще надеждою, что катастрофу ордена можно предупредить; позвольскій трактатъ явился лучшимъ выраженіемъ этого убѣжденія. При болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, думалось ему, можно будетъ привести въ исполненіе планъ присоединенія Ливоніи [3]).

Кризисъ Ливоніи былъ лишь замедленъ. Фюрстенбергъ долженъ былъ сознать, что орденъ безсиленъ для внѣшнихъ войнъ; „первая попытка мобилизаціи послѣ продолжительнаго мира оказалась совершенно неудачной, что уронило Ливонію въ глазахъ сосѣднихъ державъ и подорвало самоувѣренность самихъ ливонцевъ“; въ орденѣ угасла и военная дисциплина, и чувство племеннаго единства. На призывъ Фюрстенберга откликнулась лишь незначительная часть рыцарства. Послѣ позвольскаго мира „авторитетъ центральной власти въ ливонской конфедераціи совершенно палъ“; вліяніе Польши усилилось, внутренніе раздоры еще яснѣе обнаружились.

---

[1]) *Schiemann*, 290.
[2]) *Любовичъ*, Исторія реформаціи въ Польшѣ, 190—191.
[3]) *Schiemann*, 291.

За позвольскій трактатъ ордену пришлось считаться съ Москвою, такъ какъ этотъ трактатъ нарушалъ мирныя постановленія, заключенныя съ царемъ въ 1554 году. Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ послѣ роковаго договора 1557 года, какъ русскія полчища перешли ливонскія границы. Началась ливонская война.

Позвольскій трактатъ воодушевилъ въ особенности одного ливонскаго дѣятеля, придалъ ему силы и энергіи, открылъ перспективу на заманчивое будущее. Этотъ дѣятель былъ Готгардъ Кетлеръ.

Готгардъ Кетлеръ происходилъ изъ очень древняго Вестфальскаго рода, упоминаемаго еще въ XIII столѣтіи. Время его рожденія относятъ къ 1517 или къ 1518 году; родители его были знатные и богатые рыцари Вестфаліи. О молодости будущаго магистра Ливоніи, о первоначальномъ образованіи его, къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Двадцатилѣтнимъ юношей, съ опредѣлившимся уже характеромъ, честолюбивымъ и своекорыстнымъ, Кетлеръ явился въ Ливонію, гдѣ и поступилъ на службу ордену; благодаря своимъ выдающимся способностямъ и прекрасному образованію, Кетлеръ скоро сталъ возвышаться; ему поручались сложныя и трудныя дѣла. Въ 1552 году мы встрѣчаемъ его въ Германіи въ качествѣ коммиссіонера ордена, Ordens Schaffner; здѣсь въ Германіи онъ увлекся новымъ религіознымъ движеніемъ и сдѣлался приверженцемъ Лютера. Вернувшись домой, онъ достигъ почетной должности командора Дюнабурга и Феллина. Въ 1556 г. Кетлеръ, какъ мы видѣли, былъ во второй разъ отправленъ въ Германію съ тѣмъ, чтобы набрать тамъ наемниковъ для войны ордена съ архіепископомъ Рижскимъ. Въ Любекѣ Кетлеръ свелъ, между прочимъ, знакомство съ Саломономъ Геннингомъ, своимъ будущимъ исторіографомъ. Въ отсутствіе Кетлера въ Ливоніи, припомнимъ, произошли большія перемѣны: Фюрстенбергъ, стоявшій во главѣ антипольской партіи, былъ избранъ въ коадъюторы магистра Генриха фонъ Галена и съ 1557 года сдѣлался магистромъ. Этотъ фактъ затронулъ честолюбіе Кетлера и съ этихъ поръ у него одна неотступная цѣль—отстранить Фюрстенберга и занять его мѣсто. Позвольскій трактатъ, поставившій новаго магистра въ столь тяжелую зависимость отъ Польши, какъ нельзя болѣе способствовалъ стремленіямъ Кетлера. Его частный секретарь Саломонъ Геннингъ находился въ Позволѣ какъ-разъ во время самыхъ переговоровъ, что, по мнѣнію Шиманна, не можетъ считаться случайностью. Польская партія очень усилилась съ заключеніемъ послѣдняго позвольскаго мира; новой побѣдой для нея было назначеніе Кетлера коадъюторомъ Фюрстенберга. И гово-

рить нечего, что Фюрстенбергъ совершенно противъ своего желанія согласился признать Кетлера своимъ коадъюторомъ; послѣдній заставилъ его назначить себя въ коадъюторы, должность, бывшую послѣднею ступенью къ магистерству. Фюрстенбергъ никогда не отличался энергіей, онъ не имѣлъ силъ устоять противъ теченія, принятаго политическими обстоятельствами, и по неволѣ былъ увлеченъ имъ. Допустивъ въ коадъюторы Кетлера, онъ сдѣлалъ величайшую дипломатическую оплошность. Для всѣхъ теперь стало ясно, что Фюрстенбергъ не долго удержится на своемъ посту. Кетлеръ, въ которомъ также не было и слѣда героизма или нравственной стойкости, все клонилъ въ свою пользу. Это былъ человѣкъ, умѣвшій извлечь себѣ выгоду изъ всѣхъ политическихъ сочетаній; онъ умѣлъ прикидываться и патріотомъ, и убѣжденнымъ сторонникомъ Польши, и рыцаремъ погибавшаго ордена. Въ его характерѣ слились самыя разительныя противоположности, благочестіе, мужество, твердость, постоянство, нарушеніе даннаго слова, хитрость и замкнутость. Смотря по требованіямъ минуты онъ раскрывалъ то одну, то другую черту характера. Политическій интриганъ, онъ гнался лишь за добычей, при чемъ въ этой погонѣ, разумѣется, нисколько не стѣснялся нравственными требованіями. Съ такимъ направленіемъ мыслей онъ оставался для многихъ загадкой. Событія, приведшія къ распаденію ордена, обрисовываютъ его, однако, всесторонне и даютъ возможность, при всемъ искусствѣ Кетлера маскироваться, взглянуть въ сокровеннѣйшія складки его души. Точка зрѣнія его при всѣхъ знаменательныхъ событіяхъ 1558—1561 годовъ оставалась точкой зрѣнія холоднаго, осторожнаго политика. Послѣ того какъ польскіе дипломаты перехитрили его, онъ уже не въ силахъ былъ противиться событіямъ и долженъ было уступить, хватаясь всегда за наиболѣе выгодный исходъ, обезпечивавшій за нимъ извѣстныя прерогативы [1]).

Изъ вышеизложеннаго видно, что внутреннее состояніе Ливоніи до начала ея войны съ Россіей представляло самую печальную и ужасную картину внутренняго разложенія.

Язвы ордена были неизлѣчимы и усиливались еще случайными бѣдствіями, голодомъ, болѣзнями; энергичныя, хотя и не радикальныя

[1]) Кромѣ *Шиманна* см. *Merkel*, *II*, 461. Говоря о Кетлерѣ, онъ заключаетъ такими словами его характеристику: это былъ одинъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые не заботятся о составленіи себѣ партіи; общество само льнетъ къ нимъ „wie schiwimmende Splitter an schwimmende Balken". Вѣрный взглядъ на Кетлера у *Le Bray*, Essai critique sur l'histoire de la Livonie. 1817, II, 69.

реформы Плеттенберга только на нѣкоторое время могли отсрочить смертный часъ погибающаго организма ливонскаго ордена. Реформація, внесшая въ него раздоры и раздвоенность, подорвала послѣднія его силы и довела до общаго разслабленія, противъ котораго напрасно еще 40 лѣтъ боролись магистры ордена. Въ этой борьбѣ бывали минуты, когда орденъ, казалось, возстановлялъ нѣсколько свои силы, сплачивался во-едино болѣе крѣпкою связью, но связь эта была искусственною, непрочною и не въ силахъ была выдержать напоръ даже случайнаго событія. Реформація породила собою всеобщее чувство непрочности, нетвердости, что отразилось и на политикѣ ордена; ничто болѣе не объединяло отдѣльныхъ членовъ ордена; внутренняя перетасовка, возникшая въ ней, только подлила масла въ огонь.

Господствовавшій классъ въ Ливоніи былъ пришлымъ, его тенденціи были чисто германскія, такъ что чувства патріотизма у лифляндскихъ князей мы искать не должны. Начиная съ магистра ордена и архіепископа Рижскаго и кончая послѣднимъ представителемъ дворянства, всѣ думали только о расширеніи собственной власти. Всякія обязанности, съ которыми связана была общая польза страны, давили какъ невыносимая тяжесть матеріальныя средства орденскихъ рыцарей. О единодушномъ сопротивленіи восточному врагу не могло быть и рѣчи: отсутствовала идея общаго блага, общей пользы, недоставало сплоченности интересовъ и нуждъ, не было сознанія своего единства, своего самостоятельнаго существованія, своей независимости; у ордена не было того внутренняго чувства жизненности, безъ котораго самыя прекрасныя учрежденія безполезны и немощны; ордену недоставало патріотическаго чувства долга — жертвовать всѣмъ ради спасенія отечества, и голосъ благороднаго Тиле, бургомистра Дерпта, оставался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Архіепископъ рижскій, маркграфъ бранденбургскій и три епископа — эзельскій, дерптскій и курляндскій, значеніе которыхъ со времени реформаціи пало, всего болѣе опасались самодержавія магистра ордена, и за нимъ оставалось только чисто теоретическое значеніе главы, безъ всякой реальной власти. Въ то время, какъ русскіе уже вторглись въ предѣлы Ливоніи, архіепископъ Рижскій спорилъ о власти съ магистромъ ордена. „Пока“, говоритъ современный любекскій хронистъ, „двѣ собаки грызлись изъ за кости, пришла третья (русскіе) и завладѣла ею“ [1]). Эта долго продолжавшаяся борьба

---

[1]) *Hövel*, 21.

епископовъ съ орденомъ не была отраженіемъ великой борьбы, разыгрывавшейся на западѣ между церковью и государствомъ, нѣтъ, „она была борьбою политическаго генія съ упорной живучей немощью мелкихъ политическихъ единицъ“ [1]). Будучи фактически независимыми, епископы не касались общаго дѣла Ливоніи. Каждый дѣйствовалъ и жилъ особнякомъ, не интересуясь даже состояніемъ сосѣдней епископіи; его кругозоръ не простирался дальше собственныхъ владѣній; епископъ не всегда могъ разсчитывать и на содѣйствіе своего капитула и ради собственнаго спокойствія онъ долженъ былъ предоставить своимъ вассаламъ полную свободу дѣйствій. Каждый господинъ дѣлалъ, что самъ желалъ, о какой либо правительственной мудрости никто не заботился; мудрѣйшимъ признавался тотъ, кто успѣвалъ наиболѣе нажиться [2]).

Города Ливоніи жертвовали всѣмъ ради своихъ торговыхъ выгодъ и хлопотали лишь о томъ, какъ бы за возможно небольшую цѣну избѣжать всѣхъ тягостей войны. Они считали себя членами Ганзейскаго союза, Лифляндія не была ихъ отечествомъ. Ливонскіе города вслѣдствіе благопріятныхъ условій рано добились самостоятельности и свободы, въ нѣсколько десятилѣтій достигнувъ такого положенія, какого нѣмецкіе города не могли пріобрѣсти въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Имъ предоставлена была свобода во внутреннемъ управленіи и судопроизводствѣ, свобода податнаго права и владѣнія землей, и, наконецъ,

---

1) *Bienemann*, 47.

2) Изъ донесенія антверпенскаго проповѣдника Тильмана Бракеля 1558 года видно, какъ низко пало духовенство Ливоніи; епископы и др. духовныя лица отличались надменностью, были люди распутные, ихъ окружали наложницы и бастарды. Развратъ былъ повсемѣстный; время проводилось въ трактирахъ и другихъ сомнительныхъ домахъ за азартными играми и виномъ. Случаи дуэлей и убійствъ были очень часты. Роскошь въ одѣяніи, пищѣ и обстановкѣ духовныхъ лицъ и представителей ордена достигла небывалыхъ размѣровъ. Каждаго рыцаря сопровождала многочисленная свита. На слугъ, собакъ и охоту тратили огромныя деньги. Толстыя золотыя цѣпи составляли любимое украшеніе ихъ. Такъ фохтъ Вейссенштейна, Heinz von Tylen, надѣвалъ на себя въ торжественныхъ случаяхъ цѣпь вѣсомъ въ 21 фунтъ; его сопровождали звуками трубъ, чтобы всѣ обращали на него вниманіе. Нерѣдко пиршества стоили рыцарямъ до 500,000 марокъ. Для обогащенія рыцари ничѣмъ не гнушались; ростовщичество, торговля, нарушеніе даннаго слова, подлогъ, подкупы — все это практиковалось ими. Образованіе рыцарей также стояло на очень низкой ступени; орденскіе статуты вмѣняли имъ въ обязанность только знать Отче Нашъ и Вѣрую; вся ихъ духовная пища состояла въ чтеніи орденской хроники (Ср. *Fahne*, 109—110).

даровано право имѣть войско и чеканить монету. Обязанности ихъ состояли только въ посылкѣ время отъ времени войска, да и это часто обходилось.

Купеческій классъ сталъ господствующимъ въ городахъ, изъ него выработалась и городская аристократія. При обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ, города были склонны захватывать въ свои руки руководство политическими дѣлами [1]). Торговое значеніе ихъ увеличилось съ конца XV ст., когда ганзейская контора въ Новгородѣ была уничтожена и когда вся ганзейско-русская торговля сосредоточилась въ рукахъ ливонскихъ городовъ. Ревель сталъ главнымъ стапельнымъ пунктомъ на восточномъ берегу Балтійскаго моря. Русскіе купцы пріѣзжали въ Нарву и Ревель, и этимъ городамъ удалось отдѣльными договорами добиться значительныхъ торговыхъ льготъ въ Московскомъ государствѣ. Отсюда соперничество Любека и другихъ ганзейскихъ городовъ съ Ревелемъ.

Дворяне въ Ливоніи сгруппировались вокругъ нѣсколькихъ владѣтельныхъ князей и, заботясь исключительно о сохраненіи и расширеніи своихъ владѣній, слѣдовали политикѣ этихъ князей, стремясь захватить въ свои руки львиную часть, такъ что и въ дворянскомъ сословіи дѣйствовали различные интересы, единства между его представителями не было; узкія, эгоистическія цѣли сдѣлались главнымъ побудительнымъ рычагомъ каждаго сословія въ отдѣльности, всѣ они отличались какою-то политическою близорукостью и совершеннымъ непониманіемъ интересовъ своей страны.

Такимъ образомъ, всюду насъ встрѣчаетъ глубокая деморализація, всюду свирѣпствовало полное безправіе, нравственная разнузданность и въ результатѣ всего—совершенная анархія въ странѣ.

Кромѣ упомянутыхъ обстоятельствъ, слѣдуетъ имѣть въ виду и еще одно, а именно: Лифляндіи не доставало того класса, на которомъ зиждется всякое государство, ей не доставало свободнаго сословія крестьянъ. Масса населенія ничего общаго не имѣла съ владѣтельными князьями Лифляндіи, ихъ раздѣляла непроходимая пропасть; народъ прозябалъ въ невѣжествѣ и нищетѣ и впалъ въ политическій сонъ, въ политическую косность, въ какую-то тяжелую апатію, отъ которой Ливонія не могла оправиться, и подъ гнетомъ которой она и умирала медленною, но неминуемою умственною, нравственною и по-

---

[1]) *Bienemann*, Aus baltischer Vorzeit, стр. 70 sqq. Cp. *von Brevern*, Die politische Stellung der Lifländischen Städte im Mittelalter.

литическою смертью. Отпечатокъ этой апатіи до сихъ поръ лежитъ на эстахъ и ливонцахъ [1]).

Быстро разлагалось все общество, представители его потеряли всякую энергію.

Таково было внутреннее состояніе Ливоніи, когда къ границамъ ея надвигалась грозная сила восточнаго царя, вызывавшая Ливонію на борьбу. Для успѣшнаго веденія борьбы необходимо было чрезвычайное напряженіе силъ, нужно было много войска, требовались большія матеріальныя средства на необходимыя военныя сооруженія.

Въ 1558 году произошло столкновеніе, которое должно было кончиться, да и кончилось роковымъ, смертельнымъ ударомъ для ордена и уничтожило послѣднюю искру жизни въ этой умирающей средневѣковой федераціи, когда-то столь сильной.

---

[1]) О положеніи крестьянъ въ Ливоніи см. *Fahne*, 175

ГЛАВА II.

Столкновеніе Ливоніи съ Москвою; причины и поводъ, вызвавшіе его; первые годы войны до 1561 года.—Вмѣшательство въ московско-ливонскія отношенія сосѣднихъ державъ. — Отношеніе Ганзейскихъ городовъ къ Ливонскимъ.—Выборгское плаваніе.—Ганзетагъ 1559 г.—Нарвское плаваніе.—Германская имперія и Ливонія — Сношенія съ Ливоніей Даніи и Швеціи до 1561 года.—Фридрихъ II и Магнусъ. — Восточная политика Густава I и его сыновей.—Утвержденіе шведовъ въ Ревелѣ.—Польша и Кетлеръ.—Распаденіе Ливонскаго ордена въ 1561 году.

Послѣ Позвольскаго мира, всѣ реальныя выгоды котораго были на сторонѣ Польши, Ливонскій орденъ сталъ разоружаться. Ливонцы не съ умѣли воспользоваться продолжительнымъ миромъ, жили въ излишествѣ, проводили время въ празднествахъ и какъ будто не замѣчали, что̀ готовилось противъ нихъ на востокѣ, какъ будто не желали видѣть, какъ повсюду стали обнаруживаться угрожающіе симптомы. Забыты были традиціи твердости и непоколебимости прежнихъ рыцарей ордена, все поглотили собою ссоры и борьба отдѣльныхъ сословій [1]). На случай новыхъ столкновеній съ кѣмъ-либо изъ своихъ сосѣдей орденъ легкомысленно полагался на Германскую имперію. Между тѣмъ ни Максимиліанъ I, ни Карлъ V не съ умѣли воспользоваться своимъ положеніемъ и тѣснѣе скрѣпить узы, соединявшія древнѣйшую нѣмецкую колонію на востокѣ съ ея метрополіей: ихъ увлекали

---

[1]) *Bunge*, III. Vier politische Gedichte, Livland in der zweiten Hälfte des 16 Jahrh. betreffend. Mitgetheilt und erläutert durch Eduard Pabst. I. Spottlied auf den deutschen Orden in Livland, in 1558: „честность забыта ливонцами, клятвы нарушаются, военная доблесть исчезла, жизнь протекаетъ въ излишествахъ. Vnd wehr woll sauffen vnd buchen kan, Den thun sie hochlich breissen, Ires ordens oberster muss er sein, Sie halten ihn für ein Meister".

ихъ династическіе, габсбургскіе интересы. Къ Польшѣ они относились враждебно и скорѣе были склонны допустить политическое сближеніе съ Москвою, въ которой они видѣли надежнаго союзника противъ Турціи.

На востокѣ Европы, между тѣмъ, произошли крупныя перемѣны: восточныхъ татарскихъ ханствъ не стало; объединенная Москва раскинула свои границы до Урала. Въ Европѣ заинтересовались варваромъ-гигантомъ; въ невѣдомую страну, ему подчиненную, въ эту страну „дѣвственныхъ“ природныхъ богатствъ, манившую къ себѣ своими несмѣтными сокровищами, стали стекаться иностранцы. Англичане, проникнувъ въ Бѣлое море, сдѣлали цѣлое открытіе, произведшее перемѣну какъ во взаимныхъ отношеніяхъ западныхъ Ганзейскихъ городовъ къ Ливонскимъ, такъ и въ отношеніяхъ послѣднихъ къ Москвѣ. Іоаннъ Грозный не удовольствовался, однако, одною англійскою торговлей; онъ точно угадывалъ своекорыстіе англичанъ, желавшихъ монополизировать русскую торговлю и навязать русскимъ такую же тяжелую опеку, какъ въ предшествовавшіе вѣка Ганза. Ему нужна была собственная гавань при Балтійскомъ морѣ, гдѣ русскихъ ожидали бóльшія преимущества, чѣмъ на Бѣломъ морѣ; отсюда уже они могли совершенно самостоятельно, безъ чужой помощи, добиться сношеній съ Западной Европой, въ которой, онъ зналъ, кроется многое, чего недостаетъ его государству. Грозный стремился къ морю, не по страсти къ территоріальному расширенію, а убѣжденный въ необходимости имѣть прямыя, непосредственныя сношенія съ Европой.

Съ самаго начала своего царствованія онъ добивался этого, уже въ 1551 году онъ грозилъ войною ордену, если орденъ станетъ еще задерживать свободную торговлю русскихъ и не пропускать въ Россію иностранцевъ [1]). Найдти предлогъ, который бы оправдалъ его притязанія—сдѣлать свое государство морскою державою, было не трудно. Загораживалъ ему море орденъ, ставшій уже исторической аномаліей, раздираемый внутренними смутами [2]), имѣвшій свой raison d'être только въ эпоху господства средневѣковой децентрализаціи, орденъ нарушившій свой договоръ съ Москвою и раздражавшій московитовъ

---

[1]) *Napiersky*, 369, 375, 377.... So der Maister zu Leifflandt jren leuten mit allerley ware zu handlen nicht ausgeschieden es sey mit Silber, Kupffer, Bley, Zin, Pantzer und auch allerley maysters handtwercks krigs vnd Dinst leuten vnd volck aus Littawen und teutschlande durch gestatten und jren freien vnuerhinderten weg in die Moscau nit vorgonnen werden.

[2]) Онѣ, конечно, были хорошо извѣстны царю.

цѣлымъ рядомъ безтактныхъ выходокъ. Сдвинуть съ пути такую шаткую преграду не могло представить особенныхъ затрудненій. И вотъ Грозный, рѣшивъ уже добиться морской гавани на Балтикѣ, но занятый еще своими восточными отношеніями, предъявляетъ ордену небывалое требованіе — сдѣлаться данниками Москвы, какъ это было опредѣлено въ старыхъ договорахъ Руси съ орденомъ, выплачивать царю съ каждой души по одной нѣмецкой маркѣ и единовременно доставить ему 50.000 за всѣ недоимки прежнихъ лѣтъ. Вопросъ о дани ливонцевъ московскому царю сдѣлался предметомъ оживленныхъ споровъ: нѣмцы утверждали, что въ договорѣ 1503 года о дани не упоминалось ни единымъ словомъ; русскіе же, говоря, что Ливонія издавна земля русская и что нѣмцы насильно вторглись въ нее, настаивали на дани, которую нѣмцы будто бы обязались платить имъ. Присматриваясь къ этимъ спорамъ между орденомъ и Москвою, шведскіе агенты писали къ Густаву Вазѣ, что царю не эта дань дорога, онъ выставляетъ ее только для виду, на самомъ же дѣлѣ онъ добивался стать твердою ногою на берегу моря: Нарва и Дерптъ — его конечная цѣль [1]). Такого же мнѣнія держались и въ Даніи.

Исторія вопроса о ливонской дани, по ливонскимъ источникамъ, такова. Въ пустоши, отдѣлявшей Нейгаузъ отъ Пскова, ливонскіе крестьяне имѣли нѣсколько сотъ пчельниковъ; изъ-за этихъ пчельниковъ у нихъ возникали столкновенія съ русскими, окончившіяся договоромъ между нѣмцами и псковскимъ княземъ, въ силу котораго ливонцы обязаны были доставлять князю ежегодно по 5 пудовъ меду. Русскіе, однако, и по заключеніи договора, не переставали все дальше и дальше проникать въ спорную пустошь, строили въ ней деревни, основывали монастыри и отъ дерптской епископіи у Нейгаузенской границы отняли полосу земли въ 6 миль. Вопросъ о медовомъ сборѣ успѣлъ, между тѣмъ, отойдти въ вѣчность, о немъ забыли и въ договорахъ онъ не упоминается. Іоаннъ Грозный, которому, безъ сомнѣнія, извѣстны были эти отношенія, снова ухватился за нихъ и возобновилъ старыя притязанія, но вмѣсто медоваго сбора требовалъ новой подати — такъ называемой десятины истинной вѣры; при этомъ новую подать требовали не только съ крестьянъ вышеназванной пустоши, но со всей Ливоніи, будто бы издревле вотчины русскихъ князей. Вопросъ, раньше касавшійся одной Дерптской области, сталъ теперь вопросомъ обще-ливонскимъ [2]).

---

[1]) *Schirren*, II, 229.

[2]) Ср. *Schiemann*, Charakteristiken, 6 и далѣе: Honigzins u Zins des echten Glaubens.

Требованіе, предъявленное Москвою ордену, застало послѣдній врасплохъ [1]), и вотъ посольство за посольствомъ отправляется въ Москву, съ тѣмъ чтобы дешевле купить себѣ миръ съ этой стороны (съ 1.000 марокъ они доходили до 30.000). Одновременно съ переговорами съ Москвою шли и переговоры съ Имперіей [2]). Требованія московскаго царя были чрезмѣрны: по одной маркѣ съ каждаго жителя, мужчины и женщины, и всѣ недоимки за три года, считая и умершихъ. Это было въ 1557 году. Ливонскіе послы вернулись домой, ничего не добившись. Царь, желая показать имъ свою силу, устроилъ нѣчто въ родѣ военной тревоги—проѣхалъ съ своими стрѣльцами въ поле, гдѣ цѣлый день стрѣляли изъ пушекъ. Этотъ маневръ явился прелюдіей къ настоящей войнѣ [3]).

Причинами войны съ Ливоніей Грозный выставилъ разрушеніе ливонцами православныхъ церквей, стѣсненіе русской торговли, помощь Польшѣ и Литвѣ противъ Россіи (Позвольскій трактатъ), неуплату дани, запрещеніе сношеній русскихъ съ ганзейцами, задержку направлявшихся въ Россію иностранцевъ [4]). Въ январѣ 1558 года ливонцы должны были убѣдиться, что угрозы московскаго царя были не напрасны. Большое русское войско (число котораго, впрочемъ, передается очень различно) около Нейгаузена вторглось въ предѣлы Ливоніи, предводительствуемое Шахъ-Али и Глинскимъ [5]). Какъ опустошительный вихрь, прошли

---

[1]) *Бинеманнъ* сопоставляетъ положеніе ордена въ 1558 году съ положеніемъ Австріи въ началѣ войны 1805 года (Aus Baltischer Vorzeit, 113).

[2]) Ср. *Häberlin*, IV, 125.

[3]) *Schiemann*, Charakteristiken, 7.

[4]) Копенг. арх. Lifl. 20a. Bericht der Liffl. Kriegs Ursachen ...... den Moskowischenn Kauffleutte vndt den Naugardischenn vnndt Plesskawischen vnd Jwannogrotischen eine grosse vngerechtigkeitt gethann vndt die Reussischen Kirchenn heuser vnde keller vnde stete welche vonn alters her gewesenn seint der Russen, in Derptt vnd zu Reuell haben die Deutschenn zerstertt auch die ortter keller vnndt heuser an sich genommen, vnd an die stete der kerckenn haben sie vntuchtige stette gemacht, vndt zu Reuall auf das kerckenn landt da vonn aldens her gewesenn ein Closter, darhin haben sie nun ein buchsenhoff gesetzt, vnnd vonn aldens her ist gewest ein tribut auss dem stiff von Dorpt, vnnd das tributt ist nicht bezallt worden in viell jharenn. Ср. *Bergmann*, Magazin für Ruslands Geschichte, Mitau, 1826, II, 3, 12 и дал. Мы намѣренно опускаемъ въ своемъ изслѣдованіи всѣ посольства ливонцевъ въ Москву, какъ болѣе или менѣе извѣстныя, и отсылаемъ желающихъ познакомиться съ ними къ общимъ сочиненіямъ Рихтера, Рутенберга и Соловьева.

[5]) Clefeldt Данцигу, 2-го февраля 1558 года, говоритъ, что вторженіе русскихъ произошло съ четырехъ пунктовъ. Данцигскій архивъ Acta Internunciorum, IX.

царскія полчища по сѣверной и сѣверо-восточной Ливоніи. Въ 14 дней русскіе сожгли 4.000 дворовъ, селъ и помѣстій [1]). Въ воскресенье 23-го января подвергся набѣгу русскихъ Маріенбургъ, въ слѣдующіе дни русскіе опустошали мѣстности около Нарвы, Везенберга и Нейшлосса; всего болѣе пострадала Дерптская область, гдѣ гибели жителей содѣйствовали еще сильные морозы. Ничто не находило пощады у жаждавшихъ мести московитовъ. Двадцатитысячный отрядъ ихъ въ понедѣльникъ 31-го января кинулся на Гельметъ. Московитъ показалъ ливонцамъ, говоритъ современный любекскій лѣтописецъ, какой онъ царь; теперь ревельскіе и рижскіе дворяне увидятъ, какъ легко справиться имъ съ русскими, о которыхъ они хвастливо говорили, что безъ труда отразятъ ихъ вторженіе и побѣдятъ ихъ [2]). Въ началѣ февраля (5-го, въ субботу) русскіе сдѣлали приступъ къ Лаису, черезъ 6 дней (11-го, въ пятницу) они были уже у Везенберга, откуда двинулись по направленію къ Нарвѣ [3]).

Беззащитная Ливонія была на краю гибели. Ужасъ, охватившій всѣхъ при вѣсти о вторженіи страшнаго врага, былъ тѣмъ сильнѣе, что всѣ сознавали свою совершенную неподготовленность къ борьбѣ съ нимъ. Фюрстенбергъ разсылалъ грамоту за грамотой, умоляя ры-

---

Neühausen основ. въ 1274 году. Число русскихъ Бреденбахъ опредѣляетъ въ 300.000 человѣкъ; это любимое число Бреденбаха и онъ не разъ опредѣляетъ имъ силы русскихъ. Ср. о первомъ походѣ русскихъ *Nyenstedt*, 48, *Hiärn*, 212; *Russow*, 53. *Renner*, 164, опредѣляющій число русскихъ въ 64.000 чел.; ср. далѣе 166—175. *Bienemann*, I, 41: Фюрстенбергъ бургомистру и ратманнамъ Риги, 26-го января 1558. *Shirren*, II, 67. *Henning*, 222. *Chytraeus*, 552 и 556. *Псковская лѣт.*, 309. *Arndt.*, 231—232. *Курбскій*, 60. Наименѣе достовѣренъ изъ всѣхъ ливонскихъ лѣтописцевъ Ніенстедтъ; его хроника—это произведеніе дилеттанта, а не историка, написанное въ 1604 году, когда автору было 64 года; онъ писалъ на память, а потому въ его трудъ и вкралось не мало ошибокъ, напримѣръ, паденіе Нейгаузена онъ относитъ до взятія Нарвы; Кетлера онъ называетъ коадъюторомъ уже во время осады русскими Нарвы и т. д. Ср. Beiträge, I, 1873, 251 и далѣе.

[1]) Данц. архивъ. Acta Internunciorum IX. Vol. 12. „4.000 höfe, pawrschafftenn und gesinde“. Письмо Клефельта, отъ 7-го февраля. Cropitzky. Ср. *Вельяминовъ-Зерновъ*, Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. I, 419 и д. *Карамзинъ*, VIII, 163. *Соловьевъ*, VI, 132. *Бестужевъ-Рюминъ*, II, 239 и слѣд.

[2]) *Hövel*, 21.

[3]) *Schirren*, II, 140 и 145: отъ двухъ рижскихъ дворянъ, прибывшихъ въ Польшу, узнали, что русскіе тремя колоннами вторглись въ Ливонію со стороны Нарвы, Дерпта и Маріенбурга. — Marienburg, который русскіе называли Allist, основ. въ 1341 году. Lais основ. 1423 году; Helmet въ 1265. Ср. Никон. 298.

царей, города и сосѣднихъ государей о помощи. Еще до вторженія русскихъ въ 1557 году, предвидя неизбѣжность столкновенія съ ними, онъ просилъ ревельскій ратъ имѣть на готовѣ войско и по первому зову выставить его противъ русскихъ. Заботился Фюрстенбергъ и о доставкѣ провіанта и пороха, самъ даже въ началѣ февраля собирался въ походъ на Вейссенштейнъ, чтобы остановить побѣдоносное шествіе грознаго восточнаго варвара; но нигдѣ и ни въ комъ не находилъ онъ поддержки и сочувствія [1]). Города Ливоніи издавна поль зовались привилегіей не высылать своихъ бюргеровъ на войну противъ внѣшнихъ враговъ, на ихъ попеченіи лежала лишь оборона роднаго города, ради чего они обращались къ наемнымъ ландскнехтамъ [2]).

Еще отчаяннѣе стало положеніе Фюрстенберга, когда въ мартѣ 1558 года новый многочисленный отрядъ русскихъ возобновилъ свое вторженіе въ Ливонію, но уже съ ясною и опредѣленною задачей занять Нарву. Теперь и Рига, и Ревель, и другіе города уже съ бо́льшей отзывчивостью отнеслись къ воззваніямъ Фюрстенберга, но помощь, которую они оказали ему, была слишкомъ ничтожной, чтобы спасти близкій къ гибели орденъ: нѣсколько бочекъ пороху, 2 шиффпунда свинцу и небольшое число ландскнехтовъ. Всѣ эти города предпочитали войнѣ миръ и готовы были скорѣе содѣйствовать примиренію съ Москвою, нежели поддерживать войну. Они отказывались, за совершенною бѣдностью, платить наемнымъ кнехтамъ, содержать пограничные полки и т. д. [3]).

Вольмарскій ландтагъ, открывшійся 13-го марта, еще разъ воочію доказалъ все малодушіе ливонцевъ, рыцарская доблесть которыхъ существовала лишь на словахъ да на бумагѣ, и обнаружилъ, какъ мало единства было между представителями ордена; всѣ дѣйствовали врозь, всѣ желали сохранить за собою свои привилегіи, всѣ отказывались для общаго дѣла жертвовать своими выгодами. Тщетны были всѣ попытки Фюрстенберга возбудить въ рыцаряхъ ихъ прежній военный пылъ, военную доблесть: они предпочитали деньгами купить себѣ миръ у московскаго царя и готовы были отдаться подъ покровительство одной изъ сосѣднихъ державъ. Протоколы Вольмарскаго съѣзда даютъ намъ богатый матеріалъ для знакомства съ настроеніемъ, царившимъ тогда въ орденѣ. Фюрстенбергъ на-

---

[1]) *Bienemann*, II, 31 и д. *Вельяминовъ-Зерновъ*, I, 428.
[2]) *Schiemann*, Revaler Landsknechte zur Zeit der ersten-Russennoth. 78.
[3]) *Schirren*, I, 83.

ставивалъ предъ орденомъ и архіепископомъ на томъ, чтобы сгруппировать всѣ военныя силы ордена на военныхъ границахъ его. Онъ одинъ понималъ, что отношенія къ Москвѣ могутъ разрѣшиться только въ открытой войнѣ. Представители Риги, Дерпта и другихъ городовъ не раздѣляли взглядовъ магистра. Дерптъ стоялъ за миръ, его представители указывали собравшимся, что война, исходъ которой не извѣстенъ, потребуетъ слишкомъ большихъ расходовъ и измѣнитъ весь строй Ливоніи. Если уже такой смѣлый государь, какъ Густавъ Шведскій, не могъ одолѣть московита, то ордену никакъ не слѣдуетъ отваживаться на войну. Никогда ливонцы прежде не одерживали побѣды надъ русскими, теперь это еще труднѣе, такъ какъ русскіе сдѣлались гораздо могущественнѣе. Не лучше ли, говорили дерптскіе послы, заключить миръ съ Москвою, пока страна еще не раззорена, пока еще есть возможность удовлетворить денежнымъ требованіямъ русскихъ.

Послы Риги совѣтовали не начинать войны съ Москвою и прямо заявляли, что не считаютъ себя обязанными защищать другихъ и разбрасывать свои силы по границамъ Ливоніи. Рига и другіе города надѣялись на свои стѣны, на то, что съ моря всегда будутъ получать съѣстные припасы и оружіе и легко такимъ образомъ выдержать осаду русскихъ. Ревельскіе послы писали изъ Вольмара городскому рату, что, по ихъ мнѣнію, спасеніе Ливоніи зависитъ исключительно отъ мира съ Москвою, а миръ возможенъ только въ томъ случаѣ, если будетъ удовлетворено денежное требованіе царя; они убѣждали представителей рата помочь съ своей стороны собрать нужныя деньги [1]).

Различныхъ мнѣній на Вольмарскомъ съѣздѣ было столько, сколько было представителей: одни стояли за войну, другіе за миръ, третьи предлагали еще поторговаться съ царемъ и добиться сбавки требуемой имъ суммы, четвертые ничего не предлагали, ставя все въ зависимость отъ германскаго императора [2]).

Рецессъ ландтага былъ составленъ 29-го марта; рѣшено было, въ концѣ концовъ, собрать 60.000 марокъ, но къ маю собрали всего 30.000; когда Клаусъ Франке и Вольфгангъ Цагеръ отпра-

---

[1]) Ср. *Bienemann*, II, 231. *Schirren*, VII: In tam enim perturbata Republica ubi tot sensus, quod capita: tot voluntates, quot homines, nihil tuti, nihil firmi et solidi esse potest. Ср. *Schirren*, I, 219. Въ іюнѣ новый съѣздъ въ Дерптѣ.

[2]) Ср. *Bienemann*, I, 58, 67 и дал.; *Richter*, I, 327, *Rutenberg*, II, 444.

вились въ Москву, чтобы купить у царя миръ, за который высказалось большинство, нарвцы нарушили перемиріе, заключенное съ русскими. Узнавши объ этомъ, царь прервалъ переговоры съ орденомъ и велѣлъ своимъ военачальникамъ возобновить осаду Нарвы [1]).

Вольмарскій съѣздъ могъ убить всякую энергію у менѣе дѣятельнаго человѣка, чѣмъ Фюрстенбергъ; но онъ все еще не терялъ надежды; его курьеры разъѣзжали по всей странѣ, отъ командора къ командору, отъ города къ городу, взывали о помощи и побуждали къ быстрымъ военнымъ дѣйствіямъ. Однако мало кто трогался воззваніями магистра. Фохтъ Вейссенштейна, Бернгардъ фонъ Шмертенъ, преспокойно оставался дома; самъ ландмаршалъ Ливонскаго ордена Христофъ Нейенгофъ фонъ деръ Лейе благоразумно отстранился отъ похода на русскихъ; рыцарство не принимало участія въ борьбѣ вслѣдствіе необходимости имѣть на готовѣ военную силу для защиты и обезпеченія своихъ сословныхъ прерогативъ; города имѣли въ виду исключительно только свои меркантильные интересы. Всего менѣе сочувствовалъ магистру архіепископъ рижскій, бранденбургскій маркграфъ; ему совершенно чужды были интересы ордена, и онъ единственно только мечталъ о томъ, какъ бы прочнѣе обосноваться въ своей архіепископіи и обезпечить за собою возможно больше территоріальныхъ владѣній. Столь же своекорыстною оказалась и политика эзельскаго и курляндскаго епископовъ; первый изъ нихъ мотивировалъ свой отказъ участвовать въ военномъ предпріятіи противъ московитовъ тѣмъ, что со дня на день ожидаетъ вторженія на Эзель шведовъ, давно уже грозящихъ ему открытою войною; на самомъ же дѣлѣ, онъ, какъ мы увидимъ, тогда уже помышлялъ уступить свою епископію датскому принцу Магнусу; второй сослался на совершенный недостатокъ денегъ и войска. Разногласіе было у ливонцевъ и относительно самаго способа войны съ московитами. Одни считали за лучшее укрыться въ крѣпостяхъ, другіе настаивали на необходимости борьбы съ врагомъ въ открытомъ полѣ. Укрѣпленіе городскихъ стѣнъ, постройка валовъ и башенъ, говорили послѣ паденія Дерпта, требуетъ и много средствъ, и много времени; безцѣльность обширныхъ укрѣпленій доказывалась примѣрами изъ исторіи —паденіемъ Константинополя, Офена и другихъ городовъ. Лучше въ бою помѣриться

---

[1]) *Schiemann*, Russland, Polen und Livland, II, 294: Als ob derartige, man möchte fast sagen, sentimentale Vorstellungen irgend Aussicht haben konnten, bei den Moskauer Politikern zu verfangen. (Это по поводу Вольмарскаго рецесса).

силами съ врагами, говорило меньшинство, и съ честью пасть, чѣмъ бѣжать отъ врага и уклоняться отъ битвы съ нимъ [1]).

Въ мартѣ русскія войска, въ числѣ 17,000, опустошали мѣстность къ сѣверу отъ Двины, напали на Динабургъ, Маріенбургъ, Росситенъ и другіе города, лежавшіе на восточной границѣ орденскихъ владѣній. Фюрстенбергъ просилъ города и рыцарство прислать кнехтовъ и провіанту къ нарвской границѣ, гдѣ имѣлось въ виду построить новый мостъ; онъ надѣялся, собравши тутъ ополченіе изъ Викена и Эзеля, двинуться на Ивангородъ, что́ ему еще раньше совѣтовали сдѣлать бургомистры и ратъ Ревеля, выставляя на видъ совершенную невозможность успѣшно вести войну съ русскими, пока они владѣютъ Ивангородомъ, куда съѣзжаются купцы изъ Англіи, Голландіи, Брабанта, Шотландіи, Германіи, Даніи и Швеціи [2]).

Прекрасный проектъ Фюрстенберга не по его винѣ, конечно, такъ и остался проектомъ; а русскіе между тѣмъ, какъ сообщалъ бургомистру Ревеля командоръ города, начали сооружать шанцы у нѣмецкой Нарвы. Фохтъ Нарвы Эрнстъ фонъ Шнелленбергъ, человѣкъ старый и нерѣшительный, писалъ магистру, что русскіе перваго апрѣля начали обстрѣливать Нарву; а рыцари, не взирая на это, собравшись у Везенберга, снова разошлись по домамъ. Изъ сообщеній современниковъ видно, что русскіе со всею энергіей, свойственной ихъ царю, принялись за осаду Нарвы [3]). Ни днемъ, ни ночью они не знаютъ отдыха; мечутъ въ день до 300 мѣдныхъ и каменныхъ ядеръ, нѣкоторыя вѣсомъ въ 50 фунтовъ; имѣютъ огромные запасы фальконетовъ, мортиръ и пр. Въ городѣ, между тѣмъ, съѣстные запасы все истощались, и едва ли, говоритъ очевидецъ, возможно будетъ выдержать продолжительную осаду. Платить жалованье наемнымъ кнехтамъ городъ не можетъ, а ревельскій ратъ, забывая общіе интересы, не перестаетъ требовать уплаты жалованья своимъ рейтерамъ; въ такомъ безвыходномъ положеніи бургомистръ Нарвы долженъ былъ отдать кнехтамъ вмѣсто жалованья купеческіе товары, находившіеся въ городѣ, на сумму въ 8.000 марокъ; это вызвало ро-

---

[1]) *Bienemann*, III, 195. Ср. *Schirren*, I, 180: Фюрстенбергъ также не желалъ тратить силъ на защиту каждаго незначительнаго замка и мѣстечка; онъ находилъ болѣе цѣлесообразнымъ все жечь и уничтожать на своемъ пути.

[2]) *Schirren*, I, 93.

[3]) *Schiemann*, II, 296: „Mit gröster Energie hat man dann von Russischer Seite den Krieg aufgenommen. Der Osten in voller Aufrüstung rückte gegen den verlassenen und verdorbenen Vorposten deutscher Cultur heran.

потъ и большое неудовольствіе со стороны космополитовъ-купцовъ, сердцу которыхъ дороже всего были ихъ торговыя предпріятія. Въ концѣ апрѣля ревельскіе кнехты, не получая болѣе жалованья, покинули осажденный городъ. Не извѣстно, исполнили ли ревельцы просьбу нарвскаго рата—отправить шкерботы къ Пёддесу, чтобы оттуда отбить русскихъ. Крумгаузенъ, бургомистръ Нарвы, обращался за помощью къ магистру, жаловался на то, что никто не отозвался на его безвыходное положеніе, никто „даже яйца" не прислалъ голодающему населенію; въ городѣ не осталось ни хлѣба, ни воды; окруженные врагами они напрасно взываютъ ко всѣмъ о помощи. Новые налоги на купеческіе товары и дома, въ количествѣ десятаго пфенига, займы на высокіе проценты—все было испробовано нарвцами, но напрасно. 27-го апрѣля они съ отчаяніемъ извѣщаютъ ревельцевъ, что такъ заперты русскими со всѣхъ сторонъ, что не могутъ уже воспользоваться и подвозомъ съѣстныхъ припасовъ, которыхъ ожидали изъ Ревеля. Фюрстенбергъ склонялъ рижанъ помочь Нарвѣ; но акты ничего не говорятъ намъ о томъ, исполнили ли они его просьбу [1]).

Обратимся, однако, къ самой осадѣ города. Подступивъ къ городу еще въ мартѣ, русскіе девять дней били въ его стѣны каменными ядрами и построили у города три шанца. Послѣ двухнедѣльнаго перемирія бомбардированіе возобновилось перваго апрѣля, особенной же силы достигло оно 7-го и 8-го апрѣля, въ четвергъ и пятницу на стр стной недѣлѣ. „Царь велѣлъ стрѣлять изо всего наряду по Ругодеву". Изъ Нарвы отвѣчали тѣмъ же и неустанно метали ядра въ Ивангородъ. 11-го апрѣля бомбардированіе съ обѣихъ сторонъ прекратилось. Ни откуда не получая помощи Шнелленбергъ рѣшился войти въ переговоры съ московскими военачальниками, Алексѣемъ Даниловичемъ Басмановымъ и Павломъ Петровичемъ Заболоцкимъ, результатомъ переговоровъ было 4-хъ мѣсячное перемиріе. Русскіе во время этого перемирія часто переходили Нарову и дѣлали незначительныя вылазки, уводили скотъ и пр. Царь обращался къ нарвскимъ жителямъ съ предложеніемъ отдаться подъ его высокую руку, обѣщалъ даровать имъ широкія торговыя привилегіи и сохранить за ними ихъ религію. Бюргеры и „ругодивскіе посадники", имѣвшіе свои торговыя дѣла съ Россіей, увидѣли въ предложеніи царя случай расширить свои при-

[1]) Ср. *Bienemann*, II, 61, 74; тоже, I, 165. *Schirren*, II, 197.

вилегіи и, разумѣется, первые высказались за необходимость сдать городъ московскому царю.

Получивши грамоту царя, бургомистръ Нарвы Іоахимъ Крумгаузенъ (Якимъ Кромышъ) съ ольдерманомъ, однимъ бюргеромъ и городскимъ секретаремъ отправились въ Ивангородъ для переговоровъ о мирѣ. Отсюда, говорятъ одни ливонскіе лѣтописцы, они писали своимъ родственникамъ, чтобы они въ условленное время подожгли городъ и не жалѣли пожертвовать и своими собственными домами. По русскимъ источникамъ, какъ извѣстно, причина пожара иная. Не извѣстно, зналъ ли фохтъ города о затѣяхъ Крумгаузена и его товарищей, но онъ удалился изъ Нарвы къ Фюрстенбергу и сложилъ свой постъ; за оставленіе Нарвы въ такой для нея критическій моментъ Шнелленбергъ подвергся денежному штрафу. Мѣсто фохта въ крѣпости перешло къ Стрикку, а въ городѣ къ Годерту фонъ деръ-Марке. Ихъ силы простирались тогда до 300 кнехтовъ и 150 воиновъ [1]).

20-го апрѣля въ 4 миляхъ отъ Нарвы расположилось орденское войско въ 500 человѣкъ конницы съ Кетлеромъ, тогдашнимъ командоромъ Феллина, Францемъ фонъ-Цигенгавеномъ, командоромъ Ревеля, и фохтами Іервена, Зонненбурга и Везенберга во главѣ.

Перемиріе, заключенное 11-го апрѣля, было нарушено нарвцами. Понадѣявшись на помощь Кетлера, они начали стрѣлять въ Ивангородъ [2]), приняли въ свои стѣны одинъ новый отрядъ нѣмецкихъ наемныхъ кнехтовъ, распущенный рижскимъ фохтомъ за невозможностью или нежеланіемъ уплачивать имъ жалованье; Кетлеръ обѣщалъ уплатить имъ все, что имъ слѣдовало и убѣдилъ войдти въ Нарву; это случилось 1-го мая; къ этому отряду, предводительствуемому Вольфомъ Сингегоффомъ, присоединились и ревельскіе кнехты, покинутые своимъ военачальникомъ Вульфомъ фонъ-Страсбурхомъ [3]).

Нарушеніе перемирія со стороны нарвцевъ раздражило русскихъ и они съ усиленнымъ напряженіемъ возобновили бомбардированіе Нарвы. 11-го мая, въ среду, въ Нарвѣ начались пожары. Никто ихъ не тушилъ и всѣ тащили свои пожитки въ замокъ, гдѣ надѣялись найти

---

[1]) Ср. *Renner*, 181 и далѣе; *Никонов*. лѣт., 307; *Львовск*. 212. Ср. *Hjärn*, 21 и сл. Ср. *Hansen*, Geschichte der Stadt Narva, 558, стр. 22—38.

[2]) *Hansen*, 22: Das Schloss von Narva und das Schloss Iwangorod stehen sich wie ein Paar Duellanten gegenüber.

[3]) Ср. Die Uebergabe Narvas in Mai 1558. *Mittheilungen* aus dem Gebiete der Geschichte Liv—, Ehst—und Kurlands. IX. Riga. 1860.

спасеніе [1]). Реннеръ разсказываетъ, что Кетлеръ, какъ только узналъ о начавшихся пожарахъ, отправилъ въ городъ своихъ рейтеровъ. Второй бургомистръ, Германъ фонъ-Мюленъ, недовольный этимъ, далъ знать Кетлеру, что пожаръ потушенъ и опасности болѣе нѣтъ. Тогда, будто бы, рейтеры Кетлера возвратились въ свой лагерь. Это извѣстіе очень неправдоподобно. Лагерь Кетлера лежалъ въ 4 миляхъ отъ Нарвы и едва ли можно допустить, чтобы онъ на слово повѣрилъ бургомистру; при нѣкоторомъ даже интересѣ къ судьбѣ города онъ имѣлъ всегда возможность чрезъ своихъ кнехтовъ и рейтеровъ имѣть свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ осажденной Нарвѣ. Хладнокровіе Кетлера и другихъ рыцарей было поразительнымъ; приблизившись къ городу на полмили, они съ значительнымъ количествомъ военныхъ силъ до конца оставались праздными зрителями паденія Нарвы и не сдѣлали даже попытки предупредить его, а спокойно удалились въ Пуртзе, а оттуда еще дальше, въ глубь страны, къ Везенбергу.

Русскіе какъ нельзя лучше воспользовались пожаромъ Нарвы, перешли рѣку, принялись стрѣлять и бить стѣны крѣпости, чрезъ стѣны бросали огненныя и каменныя ядра. Вскорѣ они проникли въ городъ со стороны „Рузскихъ и Колыванскихъ воротъ“ и начали осаду крѣпости. „И къ Вышегороду воеводы приступали до вечера со всѣхъ сторонъ“. Военачальникъ русскихъ Павелъ Петровичъ Заболоцкій, человѣкъ очень расположенный къ нѣмцамъ и противъ воли воевавшій съ ними, обратился къ кнехтамъ съ предложеніемъ добровольно сдать крѣпость, обѣщалъ имъ свободный выходъ и разрѣшилъ вынести съ собою столько, сколько въ силахъ каждаго. Въ первый разъ кнехты гордо отвергли предложеніе московскаго военачальника, сказавши, что „отдаютъ только груши да яблоки, а не княжескіе дома“ [2]). Но на второе предложеніе Заболоцкаго послѣдовалъ уже утвердительный отвѣтъ, и кнехты сдали ему крѣпость. Нарва пала въ среду на „пятой недѣлѣ по пасхѣ“, 12-го мая. Русскіе нашли въ городѣ богатую добычу, множество товаровъ, принадлежавшихъ ревельскимъ и ганзейскимъ купцамъ, полотна, воскъ, жиръ и др. Въ крѣпости оказались еще нѣкоторые запасы пороха и оружія. Побѣдители русскіе принялись тушить пожаръ и стали возстанавливать укрѣпленія города.

---

[1]) Dat was so ein slepent indt dat sloth, dath man 2 Roth Hacken Schützen moste up die Brügge stellen vor des Rothes Porte, die dat volck mit dem Zeüge uth dem slothe holden, sie hedden uns dat sloth sunst zu enge gemaket.

[2]) Appel und Beeren plecht man zu vergeven, keine Heren vnd Fürsten Häusser.

Не малую радость доставило Іоанну Грозному занятіе Нарвы. Онъ ликовалъ: ему удалось наконецъ стать прочною ногою у моря, пріобрѣсти гавань, откуда подданные его вполнѣ свободно и независимо отъ нѣмцевъ могли сноситься съ западною Европою, гавань, которая должна была стать фундаментомъ морской силы Россіи. Мечта Грознаго царя осуществилась. Сосѣди Ливоніи и Москвы покачивали головою; не всѣмъ желательно было утвержденіе „московита" на Балтійскомъ морѣ. Еще во время осады Нарвы шведскіе агенты писали Густаву Вазѣ, что „московскому царю вовсе не дорога дань ливонцевъ, онъ ухватился за нее *только для виду*. Нарва и Дерптъ—вотъ конечная цѣль всей его ливонской политики". Шведы не ошиблись; Грозному нужно было море, онъ теперь имѣлъ его. Великое значеніе его для Россіи пока сознавалъ одинъ только царь, цѣлою головою возвышавшійся надъ своими современниками политическою смѣтливостью и дальновидностью. Во все свое царствованіе онъ „съ особенною заботливостью" относился къ Нарвѣ, „любимому дѣтищу своему", „холилъ его", награждалъ привилегіями и льготами. Майское пріобрѣтеніе явилось высокознаменательнымъ моментомъ въ исторіи сѣверо-восточной Европы!

Іоаннъ Грозный съ царскою щедростью наградилъ „героевъ Нарвы" Нарва подъ русскимъ владычествомъ быстро застраивалась, стѣны и ворота ея царь велѣлъ укрѣпить, черезъ Нарову наведенъ былъ мостъ, соединявшій городъ съ замкомъ. Сюда русскіе свезли всю военную добычу. Пограничные съ Нарвой крестьяне подъ покровительствомъ и защитою царя точно ожили, имъ дана была возможность засѣять свои поля и обработывать землю. Русскій воевода доставилъ имъ зерна для посѣва, далъ хлѣба, быковъ и лошадей. Нарвскимъ жителямъ дарована была свободная и безпошлинная торговля по всей Россіи; они могли также безпрепятственно сноситься съ Германіей. Наконецъ, Нарва была объявлена свободной отъ постоя, царскіе воины должны были оберегать жителей ея [1]).

Первый рѣшительный успѣхъ придалъ русскимъ бодрости и энергіи; культурные орденскіе рыцари уступили силѣ ихъ натиска, и русскіе рѣшили, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, продолжать свои завоеванія, насадить православіе и утвердить господство московскаго царя въ области, издавна уже подвластной, какъ говорили въ Москвѣ, русскимъ князьямъ. Что Іоаннъ Грозный имѣлъ въ виду на-

---

[1]) *Schirren*, I, 142, 207. Ср. *Bienemann*, I, 246.

всегда упрочить свою власть въ завоеванной землѣ, видно изъ факта раздачи боярскимъ дѣтямъ въ покоренныхъ областяхъ обширныхъ земель.—Послѣ покоренія Нарвы русскіе имѣли еще нѣсколько незначительныхъ столкновеній съ ливонцами, обнаружившихъ совершенное превосходство ихъ надъ нѣмцами, среди которыхъ господствовали раздоры и несогласія. Въ первыхъ числахъ іюня русскіе взяли Этцъ (Адежъ) [1]) и тогда же въ числѣ 15.000 чел. приступили къ осадѣ Нейшлосса; осажденные обращались за помощью къ Везенбергу, но доставить имъ помощь оказалось невозможнымъ, такъ какъ единственный путь, шедшій къ городу, былъ занятъ русскими [2]); окружавшія же городъ болота затрудняли доступъ къ нему съ запада. Уже 7-го іюня городъ сдался, фохтъ же его Дитрихъ фонъ деръ-Штейнкуле еще раньше удалился въ Везенбергъ. „Жители города, говоритъ русскій лѣтописецъ, въ холопствѣ учинилися царю Государю Великому князю, а черные люди Латыши и Баты и Чухны изо всего Сыренскаго уѣзду приложились государю и правду дали, что имъ быти неотступнымъ отъ государя и до вѣка, а уѣзду Сыренскаго въ доль 60 верстъ, а поперекъ индѣ 50 верстъ индѣ 40, и Чудское озеро все стало въ Государевѣ землѣ царя и Великаго князя, и Нерова рѣка отъ верху и до моря“.

Къ половинѣ іюня русскіе были господами Гарріи и Леттланда, 15-го числа сдѣлали вторженіе въ область Ungannien или Укменойсъ и съ 80.000 войскомъ [3]) начали осаду Нейгауза, считавшагося ключемъ къ Дерпту, главною крѣпостью всей Дерптской епископіи; начальникомъ городской милиціи былъ извѣстный Георгъ Икскулль. Когда русскіе приступили къ Нейгаузу, магистръ, Кетлеръ и рыцари стояли лагеремъ къ югу отъ города въ мѣстечкѣ Киремпэ [4]). Фюрстенбергъ предлагалъ рыцарямъ перейдти Нарову и кинуться на русскихъ, но не встрѣтилъ сочувствія [5]). Тогда магистръ поспѣшилъ обратиться къ Ганзейскимъ городамъ, Густаву Вазѣ, Іоанну Финляндскому и нѣмецкимъ князьямъ, представляя имъ всю опасность своего положенія [6]); не удалась ему и попытка склонить къ общимъ дѣйствіямъ архіепископа рижскаго; многіе рыцари его покинули при

---

[1]) *Bunge*, Archiv, 6, 144. *Renner*, 187. *Никон. Лѣт.* 310.
[2]) *Львовская лѣт.*, V, 224—225.
[3]) *Bredenbach* даетъ это число.
[4]) Городокъ, основанный епископомъ Германомъ въ 1226 г. (*Gadebusch*, I. 525).
[5]) Ср. *Lossius*, II, 23. *Nyenstedt*, 49.
[6]) *Schirren*, I, № 69.

самомъ началѣ осады, такъ поступилъ между прочимъ епископъ дерптскій. Исполненный самыхъ благихъ намѣреній, несчастный Фюрстенбергъ постоянно встрѣчалъ отпоръ въ грубомъ эгоизмѣ рыцарей, въ нравственномъ разслабленіи всего ордена, въ скрытой, а впослѣдствіи и беззастѣнчиво-явной измѣнѣ орденскихъ представителей. Только одну удачную вылазку успѣли сдѣлать нѣмцы изъ своего лагеря (17-го іюня), но вскорѣ уже въ городѣ обнаружилась измѣна; измѣнника успѣли накрыть, говорятъ нѣмецкіе лѣтописцы, свезли въ Венденъ, гдѣ подвергли пыткѣ, изъ которой обнаружилось, что епископъ дерптскій началъ переговоры съ московитами и обѣщалъ уступить имъ свою область, если они не посягнутъ на религіозную свободу дерптцевъ и сохранятъ за его областью всѣ ея привилегіи. Псковская лѣтопись ничего не говоритъ объ измѣнѣ, Львовская отмѣчаетъ храбрость нѣмцевъ: „и билися нѣмцы добрѣ жестоко и сидѣли на смерть“ [1]). Реннеръ категорически заявляетъ, что Нейгаузъ сдался русскимъ 30-го іюня (въ четвергъ) благодаря измѣнѣ [2]).

Послѣ паденія Нейгауза Кетлеръ, видя, что оставаться въ Киремпэ не безопасно, рѣшился перенести свою военную квартиру въ Дерптъ; но епископъ дерптскій воспротивился этому, и тогда Кетлеръ и его партія удалились въ Валькъ, пограничный съ областью Саккала городокъ [3]). Фюрстенбергъ же остался въ Uelzen'ѣ, на сѣверо-западъ отъ Киремпэ, который по его приказанію былъ сожженъ. Валькъ былъ расположенъ въ 8 миляхъ отъ Дерпта. Отсюда нѣмцы обращались за помощью къ польскому и датскому королямъ, съ такимъ же малымъ успѣхомъ, какъ и во всѣхъ прежнихъ случаяхъ [4]). Раздоры въ лагерѣ ливонскихъ рыцарей все увеличивались. Дерптскіе дворяне отказывались служить магистру, и 3-го іюля 260 всадниковъ уѣхали въ Дерптъ. Русскіе между тѣмъ все ближе подходили къ Дерпту; 5-го или 6-го іюля они заняли Варнбекъ, въ трехъ миляхъ къ сѣверу отъ Дерпта, на Эмбахѣ, близъ Пейпуса; замки сдавались имъ почти безъ сопротивленія, что вызвало мѣткое замѣчаніе одного ливонскаго исто-

---

[1]) *Львовск.*, V, 230. *Псковск.*, 310.

[2]) Объ осадѣ Нейгауза ср. *Bienemann*, I, 190. *Arndt*, 234. *Gadebusch*, V, 521. Копенг. арх. Lifl. 5. Münchhausen Христіану III (dinstags nach Petri et Pauli) Нейгаузенъ палъ въ день Петра и Павла: Nachdem der Muscowiter gegen disse Land+ mit aller macht je lenger je mehr mit morden, rauben, brennen verwustung vnnd innemung schlosser vnd heusser land vnd leuth procedirt vnd fortfarth.

[3]) *Bienemann*, II, 117.

[4]) *Gadebusch*, I, 526.

рика: „Man spiele in Livland mit Schlössern wie mit knippkügelchen“. Къ 8-му іюля весь Вирландъ былъ оставленъ рыцарями и беззащитный ожидалъ своей судьбы.

Въ то время какъ русскіе приступили къ осадѣ Дерпта, въ орденѣ произошла большая перемѣна: Кетлеръ избранъ былъ въ коадъюторы Фюрстенберга, что означало побѣду польской партіи. Избраніе Кетлера было беззаконнымъ, такъ какъ онъ избранъ былъ далеко не всѣми, Фюрстенберга заставили признать его своимъ коадъюторомъ. Тенденціозный историкъ Геннингъ, сторонникъ Кетлера, говоритъ въ защиту своего патрона, что онъ будто бы сначала отказывался отъ коадъюторства, что магистръ по болѣзни и неспособности своей самъ настаивалъ на этомъ и т. д., но все это опровергается архивными данными. Кетлеръ все велъ къ тому, чтобы вытѣснить Фюрстенберга и занять его мѣсто, чего онъ и достигъ въ слѣдующемъ второмъ годѣ войны [1]).

8-го іюля русскіе приступили къ Дерпту, 11-го они начали осаду его и построили кругомъ города укрѣпленія. Первые дни стоялъ густой туманъ, такъ что враги не видали другъ друга [2]); осажденные держались съ большимъ мужествомъ, три раза имъ удавалось выбить русскихъ изъ сооруженныхъ ими шанцевъ; нѣсколько дней перемирія русскимъ пришлось поэтому употребить на постройку новыхъ шанцевъ и на этотъ разъ у самыхъ Андреевскихъ воротъ близъ городскаго собора; вскорѣ они начали бомбардировать городъ. Бюргеры проявляли необыкновенное мужество, жертвовали жизнью, имуществомъ и своими близкими ради защиты города. Но вскорѣ духъ сепаратизма проникъ и въ стѣны Дерпта. Еще въ іюнѣ дерптскіе жители обращались къ магистру съ просьбою дать имъ новаго епископа, такъ какъ старымъ очень недовольны; теперь эта нелюбовь обнаружилась еще сильнѣе [3]). Первыми бѣжали изъ Дерпта канцлеръ города, его совѣтники и многіе дворяне; дѣла принимали все болѣе и болѣе мрачный характеръ, почти всѣ сознавали необходимость иноземной протектуры. Вскорѣ возникла рознь и въ интересáхъ отдѣльныхъ сословій: дворяне тайкомъ убѣгали изъ города, купцы увозили свои товары въ Ревель, одни стояли за сдачу города русскимъ, другіе рѣ-

---

[1]) *Rutenberg*, II, 469. *Henning*—тенденціозенъ при изложеніи этого событія. *Lossius*, 164 и д.

[2]) Бреденбахъ говоритъ, что русскихъ было 300.000. Этотъ историкъ, какъ ревностный католикъ, объясняетъ всѣ несчастія Дерпта отпаденіемъ ихъ отъ католичества. *Schirren*, I, 149 и д. *Hjärn*, 217.

[3]) *Bienemann*, II, 114. I, 233. *Nyenstedt*, 51.

шились пожертвовать жизнью для защиты его. Русскіе не теряли ни минуты даромъ, все ближе обступали городъ, частая пальба ихъ наносила ему не мало вреда. Усиленная стрѣльба началась 14-го іюля; въ ночь на 15-е русскіе сдѣлали ровъ у Андреевскихъ воротъ и подложили подъ стѣну 6 бочекъ пороху. Защитники Дерпта все рѣдѣли отъ дезертированія и русскихъ пушекъ. Магистръ не могъ или не желалъ помочь городу; въ помощи отказали и города, къ которымъ, кромѣ Дерпта, взывалъ и Фюрстенбергъ. Осажденнымъ оставалось лишь принять предложеніе русскихъ—сдаться на гнѣвъ и милость ихъ царя. Еще до начала осады епископъ Дерпта извѣщалъ Фюрстенберга объ условіяхъ сдачи, предложенныхъ ему русскими [1]). Царь прежде всего требовалъ, чтобъ русскія церкви въ Дерптѣ были возстановлены со всѣми землями и гильдейскими домами, къ нимъ принадлежащими; затѣмъ онъ настаивалъ на свободной и безпрепятственной орговлѣ русскихъ съ иностранцами, далѣе —чтобы съ каждаго дома ему давали подать въ размѣрѣ одной нѣмецкой марки и чтобы ему доставили неустойку за всѣ прежніе годы; наконецъ, царь требовалъ свободнаго пропуска въ Россію иностранныхъ ремесленниковъ и обѣщанія—ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ не заключать договоровъ съ Польшей. Епископъ тогда не принялъ этихъ требованій царя, находя ихъ незаконными и къ каждому изъ нихъ сдѣлалъ свои замѣчанія. Такъ, относительно перваго требованія царя онъ замѣтилъ, что въ Дерптѣ всего одна русская церковь, а не нѣсколько; относительно свободной торговли онъ заявлялъ, что она нанесла бы туземцамъ слишкомъ большой подрывъ: въ ливонскихъ городахъ тотчасъ возникли бы „иностранныя морскія компаніи“ для торговли съ русскими, и граждане ливонскихъ городовъ были бы лишены своей главной прибыли; требованіе царя относительно дани также беззаконно и является нарушеніемъ его же грамоты, скрѣпленной крестнымъ цѣлованіемъ, въ которой онъ соглашался получать только прежнюю невыплаченную ему подать, а о нѣмецкой маркѣ съ каждаго дома въ ней ничего не говорится. Наконецъ, пропускъ въ Россію иностранныхъ мастеровъ вызвалъ бы неудовольствіе во всей Германской имперіи, для которой осуществленіе этого требованія царя явилось бы весьма опаснымъ [2]).

Дерптъ палъ 18-го іюля. Поведеніе побѣдителей русскихъ въ

---

[1]) *Schirren*, I, 76 и далѣе.

[2]) *Schirren*, ibi dem.

Дерптѣ—единственный примѣръ въ исторіи XVI столѣтія; всѣ источники согласно свидѣтельствуютъ о необыкновенной гуманности Петра Ивановича Шуйскаго, дѣйствовавшаго, разумѣется, по волѣ и приказанію своего государя. Всѣ современныя донесенія, Zeittungen, говорятъ о бо̀льшемъ расположеніи туземцевъ къ побѣдителямъ русскимъ, нежели къ нѣмцамъ. Царь обѣщалъ дерптцамъ самыя широкія привилегіи, далъ имъ право избирать себѣ изъ своихъ бюргеровъ чиновниковъ, право свободной торговли, обезпечилъ за жителями ихъ имущества, разрѣшилъ желающимъ свободный выходъ изъ города со всѣмъ имуществомъ, далъ амнистію за все прошлое, даже по отношенію къ особѣ царя. Дѣйствительно, при выступленіи изъ города жителей и кнехтовъ, со стороны русскихъ соблюдалась необыкновенная дисциплина; кто отнималъ ружье у кнехта, подвергался казни, и ружье возвращалось по принадлежности [1]).

Современники, на которыхъ паденіе Дерпта произвело сильное впечатлѣніе, обвиняли во всемъ епископа города; онъ будто бы находился въ заговорѣ съ русскими, ему будто бы помогали любчане, добивавшіеся у царя учрежденія въ Ивангородѣ торговой конторы вмѣсто разрушенной новгородской конторы [2]). Жители Дерпта, получившіе право выйдти изъ города, направились въ Ригу и Ревель, такъ какъ имъ подъ страхомъ смерти запрещено было переходить къ магистру; на пути въ Ревель дерптскіе бѣглецы повсюду разсказывали о несчастной судьбѣ, постигшей ихъ городъ.

Взятіе Дерпта было новымъ торжествомъ для русскихъ. Теперь, кромѣ Викена, и Уккенойсъ перешелъ къ русскимъ, другими словами, они утвердились во всей восточной Ливоніи; на сѣверѣ границей ихъ завоеваній былъ Финскій заливъ, на западѣ Чудское озеро, на востокъ рѣка Пала и озеро Wirzjerwi, на югѣ линія укрѣпленій—Киремпэ, Нейгаузъ и такъ далѣе до Валька. Кетлеръ съ своими сторонниками ничего не сдѣлалъ для защиты Дерпта, изъ Валька онъ перешелъ въ Венденъ, а оружіе велѣлъ свезти въ Дюнамюнде. Безучастнымъ оставался онъ и къ судьбѣ Jerwen'а, куда русскіе вторглись послѣ своихъ успѣховъ подъ Дерптомъ. Фохтъ Jerwen'а бѣжалъ въ Перновъ при вѣсти о приближеніи русскихъ; его примѣру послѣдовали многіе другіе рыцари. Феллинъ, Оберпаленъ и Вейссенштейнъ

---

[1]) Ср. *Fahne*, 153; *Arndt*, II, 238; *Renner*, 197.

[2]) *Fahne*, 154. Ніенстедтъ, Геннингъ, Руссовъ—всѣ говорятъ, что Дерптъ палъ вслѣдствіе измѣны епископа.

опустѣли. Многіе сжигали свои жилища и укрывались за стѣнами городовъ. Между дворянствомъ и орденомъ возникли препирательства; орденскіе чиновники обвиняли дворянство въ безучастіи къ несчастной судьбѣ Ливоніи, дворяне ставили въ вину ордену, что онъ не доставлялъ достаточнаго количества ландскнехтовъ. Бюргеры думали лишь о своихъ городскихъ привилегіяхъ. Всего хуже приходилось крестьянамъ. Видя, что ихъ покидаютъ на волю судьбы и оставляютъ безъ всякой помощи, они отдавались московиту. „Черные люди всѣ государю приложилися и правду дали изъ всего уѣзда, говоритъ Львовская лѣтопись, что имъ отъ государя неотступнымъ быти и до вѣка“ [1]).

Въ августѣ русскіе покорили Везенбергъ и Лаисъ [2]), осаждали Вейсенштейнъ подъ начальствомъ Михаила Петровича Репнина-Оболенскаго и Павла Петровича Заболоцкаго, въ концѣ же мѣсяца появились въ виду Ревеля. Шуйскій уже два раза обращался къ Ревелю, побуждая его сдаться московскому царю,—21-го іюля и 13-го августа; онъ писалъ, что царь сохранитъ за жителями всѣ ихъ вольности и привилегіи, не введетъ въ городъ войска и ограничится лишь назначеніемъ туда своего штатгальтера [3]). Ревельцы тогда даже не отвѣтили на письма Шуйскаго: имъ въ то время навязывали свою помощь и Данія, и Швеція, и Польша. Страхъ предъ русскими однако не покидалъ жителей Ревеля. Уже послѣ паденія Нарвы они опасались. какъ бы русскіе со стороны моря не начали осаду города [4]). 26-го мая ревельцы обратились къ магистру съ такимъ письмомъ: „Мы должны пить и ѣсть, на нашей обязанности укрѣплять стѣны города, закупать порохъ и оружіе, нанимать кнехтовъ и стрѣлковъ, средства же наши всѣ истощены; мы много потеряли, пославши осажденной Нарвѣ 12 большихъ орудій, пороху и провіанту. Каждый день мы должны быть готовы къ встрѣчѣ русскихъ; отстоять городъ собственными силами мы не въ состояніи; къ намъ всѣ обращаются за помощью, мы же вынуждены всѣмъ отказывать. Разъ у человѣка на рукѣ отбиты 4 пальца, пятому уже ничего не подѣлать. Примѣръ Дерпта всего поучительнѣе. Какъ дѣти, покинутые своимъ отцомъ, мы взываемъ къ вамъ, ко всѣмъ прелатамъ, господамъ и дворянамъ, помогите намъ,

---

[1]) *Львовская лѣтопись*, V, 240; *Shirren*, II, 184.

[2]) *Bunge*, III, 1844. Spott-geschichte des Deutschen Ordens in Livland, in Reimen beschrieben von Hans v. Taube. Verfertiget zu Moskau am 5 März 1565.

[3]) *Nyenstedt*, 59; *Schirren*, III, 13. *Гансенъ*, Древнія русскія грамоты въ Ревельскомъ архивѣ. 1890. №№ 69 и 70.

[4]) *Bienemann*, I, 254.

иначе доведенные до крайности, мы примемъ помощь отъ иноземныхъ государей“ [1]).

Фюрстенбергъ не только не помогъ ревельцамъ, но и самъ еще потребовалъ отъ бургомистра и рата, чтобы они, въ виду похода, предпринятаго имъ противъ русскихъ, доставили ему все наличное число войска и снабдили его лагерь съѣстными припасами [2]). Къ счастью для Ревеля, русскіе на этотъ разъ ограничились только опустошеніемъ его окрестностей, а затѣмъ двинулись на югъ, гдѣ пожгли мѣстности у Трикатена и Маріенбурга въ области Леттландъ [3]).

14-го августа въ Германіи появился листокъ, Zeitung, въ которомъ нѣмцы могли прочесть слѣдующее: Московитъ успѣлъ уже захватить въ свою власть половину Ливоніи; изъ городовъ и замковъ онъ занялъ Дерптъ, Нарву, Везенбергъ, Нейгаузъ, Феллинъ (?) и Фалькенау; всѣ завоеванные города онъ сильно укрѣпляетъ и снабжаетъ гарнизонами. Царь писалъ къ магистру, что согласенъ снова начать съ нимъ переговоры о мирѣ, но съ условіемъ, чтобы за Москвою признано было все, что до сихъ поръ завоевано русскими. Женщины и дѣти выселяются изъ городовъ, увозятъ съ собою все движимое имущество. Магистръ взываетъ ко всѣмъ о помощи. Ревель ведетъ переговоры съ Даніей, желаетъ отдаться подъ покровительство Христіана III.

Очень вѣрное изображеніе ливонскихъ событій, хотя и нѣсколько преувеличенное: Феллинъ былъ завоеванъ лишь на третій годъ войны!

Осенью русскія войска вернулись домой, воеводы уѣхали въ Москву. Этимъ воспользовался Кетлеръ; съ 7.000 кнехтами, 10.000 крестьянъ и 2.000 конницы онъ рѣшился двинуться на русскихъ и освободить отъ нихъ Дерптское епископство. Такимъ образомъ лишь въ началѣ октября ливонцы рѣшились обратиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ

---

[1]) *Schirren*, I, 133 и далѣе.

[2]) *Bienemann*, II, 165.

[3]) Дрезд. арх. Das vierdte Denische Buch. Христіанъ III Августу Саксонскому: Der Muschovitter heltt vbel haus jnn Lifflandt vnnd hat nach der deutschen Narue, das schlos Neuhaus vnnd das Stifft vnd Stadt Dorpt inne, jst auch bis vhor Reuell gerückt, vf 6 meil nach, hatt die Stadt Reuell vffordern lassenn, aber sie ist etwas zum Widerstande gefasst. Ср. Beiträge zur Geschichte Est—, Liv—vnd Kurlands, I, 1873, стр. 205: Das Scharmützel vom 27 Sept. 1558 ist der erste Kampf, den die revalschen Schwarzen häupter zur Beschützung der Stadt mit bestanden haben.

противъ русскихъ. 30-го октября имъ удалось занять Рингенъ, въ которомъ было всего 2.000 русскихъ [1]), благодаря главнымъ образомъ смѣлости рижскаго домпробста и обриста архіепископскаго отряда—Фридриха Фёлькерзама [2]). 500 человѣкъ русскихъ было убито, 100 взято въ плѣнъ [3]). Успѣхъ такъ пріободрилъ ливонцевъ, что они рѣшились даже вторгнуться въ предѣлы Россіи и пожгли мѣстность у Краснаго городка. Когда русскіе въ Дерптѣ узнали о паденіи Рингена, они, заподозривъ нѣмцевъ въ измѣнѣ, отправили всѣхъ бывшихъ въ городѣ въ Москву (Реннеръ), а по другимъ извѣстіямъ въ Псковъ (Бинеманнъ). Въ началѣ ноября ливонцы имѣли еще одну удачную схватку съ русскими; Иванъ Языковъ и Ѳедоръ Писемскій были взяты въ плѣнъ. Нѣмцы удивлялись уму и большимъ познаніямъ Писемскаго. Реннеръ говоритъ, что онъ владѣлъ латинскимъ, греческимъ, польскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками.

Дальнѣйшее движеніе Кетлера къ Дерпту было остановлено его болѣзнью. Въ половинѣ ноября всѣ рыцари и наемные кнехты разошлись по зимнимъ квартирамъ [4]).

Въ январѣ 1559 года русскія войска, предводительствуемыя княземъ Семеномъ Микулинскимъ, княземъ Василіемъ, княземъ Юріемъ Кашинымъ, Шереметевымъ и Никитою Романовымъ, родственникомъ царя, вторглись въ Ливонію со стороны Маріенбурга и южнѣе у Краснаго городка [5]). Ливонскіе лѣтописцы опредѣляютъ силы рус-

---

[1]) *Псковская лѣтопись.*

[2]) *Schirren*, I, 270. Ср. *Lossius*, I, 42; *Bienemann*, II, 199.

[3]) Это по *Реннеру*, 220. У *Ширрена*, I, 264, 281, III—54 и далѣе говорится: Кетлеръ, послѣ взятія Рингена, велѣлъ убить 50 бояръ, „не считая многихъ другихъ шельмъ"; въ плѣнъ было взято 95 человѣкъ. Одного знатнаго боярина и его сына Кетлеръ отправилъ въ Венденъ къ Фюрстенбергу, какъ трофеи.

[4]) 23-го ноября Хритіанъ III писалъ Августу Саксонскому: Doch sollen, wie gleublich gesagt wirdt, die Bischoffe, vnnd der Liffiendisch Adel mit dem Meyster nicht eins sein, dardurch die gegenwehr, die auch sonst einem solchen Veyndtt zu schwach, nicht wenich verhindertt werden soll.

[5]) Для 1559 года см. *Henning*, 228, *Курбскій*, 61 и д., *Renner*, 229 и д., *Hjärn*, 220; *Russow*, 108 и д., *Псковская лѣтопись*, 311. Общія сочиненія *Рихтера*, *Рутенберга* и *Шимана*. Копенг. архивъ, Russland, 6. Bekentnus des Reussen, welcher denn 25 Januar alhier zu Wenden eingetzogenn worden ist.

Erstlichenn die Nhamen der Vbristen.
Der erste genantt Knesse Ziemann Mekelenuskj.
Der ander Knesse Wassilj, jhrer aller Vbrister ihn Lager.
Der dritte Knesse Jurgenn Kassin vnnd Zeremettoff.

скихъ въ 30.000 человѣкъ, но эта цифра, очевидно, преувеличена, что явствуетъ изъ показаній русскихъ плѣнныхъ [1]). За русскимъ войскомъ, какъ говорятъ, шелъ стотысячный отрядъ татаръ съ сѣномъ и фуражемъ [2]). Изъ Дерпта отдѣльный отрядъ въ 18.000 человѣкъ направлялся къ Вендену и Эрмесу. Дойдя до Двины и все опустошивъ на пути, русскіе черезъ 9 дней возвратились. Въ февралѣ новыя силы вторглись въ Ливонію, при чемъ русскіе рѣшились съ семи различныхъ пунктовъ ударить на ливонцевъ. 10.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Никиты Романовича, пошли на Шванебургъ и Сессвегенъ, съ цѣлью проникнуть глубже въ страну до самой Риги. Съ ними было 600 ливонскихъ пищальниковъ и одинъ дезертировавшій нѣмецъ, служившій имъ проводникомъ [3]). На пути многіе ливонцы добровольно переходили на сторону русскихъ, снабжали ихъ совѣтами и указаніями. У московскаго царя были повсюду свои агенты, знавшіе „всѣ лозунги“ ливонцевъ [4]). Первая крупная битва съ нѣмцами произошла у Тирзена. Нѣмцы были разбиты, и русскіе въ продолженіе цѣлаго мѣсяца съ страшною жестокостью

Der vierte Mikittoff Romanof, des Grosfürsten sein Schwager. — Vnnd ist der grosse hauffenn jnn alles starck, der da die 6 meilen weges vonn hier leitt XX M. Ferner seint sie auch noch der Dorpttischen Reussenn vormuttenn zu sich, etwa auch jnn die 8 M. sein sollen. — Русскій плѣнникъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ подвергнутъ пыткѣ (thut er peinlichenn bekennen); онъ открылъ, между прочимъ, что русскіе все еще удерживаютъ у себя плѣннаго епископа дерптскаго, отъ котораго надѣются получить какія нибудь полезныя свѣдѣнія. „Zu der Peine bekandtt. Das der verfuertte Bischoff von Dorptt grosse vhrsach sei das sie diese Lande vberziehen; sonst bleibtt ehr vff seinen vorigen artikeln“.— Изъ этого же показанія мы узнаемъ, что въ большомъ войскѣ русскихъ 1000 стрѣлковъ (hackennschutzenn) и 300 (3000?) татаръ. — Плѣннаго русскаго звали Петромъ, онъ былъ слугою боярина Adrian Kijkijnn.

[1]) Копенг. архивъ, Russland, 6.

[2]) Копенг. арх. Kornemeister zu Wenden an Wilhelm Fürstenbergio. Dat. Ermess, den 24 Jan. 1559. „О татарахъ точныхъ свѣдѣній не имѣется“. Тамъ же — признаніе одного московита, пойманнаго пруссаками и выдающаго себя за слугу боярина Federin.

[3]) Тамъ же говорятъ, что онъ былъ слугою одного ливонскаго дворянина и бѣжалъ отъ грозившей ему казни. „Er soll die Reussen geleittsagen vnnd fuhrenn thun“. У русскихъ было еще 15 нѣмцевъ и 4 иноземца, также служившіе имъ проводниками.

[4]) Данцигскій арх. Acta Internunciorum, 1557, 58, 59, IX. Vol. 12. Донесеніе Данцигу Paulus Pryter'a, Кенигсбергъ, Donnerstag post Inuocavit, 1559. „Dass der Moschowiter allerseits kundschafft hat vnd weiss alle losunge der Liffleпder“.

опустошали ливонскія земли до Курляндіи и границъ Пруссіи и Литвы. Они бы прошли и въ самую Курляндію, еслибы не ложная вѣсть о томъ, что герцогъ мекленбургскій идетъ на нихъ съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Вторая битва русскихъ съ нѣмцами произошла при Шванебургѣ [1]). Русскіе и изъ нея вышли побѣдителями, хотя и потеряли 1.500 человѣкъ. Взятыхъ въ плѣнъ нѣмцевъ (17 человѣкъ) они отправили въ Москву. Взявши затѣмъ Пебальгъ и Смильтенъ, они вторглись въ Венденскую область, гдѣ сожгли города Сербенъ, Шуйенъ и Нитоу, разрушили крѣпость Юргенбургъ и нѣсколько другихъ укрѣпленій въ Sattesele, неподалеку отъ Риги (Лембургъ, Роденпойсъ и друг.). Русскіе дошли до самой Риги, перешли Двину, сжегши рижскіе корабли у Дюнамюнде, и въ пяти миляхъ отъ Риги разгромили деревню Коурнъ. Оба берега Двины были опустошены, селенія у Кокенгаузена, Ашероде, Зельбурга, Крейтцбурга и Дюнабурга сожжены. Кнехты архіепископа сдѣлали лишь одну удачную вылазку изъ города; русскіе были разбиты,—единственное пораженіе за цѣлый мѣсяцъ. Въ Ригѣ царила страшная паника; весь форштадтъ былъ выжженъ. На городскія укрѣпленія нельзя было надѣяться,—они были очень плохи; военныя же силы ливонцевъ были разсѣяны по отдѣльнымъ городамъ въ 10, 20, 30 и 40 миляхъ другъ отъ друга, чѣмъ главнымъ образомъ и объясняется слабость всѣхъ ихъ дѣйствій. Число кнехтовъ, находившихся въ Ригѣ, не превышало 2.000, конницы же было еще меньше [2]).

17-го февраля русскіе вернулись въ свои предѣлы.

Съ весны 1559 года въ Москвѣ стали готовиться къ новому походу въ Ливонію. Датскіе послы, бывшіе въ Москвѣ, доносили

---

[1]) По однимъ источникамъ эта битва произошла въ февралѣ, по другимъ осенью.

[2]) Копенг. арх., Russl., 6. Verordente Rhete vnd gesandten jnn Reusslandt Христіану III, 11 февр. 1559. „Лишь только мы уѣхали изъ Риги, русскіе сдѣлали нападеніе на архіеп. владѣнія", „vnd von den Ertzstiftischen Edelleuten ein fahne welche bey 300 starck niddergelegt, vnd sollenn vonn denselbigen bey 120, der Reussen aber bey 500 geblieben sein. Die Reussen haben auff Wenden da der Herr Meister Hoff helt feindtlicher weise zugeeilet, wiewoll sie sich an demselbigenn nicht versucht". Въ заключеніе своего донесенія они пишутъ: „Alles ist im gantzen Lande zerrüttelt". Дрезд. арх. Zeittung 19 Mart. 1559: Hier sage man auch das der Muscobitter gantz Liffland jn habe, lige für Riga vnd sein die Liflender von allen menschen verlassen.

своему государю, что вооруженія дѣлались и на сушѣ, и на водѣ, русскіе принялись строить большіе корабли, прокладывали чрезъ рѣки и ручьи мосты (geweldige Brücken), по которымъ въ рядъ могли двигаться 4 кареты [1]); они покровительствовали торговлѣ иностранцевъ и вообще проявляли большую энергію [2]).

Осенью этого года Кетлеръ сдѣлалъ рядъ попытокъ наступательныхъ дѣйствій противъ русскихъ. Сначала онъ вторгся въ Укненойсъ, затѣмъ помѣрился съ русскими у Дерпта. 11-го ноября ливонцамъ удалось разбить отрядъ русскихъ подъ начальствомъ Захарія Плещеева, не успѣвшаго, какъ онъ намѣревался, соединиться съ войсками Басманова, шедшими къ нему отъ Изборска. Русскіе потеряли, по Реннеру, до 1000 человѣкъ. Послѣ этой удачи нѣмцы подступили къ Дерпту, гдѣ начальствовалъ Андрей Ростовскій. Въ кровопролитной вылазкѣ пало много народу съ той и другой стороны. Къ счастью для русскихъ, между нѣмцами подъ Дерптомъ возникли обычныя несогласія: магистръ хотѣлъ перенести войну въ предѣлы самой Россіи, Христофоръ же Мекленбургскій и ливонскіе дворяне не одобряли этого плана и настаивали на томъ, чтобы сначала покорить Дерптъ. Къ русскимъ между тѣмъ успѣли прійдти свѣжія силы—1000 человѣкъ, и нѣмцы были вынуждены снять свой лагерь; 29-го ноября они отступили къ Фалькенау, гдѣ оставались двѣ недѣли. Русскіе же занялись опустошеніемъ мѣстности у Маріенбурга и Маріенгаузена. Изъ Фалькенау нѣмцы явились къ Лаису, въ которомъ находился русскій гарнизонъ въ 300 человѣкъ; къ нимъ князь Ростовскій прислалъ изъ Дерпта еще 100 стрѣлковъ подъ начальствомъ Кошкарева. Благодаря этой помощи нѣмцы, сдѣлавшіе приступъ къ Лаису, были отбиты. Они рѣшились тогда повторить приступъ, но встрѣтили такой рѣшительный отпоръ, что нѣмцы сами даже должны были признать за русскими необыкновенную храбрость. Перестрѣлка нѣмцевъ съ русскими была такъ сильна, что, казалось, весь городъ былъ въ огнѣ. Нѣмцы потеряли въ обоихъ штурмахъ 400 человѣкъ; изъ 700 ревельскихъ кнехтовъ, принимавшихъ участіе въ осеннемъ походѣ, въ городъ вернулось всего 150 человѣкъ. Послѣ неудачи подъ Лаисомъ нѣмцы „съ позоромъ“, какъ

---

[1]) Копенг. арх. Russl. 6. Беръ Христофу Мунихгаузену, Ревель, вербное воскресенье, 1559.

[2]) *Bienemann*. 442.

говоритъ Руссовъ, отступили къ Оберпалену, военные же снаряды свезли 30-го декабря въ Феллинъ [1]).

1560 годъ начался новымъ вторженіемъ русскихъ въ предѣлы Ливоніи. 18-го января они съ многочисленнымъ войскомъ перешли у Пскова границу и вторглись въ Леттландъ [2]); восточная часть этой области сильно потерпѣла отъ ихъ опустошеній; города Смильтенъ, Трикатенъ, Сессвегенъ и др. были сожжены. Въ февралѣ русскіе, въ числѣ 2.000 человѣкъ, приступили къ осадѣ Маріенбурга [3]). Выгодное географическое положеніе этого города, какъ и превосходныя укрѣпленія его, дѣлали Маріенбургъ однимъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ и форпостовъ въ Ливоніи [4]). Кетлеръ, сулившій съ начала 1560 года ливонцамъ скорую помощь Польши, всѣми силами старался поддержать бодрость и энергію въ большихъ городахъ Ливоніи [5]). Онъ стоялъ за активное веденіе войны, архіепископъ же рижскій предлагалъ заключиться въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Несогласія магистра и архіепископа обезпечивали успѣхъ русскихъ, и, дѣйствительно, подъ начальствомъ Мстиславскаго, Петра Шуйскаго и Серебрянаго, они взяли Маріенбургъ 14-го февраля. Это событіе сильно взволновало сосѣднихъ государей. Въ дипломатической перепискѣ князей за 1560 годъ мы наталкиваемся на ужасающіе своею невѣроятностью планы, приписываемые московскому царю. Ливонцы, безъ иноземной помощи не въ силахъ устоять противъ московита, и онъ, подчинивши себѣ Ливонію, обратится на Саксонскій округъ, которому тоже грозитъ неминуемая гибель. Въ виду этого нѣмецкіе дипломаты взываютъ къ общимъ дѣйствіямъ противъ царя-поработителя и лѣто 1560 года назначаютъ срокомъ, наиболѣе удобнымъ къ выступленію въ походъ [6]). Разумѣется, до похода или даже ка-

---

[1]) Для хронологіи военныхъ событій, вообще очень сбивчивой, ср. Est-und Livländische Brieflade, III. Chronologie der Ordensmeister über Livland, der Erzbischöfe von Riga vnd der Bischöfe von Leal, Oesel, Wiek, Reval vnd Dorpat. Aus dem Nachlasse von Baron *Robert von Toll*, herausgegeben von Dr. *Philipp Schwartz*. Riga 1879. Ср. также *Lisch*, *Jahrbücher für Mecklenburgische Geschichte*, 1857, № 21, стр. 84.

[2]) *Bienemann*, III, 226. *Renner*, 279.

[3]) *Renner*, 283. *Henning*, 231. *Nyenstedt* 603: am heyligen drey Königstage. *Hjärn*, 224.

[4]) *Reimann*, 364.

[5]) *Bienemann*, III, 266, 273 и passim.

[6]) Мюнх. архивъ — Copj dess Bischouen von Munster, Hertzogen von Braunschweig vnnd Hertzog von Pommern Schreiben an die Kays. M. über Lifflandt.

кой бы то ни было помощи ливонцамъ дѣло не дошло, и русскіе продолжали съ успѣхомъ свои военныя дѣйствія. Всего болѣе надѣялись ливонцы на Польшу, такъ какъ Кетлеръ въ рядѣ писемъ, отправленныхъ въ Ригу, Ревель и другіе пункты, высказывалъ полную увѣренность въ скорой помощи поляковъ. Извѣстный дипломатъ Languet также говорилъ [1]: еслибы король польскій стряхнулъ съ себя свою сонливость, онъ бы могъ помочь Ливоніи. Но прошла зима, наступали весенніе мѣсяцы, когда, по увѣренію Кетлера, польское войско навѣрно двинется на русскихъ, все было тщетно: ливонцы оставались безъ помощи. По взятіи Маріенбурга отдѣльные отряды русскихъ занимались опустошеніями и грабежомъ; такъ, 5.000 русскихъ вторглись въ Руйенъ, къ югу отъ Феллина, затѣмъ поднялись сѣвернѣе къ Каркгаузу и самому Феллину. Есть извѣстіе, что среди русскихъ были и англійскіе стрѣлки, отличавшіеся быстротою своихъ дѣйствій [2]. Это извѣстіе не представляется невѣроятнымъ; торговыя сношенія англичанъ съ Москвою были самыя оживленныя, къ неудовольствію, конечно, нѣмецкихъ князей; въ Лондонѣ съ большимъ интересомъ слѣдили за ходомъ военныхъ событій въ Ливоніи и, безъ сомнѣнія, радовались пораженіямъ нѣмцевъ, своихъ торговыхъ соперниковъ [3]. Въ это же время въ Новгородѣ упоминается объ англійскихъ торговцахъ [4].

Весною 1560 года русскіе направились въ Jerwen, гдѣ опустошили окрестности Вейссенштейна; въ концѣ апрѣля мы встрѣчаемъ ихъ въ Саккала, въ юго-восточной части. Дойдя до Маріенгаузена, они въ концѣ мая снова вторглись въ Jerwen.

7-го іюня, рано утромъ, намѣстникъ Везенберга, Михаилъ Петровичъ, во главѣ 17.000 войска подошелъ къ Вейссенштейну и предавалъ снова опустошенію восточную часть Гарріи. Весь іюнь и іюль

18-го мая 1560 г. Ср. Вильгельмъ Фердинанду 28-го марта. Мюнх. арх.; въ этомъ письмѣ Вильгельмъ называетъ Іоанна „der Tirannischer Pluthundt, verderber der Christenheit“ и т. д.

[1]) *Langueti* Epistolae, II, 81.

[2]) *Renner*, 284 и д.

[3]) Данц. арх. Acta Internunciorum. IX, vol. 13. Joh. Proith и Joh. Kremering Данцигскому рату, Лондонъ 22-го мая 1560.—4-го августа Данц. ратъ отвѣчалъ своимъ посламъ въ Лондонѣ, при чемъ извѣщалъ ихъ, „das der Muschkowitter fast beschwerlich inn denn Landenn zw Lifflandt wuttent vnnd alle seinen willenn schaffett. Das auch Hertzogh Magnus nicht die geringste Ursach ist, dann derselbige sich nun fast feindtlichenn kegenn den Herr Meister aufflehnen soll“. Данц. арх, Liber Missivarum, de Anno 1560.

[4]) *Bienemann*, IV, 191.

проходятъ въ такихъ несистематическихъ движеніяхъ съ востока на западъ, съ юга на сѣверъ и обратно. Въ началѣ іюня русскіе показались въ виду Ревеля [1]). Опустошена была вся Гаррія [2]). Эти быстрыя движенія русскихъ, сопровождавшіяся грабежемъ, уводомъ скота, пожарами и пр., страшно вредили жителямъ. Всѣ они взываютъ о помощи, упрекаютъ магистра въ бездѣятельности; начальникъ Вейсенштейна, Каспаръ фонъ-Ольденбокумъ, обращался за помощью къ Ревелю, говоря, что не въ состояніи будетъ выдержать осады въ виду многочисленности русскихъ—въ лѣтнемъ походѣ ихъ было до 130.000 человѣкъ [3]). Кетлеръ оправдывался, сколько могъ, въ неуспѣшности всѣхъ своихъ начинаній противъ русскихъ. И дѣйствительно, вина была не его. Борьба партій, разъединенность и своекорыстіе достигли въ Ливоніи крайнихъ предѣловъ; объ общихъ дѣйствіяхъ мало кто думалъ, и лѣтописецъ ливонскій правъ, когда говоритъ, что не знаетъ, кого считать за друга, кого за недруга [4]). Кетлеръ враждовалъ съ Фюрстенбергомъ, недоволенъ былъ и появленіемъ Магнуса въ Ливоніи, сталкивался постоянно съ Ревелемъ, Ригою и другими городами. Безъ войска и денегъ, онъ то и дѣло обращался къ Польшѣ, Пруссіи и германскому императору [5]). Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ и хлѣбъ не родился въ этотъ годъ; лѣто было сухое, „яровой присохъ бездождіемъ; и купиша отъ того слѣтья рожь по 16 денегъ, а овесъ по 12 денегъ, а жито по 20 денегъ, а пшеницу по 11 алтынъ“ [6]). Въ началѣ августа Кетлеръ рѣшился, наконецъ, сразиться съ русскими. Онъ расположился лагеремъ въ двухъ миляхъ отъ Эрмеса. 2-го августа произошла кровопролитная Эрмесская битва [7]). Нѣмцы были на голову разбиты. Лучшія силы ордена попались въ плѣнъ. Погибло до 261 рыцарей: частью они пали, частью были уведены въ плѣнъ. Послѣ такого пораженія ливонцы болѣе не отваживались на открытый бой съ русскими и заключились въ своихъ крѣпостяхъ. Съ 2-го по 4-ое августа русскіе стояли у Оберпалена, гдѣ построились лагеремъ въ 200 палаткахъ. 4-го числа они подъ начальствомъ Курбскаго двинулись къ

---

1) *Renner*, 301 и д. *Bienemann*, IV, 14.

2) *Schirren*, V, 16.

3) Фердинандъ I Елизаветѣ, State Papers, Foreign Series, № 217.

4) *Renner*, 315.

5) *Bienemann*, III, 273 и д. Берл. арх. Кетлеръ Фердинанду. Наши акты, 5. *Schirren*, IV, 170.

6) *Пск. лѣтопись*, 312.

7) *Renner*, 319 и д.

Феллину [1]). Это была прекрасная крѣпость, защищенная самою природою. Феллинъ расположенъ на значительной высотѣ, съ юга и востока онъ закрытъ Феллинскимъ озеромъ, съ запада же и сѣвера защищенъ глубокими рвами; весь городъ былъ окруженъ двойною стѣною [2]). Русскіе осадили этотъ городъ, соорудили шанцы и начали стрѣлять по стѣнамъ. Пять дней и пять ночей продолжалась бомбардировка. Окрестности были совершенно опустошены и помощи ни откуда не было. Отъ огненныхъ ядеръ въ городѣ начались пожары, почти всѣ зданія выгорѣли; вслѣдствіе совершеннаго истощенія запасовъ, осажденные начали уже переговоры съ русскими о сдачѣ. Послѣ третьяго штурма русскихъ, кнехты города возстали и рѣшительно отказывались защищать городскія стѣны. Напрасны были мольбы стараго магистра: городъ былъ сданъ русскимъ День взятія Феллина съ точностью не опредѣленъ и приходится между 20-го и 30-го августа. Любекскій лѣтописецъ рѣшительно обвиняетъ магистра въ паденіи Феллина. Онъ будто бы изъ жадности не платилъ кнехтамъ жалованья и русскіе, по взятіи города, нашли тамъ три бочки золота. Hövel не указываетъ своего источника и, внѣ всякаго сомнѣнія, весь его разсказъ вымышленъ: любчанинъ— онъ ненавидѣлъ орденъ и повѣрилъ пустому слуху. Фюрстенбергъ въ письмѣ къ Эрику говоритъ, что у него было всего 300 кнехтовъ, изъ которыхъ многіе вошли въ открытыя сношенія съ русскими [3]). Радость и тріумфъ русскихъ по поводу взятія Феллина не имѣли границъ, говоритъ Реннеръ. Въ ихъ рукахъ оказалась лучшая крѣпость Ливоніи, одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ ея. Царя извѣстили объ этомъ новомъ успѣхѣ Ѳедоръ Мстиславскій съ товарищами. Кетлеръ совершенно палъ духомъ. Въ письмѣ къ ревельскому рату онъ доказываетъ, что Феллинъ сдался не по его винѣ, онъ сдѣлалъ все для предотвращенія этого; городъ могъ бы еще продержаться, такъ какъ не всѣ запасы его были истощены [4]). Кетлеръ указываетъ на Польшу, отъ которой одной только можно ожидать помощи. Правительство Польши требовало, чтобы большіе города открыли доступъ въ свои стѣны польскимъ гарнизонамъ, на что тѣ съ трудомъ соглашались. Есть извѣстіе, что въ концѣ января въ Ревель прибыло 160 поляковъ, кото-

---

[1]) *Nyenstedt*, 62, говоритъ, между прочимъ, объ открытой измѣнѣ феллинцевъ; *Henning*, 234. *Симб. сборн.* IV, 3. *Bunge*, Archiv, I, 142. *Renner*, 321 и д. *Bienemann*, IV, 38. *Псковская лѣтопись*, 312.

[2]) *Schiemann*, 71.

[3]) *Hövel*, 24. *Schirren*.

[4]) *Bienemann*, IV, 75.

рыхъ ратъ города однако принялъ съ большимъ недовѣріемъ [1]. При посредничествѣ Польши, писалъ Кетлеръ, помощь окажутъ и Данцигъ и Кенигсбергъ. Въ концѣ іюля Ходкевичъ дѣйствительно тронулся въ путь [2], но до активнаго участія его въ войнѣ съ русскими было далеко. Русскіе, между тѣмъ, по взятіи Феллина, сожгли Каркусъ, захватили Тарвастъ и тремя отрядами двинулись къ Вольмару и Вендену, Вейссенштейну и въ Викенъ и Гаррію [3]. Въ первыхъ числахъ сентября они начали осаду Вейссенштейна, гдѣ начальникомъ кнехтовъ былъ Каспаръ фонъ-Ольденбокумъ. Отдѣльные отряды русскихъ заняли Руйенъ (3-го сентября) и дошли до Пернова; здѣсь сожгли они нѣсколько рыбацкихъ селеній, опустошили мелкіе приморскіе города до самаго Гапсаля, угрожали даже Ревелю. Ревельцы сдѣлали удачную вылазку, но появленіе Ивана Петровича Яковлева со свѣжими отрядами измѣнило дѣло къ выгодѣ русскихъ. Въ октябрѣ они обратились къ Ревелю и побуждали его сдаться, но не получили даже отвѣта [4]. Ливонскіе лѣтописцы говорятъ, что еслибы русскіе тогда же напали на Перновъ и заняли его, война приняла бы новый поворотъ и можно было бы надѣяться на скорый миръ.

Осаду Вейссенштейна, продолжавшуюся цѣлыхъ два мѣсяца, воеводы московскіе начали противъ воли царя, „велѣвшаго имъ идти на Ревель“ [5]. Подъ Вейссенштейномъ русскіе терпѣли неудачу за неудачей. Такъ, въ началѣ ноября имъ нанесено было значительное пораженіе; 11 числа они были вынуждены снять осаду. Положеніе осажденныхъ доведено было уже до крайности, и Ольденбокумъ, обращаясь за помощью къ Ревелю, писалъ рату, что, если ему не помогутъ до 16-го декабря, онъ долженъ разрушить крѣпость и выйдти изъ нея [6]. Сильнѣе всего чувствовался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Еслибы Мстиславскій имѣлъ возможность продлить осаду, нѣтъ сомнѣнія, что Вейссенштейнъ раздѣлилъ бы общую участь съ Маріенбургомъ и Феллиномъ. Конецъ 1560 и начало слѣдующаго года русскія войска стояли въ Іerwen'ѣ.

---

[1]) *Rüssow*, 50, *Arndt* II, 263. Ed. *Pabst*, Beiträge zur Kunde..., 1873, B. I. Einquartirung polnischer Truppen in die Stadtschule zu Reval.

[2]) Данц. архивъ, Libri Missivarum, 1560.

[3]) *Renner*, 327 и далѣе. *Henning*, 234. *Busse*, 9. Briefiade v. *Toll*.

[4]) *Bienemann*, IV, 101. Ср. Копенг. архивъ, капитулъ Эзеля Фридриху II.

[5]) *Псков. лѣт.*, 312, говоритъ, что осада была снята въ октябрѣ, 18-го,—и продолжалась 6 недѣль.

[6]) *Bienemann*, IV, 185.

1560 годъ былъ въ особенности тяжелъ для Ливоніи; сосѣдніе государи вмѣсто помощи выжидали только наиболѣе удобнаго момента, чтобы присвоить себѣ часть беззащитной области. Они слѣдили не за успѣхами русскихъ, а за дипломатіей своихъ соперниковъ, искавшихъ власти надъ восточно-балтійскимъ побережьемъ. Въ обѣщаніяхъ не было недостатка; не говоря уже о Польшѣ, Швеціи и Даніи, отдаленные нѣмецкіе князья, какъ епископы мюнстерскій и брауншвейгскій, сулили ордену скорую помощь [1]). Въ самой Ливоніи не было яснаго сознанія ея критическаго положенія; о единствѣ дѣйствій не могло быть и рѣчи, всѣ искали помощи извнѣ: одни ожидали ее отъ Польши, другіе отъ скандинавскихъ государей. Города ливонскіе вели цѣлую дипломатическую борьбу съ Любекомъ и Данцигомъ, причиною чего было нарвское плаваніе. Фердинандъ I своимъ неумѣлымъ вмѣшательствомъ въ ливонско-балтійскія дѣла только содѣйствовалъ еще большей запутанности ихъ [2]).

---

[1]) Берл. арх. Они извѣщали Кетлера, что получили грамоту отъ московскаго царя на русскомъ языкѣ; такъ какъ они ее не понимаютъ, то и просятъ Кетлера по полученіи ея немедленно доставить имъ переводъ.

[2]) Положеніе дѣлъ въ Ливоніи въ 1560 и 1561 годахъ яркими красками рисуетъ слѣдующая брошюра:

Sehr grewliche, erschröckliche vor vnerhözte warhafftige newe zeyttung, was für grausame Tyranney der Moscoviter, an den Gefangenen, hinweggefürten Christen auss Lyfland, beides an Mannen vnd Frawen, Junckfrawen vnd kleinen Kindern, begeht, vnd was täglichs schadens er jnen in jrem Land zufüget, Beyneben angezeygt, in was grosser gfahr vnnd noth die Lyflender stecken. Allen Christen zur warnung, vnd besserung jres Sündtlichen lebens, auss Lyfland geschriben, vnd in Druck verfertiget.

(Слѣдуетъ изображеніе: три нагихъ женщины привязаны къ деревьямъ, въ нихъ изъ луковъ стрѣляютъ русскіе. На землѣ лежатъ маленькія дѣти, изуродованныя и окровавленныя).

Zu Nürnberg bey Georg Kreydlein. M. D. LXI.

(Напечатано въ видѣ приложенія къ хроникѣ Каріона).

(Экземпляръ мюнхенской королевской библіотеки, I. pub.).

Ich hab neben anderm meinem schreiben nie verhalten können, auch dise schröckliche Newe Zeytung zu vberschicken, welche vns auss Lyflandt geschriben ist worden, was für grewliche Tyranney vnd schaden sich der Moscoviter daselbst gebraucht vnnd thut, wie hernach volgt.

Dise 3. nach gesetzte grosse Stedt in Lyfland, welche an dem Seestrom gelegen, hatt der Gross Fürst vonn Moscaw noch nicht erobert.

Revel.
Riga.
Pernow.

Какъ отнеслись къ ливонско-московскому столкновенію въ Западной Европѣ? Въ началѣ борьбы протестантскіе публицисты, во всемъ усматривавшіе козни Испаніи, распространяли молву, что Филиппъ II поднялъ московитовъ на протестантскую Ливонію; вызвавъ

Dess Moscoviters Kriegsuolck lygt jetz vor einem schloss das heisst Witten stein, dafür er geruckt vmb Laurenti, vnd es biss daher gewaltigklich beschossen vnd 28. klaffter am thurn vnd maurē weg geschossen vnd doch nit erobert. Auff dem Schloss ist ein junger Ordens Herr mit namen Caspar von Olden, vnd ist nur 20. Iar alt, derselb erhelts mit seinem volck, das er bey jm hat. Was der Moscoviter erobert, brenet er hinweg, das sich niemand darin erhalten kan. Was er an krigs knecht so den Lyflendern vmb besoldung gedienet hat, gefangē bekompt, lesst er wider lauffen, wen sie verschwern den Lyflendern nit wider zu dienē. Was er an Lyflendern, des Lyflandes an wolwachsenen leuten bekompt oder gefangen nimpt das schickt er stracks durch die Post in die Moscaw, vnd lesst sie da gefangen halten, vnnd sie täglich mit einer *Kantel* Met, vnd einem stuck Brot speisen. Mit Frawen vnd Iunckfrawen wirdt so grosse schand vnd vnehr getryben, das es nicht als zuschreiben noch zusagen ist.

Was er von kleinen Kindern im Lyflandt bekompt, die lesst er zur hawen, vnnd jhre zarte Hertzlein an die Bäum hin vnd wider naglen, vnd darnach schiessen. Den Alten Heermeyster im Lyflandt, der das Regiment dem alten Gothart Kettlern auffgelassen, genant Herr Wilhelm von Fürstenberg, die hat der Moscoviter gefangen genommen vmb Iacobi des vergangenen 60. Iars, auff den Schloss Frülin, vnd jhn auch in die Moscaw verschicket, vnd in Ketten verschmidet. Vnd lesst jhn alle Wochen ein mal, wie einen Bern mit einer Ketten in der grossen Stadt Moscaw zum Schawspil vmbher füren. Er hat bey jm 2. seiner Diener, welche selbst willig mit hinein gezogen, vnd von jm, jrem Herren, nicht lassen wöllen. Der Moscovit lesst jhn grossen hunger leyden.

Vor dem Winter hat der Moscovit, mit den Lyflendern eine gewaltige Schlacht gehalten, nit weyt von dem Schloss Wolcka, vnd jhnen abgesyget, in welcher Schlacht ein fürtrefflicher Man, Frants Lippeheid genant, vnd sonst noch 15. Ordens Herrn, erschlagen worden. Er hat auch von den Lyflendischen Regenten die fünff nach geschribene gefangen genommen.

1. Den Landtmarschalck, heisst Philippus Schall von Bella. Der ander, Des Landmarschalcks Brüder, Cumpthur zu Goldingen. Der drit, Heinrich von Galen, Vogt zum Busche. Der vierdt, Den Cumpthur von Dubelen. Der fünfft, Den Vogt von Cardaw. Dise fünfft Lyflendische Regenten, hat der Gross Fürst von Moscaw den 28. October lassen an den Golgenberg füren, vnnd sie da wie man die Ochsen schlachtet, mit einer Axt lassen für die Köpff schlagen, vnd also unbegraben lygen lassen.

Der Bischoff von Derpt im Lyflandt, hat ohne vorwissen der Lyflender sich mit dem Gross Fürsten von Moscaw vertragen, vnd jm willigklich die grosse Stat Derpt vnnd das gantze Stifft Derpt eingeben, Dafür jhm der Gross Fürst inn der Moscaw widerumb einen orth Landes eingeben, vnnd ist bey dem Gross Fürsten in grossen ansehen.

вторженіе русскихъ и сочувствуя ему, онъ втайнѣ поддерживалъ ихъ. Не забудемъ, что такія вѣсти легко могли возникнуть въ анти-габсбургскомъ лагерѣ въ виду того, что Филиппъ II въ это время былъ королемъ Англіи и въ интересахъ бургундско-англійскихъ могъ желать

Diser, wie er erfaren, das die Hunde die fünff obgedachte geschlachte Lyflendische Regenten begunten zu fressen, hat er sich der ehren, vnnd freundtschafft, so er vor im Lyflandt bey jnen gehabt, erinnert, vnd sich jrer erbarmet, vnd sie begraben lassen.

König Magnus von Dennemarckt, hat das vorgangene Jar in Lyflandt, Ossel vnd Churlandt vmb ein genandte Summa gelt bekommen, von einem Edelman, der damit belehen gewesen. Der König Magnus soll mit dem Gross Fürsten von Moscaw des selben Stiffts halben einen frid auffgericht haben, Auff welchen aufgerichten Frid die fürnembsten des Lyflandes vertröst seind, also auch die fürnembste Edelleuth jhre Weyber vnd Töchter, so sie für dem Feind gern verwarten wissen wolten, in einen ort desselben Stiffts gesandt, welches, do es die Moscowiter erfaren, haben sie dasselbig orth eingenommen mit gewalt, vnd jnen nichts helffen wollen, dass sie vil vorwandten, sie wären Königische, vnnd nit Lyflendische, Dargegen die Vngehewre Moscowiten den Konig Magnum auffs höchst gelestert vnd geschmähet, vnd haben die Moscoviten auss demselben orth landes 25. oder 26. wegen vol die schönsten Edle vnd Unedele Iunckfrawen vnd Frawen hinweg in die Moscaw gefuret, vnnd so vil schand vnd vnehr damit getryben, das es weder zusagen noch zuschreiben ist, vnd wan sie die selben durch schand vnd vnzucht ge schwecht, das sie kaum mehr leben können, so hengen sie die geschwechten Nackend an die Bäum, vnnd schiessen mit jhren Bogen darnach, wer die Scham au den gehenckten treffen kan, der wirdt gerümbt.

Der Moscoviter Gross Fürst soll auss seinen Landen 700.000. Mann zum Krieg künnen auffbringen.

100.000 auss Pleskow.
100.000 auss Naugarten.
100.000 auss Ochmer.
} Dise sind drey gewaltige Stifft unter dem Grossfürsten.

100.000 auss Schmalendisch land, das Land hat der Moscovit vormals dem Polischen König genommen. In disem land sollen gelegen sein, 77. Stedt vnd schlösser

100.000 auss Ostinan.
100.000 auss Cassan.
} Dise zwey Lender hat zuvormals der Gross Fürst den Tartarn genommen.

100.000 auss Moscaw, inn welchem Land die grosse Statt Moscaw gelegen, darinnen der Grosse Fürst seinen Sitz hat.

Die Lyflender haben bey jrer volmacht in die 7.000. Pferd kōnen zu Feld auff bringen, jetzt vermögen sie nit 300. Pferd auffzubringen, Vnd seind auch dermassen verheret, dass sie auff jre vnkost nit frembde Reüter oder Knecht wider jre Feind halten können.

Die Lyflender haben vor einem Jar dem König von Polen 6. gewaltige Heuser eingeben, darfür er sie entsetzen soll. Die ämpter heyssen, wie volget.

Dunnenburg. soll 4.000. Stehende See haben, Seleburg, Bouschburgen, Rayten, Margenhausen, Schwanburg.

соединенія съ Москвою, чтобы парализовать морскія силы протестантскихъ государей Швеціи и Даніи и доставить Испаніи и Англіи давно желаемое Испаніей господство на Балтійскомъ морѣ. Соединенныя Испанія, Бургундія и Англія безъ труда задушили бы нидерландское возстаніе, а затѣмъ и всю еретическую часть Германіи. Съ Испаніей, будто бы, за одно дѣйствовалъ и папа, также желавшій сближенія съ Москвою и убѣждавшій царя изъ Ливоніи двинуться на протестантовъ Германіи [1]). Связь испанской политики съ балтійской

Es geschieht aber den Lyflendern vm Polnischen König keine entsetzung, von wegen vngehorsam seiner Vnterthanen, welche jm zu dem nit volgen wöllen.

Die Lyflender haben für eim Jar zwey Geschwader Reüter gehabt, die sie besoldet neben jren eygenen Reutern, vber welche zwey geschwader Johan von Melsched, vnd Heynrich von Melsched Ryttermeyster gewesen, Dise Reuter haben sie vnvermögens halben nit lenger halten können, vnd ziehen lassen.

Es vermögen derhalben die Lyflender sich nit auffzuhalten für jrem Feindt, so sie nit den künfftigen Sommer vonn jhren benachbarten, oder von den Teütschen Fürsten, entsetzt werden.

Herr Georg Siprecht, ein fürtrefflicher Mann, welcher zuuor das Schloss Dunneburg inne gehabt, in Lyflandt, ist nun ins 3. Jar in Teutschland vmbher gezogen, vnnd ohne zweyffel entsetzung bey den Teutschen Fürsten angesucht, vnnd do die Lyflender noch jhenige hoffnung zu den Teutschen haben, das sie sich jrer noth werden annemen, so werden sie die selben oder andre Legaten bey den Teutschen Fürsten, auff den Künfftigen tag zur Naumberg haben. Johan von Melsched ist von den Lyflendern an den Römischen Keyser gen Wien auff den vergangenen Michaelis abgefertigt, ohne zweyffel auch bey jhrer Key. May. vmb hilff ansuchung zuthun, vnd ist yetz in der wider reyse.

Es schemet auch das vnser Rö. Key. mit den Sybebürgern krieg vnd mühe diss Jar bekomen möcht, Den er schon Gulden müntzen lesst, darauff er sich Electum Vngarie regem nennet.

Es soll auch der Türkische Keyser an vnsern Römische Keyser vmb Michaelis seine Legaten vonn Constantinopel gen Wien gesandt haben, welchen man die Augen mit Seyden Tüchern zugebunden, vnd also auff das Keyserlich Schloss ziehen lassen.

Man sagt sie sollen auff 3. Jar widerumb Indutias gemacht haben.

Der von Lasco soll auch todt sein.

[1]) Ср. *Droysen*, Preussische Politik, II, 400. Дрезд. арх. Zeitung aus Danzig, 1561. Ср. *State Papers*, Foreign Series, 1866. № 20; *Languetus*, Виттенбергъ 17-го марта 1561: Moscum incitari a Pontifice Romano adversus Germaniam. II, 106. Ср. письмо Филиппа гессенскаго Августу саксонскому. Vnnd wollen ewer Lieb darneben freuntlichenn nicht pergenn, dass vnss ein guter trewer mann geschrieben, das der Papst mit dem Muscobiter gewisslich practiren haben solle. 16-го февраля 1561. Тоже, 7-го марта: Postscriptum: es solt auch der Bapst mit dem Muscobiter in handlung sein ein Punthnuss mitt jme zumacht.

стала дѣйствительно очевидной только позже, когда Лотарингія съ помощью Испаніи хотѣла вернуть свои права на датскій престолъ.

Франція въ одно время съ началомъ ливонской войны покончила свои счеты съ Испаніей; Катокамбрезійскій миръ далъ совершенно новое направленіе французской политикѣ, поставивъ Францію въ лагерь католическихъ державъ, сдѣлавъ ее одною изъ представительницъ католической реакціи. У Франціи были свои дѣла—борьба съ Англіей въ союзѣ съ Шотландіей, искорененіе гугенотовъ—и къ балтійскимъ событіямъ она обратилась лишь съ 1561 года, когда самовольные поступки Эрика затронули и интересы французской торговли.

Англія свободнѣе вздохнула со смертью Маріи въ 1558 году; ей предстояло теперь охранять свою самостоятельность отъ Испаніи и Франціи съ Шотландіей, такъ что и она до возникновенія „нарвскаго вопроса" оставалась безучастной къ ливонско-московской войнѣ.

Въ Германіи въ это время религіозныя смуты прекратились. Миръ 1555 года возстановилъ въ ней спокойствіе и тишину; замолкли внутреннія движенія и давно въ ней, по выраженію венеціанскихъ пословъ, не было подобнаго единства интересовъ и стремленій, какъ послѣ „религіознаго мира". Но такое спокойствіе было лишь временнымъ и причиною этого былъ самый миръ, такъ какъ въ постановленія его вкралось не мало противорѣчій. Религіозный миръ 1555 года началъ собою первую стадію дуализма, проходящаго черезъ всю послѣдующую исторію Германіи. Общее значеніе этого факта заключается въ попыткѣ возстановить въ Европѣ равновѣсіе двухъ господствующихъ вѣроисповѣданій; по отношенію къ Германіи слѣдуетъ замѣтить, что онъ ей не далъ прочнаго единства, напротивъ—онъ является первымъ узаконеннымъ шагомъ къ полному преобладанію сепаратизма; онъ не болѣе — какъ сдѣлка для утвержденія идеи территоріальной обособленности. Аугсбургскій миръ парализовалъ лишь дѣйствіе двухъ силъ, до этого руководившихъ нѣсколько вѣковъ подъ рядъ судьбами Германіи; сформировавшаяся территоріальная обособленность, сформировавшіяся религіозно-церковныя партіи нанесли ударъ національному движенію; рядомъ съ этимъ монархическая власть потеряла свое настоящее, монархическое направленіе, и ей съ этихъ поръ принадлежало лишь формальное руководительство въ „свѣтско-духовной, нѣмецкой княжеской республикѣ".

Относительно политики императора Фердинанда I какъ внѣшней, такъ и внутренней, одинъ нѣмецкій историкъ замѣтилъ, что она была

безпочвенною, шаткою и вѣчно колеблющейся. Всѣ стремленія его, дѣйствительно, были направлены лишь къ тому, чтобы путемъ какихъ бы то ни было сдѣлокъ удержать миръ въ Германіи. „Онъ внесъ въ имперію консерватизмъ, который мало по малу переходилъ въ вреднѣйшій для всякаго государства квіэтизмъ, допускавшій самыя невыгодныя для имперіи событія". Силу въ имперіи представляла лишь курфюршеская коллегія, ставшая учрежденіемъ тѣсно замкнутымъ и вполнѣ единодушнымъ, но и ей не было дѣла до общихъ интересовъ и нерѣдко между нею и княжескою коллегіею происходили сильныя пререканія. Курфюрсты оставляли свою пассивную политику только тогда, когда дѣло касалось ихъ территоріальныхъ интересовъ. Всѣ они, конечно, понимали важность балтійскаго вопроса, тогда стоявшаго на очереди, но энергично вступились за него только тѣ, личные интересы которыхъ имъ были затронуты; такъ было и по отношенію къ Ливоніи, и по отношенію къ ганзейскимъ городамъ, которые, тѣснимые Англіей и скандинавскими государями, доживали свои послѣдніе дни. Удержать Балтійское море во власти имперіи никто не имѣлъ силы и охоты; слить нѣмецкую меркантильную политику съ имперской, провести ее съ твердостью при всѣхъ встрѣчавшихся затрудненіяхъ — не способно было правительство, стремившееся лишь къ внутреннему спокойствію, ставившее „не тронь меня" высшею цѣлью всѣхъ своихъ стремленій и позабывшее, что въ политикѣ „спокойствіе" не значило еще „мира". Если мы обратимся къ рейхстагамъ, то и тамъ найдемъ раздвоенность, дуализмъ, порожденные реформаціей; на рейхстагахъ рѣзко выдѣлялись два вѣроисповѣдныхъ лагеря, враждебныхъ другъ другу съ принципіальной точки зрѣнія; столкновенія между ними парализовали всякія благія начинанія на пользу имперіи; нерѣдко вопросы, связанные съ интересами всей націи, получали, вслѣдствіе этого, отрицательное рѣшеніе; вѣроисповѣдная рознь отражалась на политикѣ, нерѣдко опредѣляла ее и стѣсняла ея свободу; мы встрѣчаемся въ исторіи Германіи второй половины XVI столѣтія съ цѣлымъ рядомъ союзовъ, возникшихъ лишь въ интересахъ религіи, при розни политическихъ воззрѣній. Представители рейхстаговъ давали свое согласіе только на такія мѣры, которыя не были связаны съ расходами и пожертвованіями—денежный вопросъ нерѣдко парализовалъ самыя полезныя начинанія—или способствовали ихъ территоріальной обособленности и самостоятельности. Если нѣкоторые князья, какъ мы увидимъ, сходились на необходимости общими усиліями вернуть имперіи отторгнутыя у нея области.

то и это опять-таки дѣлалось не ради цѣлостности имперіи, не въ силу общенаціональной идеи, а только ради уменьшенія матрикулъ[1]).

Фердинанда I, этого императора-чиновника, какъ его назвалъ одинъ историкъ, нельзя никакъ упрекнуть въ абсолютномъ безучастіи къ сѣвернымъ, балтійскимъ событіямъ. Онъ слѣдилъ за ними, видимо интересовался ими, просилъ ближайшихъ къ Ливоніи нѣмецкихъ князей, герцоговъ померанскаго и брауншвейгскаго, доставлять ему свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлается въ Ливоніи[2]). Но вся его дѣятельность ограничилась лишь письменными обращеніями къ сосѣднимъ съ Ливоніею государствамъ, которыхъ онъ побуждалъ оказать помощь ордену. Эти письма императора получили даже свою стереотипную форму: нерѣдко его секретари мѣняли только адресъ и отправляли въ разныя стороны совершенно сходныя письма. Одна мѣра его, съ перваго взгляда энергичная, въ концѣ концовъ также принесла вредъ той же имперіи, ея торговымъ городамъ: мы разумѣемъ извѣстный указъ императора, запрещавшій всѣмъ плаваніе на Нарву, и Фердинанду пришлось въ скоромъ времени отмѣнить его. Внутреннія дѣла имперіи, только на время утихшая борьба протестантовъ и католиковъ, отношенія къ Турціи, соперничество съ Франціей — вотъ вопросы, которые на всѣхъ рейхстагахъ стояли на первомъ планѣ и отодвигали на второй сѣверныя событія. Что Фердинандъ считалъ для себя нравственною обязанностью не забывать ливонскій орденъ, видно изъ того, что при всѣхъ неотложныхъ внутреннихъ дѣлахъ онъ на каждомъ почти рейхстагѣ предлагалъ сословіямъ обсудить и ливонскій вопросъ.

Въ самомъ началѣ ливонской войны магистръ, архіепископъ и др. обратились за помощью къ императору. Фердинандъ тогда же обратился съ письмомъ къ московскому царю и убѣждалъ его оставить свое беззаконное предпріятіе[3]). Къ увѣщаніямъ и просьбамъ императора Грозный отнесся съ гораздо бо́льшей мягкостью, нежели къ обращеніямъ Швеціи, Польши и Даніи. 17 февраля 1560 года царь, принявъ посла Фердинанда, указывалъ ему на коварство ливонцевъ, обратившихся сначала къ защитѣ Швеціи, затѣмъ къ Даніи и Польшѣ, и напослѣдокъ уже къ имперіи, что̀ имъ прежде всего надлежало

---

[1]) *Koch*, Quellen zur Geschichte des Kaisers Maximilians II. I, 1857; II, 1861. Ср. II, стр. 55 и далѣе.

[2]) Мюнх. арх., 18 Маj, 1559.

[3]) Мюнх. арх.

сдѣлать. Онъ, царь, остается твердъ въ своемъ намѣреніи и не оставитъ войны раньше, чѣмъ не подчинитъ себѣ всей Ливоніи; тѣмъ не менѣе продолжать переговоры съ императоромъ царь весьма желаетъ. Грозный написалъ даже императору собственноручное письмо, которое прибыло къ нему въ концѣ іюня 1560 года. Ловкій дипломатъ, Грозный вовсе не желалъ порывать съ имперіей; дружественныя отношенія между Москвою и Вѣною были традиціонными, и въ имперіи царь надѣялся найдти современемъ опору противъ Польши. Письмо Грознаго было написано въ такихъ темныхъ и неясныхъ выраженіяхъ, что Фердинандъ даже при помощи двухъ знатоковъ русскаго языка не могъ вполнѣ добиться смысла царевой грамоты; оно заключало въ себѣ обвинительный актъ противъ ливонцевъ, всѣ бѣды которыхъ возникли вслѣдствіе отпаденія ихъ отъ католицизма и погруженія въ лютеранскую ересь; если императору угодно, то пусть онъ пришлетъ въ Москву кого нибудь изъ своихъ совѣтниковъ, ему царь докажетъ свои права на Ливонію [1]).

Не только къ Грозному обращался Фердинандъ, но и къ королямъ Даніи и Швеціи. Къ нимъ онъ писалъ, что такъ какъ война Ливоніи съ Россіей касается не одной только имперіи, но и сосѣднихъ съ орденомъ государствъ, то онъ и обращается къ нимъ за совѣтомъ и помощью и проситъ ихъ имѣть состраданіе къ несчастнымъ ливонцамъ. Даніи и Швеціи будетъ также грозить опасность, если только царю удастся сдѣлаться господиномъ Балтійскаго моря; одною Ливоніей онъ не удовлетворится, а распространитъ свои жадные взоры дальше на западъ и будетъ воевать прусскія земли, а тамъ дойдетъ и до Даніи. Всѣмъ сосѣдямъ ордена и Москвы слѣдуетъ подумать о средствахъ, какъ бы сохранить за имперіей ея форпостъ на востокѣ [2]). Фридрихъ II и Густавъ Ваза отвѣчали императору въ самыхъ общихъ выраженіяхъ; ихъ письма заключали въ себѣ лишь пожеланія скорѣйшаго мира на востокѣ [3]).

Приморскіе города, къ которымъ также обращался императоръ, прямо заявляли, что въ виду расходовъ, какіе они имѣли въ недавнихъ войнахъ съ Даніей, они не въ состояніи оказать Ливоніи помощи.

---

[1]) *Reimann*, 362—363. Не хитрилъ ли Грозный, представляя себя сторонникомъ католицизма, тогда господствовавшаго въ наслѣдственныхъ земляхъ Габсбурговъ?

[2]) Мюнх. архивъ.

[3]) Ibidem.

Вмѣстѣ съ императоромъ и большинство князей сознавали необходимость помочь ливонцамъ и вывести ихъ изъ критическаго положенія. Въ одномъ итальянскомъ донесеніи мы читаемъ: польскій король, курфюрстъ саксонскій и прибалтійскіе нѣмецкіе города рѣшились обратиться къ московскому царю съ просьбой оставить Ливонію. Царь отвѣчалъ имъ, что готовъ исполнить это, если ливонцы возвратятъ ему издавна принадлежавшія московскимъ царямъ земли и дадутъ обѣщаніе не строить болѣе крѣпостей на границахъ. Ни король, ни курфюрстъ, ни города не могли принять такихъ условій и рѣшились готовиться къ войнѣ съ царемъ не изъ расположенія къ ливонцамъ,— *ихъ всѣ ненавидѣли за ихъ трусость*,—а изъ желанія не допустить царя утвердиться въ орденскихъ земляхъ и задержать его дальнѣйшіе успѣхи. Города болѣе другихъ опасались чрезмѣрнаго желанія царя утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, съ чѣмъ связана была ихъ совершенная погибель [1]). Итакъ, нѣмецкіе князья и города также съ нѣкоторымъ страхомъ озирались на успѣхи московскаго оружія, но ливонцевъ всѣ они ненавидѣли.. Изъ этихъ князей мы уже знаемъ Ав-

---

[1]) Флорент. арх. Cod. 4.293 Summario delle cose di Liuonia. 1559. Это донесеніе имѣется еще и въ Carte Strozziane, filza 310, p. 23. Курсивомъ напечатаннаго недостаетъ въ Carte Srozziane. „Che seguitando il Re de Moscouiti la guerra contra i Liuoni, il Re di Polonia, il Duca di Sassonia, le terre franche del mare di Germania, di comune consenso, haueuon fatto intender al Moscouito che si ritirasse nei suoi termini, lassando star i Liuoni in pace; altrimenti li protestanon tacitamente la guerra; a che haueua risposto, che lo faria: ma uoleua prima ripigliare le terre che i Liuoni altra uolta gli haueuon occupate; et *di poi* che fussero tenuti et li promettessero *li detti Livoni* di non far per l'auenire alcuna frontiera *o di fortificarla* che risguardasse i suoi paesi (sudetti въ Carte Strozziane). Le quali conditioni sendò parse ingiuste alli *Prefati* Re et Principi, penserano alla guerra, non per aiutar i (a въ Carte Str.) Liuoni i quali paion' odiati da tutti, per la uilta et dapocagini *loro* (che hanno mostro въ Carte Str.), ma per tener discosto (da loro въ Carte Str.) quel Barbaro. Talche si era intimata una dieta in Brema per il primo di Luglio *prossimo* per trattar di questa guerra et della recuperatione de priuilegij tolti alle dette (sudette въ Carte Str.) terre franche di mare, dal Re Filippo, mentre ch'era Re di Inghilterra; impero che dicono che S. M—ta operò, che si leuasserò *loro* (a costoro въ Carte Str.) i priuilegij che haueuono in quel Regno, si come gli tolse ancora loro in Fiandra. I quali priuilegij concernon il comertio del mare et altre esentionj di Datij et gabelle in quei luoghi. (et въ Carte Str.) Dicon et faranno ogni sforzo per rihauerli; importando loro assai quel commertio, da poi che hanno consiste (fondato въ Carte Str.) *la lor* principal richezza nella (sulla въ Carte Str.) nauigatione et per la medesima cagione cercherano di cacciar il Moscouito della Liuonia, accio che acquistando i porti di quella prouincia non uenisse (col tempo, въ Carte Str.) a farsi padrone di quel mare, et impedirli (loro въ Carte Str.) la nauigatione nei lor proprij mari".

густа Саксонскаго; его переписка съ ландграфомъ гессенскимъ и другими князьями свидѣтельствуетъ, какъ своеобразно онъ относился къ ливонской катастрофѣ. Онъ съ горестью замѣчалъ, что одна область за другою отпадала отъ имперіи, за Пруссіей польскій король желалъ подчинить себѣ и Ливонію; всѣ усиливаются, говорилъ онъ, на счетъ безсильной имперіи [1]).

Мнѣнія другихъ князей о Ливоніи выясняются изъ разсмотрѣнія перваго рейхстага, на которомъ обсуждался ливонскій вопросъ. Этотъ рейхстагъ, имѣвшій очень важное значеніе въ смыслѣ политическаго единенія протестантовъ, былъ созванъ весною 1559 года и открытъ 3-го марта [2]). Кромѣ представителей нѣмецкихъ князей и императора, здѣсь были и представители отъ ордена (Георгъ Сибергъ фонъ Вишлингенъ, командоръ Дюнабурга) и отъ архіепископа рижскаго (ратманъ Риги Asverus). Послѣдній отъ имени архіепископа долженъ былъ просить собравшихся помочь Ливоніи противъ русскихъ; онъ указывалъ на безвыходное положеніе рижской архіепископіи и просилъ пожертвовать въ ея пользу часть турецкой пени. Георгъ Сибергъ прочелъ рейхстагу два обстоятельныхъ доклада о положеніи дѣлъ въ Ливоніи, написанные съ энергіей и страстностью, но сильно преувеличивающіе и искажающіе все, что касалось московскаго царя и его стремленій; выдвигая общность интересовъ всѣхъ нѣмцевъ, онъ сказалъ, что магистръ безъ помощи имперіи не въ состояніи удержать форпостъ имперіи и всего христіанства. Весьма любопытно и донесеніе о Ливоніи Іоанна Альбрехта мекленбургскаго, брата коадъютора архіепископа рижскаго Христофа, сдѣланное въ самомъ началѣ рейхстага [3]). Іоаннъ Альбрехтъ велъ переговоры о Ливоніи какъ съ императоромъ, такъ и съ отдѣльными князьями, представителями другихъ курфюрстовъ и князей. Представителей Помераніи, Голштиніи и Ганзейскихъ городовъ онъ убѣждалъ доставить въ Ливонію водою военные снаряды и съѣстные припасы, въ которыхъ ливонцы терпятъ большой недостатокъ. 18-го марта донесеніе Іоанна Альбрехта было прочитано всѣмъ членамъ рейхстага.

6-го іюня Анна Мекленбургская писала Фердинанду изъ Трейдена о страшно бѣдственномъ положеніи Ливоніи, которой рѣшительно не

---

[1]) Дрезденскій архивъ.

[2]) Ср. *Häberlin*, IV, 136 — 138; *Kluckhohn*, Briefe Friedrich des Frommen, Kurfürsten von der Pfalz, I. 1559 — 1566. Braunschweig. 1868, стр. 64 и далѣе. Ср. *Reimann*, 352 и далѣе. *Форстенъ*, Акты № 4.

[3]) Ср. *Lisch*, 76, № 17.

подъ силу борьба съ Москвою. Всѣ въ Ливоніи (сообщала она далѣе Фердинанду) стоятъ за польскій протекторатъ, одинъ лишь коадъюторъ Христофъ дѣйствуетъ противъ него [1]).

Впечатлѣніе, произведенное донесеніями о Ливоніи, было самое различное. Курфюршеская коллегія отнеслась къ нимъ не сочувственно, княжеская же коллегія обнаружила искреннее желаніе помочь ордену.

Три курфюрста, Августъ саксонскій, Фридрихъ пфальцскій и Іоахимъ бранденбургскій, не всегда согласные между собою, когда возникали религіозные или соціальные вопросы, теперь обнаружили полное единодушіе. Тонъ всей курфюршеской коллегіи давалъ Августъ саксонскій, первый князь Германіи, какъ его называли венеціанскіе послы. Этотъ государь, проявлявшій такую энергію во всѣхъ вопросахъ, затрогивавшихъ его личные династическіе интересы, теперь обнаружилъ большую медлительность, совѣтовалъ выждать мнѣнія другихъ представителей рейхстага. Расположенный къ Даніи, онъ былъ врагомъ Швеціи и въ ливонскомъ вопросѣ предпочиталъ открытой войнѣ дипломатическіе переговоры. Позже, какъ мы увидимъ, онъ склонялся къ тому, чтобы всю нѣмецко-австрійскую политику обратить на востокъ Европы и ближе соединить интересы Даніи съ интересами Германіи [2]); позже онъ выступилъ ходатаемъ за ганзейскіе города, торговой самостоятельности которыхъ онъ хотѣлъ дать широкій просторъ. Іоахимъ бранденбургскій (1535—1571), государь щедрый, добродушный и вельможный, любившій и самъ пожить и не мѣшавшій въ этомъ и другимъ, строгій лютеранинъ въ догматическомъ отношеніи, держался въ церковныхъ вопросахъ Пфальца, въ политическихъ же—Августа саксонскаго [3]); избѣгая столкновенія и съ императоромъ, и съ имперіей, онъ давалъ реформаціи возможность развиваться и распространяться во всѣхъ своихъ владѣніяхъ. Вообще вторая половина XVI столѣтія въ исторіи Бранденбурга — время его политической

---

[1]) *Lisch*, № 20, стр. 81. Vnde finde ein arme, elende, vorlassen, vorhert vnde vorwustet landt vnde unmuglich ist dem muschobieter wiedero czu stehen, dan es mangel hat an profiande, geschucze, pulfer, kugeln, gelt, feste, reuter, knechte vnde aller nodurfft... Dan mein son das vor seine persone keyneswegés bewilligen wil, sonder hir myt offentlichen dar von geprotestiret haben.

[2]) Ср. *Droysen*, Geschichte der Preussischen Politik, II, 444.

[3]) *Kluckhohn*, LXIII: In dogmatischer Beziehung strenger Lutheraner, nahm Ioachim II an Friedrichs kirchlicher Haltung entschieden Anstoss, hielt aber in kirchenpolitischen Fragen auf Reichs—und Fürstentagen so viel als möglich zu dem Kurf. August, dessen Vermittlung auch der Pfalzgraf häufig in Anspruch nahm, wenn er auf Kurbrandenburg einwirken wollte.

безучастности и безсилія; реформація, сословная конституція и усиленіе Австріи—вотъ три момента, сдвинувшіе его съ прежняго почетнаго мѣста среди нѣмецкихъ князей. Отъ національныхъ интересовъ Бранденбургъ всего болѣе отдѣляло его сближеніе съ Габсбургами. Владѣя ключемъ къ Балтійскому морю—шлезвигъ-голштинскимъ наслѣдіемъ—курфюрстъ бранденбургскій не сумѣлъ удержать его за собою, что подробнѣе будетъ указано ниже.

Наибо́льшею либеральностью въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ отличался Фридрихъ пфальцскій, сначала ревностный меланхтонистъ, а затѣмъ приверженецъ и опора реформатовъ. Въ его отзывахъ о Ливоніи было много горькой правды. Въ южно-германскихъ князьяхъ вообще можно усмотрѣть тенденцію, враждебную ордену, и нѣкоторую расположенность къ Москвѣ, что особенно рельефно обнаружилось въ 60-хъ годахъ.

Фридрихъ пфальцскій высказалъ свой взглядъ на Ливонію въ письмѣ къ своимъ представителямъ на аугсбургскомъ рейхстагѣ 1-го мая 1559 года. Выражая свое соболѣзнованіе къ судьбѣ Ливоніи, онъ говорилъ: первое, чего слѣдуетъ добиться, это—примиренія магистра ордена съ архіепископомъ, на которыхъ лежитъ не малая доля вины во всѣхъ ливонскихъ смутахъ. Только при внутреннемъ согласіи и могли бы они успѣшно дѣйствовать противъ Россіи. Фридрихъ идетъ еще дальше и говоритъ, что архіепископъ и магистръ сами открыли русскимъ ворота въ Ливонію [1]). Помочь теперь Ливоніи значитъ впутаться въ новыя распри и навлечь на имперію новыхъ враговъ; всякіе новые налоги легли бы слишкомъ тяжелымъ бременемъ на сословія имперіи, поэтому курфюрстъ и предписывалъ [2]) своимъ депутатамъ всѣми силами ратовать противъ посылки помощи ордену. Фридрихъ очень искусно, какъ видно изъ этой его инструкціи, ухватился за внутреннія смуты въ самой Ливоніи, дабы отклонить всякое участіе имперіи въ помощи противъ Россіи.

Курфюрстъ майнцскій былъ того же мнѣнія, что и Фридрихъ, и развивалъ мысль, что имперія не въ состояніи помогать всѣмъ своимъ частямъ, въ особенности же Ливоніи, которая давно уже пользуется свободою отъ податей въ пользу имперіи и на сбереженныя деньги

---

[1]) Dass der Erzbischof und der Meister *selbst* dem Moskowiter die Thüre geöffnet.

[2]) Die Gesandten sollen nach Kräften gegen die Sendung von Reichshülfe wirken. *Kluckhohn*, I, 64.

имѣетъ полную возможность отстоять свои владѣнія отъ московитовъ. Изъ другихъ представителей нѣкоторые предложили собрать въ пользу Ливоніи 100.000 гульденовъ, чтобы показать, что имперія не забываетъ Ливоніи [1]).

Въ княжеской коллегіи почти всѣ сошлись на необходимости снарядить въ Москву посольство и доставить Ливоніи посильную помощь. Всего ревностнѣе на послѣднемъ настаивали вестфальскій и оба саксонскіе округа, связанные съ орденомъ и родственными отношеніями. Представители этихъ округовъ поставили вопросъ о ливонской субсидіи ребромъ. Раньше, чѣмъ не будетъ окончательно рѣшенъ этотъ вопросъ, сказали они, онѣ отказываются приступить къ какимъ бы то ни было другимъ дѣламъ.

Начались оживленныя пренія. Въ іюнѣ еще дѣло о субсидіи Ливоніи стояло неподвижно. „Надежда на помощь очень сомнительна", писали депутаты Августа въ Дрезденъ. Августъ, неоднократно заявлявшій, что у имперіи и своихъ дѣлъ много, отклонялъ необходимость активнаго участія и говорилъ, что оно сопряжено съ слишкомъ большими расходами и еще большимъ рискомъ. Въ концѣ іюля горизонтъ нѣсколько проясняется. Триръ предлагалъ помочь Ревелю и Ригѣ, чтобы дать имъ возможность продержаться еще зиму. Кельнъ соглашался доставить ливонцамъ денежную помощь въ размѣрѣ 100.000 гульденовъ. Княжеская коллегія заявляла, что 100.000 гульденовъ сумма слишкомъ ничтожная и настаивала на 400.000. Упорство курфюрстовъ было непреодолимо, и въ концѣ концовъ всѣ сошлись на 100.000. Фердинандъ рѣшилъ лично написать царю и обратиться къ Европейскимъ государствамъ—Испаніи, Англіи, Даніи, Швеціи, Польшѣ и ганзейскимъ городамъ, чтобы и они помогли дѣлу. Герцогамъ померанскимъ и браунишвейгскому поручили навести самыя точныя справки о положеніи дѣлъ въ Ливоніи [2]), чтобы императоръ и сословія могли затѣмъ рѣшить, какое время самое удобное для доставки ливонцамъ назначенной субсидіи въ 100.000 гульденовъ.

Еслибы, заявлялъ императоръ, князья захотѣли ради этого еще разъ съѣхаться, то онъ готовъ для этого назначить особую депутацію изъ 6 курфюрстовъ, епископовъ мюнстерскаго, падерборнскаго

---

[1]) *Reimann*, 355, 356.

[2]) Damit wir deren dinge wissenschaft haben vnd andern weit gesessenen Reichsstenden, die sich je zu zeitten der Dinge gelegenheit bey vns erkunden dem gemeinen werk zum besten dauon auch bericht thun möchten.

и оснабрюкскаго, герцоговъ брауншвейгскаго, юлихскаго и померанскихъ, аббата верденскаго, графа нассаускаго и представителей городовъ Любека и Гослара. Если окажется необходимымъ, императоръ пришлетъ на конгрессъ и своихъ депутатовъ [1]).

Георгъ Сибергъ понималъ, какъ не прочны всѣ рѣшенія, выработанныя на рейхстагѣ, и обратился къ представителямъ его съ своимъ третьимъ докладомъ, въ которомъ, указывая на безплодность долгихъ преній и на незначительность ихъ результатовъ, удивлялся, что имперскимъ князьямъ еще надо удостовѣряться въ безвыходномъ положеніи Ливоніи, какъ будто вѣсти объ этомъ уже не успѣли распространиться по всей Германіи. Если имперія, сказалъ онъ, не окажетъ болѣе существенной помощи, Ливоніи придется кинуться въ руки первому, кто протянетъ ей помощь.

Третій докладъ неутомимаго ливонца произвелъ на рейхстагъ также мало впечатлѣнія, какъ и первые два, и дальше вышеприведенныхъ мѣръ ни до чего не договорились.

Послѣдующія событія показали, что ливонцы не могли даже надѣяться на 100.000 гульденовъ; никто не желалъ платить ихъ, находя для этого болѣе или менѣе удачныя отговорки.

Суетливый Фердинандъ въ разговорѣ съ пфальцскими депутатами жаловался на то, что никто не шелъ на встрѣчу его намѣреніямъ [2]), и дѣйствительно,—„одинъ въ полѣ не воинъ", императоръ ничего не могъ подѣлать съ упорствомъ курфюрстовъ. Въ слѣдующемъ году онъ тѣмъ не менѣе созвалъ новый конгрессъ въ Шпейерѣ.

Депутаціонстагъ въ Шпейерѣ открылся 11-го октября 1560 года [3]). Здѣсь были представители отъ императора—графъ Карлъ фонъ Гогенцоллернъ, Цазіусъ и Шоберъ, представители отъ шести курфюрстовъ, епископовъ мюнстерскаго, оснабрюкскаго и падерборнскаго, герцоговъ померанскихъ [4]) и брауншвейгскаго, аббата верденскаго, графа нассаускаго и городовъ Любека и Гослара. Кромѣ того письменныя заявленія были получены отъ Іоанна Альбрехта мекленбург-

---

[1]) *Häberlin*, IV, 136.

[2]) *Kluckhohn*, II, 70.

[3]) Объ этомъ депутаціонстагѣ *Häberlin*, IV, 286 и слѣд., даетъ самыя краткія свѣдѣнія. *Richter*, I, 354, неправильно называетъ его рейхстагомъ. Ср. *Reimann*, 374 и далѣе. Архивный матеріалъ для этого собранія въ архивахъ Дрездена, Мюнхена и Берлина. Ср. *Goldast* II, 279—284; *Lünig*, Reichstagsakten, I, 500.

[4]) 3 Nou. 1560. Seindt die pomerischen Gesanndten Laurentius Doctor vnnd Henning von Balde bede canzler bei vnns erschienen (Мюнх. арх).

скаго, Генриха Младшаго брауншвейскаго и люнебургскаго, Іоанна Фридриха саксонскаго, архіепископа рижскаго и др. [1]).

Императорскіе коммиссары открыли собраніе прочтеніемъ протокола аугсбургскаго рейхстага, а затѣмъ предложили приступить къ разсмотрѣнію мѣръ, необходимыхъ для защиты ливонскаго ордена [2]). По мнѣнію императорскихъ коммиссаровъ, слѣдовало остановиться на вопросѣ о посольствѣ имперіи къ московскому царю, затѣмъ, главнымъ образомъ, выработать постановленіе для прекращенія сношеній нѣмецкихъ и иностранныхъ торговцевъ съ русскими черезъ Нарву [3]). Императоръ, сказали его коммиссары, созвалъ представителей князей въ Шпейеръ съ тѣмъ, чтобы сообща обсудить, какъ помочь ливонцамъ и какими средствами возвратить имперіи земли, отнятыя у нея и предупредить на будущее время всякое враждебное нападеніе со стороны русскихъ [4]).

Прежде всего депутаты князей и императора приступили къ выслушанію донесеній, присланныхъ на собраніе отъ Кетлера, Вильгельма рижскаго и др. Письмо Кетлера было помѣчено 1-ымъ октября. Магистръ ливонскаго ордена, позже утверждавшій, что шпейерское

---

[1]) Письмо Іоанна Альбрехта Мекленбургскаго, Штетинъ, 26 августа 1560. Письмо Генриха младшаго Брауншвейскаго и Люнебургскаго, Wolfenbüttel, 8 oct. 1560; Письмо Фридриха герцога Саксонскаго, Heldtburgk, 18 oct. 1560. (An der Churfürsten, fürsten vnd anderer jnn der Liffl. sachen deputirte stende, verordente Rethe zu speier. 18 oct).

[2]) Nemblich die besetzungen vnnd prophanierungen der noch vnuerlornen Liflendischen bevestigungen vnd Pässen, Jtem vergliedung des Khriegsvolckhs vnnd dann anwenndung des hilfgelts durch Eur. Cays. M. Comissarien, sambt der dreien deputirten fürsten, Münster, Braunschweig vnd Pomern verordneten anzuschaffen vnnd zubestellen.

[3]) Кетлеръ въ мартѣ 1561 года просилъ императора объ этомъ же: da ich anhaltunge der Shiffe vnd verhinderung der farth nicht vff eigenenn nutz, besonders des heyl. Reichs wolfarth gesehenn.

[4]) Дрезд Арх. Der Kais. M. Commissarienn Proposition jnn der Liffl. Sachen, uff dem Deputationstage zu Speyer 11 oct. 1560. Тотъ же актъ въ Мюнхенскомъ государственномъ архивѣ.... „diese sachen mit dem allerforderlichsten stadtlich vnd nodturfftiglich zuerwegen zuberathschlagen vnnd zubedencken, welchermassen die obliegende beschwerden von den Lifflandenn am füglichsten abzuwenden, das jenig so an Lifflandt von dem Moscowiter eingenommenn, widerumb erlangt, vnnd die Lifflandt kunfftiglich von solchem Muscowiterische drangsal gesichert, vnnd als des heyl. Reichs angehorige glieder, bej demselben erhaltenn, gechützt vnnd gehandthabt werden mugenn. Мюнх. арх. Relatio. 1561. Ad longum ad Caes. M. in causa Liuonica, de dato weyl. 9-te januarj.

собраніе созвано было вслѣдствіе его просьбъ и хлопотъ и ставившій себѣ это въ большую заслугу [1]), даетъ намъ въ своемъ письмѣ очень пространное изложеніе русско-ливонскихъ отношеній. Онъ начинаетъ свое письмо жалобою на Любекъ и другіе города, которые ко вреду Ливоніи и всего христіанства, сносятся съ московскимъ царемъ. Христіане, говоритъ Кетлеръ, должны другъ другу помогать, а не вредить; въ особенности же это касается тѣхъ, кто подчиненъ одной власти, одному главѣ и государю. Между тѣмъ многіе свои личные интересы и выгоды предпочитаютъ общей пользѣ; такъ, напримѣръ, любчане и др. доставляютъ русскимъ оружіе, порохъ, дробь, селитру, сѣру и др. военные снаряды, затѣмъ провіантъ, сельди, соль и пр. Все это даетъ московскому государю возможность съ большимъ успѣхомъ вести войну съ ливонцами. Примѣръ турокъ показалъ, какъ усиливается врагъ, когда ему помогаютъ оружіемъ и съѣстными припасами. Въ виду этихъ соображеній Кетлеръ проситъ императора и князей запретить торговлю съ русскими. Онъ указываетъ далѣе въ своемъ письмѣ, что всѣми оставленъ, ни отъ кого не получаетъ помощи, хотя уже нѣсколько разъ обращался къ императору и курфюрстамъ; для найма кнехтовъ ему приходится закладывать земли и города, продавать какъ свое, такъ и орденское имущество. Все лѣто 1560 года русскіе съ 100.000 войска громили несчастную страну, разсѣявшись по ней нѣсколькими отрядами. Все предаютъ они огню и мечу, поля выжигаютъ, скотъ и людей убиваютъ и увозятъ. Лучшіе рыцари ордена убиты или томятся въ плѣну; почти всѣ крѣпости Гарріи, Виррланда, Эстоніи въ рукахъ враговъ. Съ своей стороны онъ, Кетлеръ, сдѣлалъ все, что было въ его силахъ и съ спокойною совѣстью готовъ предстать предъ лицо Всевышняго въ день страшнаго суда. Удержаться въ борьбѣ съ русскими нѣтъ болѣе силъ; возставать стали наемные кнехты, не получающіе жалованья: они грозятъ ежечасно убить его или выдать врагамъ [2]).

Письма Барнима померанскаго и Вильгельма рижскаго также представляютъ положеніе Ливоніи совершенно критическимъ. Барнимъ извѣщаетъ собраніе о намѣреніи Іоанна Грознаго осадить Ригу. Если,

---

[1]) *Bienemann*, IV, 104.

[2]) Дрезд. архивъ. См. *Форстенъ*, Акты и Письма, № 6. Русскихъ Кетлеръ называлъ „glidtmassen des Teuffels“.

говоритъ онъ, это предпріятіе удастся царю, то каждый, знакомый съ положеніемъ дѣлъ, долженъ понять, какая будущность ожидаетъ весь прибалтійскій край. И при такихъ то безотрадныхъ обстоятельствахъ, продолжаетъ Барнимъ, находятся люди, выше всего ставящіе свои собственныя выгоды и личную пользу; Гамбургъ и Любекъ доставляютъ русскимъ не только оружіе и провіантъ, но снабжаютъ ихъ и опытными въ военномъ дѣлѣ людьми [1]). Всѣ такъ ослѣплены выгодою русской торговли, что не желаютъ дать себѣ отчета, какая судьба постигнетъ нѣкогда благородную провинцію, если московитъ утвердится въ этомъ форпостѣ христіанства на востокѣ и займетъ его славныя приморскія гавани. Подобный леопарду или медвѣдю, московитъ будетъ стремиться все себѣ подчинить; за Ливоніей очередь дойдетъ до Пруссіи и остальныхъ балтійскихъ княжествъ [2]).

Часть извѣстій, сообщенныхъ Барнимомъ, подтверждается и изъ одного письма Вильгельма рижскаго къ Фердинанду отъ 28-го марта

---

[1]) Geschütz, kraut, loth, Salpeter, schwefel, kupfer, zin, pley vnd kriegsleut. Da er (Іоаннъ) aber dieselbigen (Ригу и Ревель) auch erobern vnnd ein offene vnuerhinderliche zuschiffung aus die Teutsch Nation bekhomen wurde, derowegen die nechst der sehe gesessene stende deren Land, Leuth vnnd vnderthanen sich täglich des vberfals zubefaren.

[2]) Мюнх. арх. Письмо Барнима, Михайловъ день 1560. (Barnim von Gottes Gnaden zu Stettin Pommern etc. Herzog furst zu Rügen. Alt Stetin, am tag Michaelis 1560). Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этого письма, адресованнаго къ одному депутату въ Шпейерѣ: (Vnnser grus zuuor. Hochgelerter lieber getreuer...). .... In was vnwiderbringlichen vnd ewigen schaden vnd vndergang Lifflandt ijts stehe..... Die sachen seind vil geuerlicher alls je.... Da nun die Stat (Riga) jn des feindes gewallt gebracht werden sollte, hat ein yeglicher, so alles vmbstandts vnd gelegenheit erfarn jn wie grossem vnd eusserstem vnglück dise vnd andere vil umbligende vnd vorneme glider des Reichs stehen, leichtlich zuermessen.... Zu dem aber nimbt mich nit wenig frembdt, das man solcher gar herrlichen vormauren der Christenheit daher vnd noch so wenig achtet vnd angesehen... Gott erbarme sich der gar grossen plindheit, darinnen die eigennutz vnd geitz so grosse leuth verstossen das sy auch jr aigens schweres vnglückh vnd das gewiss vorstehendt vbl nicht sehen noch bedenckhen können, Dann was diser verlust der Edlen Prouintz nachfolgen würde, wann der feindt solicher vormauern vnd der vil herrlicher Pforten der Ostsee vnd aller Communication mechtig, haben die verstendigen wol abzunemen, Nachdem es von Naturen sein art vnd gewonheit, das er wie en leoparth vnd Bar allwegen nach des andern verderb, vnd vndergang lauert vnd wartert, das ers auch bei dem nicht würde bleiben lassen, dann das plus ultra mit weiterm eingreiffen zu merern anndern an allen orten nic t vmbgeen noch vnderlassen, wie er dann bereits Preussen auch betrauen thut.

1560 года. Въ немъ онъ жалуется на то, что Любекъ доставляетъ русскимъ опытныхъ воиновъ [1]).

Въ письмѣ Вильгельма рижскаго къ Альбрехту мекленбургскому, также прочитанномъ въ Шпейерѣ, Вильгельмъ указываетъ на честолюбивые замыслы Магнуса датскаго и совѣтуетъ всѣмъ князьямъ и курфюрстамъ обратиться къ Фридриху II и просить его склонить брата къ миру съ орденомъ. Необходимо предупредить столкновеніе Польши съ Даніей тѣмъ болѣе, что польскій король уже собралъ значительныя военныя силы въ рижской архіепископіи и собирается помочь Кетлеру противъ Магнуса. Этими междоусобіями поспѣшатъ воспользоваться московиты [2]).

Изъ донесеній отдѣльныхъ депутатовъ на шпейерскомъ съѣздѣ слѣдуетъ отмѣтить донесеніе представителей Мекленбурга [3]). Герцогъ Альбрехтъ выражаетъ чрезъ своихъ депутатовъ сочувствіе собра-

---

[1]) Мюнх. арх.: Dieselben (Русскіе) auch dermassen mit geschütz vnd volckh zu versorgen и т. д.

[2]) Мюнх. арх. Письмо Вильгельма отмѣчено 21-го авг. Кокенгузенъ.... Vff dass aber nun gleichwol durch hertzog Magnus' vorhaben, dissen armen landen nicht mer vnheil erweckht werden möchte, wäre hochnöttig vnd gerathen das durch etzliche Chur vnd Fürsten des Reichs darzu dann auch wer neben vnnsernn geliebten sun vns wollen erbotten haben, souernn es geraten, derwegen bei I. K. W. zu Denmarckht ansuechung geschehe, vnd da Ir K. W. ettwas feindtlichs kegen dem Herrn Meister oder dise lannde vorzunemen bedacht, das solches vnnderne-men vnd dem feind nicht alleine dardurch sein vortheil gegonnet, sondern auch die baiden Potentaten alls Pollen vnd Dennemarckh nicht in einander gehetzt werden möchten. Denn wir mögen E. L. fruntlich nicht pergen, das die K. W. zu Polln ain vast ansehenlich statlich kriegsuolgkh jn dise lande vor etzlichen wochen geschickht vnd dasselbe vast eillendt anher geferttiget, nicht aber darumb allaine, das sy sich gegen dem Erbfeindt gebrauchen lassen sollten, sonndern da herzog Magnus zur guete nicht zubringen noch zubewegen, sy allsdann dem Maister beipflichtig sein möchte, wie dann der vrsach halben das selbe kriegsvolgkh bisheer jn vnserm Ertzstifft gelegen, auch noch vnd vns nit wenigen schaden bis auf todtschlagen als der feindt gethan. Въ другомъ письмѣ Вильгельма мы читаемъ: Dann wie graussam der feindt tirannisiert ist dauon nicht genug zuschreiben, Das arm ellent Paursfolckh wirdt ellendiglich ermordet vnnd erschlagen, vnnd verhert vnnd verprennt alles in grunde, das korn auf dem felde wirdet nicht verschont, was er mit den Pferten nit zertretten vnd auffurdern kan, verprennt er, das es kleglich zuhören geschweige dann zuhören ist. Ср. *Форстенъ*, Акты и письма, гдѣ подъ № 5 напечатано письмо Вильгельма по экземпляру Дрезденскаго архива.

[3]) Дрезд. арх. Credentz vnd Instruction Hertzog Hans Albrecht zu Mecklenburgk seiner furstlichen Gnade gesandten, an die Chur vnd fursten vnd stende vff dem deputationtagk zu Speier, 19 oct. 1560 ubergeben (Составлено въ Швериnѣ—25-го сентября 1560).

нію и искреннее желаніе ему успѣха. Донесеніе мекленбургскихъ депутатовъ весьма обстоятельно ознакомило представителей германскихъ князей съ положеніемъ дѣлъ на востокѣ: московскій царь, узнаемъ мы изъ этого донесенія, вторгся въ Ливонію тремя отрядами, и тираннія, практикуемая московитами, превосходитъ все, что до сихъ поръ разсказывали о турках и татарахъ. Въ русскомъ войскѣ много послѣднихъ, и они то не щадятъ ни возраста, ни пола, разрубаютъ на части маленькихъ дѣтей и употребляютъ ихъ въ пищу (sic). Плѣнныхъ русскіе убиваютъ безъ различія сословія и положенія, какое они занимаютъ [1]).

Яркими красками описывается далѣе взятіе русскими Феллина и другихъ городовъ. Зимою русскихъ можно ожидать уже и въ Ригѣ и въ Ревелѣ. Всѣ балтійскія княжества, прусское, померанское и мекленбургское, и вестфальскій округъ ждутъ вторженія русскихъ въ свои предѣлы [2]). Въ виду этого необходима дѣятельная и скорая помощь [3]); въ особенности нуждаются въ ней Рига и Ревель. Какъ скоро русскіе успѣютъ занять одинъ изъ этихъ городовъ, всякая помощь будетъ уже напрасна, и вся Ливонія неминуемо будетъ оторвана у имперіи.

Необходимо склонить къ помощи и Польшу (она могла бы снабдить оба вышеназванныхъ города провіантомъ и нѣсколькими отрядами пѣхоты), Данію и Голштинію. Всѣмъ этимъ государствамъ Альбрехтъ мекленбургскій совѣтуетъ указать, что конечная цѣль московскаго тирана — захватить въ свои руки господство на Балтійскомъ морѣ, для чего онъ уже принимается строить флотъ [4]); покупая и

[1]) Дрезд. арх. Hertzog Hainrichs zu Braunschweig Brieue und unsers gnedigsten Herrn Augusti Churfursten zu Sachsen Anntwort und widerschreiben. 1560—1564. Въ первомъ письмѣ Генриха читаемъ: das sie (московиты) nit allein albereith geborene kleine cristen kindlein, sonder auch edle vnd andere schwangere frawen in anschawen jrer angebindenen ehemenner vff, vnd die unzeitige fruchten aus den leiben schneiden, an spies stecken vnd am feuer gebrathen lassen, zu schweigen mher anderer greulicher thaten.

[2]) .... den teglichs einfall befarenn mussen. Darumb dan nit allein die Hertzogen von Pommern vnnd alle Stende vnd Stede an der Ostsehe in treflicher Sorge vnd gefahr stehen, sondern auch der Westphalische Krayss darunter der Hertzog von jülich derhalben einen sonderlichen Kreisstag aussgeschrieben haben sollen.

[3]) Alsbaldt, vor allen dingen, vnd noch diesenn herbst.

[4]) ... wil der feindt freien pass jnn die Ostsee zukommen jnne hat, vnd auch albereit Galleen vnd schiff zurichten lassen... Den wo dieser Veind der Ost sehe mechtig werden solte hetten E. L. zu bedencken was für einen beschwerlichen vnd gefährlichen nachbar man an jme haben würde.

захватывая въ Нарвѣ торговыя суда любчанъ, онъ обращаетъ ихъ въ военныя и передаетъ управленіе ими испанцамъ, англичанамъ и нѣмцамъ [1]). Необходимо также сдѣлать серьезное внушеніе ганзейскимъ городамъ, а также просить нидерландское и англійское правительства [2]), чтобы они пріостановили свои сношенія съ врагами всего христіанства; если бы города не вняли убѣжденіямъ императора и князей, имъ слѣдуетъ пригрозить имперскою опалою (Peen vnd Acht). Шведскому королю было бы всего удобнѣе моремъ доставлять ливонскимъ городамъ съѣстные припасы. Еслибы съ иностранными государями соединились и нѣмецкіе князья и доставили единовременную денежную помощь въ размѣрѣ 100.000 флориновъ, то Ливонію еще можно было бы спасти. Германской имперіи слѣдуетъ взять на себя защиту Ливоніи, такъ какъ въ противномъ случаѣ въ ней утвердятся сосѣди, изъ которыхъ всѣхъ опаснѣе для Германіи польскій король: его ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ допускать утвердиться въ Ливоніи. Болѣе всѣхъ обязанъ помочь Ливоніи вестфальскій округъ, такъ какъ онъ извлекаетъ наибольшую выгоду изъ торговли съ Ливоніей; тяжесть борьбы съ Москвой должна по справедливости лечь всего болѣе на города этого округа.

Въ заключеніе своего донесенія мекленбургскіе депутаты предложили остальнымъ членамъ собранія вопросъ, не найдутъ ли они полезнымъ обратиться за помощью къ Испаніи, Франціи и Англіи, а также и къ герцогамъ Баваріи, Виртемберга и Помераніи [3]).

Важнѣе всѣхъ на депутаціонстагѣ былъ, по обыкновенію, голосъ Августа саксонскаго, государя близко знакомаго съ положеніемъ дѣлъ на сѣверѣ и, кромѣ того, родственника датскому королю. Чрезъ своего

---

[1]) Sondern auch die Lübische schiffe so zur Narue inn See starck ir winterlager haben, anzuhalten, mit engelschen vnd deutschen zubemhannen vnd also vns alle Pass vnd zufuhr zu wasser zubenehmen vnd zu behindern geneigt sein soll. Quod hodie mihi, cras alterj. Ср. Генрихъ Брауншвейгскій Августу. Donnerstag nach Oculi 1561. То-же въ письмѣ Кетлера Барниму 12-го марта 1561. Барнимъ Августу, 4-го мая: Dann wir in glaubliche erfahrung kommen, das der Musc. eine grosse antzall schiffe, die er von den Lübeschen vnd andern zur Narua erkaufft hatt, vnd noch theglich erkaufft, vnd ann sich bringet, mit geschütz vnnd kriegsvolck, darunder Deutsche, Spannier vnd Engelender sein, bewehret vnd gerustet habe vnd willens sein soll, Liffl. damit zu wasser antzugreiffenn, jhnenn Prouidant vnd zufuhr abtzustricken, vnd seinen willens jnn der ostsehe, wieder Lifflandt vnd andere angesessene damit zuschaffen.

[2]) Die allerschedtlichste Schiffart uff die Narue vnd Reusslandt.

[3]) Vmb mitleidliche hulff, vermuge voriges reichsabschidts.

совѣтника Георга Кракау онъ далъ знать собранію, что помощь ливонцамъ въ настоящее время рѣшительно необходима; они предоставлены сами себѣ и не въ силахъ противиться численно и матеріально превосходящему ихъ врагу. Кракау передалъ также собранію мнѣніе своего государя—ни въ какомъ случаѣ не откладывать посольства въ Москву [1]).

Императоръ Фердинандъ I, посвятившій ливонскому вопросу нѣсколько сотенъ писемъ, былъ, какъ мы уже выше указали, силою обстоятельствъ осужденъ на пассивную роль въ военныхъ событіяхъ. Въ разбираемой борьбѣ Ливоніи съ Россіей онъ часть вины слагалъ на самихъ ливонцевъ. Въ письмѣ, которое онъ прислалъ въ Шпейеръ, онъ особенно подчеркиваетъ безпечность самихъ ливонцевъ, занятыхъ внутренними смутами и интригами, ихъ несвоевременныя тяжбы, своекорыстіе и безучастіе. „Если внутри Ливоніи такія смуты и безпорядки, то всякая помощь напрасна“. Слѣдуетъ обо всемъ навести справки и тогда уже рѣшиться на какія нибудь мѣры, могущія предупредить паденіе ордена. Князьямъ надлежитъ, пишетъ имъ Фердинандъ, всего ревностнѣе стараться объ удержаніи Ливоніи за имперіей. Если ливонцы отдадутся кому нибудь изъ иностранныхъ государей, то имъ нечего ждать помощи отъ имперіи.

Съ своимъ письмомъ Фердинандъ отправилъ шпейерскимъ депутатамъ и копіи съ писемъ къ нему Гамбурга и Любека, въ которыхъ оба города заявляютъ, что не могутъ доставить ливонцамъ никакой денежной помощи [2]).

---

[1]) Дрезд. арх. Etzliche auf dem Deputationstag zu Speijer A° 1560 vbergebene schrifften anlangende der liefländischen Kriegsbeschwerünge von dem Moscowitter. 10, 22. Августъ пишетъ Кракау 24-го декабря... Das die Liflender nit gar trost vnd hulfloss gelassen, noch die dinge weitleuftig vorzogen, sondern auf disem deputation tage von einer hulf an gelt zu jrer rettung möchte gehandelt werden, Doch. das auf keinen heubtzug, so die stende des Reichs fur sich furnehmen solten, geschlossen werde, vnd das auch die bedachte beschickung an die Moscouiter von wegen der K. M. vnd anderer potentaten geschee.

[2]) Мюнх. арх. Письмо Фердинанда отмѣчено 20-го октября Вѣна. „Wolgeborner vnnd Ersame gelerte Lieben getrewen, was der Hochgeborn Iohannss Albrecht Hertzog zu Meckelnburg, vnnser lieber Ohaim vnnd Fürst der grossen noth, gefar vnnd betrangnuss halben, darjnn die Liefflannd von wegen dess Moscouiters gwaltigen feindlichen fürprechens stecken, schrifftlich an vnns gelangen lassen, das haben Jr ab hiebeij verwarten abschrifften seiner lieb derhalben an vns gethanen schreibens vnnd beiligenden einschlössen ferner zuuernemen, welche wir euch darumb vberschicken, dieselben den andern der Steunde deputierten haben

Мы привели главныя мнѣнія, высказанныя и съ подробностью развитыя на шпейерскомъ депутаціонстагѣ; много въ нихъ преувеличеннаго, много просто и вымысла; каждый изъ подававшихъ свое мнѣніе князей хотѣлъ превзойдти другъ друга цвѣтистостью описанія московской тиранніи, чѣмъ и объясняются такія нелѣпости, какъ напримѣръ, употребленіе татарами въ пищу маленькихъ дѣтей и т. п. Велики были глаза у трусливыхъ князей Германіи! Чего, чего не приписывали они алчному варвару: мало ему Балтійскаго моря, говорили они, взоры его направлены и на всю линію прибрежныхъ княжествъ Германской имперіи; онъ стремится захватить и Мекленбургъ, и Пруссію и чуть ли не всю Европу покорить своему скипетру. Вотъ сколько безпокойства и треволненій въ политическомъ мірѣ Европы надѣлало желаніе московскаго царя пріобрѣсти какой-нибудь пунктъ на Балтійскомъ морѣ, чтобы имѣть возможность завязать прямыя, непосредственныя сношенія съ Западной Европой. Сказочный страхъ князей не былъ и на половину искреннимъ, иначе бы они не ограничивались одними словами; сознавая свое безсиліе вступить въ борьбу за ливонцевъ, они кромѣ того совершенно не принимали къ сердцу судьбы ихъ, а искали только случая самимъ утвердиться въ Ливоніи, стянувши клокъ сѣна изъ этого

---

zu communiciern vnnd sambt, vnnd neben jnen den handl stattlich vnnd mit vleiss zuerwegen vnnd zuberathschlagen, vnnd was der sachen notturfft vnnd gelegenheit erfordern wirdet, darunder zuhandlen, fürzunemen, zuschliessen vnd jns werck richten zuhelffen; vnnd nachdem sich aus den vberschickten schrifften befindet, das es gar vnrichtig jn Lifland durch einander geet, die Stifft meisten theils profaniert werden, vnnd die jenigen so pillich zusammen setzen, vnnd einer dem andernn die hanndt pieten vnnd trewlich bey einander steen solten, vnder jnen selbs zwitrechtig sein, vnnd etlich derselben gegen einander zu veld ziehen vnd selbs ainander engstigen vnnd plagen sollen, so will von nöten sein desshalben aigentliche erfarung vnd erkundigung zunemen vnnd jn der berathschlagung guet achtung auff solchs zu haben.

Dann da die sach dermassen geschaffen sein solle, wurde vnnser erachtens nit rathsam sein, denn Liefflendern ainige hilff zubewilligen, vnnd da die gleich bewilligt bey denselben nichts oder je wenig erschiessen, Derhalben wo daselbst vonn ainicher hilff denn Liefflenndern zulaisten geredt werdenn wolt, mögen Jr vonn vnssern wegenn, hofflich auch alls für euch selb vermeldenn, dass die hohe notturfft erfordern wölte, vor aller dingen sich zubefleissen, damit die vnrichtig kaiten auffgehoben, die Liefflendischen Stennde gegen ainannder befridigt auch dass Land sonnst bey dess heyl. Reichs gehorsam erhallten, vnnd kains wegs anndern Potentaten oder herrschafften vnnderworffen werde, dann sonnst könnten wir nit befinden, wie ainiche hilff bey denn Liflenndern erschiessen möchte.

„огромнаго воза безъ хозяина", какъ Ливонію назвалъ одинъ современникъ. Выступая, повидимому, безкорыстными защитниками цѣлости Ливоніи, они на самомъ дѣлѣ завязывали сношенія съ отдѣльными представителями ордена, чтобы, войдя въ компромиссъ съ ними, обезпечить за собою гавань или укрѣпленный пунктъ; такъ поступали Пруссія, Мекленбургъ, Швеція, Данія и Польша. Сыръ боръ загорѣлся вслѣдствіе того только, что земли, на которыя претендовали названныя государства, систематически занимались русскими. Лозунгомъ всѣхъ ихъ было не „за Ливонію", а „за территоріальное раздробленіе орденскихъ земель"; слова и дѣйствія расходились у нихъ на каждомъ шагу, и дѣло близилось къ такой развязкѣ, что одинъ за другимъ иностранные государи стали искать союза и дружбы съ Россіей; близорукіе же нѣмецкіе князья и города вовсе исключались изъ Ливоніи.

Рѣшенія, принятыя на шпейерскомъ съѣздѣ, касались двухъ вопросовъ: посольства въ Москву и денежной помощи ливонцамъ. Относительно посольства всѣ сошлись на томъ, чтобъ оно было обставлено съ большою торжественностью, и чтобы соблюденъ былъ этикетъ московскаго двора; послы, привѣтствуя царя отъ имени императора и князей, должны склонить его къ вѣчному миру съ имперіей и къ возвращенію ей всего, что русскіе успѣли завоевать въ Ливоніи [1]), и затѣмъ принять мѣры, какъ бы обезпечить себя на будущее время отъ всякихъ новыхъ столкновеній съ московскимъ царемъ. Кромѣ представителей отъ императора, въ посольствѣ должны были принять участіе курфюрсты и князья Германіи, затѣмъ короли датскій, шведскій, англійскій и испанскій. Все было предусмотрѣно — и число посольской свиты, и число лошадей и пр. [2]). Одинъ только Генрихъ брауншвейг-

---

[1]) О ней сказано, что она принадлежитъ имперіи „beij vielen Jaren her, vnd lenger dann sy menschen gedenckhen erst reckhen thuet".

[2]) Мюнх. арх. Instruction. Darauf Wir Ferdinand von Gottes Gnaden etc. auch Churfürsten, Fürsten vnnd Stennde des heil. R. Reichs Teutscher Nation Die Wolgeborne Edle Eerenueste vnnd hochgelerte Vnnsere vnd dess hail. R. R. Rethe vnd liebe getrewen ahn den Grossmechtgisten Grossfürsten Inn der Moscaw mit beuelch abgeferttiget.— — Auss disen nachbeschribnen Grauen, Herrn vom Adel vnd gelehrten möchten die K. M. Ire Legation in die Moscaw schepfen. Графы:

Franz von Thurn, welcher der aller tauglichist wer.
Ludwig von Stolberg vnd Kunigstain.
Philip von Eberstain, Landvogt in ober Elsass.
Ioachim Schlickh, president der Behamischen cammer.

скій былъ противъ посольства. понимая. что оно не только не принесетъ никакой пользы, но дастъ поводъ царю возгордиться этимъ [1]).

Что касается денежной помощи Ливоніи, то рѣшено было, кромѣ 100.000 флориновъ. которые, по мнѣнію герцога мекленбургскаго, должны быть немедленно доставлены въ Ливонію. собрать еще 400.000 тысячъ флориновъ. прибѣгнувъ ради этого даже къ экстренннымъ налогамъ [2]). На эти деньги имѣлось въ виду нанять нѣсколько отрядовъ кнехтовъ, которые должны были занять еще не предавшіяся московитамъ крѣпости.

Если шпейерскій съѣздъ 1560 года имѣлъ какой нибудь положительный результатъ. то онъ выразился развѣ только въ томъ, что всѣ признали необходимымъ прежде всего возстановить въ Ливоніи внутренній миръ. потушить въ ней безконечно длившіяся распри и интриги отдѣльныхъ партій, парализовавшія всякую общность дѣйствій. столь необходимую для борьбы съ Россіей.

Важной мѣрою шпейерскаго „тага“ слѣдуетъ считать и запрещеніе всѣмъ городамъ и княжествамъ торговать съ Россіей и обращеніе къ ливонцамъ, чтобы они не входили въ какія-либо политическія сдѣлки ни съ Польшей. ни съ другими державами, такъ какъ это привело бы только къ нежелательному распаденію орденскихъ земель и къ территоріальному усиленію иностранныхъ государей на счетъ и во вредъ имперіи.

Итакъ, на будущее время рѣшено было снарядить въ Москву посольство. собрать въ пользу Ливоніи бо́льшую. чѣмъ согласились на

Изъ дворянства также пять человѣкъ (Warnstorf и др.); изъ ученыхъ: D. Stephan Schwartz, D. Prissman. Ioh. Hegenmüller dess Herrn Vicecantzlers brueder, D. Thimotheus Jung.

[1]) Wir vissen vnd es durch tegliche Kuntschafft erfaren. dass der Feind sich in der gute nichts abhandeln zu lassen bedacht, er auch mutiger vnd stolzer dardurch gemacht, das er befindet. dass sich die Rom. Kays. Mayst. Churfürsten. Fürsten vnd das ganze Reich gegen ihn ernidrig. dass sie bej Ime vmb friedenbitlich anhalten lassen.

[2]) Ann die andern Stende, als Prelaten Grafen. Herrn vnd Stätte were zu ertzaigung des merern ernsts bey der sachen auch nit vnrathsam ainen jeden jnsonderheit ueber einschliessung angeregts getruckhten Abschids, ain besonder E. M. ersuechung schreiben. zukommen zulassen. deren Innwendiger Innhalt. auch von wegen der vile vnd zu gewinnung der zeit, gleichermassen getruckht, von Eur. K. M. vnd sonst gewendlicher weisse, vndertzaichnet, verschlossen vnd die Intitulation bey der hof Cantsley on sondern vertzug vnd mhue fuegelich vnd wol durch die feder kundte verfertigt werden, vast auf die weisse wie man vflegt die Reichstags Ausschreiben ausgeen zulassen.

аугсбургскомъ рейхстагѣ, сумму денегъ, запретить торговыя сношенія съ русскими и водворить внутренній порядокъ въ орденѣ,—программа, внѣ всякаго сомнѣнія, много обѣщавшая Ливоніи. Лучшею иллюстраціей дѣятельности князей и городовъ, истиннаго интереса ихъ къ судьбамъ Ливоніи, служитъ тотъ фактъ, что ни одинъ изъ поставленныхъ въ Шпейерѣ пунктовъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Пфальцъ и Майнцъ не желали принимать участіе въ денежномъ сборѣ, также и западные округа имперіи [1]); города не желали пожертвовать своими торговыми интересами; иностранныя государства, пользуясь общей разладицей, утвердились—Швеція къ Эстляндіи, Данія на Эзелѣ, Польша въ Ливоніи. Правъ поэтому одинъ новѣйшій изслѣдователь, когда назвалъ всю дипломатію Германской имперіи „дѣтской игрой"—ein Kinderspiel.

Послѣ утвержденія шведовъ въ Эстляндіи, поляковъ въ Ливоніи, имперія, казалось, должна бы была съ большей энергіей взяться за дѣло; въ формальныхъ выраженіяхъ сочувствія и негодованія не было недостатка ни со стороны императора, ни со стороны князей, но какъ неплодотворна была ихъ дѣятельность, покажетъ крейстагъ въ Ютербокѣ и Лейпцигѣ. Безплодные переговоры, рѣшенія, не имѣвшія силы, безконечные процессы и жалобы, что̀ такъ прекрасно передается въ техническихъ выраженіяхъ „queruliren, protestiren, dupliciren und tripliciren",—вотъ результаты, какихъ достигли нѣмецкіе князья; это—безплодное политическое толченіе воды, обратившее, какъ говоритъ Дройзенъ, нѣмцевъ изъ народа высоко даровитаго, съ точно опредѣленными цѣлями, въ тупой и вялый народъ [2]).

На 22-е іюня 1561 года назначенъ былъ крейстагъ въ Ютербокѣ [3]). Среди вопросовъ, обсуждавшихся на этомъ собраніи, ливонскій занималъ первое мѣсто. Всѣ собравшіеся здѣсь княжескіе депутаты соглашались, что восточныя событія въ Ливоніи не имѣютъ мѣстнаго характера, а касаются всей Германіи, и что къ нимъ слѣдуетъ отнестись съ бо́льшимъ вниманіемъ. Московскій царь опасенъ

---

[1]) Ср. *Harnack*, 375. Мюнх. арх. Relatio 1561. Они совѣтовали Фердинанду „die subscriptiones breuitatis gratia gar vmbgehen".

[2]) Preussische Politik, V, 392.

[3]) Дрезд. арх. Gütterbockische Kraisstagshandlung und Abschiedt belangende der Liefflendischen lande und stende kriegsbeschwerung von dem Muscowit. Item was nach gehaltenem Kreistag durch Kays. Mayt. und sonst geschrieben und geantwortet würdenn. 1561. Наумбургскій съѣздъ, назнач. на 20-е января 1561 г., мы по его незначительности пропускаемъ. Матеріалы для него въ Мюнх. архивѣ.

не только Ливоніи, но и всему верхне-саксонскому округу,—мысль, подробно развитая въ инструкціи, которую Августъ саксонскій далъ своимъ представителямъ на съѣздѣ [1]). Содержаніе этой инструкціи было слѣдующее: всѣмъ собравшимся должно быть извѣстно уже изъ аугсбургскаго рейхстага 1559 года, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Ливоніи, и какъ неотступно ливонцы, стѣсненные московитами, молятъ о помощи; на аугсбургскомъ и шпейерскомъ рейхстагахъ поднимался вопросъ о денежной помощи ливонцамъ въ размѣрѣ 200.000 гульденовъ и о посольствѣ въ Москву. Съ тѣхъ поръ не прошло и двухъ лѣтъ—а московскій царь не только не оставилъ своихъ намѣреній захватить Ливонію, но съ бо́льшими, чѣмъ раньше, усиліями приводитъ въ исполненіе свой планъ и близокъ уже къ покоренію всей провинціи. Разсматривая московско-ливонскія отношенія, Августъ замѣчаетъ, что ливонская война — такое дѣло, съ которымъ считаться должны всѣ сословія имперіи; тутъ только единствомъ дѣйствій и возможно достигнуть какихъ нибудь результатовъ. Верхне-саксонскій округъ не можетъ одинъ взять на себя всю тягость помощи ливонцамъ; необходимо содѣйствіе и другихъ округовъ имперіи. Между тѣмъ рейнскій округъ намѣренъ совершенно отказаться отъ участія въ ливонскихъ дѣлахъ. Если все ляжетъ на одинъ верхне-саксонскій округъ, то, вопервыхъ, не будетъ достигнута цѣль, а, вовторыхъ, къ нему враждебно отнесется польскій король, который теперь взялъ на себя войну съ Москвою. Имперіи надлежитъ поддерживать самыя дружескія отношенія къ Польшѣ: если между ними возникнутъ какія-либо недоразумѣнія, то московскій царь не преминетъ ими воспользоваться. Поэтому, какую бы помощь имперскіе округа ни рѣшили отправить въ Ливонію, денежную ли, или войсками, необходимо заручиться согласіемъ Польши.

Далѣе Августъ въ своей инструкціи говоритъ: коль скоро всѣ сословія согласятся доставить помощь для защиты Ливоніи и для отраженія страшнаго врага, то и онъ съ своей стороны сдѣлаетъ все, что въ его силахъ, и чего потребуетъ столь важное предпріятіе. До настоящаго времени ни одно сословіе еще ничего не дало для составленія ста тысячъ гульденовъ, суммы, которую рѣшено было собрать еще на аугсбургскомъ рейхстагѣ; о двухстахъ тысячахъ гульденовъ шпейерскаго депутаціонстага курфюрстъ уже и не упоминаетъ. Одно сословіе выжидаетъ, когда другое сдѣлаетъ первый шагъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, по мнѣнію Августа, слѣдовало обратиться къ

[1]) *Г. Форстенъ*, Акты и письма, № 11, стр. 29.

императору, чтобы онъ самъ побудилъ остальные округа имперiи сдѣлать необходимые взносы для составленiя нужной суммы; затѣмъ уже прямо отъ имени ютербокскаго собранiя обратиться съ такою же просьбою къ нижне-саксонскому и вестфальскому округамъ.

Изъ сохранившихся протоколовъ ютербокскаго собранiя видно, что уполномоченные померанскихъ герцоговъ всего энергичнѣе ратовали за помощь лифляндцамъ [1]); они обстоятельнѣе и рельефнѣе другихъ выставили всю опасность для Германской имперiи отъ сосѣдства съ московскимъ царемъ. Лифляндiя, говорили они, это форпостъ имперiи на востокѣ, и ее во что бы то ни стало надо сохранить за имперiей. Время дѣятельнаго участiя въ борьбѣ за Ливонiю еще не ушло, но и 300.000 гульденовъ—сумма слишкомъ незначительная для борьбы съ такимъ врагомъ, какъ московскiй царь.

Такого же мнѣнiя были и представители Шварцбурга: уже ради репутацiи имперiи нельзя ограничиться 300.000 гульденовъ, говорили они [2]).

Представители Бранденбурга и Саксонiи высказались за посольство въ Москву; по ихъ мнѣнiю, Ливонiи должны были оказать помощь иностранныя державы, подданные которыхъ ведутъ прибыльную торговлю съ Ливонiей и Москвой, а именно, Швецiя, Данiя, Шотландiя и Ганзейскiе города. Всѣ сошлись на томъ, что Любеку слѣдуетъ

---

[1]) Барнимъ померанскiй Августу, 4-го мая 1561 г... „Das der Muscowitter wiederumb mit grosser macht auff Lifflandt ziehenn, und sich offentlich vornhemenn lassenn solle, das er endtlich gemeint sey, mit angefangenem Kriege wieder Lifland vortzufahrenn und seine gantze macht dahin zuwendenn und sie mit fewer und schwerdt zudringenn, nicht allein dass sie ihme zinssbar wurden, sondern sich gentzlich under seinenn gewaldt und gehorsam, wie andere seine vnderthanen ergebenn. ... „Въ этомъ же письмѣ: und daneben was noth und gefahr dem heiligenn Romischen Reich sonderlich denn negst angelegenen Landen und Fürsten-thumben, darauss entstehenn kontte, zugeschrieben — — und was unwiederbringlichen vortheill der Muscowitter an Liffland, da er desselben mechtig, wieder das heil. Reich und die angesessenen Reichsglidt massen zu ewigwehrenden Zeitten haben und erlangenn, was auch zuletzt, wann itzt Liffland und dan ein standt nach dem andernn, trost und hülfflos gelassen, und ein jeder nur sein selbst acht hette, sich der anderen seiner mitglieder noth und gefahr, nichts annheme, erfolgenn würdt ..... das sonderlich *wir als die negstenn* auch unsernn undergangk, wie jtzt Lifflands, und alle gefahr, die dem heiligen Reich vorstehet und wie auff berürt. versamlungs thägenn, so trewlich gewarnet fast vor Augen sehen.... Іоаннъ Грозный названъ „ein wiederwerttiger vnd vorhin vhast vnbekandter vnd vngeachteter Barbarischer Feind". Въ другомъ мѣстѣ: „der gewaltige Feind christliches nahmens".

[2]) Дрезд. архивъ:... „damit nicht schimpflich dem reich zustehe were fernere hilf notwendig".

запретить въ военное время сноситься съ московитами [1]. Нарва, которою владѣютъ русскіе, это глазъ Ливоніи [2], писалъ Кетлеръ императору, и ее необходимо отвоевать у русскихъ. Безъ Нарвы русскіе не страшны, въ Нарвѣ они лишатся главной своей опоры [3].

Рѣшеніе ютербокскаго собранія [4] было формулировано въ слѣдующихъ словахъ: въ виду того, что успѣхи московскаго царя въ Ливоніи представляютъ большую опасность для всей Германской имперіи, и что, усилившись на берегахъ Балтійскаго моря, московскій царь будетъ страшенъ и для всѣхъ прибалтійскихъ князей,—свободное плаваніе и торговля на Балтійскомъ морѣ будутъ остановлены, —въ виду всего этого собравшіеся въ Ютербокѣ представители верхне-саксонскаго округа согласились внести свою часть въ сумму 300.000 гульденовъ для помощи ливонцамъ, но съ условіемъ, чтобы и остальные округа сдѣлали то же [5]. Желательно затѣмъ, чтобы императоръ снарядилъ посольство къ московскому царю и сдѣлалъ попытку склонить его къ миру; это является вполнѣ возможнымъ въ виду слуховъ о сильномъ пораженіи, нанесенномъ русскимъ татарами. Наконецъ, по мнѣнію ютербокскаго собранія, императору слѣдуетъ поднять въ защиту Ливоніи Польшу и Швецію.

26-го іюня ютербокскіе депутаты писали къ Фердинанду I [6], что, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы для предотвращенія новаго нашествія

---

[1]) ... das Lübeck die gantze schiffart jn Lifflandt zu den Moscowiter verbotten.

[2]) Narva—das einzige Auge zu Liefflandt.

[3]) Konnte mann dem Veindt mitt vortheil jnn seine heuptstedte Newgartten vnd Plesskow biss mittenn uff denn Marckt zu schiffe lauffenn, alle Prouiande, beute vnnd raub ab vnnd anbringen vnnd würden auch die andernn Stedte jnn Lieflandt vnuorderbenn pleibenn, die sonst gahr zu stein hauffenn musten werdenn.

[4]) Abschiedt des Güterb. Kreÿstages. Оригиналъ—въ Kreistagsabschiede. Въ Дрезденскомъ архивѣ я пользовался черновымъ „Concept“.

[5]) Ibid. Schreiben an den nidersechsischen Kreiss. Mutatis mutandis an den niederlendischen Westphalischen Kreiss. 26-го іюня.

[6]) So bitten jm nhamen und vom wegen vnserer gnedigsten und gnedigen herren wir allervnderthenigst E. R. Kays. M. wollen solchs alles allergnedigst beherzigen und bewegen, und disfals zu abwendung solchs ubels auch zu beschutzunge und handhabunge des heil. R. Reichs glider dienen und gereichen muge, allergnedigst und vaterlich bedencken, anstellen und fürschätzen. — — Есть надежда „das die K. Würde zu Polen sich villeicht jn feindliche handlunge und kriegsübunge wider denselbigen (московскій царь) einlassen möchtte“.—So wissen Euer Rom. K. M. wir daneben auch vnderthenigst nicht zuuerhalten, das etzlichen stenden dises kreisses souil kundschafft mitbracht, das der zwischen dem Muscowiter und Schweden aufgerichter vertragk so ganz feste nicht stehe und es ditz ansehen haben möchte, als konte Schweden wider dem Muscowiter auch leichtlich sich einzulassen bewegen werden.

московитовъ еще до Михайлова дня отправить денежную помощь въ Брауншвейгъ. Затѣмъ они снова повторяютъ свое желаніе, чтобы императоръ снарядилъ посольство въ Москву. Они думаютъ, что договоръ, недавно заключенный между Швеціей и Москвою, вовсе не такъ проченъ, чтобы нельзя было сдѣлать попытку склонить шведскаго короля къ антимосковской лигѣ.

Фердинандъ не замедлилъ отвѣтить ютербокскимъ депутатамъ; онъ тотчасъ исполнилъ ихъ просьбу и обратился уже къ остальнымъ округамъ имперіи (genediglich und ernstlich). Относительно посольства въ Москву императоръ былъ того мнѣнія, что оно едва ли принесетъ какіе-либо результаты. Слухи о пораженіи, нанесенномъ татарами царскимъ войскамъ, не оправдываются: напротивъ, татары были разбиты, и русскіе захватили многихъ въ плѣнъ. Ограничиться однимъ посольствомъ и не послать ливонцамъ никакой помощи— это срамъ для всей имперіи [1]). Какъ скоро московскій царь замѣтитъ, что имперія ограничивается лишь одними посольствами, онъ съ большею еще энергіей будетъ продолжать завоеваніе ливонскихъ земель.

Фердинандъ понималъ всю важность сохраненія за собою Ливоніи, но былъ лишенъ всякой возможности держаться активной политики. Все, что онъ сдѣлалъ,—это запрещеніе нарвскаго плаванія и торговыхъ сношеній съ Москвою, что опять таки всего тяжелѣе отразилось на положеніи имперскихъ городовъ, жившихъ исключительно одною русскою торговлей. 26-го ноября 1561 года вышелъ извѣстный указъ его, запрещавшій нарвское плаваніе. Въ немъ императоръ обращается ко всѣмъ курфюрстамъ, князьямъ духовнымъ и свѣтскимъ, графамъ, вольнымъ господамъ, рыцарямъ, кнехтамъ, начальникамъ, ландфохтамъ, вицъ-домамъ, фохтамъ, попечителямъ, опекунамъ, служилымъ людямъ, сельскимъ старостамъ, бургомистрамъ, судьямъ, ратманнамъ, бюргерамъ и всѣмъ вообще подданнымъ Священной имперіи и объявляетъ имъ свою милость. „И наши предшественники, и мы сами неоднократно обращались ко всѣмъ своимъ подданнымъ и запрещали имъ подъ страхомъ строгаго наказанія вывозить изъ имперіи оружіе, латы, мотыки, панцыри, порохъ, олово, сѣру и иные военные снаряды. Съ тѣхъ поръ какъ московскій царь началъ воевать Ливонію, мы запретили своимъ подданнымъ имѣть съ нимъ какія бы то ни было торговыя сношенія, доставлять ему провіантъ или оружіе. Не смотря однако на это, до насъ доходятъ свѣдѣнія, что сношенія съ русскими все-таки поддерживаются, и имъ доставляютъ, кромѣ оружія и пороха,

---

[1]) Zum schimpf und verkleinerung.

въ большомъ количествѣ соль, сельди и другіе съѣстные припасы. Под, держиваемый нѣмцами и другими иностранцами, московскій царь все усиливается и съ бóльшимъ успѣхомъ ведетъ свою опустошительную войну въ Ливоніи: послѣ Нарвы съ ея фарватеромъ въ его руки попали Дерптъ, Маріенбургъ и многіе другіе города и крѣпости. Разорена вся Ливонія, множество людей обоего пола уведено въ плѣнъ, захваченъ скотъ и имущество жителей; чего нельзя было увести— русскіе предали огню и мечу. Такимъ образомъ Ливонія лишена и народа, и денегъ, и провіанта; у царя же силы все растутъ и дошли уже до 130.000 человѣкъ. Опустошительные набѣги московитовъ достигли уже до самой Курляндіи; многіе знатные мужи Ливоніи погибли или томятся въ плѣну, напримѣръ, Вильгельмъ Фюрстенбергъ. Лучшія части провинціи, какъ Эстонія, Гаррія, Виррландъ, въ рукахъ великаго князя московскаго. Помогая русскимъ, вы помогаете врагамъ всей германской имперіи. Мы рѣшили не допустить униженія и умаленія имперіи и сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее для сохраненія мира и спокойствія. Подъ страхомъ уничтоженія всѣхъ регалій, леновъ, привилегій, льготъ и правъ мы запрещаемъ всѣмъ подданнымъ имперіи сноситься съ русскими и доставлять имъ оружіе и провіантъ. Это приказаніе наше должно быть тотчасъ обнародовано во всѣхъ княжествахъ, земляхъ, городахъ и мѣстечкахъ".

Въ заключеніе этого манифеста Фердинандъ выражаетъ надежду, что его воля будетъ исполнена [1]).

Еще до изданія этого знаменитаго указа императоръ обращался съ просьбами къ Фридриху II, Эрику XIV, Елизаветѣ, Маргаритѣ Нидерландской, Любеку и другимъ городамъ, убѣждая ихъ ради общей пользы отказаться временно отъ русской торговли.

Въ письмѣ къ Елизаветѣ Фердинандъ говоритъ, что англичане доставляютъ русскимъ оружіе, ядра, порохъ, сѣру, селитру, свинецъ, желѣзо, соль, сельди, шелкъ, полотно; къ тому же къ русскимъ приходятъ опытные и свѣдущіе въ военномъ дѣлѣ мастера [2]). Елизавета отвергала возможность этого, но, несмотря на то, слухъ о сношеніяхъ англичанъ съ Москвою, о доставкѣ ими въ Москву военныхъ снарядовъ, провіанта и т. д. упорно держался. Даже послѣ того, какъ появилось офиціальное опроверженіе этихъ слуховъ,—Елизавета называла авторовъ ихъ лжецами, людьми недоброжелательными,—даже послѣ

---

[1]) Дрезд. арх.—Ср. *Chytraeus*, 556. *Г. Форстенъ*, Акты и письма, № 7.

[2]) *State Papers*, Foreign Series, Lond. 1866, № 217 (1561).

этого подобные слухи продолжали держаться, и многіе твердо вѣрили въ московскія симпатіи лондонскаго двора.

Первое извѣстіе о поставкѣ англичанами оружія и военныхъ снарядовъ въ русскіе лагери пришло изъ Гамбурга. 16-го апрѣля 1561 года городской ратъ писалъ объ этомъ королевѣ, извѣщая ее, что по его распоряженію въ Эльбѣ задержано нѣсколько кораблей съ пушками и разнымъ оружіемъ, направлявшихся къ Нарвѣ [1]). Съ этимъ извѣстіемъ изъ Гамбурга совпадало и другое изъ Кельна, 30-го апрѣля, въ которомъ указано и на родъ оружія, доставленнаго, по слухамъ, изъ Англіи въ Москву: это большей частью небольшія ружья и пистолеты [2]). Англичане доставляютъ ихъ иногда прямо въ Москву, иногда же черезъ вторыя руки. Въ Антверпенѣ успѣхи московитовъ приписываютъ главнымъ образомъ помощи, доставляемой русскимъ англичанами [3]). По мнѣнію нѣкоторыхъ приближенныхъ Елизаветы, слѣдовало бы въ отдѣльности написать всѣмъ европейскимъ государямъ и опровергнуть этотъ ложный и пустой слухъ [4]). Любопытно, что вѣсти о доставкѣ англичанами русскимъ оружія и свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ людей распространялись исключительно Ганзейскими городами. Это объясняется враждебнымъ настроеніемъ обѣихъ сторонъ. Въ Англіи говорили даже о коалиціи, заключенной противъ нея Бургундіей, Испаніей и Ганзейскими городами. Хотя свѣдѣній о подобной коалиціи мы и не имѣемъ, но несомнѣнно, что Ганзейскіе города, сильно потерпѣвшіе въ политическомъ отношеніи, потеряли и свое исключительное торговое значеніе, съ тѣхъ поръ какъ Москва и скандинавскіе государи вошли въ непосредственныя сношенія съ Западной Европой. Англія стала систематически вытѣснять нѣмцевъ изъ Россіи, она же заняла къ концу столѣтія и привилегированное положеніе въ Пруссіи и Польшѣ. Въ это время усиливается и значеніе на Балтійскомъ морѣ голландцевъ, и вотъ Любекъ, Гамбургъ и другіе города старались выставить англичанъ главными виновниками успѣховъ русскихъ; „если Ливонія отпадетъ отъ имперіи, то вина ляжетъ на однихъ англичанъ, они научили русскихъ военному и морскому дѣлу, они поддерживали ихъ оружіемъ и провіантомъ“. О безкорыстіи Любека и другихъ городовъ не можетъ быть,

[1]) Ibid. № 112.

[2]) Ibid. № 156.

[3]) Ibid. № 299. Письмо W. Herle къ лорду Cecil, 11-го іюля 1561 г.

[4]) Елизавета Гамбургу, № 184; № 294, слухъ названъ „false, vain and malicious“.

сончно. и рѣчи: черезъ нѣсколько лѣтъ ноябрьское запрещеніе было кассировано, и тогда никто болѣе ганзейцевъ не доставлялъ русскимъ оружія, провіанта и т. д.

Фердинандъ въ письмѣ къ Любеку именно и указываетъ на это своекорыстіе любчанъ: они хотятъ одни извлечь пользу изъ русской торговли, и мало того, что доставляютъ русскимъ оружіе и провіантъ, но и сами вступаютъ въ русскую службу и посылаютъ къ русскимъ опытныхъ воиновъ и моряковъ [1]).

Маргариту пармскую Фердинандъ просилъ о томъ же; чрезъ нее онъ обращался и къ Филиппу испанскому, убѣждая не поддерживать болѣе сношеній съ Москвою, такъ какъ этимъ они лишь готовили себѣ страшнаго соперника на Балтійскомъ морѣ [2]). Сходно съ этимъ было и содержаніе писемъ императора къ королямъ датскому и шведскому. Императоръ обращалъ вниманіе ихъ на то, что рано или поздно всѣмъ сосѣднимъ съ Ливоніей государствамъ придется самимъ считаться съ московскимъ царемъ, если въ виду собственной безопасности они во-время не прекратятъ сношеній съ Россіей [3]).

Новый съѣздъ для обсужденія ливонскихъ дѣлъ былъ созванъ въ Лейпцигѣ въ сентябрѣ 1561 года [4]). Къ собравшимся въ Лейпцигѣ депутатамъ отъ нѣмецкихъ князей пришло обстоятельное письмо отъ любекскаго рата, въ которомъ онъ оправдывается отъ обвиненія въ поддержкѣ московитовъ, враговъ всего христіанства. Ратъ указывалъ собравшимся князьямъ и ихъ представителямъ, что сношенія Любека съ русскими вовсе не такъ обширны, какъ сношенія съ ними англичанъ, поляковъ, шведовъ, датчанъ, голландцевъ, фрисландцевъ и батавовъ. Всѣ они изъ Риги по Западной Двинѣ и чрезъ Литву доходятъ до внутреннихъ областей Россіи и доставляютъ русскимъ рѣшительно все нужное въ военное время. Если Любекъ и другіе Ганзейскіе города временно даже и согласятся пріостановить свои торговыя сношенія съ русскими, откажутся отъ нарвскаго плаванія, то

---

[1]) Дрезд. архивъ; письмо отмѣчено 23-го ноября. Въ немъ перечислены слѣдующіе предметы: waffen, wehr, kriegsmunition, Prowiandt, geschütz, krauf, loth, salpetter, schwevl. Въ письмѣ отъ 21-го мая упоминается о „allerlej geschickte, geübte und erfarene Leuthe“. Сравн. письмо Августа Фердинанду отъ 16-го августа 1561 г.: das doch solches (сношеніе съ русскими) nicht abgestellt noch verbleibt, sondern durch erwente schieffart' und zufuhr, so zuforderst aus den sehestetten fürgenohmen und beschickt, allerlei Proviant auch Waffen und Kriegsrüstung“.

[2]) Дрезд. архивъ. Письмо къ Маргаритѣ 24-го іюля.

[3]) Дрезд. архивъ. Письмо къ Любеку отмѣчено 21-го мая, къ скандинавскимъ королямъ 24-го мая.

[4]) Дрезд. архивъ. *Bienemann*, V, 94.

дѣла нисколько не измѣнятся: всю торговлю захватятъ иностранцы, нѣмецкіе же города обѣднѣютъ, такъ какъ исключительно держатся русскою торговлей: она ихъ главный жизненный доходъ. Ратъ далѣе указываетъ на то, что, не смотря на неоднократно доставляемую помощь ливонцамъ, магистръ безъ всякаго предупрежденія захватываетъ и арестовываетъ любекскіе корабли [1]).

Князья сочувствовали Любеку, и мы увидимъ, какъ они на слѣдующихъ съѣздахъ настаивали, чтобы императоръ уничтожилъ ноябрьскій указъ. Лейпцигское собраніе еще болѣе, чѣмъ всѣ предыдущія, обнаружило, какъ мало князья интересовались судьбою Ливоніи. Всякое рѣшеніе они откладывали, и дѣло о помощи ливонцамъ не двигалось впередъ, хотя императоръ и предлагалъ различныя мѣры для скорѣйшей доставки имъ денегъ [2]). Теперь они рѣшили, что, собравши нужныя для

---

[1]) Дрезд. архивъ. Freitags nach Natiuitatis Mariae. ...„So haben wir doch vor nothwendich erachtet, solche unsere offenbare vnschuldt und gegründten gegenbericht vor Euer Churf. und Fürstl. Gnädigheit himit gleichsfals schriftlich einzuwenden und zuberichten. Vnd ist nicht ohne das der herr Meister zu Lifflandt sampt etzlichen benachbarten Fürsten, anno 1559 als die Erb. anzestedte in unser stadt versamblet gewesen, durch I. F. G. gesandten bei den Erbarnen Stedten und uns suchen und begeren lassen, das wir die gewonliche schiffart und handlung vff die Reussen bei den vnsern afschaffen mochten, Daruff haben die Erb. Stedte und wir, ein gesampte antwort gegeben, ungeuherlich zu dieser meinung. Dieweil wir befunden, das nicht allein gemeiner Anzestedte kauffleutte, und die Lifflendische Stedte selbst, und andere frembde Nationes (als Engelandt, Polen, Schweden, Dennische, Holender, Frieser, Battawer) dieselbige schiffart beharlich gebrauchten, Und die von Rige uff dem Wasserstrom die Donaw hinauff, und von Revel durch Schweden, von Dantzigk und Konigsbergk durch Littauwen den Russen unuerhindert und aus (?) mittel stettig zugefurt wurde, und wann gleich die anzestedte solche schiffart vor sich selbst bey ihren Kauffleuthen abschaffen, wurde doch dem Landt Lifflandt damit gar nichts geholffen, noch gedint seint, und gleichwol von obgemeltenn Nationen und deren orten gelegenheit diese farth vf die Russen, unauffhörlich gebraucht werden und dardurch den ganzen handell an sich ziehen, und die Anzestedte (so zum theil uff Kauffmanschafft fundirt) der nahrung gentzlich entsetzt werden... Aber der unangesehen hat der Herr Meister vns und andern stetten, unter gutem frid- und freundschafft unverwarneter sachen, etzliche mit kauffmanschafft beladene schiffe gewaltigklich uberfallen und genommen, das wir uns bei der Kais. M. beclagt“. О себѣ любчане говорили, что они „ohne ruhm zureden haben mehr dann andere hülff und trost den Liffländern geleistet, geschütz, pulver, lodt zugeschickt, gelt contribuirt und geliehen“.

[2]) Дрезд. архивъ: das ain jeder Stanndt daran zwen Monat seiner hilff zu Ross vnnd Fuess nach des Reichs anschlagen souill solche Monat auf die Solde gerechnet, an gellt ertragen mögen. — — von solchem gellt ain antzall kriegsvolckhs angenomen, in Liefflanndt gefüert, die vberigen noch vom Vheind vneingenommene beuestigung vnd Päss damit besetzt vnnd verwaret werden Sollen.

ливонцевъ деньги, слѣдуетъ собрать самыя точныя свѣдѣнія о ходѣ самой войны, навести справки, гдѣ помощь всего нужнѣе, какія мѣста еще не заняты русскими и въ какого рода помощи эти именно мѣста нуждаются, въ денежной ли или военной. Когда свѣдѣнія объ этомъ будутъ на лицо, слѣдуетъ снова собраться уже для окончательнаго рѣшенія. Императоръ, по мнѣнію лейпцигскихъ депутатовъ, долженъ обратиться къ магистру или архіепископу рижскому, съ просьбою прислать къ нему свѣдущаго человѣка съ самыми точными данными о ходѣ ливонско-московской войны. Важно, затѣмъ, узнать, какія намѣренія у шведскаго и польскаго королей, какъ они отнесутся къ вмѣшательству имперіи въ войну; можетъ быть, они, владѣя каждый значительною территоріей въ Ливоніи, не пожелаютъ этого вмѣшательства, и послѣднее вызоветъ лишь враждебныя отношенія къ нимъ, и имперскимъ войскамъ придется съ стыдомъ и срамомъ [1]) удалиться изъ предѣловъ Ливоніи. Наконецъ, когда деньги будутъ собраны, слѣдуетъ назначить кого-нибудь для наблюденія за наборомъ войска, для уплаты жалованья, отправки денегъ и т. п. Необходимо также предварительно рѣшить, когда удобнѣе совершить походъ въ Ливонію, зимою или лѣтомъ; важно также, чтобы на случай недостатка оружія или провіанта, особо назначенный „Musterherr“ могъ указать или навести справки, гдѣ можно закупить то и другое.

Князья разсуждали такъ, какъ разсуждаютъ тѣ, у кого въ рукахъ лотерейный билетъ; еще не выигравши ничего, такой человѣкъ любитъ уходить въ область фантазій, строить воздушные замки; нѣмецкіе князья разсуждали такъ-же о походѣ въ Ливонію, выбирали уже операціонные пункты, закупали оружіе и запасы, тогда какъ на дѣлѣ не собрано было еще и пфеннига; ливонскія дѣла совершенно стушовывались предъ внутренними неурядицами въ самой имперіи; тамъ протестанты разныхъ оттѣнковъ проводили свои религіозныя воззрѣнія, тамъ крупные территоріальные князья старались оградить себя отъ императора и его космополитическихъ затѣй, тамъ на карту ставилась политическая самостоятельность новыхъ династій, напримѣръ, Альбертинской, тамъ готовился coup d'état со стороны дворянъ и Ritter'овъ. Обстоятельность, предупредительность и точность, съ какою князья, повидимому, относились къ Ливоніи, свидѣтельствовали только объ отсутствіи истиннаго интереса, объ отсутствіи энергіи и сочувствія къ судьбамъ старѣйшей нѣмецкой колоніи.

---

[1]) Mit grösserem schimpf und schadenn des heiligen Reichs.

Каковы были отношенія къ ливонскому ордену и ливонскимъ городамъ ганзейскихъ, вендскихъ городовъ?

Во второй половинѣ XVI столѣтія ганзейскій союзъ состоялъ еще изъ 63 городовъ. Во главѣ ихъ продолжалъ стоять Любекъ, хотя онъ уже не пользовался такимъ значительнымъ вліяніемъ, какъ въ XV столѣтіи. Всѣ дѣла, касавшіяся городовъ, разсматривались на съѣздахъ; вендскіе города собирались обыкновенно въ Вознесенье, другіе же города около Троицы, за недѣлю до или послѣ нея. Конвенты вендскихъ городовъ собирались разъ въ годъ, общіе же ганзетаги сзывались разъ въ три года. Предсѣдательствовалъ на послѣднихъ Любекъ въ лицѣ 4 бургомистровъ, двухъ синдиковъ и 4 ратсгерровъ и секретарей. Города присылали на такіе общіе съѣзды отъ 2 до 4 депутатовъ. Любеку все еще принадлежало право созыва ихъ. Съ половины XVI столѣтія возникаетъ болѣе тѣсная связь ганзейскихъ городовъ съ имперскими.

Сила Ганзы заключалась и теперь, какъ раньше, въ ея восточной торговлѣ. Польша доставляла ей хлѣбъ, Россія—мѣха и различные сырые продукты, какъ воскъ, сало и др. Пока въ рукахъ ганзейскихъ городовъ находилась восточная торговля, они были матеріально обезпечены. Посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ ганзейскихъ городовъ съ Польшей были прусскіе города и въ особенности Данцигъ. Сюда по Вислѣ свозили изъ Польши хлѣбъ, который уже въ Данцигѣ нагружался на ганзейскіе корабли и отправлялся въ Европу.

Польша не имѣла гаваней и поэтому ей всего удобнѣе было свозить свои продукты въ Данцигъ. Прусскіе города закупали у ганзейскихъ городовъ товары, имѣвшіе сбытъ въ Польшѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ на востокъ стали проникать голландцы и англичане, все стараніе Данцига сводилось къ разъединенію ихъ интересовъ. Мы увидимъ, какъ энергично Данцигъ въ концѣ XVI столѣтія возсталъ противъ привилегій, дарованныхъ польскими королями англичанамъ въ Эльбингѣ [1]).

Торговля ганзейцевъ съ Россіей сосредоточивалась въ Новгородѣ (воскъ и мѣха), Ригѣ (ленъ и конопля) и Ревелѣ (поташъ и кожи). Дерптъ служилъ важнѣйшей гарантіей для безопаснаго транспорта товаровъ между Новгородомъ и Ригой, какъ Нарва въ сношеніяхъ Новгорода съ Ревелемъ [2]).

Еще въ XV столѣтіи ливонскіе и ганзейскіе города ревностно

---

[1]) *Burmeister*, 116.
[2]) Ibidem, 118.

слѣдили за тѣмъ, чтобы русскіе не предпринимали плаванія на западъ, чтобы они безъ ихъ тяжелаго посредничества не вступали въ торговыя сношенія съ западными европейскими торговцами. Нѣсколько слабыхъ попытокъ русскихъ скинуть съ себя эти стѣсненія и выйдти изъ вѣчно ученическаго состоянія — не увѣнчались успѣхомъ: въ 1422 году одинъ русскій корабль былъ схваченъ и отправленъ въ Висмаръ, въ 1517 году одинъ русскій торговецъ, отважившійся отправиться на западъ, былъ убитъ. Первый рѣшительный и смѣлый ударъ, нанесенный восточной торговлѣ ганзейцевъ, было закрытіе ганзейской конторы въ Новгородѣ; второй ударъ — это появленіе англичанъ, а за ними и другихъ европейцевъ въ Бѣломъ морѣ [1]).

Первый фактъ обыкновенно ставятъ въ зависимость отъ нарвскаго союза, заключеннаго московскимъ и датскимъ правительствами противъ Швеціи и Ганзы [2]); но мѣра, принятая Іоанномъ III противъ нѣмецкихъ купцовъ, естественно вытекала изъ всей политики самодержавнаго государя и личнаго характера его; вездѣ онъ сокрушалъ встрѣчавшееся на пути сопротивленіе. Всего менѣе могъ онъ потерпѣть продолжительную зависимость отъ купцовъ, эксплоатировавшихъ всю русскую торговлю, сдерживавшихъ всякую личную иниціативу и слишкомъ уже заботливо опекавшихъ каждый шагъ русскихъ торговцевъ. Закрытіе ганзейской конторы въ Новгородѣ—поворотный пунктъ въ русско-ганзейскихъ сношеніяхъ. Съ этихъ поръ начинается періодъ процвѣтанія Риги, Ревеля и Дерпта, давно уже тяготившихся своею зависимостью отъ нѣмецкой метрополіи,—при посредничествѣ которой они только и могли торговать съ западомъ, которая стѣсняла ихъ въ Зундѣ и связывала своимъ любекскимъ стапельнымъ статутомъ,—давно уже съ завистью смотрѣвшихъ на выгоды, какія ганзейцы извлекали изъ торговли съ русскими у нихъ же на глазахъ. Вся политика ганзейскихъ городовъ, а Любека въ особенности, характеризуется съ этихъ поръ стремленіемъ возстановить свои торговыя права въ Московскомъ государствѣ. „Русская торговля“ — вотъ тема ганзетаговъ, многочисленныхъ посольствъ къ иностраннымъ государямъ и императору, вотъ причина, между прочимъ, и враждебныхъ столкновеній съ ливонскими городами и Швеціей. Ганзейцы готовы были все поставить на карту, только бы вернуть себѣ торговлю въ Россіи; она была ихъ жизненнымъ нервомъ, безъ нея вся Ганза должна была пасть.

---

[1]) *Schäfer*, Hanserecesse, тт. II и III, введеніе.

[2]) См. *Форстенъ*, „Борьба изъ за господства на Балтійскомъ морѣ“.

Съ самаго 1498 года акты говорятъ намъ о рядѣ съѣздовъ и посольствъ. съ цѣлью возстановить новгородскую контору. Къ Москвѣ обращались и сами ганзейцы, и германскій императоръ. При Василіѣ III ганзейцы получили право пріѣзжать въ Россію съ своими товарами, но о возстановленіи ихъ прежнихъ торговыхъ преимуществъ московское правительство не хотѣло и слышать. Съ 1521 года ганзейцы дѣлаютъ попытку завести съ московскими государями переговоры объ открытіи торговой конторы въ Нарвѣ, но противъ такого предложенія энергично возстали ливонскіе города, для которыхъ торговое возвышеніе Нарвы было равносильно подрыву ихъ собственной торговли. На съѣздѣ ганзейскихъ депутатовъ ревельцы указывали на то, что паденіе Нарвы вызвано ея же жителями: они стѣсняли неоднократно русскихъ купцовъ, нарушали ихъ привилегіи и т. д. Магистръ не можетъ указывать царю, гдѣ его подданные могутъ торговать и гдѣ нѣтъ. Долго спорили депутаты городовъ на этомъ съѣздѣ, но все-таки не пришли ни къ какому соглашенію. Противъ Нарвы, какъ стапельнаго торговаго пункта, говорилъ, вопервыхъ, тотъ фактъ, что Нарва не была ганзейскимъ городомъ, затѣмъ—географическое положеніе Нарвы противъ Ивангорода не обѣщало долгой прочности торговой конторѣ въ Нарвѣ; изъ Ивангорода всегда можно было ожидать вторженія русскихъ; наконецъ, открытіе нарвскаго плаванія затруднило бы возстановленіе привилегій, какими города пользовались въ Новгородѣ. Въ виду того, что сепаратный миръ ливонцевъ съ Москвою прекращался въ 1521 году, рѣшили снарядить въ Москву общеганзейское посольство.

Возстановленія мира надѣялись всего успѣшнѣе достигнуть обращеніемъ къ Москвѣ отъ имени всей Ганзы. Депутаты Дерпта и Ревеля соглашались на вышеуказанное предложеніе, ревельцы желали только предварительно согласиться относительно цѣлей и задачи общеганзейскаго посольства. Они указывали на необходимость имѣть въ виду враждебныя отношенія къ Москвѣ Польши, привлечь къ посольству Данцигъ и Торнъ; тѣ же ревельскіе депутаты высказали между прочимъ сомнѣніе объ успѣшности затѣваемой посольской миссіи. Московскій царь—государь высокомѣрный, говорили они: онъ приметъ мирныя предложенія, но тутъ же и объявитъ Ливоніи войну. Лучше выждать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что депутаты ливонскихъ городовъ намѣренно затрудняли осуществленіе общеганзейскаго посольства; они всѣми силами старались удержать ганзейцевъ отъ русской торговли, которую желали сдѣлать своею монополіей; имъ важно было крѣпкою

стѣною закрыть Россію отъ запада, а ганзейцы вносили, какъ они знали, въ Москву элементы западной цивилизаціи, знакомили „талантливыхъ“ и „быстро все усвоивавшихъ“ московитовъ съ нѣкоторыми техническими усовершенствованіями въ военномъ дѣлѣ, доставляли имъ многіе нужные снаряды для войны. Ливонское посредничество въ сношеніяхъ Россіи съ западными торговцами было гораздо чувствительнѣе, чѣмъ любекское въ XIV и XV столѣтіяхъ; это вытекало изъ враждебныхъ политическихъ отношеній другъ къ другу двухъ государствъ — ордена и Москвы. Всякій успѣхъ московскаго правительства въ политическомъ отношеніи вызывалъ новыя торговыя стѣсненія. Ливонская преграда, на которую русскіе постоянно наталкивались, становилась невыносимой; и ганзейцы и московиты старались обойдти ее. Соперничество Ливоніи и Ганзы было однимъ изъ важнѣйшихъ тормазовъ на пути сближенія Россіи съ Западной Европой.

Въ исторіи ливонско-ганзейскихъ отношеній очень любопытенъ съѣздъ городовъ въ 1525 году. Здѣсь также шли горячія пренія по торговымъ вопросамъ съ Россіей. Архіепископъ рижскій жаловался на самоволіе и своекорыстіе Риги и Дерпта; представители Риги указывали на то, какъ католическое духовенство вноситъ раздоры между ратомъ и гражданами городовъ, чтобы извлечь себѣ изъ этого выгоды; къ рижанамъ пристали и ревельцы и дерптцы. Всему этому спору придали характеръ частнаго, провинціальнаго дѣла—и посредничество ганзеатовъ отклонили. Представители Любека подняли на съѣздѣ общій вопросъ; они потребовали себѣ вознагражденія за причиненные Любеку убытки при разрушеніи новгородской конторы и вызывали Ревель и Дерптъ къ отвѣту передъ остальными городами за то, что, не уполномоченные всей Ганзой, они заключили отдѣльный миръ съ русскими. Любеку отвѣчали, что ливонскіе города не обязаны отдавать ганзейскимъ городамъ, а Любеку въ частности, отчетовъ о своихъ сношеніяхъ съ Москвою, а что касается до вознагражденія за 1497 годъ, то пусть любчане обратятся за этимъ къ московскому правительству, пусть сдѣлаютъ эту попытку, но едва ли она увѣнчается успѣхомъ, еслибы даже Любекъ прибѣгнулъ къ посредничеству какого либо европейскаго государя. Любекъ указывалъ далѣе на то обстоятельство, что русскіе, прежде торговавшіе съ нѣмцами въ одномъ лишь Новгородѣ, теперь развозятъ свои товары по многимъ городамъ. Такой фактъ, по мнѣнію бременскихъ депутатовъ, слѣдовало бы предупредить какими нибудь общими, для всѣхъ

обязательными рѣшеніями. Любекъ заявилъ на это, что ливонске города хитрятъ, что они никогда для общей пользы не откажутся даже временно отъ торговыхъ сношеній съ русскими. Предложеніе Любека касалось того, чтобы временно во всѣхъ ганзейскихъ городахъ не принимали русскихъ товаровъ. Данцигъ настаивалъ на необходимости въ такомъ случаѣ убѣдить и польскіе города, Краковъ, Бреславль и др., доставляющіе русскіе товары въ Антверпенъ, принять общее рѣшеніе городовъ. Изъ ливонскихъ городовъ Рига одна только соглашалась съ Любекомъ. Рѣшеніе, принятое послѣ долгихъ преній на съѣздѣ 1525 года, заключалось въ слѣдующемъ: Рига, Дерптъ и Ревель должны добиться у Москвы заключенія новаго и выгоднаго для городовъ мира; для достиженія этой цѣли города обратятся за помощью къ Польшѣ и другимъ государствамъ; успѣху дѣла помогутъ дружескія и оживленныя сношенія Москвы съ Вѣною. Расходы по дипломатическимъ сношеніямъ съ Москвою и другими государствами должны быть раздѣлены между всѣми ганзейскими торговцами, домогающимися возстановленія новгородской конторы. Какъ значительны были эти расходы, видно изъ слѣдующихъ цифръ за 1540 — 1554 года на посольства было истрачено 24.920 марокъ, за 1554—1579 года—66.221 марокъ, за 1579—1604 годъ—190.859 марокъ. На однихъ вѣстниковъ и корреспонденцію было истрачено съ 1540 до 1604 годъ—8.688 марокъ [1]).

Вопросъ о возстановленіи новгородской конторы поднимался и на съѣздѣ 1540 года. Здѣсь высказано было нѣсколько мнѣній, указывающихъ, какое высокое значеніе Новгородъ имѣлъ для ганзейцевъ. Его они называли „фундаментомъ всѣхъ остальныхъ конторъ"; новгородская контора была школою многихъ ремеслъ, напримѣръ, скорняцкаго, здѣсь выработывались и развивались коммерсіальныя способности молодыхъ начинающихъ ганзейцевъ.

Не смотря на возраженія, слышавшіяся со стороны Дерпта и Ревеля и касавшіяся ненадежности московскихъ обѣщаній, рѣшено было отправить въ Москву посольство и назначить новые таможенные сборы (Pfundzoll) для покрытія расходовъ по этому посольству. Рига не согласилась участвовать въ этомъ, находя совершенно невозможнымъ и несообразнымъ съ временемъ и обстоятельствами возстановлять новгородскую контору въ прежнемъ ея видѣ.

---

[1]) *Burmeister*, 11.

Отношенія ливонскихъ городовъ къ западнымъ, ганзейскимъ и вендскимъ, становились годъ отъ году все враждебнѣе. На ганзетагѣ 1542 года Любекъ указывалъ на рядъ стѣсненій, какимъ его торговцевъ подвергаютъ въ ливонскихъ городахъ: прежнія привилегіи о правѣ ганзейцевъ торговать съ иностранными купцами въ Ливоніи—шведами, голландцами и др.—нарушены; не разрѣшается болѣе и торговля съ бюргерами и крестьянами. Постановленіе, чтобы гость не торговалъ съ гостемъ, строго примѣнялось въ Ливоніи именно по отношенію къ Любеку [1]. Ганзейцы подлежали тѣмъ же платежамъ, какъ и иностранцы.

Все это заставило Любекъ, Гамбургъ, Ростокъ, Висмаръ и Люнебургъ предложить на съѣздѣ 1542 года: совершенно прекратить торговыя сношенія съ ливонскими городами. Одинъ Стральзундъ не присталъ къ этому предложенію.

Съѣздъ 1542 года пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ виду предложенія, сдѣланнаго на немъ, — принимать ли Нарву въ ганзейскій союзъ или нѣтъ. Ревельцы соглашались на это съ условіемъ, чтобы Нарва порвала свои сношенія съ Ивангородомъ. Любекъ болѣе другихъ хлопоталъ о включеніи въ союзъ Нарвы, онъ желалъ найдти какой нибудь торговый пунктъ, который бы согласился подчиниться торговому контролю Ганзы, силу и давленіе которой уже многіе испытали на себѣ.

Что касается до самой Нарвы, то она ставила условіями своего вступленія въ союзъ освобожденіе отъ обязанности нести военныя повинности и являться на общіе ганзетаги. Условія небывалыя въ Ганзѣ XV столѣтія [2].

Переговоры 1542 года положили начало нарвскому плаванію, которое впослѣдствіе пріобрѣло такую важность въ исторіи взаимныхъ отношеній скандинавскихъ государствъ и Польши къ Россіи. Вопросъ о посольствѣ ганзейскихъ городовъ въ Москву такъ и остался вопросомъ; осуществленію его мѣшало соперничество ливонскихъ городовъ и Риги въ особенности [3]; между тѣмъ необходимость возста-

---

[1]) Постановленіе, чтобы гость не торговалъ съ гостемъ, практиковалось во всей Европѣ, но оно не примѣнялось никогда со всей строгостью по отношенію ганзейца къ ганзейцу.

[2]) *Wurm*, 398—400.

[3]) Рижане говорили, что ганзейцамъ никогда уже не вернуть прежнихъ привилегій, такъ какъ отношенія къ Россіи слишкомъ шатки и непрочны. Къ тому же

новленія ганзейской конторы все болѣе чувствовалась съ тѣхъ поръ, какъ обострялись отношенія Москвы и Ливоніи.

Тяжелая участь ожидала ливонскіе города. Москвѣ оставалось лишь покончить съ своею задачей на востокѣ, и она тотчасъ направляла свое вниманіе на западъ, на свои ливонскія отношенія.

Вопросъ о посольствѣ въ Москву снова возникъ въ 1553 году, но и на этотъ разъ рѣшительнымъ противникомъ его выступилъ магистратъ Риги. Въ слѣдующемъ году на ганзетагѣ поднимался вопросъ о возстановленіи новгородской конторы [1]). Ганзейцевъ стали притѣснять болѣе прежняго; любчане жаловались, что русская торговля постепенно переходитъ въ руки иностранцевъ, которыхъ ливонскіе города допускаютъ къ сношеніямъ съ русскими. Извѣстіе о появленіи англичанъ на Бѣломъ морѣ вызвало тревогу и въ Ливоніи. Одно время ганзейскіе и ливонскіе города дѣйствовали согласно противъ русскихъ, видя, что иностранцы научаютъ ихъ военному и другимъ искусствамъ; такъ было съ миссіей Шлитте, такъ было и съ англійской торговлей на Бѣломъ морѣ. Любекъ и другіе города были очень недовольны появленіемъ англичанъ на русскихъ рынкахъ; къ нимъ они давно уже относились съ недружелюбіемъ и помышляли о томъ, какъ бы вооружить царя противъ англичанъ [2]). Они посылали даже съ этою цѣлью посольство въ Москву, съ тѣмъ чтобы убѣдить царя—не разрѣшать англичанамъ учреждать свои факторіи въ Холмогорахъ и Архангельскѣ, но такія посольства, дорого стоившія Любеку, не приносили никакихъ результатовъ [3]). Съ этихъ поръ мысль о Нарвѣ болѣе прежняго занимаетъ ганзейцевъ, этимъ путемъ они надѣялись успѣшно конкуррировать съ англичанами. Все это было на руку русскимъ, теперь они съ двухъ сторонъ могли поддерживать сношенія съ Европой.

Въ началѣ войны ордена съ Москвою всѣ ганзейскіе города предлагали имъ свое посредничество для примиренія. 27-го іюля они обратились съ этимъ предложеніемъ къ князю Шуйскому, намѣстнику Дерпта, и указывали ему, что торговля ганзейцевъ съ Нарвою или

въ Россіи царствуетъ тираннъ и научиться нѣмцамъ у русскихъ рѣшительно не чему. Въ Россіи испортится всякій, даже тотъ, кто бы былъ нравственно чище Іосифа (Сравн. *Wurm*, *Burmeister* и *Winckler*, а также *Handelmann*).

[1]) *Gadebusch*, I, 434.

[2]) *H. Hildebrand*, Arbeiten, 81.

[3]) Сравн. *Mollerup*, 51.

Дерптомъ возбраняется статутами 72 ганзейскихъ городовъ. Кромѣ ссылки на статуты. города указывали Шуйскому на затруднительность торговыхъ сношеній въ военное время; купцы, пріѣзжающіе въ балтійскіе порты, должны изъ за войны возвращаться съ своими товарами обратно домой. Если царь, говорилось въ письмѣ ганзейцевъ, будетъ продолжать войну съ Ревелемъ, то не только московскіе купцы, но и сами ганзейцы совершенно обѣднѣютъ, ибо датскій король, которому Ревель передался 25-го іюля, такъ силенъ, что не пропуститъ чрезъ Зундъ ни одного корабля въ Россію или изъ Россіи. Коль скоро московскій царь согласился бы принять посредничество городовъ и примириться съ Ливоніей, торговля поднялась бы снова и сношенія ганзейцевъ съ Москвою оживились [1]). Шуйскій посредничество отвергнулъ; ссылка ганзейцевъ на статуты не заключала въ себѣ ничего убѣдительнаго; между городами царила полная разъединенность, въ нихъ отсутствовалъ всякій здравый политическій инстинктъ, и сами они, руководясь своими партикуляристическими интересами, уже давно не обращали вниманія на статуты; каждый изъ нихъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему было выгоднѣе, безъ стѣсненія обходя параграфы постановленій. Отвѣтъ Шуйскаго былъ совершенно неожиданнымъ для городовъ: товары ваши, сказалъ онъ, намъ не нужны, а датскій король намъ не страшенъ. Ревель никому не передастся, такъ какъ иначе онъ тотчасъ увидитъ у своихъ стѣнъ русскія войска [2]).

Дѣйствовать за одно съ ливонскими городами противъ русскихъ было бы слишкомъ неполитично, разсуждали вендскіе города, и поэтому они всѣми мѣрами поддерживаютъ сношенія съ русскими, надѣясь этимъ путемъ совершенно возстановить свои прежнія отношенія къ московскому правительству. На ганзетагѣ 1557 года они обратились къ ливонскимъ городамъ и просили разрѣшить имъ прежнюю торговлю съ русскими въ Ливоніи: за это они готовы относиться къ ливонцамъ, какъ къ братьямъ и друзьямъ; но ливонскіе города и теперь отказали. Теперь вражда была уже открытой; Любекъ не стѣснялся въ выраженіяхъ досады и неудовольствія, онъ обвинялъ одни города въ войнѣ съ Москвой; изъ своекорыстія, говорили любекскіе послы, ливонскіе города отказались отъ участія въ общеганзейскомъ посольствѣ въ Москву, тогда какъ, еслибы оно состо-

---

[1]) *Bienemann*, II, 138.

[2]) Ibid., 148. Ср. *Сарторія*.

ялось, можно было бы надѣяться на мирныя отношенія съ царемъ, *который бы никогда не началъ войны, разъ бы онъ достигъ свободнаго плаванія по морю для своихъ подданныхъ*. Царь зналъ о намѣреніи ганзейцевъ отправить къ нему посольство, ожидалъ его и сильно разгнѣвался, когда оно не осуществилось; среди причинъ войны, выставленныхъ имъ, онъ приводилъ и это обстоятельство. Ливонскіе города сами виноваты, если европейскіе народы стали отыскивать новые небывалые пути въ Россію.—Впослѣдствіи Любекъ заявлялъ, что обратился къ нарвской торговлѣ только тогда, когда всѣ другіе пути уже оказались недоступными.

Есть любопытнѣйшія данныя, что Грозный еще въ 1557 году добивался торговыхъ сношеній съ нѣмцами черезъ Ивангородъ; 4-го мая въ Нарву прибыло посольство отъ царя, заявлявшее, что царь готовъ даровать нарвцамъ свободную торговлю въ Ивангородѣ, откуда и русскіе будутъ свозить въ Нарву свои товары, онъ согласенъ построить съ этою цѣлью особый дворъ въ Ивангородѣ, куда каждый безъ стѣсненія можетъ пріѣзжать, закупать тамъ товары и вывозить ихъ оттуда. Нѣмцамъ Нарвы предложеніе царя показалось опаснымъ; они готовы были и въ этомъ естественномъ желаніи Іоанна видѣть хитрость и коварство—собрать въ Ивангородѣ по возможности большое количество оружія. Ратъ Нарвы не только не пошелъ на встрѣчу желанію царя, но постановилъ осенью того же года взимать подать со всѣхъ купцовъ, ѣздившихъ въ Новгородъ и Псковъ, чтобы на деньги, вырученныя этимъ путемъ, укрѣпить стѣны города, что будетъ важно и для другихъ ливонскихъ городовъ [1]).

Недовѣріе и вражда ганзейцевъ къ ливонцамъ достигли своего апогея въ 1558 и 1559 годахъ, когда ливонцы цѣлымъ рядомъ мѣръ препятствовали торговымъ сношеніямъ ихъ съ русскими и въ Выборгѣ, и въ другихъ пунктахъ [2]). Это враждебное настроеніе ганзейскихъ городовъ къ ливонскимъ обнаружилось всего рельефнѣе, когда послѣдніе обратились къ нимъ за помощью противъ Москвы.

Ливонскіе города въ первый же годъ войны ордена съ Москвою обратились за помощью къ ганзейскимъ городамъ, вполнѣ разсчитывая на то, что они соединятся съ ними для борьбы съ московскимъ

---

[1]) См. *Bienemann*, II, 226—229.

[2]) Данцигъ совершенно изверился въ обѣщанія ливонцевъ и объявилъ, что не будетъ болѣе придавать имъ вѣры, еслибы они даже вмѣсто пергамента употребляли свою собственную кожу, вмѣсто чернилъ кровь, вмѣсто печати свое сердце *Fahne*, 160.

царемъ. Ганзейскіе города, какъ мы указали, потеряли уже свое значеніе какъ торгово-политическій союзъ; каждый изъ нихъ преслѣдовалъ исключительно свои меркантильные интересы; общихъ стремленій не было, ихъ не связывало болѣе единство политическихъ воззрѣній, не объединяла болѣе мысль рѣшительно стать за свои интересы и явить сопротивленіе сѣвернымъ государямъ, какъ напримѣръ, въ XIV столѣтіи. Теперь города заискиваютъ предъ государями, а не наоборотъ; они, чувствуя свое безсиліе, ведутъ интриги, подкапываются одинъ подъ другой, завидуютъ другъ другу и исключительно только имѣютъ въ виду свои личные, узко-купеческіе интересы. Отношенія этихъ городовъ къ Ливоніи были своекорыстныя, холодныя и сочувственныя лишь поневолѣ [1]). Бургомистры Бремена, Любека, Гамбурга, Ростока и Стральзунда не жалѣли словъ и фразъ, полныхъ соболѣзнованія и сочувствія, какъ не жалѣли ихъ и скандинавскіе короли и Сигизмундъ польскій; они глубоко скорбѣли по поводу бѣдствій, постигшихъ орденъ, яркими красками расписывали эти бѣдствія въ донесеніяхъ сосѣднимъ государямъ и на своихъ „тагахъ"—и только: для спасенія же Ливоніи они ничего не дѣлали. Если же случалось, что города доставляли ливонцамъ иногда какую-нибудь помощь, то они тотчасъ требовали росписки въ полученіи такого то количества пороха, съѣстныхъ припасовъ и т. д. Среди страшныхъ бѣдствій войны, обрушившейся на Ливонію, ганзейцы не перестаютъ интересоваться главнымъ образомъ торговыми вопросами, требуютъ у ордена разъясненій и отчетовъ по поводу задержки торговцевъ, запрещенія того или другаго плаванія (выборгскаго, нарвскаго) и пр. Очень характерно письмо, съ которымъ любекскій ратъ обратился къ Фюрстенбергу 9-го іюля 1558 года. На просьбу магистра помочь ему бургомистры Любека отвѣчаютъ выраженіемъ удивленія за позднее сообщеніе о вторженіи русскихъ въ предѣлы Ливоніи; положимъ, заявляютъ представители Любека, мы по слухамъ давно уже знали о вторженіи русскихъ и готовы были тогда же переговорить объ этомъ съ остальными городами, но мы не могли тогда ничего рѣшить или предпринять, такъ какъ ливонцы къ намъ не обращались и могли бы на насъ обидѣться. Теперь любекскіе бургомистры совѣтуютъ ордену рѣшительно вести борьбу съ русскими, такъ какъ орденъ вѣдь и основанъ главнымъ образомъ для обороны страны отъ

[1]) Много любопытныхъ данныхъ по вопросу объ отношеніяхъ ганзейцевъ къ ливонцамъ даетъ второй томъ *Бинемана*, ср. стр. 112, 123, 261, 267 и passim.

внѣшнихъ враговъ; не безполезно будетъ ордену обратиться и къ сосѣднимъ государствамъ; представители ихъ могли бы назначить съѣздъ для обсужденія ливонскихъ дѣлъ, куда бы и ганзейскіе города не отказались прислать своихъ депутатовъ. Въ заключеніе своего письма любекскій ратъ съ укоризною напоминаетъ Фюрстенбергу, какою черною неблагодарностью отплатилъ онъ Любеку за помощь, оказанную ему въ 1556 году.

Иронія и злорадство сквозятъ въ каждой строкѣ этого письма. Оно живо рисуетъ намъ настроеніе, господствовавшее въ ганзейскихъ городахъ по отношенію къ Ливоніи: вмѣсто помощи менторскія назиданія!

Прусскіе города отнеслись къ Ливоніи съ бóльшимъ сочувствіемъ. Данцигъ въ первый годъ войны обратился къ остальнымъ городамъ Пруссіи съ предложеніемъ оказать помощь Ливоніи [1]). Въ августѣ и сентябрѣ 1558 года изъ Данцига отправили въ Ревель и Ригу оружіе и порохъ [2]); Торнъ также обѣщалъ помочь ливонскимъ городамъ оружіемъ и порохомъ [3]), остальные города съѣстными припасами. Данцигскій ратъ, услышавъ о внутреннихъ смутахъ, возникшихъ въ Ригѣ между ратомъ, архіепископомъ и бюргерами, предлагалъ свое посредничество для водворенія въ городѣ порядка; въ настоящую опасную пору борьбы съ Москвою, писали бургомистры Данцига, малѣйшее разногласіе дѣйствуетъ, какъ самый разъѣдающій ядъ [4]); одинъ Брунсбергъ рѣшительно отказался отъ всякой контрибуціи въ пользу ливонцевъ. Денежной помощи и Данцигъ не могъ доставить имъ; въ концѣ 1560 года онъ отказался и отъ посылки въ ливонскіе города пороха и оружія и выставлялъ уже большою заслугой съ своей стороны, что магистратъ города допускалъ вывозъ изъ города съѣстныхъ припасовъ въ зимнее время, чего не разрѣшали ни въ одной гавани [5]).

Бургомистры Гамбурга и Кольберга также указывали Ригѣ, что не могутъ оказать ей никакой сколько нибудь дѣятельной помощи.

---

[1]) Данцигскій архивъ Liber Missivarum de anno 1558. Письмо Данцига къ прусскимъ городамъ отмѣчено 19-го іюля.

[2]) Ibid. Данцигъ Ревелю 10-го августа; Данцигъ Ригѣ—1-го сент.

[3]) *Bienemann*, II, 261.

[4]) Данц. арх. Liber Missivarum de Anno 1559. Данцигъ Ригѣ 15-го февраля: „Die geringste unainihkeit für die allerschedtlichste Gift halten“.

[5]) Данц. арх. Liber Missiv. 1560.

Люнебургъ [1]) и померанскіе города послѣдовали примѣру другихъ [2]). Когда ревельскіе и рижскіе послы прибыли въ Стральзундъ, то тамъ уже готовы были обѣщать имъ помощь, какъ вдругъ изъ Любека пришло извѣстіе о томъ, что на 2-е іюля назначенъ ганзетагъ, на которомъ долженъ быть рѣшенъ и вопросъ о мѣрахъ къ защитѣ Ливоніи отъ московитовъ; стральзундскій ратъ измѣнилъ свое намѣреніе и передалъ посламъ Риги и Ревеля, что рѣшительный отвѣтъ будетъ данъ имъ только по окончаніи ганзетага. Штеттинъ присоединился къ мнѣнію Стральзунда, что необходимо выждать результатовъ общеганзейскаго собранія [3]). Города Саксонскаго округа и западные ганзейскіе города не обнаружили большаго сочувствія; и они выставляли безденежье главною причиною своего отказа. Девентеръ. Кампенъ, Цволле и другіе обѣщали вознести усердныя молитвы къ Богу объ освобожденіи ливонцевъ отъ московскаго тиранна [4]).

Такимъ образомъ, ливонскимъ посламъ пришлось удовлетвориться лишь выраженіемъ соболѣзнованія, и то неискренняго, ганзейскихъ городовъ, да обѣщаніемъ доставки съѣстныхъ припасовъ.

Только въ 1559 году, послѣ блестящихъ успѣховъ русскихъ, ганзейскіе города пришли къ мысли о необходимости созвать ганзетагъ для обсужденія ливонскаго вопроса. Кельнъ болѣе другихъ городовъ настаивалъ на этомъ, и когда остальные города сначала безъ сочувствія встрѣтили это предложеніе, кельнскимъ ратманнамъ пришло на мысль перенести ливонскій вопросъ на обсужденіе рейхстага [5]).

Въ іюлѣ 1559 года ганзетагъ, дѣйствительно, былъ созванъ въ Любекѣ [6]). Депутатами отъ Ревеля на этомъ собраніи явились Іоаннъ Шмедеманъ и Лаврентій Шмидтъ. Ихъ встрѣтили очень недружелюбно, что являлось уже дурнымъ предзнаменованіемъ. Іюльскій съѣздъ ганзейцевъ былъ очень малочисленнымъ: представители явились отъ Бремена, Ростока, Стральзунда, Висмара, Магдебурга,

---

1) *Bienemann*, II, 220

2) Ibid. III, 13, 15, 20.

3) Въ концѣ апрѣля Штеттинъ разрѣшилъ вывозъ въ Ливонію хлѣба и *обѣщалъ* прислать порохъ. *Bienemann*, III, 40.

4) Ibid. III, 241—244.

5) *Bienemann*, II, 216.

6) О ганзетагѣ 1559 г. у *Беккера*, въ его исторіи Любека, вовсе не упоминается. *Willebrandt*, стр. 174 и 258, приводитъ этотъ фактъ, но безъ всякихъ подробностей (Ср. Бинеманна и Ширрена). Любек. арх. Miscellaneorum Russicorum Volumen I.

Брауншвейга, Данцига, Кенигсберга, Штеттина, Миндена, Люнебурга, Грейфсвальдена и Кольберга. Кромѣ ливонскаго вопроса на очереди стоялъ и вопросъ о *выборгскомъ плаваніи*.

Ливонскіе послы были выслушаны 24-го августа. Въ длинной рѣчи, съ которой они обратились къ собранію, они всего подробнѣе остановились на характеристикѣ варварскаго образа дѣйствій московитовъ, государь которыхъ желаетъ подчинить своей тиранніи всю Ливонію. Затѣмъ они, указавъ на бѣдственное положеніе Ливоніи и взывая къ городамъ о помощи, говорили: теперь настало самое удобное время для совмѣстнаго нападенія на русскихъ, такъ какъ 60.000 татаръ вторглись въ предѣлы ихъ государства; всѣ сосѣдніе князья и города должны бы были откликнуться на зовъ несчастныхъ ливонцевъ и подать имъ помощь. Борьба съ русскими, продолжали ливонскіе послы, вовсе не частное дѣло одного ордена, а является вопросомъ общегерманскимъ; съ судьбою Ливоніи связана судьба всѣхъ сѣверныхъ нѣмецкихъ городовъ и княжествъ. Всѣмъ ганзейскимъ городамъ, которые согласятся оказать помощь Ливоніи, будутъ дарованы широкія торговыя права и привилегіи. Всего важнѣе отказаться отъ временной прибыли, заключили свою рѣчь ревельскіе послы, пренебречь ею и имѣть въ виду лишь общее дѣло, общую пользу [1]). Пусть города откажутся отъ выборгскаго и нарвскаго плаванія и всѣ соединятся для борьбы съ московитомъ.

Любекъ сохранялъ еще на всѣхъ тагахъ первенствующую роль и къ его мнѣнію, обыкновенно, примыкали и другіе города. Его представители дали ливонскимъ посламъ такой отвѣтъ: борьба съ такимъ врагомъ, какъ московскій царь, слишкомъ велика и сопряжена съ такими затратами и расходами, которыя дѣлаютъ ее непосильною городамъ; пусть въ борьбѣ примутъ участіе государи, подданные которыхъ пользовались наибольшею выгодой въ Ливоніи; для борьбы съ московитами необходимо ввести новые для всѣхъ обязательные общіе налоги и подати. Невозможно кинуться въ такое предпріятіе, не разсмотрѣвши и не обсудивши предварительно всѣхъ сторонъ вопроса.

Мнѣніе Любека поддержали представители Кельна и померанскихъ городовъ. Ливонскій вопросъ, заявили они, всѣхъ ближе касается императора, Швеціи, Даніи и Польши; отъ этихъ государствъ Ливоніи слѣдуетъ ожидать наиболѣе дѣятельной помощи и участія. Го-

---

[1]) Schirren, III, 287.

рода представляютъ изъ себя слишкомъ незначительную силу для такого дѣла, какъ борьба съ Москвою.

Въ отвѣтъ на эти представленія Любека, Кельна и другихъ городовъ ливонскіе послы еще разъ указывали имъ, что теперь насталъ наиболѣе удобный моментъ для борьбы съ Москвою, который упустить было бы очень нежелательно; теперь московиту приходится свои силы дѣлить: только часть ихъ онъ выставитъ противъ Ливоніи, другая же часть необходима для отторженія татарскаго нашествія; въ виду этого и городамъ можно было бы ограничиться небольшимъ числомъ войска. Коль скоро упущено будетъ время, раздѣлываться придется со всею силою московскаго царя. Теперь съ незначительными силами и пожертвованіями можно достичь того, что впослѣдствіи потребуетъ гораздо большихъ затратъ. Если русскихъ не остановить въ ихъ движеніи, то они съ Ливоніей поступятъ такъ, какъ турки поступили съ Венгріей [1]).

Представленія ревельскихъ пословъ мало дѣйствовали на ганзейцевъ. Они оставались равнодушны къ судьбѣ ливонскихъ городовъ; собственные торговые интересы были рѣшающимъ моментомъ въ ихъ политикѣ. Когда вопросъ отъ субсидій перешелъ къ выборгскому плаванію, представители ганзейскихъ городовъ сразу проявили необычайную энергію: этотъ вопросъ былъ связанъ съ вопросомъ о русской торговлѣ, которую они называли своимъ главнымъ жизненнымъ нервомъ.

Выборгское плаваніе стало особенно оживленнымъ послѣ мира Москвы съ Швеціей въ 1557 году. Съ этихъ поръ русскіе стали пріѣзжать съ своими товарами въ Выборгъ и другіе города Финляндіи; здѣсь они ихъ продавали нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ, пріѣзжавшимъ сюда въ большомъ количествѣ. Для Швеціи большое стеченіе торговцевъ въ Выборгѣ было въ высшей степени выгоднымъ, и Густавъ Ваза сталъ обдумывать, какъ бы всю русскую торговлю сосредоточить въ своихъ рукахъ [2]),—намѣреніе, встрѣтившее въ Шве-

---

[1]) *Schirren*, IV, 5.

[2]) Svenska Riksdagsakter. 1521—1718. Utg. af. *E. Hildebrand* och. *O. Alin*. I. 1887; II. 1888, p 633; эта мысль занимала короля еще въ 1550 году. Riksdagsakter, 800. Betänkande, med påskrift på sista sidan: „En undervisning att göre the Refvelske en afbreck udhi theris handel“, af en enskild person til konungen, huru denne „med någon lemper“ kunde göra de Revelske afbräck i deras handel, gående därpå ut, att *en stad borde anläggas vid Sandhamn* i Finland, dit Holländarnes tillsökning borde ske, hvarjämte åtskilliga åtgärder förestår för att i Svenskarnes händer bringa handeln med Ryssarne och göra Viborg till en Stapelplats för densamma.

ціи большое сочувствіе, но вызвавшее сильное неудовольствіе въ городахъ Ливоніи. Ревель въ особенности возставалъ противъ „небывалаго“ выборгскаго плаванія и городской совѣтъ Ревеля, усматривая въ немъ совершенный подрывъ своей торговлѣ, требовалъ отмѣны его; ревельцы видѣли, что вся выгода русской торговли уходитъ изъ ихъ рукъ и переходитъ въ руки вендскихъ городовъ, изъ которыхъ Любекъ съ наибольшей энергіей поддерживалъ свободу выборгской торговли. Такъ какъ убѣжденія не дѣйствовали на Любекъ и другіе города, то ревельцы прибѣгли къ репрессаліямъ, захватывали русскихъ купцовъ, отправлявшихся въ Выборгъ, конфисковали корабли шведовъ и любчанъ. Представлялась даже возможность шведско-любекской коалиціи [1]). Густавъ Ваза снарядилъ въ 1558 году небольшое число кораблей, которымъ велѣно было крейсировать у Выборга и нюландскаго берега, чтобы обезпечить за шведами и русскими выборгское плаваніе [2]). Очень понятно, что когда ревельскіе послы на ганзетагѣ 1559 года подняли вопросъ о выборгскомъ плаваніи, то они вызвали рѣшительное негодованіе въ Любекѣ. Они начали съ того, что указали ганзейскимъ представителямъ, какъ сильно потерпитъ ихъ городъ, если выборгское плаваніе будетъ всѣмъ доступно; затѣмъ они обратили вниманіе на то, что русскіе отъ пріѣзжавшихъ въ Выборгъ нѣмецкихъ и другихъ купцовъ могли узнать о мѣрахъ, какія предпринимаются въ имперіи въ пользу Ливоніи, и о надеждахъ ливонцевъ на помощь Германіи [3]).

Любекъ, котораго выборгскій вопросъ касался всѣхъ ближе, котораго онъ интересовалъ гораздо больше судьбы Ливонскаго ордена, рѣшительно заявилъ, что не подчинится требованію ордена и ливонскихъ городовъ—не ѣздить въ Выборгъ и не торговать съ русскими, что это требованіе ихъ не выполнимо и беззаконно, коль скоро оно предъявляется однимъ вендскимъ городомъ. Съ русскими, сказали представители Любека, сносятся всѣ—и шведы, и англичане, и голландцы, и - что всего удивительнѣе—сами ливонцы. Послѣднее подтвердили и депутаты Данцига, указавшіе, что въ Выборгѣ находи-

---

[1]) *Zetterstéen*, 409.

[2]) Любекскій арх. Livonica, vol. II. Gravamina Livonica. A°. 1556: Gebreke vnnd beschwerliche nieringe dem Lubeschenn kopmanne in den Landen Lifflandt verkherende wedder oldenn vnnd loffiichenn hergebrachtenn gebruck jnn mennigerley wege beiegende. Тамъ же Extract aus dem Reces Anni 1554 trinitatis u Extract vth dem Recess Anni 1559 (Jacobi Apostoli).

[3]) *Bienemann*, II, 255.

лось 30 ревельскихъ кораблей. Дѣйствительно, въ то время, когда ежечасно нужно было ожидать вторженія русскихъ въ Ливонію, сами ливонцы продолжали пользоваться русскою торговлей и предпринимали различныя выгодныя спекуляціи, доставляя русскимъ оружіе и военные снаряды, что вызвало любопытное замѣчаніе Меркеля, что Іоаннъ Грозный извлекалъ изъ самой же Ливоніи средства къ покоренію ея [1]). Уже послѣ ганзетага Любекъ написалъ Ревелю рѣзкое письмо, въ которомъ ставитъ ему въ укоръ, что онъ сносится съ своими же врагами русскими, поддерживаетъ съ ними торговыя сношенія, а любчанъ желаетъ лишить русской торговли вопреки ихъ привилегіямъ. Какъ скоро другіе народы, говорили на ганзетагѣ представители Любека, откажутся отъ выборгскаго плаванія, тогда и ихъ городъ согласенъ на время пріостановить его, — не иначе [2]). Требовать же отъ Любека и другихъ вендскихъ городовъ прекращенія русской торговли, которая за много лѣтъ назадъ исключительно предоставлена имъ какъ въ мирное время, такъ и во время войны [3]), и не требовать этого отъ другихъ — это не сообразно ни съ какою справедливостью, тѣмъ болѣе что русская торговля главнымъ образомъ поддерживаетъ и питаетъ Любекъ. Прекратить русскую торговлю—значило бы нанести себѣ смертельный ударъ.

Вопросъ о выборгскомъ плаваніи былъ предметомъ самыхъ оживленныхъ преній на ганзетагѣ 1559 года. Выборгъ жаловался городамъ на каперство ревельцевъ; послѣднимъ грозили репрессаліями [4]). Отношенія Любека къ Ревелю къ концу 1559 года стали столь враждебными, что Любекъ готовился послать жалобу на Ревель въ имперскій судъ [5]). Въ разгарѣ спора съ Ревелемъ Любекъ заявляетъ, что вся война съ Москвою возникла по винѣ своекорыстныхъ ревельцевъ [6]). Въ концѣ 1559 года ревельцы захватили 6 любекскихъ кораблей, нагруженныхъ различными товарами [7]).

Ганзетагъ 1559 года представляетъ большой интересъ еще и въ виду обнаружившагося на немъ соперничества Данцига и Любека,

---

[1]) *Merkel*, II, 420.

[2]) Люб. арх. Ср. *Schirren*, III, 317.

[3]) Торговыя привилегіи Любека въ Россіи выставлялись какъ вполнѣ законныя и освященныя вѣками.

[4]) *Bienemann*, III, 208.

[5]) *Ibidem*, 218.

[6]) *Ibidem*, 222.

[7]) *Langueti*, Epistolae, II, 29.

проходящаго чрезъ все XVI столѣтіе. Эти два города, нѣкогда имѣвшіе въ своихъ рукахъ господство на Балтійскомъ морѣ, теперь стремились захватить въ свои руки русскую торговлю. Любекъ надѣялся достичь своей цѣли, поддерживая прямыя сношенія съ Москвою, и не обращалъ вниманія на запрещенія, исходившія отъ Польши и Ливонскаго ордена. Для Данцига отказаться отъ русской торговли было такъ же нежелательно, какъ и для Любека, но, находясь подъ властью Польши, онъ настаивалъ, по желанію Сигизмунда II Августа, на прекращеніи торговыхъ сношеній съ русскими. На ганзетагѣ споры „о русской торговлѣ" между Любекомъ и Данцигомъ достигли такихъ размѣровъ, что представители Данцига пригрозили даже Любеку открытою силою, если онъ не откажется отъ выборгскаго плаванія, застращивали Любекъ скандинавскими государствами и Польшей. Угрозы оказались безполезными, и представители Данцига по неволѣ прибѣгаютъ къ лести. Любекъ — глава вендскихъ городовъ, говорили они, и долженъ поэтому своимъ безкорыстіемъ и служеніемъ общимъ интересамъ подать примѣръ другимъ городамъ [1]). Любекъ отвѣчалъ Данцигу указаніемъ на то, что и его торговцы сносятся съ русскими, и городской ратъ совершенно равнодушно относится къ этому. Польское правительство даже ставило это въ вину городу [2]). Представители Данцига поспѣшили опровергнуть этотъ фактъ; они объявили собранію, что городской совѣтъ опубликовалъ указъ, запрещающій выборгское плаваніе и ручается за своихъ торговцевъ, что они этотъ указъ не станутъ обходить. Тѣ же случаи, о которыхъ говорятъ любчане, имъ не извѣстны, и всѣ злоупотребленія сдѣланы безъ ихъ вѣдома. Любекскіе же купцы, имена которыхъ всѣмъ извѣстны, резидируютъ въ Выборгѣ и Нюстадѣ и ведутъ тамъ прибыльнѣйшую торговлю съ русскими; всѣ товары, которые до войны шли изъ Россіи въ Ливонію, теперь свозятся въ эти города. Кромѣ любекскихъ купцовъ въ Выборгъ пріѣзжаютъ и торговцы изъ Стральзунда.

Споры протянулись до закрытія ганзетага. Изъ рецесса этого „тага" видно, что представители городовъ рѣшили въ продолженіе пяти лѣтъ брать денежную контрибуцію въ пользу Ревеля и Риги. Сборъ денегъ рѣшено было поручить двумъ любекскимъ бюргерамъ—Гердту

---

[1]) Данц. архивъ. Acta Jnternunciorum, IX, vol. 13. Joh. Proite u Hanns Kremer данцигскому магистрату, 29-го марта 1560 г.

[2]) Ibidem.

фонъ деръ Треппенъ и Альбрехту Шиллингу [1]). Рѣшеніе ганзетага оставалось, однако: мертвою буквою, денегъ никто не присылалъ, всѣ жаловались на недостатокъ ихъ, и ревельскіе послы ничего не привезли съ собою, кромѣ заслуженныхъ упрековъ въ своекорыстіи и эгоизмѣ.

Посольства къ нѣмецкимъ князьямъ магистра и епископа дерптскаго увѣнчались столь же плачевными результатами, какъ выше разсмотрѣнное посольство Ревеля къ ганзейскимъ городамъ. Всѣ только обѣщали. Герцогъ мекленбургскій въ отвѣтъ на просьбу епископа дерптскаго о помощи преподнесъ ему перечень всѣхъ своихъ писемъ и посольствъ къ сосѣднимъ князьямъ, которыхъ онъ побуждалъ помочь ливонцамъ, и это ставилъ себѣ въ большую заслугу; дѣйствительно, отъ него сохранилось множество писемъ къ имперскимъ князьямъ, духовнымъ и свѣтскимъ, къ ландграфу гессенскому, архіепископу магдебургскому, герцогу люнебургскому и другимъ. Всѣ, конечно, помощь обѣщали: Исключеніе составилъ маркграфъ бранденбургскій, Альбрехтъ Старшій, который не только не внялъ просьбамъ о помощи, но сталъ требовать у ревельцевъ, чтобы они прислали къ нему обратно Эрбарда Шпилена, пороховаго мастера, его подданнаго, котораго ревельцы еще на нѣкоторое время желали оставить у себя въ городѣ.

Съ 1560 года вопросъ о нарвскомъ плаваніи окончательно разъединилъ Любекъ и Данцигъ, вендскіе города и прусскіе, къ которымъ примкнули и ливонскіе. Нарвское плаваніе было „бѣльмомъ въ глазахъ послѣднихъ“. Въ будущемъ ихъ ожидало совершенное обѣднѣніе, звѣзда вендскихъ городовъ, на время погасшая, снова засверкала яркимъ пламенемъ.

Ревель, единственный стапельный пунктъ на востокѣ Балтійскаго моря, переживалъ коммерческій штиль, его торговля съ русскими остановилась. Любчане, не имѣвшіе никакой причины враждовать съ московитами, въ большомъ числѣ стали пріѣзжать въ Нарву и теперь уже горевали лишь о томъ, что въ Нарву пріѣзжаютъ и другіе иностранцы.

Занятіе Нарвы русскими составляетъ, поэтому, крутой, поворотный пунктъ въ нѣмецко-русскихъ торговыхъ сношеніяхъ. Этотъ знаменательный фактъ хронологически слѣдовалъ за открытіемъ бѣломорскаго пути англичанами. Нарва, какъ мы видѣли, неоднократно стремилась быть принятой въ ганзейскій союзъ, но каждый разъ встрѣчались

---

[1]) *Bienemann*, III, 179.

препятствія со стороны ливонскихъ городовъ. Теперь же Нарвѣ выпала такая же доля, какъ нѣкогда Новгороду. Московскій царь даровалъ этому городу рядъ привилегій для развитія его торговли, привлекалъ сюда иностранцевъ. предоставивъ имъ свободу отъ податей и совершенную безопасность.

Быстрый ростъ Нарвы былъ крайне нежелательнымъ для ливонскихъ городовъ. Они обвиняли любчанъ въ своекорыстіи, говорили „a senioribus orta est iniquitas", молили императора и князей запретить нарвское плаваніе, но все это мало помогало [1]). Всего болѣе терялъ отъ этого „торговаго новичка" Ревель, претендовавшій на исключительное стапельное право въ торговлѣ съ Россіей. Съ 1558 г. совершенно измѣняются взаимныя отношенія ливонскихъ городовъ къ ганзейскимъ. Любекъ торжествовалъ и привѣтствовалъ „Новый Новгородъ" какъ неисчерпаемый источникъ новыхъ благъ. Минуя Ревель, любекскіе корабли прямо направлялись въ Нарву и, стало быть, обходились безъ посредничества ливонскихъ городовъ, всегда дорого имъ стоившаго. Эти поѣздки любчанъ въ Нарву были сильнымъ ударомъ для ревельцевъ. Они нерѣдко на собственный страхъ вооружали нѣсколько военныхъ кораблей и пытались воспрепятствовать этому плаванію. Съ сожалѣніемъ вспоминали о тѣхъ временахъ, когда между западными и восточными городами Ганзы царили чисто братскія отношенія. Руссовъ [2]) повѣствуетъ, какъ ревельцы съ болью въ сердцѣ смотрѣли съ холмовъ Розенгартена на мимо проѣзжавшіе корабли, направлявшіеся въ Нарву. Рядъ неудачъ не пугалъ любчанъ: всѣ убытки, причиняемые имъ ревельцами, прибыльно выкупались торговлею съ московитами.

Скоро уже Ревель увидалъ, что одними своими силами ему не удержаться въ прежнемъ положеніи, и *это явилось одною изъ главныхъ причинъ, почему Ревель сталъ отыскивать себѣ покровителей въ сосѣднихъ государяхъ;* найдя такого въ *заклятомъ врагѣ Ганзейскихъ городовъ* Эрикѣ XIV, онъ надѣялся, что военный флотъ короля явится достаточною гарантіей успѣха въ борьбѣ съ Любекомъ, которая неминуемо должна была возникнуть изъ-за Нарвы. Дѣйствительно, какъ только Эрикъ XIV утвердился въ Ревелѣ, онъ употребилъ всѣ силы къ тому, чтобы уничтожить Нарву, этотъ новый источникъ богатствъ и силы Любека, и поднять Ревель на прежнюю ступень перваго стапель-

---

[1]) Данц. архивъ. Acta Jnternunciorum, XI.

[2]) Wie die Revelsche Handel zu Grunde geht.

наго пункта на сѣверо-востокѣ Балтійскаго моря. Это было въ 1561 г. Этотъ годъ, стоящій на грани двухъ періодовъ ливонской войны, явился и высокозамѣчательнымъ моментомъ въ исторіи ганзейско-русскихъ торговыхъ отношеній. Теперь не Ливонія стала на пути сближенія Россіи съ Западной Европой, а Швеція. Нарвскій вопросъ изъ мѣстнаго становится общеевропейскимъ вопросомъ, имъ опредѣляются взаимныя отношенія сѣверныхъ государей, имъ опредѣляются и отношенія Германіи, Франціи и другихъ державъ къ Швеціи, какъ къ державѣ, закрывавшей доступъ Европы въ Россію. Послѣ 1561 г. взаимныя отношенія сѣверныхъ государей такъ перепутались, что датчане и ганзейцы въ концѣ концовъ должны были служить русскимъ интересамъ [1]).

Сношенія обоихъ скандинавскихъ народовъ—датчанъ и шведовъ—съ Ливоніей очень древни. Еще въ XI столѣтіи скандинавскія саги повѣствуютъ намъ о столкновеніяхъ съ туземцами прибалтійскаго края нордманновъ, датчанъ и шведовъ. Есть извѣстіе, что еще раньше прибытія сюда нѣмцевъ скандинавскіе государи старались водворить христіанство и свою культуру среди туземныхъ финновъ (Свендъ Эстридсонъ 1047—1078), но отъ ихъ дѣятельности не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Съ начала XIII столѣтія датчане при Вальдемарѣ II снова обратили вниманіе на восточное побережье Балтійскаго моря и предприняли походъ на Эзель, который, однако, окончился для нихъ неудачно [2]). Въ это время возникъ и извѣстный въ исторіи Ливонскій орденъ. Папа Иннокентій III подтвердилъ буллою 1210 года федеративное устройство Ливоніи; въ его интересахъ было не допускать основанія сильнаго своимъ единствомъ государства на востокѣ Балтійскаго моря, какъ желалъ Альбертъ рижскій; папѣ больше выгодъ представляла федеративная форма, при которой каждый мелкій владѣтельный князь по необходимости долженъ былъ искать себѣ покровителей и сувереновъ въ папахъ. Иннокентій III желалъ, чтобы и орденъ, и новоучрежденныя епископства находились въ полной отъ него зависимости [3]). Федеративное устройство Ливоніи давало всегда возможность иностраннымъ государямъ вмѣшаться въ дѣла ея. Альбертъ рижскій первый обратился за помощью къ Вальдемару датскому; король обѣщалъ епископу свою помощь противъ эстовъ, но

---

[1]) *Waitz*, Schleswig-Holstein. Geschichte, II, 2, 352.
[2]) *Usinger*, 6.
[3]) *Hammarskjöld*, 236.

выговорилъ себѣ всю Эстляндію. Хроникеры XIII столѣтія напрасно выставляли Вальдемара идеальнымъ крестоносцемъ. Вальдемаръ таковымъ не былъ; онъ никогда не терялъ изъ виду политики и мечталъ расширить предѣлы Даніи на дальнемъ востокѣ; онъ былъ слишкомъ большимъ патріотомъ, чтобы кинуться въ борьбу, не заручившись никакими реальными обѣщаніями. Съ его царствованія Данія играетъ важную роль въ исторіи нѣмецкой колонизаціи. Походы датчанъ противъ эстовъ, начавшіеся въ 1219 году, сопровождались блестящими успѣхами. Настали затѣмъ и неудачные моменты въ этой борьбѣ датчанъ съ орденомъ, но въ концѣ концовъ область Викенъ и островъ Эзель остались за датчанами, которые и владѣли ими до 1347 года. На восточномъ берегу Балтійскаго моря утверждалась сила, съ которой ордену и рижскимъ архіепископамъ приходилось считаться до самаго паденія своего.

Начало XIV столѣтія было самымъ тяжелымъ временемъ для Даніи; территорія ея распалась на нѣсколько самостоятельныхъ частей, единство исчезло. Вальдемаръ IV Аттердагъ поставилъ себѣ задачей снова подчинить себѣ отпавшія области, сломить силу аристократовъ и возстановить прежнее первенствующее значеніе Даніи на скандинавскомъ сѣверѣ. Для борьбы ему недоставало денегъ, и вотъ онъ рѣшился продать Эстляндію Прусскому ордену. Это случилось 29-го августа 1346 года. На этомъ важномъ фактѣ въ исторіи датско-ливонскихъ отношеній мы должны нѣсколько остановиться [1]).

Вальдемаръ продалъ Эстляндію Прусскому ордену за 19.000 марокъ; Прусскій же орденъ въ свою очередь продалъ эту провинцію Ливонскому ордену съ правомъ въ будущемъ снова возвратить ее себѣ. Магистръ Прусскаго или Нѣмецкаго ордена сохранялъ за собою *номинальное* господство надъ Эстляндіей, магистру же Ливонскаго ордена съ этихъ поръ принадлежало *фактическое* господство надъ герцогствомъ. Въ документѣ о продажѣ Эстляндіи, составленномъ Вальдемаромъ, говорилось, что онъ уступаетъ Эстляндію Нѣмецкому ордену и отказывается за себя и своихъ потомковъ *отъ всякаго права на господство* — dominium — надъ Эстляндіей и *отъ всякой юрисдикціи*: nihil nobis, heredibus aut successoribus nostris, dominii, juris aut

---

[1]) Ср. *Mollerup*, 2 и далѣе. *Bunge*, Das Herzogthum Estland unter den Königen von Dänemark, 76—82. *Höhlbaum*, 73—102, въ *Hansische Geschichtsblätter* за 1878 годъ. *Г. Форстенъ*, Борьба, введеніе; о Вальдемарахъ датскихъ сравн. *Г. Форстенъ* въ Энциклопед. словарѣ *Брокгауза* и *Ефрона*.

jurisdictionis in praedictis ducatu et terris penitus et reservantes". Это выраженіе Вальдемарова документа подвергалось самымъ разнообразнымъ толкованіямъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, не смотря на вполнѣ ясную формулировку его. Датскіе дипломаты въ XV столѣтіи утверждали, что самъ орденъ выдумалъ это выраженіе [1]); историки и публицисты продолжали настаивать на правѣ датскихъ королей считать за собою суверенитетъ надъ Эстляндіей; и въ латинскихъ, и въ нѣмецкихъ, и въ датскихъ хроникахъ настойчиво проводился такой взглядъ, что Вальдемаръ, продавая Эстляндію ордену, удерживалъ за собою суверенитетъ. Иначе и быть не могло, разсуждаютъ историки, пишущіе въ датскихъ интересахъ: Вальдемаръ не имѣлъ права покончить эстляндскій вопросъ безъ согласія на то своего рата, да къ тому же онъ связанъ былъ и политикою своего отца, издавшаго постановленіе, въ силу котораго датскіе короли должны были сохранять суверенитетъ надъ Эстляндіей. То и другое основаніе не имѣло никакой силы, такъ какъ, вопервыхъ, рейхсратъ не имѣлъ въ XIV столѣтіи такого значенія, какъ въ XVI, да и постановленіе отца Вальдемара IV за давностью времени теряло свою юридическую силу.

Съ Эрика померанскаго Данія снова устремляетъ вниманіе свое на Эстляндію, Гаррію и Вирландъ. Планы, какіе Эрикъ имѣлъ относительно Эстляндіи, были тѣмъ достижимѣе, что совпадали по времени съ совершеннымъ ослабленіемъ Прусскаго ордена послѣ Танненбергской катастрофы. Имѣя въ виду усилиться на счетъ Ливонскаго ордена, Данія поддерживаетъ дружескія отношенія съ Польшей и Литвой. Столкновенія съ орденомъ были самымъ обычнымъ явленіемъ и вызывались торговыми стѣсненіями, какимъ датчанъ подвергали въ Ревелѣ и другихъ городахъ. Въ 1419 году датское правительство заключило даже договоръ съ Литвою о перенесеніи ордена на Кипръ и о секуляризаціи его земель. Съ этого времени у Даніи была уже своя партія въ Ливоніи. Эрикъ сдѣлалъ было попытку захватить и подчинить себѣ Ревель; нужно думать, что попытка его увѣнчалась бы успѣхомъ, еслибы не постоянныя столкновенія съ ганзейскими городами. Вниманіе короля поневолѣ постоянно отвлекалось отъ востока на западъ, и въ 1423 году онъ вынужденъ былъ заключить съ орденомъ миръ. Христіанъ I также не упускалъ случая возстановить значеніе Даніи въ Эстляндіи; въ начавшейся междоусобной войнѣ ордена съ епископами ревельскимъ

---

[1]) Ср. *Mollerup*, 4, примѣчаніе второе.

и дерптскимъ онъ помогалъ послѣднимъ и тогда уже имѣлъ въ виду назначить одного изъ своихъ братьевъ въ епископы Дерпта. Но орденъ тогда рѣшительно возсталъ противъ этого; онъ понималъ, что если Данія утвердится въ Дерптѣ, то Гаррія и Вирландъ, съ двухъ сторонъ окруженныя датско-шведскими владѣніями, не отстоятъ своей самостоятельности. Орденъ настаивалъ на томъ, чтобы епископы ревельскій и дерптскій признали надъ собою его патронатъ; это вызвало внутреннюю борьбу въ орденѣ и оказалось на руку сосѣднимъ государствамъ, желавшимъ заручиться въ Ливоніи своей партіей и бдительно слѣдившимъ за ходомъ дѣлъ въ орденскихъ владѣніяхъ. — Въ 1440 году начались смуты въ Прусскомъ орденѣ. Города и рыцари соединились противъ гохмейстера въ защиту своихъ правъ и прерогативъ. Въ 1454 году они заключили союзъ съ польскимъ королемъ. Христіанъ I принялъ сторону ордена, надѣясь за помощь ему получить какое либо вознагражденіе въ Ливоніи; въ томъ же 1454 году заключенъ былъ договоръ между Христіаномъ и орденомъ, въ силу котораго орденъ обязывался уплатить королю 60.000 гульденовъ. Въ слѣдующемъ году орденъ обѣщалъ королю вмѣсто денегъ уступить нѣсколько замковъ въ Ливоніи. Шведскій правитель Карлъ Кнутсонъ всѣми мѣрами старался этому воспрепятствовать; когда Христіанъ I узналъ, что намѣреніе ордена не серьезно, онъ порвалъ союзъ съ нимъ [1]). По отношенію къ Ливоніи онъ продолжалъ настаивать на законности датскаго патроната, присвоилъ себѣ даже титулъ „Dux Esthoniae et patronus cathedralis Revalensis ecclesiae“, но къ рѣшительнымъ мѣрамъ не могъ прибѣгнуть въ виду враждебныхъ отношеній съ Швеціей.

Такимъ образомъ во все XV столѣтіе датскіе короли не оставляли мысли утвердиться въ Эстляндіи. Попытки ихъ въ этомъ отношеніи, хотя и не удавшіяся, тѣмъ не менѣе очень любопытны, такъ какъ свидѣтельствуютъ о живучести традиціи, въ силу которой датскіе короли присвоивали себѣ суверенное право надъ Эстляндіей [2]).

При Плеттенбергѣ новою грозою для ордена явился датско-московскій союзъ, заключенный въ Нарвѣ въ 1493 году. Орденъ сталъ опасаться вторженія датчанъ въ Гаррію и Вирландъ. Когда Плеттенбергъ завелъ переговоры съ Іоанномъ датскимъ о совмѣстныхъ

[1]) *Mollerup*, 21.

[2]) *Mollerup*, 28.

дѣйствіяхъ противъ Москвы, Іоаннъ соглашался на это только подъ условіемъ ежегодной дани съ ордена.

Король поставилъ такое требованіе въ надеждѣ. что вмѣсто денегъ орденъ предложитъ ему въ залогъ нѣкоторыя земли въ Ливоніи. и онъ утвердится въ ней, какъ польскій король въ Пруссіи. Но орденъ, сопоставивъ требованія короля съ тѣмъ. что уже зналъ о проектировавшемся брачномъ договорѣ Даніи съ Москвою, понялъ, что надѣяться на Іоанна совершенно напрасно. Въ переговорахъ съ орденомъ Іоаннъ указывалъ ему, что Эстляндія издревле датская провинція и что онъ, какъ король Даніи, имѣетъ законныя основанія требовать себѣ верховнаго покровительства надъ этою провинціей.

Къ XVI столѣтію въ Даніи выработался такой взглядъ на ея отношенія къ ордену, что послѣдній не по праву владѣлъ Эстоніей и долженъ, поэтому, вознаградить Данію за то, что впродолженіе полутора столѣтія обладалъ этою провинціей. Орденъ отвергалъ такой взглядъ ссылками на грамоты и документы, въ Даніи же они впечатлѣнія не производили. И Фридрихъ I, и Христіанъ III обнаруживали такой же взглядъ на ливонскій вопросъ, какъ и ихъ предшественники, и, попирая историческія права и факты, требовали признанія за собою главенства и юрисдикціи въ Эстляндіи.

Въ послѣднихъ междоусобіяхъ, возникшихъ въ Ливоніи до вторженія въ ея предѣлы русскихъ, Данія приняла сторону архіепископа рижскаго Вильгельма. Фридрихъ I, какъ извѣстно, содѣйствовалъ даже избранію Вильгельма въ коадъюторы рижскаго архіепископа. Магистръ ордена выместилъ свое недовольство на Фридрихѣ. заключивъ союзъ съ Христіаномъ II, когда тотъ съ помощью нѣмецкихъ князей попытался вернуть себѣ потерянный престолъ [1]). При Христіанѣ III орденъ поддерживалъ дружескія сношенія съ бургундской и пфальцско-лотарингской партіями. До самого шпейерскаго мира (1544) въ Даніи опасались, какъ бы орденъ не объявилъ войны Альбрехту прусскому, ея союзнику, а сторонники Христіана II тѣмъ временемъ не вторгнулись въ Данію со стороны Голштиніи. Только въ шпейерскомъ мирномъ трактатѣ и орденъ, и Альбрехтъ прусскій приняли участіе, такъ что опасеніе столкновенія ихъ было отстранено.

Родственныя отношенія, завязавшіяся между Христіаномъ III и Альбрехтомъ прусскимъ, сразу опредѣлили первому мѣсто среди

---

[1]) *Г. Форстенъ*, Борьба, II, 1.

противниковъ ордена въ междоусобной борьбѣ 1555 — 1557 года. Альбрехтъ, какъ зять и другъ Христіана III, имѣлъ большое вліяніе на внѣшнюю политику Даніи во все царствованіе послѣдняго; онъ воспользовался этимъ вліяніемъ для того, чтобы склонить короля на сторону своего брата Вильгельма Рижскаго. Послѣдній и самъ выставлялъ Христіану III на видъ возможность избранія брата его, герцога Фридриха, себѣ въ коадъюторы [1]). Хотя эта приманка Вильгельма, казалось, и теряла всякое основаніе послѣ вольмарскаго соглашенія 1546 года, но всѣ князья смотрѣли на вольмарскій рецессъ какъ на беззаконное нарушеніе принадлежавшихъ имъ правъ. Въ XVI столѣтіи пріобрѣтаетъ значеніе политическаго закона обычай разсматривать духовныя земли, какъ естественный удѣлъ младшихъ княжескихъ сыновей. Когда въ 1554 году Вильгельмъ нарушилъ вольмарскій рецессъ и назначилъ себѣ въ коадъюторы Христофа мекленбургскаго, всѣ сѣверные нѣмецкіе князья приняли его сторону, всѣ они склоняли и Христіана датскаго заступиться за Вильгельма въ борьбѣ его съ орденомъ. Но отъ активнаго участія въ войнѣ Христіанъ отказался; быть можетъ, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что коадъюторство досталось герцогу мекленбургскому, а не его сыну или брату. Онъ предложилъ свое посредничество къ примиренію обѣихъ сторонъ, отправилъ съ этою цѣлью въ Ливонію своихъ пословъ, но они ничего не успѣли сдѣлать. И Вильгельмъ рижскій, и братъ его Альбрехтъ указывали Христіану III на право его возвратить себѣ Гаррію и Вирландъ. Въ 1555 году въ Данію явился посломъ отъ Альбрехта Христофъ Бёттихеръ; онъ, между прочимъ, по порученію своего государя обратилъ вниманіе короля на то, что обѣ вышеназванныя провинціи были уступлены ордену только какъ залогъ, а не въ вѣчное владѣніе, такъ что король имѣетъ полное право подумать о средствахъ къ возвращенію себѣ этихъ областей. Одновременно съ Бёттихеромъ въ Копенгагенъ явились и послы отъ Вильгельма Рижскаго съ предложеніемъ королю помощи, еслибы онъ оружіемъ рѣшилъ возвратить себѣ земли, искони принадлежавшія датской коронѣ. Любопытно, что теперь сами ливонскіе духовные князья забыли историческій фактъ продажи Эстляндіи ордену безъ права возвратить его! Въ XVI столѣтіи датскіе короли могли съ бо́льшею надеждою на успѣхъ агитировать въ Ливоніи, такъ какъ они съ начала этого столѣ-

[1]) *Mollerup*, 39, на основаніи архивныхъ данныхъ.

тія сдѣлались владѣтелями двухъ небольшихъ мѣстечекъ неподалеку отъ Ревеля—Новаго и Стараго Колька [1]). Въ Liber Census Daniae мы находимъ замѣтку, что оба владѣнія принадлежали первоначально монастырю Гутваллія на Готландѣ и что, когда Вальдемаръ IV продалъ Эстляндію ордену, то монастырь Гутваллія удерживалъ за собою и Новый и Старый Колькъ. Изъ-за нихъ монастырю приходилось имѣть цѣлый рядъ непріятныхъ столкновеній съ орденомъ, и поэтому въ 1519 году онъ уступилъ оба владѣнія Христіану III, получивъ взамѣнъ ихъ два другихъ селенія, лежавшихъ на Готландѣ близъ самаго монастыря. Было время: датскій король хотѣлъ продать оба имѣнія ордену или епископу ревельскому, но по неизвѣстнымъ причинамъ продажа не состоялась. Колькъ сталъ, такимъ образомъ, королевскимъ леномъ и, какъ таковой, онъ играетъ немаловажную роль въ исторіи датско-ливонскихъ отношеній въ XVI столѣтіи.

Въ 1521 году Фридрихъ I уступилъ Колькъ Гансу Матцмеру, одному ревельскому бюргеру; а этотъ за 24.000 марокъ отдалъ его въ залогъ Андреасу Фонъ-Деккену. Наслѣдники Матцмера продали въ 1544 году Колькъ Готшальку Ремлингроде, извѣстному ревельскому пирату. Этотъ хотѣлъ выкупить имѣніе у Деккена; но у него возникли недоразумѣнія съ владѣтелями Колька вслѣдствіе того, что они вырубили въ имѣніи много лѣсу, и онъ отказывался сполна выплатить сумму, за которую Колькъ былъ заложенъ. За Ремлингроде заступился датскій король, а за Деккена ревельскій ратъ. Король грозилъ Ревелю закрытіемъ Зунда, если не будутъ соблюдены его права и юрисдикція въ Колькѣ и требовалъ, чтобы дѣло Ремлингроде съ Деккеномъ было передано королевскому суду; на это магистръ ордена не соглашался, говоря, что ни одинъ изъ его подданныхъ не можетъ быть призываемъ на судъ къ иноземному государю. Споръ принималъ все бо́льшіе размѣры, и король воспользовался имъ, чтобы снова указать и выдвинуть свои права на Эстляндію. Въ 1549 году Германъ фонъ Бриггеней умеръ, и новый магистръ Іоаннъ фонъ-деръ Рекке обнаружилъ больше уступчивости въ спорѣ съ королемъ. Въ слѣдующемъ году Христіанъ III отправилъ въ Лифляндію Ремберта Гильсгейма—юриста, профессора копенгагенскаго университета, которому и поручилъ раз-

---

[1]) Всю исторію съ Колькомъ мы заимствуемъ у *Моллерупа*, 42 и друг. Ср. *Paucker*, Der Güterbesitz in Estland, 72; *Bunge*, Urkundenbuch, I, 430 и другія сочиненія, приведенныя у Mollerup'а.

слѣдовать дѣло Ремлингроде. Дѣло окончилось такъ, что Ремлингроде, не будучи въ состоянiи выплатить должной суммы за Колькъ, долженъ былъ отказаться отъ него, и владѣтелемъ его сдѣлался братъ епископа эзельскаго — Христофъ фонъ Мунихгаузенъ. Онъ купилъ себѣ право на владѣнiе Колькомъ за 25.000 рижскихъ и 1.000 любекскихъ марокъ. Чрезъ три года Христiанъ III подтвердилъ за Мунихгаузеномъ это спорное владѣнiе. Съ этихъ поръ Мунихгаузенъ является въ Ливонiи ленникомъ датскаго короля и играетъ не маловажную роль въ судьбахъ страны, какъ независимый владѣтель съ одной стороны и какъ епархiальный фохтъ Викена съ другой [1]).

Споры о Колькѣ — фактъ очень любопытный, давшiй, между прочимъ, и датскому королю возможность рѣшительно высказаться по вопросу объ Эстляндiи. Окончились споры — и Христiанъ III, не смотря на то, что на шпейерскомъ конгрессѣ рѣшено было подвергнуть вопросъ объ Эстляндiи имперскому суду, продолжалъ изъявлять свои притязанiя на господство въ Эстляндiи и почти каждый годъ обращался по этому вопросу къ ордену. Въ 1554 году магистръ отправилъ своихъ пословъ въ Кольдингенъ, гдѣ въ продолженiе апрѣля и мая происходили переговоры съ королемъ и его совѣтниками. Послы ссылались на имѣющiеся у нихъ документы по продажѣ Вальдемаромъ Эстляндiи, указывали на шпейерскiй миръ,—все напрасно; доказательства ихъ не убѣждали короля, въ его рукахъ былъ документъ, который, по его мнѣнiю, уничтожалъ всѣ доводы и доказательства пословъ, а именно закладной актъ на Нарву 1343 года, предоставлявшiй датскимъ королямъ право выкупа проданной области; своему законному праву на Эстляндiю онъ противопоставлялъ quasi possessio Ливонскаго ордена.

Въ слѣдующемъ году въ Данiю явилось новое посольство отъ магистра Ливонскаго ордена; оно представило королю обстоятельное изложенiе всего факта продажи Эстляндiи, скрѣпленное подлинными документами и актами, указало ему на грамоту Христiана I отъ 1457 года, въ которой король подтверждалъ актъ продажи въ той формѣ, въ какой онъ былъ совершенъ Вальдемаромъ IV; но и на этотъ разъ посольство должно было ни съ чѣмъ вернуться домой. Въ Данiи традицiя была сильнѣе и убѣдительнѣе всякихъ документовъ, приводимыхъ ливонцами. Христiанъ III рѣшился воспользоваться новой войною

---

[1]) *Mollerup*, 42—45.

ордена съ московскимъ царемъ и вынудить у ливонцевъ признаніе датскаго протектората надъ спорной Эстляндіей.

Послѣ перваго опустошительнаго вторженія русскихъ въ Ливонію, когда магистръ, архіепископъ и города сознали рѣшительную невозможность оказать сопротивленіе московитамъ одними своими силами, большинство орденскихъ представителей, не безъ вліянія, впрочемъ, Христофа Мунихгаузена, рѣшилось обратиться за помощью и покровительствомъ къ датскому королю Христіану III. Сословія указали магистру, что Данію они предпочли Польшѣ и Швеціи на томъ основаніи, что Данія, по ихъ мнѣнію, не станетъ требовать отъ нихъ взаимной помощи противъ русскихъ, а Швеція и Польша, какъ государства непосредственно соприкасавшіяся съ Россіей, непремѣнно этого потребуютъ; датчане, указывали они, ввели въ Эстляндію христіанство, къ нимъ за помощью нерѣдко обращались и орденъ, и епископы, и всегда находили ее. Взглядъ сословій однако не раздѣляли ни магистръ, ни епископы, такъ что о единодушномъ, общемъ воззваніи къ Христіану III не могло быть и рѣчи. Магистру надлежало обратиться къ королю отъ лица всѣхъ представителей Ливоніи, а на дѣлѣ вышло другое: каждое сословіе, каждая епархія отдѣльно обратились къ королю съ своими просьбами и требованіями помощи.

Первымъ къ Христіану III обратился епископъ дерптскій, владѣніямъ котораго грозила наибольшая опасность со стороны русскихъ; ища помощи короля, онъ обѣщалъ назначить сына его Магнуса наслѣдникомъ дерптскаго стола. 5 іюля онъ снабдилъ своихъ пословъ инструкціей къ Христіану и того же числа самъ письменно обратился къ нему. Въ инструкціи говорилось, что епископъ послѣ долгихъ обсужденій нашелъ, что датскій король одинъ въ состояніи оказать ему помощь и защиту противъ страшнаго врага, побороть его и спасти дерптскую область; за эту помощь онъ согласенъ уступить младшему сыну его епископскій столъ.

За дерптскимъ епископомъ къ Христіану обратился и Іоаннъ эзельскій, братъ Христофа Мунихгаузена. Называя Христіана другомъ и отцомъ своимъ, онъ искалъ его помощи, при чемъ указывалъ на то, что курляндская епархія основана датскими королями, эзельская же епископія издавна пользовалась особыми привилегіями со стороны послѣднихъ, своихъ протекторовъ и консерваторовъ.

Въ началѣ іюля городской совѣтъ Ревеля извѣщалъ магистра, что рѣшилъ отъ себя отправить пословъ къ датскому королю и признать надъ собою его покровительство, какими бы условіями король его ни

обставилъ; лучше спастись иноземною помощью, чѣмъ по недостатку собственныхъ силъ подчиниться требованіямъ враговъ. Ревельскій ратъ предлагалъ магистру отправить съ его послами и своихъ уполномоченныхъ и склонить къ тому же Ригу. Магистръ соглашался на предложеніе ревельскаго рата и въ отвѣтѣ ему выражалъ надежду, что городъ не приметъ предложеній короля, если они окажутся вредными для общаго блага ордена; онъ извѣщалъ также городской совѣтъ, что уже 11 іюля отправилъ въ Данію командора Дюнабурга фонъ Вителинга съ просьбою о помощи [1]). Въ іюлѣ въ Ревель прибылъ Христофъ фонъ Мунихгаузенъ въ сопровожденіи большаго числа эстляндскихъ дворянъ, во всемъ на него полагавшихся. Мунихгаузенъ какъ нельзя лучше воспользовался своимъ положеніемъ датскаго ленника, чтобы повсюду распространить преувеличенныя вѣсти о скорой помощи Ливоніи датскаго короля; это поднимало его авторитетъ въ странѣ и всѣ были твердо увѣрены, что онъ дѣйствительно во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ руководился инструкціями датскаго короля, точно исполнялъ его волю. На самомъ же дѣлѣ и Христофъ Мунихгаузенъ и братъ его епископъ эзельскій такъ дѣятельно агитировали въ пользу Даніи только въ надеждѣ на собственное возвышеніе; исключительно эгоистическіе расчеты и виды на наживу среди общаго разлада и неурядицъ руководили этими авантюристами; высшихъ побужденій они не признавали, судьба Ливоніи ихъ нисколько не занимала. Пока мотивы ихъ кажущихся стараній на пользу ордена не обнаружились, къ нимъ питали полное довѣріе и всѣ привѣтствовали датскаго короля, какъ истиннаго защитника и покровителя Ливоніи. Явившись въ Ревель и соединившись съ синдикомъ города Іостомъ Клодтомъ, Христофъ Мунихгаузенъ безъ труда увлекъ ратъ и населеніе на свою сторону и парализовалъ всѣ дипломатическія старанія Іоанна финляндскаго [2]). 23 іюля городской совѣтъ Ревеля снарядилъ посольство въ Данію, поставивъ во главѣ его Іоста Клодта и ратсгерра Иво фонъ деръ-Гойе. 27 числа они уѣхали изъ Ревеля, снабженные вѣрительною грамотою рата и рыцарей, составленною Клодтомъ. Въ инструкціи посламъ говорилось, чтобы они прежде всего постарались добиться покровительства датскаго короля за извѣстную годовую пенсію, затѣмъ побудить его занять своими войсками нѣсколько пограничныхъ замковъ и крѣпостей и прислать

---

[1]) *Schirren* I, 59; *Mollerup*, 56—57.

[2]) *W. Greiffenhagen*, Jost Clodt als Staatsmann, 637.

въ Ливонію своего штатгальтера съ значительными военными силами, чтобы ливонцы, соединившись съ орденскими войсками, могли начать военныя дѣйствія противъ русскихъ. Еслибы Христіанъ III этихъ условій не принялъ, то обоимъ посламъ предписывалось отъ имени городскаго совѣта признать покровительство короля съ тѣмъ, чтобы Ревель сохранилъ свою свободу и свои привилегіи, какъ ганзейскій городъ. Въ концѣ инструкціи заключался пунктъ, по которому посламъ слѣдовало дѣйствовать такъ, чтобы и Гаррія и Вирландъ во всякомъ случаѣ могли расчитывать на помощь Даніи; они должны были твердо стоять на одномъ—чтобы Ревель не былъ отдѣленъ отъ обѣихъ вышеназванныхъ областей.

Въ одинъ день съ посольствомъ въ Данію городской совѣтъ Ревеля далъ знать магистру, что, не получая отъ него никакой помощи, онъ рѣшился обратиться къ защитѣ и покровительству иноземнаго государя. Эта вѣсть значила, что городъ бралъ обратно клятву о подданствѣ, данную имъ магистру. Это первый моментъ въ исторически неизбѣжномъ распаденіи ливонскаго ордена [1]).

Значеніе датской партіи въ Ревелѣ очень усилилось, когда крѣпость города перешла въ руки Христофа Мунихгаузена. Этотъ фактъ совпалъ съ требованіемъ, обращеннымъ Шуйскимъ къ городу сдаться московскому царю. Въ Ревелѣ возникла всеобщая паника; среди кнехтовъ, занимавшихъ крѣпость города, начались неудовольствія вслѣдствіе неакуратной уплаты жалованья; уже два мѣсяца они ничего не получали, а деньги—это вся цѣль ихъ жизни, ради нихъ они мѣняли полководцевъ, мѣняли партіи; для нихъ ни имперія, ни отечество, ни императоръ не имѣли никакого значенія. И вотъ они врываются въ комнату орденскаго командора Франца фонъ-Зегенгагена (Амселя) и съ угрозами требуютъ жалованья. Комендантъ крѣпости, не будучи въ состояніи исполнить ихъ требованія, обратился къ Мунихгаузену съ просьбой принять въ свои руки крѣпость на имя датскаго короля, удовлетворить ихъ требованіямъ и защищать городъ отъ русскихъ. Мунихгаузенъ предложилъ командору сначала 2.000 марокъ, но сумма эта оказалась слишкомъ незначительной; опасность со стороны русскихъ также усиливалась со дня на день, такъ что комендантъ отъ денежной помощи отказался, и Мунихгаузенъ 25-го іюля занялъ крѣпость отъ имени датскаго короля. Это случилось въ при-

---

[1]) Ср. *Schirren*, II, 278; *Renner*, 191; *Bienemann*, II, № 311; *Mollerup*, 61 ср. *Lossius*, I, 3.

сутствіи ратсгерровъ Гарріи и Вирланда и городскаго совѣта Ревеля, нѣкоторое время противившагося дать свое согласіе на сдѣлку кнехтовъ съ Мунихгаузеномъ.

Христофъ фонъ-Мунихгаузенъ потребовалъ отъ кнехтовъ присяги на вѣрность, сталъ называть себя штатгальтеромъ датскаго короля въ Эстляндіи, Гарріи и Вирландѣ, Эзелѣ и Викенѣ съ прилегавшими замками Перновъ, Феллинъ, Гапсаль, Виттенштейнъ и др., отвѣчалъ отказомъ русскимъ военачальникамъ, требовавшимъ сдачи города московскому царю, обращался къ крѣпостнымъ фохтамъ Гарріи и Вирланда съ требованіемъ отдаться подъ покровительство Даніи. Назначивъ начальникомъ крѣпости лифляндскаго дворянина Генриха Икскулля, Мунихгаузенъ съ орденскимъ командоромъ и послами отъ Ревеля, Дерпта и Эзеля отправился 27-го іюля въ Данію [1]).

Въ Даніи съ большимъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ дѣлъ въ Ливоніи; благодаря оживленнымъ сношеніямъ Даніи съ Пруссіей, въ первой прекрасно знали обо всѣхъ партіяхъ въ Ливоніи, о раздорахъ между архіепископомъ и магистромъ, о стремленіи городовъ сохранить и развить свою автономію и т. д. Главною задачей датской политики стало—не допускать въ Ливонскомъ орденѣ никакихъ перемѣнъ, противныхъ интересамъ датской короны; всякій новый успѣхъ русскаго оружія въ Ливоніи вызывалъ не малую тревогу при датскомъ дворѣ. До сихъ поръ у Даніи былъ лишь одинъ соперникъ въ вопросѣ о господствѣ на Балтійскомъ морѣ, теперь поднимался второй, болѣе Швеціи опасный врагъ, справиться съ которымъ представлялось рѣшительно невозможнымъ. Для Даніи, что сознавалъ и миролюбивый Христіанъ III, было весьма важно имѣть въ Ливоніи форпостъ противъ Россіи и Польши, которая съ этихъ поръ также начинаетъ стремиться овладѣть частью орденскихъ земель. Такимъ образомъ, въ борьбѣ изъ за господства на Балтійскомъ морѣ являются теперь 4 участника: Швеція, Данія, Польша и Россія. Всего болѣе Христіанъ боялся Москвы. Въ іюлѣ 1558 года онъ обратился съ письмомъ къ Іоанну Грозному, въ которомъ просилъ его пощадить Колькъ, какъ ленъ датской короны и указывалъ, что Нарва издавна принадлежала Даніи; датскихъ же королей признавали своими суверенами Эстонія, Гаррія, Вирландъ и городъ Ревель. Черезъ мѣсяцъ послѣдовалъ отвѣтъ русскаго на-

[1]) Весь вопросъ о дѣятельности Мунихгаузена въ Ревелѣ впервые разработанъ по архивнымъ даннымъ Моллерупомъ въ выше цитированномъ трудѣ, стр. 61—63. Ср. *Annerstedt*, 3; *Lossius*, I, 43 и д.

мѣстника въ Нарвѣ, отвѣтъ, заключавшій въ себѣ въ самой рѣзкой формѣ отказъ московскаго правительства признать притязанія Христіана III на ливонскія земли [1]). Въ послѣдній годъ своего царствованія датскій король снарядилъ посольство къ Іоанну Грозному, которое также не имѣло успѣха.

Въ августѣ послы Ревеля, Гарріи и Вирланда вмѣстѣ съ Мунихгаузеномъ явились въ Данію. Король ничего не зналъ о томъ, что отъ его имени въ Ревелѣ успѣлъ сдѣлать Мунихгаузенъ, что между прочимъ видно и изъ переписки его съ Мунихгаузеномъ за 1558 годъ. Датскіе же послы, отъ глазъ которыхъ не могло ускользнуть критическое положеніе дѣлъ въ странѣ, въ бытность свою въ Ливоніи въ 1556 и 1557 годахъ вели переговоры съ нѣкоторыми изъ выдающихся ливонскихъ дворянъ, какъ вышеупомянутый Іостъ Клодтъ, Дидерихъ Беръ, Икскулль и др. Все это были сторонники Даніи, вожаки датской партіи, и очень вѣроятно, что этими переговорами имѣлось въ виду подготовить избраніе Магнуса въ коадъюторы Дерпта или Эзеля. Не легко вообще разобраться во всѣхъ безчисленныхъ посольствахъ, пріѣзжавшихъ въ Данію и обратно въ Ливонію въ продолженіе 1558 года; трудно отдѣлить въ нихъ, что̀ прямо передавалось въ интересахъ той или другой страны и что̀ имѣло отношеніе лишь къ частнымъ интригамъ самихъ пословъ и орденскихъ представителей, работавшихъ какъ Мунихгаузенъ въ собственныхъ выгодахъ. Что касается Христіана III, то не представляется никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ твердо рѣшилъ не упускать ни одного представлявшагося случая, дабы вернуть къ жизни прежнія права датскихъ королей въ Эстляндіи; въ своихъ дѣйствіяхъ Христіанъ руководился и политическими интересами, и прежними традиціями датскаго королевскаго дома [2]).

Первое донесеніе ревельскихъ пословъ изъ Даніи отмѣчено 12-го августа. Изъ него мы узнаемъ, что, прибывши въ Копенгагенъ, они не нашли тамъ короля: онъ уѣхалъ въ Ютландію. Послы послѣдовали за королемъ; путешествіе ихъ было медленное; они жаловались на то, что остановки въ дорогѣ стоили страшно большихъ денегъ. Въ Аальборгѣ они также не застали короля: онъ былъ на сѣверѣ. Любопытно, что въ Ютландіи послы Ревеля встрѣтились съ послами Фюрстенберга и Кетлера. Магистръ не могъ быть доволенъ Ревелемъ; онъ потребовалъ у него объясненій его сдѣлки съ Мунихгаузеномъ; сепаратные

---

[1]) Отвѣтъ отмѣченъ 13-го августа 1558 года (*Mollerup*, 65).

[2]) *Mollerup*, 66.

переговоры съ Даніей, узурпація Мунихгаузена — все это, дѣйствительно, было преступленіемъ по отношенію къ ордену [1]). Мунихгаузенъ и въ Даніи велъ переговоры съ королемъ и его совѣтниками не вмѣстѣ съ другими послами, а отдѣльно и самостоятельно.

Представивъ королевскимъ совѣтникамъ бѣдственное положеніе Ливоніи, ревельскіе послы въ особенности выдвинули два пункта своей инструкціи, чтобы Ревель сохранялъ свои прежнія отношенія къ ганзейскимъ городамъ и чтобы плаваніе на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ было объявлено свободнымъ [2]). Королевскіе совѣтники объявили какъ посламъ Ревеля, такъ и посламъ ордена, что переговоры съ ними возможны лишь въ томъ случаѣ, если они признаютъ суприматію Даніи надъ Эстляндіей и если королю будутъ уступлены провинціи Гаррія и Вирландъ съ Ревелемъ и другими укрѣпленными замками. Послы готовы были уже принять эти тягостныя условія, и переговоры, казалось, были близки къ своему окончанію. Но поворотъ въ датской политикѣ, обнаружившійся въ половинѣ сентября, придалъ всему дѣлу новый и неожиданный ходъ. Христіанъ III объявилъ, что не можетъ дать посламъ никакого рѣшительнаго отвѣта раньше, чѣмъ узнаетъ о результатахъ своего посольства въ Лифляндію и Москву. Затѣмъ король категорически отказывался принять всю Ливонію подъ свое покровительство и выставилъ слѣдующія новыя условія своего протектората: магистръ долженъ уступить Даніи Гаррію и Вирландъ съ Феллиномъ, и тогда только король согласенъ будетъ доставить ему 20.000 талеровъ, принять на себя посредничество къ примиренію ордена съ Москвою и занять Ревель и другія крѣпости датскими гарнизонами. Еслибы его посламъ не удалось склонить царя къ миру, то онъ — Христіанъ III — за уступку ему вышеназванныхъ земель соглашается уплачивать магистру въ продолженіе шести мѣсяцевъ по 15.000 талеровъ ежемѣсячно и сохранить дружбу съ орденомъ [3]). Новыя условія датскаго короля были такъ тягостны, что орденскіе послы не рѣшались принять ихъ, не снесшись предварительно съ магистромъ. Христіанъ III уже слишкомъ дорого цѣнилъ свое покровительство и свое посредничество между орденомъ и Москвою; онъ требовалъ себѣ лучшихъ провинцій ордена, „ключъ къ балтійскому господству“, „форпостъ христіанской Европы противъ русскихъ“.

---

[1]) *Schirren*, I, 201—203, также 249.
[2]) *Bienemann*, II, 178.
[3]) *Mollerup*, 67—69.

Цѣлый рядъ важныхъ обстоятельствъ побудилъ Христіана III измѣнить свое первоначальное рѣшеніе относительно Ливоніи и обусловить свое участіе въ восточныхъ распряхъ такою высокою цѣною. Еще до прибытія въ Данію орденскаго посольства король писалъ къ Фюрстенбергу. что не можетъ оказать ему дѣятельной помощи въ виду враждебныхъ плановъ Лотарингіи противъ Даніи и въ виду того. что владѣнія его въ Норвегіи соприкасаются съ землями московскаго царя. Какъ скоро русскіе узнаютъ, писалъ Христіанъ III, что онъ помогаетъ ливонцамъ, они тотчасъ откроютъ враждебныя дѣйствія противъ датскихъ подданныхъ въ Норвегіи. Относительно Лотарингіи слѣдуетъ замѣтить, что угрозы со стороны родственниковъ Христіана II изъ простыхъ демонстрацій обратились въ дѣйствительность и что, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, король имѣлъ полное основаніе опасаться ихъ. Отмѣтимъ еще слѣдующія два обстоятельства, выдвинутыя Моллерупомъ: внутри самой Даніи опасались волненій, тамъ пришлось арестовать нѣсколькихъ дворянъ, поднимавшихъ сословное движеніе противъ абсолютизма короля. Дворяне не могли примириться съ мыслью, что король кассировалъ почти всѣ ихъ сословныя прерогативы, что онъ успѣшно дѣйствовалъ въ духѣ подчиненія дворянъ и обращенія ихъ изъ знатной сословной касты въ служилый классъ, что онъ наносилъ сильные удары сословной обособленности дворянства и далъ возможность представителямъ другихъ сословій дослужиться до высшихъ должностей, выдвигая таланты, способности, а не родовитость. Это движеніе въ дворянствѣ продолжалось и въ первые годы царствованія Фридриха II. Вторымъ обстоятельствомъ, не дававшимъ Даніи возможности особенно рисковать,—были натянутыя отношенія къ Швеціи. Неопредѣленность, шаткость этихъ отношеній заставляли Христіана III быть постоянно на готовѣ къ отраженію удара съ сѣвера. Раздраженіе обѣихъ сосѣднихъ державъ усиливалось и все болѣе распространявшимися литературными произведеніями полемическаго характера; съ обѣихъ сторонъ внимательно и зорко слѣдили за каждымъ шагомъ сосѣда; у Швеціи и Даніи оставались не разрѣшенными многіе вопросы, напримѣръ, о Готландѣ, объ имѣніяхъ шведскихъ дворянъ въ датскихъ владѣніяхъ, о трехъ коронахъ и др., какъ мы уже подробно указывали въ первой главѣ нашего изслѣдованія. Христіану III стоило только сдѣлать у себя сборъ военныхъ силъ, какъ Густавъ Ваза уже усматривалъ въ этомъ враждебную диверсію и готовился отразить ее. Всѣ европейскіе государи знали объ этихъ сомнительно-дружескихъ отношеніяхъ двухъ сѣверныхъ государствъ и, предвидя скорое сто-

кновеніе ихъ, предлагали свое посредничество для улаженія спорныхъ вопросовъ.

При такихъ обстоятельствахъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, Христіанъ III долженъ былъ съ большою осторожностью дѣйствовать въ ливонскихъ смутахъ, въ которыхъ заинтересовано было столько государствъ и ради которыхъ онъ необходимо вовлекался въ новыя политическія комбинаціи. Лѣтомъ 1558 года король кромѣ того подвергся тяжкой болѣзни; многіе тогда уже опасались за его жизнь; среди его совѣтниковъ также не было единства во взглядѣ на восточную, ливонскую политику Даніи, что не могло ускользнуть отъ вниманія короля и что, безъ сомнѣнія, еще болѣе утверждало его въ мысли держаться осторожной политики и безъ большихъ гарантій не давать никакихъ обѣщаній. Канцлеръ короля Іоаннъ Фризъ стоялъ за активную политику на востокѣ; другой же (нѣмецкій) канцлеръ его, Андерсъ Барба, и тѣ члены рейхсрата, которые принимали участіе въ посольствѣ въ Ливонію, склоняли Христіана III къ пассивно-выжидательной политикѣ. Это разногласіе королевскихъ совѣтниковъ не могло не вліять на внѣшнюю политику Христіана III.

Объявивши въ сентябрѣ орденскимъ посламъ свое новое рѣшеніе, Христіанъ велѣлъ даже возвратить замокъ Ревеля ордену, чѣмъ заявлялъ о своемъ полномъ неудовольствіи дѣйствіями Мунихгаузена. Моллерупъ правъ, усматривая въ этомъ лишь дипломатическую уловку короля. Дѣйствительно, когда послы магистра и Ревеля стали представлять королю, какія отъ этого могутъ возникнуть неурядицы въ виду приближенія русскихъ къ городу и просить его отмѣнить свое рѣшеніе, то онъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній не только согласился, но велѣлъ даже доставить кнехтамъ ревельскаго кремля провіанта и снарядовъ.

Мунихгаузенъ точно ожилъ; мечты его были близки къ осуществленію, планы его приводились въ исполненіе. Онъ добился отдѣльной аудіенціи у короля и передалъ ему желаніе эзельскаго епископа уступить свой столъ второму сыну короля — Магнусу. Король былъ не прочь отъ такой комбинаціи и уполномочивалъ Христофа Мунихгаузена войдти по этому вопросу въ сношенія съ своимъ братомъ епископомъ Эзеля (Іоанномъ Мунихгаузеномъ); мало того, увлекшись новыми видами на возможность утвердиться на восточномъ берегу Балтійскаго моря, онъ отправилъ даже на Эзель большое количество оружія, пороху и разныхъ военныхъ снарядовъ. Мунихгаузенъ долженъ былъ склонить на сторону Магнуса вліятельнѣйшаго совѣтника эзельскаго

епископа—Дидерика Бера, ради чего могъ обѣщать ему и значительное денежное вознагражденіе [1]).

Таковы были результаты орденскаго и ревельскаго посольствъ въ Данію; ни до чего опредѣленнаго не договорились, и оба посольства должны были убѣдиться, что въ Христіанѣ они имѣли государя, который не увлекался фантастическими проектами, а во всѣхъ переговорахъ обнаруживалъ необыкновенную политическую положительность; интересы Даніи у него всегда стояли выше династическихъ интересовъ. Онъ понималъ не хуже сына, какъ важно было бы на востокѣ имѣть операціонный пунктъ какъ противъ шведовъ, такъ противъ Москвы на случай, еслибы царь порвалъ традиціонную дружбу московскихъ государей съ датскими королями ольденбургскаго дома; но онъ сдерживалъ себя, давалъ согласіе на активное вмѣшательство въ ливонскія распри только въ томъ случаѣ, если ему уступятъ Ревель и другіе укрѣпленные пункты вдоль балтійскаго побережья. Ведя переговоры съ орденомъ и съ отдѣльными представителями его, онъ не спѣшилъ порывать ни съ Москвою, ни съ Швеціей и, какъ мы видѣли, ставилъ все въ зависимость отъ результатовъ посольства къ царю.

Въ октябрѣ орденскіе и ревельскіе послы покинули Данію; послѣдніе, получивъ отъ короля 20.000 талеровъ [2]), направились въ Бременъ, чтобы тамъ на ганзетагѣ склонить къ помощи противъ московитовъ всѣ ганзейскіе города.

Христіанъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта изъ Москвы. Во главѣ посольства, отправленнаго въ Ливонію и Москву, стояли три совѣтника короля: Класъ Урне, Петръ Бильде и Владиславъ Вобитцеръ. Инструкція, данная имъ, помѣчена 26-го сентября 1558 года [3]). Главной цѣлью новаго посольства въ Лифляндію должно было быть возстановленіе правъ датскаго короля на Эстляндію; посламъ предписывалось побудить магистра и сословія Гарріи и Вирланда обратиться письменно за помощью къ королю, какъ верховному сюзерену ихъ, чтобы послы короля могли эти письма показать царю, вопервыхъ, какъ свидѣтельство, подтверждающее справедливое требованіе короля на Эстляндію, а вовторыхъ, какъ средство убѣдить царя отвести свои войска изъ Ливоніи и возвратить все имъ покоренное.

---

[1]) *Mollerup*, 70—75.
[2]) а не 16.000, какъ говоритъ *Renner*, 206.
[3]) Копенг. арх., Russland, 21.

Христіанъ разрѣшалъ своимъ посламъ обѣщать магистру за Гаррію и Вирландъ 50.000 талеровъ, но если дѣло дойдетъ до „генеральнаго протектората" короля надъ всей Ливоніей, то они должны были отвѣтить, что не имѣютъ полномочія вести о таковомъ переговоры. Что же касается до ревельскаго кремля, то послы должны были сказать, что занятіе его дѣйствительно сдѣлано отъ имени короля, но безъ его вѣдома; король, по настоянію орденскихъ пословъ, соглашался взять на себя защиту крѣпости, но съ условіемъ, чтобы магистръ самъ доставлялъ деньги для содержанія его; еслибы Фюрстенбергъ не согласился принять этихъ условій, то послы могли всю вину свалить на магистра и потребовать немедленнаго отпуска.

Изъ этой части сентябрьской инструкціи видно, что Христіанъ III смотрѣлъ на Ревель какъ на залогъ, котораго онъ не желалъ упускать изъ рукъ, но которымъ имѣлъ въ виду воспользоваться для давленія на орденъ, чтобы добиться у него за деньги уступки Эстляндіи безъ всякихъ дальнѣйшихъ обязательствъ съ своей стороны [1]).

Въ Россіи датскимъ посламъ предписывалось дѣйствовать съ величайшею осторожностью и тактомъ, чтобы не вызвать къ Даніи вражды этого государства. Послы должны были прежде всего добиться у царя заключенія новаго торговаго трактата, въ силу котораго бы датчане могли свободно торговать въ Россіи и русскіе въ Даніи; во-вторыхъ, датскіе послы должны были указать московскому царю, что часть земель, входящихъ теперь въ составъ ливонскаго ордена, какъ Эстонія, Вирландъ и городъ Ревель, были издавна владѣніями датскихъ королей, и царь, слѣдовательно, не въ правѣ воевать эти земли, присоединять ихъ къ своей коронѣ; чтобы сохранить миръ и дружбу со всѣми христіанскими государями, онъ долженъ отказаться отъ своего намѣренія утвердиться въ названныхъ земляхъ и уступить все имъ завоеванное Даніи.—Любопытно, что Христіанъ требуетъ уступки занятыхъ русскими земель не ордену, которому обѣщалъ помощь и покровительство, а себѣ; онъ надѣялся безъ пролитія крови, одними дипломатическими переговорами, безъ всякихъ даже значительныхъ денежныхъ затратъ (не 50 же тысячъ талеровъ стоила вся Эстляндія съ Ревелемъ) [2]) утвердиться на востокѣ Балтійскаго моря, давно уже потеряннаго для Даніи, съ тѣхъ поръ какъ эти

---

[1]) Ср. *Mollerup*, 76.
[2]) *Mollerup*, 78.

земли были проданы ордену, безъ всякаго, какъ мы видѣли, права возвращать ихъ Даніи; король въ данномъ случаѣ легкомысленно лелѣялъ несбыточную мечту. чтобы московскій царь, побѣдоносно прошедши почти по всей Ливоніи, безъ протеста вернулся въ свои предѣлы и купленное кровью своихъ подданныхъ уступилъ Даніи, ради какой то идеальной дружбы, существовавшей лишь на бумагѣ и никогда со стороны Даніи не проявленной, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ случаевъ, когда этого требовали политическія выгоды самой Даніи.

Обратимся къ результатамъ, какіе были достигнуты датскимъ посольствомъ въ Ливоніи и Москвѣ.

Во время отсутствія изъ Ревеля Мунихгаузена и другихъ сторонниковъ Даніи, настроеніе умовъ въ городѣ измѣнилось и увлеченіе датскимъ протекторатомъ значительно охладѣло. Шведскіе агенты ловко воспользовались этимъ и стали съ бо́льшей энергіей дѣйствовать въ пользу своего правительства. Магистръ ордена также не могъ быть доволенъ тѣмъ, что Ревель дѣйствовалъ какъ самостоятельный и вполнѣ независимый городъ, не испрашивая у него согласія. Въ началѣ сентября онъ отправилъ въ Ревель своихъ пословъ, чтобы склонить городъ оказать магистру посильную помощь противъ враговъ и передать крѣпость города въ руки ордена. Посламъ Фюрстенберга удалось склонить городской совѣтъ на свою сторону и члены его даже извинялись передъ ними за свой поступокъ; мотивомъ его они выставили опасность, грозившую городу извнѣ; они объявили посламъ, что ничего не знали объ интригахъ Мунихгаузена, пока затѣянное имъ дѣло не стало совершившимся фактомъ. На сколько эти показанія городскаго совѣта были согласны съ истиной, мы знаемъ изъ предыдущаго [1]). Убѣдить кнехтовъ сдать магистру крѣпость— было не такъ-то легко; всѣ обращенія къ нимъ рата и орденскихъ пословъ были тщетны; они отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ не смотря на то, что положеніе Икскулля въ крѣпости становилось со дня на день опаснѣе. Изъ Даніи не приходило никакихъ вѣстей. Мунихгаузенъ не посылалъ ни денегъ, ни оружія; среди кнехтовъ поднимался ропотъ, они съ угрозою требовали уплаты себѣ жалованья. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ русскіе все ближе подступали къ стѣнамъ Ревеля; передовые отряды ихъ то и дѣло показывались у самыхъ воротъ города. Обезпечивъ за собою преданность городскаго

---

1) *Mollerup*, 78, 89.

совѣта, орденскіе послы измѣнили и благопріятное для Даніи настроеніе въ ревельскихъ бюргерахъ; и они мало по малу охладѣвали къ датскому королю, отъ котораго не приходило никакой помощи.

Одно обстоятельство очень любопытно: орденскіе послы, прибывшіе въ Ревель, имѣли съ собою тайную инструкцію Кетлера, которая шла совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ, что имъ поручилъ самъ Фюрстенбергъ. Это разъединеніе интересовъ магистра и коадъютора вообще очень гибельно отзывалось на всей исторіи ордена въ послѣдніе годы его существованія. Кетлеръ, какъ сторонникъ Польши, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на сближеніе Фюрстенберга съ Даніей и отъ себя убѣждалъ пословъ всѣми силами постараться отнять у датчанъ ревельскую крѣпость. 30-го сентября и 8-го октября послы магистра повторили Икскуллю свое требованіе, но Икскулль отвѣтилъ имъ, что кнехты его поклялись въ вѣрности датскому королю, самъ же онъ далъ обѣщаніе Мунихгаузену удержать начальство надъ крѣпостью до его возвращенія. Если датскій король самъ прикажетъ ему оставить крѣпость, онъ это исполнитъ безъ замедленія—не иначе. На это послы отвѣчали, что теперь, когда магистру всего необходимѣе имѣть всѣ силы ордена подъ своей властью для борьбы съ московитами, отъ него, по волѣ Икскулля, отнимаютъ до 1.000 человѣкъ. Никакія убѣжденія пословъ не могли склонить Икскулля къ измѣнѣ Даніи. 14-го октября орденскіе послы покинули Ревель. Настроеніе кнехтовъ, между тѣмъ, становилось все безпокойнѣе; подъ вліяніемъ сторонниковъ Кетлера, они стали съ угрозой требовать у Икскулля уплаты имъ жалованья; если, говорили они, до 21-го октября имъ не выплатятъ всего, они уже сами рѣшатъ на общемъ собраніи, что имъ дальше предпринять. Положеніе Икскулля становилось критическимъ. Среди кнехтовъ вспыхнулъ бунтъ. 1-го ноября, во вторникъ, Икскулль былъ заключенъ; къ его счастью въ тотъ же день въ Ревель вернулись изъ Даніи и Бремена ревельскіе и орденскіе послы, везшіе кнехтамъ деньги, провіантъ, оружіе и порохъ; съ ними были и письма отъ Мунихгаузена, въ которыхъ онъ обѣщалъ лично явиться въ Ревель черезъ двѣ недѣли. Икскулля тотчасъ же освободили изъ заключенія, но положеніе его немного лишь улучшилось. Одинъ изъ сторонниковъ ордена, Рембертъ Гильсгеймъ, сдѣлалъ еще попытку уговорить Икскулля оставить крѣпость, но также неуспѣшно, какъ въ первый разъ. Тогда прибѣгли къ такой уловкѣ: кнехтамъ объявили, что датскій король отказался принять крѣпость подъ свою защиту и выразилъ согласіе передать ее ордену; вмѣстѣ съ тѣмъ Икскулля по-

просили показать королевскія грамоты, на основаніи которыхъ онъ принялъ командованіе въ крѣпости. Икскулль никакихъ грамотъ не имѣлъ и обѣщалъ представить таковыя ордену по прибытіи въ Ревель королевскихъ пословъ [1]).

Такъ обстояли дѣла въ Ревелѣ, когда во второй половинѣ ноября неожиданно для всѣхъ туда явился самъ Кетлеръ. Послѣ взятія Рингена онъ сдѣлалъ нападеніе на русскій лагерь, гдѣ стояло до 12.000 человѣкъ, и преслѣдовалъ ихъ на разстояніи трехъ миль,—такъ онъ самъ доносилъ о своихъ военныхъ подвигахъ,—но во время преслѣдованія упалъ съ лошади и изъ-за незначительной раны велѣлъ увезти себя въ Ревель [2]). Прибытіе его въ городъ произвело сильное замѣшательство среди кнехтовъ.

Уже на слѣдующій день, 23-го ноября, Кетлеру, проявлявшему необычайное упорство и настойчивость, удалось отозвать изъ крѣпости 105 кнехтовъ ливонцевъ. Всѣмъ дворянамъ, чиновникамъ и крестьянамъ, принадлежавшимъ къ крѣпости, онъ запретилъ помогать кнехтамъ и датчанамъ подвозомъ съѣстныхъ припасовъ, оружія и т. д. и велѣлъ имъ все свозить въ Феллинъ. Въ слѣдующіе дни кнехты продолжали выходить изъ крѣпости многочисленными отрядами. До 500 человѣкъ ихъ собралось на площади городскаго собора и здѣсь поклялись они въ вѣрности ордену. Оставшимся въ крѣпости Кетлеръ сталъ грозить открытою силою. Икскулль и прибывшій къ нему Дидерикъ Беръ не рѣшились вступить въ борьбу съ многочисленнымъ отрядомъ, собравшимся вокругъ Кетлера; они отправляли письмо за письмомъ къ Мунихгаузену и датскимъ посламъ, представляли имъ безвыходность своего положенія и молили о помощи. Отвѣта не послѣдовало. Тогда, вынужденные необходимостью, они вошли въ переговоры съ Кетлеромъ,—онъ добился своего. Во второй разъ онъ потребовалъ у нихъ королевской грамоты, которая уполномочивала ихъ занять крѣпость отъ его, короля, имени. Икскулль повторилъ, что у него никакой грамоты нѣтъ; Кетлеръ сталъ грозить штурмомъ. Тогда Икскулль и Беръ, которыхъ и городской совѣтъ сталъ склонять къ сдачѣ крѣ-

---

[1]) *Schirren*, I, 154 и далѣе; II, 274 и далѣе; *Mollerup*, 81—84; *Lossius*, I, 47.

[2]) *Schirren*, I, 289. Русскіе источники говорятъ, что въ русскомъ лагерѣ было всего 2,000 чел. (Псковск. Лѣтопись), а Курбскій и вовсе ничего не знаетъ о героическомъ подвигѣ Кетлера. Не прикрасилъ ли самъ Кетлеръ свой военный подвигъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ и въ донесеніяхъ о своей преданности ордену, патріотическомъ воодушевленіи и христіанскомъ настроеніи? (*Bienemann*, II, 207 и далѣе).

пости, согласились уступить ее Кетлеру, но съ условіемъ, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ, что ихъ поступокъ былъ вынужденъ необходимостью и совершенною невозможностью продолжать защиту ея. 8-го декабря подписанъ былъ документъ о передачѣ крѣпости Кетлеру, но въ немъ не исполнено было условіе Икскулля и Бера, въ немъ не упомянуто было ни однимъ словомъ о безвыходномъ положеніи ихъ. Въ виду этого Икскулль и Беръ письменно протестовали противъ редакціи договора. 10-го числа они, тѣмъ не менѣе, сдали крѣпость Кетлеру [1]. Желаніе Кетлера исполнилось. Онъ прекратилъ наступательныя дѣйствія противъ нихъ и поспѣшилъ въ Ревель, чтобы удержать крѣпость въ рукахъ ордена и предупредить вмѣшательство Даніи, но дорогою цѣною: русскіе удержали Дерптъ въ своей власти. Пробили послѣдніе часы датскаго господства въ Ревелѣ. Данія потеряла всякое въ немъ значеніе; Кетлеръ и его партія видѣли въ сближеніи съ Польшей одно спасеніе для Ливоніи, одно средство обезпечить свои эгоистическія стремленія. Имъ надо было во что бы то ни стало отклонить вмѣшательство въ судьбы Ливоніи скандинавскихъ государей, и относительно Даніи это имъ вполнѣ удалось. До прибытія въ Ревель королевскихъ пословъ передача Кетлеру крѣпости была уже совершившимся фактомъ. О какихъ-либо переговорахъ съ Даніей теперь не могло быть и рѣчи: Кетлеръ вполнѣ успѣлъ въ своемъ намѣреніи.

Въ первыхъ числахъ декабря послы Христіана III были въ Ригѣ; сюда прибылъ и магистръ, сторонникъ датскаго протектората; онъ началъ съ ними переговоры о занятіи датчанами Ревеля и объ условіяхъ, на какихъ бы датскій король согласился взять на себя защиту ордена отъ враговъ его. Сюда же въ Ригу пришли и письма Икскулля и Бера, съ просьбою немедленно же оказать помощь въ виду требованій Кетлера. Положеніе датскихъ пословъ было очень затруднительное: съ одной стороны они должны были признать, что предпріятіе Мунихгаузена было совершено безъ всякаго вѣдома короля и противъ его желанія; съ другой—употребить всѣ свои старанія къ тому, чтобы не дать ордену утвердиться въ крѣпости Ревеля. Они обратились было къ Кетлеровымъ сторонникамъ, занявшимъ крѣпость, но не могли ничего добиться. Изъ рукъ Христіана III ушелъ за-

---

[1]) *Mollerup*, 84—85.

[2]) *Lossius* I, 53: Das Schreckgespenst des von den elten Meister betriebenen Dänischen Bündnisses hat ihm in Nacken gesessen.

логъ его господства въ Эстляндіи. Фюрстенбергъ, начавшій переговоры съ королевскими послами, требовалъ покровительства и защиты какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, и заявилъ посламъ, что не можетъ за незначительную сумму, какую предлагаетъ король, уступить ему лучшія части своихъ владѣній. Послы, видя, что уже ничего не добиться отъ Фюрстенберга, поставили ему слѣдующія, рѣшительно не выполнимыя, условія датскаго протектората: они требовали уступки Гарріи, Вирланда, Jerwen'a и крѣпости Феллина. Фюрстенбергъ, разумѣется, этихъ условій не принялъ, первоначальныя же условія соглашался принять, если послы не добьются примиренія Ливоніи съ Москвою, но съ оговоркою: если всѣ условія будутъ подтверждены германскимъ императоромъ. Сказавши магистру, что на это у нихъ нѣтъ никакого полномочія, послы просили его составить проектъ союза, который они по возвращеніи въ Данію согласны представить своему государю. Фюрстенбергъ приготовилъ свой проектъ 1-го января 1559 года; въ этомъ проектѣ говорится, что онъ, коадъюторъ, архіепископъ рижскій и остальныя сословія Лифляндіи выражаютъ готовность уступить датскому королю Гаррію и Вирландъ съ Ревелемъ и Везенбергомъ, городъ Нарву съ окрестностями, Нейшлосъ съ Тольсбургомъ, Вейссенштейномъ и всю область Jerwen, если король приметъ подъ свое покровительство *всю* Ливонію и обѣщаетъ защищать ее противъ всѣхъ враговъ ея въ настоящемъ и будущемъ; затѣмъ, если онъ сохранитъ за городами и мѣстечками всѣ ихъ права и вольности. Со своей стороны магистръ обѣщалъ не начинать ненужныхъ войнъ безъ согласія на то датскаго короля, но коль скоро его земли подвергнутся нападенію извнѣ, король обязанъ защищать его. Наконецъ, орденъ выговаривалъ себѣ право добиться подтвержденія всѣхъ вышеприведенныхъ условій у германскаго императора. Весь проектъ, говорилось въ заключеніи, можетъ подлежать обсужденію только въ томъ случаѣ, если датскіе послы не добьются мира Ливоніи съ Москвою [1]). Мы видѣли выше, что Христіанъ менѣе всего желалъ связать себя обязательствомъ защищать всю Ливонію отъ внѣшнихъ враговъ, Фюрстенбергъ же именно настаивалъ на такъ называемомъ генеральномъ протекторатѣ.

Такимъ образомъ, переговоры Даніи съ орденомъ ни на шагъ не подвинулись впередъ къ началу 1559 года.

Послѣдуемъ теперь за датскими послами въ Москву. Они стре-

[1]) Объ этомъ проектѣ см. *Mollerup*, 86—90.

мились, вѣдь, водворить миръ между царемъ и орденомъ, но никогда надежды на миръ не были такъ шатки, какъ въ 1559 году. Русскіе тогда прочно стояли въ Эстляндіи, и уже 130.000-ное войско ихъ появилось въ виду Риги. Орденъ выставилъ и такія требованія, которыхъ не принялъ бы ни одинъ побѣдоносный врагъ. Имѣя въ виду десятилѣтнее перемиріе, онъ требовалъ у Іоанна Грознаго возвращенія всего завоеваннаго, военной контрибуціи въ размѣрѣ пяти бочекъ золота и обѣщанія не вывозить изъ Дерпта и другихъ городовъ никакого имущества. Безсильный орденъ самъ чувствовалъ, что требованія его не выполнимы, а потому, чтобы выиграть время, поручалъ посламъ добиться лишь временнаго перемирія. Орденъ желалъ временнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, чтобы успѣть довести до конца переговоры о покровительствѣ какого нибудь иноземнаго государя. Датскіе послы напрасно добивались у намѣстниковъ Нарвы и Дерпта, чтобы они пріостановили военныя дѣйствія до ихъ возвращенія изъ Москвы. Сюда они прибыли 19-го марта 1559 года и узнали, что въ ихъ отсутствіе умеръ Христіанъ III; Фридрихъ II, сынъ его, занявшій послѣ него престолъ и рѣшившій оставить политику индифферентной уступчивости своего отца въ ливонскихъ дѣлахъ, прислалъ имъ новыя полномочія. Въ началѣ апрѣля датскіе послы были приняты канцлеромъ царя Иваномъ Михайловичемъ Висковатовымъ. Русскій лѣтописецъ такъ повѣствуетъ объ этомъ: „и били челомъ царю государю послы отъ короля Фредерика дацкаго, чтобы царь и великій князь учинилъ короля Фредерика съ собою въ любви, а велѣлъ людемъ своимъ съ его людми торговати на обѣ стороны не возбранно, да пожаловалъ бы царь и государь для челобитья королева гнѣвъ отложилъ маистру ливонскому и всей землѣ ливонской, далъ бы хотя не на много покою ихъ землѣ, да били челомъ о Колывани, а называли Колывань дацкому королю прислушну, и государь бы пожаловалъ Колывани воевать не велѣлъ“ [1]). 8-го апрѣля у царскихъ совѣтниковъ, Адашева, Висковатова и другихъ, происходили продолжительныя пренія съ датскими послами по вопросу объ Эстляндіи и Вирландѣ. Притязанія короля на эти области рѣшительно ни на чемъ не основаны, указывалъ посламъ Висковатовъ: ливонцы легкомысленно отдавались то подъ власть Даніи, то подъ власть императора и папы римскаго, то подъ власть Польши; всегда они руководились одною

---

[1]) Копенг. арх., Rusland; *Mollerup*, 90 и далѣе; *Лѣтописецъ Русскій* (*Львовскій*), V, 286 и далѣе.

цѣлью—не платить московскому царю той дани, которую предки ихъ обязались ежегодно давать московскимъ государямъ. Ливонцевъ Висковатовъ сравнивалъ съ невѣрнымъ слугою, который, укравши ночью у своего господина часть его имущества, продаетъ ее другому господину; послѣдній, принявъ украденное, нарушалъ законъ и справедливость. Царь, сказалъ одинъ изъ его совѣтниковъ, не уступитъ Даніи и пяди той земли, которая завоевана кровью его подданныхъ; московскіе государи не привыкли уступать кому бы то ни было покоренныя ими земли; они всегда рады заключить дружбу и союзъ съ иноземными государями, но ради этого вовсе не намѣрены жертвовать своими пріобрѣтеніями. Въ заключеніе переговоровъ Висковатовъ привелъ посламъ генеалогію своего государя отъ римскихъ императоровъ и сказалъ, что Эстонія уже 600 лѣтъ тому назадъ была завоевана русскимъ княземъ Георгіемъ-Юріемъ Владиміровичемъ. — Іоаннъ Грозный, отпуская пословъ, сказалъ имъ, что разрѣшаетъ подданнымъ датскаго короля торговать съ своими людьми „во всѣхъ своихъ городахъ въ русскихъ и нѣмецкихъ, въ Юрьевѣ и Ругодивѣ, и въ Новгородѣ Великомъ, и во Псковѣ". Царь соглашался на шестимѣсячное перемиріе, отъ мая до ноября, но магистръ долженъ былъ за это время или самъ явиться въ Москву, или прислать туда пословъ „своихъ лучшихъ людей", „за свои вины добити челомъ на всемъ на томъ, какъ ихъ государь пожалуетъ". Относительно Ревеля отвѣтилъ, „что безлѣпъ король называетъ Колывань и Вирляндскую землю своею, то данщики изъ-вѣчные ихъ царскіе, нынѣ ихъ государь хочетъ держать въ своемъ имени, и въ данномъ предлежаніи, и король бы въ Колывань и Вирлянскую не вступался".

25-го апрѣля датскіе послы были уже въ Новгородѣ и отсюда извѣщали магистра о результатахъ своей миссіи [1]). Въ появившемся

---

[1]) Копенгагенскій архивъ, Rusland, 30; *Mollerup*, 91—93. Сравнить: *Newe Zeytung.* So ein Erbarer Rath der Stadt Reuel, von der Botschaft des Königs auss Dennemarckt, mündtlich gefragt vnd angehöret, wie alle sachen yetzt zwischen dem Vnchristlichen vnd Blutdürstigen Tyrannen, dem Grossfürsten in Moskaw, vnd den Tartern etc. ein gestalt oder gelegenheit hab, Auch sonderlich, wie die Tartern dem Blutdürstigen Grossfürsten, an dreyen orthen so starck im Land lygen, vnd zum theyl schier aussgebrandt, sonderlich des Grossfürsten vergüldte Palläst etc. Wie dann ferners vnd mehres hienach volgend gehört vnnd angezeigt wirdt.—Gedruckt zu Nürnberg, durch Georg Kreydlein. M. D. LXI. [Мюнх. библіотека Eur. 339 (24). Есть два экземпляра этой Zeitung; они разнятся только шрифтомъ].

Anno M. D. LX. Adi den XIIII. Decembris in der Stadt Reuel.

въ Нюрнбергѣ „Листкѣ“ можно было прочесть слѣдующее: бургомистры и ратманны Ревеля узнали отъ датскихъ пословъ, вернувшихся изъ Москвы, что московскія границы подвергаются нападеніямъ татаръ, выжегшихъ большую часть государства; это заставило вели-

---

Wir Burgermeister vnd Rathman der Stadt Reuel, haben begert von der Botschafft des König auss Dennemarckt, so yetzund auss der Moscaw kommen, zu erfaren, Wie alle sach stehe, dann sie biss in acht Monat da gelegen, haben sie freündtlich gesucht, darauff sie vns geantwort haben: Es wären nun vierzehen tag als er auss der Moscaw gezogen, dafür er mit auffgehabnen henden Got gedanckt der jhme auss diesem Land geholffen hette, vnnd wusste nichts anders sie zube, richten, dann von eytel vnd lauter Tyranney vnd verfolgung des Grossfürsten, Es lege jme eygentlich der Tartter im Land starck, an dreye orthen, vnnd beängstiget die Moscouiter sehr mit prand, es wär schon das Moscouiter land schier zum theyl aussgeprandt, auch des Grossfürsten vergulte Palläst, vnd ziehe das meistetheyl volcks so im Lyflandt oder hie im Land gewesen, wider hinein, Sonderlich bey der Nacht, wie er selbst gesehen, vnnd wären zü Naruon vnd Wesenberg, gantz wenig Reüssen oder Moscouiter, vnd die Moscouiter im land wären gantz trawrig vnnd verzagt. Es sey auch in jrem Land grosser hunger vnd thewre zeyt, das man getraid auss Lyfland, so er eingenomen, müss hinein füren, von Derpt vnnd Wesenberg Tag vnd Nacht. Es lygen auch dreymeyl von Reuel die besten kundtschaffter auff Rüga, also das er gemeinkkich auss allen orthen, in 5 tagen kundtschafft hat in der Moscaw, Vnd da vns der vnglaubig angesehen, hat vns der auss Dennemarckt bericht, das er das vergangen jar het gewusst in 10 Tagen, was sich zu Pernaw mit Hertzog Magno in Dennemarckt hab zugetragen, man wusst das alles gross vnnd klein, wie man da auch wol wayss, das die Königklich Maiestet zu Poln den Tartern an sich gezogen. Es solten auch auff die Littauischen grentze 4000 Moscouiter vnd 4000 nach Schmalentz zur besatzung gelegt werden, vmb gefahr willen vō König. Man sagte da auch, das es dem Grossfürsten so gross vmb des Königs schwester zu thün allein, vmb der Tron zu Pola vnd das Land gewesst sey, sonst gebe er vm den König nit gross. Es sein auch wol in die 800, Mann von Pola zu Ross abgefallen, vnd dienen dem Moscouiter, darumb man sich im Ertzstifft vnd die Statt Rüga wol fürsehen müge. Uber den Ertzbischoff vnd Hertzog Christoff von Mechelburg ist der Moscouiter sehr erzürnet, Er meinet, den rechter Meister inn Lyfland hab er schon, ist aber noch nicht gefangen, vnnd er rath das man die 2 Herren wol warnen soll, auch soll sich Coadiutor wol fürsehen.

Do man die Bottschafft fragt, wie es mit der Statt Reuel stünde, hatt er geantwort: Sie dürfften sich noch zur zeit nit so sehr fürchten, dieweil der Tartter im Landt lege, vnnd brennet auff vil meyl wegs, thet jhm grossen schaden: Aber vmb die Fossnacht möcht sich die Statt fürsehen, dann so er wider den Tartter solt Uictoriam haben, ist er willens, das er mit aller, seiner macht auch personlich die belegern will, dan vmb dise statt ist es jm zuthun. Item hat er gesagt, mit den Polen hab er nichts zuthun, es seind gutte Leuth, aber mit der Littaw die wöll er auch inn kurtz besehen, gar wild, Do rind noch vil wasser für, behüt Gott.

каго князя отозвать свои войска изъ Ливоніи; въ Нарвѣ и Везенбергѣ русскихъ осталось очень не много; вслѣдствіе голода въ Россіи все вздорожало, и хлѣбъ туда свозятъ изъ Дерпта и Везенберга. У царя постоянные лазутчики, которые съ необыкновенною быстротою доносятъ ему обо всемъ, что совершается въ Ливоніи: въ пять дней вѣсти приходятъ въ Москву. Царь знаетъ, что польскій король поднялъ противъ него татаръ, но онъ не придаетъ большаго значенія Сигизмунду II. Отъ послѣдняго отпало 800 человѣкъ, перешедшихъ на службу къ Москвѣ. Какъ скоро татары оставятъ Россію, царь лично намѣренъ предпринять походъ къ Ревелю; на литовской границѣ онъ выставилъ 4.000 чел. и столько же отправилъ къ Смоленску. О Фюрстенбергѣ датскіе послы говорили, что онъ хорошо содержится въ Москвѣ; такъ, ему позволили на 50 саняхъ свезти свое имущество изъ Ливоніи въ Россію. Въ Москвѣ послы встрѣтили англичанъ, которые къ Ливоніи *не расположены*.

Uon den gefangnen auss Lyffland sagt er, das beyde Herren vnnd vom Adel, auch Reütter in die fünff hundert gefangen, vnd kläglich vmbgebracht weren: Aber den alten Herren Meyster helt er wol, lang, waiss man nit, Er hat inn die 50 Schlitten, darauff er sein geräth auss Lyfland in die Moscaw füren lassen. Es seind auch Engellender inn der Moscaw ankomen, günnen Ifland nicht vil guts. Und da wir die Bottschafft gefraget, ob er gutte antwort bekommen het, hatt er anzeygt. Der Moscouitisch Cantzler hab jhme die antwort geben, do er lenger dann acht Monat do gelegen: Nachdem er postweiss sey herkommen, soll er wider zůruck reysen, sein Keyser wolt zu gelegner zeyt bey einer Post, die antwort jhme zu entbieten lassen, Man hat jme aber gar kein Brieff nit geben. Er hat auch weytter angezeygt, das der Grossfürst in der Moscaw vom Tarttern (Gott lob) also gebrennet worden, das man das Fewr inn die fünff Meyl wegs weyt gesehen hat, vnd es wär gross thrawren im Land, das auch die Moscouiter nit wissen, was sie am besten angehn solten. Zeyget auch an, Es wäre im Land gantz geringe Rüstung vnd wenn man möcht volck bey der hand haben, die Naruon vnnd Wesenberg, wär wol widerumb an sonderliche mühe zuerobern.

Ach Gott vom Hymel erbarm dichs, das man solches soll wissen, vnd nichts darzu thun will.

Er bericht vns auch so man Uelnir noch 5 tag het gehalten, es het kein noth gehabt, Gott sey es klagt. Es ist ein reysiger Fürst auss der Podoli mit namen Wisdaio wetzki zů Moscouiter gefallen, der ist Oberster weder die Tartern, der hatt dem Grossfürsten vmb gross hilff geschriben, sonst kônne er vor den Tartern nicht bleiben, man warne den König von Poln, das er jme nicht zůuil vertraw, das ist sein rathe, dann er ist schlim, sihet wie er die Poln gern auff sein seyten bringen möcht, aber es ist nichts guts zu jme sich zůversehen. Gott verleihe das Ifland wider zu dem seinen kome, vnd ein Christlichen Herren vber sie bekomme, Amen.

Въ Ливоніи между тѣмъ раздоры партій все увеличивались; сторонники Польши интриговали противъ представителей скандинавскихъ государей; никто изъ нихъ, разумѣется, не имѣлъ въ виду пользы ордена, всѣ старались лишь о собственныхъ выгодахъ. Внутреннія смуты, интриги иностранныхъ государствъ—все это лишь ускоряло паденіе аномальнаго для XVI столѣтія ордена. Военныя событія зимою 1559 года обнаружили совершенную неспособность ордена продолжать войну и безпримѣрное въ исторіи малодушіе: все бѣжало предъ врагомъ, который нигдѣ почти не встрѣчалъ сопротивленія, городъ сдавался за городомъ. Мысль о необходимости прибѣгнуть при такихъ обстоятельствахъ къ покровительству одного изъ сосѣднихъ государей все болѣе и болѣе занимала умы. У представителей ордена не могло быть рѣчи о національномъ подъемѣ, замѣчаемомъ обыкновенно въ минуты сильнаго политическаго кризиса; средневѣковый корпоративный организмъ не могъ дѣйствовать единодушно; каждый отдѣльный членъ, каждая отдѣльная корпорація думали лишь о своихъ прерогативахъ и выгодахъ. Польская партія высоко подняла голову, когда Кетлеръ сдѣлался магистромъ. (Эти польско-ливонскія отношенія мы подробнѣе разберемъ ниже). Съ тѣхъ поръ какъ въ Ревелѣ убѣдились въ томъ, что Кетлеръ желаетъ продать Ливонію Польшѣ, тамъ снова ожили симпатіи къ Даніи. Датскіе послы прибыли сюда изъ Новгорода въ началѣ мая. Отсюда они отправились въ Венденъ, гдѣ тогда находился Фюрстенбергъ. Онъ, какъ мы видѣли, болѣе другихъ склоненъ былъ искать датскаго протектората и во всякомъ случаѣ предпочиталъ зависимость отъ Даніи зивисимости отъ Польши. По его мнѣнію, Польша, утвердившись на берегахъ Двины, станетъ гораздо опаснѣе для цѣлости и самостоятельности ордена, нежели Данія, еслибы ей и уступили Эстляндію. Вскорѣ, однако, Фюрстенбергъ долженъ былъ разочароваться въ Даніи: Фридрихъ II далъ своимъ посламъ такую же по содержанію инструкцію, какъ и отецъ его, и запретилъ при новыхъ переговорахъ исходить изъ январьскаго проекта самого магистра; этого проекта король не принялъ. При такихъ обстоятельствахъ, не порывая еще совершенно съ Даніей, Фюрстенбергъ вошелъ въ сношенія съ Швеціей. 9-го іюня онъ отпустилъ отъ себя датскихъ пословъ, сказавъ, что соглашается изъ своего проекта выкинуть только § о необходимости подтвержденія его германскимъ императоромъ; рѣшительнаго отвѣта онъ посламъ не далъ, поставивъ его въ зависимость отъ результатовъ переговоровъ Кетлера въ Польшѣ

и Германіи. Отпуская пословъ, онъ просилъ ихъ убѣдить короля поспѣшить помощью, такъ какъ замедленіе ея заставитъ его обратиться къ другимъ государямъ. Онъ имѣлъ въ виду снарядить въ Данію еще новое посольство, но ему не суждено было осуществиться: Кетлеръ успѣлъ уже подписать знаменитый въ судьбахъ Ливоніи виленскій трактатъ.

Послѣ неудачной попытки датскаго правительства утвердить свое значеніе въ Эстляндіи, все вниманіе датской партіи въ Ливоніи устремилось на Эзельскую епископію, куда она желала назначить Магнуса, младшаго сына Христіана III. Географическое положеніе Эзеля дѣлало его срединнымъ пунктомъ между скандинавскими государствами и орденскими землями. Датчане ввели въ Эстляндіи христіанство, а въ XVI столѣтіи содѣйствовали водворенію на Эзелѣ новаго ученія; съ тѣхъ поръ эзельскіе епископы, не смотря на то, что уже король Абель въ 1251 году отказался отъ всякихъ правъ на островъ, все-таки во всѣхъ своихъ спорахъ съ орденомъ обращались къ датскимъ королямъ, какъ третейскому судьѣ; епископы искали у нихъ покровительства и всегда находили его. При посредничествѣ Готланда сношенія Эзеля съ Даніей были самыя оживленныя. Въ половинѣ XVI столѣтія епископскій столъ на Эзелѣ занималъ Іоаннъ фонъ Мунихгаузенъ [1]); еще въ 1552 году онъ предлагалъ Христіану III уступить свое епископство его сыну; въ 1556 году онъ имѣлъ въ виду продать часть своихъ владѣній, заключилъ договоръ съ Генрихомъ фонъ Беромъ, домпробстомъ въ Газенпотѣ и готовъ былъ уступить ему за деньги коадъюторство въ курляндскомъ епископствѣ. Папа не утвердилъ этого акта, и тогда въ 1557 году Іоаннъ снова входитъ въ переговоры съ сторонниками Даніи. Въ это время въ Ливонію явились послы отъ датскаго короля съ цѣлью служить посредниками для примиренія Польши съ орденомъ; Іоаннъ воспользовался ихъ пребываніемъ въ Ливоніи и завелъ съ ними рѣчь на извѣстную намъ уже тему. Черезъ годъ Іоаннъ прямо уже обратился къ Христіану III, ища его покровительства; ему ничего такъ не хотѣлось — какъ выгодно продать свое епископство и удалиться въ Германію; жалѣть ему было нечего: эзельская епископія была ему чуждой, и всѣ интересы его были обращены на самообогащеніе тѣмъ или дру-

[1]) Переговоры его съ Даніей всесторонне разсмотрѣны въ прекрасномъ изслѣдованіи *Mollerup'a* (глава III). Ср. еще *Busse*, Herzog Magnus; *Rutenberg*—II, 470, *Richter* и др.

гимъ путемъ; и рѣчи не могло быть о патріотическомъ чувствѣ у такихъ людей, какъ Іоаннъ Мунихгаузенъ, Вильгельмъ Рижскій и т. д. На право эти чужеземцы также обращали мало вниманія; такъ, извѣстно, что по постановленіямъ ландтаговъ и въ силу присяги, даваемой вновь назначаемыми епископами своимъ подданнымъ, епископы не могли безъ согласія всѣхъ сословій входить въ сношенія съ какими-либо иностранными государями и назначать ихъ своими преемниками. Всякаго рода обязательства и законоположенія сдѣлались, однако, давно уже мертой буквой въ Ливоніи, никто ими не стѣснялся, и всякій безъ труда обходилъ ихъ. Вильгельмъ, архіепископъ рижскій, первый, какъ мы видѣли, нарушилъ постановленія вольмарскаго рецесса, Іоаннъ же послѣдовалъ только его примѣру: труденъ бываетъ лишь первый шагъ.

Лѣтомъ 1558 года братъ Іоанна Христофъ фонъ Мунихгаузенъ велъ переговоры съ Христіаномъ III объ эзельской епископіи; никакихъ документальныхъ данныхъ мы не имѣемъ объ этихъ переговорахъ, но, что они привели къ нѣкоторымъ результатамъ, видно изъ краткой замѣтки, отправленной 1-го ноября Фризнеромъ Іоанну финляндскому; въ ней говорится: епископъ Эзеля передалъ свой столъ сыну датскаго короля Магнусу. Герцога ждутъ предстоящимъ лѣтомъ. Ловкій дипломатъ и интриганъ Христофъ Мунихгаузенъ склонилъ къ своему плану и родственника своего Дидериха Бера—епископскаго фохта на Эзелѣ и губернатора Аренсбурга, обѣщавъ ему ежегодную пенсію въ 100 талеровъ. Эзель сталъ теперь средоточіемъ всѣхъ друзей и сторонниковъ Даніи; общимъ стремленіемъ ихъ было—сдѣлать Эзель владѣніемъ датской короны [1]). Раннею весною 1559 г. Іоаннъ Эзельскій отправилъ своего брата въ Данію и уполномочилъ его—предложить эзельскую епископію сыну датскаго короля; Христіану Іоаннъ писалъ, что согласится подтвердить все, на чемъ онъ остановится и сойдется съ его братомъ. Но уже 1-го января 1559 года Христіанъ умеръ; сынъ его Фридрихъ продолжалъ его политику и тотчасъ же, послѣ похоронъ отца, возобновилъ переговоры объ Эзелѣ. Онъ понималъ всю важность владѣнія Эзелемъ въ виду близости его къ Финляндіи и Готланду и всѣми силами старался не допустить захвата его шведами. Первый годъ своего царствованія онъ, какъ мы видѣли, долженъ былъ употребить всѣ силы для подавленія свободныхъ дитмарсовъ; онъ успѣшно окончилъ борьбу

[1]) *Mollerup*, 104.

съ небольшимъ народомъ и тогда уже могъ съ бо́льшимъ вниманіемъ отнестись къ ливонскимъ событіямъ. Въ іюнѣ къ нему явилось офиціальное посольство отъ эзельской епархіи; во главѣ его стояли ратсгерры Класъ Адеркасъ, Конрадъ Бурмейстеръ и Генрихъ Икскулль. Инструкція, которою они были снабжены, была помѣчена 12-го іюня и скрѣплена подписями епископа Іоанна и домпробста Арнольда фонъ Фитингъ. Изъ этой инструкціи обнаружилось, что епископъ Эзеля какъ будто отступалъ отъ прежнихъ своихъ намѣреній и желалъ испробовать, не приметъ ли молодой король эзельской епархіи при болѣе выгодныхъ для сей послѣдней условіяхъ. Условія, предложенныя королю Мунихгаузеномъ, значительно разнились отъ тѣхъ, которыя имѣлъ въ виду теперь епископъ.

Указавъ сначала на добрыя отношенія, какія издавна существовали между Эзелемъ и датскою короною, послы, по предписанію епископа, должны были сначала добиться покровительства короля безо всякихъ по отношенію къ нему обязательствъ со стороны епархіи. Еслибы это не удалось, то они могли обѣщать королю помощь противъ русскихъ или другихъ враговъ короля и подчиненіе епископства датской коронѣ; наконецъ, еслибы король отвергнулъ и такое предложеніе, послы были уполномочены обѣщать королю отъ имени эзельской епархіи право назначать преемниковъ умершимъ епископамъ.

Только въ крайнемъ случаѣ посламъ разрѣшалось предложить королю покровительство надъ островомъ и право, по смерти епископа, дѣйствовать на немъ по своему усмотрѣнію, но съ согласія императора и съ обязательствомъ сохранить за епископомъ всѣ его привилегіи [1]).

Фридрихъ не мало былъ изумленъ новыми предложеніями эзельскаго епископа, такъ рѣзко расходившимися съ тѣмъ, что ему говорилъ Христофъ Мунихгаузенъ. Какъ въ первомъ предложеніи было много заманчиваго для Даніи, много обѣщающаго, такъ тутъ, въ новой инструкціи, не было ни одного пункта, который представлялъ бы Даніи какую нибудь выгоду; тутъ и рѣчи не было о покупкѣ и продажѣ, или о непосредственной уступкѣ острова Даніи. Въ новомъ предложеніи все было поставлено въ зависимость отъ смерти епископа, ею все обусловливалось; нужно было дождаться ея, и потомъ только открывалась перспектива къ активной политикѣ. Епископъ Іоаннъ не зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Фридрихъ II былъ король, который бы не рѣ-

[1]) *Mollerup*, 106.

шился рисковать силами своего небольшаго королевства ради сомнительныхъ выгодъ. Іоаннъ же „игралъ въ двойную игру“, онъ желалъ выставить себя передъ орденомъ въ наилучшемъ свѣтѣ и попытаться достигнуть своей цѣли безъ большихъ потерь и жертвъ. Фридрихъ II велѣлъ сказать посламъ Іоанна, что отвѣта имъ не будетъ, такъ какъ господинъ ихъ, епископъ, раньше давалъ королю совершенно другія обѣщанія. Король готовъ принять епископство подъ свое покровительство только въ томъ случаѣ, если его немедленно уступятъ ему и предоставятъ въ его распоряженіе.

При такомъ оборотѣ дѣлъ Христофъ Мунихгаузенъ, по просьбѣ своего брата, епископа, посѣтилъ Данію и тамъ быстро привелъ дѣло къ концу. 26-го сентября въ Нюборгѣ подписали соглашеніе, въ силу котораго право презентаціи и назначенія на должности въ Эзелѣ и Викенѣ должно принадлежать королю Даніи.

По нюборгскому трактату, въ которомъ, между прочимъ, снова выдвинули древнее право датскихъ королей на Эзель, король соглашался принять епископа Іоанна, капитулъ и всю епархію подъ свое покровительство, съ условіемъ, чтобы ему и будущимъ королямъ Даніи принадлежало право назначать и жаловать епископовъ каждый разъ, какъ столъ епископскій будетъ вакантнымъ, вслѣдствіе ли смерти епископа или другаго какого либо случая. Король соглашался сохранить за сословіями ихъ привилегіи и права; какъ скоро умиралъ тотъ или другой епископъ — король имѣлъ право занимать Аренсбургъ и руководить назначеніемъ новаго [1]).

Христофъ Мунихгаузенъ обѣщалъ доставить королю подтвержденіе сентябрьскаго договора со стороны епископа, капитула и сословій.

Сентябрьскій трактатъ получаетъ значеніе лишь въ связи съ секретнымъ соглашеніемъ, состоявшимся между королемъ и Мунихгаузеномъ того же 26-го числа. Въ немъ епископъ обѣщалъ уступить Эзель и Викенъ герцогу Магнусу, брату короля, ему же передать и Аренсбургъ за сумму въ 30.000 талеровъ; платежъ долженъ быть совершенъ въ два года по приведеніи трактата въ исполненіе и по избраніи Магнуса капитуломъ въ епископы. Фридрихъ въ этомъ же секретномъ договорѣ соглашался взять на себя и всѣ долги, лежавшіе ни епископствѣ, получивши предварительно инвентарь всѣхъ замковъ - крѣпостей [2]).

---

[1]) Ср. *Schirren*, III, 295; также—Est-vnd Livl. Brieflade von *Toll* und *Schwan*, Riga 1879. *Mollerup*, 3-я глава.

[2]) *Mollerup*, 168, приложеніе III.

16-го октября Дидерихъ Беръ и Конрадъ Бурмейстеръ отъ имени епископа подтвердили нюборгскій трактатъ. 9-го декабря Фридрихъ II писалъ къ маркграфу Вильгельму, что братъ его Магнусъ, съ согласія Іоанна Мунихгаузена и всѣхъ епископскихъ чиновъ, признанъ епископомъ эзельскимъ и викенскимъ [1]). 7-го марта слѣдующаго 1560 года Іоаннъ Мунихгаузенъ составилъ окончательный актъ передачи всего епископства Магнусу и уѣхалъ въ Германію съ полученными деньгами. Фридрихъ достигъ двоякой цѣли: вопервыхъ, онъ освободился отъ конкуррента на голштинскія владѣнія, вовторыхъ, онъ нашелъ пунктъ, откуда легко могъ препятствовать завоевательнымъ стремленіямъ Швеціи въ Ливоніи. Эзель въ рукахъ Даніи такой же важный пунктъ, какъ Ревель въ рукахъ шведовъ.

Уступка Эзеля Даніи сдѣлалась совершившимся фактомъ. Чужеземца Мунихгаузена замѣнилъ чужеземецъ же Магнусъ. Двойственная политика Іоанна сказалась всего яснѣе изъ того, что, давши уже свое согласіе на нюборгскій договоръ, онъ въ письмахъ къ архіепископу рижскому обнаруживаетъ желаніе сохранить самостоятельность Эзеля и жаловался на тяжкія условія, поставленныя ему Даніей; умалчивая о 30.000 талерахъ, онъ говоритъ, что приложитъ всѣ свои старанія, чтобы только добиться менѣе тягостныхъ условій датскаго протектората. Все это писалось въ октябрѣ, когда, не забудемъ, инструкція Беру и Бурмейстеру была уже составлена. Любопытенъ еще одинъ фактъ, характеризующій одного изъ членовъ Ливонскаго ордена, все того же Іоанна эзельскаго: трактатъ свой съ Даніей онъ заключилъ безъ согласія сословій, которыя узнали о немъ, когда онъ уже былъ ратификованъ обѣими сторонами. Сословія впослѣдствіи обвиняли Іоанна въ томъ, что онъ, имѣя въ виду только собственныя выгоды, слишкомъ далеко простеръ свою уступчивость; при большей твердости можно было, по ихъ мнѣнію, добиться менѣе стѣснительныхъ условій; они просили Фридриха II, чтобы онъ не давалъ Іоанну обѣщанныхъ 30.000 талеровъ, а помогъ лучше имъ въ борьбѣ со шведами и другими врагами. Король, разумѣется, не внялъ ихъ убѣжденіямъ; 16-го іюня 1560 года Іоаннъ получилъ 15.000 талеровъ, а 8-го іюля 1562 года остальную сумму [2]).

---

[1]) Brieflade *Toll'я*. Поведеніе Іоанна Эзельскаго и его духовныхъ коллегъ было на столько жалкое, что вызвало общее къ нимъ презрѣніе. Одинъ изъ современниковъ его воскликнулъ: „Wollt Gott ich kunde darzu Hulf vnd Ratt geben das die gotlosen Bischofe ausgerottet würden, dan wo sie mitregieren, ist es numer wol gegangen“ (*Schirren*, I, 280).

[2]) *Mollerup*, 110.

Новый епископъ Эзеля Магнусъ родился 26-го августа 1540 года [1]). Ему было всего 19 лѣтъ, когда въ силу изложенныхъ дипломатическихъ комбинацій и „какой-то ироніи судьбы" онъ сдѣлался членомъ Ливонскаго ордена въ самый тягостный и критическій моментъ его существованія. О молодости Магнуса мы имѣемъ лишь самыя скудныя свѣдѣнія. Образованіе онъ получилъ духовное. такъ какъ, будучи младшимъ сыномъ Христіана III, онъ предназначался къ занятію какого-нибуть духовнаго мѣста, какъ и братъ его Іоаннъ [2]). Учителемъ Магнуса былъ сначала голландецъ Павелъ Новіомагусъ (изъ Нимвегена), придворный проповѣдникъ Христіана III и Доротеи; затѣмъ съ 1553 года Каспаръ Муле—соборный пробстъ въ Рибэ. Воспитаніе Магнуса было поручено Лукѣ Бакмейстеру. впослѣдствіи профессору богословія въ Ростокѣ. человѣку строгому. суровому. Доротея, назначенная опекуншей своихъ дѣтей, внимательно слѣдила за ходомъ занятій и за образомъ жизни ихъ. Внѣшность Магнуса, по описанію ливонскихъ историковъ-католиковъ, была отталкивающей, но въ ихъ описаніи много преувеличеннаго и прямо нелѣпаго; всего болѣе они распространяются о томъ, что онъ былъ кривой; дѣйствительно, до двухъ лѣтъ еще онъ подвергся сильному воспаленію глазъ, стоившему ему одного глаза [3]). Въ 1557 году Христіанъ III отправилъ Магнуса въ Саксонію ко двору Августа, гдѣ онъ съ небольшими перерывами оставался до 1559 года. Цѣлью отправленія его за границу было дать ему возможность ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ дипломатіи, развить, расширить свой кругозоръ. Дворъ Августа Саксонскаго вполнѣ соотвѣтствовалъ этому намѣренію Христіана III; сюда съѣзжались выдающіеся государственные люди какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи; это былъ первый дворъ въ Германіи во второй половинѣ XVI вѣка. Главныя черты характера Магнуса опредѣлились уже въ

---

[1]) *Mollerup*, 111; *Шиманнъ*, 81, неправильно относитъ день рожденія Магнуса къ 7-му января, а *Busse*, 2,—къ 7-му сентября. Ср. *Sonntag*, König Magnus, въ Grave's Caritas, 1831. *A. Döbner*, K. Magnus von Liviand und Zaar Iwun IV von Russland. Rig. Almanach, 1868.

[2]) Фридрихъ II имѣлъ въ виду сдѣлать Іоанна коадъюторомъ Бремена; ему помогали въ этомъ курфюрстъ Саксонскій и герцогъ Брауншвейгскій. Ср. *Aarsberętninger*, I, 137—139.

[3]) *Sonntag*, 206: man könnte jenes physische Portrait ausdeuten zu einer symbolischen Darstellung seiner geistigen und sittlichen Eigenthümlichkeiten, so wie der ganzen Rolle, die er in der geschichte gespielt hat.

юношескихъ годахъ его; это—безграничное легкомысліе, расточительность. чувственность рядомъ съ общительностью и ласковостью. Христіану III знакомы были эти черты характера его сына, почему онъ нерѣдко и обращался къ курфюрсту и его супругѣ съ просьбой строже слѣдить за сыномъ. Приходо-расходныя книги гофмейстера Биргера Тролле—лучшее свидѣтельство распутства молодаго принца.

Девятнадцати лѣтъ Магнусъ имѣлъ уже право получить свой надѣлъ въ герцогствахъ Шлезвигѣ и Голштиніи. Чтобы избѣгнуть дѣлежа король искалъ для Магнуса какого либо духовнаго стола; вниманіе его было обращено на Шлезвигъ и Гильдесгеймъ, на коадъюторство въ рижской архіепископіи, на Любекъ, Бременъ и, наконецъ, Эзель. Фридриха II занимала та же мысль; во время коронаціонныхъ празднествъ въ Копенгагенѣ между прочими вопросами былъ поднятъ и вопросъ о герцогствахъ. Магнусъ тогда же объявилъ, что отказывается отъ своей части въ герцогствахъ, если только избраніе его на эзельскій столъ состоится. Тогда же въ началѣ 1559 года составленъ былъ и такъ называемый „условный отказъ“ Магнуса отъ герцогствъ. Съ согласія вдовствующей королевы Доротеи. Магнусъ, надѣясь на осуществленіе проекта относительно Эзеля. отказывался въ пользу Фридриха отъ отцовскаго наслѣдства и своей части въ Шлезвигѣ, Голштиніи, Стормарнѣ и Дитмарсенѣ; Магнусъ отказывался и отъ всякихъ духовныхъ и свѣтскихъ правъ въ герцогствахъ. Фридрихъ принялъ этотъ условный отказъ и отъ себя далъ Магнусу обѣщаніе возвратить ему его часть изъ отцовскаго наслѣдства, какъ скоро выяснится. что надежды на эзельскую епископію не осуществятся. Тутъ же, въ Копенгагенѣ, произведенъ былъ и раздѣлъ между братьями всего движимаго имущества Христіана III.

По заключеніи нюборгскаго трактата съ Іоанномъ эзельскимъ Фридрихъ II велѣлъ снарядить въ Копенгагенѣ три корабля, которые и должны были доставить Магнуса на Эзель съ 300 вооруженныхъ кнехтовъ. Король сдѣлалъ распоряженіе и относительно доставки Магнусу платья, утвари, провіанта и т. д. Магнусъ съ своей стороны обнаруживалъ какую-то лихорадочную торопливость, не внималъ ничьимъ совѣтамъ и спѣшилъ лишь отъѣздомъ. 10-го декабря онъ передалъ королю свой условный отказъ и тогда же получилъ отъ него 7.000 талеровъ для уплаты жалованья кнехтамъ въ Аренсбургѣ. Изъ Нюборга Магнусъ поспѣшилъ въ Копенгагенъ, чтобы тамъ лично наблюдать за постройкою кораблей и снаряженіемъ ихъ. Совѣтниками Магнусу король назначилъ рейхсратманновъ Lave Brade и Klas Urne.

Кромѣ того многіе молодые дворяне выразили желаніе сопутствовать Магнусу—кто изъ расположенія къ нему, кто изъ страсти къ приключеніямъ. Въ февралѣ 1560 года Магнусъ прибылъ на Готландъ; здѣсь льды и бури задержали его цѣлыхъ шесть недѣль. Только въ половинѣ апрѣля герцогъ высадился на Эзелѣ съ 400 кнехтовъ. Какъ скоро Іоаннъ узналъ о его высадкѣ, онъ поспѣшилъ на встрѣчу герцогу со всѣмъ капитуломъ, ратомъ и рыцарствомъ и передалъ замокъ въ руки Магнуса; гарнизонъ замка уже болѣе года стоялъ на службѣ Даніи. 13-го мая произошло торжественное отреченіе Іоанна отъ епископства; въ присутствіи Магнуса онъ передалъ знаки своей власти въ руки капитула, освободилъ своихъ подданныхъ отъ присяги и побудилъ немедленно приступить къ избранію новаго господина. Капитулъ собрался въ дворцовой капеллѣ и „свободно, безъ принужденія" избралъ Магнуса въ епископы. Изъ замка его съ большою торжественностью проводили въ церковь; послѣ службы громогласно объявили его епископомъ и пропѣли „Тебе Бога хвалимъ". Вернувшись въ епископскій дворецъ, Магнусъ принялъ отъ капитула ключи и мечъ—знаки епископской власти; во внутреннихъ покояхъ ему присягнули въ вѣрности—какъ епископу и господину. Чрезъ нѣсколько дней Магнусъ подтвердилъ за дворянствомъ и другими сословіями ихъ привилегіи и даровалъ имъ нѣкоторыя новыя, надѣясь щедростью и обѣщаніями наградъ составить себѣ сильную партію, а затѣмъ уже какъ можно выгоднѣе обставить свое участіе въ борьбѣ изъ за Ливоніи. 17-го августа сословія скрѣпили своими подписями нюборгскій трактатъ.

Прибытіе датскаго принца на Эзель пробудило въ ливонцахъ самыя свѣтлыя надежды; прекратятся смуты, враги перестанутъ насъ тревожить, думали и говорили обрадованные жители страны. Всѣ схватились за Магнуса, „какъ утопающій за соломинку". Магнусъ, недавній виттенбергскій студентъ, дѣйствительно, представлялъ соломинку, положеніе его было шаткое и неопредѣленное. Кетлеръ уже успѣлъ склонить Сигизмунда Польскаго принять на себя покровительство и защиту Ливоніи; въ залогъ ему магистръ уступилъ около $^1/_6$ части всѣхъ своихъ владѣній съ правомъ выкупить ихъ послѣ войны за 60.000 гульденовъ; величина суммы, однако, показываетъ уже, что залогъ былъ равносиленъ совершенной уступкѣ, да и самъ король смотрѣлъ на полученныя въ залогъ крѣпости, какъ на неотъемлемую собственность. Помощи же онъ никакой не оказывалъ Кетлеру и какъ будто выжидалъ лишь того времени, когда орденскія владѣнія сдѣлаются его добычей. Помощи отъ германской имперіи орденъ также

тщетно ожидалъ; помимо своей слабости и несамостоятельности Фердинандъ былъ недоволенъ Кетлеромъ за виленскій договоръ съ Польшей. Швеція также не подавала никакой надежды на помощь. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ русскіе съ новыми полчищами вторглись въ несчастную Ливонію, и смуты и междоусобія внутри ордена не только не прекращались, но и усиливались. Очень понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ взоры всѣхъ обратились на Магнуса.

Дѣло, предстоявшее Магнусу, было весьма труднымъ; ему нужно было поладить и съ Кетлеромъ, который уже на ландтагѣ 1560 года въ Ригѣ открыто заявлялъ о своихъ секуляризаціонныхъ планахъ, — предъ глазами его былъ примѣръ Пруссіи,—и съ городами, стремившимися къ самостоятельной и отдѣльной отъ ордена политикѣ, и съ внѣшними врагами: Польшей, Швеціей, Россіей. Въ виду слѣдуетъ имѣть еще и не вполнѣ выясненныя отношенія новаго епископа къ своему брату королю. Въ нюборгскомъ договорѣ Фридрихъ II обязывался взять Эзель подъ свое покровительство; другими словами, онъ обязывался помогать Магнусу, но какъ далеко это обязательство простиралось,—не было опредѣлено. Все въ трактатѣ было неопредѣленно, темно, шатко; самыя отношенія Магнуса къ датской коронѣ также не имѣли характера вполнѣ яснаго и точнаго. Все это и послужило источникомъ сложныхъ и безконечно длившихся недоразумѣній и создало такія сложныя политическія комбинаціи, которыя Магнусу и его молодымъ и неопытнымъ совѣтникамъ не подъ силу было побороть [1]).

Когда Магнусъ прибылъ на Эзель, къ нему со всѣхъ сторонъ стали стекаться недовольные бывшимъ тогда положеніемъ дѣлъ и предлагали ему свои услуги. Въ большинствѣ случаевъ это были наемные кнехты, которымъ орденъ не въ состояніи былъ выплачивать жалованья, и которые прельщались надеждою найдти въ братѣ датскаго короля неизсякаемый источникъ золота; приходили къ нему и ливонскіе дворяне, имѣнія которыхъ были захвачены и раззорены русскими, и люди дерптскаго епископа—и всѣ они безъ труда пріобрѣтали вліяніе на молодого и довѣрчиваго Магнуса. Магнусъ принималъ всѣхъ бѣглецовъ съ распростертыми объятіями и не обращалъ вниманія на тѣ огромные расходы, къ какимъ пришлось прибѣгнуть, чтобы удовлетворять каждаго изъ являвшихся къ нему искателей приключеній. Эти безумныя затраты и были зерномъ того финансоваго кризиса, который скоро развился съ такою силою при дворѣ новаго епископа.

---

[1]) *Mollerup*, 127.

Если всѣ поименованные бѣглецы находили радушный пріемъ у Магнуса, то совершенно иначе принимали ихъ датскіе совѣтники, сопровождавшіе Магнуса изъ Даніи. Они увидѣли себя на второмъ планѣ и поэтому они почти всѣ покинули молодого епископа и вернулись домой. гдѣ, конечно, неособенно благопріятно отызвались о немъ. Надежды, которыя многіе такъ легкомысленно возлагали на Магнуса, скоро разсѣялись, и Магнусъ сдѣлался для ливонцевъ однимъ изъ самыхъ ненавистныхъ правителей.

Первыя столкновенія у Магнуса возникли съ магистромъ. Еще 20-го апрѣля 1560 года Христофъ Мунихгаузенъ, извѣщая Фридриха II о прибытіи Магнуса на Эзель, писалъ ему, что магистръ хотѣлъ воспрепятствовать его высадкѣ, и только быстрымъ движеніемъ впередъ удалось предупредить намѣреніе магистра. Магистръ рѣшилъ затѣмъ не уступать герцогу области Викенъ; когда же это не удалось, онъ предалъ ее раззоренію, чтобы Магнусъ нѣсколько лѣтъ не могъ пользоваться никакими выгодами и доходами. Не смотря на это Мунихгаузенъ утѣшалъ короля и увѣрялъ его, что пройдетъ не много времени—какъ Магнусъ утвердится не только въ Викенѣ, но и въ Гарріи, Вирландѣ и самомъ Ревелѣ, въ которомъ датская партія очень еще сильна; для успѣшности всѣхъ предпріятій король долженъ, однако, помочь герцогу и датской партіи. Себѣ Мунихгаузенъ требовалъ 9.000 марокъ за расходы, понесенные имъ при захватѣ Ревельской крѣпости [1]). Не одинъ Мунихгаузенъ раскрывалъ передъ королемъ интриги магистра противъ Магнуса; капитулъ Эзеля, дворянство и ратъ извѣщали его о томъ же: магистру, пишутъ они, утвержденіе Магнуса въ Эзелѣ было крайне нежелательнымъ, и онъ всѣхъ поднималъ противъ Магнуса; такъ, онъ вооружилъ противъ него польскаго короля, вселяя въ него злобу и недовѣріе къ герцогу; онъ распространялъ слухи, будто бы Магнусъ явился на Эзель въ сопровожденіи множества воиновъ, что онъ намѣренъ отнять у польскаго короля земли, уступленныя королю магистромъ, а послѣдняго изгнать изъ Ливоніи и утвердиться на его мѣстѣ. Польскій король повѣрилъ всѣмъ этимъ слухамъ и выставилъ на границахъ своихъ владѣній войска; убѣдившись, однако, въ скоромъ времени въ ложности всѣхъ доносовъ, онъ оставилъ свои враждебныя отношенія къ Магнусу [2]).

Приходили къ Фридриху слухи и о томъ, будто магистръ за 600,000 гульденовъ уступилъ Швеціи Гаррію, Вирландъ, Ревель,

---

[1]) *Bienemann* III, 279.

[2]) Копенг. арх. Hapsel, mittwoch nach Joh. Babtiste, ann. 1560.

Перновъ и Зонненбургъ; для этой цѣли, будто бы, магистръ призывалъ къ себѣ шведскихъ пословъ. Въ скоромъ времени — гласила молва — шведовъ ждутъ въ Зонненбургъ и на Эзель; тамъ готовятся къ рѣшительной встрѣчѣ съ врагами и днемъ и ночью работаютъ надъ укрѣпленіемъ стѣнъ. Шведы будто бы въ самоувѣренности своей говорили, что черезъ мѣсяцъ будутъ господами эзельской епархіи. Въ виду того, что слухи о вооруженіяхъ шведовъ ежедневно подтверждались и русскіе снова приближались къ границамъ эзельской епархіи, датчане умоляли Фридриха прійдти къ нимъ на помощь [1]).

Таковы были слухи, доходившіе до короля; обратимся теперь къ фактамъ. Первыя столкновенія произошли дѣйствительно съ магистромъ. Онъ съ самаго начала переговоровъ Іоанна Мунихгаузена съ Даніей относился къ нимъ съ недовѣріемъ и внимательно слѣдилъ за дипломатическими интригами обоихъ братьевъ Іоанна и Христофа; онъ не желалъ допускать перехода Аренсбурга въ руки Магнуса, а когда этого не удалось достигнуть—и Фюрстенбергъ, и Кетлеръ рѣшились не допустить дальнѣйшаго захвата орденскихъ земель; Кетлеръ усматривалъ въ избраніи Магнуса епископомъ эзельскимъ явное посягательство на его планы сближенія съ Польшей и дѣйствительно, какъ доносили Фридриху, хотѣлъ запереть герцогу доступъ на островъ. Терпя неудачу за неудачей, Кетлеръ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, удержать въ своей власти материковыя владѣнія эзельской епископіи, то-есть область Викенъ, но и этого не успѣлъ: его предупредилъ Мунихгаузенъ (Конрадъ), прибывшій туда съ вооруженнымъ отрядомъ. Послѣднему удалось даже около Пернова захватить въ плѣнъ орденскаго фогта на Зонненбургѣ — Генриха Вульфа. Магнусъ имѣлъ неосторожность и политическую безтактность взять плѣнника въ Аренсбургъ, чѣмъ явно обнаружилъ свои враждебныя отношенія къ Кетлеру. За этимъ первымъ дипломатическимъ промахомъ слѣдовалъ другой: Магнусъ въ самомъ безпечно-дерзкомъ тонѣ обратился къ Кетлеру съ письмомъ, въ которомъ указывалъ ему на свои права на Ливонію, гдѣ у него много друзей; заключалъ онъ письмо замѣткою, что такъ стасовалъ карты, что увѣренъ заранѣе, что Кетлеръ проиграетъ игру. Кетлеру лучше было бы, говорилъ Магнусъ, оставить безумную попытку поднять камень, который съ своими сторонниками онъ не въ силахъ даже сдвинуть съ мѣста [2]).

Кетлеръ въ своемъ отвѣтѣ Магнусу, вообще сдержанномъ и мяг-

[1]) Ibidem, Livland.

[2]) *Mollerup*. Ср. Данц. арх. Libri Missivarum, 1560

комъ, оправдывался отъ обвиненія въ враждебныхъ намѣреніяхъ по отношенію къ герцогу и жалѣлъ, что послѣдній придаетъ вѣру всякимъ неосновательнымъ слухамъ; лучше бы соединиться имъ вмѣстѣ и общими силами помѣриться съ грознымъ восточнымъ врагомъ, чѣмъ выискивать причины для несвоевременной ссоры. Кетлеръ просилъ лишь освободить заключеннаго въ Аренсбургѣ фогта. Но Магнусъ наотрѣзъ отказался исполнить это законное требованіе Кетлера; этого мало: 2-го мая онъ снова пишетъ къ нему и проситъ не вмѣшиваться въ дѣла его епископіи. Всѣ эти препирательства послужили лишь прологомъ къ болѣе сложнымъ и враждебнымъ политическимъ комбинаціямъ съ орденомъ. Магнусъ, легкомысленно увлекшись первыми своими успѣхами, начерталъ обширный планъ — покорить Викенъ, Гаррію, Ревель и Дерптъ, что было равносильно одновременной борьбѣ съ Швеціей, Россіей и Польшей. Онъ началъ съ Ревеля [1]). Еще на пути въ Эзель онъ съ Христофомъ Мунихгаузеномъ рѣшилъ обратиться съ воззваніемъ къ Ревелю, Гарріи и Вирланду—признать протекторатъ Даніи, отдаться подъ ея покровительство; оба прожектера сильно расчитывали на многочисленныхъ еще въ Эстляндіи друзей и сторонниковъ Даніи. Много трезвѣе смотрѣлъ на дѣло Фридрихъ II; онъ далекъ былъ отъ мысли дѣйствовать въ Ливоніи неосторожно и опрометчиво; онъ желалъ до начала всякихъ дипломатическихъ агитацій увѣриться въ расположеніи ливонцевъ, совѣтовалъ каждый разъ тщательно прозондировать настроеніе общества. Но Магнусъ не умѣлъ выжидать и медлить; не успѣлъ онъ занять свой новый постъ—какъ уже обратился съ воззваніемъ къ Ревелю отдаться ему. Послѣдовалъ отказъ, продиктованный орденскими послами. Тогда Магнусъ вступилъ въ отдѣльные переговоры съ епископомъ Морицемъ Врангелемъ, который за небольшую сумму денегъ дѣйствительно уступилъ ему администрацію въ ревельской епископіи [2]). Магнусъ напрасно радовался успѣху своей дипломатіи; этотъ шагъ его былъ плохо расчитанъ, ибо значеніе ревельской епископіи не основывалось ни на территоріальномъ могуществѣ, ни на моральной силѣ его въ массѣ народной; назначеніе на вакантный столъ въ Ревелѣ зависѣло всегда отъ ордена; ему одному принадлежало право замѣщенія епископской каѳедры. Магнусъ не желалъ вникнуть глубже въ дѣло и рѣшился съ вооруженной силой вторгнуться въ Эстляндію и тамъ добиться присяги на вѣрность себѣ жителей, что̀, разумѣется, было прямымъ по-

---

[1]) *Schirren*, VI, 13.

[2]) *Renner*, 311; *Nyenstedt*, II, 61; *Mollerup*, 129 и д

сягательствомъ, вторженіемъ въ правовую сферу ордена. Еще болѣе затуманилась голова у честолюбиваго епископа, когда къ нему явились депутаты отъ эстляндскаго дворянства, открывшіе ему намѣренія магистра отдаться Швеціи и просившіе у него защиты; они готовы были признать его своимъ господиномъ и выразили желаніе обратиться къ протекторату датской короны. Магнусъ обѣщалъ имъ свою помощь и принялъ ихъ подъ свое покровительство. Вскорѣ онъ пошелъ еще дальше и сталъ изъявлять притязаніе на аббатство Падисъ, принадлежавшее Ревельской епископіи [1]). Захватъ Падиса, этого ключа къ Ревелю, былъ бы сильнымъ ударомъ для ордена, еслибы онъ тогда же удался. Намѣтивъ только необходимость утвердиться въ Падисѣ, Магнусъ уже простеръ свои виды на Леаль и Перновъ, нѣкогда принадлежавшія эзельской епископіи. Леаль онъ дѣйствительно занялъ своими войсками и велѣлъ описать все, что нашлось въ этой крѣпости. Вскорѣ Магнусу за значительную сумму денегъ удалось склонить на свою сторону и домпробста Курляндіи—Ульриха Бера, но тутъ тотъ же промахъ, что въ сдѣлкѣ съ Врангелемъ: право презентаціи въ Курляндіи также принадлежало ордену, такъ что сближеніе съ Беромъ мало того, что не принесло ему никакой выгоды, но еще только довершило враждебныя отношенія къ Кетлеру.

Такимъ образомъ вся политика Магнуса сложилась изъ ряда попытокъ возстановить въ широкихъ размѣрахъ прежнее значеніе Даніи въ Эстляндіи. Обширные планы молодого епископа лишены были всякой реальной почвы; помощи отъ Даніи не приходило, да и датскій дворъ далеко не одобрялъ всѣхъ его начинаній. Для Фридриха—разрывъ съ орденомъ никакъ не могъ быть желательномъ въ тотъ моментъ, когда какъ разъ ожидалось новое грандіозное вторженіе русскихъ, и когда, слѣдовательно, надѣяться на успѣхъ представлялось высшимъ легкомысліемъ. Въ виду именно новаго похода русскихъ въ Ливонію и Кетлеръ старался тѣмъ или другимъ путемъ предупредить разрывъ съ Магнусомъ; онъ обратился къ архіепископу рижскому и Христофу мекленбургскому съ просьбою принять на себя посредничество въ примиреніи его съ Магнусомъ. Назначенъ былъ съѣздъ въ Ригѣ, но Магнусъ туда не явился. Новое собраніе посредниковъ имѣло мѣсто въ Перновѣ 27-го іюня [2]). Чрезмѣрныя требованія Магнуса парализовали всякія мирныя попытки архіепископа Вильгельма и его коадъютора. Такъ Магнусъ требовалъ себѣ Гаррію. Вирландъ,

---

[1]) *Mollerup*, 131.

[2]) *Mollerup*, 133; *Schiemann*, 83; *Busse*, 6—7.

Падисъ, Перновъ, Леаль и Зонненбургъ. Вмѣсто окончательнаго мира договорились лишь о двухнедѣльномъ перемиріи—съ 8-го по 22-е іюля; по истеченіи этого срока рѣшено было собраться еще разъ въ Перновѣ же. Кетлеръ прибылъ туда 1-го сентября съ твердымъ намѣреніемъ не дѣлать Магнусу никакихъ уступокъ, коль скоро возникнетъ вопросъ о территоріальныхъ вознагражденіяхъ; онъ рѣшился даже соединиться противъ Магнуса съ Польшей.

Переговоры въ Перновѣ совпали съ сильнымъ пораженіемъ, нанесеннымъ русскими ливонцамъ при Эрмесѣ 2-го октября. Эрмесская битва была роковой для ордена; огромно было число убитыхъ и уведенныхъ въ плѣнъ представителей его: ландмаршалъ, командоръ Гольдингена, два фохта и до 120 рыцарей взяты были въ плѣнъ. Роковая вѣсть объ эрмесской катастрофѣ какъ громомъ поразила собравшихся въ Перновѣ. Замолкли споры и единогласно рѣшено было продолжить перемиріе до Троицы 1561 года. Кетлеръ добровольно уступилъ Магнусу управленіе ревельскою епископіей и обѣщалъ отдать ему Падисъ, за что Магнусъ обязывался освободить изъ заключенія Вульфа и возвратить ордену отнятыя у него крѣпости. Остальные спорные вопросы предоставлялись на разсмотрѣніе императора и курфюрстовъ. Магнусъ рѣшился даже въ союзѣ съ Кетлеромъ начать враждебныя дѣйствія противъ русскихъ. Въ виду успѣховъ русскаго оружія удалось избѣгнуть новой междоусобной войны; но внутренній покой не обѣщалъ быть прочнымъ: гибельные раздоры вскорѣ снова всплыли наружу и перновское рѣшеніе имѣло силу только на бумагѣ. Причина этого заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что на перновскомъ собраніи не устранены были принципіальныя противоположности въ стремленіяхъ Магнуса и Кетлера. Новые споры начались изъ-за нежеланія Кетлера уступить Магнусу Падисъ; Кетлеръ мотивировалъ свое поведеніе отказомъ Магнуса очистить захваченные у ордена города и содѣйствовать борьбѣ съ московитами. Послѣдніе, узнавши о перновскомъ соглашеніи Кетлера съ Магнусомъ, распространились по всей Эстляндіи и отказывались признавать нейтралитетъ, провозглашенный эзельскимъ епископомъ. Занявъ Феллинъ, они съ сентябрѣ вторглись въ Викенъ, опустошили его и увезли оттуда богатую добычу. Магнусъ изъ Гапсаля бѣжалъ на Эзель [1]).

Поведеніе Магнуса всѣмъ открыло глаза: восторженныя чувства, питаемыя къ нему ливонцами, смѣнились ненавистью и презрѣніемъ, когда они узнали о полномъ разладѣ въ политическихъ

[1]) *Renner*, 300, 321—324; *Mollerup*, 135—136.

воззрѣніяхъ Магнуса съ Фридрихомъ II. Выше мы уже отмѣтили, что Фридрихъ II не одобрялъ затѣй своего брата. Когда Магнусъ обратился къ нему за денежною помощью, онъ отказался помочь ему и потребовалъ даже, чтобы онъ возвратилъ въ Данію кнехтовъ и рейтеровъ, сопровождавшихъ его на Эзель. Король также остался недоволенъ сближеніемъ Магнуса съ епископомъ курляндскимъ и въ письмахъ къ Магнусу, отказывая ему въ помощи, заявляетъ, что онъ получилъ уже достаточно, больше давать ему король не въ состояніи.

Фридрихъ II, къ которому съ жалобами на Магнуса обращались и Кетлеръ, и городской совѣтъ Ревеля, неоднократно упрекалъ своего брата въ томъ, что онъ окружаетъ себя недостойными людьми и слѣдуетъ ихъ совѣтамъ въ ущербъ собственной чести и чести датской короны.

При такомъ недоброжелательномъ къ себѣ отношеніи короля Магнусъ отправилъ къ нему своего секретаря — Германа Шнейдера, съ тѣмъ чтобы онъ представилъ ему все дѣло въ истинномъ свѣтѣ и разоблачилъ рядъ несправедливыхъ поступковъ по отношенію къ нему, Магнусу, ордена [1]). Защитникомъ Магнуса предъ королемъ выступилъ и ревельскій капитулъ. На короля все это мало подѣйствовало, и въ письмѣ къ Августу саксонскому онъ говоритъ, что рѣшилъ предоставить Магнуса самому себѣ и больше не оказывать ему никакой поддержки.

Обстоятельства складывались, такимъ образомъ, очень невыгодно для Магнуса; ему становилось все труднѣе удержать свое значеніе какъ епископа; пришлось, за неимѣніемъ средствъ, отпустить большую часть своихъ кнехтовъ; безполезными оказывались всѣ воззванія къ Ревелю отдаться Даніи—никто болѣе не придавалъ значенія словамъ епископа. Въ Аренсбургѣ среди его кнехтовъ и рейтеровъ начались неудовольствія и ропотъ вслѣдствіе неполучки жалованья; для удовлетворенія ихъ и водворенія нѣкотораго спокойствія пришлось отдать имъ все серебро, хранившееся въ церквахъ.

Къ денежному кризису присоединился и полный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, а изъ Даніи уже и не отвѣчали на его просьбы и мольбы о помощи. При такихъ обстоятельствахъ Магнусъ неожиданно для всѣхъ покинулъ Эзель въ началѣ 1561 г. и въ мартѣ съ

---

[1]) На чемъ основываются Буссе, а съ нимъ и Шиманнъ, когда говорятъ, что Фридрихъ II самъ отозвалъ Магнуса, желая доставить ему Гильдесгеймскую епископію?

многочисленною свитою явился въ Данію, гдѣ его ожидала далеко не гостепріимная встрѣча [1]). Оставивъ свою свиту въ Копенгагенѣ, онъ проѣхалъ прямо въ Кольдингъ, гдѣ находилась тогда вдовствующая королева Доротея.

Фридрихъ былъ такъ недоволенъ пріѣздомъ своего брата, что сначала даже отказывался принять его. Только по настоятельнымъ требованіямъ Доротеи онъ началъ съ нимъ переговоры. Королева мать—Доротея—отличалась большимъ умомъ и знаніемъ политическихъ отношеній своего времени; ея вліяніе на короля было очень значительнымъ, и онъ не могъ обойдти ее въ вопросахъ, касавшихся его отношеній къ младшимъ братьямъ. Доротея настаивала на томъ, чтобы король помогалъ Магнусу округлить свои владѣнія на Эзелѣ тѣмъ болѣе, что, вѣдь, его надѣломъ въ Шлезвигъ-Голштиніи завладѣлъ онъ, король; она сознавала всю важность совмѣстныхъ дѣйствій короля и герцога въ Ливоніи и отдавала вообще преимущество политикѣ Магнуса предъ осторожною и сдержанною системой Фридриха. Прибытіе Магнуса въ Данію совпало съ прибытіемъ туда же и орденскихъ пословъ, и вотъ Фридрихъ II прежде всего содѣйствовалъ продленію срока перемирія Магнуса съ орденомъ до Троицы 1564 года. Затѣмъ онъ приступилъ къ переговорамъ съ своимъ братомъ съ твердымъ намѣреніемъ дать окончательную форму отношеніямъ Магнуса къ датской коронѣ. Его цѣль состояла въ томъ, чтобы тѣснѣе связать Эзель съ Даніей и ограничить самостоятельность дѣйствій Магнуса. Какъ видно, его взгляды на этотъ разъ совершенно расходились со взглядами Доротеи. Послѣдняя, въ виду того, что король присвоилъ себѣ часть владѣній Магнуса въ Голштиніи, желала, чтобы Магнусъ владѣлъ Эзелемъ, какъ наслѣдственнымъ леномъ датской короны, могъ жениться и т. д. [2]). Фридрихъ II указывалъ своей матери, что такая постановка дѣла противорѣчитъ Ниборгскому трактату, по которому датскому королю предоставлялось право назначать новаго епископа каждый разъ, какъ епископскій столъ сдѣлается вакантнымъ. По смерти Магнуса, говорилъ король, Эзель долженъ перейдти къ датской коронѣ. Стало быть, король не желалъ признавать Эзель наслѣдственнымъ владѣніемъ Магнуса, а лишь пожизненнымъ.

---

[1]) *Копен. арх.* Lifl. 16. Memoriall wass von wegen vnser Magnussen secretarius vnd lieber getrever Hermannus Schneider bey K. W. zu Dennemarcken vnsernthalben werben soll, vber vorigen vnnsern entpfangenen Beuelch. (Подл. съ печатью).

[2]) *Aarsberetninger fra det Kon. Geheime Archiv*, III, 51.

4-го мая 1561 гйда Фридрихъ II обязалъ своего брата подписать актъ. по которому онъ лишался почти всякой самостоятельности на Эзелѣ. По просьбѣ королевы матери, говорится въ этомъ актѣ, король разрѣшаетъ своему брату возвратиться на Эзель, но съ условіемъ впредь не покидать своей епархіи безъ особаго на то разрѣшенія короля и то лишь на срокъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Король назначаетъ на Эзель штатгальтера, съ согласія и вѣдома котораго Магнусъ только и можетъ принимать какія либо новыя рѣшенія. Крѣпости и замки Эзельской епископіи открыты для Магнуса, но войска, ихъ занимающія, должны дать присягу на вѣрность датскому королю и не переходить изъ города въ городъ безъ разрѣшенія короля. Штатгальтеръ имѣетъ полное право распоряжаться военными гарнизонами крѣпостей и замковъ, вѣдать провіантскую часть, военное снаряженіе и т. д.; онъ, однимъ словомъ, верховное и единственное начальное лице въ Аренсбургѣ. Капитулъ и ратъ Эзельской епископіи не могутъ безъ присутствія штатгальтера обсуждать даже самыхъ незначительныхъ дѣлъ; всякія рѣшенія могутъ быть постановлены только съ его согласія. Магнусъ долженъ обѣщать королю не заключать союзовъ съ иностранными государями и не начинать съ ними войнъ безъ согласія короля, которое и будетъ передано ему чрезъ штатгальтера. Магнусъ не могъ даже вступить въ бракъ, не спросивши своего брата.

Въ заключеніе іюньскаго акта сдѣлано было нѣсколько замѣчаній о финансахъ епископства, пришедшихъ въ совершенное разстройство. Такимъ образомъ въ силу новаго соглашенія Магнуса съ королемъ ограничены были и политическія, и личныя права епископа. Этимъ, однако, не все еще исчерпывалось. Король въ довершеніе всего назначилъ особаго суперинтендента, на котораго возлагалась обязанность искоренять всѣ папистскія заблужденія и злоупотребленія, вкоренившіяся въ Эзельской епархіи; это назначеніе ограничивало компетенцію Магнуса, какъ епископа [1]).

Магнусъ подтвердилъ позорный для него актъ 4-го іюня собственною печатью и подписью. Вся власть на Эзелѣ съ этого дня сосредоточивалась въ рукахъ штатгальтера датскаго короля. Магнусъ представлялъ собою лишь слабую тѣнь самостоятельнаго государя; мало-по-малу владѣнія его стали непосредственною провинціей Даніи, въ чемъ и заключалась конечная цѣль политики Фридриха II.

Вскорѣ послѣ этого важнаго переворота въ судьбахъ Магнуса

[1]) *Mollerup*, 142—144.

сошелъ со сцены и человѣкъ, виновный во всѣхъ интригахъ и политическихъ затѣяхъ Магнуса—Христофъ фонъ Мунихгаузенъ; его лишили должности епископскаго фохта въ Викенѣ и всѣхъ пожалованій, сдѣланныхъ ему Магнусомъ. Впослѣдствіи онъ, правда, снова былъ принятъ королемъ, но уже не какъ офиціальное, а какъ частное лице: политическая роль этого авантюриста, надѣявшагося на обильный ловъ въ мутной водѣ, навсегда окончилась.

Своимъ штатгальтеромъ на Эзелѣ Фридрихъ II назначилъ Дидериха Бера; совѣтниками герцогу Магнусу онъ далъ Христофа Валькендорфа, стяжавшаго себѣ, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, извѣстность твердымъ и энергическимъ веденіемъ дѣлъ въ Норвегіи [1]), и рейхсратманна и адмирала Винценса Юля, котораго мы еще встрѣтимъ въ дальнѣйшей исторіи датско-ливонскихъ отношеній.

При разставаніи съ герцогомъ король далъ ему отъ себя въ подарокъ 3.000 талеровъ и, кромѣ того, въ долгъ 1.000 талеровъ. Съ этою суммою, снабженный провіантомъ и другими запасами, Магнусъ 10-го мая покинулъ Копенгагенъ, чтобы болѣе въ него не возвращаться. 18-го мая онъ былъ въ Аренсбургѣ.

Дипломатическія наставленія, данныя королемъ Дидериху Беру, весьма любопытны. Вотъ ихъ содержаніе: Съ орденомъ необходимо сохранять дружбу, при чемъ было бы весьма желательно склонить его на обмѣнъ епископства Курляндскаго на Зонненбургъ, что̀ значительно бы способствовало округленію земель Эзельской епископіи. Беръ долженъ вообще слѣдить за тѣмъ, чтобы Зонненбургъ не попалъ въ чужія руки. Съ Ревелемъ ему предписывалось секретно возобновить переговоры о покровительствѣ Даніи. Главною же задачей Бера было возстановить и удержать мирныя и дружескія отношенія къ Россіи, при чемъ онъ долженъ былъ стараться склонить Московскаго царя къ признанію законности притязаній Даніи на Гаррію, Вирландъ и Ревель. За это Фридрихъ соглашался отмѣнить запретительные эдикты о плаваніи къ Нарвѣ, на которые онъ согласился лишь по настойчивымъ просьбамъ магистра, Ревеля и императора германскаго. Для Фридриха было бы весьма желательно заключить съ царемъ вѣчный миръ и добиться отъ него, чтобы онъ призналъ нейтральность Магнусовыхъ владѣній въ своей войнѣ съ орденомъ.

Понимая всю важность владѣнія восточнымъ побережьемъ Балтійскаго моря, Фридрихъ II рѣшилъ теперь внимательно слѣдить за

[1]) *Mollerup*, 146. Ср. *Grundtvig*, LXXII.

ходомъ политическихъ отношеній въ Ливоніи; отъ его вниманія не могли укрыться стремленія Швеціи парализовать въ странѣ вліяніе всѣхъ сосѣднихъ державъ и самой стать твердой ногою на востокѣ, чтобы отсюда удерживать всѣ стремленія Россіи къ Балтійскому морю и мало-по-малу пріобрѣсти на немъ полное господство, принадлежавшее цѣлые вѣка по традиціи Даніи. Изъ-за Ливоніи оба скандинавскихъ государя столкнулись въ извѣстной семилѣтней сѣверной войнѣ; изъ-за Ливоніи отношенія ихъ другъ къ другу остаются враждебными въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ. Довольный результатомъ своихъ переговоровъ съ Магнусомъ, Фридрихъ II принялся за внутреннія дѣла, какъ вдругъ получилъ вѣсть о занятіи Ревеля шведами, вѣсть тѣмъ болѣе неожиданную, что въ городѣ до самаго послѣдняго времени оставались сторонники Даніи, и король не терялъ надежды въ концѣ концовъ возстановить прежнее значеніе Даніи во всей Эстляндіи.

Въ занятіи Ревеля шведами заключается узелъ всѣхъ будущихъ отношеній ея къ Даніи, ганзейскимъ городамъ, Польшѣ и Москвѣ.

Намъ предстоитъ теперь заняться разсмотрѣніемъ этого событія.

Дружескія отношенія между Швеціей и орденомъ возникаютъ еще до начала ливонской войны; въ 1554 году магистръ ордена отправилъ въ Швецію посольство, цѣлью котораго было побудить короля не заключать мира съ Россіей. Въ интересахъ ордена было продлить эту борьбу двухъ сѣверныхъ сосѣдей на возможно долгій срокъ, чтобы такимъ образомъ отвлечь вниманіе Россіи отъ Ливоніи. Густавъ Ваза принялъ посольство и съ своей стороны просилъ у ордена помощи противъ Россіи, но орденъ располагалъ такими ничтожными средствами, что не могъ исполнить просьбы короля. Война Швеціи съ Россіей показала первой, на сколько опасенъ для нея былъ восточный сосѣдъ ея, грозный московитъ. Заключивши съ нимъ миръ въ мартѣ 1557 года, осторожный Густавъ избѣгалъ уже всякихъ столкновеній съ нимъ и держался по отношенію къ Россіи самой осторожной политики. Насталъ 1558 годъ. Какъ Данія, такъ и Швеція не могла быть равнодушною зрительницей ливонскихъ событій; она болѣе другихъ государствъ имѣла основаніе опасаться паденія Ливоніи и водворенія на ея мѣстѣ сильной восточной державы—Россіи; ей, конечно, было выгоднѣе сосѣдство слабой Ливоніи, раздираемой къ тому же постоянною борьбою многочисленныхъ партій, нежели сосѣдство съ Россіей, уже и раньше страшной, а теперь, съ утвержденіемъ на Балтійскомъ побережьѣ, внушавшей еще больше

страха. Швеція не могла также допустить и усиленія Польши насчетъ Ливоніи, такъ какъ дѣло католической реакціи, за которое вскорѣ взялась Польша, пошло бы успѣшнѣе и стало бы небезопаснымъ въ религіозномъ отношеніи для Швеціи. Первый Ваза и сыновья его въ виду всего этого съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ дѣлъ въ Ливоніи [1]). Густавъ I, много уже испытавшій, желалъ послѣдніе годы своего царствованія провести мирно и въ полномъ согласіи съ сосѣдними державами. Между тѣмъ безсильный защитить Ливонію отъ русскихъ, императоръ Фердинандъ I, занятый къ тому же и турецкимъ вопросомъ, обратился къ Густаву Вазѣ съ просьбою оказать Ливоніи содѣйствіе противъ русскихъ [2]). Ему (императору), писалъ Фердинандъ, трудно помочь ордену, такъ какъ ихъ владѣнія отдѣлены слишкомъ большимъ пространствомъ, Швеціи же судьба Ливоніи всего болѣе касается: московитъ не ограничится однимъ городомъ или гаванью, а распространитъ свое могущество на весь востокъ Балтійскаго побережья; какъ скоро онъ замѣтитъ дружное участіе сосѣднихъ державъ въ судьбѣ Ливоніи, онъ не рѣшится уже впредь безпокоить ливонскія земли, и сѣверные государи могутъ пользоваться полнымъ миромъ. Письмо императора Фердинанда не могло убѣдить Густава измѣнить своей осторожной политикѣ въ дѣлѣ распространенія шведскаго вліянія по ту сторону Балтійскаго моря, и онъ ограничился лишь тѣмъ, что обратился къ Іоанну Грозному съ письмомъ, въ которомъ просилъ его пощадить ливонцевъ; пусть царь не сочтетъ эту просьбу его, пишетъ Ваза, за вмѣшательство въ его дѣла; нѣтъ, онъ и самъ давно испыталъ, сколько вѣры можно придавать дружбѣ и честности ливонцевъ, теперь же, желая свято сохранить свои дружескія отношенія къ Россіи, онъ, король, предлагаетъ царю свое посредничество, желаетъ убѣдить ливонцевъ, чтобы они безпрекословно пали къ его, царя, ногамъ и просили о пощадѣ [3]).

Иначе смотрѣли на ливонскія событія честолюбивые сыновья осторожнаго Вазы. Политика Густава и сыновей его, дѣйствовавшихъ

---

[1]) Ср. *Schirren*, IV; общія сочиненія *Рихтера* и *Рутенберга*, Ливонскія хроники; спеціальный трудъ *Claes Annerstedt*'a, Grundläggningen af svenska väldet i Livland 1558 — 1563 samt deraf alstrade strider om Vasahuset. Uppsala, 1868. *Handlingar rör. Skand. Hist.* томъ 12, *Paralipomena Elofsson*'a, стр. 101 и д.

[2]) Обращеніе его отмѣчено 11-го сентября 1558 г., Вѣна; оно напечатано въ „Traités de la Suède" *Rydberg*'a, IV, 2, 317.

[3]) *Richter*, I, 341.

совершенно самостоятельно въ своихъ герцогствахъ, должна была въ значительней степени расходиться каждый разъ, какъ дѣло доходило до открытаго вмѣшательства Швеціи въ дѣла сосѣднихъ державъ. Для Густава важнѣе и дороже всего было сохранять спокойствіе и миръ, обезпечивавшіе Швеціи внутреннее благосостояніе. Онъ рѣшительно отказывался отъ всякихъ внѣшнихъ предпріятій, какъ бы выгодны они ни казались съ перваго взгляда, въ особенности же когда успѣхъ былъ такъ слабо гарантированъ, какъ въ борьбѣ изъ-за Ливоніи съ Россіей, и съ прямымъ порицаніемъ относился къ неумѣстнымъ и несвоевременнымъ затѣямъ своихъ сыновей.

Горячѣе всѣхъ отнесся къ ливонскимъ событіямъ Іоаннъ, герцогъ финляндскій. Этотъ слабый государь, ставившій интересы своего герцогства выше интересовъ Швеціи, еще при жизни Густава сталъ преслѣдовать свою особую политику по отношенію къ ордену.

Еще въ 1557 году, увлекаемый честолюбивыми замыслами—расширить предѣлы своего герцогства, Іоаннъ, девятнадцатилѣтній юноша, вошелъ въ сношенія съ магистромъ ливонскаго ордена [1]. Этотъ уже въ первый годъ войны съ Москвою обратился за помощью къ Іоанну, и онъ за уступку ему нѣкоторыхъ городовъ въ Ливоніи соглашался ссудить магистру 200.000 тал. Кромѣ магистра ливонскаго ордена, Іоаннъ сносился и съ магистратомъ Ревеля. Онъ доносилъ обо всемъ этомъ своему отцу и, замѣчательно, Густавъ I вначалѣ не совсѣмъ отвергалъ планы Іоанна, но предписывалъ ему только дѣйствовать съ большою осмотрительностью. Открытое участіе въ дѣлахъ Ливоніи онъ считалъ преждевременнымъ, вопервыхъ, въ виду шаткихъ и еще не вполнѣ установившихся отношеній къ Германской имперіи, леномъ которой были ливонскія земли, вовторыхъ, изъ опасенія вооружить противъ себя Россію.

Главная цѣль нашей восточной политики, пишетъ Густавъ къ Іоанну 10-го мая 1558 года [2], должна состоять въ скрѣпленіи дружественныхъ отношеній къ Россіи; Швеціи весьма важно завязать торговыя сношенія съ русскими, убѣдить русскихъ купцовъ пріѣзжать въ Стокгольмъ или какой нибудь другой приморскій городъ; это теперь тѣмъ достижимѣе, что торговыя сношенія съ западомъ черезъ Нарву строго запрещены императорскими указами. Іоаннъ,

[1] Ср. *Bomansson*, Hertig Iohann och hans tid. Akad. Afh. Helsingfors, 1862. Заглавіе этого изслѣдованія гораздо шире, чѣмъ его содержаніе; оно къ тому же и устарѣло.

[2] *Schirren*, IV, 60.

въ виду великой важности русской торговли, долженъ снестись по этому вопросу съ великимъ княземъ московскимъ, при чемъ въ обращеніи къ нему употребить титулъ, какимъ онъ, великій князь, самъ себя величаетъ; московскому государю слѣдуетъ указать на общность интересовъ Швеціи и Россіи, на естественность сближенія этихъ двухъ государствъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ливонцы рѣшились всякими мѣрами препятствовать торговымъ сношеніямъ Россіи съ западно-европейскими государствами. Іоаннъ долженъ довести до свѣдѣнія московскаго государя, что ливонцы стремятся и шведскую торговлю съ Россіей подорвать, захватываютъ корабли, пріѣзжающіе въ Нарву, грабятъ товары, матросовъ убиваютъ, обнаруживая всѣмъ этимъ рѣшительную враждебность къ Швеціи; онъ долженъ также предложить великому князю выслать въ море нѣсколько военныхъ судовъ, которыя бы могли конвоировать русскія торговыя суда на пути ихъ въ Швецію мимо Нарвы. Вотъ только такими дѣйствіями, думалось Густаву, и возможно склонить русскихъ на свою сторону, завязать съ ними тѣсную дружбу, что въ высшей степени важно и спасительно въ виду враждебныхъ отношеній къ Швеціи Даніи и Имперіи.

Всѣ предложенія, какія Іоаннъ продолжалъ дѣлать Густаву самъ отъ себя и отъ имени магистрата города Ревеля и Фюрстенберга относительно распространенія шведскаго владычества на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря, Густавъ рѣшительно отвергалъ; для прочности здѣсь шведскаго владычества, пишетъ онъ своему сыну, необходимо заручиться такими крѣпостями, какъ Аренсбургъ, Зонненбургъ и Гапсаль, а для завоеванія ихъ потребуются денежныя затраты не по силамъ Швеціи. Успѣхъ всякаго предпріятія въ Ливоніи сомнителенъ вслѣдствіе того, что непремѣнно вызоветъ противъ Швеціи коалицію враждебныхъ державъ — Польши, Даніи, Императора, Пруссіи, Мекленбурга и Вендскихъ городовъ. Если уже думать о завоеваніяхъ въ Ливоніи, то не иначе какъ въ тѣсномъ союзѣ и дружбѣ съ Москвою: она одна въ состояніи будетъ составить противовѣсъ силѣ коалиціонныхъ державъ.

Когда Іоаннъ, безъ вѣдома отца, обѣщалъ магистру денежную помощь, Густавъ опять-таки указывалъ ему, что такимъ поведеніемъ онъ дастъ только Россіи поводъ враждебно отнестись къ Швеціи, чего всего болѣе слѣдуетъ ей опасаться. Къ Фюрстенбергу и ливонцамъ старый король не имѣлъ никакого довѣрія; онъ въ письмѣ къ Іоанну высказывалъ даже предположеніе, какъ бы магистръ не

употребилъ полученныхъ имъ отъ Швеціи денегъ во вредъ ей же самой. Ливонцы денежными займами у Швеціи добиваются случая возбудить Россію противъ Швеціи же и надѣются отклонить войну отъ себя. Къ тому же давать ливонцамъ взаймы деньги равносильно нарушенію договора съ Россіей, а нарушивши этотъ договоръ, скрѣпленный и крестнымъ цѣлованіемъ, „мы уподобились бы мухѣ, которая прямо налетаетъ на огонь и обжигаетъ себѣ крылья“.

Іоаннъ между тѣмъ на столько уже увлекся проектомъ о расширеніи своей территоріи, что отправилъ въ Ревель одного изъ своихъ довѣренныхъ лицъ — Генриха Классона Горна [1]). Официальнаго назначенія онъ не имѣлъ и тайно агитировалъ здѣсь въ пользу Іоанна; зондируя почву въ Ревелѣ, онъ обо всемъ доносилъ своему государю. Эти донесенія весьма любопытны, такъ какъ живо знакомятъ насъ съ настроеніемъ умовъ въ городѣ; въ виду быстрыхъ успѣховъ московскаго оружія и въ виду несогласія между собою отдѣльныхъ правителей Лифляндіи оно было крайне удрученное. Съ самаго вторженія русскихъ въ Ливонію въ городѣ началось сильное броженіе; ежедневно собирались въ ратгаузѣ, гдѣ на очереди стояли вопросы о средствахъ защитить городъ отъ русскихъ и объ отношеніяхъ къ ордену. Въ первые дни прибытія Горна въ городъ всѣ были удивлены и недоумѣвали; никто не рѣшался допросить его, но всѣмъ было ясно, что прибытіе его въ городъ не случайное. Магистратъ города старался черезъ слугъ Генриха Горна узнать объ истинныхъ намѣреніяхъ герцога Іоанна по отношенію къ Лифляндіи, но мало успѣлъ въ своихъ стараніяхъ. У многихъ блеснула надежда, не прибылъ ли Горнъ отъ герцога финляндскаго или отца его съ какими нибудь предложеніями помощи. Горнъ самъ только отчасти высказывался о планахъ своего государя въ разговорѣ съ однимъ изъ ратманновъ Георгомъ Смитомъ; онъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ старался убѣдить магистратъ Ревеля, что желаніе Швеціи клонится къ сохраненію совершенной самостоятельности Лифляндіи, что она не потерпитъ утвержденія въ ней ни Даніи, ни какого нибудь нѣмецкаго княжества. Если уже Лифляндіи не отстоять своей самостоятельности собственными силами, то для наиболѣе долгаго и прочнаго существованія, ей всего лучше отдаться подъ покровительство какого нибудь родственнаго Швеціи князя. Сама Швеція сочла бы

[1]) Род. 1513, † 1595. Онъ прибылъ въ Ревель 13-го іюля 1558 г. (*Schirren*, I, 208 и д.).

тогда своимъ долгомъ помочь Лифляндіи, и соединенныя тѣснымъ союзомъ эти два государства выдержали бы напоръ и Московскаго царя, и Германскаго императора.

Во время переговоровъ городскаго рата съ Горномъ, въ Ревель пришла вѣсть о паденіи Дерпта, 19-го іюля сдавшагося русскимъ. Опасность для Ревеля стала еще большей, и Горнъ уже гораздо смѣлѣе сталъ высказываться; онъ прямо заявилъ ревельцамъ, что имъ не безполезно было бы снарядить посольство къ Іоанну финляндскому, который, думаетъ онъ, навѣрно не отвергнетъ ихъ просьбы о помощи или протекторатѣ. Двое изъ ратманновъ города — Іоаннъ Шмедманъ и Германъ Больманъ—въ отвѣтъ на такое заявленіе ближе сошлись съ Горномъ и старались выпытать у него, каковы истинныя намѣренія герцога, его государя, и какого характера та помощь, о которой говорилъ имъ Горнъ. Агентъ Іоанна уклонялся отъ болѣе обстоятельнаго отвѣта и снова посовѣтовалъ городу войдти въ прямыя сношенія съ Іоанномъ. Знакомство Горна въ городѣ все расширялось, и въ Ревелѣ стало ходить много толковъ о шведскихъ деньгахъ [1]). Около Горна скоро образовалась цѣлая партія шведскихъ приверженцевъ, энергично настаивавшихъ на необходимости союза съ Швеціей и на признаніи Іоанна покровителемъ города. Горнъ, между тѣмъ, продолжалъ успѣшно интриговать за своего государя и среди другихъ классовъ населенія, ловко указывалъ на всѣ выгоды союза съ Іоанномъ и, дѣйствительно, во многомъ содѣйствовалъ успѣху дѣла.

Между Горномъ и городскимъ совѣтомъ завязываются самыя дружескія отношенія; онъ—довѣренное лице рата, ему доносятъ о датскихъ и польскихъ интригахъ въ городѣ, открываютъ новыя политическія комбинаціи, дѣлятся извѣстіями съ театра войны и т. д. Въ матеріальномъ отношеніи Горнъ также былъ вполнѣ обезпеченъ: ратманны наперерывъ одинъ передъ другимъ доставляли ему съѣстные припасы, заботились объ удобствахъ его жизни и, однимъ словомъ, обнаруживали по отношенію къ нему полную преданность.

Въ виду такихъ къ себѣ симпатій рата и населенія, Горнъ шлетъ къ Іоанну одно письмо за другимъ, въ которыхъ вполнѣ обнадеживаетъ легковѣрнаго герцога въ успѣхѣ. Онъ продолжалъ увѣрять Іоанна въ полномъ расположеніи къ нему ревельцевъ даже тогда, когда интриги Мунихгаузена успѣли нѣсколько охладить „шведскій

---

[1]) Копенгагенск. архивъ. Rusland, 6.

воззрѣніяхъ Магнуса съ Фридрихомъ II. Выше мы уже отмѣтили, что Фридрихъ II не одобрялъ затѣй своего брата. Когда Магнусъ обратился къ нему за денежною помощью, онъ отказался помочь ему и потребовалъ даже, чтобы онъ возвратилъ въ Данію кнехтовъ и рейтеровъ, сопровождавшихъ его на Эзель. Король также остался недоволенъ сближеніемъ Магнуса съ епископомъ курляндскимъ и въ письмахъ къ Магнусу, отказывая ему въ помощи, заявляетъ, что онъ получилъ уже достаточно, больше давать ему король не въ состояніи.

Фридрихъ II, къ которому съ жалобами на Магнуса обращались и Кетлеръ, и городской совѣтъ Ревеля, неоднократно упрекалъ своего брата въ томъ, что онъ окружаетъ себя недостойными людьми и слѣдуетъ ихъ совѣтамъ въ ущербъ собственной чести и чести датской короны.

При такомъ недоброжелательномъ къ себѣ отношеніи короля Магнусъ отправилъ къ нему своего секретаря — Германа Шнейдера, съ тѣмъ чтобы онъ представилъ ему все дѣло въ истинномъ свѣтѣ и разоблачилъ рядъ несправедливыхъ поступковъ по отношенію къ нему, Магнусу, ордена [1]). Защитникомъ Магнуса предъ королемъ выступилъ и ревельскій капитулъ. На короля все это мало подѣйствовало, и въ письмѣ къ Августу саксонскому онъ говоритъ, что рѣшилъ предоставить Магнуса самому себѣ и больше не оказывать ему никакой поддержки.

Обстоятельства складывались, такимъ образомъ, очень невыгодно для Магнуса; ему становилось все труднѣе удержать свое значеніе какъ епископа; пришлось, за неимѣніемъ средствъ, отпустить большую часть своихъ кнехтовъ; безполезными оказывались всѣ воззванія къ Ревелю отдаться Даніи—никто болѣе не придавалъ значенія словамъ епископа. Въ Аренсбургѣ среди его кнехтовъ и рейтеровъ начались неудовольствія и ропотъ вслѣдствіе неполучки жалованья; для удовлетворенія ихъ и водворенія нѣкотораго спокойствія пришлось отдать имъ все серебро, хранившееся въ церквахъ.

Къ денежному кризису присоединился и полный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, а изъ Даніи уже и не отвѣчали на его просьбы и мольбы о помощи. При такихъ обстоятельствахъ Магнусъ неожиданно для всѣхъ покинулъ Эзель въ началѣ 1561 г. и въ мартѣ съ

---

[1]) На чемъ основываются Буссе, а съ нимъ и Шиманнъ, когда говорятъ, что Фридрихъ II самъ отозвалъ Магнуса, желая доставить ему Гильдесгеймскую епископію?

многочисленною свитою явился въ Данію, гдѣ его ожидала далеко не гостепріимная встрѣча [1]). Оставивъ свою свиту въ Копенгагенѣ, онъ проѣхалъ прямо въ Кольдингъ, гдѣ находилась тогда вдовствующая королева Доротея.

Фридрихъ былъ такъ недоволенъ пріѣздомъ своего брата, что сначала даже отказывался принять его. Только по настоятельнымъ требованіямъ Доротеи онъ началъ съ нимъ переговоры. Королева мать—Доротея—отличалась большимъ умомъ и знаніемъ политическихъ отношеній своего времени; ея вліяніе на короля было очень значительнымъ, и онъ не могъ обойдти ее въ вопросахъ, касавшихся его отношеній къ младшимъ братьямъ. Доротея настаивала на томъ, чтобы король помогалъ Магнусу округлить свои владѣнія на Эзелѣ тѣмъ болѣе, что, вѣдь, его надѣломъ въ Шлезвигъ-Голштиніи завладѣлъ онъ, король; она сознавала всю важность совмѣстныхъ дѣйствій короля и герцога въ Ливоніи и отдавала вообще преимущество политикѣ Магнуса предъ осторожною и сдержанною системой Фридриха. Прибытіе Магнуса въ Данію совпало съ прибытіемъ туда же и орденскихъ пословъ, и вотъ Фридрихъ II прежде всего содѣйствовалъ продленію срока перемирія Магнуса съ орденомъ до Троицы 1564 года. Затѣмъ онъ приступилъ къ переговорамъ съ своимъ братомъ съ твердымъ намѣреніемъ дать окончательную форму отношеніямъ Магнуса къ датской коронѣ. Его цѣль состояла въ томъ, чтобы тѣснѣе связать Эзель съ Даніей и ограничить самостоятельность дѣйствій Магнуса. Какъ видно, его взгляды на этотъ разъ совершенно расходились со взглядами Доротеи. Послѣдняя, въ виду того, что король присвоилъ себѣ часть владѣній Магнуса въ Голштиніи, желала, чтобы Магнусъ владѣлъ Эзелемъ, какъ наслѣдственнымъ леномъ датской короны, могъ жениться и т. д. [2]). Фридрихъ II указывалъ своей матери, что такая постановка дѣла противорѣчитъ Ниборгскому трактату, по которому датскому королю предоставлялось право назначать новаго епископа каждый разъ, какъ епископскій столъ сдѣлается вакантнымъ. По смерти Магнуса, говорилъ король, Эзель долженъ перейдти къ датской коронѣ. Стало быть, король не желалъ признавать Эзель наслѣдственнымъ владѣніемъ Магнуса, а лишь пожизненнымъ.

---

[1]) *Копен. арх.* Lifl. 16. Memoriall wass von wegen vnser Magnussen secretarius vnd lieber getrever Hermannus Schneider bey K. W. zu Dennemarcken vnsernthalben werben soll, vber vorigen vnnsern entpfangenen Beuelch. (Подл. съ печатью).

[2]) *Aarsberetninger fra det Kon. Geheime Archiv*, III, 51.

4-го мая 1561 года Фридрихъ II обязалъ своего брата подписать актъ, по которому онъ лишался почти всякой самостоятельности на Эзелѣ. По просьбѣ королевы матери, говорится въ этомъ актѣ, король разрѣшаетъ своему брату возвратиться на Эзель, но съ условіемъ впредь не покидать своей епархіи безъ особаго на то разрѣшенія короля и то лишь на срокъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Король назначаетъ на Эзель штатгальтера, съ согласія и вѣдома котораго Магнусъ только и можетъ принимать какія либо новыя рѣшенія. Крѣпости и замки Эзельской епископіи открыты для Магнуса, но войска, ихъ занимающія, должны дать присягу на вѣрность датскому королю и не переходить изъ города въ городъ безъ разрѣшенія короля. Штатгальтеръ имѣетъ полное право распоряжаться военными гарнизонами крѣпостей и замковъ, вѣдать провіантскую часть, военное снаряженіе и т. д.; онъ, однимъ словомъ, верховное и единственное начальное лице въ Аренсбургѣ. Капитулъ и ратъ Эзельской епископіи не могутъ безъ присутствія штатгальтера обсуждать даже самыхъ незначительныхъ дѣлъ; всякія рѣшенія могутъ быть постановлены только съ его согласія. Магнусъ долженъ обѣщать королю не заключать союзовъ съ иностранными государями и не начинать съ ними войнъ безъ согласія короля, которое и будетъ передано ему чрезъ штатгальтера. Магнусъ не могъ даже вступить въ бракъ, не спросивши своего брата.

Въ заключеніе іюньскаго акта сдѣлано было нѣсколько замѣчаній о финансахъ епископства, пришедшихъ въ совершенное разстройство. Такимъ образомъ въ силу новаго соглашенія Магнуса съ королемъ ограничены были и политическія, и личныя права епископа. Этимъ, однако, не все еще исчерпывалось. Король въ довершеніе всего назначилъ особаго суперинтендента, на котораго возлагалась обязанность искоренять всѣ папистскія заблужденія и злоупотребленія, вкоренившіяся въ Эзельской епархіи; это назначеніе ограничивало компетенцію Магнуса, какъ епископа [1]).

Магнусъ подтвердилъ позорный для него актъ 4-го іюня собственною печатью и подписью. Вся власть на Эзелѣ съ этого дня сосредоточивалась въ рукахъ штатгальтера датскаго короля. Магнусъ представлялъ собою лишь слабую тѣнь самостоятельнаго государя; мало-по-малу владѣнія его стали непосредственною провинціей Даніи, въ чемъ и заключалась конечная цѣль политики Фридриха II.

Вскорѣ послѣ этого важнаго переворота въ судьбахъ Магнуса

---

[1]) *Mollerup*, 142—144.

сошелъ со сцены и человѣкъ, виновный во всѣхъ интригахъ и политическихъ затѣяхъ Магнуса—Христофъ фонъ Мунихгаузенъ; его лишили должности епископскаго фохта въ Викенѣ и всѣхъ пожалованій, сдѣланныхъ ему Магнусомъ. Впослѣдствіи онъ, правда, снова былъ принятъ королемъ, но уже не какъ официальное, а какъ частное лице: политическая роль этого авантюриста, надѣявшагося на обильный ловъ въ мутной водѣ, навсегда окончилась.

Своимъ штатгальтеромъ на Эзелѣ Фридрихъ II назначилъ Дидериха Бера; совѣтниками герцогу Магнусу онъ далъ Христофа Валькендорфа, стяжавшаго себѣ, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, извѣстность твердымъ и энергическимъ веденіемъ дѣлъ въ Норвегіи [1]), и рейхсратманна и адмирала Винценса Юля, котораго мы еще встрѣтимъ въ дальнѣйшей исторіи датско-ливонскихъ отношеній.

При разставаніи съ герцогомъ король далъ ему отъ себя въ подарокъ 3.000 талеровъ и, кромѣ того, въ долгъ 1.000 талеровъ. Съ этою суммою, снабженный провіантомъ и другими запасами, Магнусъ 10-го мая покинулъ Копенгагенъ, чтобы болѣе въ него не возвращаться. 18-го мая онъ былъ въ Аренсбургѣ.

Дипломатическія наставленія, данныя королемъ Дидериху Беру, весьма любопытны. Вотъ ихъ содержаніе: Съ орденомъ необходимо сохранять дружбу, при чемъ было бы весьма желательно склонить его на обмѣнъ епископства Курляндскаго на Зонненбургъ, что̀ значительно бы способствовало округленію земель Эзельской епископіи. Беръ долженъ вообще слѣдить за тѣмъ, чтобы Зонненбургъ не попалъ въ чужія руки. Съ Ревелемъ ему предписывалось секретно возобновить переговоры о покровительствѣ Даніи. Главною же задачей Бера было возстановить и удержать мирныя и дружескія отношенія къ Россіи, при чемъ онъ долженъ былъ стараться склонить Московскаго царя къ признанію законности притязаній Даніи на Гаррію, Вирландъ и Ревель. За это Фридрихъ соглашался отмѣнить запретительные эдикты о плаваніи къ Нарвѣ, на которые онъ согласился лишь по настойчивымъ просьбамъ магистра, Ревеля и императора германскаго. Для Фридриха было бы весьма желательно заключить съ царемъ вѣчный миръ и добиться отъ него, чтобы онъ призналъ нейтральность Магнусовыхъ владѣній въ своей войнѣ съ орденомъ.

Понимая всю важность владѣнія восточнымъ побережьемъ Балтійскаго моря, Фридрихъ II рѣшилъ теперь внимательно слѣдить за

[1]) *Mollerup*, 146. Ср. *Grundtvig*, LXXII.

сывалъ Іоанну строго слѣдить за тѣмъ, чтобы изъ Финляндіи не доставляли никакой помощи ливонцамъ ни деньгами, ни провіантомъ; отступниковъ строго и безпощадно наказывать, чтобы отбить охоту у другихъ къ такимъ предпріятіямъ. Никогда не слѣдуетъ, преподаетъ мудрый отецъ легкомысленному герцогу, увлекаться внѣшнимъ, кажущимся успѣхомъ дѣла, заманчивыми и непрочными комбинаціями; начать какое нибудь предпріятіе возможно лишь тогда, когда подъ руками всѣ данныя къ успѣху, ибо конецъ вѣнчаетъ всякое дѣло. „Въ этомъ ты легко убѣдишься, глубже вникнувъ въ содержаніе тѣхъ историческихъ хроникъ и сочиненій, которыя, знаю, ты охотно читаешь; но и въ нихъ не все достойно подражанія: tempora mutantur, и то, что въ политикѣ было возможно за нѣсколько вѣковъ назадъ, теперь уже не примѣнимо. Тверды и непоколебимы лишь слова Святаго Писанія; слѣдуй же совѣтамъ, которые Оно тебѣ даетъ; проникнись тѣми изреченіями изъ книги Іисуса Сираха, которыя мы тебѣ посылаемъ“.

Извѣстіе о томъ, что ревельцы причиняютъ не мало вреда русскимъ торговцамъ въ водахъ и гаваняхъ Финляндіи, сильно встревожило короля, и онъ издаетъ новые указы объ охраненіи всего финляндскаго побережья; въ дѣйствіяхъ ревельцевъ онъ видитъ лишь желаніе поссорить русскихъ со шведами. Недовѣрчиво относился Густавъ и къ Любеку; онъ все еще питалъ нѣкоторый страхъ къ когда-то могущественному носителю всей балтійской и сѣверной торговли и опасался, какъ бы подъ видомъ помощи ливонцамъ Любеку не удалось внезапно завладѣть какою нибудь шведскою гаванью на Балтійскомъ морѣ.

Въ октябрѣ 1558 года Густавъ Ваза рѣшилъ издать на нѣмецкомъ языкѣ перечень причинъ, рѣшительно препятствовавшихъ возможности сближенія его съ ливонскимъ орденомъ. Среди 11 причинъ въ особенности интересны слѣдующія: 1) мирныя отношенія къ Москвѣ, купленныя цѣною великихъ жертвъ, тотчасъ рушатся, какъ скоро Швеція примкнетъ къ антимосковскому союзу съ орденомъ. 2) Лифляндія, какъ ленъ Германской имперіи, не можетъ безъ согласія и желанія императора заключать союзы и трактаты съ иноземными государями. Всего естественнѣе ей искать помощи и защиты у самой имперіи. 4) Магистръ ордена уже обращался за помощью къ датскому королю. Швеціи выступать противъ него со своими планами и притязаніями значило бы вооружить и его противъ себя. 5, 7 и 8) Врагами Швеціи стали бы Польша, Пруссія и Мек-

ленбургъ. 9) Внутренніе раздоры въ Ливоніи достигли такихъ размѣровъ, что надѣяться на успѣхъ въ борьбѣ съ Москвою рѣшительно невозможно: епископы враждебно настроены къ ордену, орденъ къ епископамъ, подданные не признаютъ надъ собою ничьей власти; магистръ не можетъ добиться послушанія со стороны дворянства; многія части ордена уже отпали отъ него, напримѣръ, Гаррія и Вирландъ [1]). 10) Московитъ успѣлъ уже завладѣть такою большою частью орденскихъ земель, что трудно что нибудь предсказать относительно того, кому удастся добиться руки заманчивой невѣсты — Ливоніи; не слѣдуетъ также забывать, что московитъ до сихъ поръ дѣйствовалъ противъ ливонцевъ лишь съ частью своихъ силъ. Легко представить себѣ бѣдствія ордена, когда московитъ вторгнется въ предѣлы его со всею своею военной силой.

Ливонцы, говорится въ заключеніи, кромѣ того, уже съ самаго начала войны дѣйствовали крайне двулично; они поднимали русскихъ противъ Швеціи, они помимо шведскаго короля обращались за помощью къ его молодому и неопытному сыну, ихъ вѣрительныя грамоты были лишены законной силы, такъ какъ были подписаны не достаточнымъ числомъ лицъ и не заключали въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній по отношенію къ Швеціи, не указаны были даже города, которые орденъ долженъ былъ отдать Швеціи въ залогъ.

Ни письма Густава, ни вышеприведенное изложеніе причинъ, не произвели на Іоанна впечатлѣнія; онъ проявлялъ необыкновенную настойчивость въ преслѣдованіи своихъ сепаративныхъ цѣлей, положивъ этимъ начало тому расколу въ родѣ Вазы, который такъ гибельно отозвался на исторіи Швеціи во второй половинѣ XVI и первой половинѣ XVII столѣтія.

Всѣ старанія Іоанна добиться протектората надъ Ливоніей оказались безуспѣшными. Еще въ исходѣ іюля 1558 года датская партія усилилась, число шведскихъ сторонниковъ все уменьшалось, и теперь уже между Іоанномъ и орденомъ шли переговоры только о денежной помощи. За 400.000 талеровъ магистръ ордена обѣщалъ Швеціи въ залогъ Jerwen съ Вейссенштейномъ и Зонненбургъ; если же на это предложеніе не послѣдуетъ согласія, то посламъ предписывалось присоединить городъ и крѣпость Перновъ. Любопытнѣе всего,

---

[1]) На это же указываетъ и Христіанъ III въ письмѣ къ Августу саксонскому отъ 23-го ноября 1558 (Дрезд. арх.).

что магистръ вначалѣ требовалъ, чтобы предлагаемая отдача въ залогъ Пернова или другихъ городовъ значилась лишь на бумагѣ, вскорѣ же, сознавъ всю странность своего предложенія, онъ соглашался на дѣлѣ уступить названные города, но опять-таки съ условіемъ, чтобы владѣніе ими не было наслѣдственнымъ. Изъ этой курьезной инструкціи [1]) видно, что магистръ всего охотнѣе желалъ получить денежную помощь безъ всякаго залога. Обыкновенно, при передачѣ каждой орденской инструкціи, послы въ заключеніи весьма подробно расписывали тираннію московитовъ, растягивали это на цѣлые часы, такъ что въ актахъ мы на страницу дѣла находимъ десятки страницъ одной только реторической болтовни.

Іоаннъ готовъ былъ принять предложенія ордена, но на этотъ разъ Густавъ рѣшительно возсталъ противъ этого. Его прежнее недовѣріе къ ордену возрасло до крайней степени послѣ того, какъ онъ убѣдился въ измѣнчивости орденской политики, выразившейся въ искательствѣ протектората Даніи.

Густавъ излилъ свое неудовольствіе въ цѣломъ рядѣ писемъ къ Іоанну, въ которыхъ упрекалъ его въ недальновидности и какой-то дѣтской довѣрчивости; тонъ писемъ становился все строже. Король рѣшительно требовалъ себѣ повиновенія и ставилъ Іоанну въ вину, что онъ не отправилъ ливонскихъ пословъ къ нему въ Стокгольмъ. Онъ, король,—глава и государь какъ Швеціи, такъ и Финляндіи, а потому право дипломатическихъ переговоровъ съ иностранными государями принадлежитъ ему и никому болѣе. Финляндія не отдѣльное отъ Швеціи государство, а составляетъ съ нею одно цѣлое, подчинена ей, какъ часть къ цѣлому; въ дѣлахъ, касающихся всей Швеціи, ей, поэтому, и нельзя преслѣдовать свои эгоистическіе сепаратные интересы; не можетъ быть рѣчи о самостоятельной политикѣ ея. Іоаннъ—лице подчиненное, и этого онъ не долженъ забывать.

На этотъ разъ Іоаннъ смирился и, когда въ октябрѣ 1558 года магистръ снова обратился къ нему за денежною помощью, то онъ просьбу его отправилъ къ Густаву, и король уже самъ отвѣчалъ магистру рѣшительнымъ отказомъ [2]).

Избранный въ 1559 году въ магистры ливонскаго ордена Кетлеръ понялъ, что безъ согласія Густава ему ничего не добиться отъ Іоанна,

---

[1]) *Schirren*, I, № 87.
[2]) *Schirren*, II, 180.

поэтому онъ и обратился прямо къ королю [1]). Сначала послы Кетлера заѣхали въ Або, гдѣ въ апрѣлѣ были допущены до аудіенціи къ Іоанну. Этотъ обѣщалъ походатайствовать за нихъ у своего отца. Въ концѣ мая посольство Кетлера имѣло уже аудіенцію у Густава Вазы въ Сёдеркепингѣ. Оно просило у короля денежной помощи въ размѣрѣ 200.000 талеровъ за уступку въ залогъ этой суммы Зонненбурга и Феллина, или Феллина и Пернова, или какихъ нибудь другихъ городовъ въ области Jerwen'а. Кромѣ того, послы Кетлера должны были искать и союза Швеціи противъ Россіи.

Послы не могли ничего добиться у Густава; король обѣщалъ имъ только обратиться къ московскому царю съ цѣлью склонить его къ миру съ ливонцами [2]). Съ этимъ отвѣтомъ одинъ изъ пословъ вернулся въ Лифляндію, другой же—Гильсгеймъ—оставался въ Швеціи, въ надеждѣ еще склонить короля помочь ордену деньгами. Въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ посломъ Кетлера Густавъ категорически заявилъ, что согласенъ доставить магистру денежную помощь, если Швеціи уступленъ будетъ Ревель и если императоръ подтвердитъ за Швеціей это владѣніе. Не уполномоченный принимать такія условія, посолъ вернулся въ Лифляндію [3]).

Сношенія Кетлера съ Швеціей возобновляются осенью 1559 года. Кетлеръ зналъ, что Густавъ успѣлъ сберечь для своихъ сыновей значительныя денежныя средства и охотно хотѣлъ ими воспользоваться. Въ письмѣ къ Густаву отъ 16-го октября онъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисуетъ бѣдственное положеніе Ливоніи; письмо его изобилуетъ фразами и повтореніями одного и того же о тиранніи московитовъ. Въ заключеніи онъ проситъ у короля денежной помощи за уступку Зонненбурга, но только тогда, если орденъ не въ состояніи будетъ уплатить ему этой суммы. Густавъ выставилъ теперь новое требованіе, а именно за доставку 100.000 талеровъ уступить Швеціи на 20—30 лѣтъ Зонненбургъ и Аренсбургъ [4]). Это требованіе Густавъ передалъ посламъ Кетлера по совѣту старшаго изъ сыновей своихъ Эрика XIV [5]).

---

[1]) *Schirren*, IV, 474. Инструкція магистра составлена была 2-го марта 1559 года. 16-го окт. второе обращеніе Кетлера къ Густаву.

[2]) *Tegel*, 367.

[3]) Paralipomena *Elofsson'a*, 130. Ср. 134 и 135.

[4]) Густавъ желалъ обезпечить за собою владѣніе всѣмъ Эзелемъ (*Schirren*, IV, 3).

[5]) *Schirren*, III, 324.

Этотъ государь не одобрялъ осторожной политики отца; по его мнѣнію, блестящая и успѣшная внѣшняя политика дѣйствовала укрѣпляюще и плодотворно на внутреннюю политику; онъ ставилъ внутреннее развитіе государства въ зависимость отъ внѣшней политики. Эрикъ XIV, говоритъ Дройзенъ, былъ государемъ великой, обширной политики. Отношенія его къ Густаву тотъ же историкъ приравниваетъ къ отношеніямъ Фридриха II Великаго къ Фридриху Вильгельму I [1]).

Эрикъ побуждалъ Густава войдти въ сношенія съ московскимъ царемъ и добиться отъ него согласія для войны съ ливонцами и для присоединенія завоеванныхъ городовъ и областей къ Швеціи. Одновременно съ этимъ Эрикъ отдѣльно сносился съ Кетлеромъ и обнадеживалъ его скорой помощью Швеціи. Отсюда ясна вся будущая политика Эрика по отношенію къ Ливоніи, двойственность ея, дипломатическіе уловки, полумѣры самого Эрика. О средствахъ къ утвержденію своего вліянія въ Ливоніи онъ никогда не задумывался и съ твердостью и энергіей преслѣдовалъ разъ намѣченную цѣль. Эрикъ рѣшился въ ливонскомъ вопросѣ дѣйствовать сообща съ Іоанномъ, за что Іоаннъ обѣщалъ взять на себя роль посредника въ дѣлѣ женитьбы Эрика на Елизаветѣ Англійской. Отношенія братьевъ другъ къ другу не оставляли желать ничего лучшаго, и они дѣлились всѣми новыми планами и комбинаціями относительно Ливоніи; они сообща дѣйствовали противъ отца и нерѣдко обманывали его относительно своихъ намѣреній. Въ началѣ 1560 года Эрикъ XIV воспользовался отсутствіемъ своего брата въ Англіи и самъ вошелъ въ сношенія съ магистромъ ордена.

Въ концѣ января Горнъ и Шиферъ отправлены были къ Кетлеру съ инструкціями Эрика. Характеръ инструкцій — недосказанность и двойственность; онѣ изобилуютъ странными соображеніями и планами [2]). Посламъ предписано было сначала предложить Кетлеру 100.000 талеровъ за уступку Зонненбурга — города и крѣпости, 10.000 тал. вручить магистру тотчасъ, а остальные выплатить въ продолженіе одного года или двухъ лѣтъ. Если же Швеція не будетъ въ состояніи доплатить остающуюся сумму, то полученный въ залогъ городъ будетъ возвращенъ магистру, но не раньше, чѣмъ магистръ возвратитъ полученные имъ уже 10.000 талеровъ. Въ слу-

[1]) *Droysen*, Gustaf II Adolf, I, 15.
[2]) *Schirren*, IV, № 491.

чаѣ безуспѣшности этого предложенія у пословъ наготовѣ было два другихъ; въ первомъ магистру доставлялось 40.000 тал. за аббатство Падисъ или сейчасъ же 10.000 тал. на 6% за уступку Швеціи Падиса и Зонненбурга, какъ скоро остальная сумма будетъ доставлена изъ Швеціи.

Густавъ узналъ обо всѣхъ этихъ планахъ лишь по отъѣздѣ пословъ въ Лифляндію. Эрикъ же, чтобы скрыть свои честолюбивые замыслы, отправилъ въ Финляндію указъ, запрещавшій подъ страхомъ строжайшаго наказанія какія бы то ни были предпріятія въ пользу ливонцевъ [1]).

Весною 1560 года, въ виду усиливавшагося вліянія Даніи въ Эстляндіи, Густавъ Ваза сдѣлалъ уже послѣднюю попытку остановить успѣхи датчанъ [2]). Онъ обратился къ Кетлеру съ предложеніемъ посредничества для примиренія его съ Москвою; о земельныхъ вознагражденіяхъ въ его инструкціи ни словомъ не упоминается, онъ требовалъ только удовлетворенія за убытки, причиненные ревельцами шведскимъ торговцамъ на пути ихъ къ Нарвѣ. Одновременно Густавъ обращался съ предложеніемъ посредничества и къ московскому царю. Кетлеръ не далъ рѣшительнаго отвѣта Густаву, сославшись на необходимость снестись объ этомъ предварительно съ Польшей. Густавъ вторично обратился къ Кетлеру и выразилъ ему свое удивленіе за отказъ принять его предложеніе о посредничествѣ, требовалъ также объясненія этого отказа, чтобы имѣть возможность выставить точныя причины неудавшагося посредничества московскому царю, которому онъ уже далъ знать о своемъ предложеніи Кетлеру.

Густава, на закатѣ дней его, сильно заботила судьба Ливоніи; онъ предвидѣлъ распаденіе ея и старался не допустить его, боясь чрезмѣрнаго усиленія на востокѣ Балтійскаго моря Даніи и Польши. Въ годъ смерти Густава [3]) въ Швеціи было два ливонскихъ посла, искавшихъ ея помощи противъ русскихъ. Относительно жалобъ шведскаго правительства на притѣсненія шведскихъ торговцевъ, ѣздившихъ въ Нарву, послы доносили, что по этому дѣлу въ Ревель уже посланы коммиссары; отъ магистра они должны были передать шведскому королю просьбу прекратить всякія торговыя сношенія съ русскими. Въ виду смерти Густава посламъ долго

---

[1]) *Schirren*, IV, № 504.

[2]) Svenska Riksdagsakter, af *E. Hildebrand* och *O. Alin*, II, 670, 703.

[3]) Король умеръ 29-го сентября 1560 г.

не могли дать отвѣта, и они должны были нѣкоторое время пробыть въ Стокгольмѣ. Одновременно съ Кетлеровыми послами въ Швецію явилось и посольство отъ города Ревеля—Іоаннъ Шмедеманъ и Іостъ zur Haake [1]). Положеніе Ревеля становилось съ каждымъ днемъ все безотраднѣе; русскіе, пройдя весь Викенъ, обратились на Ревель и нанесли ревельской милиціи сильное пораженіе. Датчане интриговали въ пользу своего короля; поляки требовали, чтобы Ревель, по примѣру южно-ливонскихъ городовъ, принялъ въ свои стѣны польскій гарнизонъ [2]), а тутъ еще крестьянскія возстанія въ Гарріи и Викенѣ. При такихъ-то критическихъ обстоятельствахъ Ревель рѣшился безъ вѣдома Кетлера обратиться за помощью къ Швеціи, прося оказать денежную помощь въ размѣрѣ 30.000 талеровъ [3]). Прямо о шведскомъ покровительствѣ въ инструкціи ничего не говорилось, хотя мысль о немъ и проглядывала при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи ея. Послы какъ будто бы боялись произнести слово „подчиненіе" или „покровительство", говоритъ Аннерстедтъ, хотя послѣднее и имѣлось въ виду.

Итакъ, изъ Лифляндіи было отправлено одновременно два посольства въ Швецію, отъ Кетлера и города Ревеля. Эрикъ, какъ самодержавный государь, могъ теперь дѣйствовать вполнѣ самостоятельно. До смерти своего отца онъ дѣйствовалъ заодно съ Іоанномъ въ ливонскихъ дѣлахъ, теперь же, по примѣру отца, онъ требовалъ, чтобы Іоаннъ воздерживался отъ активнаго участія въ ливонскихъ дѣлахъ и слѣдовалъ вполнѣ его указаніямъ. Какъ раньше Густавъ, такъ теперь Эрикъ препятствовалъ самостоятельнымъ дѣйствіямъ Іоанна, подчиненнаго Швеціи наравнѣ съ другими ея подданными. Онъ требовалъ отъ герцога части податей, собираемыхъ въ Финляндіи, чтобы этими деньгами доставить себѣ вліяніе въ Ревелѣ; онъ требовалъ и присылки кнехтовъ. Іоаннъ однако также мало склоненъ былъ слушать брата, какъ и отца. Онъ явился соперникомъ Эрика въ стремленіи обезпечить за своимъ герцогствомъ владѣніе Эстоніей и вошелъ въ отдѣльныя сношенія съ городскими

---

[1]) *Hjärn*, 230.

[2]) 27-го января 1560 года въ Ревель вступило 160 поляковъ. Ср. *Eduard Pabst*, Beiträge zur Kunde Ehst,—Liv—und Kurlands, 1873, I, Стр. 93. Einquartierung polnischer Truppen in die Stadtschule zu Reval Anno 1561.

[3]) Инструкція ревельскихъ пословъ отмѣчена 5-го сентября (*Schirren*, V, 735). *Henning* говоритъ, что послы Ревеля должны были вести переговоры совмѣстно съ послами Кетлера, чего, однако, изъ инструкціи не видно.

чинами Ревеля. Вскорѣ отношенія двухъ братьевъ принимаютъ враждебный характеръ. Эрикъ рѣшился энергично взяться за представившійся ему случай усилить и распространить свое господство на Балтійскомъ морѣ. Объ удержаніи самостоятельности Ливоніи не могло быть болѣе и рѣчи: элементы ея разложенія были слишкомъ очевидны. Усилиться на ея счетъ казалось дѣломъ столь легкимъ и достижимымъ, что Эрикъ, въ интересахъ Швеціи, считалъ своимъ долгомъ вмѣшаться въ ливонскія смуты [1]). Отъ своихъ агентовъ въ Ревелѣ Берга и Булгрима онъ зналъ объ отчаянномъ положеніи города, объ отсутствіи въ немъ единства, о возмущеніяхъ среди кнехтовъ и т. д. Бергъ и Булгримъ сильно подстрекали Эрика энергично взяться за дѣло. Они представляли королю, какъ выгодно было бы для Швеціи пріобрѣтеніе Ревеля; оно сосредоточило бы въ рукахъ Швеціи всю сѣверо-восточную торговлю, унизило бы значеніе ганзейскихъ городовъ и т. д.

Въ переговорахъ съ орденскими и ревельскими послами Эрикъ держалъ себя весьма тактично. Онъ намѣренно [2]) удержалъ у себя ревельскихъ пословъ дольше пословъ Кетлера, въ надеждѣ съ бо́льшимъ успѣхомъ добиться своихъ цѣлей въ Эстляндіи. Отвѣтъ его Кетлеровымъ посламъ заключалъ въ себѣ мало утѣшительнаго для магистра: король въ весьма учтивой формѣ отказался отъ помощи ему. Ревельскимъ же посламъ онъ сказалъ, что деньгами онъ городу помочь не можетъ, но какъ скоро городъ передастъ себя подъ его покровительство, онъ, король, готовъ защитить его отъ враговъ и подтвердить за нимъ всѣ прежнія привилегіи и льготы. Не имѣя полномочія принять предложеніе Эрика, послы вернулись въ Ревель.

Кетлеръ, надѣясь на польскую помощь и на содѣйствіе себѣ Германской имперіи, объявилъ Эрику въ письмѣ отъ 26-го февраля 1561 года, что болѣе не нуждается въ денежной помощи короля: Германская имперія позаботилась о томъ, чтобы ливонцы болѣе не терпѣли нужды; въ союзѣ съ нею и Польшей онъ будетъ въ состояніи справиться съ русскими и отразить всякое иноземное вторженіе въ орденскія земли: прямая угроза Швеціи! Удовлетвореніе Швеціи за захваченные ливонцами корабли и товары онъ доставитъ, не желая дать королю повода къ недоразумѣніямъ [3]). На этомъ письмѣ и покончи-

---

[1]) *Schirren*, IV, 170, 222, 267 и др.

[2]) *Annerstedt*, 30.

[3]) *Bienemann*, IV, 327; *Handlingar* II, 252 и д.

лись счеты Эрика съ Кетлеромъ—магистромъ. Эрикъ называлъ это письмо лучшимъ образчикомъ ложной, перемѣнчивой политики Кетлера, который переговорами съ Швеціей желалъ только выиграть время [1]).

Зная, какъ слабы были узы, связывавшія Ревель съ орденомъ, Эрикъ XIV въ мартѣ 1561 г. отправилъ въ Ревель посольство, съ Класомъ Кристерсономъ Горномъ во главѣ [2]). Въ офиціальной инструкціи, данной ему на нѣмецкомъ языкѣ, заключалось требованіе объ удовлетвореніи шведовъ за захватъ ихъ кораблей и секвестрированіе ихъ товаровъ ревельцами, а затѣмъ и предложеніе денежной помощи за уступку Пернова и Зонненбурга [3]). Въ неофиціальной инструкціи посламъ ставилось въ обязанность развѣдать, на сколько твердо рѣшеніе ревельцевъ отдаться подъ покровительство Швеціи. Эрикъ прямо совѣтуетъ посламъ воспользоваться неудовольствіемъ и броженіемъ, начавшимся среди кнехтовъ, и склонить ихъ къ сдачѣ шведамъ крѣпости и городскаго собора. Чтобы добиться своей цѣли, посламъ разрѣшались всякія средства: и угрозы, и льстивыя обѣщанія.

Такимъ образомъ, офиціальная инструкція являлась лишь прикрытіемъ настоящихъ намѣреній короля. Изъ письма Эрика къ Горну отъ 17-го января мы всего лучше увидимъ, каковы были эти намѣренія, не прикрашенныя никакою офиціальностью. „Необходимо, говоритъ король, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за ходомъ ливонскихъ дѣлъ; намъ грозитъ большая опасность, если Польша или Россія, воспользовавшись нашимъ нерадѣніемъ, утвердятъ свое господство въ Эстляндіи и Ревелѣ; имѣть Польшу и Россію столь близкими сосѣдями Финляндіи очень опасно и нежелательно для Швеціи“.

Шведскіе послы прибыли въ Ревель 26-го марта 1561 года [4]). Здѣсь дѣла успѣли принять весьма неблагопріятный для шведовъ оборотъ: крѣпость была во власти поляковъ, они же грозили захватить и соборъ, такъ какъ для полнаго обезпеченія за ними города необходимо было заручиться и крѣпостью, принадлежавшей ордену, и соборомъ, принадлежавшимъ епископу. При такомъ положеніи

---

[1]) *Hansen*, Briefe Erichs XIV.

[2]) Съ Горномъ въ городъ прибыли Гансъ Ларссонъ Бьёрнрамъ и Германъ Брусеръ „ein dudesch secretarius“ (*Bienemann*, IV, 241; *Tegel*, 5 и д).

[3]) *Schirren*, IV, 180. Ср. *Hansen*, Briefe Erichs XIV—Beiträge, III, 135. Ср. *Celsius*, 46 и далѣе.

[4]) *Bienemann*, IV, 241. *Hjärn*, 232.

дѣлъ шведскіе послы сочли за лучшее остаться въ городѣ, къ магистру же они отправили отъ себя уполномоченнаго, который и долженъ былъ передать ему объ ихъ прибытіи. Шведы согласно съ неофиціальной инструкцiей рѣшили воспользоваться неудовольствіемъ, возникшимъ между нѣмецкими кнехтами и поляками, и втайнѣ поддерживали его. 8-го апрѣля между кнехтами и поляками дошло до открытой стычки [1]), въ которой пало 7 поляковъ и 3 нѣмца. Бюргеры, возмущенные этимъ, съ крикомъ явились на площадь и потребовали избіенія всѣхъ поляковъ. Поляки были такъ напуганы этимъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней не показывались на улицахъ города и искали случая совершенно его покинуть. Шведскіе послы между тѣмъ успѣшно дѣйствовали въ пользу своего государя; черезъ двухъ нѣмцевъ—Шмедемана и Кенига—они сообщили городскому рату объ истинной цѣли своей миссіи. Настроеніе умовъ въ городскомъ совѣтѣ обѣщало шведамъ успѣхъ; переговоры съ ними ратъ не рѣшился, однако, начать раньше, чѣмъ получитъ отвѣтъ отъ Кетлера на свое заявленіе отъ начала апрѣля, въ которомъ члены рата сообщали Кетлеру о своемъ тягостномъ и крайнемъ положеніи; если магистръ въ состояніи помочь имъ, писалъ ратъ Кетлеру, то ревельцы не измѣнятъ своей присягѣ ему, въ противномъ же случаѣ они считаютъ себя свободными отъ всякихъ клятвенныхъ обязательствъ [2]). До сихъ поръ они не видали, чтобы магистръ о нихъ сколько нибудь пекся; пустыя и успокоительныя обѣщанія—вотъ вся его помощь. Польша также мало обнаруживаетъ искренняго участія къ ливонцамъ; она была равнодушною зрительницей паденія Феллина и Маріенбурга. Для Ревеля наиболѣе выгодный покровитель—король шведскій, такъ какъ онъ, располагая морскими силами, могъ бы помочь ревельцамъ завоевать Нарву.

Съ этимъ посланіемъ отправлены были къ Кетлеру уполномоченные отъ города и дворянъ. Они покинули городъ 11-го апрѣля. Какъ сказано выше, городской ратъ рѣшился дождаться отвѣта отъ Кетлера, а потомъ уже вступить въ переговоры съ шведскими послами. Положеніе этихъ послѣднихъ ухудшалось, такъ какъ болѣе мѣсяца они уже провели въ Ревелѣ, а отъ Эрика не получали никакого

---

[1]) *Schirren*, VII, 2; *Hjärn*, 233.

[2]) Отъ дворянъ послами были Робертъ фонъ Гильценъ и Германъ Сойе, отъ города—Іоаннъ Конингъ, Jürgen Hünerjeger и Лоренцъ Шмидтъ (Ср. *Hansen*—Briefe Erichs XIV aus dem Revalschen Rathsarchiv, Beiträge, III, 135. Ср. *Greiffenhagen*, 652).

указанія, какъ поступать, ни даже одобренія за то, что они сами отъ себя рѣшились начать. Тщетно ожидали они также прибытія къ Ревелю шведскаго флота. Аннерстедтъ правъ, когда говоритъ, что посламъ надо было имѣть много такта и дипломатическаго чутья, чтобы среди такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ удержаться въ городѣ. Въ немъ царило полное несогласіе; всѣ основы городскаго устройства были расшатаны. Дворянство всего болѣе боялось новыхъ опустошительныхъ набѣговъ русскихъ, городское сословіе заботилось исключительно только о своихъ торговыхъ интересахъ, а потому признать шведскій протекторатъ мѣшала имъ боязнь, не запеоъ бы датскій король Зунда для ревельскихъ кораблей, какъ скоро узнаетъ объ успѣхахъ шведскихъ интригъ въ городѣ [1]). Не мало безпокоило всѣхъ и то, подтвердитъ ли за городомъ его привилегіи шведскій рейхсратъ: ревельцы знали, что Густавъ Ваза даровалъ однажды Любеку привилегіи, которыя рейхсратъ отказался подтвердить. Многіе задавали себѣ вопросъ, дѣйствительно ли Швеція располагаетъ такими силами, чтобы защитить Ревель отъ русскихъ; до сихъ поръ ревельцы видѣли, что къ нимъ присылали лишь плохо вооруженныя яхты изъ Финляндіи, что̀ ужъ совершенно не соотвѣтствовало громкимъ обѣщаніямъ Эрика XIV. Ко всему этому присоединялась еще и молва о движеніи къ Ревелю польскихъ войскъ: отсюда общее разстройство и страхъ за будущее.

Горнъ въ своихъ письмахъ къ королю указывалъ ему на необходимость прислать въ Ревель нѣсколько галеръ и денегъ, чтобы населеніе дѣйствительно могло убѣдиться въ искреннемъ желаніи короля помочь ему; оно тогда тѣмъ легче и скорѣе рѣшится отдаться подъ шведское покровительство [2]). Кнехты, занимающіе соборъ, ежедневно прибѣгаютъ къ намъ, пишетъ Горнъ, и умоляютъ о скорѣйшей помощи; и въ соборѣ, и въ монастырѣ Падисѣ наемные воины терпятъ страшную нужду, вслѣдствіе истощенія всѣхъ съѣстныхъ припасовъ. Шведскіе послы, опасаясь, чтобы поляки не переманили къ себѣ кнехтовъ, изъ собственныхъ средствъ собрали 600 гульденовъ и передали ихъ рату для раздачи кнехтамъ. Эрикъ XIV, съ нетерпѣніемъ ожидавшій извѣстій изъ Ревеля, не разъ обращался съ письмами къ рыцарству и дворянству; онъ удивлялся медленности и нерѣшитель-

---

1) *Schirren*, VII, 5, 36, 38.

2) *Schirren*, VII, 35: Dhå skulle samme vår handell wäl få eth annet gestaldt och snart grijpe en godh ende. Горнъ къ Эрику 24-го апрѣля 1561.

ности ихъ, просилъ вполнѣ довѣриться его посламъ, обѣщанія которыхъ о привилегіяхъ онъ, король, свято исполнитъ.

30-го апрѣля послѣдовалъ отвѣтъ короля на письмо Горна. Это отвѣтное посланіе короля снова убѣждаетъ насъ въ томъ, какъ высоко Эрикъ цѣнилъ фактъ утвержденія шведовъ на восточномъ берегу Балтики; ради него онъ готовъ на всякія жертвы. Во что бы то ни стало, пишетъ онъ, надо парализовать вліяніе въ Ревелѣ Даніи и Польши. Этого всего легче достигнуть сближеніемъ съ Россіей; поэтому слѣдуетъ избѣгать всего, что только можетъ повести къ разрыву договора Швеціи съ этою державою; такъ. на время не слѣдуетъ препятствовать сношеніямъ Любека съ Нарвою, ни обращать вниманія на набѣги и опустошенія, совершаемые русскими въ окрестностяхъ Ревеля, ни помогать ливонцамъ противъ русскихъ. Какъ скоро рядомъ такихъ уступокъ достигнута будетъ нейтральность Москвы въ дѣлахъ шведско-ливонскихъ, осилить датчанъ и поляковъ не будетъ уже никакого труда. Шведскимъ посламъ потому и предписывается добиться у русскихъ неприкосновенности Ревеля, какъ города уже не подвластнаго ордену, врагу Москвы, а королю шведскому, ея союзнику. Начать же войну съ Россіей можно развѣ только тогда, когда уже всѣ попытки къ миру окажутся тщетными. Пусть Горнъ разсѣетъ опасенія рыцарей Гарріи и Вирланда относительно закрытія датскимъ королемъ Зунда Ревелю, какъ скоро онъ сдѣлается шведскимъ городомъ; онъ долженъ указать имъ на дружескія отношенія обоихъ королей. при которыхъ не можетъ быть и рѣчи о закрытіи Зунда [1]).

Эрикъ обѣщаетъ въ своемъ письмѣ прислать ревельцамъ скорую помощь; такъ, въ Ревель уже отправлено три галеры и барки съ отрядомъ вооруженныхъ кнехтовъ, матросовъ и ботсмановъ; въ непродолжительномъ времени доставлены будутъ порохъ, ружья и съѣстные припасы [2]). При первомъ удобномъ случаѣ король пришлетъ еще 7 галеръ и кнехтовъ изъ Выборга и Борго. Денегъ король можетъ прислать всего 1.000 марокъ, и ихъ онъ ставитъ своимъ посламъ въ обязанность вернуть съ лихвою. Въ маѣ послѣдовало второе письмо Эрика, полное самыхъ широкихъ обѣщаній.

Между тѣмъ Горнъ 3-го мая рѣшился на очень смѣлый шагъ; до-

---

[1]) *Hansen*, 136.

[2]) О вооруженіяхъ, дѣлаемыхъ въ Швеціи, — въ письмѣ эзельскаго капитула Фридриху II (Копенг. арх.).

бившись аудіенціи у городскаго совѣта, въ полномъ его составѣ, онъ потребовалъ у него категорическаго отвѣта на предложеніе своего государя; шесть мѣсяцевъ ждалъ онъ его и теперь уже болѣе не будетъ ждать. Врагъ пользуется нерѣшительностью и бездѣятельностью города, подступаетъ къ нему все ближе и ближе, король же шведскій не можетъ оказать городу сильной помощи, не добившись окончательнаго отвѣта у городскаго совѣта. На Польшу и Данію Ревель не долженъ надѣяться: государь первой господствуетъ надъ народомъ, чуждымъ нѣмцамъ по языку и религіи, государь второй слишкомъ занятъ у себя внутренними дѣлами; Германская имперія бездѣйствуетъ.

Рѣшительный тонъ шведскаго посла произвелъ сильное впечатлѣніе на представителей городскаго рата и, не смотря на то, что онъ просилъ у Горна отсрочки до возвращенія своихъ пословъ отъ Кетлера, онъ 3-го же мая, какъ это узналъ Горнъ отъ Ганса Шмедемана, собралъ въ ратушу представителей дворянства и рыцарства и на этомъ собраніи единодушно [1]) рѣшено было отдаться подъ покровительство Швеціи; при этомъ нѣкоторые выразили сожалѣніе, что уже раньше не сдѣлали этого. Всѣ единодушно пришли къ заключенію, что на польскихъ обѣщаніяхъ строить ничего нельзя, а поэтому, не дождавшись возвращенія своихъ пословъ отъ Кетлера,—тѣмъ болѣе, что изъ донесеній ихъ узнали, что они тщетно въ продолженіе 8 дней ожидали аудіенціи у Кетлера, притворившагося больнымъ,—они во имя Св. Троицы рѣшились передаться шведскому королю Эрику XIV. Къ Кетлеру отправлено было два представителя отъ дворянства и городскаго совѣта, которые и должны были извѣстить его о рѣшеніи третьяго мая.

Въ Ревель, между тѣмъ, стали приходить воззванія и грамоты о принятіи польскаго протектората, исходившія главнымъ образомъ отъ двухъ кліентовъ Кетлера: врача Фриснера, нѣкогда бывшаго агентомъ Іоанна Финляндскаго въ Ревелѣ, и Клодта,—грамоты, полныя несбыточныхъ обѣщаній со стороны польскаго правительства; въ нихъ говорилось, между прочимъ, что польскій король и великій князь литовскій въ союзѣ съ ханомъ татарскимъ дѣятельно готовятся къ войнѣ съ русскими, производятъ наборы войскъ, закупаютъ оружіе; что Астрахань отпала отъ Москвы, что весьма благопріятно для будущихъ военныхъ дѣйствій. Чтобы обнадежить ревельцевъ, поляки, какъ видно, жертвовали историческою истиною; даже и самъ Кетлеръ прибѣгнулъ къ письменному воззванію и въ немъ подтверждалъ факты,

---

[1]) „Alle sampligen med hand och mund“ (*Rydberg*, IV, 338).

сообщенные ревельцамъ Фриснеромъ и Клодтомъ, говоря, что все это вѣрно, какъ евангеліе. Всѣ письма и воззванія, обращенныя къ ревельцамъ, были наполнены цитатами изъ Св. Писанія и изобиловали ссылками на него. Клодтъ, между прочимъ, говорилъ, что для спасенія погибающихъ овецъ Христосъ посылаетъ добраго пастыря въ лицѣ польскаго короля, готоваго пожертвовать своею жизнью ради ихъ блага. Такія воззванія, не смотря на всю ихъ неискренность и фальшь, производили, тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе на бюргеровъ Ревеля, и многіе готовы были принять польское покровительство; городскому совѣту стоило не малыхъ трудовъ удержать населеніе отъ увлеченія предложеніями Кетлера и Сигизмунда II. Къ счастью, въ городъ успѣли къ этому времени прибыть и письма Эрика XIV, также полныя обѣщаній, и впечатлѣніе, произведенное письмами Кетлера, мало-по-малу ослаблялось. Дѣйствительно, въ маѣ (3-го и 14-го) [1]) Эрикъ писалъ въ Ревель, что шлетъ къ нему, кромѣ уже обѣщанной помощи, еще пять вооруженныхъ кораблей съ таранами и другими военными снарядами [2]).

16-го мая Горнъ склонилъ на свою сторону всѣхъ нѣмецкихъ кнехтовъ, и тогда-то началась борьба ихъ съ польскимъ гарнизономъ, занимавшимъ крѣпость. Къ этому именно времени къ ревельскому рейду стали приставать одинъ за другимъ шведскіе вспомогательные корабли съ нѣсколькими отрядами кнехтовъ, пушками и 10.000 талеровъ. Къ концу мѣсяца Эрикъ прислалъ городу еще 30.000 талеровъ. Это все какъ нельзя болѣе обнаруживало его страстное желаніе во что бы то ни стало овладѣть Ревелемъ, и если онъ медлилъ нѣсколько присылкою кораблей и денегъ, то единственно только вслѣдствіе начавшихся распрей съ своимъ братомъ, не раздѣлявшимъ монархическихъ тенденцій Эрика, и вслѣдствіе твердаго убѣжденія, что дѣло съ Ревелемъ, быть можетъ, уладится и мирнымъ путемъ.

Ободренный присылкою помощи Горнъ началъ правильную осаду крѣпости; осада обѣщала быть долгой и упорной, такъ какъ и самою природой крѣпость была отлично укрѣплена, да и гарнизонъ, ее защищавшій, былъ очень многочисленный; ежедневно прибывали еще свѣжія силы и подвозился провіантъ [3]). Среди шведскихъ войскъ,

---

[1]) *Hansen*, 136.

[2]) *Schirren*, VII, 85 и д.; 98 и далѣе.—Беръ пишетъ Фридриху II, что партіи еще не достаточно обозначились въ Ревелѣ (Копенг. арх. Liefland, 10). Срв. *Г. Форстенъ*, Акты, № 9, стр. 13.

[3]) *Schirren*, VII, 116 и далѣе.

какъ это уже предвидѣлъ Эрикъ XIV [1]), возникли неудовольствія изъ за преимущества, какое оказывалъ Горнъ нѣмецкимъ кнехтамъ, получавшимъ въ мѣсяцъ на семь марокъ больше шведовъ; чувствовался и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Горнъ писалъ Эрику XIV, что дороговизна на всѣ продукты сильно возросла, и шведы за все должны платить наличными. Отъ польскихъ снарядовъ загорались въ городѣ дома, насчитывали и нѣсколько раненыхъ и убитыхъ.

Во время осады крѣпости города шведами Горнъ, Ларссонъ и Брусеръ вели переговоры съ городскимъ совѣтомъ; вопросъ шелъ главнымъ образомъ о денежной помощи со стороны шведскаго правительства; Горнъ обѣщалъ городу въ долгъ 40.000 талеровъ и впередъ далъ ему 16.000 марокъ; тогда городской совѣтъ и представители окрестныхъ замковъ поклялись шведскому королю въ вѣрности.

За городомъ подтверждались его привилегіи, ему даровалась религіозная свобода, онъ могъ сохранить свое положеніе среди ганзейскаго союза. Дѣло оставалось лишь за крѣпостью города. 21-го мая шведскіе послы обратились къ гарнизону крѣпости съ требованіемъ сдаться на капитуляцію [2]); 29-го числа съ тѣмъ же требованіемъ обратились къ нему рыцарство Гарріи, Вирланда и Jerwen'а и городской совѣтъ Ревеля [3]); они совѣтовали начальнику гарнизона Каспару фонъ Ольденбокуму признать покровительство Швеціи; вѣдь ни крѣпость, ни соборъ, говорили они, не могутъ существовать отдѣльно отъ города, они отдѣльныя части его, а потому и должны быть съ нимъ связаны [4]). 29-го же мая Ольденбокумъ отвѣчалъ городскому совѣту и соглашался вступить съ нимъ и съ шведскими послами въ переговоры [5]). Они привели къ желательному результату: 4-го іюня 1561 года крѣпость Ревеля сдалась шведамъ. Горнъ заплатилъ Ольденбокуму 6.000 гульденовъ, довольный тѣмъ, что дѣло не дошло до штурма, который бы стоилъ шведамъ не мало жертвъ. Тщетны были теперь представленія Кетлеровыхъ и польскихъ пословъ, прибывшихъ въ Ревель съ цѣлью склонить городъ и крѣпость къ подданству Польшѣ. Ревель сталъ шведскимъ городомъ и этимъ

---

[1]) *Schirren*, VII, 161.

[2]) Ibid., 129.

[3]) Ibid., 140.

[4]) Vnd dat slot so weinig vonn dem Doeme als die Stadt nicht mach noch kan gesondert werden, sondern ein corpus sein vnd bliuenn.

[5]) *Schirren*, VII, 144.

положено было основаніе къ господству Швеціи на Балтійскомъ морѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ былъ и рѣшительный вызовъ на борьбу Польшѣ, борьбу, приведшую Рѣчь Посполитую къ совершенному политическому паденію и подготовившую появленіе на Балтикѣ грознаго восточнаго сосѣда — Московскаго царя; вскорѣ борьба изъ за восточнаго побережья Балтики явилась важною страницей въ борьбѣ протестантизма съ католицизмомъ. Эта борьба въ высшей степени замѣчательна по своимъ слѣдствіямъ: она подготовила періодъ величія Швеціи, періодъ ея европейскаго значенія; она въ соединеніи съ реформаціей пробудила къ жизни и развила всѣ тѣ силы, которыя до того дремали въ шведскомъ народѣ. Реформація пересоздала шведовъ въ нравственномъ отношеніи, развила ихъ умственный кругозоръ, войны же съ Россіей и Польшей изъ за господства на Балтійскомъ морѣ научили ихъ распознавать свои собственныя силы и съ пользою употреблять ихъ къ политическому возвеличенію своего государства.

Мысль о господствѣ на Балтійскомъ морѣ становится яснымъ и опредѣленнымъ стремленіемъ государей изъ дома Вазы. Постоянныя войны создали ей военную силу, не имѣвшую себѣ равной въ тогдашней Европѣ по выправкѣ, дисциплинѣ, выносливости и патріотизму [1]). Балтійское господство обезпечило за Швеціей первенствующее положеніе въ Сѣверной Европѣ; оно было достигнуто оттого, что въ борьбѣ изъ за него принимало участіе не одно какое нибудь сословіе, не было оно и дѣломъ однихъ правителей, какъ напримѣръ, въ Даніи, а дѣломъ всѣхъ сословій, цѣлой націи, воодушевленной высокимъ чувствомъ долга по отношенію къ молодой еще династіи и охотно поэтому жертвовавшей всѣмъ для возвеличенія ея.

Новопріобрѣтенныя земли шведской короны добились уже въ началѣ августа ратификаціи дарованныхъ имъ Эрикомъ XIV привилегій [2]). Во всѣхъ актахъ, разбирающихъ этотъ вопросъ, дѣло выставляется такъ, какъ будто бы Эрикъ XIV только изъ чувства состраданія къ погибающему городу согласился помочь ему и взять подъ свое покровительство; и тѣни своекорыстія не найдется въ нихъ! Въ перечнѣ городскихъ привилегій — на первомъ мѣстѣ поставленъ вопросъ религіозный; въ Эстляндіи государственной религіей при-

[1]) *Hammarskjöld*, 208, 211 и д.

[2]) Самыя привилегіи и ратификація ихъ въ Traités de Suède *Rydberg'a*, IV, 334 и далѣе.

знается протестантское ученіе; духовенству вмѣнялось въ обязанность время отъ времени визировать церкви, слѣдить за тѣмъ, чтобы духовныя лица — проповѣдники—были люди достойные; лжеучителя должны быть изгоняемы. Два женскихъ монастыря, расположенныхъ близъ города, король согласенъ оставить, но съ тѣмъ, чтобы всякое идолопоклонство было изгнано изъ нихъ и введено истинное евангельское богослуженіе. Далѣе слѣдуетъ подтвержденіе за рыцарствомъ и дворянствомъ всѣхъ ихъ наслѣдственныхъ леновъ, а также и случайно пріобрѣтенныхъ. Всѣ привилегіи этихъ сословій, вольности ихъ, какъ право собственнаго суда и другія, подтверждаются за ними и король ихъ охотно пріумножитъ, если они обнаружатъ преданность къ нему. Если германскій императоръ, король датскій или другой государь имѣли съ кѣмъ либо изъ рыцарей свои счеты или дѣла, то теперь заступникомъ и отвѣтчикомъ за все является король. Съ своей стороны, рыцари и дворяне, одаренные королемъ столь великими милостями, должны по мѣрѣ силъ оказать и королю содѣйствіе и помощь, доставивъ ему пѣшее и конное войско, какъ скоро король почувствуетъ въ этомъ нужду. Затѣмъ—слѣдуетъ обѣщаніе полной амнистіи за все прошедшее.

Каждый, измѣнившій присягѣ, данной имъ королю, подвергается суду; если же не предстанетъ предъ судомъ, то всѣмъ подданнымъ короля вмѣняется въ обязанность разыскать его и тогда уже онъ понесетъ двойное наказаніе. Всѣ доносчики, которые не будутъ въ состояніи доказать, что они донесли правду, подвергаются самымъ строгимъ наказаніямъ безо всякой пощады.

Въ привилегіяхъ городскому населенію читаемъ: Ревель имѣетъ право сохранить свое прежнее положеніе среди ганзейскихъ городовъ, но аппеляція его въ Любекъ могла имѣть мѣсто только и исключительно въ вопросахъ торговыхъ [1]). Ключи отъ городскихъ воротъ отдаются городскому рату, но такъ, чтобы королевскіе коммиссары могли безпрепятственно входить и выходить изъ города. За городомъ сохраняется и право чеканки собственной монеты, но съ условіемъ, чтобы на одной сторонѣ помѣщались изображеніе короля и шведскій гербъ [2]).

---

[1]) *Rydberg*, IV, 343. Ср. *Annerstedt*, 41.

[2]) Изъ-за монетъ и цѣнности ихъ происходили долгіе споры; 29-го сентября 1561 года Эрикъ, желая покончить ихъ, предписалъ Горну объявить городскому совѣту, чтобы впредь 1 талеръ былъ равенъ 4 маркамъ шведскимъ, марка=4 фердингамъ; въ фердингѣ 9 шиллинговъ, въ шиллингѣ 3 пфеннига.

Иностраннымъ купцамъ разрѣшалось безпошлинно торговать въ городѣ. Нарвская торговля запрещалась, и ганзейскимъ городамъ дали обѣщаніе подтвердить ихъ привилегіи только съ условіемъ не ѣздить въ Нарву. Если Любекъ не согласится исполнить требованіе короля, то король найдетъ средства подчинить его своей волѣ [1]). Ревель долженъ былъ сдѣлаться единственнымъ стапельнымъ пунктомъ на восточномъ берегу Балтики. Ревельскимъ торговцамъ, какъ подданнымъ шведской короны, разрѣшалось безпрепятственно ѣздить по всѣмъ шведскимъ владѣніямъ, покупать и продавать безпошлинно всякіе товары, исключая тѣхъ случаевъ, когда вывозъ тѣхъ или другихъ товаровъ оказался бы вреднымъ и былъ бы сопряженъ съ убытками для королевства [2]), и король временно запретилъ бы его. Эрикъ выкупилъ у города заложенный ему Кетлеромъ за 30.000 талеровъ городокъ Кегель и ссудилъ городу 10.000 талеровъ сверхъ той суммы, какую городу уже даровалъ Горнъ. Городской совѣтъ Ревеля обязывался со своей стороны содержать для короля на свой счетъ извѣстное количество войска и кромѣ того выплачивать шведской коронѣ тѣ подати, какія раньше платились магистру ордена [3]).

Добрыя отношенія между Эрикомъ и его новыми подданными продолжались не долго [4]). Эрикъ былъ недоволенъ тою клятвою на вѣрноподданность, какую городъ ему далъ, и требовалъ другой, болѣе опредѣленной, которая бы еще тѣснѣе связала городъ съ шведской короной. Городской совѣтъ Ревеля искусно отклонялъ это требованіе и избѣгалъ давать на него отвѣтъ.

Король потребовалъ, кромѣ того, чтобы ему выданы были всѣ акты Ревеля съ 1558 года, въ особенности же тѣ изъ нихъ, изъ которыхъ выяснились бы отношенія Ревеля къ Даніи. Фактъ весьма любопытный, такъ какъ совпадаетъ съ натянутыми дипломатическими отношеніями обоихъ скандинавскихъ королевствъ другъ къ другу!

---

[1]) *Rydberg*, IV, 349. Ср. *Hansen*, письмо Эрика къ городскому совѣту отъ 8-го октября, въ коемъ говорится о выгодахъ подчиненія Швеціи и о привилегіяхъ. Falls Ihr aber beweisen, dass die Hansastädte zu den narvschen Fahrten nicht berechtigt sind, so wollen wir die Lübecker und die anderen kraft ihrer eigenen Konvention wohl dahin bringen, dass sie sich des Handels nach Narva enthalten.

[2]) *Rydberg*, IV, 348.

[3]) *Annerstedt*, 41.

[4]) *Annerstedt*, 42 и д.

Ревель отвѣчалъ на требованія короля отказомъ. Вскорѣ королю пришлось столкнуться и съ дворянами.

Горнъ указывалъ королю на страшныя притѣсненія, какимъ народъ подвергался со стороны дворянъ собственниковъ, и Эрикъ 30-го августа потребовалъ остановить вкоренившійся вѣками обычай тѣлесныхъ наказаній, а шестаго декабря 1561 года издалъ указъ, въ которомъ говорилось, чтобы всѣ крестьяне, до выполненія надъ ними позорныхъ тѣлесныхъ наказаній, предавались суду и чтобы предъ судомъ разсмотрѣны были ихъ проступки. Если кто нибудь изъ дворянъ переступитъ этотъ указъ короля, то онъ наказывается конфискаціей имущества. Такое заступничество короля за крестьянъ является фактомъ высшей справедливости и едва ли противорѣчитъ только что дарованнымъ привилегіямъ короля, ибо въ нихъ, въ пунктѣ о судебныхъ и другихъ привилегіяхъ, говорится — „doch dass vnnser stadthalter, so woll im selbenn als anndernn gerichte wie vonn alters gebreuchlich visitire vnnd mit vrtheile"; не безгласнымъ же свидѣтелемъ судовъ предполагалось быть королевскому чиновнику; право вмѣшательства его въ дѣла отсюда ясно слѣдуетъ.

Результатомъ новыхъ требованій короля должно было явиться взаимное неудовольствіе. Но при полномъ своемъ безсиліи дворяне должны были смириться; недостатокъ въ деньгахъ и король, какъ единственный источникъ ихъ, — вотъ два фактора, предупредившіе открытый разрывъ между не равными силами [1]).

Взятіе Ревеля шведами произвело значительный переворотъ въ ходѣ ливонской войны; теперь сношенія ганзейскихъ и другихъ торговцевъ съ Нарвою стали еще затруднительнѣе; возникаетъ соперничество между Ревелемъ и Нарвою, и взаимныя отношенія сѣверныхъ державъ такъ переплелись, что и датчане, и ганзейцы въ концѣ концовъ стали служить русскимъ интересамъ [2]).

Вѣсть о паденіи Ревеля произвела удручающее впечатлѣніе на императора и имперскихъ князей; всѣ ждали, что имперская опала постигнетъ непокорный городъ.

Польскій король, узнавъ о томъ, что Ревель попалъ въ руки шведовъ, рѣшился въ первую минуту отомстить городу; король былъ тѣмъ

---

[1]) Любопытно письмо Эрика къ Ревелю отъ 14-го декабря 1561 г., въ которомъ онъ проситъ сообщить ему исторію города, когда онъ основанъ, какимъ государямъ онъ подчинялся, какъ онъ подпалъ подъ власть ордена, какъ онъ добился своихъ привилегій и льготъ. *Hansen*, въ Beiträge, III, 143.

[2]) *Waitz*, Schleswig—Holst. Geschichte, II, 2, 352.

сильнѣе пораженъ этою вѣстью, что былъ вполнѣ увѣренъ въ успѣшномъ окончаніи польскими дипломатами ихъ миссіи о подданствѣ Эстляндіи и Ревеля польской коронѣ. Впослѣдствіи король успокоился и даже былъ доволенъ, что у Московскаго царя новый врагъ въ лицѣ владѣтеля Эстляндіи [1]).

Все вниманіе короля было обращено на Ригу и Ливонію.

Мы уже выше указали на то, что главною цѣлью своей внѣшней политики Сигизмундъ II Августъ поставилъ утвержденіе въ Ливоніи и на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря и отраженіе отъ этого моря московскаго царя. Онъ ничего такъ не опасался, какъ знакомства Россіи съ Западной Европой, сближенія ея съ имперіей и морскими государствами; все его царствованіе—это рядъ попытокъ поднять на Москву Западную Европу. Миссія Шлитте испугала Сигизмунда, но еще болѣе встревожился онъ при вѣсти о появленіи англичанъ на Бѣломъ морѣ. „Ясно, воскликнулъ онъ, что мы до сихъ поръ побѣждали московскаго царя только потому, что ему неизвѣстно было военное искусство, дипломатическіе уловки и пріемы“. И говорить нечего, что въ рѣшеніи Грознаго начать войну съ орденомъ онъ видѣлъ прямой вызовъ себѣ и сталъ подумывать объ образованіи своей партіи въ орденѣ. Немногочисленная при Фюрстенбергѣ, она все усиливалась въ концѣ его правленія, группируясь около Кетлера; переговоры съ Польшей начались еще въ 1558 году [2]). Кромѣ Кетлера въ этомъ сближеніи съ Польшей игралъ значительную роль и Jost Clodt, извѣстный государственный дѣятель и дипломатъ Ливоніи въ эпоху ея разложенія. Съ перваго взгляда не стойкій и безхарактерный, онъ на дѣлѣ твердо и неуклонно шелъ по одному пути съ Кетлеромъ, видя спасеніе для ордена въ союзѣ и тѣсномъ сближеніи съ Польшей. Польскій протекторатъ и тройственный союзъ Даніи, Швеціи и Польши противъ Россіи—вотъ pia desiderata этого дипломата оптимиста [3]).

Въ первый разъ за помощью къ Польшѣ обратился архіепископъ рижскій Вильгельмъ въ мартѣ 1558 года; во второй разъ ливонскіе послы явились къ королю, когда онъ находился на Петроковскомъ

---

[1]) *Greiffenhagen*, 660.

[2]) Ср. *Bienemann*, Riga's Stellung bei der Auflösung des livländischen Ordensstaates. Russische Revue. IX Band. 1877. Акты и письма по этому вопросу у него же. Ср. Шиманнъ, Рихтеръ и Рутенбергъ.

[3]) *W. Greiffenhagen*, Jost Clodt als Staatsmann und Diplomat. Balt. Monatschrift XXXVI.

сеймѣ въ февралѣ 1559 года. Въ тотъ и другой разъ польское правительство отказалось соединиться съ орденомъ противъ Москвы; ливонцы указывали Польшѣ на Позвольскій трактатъ, въ которомъ Польша и орденъ обязывались помочь другъ другу противъ Москвы [1]); лично король былъ готовъ принять участіе въ судьбѣ ливонцевъ и въ письмахъ къ иностраннымъ державамъ уже распространялся о своемъ участіи къ судьбѣ ордена и о безкорыстномъ желаніи помочь ему, но шляхта была противъ вмѣшательства въ ливонско-русскія отношенія; честолюбивый король надѣялся поставить Ливонію въ такія же отношенія къ себѣ, какъ это удалось его отцу съ Пруссіей. Всего болѣе онъ могъ надѣяться на Литву, польская же шляхта не желала разрывать изъ-за Ливоніи мира съ Москвою и не желала жертвовать своимъ богатствомъ для новой войны, обѣщавшей выгоды одному только королю. Эта рознь въ интересахъ короля и шляхты всего рельефнѣе сказалась на Шпейерскомъ рейхстагѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, дебатировался ливонскій вопросъ [2]).

Въ 1559 году Кетлеръ сдѣлалъ новую попытку дипломатическаго сближенія съ Польшей; онъ явился въ Краковъ и тамъ широкими обѣщаніями ему удалось склонить Польшу принять на себя протекторатъ надъ Ливоніей. Переговоры изъ Кракова были перенесены въ Вильну, и здѣсь 31-го августа и 15-го сентября заключено было два договора: одинъ съ Кетлеромъ, другой съ архіепископомъ рижскимъ, которые послужили основаніемъ къ дальнѣйшему сближенію Польши съ Ливоніей. Сигизмундъ II Августъ обѣщалъ сохранить за сословіями Ливоніи всѣ ихъ права и аугсбургское вѣроисповѣданіе; принималъ предложенный ему протекторатъ, за что Кетлеръ обязывался уступить ему полосу земли по литовской границѣ отъ Drujen до Ascherade, съ Rossiten, Ludsen, Dünaburg, Sellburg и Bauske, архіепископъ же рижскій Маріенгаузенъ, Ленневарденъ, Lubaw и Birsen, то-есть, нынѣшнюю Польскую Ливонію. Всѣ эти земли составляли $^1/_6$ всей ливонской территоріи [3]). Требованіе короля полу-

---

[1]) *Häberlin*, IV, 133.

[2]) Ср. *Reimann*, 347.

[3]) *Dogiel*, Codex Diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae. V, 213: Conditiones Pactorum inter Sacram R. M. Poloniae et Archiepiscopum Rigensem super defensione Livoniae initorum. 15 Sept. 1559. стр. 228: Gothardus testatur se Pactis, quae hic inseruntur, Vilnae die 31 Aug. Anni 1559 cum S. R. M. Poloniae super defensione Livoniae initis, traditione officialibus Regiis Arcium, Tractuum, Praesidatuum, Praefecturarum, in iis Literis memoraturum satisfecisse, promittitque riliquos ordinis sui status eadem Pacta ratificaturos et servaturos.

чить и Ригу — не было тогда исполнено. По окончаніи войны съ Москвою король обязывался возвратить всѣ полученныя земли магистру за 600.000 гульденовъ, архіепископу за 100.000. Высшая власть надъ всѣми вышеперечисленными землями сохранялась, однако, за германскимъ императоромъ. Такъ какъ перемиріе короля съ Москвою, заключенное въ 1557 году на 6 лѣтъ, еще не прошло, то король прибѣгъ къ слѣдующей мѣрѣ: независимо отъ верховенства имперіи надъ орденомъ, король беретъ его подъ свою защиту и будетъ оберегать Ливонію не какъ союзное государство, а какъ ему подчиненную область. Всѣ земли, какія удастся завоевать совмѣстными силами, должны быть раздѣлены между королемъ и орденомъ. Въ половинѣ сентября, по возвращеніи изъ Вильны, Кетлеръ объявилъ орденскому капитулу въ Венденѣ о договорѣ, заключенномъ имъ съ Польшей, прибавивъ, что король Сигизмундъ II Августъ поставилъ условіемъ своей помощи ордену, чтобы Фюрстенбергъ сложилъ свою власть и передалъ ее Кетлеру. Одновременно Сигизмундъ писалъ къ императору Фердинанду, что по его просьбѣ и желанію согласенъ даровать Ливоніи свою защиту и для успѣшнаго веденія войны съ московитами принять на себя протекторатъ надъ Ливоніей; онъ просилъ Фердинанда снарядить одновременно съ нимъ посольство въ Москву и при этомъ убѣдить своихъ пословъ, чтобы они въ переговорахъ съ русскими тщательно избѣгали всякаго выраженія, которое бы могло дать понять московитамъ о притязаніи короля на подчиненіе себѣ Ливоніи; „ибо эти варвары русскіе не имѣютъ никакого понятія о правовомъ отношеніи кліентелы“ [1]). Фердинандъ I былъ не мало изумленъ оборотомъ, какой приняли польско-ливонскія отношенія; онъ предвидѣлъ, что новая провинція отпадетъ отъ имперіи, подобно Пруссіи, и поспѣшилъ въ письмѣ къ Сигизмунду выразить свое неудовольствіе по поводу польскаго протектората; онъ писалъ королю, что его просьбу о помощи, съ которою онъ при вторженіи русскихъ въ Ливонію обратился ко всѣмъ христіанскимъ государямъ, ложно поняли. Предпринялъ ли, однако, Фердинандъ что нибудь, чтобы предупредить

Rigae, 14 Febr. 1560. Стр. 243: привилегіи Сигизмунда рыцарямъ—27 §§. *Bienemann*, 387; *Reimann*, 360; *Schiemann*, Russland, Polen und Livland, II, 298—300. Ср. *Schiemann*, Historische Darstellungen und Archivalische Studien, Hamburg-Mittaw, 1886. *Gadebusch*, I, 552. Берл. арх. Rep. XI. Russland, 1d.

[1]) *Bienemann*, 389; *Renner*, 262. Къ Августу Саксонскому Сигизмундъ писалъ, что онъ не пожалѣетъ „Keinen vnkosst vnd keine muehe zu errettung vnd beschütz derselben lender“. Дрезд. арх.

захватъ орденскихъ земель сосѣдними державами? Мы видѣли, что кромѣ съѣздовъ, посланій и словъ ничего не было сдѣлано со стороны имперіи. Въ своемъ письмѣ къ Іоанну Грозному Фердинандъ все-таки *ни однимъ словомъ* не упомянулъ о Польшѣ, какъ того желалъ Сигизмундъ. Въ письмѣ къ Фюрстенбергу онъ выразилъ свое недовѣріе къ Кетлеру. Фюрстенбергъ сдѣлалъ съ своей стороны рядъ попытокъ отклонить своего коадъютора отъ принятаго имъ рѣшенія, представлялъ ему рядъ доводовъ и соображеній противъ его политики, которая доставитъ ему лишь множество враговъ какъ внутри Ливоніи, такъ и въ сосѣднихъ государствахъ,—напрасно: Кетлеръ сталъ еще болѣе отдаляться отъ магистра, ихъ отношенія еще болѣе ухудшились, что и понятно, ибо Кетлеръ опасался, какъ бы Фюрстенбергъ и его сторонники не открыли его стремленій секуляризовать отдѣльныя части ордена.

Недовольство императора виленскимъ договоромъ, вѣроятно, вызвало со стороны Кетлера цѣлый докладъ къ нему въ видѣ разсужденія [1]); въ немъ онъ указывалъ, что страшныя бѣдствія, постигшія теперь Ливонію, ожидаютъ и сосѣднія съ Ливоніей земли и области, если своевременно не окажутъ сопротивленія русскимъ: „Quod hodie mihi, cras tibi". Всего важнѣе не дать русскимъ овладѣть Ригою, Ревелемъ и Перновомъ, этими ключами къ Балтійскому морю [2]); если русскіе удержатъ въ своей власти Нарву и завоюютъ еще три названные города, то они безъ сомнѣнія добьются господства на Балтійскомъ морѣ. Торговыя сношенія съ русскими должны быть стѣснены и находиться подъ постояннымъ и сильнымъ контролемъ; нельзя также доставлять русскимъ *опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ людей и корабельныхъ мастеровъ*. Это первое условіе къ ослабленію русскихъ; далѣе—необходимо обратно завоевать у нихъ Нарву [3]), ради чего всѣ балтійскія государства и города должны бы забыть свои частныя выгоды и дружно ударить на варвара, ставшаго одною ногою на берегу моря.

Изъ всего этого, однако, никакъ нельзя вывести слѣдствія о необходимости уступить Польшѣ $^1/_6$ орденской территоріи. Сильнымъ диссо-

[1]) Берл. архивъ.

[2]) „Als die schlüssell der Ostsehe". Великій вредъ, „Solte aber der Veindt derer mechtig, die Narva in seiner Gewalt behalten, vnnd die Schiffardt vnbehinderth dahin gestadtet werden".

[3]) ... dass durch ihre der anzese vnd Ostsehe Stedten hülff die Narua wiederumb erobert.

нансомъ, затѣмъ, является поставленное Кетлеромъ условіе—забыть частные интересы и выгоды и безкорыстно помочь погибающему ордену. Безкорыстіе проповѣдовали всѣ дипломаты и политики того времени, но кто дѣйствительно проявлялъ его? Мы уже въ первой главѣ охарактеризовали Кетлера, какъ человѣка и государственнаго дѣятеля; въ его натурѣ мы не нашли ничего героическаго, напротивъ — это лучшій представитель осторожнаго, холоднаго политика, выбирающаго позицію тамъ, гдѣ его ожидаютъ наибольшія выгоды. Человѣкъ съ героическою натурою предпочелъ бы вооруженное сопротивленіе московитамъ, борьбу съ ними на жизнь и смерть. Кетлеръ понялъ, что борьба съ Москвою безполезна, и если онъ предпринималъ противъ русскихъ отдѣльные походы, то это единственно только, чтобы не навлечь на себя нареканій и неудовольствія. Ему представлялось совершенно необходимымъ дать разъединеннымъ частямъ орденскихъ земель новую организацію, связать ихъ новыми интересами, а это было возможно путемъ одной только секуляризаціи. Примѣръ Пруссіи побуждалъ его къ этой политикѣ; въ виду же того, что секуляризованнымъ частямъ ордена не подъ силу была борьба съ Москвой, онъ находилъ необходимымъ обратиться за помощью къ иностраннымъ державамъ. Что онъ обратился къ Польшѣ, причина этого кроется въ характерѣ ихъ взаимныхъ отношеній,—это вопервыхъ; а вовторыхъ, ему извѣстны были польскія симпатіи архіепископа рижскаго, онъ зналъ, что братъ его былъ вассаломъ Польши, и что положеніе этого послѣдняго (герцога прусскаго) сразу улучшалось, какъ скоро Кетлеръ, какъ герцогъ Ливоніи, и архіепископъ Риги сдѣлались бы сторонниками Польши [1]).

Вина и преступленіе Кетлера, говоритъ Бинеманъ, состоитъ въ томъ, что онъ скрылъ отъ ливонцевъ истинный смыслъ договора съ Польшей, что онъ содѣйствовалъ честолюбивымъ замысламъ Сигизмунда, предалъ Фюрстенберга въ руки русскимъ и что, получивъ отъ Польши свое, онъ затѣмъ оставилъ страну беззащитною. Кетлеръ слишкомъ полагался на помощь Польши, онъ вѣрилъ въ обѣщанія Сигизмунда, всѣхъ успокоивалъ скорою помощью Польши—и въ этомъ легкомысленномъ довѣріи къ Сигизмунду II—его главная вина. Послѣдній подписалъ виленскій договоръ, но до выполненія его прошло еще много времени. Поляки не трогались съ мѣста, а русскіе между тѣмъ дѣлали рядъ новыхъ завоеваній. Данцигскіе послы въ своихъ донесеніяхъ магистрату [2]) пос-

---

[1]) Ср. *Bienemann*, 390.

[2]) Данц. арх. Acta Internunciorum, IX, vol. 13.

тоянно останавливаются на нерѣшительности Сигизмунда, говорятъ, что ливонскій вопросъ откладывается со дня на день, переносится изъ одной инстанціи въ другую, былъ предметомъ обсужденія и на ландтагахъ, и на королевскихъ собраніяхъ. Сигизмундъ требовалъ помощи противъ московитовъ отъ Данцига и другихъ прусскихъ городовъ, но они называли требованіе короля беззаконнымъ, указывали на то, что ливонскія дѣла касались исключительно только одного польскаго короля и что оказывать ему помощь въ борьбѣ съ русскими они не намѣрены. Данцигъ соглашался дать королю посильную помощь только въ томъ случаѣ, если всѣ сословія королевства согласятся на новые налоги ради Ливоніи.

Равнодушный къ ливонскимъ событіямъ, пишутъ тѣ же данцигскіе послы, Польскій король занятъ лишь празднествами, пирами и маскарадами, и едва ли кто нибудь, присматриваясь къ польскому двору, сказалъ бы, что въ виду имѣется походъ противъ Московитовъ. Въ другой разъ тѣ же послы писали: „о выступленіи польскихъ войскъ противъ русскихъ ничего не слышно; магистръ, архіепископъ и командоръ гостятъ у короля въ Вильнѣ, гдѣ имъ оказывается самое широкое гостепріимство; торжествамъ нѣтъ конца, всѣ пьянствуютъ“. „Ливонцы“, продолжаютъ они „пропили все свое счастье, и нѣтъ имъ болѣе спасенія“ [1]). И ни одни данцигскіе послы такого мнѣнія о Сигизмундѣ. Извѣстный дипломатъ Languet, оставившій намъ цѣнныя письма о своемъ времени, въ которыхъ богатство свѣдѣній и политико-дипломатическихъ подробностей соединяется съ удачными и мѣткими критическими экскурсіями, говоритъ о польскомъ королѣ, что онъ всегда бы могъ помочь Ливоніи, если бъ стряхнулъ съ себя свою сонливость. [2])

---

[1]) Данц. арх. Der König hat die Fastnacht (1561) in allen freuden nemlich mit Mummereyen vnd sonst alter gewonheit nach vollenbracht, Also das ghai nicht tzu merckenn, das man sich etwan des Moscowytters befaren thue. ..... In Wilna do thut in der Konig sehr guttlich, Er lesset in alles gnug geben, so schlemmen sie och flux vnd sauffen sich alle tage voll, Es scheinet wol das die Lifflender ir gluck schon vorseumet vnd vorsoffen haben, man sagt sie sollen aller mit dem konige kegen der Lomse vorreisen vnd den konige alda, als in der Chron von Polen huldigen. При польскомъ дворѣ „noch vernunfft, noch billigkeit“.

[2]) Arcana seculi decimi sexti. Huberti Langueti Legati, dum viveret, et consiliarii saxonici Epistolae Secretae ad principem suum Augustum Saxoniae Ducem et S. R. I. Septemvirum. Edid. Jo. Petr. Ludovicus. Halae. 1699. Pars II, p. 81: Si ille Rex tandem veternum excuteret, forte possit aliquid remedii istis malis adferre.

Назвать Сигизмунда равнодушнымъ зрителемъ ливонскихъ событій нельзя никакъ. Данцигскіе послы, нерѣдко тонкіе наблюдатели, забыли о зависимости короля отъ шляхты и не знали, что король подъ равнодушіемъ скрывалъ настоящее „итальянское" лукавство, что онъ выжидалъ лучшихъ обстоятельствъ, когда орденъ, совершенно обезсиленный, кинется къ нему за помощью безъ всякаго уже условія, отдастся ему, такъ сказать, на гнѣвъ и милость; Сигизмундъ былъ еще связанъ и своими отношеніями къ Москвѣ, которыя ему хотѣлось уладить мирнымъ путемъ, чтобы, обезпечивъ себя съ этой стороны, рѣшительнѣе принять участіе въ ливонскихъ дѣлахъ и предписать ливонцамъ *свои условія*. Сигизмундъ въ это время работалъ и надъ проектомъ обширной антимосковской коалиціи изъ скандинавскихъ государствъ и Ганзейскихъ городовъ, на которой мы подробнѣе остановимся въ слѣдующей главѣ.

Онъ занятъ былъ мыслью о постройкѣ флота и о расширеніи морскаго дѣла въ Польшѣ, о чемъ своему магистрату доносятъ тѣ же данцигскіе послы; извѣстно, что онъ имѣлъ въ виду сдѣлать судоходною гавань Путцигъ. Переговоры его съ иностранными державами шли рядомъ съ его дипломатическою агитаціей въ Ливоніи. Въ то время когда русскіе въ 1560 и началѣ слѣдующаго года утвердились въ Эстоніи и сѣверной Ливоніи, король все усиливалъ свои требованія и обѣщалъ помочь Кетлеру только въ томъ случаѣ, если крѣпости и замки Ливоніи согласятся принять въ свои стѣны польскіе гарнизоны[1]). Этимъ переговорамъ данъ былъ новый толчокъ вѣстью о сдачѣ Ревеля Шведамъ. Эта вѣсть была первымъ тяжелымъ ударомъ для Кетлера; на сѣверѣ орденскихъ владѣній утверждалась новая сила, съ которой ему пришлось считаться. Шведы предъявили Европѣ первую часть, первую букву своей обширной политической программы Балтійскаго господства и преобладанія на сѣверовостокѣ Европы; Сигизмундъ II Августъ долженъ былъ проститься съ мыслью найдти въ Эрикѣ *безкорыстнаго* лигиста для борьбы съ Россіей; опасаясь, какъ бы Швеція не вздумала расширить своихъ владѣній въ Ливоніи, онъ рѣшился, наконецъ, скинуть съ себя маску покровителя, такъ не шедшую къ нему, и прямо потребовалъ себѣ отъ ордена полнаго подчиненія.[2]) Кетлеру и архіепископу пришлось поневолѣ подчи-

---

[1]) Langueti Epistolae. II. 20: Metuo ne plus sit eis (Liuoniis) periculi a medico, quam a morbo.

[2]) *Bienemann*, 342.

ниться его требованіямъ: польская дипломатія одержала верхъ, перехитрила ливонскаго магистра, и въ іюлѣ 1561 года Сигизмундъ далъ Николаю Радзивилу приказъ двинуться съ войсками въ Ливонію. Въ то время, какъ Радзивилъ совершалъ свой походъ противъ московитовъ и шведовъ, король продолжалъ переговариваться съ орденомъ, 6 іюля онъ далъ Радзивилу новое полномочіе заключить договоръ съ сословіями Ливоніи. Въ августѣ Радзивилъ явился въ Ригу, гдѣ передалъ представителямъ Ливоніи требованіе короля — принять въ крѣпости польскіе гарнизоны, подчиниться ему и секуляризовать орденскія земли. Сигизмундъ требовалъ, чтобы и Рига признала себя подчиненною ему; онъ изъявлялъ притязанія на всѣ земли по правую сторону Двины—защитить ихъ, сказалъ онъ, возможно только при условіи совершеннаго ихъ подчиненія,—затѣмъ и всѣ крѣпости по лѣвую сторону Двины; новые вассалы должны были поклясться королю въ вѣрноподданничествѣ, какъ еслибы они дѣлали это частнымъ образомъ (privatim) своимъ князьямъ [1]).

Могъ ли Кетлеръ думать, что король такъ далеко распространитъ свои требованія? Мечты честолюбиваго магистра разлетѣлись въ прахъ. Онъ надѣялся по примѣру герцога прусскаго соединить подъ своею властью всѣ орденскія земли, промѣнявши лишь свою ленную зависимость отъ имперіи на такую же отъ Польши; на дѣлѣ же оказывалось, что Сигизмундъ II Августъ все отнималъ отъ него; Кетлеръ—„эта поблекшая копія перваго прусскаго герцога“ [2])—надѣялся купить помощь короля уступкою ему нѣсколькихъ замковъ; между тѣмъ выяснилось, что львиную часть король оставлялъ себѣ, Кетлеру же, оказавшемуся всецѣло въ рукахъ Польши, пришлось ждать себѣ награды, какую королю угодно было изъ милости назначить ему. Не онъ предписывалъ Польшѣ, а Польша ему [3]). „Въ Ригѣ Радзивилъ бросилъ мечъ Бренна на договорный пергаментъ“! Собравшихся въ Ригѣ представителей ордена онъ обвинялъ въ несоблюденіи и нарушеніи первоначальнаго договора съ королемъ; онъ представлялъ имъ, что его государю теперь приходится защищать Ливонію не отъ одного врага, а отъ трехъ, вслѣдствіе чего прежнія условія виленскаго договора рѣшительно невозможны. Кетлеру ничего не оставалось болѣе, какъ принять новыя условія короля. „Какъ въ XIX столѣтіи, такъ и въ

---

[1]) *Bienemann*, № 820.

[2]) *Schiemann*, Russland, Polen und Liefland, II, 297.

[3]) Ср. *Schiemann*, Historische Darstellungen, 94—98.

XVI—аксіомою признавалось положеніе—не заключать договоровъ съ политическимъ трупомъ". Ливонія какъ государство была совершеннымъ трупомъ еще въ первые годы борьбы съ Москвою; теперь же окончательное распаденіе ея было совершившимся фактомъ.

4-го сентября Радзивилъ явился въ рижскій ратгаузъ, гдѣ въ длинной искусственной рѣчи убѣждалъ горожанъ подчиниться королю; онъ началъ съ того, что указывалъ имъ, что никогда ни одинъ городъ не могъ выдержать борьбы съ внѣшними врагами безъ покровительства какого нибудь государя. Польскій король, говорилъ онъ, желаетъ принять васъ подъ свою защиту, желаетъ быть вашимъ государемъ и стремится изъ Польши, Литвы, Пруссіи и Ливоніи составить одно нераздѣльное государство, такъ чтобы жители всѣхъ ихъ чувствовали себя братьями. Признаніе надъ собою господства Польши принесло бы большую выгоду Ригѣ и въ торговомъ отношеніи. Отъ имени своего короля Радзивилъ торжественно обѣщалъ рижанамъ сохранить за ними свободу вѣроисповѣданія, всѣ ихъ права и привилегіи и не порывать ихъ отношеній къ германской имперіи [1]). На 12-е октября назначенъ былъ сеймъ въ Вильнѣ, чтобы уже окончательно переговориться объ уступкѣ королю Ливоніи.

Рига продолжала упорствовать и не желала измѣнять своимъ отношеніямъ къ императору, котораго она признавала своимъ протекторомъ, а не сюзереномъ [2]). Лучшій источникъ для оцѣнки внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній Риги—это меморандумъ, переданный уполномоченными городскаго рата представителямъ гильдій 19-го сентября 1561 года. Авторомъ его былъ Jürgens Padel, главный руководитель рижскаго рата, душа всѣхъ бюргеровъ [3]).

Съ здравымъ политическимъ инстинктомъ, нравственною энергіей, честностью и прямодушіемъ—онъ являлся славнымъ бойцомъ за самостоятельность Риги съ самаго 1547 года, когда онъ избранъ былъ въ бургомистры города. Съ глубокой горестью онъ видѣлъ, какъ Польша силою подчиняла себѣ его родной городъ, какъ расшатывались узы, соединявшія его съ имперіей; видя, что никакого другаго исхода не предстояло, какъ только принять условія, предложенныя Польшей, онъ старался удержать за Ригою ея главнѣйшія привилегіи. Онъ со-

---

[1]) Cautio prior Radziviliana, 8-го сентября.

[2]) *Le Bray*, II, 82, думаетъ, что на рѣшимость Риги имѣли вліяніе примѣры Данцига, Торна и другихъ городовъ.

[3]) *Bienemann*, 398—400.

ставилъ инструкцію, съ которою рижскіе послы явились къ Сигизмунду II; въ ней городъ соглашался отдаться польскому королю и польской республикѣ только въ томъ случаѣ, если германскій императоръ не воспротивится этому; о подчиненіи его отдѣльнымъ частямъ польскаго королевства, напримѣръ, Мазовіи, Литвѣ и пр. онъ не допускаетъ рѣчи. Рига желала, затѣмъ, сохранить за собою и своего архіепископа.

Кетлеръ не дождался исхода переговоровъ съ королемъ и 28-го сентября передалъ замокъ города литовскимъ войскамъ [1]).

Въ Вильнѣ особо назначенная коммиссія по ливонскимъ дѣламъ дѣятельно приводила къ концу вопросъ о подчиненіи всей Ливоніи королю. Если дѣло и теперь медленно подвигалось впередъ, то причину этого слѣдуетъ видѣть опять таки въ несочувствіи шляхты къ внѣшней политикѣ Сигизмунда.

25-го октября договорились до слѣдующаго проекта подчиненія, чтобы за Ливоніей сохранена была вѣроисповѣдная свобода и всѣ ея права, чтобы архіепископъ и его коадъюторъ оставались при своихъ владѣніяхъ и привилегіяхъ до конца жизни, чтобы магистръ принялъ титулъ герцога и получилъ въ ленъ Курляндію и, наконецъ, чтобы за Ригою подтверждены были всѣ ея привилегіи, согласно съ первымъ радзивиловскимъ обязательствомъ (cautio prima). Король будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ливонцевъ не постигла какая нибудь опала или, если таковая и постигнетъ ихъ, чтобы она никому не приносила вреда. Jost Clodt указывалъ рижанамъ, какъ мало имперія заботится о нихъ, и утверждалъ, что какъ скоро прекращается покровительство государя, прекращается и повиновеніе и вѣрность подданныхъ: союзъ ихъ долженъ быть взаимнымъ. Но теорія этого полонофильскаго дипломата была отвергнута рижанами; съ имперіей Ливонію связывала общая религія, языкъ и національность [2]). Dr. Jonas, депутатъ Альбрехта Прусскаго, приводилъ имъ въ примѣръ древнихъ римлянъ и доказывалъ, что нельзя присягу высшимъ сохранять до крайности. И евангеліе, и религія ливонцевъ будутъ попраны, если король имъ не поможетъ противъ русскихъ, и послѣдніе подчинятъ ихъ себѣ. Вопросъ объ отношеніи къ имперіи былъ для рижанъ вопросомъ чести, и они упорно стояли на своемъ.

---

[1]) Ibid., 400.

[2]) Не приняли они и слѣдующей формы: die Subjection Livlands nur als eine Verpfändung bis zum Ersatz der vom König für den Schutz aufgewandten Kosten darzustellen. *Bienemann*, 403.

До конца ноября длились переговоры съ королемъ. 27-го числа Радзивилъ предложилъ представителямъ Ливоніи отъ имени короля совершенно выкинуть изъ договора слово „Einverleibung“—инкорпорація и поклясться королю въ вѣрности, какъ господину всѣхъ отдѣльныхъ частей королевства. Разъ ливонцы поклянутся королю, они должны ему и подчиниться и не думать, что ему, какъ образу, достаточно только воздавать честь. 28-го ноября всѣ приняли новое предложеніе короля, рижане одни упорствовали. Того же числа составлены были „Pacta subjectionis“ и обнародованы привилегіи короля Сигизмунда—Privilegium Sigismundi Augusti [1]).

20-го декабря Кетлеръ извѣщалъ рижанъ, что онъ уступилъ ихъ городъ польскому королю. Радзивилъ сталъ грозить городу открытою силою, если онъ не передастся Польшѣ. 17-го марта 1562 года подчиненіе Риги было совершившимся фактомъ. За городомъ подтверждены были его привилегіи (Cautio posterior Radziviliana).

Сигизмундъ II Августъ добился своего: Ливонія лежала у его ногъ, онъ готовился сдѣлать Польшу морскою державою. Рѣдко кто нибудь добивался такихъ большихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній съ такою незначительною долей пожертвованій [2]). Теперь Ливонія распалась между 4 сѣверовосточными державами, у каждой изъ нихъ были свои гавани: у русскихъ Нарва, у шведовъ Ревель, у Польши Рига, у Магнуса Аренсбургъ и Перновъ. На долю же священной германской имперіи выпала жалкая роль посредника, все уступающаго и сохраняющаго только для виду свой авторитетъ, для виду только настаивающаго на „dominium directum“ въ Ливоніи.

---

[1]) *Bienemann*, 416, говоритъ по поводу событія 28-го ноября: Es ist nicht wie unsere Historiker meinen (Ritter, I, 2, p. 358, Rutenberg, II, 504—507) der Wunsch nach Erhaltung der Einheit der Motor zur Unterwerfung gewesen, sondern die Losung in Wilna wurde, nach obiger Darlegung, das mehr oder weniger rücksichtslose Sauve qui peut. Darnach enthält das Privilegium seiner Form nach allerdings die speziellere Ausführung der Bestimmungen, welche die Pacta in ihrem sechsten Punkt verheissen; materiell beansprucht es aber durchaus die Priorität der Entstehung. Erst auf Grund der Gewissheit, dass das Privilegium seine rechtskräftige Ausfertigung erhalten werde,—und sie ist erfolgt,—kam es zum Abschluss der Pacta Subjectionis.

[2]) *Fahne*, 167, говоритъ, что для Ливоніи было величайшимъ несчастіемъ, что она подпала подъ власть Польши, такъ какъ сама Польша въ это время переживала время внутреннихъ смутъ, внутренняго безправія, представляла единственный въ исторіи примѣръ сословнаго самоуправленія.

1561 годомъ завершился первый періодъ борьбы изъ-за Ливоніи. Орденъ распался; вмѣсто магистра, командоровъ и фохтовъ, вмѣсто прелатовъ, капитуловъ и домгерровъ, Ливонія получила двухъ королей и двухъ герцоговъ [1]). Теперь на очереди сталъ вопросъ, какое изъ государствъ, утвердившихся въ ней, станетъ господствующимъ; оставаться въ мирѣ они не могли, каждый стремился расширить свою добычу, отсюда новая борьба четырехъ ливонскихъ владѣтелей. Эта борьба распалась на двѣ—Швеція столкнулась съ Даніей, Польша—съ Россіей.

Ливонскій орденъ, просуществовавшій болѣе трехъ съ половиною столѣтій и такъ успѣшно распространявшій нѣмецкую культуру среди автохтоновъ нашего остзейскаго края, исчезъ съ карты Европы, „усталый, изношенный и лишенный живаго духа“. Остзейскіе нѣмцы не переставали обвинять какъ исторію, такъ и сосѣднія съ орденомъ государства въ равнодушномъ отношеніи къ ихъ судьбѣ; свои заслуги они сильно выдвигали, какъ по отношенію къ имперіи, такъ и по отношенію къ другимъ государствамъ. На отношеніяхъ Ливоніи къ имперіи мы уже подробно останавливались; припомнимъ: какъ жители нѣмецкой колоніи, ливонцы постоянно обращались къ помощи имперіи, но лишь только проходила нужда, они уже не признавали для себя обязательными никакія постановленія императора и рейхстаговъ; подданными имперіи они готовы были считать себя только тогда, когда нуждались въ ея помощи; за собою они не знали обязательствъ, напротивъ приписывали себѣ огромныя заслуги: они будто бы обезпечивали за имперіей миръ и спокойствіе со стороны восточныхъ варваровъ, они распространяли христіанство и германское вліяніе на всемъ сѣверовостокѣ и за все это ихъ предоставили волѣ варваровъ схизматиковъ. „Своевольный провинціализмъ, изолировавшій ливонцевъ отъ родственной Германіи, сталъ терпѣть ударъ за ударомъ послѣ того, какъ въ 1561 году пробилъ послѣдній часъ орденской самостоятельности и орденъ сдѣлался добычей сосѣднихъ державъ“. „Новое иноземное господство, которому ливонцы должны были подчиниться, подвергалось и подвергается сильной критикѣ со стороны государственныхъ дѣятелей Ливоніи. Всѣ иностранныя державы, говорятъ они, вѣроломно обошли ихъ исконныя права и привилегіи, самовольно ихъ нарушили и ввели новые порядки. Но они совершенно умалчиваютъ о своемъ ливонскомъ упорномъ провинціализмѣ, о безпорядкахъ и запутанности

---

[1]) *Lossius*, I, 65.

отношеній, возникшихъ вслѣдствіе этого между ними и ихъ новыми господами. Ливонцы никогда не желали подчиняться никакому государству и добивались лишь, чтобы три провинціи ихъ составили одно цѣлое, отъ сосѣднихъ державъ изолированное тѣло. Между тѣмъ внутри самихъ провинцій корпоративный духъ не умиралъ, напротивъ вызывалъ разъединеніе и сословное соперничество. Дворянство было сильнѣйшимъ классомъ, его привилегіи были такими же „noli me tangere", какъ fueros у испанскихъ басковъ. Интересы корпорацій сталкивались съ интересами провинцій, интересы же провинцій съ государственными интересами. Этотъ провинціализмъ и корпоративный духъ ливонцевъ составлялъ одновременно и силу, и слабость ихъ, онъ явился для нихъ и счастьемъ, и погибелью. Отдѣльныя корпораціи создали свои права и привилегіи, породившія внутреннія столкновенія и распри съ сосѣдними державами, что въ особенности сильно обнаружилось послѣ 1561 года" [1]).

Съ распаденіемъ ливонскаго ордена возникли обстоятельства, въ высшей степени важныя въ дальнѣйшемъ развитіи политическихъ отношеній на сѣверо-востокѣ Европы. Въ распавшейся Ливоніи столкнулись интересы четырехъ державъ. Ливонія стала для сѣверныхъ государствъ такимъ же яблокомъ раздора, какъ Миланъ на югѣ, Фландрія на западѣ; одинъ изслѣдователь сопоставляетъ ливонскій вопросъ въ XVI столѣтіи съ восточнымъ вопросомъ въ нашемъ столѣтіи.

Въ политическомъ хаосѣ, возникшемъ на мѣстѣ павшаго ордена, трудно разобраться; чтобы распутать завязавшійся тамъ гордіевъ узелъ, потребовалась вѣковая борьба, стоившая тысячи жизней и обратившая страну въ пустыню. Эта борьба интересна и въ политическомъ, и въ торговомъ, и въ культурномъ отношеніяхъ. Вопросъ шелъ главнымъ образомъ о господствѣ на Балтійскомъ морѣ.

---

[1]) *Hammarskjöld*, 221—223.

ГЛАВА III.

Скандинавскія государства и Ганзейскіе города.—Взаимныя отношенія Швеціи и Даніи.—Причины сѣверной семилѣтней войны.—Союзники Даніи.—Договоръ съ Любекомъ.—Померанскіе города.—Отношенія Швеціи и Даніи къ Россіи. Договоръ Швеціи съ Москвою 1562 года.—Данія и Россія.—Отношенія Швеціи и Даніи къ Польшѣ.—Бракъ Іоанна съ Екатериной Ягелонкой.—Союзъ Даніи съ Польшей.—Польша и Данцигъ.—Ливонскія событія съ конца 1561 года.—Дѣйствія шведовъ въ 1562 году.—Москва и Польша.—Паденіе Полоцка.—Военная программа Эрика въ 1563 году.—Попытки мирнаго посредничества со стороны нѣмецкихъ князей.—Ростокскій конгрессъ.—Междоусобная война въ Швеціи.—Шведская дипломатія.—Сближеніе съ Гессеномъ и Лотарингіей.—Грумбаховскія смуты и соперничество Эрнестинской и Альбертинской линій Веттинскаго дома.—Веймаръ и Дрезденъ.—Отношенія Швеціи и Даніи къ Нидерландамъ и Франціи.—Значеніе 1563 годя въ Ливонско-балтійской борьбѣ.

Послѣ 1561 года Ливонскій вопросъ могъ быть разрѣшенъ только въ борьбѣ четырехъ государствъ Польши, Швеціи, Россіи и Даніи; съ этого времени онъ входитъ собственно въ свою европейскую стадію. „Ливонія — богатая невѣста, около которой всѣ пляшутъ" — говорится въ одномъ современномъ донесеніи [1]). Въ этомъ второмъ періодѣ ливонско-балтійская борьба съ 1564 года распадается на двѣ вѣтви — съ одной стороны шведско-датская война, въ Швеціи и на Балтійскомъ морѣ, съ другой стороны польско-русская война, главнымъ театромъ которой служила Ливонія; и тутъ, кромѣ двухъ главныхъ воевавшихъ государствъ, дѣятельное участіе принимали скандинавскіе государи—Эрикъ XIV и Фридрихъ II, первый какъ естественный союзникъ Москвы противъ Польши, второй какъ *искусственный* сторонникъ Польши. Главная задача, предстоявшая

---

[1]) Liffiandt ist jtzunder ein Brautt, darumb man jtzundt dantzet. Дрезд. арх. Zeitung, 1563, Sine loco et dato.

скандинавскимъ государствамъ послѣ утвержденія ихъ въ Ливоніи, состояла въ установленіи новыхъ, независимыхъ отношеній къ Ганзейскимъ городамъ. Оставляя въ сторонѣ частности и детали, мы намѣтимъ лишь общій характеръ этихъ отношеній, какъ они выразились послѣ захвата ганзейскаго наслѣдія сѣверными самодержцами, чтобы затѣмъ прослѣдить ихъ взаимныя отношенія, обусловленныя главнымъ образомъ восточными событіями.

По отношенію къ Ганзейскимъ городамъ Эрикъ XIV держался политики своего отца; сдѣлавшись королемъ, онъ соглашался подтвердить за ганзейцами ихъ привилегіи, но съ условіемъ, чтобы его подданные пользовались одинаковыми привилегіями въ Ганзейскихъ городахъ, имѣли въ каждомъ изъ нихъ свою факторію; себѣ онъ присвоивалъ право во время войны производить наборы въ городахъ, требовалъ отъ послѣднихъ подвоза ему съѣстныхъ припасовъ. На свои привилегіи въ Швеціи города должны были смотрѣть, какъ на милость короля къ нимъ, а не какъ на свое право [1]).

Съ утвержденіемъ Шведовъ въ Ревелѣ измѣняются и отношенія ихъ къ Ганзейскимъ городамъ; сознавая свое преимущество на морѣ, Эрикъ началъ съ того, что запретилъ нарвское плаваніе и всѣхъ торговцевъ приглашалъ въ Ревель. 2-го февраля 1562 года Эрикъ писалъ городовому совѣту Ревеля, что въ Стокгольмъ явилась депутація изъ Любека, которой дано было порученіе добиться отъ короля свободнаго плаванія въ Нарву. Любопытно, что Эрикъ отказалъ Любеку въ его просьбѣ, предварительно узнавши у ревельскаго рата исторію его отношеній къ Ганзейскимъ городамъ [2]). Не смотря на запрещеніе Эрика, любекскіе корабли все таки пріѣзжали въ Нарву, на что въ своихъ донесеніяхъ къ королю указывалъ Ревель; „плаваніе въ Нарву продолжается, говорится въ одномъ изъ такихъ донесеній, и русскіе получаютъ отъ любчанъ и др. всевозможные товары; нарвское плаваніе грозитъ Ревелю совершеннымъ обѣднѣніемъ, слѣдствія его скажутся и на благосостояніи всей Ливоніи“. Въ виду упорства любчанъ и нидерландцевъ Эрикъ XIV рѣшился прибѣгнуть къ силѣ и послалъ въ море нѣсколько военныхъ кораблей и галеръ, которые должны были захватывать всѣ купеческія суда, появляющіяся въ виду нарвскаго фарватера. Пусть, пишетъ Эрикъ Ревелю, и его населеніе поможетъ ему въ этомъ, конфискованные товары онъ подѣлитъ съ

[1]) *Hövel*, 30.
[2]) *Hansen*, 144.

ними пополамъ. Какъ скоро городской совѣтъ согласится доставить шведскому адмиралу нѣсколько кораблей, король тотчасъ предпишетъ послѣднему дѣлить съ городомъ захваченные товары [1]). Ревельцы съ большою охотою отозвались на просьбу короля и съ этихъ поръ стали проявлять необыкновенную дѣятельность въ дѣлѣ каперства: чуть завидятъ они корабль, плывущій изъ Любека, Гамбурга, Ростока или Данцига по направленію къ Нарвѣ, какъ тотчасъ окружаютъ его своими военными судами и загоняютъ въ свою гавань.

Переговоры Эрика съ Любекомъ окончились въ исходѣ 1562 года, и король рѣшительно отказалъ имъ въ ихъ просьбѣ [2]). Съ этихъ поръ нарвское плаваніе было офиціально запрещено. 24-го мая 1562 года вышла инструкція Эрика XIV его адмиралу и унтеръ-адмиралу въ нарвскомъ фарватерѣ стать между Нюландомъ и Лифляндіей и не допускать иностранныхъ судовъ — ганзейскихъ, датскихъ, англійскихъ, испанскихъ, шотландскихъ, фрисландскихъ — ни въ Нарву, ни изъ Нарвы [3]). Только въ Ревелѣ король разрѣшалъ Ганзейскимъ городамъ безпошлинно торговать и закупать русскіе товары. Этотъ городъ долженъ былъ стать главнымъ стапельнымъ пунктомъ на востокѣ Балтійскаго моря; поэтому Эрикъ приказалъ своимъ крейсерамъ захватывать всѣ корабли, направлявшіеся мимо Ревеля къ нарвскому фарватеру. Напрасны были просьбы, протесты, угрозы; напрасны были и ссылки на традиціонныя привилегіи любчанъ пользоваться правомъ свободной торговли и въ военное время; все это не имѣло цѣны въ глазахъ самодержавнаго государя, подданные котораго такъ много уже натерпѣлись отъ торговой опеки ганзейцевъ; настала и для Эрика очередь дать „жаднымъ купцамъ“ почувствовать свою властную руку и раздѣлаться съ ними за все зло, какое они причиняли Швеціи въ эпоху своего процвѣтанія. Напрасны были многочисленные съѣзды городовъ, безуспѣшны обращенія ихъ къ германскимъ князьямъ, безотвѣтными оставались письма ихъ къ шведскому правительству и его представителямъ въ Ревелѣ. Любекскимъ торговцамъ оставалось на свой рискъ продолжать сношенія съ Нарвой;

---

1) Ср. *Zettersten*, 413. Ср. Paralipomena *Swen Elofsson'a*, стр. 127.

2) Ср. *Hövel*, 26, о шведскомъ посольствѣ въ Любекъ въ маѣ 1562 года. Эрикъ желалъ: dat he de Statt Lubec in Grundt mochte vordarven.

3) *Hansen*, 146. Ср. *Wieselgren*, Delagardiska Archivet, 144. Instruction för Jöns Bonde och Jacob Bagge,...... huru the sigh i thenne opälagde reese på thet Narffuesche forwatn med the schip och folch forholle och schicke. 24 Maij.

за захватъ шведами ихъ кораблей они мстили имъ на пути ихъ въ сѣверную Германію; возникала цѣлая система каперства, отъ которой обѣ стороны, конечно, больше терпѣли, чѣмъ выигрывали. Любекъ, наиболѣе терпѣвшій отъ запрещенія нарвской торговли, объявилъ Швеціи войну. Любекскій лѣтописецъ говоритъ: король въ своемъ высокомѣріи дошелъ до безумія, но не забудемъ: omnis superbus est stultus [1]).

Такъ рѣшительно запретить нарвское плаваніе побуждало Эрика, внѣ всякаго сомнѣнія, и другое соображеніе, а именно — нежеланіе допустить русскихъ къ непосредственнымъ торговымъ сношеніямъ съ Западной Европой; не одни ганзейскіе города имѣлись въ виду, но и Москва. Эрикъ предвидѣлъ, какую силу найдетъ московскій царь въ прямыхъ сношеніяхъ съ западомъ, онъ опасался чрезмѣрнаго роста своего восточнаго сосѣда, который какъ территоріальный государь во многомъ превосходилъ Швецію; справляться съ нимъ было возможно только потому, что у него не было ни флота, ни гаваней, ни морской торговли, потому что отъ запада его отдѣляла завѣса, а только тамъ могъ онъ почерпнуть и военныхъ и морскихъ свѣдѣній — то именно оружіе, съ которымъ ему не страшны были бы никакіе враги, никакія коалиціи.

Въ Даніи привилегіи ганзейцевъ успѣли сильнѣе укорениться, нежели въ Швеціи, и здѣсь нельзя было такъ рѣшительно покончить съ ними. Уже Христіанъ III сдѣлалъ рядъ попытокъ ослабить ихъ вліяніе, но постоянныя войны и непрочность внѣшнихъ отношеній сдѣлали его осторожнымъ и осмотрительнымъ, и онъ не рѣшался прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какъ Густавъ Ваза. Не менѣе враждебно настроенный къ городамъ, нежели Эрикъ XIV, Фридрихъ II также вначалѣ дѣйствовалъ осторожно; онъ очень умѣло началъ съ того, что разъединилъ интересы городовъ и удержалъ на своей сторонѣ сильнѣйшіе, какъ Любекъ и Штеттинъ; когда прошла необходимость союза съ ними, послѣ штеттинскаго мира 1570 года, онъ принялся урѣзывать и привилегіи этихъ городовъ. Въ продолженіе сѣверной войны городамъ также не разъ приходилось почувствовать на себѣ силу короля, самовольно закрывавшаго имъ проѣздъ черезъ проливы своего государства.

Въ началѣ царствованія Фридриха II въ Даніи усилилась конку-

---

[1]) *Hövel*, 30: Idt leth sick ansehen, dat allhir de Schwede van Hömoth sick sulvst nicht gekennt. Онъ имѣлъ въ виду всѣ свои обязательства къ городу отложить „tho gelegener tidt hoc est ad Calendas Grecas“.

ренція англійскихъ, голландскихъ и французскихъ торговцевъ, расширилась также самостоятельная торговая дѣятельность самихъ датчанъ. Когда ганзейцы потребовали отъ новаго короля подтвержденія своихъ привилегій, то онъ сдѣлалъ это, внеся въ нихъ большія измѣненія. Въ Одензескомъ рецессѣ 1560 года ганзейцы должны были отказаться отъ тѣхъ привилегій, которыя юридически не могли быть доказаны, а существовали лишь по традиціи; города должны были согласиться на увеличеніе пошлинъ въ Зундѣ, Бельтахъ и въ Сконе, кромѣ того доставить у себя тѣ же привилегіи датчанамъ, которыми ганзейцы пользовались въ Даніи. Ганзейскіе города приняли всѣ новыя ограниченія, хотя нѣкоторые изъ городовъ отказались ратификовать новый рецессъ [1]); прошло нѣсколько лѣтъ, и король принялся урѣзывать и эти оставшіяся преимущества ихъ. Въ Зундѣ онъ ввелъ новую пошлину, Lastzoll, и настаивалъ на своемъ неотъемлемомъ правѣ распоряжаться въ своихъ водахъ, какъ угодно и выгодно ему, а не по предписанію нѣмецкихъ купцовъ. Еще съ 1560 года совершенно сходный съ Зундскимъ тарифомъ былъ и Бельтскій; король постановилъ, что всѣ восточные ганзейскіе города, какъ то Данцигъ, Кенигсбергъ, Рига, Ревель, Перновъ, Штетинъ, Грейфсвальдъ, Вольгастъ, Эльбингъ, Кольбергъ и Анкламъ, должны за каждый корабль, независимо отъ того, нагруженъ онъ или нѣтъ, выплачивать по одному розенноблю; если такой корабль везетъ чужіе товары—то онъ уже платитъ 2 розенноблл; кромѣ того за вино назначалась спеціальная пошлина въ 30 пфенинговъ. Далѣе любопытное постановленіе о провозкѣ соли, въ которой всѣ воевавшія государства такъ нуждались: корабли, везущіе соль изъ Лиссабона, Испаніи или Франціи, подвергались двойному сбору, во первыхъ каждый изъ нихъ долженъ предоставить 6 бочекъ соли въ распоряженіе датскаго правительства и кромѣ того давать по одному золотому гульдену. Если соль или сельди везлись изъ другихъ государствъ—то постановлено съ 20 ластовъ брать по одному золотому; если товары принадлежатъ ганзейскимъ городамъ (на что требуется каждый разъ доказательство), то взимали съ каждаго корабля по розенноблю. Правомъ безпошлиннаго проѣзда черезъ датскіе проливы пользуются только вендскіе города—Любекъ, Гамбургъ, Ростокъ, Висмаръ, Стральзундъ,

---

[1]) *Sartorius*, III, 131. *Gallois*, 277. 282. Самый рецессъ J. *Marquardus*, De jure mercatorum singulari. Docum. p. 249—255. *Lünig*, Teutsches Reichsarchiv, vol. XIV, P. Spec. X. Cont. IV. 2 Th. 83—89. *Aitzema*, I, 77—81. *Du Mont*, Corps Dipl. T. V. P. I, 67—74.

Люнебургъ,—если корабли ихъ будутъ нагружены ихъ собственными товарами и это будетъ доказано особыми цертификатами и присягою, если же корабли окажутся нагруженными чужеземными товарами, то и вендскіе города платятъ съ каждаго по два розеннобля, а если у нихъ при этомъ не будетъ особой рекомендаціи ратовъ—то по 3 нобля. Если на корабляхъ найдутся англійскіе, шотландскіе, французскіе и эмбденскіе товары, то они должны кромѣ того еще платить $^1/_{100}$ пфенинга.

Англійскіе, шотландскіе, французскіе и португальскіе торговцы вносили за каждый корабль одинъ розеннобль и кромѣ того $^1/_{100}$ пфенинга съ груза, съ винъ же $^1/_{30}$ пфенинга. Такой же тарифъ существовалъ для западныхъ ганзейскихъ городовъ Бремена, Кампена, Девентера, Цволле и Стаде, то-есть съ каждаго корабля взимался одинъ розеннобль.

Далѣе: корабли свыше ста ластовъ, съ балластомъ песку, платили два розеннобля; съ каждаго ласта мѣди 3 золотыхъ гульдена.

Всѣ таможенные чиновники датскаго короля должны были давать знать шкиперамъ, сколько кораблей ими осмотрѣно и какое количество взято пошлинъ, чтобы послѣдніе могли это показать въ другихъ датскихъ городахъ, гдѣ существовали таможни и не подвергаться вторичной уплатѣ ихъ [1]).

Съ началомъ сѣверной семилѣтней войны въ Зундѣ и Бельтахъ введены были бóльшія строгости; у Крогена всѣ корабли должны были подвергаться таможенному осмотру, тамъ визировали ихъ паспорты и цертификаты. Съ этихъ поръ уже дѣйствуетъ и морское право (Söret) Фридриха II, въ основаніе котораго легло Висбюское и Ганзейское морскія законодательства, а также и нѣкоторыя постановленія, практиковавшіяся въ Нидерландахъ, но которое при всемъ томъ—произведеніе оригинальное, вызвавшее къ королю удивленіе [2]). Съ началомъ шведской войны пошлины были еще увеличены, а съ 1564 года начались переодическія закрытія Зунда. Фридрихъ, какъ мы подробнѣе увидимъ ниже, самовольно захватывалъ корабли нѣмецкихъ купцовъ, запрещалъ имъ ѣздить въ Швецію, вводилъ новыя пошлины, назна-

---

[1]) *V. A. Secher*, Corpus Constitutionum Daniae. Forordninger, Recesser og andre Kongelige Breve, Danmarks Lovgivning vedkommende. 1558—1660. Kjöb. 1884—1888, I, стр. 88 и слѣд.

[2]) *Secher*, I, 109, 9 мая—Frederik II, s Söret. Всѣхъ главъ въ немъ 73. *Pardessus* говоритъ по поводу этого законодательства: Frédéric II tient un rang distingué parmis les législateurs du Danemark.

чалъ большіе денежные штрафы. Наиболѣе чувствительные удары потерпѣли ганзейцы на Борнгольмѣ, въ Сконе и Бергенѣ.

Сегебергскими рецессами 1525 и 1526 годовъ Фридрихъ I уступалъ островъ Борнгольмъ Любеку на 50 лѣтъ, въ вознагражденіе за всѣ расходы, какіе Любекъ понесъ въ борьбѣ съ Христіаномъ II и Севериномъ Норбю [1]). 18-го сентября 1525 года любекскій ратъ принялъ Борнгольмъ въ свое владѣніе; на островъ назначенъ былъ особый фохтъ, на обязанности котораго лежало управленіе, судъ и сборъ податей. Любекъ не много извлекалъ выгоды изъ своего новаго владѣнія; Борнгольмъ послужилъ лишь источникомъ долгихъ споровъ и столкновеній Любека съ датскимъ правительствомъ. Раньше всѣхъ противъ самоволія любчанъ на Борнгольмѣ поднялись жалобы вендскихъ городовъ, Кольберга, Стральзунда, Грейфсвальдена, Ростока и др.; во время датскаго владычества, слышимъ мы, они пользовались бо́льшею свободою и не знали тѣхъ притѣсненій, какимъ ихъ подвергаетъ любекскій фохтъ. Вскорѣ и датскіе короли обратили вниманіе на рядъ беззаконныхъ поступковъ любекскаго фохта; такъ онъ началъ укрѣплять крѣпость въ Гаммерсгузѣ, не посылалъ королю такъ называемой церковной десятины, вводилъ небывалые поборы. Возставать противъ своеволій любекскаго намѣстника стали и сами борнгольмцы, которымъ памятны были опустошительные набѣги и раззоренія, какимъ ихъ островъ подвергался со стороны любчанъ; слышались такія заявленія жителей, что лучше иго турокъ, нежели зависимость отъ Любека. Первое рѣшительное возстаніе борнгольмцевъ произошло въ 1535 году во время графской войны, но оно было подавлено. Въ гамбургскомъ трактатѣ 14-го февраля 1536 г. [2]) любчанамъ дано было право владѣть островомъ впродолженіе 50 лѣтъ. Любекъ сталъ теперь преслѣдовать всѣхъ виновниковъ возстанія и назначать самыя строгія наказанія, что, конечно, еще болѣе озлобляло жителей, надѣявшихся на амнистію. Теперь островитяне стали уже прямо обращаться съ жалобами въ Копенгагенъ, указывали правительству на то, что нѣмцы вездѣ въ Даніи производятъ запрещенную мелочную торговлю, скупаютъ всѣ продукты острова „до послѣдней курицы“. Христіанъ III внялъ жалобамъ борнгольмцевъ, командировалъ на островъ сыскную коммиссію, которая и присудила фохтовъ къ значительнымъ денежнымъ штрафамъ; любекскій ратъ

---

[1]) *Г. Форстенъ*, Борьба, II, глава I.

[2]) *Altmeyer* въ *Messager des sciences hist*. 1842.

объявилъ это вторженіемъ въ свои права; взаимныя неудовольствія короля и города усиливались. Въ 1555 году Христіанъ добился того, что духовная юрисдикція на островѣ стала принадлежать ему, а не Любеку.

Фридрихъ II пошелъ дальше своего отца; онъ не считалъ болѣе нужнымъ обращаться къ любекскому рату, не обращалъ вниманія на протесты, издалъ рядъ манифестовъ, уничтожавшихъ постановленія любекскаго рата, выслушивалъ жалобы островитянъ, назначалъ пошлины и однажды даже смѣнилъ одного любекскаго фохта. Борнгольмцы только и ожидали такого энергическаго заступничества за себя датскаго правительства и повсюду стали возставать; напрасны были жалобы фохта на то, что его никто не слушаетъ, что его постановленія не выполняются, подати не выплачиваются: Въ городѣ Рённе все населеніе поднялось противъ нѣмцевъ; лавки ихъ были разбиты, товаръ расхищенъ. Происшедшій 6-го и 7-го декабря 1573 года, этотъ фактъ нанесъ рѣшительный ударъ авторитету любекскаго рата на Борнгольмѣ. Любекъ, не смотря на это, сталъ просить короля, чтобы онъ по истеченіи постановленнаго въ гамбургскомъ трактатѣ срока за расходы, понесенные Любекомъ въ семилѣтней борьбѣ съ Швеціей, продлилъ срокъ владѣнія Борнгольмомъ еще на 50 лѣтъ. Фридрихъ II не только отвергъ эту просьбу Любека, но отказался даже ратификовать постановленія гамбургскаго мира о Борнгольмѣ и потребовалъ, чтобы островъ былъ очищенъ къ 1575 году и снова переданъ королевскимъ намѣстникамъ, такъ какъ въ 1575 году истекалъ 50-лѣтній срокъ, установленный въ Сегебергѣ. О гамбургскомъ постановленіи не можетъ быть и рѣчи, говорилъ король любекскимъ посламъ, такъ какъ Христіанъ III заключилъ гамбургскій договоръ, не бывши еще королемъ, да и впослѣдствіи ни онъ, ни рейхсратъ договора не ратификовали. Всякое сопротивленіе было бы напрасно, и послѣ непродолжительныхъ преній любекскій ратъ долженъ былъ исполнить волю короля; лѣтомъ 1576 года Борнгольмъ передавался королевскимъ комиссарамъ [1]).

Въ царствованіе Фридриха II ганзейцы потеряли свои привилегіи и въ Сконе. Король рѣшительно возставалъ противъ всякаго самоуправленія ганзейцевъ въ его владѣніяхъ; его таможенные чиновники въ Фальстербоде присвоили себѣ право суда надъ нѣмцами тамъ, гдѣ они имѣли своихъ фохтовъ. Протесты Любека и на этотъ разъ были

---

[1]) *Handelmann*, 243—247.

напрасны: нѣмецкія компаніи въ Мальмё, Ландскронѣ и Истадѣ были лишены всѣхъ своихъ привилегій и должны были подчиняться мѣстнымъ властямъ датскаго правительства.

Дольше всего ганзейцы пользовались своими привилегіями въ Бергенѣ. Высшаго процвѣтанія достигла бергенская контора при Фридрихѣ I. Съ 1556 года, когда Христіанъ III назначилъ ленсманномъ Бергенгуза энергическаго Христофа Валькендорфа, ганзейцы стали и здѣсь терпѣть рядъ стѣсненій. Валькендорфъ встрѣтился въ Бергенѣ съ рядомъ беззаконій, которыя и принялся постепенно уничтожать; нѣмецкіе цехи присвоили себѣ небывалыя привилегіи; рѣшительная борьба съ ними новаго намѣстника началась въ 1558 году [1]). Результатомъ борьбы было подчиненіе ремесленныхъ цеховъ городскому рату; ганзейцамъ было предложено или совершенно удалиться изъ города или сдѣлаться подданными датскаго короля. Вскорѣ заставили оставшихся въ Бергенѣ нѣмцевъ признать авторитетъ мѣстнаго епископа. Такимъ образомъ, благодаря дѣятельности Валькендорфа, нѣмецкая контора въ Бергенѣ, составлявшая своего рода status in statu, обратилась въ обыкновенную торговую факторію, но и какъ таковая она все болѣе и болѣе теряла значеніе. Королевскій авторитетъ вторгался и во внутреннее управленіе и въ церковныя дѣла. Бергенскіе жители, одаренные торговыми привилегіями, явились достойными соперниками нѣмцевъ; ихъ флотъ увеличился съ 24 кораблей до ста; въ Норвегію стали пріѣзжать изъ Англіи, Нидерландовъ, Шотландіи, Франціи и Германіи, что также убыточно отозвалось на нѣмецкой факторіи. Сами ганзейцы нашли впослѣдствіи, что торговля съ норвежцами безъ посредничества ихъ факторіи была имъ выгоднѣе [2]).

Итакъ, привилегіи ганзейцевъ въ Даніи были доведены до minimum'а. Торговая суprematія ихъ была уничтожена. Фридрихъ II сдѣлалъ Копенгагенъ главнымъ центральнымъ стапельнымъ пунктомъ для всего датско-норвежскаго государства. Всѣ его мѣры противъ ганзейцевъ показали, что интересы его подданныхъ—всего ближе сердцу короля Даніи; въ его отношеніяхъ къ городамъ тѣмъ не менѣе не было той рѣзкости, той непослѣдовательности и безтактности, которая характеризуетъ его втораго современника на шведскомъ престолѣ—Іоанна III (что̀ будетъ нами разобрано подробнѣе въ послѣдней главѣ).

---

[1]) Ср. Regesta Diplomatica Historiae Daniae, II, 179.

[2]) *Handelmann*, 251—257. О бергенской конторѣ ср. *Gallois*, 283 и д., *Sartorius*, *Häberlin*, VIII, 636 и д.

Отношенія Эрика и Фридриха къ Ганзейскимъ городамъ рисуютъ ихъ намъ какъ самодержавныхъ государей, съ извѣстною самостоятельностью, энергіей и неуклоннымъ стремленіемъ навсегда свергнуть ганзейское иго. Города должны были теперь заискивать передъ государями, а не наоборотъ, какъ это было въ XV столѣтіи. Торговые интересы раздвоили Ганзейскіе города на двѣ группы—одни, съ Любекомъ во главѣ, жили исключительно только русскою и нарвскою торговлею; такъ какъ шведскій король не допускалъ этой торговли, имѣя въ виду поднять значеніе Ревеля, то они естественно стали подъ покровительство Фридриха датскаго, искали союза съ нимъ противъ Швеціи, ихъ интересы совпадали, такъ какъ съ нарвскимъ плаваніемъ зундская пошлина болѣе чѣмъ удвоилась. Фридрихъ принялъ, какъ увидимъ, союзъ Любека, но и тутъ скорѣе дѣйствовалъ, какъ сюзеренъ, а не какъ равный союзникъ.

Померанскіе города, за исключеніемъ Штеттина, стояли всегда на сторонѣ Швеціи: въ ней лежалъ центръ тяжести всей ихъ торговли. Не имѣя энергіи и смѣлости Любека, безъ традиціи о недавнемъ господствѣ и преобладаніи на Балтикѣ, они не осмѣливались порвать съ Даніей и рѣшительно дѣйствовать въ шведскихъ интересахъ, и тогда какъ Любекъ формально объявилъ Швеціи войну, они долго колебались и кончили тѣмъ, что приняли нейтральную политику; но ихъ нейтральности, какъ и нейтральности прусскихъ городовъ, никто не признавалъ; они были уже такъ слабы, что не могли держаться самостоятельной политики и должны были или помочь одной изъ воевавшихъ державъ или проститься съ своею свободою. Международныя отношенія были еще такъ шатки, что права слабѣйшаго никѣмъ не соблюдались.

При такой слабости городовъ очень понятными станутъ старанія ихъ предупредить открытое столкновеніе между скандинавскими государствами; разъ между ними возникнетъ война, трудно будетъ держаться нейтральнаго положенія. Между тѣмъ отношенія Швеціи къ Даніи дѣйствительно угрожали разразиться безпощадною борьбою, интересы ихъ сталкивались и въ Ливоніи, и на скандинавскомъ полуостровѣ; оба государя подумывали уже о союзникахъ; намѣчалось сближеніе Швеціи съ Россіей, Даніи съ Любекомъ и Польшей. Надъ Западной Европой также надвигались темныя тучи. Католическая реакція рука объ руку съ политическою и соціальною раздробленностью въ Германіи, торговое соперничество Франціи съ Англіей, проектируемая рѣшительная борьба Испаніи съ Нидерландами, наступательное

движенiе турокъ, обоюдоострое отношенiе римскаго папы къ Габсбургамъ—вотъ моменты, которые предвѣщали въ Западной Европѣ скорый кризисъ; въ ней также уже намѣчались два союза—габсбургскiй и антигабсбургскiй. Скандинавскiе короли озирались на европейскихъ государей, которымъ въ свою очередь небезъинтересны были судьбы сѣверной и сѣверо-восточной Европы и которые рядомъ съ крупными политическими вопросами не забывали и меркантильныхъ выгодъ своихъ подданныхъ; европейскiе государи не могли оставаться безучастными зрителями балтiйской борьбы: одни изъ нихъ, представители зарождавшейся габсбургской лиги, стояли за Данiю, ихъ противники за Швецiю. Съ первыхъ лѣтъ своего царствованiя Фридрихъ II и Эрикъ XIV завязываютъ дипломатическiя сношенiя съ главнѣйшими изъ европейскихъ государей, и эти сношенiя намъ необходимо имѣть въ виду, такъ какъ они очень сильно влiяли на ходъ балтiйской борьбы

Шаткiя отношенiя скандинавскихъ государствъ принимаютъ послѣ 1561 года уже враждебный характеръ. Если имъ было трудно договориться до вѣчнаго мира ранѣе 1561 года, то послѣ него это сдѣлалось и рѣшительно невозможнымъ. Дипломатическiя сношенiя между ними, наполняющiя собою цѣлыхъ три года, были, очевидно, предприняты только для проволочки времени, дабы лучше подготовиться къ борьбѣ и обезпечить себя союзниками.

Какъ только Фридрихъ II услышалъ о занятiи Ревеля шведами, онъ отказался исполнить просьбу Эрика о заключенiи трехлѣтняго мира; „извѣстныя причины", пишетъ Фридрихъ Августу саксонскому, заставили его согласиться на заключенiе мира только на одинъ годъ; легко понять, какiя это причины. Эрикъ не удовлетворился, конечно, Ревелемъ, онъ далъ своимъ военачальникамъ приказанiе расширить его владѣнiя, захватить Падисъ и другiе близъ лежащiе города. Воинственное настроенiе Эрика не обѣщало прочнаго мира Магнусовымъ владѣнiямъ на Эзелѣ и на материкѣ; что Магнусъ уже потерялъ всякую политическую самостоятельность, мы видѣли въ предшествовавшей главѣ; сдѣлавъ вызовъ Магнусу, Эрикъ дѣлалъ вызовъ самому Фридриху. При такихъ отношенiяхъ съѣзды шведскихъ и датскихъ уполномоченныхъ не приводили ни къ какимъ результатамъ; не смотря на это они созывались и въ 1561 и въ слѣдующихъ годахъ.

Цѣлью всѣхъ этихъ съѣздовъ было предупредить разрывъ обоихъ скандинавскихъ государствъ, найдти какой нибудь исходъ изъ безотраднаго положенiя дѣлъ, выяснить запутанныя политическiя отношенiя. Но каждый съѣздъ обнаруживалъ лишь непримиримость инте-

ресовъ двухъ сосѣднихъ народовъ, свидѣтельствовалъ, до какой степени напряженія дошли взаимныя отношенія ихъ; жалобы, упреки, невыполнимыя требованія и притязанія—вотъ что обыкновенно слышалось и съ той и другой стороны.

Первый продолжительный съѣздъ шведскихъ и датскихъ депутатовъ состоялся въ январѣ 1562 года въ Копенгагенѣ; тотъ фактъ, что вѣрительная грамота шведовъ была скрѣплена новою королевскою печатью съ изображеніемъ датскаго и норвежскаго гербовъ, не обѣщалъ уже ничего хорошаго. Датчане настаивали на возстановленіи трактата 1545 г. въ Брёмсебро, въ которомъ предлагали лишь сдѣлать нѣсколько видоизмѣненій сообразно съ временемъ и измѣнившимися обстоятельствами; шведы же желали заключить новый договоръ, при чемъ условія, выставленныя ими, были такого рода, что датскіе депутаты должны были ихъ отвергнуть: шведы требовали уступки Сконе, Галланда и Готланда, другими словами—желали вытѣснить совершенно датчанъ изъ собственно шведской территоріи. Ливонскія событія предшествующаго года и отношенія Эрика къ Магнусу способствовали лишь бóльшему обостренію переговоровъ.

Переписка обоихъ скандинавскихъ государей за это время даетъ намъ также богатый матеріалъ для исторіи ихъ взаимныхъ отношеній. Эрикъ настаивалъ на временномъ мирѣ, говоря, что впослѣдствіи легче будетъ уже договориться до болѣе продолжительнаго; онъ желалъ къ тому же, чтобы въ проектировавшійся договоръ вошли и его новыя ливонскія владѣнія. Ни онъ, ни Фридрихъ не желали поступиться своими титулами и гербами; Эрикъ требовалъ еще, чтобы датчане отказались отъ нарвской торговли: онъ имѣлъ въ виду поднять торговое значеніе Ревеля.

Слѣдующій съѣздъ шведовъ и датчанъ долженъ былъ состояться 25 іюля въ Гальмстадѣ, но открылся позже, 8-го августа, въ томъ же Копенгагенѣ. Эрикъ уполномочилъ своихъ депутатовъ не покидать датской столицы раньше, чѣмъ не выяснится, быть ли миру съ Даніей или войнѣ. И на этотъ разъ шведы настаивали на правахъ своего государя на Готландъ, и притязаніямъ датчанъ въ Ливоніи противополагали свои притязанія на Готландъ и Сконе. Магнуса Эрикъ соглашался включить въ мирный договоръ только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ вести себя, какъ *послушный епископъ*, ибо Эрикъ теперь заступилъ мѣсто магистра ордена, ему всѣ должны повиноваться [1]).

---

[1]) *Westling*, на основаніи архивныхъ данныхъ, стр. 427 и д.

И говорить нечего, что Фридрихъ II и теперь отвергъ требованія Эрика. Въ началѣ ноября Эрикъ отозвалъ своихъ депутатовъ въ Стокгольмъ, продолжая тѣмъ не менѣе выставлять себя рьянымъ ревнителемъ мира.

Фридрихъ II, какъ видно изъ переписки его съ Августомъ саксонскимъ, не вѣрилъ уже въ возможность мирно уладить свои отношенія съ Швеціей и началъ искать себѣ союзниковъ для будущей войны. Въ январѣ 1563 года онъ сдѣлалъ послѣднюю попытку вызвать Стокгольмскій дворъ къ миру, но, какъ кажется, для проволочки времени. Туда были отправлены Яковъ Брокенгузъ и Корфильдъ Ульфильдтъ. Имъ дано было порученіе предложить Эрику посредничество своего короля къ примиренію Швеціи съ Польшей. Эрикъ отклонилъ это предложеніе, затѣмъ, перейдя къ вопросу о своемъ гербѣ, король сказалъ, что готовъ въ немъ уничтожить изображенія львовъ, если Фридрихъ согласится снять съ своего герба три короны, и согласенъ на новый съѣздъ въ Кальмарѣ, чтобы тамъ снова разсмотрѣть дѣло.

Въ то время, какъ эти событія происходили въ Швеціи, Фридрихъ явно обнаружилъ свои враждебныя отношенія къ Швеціи, арестовавъ шведскихъ пословъ въ Копенгагенѣ, куда они попали проѣздомъ на пути въ Гессенъ (къ этому факту намъ еще придется вернуться).

Таковы были, въ общихъ чертахъ, взаимныя отношенія скандинавскихъ государей передъ 1563 годомъ, начавшимъ собою извѣстную сѣверную семилѣтнюю войну. Если Эрикъ такъ настойчиво желалъ продлить миръ съ Даніей [1]), то это только потому, что ему необходимо было сначала покончить съ внутренними неурядицами въ своемъ государствѣ, съ борьбою съ своимъ братомъ Іоанномъ Финляндскимъ, важною, вопервыхъ, какъ событіе сблизившее Швецію съ Москвою, а затѣмъ и какъ фактъ, ярко освѣтившій дипломатическіе пріемы Сигизмунда II Августа. Междоусобная борьба въ Швеціи имѣла большое вліяніе и на ходъ ливонскихъ событій.

Главною причиной семилѣтней сѣверной войны слѣдуетъ считать утвержденіе шведовъ въ Эстляндіи и захватъ ими Ревеля; утвер-

---

[1]) Эрикъ неоднократно повторялъ своимъ фохтамъ, военачальникамъ и др., чтобы они не затѣвали ссоръ съ датчанами. Такъ, когда онъ узналъ, что датскіе послы направлялись въ Москву, онъ писалъ своему адмиралу, чтобы онъ удержалъ шведовъ отъ всякихъ насилій по отношенію къ датчанамъ, если, разумѣется, сами датчане поведутъ себя „tillbörligen“. *Wieselgren*, I, 144—150.

жденіе враждебной націи на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря, „со временъ Арильда подвластнаго Даніи“, не могло не задѣть живѣйшихъ интересовъ Фридриха II. Господство Даніи на Балтійскомъ морѣ, послѣ паденія Любека, никѣмъ не оспаривалось, какъ вдругъ Эрикъ XIV становится твердою ногою на восточномъ берегу его. Датскій король не могъ теперь считать безопаснымъ владѣнія своего брата на Эзелѣ; шведы, думалъ онъ, рано или поздно посягнутъ и на этотъ островъ, представляющій по своему географическому положенію такую важность для обѣихъ скандинавскихъ державъ. Опасенія Фридриха на этотъ разъ были вполнѣ основательны: Эрикъ, какъ мы видѣли, вошелъ въ сношенія съ Магнусомъ; желая привлечь его на свою сторону онъ обѣщалъ щедро вознаградить его, какъ скоро онъ измѣнитъ датской коронѣ. Хотя Магнусъ и не прельстился предложеніемъ Эрика, но самый фактъ этотъ сильно раздражилъ Фридриха II. Частые съѣзды шведовъ и датчанъ въ 1562 году не только не возстановили добрыхъ отношеній обоихъ королевствъ, но еще ухудшили ихъ.

Что ливонскія событія, въ которыхъ такъ рѣзко столкнулись интересы Даніи и Швеціи, были главною причиною разразившейся войны, подтверждается письмомъ Фридриха II къ Августу саксонскому отъ 24-го апрѣля 1563 года, въ которомъ онъ говоритъ, что если въ войнѣ съ Эрикомъ и выставляютъ главнѣйшей причиною [1]) вопросъ о трехъ коронахъ, то это только потому, что этотъ вопросъ всего ближе касается репутаціи датскаго короля [2]).

Кромѣ ливонскаго вопроса слѣдуетъ въ числѣ причинъ семилѣтней войны выставить притязанія Швеціи на Готландъ, владѣніе которымъ представляло для нея такую важность въ торговомъ и политическомъ отношеніи [3]). Современники мало цѣнили эти двѣ причины и главнымъ образомъ выдвигали вопросъ о трехъ коронахъ. Они непре-

---

[1]) Mitt vnntter die furnembste setzen.

[2]) Едва ли поэтому правъ *Girardet*, когда на стр. 6 говоритъ, что вопросъ о трехъ коронахъ „der *Hauptanlass* zum Beginne des besagten Krieges wurde“. Совершенно не наученъ *Oettinger*; его „Geschichte des dänischen Hofes“ не болѣе, какъ историческій романъ. „Der lächerliche, eines Wappens geführte Krieg“— называетъ онъ семилѣтнюю сѣверную войну (I, 229). Письмо Фридриха къ Августу 24-го апрѣля 1563 (Sonnabends post Georgii) Koldingen, Дрезд. арх. Das sechste denische Buch. „Als daran vnser Reputation hangen thut“.

[3]) Ср. *Mollerup*, Bidrag til den nordiske Syvaarskrigs Historie. Hist. Tidsskrift, V Raekke, II, 1880—1881

мѣнно желали видѣть главнымъ подстрекателемъ двухъ сосѣднихъ народовъ честолюбивый Любекъ, о которомъ сложилась поговорка, что онъ горячѣе всѣхъ требуетъ битвъ, хотя и не умѣетъ пользоваться мечемъ [1]). Но и безъ этого подстрекательства Швеція и Данія не ужились бы въ мирѣ. Самъ Любекъ обвинялъ въ начавшейся войнѣ Ревель; стремленія его занять на Балтійскомъ морѣ то положеніе, которое прежде занималъ Любекъ, желаніе его вытѣснить всѣхъ ганзейскихъ торговцевъ съ Балтійскаго моря [2])—вотъ что послужило причиною столкновенія сѣверныхъ королей. Современные лѣтописцы все клонили къ тому, чтобы съ своихъ государей снять вину въ начавшейся войнѣ. Датскіе хроникеры сваливаютъ все на шведовъ, и наоборотъ—шведскіе на датчанъ. У датскихъ лѣтописцевъ приводится семь причинъ войны [3]): 1) Занятіе шведами Ревеля въ 1561 году, фактъ нарушавшій существовавшіе между обоими государствами договоры; Ревель издавна датскій городъ, и вся Эстонія признаетъ супрематію датской короны. 2) Отказъ Швеціи подтвердить вѣчный миръ съ Даніей; предложенный Эрикомъ XIV трехлѣтній миръ или въ крайнемъ случаѣ миръ на одинъ годъ свидѣтельствовалъ лишь о желаніи его при первомъ же представившемся случаѣ нарушить прежнія отношенія. 3) Эрикъ въ своей королевской печати рядомъ съ шведскимъ гербомъ помѣстилъ и датскій, и норвежскій. 4) Попытка, сдѣланная Эрикомъ XIV, склонить Магнуса измѣнить датской коронѣ. 5) Вторженіе шведовъ въ эзельскую епархію, гдѣ они произвели значительныя опустошенія. 6) Захватъ Падиса, принадлежавшаго Магнусу. 7) Захватъ шведами датскихъ кораблей на пути ихъ въ Нарву.

Шведскіе лѣтописцы, указывая на стремленіе датчанъ умалить значеніе Швеціи, выставляютъ главною причиною войны задержку Фридрихомъ шведскихъ пословъ въ Копенгагенѣ на пути ихъ въ Гессенъ—фактъ тѣмъ болѣе возмутительный, что въ договорѣ 1562 года опредѣлялось, что послы и дипломатическіе агенты безъ задержекъ могутъ проходить черезъ земли обоихъ королевствъ, какъ скоро предъявятъ грамоты своихъ государей, затѣмъ шведскіе лѣтописцы при-

---

[1]) *Languetus*, II, 239: Antiquus est rithmus de Lubecensibus: Proelia poscunt, nec bene noscunt ensibus uti. Дрезд. арх. 6 denisches Buch. Фридрихъ II въ письмѣ къ Августу, 14-го апрѣля, говоритъ, что Любекъ побуждалъ его къ войнѣ съ Швеціей, таково же было и мнѣніе Вильгельма гессенскаго, что явствуетъ изъ письма Languet къ Mordeisen'у 16-го августа 1563.

[2]) *Hövel*, 24. Ср. Papiers d'Etat du cardinal de Granvelle, VII, 108.

[3]) *Rördam*, Monumenta Historiae Daniae, II.

даютъ большое значеніе и тому, что Фридрихъ II присвоилъ себѣ шведскій гербъ, чѣмъ прямо указывалъ на свои стремленія вернуть къ жизни кальмарскую унію [1]).

Но ни задержку шведскихъ пословъ въ Копенгагенѣ, ни Борнгольмское морское дѣло мы не можемъ относить къ причинамъ войны, скорѣе оба эти факта должны быть разсматриваемы какъ введеніе къ ней, начало ея [2]). Подобные этимъ двумъ факты возможны лишь въ такую стадію взаимныхъ отношеній двухъ сосѣднихъ народовъ, когда взаимная вражда и ненависть на столько овладѣла умами, что уже важныхъ обстоятельствъ не отличаютъ отъ второстепенныхъ, ихъ смѣшиваютъ и въ незначительныхъ и мелкихъ событіяхъ усматриваютъ достаточные мотивы къ войнѣ. Къ началу 1563 года взаимныя отношенія двухъ скандинавскихъ королевствъ именно достигли такой вражды, вошли въ стадію сильной натянутости и недовѣрія. Уже около десяти лѣтъ тянулись такія отношенія между ними, и оба короля смотрѣли другъ на друга какъ на враговъ, то открытыхъ, то тайныхъ; они слѣдили за малѣйшими движеніями другъ друга и каждую минуту ожидали нападеній.

Фридрихъ II такъ долго медлилъ объявленіемъ войны главнымъ образомъ потому, что боялся начать ее безъ союзниковъ, а затѣмъ и изъ опасенія, какъ бы родственники Христіана II не воспользовались войною его съ Швеціей и не вздумали снова предъявить свои права на датскій престолъ, какъ во время Графской войны въ 30-хъ годахъ XVI-го столѣтія.

Первый, кто отозвался на зовъ Даніи, былъ Любекъ; этотъ городъ, державшій нѣкогда въ своихъ рукахъ судьбы Швеціи, теперь долженъ былъ сносить рядъ стѣсненій и оскорбленій со стороны Эрика XIV, посягнувшаго на главный жизненный нервъ города— на его русскую торговлю. Любекъ могъ сильнѣе прежняго настаивать на свободѣ русской торговли, такъ какъ въ 1562 году (4-мая) самъ императоръ уничтожилъ запретительный эдиктъ 1559 года и даровалъ Любеку право сноситься съ русскими, но не доставлять имъ военныхъ снарядовъ [3]). Этотъ указъ Фердинанда свидѣтель-

---

[1]) *Tegel*, самъ Эрикъ, *Celsius* и др. Ср. Копенг. арх. Sverrig, письмо Эрика къ Фридриху II, 26-го августа 1563.

[2]) *Mollerup*, въ вышеприведенномъ изслѣдованіи.

[3]) Любек. арх. Kayserl. M. Cassiren das gedruckte Mandat und vergonnen den Lubeckern wiederumb die freye schiffart auff Russland, aussgenommen Munition und proviant.

ствуетъ о нѣкоторомъ пробужденіи и въ немъ сознанія важности дружескихъ отношеній къ Россіи; мы не разъ уже указывали на то, что Фердинандъ внѣ всякаго сомнѣнія понималъ, чувствовалъ всю важность активнаго вмѣшательства имперіи въ Балтійскую борьбу, но былъ связанъ внутренними движеніями въ Германіи, избирательною капитуляціей, обратившей его въ слугу курфюрстовъ, а не имперіи. Фердинандъ мотивировалъ свой майскій указъ тѣмъ, что сами ливонцы сносились съ русскими [1]) и такъ мало цѣнили связь съ имперіей, что отдались даже подъ покровительство иноземныхъ государей. На дѣлѣ же онъ вызванъ былъ цѣлымъ рядомъ просьбъ, обращенныхъ къ нему любчанами, доказывавшими совершенную неосновательность и безцѣльность запрещенія нарвскаго плаванія, и курфюрстомъ Августомъ саксонскимъ, всегда стоявшимъ на сторонѣ Даніи, для которой, мы на это уже указывали, нарвская торговля была столь же выгодной, ибо привлекала въ Зундъ множество иностранцевъ.

Майскій указъ поддавался самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Что понимать подъ упомянутыми въ немъ „запретительными товарами"? Любекъ понималъ этотъ пунктъ очень узко: оружіе, порохъ, военные снаряды. Другіе же предметы онъ доставлялъ русскимъ, говоря, что о нихъ въ указѣ ничего не говорится; отсюда рядъ недоразумѣній и споровъ и т. д. Всего труднѣе было поладить съ шведскими каперами, не обращавшими никакого вниманія на императорскіе указы.

Въ виду такого заступничества императора за Любекъ, Эрикъ съ 1562 года вошелъ въ переписку съ императоромъ, въ которой прежде всего старался оправдать занятіе имъ Ревеля, затѣмъ указывалъ на вредъ и опасность для всѣхъ христіанскихъ государей отъ торговыхъ сношеній ганзейцевъ съ русскими. Въ этой перепискѣ Эрикъ являлся „настоящимъ софистомъ". Онъ ставилъ себѣ въ большую заслугу ходатайство предъ Густавомъ въ пользу ливонцевъ и указывалъ на свои старанія добиться у московскаго правительства перемирія для Ливоніи, чему препятствовали остальные государи: Эрикъ разумѣетъ датскаго, французскаго и испанскаго королей, поддерживавшихъ нарвскую торговлю. Король рѣшился занять Ревель только изъ участія къ несчастной судьбѣ его: предоставленный самъ себѣ, онъ, навѣрно, перешелъ бы подъ власть московитовъ. Остальные

---

[1]) Dass ja derer die Liefflender selbst nicht mussig gangen.

пункты, какими Швеція теперь владѣетъ въ Ливоніи, король ея принялъ отъ магистра, отпавшаго уже отъ имперіи.

Вторая часть переписки Эрика съ императоромъ посвящена нарвской торговлѣ и Любеку. Въ яркихъ краскахъ рисуя вредъ нарвскаго плаванія, Эрикъ говоритъ, что приглашалъ Любекъ и другіе города въ Ревель или Выборгъ: фарватеръ здѣсь во власти шведовъ, и король можетъ по своей волѣ допускать или не допускать сюда ганзейскихъ и другихъ торговцевъ [1]. На это города, какъ извѣстно, возражали, что ревельскій и выборгскій фарватеры—части свободнаго, а потому и долженствующаго всѣмъ быть открытымъ Балтійскаго моря; они забывали при этомъ, что было время, когда самъ Любекъ стремился сдѣлать *свободное* море своимъ исключительнымъ достояніемъ. Какъ прежде, такъ и теперь оказывалось, что теорія о свободѣ морей, Mare liberum, clausum, мѣнялась смотря по обстоятельствамъ. Ученые XVI и XVII столѣтій называли это международнымъ правомъ [2].

Любекъ зналъ о стараніи Эрика добиться у императора новаго запрещенія нарвскаго плаванія, поэтому и самъ сносился съ послѣднимъ. Любекъ указывалъ Фердинанду, что Ревель самъ виноватъ, если прежняя новгородская торговля не могла въ немъ сосредоточиться, онъ желалъ себѣ одному присвоить всѣ выгоды этой торговли; еслибы Ревель разрѣшилъ русскимъ купцамъ пріѣзжать въ свой городъ, а ганзейцамъ торговать съ ними непосредственно, то разумѣется и Любекъ, и другіе города охотнѣе пріѣзжали бы въ Ревель, чѣмъ въ Нарву [3]. На дѣлѣ же этого нѣтъ; шведы, не взирая ни на какія представленія, захватываютъ любекскіе корабли, конфискуютъ товары, заключаютъ ботсмановъ, торговыя суда обращаютъ въ военныя.

При такомъ то отношеніи къ себѣ Швеціи Любекъ забылъ свои счеты съ Фридрихомъ и рѣшился соединиться съ нимъ противъ Швеціи. Еще разъ—и уже въ послѣдній—Любекъ сдѣлалъ попытку войной добиться возстановленія своего прежняго положенія на Балтійскомъ морѣ.

---

[1]) Въ выше цитированномъ письмѣ Эрика къ Фридриху II говорится: Das wir die gemeine kauff fahrt gehindert, verstehen wir vf die Narvische Siegellation wegen der Lübischen, dartzu haben wir fugh vnd recht vnd gehet S. L. gar nit an.

[2]) Ср. *Schiemann*, Russland, Polen, Livland, 423 и д.

[3]) Ibid. 424.

Переговоры о союзѣ между Даніей и Любекомъ начались въ Килѣ. Генрихъ Рантцау, кромѣ того, имѣлъ и тайные переговоры съ представителями Любека въ Люнебургѣ. По окончаніи ихъ любекскіе послы явились въ Копенгагенъ, гдѣ и заключили формальный договоръ и союзъ противъ Швеціи. Борьба предполагалась только въ предѣлахъ Швеціи и на Балтійскомъ морѣ, Любекъ выговорилъ себѣ льготу—только въ крайнемъ случаѣ высылать свой флотъ и въ другія моря.

Договоръ Фридриха II съ Любекомъ противъ Швеціи былъ заключенъ 13-го іюня 1563 года. Въ силу этого договора Данія и Любекъ рѣшили до тѣхъ поръ не класть оружія, пока не добьются у Швеціи удовлетворенія за причиненныя имъ потери. Постановлено было, чтобы ни одна изъ договаривавшихся сторонъ не заключала отдѣльнаго мира съ Швеціей и не входила съ нею въ какія бы то ни было сношенія безъ вѣдома и согласія другой; чтобы союзъ продолжался до тѣхъ поръ, пока обѣ стороны не достигнутъ своего, то-есть, пока Данія не заставитъ Швецію уничтожить въ своемъ гербѣ изображеніе трехъ коронъ, не вернетъ себѣ земель, захваченныхъ шведами въ Ливоніи, не принудитъ шведскаго короля отказаться отъ своихъ притязаній на Сконе, Готландъ и Норвегію, сдѣлать плаваніе по Балтійскому морю свободнымъ для датчанъ, заплатить Даніи за всѣ военные расходы, прислать отъ себя уполномоченныхъ для переговоровъ о новомъ мирномъ договорѣ. Любекъ поставилъ себѣ цѣлью вернуть своимъ торговцамъ ихъ прежнія права и привилегіи въ Швеціи, обезпечить ихъ за ними на будущее время, вернуть себѣ долгъ, лежавшій на первомъ Вазѣ и выросшій до 13.953 марокъ, 3 шиллинговъ и 2 пфениговъ, не считая долговъ частныхъ лицъ; затѣмъ Любекъ требовалъ себѣ удовлетворенія за захватъ любекскихъ купцовъ и конфискацію ихъ товаровъ въ 1533 и 1546 годахъ, настаивалъ на совершенной свободѣ сношеній съ Москвою[1])

[1]) Zum funfften, das sich die jetzt regierende Königlich Wurde zu Schweden thetthlichs vnnderfanngen die gemeine auch der statt Lubeck sonnderlich priuilegirte farth auf Russlanndt vnnd frey hanndtirung mit denn Reussenn zu verhindern vnnd ires gefallens enzuziehenn... Dann das der statt Lubeck einwonnern ire von vnndenckliehen jaren geuebte auch sonnderbare gepriuilegirte, vonn kauffmanswaren, freye hanndtierung mit denn Reussen inn allenn vnnd jeden ortten, da des hanndls gelegennheit vnnd die commercia werden exercirt werdenn; vnnd das darann einem erbern ratt vnnd die ire hinfart nicht zu verhindern, gennegsam verwaret vnnd versichert werde.

и плаванія на Нарву; шведское правительство должно было вознаградить любчанъ за причиненные имъ убытки на пути въ Нарву, гарантировать имъ свободную торговлю въ Швеціи, никого не притѣснять, никого не лишать свободы. Наконецъ, Любекъ требовалъ себѣ и вознагражденія за всѣ военные расходы.

Таковы были стремленія обоихъ союзниковъ: Фридриха II и Любека. Данцигскій посолъ, бывшій въ Копенгагенѣ въ то время, писалъ магистрату города: „Die Crone in Sweden wil man hir gantz haben oder gar nichts". Что касается до взаимныхъ обязательствъ новыхъ союзниковъ, то Любекъ долженъ былъ прежде всего задерживать въ своихъ владѣніяхъ всѣхъ шведскихъ агентовъ, которые бы явились туда съ цѣлью нанять кнехтовъ или провести черезъ ихъ земли наемниковъ. Также точно и Фридрихъ II обязывался запретить шведамъ пребываніе въ предѣлахъ Датско-норвежскаго государства и слѣдить за тѣмъ, чтобы шведы не могли закупать здѣсь провіанта, военныхъ снарядовъ и пр.

Какъ скоро шведы вторгнутся во владѣнія датчанъ, Любекъ долженъ доставить послѣднимъ 5 военныхъ кораблей и два одномачтовыхъ судна („пинке" и „буеръ"), съ экипажемъ и провіантомъ; если нападенію шведовъ подвергнется Любекъ, то Фридрихъ II немедленно долженъ явиться къ нему на помощь съ кораблями и людьми, но количество ихъ не опредѣляется въ договорѣ. Любекскіе корабли должны находиться подъ начальствомъ датскаго адмирала, который однако обо всемъ долженъ предварительно совѣтоваться съ любекскимъ адмираломъ. Единство дѣйствій—вотъ что, по мнѣнію Фридриха II и Любека, было всего необходимѣе. Зимою Любекъ могъ отвести свой флотъ и экипажъ домой, съ обязательствомъ при первой же навигаціи снова прислать ихъ въ Данію. Фридрихъ II обѣщалъ Любеку поддерживать плаваніе на Нарву, что и ему приносило большую выгоду, такъ какъ всѣ западные народы должны были проѣзжать чрезъ датскіе проливы и вездѣ платить транзитную пошлину; но король ставилъ условіемъ, чтобы русскимъ не доставляли оружія, пороху и военныхъ снарядовъ: это послѣднее ограниченіе было сдѣлано въ угоду Августу саксонскому и императору, чтобы избѣгнуть упрека въ московитофильствѣ; наконецъ, король обѣщалъ, что ни одинъ королевскій чиновникъ не будетъ задерживать любчанъ ни въ Зундѣ, ни въ Бельтахъ. Въ заключеніе рѣшено было подѣлить будущую военную добычу такъ, чтобы двѣ трети достались Даніи, одна треть Любеку. Еслибы къ датско-любекскому договору поже-

лали присоединиться другіе города или князья, то этотъ вопросъ необходимо рѣшить съ общаго согласія.

Того-же 13-го іюня составленъ былъ и сепаратный договоръ Фридриха II съ Любекомъ, на случай еслибы первому удалось покорить себѣ Швецію и возстановить кальмарскую унію. При такомъ счастливомъ исходѣ борьбы, Любеку было обѣщано дать новыя привилегіи и подтвердить за нимъ всѣ старыя такъ, чтобы любчане не фиктивно только, но и „дѣйствительно пользовались ими"; затѣмъ— плаваніе на Балтійскомъ морѣ будетъ „абсолютно" свободно; долгъ шведскаго правительства Фридрихъ II выплатитъ городу въ продолженіе шести лѣтъ.

Этотъ заманчивый и много обѣщавшій сепаратный договоръ Любекъ, что̀ очень любопытно, долженъ былъ выдать обратно королю, какъ скоро обнаружилось бы, что надѣяться на возстановленіе уніи нельзя.

Въ одномъ частномъ донесеніи изъ Копенгагена говорится, что Любекъ выговорилъ себѣ на вѣчныя времена владѣніе Борнгольмомъ и на ограниченное число лѣтъ владѣніе Фемерномъ и Лаландомъ; но это извѣстіе не заслуживаетъ довѣрія, вопервыхъ, потому что въ офиціальномъ договорѣ такого пункта нѣтъ, а вовторыхъ, оно идетъ въ разрѣзъ со всей политикой Фридриха II, такъ энергично стремившагося, какъ мы видѣли, освободиться отъ какой бы то ни было зависимости отъ Любека; владѣніе тремя вышеназванными островами было слишкомъ выгоднымъ и политически необходимымъ, чтобы уступить ихъ Любеку за доставку послѣднимъ небольшаго числа кораблей [1]).

31-го іюля 1563 года вышелъ манифестъ о войнѣ Фридриха II, а за мѣсяцъ съ небольшимъ манифестъ Любека, союзника датскаго короля. Любопытны оба эти манифеста потому, что въ нихъ также перечисляются причины, побудившія какъ Данію, такъ и Любекъ объявить Швеціи войну [1]).

Шведскій король, говорится въ манифестѣ Фридриха II, противно всякой справедливости, нарушилъ дружескій договоръ, соединявшій

---

[1]) О договорѣ Любека съ Фридрихомъ II см. Любекскій архивъ, Suecica, V: „Der Lübischenn vbergebene Artickull vnnd furderung gegenn Schweden, so wie neben ihrer Absage den Schweden vberschickt". Всѣхъ 8 §§. Выдержки изъ Любекскаго архива были уже раньше напечатаны во 2-мъ томѣ „Quellensammlung zur Schleswig-Holstein-Lauenburgischen Gesellschaft für vaterländische Geschichte". 1863 и 1865. Донесеніе изъ Копенгагена, 13-го іюля, въ Данц. архивѣ, Acta Internunciorum, IX, vol. 14. Ср. *Rudberg*, IV, Stockh., 1888, приложенія: тамъ договоръ напечатанъ по Любекскому оригиналу.

Данію съ Швеціей; онъ не упускалъ случая, гдѣ только могъ, обнаружить свою вражду къ Даніи, умалить честь и достоинство датской короны. Эрикъ носилъ въ своемъ гербѣ изображеніе трехъ коронъ, онъ вторгся во владѣнія Магнуса эзельскаго, послѣ неудачной попытки склонить его деньгами на свою сторону, онъ стѣснялъ свободное плаваніе датчанъ на Балтійскомъ морѣ и повсюду распространялъ недостойные королевской чести брошюры и листки. Еще до объявленія войны шведы напали на датскіе корабли, стоявшіе у Борнгольма съ цѣлью наблюдать за безопасностью плаванія на Балтійскомъ морѣ торговыхъ судовъ, и нанесли имъ большой вредъ. Датскій король въ виду такого явнаго пренебреженія и нарушенія мирныхъ трактатовъ и униженія своей чести, не можетъ оставаться празднымъ зрителемъ и вынужденъ взяться за оружіе какъ для защиты себя, такъ и для обезпеченія свободнаго плаванія всѣхъ христіанскихъ государей на Балтійскомъ морѣ.

Любекъ начинаетъ свой манифестъ о войнѣ съ Швеціей съ перечисленія всего, что имъ сдѣлано для шведской короны съ самаго вступленія Густава Вазы на престолъ; городъ не жалѣлъ ни денегъ, ни жизни своихъ подданныхъ, чтобы только помочь Швеціи въ борьбѣ съ Христіаномъ II. За все это шведскіе короли платили Любеку черною неблагодарностью, стѣсняли различными мѣрами торговыхъ людей его, лишали ихъ льготъ и привилегій, отнимали товары, заключали торговцевъ въ тюрьму, назначали небывало высокія пошлины на всѣ товары и т. д. Любекъ долго сносилъ все это съ большимъ терпѣніемъ, предоставивъ все Богу и времени; онъ не терялъ надежды на то, что король Эрикъ XIV въ концѣ концовъ перемѣнитъ свое обращеніе съ нимъ, неоднократно посылалъ къ королю посольства, писалъ къ нему, прося отмѣнить стѣснительныя для торговли нововведенія и напоминая о великихъ жертвахъ, принесенныхъ любчанами Густаву I. Въ отвѣтъ на это послѣдовали лишь бóльшія стѣсненія торговыхъ людей Любека: имъ запретили вести торговлю съ русскими, тогда какъ самъ германскій императоръ разрѣшилъ имъ эту торговлю; шведы захватывали всѣ корабли, направлявшіеся къ Нарвѣ, экипажъ заключали въ тюрьмы, товары конфисковали. Тщетно было заступничество за городъ императора и курфюрстовъ: шведскій король продолжалъ обнаруживать явную вражду къ Любеку, стремился къ абсолютному господству на Балтійскомъ морѣ, по-прежнему приказывалъ захватывать любекскіе корабли и не скрывалъ желанія унизить городъ и лишить его прежняго значенія. Любекъ не можетъ

болѣе сносить такого стѣсненія и такой вопіющей несправедливости къ себѣ и въ защиту своихъ естественныхъ правъ объявляетъ Эрику XIV войну [1]).

Эрикъ получилъ оба манифеста въ концѣ августа. Узнавъ о причинахъ, побудившихъ Фридриха объявить ему войну, онъ тотчасъ написалъ послѣднему, что королю Даніи нѣтъ никакого дѣла до распоряженій шведскаго короля, какъ скоро они издаются только въ предѣлахъ его владѣній, что онъ—Эрикъ XIV—имѣлъ полное право допускать или нѣтъ нарвскую торговлю, такъ какъ она совершается на фарватерѣ ему принадлежащемъ [2]). Фридрихъ не успѣлъ получить этого письма: онъ уже высадился на шведскій берегъ.

Заключивши съ Даніей наступательный союзъ противъ Швеціи, Любекъ сдѣлалъ рядъ попытокъ склонить къ участію въ немъ и другіе ганзейскіе города, главнымъ же образомъ Данцигъ, Гамбургъ и померанскіе города. Еще до 1563 года Любекъ сообщалъ Данцигу о военныхъ приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ Даніей для борьбы съ Швеціей, искалъ его совѣта, какъ быть городамъ въ виду враждебныхъ отношеній къ нимъ шведскаго короля, прекращать ли сношенія съ Швеціей, какъ требуетъ и Данія и Польша, или нѣтъ [3]). 6-го іюля 1563 года любекскій ратъ обратился къ данцигскому магистрату съ письмомъ [4]), въ которомъ заявлялъ, что въ виду дружескихъ отношеній, издавна установившихся между Любекомъ и Данцигомъ,—у нихъ всегда были общіе враги и друзья,—Данцигъ долженъ былъ бы теперь не порывать съ традиціонною политикой своихъ предковъ и примкнуть къ союзу противъ Швеціи. Любекскій ратъ надѣялся на успѣхъ своей просьбы, въ виду того, что польскій король, государь Данцига,—на сторонѣ Даніи и Любека. Предлагая Данцигу вторично вступить въ антишведскую лигу, Любекъ пишетъ, что уже добился у Фридриха II для Данцига цѣлаго ряда привилегій.

Съ подобными же воззваніями Любекъ обращался къ другимъ

---

[1]) Ср. Дрезд. арх. Sechster Denische Buch, длинный докладъ, перечисляющій причины столкновенія съ Швеціей. Всѣхъ 8 причинъ. Одною изъ главнѣйшихъ выставляется запрещеніе русской торговли и присвоеніе всѣхъ выгодъ ея шведами себѣ—„Sich alleinn, als ein her der Ostsehe“.

[2]) Копенг. архивъ, Sverrig, 238.

[3]) Данц. арх. Urkunden Sammlung, CVII. B. 324. 312. 77.

[4]) Данц. арх. Urkunden Sammlung, CVII. B. 316. 21280. Тамъ же, письмо Фридриха II къ Данцигу, 23-го іюля 1563 г. (XCV. B. 83. 22915); то же отъ 13-го числа: просьба доставить ему нѣсколько кораблей (82. 22914).

прусскимъ городамъ. Но онъ не имѣлъ успѣха; его просьбамъ не внимали. Данцигъ отвѣчалъ любекскому рату, что по его мнѣнію, настоящая война совсѣмъ не необходима; затѣмъ, если и допустить, что она касается интересовъ всего ганзейскаго союза, то Любеку никакъ не слѣдовало вмѣшиваться въ нее, не посовѣтовавшись предварительно со всѣми остальными городами. Можетъ быть, споры Любека съ Швеціей легко было бы уладить и мирнымъ путемъ, еслибы предварительно разсмотрѣть ихъ на общемъ ганзетагѣ.

Въ своемъ обращеніи къ померанскимъ городамъ (8-го іюля) [1]) Любекъ подробно доказывалъ и объяснялъ стремленіе Эрика XIV утвердиться на всемъ Балтійскомъ морѣ, сдѣлаться господиномъ его [2]),— стремленіе въ одинаковой степени угрожающее всѣмъ Ганзейскимъ городамъ, которые издавна уже „кровью своихъ предковъ добились свободы плаванія на немъ“; во избѣжаніе совершеннаго подчиненія Швеціи Любекъ предлагаетъ померанскимъ городамъ пристать къ датско-польскому союзу [3]), пріостановить сношенія съ Швеціей и не допускать шведовъ въ свои гавани, чѣмъ всего успѣшнѣе нанесенъ будетъ ударъ ихъ балтійскому господству. Къ своему письму Любекъ присоединилъ и копію съ письма къ нему самого Сигизмунда II (19-го апрѣля, Петроковъ), въ которомъ король энергично возстаетъ противъ беззаконныхъ притязаній Швеціи на балтійское господство.

Въ Ливоніи, говоритъ король, ему нечего опасаться Швеціи: тамъ справиться съ нею не трудно. Другое дѣло на морѣ: королю недостаетъ флота, почему онъ и обращается къ приморскимъ городамъ съ просьбой доставить ему, въ виду общихъ интересовъ, связанныхъ съ настоящею войной, по нѣскольку кораблей, затѣмъ прекратить сношенія съ Швеціей и заключить съ Даніей и Польшей наступательный и оборонительный союзъ. Господство на морѣ значитъ господство на побережьяхъ его, поэтому пусть города предупредятъ опасныя для нихъ намѣренія Эрика, иначе ихъ ожидаетъ одна судьба съ Ревелемъ и эстляндскими городами, которые одинъ за другимъ подпадаютъ подъ власть шведовъ.

Энергично побуждалъ Любекъ и города нижне-саксонскаго округа порвать съ шведами; рѣшительнѣе всѣхъ отвергнулъ искательство Лю-

---

[1]) Данц. архивъ.

[2]) Der vonn Natur vnnd herkommenn freyenn Ostsehe auch vnserer ann der ostsehe gesessenen eins theil mechtig werdenn sey.

[3]) mit vnnd neben vnss jnn gemeinschafft gelegenn.

бека—Гамбургъ. Враждебныя отношенія Фридриха II къ Гамбургу усилились въ особенности въ 1562 году; изъ Данцига писали въ январѣ этого года, что король ясно обнаружилъ стремленіе захватить устье Эльбы въ свои руки [1]); онъ построилъ передъ самымъ Гамбургомъ [2]) два блокгауза, съ тѣмъ чтобы взимать подати со всѣхъ кораблей, приходящихъ и уходящихъ изъ Эльбы въ море. Къ зундской пошлинѣ Фридрихъ II хотѣлъ еще присоединить и эльбскую. Онъ потребовалъ отъ города 5 бочекъ золота; Гамбургъ жаловался, что король желалъ, чтобы городъ служилъ ему и днемъ, и ночью [3]). Все существованіе Гамбурга было связано съ его стапельнымъ правомъ на Эльбѣ, и городъ продолжалъ задерживать датскіе корабли, проѣзжавшіе Эльбу съ хлѣбомъ. Фридрихъ отвѣчалъ на такія мѣры подобными же: такъ онъ однажды велѣлъ задержать всѣ гамбургскіе корабли и въ Даніи и въ Норвегіи, говоря, что не выпуститъ ихъ раньше, чѣмъ не получитъ выкупа въ 100.000 талеровъ; Гамбургъ неоднократно обращался за содѣйствіемъ противъ Даніи къ сильнымъ морскимъ государствамъ запада, напримѣръ, къ Елизаветѣ англійской; городъ указывалъ ей на стремленіе Фридриха стать господиномъ не только Балтійскаго, но и Нѣмецкаго моря. Фридриха II называли узурпаторомъ, насильственно присвоившимъ себѣ прерогативы на Эльбѣ; о немъ говорили, что онъ всѣхъ своихъ предшественниковъ превзошелъ самоволіемъ и дерзостью [4]). Отношенія Гамбурга къ королю становились все болѣе враждебными, а тутъ является Любекъ съ предложеніемъ соединиться съ узурпаторомъ для взаимной борьбы съ шведскимъ королемъ. Что удивительнаго, если къ этому предложенію отнеслись съ рѣшительнымъ порицаніемъ. Какъ Гамбургъ, такъ и другіе ганзейскіе города совершенно не одобряли враждебныхъ начинаній Любека противъ Швеціи [5]); всѣ они упрекали Любекъ въ томъ, что онъ союзомъ съ Даніей только повредилъ всей Ганзѣ, которая путемъ мирныхъ переговоровъ навѣрно добилась бы подтвержденія своихъ привилегій и торговыхъ вольностей [6]).

---

[1]) the king will have the whole river of the Elbe for himself.

[2]) before their noses.

[3]) and would that Hambourg stand upon botes for him both day and night.

[4]) who in insolency and monstrous manners exceeds all his predecessors. State Papers, № 692. Throckmorton пишетъ изъ Парижа 20-го декабря 1561 года: the king of Denmark is so humbled by the confederate cities that he repents his enterprize (или войну съ Швеціей, или свои мѣры противъ ганзейцевъ).

[5]) *Sartorius* III, 111.

[6]) Ibid, III, 109.

Общее настроеніе городовъ относительно Любека всего лучше сказалось на ганзетагѣ въ августѣ 1564 года [1]): сюда и явились очень немногіе депутаты, да и между собравшимися не было никакого согласія и единодушія: всѣ, кромѣ Любека, сходились лишь въ одномъ стремленіи—добиться скорѣйшаго мира Швеціи съ Даніей.

Обратимся теперь къ дипломатическимъ миссіямъ скандинавскихъ королей и Сигизмунда Польскаго, посмотримъ, на сколько успѣшны были ихъ старанія склонить на свою сторону ганзейскіе города и нѣмецкихъ князей, вызвать ихъ къ активной политикѣ. Фридрихъ II раздѣлялъ мнѣніе Любека о важности и необходимости расширить свой союзъ привлеченіемъ къ нему новыхъ членовъ; онъ прежде всего заключилъ договоръ противъ Швеціи съ Польшей,—о чемъ подробнѣе впереди, а затѣмъ обратился къ Данцигу, сначала съ просьбою помочь ему кораблями, а затѣмъ и приглашая городъ принять участіе въ антишведскомъ союзѣ. Канцлеръ Фридриха II увѣрялъ уполномоченныхъ Данцига, находившихся въ 1563 году въ Копенгагенѣ, въ искреннемъ расположеніи къ ихъ городу его государя [2]). Затѣмъ Фридрихъ обратился къ Кетлеру съ просьбою, чтобы и тотъ содѣйствовалъ успѣху союзниковъ въ Ливоніи и выставилъ тамъ войско противъ шведовъ, но Кетлеръ, всецѣло занятый защитою своего новаго герцогства, не могъ исполнить просьбы короля [3]). Альбрехтъ Старшій, маркграфъ бранденбургскій и герцогъ прусскій, котораго также хотѣли привлечь на свою сторону Фридрихъ и Сигизмундъ, отвѣчалъ послѣднему, что одинъ не беретъ на себя доставки королю флота, такъ какъ не имѣетъ къ этому средствъ, но готовъ побудить къ этому другихъ нѣмецкихъ князей и часть расходовъ на постройку флота взять на себя. Король правъ,—писалъ къ нему Альбрехтъ,—когда требуетъ кораблей у Данцига; если у города и нѣтъ военныхъ кораблей, то

[1]) *Hövel*, 35.

[2]) Данц. арх. Acta Intern. 1563, IX, vol. 14.

[3]) Объ этомъ онъ писалъ къ Сигизмунду II Августу 16-го декабря: Hac ipsa quoque hora danici ad me ablegati internuntii adveniunt, atque juxta initam recens inter sacram V. Reg. M—tem et S. Regem Daniae societatem atque foedus, firma S. V. R. M—tis auxilia contra Suedum iis in locis vastationibus, direptionibus impune grassantem indesinenter implorant. Quamvis etiam libentissime aliquid ad retinendum atque alendum istum militem suppeditare vellem, tamen in hoc diuturno oc calamitosissimo bello, adeo omnibus facultatibus denudatus maximisque sumptibus ita exhaustus sum, ut aulam meam sustentare commode vix possem.

ему ничего не стоитъ обратить въ военныя свои транспортныя и торговыя суда [1]).

По заключеніи договора съ Любекомъ Фридрихъ II желалъ привлечь къ войнѣ противъ Швеціи и остальные ганзейскіе города, померанскіе, вендскіе, мекленбургскіе и прусскіе; съ любекскимъ ратомъ онъ вступилъ въ переговоры съ этими городами объ антишведской коалиціи. Еслибы планы Фридриха II и Любека увѣнчались успѣхомъ, то всѣ балтійскія государства, начиная съ Ливоніи и кончая Шлезвигъ-Голштиніей, составили бы одинъ враждебный Швеціи лагерь, одну тѣсно сплоченную силу, которая въ случаѣ войны съ Швеціей могла бы дѣйствовать „сообща и концентрически"; Швеція была бы отрѣзана отъ всякихъ сношеній съ Германіей и другими европейскими государствами. Въ Любекѣ и Даніи строили обширные проекты; исполненіемъ ихъ обусловливался совершенный упадокъ Швеціи какъ балтійской державы. Стремленіе Фридриха II и Любека могло осуществиться только при единодушномъ дѣйствіи всѣхъ прибалтійскихъ городовъ. Но именно этого то единодушія и не доставало Ганзѣ, гдѣ каждый отдѣльный представитель имѣлъ въ виду исключительно только свои интересы. Уже по вопросу о нарвскомъ плаваніи многіе померанскіе города расходились съ Любекомъ, то же сказалось и по отношенію къ скандинавскимъ государствамъ.

Какъ политикъ не менѣе проницательный, нежели Фридрихъ II и любекскіе бургомистры, Эрикъ XIV также искалъ сближенія съ Помераніей. Еще въ 1560 году, по смерти герцога Филиппа, онъ въ рейхсратѣ поднялъ вопросъ о политической важности родственнаго союза съ герцогскимъ домомъ Помераніи, владѣнія котораго по географическому положенію своему представляли для Швеціи большую важность. Сыновья Филиппа очень дружелюбно относились къ Швеціи и искали ея покровительства. Эрикъ XIV продолжалъ сноситься съ померанскими городами. Такимъ образомъ Померанію съ двухъ сторонъ, хотѣли вовлечь въ союзъ, и со стороны Даніи и Любека, и со стороны Швеціи.

Внутреннее состояніе тогдашней Помераніи повидимому обѣщало успѣхъ обоимъ искателямъ ея союза [2]). Въ Вольгастѣ, по смерти Фи-

[1]) Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv—Esth—und Kurlands herausgeg. von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der russischen Ostsee-Provinzen. 9 Band. 1860. Riga. *Menckenii*, 189, 198, 207.

[2]) Вопросъ объ отношеніи Помераніи къ Скандинавскимъ государствамъ во время сѣверной семилѣтней войны разработанъ по архивнымъ даннымъ въ из-

липпа I, одного изъ наиболѣе выдающихся князей сѣверной Германіи, осталось пять несовершеннолѣтнихъ сыновей, опекунами которыхъ императоръ Фердинандъ I назначилъ герцоговъ саксенъ-готскаго, ангальтскаго и померанско-штеттинскаго. Правленіе было передано въ руки матери несовершеннолѣтнихъ князей, при чемъ сдѣлано было постановленіе, чтобы они во всѣхъ важныхъ вопросахъ обращались за совѣтомъ къ Барниму XI изъ штеттинской линіи; кромѣ того при вдовствующей герцогинѣ состоялъ особый совѣтъ изъ старыхъ и испытанныхъ людей подъ предсѣдательствомъ гросгофмейстера. Это провизорное правительство не было способно къ быстрой и рѣшительной политикѣ въ столь запутанную и трудную эпоху, какую переживала Германія въ девятилѣтнее царствованіе императора Фердинанда I. Барнимъ XI, стоявшій во главѣ штеттинской линіи, былъ государь доброжелательный, миролюбивый, съ извѣстнымъ политическимъ чутьемъ, но въ высшей степени осторожный; онъ боялся всякихъ столкновеній, отступалъ отъ рѣшительныхъ предпріятій, когда они были прямо необходимы для сохраненія чести его дома и страны; бережливость Барнима переходила въ скупость.

Въ виду все болѣе осложнявшихся отношеній скандинавскихъ государей, померанскимъ князьямъ слѣдовало держаться твердой и постоянной политики. По иниціативѣ Барнима XI въ началѣ марта 1563 г. созванъ былъ ландтагъ въ Штеттинѣ. На немъ имѣлось въ виду разсмотрѣть и опредѣлить политическія отношенія Помераніи къ сосѣднимъ государствамъ, Даніи, Швеціи и Польшѣ; это представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что со дня на день ожидали войны Даніи съ Швеціей, и Померанія легко могла навлечь на себя вражду одной изъ этихъ державъ, какъ скоро вопросъ возникалъ о пропускѣ наемныхъ войскъ, о задержкѣ торговыхъ и военныхъ судовъ въ померанскихъ гаваняхъ и т. д. Въ приглашеніи, которое Барнимъ XI разослалъ остальнымъ князьямъ, указывалось на то, какъ важно во́время предупредить всякія враждебныя столкновенія какъ по отношенію къ Швеціи, такъ и по отношенію къ Даніи. Онъ предлагалъ князьямъ принять мѣры къ защитѣ нейтралитета и независимости страны. Для послѣдней цѣли необходимо было имѣть на готовѣ 10.000 талеровъ; такая крупная сумма всѣхъ смутила, планъ Бар-

---

слѣдованіи *Blümcke* „Pommern während des nordischen siebenjährigen Krieges", въ Baltische Studien, herausgegeben von der Geselsch. für Pommersche Geschichte. 1889 и 1890. Этимъ изслѣдованіемъ и мы пользуемся въ разбираемомъ вопросѣ.

нима не прошелъ, и на съѣздѣ рѣшили обратиться къ городамъ и владѣтелямъ, прося ихъ принять мѣры для обороны государствъ.

Не успѣла возникнуть сѣверная война, какъ участники ея одинъ за другимъ стали обращаться къ Помераніи въ надеждѣ склонить ее на свою сторону.

Прежде другихъ и ревностнѣе другихъ сближенія съ небольшимъ прибалтійскимъ княжествомъ искалъ Эрикъ XIV. Онъ просилъ города доставлять помощь его ливонскимъ владѣніямъ, убѣждалъ также и князей побудить ихъ къ этому; съ своей стороны онъ обѣщалъ имъ хорошую цѣну за доставку съѣстныхъ припасовъ. На первую просьбу свою король отвѣта не получилъ. Въ началѣ мая 1563 года Сигизмундъ Августъ прислалъ въ Штеттинъ своего посла, Станислава Черниковскаго, который своими разсказами о грандіозныхъ предпріятіяхъ Швеціи, объ хищническихъ планахъ Эрика XIV — захватить все Балтійское море и прилегающія къ нему княжества — долженъ былъ запугать померанское правительство; узнавши о намѣреніи шведскаго короля навербовать въ Германіи наемниковъ, Сигизмундъ черезъ своего посла просилъ Барнима XI ради ихъ прежней дружбы и родства не дать осуществиться намѣреніямъ Эрика, не допускать вербованія кнехтовъ, не разрѣшать шведамъ останавливаться въ ихъ гаваняхъ и побудить къ тому же сосѣднихъ съ Помераніей князей.

Польскій король надѣялся также на помощь Помераніи и просилъ у герцоговъ отрядъ кнехтовъ для борьбы со шведами, или же денежную помощь. Сигизмунду удалось не болѣе, чѣмъ Эрику, привлечь Померанію на свою сторону. Барнимъ не могъ оказать ему помощи, хотя и выражалъ сожалѣніе о критическомъ положеніи Ливоніи; опасаясь легкаго утвержденія въ ней московитовъ, онъ ограничился тѣмъ, что предлагалъ польскому королю свое посредничество. Въ виду смѣлыхъ вооруженій, предпринятыхъ въ южной Германіи въ пользу Швеціи, Барниму, дѣйствительно, слѣдовало быть наготовѣ отразить вторженіе въ свою область; на одно только онъ соглашался — допустить желающимъ изъ своихъ подданныхъ становиться въ ряды польскаго и союзнаго датско-любекскаго войска. Этою льготою померанское правительство не нарушало своего нейтралитета и не измѣняло своихъ отношеній къ воевавшимъ государствамъ.

Изъ Штеттина Черниковскій отправился въ Вольгастъ, гдѣ его миссія была столь же неуспѣшна, какъ въ Штеттинѣ; тутъ ему также отвѣчали отказомъ, сославшись на несовершеннолѣтіе герцоговъ.

Такимъ образомъ, одновременно три державы предъявляли Помераніи свои требованія; при такихъ условіяхъ положеніе ея дѣйствительно становилось критическимъ. Не успѣлъ уѣхать Черниковскій, какъ въ Вольгастъ прибылъ посолъ Фридриха II, требовавшій отъ имени своего государя запрещенія всякихъ торговыхъ сношеній Помераніи съ Швеціей и сосредоточенія всей ея торговли въ Даніи и земляхъ ея союзниковъ. Послу заявили, что рѣшительнаго отвѣта ему дать не могутъ, не посовѣтовавшись предварительно съ опекунами молодыхъ герцоговъ; въ Данію разрѣшено уже, сказали послу, вывозить хлѣбъ изъ Помераніи; правительство разрѣшило также желающимъ поступать на службу къ датскому королю. Какъ раньше Польшѣ, такъ теперь и Даніи Барнимъ предлагалъ свое посредничество, присоединивъ къ этому и обѣщаніе не вывозить хлѣба въ Швецію и не разрѣшать шведамъ найма кнехтовъ въ его владѣніяхъ; только въ Данію, велѣлъ онъ передать послу, его подданные будутъ вывозить хлѣбъ и другіе съѣстные припасы.

Такія широкія обѣщанія давались датскому послу не съ тѣмъ вовсе, чтобы ихъ исполнять, а съ тѣмъ только, чтобы отклонить на время всякое давленіе со стороны Даніи. Барнимъ надѣялся на воздѣйствіе императора Фердинанда I, онъ былъ увѣренъ, что мирное посредничество императора, курфюрста Августа саксонскаго и ландграфа Филиппа гессенскаго приведутъ ко всѣми желаемому примиренію Швеціи съ Даніей. Переговоры о перемиріи дѣйствительно вскорѣ открылись въ Ростокѣ.

Посолъ Фридриха II явился въ Померанію во второй половинѣ мая, а въ іюлѣ уже агентъ Эрика XIV, Лазаръ Меллеръ, прислалъ въ Вольгастъ письмо, въ которомъ выставлялъ на видъ миролюбіе Эрика XIV, не подавшаго никакого повода къ начавшейся войнѣ съ Даніей. Отъ имени короля Меллеръ просилъ герцоговъ не доставлять помощи врагамъ Швеціи, разрѣшить ввозъ хлѣба въ Швецію, давать шведскимъ агентамъ свободный пропускъ черезъ Померанію и не задерживать шведскихъ кораблей, еслибы они явились въ померанскія гавани.

Итакъ, мы видимъ, что и Швеція, и Польша, и Данія ходатайствуютъ каждая въ свою пользу у вольгастскаго и штеттинскаго дворовъ. Положеніе послѣднихъ было очень затруднительно, представители ихъ рѣшились собраться на съѣздъ въ Пасевалькъ, чтобы тамъ сообща рѣшить дѣло.

Много говорилось на пасевалькскомъ съѣздѣ и за, и противъ

активной политики въ войнѣ Даніи съ Швеціей, въ концѣ же преній восторжествовало мнѣніе высказавшихся за полный нейтралитетъ. Померанія боялась мести Эрика XIV, еслибы она пристала къ датско-любекскому союзу; раздѣлавшись съ Фридрихомъ II, Эрикъ не преминулъ бы наказать какъ города, такъ и герцоговъ. Всѣ согласились, что дѣлать дальнѣйшія уступки Даніи противно интересамъ собственной страны; все, что можно было сдѣлать для нея, уже сдѣлано.

Противъ посредничества, предложеннаго Барнимомъ воевавшимъ государствамъ, никто не возражалъ. Въ самый разгаръ преній въ Пасевалькѣ тамъ получено было письмо Меллера. Отвѣчая на это письмо, представители Помераніи указывали ему, что оба правительства, и вольгастское, и штеттинское, рѣшились держаться полнаго нейтралитета.

Политика Помераніи ясно обозначилась изъ пасевалькскаго съѣзда; въ борьбѣ Балтійскихъ державъ она постановила держаться нейтралитета, что обусловливалось и географическимъ положеніемъ страны, и торговыми интересами, и отношеніями къ императору и имперіи, и, главнымъ образомъ, количественною незначительностью наличныхъ военныхъ силъ страны.

Кромѣ дипломатическихъ сношеній съ померанскими герцогами, Швеція, Любекъ и Данія сдѣлали попытку поднять на войну и померанскіе города. Всего болѣе хлопоталъ объ этомъ Любекъ. Помощь приморскихъ городовъ Помераніи значила для союзниковъ много болѣе, нежели вооруженная помощь герцоговъ: въ ихъ гаваняхъ могъ выстроиться военный флотъ, каждый отдѣльный городъ могъ снарядить нѣсколько каперскихъ кораблей для прекращенія сношеній Швеціи съ Германіей; въ городахъ, наконецъ, могли сосредоточиться обширные хлѣбные запасы.

Изъ воевавшихъ государствъ Швеція первая сдѣлала воззваніе къ Стральзунду, Ростоку и другимъ померанскимъ городамъ. Эрикъ XIV еще въ первый годъ войны, въ апрѣлѣ 1563 г., обратился сначала къ Штеттину, затѣмъ къ Стральзунду, Грейфсвальдену и другимъ, прося раты этихъ городовъ содѣйствовать доставкѣ хлѣба и военныхъ снарядовъ въ ливонскія и шведскія гавани. Раты названныхъ городовъ не могли исполнить просимаго, такъ какъ они опасались репрессалій со стороны Даніи, что легло бы большою тяжестью на сельдяную торговлю Штеттина. Отдѣльные же купцы и купеческія компаніи могли на свой страхъ предпринять доставку въ Швецію провіанта, но это должно было имѣть совершенно частный, не офиціальный характеръ.

Болѣе опредѣленно высказался о сѣверныхъ дѣлахъ ратъ Стральзунда въ отвѣтѣ, данномъ имъ датскому послу Паселику. Мысль стральзундскаго рата была резюмирована въ слѣдующихъ словахъ: всѣ померанскіе города, Стральзундъ въ особенности, желаютъ сохранить добрыя отношенія къ обоимъ скандинавскимъ государствамъ; они не отказываются допускать на свои нейтральные торговые рынки какъ датчанъ, такъ и шведовъ; тѣмъ и другимъ они окажутъ защиту и покровительство; наборъ же кнехтовъ, какъ и вывозъ военныхъ снарядовъ они безусловно запрещаютъ.

Такое рѣшеніе, выраженное въ довольно рѣзкой формѣ, не отвѣчало желаніямъ ни Даніи, ни Швеціи. Фридрихъ II, вѣроятно, тогда уже выработалъ проектъ временнаго закрытія Зунда для всѣхъ недруговъ Швеціи, относя къ таковымъ и нейтральные прибалтійскіе города.

Неудачною была и попытка Любека склонить на свою сторону померанскіе города. Ратъ Любека взывалъ къ единству дѣйствій; приманкою онъ выставилъ широкія привилегіи, какія Фридрихъ II обѣщалъ въ своемъ государствѣ городамъ; въ Швеціи городамъ нечего ждать, тамъ король съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе урѣзываетъ ихъ права и преимущества. Въ виду этого всѣмъ городамъ слѣдовало бы оставить плаваніе на Швецію, которое къ тому же не безопасно въ виду датскихъ каперскихъ судовъ, задерживающихъ свободныя сношенія Германіи съ Швеціей.

Любекъ надѣялся, что померанскіе города послушаютъ его, какъ главу ганзейскихъ городовъ, и примутъ его совѣтъ. Но вендскіе города не желали больше признавать суприматіи Любека: и въ нарвскомъ вопросѣ, и въ сѣверномъ балтійскомъ, Любекъ слишкомъ мало радѣлъ объ общихъ интересахъ. Изъ всѣхъ померанскихъ городовъ одинъ только Штеттинъ удостоилъ Любекъ отвѣтомъ, остальные же нѣтъ. Отвѣтъ Штеттина былъ отрицательнаго характера. Между тѣмъ Фридрихъ II, не любившій стращать даромъ, тотчасъ же сталъ приводить въ исполненіе свои угрозы. Услышавъ, что въ Стральзундъ прибыло два шведскихъ военныхъ судна, которыя городъ будто бы снабдилъ и провіантомъ и порохомъ, онъ велѣлъ захватить нѣсколько стральзундскихъ кораблей, бывшихъ въ Зундѣ, и отправить ихъ въ Копенгагенъ, гдѣ на товаръ наложенъ былъ секвестръ, а экипажъ заключенъ въ тюрьму. Напрасны были жалобы, поднятыя Стральзундомъ, напрасно городской совѣтъ старался увѣрить короля, что слухи, дошедшіе до него, не вѣрны. Фридрихъ II оставался непреклоннымъ,

для него слухъ былъ уже фактомъ, когда онъ касался его враговъ; ни товаровъ, ни экипажа не выдали.

Этотъ насильственный поступокъ Даніи послужилъ поводомъ къ тому, что Стральзундъ, рѣшившійся вмѣстѣ съ другими городами держаться нейтралитета, дѣйствительно кинулся на сторону Швеціи. Съ этихъ поръ зарождаются новыя отношенія между Швеціей и Стральзундомъ, имѣвшія роковое значеніе для обоихъ и обезпечившія за Швеціей владѣніе верхней Помераніей.

Сильнымъ неудовольствіемъ, господствовавшимъ въ Стральзундѣ противъ датчанъ, какъ нельзя лучше воспользовался Лазарь Мёллеръ: онъ явился въ городской совѣтъ и передалъ ему вмѣстѣ съ вѣрительной грамотой и письмо своего короля. Въ письмѣ заключалась просьба Эрика помочь его ливонскимъ подданнымъ хлѣбомъ и дать свободный пропускъ его кнехтамъ, нанятымъ въ Германіи. Мёллеру ратъ Стральзунда далъ такой же совѣтъ, какъ раньше Паселику. Мёллеръ остался имъ вполнѣ доволенъ и увѣрялъ представителей рата, что его король бо́льшаго и не добивался. Тактичная скромность — не болѣе со стороны ловкаго дипломата! Есть основаніе думать [1]), что Мёллеръ кромѣ этого офиціальнаго отвѣта получилъ еще рядъ обѣщаній отъ купцовъ и торговцевъ—доставлять въ Швецію все нужное.

Съ своей стороны Эрикъ обѣщалъ Стральзунду свободную торговлю въ Швеціи и рядъ новыхъ привилегій; вмѣстѣ съ тѣмъ, прикидываясь безкорыстнымъ другомъ города, онъ увѣрялъ городской совѣтъ, что не заключитъ мира съ Даніей, если только не добьется вознагражденія стральзундцамъ за все, что они претерпѣли во время войны.

Сдѣлалъ Эрикъ попытку склонить на свою сторону и Штеттинъ, но съ меньшимъ успѣхомъ; причина этого лежала въ двухъ обстоятельствахъ: центръ тяжести всей штеттинской торговли сосредоточивался въ Даніи, а затѣмъ и географическое положеніе Штеттина обезпечивало его отъ внѣшнихъ враговъ гораздо болѣе, нежели Стральзундъ, и онъ могъ рѣшительнѣе примкнуть къ одной изъ воевавшихъ державъ, не опасаясь за свою самостоятельность. На письмо Эрика XIV ратъ Штеттина поэтому отвѣтилъ отказомъ.

Эрикъ не покинулъ сразу же своей попытки относительно Штеттина; вскорѣ въ городъ прибылъ шведскій военачальникъ Jörgen Leutener; онъ добивался аудіенціи у рата, чтобъ устно передать

---

[1]) *Blümcke*, 162.

ему нѣкоторыя порученія короля. Ратъ въ аудіенціи не отказалъ. Лейтенеръ просилъ подвоза съѣстныхъ припасовъ въ Ревель и Перновъ и права навербовать въ Штеттинѣ нѣсколько матросовъ и стрѣлковъ, кромѣ того разрѣшенія купить въ Штеттинѣ корабль въ 7—8 ластъ и отправить его съ товарами въ Швецію. Посовѣтовавшись съ герцогскими совѣтниками, ратъ вынесъ шведскому агенту отрицательный отвѣтъ. Онъ мотивировалъ свой отказъ, вопервыхъ, большою дороговизною въ городѣ, затѣмъ—опаснымъ положеніемъ въ виду близкой войны Даніи и Швеціи: „городъ самъ нуждается и въ стрѣлкахъ, и въ матросахъ". Наконецъ, городъ навлекъ бы на себя и совершенно нежелательныя преслѣдованія со стороны Даніи, какъ скоро исполнилъ бы требованія короля, а въ Даніи онъ издавна пользовался большими торговыми преимуществами.

Изъ вышесказаннаго видно, что среди померанскихъ городовъ одни болѣе склонялись къ Швеціи, другіе къ Даніи, вообще же всѣ города держались очень осторожной политики, боясь вызвать неудовольствіе къ себѣ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ скандинавскомъ государѣ. Любекъ напрасно въ преувеличенныхъ краскахъ рисовалъ городамъ властолюбіе Эрика XIV, посягнувшаго на свободное для всѣхъ Балтійское море, съ цѣлью обратить его въ шведское; напрасно онъ убѣждалъ города рѣшительно прекратить съ Швеціей всякія сношенія, не давать имъ даже права находиться въ ихъ водахъ и на ихъ территоріи: померанскіе города твердо держались своей политики нейтралитета, что еще болѣе было подтверждено на новомъ съѣздѣ городовъ въ Ростокѣ. Нѣкоторые померанскіе города не желали порывать съ Швеціей и въ надеждѣ добиться отъ нея привилегій для торговыхъ сношеній съ русскими; русская торговля, дѣйствительно, находилась во власти Эрика, съ тѣхъ поръ какъ онъ утвердился въ Ревелѣ; его военачальники должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одно иностранное судно не появлялось на нарвскомъ фарватерѣ. Захваты торговыхъ судовъ на пути плаванія въ Нарву были такъ часты, что безъ военнаго конвоя мало кто отваживался направлять свой рейсъ въ новую русскую морскую гавань.

Города дѣйствовали согласно съ герцогами; соблюсти нейтральность такъ, чтобы не переступить границы ни въ одну, ни въ другую сторону,—была задача нелегкая, тѣмъ болѣе что вся почти Германія—императоръ, Бранденбургъ, Мекленбургъ и главнымъ образомъ Саксонія—были на сторонѣ Даніи и постоянно обращались къ Помераніи съ требованіемъ оставить нейтральную политику и принять активное

участіе въ войнѣ въ союзѣ съ Даніей. Померанія была предоставлена себѣ одной.

Для обоихъ скандинавскихъ государствъ, въ виду неминуемой войны между ними, было весьма важно установить дружественныя отношенія съ Москвою и Польшей. Съ тѣхъ поръ какъ Данія сблизилась съ послѣдней, естественнымъ представлялся союзъ Швеціи съ Москвою. Эрикъ XIV уже съ перваго года своего царствованія рѣшился по отношенію къ Россіи держаться осторожной и предупредительной политики своего отца; онъ шлетъ въ Москву посольства, не обращаетъ вниманія на явныя оскорбленія, наносимыя ему (родъ Густава—мужичей родъ, да родствомъ вгосударился, а не по достоинству), подчиняется своевольному и странному капризу Грознаго—сноситься съ его новгородскимъ намѣстникомъ [1], готовитъ въ своей столицѣ торжественные пріемы царскимъ посламъ, старается указать Москвѣ на общность ихъ интересовъ и такъ далѣе; Эрикъ желалъ поднять Москву одновременно и противъ Даніи, и противъ Польши. Такія же стремленія были и у Фридриха II. Іоаннъ Грозный удивительно умно и тактично относился къ искательствамъ скандинавскихъ государей; онъ не вѣрилъ ни одному слову ихъ, много самъ давалъ имъ обѣщаній, но очень мало сдерживалъ; онъ желалъ извлечь изъ навязываемой ему дружбы какъ можно болѣе выгодъ себѣ. Оба короля соперника были для него желательными союзниками; Швецію онъ надѣялся направить противъ Польши, а съ Даніей важно было поддерживать дружескія отношенія, потому что у нея былъ ключъ къ Нарвѣ — Зундъ и Бельты; Фридрихъ могъ допустить или нѣтъ иностранные корабли чрезъ датскіе проливы въ Нарву; такъ какъ нарвское плаваніе было въ высшей степени выгодно и для Даніи,—количество кораблей, проѣзжавшихъ Зундъ, значительно увеличилось послѣ 1558 года,—то этотъ датско-московскій союзъ такъ и напрашивался осуществиться, и вскорѣ, какъ увидимъ, Іоаннъ Грозный особенно выдѣляетъ и отличаетъ датскихъ торговыхъ агентовъ, пріѣзжающихъ въ Нарву.

Первый договоръ Эрика XIV съ Москвою заключенъ въ августѣ 1561 года, на 20 лѣтъ, считая съ 25-го марта 1562 года [2]. Въ силу этого договора рѣшено было прежде всего выдать съ обѣихъ сторонъ

---

[1]) О мѣстническихъ счетахъ Грознаго съ европейскими государями ср. *Дьяконовъ*, Власть Московскихъ государей. 146, 151.

[2]) Ср. *Rydberg*, Traités de Suède, IV. Оригиналъ договора въ Стокгольмскомъ архивѣ, онъ состоитъ изъ русскаго и нѣмецкаго текстовъ.

бѣглецовъ, затѣмъ установить свободную торговлю шведовъ и русскихъ; на случай войны Москвы съ Польшей или магистромъ, Эрикъ не долженъ помогать ни первой, ни второму. Для проведенія границъ рѣшено было съѣхаться въ Соболино на Вуоксѣ, при чемъ руководиться слѣдовало договоромъ 1323 года.

Въ 1562 году прошелъ рядъ слуховъ о новомъ шведско-московскомъ сближеніи. Оно въ особенности напугало Польшу, которая въ своихъ обращеніяхъ къ иностраннымъ дворамъ расписывала уже всѣ вредныя и опасныя слѣдствія этого союза. Говорили, что переговоры шведовъ съ русскими привели еще въ 1562 году къ такого рода соглашенію, что всѣ земли по сю сторону Виттенштейна (на западъ отъ него) остаются за шведами, а по ту сторону за русскими. Шведы и русскіе, будто бы, согласились дѣйствовать за одно противъ поляковъ и прежняго магистра; все, что они успѣютъ завоевать, остается за ними.

Въ августѣ 1562 года Фридриха II извѣщали, что между шведами и русскими заключено перемиріе, содержаніе котораго однако съ точностью еще не извѣстно; въ Ревелѣ и Нарвѣ шведы ведутъ торговлю съ русскими, отношенія между ними вполнѣ мирныя. Изъ достовѣрныхъ источниковъ сообщали, что между стокгольмскимъ и московскимъ дворами заключенъ „секретный контрактъ"—о единодушной борьбѣ съ Кетлеромъ, герцогомъ курляндскимъ [1]).

На дѣлѣ, отношенія Швеціи къ Россіи въ концѣ 1562 года приняли нѣсколько враждебный характеръ, что не мало обезпокоило Эрика. Къ нему приходили жалобы Грознаго и его намѣстника въ Новгородѣ на то, что русскіе подвергаются нападеніямъ со стороны шведовъ, которые отводятъ ихъ въ плѣнъ, грабятъ и т. д. Эрикъ писалъ Горну, что убѣжденъ, что во всемъ этомъ виновны „нѣмцы и ливонцы", желающіе во что бы то ни стало поссорить его съ царемъ. Горнъ долженъ тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы подобные случаи болѣе не повторялись; онъ долженъ, кромѣ того, возвратить нарвскимъ и дерптскимъ купцамъ товары, отнятые у нихъ ревельцами; вообще—говоритъ король—слѣдуетъ удовлетворять всѣмъ желаніямъ русскихъ, чтобы только предупредить разрывъ съ ними [2]). Вскорѣ отношенія къ Россіи осложняются еще и тѣмъ, что интересы ихъ въ Ливоніи

---

[1]) Th. Wrangell Дидриху Беру, Hapsall, abends decollationis Ioannis. 28-го августа 1562 года. Коп. арх.

[2]) *Wieselgren*, 170.—Эрикъ писалъ объ этомъ Грозному 24-го декабря 1562 г.

столкнулись: и Швеція, и Россія желали присоединить къ своимъ владѣніямъ города, уступленные Іоанну финляндскому Польшей. Желая предупредить открытую вражду съ Москвою, Эрикъ въ началѣ слѣдующаго года рѣшилъ снарядить въ Москву посольство. Въ немъ, по желанію короля, приняли участіе и два представителя Ревеля — ратманъ Іоаннъ Винтеръ и бюргеръ Гансъ Бойсманнъ; Эрикъ надѣялся на ихъ опытность и знанія въ дѣлѣ политики и дипломатіи и указывалъ имъ, что какъ Швеціи, такъ и Ревелю въ высшей степени важно сохранить дружбу съ Москвою [1]). Въ началѣ января 1563 года шведское посольство выѣхало изъ Ревеля. Посламъ поручалось предложить московскому царю посредничество Швеціи къ примиренію его съ Ливоніей и добиться отъ него признанія за Швеціей всѣхъ ея завоеваній въ Ливоніи, какъ настоящихъ, такъ и будущихъ. Если царь не дастъ своего согласія на эту просьбу короля, то послы должны были ограничиться просьбою сохранить за Швеціей всѣ ея настоящія владѣнія въ Ливоніи. Если, чего ожидалъ король, русскіе будутъ жаловаться на стѣсненія, перетерпѣваемыя иностранными торговцами со стороны шведовъ на пути ихъ въ Нарву, то послы могли обратить вниманіе царскихъ вельможъ на то, что въ старинныхъ трактатахъ между Швеціей и Россіей иностраннымъ торговцамъ не разрѣшалось ѣхать на востокъ далѣе Ревеля, а за тѣмъ указать и на то, что германскій императоръ также не допускалъ нарвскаго плаванія. Съ своей стороны король, говорилось въ инструкціи пословъ, ради своей дружбы къ царю согласенъ заплатить ему за всѣ убытки, причиненные его подданнымъ шведскими каперами.

Шведское посольство 1563 года не имѣло никакого успѣха. Шведскіе послы, какъ и прежде, должны были передать свои порученія новгородскому намѣстнику, — къ царю ихъ не допустили; относительно Ливоніи имъ отвѣтили, что царь согласился оставить за Швеціей только три города—Ревель, Перновъ и Виттенштейнъ. Шведскаго посольства царь не принялъ, а съ своей стороны потребовалъ, чтобы Швеція не дѣлала вторженія въ датскія владѣнія раньше, чѣмъ спорный вопросъ между ними не будетъ точнѣе выясненъ.

Отвѣтъ Грознаго, свидѣтельствовавшій о его дружбѣ съ Даніей, не только не удовлетворилъ Эрика, но послѣдній въ порывѣ страсти думалъ уже порвать всякія сношенія съ Россіей и соединиться противъ нея съ Польшей; къ счастью политическій тактъ сдѣлалъ свое;

---

[1]) Ср. *Hansen*, 145. Ср. *Hjärn*, 247.

король-дипломатъ сдержалъ свой гнѣвъ, понялъ, что надо снести еще и это оскорбленіе и далъ приказаніе своимъ военачальникамъ въ Ливоніи—сохранить по отношенію къ русскимъ прежнія дружескія отношенія [1]). Въ сентябрѣ въ Дерптѣ заключено было семилѣтнее перемиріе съ русскими. Нарвскую торговлю Эрикъ рѣшился допустить только въ томъ случаѣ, если иностранные торговцы согласятся заплатить шведскому правительству въ Выборгѣ 5% стоимости всего количества товаровъ. Въ особенности безпощадны были шведскіе чиновники къ подданнымъ Сигизмунда II польскаго.

Старанія Фридриха II установить дружескія сношенія съ Москвою вполнѣ удались. Дружба этихъ государствъ основывалась на традиціи; еще съ Іоанна III завязываются дружескія отношенія Копенгагена и Москвы, и уже тогда взаимные договоры ихъ направлены противъ Швеціи. Предвидя столкновеніе съ Даніей, Фридрихъ II снова обратился къ Москвѣ; въ виду имѣлась обширная антишведская коалиція изъ Даніи, Ганзейскихъ городовъ, Саксоніи, Польши и Москвы. Прямо Фридрихъ не высказывался объ этомъ, онъ старался даже скрыть свои дружескія отношенія къ Москвѣ—онъ точно совѣстился этой дружбы, — такъ она была не популярна въ Европѣ; зная съ другой стороны, что между Москвой и Польшей—свои счеты, онъ сначала предлагалъ свои услуги Москвѣ противъ Польши, склоняя въ то же время царя объявить войну Швеціи. 7 августа 1562 года въ Можайскѣ былъ подписанъ договоръ Фридриха II съ Москвою, въ силу котораго оба государства соглашались дѣйствовать противъ Швеціи и Польши; за Даніей царь признавалъ право надъ Эстляндіей, Эзелемъ и Пильтеномъ; Фридрихъ даровалъ русскимъ торговцамъ право строить свои дворы на Готландѣ и въ Копенгагенѣ, царь Іоаннъ разрѣшилъ датчанамъ имѣть свои дворы въ Новгородѣ и Ивангородѣ.

Можайскій договоръ [2]) всего лучше знакомитъ насъ съ политическими и дипломатическими пріемами Фридриха II. Ему ничего не стоило обѣщать Грозному помощь противъ Польши, съ которой онъ одновременно велъ переговоры, увѣнчавшіеся уже въ слѣдующемъ году заключеніемъ антишведской лиги; руководясь исключительно только меркантильными интересами, Фридрихъ II старался сохранить дружбу и

[1]) *Nilsson*, 23, говоритъ: Эрикъ XIV навѣрно столкнулся бы съ Россіей изъ-за Ливоніи, еслибы не общая ненависть короля и царя къ Польшѣ.

[2]) Оригиналъ его, на пергаментѣ, съ большою золотою печатью въ Копенг. архивѣ. Ср. *Fechner*, 43.

съ Москвою и съ Польшей, направляя то и другое государство противъ Швеціи, не давая ни тому, ни другому поводовъ къ разрыву съ нимъ. Съ Москвою ему не такъ то легко было справиться, Іоаннъ Грозный далекъ былъ отъ мысли жертвовать своими силами для завоевательныхъ стремленій Даніи; до самаго вступленія на шведскій престолъ Іоанна III—онъ не порывалъ своихъ дружескихъ сношеній съ Стокгольмомъ. Въ началѣ сентября въ Копенгагенѣ ожидали московскихъ пословъ; Фризъ писалъ по этому поводу Фридриху II, чтобы онъ, въ виду того, что московскіе послы были приняты въ Швеціи съ большимъ великолѣпіемъ, позаботился о томъ, чтобы и въ датской столицѣ имъ оказали такой же пріемъ: иначе русскіе съ пренебреженіемъ отнесутся къ нему [1]).

Во главѣ московскаго посольства, прибывшаго въ Данію въ концѣ 1562 года, стояли князь Антонъ Романовъ, дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатовъ и одинъ изъ секретарей. Мы знаемъ объ этомъ посольствѣ между прочимъ изъ письма Фридриха II къ Августу саксонскому отъ 11-го декабря [2]). Въ немъ король разсказываетъ, что московскіе послы отъ имени царя просили его крестнымъ цѣлованіемъ скрѣпить договоръ, заключенный датскими послами съ великокняжескими совѣтниками. О Лифляндіи при этомъ ни словомъ не упоминалось, король настаивалъ только на томъ, чтобы за Даніей признано было то, что находилось подъ властью Магнуса.

Затѣмъ съ послами еще разъ согласились относительно свободнаго пребыванія и свободной торговли русскихъ въ Даніи и датчанъ въ Россіи. Что же касается до предложеннаго русскими послами союза противъ Швеціи и Польши, то король не далъ на это своего согласія; переговоры съ русскими ни противъ кого не были направлены, цѣль ихъ собственное спокойствіе и безопасность Даніи. Желая оправдаться передъ Августомъ въ томъ, что онъ сносится съ Москвою, государь которой посягнулъ на ленъ германской имперіи, Фридрихъ прибавляетъ: въ виду того, что наши владѣнія соприкасаются съ московскими, мы издавна уже каждые три года устанавливаемъ съѣзды съ царскими послами; теперь мы лишь возстановили прежнія дружескія отношенія.

Сопоставивъ это письмо съ можайскимъ договоромъ, мы прійдемъ

---

[1]) Фризъ Фридриху II, 5 сентября. Копенг. арх.
[2]) Ср. *Г. Форстенъ*, Акты и письма, № 13, стр. 38.

не къ слишкомъ выгодному для Фридриха заключенію о его дипломатическихъ пріемахъ.

Въ начавшейся борьбѣ съ Швеціей Фридрихъ II сильно расчитывалъ на помощь и содѣйствіе Москвы; съ 1564 года между Копенгагеномъ и Москвою завязываются самыя дружескія и оживленныя сношенія. Датскій король побуждалъ московскаго царя дѣйствовать за одно противъ Швеціи и добился отъ него многихъ преимуществъ для своихъ подданныхъ; переговоры велись и съ самимъ царемъ и съ его воеводами въ Дерптѣ и Нарвѣ. Послѣдніе обязывались не разрѣшать шведамъ закупать съѣстные припасы въ русскихъ городахъ, датчанъ же, напротивъ, снабжать всѣмъ необходимымъ впродолженіе пяти лѣтъ [1]). Не всегда, однако, русскіе воеводы исполняли свое обѣщаніе; агенты Фридриха II—Генрихъ Вульфъ и Христофоръ Вольксндорфъ — жаловались ему на нарушеніе послѣдними своего слова; изъ ихъ донесеній видно, что шведы продолжали сноситься съ русскими въ Нарвѣ, куда корабли ихъ пріѣзжали изъ Финляндіи, и производили выгодную для себя мѣновую торговлю съ нарвскими купцами [2]). Фридрихъ II черезъ своихъ коммиссаровъ указывалъ воеводамъ, что сношенія ихъ со шведами—врагами короля—противны крестному цѣлованію; въ маѣ воеводы увѣрили Фелинга, уполномоченнаго короля, что не допустятъ болѣе контрабандныхъ сношеній со шведами и строго будутъ наказывать ослушниковъ [3]). Дѣйствительно, когда въ іюнѣ нѣсколько шведовъ явились въ Ивангородъ съ намѣреніемъ закупить тамъ солода, рыбы, конопли и проч., то имъ этого не разрѣшили. Фелингъ объясняетъ это своимъ присутствіемъ въ городѣ. Своего государя онъ неоднократно просилъ не пропускать черезъ Зундъ въ Нарву кораблей, нагруженныхъ солью, такъ какъ онъ не

---

[1]) Ср. письмо Фридриха II Августу саксонскому, Niburg, am heilig. Christtag. 1564. Дрезд. арх. Das siebente Dänische Buch ....„Vnd hatt sich der Reussisch Woiwoda zu Dorpt gegen die vnsern des orts zufuhr halben wider Schweden auch gantz gutwillig erzeigt vnnd wie vnns die vnnsern vermelden, erbotten, ob wir fünff jahr lang daselbst kriegen wolten vns gnugsam zufuhr zuschaffen, welchs aber wohin es gemeint, leichtlich zuuerstehen, Wir gedencken aber den Muscowitter in dissen leuffigen jahr allwege bey gutter freundschafft zuhaltten“.

[2]) Копенг. арх. Liffland 24a. Arnsburg, 7-го іюня ...zu dem sollen die Finlender uf die Narue allerseits wandel vnd hantierung treiben, dadurch dem Feindt nicht geringer vortheil vnd fromen (?) entspringtt. Ср. Danske Magazin. 1747, 242.

[3]) Копенг. арх. Russland, 9a. Vheling Фридриху II, 26-го мая 1564. См. наши Акты и Письма, № 21, стр. 47.

можетъ поручиться, чтобы русскіе не соблазнились подкупомъ, который шведы не замедлятъ употребить въ дѣло [1]).

Продолжавшіяся торговыя сношенія русскихъ со шведами заставили Фридриха обратиться непосредственно къ Грозному. Король въ письмѣ къ нему жалуется, что русскіе сносятся со шведами, подвозятъ имъ соль и другіе товары [2]); воевода Ивангорода Никифоръ принимаетъ отъ шведовъ подарки и доставляетъ имъ за это различные товары, которые онъ — Фридрихъ — изъ расположенія къ царю пропускалъ черезъ Зундъ [3]), думая, что они предназначались исключительно для его — царя — подданныхъ. Онъ указывалъ въ письмѣ къ Іоанну на свое намѣреніе временно совершенно закрыть Зундъ и не допускать плаванія англичанъ въ Бѣлое море; всякій, кто нарушитъ королевскія постановленія, будетъ подвергнутъ строгому наказанію [4]). Король увѣренъ, что всѣ злоупотребленія, о какихъ ему доносили его агенты, совершались безъ вѣдома царя; поэтому изъ искренняго расположенія къ нему онъ разрѣшаетъ пропускать чрезъ Зундъ всѣ тѣ корабли, которые направляются въ Нарву съ товарами для царя, но съ обязательствомъ, чтобы русскіе прекратили всякія сношенія со шведами; онъ разрѣшаетъ также московскимъ купцамъ пріѣзжать въ Данію и тамъ свободно торговать, что принесетъ имъ несомнѣнную пользу: прежде вся внѣшняя торговля Москвы шла черезъ руки ганзейцевъ. Въ заключеніе Фридрихъ просилъ царя рѣшительно воспретить своимъ воеводамъ подвозить шведамъ съѣстные припасы въ ущербъ датскимъ подданнымъ [5]).

---

[1]) Ibid. 6-го іюня ... den ob ich wol mogliche Vleiss mit verhütten allenthalben vorgewart, das dem Feinde nichts zugestattet sol werden, ist doch diser betler armutt und geitz so gross, dass sie durch geschencke bewogen auch widder ires hern befelch oft heimlich etwas zu lande ausschlepffen lassen.

[2]) Копенг. арх. ibid. Фридрихъ II Іоанну Грозному, сентябрь (1 или 12?) 1564.

[3]) ... Welche wir E. L. auss freuntschafft durch den Sundt gestatten.

[4]) ... als wahrenn wir dagegen hinwieder gentzlich entschlossen vnnd bedacht nicht allein die Sigelation vnnd schieffart auf die Narua, sondern auch die Englische zufuhre vmb Norwegenn gentzlich zuuorbitten vndt zuuorhindern, wie wir dan albereit edtliche schiffe, die wider vnsernt willen nach der Narua gesegeldt, jn der wiederfahrt angehaltten, vndt derenn schiffer ahnn gut vndt Bludt als verechter vnsers gebottes zustraffenn bedacht gewessen.

[5]) ...Belangt derhalbenn an dieselbe (E. L.) noch mahls vnser freuntlich gesinnen, die wolle bey jhrenn woywodenn auf den grentzenn, den ernsten bevehlich ergehen lassen, dass vnserm feinde, dem Schwedenn, keine lohzuchtt oder sonstenn einige notturftige zufuhr zukommen möge.

Посольство, отправленное въ апрѣлѣ въ Москву, должно было раскрыть передъ Іоанномъ отношенія Даніи къ Швеціи, указать на причины, вызвавшія столкновеніе съ Эрикомъ и на ближайшую задачу, какую король преслѣдовалъ въ войнѣ съ Швеціей. Изъ инструкціи [1]), данной королемъ своимъ посламъ, видно, что онъ рѣшилъ вытѣснить шведовъ изъ Ливоніи и отнять у нихъ всѣ города и крѣпости, которыми они успѣли завладѣть. Шведскій король стремится утвердиться на Балтійскомъ морѣ и препятствуетъ свободному плаванію на немъ; онъ желаетъ перенести стапельный пунктъ изъ Нарвы въ Ревель и въ этомъ послѣднемъ основать главный центръ торговыхъ сношеній западной Европы съ сѣверо-восточной; Эрикъ, какъ скоро достигнетъ своихъ стремленій, будетъ самовольно руководить торговыми сношеніями своихъ подданныхъ съ иностранцами и, конечно, на русскіе и нѣмецкіе товары станетъ назначать цѣны по своему усмотрѣнію [2]). Планы Фридриха II совершенно иные: онъ стремится сдѣлать плаваніе на Балтійскомъ морѣ свободнымъ для всѣхъ народовъ—и съ этою цѣлью воюетъ теперь съ шведскимъ королемъ [3]). Чрезъ своихъ пословъ онъ просилъ царя предоставить его подданнымъ право свободно торговать въ Россіи, въ Ивангородѣ и Новгородѣ имѣть свои складочныя мѣста и магазины. Поздравляя, въ заключеніи инструкціи, царя съ блестящимъ успѣхомъ подъ Полоцкомъ и желая ему въ будущемъ столь же славно продолжать войну съ своими врагами, онъ предлагаетъ ему свое посредничество для примиренія его съ Польшей и проситъ выпустить на свободу плѣнныхъ датчанъ. Еслибы царь предложилъ королю свою помощь противъ Швеціи, то послы не должны были прямо-ни отвергать ея, ни принимать [4]), а сказать только, что, не имѣя полномочія короля по этому вопросу, они однако увѣрены, что помощь царя будетъ очень пріятна ихъ государю. Если имъ удастся вытѣснить шведовъ изъ Ливоніи, то король проситъ царя уступить ему Ревель, Перновъ и Виттенштейнъ.

Какъ изъ письма Фридриха II, такъ и изъ инструкціи его видно.

---

[1]) Копенг. арх. Russland, 9a. Reussische Instruction auff Doctor Zacharias Vheling gestellt, Koppenhagen, in Augusto 1564 ausgangen.

[2]) ...Dan S. L. werden woll erfaren haben, das der Konig zu Schweden den handell, so jtzo zur Narva, nach Revell haben wolte, auf das er des orts die Reussen, so woll als obersehischen seins gefallens schatzen vnd bedrengen möge.

[3]) ...um die freye Seefart des Orts vnnd sonst allenthalben in dieser ostsehe bej macht vnd wesen zu erhalten.

[4]) ...nichts angenomen nichts ausgeschlagen werden.

что цѣлью всѣхъ переговоровъ его съ Грознымъ было удержать дружбу съ нимъ, съ тѣмъ, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать противъ шведовъ и въ концѣ концовъ возстановить датское владычество на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря. Фридриху хотѣлось поднять противъ шведовъ въ Ливоніи и поляковъ, и русскихъ, результатомъ же ихъ предполагаемыхъ побѣдъ онъ желалъ самъ воспользоваться. Держаться такой политики и жить надеждами на побѣды своихъ союзниковъ— значило слишкомъ низко цѣнить ихъ политическія дарованія и тактъ. Очень понятно, что Іоаннъ Грозный неблагосклонно принялъ пословъ. передавшихъ ему вышеприведенную инструкцію; отвѣтъ его королю самъ Фридрихъ называетъ „eine unfreuntliche antwort“, національная вражда скандинавскихъ государствъ очень мало трогала московскаго царя, его симпатіи не лежали ни на той, ни на другой сторонѣ, и до воцаренія Іоанна III онъ сумѣлъ удержать мирныя отношенія къ тому и другому, не давая слишкомъ значительныхъ преимуществъ ни Фридриху II, ни Эрику XIV.

Фридрихъ II склонялъ любекскій ратъ продолжать свои торговыя сношенія съ русскими и не бояться никакихъ запретовъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что теперь уже московиты не станутъ тайкомъ доставлять шведамъ никакихъ товаровъ. Московскій царь, писалъ Фридрихъ Любеку, сознаетъ всю выгоду для своихъ подданныхъ отъ датской и нѣмецкой торговли и не захочетъ ради незначительныхъ и случайныхъ выгодъ отъ шведовъ лишиться ея; онъ знаетъ, что послѣднее непремѣнно случится, какъ скоро онъ возобновитъ свои сношенія со шведами и нарушитъ договоръ съ Даніей [1]). Фридрихъ II постарался еще разъ представить Грозному, какого свойства та дружба, какую ему предлагалъ Эрикъ XIV; она лишитъ царя всѣхъ выгодъ нарвской торговли, будетъ опекать всѣ сношенія русскихъ съ иностранными державами, тормозить свободу ея дѣйствій и т. д. [2]).

[1]) Любекскій архивъ. Фридрихъ любекскому рату, Копенг. 5-го сентября 1564 г.: .. ... vnnd habe I: K. M. vmb so vil bessere hoffnung die gebhur bej dem Muscowitter zu erhalten, weil die vereinigung, so Ire M. mitt demselbigen haben, deshalb austruckliche versehung hatt, ohne, das auch nicht zuuermuthen, das der M. eines geringen Nutzes halben, so er vonn schweden dessfals zuerwartten, die gemeine vnd jm so hoch bequeme schiffart vnd Communication selbst stutzen vnd also sich abstricken wolte.

[2]) ... wie freundtlich es der Schwede mitt Ime meintt, jn dem, das er zu seinem eigenen vortheil jme dem Muscowiter eine solche stedtliche Commoditet, der Naruischen Communication, durch thetlichs furnhemen zu sperren vnd abzustricken vndterstehen dörffen...

Любекскій ратъ принялъ къ свѣдѣнію представленія своего союзника, но потребовалъ отъ него, чтобы онъ закрылъ плаваніе на Нарву всѣмъ иностранцамъ и предоставилъ его исключительно одному Любеку. Изъ за Нарвы, говорили любекскіе ратманны, начата война со шведами, и поэтому Фридрихъ II не имѣетъ права пропускать въ Нарву иностранныхъ торговцевъ [1]).

Въ слѣдующемъ 1565 году повторились всѣ случаи предшествовавшаго года; русскіе въ своихъ интересахъ не прекращали сношеній со шведами, и положеніе Фелинга становилось все затруднительнѣе: на рѣшительныя мѣры онъ не былъ уполномоченъ, на обѣщанія же воеводъ нельзя было положиться. Его одинаково ненавидѣли и московскіе воеводы, и шведы. Эрикъ XIV намѣренно поддерживалъ это для датчанъ щекотливое положеніе; чрезъ своихъ намѣстниковъ въ Финляндіи онъ такъ искусно привлекалъ на свою сторону воеводъ—то подарками, то разнаго рода льстивыми обѣщаніями, что всѣ протесты Фелинга оставались безсильными. Въ письмѣ къ Фридриху II [2]) Фелингъ обрушивается на русскихъ цѣлымъ рядомъ обвиненій: при покупкѣ соли датчане терпятъ отъ русскихъ всякаго рода стѣсненія; когда Фелингъ просилъ уступить датчанамъ какое-нибудь складочное мѣсто, ему указали на такое дурное, что они должны были отъ него отказаться; въ Нарвѣ собираются купцы со всѣхъ европейскихъ государствъ, и никого такъ не стѣсняютъ, какъ датчанъ; Фелинга русскіе даже не пускали въ церковь; товары датскихъ купцовъ нерѣдко захватываютъ; шведамъ тайкомъ доставляютъ соль; когда же Фелингъ начиналъ жаловаться на такія стѣсненія, ему грозили, что его отправятъ въ Москву, гдѣ съ него сдерутъ кожу.

Приведенныхъ случаевъ достаточно, чтобы вполнѣ понять взаимныя отношенія скандинавскихъ государствъ и Москвы: первые искали въ царѣ союзника, наперерывъ одинъ передъ другимъ предлагали и навязывали ему свою дружбу; царь же не порывалъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ изъ воевавшихъ королей, не связывалъ себя никакими обязательствами, пользовался дружественными отношеніями съ ними для торговыхъ выгодъ своихъ подданныхъ. Задабривая одного, пе-

---

[1]) Ср. письма Валькендорфа Фридриху II, въ Danske Magazin 1747, 242 и д.

[2]) См. наши Акты и письма, № 24, стр. 50: Фелингъ Фридриху 13-го января 1565 г. Въ письмѣ отъ 6-го іюня: den ob ich wol moglichen Vleiss mit verhütten (?) allenthalben vorgewart, das dem Feinde nichts zugestattet sol werden, ist doch diser betler armutt vnd geitz so gross dass sie durch geschencke bewogen auch widder ires hern befelch oft heimlich etwas zu lande aus schlepffen lassen.

ресылаясь посольствами съ другимъ, онъ имѣлъ въ виду единственно только собственныя выгоды, удачно продолжалъ войну съ Польшей, соглашаясь примириться съ послѣдней только съ условіемъ уступки ему всей Ливоніи.

Совершенно инаго характера были отношенія Швеціи и Даніи къ Польшѣ.

Отношенія Швеціи къ Польшѣ въ царствованіе Густава I были вполнѣ мирнаго характера; Эрикъ, сдѣлавшись королемъ, рѣшился держаться по отношенію къ сосѣднимъ державамъ политики своего отца; онъ пересылался посольствами съ Даніей, съ Москвой и съ Польшей; не обнаруживалъ неудовольствія по поводу желанія своего брата Іоанна жениться на Екатеринѣ, сестрѣ Сигизмунда II Августа. Отвѣтъ, данный шведскимъ королемъ польскому послу, прибывшему въ Швецію еще въ первый годъ царствованія Эрика, показывалъ, однако, что расположеніе Эрика къ Польшѣ было далеко не искреннимъ: онъ уже тогда предвидѣлъ, что Польша станетъ ему на пути территоріальныхъ расширеній на востокѣ Балтійскаго моря. До 1561 года отношенія, однако, были вполнѣ мирны, по крайней мѣрѣ наружно. Польскій посолъ добивался союза Швеціи противъ Москвы, просилъ Эрика доставить Польшѣ 200,000 талеровъ для борьбы съ Іоанномъ Грознымъ, затѣмъ выражалъ желаніе своего государя породниться съ шведскимъ королемъ бракомъ съ сестрою его Цециліей и, наконецъ, справился относительно брачнаго проекта Іоанна финляндскаго съ Екатериною, сестрою польскаго короля. Эрикъ, отпуская посла домой, просилъ его передать Сигизмунду, что доставитъ ему денежную помощь, какъ скоро ему будутъ уступлены города Дюнамюнде, Вольмаръ и Венденъ; начинать войну съ Россіей у него нѣтъ ни малѣйшаго повода; за то онъ имѣлъ въ виду объявить войну ливонскому магистру за стѣсненія, какимъ тотъ подвергаетъ шведскихъ подданныхъ. Просьбу Сигизмунда относительно Цециліи Эрикъ прямо не отвергалъ, но просилъ времени для обсужденія этого вопроса, противъ же брака Іоанна съ Екатериной онъ ничего не возражалъ [1]).

---

[1]) *Girs*, II, 12. Вѣсть о бракѣ Іоанна съ Екатериной была принята датской партіей въ Ливоніи съ большимъ безпокойствомъ. Ср. въ Копенг. арх. письмо Friedrich Gross'a Себастіану Швендену, Konigssperg, Am heilig. Oster Abendt. 1562. Въ концѣ письма говорится: Aber das ist gewiss, das die K. M. zu Schweden (авторъ письма, очевидно, имѣлъ сбивчивыя представленія о шведско-польскихъ отношеніяхъ) jn die 9 thunne sylbers vnd zwe vierthentheil goldtes dem K. zu Polen zugeschickt vf was Bescheidt aber ist mihr vnbewusst.

Но вотъ насталъ 1561 годъ, Эрикъ утвердился въ Ревелѣ. предъ нимъ раскрылась вся коварная и враждебная къ нему политика Польши. ему доносятъ о попыткахъ Сигизмунда занять Ригу и вытѣснить шведовъ изъ Эстляндіи, Польша ищетъ союза съ Даніей, она поднимаетъ на Швецію Москву. Ни дружба, ни родство съ Польшей болѣе немыслимы: Эрикъ и Сигизмундъ непримиримые соперники, каждый изъ нихъ желаетъ захватить заманчивую добычу, покинутую хозяиномъ; Эрикъ пишетъ объ этомъ къ Іоанну, отговариваетъ его родниться съ Польшей, требуетъ прекратить переговоры съ ней. грозитъ. Іоаннъ остается глухимъ ко всѣмъ совѣтамъ брата. Потерпѣвъ неудачу съ Ревелемъ, честолюбивый герцогъ финляндскій усмотрѣлъ въ брачномъ союзѣ съ Польшей новый путь къ достиженію своихъ замысловъ; онъ не входитъ въ разсмотрѣніе внѣшней политики Швеціи, онъ готовъ ухватиться за первый представлявшійся случай. все равно шелъ ли онъ въ разрѣзъ съ традиціями его династіи или нѣтъ. Кругозоръ Іоанна не широкъ; поставивъ себѣ честолюбивую цѣль, онъ дальше ея уже ничего не видитъ, онъ упоренъ, настойчивъ; зная, что бракъ съ Екатериной принесетъ ему нѣсколько городовъ въ Ливоніи, онъ былъ совершенно доволенъ, думая, что теперь, имѣя въ приданомъ жены фундаментъ, онъ можетъ держаться особой политики, служить Польшѣ и получать за это поддержку въ своихъ сепаратическихъ стремленіяхъ; Финляндія-Ливонія, какъ независимыя державы, вотъ тотъ фантомъ, за которымъ съ легкомысліемъ Донъ-Кихота гонялся Іоаннъ, ему приносились въ жертву всѣ другіе интересы. Упоенный этою мечтою, Іоаннъ предпринимаетъ роковой шагъ [1]).

19-го іюня 1562 года онъ уѣхалъ изъ Финляндіи съ твердою рѣшимостью лично посѣтить Сигизмунда II Августа и добиться отъ него содѣйствія для выполненія своихъ ливонскихъ проектовъ [2]). Польскій король въ письмахъ къ герцогу выражалъ свою радость по случаю скораго пріѣзда его въ Польшу [3]). Въ концѣ іюня Іоаннъ былъ уже въ Данцигѣ, но здѣсь ему пришлось оставаться до 19-го августа въ

---

[1]) Ср. *C. Annerstedt*, приложеніе I; *Nilsson*, 11.

[2]) Ср. *Annerstedt*, Svenska väldet i Livland, p. 68; *Fryxell*, Handlingar, III: Svensk historia om oenigheten emellan bröderna kon. Erik af Sverige och Hertig Iohann af Finland, af Nils Scharffenberg boktryckare i Krakau, pă Polska språket uppsatt och af Fidemar Kleinfeld pă latin öfversatt; *Bomansson*. Hertig Iohann och hans tid. Helsingfors, 1862.

[3]) *Menckenii*, 7 и далѣе.

ожиданіи окончательнаго отвѣта отъ Сигизмунда II Августа. Послы его еще въ половинѣ іюля были въ Вильнѣ [1]); въ Данцигъ Іоаннъ ожидалъ и брата своего Магнуса, котораго имѣлось въ виду женить на второй сестрѣ польскаго короля [2]). Долгое пребываніе Іоанна въ Данцигѣ было для него очень тяжелымъ временемъ; къ нему приходили вѣсти одна другой безотраднѣе то изъ Швеціи, то изъ Польши; сильный гнѣвъ брата, упорное нежеланіе польскаго короля выдать свою младшую сестру до замужества старшей—все это не мало безпокоило герцога, и есть извѣстіе, что онъ уже готовъ былъ покинуть свои честолюбивые замыслы и возвратиться въ Финляндію [3]). Въ началѣ августа въ Пруссію явился посолъ отъ Сигизмунда II—Генрихъ Дунинъ; онъ долженъ былъ извѣстить прусскаго герцога о сближеніи короля съ Іоанномъ и просить прусскіе города, главнымъ же образомъ Данцигъ, доставить ему 50.000 талеровъ въ долгъ; Дунинъ долженъ былъ также передать Іоанну привѣтъ короля и желаніе его скорѣе принять герцога въ Ковнѣ. 11-го августа король самъ писалъ къ Іоанну и выражалъ сожалѣніе, что какіе то недоброжелательные люди возбудили въ немъ недовѣріе къ королю [4]). Вскорѣ, когда Іоаннъ уже готовился отплыть въ Финляндію, къ нему явились новые вѣстники отъ короля, которые везли съ собою и опасную грамоту для герцога. Переговоры съ польскимъ королемъ отъ имени Іоанна велъ его совѣтникъ Ezechias Gephart. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, одаренныхъ сильнымъ характеромъ и обладающихъ въ совершенствѣ искусствомъ уговаривать, которые безъ труда пріобрѣтаютъ вліяніе на своихъ государей; въ его рукахъ Іоаннъ былъ послушнымъ орудіемъ, „восковою куклою“, которой онъ придавалъ какія ему угодно формы; слабохарактерный Іоаннъ давалъ полную вѣру всему, что бы Gephart не говорилъ ему, никогда ему не противился. Вмѣсто того, чтобы плыть въ Финляндію, корабль получилъ другое направленіе, пошелъ на востокъ къ Маріенбургу, Эльбингу и Браунсбергу, а въ концѣ августа прибылъ въ Кенигсбергъ [5]). Отсюда герцогъ Іоаннъ съ своею свитой прибылъ 12-го сентября въ Ковно, гдѣ самъ король привѣтствовалъ его рѣчью на латинскомъ

---

[1]) Данц. архивъ.
[2]) Ibid.
[3]) *Annerstedt*, 69.
[4]) *Menckenii*, 32.
[5]) *Annerstedt*, 70—71.

языкѣ [1]). На пути изъ Данцига въ Ковно къ Іоанну прибылъ отъ Сигизмунда II посолъ, который отъ имени короля напомнилъ ему, что изъ обѣщанной королю суммы въ 100.000 талеровъ получена всего половина; пусть герцогъ поспѣшитъ доставкою остальныхъ денегъ и сообщитъ, въ какомъ положеніи находится дѣло о женитьбѣ Магнуса на старшей сестрѣ короля и какія крѣпости герцогъ желаетъ получить въ залогъ обѣщанной королю суммы. Донесеніе польскаго посла королю Сигизмунду II любопытно во многихъ отношеніяхъ. Оказывалось прежде всего, что Іоаннъ обѣщалъ помочь польскому королю противъ Москвы, что совершенно не согласовалось съ политикою его брата короля, недавно заключившаго мирный договоръ съ московскимъ царемъ, тотъ самый договоръ, который одинъ современный изслѣдователь назвалъ chef d'oeuvre'омъ дипломатическаго искусства Эрика XIV [2]). Далѣе изъ этого донесенія мы узнаемъ о грандіозныхъ требованіяхъ Польши по отношенію къ Швеціи. Король соглашается возстановить миръ съ Швеціей только въ томъ случаѣ, если шведскій король выведетъ изъ Ливоніи всѣ свои войска, возвратитъ и очиститъ всѣ города и крѣпости, занятые шведами, и заплатитъ королю за всѣ понесенныя имъ военныя издержки [3]). Относительно Магнуса высказано было такое предположеніе, что его, вѣроятно, задержалъ Эрикъ XIV, не увѣренный въ искренности польской политики; герцогъ обѣщалъ потребовать отъ Магнуса объясненія его замедленія. 50.000 недоплаченной суммы Іоаннъ лично везъ съ собою.

Изъ Ковны герцогъ Іоаннъ уѣхалъ въ Вильну [4]); въ томъ и другомъ городѣ велись переговоры о бракѣ Іоанна съ Екатериной Ягеллонкой; изъ словъ польскихъ коммиссаровъ оказывалось, что король обѣщалъ дать своей сестрѣ 32.000 венгерскихъ гульденовъ и 50.000 дукатовъ, составлявшихъ часть материнскаго имущества; Іоаннъ же обязывался доставлять королевѣ ежегодно 13.000 талеровъ. Между герцогомъ и королевскими коммиссарами возникъ было споръ о религіозныхъ обрядахъ, но онъ скоро былъ рѣшенъ въ пользу послѣднихъ: вѣнчаніе рѣшено было совершить по католическому обряду. Одно требованіе коммиссаровъ въ высшей степени замѣчательно: Іоаннъ долженъ былъ объявить себя свободнымъ и никому не подчи-

---

[1]) *Menckenii*, 88.
[2]) *Bomansson*, 11.
[3]) *Menckenii*, 13.
[4]) *Menckenii*, 89.

неннымъ государемъ. Чтò имѣлъ въ виду Сигизмундъ II при этомъ— легко понять: ему необходимо было раздѣлить политику герцога и короля, возстановить ихъ другъ противъ друга, чтобы тѣмъ успѣшнѣе отстранить всякое вліяніе Швеціи на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря, въ Ливоніи. Любопытно, что Іоаннъ на этотъ разъ не поддался требованію своего будущаго зятя; онъ называлъ себя вассаломъ шведскаго короля и сравнивалъ свои отношенія къ шведскому королю съ отношеніями нѣмецкихъ имперскихъ князей къ императору [1]).

2-го октября Іоаннъ прибылъ въ Вильну; его помѣстили въ Нѣмецкой улицѣ, въ домѣ умершаго виленскаго воеводы [2]). Въ слѣдующее воскресенье, пишутъ данцигскіе послы, епископъ Самогитіи и воевода померанскій сопровождали его въ королевскій замокъ, гдѣ онъ и оставался до своего отъѣзда въ Финляндію. 4-го октября 1562 г. отпразднована была свадьба Іоанна съ Екатериной, имѣвшая такое важное значеніе въ судьбѣ герцога финляндскаго [3]). Послѣ свадьбы король предложилъ Іоанну провести зиму въ Польшѣ или Данцигѣ; на это Іоаннъ отвѣтилъ, что Данцигу предпочтетъ московскаго тиранна. На вопросъ короля о причинѣ такого враждебнаго отношенія герцога къ Данцигу, послѣдній далъ „совершенно дѣтскій отвѣтъ", но какой—данцигскіе послы умалчиваютъ въ своемъ донесеніи [4]). Въ Вильнѣ, во время празднованія тамъ свадьбы Іоанна,

---

[1]) *Annerstedt*, 73.

[2]) Данц. арх.—Шарфенбергъ называетъ отведенный Іоанну домъ „det bästa herberget" (*Fryxell*, III, 42).

[3]) Данц. послы говорятъ, что особенныхъ торжествъ при свадьбѣ Іоанна не было: состязались лишь на турнирѣ какъ поляки, такъ и нѣмцы и шведы.

[4]) Данц. арх. Uberfeld Данцигу, Вильно, 22 окт. 1562: Men hat den Hertzock in seynem einzuge alhie in die teutsche gasse in eynes vorstorbenen Littawschen herren der Wyldescher Woywodde gewesen, hoff eyngeleget, bis auff den tack des beylagers nemlich auff den folgenden Ssontack. Do hatt S. F. H. der Herr Byschoff auss Samayten vnd der H. Pomerellysche woywode tsu schlosse geholet vnd ist folgends S. F. H. tzu schlosse stett geblieben biss auff iren ausszuck. Das beylager ist wie obengedacht acht tage, nicht myt ssonderlichem grossem prachte gehalten worden am myttwoche in den beylager haben ezliche hofeleute die der K. M. auff su ser rysch dienen geturniret daruber eyn furnemer polnischer yuncker orserzowsky genandt eynen schenckel tzubrochen vud sonst seynt iret wol viere myt den renspissen gewundet, den folgenden ssontack haben etliche Hofeleute auff deutsch torniret darunter 2 Littawer gewesen, die haben sso hefftick an eynander gerent das beyde pferde auff dem platze geblieben. Der Hertzogk myt den synen hat sich fastt wunderlich vorhalten. Es hat die K. M. myt S. F. H. I. gehanndelt das sje den *wynter vber* alhie yhme lande bleyben oder aber sich wydderumb in preussen auff Dantzick bogeben muchte, darauff ssol ehr geantwortet haben,

находились и датскіе послы, и есть основаніе предположить, что уже тогда проектированъ былъ союзъ Даніи съ Польшей противъ Швеціи [1]).

Въ брачномъ договорѣ Екатерина отказывалась отъ всякихъ правъ на польскій престолъ, а Іоаннъ назначилъ своей женѣ всѣ доходы съ Аланда, Кастельгольма, Раумо и погосты Летула и Лаппо. Самъ Іоаннъ получалъ въ залогъ данной королю денежной суммы на 8 лѣтъ слѣдующіе семь городовъ: Виттенштейнъ, Гельметъ, Каркусъ, Ермесъ, Руйенъ, Буртникъ и Трикатенъ; если деньги въ назначенный срокъ не будутъ выплачены,—залогъ имѣетъ силу и на болѣе продолжительный срокъ. Предположеніе Далина, будто бы Іоаннъ обязывался ввести въ своемъ государствѣ католицизмъ, не выдерживаетъ критики и объясняется только тѣмъ, что у Далина не было подъ руками текста договора, и онъ тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, строитъ рядъ маловѣроятныхъ гипотезъ.

4-го октября 1563 г. исполнилось завѣтное желаніе Іоанна, но къ его же несчастію; честолюбивый и славолюбивый Іоаннъ строилъ несбыточныя фантазіи о самостоятельной Финляндіи-Ливоніи, но всѣ эти воздушные замки вскорѣ разлетѣлись прахомъ, послуживши лишь яблокомъ раздора между Швеціей и Польшей. Іоаннъ по политической близорукости своей думалъ, что Эрикъ согласится на территоріальное расширеніе его герцогства; онъ не предвидѣлъ, какого поборника абсолютизма встрѣтитъ онъ въ своемъ братѣ королѣ, и не понималъ, что удержаться нейтральнымъ въ борьбѣ брата съ зятемъ ему рѣшительно будетъ невозможно, разъ онъ владѣетъ такими центральными пунктами, какъ названные семь городовъ. Сигизмундъ искусно затягивалъ слабохарактернаго герцога въ свои сѣти, готовя этимъ путемъ въ единодержавной Швеціи династическія междоусобія. Ничего этого не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть Іоаннъ и съ полнымъ довѣріемъ легкомысленно подписалъ всѣ пункты договора съ Польшей. Онъ не

---

ehr wolte lieber tzum Moscowitter tziehen alsse tsu den losen leuten Kegen Danzich, wie yhn der Kuninck gefraget worumb ehr dis redete ob yhme die Dantz ker etwas vngebuerlichs botzeget hetten sso wolte S. K. M. zur straffe gedencken, do hat ehr vrsach angetzeiget die mehr kindisch also furstlich gewesen seyn, In suma es hat sich det gutte Herre den anderen tack nach des vortrawunge also ertzeget, das wo ehr des frewleyn nicht weck gehabt, sso hette es S. F. H. numetmehr bokommen. *Gadebusch*, II, 16 и др. *Menckenii*, 90: Oratio genialis dicta in nuptiis sororis regis secundo genitae die 4 octobris.

[1]) *Celsius*, 116. Ср. письмо Вильгельма Гессенскаго Вильгельму Оранскому, 17-го авг. 1563 г., въ которомъ говорится о „практикахъ“ Іоанна съ Даніей и Польшей противъ Швеціи. Regest Dipl. II, 243. *Arnoldi*, 262

понималъ, что, доставляя деньги государю, враждебно настроенному къ его брату, онъ становился измѣнникомъ отечества и справедливо навлекъ на себя гнѣвъ Эрика XIV. Подписавши виленскій договоръ, Іоаннъ перешелъ Рубиконъ: о примиреніи съ Эрикомъ не могло быть больше рѣчи.

Послѣ виленскаго договора Іоанна Финляндскаго съ Сигизмундомъ II Августомъ Эрикъ сталъ еще съ бо́льшимъ недовѣріемъ относиться къ Польшѣ; недовѣріе скоро смѣнилось открытой враждой. Къ своему брату онъ писалъ, что согласенъ возстановить свои прежнія мирныя отношенія къ Польшѣ только въ томъ случаѣ, если польскій король уступитъ Швеціи всѣ свои владѣнія въ Ливоніи. Этого мало: Эрикъ требовалъ уступки себѣ всѣхъ владѣній Христофа мекленбургскаго, коадъютора Риги, отдавшагося подъ его покровительство, послѣ того какъ ему въ помощи отказали и императоръ, и нѣмецкіе князья. Заступничество Эрика за Христофа было уже вызовомъ Польшѣ. Дѣло шло не только о владѣніяхъ Христофа, но и о всей рижской епархіи съ ея территоріей и суверенитетомъ. Часъ открытой борьбы двухъ претендентовъ на восточно-балтійское побережье еще не пробилъ, и между ними продолжались переговоры о перемиріи. Польскій посолъ (Chmieliowski), прибывшій къ Эрику въ сентябрѣ 1562 года, требовалъ уступки всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ шведами въ Эстляндіи, затѣмъ — уплаты военныхъ издержекъ и, что любопытнѣе всего, требовалъ, чтобы Эрикъ въ будущемъ относился къ Кетлеру, какъ къ кліенту и вассалу Польши. Хмѣлевскій долженъ былъ указать Эрику, что весь ливонскій народъ (populus universus Livoniae) призналъ надъ собою власть польскаго короля, а Кетлеръ отдался подъ особенное его покровительство. Если у Эрика были какіе нибудь счеты съ герцогомъ курляндскимъ, онъ имѣлъ возможность уладить ихъ безъ войны. Въ особенную, тяжкую вину Швеціи польскій король ставитъ захватъ Ревеля, въ которомъ стоялъ королевскій гарнизонъ съ цѣлью защитить его отъ русскихъ. Перновъ также былъ польскимъ владѣніемъ [1]). Польскій король за собою не

---

[1]) Sed prorsus et possessione et usu et omnis dominii ratione plane nostram. *Menckenii*, 112. На стр. 115: eam civitatem prae coeteris in Liuonia juris maxime et potestatis nostrae fuisse. Nam et peculiariter jus jurandum nobis fidei et obedientiae praestitit et se fortunasque suas omnes privatim in clientelam nostram tradidit, et possessionem denique ac usum omnem sui concessit et breuiter Dominium nostrum secundum omnem, quae lege institutisque hominum fingi potest, rationem agnovit.

знаетъ никакой вины по отношенію къ Швеціи; если виноватъ Кетлеръ, то не обязанъ же Сигизмундъ отвѣчать за это [2]). Въ заключеніе посолъ отъ имени Сигизмунда сказалъ, что шведскій король попралъ святость договоровъ, нарушилъ миръ, безъ предупрежденія кинувшись на польскія владѣнія.

Оставляя одно несообразное требованіе Польши за другимъ, онъ остановился на требованіи уступить Польшѣ Перновъ. И на это требованіе ему отказали, при чемъ замѣтили, что переговоры Польши съ Іоанномъ финляндскимъ весною 1562 года никакъ уже не свидѣтельствовали о миролюбивомъ настроеніи ея короля. Въ сентябрѣ 1562 г. Эрикъ рѣшился самъ отправить посольство въ Польшу, повидимому, для улаженія взаимныхъ отношеній, на самомъ же дѣлѣ послы его—Нильсъ Биргерсонъ Грипъ и Нильсъ Іоансонъ—должны были склонить Ригу отдаться подъ покровительство Швеціи. Они должны были прежде всего отправиться въ Ригу и тамъ потребовать для ливонскихъ городовъ, подчинившихся Швеціи, свободнаго плаванія на Ригу. Если послы замѣтятъ, что въ Ригѣ дружески настроены къ Швеціи, они должны сначала представить городу, какая опасность ему грозитъ со стороны русскихъ и какъ не надежна помощь Польши, затѣмъ отъ себя, не офиціально, предложить рижанамъ покровительство и защиту шведскаго короля. Какъ прежде въ Ревелѣ, такъ теперь въ Ригѣ, посламъ предписывалось войдти въ сношенія съ бюргерами и воспользоваться ихъ угнетеннымъ состояніемъ; еслибы продолжительное пребываніе пословъ въ Ригѣ вызвало съ чьей либо стороны подозрѣніе, послы должны были заявить, что ожидаютъ охранной грамоты и поруки отъ польскаго короля. Эрикъ просилъ своихъ пословъ какъ можно чаще извѣщать его о ходѣ своихъ переговоровъ съ Ригою, чтобы сообразно съ успѣхомъ или неуспѣхомъ ихъ остановить или продлить переговоры о мирѣ съ Польшей.

Такъ далеко простирались планы Эрика! Еслибы ему удалось утвердиться и въ Ревелѣ, и въ Ригѣ, какое блестящее экономическое будущее ожидало Швецію: вся торговля запада съ востокомъ проходила бы черезъ два стапельныхъ пункта Швеціи—Ригу и Ревель. Опасаться Польши ему бы было нечего въ виду своихъ прочныхъ отношеній къ Москвѣ. Виленскій договоръ окончательно убѣдилъ Эрика, что ему необходимо въ собственныхъ интересахъ держаться мира съ Москвою.

---

[2]) Poenas alienae culpae luere non debuimus.

Но на этотъ разъ дипломатическій маневръ Эрика не удался; миссія его пословъ оказалась совершенно неудачной; они доѣхали до Пернова и здѣсь ожидали охранныхъ грамотъ изъ Риги. Каково же было ихъ удивленіе, когда городской совѣтъ Риги извѣстилъ ихъ, что давать имъ охранныхъ грамотъ не можетъ и отсылалъ пословъ къ Польскому королю, какъ своему покровителю. Послѣ этой неудачи у Эрика прошла всякая охота продолжать переговоры о перемиріи съ Польшей, тѣмъ болѣе что теперь представлялась возможность безъ особеннаго труда и затратъ овладѣть Виттенштейномъ. Король съ свойственною ему страстностью отдался мысли о войнѣ, отмѣнилъ свое недавнее рѣшеніе вернуть въ Швецію войска, стоявшія въ ливонскихъ городахъ и велѣлъ, кромѣ Виттенштейна, еще занять какой нибудь укрѣпленный пунктъ въ Ливоніи. На это рѣшеніе короля имѣлъ сильное вліяніе подтвердившійся слухъ объ уступкѣ Іоанну въ залогъ вышеназванныхъ семи ливонскихъ городовъ. Въ инструкціи, которую Эрикъ далъ Горну, ему предписывается завладѣть всѣми семью городами. Для скорѣйшаго выполненія этого плана Эрикъ отправилъ въ Ливонію большіе запасы провіанта, войска и денегъ. 14-го ноября Шарль де-Морнэ, французскій наемникъ, прибылъ въ Ливонію и началъ приводить въ исполненіе желаніе Эрика. Король просилъ Сванте Стуре войдти въ переговоры съ Іоанномъ и убѣдить его отказаться отъ городовъ, на которые братъ его, король, одинъ имѣетъ справедливыя притязанія. Стуре же получилъ отъ короля приказаніе—не пускать Іоанна въ Ревель со свитою больше 20 или 30 всадниковъ [1]). Въ связи съ этими распоряженіями любопытно еще то обстоятельство, что въ ноябрѣ въ Ревель прибылъ Христофъ мекленбургскій съ цѣлью начать военныя дѣйствія противъ Польши.

Сношенія Польши съ Даніей также становятся особенно оживленными послѣ 1561 года, года распаденія Ливонскаго ордена. Сигизмунду II Августу необходимы были союзники для борьбы съ Москвою и Швеціей [2]). Съ этою цѣлью онъ прежде всего обратился къ Фридриху II датскому. Во главѣ посольства, отправленнаго имъ въ Копенгагенъ въ 1562 году стоялъ секретарь его Achatius Czema. Обращаясь къ Фридриху II съ эгоистическою цѣлью найдти въ немъ союзника для

---

[1]) *Wieselgren*, I, 170.

[2]) Поборникомъ идеи тройственнаго союза противъ Москвы изъ Польши, Даніи и Швеціи былъ, между прочимъ, извѣстный намъ уже Jost Clodt. Ср. *Greiffenhagen*, 670.

борьбы съ Швеціей и Москвою, король въ инструкціи, данной своему послу, начинаетъ съ выраженія соболѣзнованія по поводу раззоренія Ливоніи русскими варварами. Вся инструкція была составлена такъ, чтобы заявленіями полнаго безкорыстія и искренняго желанія помочь несчастнымъ ливонцамъ скрыть свои истинныя намѣренія. Эта инструкція отличается особенною цвѣтистостью, полна фразъ о христолюбіи короля, который ни днемъ, ни ночью не находитъ себѣ покоя; но за этой риторикой не трудно усмотрѣть твердое и упорное желаніе короля не дать русскимъ и шведамъ возможности усилиться на Балтійскомъ морѣ, которое—по его мнѣнію—должно принадлежать Польшѣ. Мы по возможности полнѣе передадимъ инструкцію Сигизмунда, чтобы рельефнѣе выставить пріемы его дипломатіи [1]).

Датскому королю, говорится въ инструкціи, безъ сомнѣнія извѣстны бѣдствія, какимъ подверглась со стороны московскаго князя, ненавистнѣйшаго врага всего христіанства, нѣкогда славная провинція Ливонія. Положеніе дѣлъ въ этой провинціи по истинѣ ужасное. Ливонцы потерпѣли рядъ сильнѣйшихъ пораженій, ихъ поля опустошены, города частью раззорены, частью выжжены, множество людей отведено въ рабство. Русскіе заняли лучшіе города и гавани; нѣкоторые достались имъ измѣною, нѣкоторые они захватили открытою силою. Ливонцы не могутъ справиться съ русскими; истощенные до послѣдней степени они падутъ подъ власть кровожаднѣйшаго врага.— Русскіе вознеслись гордостью и еще не насытились кровью и убійствами; дни и ночи они помышляютъ о томъ, какъ бы завоевать и остальныя земли Ливоніи; не надѣясь на однѣ свои силы, русскіе прибѣгаютъ къ хитрости и коварству, склоняютъ на свою сторону туземцевъ и ищутъ союза съ иностранными государями; такъ недавно еще московскій царь отправилъ пословъ къ шведскому королю, желая добиться его дружбы и содѣйствія. Архіепископъ рижскій и свѣтлѣйшій магистръ ордена, сознавая невозможность борьбы съ Москвою одними своими силами, обращались уже неоднократно за помощью къ христіанскимъ государямъ и прежде всего, разумѣется, къ сосѣднимъ съ Ливоніей князьямъ, которымъ судьба Ливоніи должна была бы быть всего ближе; они указывали этимъ князьямъ, что опасность отъ русскихъ грозитъ не однимъ только сѣвернымъ государствамъ, но и всей Европѣ; варвары при своихъ нашествіяхъ на Европу до-

[1]) Оригиналъ инструкціи въ Копенгагенскомъ архивѣ, копія въ Дрезденскомъ, въ 12 Dänische Bücher, Das sechste Buch. См. наши Акты и письма, 34, № 12.

ходили до крайнихъ предѣловъ ея, разоряли цѣлыя государства, низвергали престолы и предавали все огню и мечу. А русскіе—тѣ же готы, гунны и алане. Европейскіе государи должны бы тронуться судьбою несчастной Ливоніи тѣмъ болѣе, что имъ грозитъ одна съ нею судьба.

За этимъ введеніемъ слѣдуетъ самая интересная часть инструкціи, рисующая намъ Сигизмунда какъ средневѣковаго рыцаря, готоваго все претерпѣть ради спасенія погибающаго брата. Это самовосхваленіе короля является рѣзкою дисгармоніей съ образомъ его дѣйствій въ Ливоніи. Польскій король, говорится въ этой части инструкціи, ведетъ себя по отношенію къ Ливоніи, какъ добрый сосѣдъ и благочестивый христіанскій государь; съ самаго начала войны онъ старался помочь несчастнымъ ливонцамъ, облегчить имъ тягости войны; съ этою цѣлью онъ занялъ своими гарнизонами многія ливонскія крѣпости, которыя благодаря этому до сихъ поръ не подверглись нападенію враговъ, и расположилъ по странѣ много тысячъ наемниковъ; всѣ эти мѣры сопряжены для короля съ большими расходами. Не оставляетъ король ливонцевъ и своими совѣтами; еслибы они съ самаго начала войны послѣдовали имъ, то Ливонія теперь была бы въ полной безопасности, и русскіе не владѣли бы лучшими городами и гаванями ея. Еслибы всѣ крѣпости Ливоніи приняли въ свои стѣны польскіе гарнизоны, какъ совѣтовалъ король, онѣ также были бы обезпечены со стороны русскихъ; примѣромъ могутъ служить тѣ немногіе города, которые охраняются польскими войсками: дурно укрѣпленные и едва снабженные съѣстными припасами, они стойко, однако, выдерживаютъ всѣ нападенія враговъ. Сигизмундъ II Августъ знаетъ, что московскій царь обращался къ датскому королю съ цѣлью заключить съ нимъ дружественный договоръ и вѣчный миръ. Легко представить, какая опасность будетъ грозить какъ Ливоніи, такъ и самой Даніи отъ этого союза. Быть можетъ, царь и предложилъ королю нѣкоторыя выгодныя условія, но королю стоитъ лишь повнимательнѣе всмотрѣться въ нихъ, чтобы убѣдиться, что ради выгодъ въ настоящемъ не слѣдуетъ жертвовать будущимъ благомъ страны; онъ увидитъ тотчасъ, что предложеніе царя клонится лишь къ его собственной выгодѣ. Неужели, спрашиваетъ польскій король, Фридрихъ II предпочтетъ общему благу всего христіанства личные выгоды и интересы; неужели ему не пріятнѣе дружба и похвала всей Европы, нежели дружба царя схизматика? Въ виду общаго блага Ливоніи и всѣхъ христіанскихъ государствъ Сигизмундъ и желаетъ черезъ

своего посла склонить датскаго короля къ союзу противъ Іоанна Грознаго. Королю стоитъ лишь принять предложеніе Польши, и онъ тотчасъ же пріобрѣтетъ любовь и уваженіе всѣхъ христіанскихъ государей и вѣчную признательность ливонцевъ.

Отвѣтъ Фридриха II на краснорѣчивое посольство польскаго короля не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ послѣдняго: не смотря на то, что уже Кетлеръ склонялъ Фридриха II къ союзу съ Польшей и указывалъ на всякія выгоды отъ этого для Даніи, король отъ союза съ Польшей противъ Москвы отказывался, говоря, что желаетъ жить въ мирѣ со всѣми государями; слухъ о томъ, будто бы онъ помогалъ московитамъ противъ ливонцевъ, лишенъ всякой истины [1]).

26-го октября 1562 года въ Копенгагенъ прибыло новое посольство неутомимаго Сигизмунда [2]). На этотъ разъ онъ предлагалъ Фридриху II заключить съ нимъ союзъ противъ Эрика XIV. Планы шведскаго короля рисовались воображенію Сигизмунда столь же преувеличенно, какъ и планы Грознаго. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что король самъ не вѣрилъ всему, что̀ приписывалъ своимъ врагамъ. Ища союза Даніи противъ Швеціи, онъ не порывалъ съ послѣдней; въ ноябрѣ шведскіе послы явились въ Вильну, и король встрѣтилъ ихъ такъ радушно, что вызвалъ всеобщее изумленіе: пошелъ къ нимъ на встрѣчу, протянулъ руку и т. д. Очевидно, ему нужно было поднять противъ Москвы или Данію, или Швецію, и онъ одновременно велъ переговоры съ обоими скандинавскими королями объ антимосковской коалиціи [3]).

Эрикъ XIV, говорилъ Фридриху II польскій посолъ отъ имени своего короля, замыслилъ совершенно подчинить себѣ сѣверныя государства; покоривши Ливонію, онъ имѣетъ въ виду походъ на Данію. Изъ искренней любви и расположенія къ Фридриху II Сигизмундъ не желалъ этого скрывать отъ него. По отношенію къ Польшѣ поведеніе Эрика XIV оказывалось весьма коварнымъ. Вотъ слова

---

[1]) Отвѣтъ короля въ Дрезд. арх., 6 Dän. Buch. Кетлеръ писалъ Фридриху II еще въ началѣ февраля о своемъ союзѣ съ Польшей, о необходимости, заставившей его обратиться къ Польшѣ, и о христіанской ревности польскаго короля, проявленной имъ въ борьбѣ противъ московскаго царя, котораго Кетлеръ называетъ не иначе какъ Teuffel съ различными эпитетами.

[2]) Дрезд. архивъ.—Акты и письма, стр. 39, № 14.

[3]) Данцигскій архивъ: Heinrich Falckner данцигскому рату, Ковно. 10-го ноября 1561 г. Acta Internunciorum. IX, vol 13.

посла: Эрикъ шведскій, воспользовавшись смутами въ Ливоніи и узнавши, что срокъ перемирія Польши съ царемъ истекаетъ, и что русскіе готовятъ вторженіе въ Литву, для защиты которой король долженъ былъ отозвать почти всѣ военныя силы изъ Ливоніи, вывелъ войска изъ Ревеля и открылъ враждебныя дѣйствія противъ подчиненныхъ Польшѣ городовъ. Шведы съ суши и съ моря осадили Перновъ, останавливали подвозы съѣстныхъ припасовъ изъ Риги и вскорѣ утвердились въ Перновѣ. Такія ихъ дѣйствія всего лучше обнаруживаютъ враждебныя отношенія ихъ къ Польшѣ. Но еще возмутительнѣе и гибельнѣе для всего христіанства тотъ фактъ, что Эрикъ дѣйствуетъ заодно съ русскими. Поэтому Сигизмундъ и рѣшается просить помощи Даніи, чтобы общими усиліями вырвать у шведовъ Ревель и спасти всю Эстляндію, а затѣмъ двинуться и на главнаго врага христіанства. Какъ важно было бы, восклицаетъ посолъ, всѣмъ христіанскимъ государямъ соединиться противъ варвара, совершенно очистить отъ него Ливонію и лишить его всякой возможности возобновить противъ нея враждебныя дѣйствія. Сигизмундъ укоряетъ далѣе Эрика въ тщеславіи и въ стремленіи укрѣпиться въ Эстляндіи, уличаетъ его въ неискренности и лжи; Эрикъ—говоритъ онъ—занялъ Ревель подъ видомъ помощи ливонцамъ, съ цѣлью остановить дальнѣйшее движеніе русскихъ войскъ; на самомъ же дѣлѣ за этою видимою цѣлью скрывались честолюбивые замыслы утвердиться на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря. Для спасенія же Ливоніи Эрикъ рѣшительно ничего не предпринялъ и только удвоилъ бѣдствія страны и ускорилъ распаденіе ордена; теперь онъ спокойно и безучастно смотритъ на рѣзню русскихъ съ ливонцами.

Сигизмундъ былъ правъ, когда доказывалъ Фридриху II, что Эрикъ занялъ Ревель не ради ливонцевъ, а съ цѣлью распространить шведское господство на Балтійскомъ морѣ, но, обвиняя шведскаго короля, онъ произносилъ обвинительный актъ и противъ себя самого. Эрикъ желалъ занять Эстляндію, Сигизмундъ—Ливонію; и тотъ и другой приняли участіе въ ливонскихъ смутахъ съ одной и той же цѣлью, которую тщетно старались скрыть увѣреніями въ безкорыстіи, искреннемъ сочувствіи къ несчастнымъ ливонцамъ, пожираемымъ восточнымъ варваромъ и т. д. и т. д.

Второе посольство Сигизмунда II Августа въ Данію имѣло такой же результатъ, какъ и первое. Увѣряя польскаго короля въ дружескомъ расположеніи къ нему, Фридрихъ II, однако, отказался отъ союза съ нимъ, и польскій посолъ успѣлъ добиться лишь одного:

Фридрихъ обѣщалъ ему, что будетъ наблюдать за дѣйствіями Эрика въ Ливоніи [1]).

Прошелъ 1562 годъ. Отношенія двухъ сосѣднихъ Скандинавскихъ государствъ становились все враждебнѣе, и, какъ мы уже знаемъ, въ 1563 году они разрѣшились открытою войною. Съ Фридрихомъ II соединился Любекъ, и тогда-то Фридрихъ вспомнилъ о предложеніи, сдѣланномъ ему Польшей въ 1562 году, —заключить союзъ противъ Швеціи. Отвергнувъ тогда союзъ, онъ теперь съ радостью ухватился за него. Августъ саксонскій, слѣдившій за каждымъ шагомъ датской политики, не одобрялъ сближенія Даніи съ Польшей и старался этому воспрепятствовать, но безуспѣшно. 31-го марта онъ писалъ Фридриху II и совѣтовалъ ему оставить переговоры съ Польшей [2]); онъ доказывалъ ему, что Сигизмундъ II Августъ преслѣдуетъ цѣли, прямо враждебныя Даніи. Если онъ и предлагаетъ Фридриху союзъ противъ Швеціи, то съ тою лишь цѣлью, чтобы отвратить вниманіе Эрика отъ Ливоніи, которую самъ желаетъ захватить. Августъ саксонскій убѣждалъ Фридриха II въ цѣломъ рядѣ писемъ, что союзъ съ Польшей не можетъ принести ему никакой существенной выгоды еще и въ виду большаго разногласія короля съ его подданными; ему необходимо прежде всего справиться съ внутренними врагами, а потомъ уже помышлять о борьбѣ съ внѣшними [3]). Поляки, кромѣ того, враждебно настроены противъ литовцевъ, которые поэтому склонны болѣе къ сближенію съ русскими, нежели къ борьбѣ съ ними. Отъ курфюрста Бранденбургскаго Августъ прослышалъ о намѣреніи русскихъ идти на Полоцкъ; стало быть, всѣ военныя силы Сигизмунда II будутъ ему нужны для борьбы съ русскими. Наконецъ, курфюрстъ Августъ обращалъ вниманіе Фридриха на то, что у польскаго короля нѣтъ наслѣдниковъ и что рано или поздно въ Польшѣ возникнутъ изъ-за этого вопроса смуты и партійная борьба. Принявъ въ соображеніе всѣ вышеприведенные доводы, Фридрихъ II долженъ, по мнѣнію Августа, прійдти къ заключенію, что изъ союза съ Польшей онъ не извлечетъ никакой выгоды.

---

[1]) Дрезд. арх. 6 Dän. Buch.

[2]) Копенг. арх. Sverrig, 238.

[3]) Das Ire K. W. jnn trefflicher unainigkeit, vnd abgunst mit derselben aignen vnterthanen, dess gleichen auch die Polenn mit den Littawen jn grosser zwispalt stehen sollen. Dass auch von eins teils Polen den Muscowitter selbst zu einem successore jm Konigreich ufgeschlagenn.

Что не въ силахъ одного человѣка, писалъ Августъ, то недостижимо и въ союзѣ съ чуждою націей, интересы и стремленія которой совершенно противоположныя [1]).

Разсужденія мудраго курфюрста были глубоко вѣрны и основательны, и Дройзенъ не правъ, когда утверждаетъ, что Августъ боялся, какъ бы датскій дворъ сближеніемъ съ Польшей не освободился отъ вліянія Саксоніи [2]). Не подлежитъ сомнѣнію, что интересы Даніи и Польши дѣйствительно ни въ чемъ не сходились, каждое государство преслѣдовало свои особыя цѣли и союзъ ихъ, какъ оказалось, самъ собою распался. Такую же судьбу имѣли въ XVII столѣтіи всѣ датско-польскія сближенія. Фридрихъ II не обратилъ вниманія на доводы Августа, и переговоры его коммиссаровъ съ польскими послами открылись сначала въ Стральзундѣ, а потомъ въ Штеттинѣ. Стральзундскій конвентъ начался 12-го іюля [3]). Сигизмундъ назначилъ къ участію въ немъ каштелляна Naklensis и Гавріила Гробовецкаго, своего капитана; секретаремъ при переговорахъ служилъ Михаилъ Брунно [4]). Въ Стральзундѣ польскіе послы должны были убѣдить померанскихъ герцоговъ не допускать вывоза съѣстныхъ припасовъ ни въ Швецію, ни въ Ливонію [5]). Въ инструкціи польскимъ посламъ [6]) говорилось, что такъ какъ шведы вторженіемъ въ Ливонію нарушили мирный договоръ свой съ Польшей, то король рѣшился порвать съ ними всякія сношенія и заключить противъ нихъ союзъ съ датскимъ королемъ, при чемъ поляки будутъ дѣйствовать противъ шведовъ въ Ливоніи, датчане въ Швеціи. Та-

---

[1]) Копенг. арх.: Weil es dann jtzieger zeit in Polen die gelegenheit hat, das solch konigreich vnter sich selbst zerspalten vnd dermassen vnainz das die Polen den Littawen nicht helfen wollen, sonder zusehen, das der Muscowitter darinnen mit grausamer Tiranney seinen willenn schaft, auch der Konig selbst keinen erben hat. So haben Ewer K. W. selbst vernunfftigklich zuermessenn, wess sich solcher hulff vnd Bundtnus zugetroffen... Was einer alleine nicht heben kann, dass soll er selb ander auch liegen lassen, viell bedenncklicher aber ist sich auff fremder Nationen hulff vnd beistand zuuorlassenn, vnd sonderlich da man jm anfang befindet, das nicht gleiche vrsachen bewegnus vnd neigung deren sein, so sich zusammen vorpflichtet.

[2]) *Droysen*, 420.

[3]) *Menckenii*, 247 и далѣе.

[4]) Ibid. 261, 277.

[5]) Ibid. 262.

[6]) Ibid. 263: Instructio ad consentum Sundensem nuntiis et commissariis Regiae Majestatis data.

кое распредѣленіе дѣйствій между союзниками вызывается и географическими, и военными соображеніями. У датчанъ превосходный флотъ, чудесные разсказы о которомъ доходятъ до польскаго короля; съ нимъ легко покорить Швецію; въ Ливоніи же датскому королю дѣлать нечего: польскихъ силъ будетъ достаточно для борьбы со шведами. Что касается до денежныхъ пожертвованій для войны, то послы должны были заявить, что для польскаго короля этотъ вопросъ представляетъ большія затрудненія, такъ какъ въ борьбѣ съ московитами онъ совершенно истощилъ свою казну. Король не станетъ требовать денегъ и отъ Даніи и вполнѣ убѣжденъ, что успѣхъ будетъ обезпеченъ, какъ скоро датскій король со всѣми своими силами вторгнется въ Швецію, а польскій въ Ливонію. Все, что датчане завоюютъ въ Швеціи, должно остаться за ними; всѣ же земли, какія полякамъ удастся захватить въ Ливоніи, будутъ ихъ собственностью и они будутъ владѣть ими „tamquam proprio“. Инструкція оканчивалась параграфомъ, въ силу котораго ни одна изъ сторонъ не должна вести отдѣльныхъ переговоровъ съ Швеціей и ни одна не выходить изъ союза. Цѣль польскаго правительства рисуется какъ нельзя болѣе ясно изъ этой инструкціи. Всѣ старанія его клонились къ тому, чтобы удалить изъ Ливоніи всякое иноземное вліяніе—будетъ ли оно шведскимъ, датскимъ или русскимъ—и присоединить къ своей коронѣ все восточное побережье Балтійскаго моря.

При такихъ замыслахъ польскаго правительства нѣтъ ничего удивительнаго, что переговоры въ началѣ не обѣщали никакого успѣха. Датчане никакъ не могли примириться съ мыслью потерять всякое вліяніе въ ливонскихъ дѣлахъ, уступить Польшѣ Ревель, Нарву и другіе пункты; они указывали на исконное право датчанъ на Эстонію. Переговоры изъ Стральзунда были перенесены въ Штеттинъ и тамъ длились до начала октября. Только 5-го октября договоръ Даніи съ Польшей былъ подписанъ. Вотъ содержаніе этого договора, оригиналъ котораго хранится въ Копенгагенскомъ архивѣ. Всѣмъ подлинно извѣстно, что шведскій король Эрикъ XIV безъ всякаго основанія нарушилъ миръ и согласіе съ сосѣдними государями, самовольно вторгнулся во владѣніе датскаго и польскаго королей, подчинилъ себѣ нѣсколько городовъ и поработилъ несчастныхъ жителей ихъ. Этого мало: онъ осмѣивалъ и умалялъ достоинства и честь обоихъ королей, портилъ ихъ славу и репутацію. Въ виду этого оба короля—датскій и польскій—заключили между собою оборонительный и наступательный договоръ. Первый со всѣми своими силами долженъ съ суши и съ

моря напасть на Швецію, второй съ возможно большимъ количествомъ войска вторгнуться въ Ливонію и изгнать оттуда шведовъ. Если города Эстоніи и бывшія орденскія владѣнія—Вейссенштейнъ, Падисъ, Перновъ, Ревель—не подчинятся добровольно Польскому королю, то онъ на собственныя средства поведетъ осаду этихъ городовъ и не отступитъ отъ нихъ раньше, чѣмъ не покорятъ ихъ. Датскій и польскій короли обязываются взаимно помогать другъ другу деньгами и войсками и не заключать отдѣльнаго мира или договора съ Эрикомъ XIV. Сигизмундъ II Августъ будетъ добиваться возвращенія всего, что шведами захвачено въ Ливоніи, и будетъ помогать герцогу курляндскому, еслибы шведы вторгнулись въ его владѣнія. Эрику оба короля даруютъ миръ только въ томъ случаѣ, если онъ удовлетворитъ ихъ за всѣ понесенные ими убытки, возстановитъ своего брата въ его прежнихъ владѣніяхъ, доставитъ свободное плаваніе и торговлю на Балтійскомъ морѣ подданнымъ польскаго короля и, наконецъ, не станетъ болѣе притѣснять герцоговъ прусскаго, курляндскаго и померанскихъ.

Фридрихъ II долженъ былъ добиться отъ шведскаго короля, чтобы онъ не помѣщалъ въ своемъ гербѣ изображенія трехъ коронъ, затѣмъ чтобы онъ возвратилъ Даніи все, что шведы захватили въ Сконе и на островѣ Эзелѣ, письменно отказался отъ всякихъ притязаній на Норвегію, Готландъ и Сконе, доставилъ датчанамъ и Любеку право свободно торговать на Балтійскомъ морѣ, вознаградилъ Любекъ за убытки, причиненные ему шведскими каперами, заплатилъ Даніи военную контрибуцію и, наконецъ, какъ вопросъ о трехъ коронахъ, такъ и другіе спорные вопросы предоставилъ рѣшенію съѣзда депутатовъ со стороны Швеціи и Даніи.

Въ заключеніе договора обѣ стороны обязывались не воевать ни съ императоромъ, ни съ Испаніей, Франціей, Англіей и Шотландіей, ни съ московскимъ царемъ, съ которымъ у Даніи миръ. Договоръ обоихъ королей долженъ былъ быть вѣчнымъ, а не временнымъ. Въ Ливоніи Данія пріобрѣтала Перновъ и Падисъ; относительно Зонненбурга и Ревеля было постановлено, чтобы вопросъ о нихъ разрѣшенъ былъ при посредничествѣ какого нибудь иностраннаго государя, а до рѣшенія его Зонненбургомъ будутъ владѣть датчане, Ревелемъ поляки.

Союзъ Польши съ Даніей вызвалъ большое сочувствіе со стороны прусскаго герцога и Любека; любекскій ратъ отправилъ въ Данію посольство, которое должно было выразить королю полную готовность считать польскаго короля своимъ другомъ и союзникомъ.

Другіе же ганзейскіе города, померанскіе и мекленбургскіе, не соглашались примкнуть къ антишведской коалиціи. Сильнѣйшее неудовольствіе договоръ Польши съ Даніей вызвалъ со стороны Данцига; здѣсь не одобряли новаго союза и находили, что онъ слишкомъ мало давалъ Польшѣ, всѣ выгоды его на сторонѣ одной только Даніи, которая и завладѣетъ львиною частью. Фридрихъ II, говорили въ Данцигѣ, выговорилъ себѣ право на всѣ земли, какія ему удастся завоевать въ Швеціи, и задался мыслью доставить себѣ во что бы то ни стало шведскую корону и, слѣдовательно, возстановить унію. Этого мало: по договору съ Сигизмундомъ онъ получалъ Перновъ, Падисъ и Monasterium; владѣя этими пунктами, онъ безъ труда водворитъ свое прежнее вліяніе въ Эстоніи и утвердится на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря. „Польскій король долженъ своими силами завоевать восточную полосу Балтійскаго моря и отдать лучшіе города этого побережья своему союзнику"! Польша ничего не пріобрѣтетъ ни въ Швеціи, ни въ Ливоніи, и Данія одна извлечетъ выгоды изъ задуманной коалиціи. При выгодномъ оборотѣ военныхъ событій Фридрихъ II, владѣя Зундомъ, сдѣлается господиномъ всего Балтійскаго моря; отъ его воли будетъ зависѣть—пропускать или нѣтъ черезъ Зундъ западныхъ и восточныхъ торговцевъ; поэтому въ недалекомъ будущемъ вся восточная торговля сосредоточится въ рукахъ одной Даніи. Не нормальнымъ находитъ Данцигъ и тотъ фактъ, что Данія за военныя издержки въ борьбѣ съ Швеціей требовала себѣ Зонненбурга и двухъ епископствъ, ревельскаго и курляндскаго. Городской магистратъ Данцига правильно указалъ и на то, что многіе вопросы въ договорѣ вовсе не предусмотрѣны, напримѣръ, вопросъ о правѣ датскихъ войскъ проходить чрезъ прусскія владѣнія польскаго короля, вопросъ о свободномъ плаваніи черезъ Зундъ данцигскихъ купцовъ; Польшѣ слѣдовало въ самомъ актѣ договора юридически обезпечить за своими подданными право свободнаго проѣзда изъ Балтійскаго моря въ Нѣмецкое и обратно [1]). Пока это не сдѣлано, датскій король будетъ по своей волѣ „хозяйничать" на Балтійскомъ морѣ, захватывать корабли нейтральныхъ государствъ и присваивать

---

[1]) Gegen Dennemark ist nichts fur uns bedungen des Sundts schliessens, der Arrestirung der Schiffe vnnd guttere oder der freyen Sigillation halbenn, so wol auch dess Kriegsvolcks halbenn, dass ess auff Preussen zur zeit der vorurlaubung nicht muge vbergesetztt werden vnd wes sonst dergleichen Punct mehr seyn, der wir vns bevleissigen wollen domit sie möge mit eingesetztt werden.—Данциг. арх. Acta Intern. IX, 14.

себѣ за низкую цѣну товары ихъ торговцевъ, торговыя суда обращать въ военныя, назначать небывало высокіе налоги, усиливать таможенный надзоръ, и такъ далѣе. Въ Данію необходимо поэтому отправить специальное посольство, которое бы и выговорило прусскимъ городамъ свободное плаваніе черезъ Зундъ: Melius est in tempore occurrere, quam post exitum vendicare. [1]).

Данцигскій посолъ въ Варшавѣ рѣшительно протестовалъ противъ союза съ Даніей и предложилъ польскому правительству выступить посредникомъ между обоими скандинавскими государями, что было бы и почетнѣе и принесло бы и ему больше выгодъ. При Варшавскомъ дворѣ это предложеніе отвергнули. Тотъ же посолъ, говоря о стремленіяхъ Даніи и Польши, о планахъ, какіе они преслѣдовали въ борьбѣ съ Швеціей, остроумно замѣтилъ, что условія, выставленныя обоими королями, такъ не выполнимы, что шведскій король отказался бы подписать ихъ, даже находясь въ плѣну, или связанный по рукамъ и ногамъ [2]).

Въ замѣчаніяхъ данцигскаго магистрата была значительная доля правды. Не говоря уже о самыхъ условіяхъ договора, въ высшей степени выгодныхъ для Даніи, которой возможно было вести борьбу съ Швеціей, не разбрасывая своихъ силъ, а сосредоточивъ ихъ всецѣло въ южныхъ провинціяхъ Скандинавскаго полуострова, договоръ именно страдалъ своею неопредѣленностью. Данцигъ точно предвидѣлъ образъ дѣйствій Фридриха II: въ первый же годъ войны онъ прибѣгъ къ системѣ каперства, не признавалъ нейтралитета Пруссіи и Помераніи и постоянно давалъ этимъ провинціямъ чувствовать свое недовольство ими. Это намъ будетъ еще яснѣе видно изъ разсмотрѣнія переговоровъ Даніи съ Помераніей въ первые годы семилѣтней Сѣверной войны. Затѣмъ Сигизмундъ II сдѣлалъ большую дипломатическую оплошность, опустивъ совершенно вопросъ о Зундѣ. Ливонскіе и прусскіе города жили исключительно своею восточною торговлею. снабжали рынки западной Европы хлѣбомъ и разными сырыми продуктами обширной Московіи; каждая задержка въ Зундѣ тотчасъ да-

---

[1]) Данцигскій архивъ. Original Urkunden, XCV, B. 86 a. 22424. См. Акты и Письма, II, 1893, № 2.

[2]) ...dass wir gleubenn, wan sie den Schweden gefangen vnd gebunden hetten, dass ehr gleichwoll die Conditiones nicht wurde eingehen.—22 декабря Варшава. Original Urkunden и Acta Jnternunciorum, IX. 14.

вала себя чувствовать этимъ городамъ, Фридрихъ же въ отместку за нейтралитетъ прусскихъ городовъ, Данцига въ особенности, самовольно задерживалъ ихъ корабли въ Зундѣ и пропускалъ ихъ только за небывалые по своимъ размѣрамъ налоги; этимъ онъ въ конецъ подрывалъ богатство Данцига.

Не слѣдовало также Сигизмунду уступать Даніи вышеназванные пункты въ Ливоніи; Данія, владѣя прекраснымъ флотомъ и имѣя прочный миръ съ Москвою, всегда могла вытѣснить поляковъ изъ Ливоніи и возстановить въ ней свое первенство. Не Польшѣ было поднимать борьбу изъ за Балтійскаго господства; вопросъ о послѣднемъ могъ быть рѣшенъ только морскими державами.

Отношенія Сигизмунда II Августа, союзника Даніи въ готовившейся войнѣ съ Швеціей, къ Данцигу пріобрѣтаютъ совершенно враждебный характеръ еще съ первыхъ лѣтъ ливонской войны. Главная причина неудовольствія, а позже и вражды, Сигизмунда къ Данцигу заключалась въ желаніи короля подчинить себѣ свободный городъ и утвердиться въ устьяхъ Вислы; стремленіе Данцига клонилось къ совершенно самостоятельной и особой отъ Польши политикѣ; онъ не желалъ помогать Сигизмунду въ его войнахъ съ Москвою и Швеціей, не соглашался участвовать въ военной контрибуціи, введенной ради польскихъ интересовъ, желалъ сохранить полнѣйшій нейтралитетъ. Отношенія Сигизмунда къ Данцигу приравнивались къ отношеніямъ самодержца къ вольному городу. Король постоянно давалъ городу понять, что онъ какъ король могъ и не прибѣгать къ просьбамъ и увѣщаніямъ, а прямо пригрозить силою; на бѣду польскому королю, никто, однако, не придавалъ значенія такимъ выраженіямъ его, ибо всѣ знали, какова власть польскаго короля, связаннаго такою конституціей, которая дѣлала значеніе его совершенно ничтожнымъ.

Сигизмундъ никогда такъ не нуждался въ помощи, какъ когда принялъ отъ Кетлера Ливонію и долженъ былъ отстоять ее отъ русскихъ. Когда угрозы оказывались безсильными, онъ обращался къ дипломатіи, но и тутъ терпѣлъ неудачи. Московскую войну, передавалъ онъ данцигскимъ депутатамъ, онъ началъ въ интересахъ прусскихъ городовъ, которымъ также угрожало иго страшнаго тирана; онъ выставлялъ даже свою терпѣливость и мягкость въ отношеніи къ городамъ, онъ не желалъ бы прибѣгать къ насилію и ждалъ добровольной помощи ихъ. Пусть города согласятся назначить новыя подати и налоги на всѣ товары, прибывающіе въ гавань Данцига, такъ какъ дѣло идетъ объ общихъ интересахъ, а не объ интересахъ

одного короля [1]). Онъ напоминалъ Данцигу о его дружескихъ отношеніяхъ къ Сигизмунду I [2]). Данцигъ оставался глухъ ко всѣмъ этимъ обращеніямъ; это усиливало ненависть къ нему короля. Изъ совѣтниковъ короля не было ни одного, кто бы сочувственно относился къ богатому торговому городу. На Петроковскомъ сеймѣ 1562 года возникли сильныя пренія между королевскими совѣтниками и представителями Данцига. Ихъ отдѣляла цѣлая пропасть, по выраженію одного изъ депутатовъ Данцига. Король посягалъ на привилегіи города; онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Данцигъ, ради своихъ торговыхъ выгодъ, держится чуждой польскимъ интересамъ политики. Данцигскіе послы въ своихъ донесеніяхъ магистрату города жаловались на дурное съ ними обращеніе королевскихъ совѣтниковъ; имъ приходилось дѣйствовать крайне осторожно. „Стоило намъ, говорятъ они, сказать польскимъ панамъ слово, какъ они дѣлали изъ него выводъ въ сто словъ; стоило намъ уступить на дюймъ, какъ паны растягивали наши уступки на цѣлый локоть“ [3]).

На Петроковскомъ съѣздѣ 1562 года поднятъ былъ вопросъ и о такъ называемой экзекуціи. Основываясь на статутѣ Александра 1504 года, въ силу котораго запрещалось отдавать въ залогъ или дарить королевскія имѣнія, Сигизмундъ возымѣлъ намѣреніе вернуть себѣ доходы съ многихъ земель и имѣній, нѣкогда принадлежавшихъ польскимъ королямъ, но уступленныхъ и подаренныхъ магнатамъ, князьямъ и городамъ. Это намѣреніе Сигизмунда вызвало противъ него всеобщее неудовольствіе; противъ этой проектируемой экзекуціи особенно ревностно возстали прусскіе города съ Данцигомъ во главѣ. Неудовольствіе Данцига усугубилось еще требованіемъ короля, чтобы представители Пруссіи засѣдали на всѣхъ сеймахъ на ряду съ представителями Польши, чтобы король имѣлъ право вызывать ихъ, когда

---

[1]) Acta Internunciorum, IX, Vol. 13. Vberfeldt Данцигу, Вильно, 21-го іюля 1562 г.

[2]) Ibid. Heinrich Falckner Данцигу, Ковно, 2 марта 1562.

[3]) Данц. арх. Acta Internunciorum, IX vol. 13. Heinrich Falckner изъ Ковно 11 янв. 1562 г. Данцигу. При дворѣ короля, пишетъ онъ, „noch vernunfft, noch billigkeit“; затѣмъ: wir soltenn vnss gahr woll vorsehenn, sagtenn wyr einen wordt so machten sie hundert daraus, reumeten wir einen finger breitt einn, so wollten sie einn armen breith haben. Rex nihil vi accipit vel eripit, sed nunctij terrestres orant et cogunt, ut Maiestas accipiat. Въ заключеніи его письма читаемъ, что въ Петроковѣ большіе безпорядки, ночью случаются грабежи и убійства. Ср. Georg Clefeld и Peter Behem Данцигу, Петроковъ, 14 дек. 1562.

ему угодно, и удалять ихъ каждый разъ, когда разбирались спеціально его королевскія дѣла [1]). Отсутствіе единства въ прусскихъ городахъ помогло Сигизмунду: процессъ объ экзекуціи былъ проведенъ; вышелъ также и декретъ короля, чтобы воеводы и кастеляны прусскіе заняли мѣсто въ сенатѣ. Одинъ Данцигъ твердо держался противъ всѣхъ враждебныхъ намѣреній Сигизмунда; теперь, когда король обращался къ городу за деньгами, бургомистры отвѣчали ему, что согласятся на это, если онъ уничтожитъ экзекуцію. Вѣсть о занятіи Полоцка русскими заставила короля отложить вопросъ объ экзекуціи и заняться исключительно военными дѣлами.

По заключеніи наступательнаго и оборонительнаго союза съ Даніей Сигизмундъ желалъ привлечь къ этому союзу и прусскіе города, главнымъ же образомъ Данцигъ; онъ вполнѣ надѣялся на содѣйствіе Данцига и былъ увѣренъ, что городъ согласится доставить ему флотъ, необходимый для борьбы съ Швеціей, король которой держится гибельной для Польши и ганзейскихъ городовъ политики. Данцигскій ратъ съ сомнѣніемъ отнесся къ извѣстіямъ, полученнымъ отъ короля, о намѣреніяхъ Эрика XIV и въ письмѣ къ Сигизмунду заявлялъ, что не можетъ согласиться на просьбу короля, потому главнымъ образомъ, что отношенія города къ Швеціи издавна дружественны и мирны; жители Данцига никогда не испытывали на себѣ никакой враждебности со стороны шведскихъ государей; война съ Швеціей въ союзѣ съ Польшей, Даніей и Любекомъ гибельно отозвалась бы на всей торговлѣ города, уже и такъ сильно потерпѣвшей вслѣдствіе запрещенія нарвскаго плаванія [2]).

Новыя убѣжденія Сигизмунда пристать къ антишведской коалиціи дѣйствовали столь же мало на Данцигъ, и городъ рѣшительно отказывался отъ участія въ войнѣ. На Петроковскомъ сеймѣ представители Данцига должны были заявить королю о рѣшеніи города держаться

---

[1]) Acta Intern. IX vol. 13. Uberfeldt Данцигу, 23 іюля 1563: Wylde... teglich vnngefordert inn Konigl. Radt erscheynenn solten, so haben wiers doch bies anher vngefordert nicht gethann, auch bies weylenn, ob wier gleich gefordert, dennoch ausbliben zur erhaltunge vnserer freyheit, als das wir *nicht ordinarie in* Polnischen Radt gehorigk sein.

[2]) Libri Missivarum. 26 дек. 1563: an die Herren Gesandten zu Piotrkow. Ср. 8 мая 1563 „ad regem Poloniae"... „Tamen quod regem Suecorum attinet, cum in mari grassari hactenus quidem haud intelleximus; multo etiam minus nobis persuadendum est, tantum robur habere serenitatem ipsam, ut mare ipsum vel cogitat saltem potestatis suae fouere (facere?).

въ настоящей войнѣ совершенной нейтральности. Война, говорили они, вызоветъ дороговизну всѣхъ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ; теперь уже вслѣдствіе каперства любчанъ, союзниковъ Польши, не можетъ быть правильнаго сбыта товаровъ моремъ за-границу. Изъ рукъ Данцига вырываютъ всѣ его преимущества и привилегіи [1]; торговлю на Балтійскомъ морѣ захватили померанскіе города и одни пользуются всѣми выгодами ея; вслѣдствіе настоящей войны всѣ долговые счеты съ Швеціей пріостановлены, кромѣ того Данцигъ не можетъ вернуть изъ Швеціи большаго количества своихъ товаровъ. Еслибы, какъ желалъ король, Данцигъ рѣшился доставить Польшѣ вооруженные корабли для борьбы съ Швеціей, то шведское правительство отнеслось бы къ городу, какъ къ открытому врагу, и положеніе послѣдняго еще бы ухудшилось. Всѣ бѣдствія войны легли бы на одинъ Данцигъ [2]).

Отказъ Данцига примкнуть къ польско-датской лигѣ сильно разгнѣвалъ Сигизмунда и его министровъ; однажды эти послѣдніе заявили, что королю будетъ очень трудно подчинить себѣ ливонскіе города, которые, видя непокорное отношеніе къ польскому правительству прусскихъ городовъ, также будутъ держать себя по отношенію къ королю. Данцигскіе послы, доводя это до свѣдѣнія своего рата, прибавляютъ: „когда мы услышали это заявленіе, мы были вынуждены повернуть страницу и сказать: лишь только ливонцы услышатъ, увидятъ и замѣтятъ, что польское правительство такъ своевольно, деспотично и тираннически обходится съ прусскими городами, они не такъ то легко согласятся подчиниться этому правительству и охотнѣе обратятся за помощью къ другимъ сосѣднимъ державамъ“ [3]).

---

[1]) Von unsern händen abgeschnitten.

[2]) Liber Missivarum 1564. An die Herren Gesandten zu Warschaw, 18 Jan... Zu deme dass auch noch eine mergkliche summa an schuldenn und wahren in Schweden ausstehen darann diese stadt nicht einen geringen schaden erlitten, in deme die schulde gantzer anderthalb ihar, in stehendem kriege vnnd auch woll lenger aneinander aussgestanden vnnd entparenn seindt, auch noch kein hoffnung vorhanden, wie balt die schulde einkommen mugen. Ohne dass auch die handlunge an andere ortere auch gar beschwerlich gehaltenn werden... Solten wir auch ettliche schieffe feindtlich aussreitten, so wurden wir offenttliche feinde, vnnd wurde dass badt vber keine mehr aussgehen alss vber vnns.

[3]) An die Herren Gesandten, 29 Jan. 1563: Das auch der Her Cantzler eingemischet die Lifflender, dass die ein abscheu haben wurden sich der Crone zu vndergeben, dar sie vornehmen wurden, dass die Preussen, deme wass die Polen begeren, nicht gehorsamen wurden. Dess mussen wir das blatt vmbwenden und sa-

Сигизмундъ не могъ помириться съ мыслью, что Данцигъ отказалъ ему въ помощи флотомъ, и посягнулъ съ своей стороны на рядъ привилегій города. Еще въ концѣ 1563 года онъ поднялъ вопросъ о привилегіяхъ прусскихъ городовъ; онъ тогда уже рѣшилъ подвергнуть ихъ новому разсмотрѣнію и велѣлъ свезти въ Петроковъ всѣ оригиналы привилегій и вольностей ихъ; король все клонилъ къ тому, чтобы эти привилегіи урѣзать и всецѣло подчинить себѣ прусскіе города. Прусская унія занимала его не менѣе литовской; какъ скоро мы покончимъ съ послѣдней, говоритъ канцлеръ короля, необходимо приняться за первую.

На частныхъ аудіенціяхъ, дававшихся данцигскимъ депутатамъ, вопросъ о привилегіяхъ не принималъ такого остраго характера; человѣкъ безъ твердой воли, нерѣшительный, Сигизмундъ игралъ въ двойную игру и на частныхъ аудіенціяхъ являлся совершенно инымъ, нежели на общественныхъ, публичныхъ. Здѣсь онъ любилъ показать себя королемъ самодержцемъ, любилъ импонировать на пословъ и, такъ сказать, внѣшнимъ величіемъ поразить ихъ.

Съ начала 1564 года Сигизмундъ сталъ было урѣзывать у Данцига привилегію за привилегіей, но это оказалось не такъ-то легко. Городъ каждый разъ протестовалъ, завязывались сложныя отношенія, и король успѣлъ только отчасти достигнуть своихъ намѣреній; прежде всего Сигизмундъ посягнулъ на права Данцига чеканить свою особую монету; затѣмъ, заподозривъ Данцигъ въ желаніи передаться подъ покровительство чужеземнаго государя и отдѣлиться отъ Польши, онъ обвинилъ его въ crimen laesae maiestatis [1]). Къ Фридриху II Сигизмундъ обращался съ просьбой пропускать черезъ Зундъ только тѣ корабли Данцига и другихъ прусскихъ городовъ, которые будутъ снабжены польскими паспортами. Этою мѣрою онъ желалъ нѣсколько обогатить свою скудную казну—за паспорты онъ назначилъ бы цѣны по своему личному усмотрѣнію. Фридрихъ II къ счастью для прусскихъ городовъ не принялъ этого предложенія Сигизмунда [2]).

Изобрѣтательность польскаго короля не истощалась этими мѣрами; вскорѣ уже онъ далъ на откупъ нѣкоему Граевскому 22.000 ластовъ

gen, dar die Lifflender hören, sehen und mercken werden, das man so tobende, wuttende und tyrannisch mit unss Preussen handelt, das sie viel mehr ein bedencken werden haben, sich der Crone zu vndergeben, sonder die hulff anderswohe suchen.

[1]) Ср. *Gralath*, II, 143.

[2]) Acta Intern. IX, vol 15. Clefeldt и Behem Данцигу, 21 янв. 1564.

соли, съ тѣмъ чтобы распродавать ее по всему королевству и нанести подрывъ прусскимъ городамъ; рядомъ съ этою мѣрою онъ запретилъ ввозъ соли изъ Пруссіи въ Польшу. Великой Польшѣ и Мазуріи онъ далъ право за извѣстный денежный взносъ въ казну задержать всю иностранную соль, привозимую въ Пруссію и распродавать ее затѣмъ въ предѣлахъ польскаго королевства. Сдѣлалъ Сигизмундъ и попытку монополизировать торговлю воскомъ, но это ему не удалось. Единодушно возстали всѣ прусскіе города и противъ намѣренія короля перевести Леслаускую таможню въ Куявіи въ Грауденцъ, съ тѣмъ, чтобы по своей волѣ взимать пошлины со всего транспорта по Вислѣ. Приходили еще вѣсти въ Данцигъ о намѣреніи Сигизмунда отдать данцигскую таможню на откупъ евреямъ; послѣдніе замѣтно сближались съ королемъ и давно уже предлагали ему, если вѣрить донесеніямъ данцигскихъ пословъ, огромную сумму денегъ за аренду пошлинныхъ сборовъ въ Ковнѣ[1]).

Этимъ дѣло не ограничилось; вскорѣ король назначилъ новую подать со всѣхъ доходовъ данцигскихъ жителей, присвоилъ себѣ извѣстный процентъ со всего вывозимаго изъ Данцига зерна и требовалъ, чтобы городъ доставилъ ему 20 военныхъ кораблей для его, короля, морскихъ надсмотрщиковъ; городской совѣтъ рѣшительно отвергнулъ два послѣднія требованія и ограничился доставкою въ Польшу 200 центнеровъ пороху.

Таковы были отношенія польскаго правительства къ Данцигу до начала сѣверной семилѣтней войны; эти отношенія еще ухудшаются съ тѣхъ поръ, какъ польскій король запретилъ данцигскимъ купцамъ торговать съ Швеціей и русскими въ Нарвѣ и учредилъ такъ называемыхъ морскихъ сыщиковъ, которые захватывали данцигскіе корабли, конфисковали товары и задерживали экипажъ. Союзъ Польши съ Даніей ухудшилъ и отношенія города къ Фридриху II. Убѣдившись въ рѣшительной нейтральности Данцига, Фридрихъ велѣлъ захватывать ихъ корабли, вводилъ новыя пошлины, нарушалъ привилегіи Данцига, въ силу которыхъ данцигскимъ купцамъ предоставлялось свободно торговать по всему датскому королевству, плавать по всѣмъ датскимъ водамъ безъ стѣсненій или какой-либо задержки со стороны королевскихъ чиновниковъ. Въ первый годъ войны съ Швеціей отношенія къ Даніи еще болѣе ухудшаются; послы Данцига, говорится въ одномъ донесеніи, были такъ враждебно приняты въ Даніи, настроеніе всего общества было такъ сильно возбуждено противъ Данцига, что городъ

[1]) Acta Intern. IX, vol. 13. Vberfeld Данцигу, 21 іюля 1562.

рѣшился на время порвать съ ней всякія сношенія и болѣе не посылать туда своихъ пословъ; всѣ привилегіи города беззаконно нарушаются, жалобъ-же никто не слушаетъ [1]).

Итакъ, попытка Даніи, Польши и Любека склонить къ союзу противъ Швеціи померанскіе города и Данцигъ не удалась, коалиція оставалась тройственной; какъ Даніи, такъ и Швеціи было важно заручиться дружбою нѣмецкихъ князей и главнѣйшихъ европейскихъ государей, французскаго и испанскаго королей; дипломатическія сношенія ихъ были очень оживленныя, и мы имѣемъ полную возможность возстановить эти отношенія, благодаря ряду архивныхъ данныхъ какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ. Мы предпошлемъ имъ обзоръ ливонскихъ событій съ 1561 года, такъ какъ ими эти отношенія главнымъ образомъ и обусловливались.

Положеніе дѣлъ въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ шведской короны было весьма затруднительнымъ; задача, предстоявшая Горну, поставленному во главѣ Ревеля, была не легкая: нужно было возстановить стѣны города [2]), успокоить раздоры партій, уплатить жалованье роптавшимъ наемникамъ; сильную нужду терпѣли крестьяне, хлѣба не было, цѣны на всѣ продукты были очень высоки. Чтобы выйдти изъ такого затруднительнаго положенія, Горну нужны были деньги, доставкою которыхъ шведское правительство поневолѣ медлило: занятіе Ревеля поглотило громадныя суммы. Король предписывалъ Горну дѣйствовать въ Ливоніи наступательно, въ особенности онъ настаивалъ на занятіи Падиса, чтобы предупредить занятіе этого города Магнусомъ.

Опасаться поляковъ, имѣвшихъ свои гарнизоны въ Падисѣ, Виттенштейнѣ и другихъ городахъ, было нечего, такъ какъ войска ихъ, по отзыву самого Горна, представляли изъ себя на скоро набранныя шайки пограничныхъ литовскихъ крестьянъ, плохо вооруженныхъ и совершенно не дисциплинированныхъ; кромѣ того у поляковъ были постоянныя ссоры и столкновенія съ кнехтами Ольденбокума. Горнъ надѣялся переманить Ольденбокума на свою сторону, но нашелъ въ немъ вѣрнаго сторонника Польши. Любопытно, какъ расходились политическія комбинаціи Горна и Эрика XIV. Послѣдній вполнѣ пола-

[1]) Данциг. арх. Lib. Missiv., 1564.

[2]) 31-го августа 1562 года Эрикъ XIV обратился къ Ревелю съ просьбою взять на себя расходы по возстановленію собора и городскихъ стѣнъ: ein jeder sonderlich jährlich 300 Tagewerke thue bis so lange dass die Befestigung allerdings fertig und vollendet sei. *Bunge* und *Toll*. Est und Livl. Brieflade, 2, 5.

гался на дружбу русскихъ, питалъ непримиримую вражду къ Польшѣ; Горнъ же былъ того мнѣнія, что для Швеціи необходимо сближеніе съ Польшей, союзъ съ нею для борьбы съ русскими, врагами всего христіанства. Эрикъ вообще мало въ комъ находилъ сочувствія къ своей русской политикѣ; онъ и тутъ политическимъ чутьемъ опередилъ своихъ совѣтниковъ: онъ предвидѣлъ будущее могущество своего восточнаго сосѣда-варвара, понималъ, какъ опасно имѣть его своимъ врагомъ. Польша безсильна, слаба, отсюда—прямая выгода союза съ сильнымъ, а не съ слабымъ; союзъ съ Москвой обѣщалъ Швеціи обезпеченіе въ будущихъ предпріятіяхъ ея противъ Польши, съ нимъ связывался рядъ выгодъ политическихъ и торговыхъ; союзъ съ Польшей, гдѣ скоро стали уже утверждаться іезуиты, вовлекъ бы Швецію въ габсбургскій лагерь, противникомъ котораго былъ еще Густавъ I. Тонко и вѣрно предугадывая будущее, Эрикъ цѣлою головою стоялъ выше своихъ современниковъ, радѣвшихъ лишь о выгодахъ данной минуты.

Въ Горнѣ Эрику не нравилась и его заботливость объ интересахъ Іоанна, его стараніе примирить, сблизить обоихъ братьевъ. Интересы ихъ какъ разъ столкнулись въ это время въ вопросѣ о Зонненбургѣ. Іоаннъ предлагалъ начальнику города 80.000 талеровъ, съ тѣмъ чтобы получить его въ залогъ; Эрикъ же чрезъ своихъ приверженцевъ не далъ осуществиться и этому честолюбивому замыслу брата и въ письмахъ къ Горну требовалъ, чтобы онъ занялъ Зонненбургъ. Горнъ рѣшился ничего не предпринимать до окончанія начавшихся между Іоанномъ и Польшей переговоровъ, и если онъ 8-го сентября занялъ Падисъ, то только изъ опасенія, чтобы его не заняли датчане. Съ радостью онъ ухватился за желаніе Кетлера заключить съ Швеціей временное перемиріе. 14-го октября оно было заключено на два съ половиною мѣсяца, до Рождества 1561 года. Этотъ фактъ былъ совершенно противенъ всей активной политикѣ Эрика, и Горнъ оправдывалъ свой поступокъ желаніемъ возстановить добрыя отношенія между королемъ и его братомъ, и тѣмъ, что въ инструкціи къ нему короля *запрещалось* нападать на тѣ крѣпости, въ которыхъ находились польскіе гарнизоны [1]).

Весною 1562 года въ Швеціи шли усиленныя приготовленія для новаго похода въ Ливонію; туда свозили провіантъ, переправляли войска; за границей дѣлались наборы кнехтовъ [2]). Въ концѣ мая

[1]) Ср. *C. Annerstedt*, 50—52; *Hjärn*, 237.
[2]) Данц. арх., Acta Internunciorum, IX, vol. 13.

Горнъ началъ уже осаду Пернова [1], и по дорогѣ къ этому городу все было предано опустошенію. Шведамъ удалось близъ города захватить съѣстные припасы, шедшіе въ Перновъ по распоряженію польскаго правительства изъ Риги [2]. Городъ продержался всего лишь нѣсколько дней и 1-го или 2-го іюня (день въ точности неизвѣстенъ) сдался шведамъ. Эрикъ XIV подтвердилъ за нимъ его привилегіи, подарилъ жителямъ 10.000 рижскихъ марокъ, снабдилъ ихъ оружіемъ и другими военными снарядами.

Осенью того же года Горнъ осадилъ Виттенштейнъ [3]. Городъ былъ хорошо укрѣпленъ, и шведамъ пришлось повести правильную осаду; осажденные съ большимъ мужествомъ отражали всѣ приступы шведовъ, они твердо надѣялись на помощь польскаго короля. Но помощь по обыкновенію запоздала, и штатгальтеръ Виттенштейна Іоаннъ Гролль, вслѣдствіе совершеннаго недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, долженъ былъ сдать городъ шведамъ. Эрикъ XIV щедро наградилъ своихъ воиновъ [4]. Послѣ такой неудачи Сигизмундъ II Августъ рѣшилъ вернуть себѣ Перновъ; польскія войска, присланныя сюда, простояли нѣсколько времени у города, безуспѣшно вызывая шведовъ на открытую битву; послѣ этого, все опустошая и сжигая на своемъ пути, они вернулись обратно [5].

---

[1]) 28-го числа, Псковская лѣтопись, 314; *Renner*, 348 и д., *Hiärn*, 239 и 244, *Fabricius*, 124, *Henning*, 35, *Rüssow*, 128.

[2]) Дрезд. арх. Посольство Сигизмунда II въ Копенгагенъ, 26-го окт. 1562.

[3]) У него было 1.500 всадниковъ, 5.000 ландскнехтовъ, 8 пушекъ. Копенг. архивъ. Ahnn Joh. Szögen (Szoye?) meinem liebenn Hausswirth—Gerdruth Stachelberch. 1562. Freitags vor Mariengeburth. Kokenhausen.... Dass Wittenstehn noch belagert und umb und umb beschantz, das hauss aber sol mit aller notturft wol besorgt sein. Dass sollen 500 pferde jhn der Parnow liggen, so der Pole vort iäge, sollen sie mitt nach Wittenstehn rücken (?), und sol 8 stuck grossen geschütz dafür haben. *Анкерстедтъ*, 120, говоритъ, что у него было 4.000 нѣмецкой и финской конницы.

[4]) *Russow*, 128; ср. *Gotheborgs Magazin*, 1760, № 5.

[5]) Копен. арх. Joh. Szoye zu Erbstuer (?) an Ditrich Behren (штатгальтеръ Фридриха II въ Лифляндіи), Herlof Trollen zu Herlofholen Rittern und Albrecht Kuopert (докторъ правъ, посолъ Фридриха II въ Лифляндіи), Soneburg, 6 Sept. 1562. Neues ist hier sonst nichts besondern, dass der Pole bei der Pernaw vor 4 oder 5 tagen die schwedische Reuter und Knechte, so mit ein par hundert pferde und hundert hackschutzen den Polen nach der Salis vnter augen getzogen, seindt vergangen Dinstag, wie sie den Polen nicht gefunden, wider in die Pernow gerucket, der Pole aber mitwochs jnen nach Pernow gefolgt, aber sie aus der Stadt sich nicht mehr sehen lassen willen, Ist der Pole wider mit rauben und brennen

Фаренсбекъ писалъ къ Фридриху II, что и шведы, и поляки, и русскіе одинаково опустошаютъ несчастную Ливонію, и трудно отличить друга отъ недруга; каждому хочется вырвать себѣ клочекъ, какъ изъ воза сѣна [1]).

Въ началѣ 1562 года говорили о намѣреніи московскаго царя приступить къ осадѣ Риги или Ревеля, съ тѣмъ чтобы уже окончательно утвердиться на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря [2]). На дѣлѣ—эти слухи оказались весьма преувеличенными; съ тѣхъ поръ какъ Ливонія вмѣсто одного господина получила цѣлыхъ четырехъ, Іоанну Грозному пришлось дѣйствовать нѣсколько осторожнѣе, дабы не вызвать противъ себя союза всѣхъ ихъ; 1562 годъ прошелъ поэтому безъ крупныхъ военныхъ предпріятій; численность военныхъ силъ царя опредѣляется по иностраннымъ донесеніямъ въ 200.000 человѣкъ. Любопытно сравнить съ этими донесеніями признанія русскихъ плѣнныхъ [3]). Въ Виттенштейнѣ шведы допрашивали двухъ изъ нихъ и узнали отъ перваго, что въ Дерптѣ у царя всего 1.500 человѣкъ, въ Нарвѣ и Лаисѣ войска совсѣмъ нѣтъ, въ Вейсенбергѣ не болѣе 100 человѣкъ; на границахъ также немногочисленные отряды; русскіе успѣли занять Павикъ [4]). Второй плѣнникъ сдѣлалъ совершенно схожее съ первымъ показаніе, исключая Лаиса, гдѣ, по его словамъ, было 100 человѣкъ [5]); у Ревеля, сказалъ онъ, рус-

nach dem Weissenstehn, wie man sagt, getzogen, was ferner daraus wirdt, mag die Zeit geben, Dem Schweden ist ein grob stuck, vor Weissenstehn gesprungen vnd vier seine beste Buchsen schutzen vmbgebracht.

[1]) Копен. арх. Lifland. 7, тоже, 8. Didrich Var·nsbeck zu Heymar an den König, Arnspurgh, tages natiuitatis Mariae, 1562.... dan das der Schwede mitt seinem kriegsvolck noch vor Wittensteine ligt vnd gehet die eigentliche kunttschafft das der Pole mitt seiner vffrustung gleichfals jm vff vnd anzuge sey, der meinung Wittenstein zu entsetzen vnd die Pernow widderumb zuerobern vnd sofort seinen zugk durch Haryen vnd Wirlantt mitt rauben, brennen, dodtschlagen vnd wegfuerung der armen leutte zu nennen, wie ehr dan alleweits (?) vor kurtzen tagen jm gepiet Pernaw jemmerlichen gebrantt, das wir also im Stifft Osell vnd Wiek abermals mitt gefahr vnd sorgen vmbgeben, das wir hir nicht wissen, wem zugetrawen, wer freuntt oder feint ist, doch wollen wir vns zu beidenteilen nicht anders dan alle gutte freunt vnd nachbarschafft vorsehen vnd getrösten auf niemandes zum vnguten vrsach geben...

[2]) Ср. State Papers, Foreign Series, 1866, № 857; ср. тамъ же № 891—письмо къ Елизаветѣ Throckmorton'а изъ Парижа, 16-го февраля.

[3]) Копенг. арх. Lifl. 9. Перваго плѣнника звали Антоніемъ, втораго Петромъ.

[4]) Pawick soll widder an Reuslandt sein.

[5]) Подъ начальствомъ Petro, I(t)ollowitz.

скихъ также нѣтъ, и ему не извѣстно, имѣлъ ли царь въ виду идти къ этому городу [1]).

Осенью этого года русскіе сдѣлали вторженіе въ польскія владѣнія, пожгли 700 городовъ и деревень и отвели многихъ въ плѣнъ; на пространствѣ 50 миль въ длину и 20 въ ширину они все предали опустошенію [2]).

По извѣстіямъ изъ Копенгагена польскій король заключилъ договоръ съ Татарами, съ тѣмъ чтобы они вторглись въ Россію и опустошали московскія границы [3]); въ октябрѣ самъ король рѣшился выступить противъ русскихъ [4]); о результатѣ его похода мы, однако, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Въ бо́льшихъ размѣрахъ задуманы были военныя предпріятія Грознаго въ слѣдующемъ 1563 году. Ему теперь было ясно, что самый опасный врагъ его въ Ливоніи Польша; съ Швеціей и Даніей онъ надѣялся дипломатическимъ путемъ уладить свои отношенія: какъ ему, такъ и скандинавскимъ государямъ одинаково нежелательно было утвержденіе Польши на Балтійскомъ морѣ. Кромѣ того отъ наблюдательнаго царя не могла укрыться взаимная вражда Даніи и Швеціи, которая вполнѣ обезпечивала его съ ихъ стороны и, мало того, необходимо приводила къ союзу съ однимъ изъ этихъ государствъ.

Въ началѣ 1563 года многочисленное войско русскихъ приступило къ осадѣ Полоцка; осада продолжалась около трехъ недѣль и окончилась полнымъ торжествомъ для русскихъ. Первые приступы ихъ, три или четыре, были отбиты; тогда они подвели подъ городскія стѣны подкопы, и часть деревянной стѣны была взорвана. До начала послѣдняго штурма осажденнымъ предложили сдаться на милость царя; имъ дали два дня срока для размышленія. Этимъ временемъ они воспользовались, чтобы возстановить разрушенную часть стѣны. Когда это дошло до свѣдѣнія русскихъ, военачальники отрядили 40.000 татаръ для опустошенія окрестныхъ областей. Послѣдній, седьмой штурмъ рѣшилъ участь города:

---

[1]) Villicht moge noch ein vorsamlung nachuolgen oder vorhanden sein, aber jhm unbewusst.. auch ob derselbe mher volck vorsammelich oder nicht. Къ этому времени относится и извѣстіе изъ Любека о большомъ пожарѣ въ Псковѣ, гдѣ у царя хранились 72 бочки пороху.

[2]) State Papers, Foreing Series, 1870, № 1765.

[3]) Копенг. арх. Lifl. 14.

[4]) Данц. арх.

15-го февраля городъ перешелъ въ руки московскаго царя. Жители, въ числѣ которыхъ были и взятые въ плѣнъ литовскій воевода и католическій епископъ, были отправлены въ Москву, городъ предали разграбленію, католическія церкви разрушили, монаховъ избили, евреевъ потопили въ Двинѣ. Защитники же Полоцка, 500 человѣкъ, были отпущены на свободу и щедро одарены московскимъ царемъ [1]). Іоаннъ Грозный высоко цѣнилъ свое новое пріобрѣтеніе, открывавшее ему богатые источники для торговли. Его подданнымъ стало доступно

---

[1]) Силы русскихъ при осадѣ Полоцка передавались различно. Heinrich Falckner въ своемъ донесеніи Данцигу изъ Ковны, 2-го марта 1563 года, говоритъ, что русскихъ было 300.000. Данц. арх. Acta Intern. IX, vol. 14. Urkundensammlung того же архива. CXVI. C. 25509. Псковская лѣтопись. Ср. Разрядную книгу Полоцкаго похода царя Іоанна, въ 4-мъ томѣ „Витебской Старины" (1885). См. *Schiemann*, II, 310. Наши акты, № 33. Очень любопытно: ***Warhaftige vnnd Erschreckliche Zeitung, von dem grausamen Feynd dem Moscowiter. 1563.*** (Съ изображеніемъ осады города). Мюнх. библ., Eur. 339—45. Приводимъ этотъ документъ:

Der Moscowiter ist vor wenigen Wochen dem König von Polen in das Land gefallen, vnnd hat ain Festunge, Polotzki, oder Pleski genannt, so in Littawen, sechtzehen Meylen von der Wilde gelegen, mit grosser gewalt inn dem sechsten Sturm erobert, die Statt gantz vnnd gar gleich der Erden hinweg gebrandt vber zwaintzig tausent Menschen jämmerlich zurhacken vnd erwürgen lassen. Vnnd ist die Tyranney nicht ausszusprechen, so er an Frauwen vnd Jungkfrauwen, auch an jungen Kindern hat üben lassen. Er hat inn die sechtzig tausent Menschen auss denen daselbt angelegenen vnnd anstossenden örtern in die Mosche getriben die Frauwen vnnd Jungkfrauwen alle entblösset, vnnd also nacket gebunden vnnd gefange hinweg treiben lassen, Darunder der Woywoda oder Hauptmann sampt seinem Weibe, denen er das Leben geschencket, auch gewesen.

Vnd ist in den selbigen Landen ain sollicher schrecken, dass der fürnemeste Fürste in Littawe, Herr Niclaus Radzauil gennant, auss seinem Fürstenthum geflohen, vnnd dasselbige gar verlassen hat.

Nach sollichem Sieg ist der Barbarische greüwliche Feind mütiger worden, vnnd eylet stracks auff ain andere Statt in Polen, Kioff genannt, welche am Wasser Borischenes genannt gelegen ist, damit er den Polen des orts, die Proviant entziehe, vnnd die armen Leute also weyter bezwinge, vnnd in seine Gewalt bringe.

Er hat auch also bald viertzig tausent Tatern (denn er der selbigen sechtzig tausent bey sich hat) auff die Wilde geschickt, welche auff zwölff Meyl wegs lang, zur Statt zü, alles mit feur vnnd Mord verheeren und verwüsten. Der mainung, sich hernacher gleicher gestalt an dieselbigen Festungen zumachen.

Vnder andern erschröcklichen Zeytungen zu entbieten, hat er dem König von Polen anzaygen lassen, Das er einen Todten Sarck bey sich fuere, vnnd wölle nit ehe fride halten, es were denn dess Königs von Polen, oder sein aygen Haupt inn denselbigen Sarck, so von Silber gemacht sein soll, gelegt.

движеніе по Западной Двинѣ, въ его власти находился городъ, чрезъ который проходила вся торговля юго-западной Руси и Польши. Онъ велѣлъ тремъ своимъ воеводамъ—Шуйскому и двумъ Оболенскимъ укрѣпить городъ и удалить изъ него всѣхъ ненадежныхъ и подозрительныхъ. Въ Москву царь совершилъ свой въѣздъ съ такимъ же тріумфомъ, какъ послѣ Казанскаго похода; на встрѣчу вышло духовенство, привѣтствовавшее его со взятіемъ еретическаго города. „Въ ихъ глазахъ знаменательный фактъ 15-го февраля являлся побѣдою православія надъ западною ересью, политическое же значеніе его ускользнуло отъ ихъ вниманія".

Вѣсть о паденіи Полоцка какъ громомъ поразила Вильну. Беззащитный городъ опасался приближенія къ стѣнамъ своимъ побѣдителей русскихъ, уже предавшихъ мечу и огню всю мѣстность на 12 миль отъ города. Оказать русскимъ сопротивленіе Вильна была не въ состояніи, и московскій князь, говорили тогда, въ два дня могъ бы покорить себѣ этотъ городъ. Отъ Польши помощи не приходило.

Во всѣхъ своихъ неудачахъ польское правительство, горько оплакивавшее, по выраженію данцигскихъ пословъ, паденіе Полоцка, обвиняло прусскіе города и въ особенности Данцигъ, не доставившіе ему обѣщанной помощи. Не то было при Сигизмундѣ I,—слышалось при дворѣ польскаго короля,—не такъ дѣйствовали тогда союзники Польши! Они всѣмъ жертвовали, дабы отстоять честь и интересы королевства. Сигизмундъ II Августъ, пишутъ данцигскіе послы изъ Польши, рѣшился за безучастное отношеніе къ себѣ Данцига дать ему такой

Seine macht, damit er yetze anzeühet, ist vber zwaymal hundert tausent vnd sechtzig tausent Mann.

Von disem schräcklichen Feynde meldet der haylige Prophet Dauid inn seinen Psalmen, vnd lasset sich ansehen als wurde er der sichern Welt Rütte sein von der er etlich Jar her, vnbetrachtet, seiner grausamen gewalt vnnd wüterey, ist verachtet worden. Der Allmächtige Gott wölle jm gnädigklich seines wütens wehren.

Derhalben lasst vns zü Gott vnserm Vatter bekeren, vnd sprechen: Wir haben gesündiget, vnrecht gethon, seind Gottloss gewesen, vnnd abtrünig worden. Wir seind von deinen Gebotten vnnd Rechten gewichen, Aber du bist barmhertzig, darumb sey vns gnedig vnnd straffe vns du selbs.

Vnnd dieweil wir dich erkennen, so übergib vns nicht den Hayden, die dich nicht kennen, dass sie sich nicht rhümen vnnd sprechen: Wa ist nun jhr Gott.

Das verliehe uns durch Jhesum Christum deinen lieben Son, vnseren ainigen Mitler vnd Seligmacher, Amen.

(Слѣдуетъ виньетка).

Gedruckt zü Augspurg, durch Mattheum Francken.

урокъ, который всѣ лѣтописцы внесутъ въ свои хроники [1]). Руссовъ, оканчивая повѣствованіе о паденіи Полоцка, говоритъ, что потеря Полоцка была вполнѣ заслуженною для Польши: противозаконно занявъ Ливонію, она должна за это нести убытки и потери; это достойное возмездіе!

Потеря Полоцка сильно подѣйствовала на Сигизмунда II. По отношенію къ Россіи онъ теперь желалъ одного: заключить временное перемиріе съ царемъ, чтобы выиграть время и поднять на него татаръ и скандинавскихъ государей. Перемиріе дѣйствительно было заключено до 6-го декабря [2]). Переговоры же о мирѣ ни къ чему не привели [3]).

Еще въ началѣ года литовскіе вельможи завели рѣчь объ этомъ, но московскіе бояре отказали имъ, мотивируя это тѣмъ оскорбительнымъ обхожденіемъ, какое себѣ позволилъ польскій король относительно ихъ государя, когда тотъ просилъ руки королевны Екатерины [4]). Во второй разъ польскіе послы также были очень недружелюбно встрѣчены въ Москвѣ, такъ какъ тамъ изъ одного перехваченнаго письма Сигизмунда къ Эрику XIV знали уже о замыслахъ

---

[1]) Данц. арх.... Sie wolte ann vns Preussen solch ein Exempell statuiren, dass man in den Cronicis dauon schreibeun solte.

[2]) „Der Friedestandt zwischen Poellen vnd dem Muscowitter ist gewiss". Graf von Näwgarten an August v. Sachsen, 8-го октября (Дрезд. арх.). Ср. объ этихъ переговорахъ *Оболенскій и Даниловичъ*, Книга Посольской Метрики Вел. Кн. Литовскаго, 1843, 227 и д.

[3]) Сигизмундъ II Августъ съ дипломатическою виртуозностью итальянца конца XV столѣтія поставилъ себѣ цѣлью—сначала склонить Грознаго сосѣда къ выгодному для себя миру обѣщаніемъ ему всевозможныхъ уступокъ, согласіемъ на брачный союзъ и т. д. Эти переговоры онъ тянулъ нѣсколько лѣтъ, стараясь въ то же время объ анти-московской коалиціи то съ Швеціей, то съ Даніей, то, наконецъ, съ крымскимъ ханомъ; король думалъ, что всѣ эти мѣры его неизвѣстны царю, и послы его расточались въ восхваленіяхъ миролюбія короля, его отвращенія отъ кровопролитія, его отеческой заботливости о судьбѣ несчастныхъ ливонцевъ и т. д. Вѣроятно, сильно было смущеніе Сигизмунда, когда Іоаннъ Грозный раскрылъ передъ нимъ его двуличную политику. „Это ли брата нашего правда, что ссылается съ шведскимъ на насъ; а то брата нашего правда ли? и намъ пишетъ, что лифляндская земля его вотчина, а къ шведскому пишетъ, что онъ вступился за убогихъ людей, за завоеванную и опустошенную землю: значитъ это уже не его земля. Братъ нашъ къ шведскому пригоже ли такое укорительное слово пишетъ, что москвичи христіанскіе враги, что съ ними нельзя постояннаго мира, дружбы и союза имѣть?"

[4]) Данц. арх. 6-го февраля 1563. Петроковъ,.... auch so het er seynenn pauren vnd stalknecht mehr geachtet als aller Rewssen Keyser.

польскаго короля—поднять на Москву шведовъ. При переговорахъ о мирѣ съ Ходкевичемъ московскіе бояре выставили условіями мира—уступку Россіи Волыни, Подоліи и Галиціи; на этихъ условіяхъ они, однако, не долго настаивали и выставили новыя—уступить Россіи всю Ливонію и Полоцкъ. Переговоры о мирѣ ничѣмъ не окончились, и война вспыхнула съ прежнею силой. Стали говорить о намѣреніяхъ Грознаго пойдти на Ригу съ 200.000 войскомъ, а остальныя силы направить на Кіевъ и Вильну. У Польши не было никакихъ средствъ для успѣшнаго веденія войны; въ этомъ государствѣ все поглощалось другими вопросами, религіозными, соціальными и національными; на очереди стоялъ вопросъ о ревизіи правъ, объ уніи съ Литвой, объ отношеніяхъ къ прусскимъ городамъ; внутри самой Польши происходили смуты, вслѣдствіе раздоровъ между собою шляхты и епископовъ.

Въ то время какъ русскіе такъ успѣшно дѣйствовали на Двинѣ, шведы старались упрочить свое положеніе въ сѣверной Эстляндіи и расширить свою территорію насчетъ Іоанновыхъ и Магнусовыхъ владѣній. Въ началѣ 1563 года силы шведовъ были довольно значительны, въ ихъ распоряженіи были 907 нѣмецкихъ всадниковъ и 2.476 кнехтовъ. Начавшаяся въ половинѣ этого года война съ Даніей вызвала необходимость сосредоточить всѣ военныя силы на западѣ, поэтому въ Ливоніи число воиновъ было значительно сокращено. Такъ мы знаемъ, что при осадѣ шведами Гапсаля у нихъ было всего 450 человѣкъ; въ концѣ 1563 года общая численность войска умножилась и достигла 4.400 кнехтовъ и 900 всадниковъ [1]).

Эрикъ сознавалъ громадную важность своего восточнаго пріобрѣтенія и поэтому ничего не жалѣлъ, чтобы только удержать его за собою и по возможности расширить; онъ рѣшился дѣйствовать въ Ливоніи теперь въ союзѣ съ Христофоромъ мекленбургскимъ, ех-коадъюторомъ рижской архіепископіи, вернувшимся въ Ливонію послѣ смерти Вильгельма 4-го февраля 1563 года [2]). Эрикъ думалъ обратить рижскую епископію въ вассальное княжество, поставить во главѣ его Христофора, женивши его на своей сестрѣ, и потребовать отъ него

---

[1]) Ср. *Cl. Annerstedt*, 121.

[2]) *Lisch*. Ср. Флор. арх. Di Petracovia, 27 Febr. 1562. *Wieselgren*, Delagardiska Archivet, 170, письмо Эрика Нильсу Стуру, 20-го ноября 1562 г. Ср. Данц. арх. Донесеніе Данцигу изъ Петрокова, 6-го февр. 1563: Hertzog Christoff ist aus Schweden in Lyfflant ankommen mit 1.000 Rewtern vnd etzlichen fuesvolck hat Koggenhawsen, welches vnser her einhelt berennet.

ленной присяги себѣ. Нерѣшительность и постоянныя колебанія Христофора, воспитанныя въ немъ его матерью, и теперь, какъ раньше, тормозили всякое дѣло; онъ не былъ способенъ ни создать плана, ни держаться разъ поставленной политической системы. Сначала, ободренный обѣщаннымъ содѣйствіемъ Швеціи, онъ вошелъ въ переговоры съ Ригою, надѣясь мирнымъ путемъ вернуть себѣ прежнюю должность коадъютора; говорятъ, сносился даже съ русскими, чтобы вмѣстѣ дѣйствовать противъ поляковъ, но, разумѣется, потерпѣлъ полную неудачу [1]). Эрикъ XIV тогда далъ приказаніе своему военачальнику въ Ливоніи Шарлю де Морнэ съ тяжелой артиллеріей вступить въ предѣлы рижскаго епископства. Всѣ ожидали правильной осады Риги; но Морнэ вынужденъ былъ скоро отступить, такъ какъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны рижанъ. Христофоръ въ это время находился въ южной Ливоніи, въ Трейденѣ; отсюда онъ отступилъ еще болѣе на югъ, чтобы быть ближе къ Ригѣ и имѣть возможность слѣдить за ходомъ событій и сталъ лагеремъ на Двинѣ при городѣ Даленѣ [2]), въ двухъ миляхъ отъ Риги. Здѣсь его окружили войска Кетлера, которому Сигизмундъ II поручилъ командованіе надъ всѣми военными силами, предназначенными къ войнѣ съ шведами. Силы поляковъ были не очень значительны — 1.000 всадниковъ, столько же стрѣлковъ, 2.000 наемныхъ рейтеровъ, 2.000 легкой польской конницы и небольшое число пѣхотинцевъ. 3-го августа Христофоръ сдался въ плѣнъ Кетлеру [3]) и оставался плѣнникомъ цѣлыхъ шесть лѣтъ. Въ Трейденѣ поляки и нѣмцы нашли 100.000 талеровъ, которые, по мнѣнію Сигизмунда, были доставлены коадъютору Эрикомъ XIV [4]).

Итакъ, попытка Эрика въ союзѣ съ Христофоромъ утвердить свое вліяніе въ Ригѣ не увѣнчалась успѣхомъ, что, впрочемъ, не

---

[1]) Коп. арх. О Христофорѣ: „hand er bidri suensk end pollisk". Затѣмъ: „thet ladir sig anssie att thir wiill bliffue en inderlige krij emillom hertug Christoffer och thet stifft Riische. och thitt ganske Capittelle, thij thet ganske stiffte er hertug Christoffer inthit till neyjtth".

[2]) Дрезд. арх. Grafen vnd Herren Sachen, Graf von Newgarten an August von Sachsen, 28 Aug. См. Акты, № 18. Ср. *Gadebusch*, 22.

[3]) Данц. архивъ.

[4]) *Lossius*, I, 73 говоритъ: Христофоръ могъ бы сдѣлаться наслѣдникомъ Вильгельма, еслибы оставался вѣренъ Польшѣ, но архіепископскому сану съ целибатомъ и зависимостью отъ Польши онъ предпочелъ союзъ со Швеціей, обѣщавшій ему титулъ эрцгерцога Ливоніи и руку одной изъ шведскихъ принцессъ. Ср. *Fahne*, 144 и д.

смутило Эрика: онъ надѣялся на лучшій успѣхъ въ другихъ пунктахъ Ливоніи—на Эзелѣ и въ южной Эстляндіи. Генриху Классону Горну онъ предоставилъ 500.000 марокъ для веденія войны, онъ предписалъ ему съ 1.000 всадниковъ и 6.000 пѣхотинцевъ присоединить къ шведскимъ владѣніямъ всѣ города, которые принадлежали плѣненному коадъютору, а именно: Лемзаль, Кремонъ, Трейденъ, Розенбекъ, Гохросенъ, Гроссъ Роопъ и Салисъ [1])—всѣ къ сѣверу отъ Двины, затѣмъ и шесть крѣпостей, данныхъ Сигизмундомъ II въ залогъ Іоанну финляндскому; наконецъ, Горну было предписано начать осаду Эзеля. Такова обширная программа, предложенная Эрикомъ XIV Горну. Дѣятельный, энергичный, страстный король всегда требовалъ точнаго исполненія данныхъ имъ предписаній; хотя такая обширная задача при тогдашнемъ положеніи дѣлъ была и трудно выполнима, но отъ этого еще далеко до того, чтобы эти планы и предписанія Эрика считать свидѣтельствами политическаго легкомыслія, политической незрѣлости его, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки. Двѣ части военной программы короля были рѣшительно необходимы, а именно занятіе Іоанновыхъ владѣній въ Ливоніи и осада Эзеля; первое было и легко достижимо, такъ какъ Іоаннъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, находился уже въ рукахъ Эрика и не имѣлъ никакой силы; второе также было возможно, такъ какъ у Швеціи были значительныя морскія силы, часть которыхъ съ успѣхомъ могла быть отправлена на Эзель. Третья часть программы—захватъ владѣній Христофора мекленбургскаго—дѣйствительно представляла большія затрудненія, такъ какъ Польша и Курляндія лежали слишкомъ близко къ нимъ, да и для Риги вопросъ объ утвержденіи по правую сторону Двины шведскаго вліянія былъ вопросомъ жизненнымъ, и городъ этотъ ради предотвращенія великой опасности готовъ былъ забыть о своихъ личныхъ выгодахъ и соединиться съ Кетлеромъ и Польшей.

Война съ Магнусомъ началась еще въ іюлѣ; мѣсто Шарля де Морнэ тогда занялъ Оке Бенгтсонъ Ферла. Его дѣйствія и были главнымъ образомъ направлены противъ брата датскаго короля; съ послѣднимъ началась уже война, поэтому Эрикъ и рѣшилъ сосредоточить все вниманіе своихъ военачальниковъ на Магнусѣ. Эрикъ не только хотѣлъ захватить его владѣнія, но имѣлъ въ виду овладѣть самимъ герцогомъ. Любопытно, что на ростокскомъ съѣздѣ (о которомъ мы подробнѣе скажемъ на своемъ мѣстѣ), гдѣ нѣсколько нѣмец-

---

[1]) *Claes Annerstedt*, 121.

кихъ князей сдѣлали попытку примирить несогласія обоихъ скандинавскихъ государей, Эрикъ предписалъ своимъ посламъ не включать въ мирный договоръ Магнуса раньше, чѣмъ онъ не поклянется въ вѣрности Эрику и не согласится служить его интересамъ въ Ливоніи [1]).

Въ концѣ іюля Бенгтсонъ напалъ на Гапсаль и, не смотря на свои незначительныя военныя силы, онъ послѣ недѣльной осады взялъ городъ. Шведы соорудили шанцы, три дня безпрерывно обстрѣливали городъ, и 7-го августа жители Гапсаля рѣшились уже сдаться; среди нихъ были и совѣтники Магнуса, домгерры и дворяне Викена, Дерпта и Вирланда. Шведы предали городской соборъ безпощадному раззоренію, они расхитили изъ него все до дароносицъ, образовъ и чашъ; колокола были отправлены въ Ревель, гдѣ изъ нихъ вылили пушки. Канониковъ выгнали изъ города, и солдаты размѣстились въ ихъ домахъ. Окрестности города также были преданы самому безчеловѣчному раззоренію; у крестьянъ были уведены лошади и весь скотъ, и, по словамъ Руссова, несчастные должны были сами впрягаться въ плуги для обработки выжженныхъ полей. Протестанты ликовали по случаю раззоренія Гапсаля — этого гнѣзда папистовъ. За Гапсалемъ палъ Леаль и Каркусъ. Весь Викенъ былъ выжженъ и раззоренъ шведами [2]); они хотѣли, чтобы отъ поляковъ ихъ отдѣляла пустыня.

Настала очередь доносить и о вандализмѣ шведовъ, превосходившихъ своею жестокостью русскихъ [3]).

Главныя силы поляковъ были сосредоточены въ это время въ Ковнѣ; отсюда они сдѣлали удачное нападеніе на Даленъ; счастливо отстояли поляки и городъ Лоде, осажденный Бенгтсономъ; попытка же ихъ взять Ревель, гдѣ среди жителей стало обнаруживаться сильное недовольство шведскимъ правительствомъ, не удалась, не

---

[1]) Взаимныя отношенія Эрика и Магнуса выясняются изъ слѣдующихъ словъ одного Копенгагенскаго донесенія: „Konghin aff Suirrig sigger sig at haffue thin jurissdictz offuir Riffuill stifft, at hand maa sette enn biscop thir ind, huem hand wiill, oc epthr thij at *min herri* (Магнусъ) icke nu paa andert aar haffuir bisögt hannom, epthr sinn confirmation wid hand icke hilder at bekende min herre for noggen biscop till thitt stifft Riffuill".

[2]) Feindtlich vberzogen, verheret, verdorben, endtlich das Hauss Hapsel belegert, beschantzt vnnd bei dreien Tagen beschossen.

[3]) Wulff Фридриху II. Копенг. арх. Ср. *Busse*, 23. *Fabricius*, 447. Эзельскій капитулъ Фридриху II, Копенг. арх. Lifland, 5. Данц. арх., Urk. Sammlung, CXVI, C. 25509. *Renner*, 351; *Russow*, 131 и д. *Hjärn*, 247. *Richter*, II, 10. См. *Lossius*, I, 66, опирающійся на архивныя данныя фамиліи Фиккель.

смотря на то, что въ городѣ ощущался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и цѣны на всѣ продукты стояли небывало высокія [1]). Кетлеръ имѣлъ рядъ столкновеній со шведами и отнялъ у нихъ нѣсколько осадныхъ орудій, украшавшихъ его торжественный въѣздъ въ Ригу. Первые успѣхи курляндскаго герцога придали ему бодрости, и онъ сдѣлалъ попытку отвоевать у шведовъ Перновъ. Съ четырьмя отрядами нѣмецкихъ всадниковъ и двумя отрядами наемныхъ кнехтовъ, къ которымъ присоединилось 800 татаръ и поляковъ, онъ въ продолженіе трехъ недѣль велъ осаду Пернова, но безъ успѣха и долженъ былъ отступить: осажденные дѣлали удачныя вылазки, да и городъ былъ прекрасно укрѣпленъ. Эта неудача была смягчена занятіемъ Леаля, на который Кетлеровы кнехты и рейтеры сдѣлали нечаянное нападеніе. Но и этотъ городъ не долго оставался въ его власти: оправившись отъ нечаяннаго нападенія враговъ, шведы, собравъ всѣ свои военныя силы, заставили Кетлера возвратить имъ Леаль. Въ виду наступленія осени Кетлеръ рѣшился отступить въ Курляндію. Шведы успѣли въ концѣ года занять Лоде, предполагавшаяся же высадка на Эзель не состоялась; флотъ шведскій потерялъ нѣсколько кораблей въ данцигскомъ рейдѣ [2]).

Намъ остается еще прослѣдить судьбу тѣхъ городовъ, которые были уступлены Польшею Іоанну финляндскому. Эти города представляли для владѣтеля ихъ, Іоанна, самое непрочное владѣніе уже по географическому положенію своему: они были отдалены отъ моря и находились на слишкомъ большомъ разстояніи отъ Финляндіи; сообщеніе съ ними было возможно только черезъ ливонскія владѣнія Эрика XIV, или мимо Феллина, занятаго русскими. Потративши 14.000 талеровъ на укрѣпленіе ихъ, Іоаннъ назначилъ штатгальтеромъ ихъ Іоанна Артца, называвшаго себя графомъ Артцомъ [3]).

Сначала отношенія Іоанна къ губернатору Ревеля Горну были еще такъ дружественны, что ему нечего было опасаться враждебныхъ дѣйствій со стороны Горна. Но всякое сближеніе Іоанна съ Эрикомъ было нежелательно для Сигизмунда, умѣвшаго также иногда быть коварнымъ. Породнившись съ Іоанномъ финляндскимъ, Сигизмундъ II Августъ стремился въ своей ливонской политикѣ поддерживать постоянную вражду между обоими Вазами. Возможность сближенія двухъ братьевъ соперниковъ страшила его, рисуя въ вообра-

---

[1]) Данц. арх.

[2]) Дрезд. арх.

[3]) *Renner*, 349 и д. *Girs*, II, 29.

женіи короля непреодолимую силу. Лишь только въ душу Сигизмунда пало подозрѣніе относительно шведскихъ симпатій его зятя, какъ Кетлеру дано было приказаніе пріостановить подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Іоанновы владѣнія. Такимъ образомъ, владѣнія герцога финляндскаго оказались въ положеніи совершенной изолированности. Польша отказалась помогать ему. Эрикъ же изъ вражды къ Польшѣ и въ виду сепаративныхъ тенденцій своего брата, родственника Ягеллоновъ, далъ своему губернатору въ Ревелѣ приказаніе открыть враждебныя дѣйствія противъ Артца.

Большой опасности подвергались владѣнія Іоанна и со стороны русскихъ. Графъ Артцъ рѣшился вступить въ переговоры съ послѣдними, соглашался уступить Курбскому пять замковъ, если тотъ подтвердитъ за нимъ владѣніе Гельметомъ [1]), онъ готовъ былъ даже отдаться русскимъ, какъ вдругъ попалъ въ плѣнъ къ полякамъ. Никакими требованіями русскіе бояре въ Дерптѣ не могли добиться выдачи Артца, и въ декабрѣ онъ былъ преданъ въ Ригѣ ужасной казни. Послѣ плѣненія Іоанна въ Грипсгольмѣ, Сигизмундъ далъ Кетлеру приказъ занять 6 спорныхъ замковъ, то же имѣлъ въ виду и Эрикъ; отсюда—открытая война между ними и союзъ Сигизмунда съ Даніей. Узнавши, что русскіе также претендуютъ на Іоанновы владѣнія, Эрикъ XIV, высоко цѣнившій дружбу съ Москвою, въ которой онъ надѣялся найдти опору противъ Польши и Даніи, велѣлъ своимъ военачальникамъ избѣгать всякихъ враждебныхъ столкновеній съ ними.

Въ концѣ 1563 года шведамъ принадлежали въ Ливоніи области Гаррія, Іервенъ, Викъ (сѣверозападная часть Ливоніи) и города Ревель, Виттенштейнъ, Гапсаль, Леаль, Лоде, Перновъ и Каркусъ. Россія владѣла восточною Эстляндіей и сѣверо-восточною частью Ливоніи съ городами Нарвой, Дерптомъ, Везенбергомъ и Феллиномъ; за Магнусомъ оставались острова Эзель и Даго и нѣсколько замковъ въ сѣверной Курляндіи. Все же остальное въ Остзейскомъ краѣ принадлежало Польшѣ и ея вассалу, Кетлеру, герцогу курляндскому [2]).

Въ продолженіе всего 1563 года рядомъ съ военными дѣйствіями шли и переговоры о мирѣ. Изъ нѣмецкихъ князей всего болѣе старались о примиреніи Швеціи съ Польшей Іоаннъ бранденбургскій и Барнимъ померанскій [3]).

---

[1]) *Hansen*, 166.

[2]) *Thure Annerstedt.*

[3]) Дрезд. арх. Das sechste Dan. Buch.

Весною 1563 года въ Швецію дѣйствительно прибыло посольство отъ Сигизмунда II, и Эрикъ XIV въ письмѣ къ Генриху брауншвейгскому выражалъ надежду на успѣшное окончаніе мирныхъ переговоровъ [1]). Онъ желалъ добиться перемирія хотя бы на одинъ только годъ, считая съ 1-го іюля 1563 года; разъ это не удастся, онъ согласенъ заключить съ Польшей союзъ противъ Москвы. Это письмо Эрика XIV къ Генриху брауншвейгскому смутило многихъ историковъ; они опираются на него, чтобы доказать нетвердость Эриковой политики, вѣчныя колебанія ея, отсутствіе всякой системы въ ней и т. д.

Но все это не такъ. Предложеніе, дѣйствительно сдѣланное Эрикомъ Польшѣ о союзѣ противъ Москвы, не могло быть искреннимъ; самъ Эрикъ не придавалъ ему серьезнаго значенія; вѣрнѣе усматривать въ этомъ странномъ предложеніи его одну изъ тѣхъ дипломатическихъ уловокъ, къ которымъ такъ любилъ прибѣгать Эрикъ; цѣлью же этого маневра было выиграть время, отвести Польшѣ глаза, чтобы тѣмъ успѣшнѣе добиться выполненія вышеизложенной политической его программы [2]).

Еще болѣе несбыточною и странною является вторая часть предложенія, обращеннаго къ Польшѣ; въ ней говорится о желаніи шведскаго короля присоединиться къ союзу Польши съ Даніей. Между тѣмъ съ Даніей отношенія Швеціи успѣли принять уже открыто враждебный характеръ, такъ что о союзѣ съ этой державой Эрикъ могъ развѣ только въ шутку говорить съ польскими послами, желая увидѣть, какое это произведетъ на нихъ впечатлѣніе, поднимутся, или нѣтъ, ихъ требованія послѣ этого.

Во всей политикѣ Эрика XIV красною нитью проходитъ стремленіе вытѣснить Польшу изъ Ливоніи, Данію же со Скандинавскаго

[1]) Эрикъ Генриху, 23-го мая, Дрезд. арх. Ср. Sigismundus Augustus an den Herrn Stadthalter Henrico de Ludiuihausen, Grodnae, 28 oct. 1563. Копенг. арх. Lifl.. 206. Срвн. Акты, № 19.

[2]) Сигизмундъ вѣрилъ желанію Эрика; онъ писалъ изъ Гродна штатгальтеру Генриху Людвиггаузену, 28-го окт. 1563: Nam quod ad nos attinet, non contemnendas pacis conditiones si eas accepta re voluissemus a Suecorum Rege propositas iam pridem habuimus, nunc autem perfertur ad nos serenissimum Regem Daniae cum Sueco de pace agere, cui quidem nos fidem habere *non possumus*, alioquin significaturam id nobis quoque suam serenitatem prius fuisse arbitramur, ut ut autem res sese habet, nos pro virili nostra cauebimus neqd suam serenitatem foederis nobiscum initi poenitere possit. (Коп. арх. Lifland, 20b).

полуострова, отнять у нея южно-шведскія области и Норвегію и до нуля низвести значеніе обоихъ королевствъ на Балтійскомъ морѣ, гдѣ должна господствовать одна Швеція. Что же касается до союза противъ Россіи, то это опять таки дипломатическій фокусъ; мы уже видѣли, какъ искренно Эрикъ и Фридрихъ II добивались сближенія съ Россіей.

Если старанія нѣмецкихъ князей водворить миръ между Польшей и Швеціей въ Ливоніи окончились неудачно, то не болѣе успѣшными оказались и старанія ихъ предупредить взрывъ войны въ другомъ концѣ Балтійскаго моря—войны Швеціи съ Даніей, давшей совершенно новое направленіе всему балтійскому вопросу.

Весною 1563 года для всѣхъ было очевидно, что отношенія Швеціи къ Даніи приведутъ къ столкновенію этихъ двухъ государствъ. Нѣмецкіе князья, близкіе къ сѣвернымъ событіямъ, не теряли еще надежды путемъ мирнаго посредничества предупредить борьбу двухъ сосѣднихъ государей. Всего болѣе дорожили миромъ на сѣверѣ Европы Августъ саксонскій и Филиппъ гессенскій, такъ какъ внутреннія дѣла Германіи переживали опасный для нихъ кризисъ; со дня на день они ждали смутъ и движеній со стороны эрнестинцевъ, и въ виду этого миръ на скандинавскомъ сѣверѣ могъ бы обезпечить ихъ союзниками на случай нѣмецкой домашней войны. Къ Августу и Филиппу примкнули еще герцогъ брауншвейгскій и курфюрстъ бранденбургскій; вскорѣ и императоръ соединился съ ними съ цѣлью предупредить дипломатическими переговорами войну Швеціи съ Даніей и для этого предложилъ князьямъ-посредникамъ съѣхаться въ Ростокъ. Первый мирный конгрессъ въ Ростокѣ былъ назначенъ на 31-е іюля. Къ шведскому и датскому королямъ обратились съ предложеніемъ прислать въ Ростокъ своихъ депутатовъ.

Эрикъ принялъ мирное посредничество державъ, но извѣстилъ ихъ, что раньше конца августа не можетъ прислать своихъ пословъ на конгрессъ; между тѣмъ прошелъ и августъ, и сентябрь, а изъ Швеціи никто не являлся. Фридрихъ II, столь же мало склонный къ миру какъ и Эрикъ, ничего не ждалъ отъ ростокскаго конгресса, но все-таки во́-время прислалъ туда своихъ пословъ, что́ выставило его въ гораздо болѣе благовидномъ свѣтѣ въ глазахъ всѣхъ нѣмецкихъ князей, нежели Эрика XIV. Теперь къ Швеціи всѣ стали относиться съ еще бо́льшимъ недовѣріемъ, чѣмъ прежде. Дѣлая видъ, что готовъ подчиниться рѣшенію князей посредниковъ, Фридрихъ II не переставалъ одновременно дѣятельно готовиться къ войнѣ. Въ сентябрѣ его

послы покинули Ростокъ. Эрикъ объяснялъ неявку своихъ пословъ тѣмъ. что датскій адмиралъ отказался дать имъ паспорты.

Едва ли, еслибы конгрессъ и состоялся, результаты его отвѣтили бы ожиданіямъ державъ-посредницъ. Взаимныя требованія скандинавскихъ правительствъ были слишкомъ непримиримы, недовѣріе обоихъ единоплеменныхъ народовъ коренилось слишкомъ глубоко, неудовольствія наростали съ каждымъ годомъ, и никакой примирительной политикѣ поэтому не было мѣста. Интересы ихъ во всемъ сталкивались; Фридрихъ мечталъ о возстановленіи кальмарской уніи, въ то время какъ Эрикъ создавалъ планъ округлить свои владѣнія и вытѣснить изъ южной Швеціи утвердившихся тамъ датчанъ; въ Ливоніи оба государя стремились овладѣть приморскими землями распавшагося ордена; запрещеніе нарвскаго плаванія было ударомъ для экономическаго благосостоянія Даніи. извлекавшей наибóльшіе доходы изъ транзитныхъ пошлинъ въ Зундѣ. Если мы сравнимъ положеніе обоихъ государствъ до начала семилѣтней войны. то придется признать, что всѣ выгоды были на сторонѣ Фридриха. Онъ уже стоялъ на шведской территоріи, когда Эрикъ занятъ былъ погашеніемъ поднявшагося противъ него возстанія въ Финляндіи. На этомъ событіи мы должны нѣсколько остановиться, по его важности въ исторіи будущихъ дипломатическихъ отношеній Швеціи къ Польшѣ.

Іоаннъ, какъ мы видѣли. чрезъ недѣлю послѣ своей свадьбы рѣшился покинуть Вильну. Его заботили отношенія къ брату. онъ, быть можетъ, тяготился непрошенною опекою надъ нимъ Сигизмунда Августа. Послѣдній хотѣлъ удержать Іоанна въ Польшѣ всю зиму, что заставляетъ думать, что онъ сближеніемъ съ Іоанномъ надѣялся поднять смуту въ Швеціи. Изъ Ковны Іоаннъ двинулся сухимъ путемъ въ Ригу. Въ Перновѣ Іоанна встрѣтили очень недружелюбно. и шведскіе начальники согласились впустить герцога въ городъ, только получивши отъ него поруку. Герцогъ поторопился уѣхать отсюда, опасаясь гнѣва своего брата [1]), и направился къ Ревелю, откуда по льду уѣхалъ въ Финляндію [2]).

Въ Або Іоаннъ прибылъ 24-го декабря, въ сопровожденіи нѣсколькихъ поляковъ и іезуитовъ [3]). Еще на пути къ Ревелю Іоаннъ потребовалъ отъ Горна. чтобы онъ оставилъ осаду Виттенштейна, отданнаго

---

[1]) Wolt er (Эрикъ) sie aller erhencken lassen.

[2]) Ср. *Annerstedt*, 85—86; Данцигскій архивъ.

[3]) *Gadebusch*, II, 17. Ср. Paralipomena *Elofsson*'a, 132.

ему въ залогъ польскимъ королемъ. Ему отвѣтили отказомъ, при чемъ Горнъ замѣтилъ, что если онъ даже оставитъ осаду города, его все равно займутъ русскіе. Относительно другихъ шести городовъ, уступленныхъ Польшей Іоанну, Горнъ заключилъ съ нимъ перемиріе на три недѣли.

По возвращеніи въ Финляндію Іоаннъ тотчасъ же написалъ Эрику письмо, въ которомъ извѣщалъ его о своей женитьбѣ, но *ничего не говорилъ* о полученныхъ имъ отъ Польши въ залогъ семи городахъ. 4-го февраля Эрикъ отправилъ своихъ пословъ въ Финляндію; въ письмѣ къ брату король говоритъ, что до него дошла вѣсть о томъ, будто Іоаннъ снабдилъ польскаго короля деньгами, забывъ, что польскій король открытый врагъ Швеціи, и въ обезпеченіе данной Польшѣ денежной суммы получилъ семь городовъ въ Ливоніи. Король *не придалъ вѣры* этому извѣстію, говорится далѣе въ письмѣ Эрика, тѣмъ болѣе, что Іоаннъ ему *ничего* объ этомъ не писалъ. Пусть герцогъ помнитъ, что еслибы слухъ, дошедшій до короля, оправдался, то на немъ ляжетъ двойная вина и противъ арбогской конституціи, которую самъ Іоаннъ подтвердилъ клятвою, и противъ присяги, данной герцогомъ королю при вступленіи его на престолъ. Поэтому, если слухъ вѣренъ, то пусть онъ поспѣшитъ отказаться отъ полученныхъ ливонскихъ городовъ, или ему грозитъ опасность лишиться всего своего герцогства. Въ концѣ письма Эрикъ проситъ Іоанна дать ему категорическій отвѣтъ, съ кѣмъ желаетъ онъ держаться союза: со Швеціей, или съ Польшей? Такой вопросъ, говоритъ одинъ новѣйшій изслѣдователь, мало разнился отъ косвеннаго объявленія войны [1]).

Еще до прибытія этого посольства въ Або, Іоаннъ 6-го января 1563 года отправилъ Эрику второе письмо, въ которомъ уже говоритъ о полученныхъ въ залогъ городахъ, но *представляетъ все дѣло въ ложномъ свѣтѣ*; такъ, онъ пишетъ королю, что вопросъ о ливонскихъ городахъ возникъ только въ Ригѣ, гдѣ будто бы Іоаннъ напрасно ожидалъ обѣщанныхъ за его женою денегъ, и что если ему пришлось дать деньги польскому королю, то въ этомъ виновны его совѣтники. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такая неоткровенность Іоанна, такая завѣдомая ложь съ его стороны и неумѣлая изворотливость усилили подозрительность Эрика: его гнѣвъ на брата не имѣлъ границъ.

23-го февраля Эрикъ отвѣчалъ на второе письмо Іоанна; въ немъ

---

[1]) *Annerstedt*, 89.

онъ говоритъ, что герцогу еще не поздно опомниться и перейдти на сторону короля и отечества. Съ своей стороны онъ готовъ содѣйствовать и помогать Іоанну каждый разъ, какъ онъ будетъ въ этомъ нуждаться. Іоаннъ можетъ всегда разсчитывать на короля болѣе, чѣмъ на Сигизмунда II. На Іоанна письмо Эрика не произвело никакого впечатлѣнія, онъ рѣшился не порывать своихъ дружескихъ отношеній къ Польшѣ и легкомысленно продолжалъ представлять Эрику дѣло о семи заложенныхъ ему Польшей городахъ въ совершенно ложномъ видѣ, какъ будто бы Эрикъ не зналъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Надо удивляться терпѣнію пылкаго Эрика. 2-го апрѣля онъ шлетъ Іоанну новое письмо, указывая въ немъ, что отношенія Іоанна къ Польшѣ противны присягѣ и конституціи. Онъ побуждаетъ герцога соединиться съ нимъ для борьбы съ Польшей въ Ливоніи и доставить ему такое количество войска, какимъ онъ обязался, присягая королю на вѣрность. Этимъ онъ сразу изгладитъ свою вину и возстановитъ добрыя отношенія къ Швеціи. Эрикъ, однимъ словомъ, предлагалъ Іоанну на выборъ два пути: или порвать всѣ отношенія къ Польшѣ, или уже стать открытымъ врагомъ Швеціи. Іоаннъ не желалъ ни того, ни другаго, предлагалъ Эрику помощь противъ Даніи, но напрасно: Эрикъ стоялъ на своемъ.

Вскорѣ одно само по себѣ незначительное событіе, какъ искра, воспламенило вражду между обоими братьями. Одинъ изъ слугъ Іоанна. Іоаннъ Бертильсонъ, подстрекалъ населеніе Упланда возстать противъ Эрика и признать его господина своимъ государемъ. Схваченный слугами короля и подвергнутый самой жестокой пыткѣ въ присутствіи самого короля, Бертильсонъ показалъ, что дѣйствовалъ въ Упландѣ съ вѣдома и по настоянію Іоанна. Этого было достаточно для мнительнаго короля. Его воображенію представилась картина всеобщаго возстанія противъ него его подданныхъ съ Іоанномъ во главѣ. Медлить было нельзя, и онъ тотчасъ же потребовалъ Іоанна къ себѣ на судъ, давши ему сроку три недѣли. Одновременно онъ созвалъ рейхстагъ въ Стокгольмѣ. Іоаннъ, узнавши обо всѣхъ этихъ событіяхъ, рѣшился силою отстоять свои права, какъ герцога финляндскаго. Его приближенные предлагали ему бѣжать въ Данцигъ, но онъ отказался; тогда многіе изъ нихъ покинули его, опасаясь открытаго столкновенія подданнаго съ королемъ. Надежда Іоанна на помощь со стороны Польши также оказалась призрачной. Въ письмѣ къ зятю Сигизмундъ говорилъ, что не имѣетъ ни флота, ни войска, и что по польскимъ законамъ онъ не можетъ выслать изъ предѣловъ королев-

ства ни одного воина, независимо отъ того, нужна ли помощь родственному государю или нѣтъ. Сигизмундъ зналъ о стѣсненномъ положеніи Іоанна,—послѣдній доносилъ ему о своихъ отношеніяхъ къ Эрику—и обращался къ герцогу курляндскому съ просьбою пропустить чрезъ свои владѣнія наемныхъ кнехтовъ, которыхъ онъ нанялъ для Іоанна и доставить имъ возможность переправиться въ Финляндію, но едва ли Кетлеръ внялъ просьбѣ короля, потому что никакой помощи Іоаннъ не получалъ ни отъ него, ни отъ Польши [1]). Столь же безуспѣшны были старанія Сигизмунда поднять въ защиту Іоанна герцоговъ прусскаго, брауншгвейгскаго и др. [2]).

Рейхстагъ, созванный въ 1563 году для разсмотрѣнія дѣла Іоанна и польскихъ отношеній, открылся 1-го іюня [3]). На рейхстагѣ присутствовали представители всѣхъ сословій, такъ что Іоаннъ впослѣдствіи совершенно искажалъ истину, когда говорилъ, что былъ осужденъ собраніемъ однихъ только крестьянъ.

Обвинителемъ Іоанна выступилъ Георгъ Перссонъ; онъ обвинялъ герцога финляндскаго въ томъ, что онъ преступилъ завѣщаніе отца, нарушилъ присягу, данную имъ королю Эрику при его коронованіи, обошелъ законы королевства и арбогскіе артикулы; далѣе Іоаннъ обвинялся въ томъ, что намѣренно задерживалъ королевскихъ пословъ, давалъ польскому королю взаймы деньги, составлялъ съ Даніей и Польшей заговоръ противъ отечества съ тѣмъ, чтобы, опираясь на военную силу, свергнуть съ престола короля. Наконецъ, Іоаннъ виновенъ и въ томъ, что не явился къ королю, когда тотъ трижды призывалъ его къ себѣ, и въ томъ, что безъ вѣдома короля рѣшился уступить польскому королю часть своего герцогства.

Обвиненія, взведенныя на герцога, были сильно преувеличены, нѣкоторыя же и прямо вымышлены, какъ напримѣръ, обвиненіе въ намѣреніи соединиться съ Даніей и Польшей противъ Швеціи и уступить Польшѣ часть Финляндіи. Вооруженія, начатыя Іоанномъ, имѣли въ виду самооборону, а вовсе не вторженіе въ самое Швецію. Сомнѣнію не подлежитъ одно, что герцогъ обѣщалъ Польшѣ въ долгъ деньги, и этимъ нарушалъ арбогскую конституцію.

---

[1]) Письмо Сигизмунда къ Кетлеру отъ 11-го августа у *Менкенія*, 315: Milites quosdam in subsidium ducis Finlandiae profecturos, proposito jurejurando salvos transmitti cupit.

[2]) *Menckenii*. 453, 481. 496.

[3]) Объ этомъ рейхстагѣ см. *Nilsson*, 25. Ср. *Girs*, II, 26—27.

7-го іюня произнесенъ былъ приговоръ надъ Іоанномъ. Онъ былъ формулированъ въ слѣдующихъ словахъ: за нарушеніе присяги и конституціи, за заключеніе въ тюрьму уполномоченныхъ короля, за поддержку Сигизмунда, врага Швеціи, деньгами, за сношенія съ Даніей и Польшей, направленныя противъ отечества, и, наконецъ, за упорный отказъ явиться къ королю—за всѣ эти преступленія герцогъ Іоаннъ по законамъ Швеціи лишается жизни, имущества и наслѣдственныхъ правъ на шведскую корону. Приговоръ, безъ сомнѣнія, былъ слишкомъ строгъ въ виду совершенной невинности герцога по многимъ пунктамъ, но Эрикъ этимъ приговоромъ хотѣлъ показать свою силу и власть и свою рѣшимость до конца преслѣдовать всякое проявленіе непокорности королевской власти.

До приведенія приговора въ исполненіе Эрикъ еще разъ обратился къ Іоанну и предлагалъ ему полное примиреніе на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы при Іоаннѣ постоянно находились совѣтники, назначаемые королемъ, чтобы онъ не вмѣшивался ни въ какія дѣла государства, не удалялся безъ разрѣшенія короля изъ своего герцогства, даже въ Швецію, отказался отъ права чеканить свою монету и освободилъ всѣхъ плѣнниковъ. Право наслѣдовать шведскій престолъ онъ долженъ былъ, наконецъ, уступить своимъ младшимъ братьямъ Карлу и Магнусу; только послѣ ихъ смерти право на престолъ переходило къ нему.

Предлагая эти условія Іоанну, Эрикъ одновременно готовился къ открытой войнѣ съ нимъ. Іоаннъ отказался принять условія, предложенныя ему Эрикомъ; жребій былъ брошенъ, началась междоусобная война двухъ братьевъ, война Финляндіи и Швеціи. Она застала Іоанна совершенно неподготовленнымъ и сосредоточилась около столицы тогдашней Финляндіи Або [1]). Предъ сословіями, собранными въ Або, Іоаннъ старался оправдаться отъ взведенныхъ на него обвиненій и склонялъ всѣхъ дружно отстоять свою самостоятельность. Всѣ сословія поклялись ему въ вѣрности. Іоаннъ перечислилъ передъ ними обиды и несправедливости, причиненныя ему Эрикомъ еще при жизни ихъ отца и послѣ своего вступленія на престолъ, указывалъ пунктъ за пунктомъ на нарушеніе Эрикомъ отцовскаго завѣщанія, говорилъ объ опасности, какая грозитъ Финляндіи со стороны Россіи, которая не захочетъ сохранить съ Швеціей прежней дружбы, съ тѣхъ поръ какъ

---

[1]) *Botansson*, 12, думаетъ, что Іоаннъ заперся въ Або только до прибытія польскихъ войскъ, которыя ему обѣщалъ Сигизмундъ.

Эрикъ вмѣшался въ ливонскую войну; ради этой войны королю приходится затрачивать громадныя суммы денегъ на наемъ иностранныхъ кнехтовъ; казна совершенно истощена, и онъ, Іоаннъ, *ради спасенія отечества* рѣшился соединиться тѣснѣе съ Польшей, жениться на Екатеринѣ, сестрѣ польскаго короля. Эрикъ впалъ въ совершенную тираннію, окружилъ себя молодыми неопытными совѣтниками и пренебрегаетъ совсѣмъ своимъ ратомъ. Въ Арбогѣ король насильственно добился присяги отъ герцога и его братьевъ. Вся вражда короля къ герцогу возникла вслѣдствіе того, что королъ самъ искалъ руки Екатерины Польской, но получилъ отказъ [1]).

Въ этой рѣчи Іоанна къ сословіямъ много прямо вымышленнаго. Она рисуетъ намъ какъ нельзя лучше честолюбиваго герцога финляндскаго, который въ заключеніе произнесъ слѣдующія слова: я положилъ корону на голову своего брата, я же съумѣю и снять ее. Король первый прибѣгъ къ открытой силѣ, намъ остается также противопоставить ему силу.

Войнѣ Финляндіи съ Швеціей суждено было продлиться очень недолго. Осада Або началась въ первыхъ числахъ іюля. Шведы со всѣхъ сторонъ обстрѣливали городъ, въ день они дѣлали отъ 383 до 536 выстрѣловъ. Первый штурмъ ихъ былъ отбитъ. но уже между воинами Іоанна слышался ропотъ; многіе отказывались биться съ королевскими войсками, толпами дезертировали и угрожали даже выдать Іоанна королю. При такихъ обстоятельствахъ Іоаннъ не рѣшался продолжать борьбу и вошелъ въ переговоры съ военачальниками Эрика. Герцогъ выговорилъ себѣ соотвѣтствующее его сану заключеніе, затѣмъ право имѣть при себѣ 50 слугъ и право до окончательнаго улаженія его отношеній къ королю пользоваться доходами съ своего княжества. Шведскій военачальникъ принялъ эти условія; 12-го августа палъ городъ Або, Іоаннъ сталъ плѣнникомъ Эрика XIV.

Эрикъ не одобрилъ уступчивости своего военачальника, онъ нашелъ, что условія, дарованныя Іоанну, слишкомъ мягки; онъ признавалъ только безусловную сдачу, на гнѣвъ или милость побѣдителя. Когда Іоаннъ прибылъ къ Ваксгольму, его встрѣтили Перссонъ и другіе совѣтники короля и объявили герцогу, что онъ безусловный плѣнникъ короля и что его заключатъ въ Грипсгольмскомъ замкѣ. Всѣ слуги Іоанна были также заключены. Екатерина Ягеллонка раздѣлила, какъ

---

[1]) *Celsius*, 137—139.

извѣстно, участь своего мужа и также была заключена въ Грипсгольмѣ. Сторонники Іоанна почти всѣ погибли на плахѣ [1]).

Борьба Эрика съ Іоанномъ была актомъ политической необходимости; только отстранивши брата, отдавшагося Польшѣ и лелѣявшаго антишведскіе интересы, онъ могъ со всею энергіей отдаться своей задачѣ—утвердиться на Балтійскомъ морѣ.

Въ то время какъ балтійскій вопросъ въ сѣверной Европѣ осложнялся новою войною Швеціи съ Даніей. Германія переживала одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ кризисовъ; въ ней началось соціальное движеніе, оппозиція противъ княжеской власти, антагонизмъ дворянства съ князьями. Все это движеніе, происходившее въ Германіи съ 1559 года, извѣстно подъ именемъ Грумбаховской смуты [2]) и имѣетъ свою параллель въ подобныхъ же движеніяхъ во Франціи и Нидерландахъ, гдѣ мотивомъ возстанія также была не столько религія, сколько политика, олигархическая тенденція извѣстныхъ классовъ [3]). Основная идея всей дѣятельности Грумбаха—поднять силу и значеніе дворянства и такъ называемаго свободнаго рыцарства—Reichsritterschaft, занимала уже и Гуттена и Сиккингена; они уже боролись противъ всемогущества септемвировъ Германіи, какъ любили называть себя курфюрсты, и, не смотря на ихъ пораженіе, идея, которую они отстаивали, продолжала жить, хотя среди разнообразнѣйшихъ комбинацій и потеряла свой нѣкогда благородный обликъ. Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ былъ наслѣдникомъ идей Гуттена и Сиккингена. Въ началѣ его дѣятельности „идея эта еще не была единственно руководящей, но предрасположеніе къ ней какъ бы родилось вмѣстѣ съ нимъ и подъ

---

[1]) *Elofsson*, 139, говоритъ: Печально было зрѣлище казней и пытокъ, какимъ подвергались сторонники Іоанна; я и многіе другіе не могли удержаться отъ слезъ.

[2]) О Грумбахѣ ср. *I. Voigt*, W. von Grumbach und seine Händel. *Raumer*'s Taschenbuch. 1846 и 1847. *Franz Wegele*, W. von Grumbach, *Sybel's* Hist. Zeitschrift. 1859. M. *Koch*, Quellen zur Geschichte Kaiser Maximilians II. I—1857, II, 1861. *Ortloff*, Geschichte der Grumb. Händel. Jena. 1868—1870.

[3]) *Koch*, II, 167: Durch die beigebrachten Documente aus Simancas... sieht man, dass die Gemeinsamkeit der Unternehmungen zur Umwälzung der politischen und religiösen Verhältnisse Frankreichs, der Niederlande und Deutschlands zur historischen Thatsache erhoben erscheint, und als Grundlage dieser Unternehmungen nicht länger einseitig wie bisher das religöse Motiv gelten kann, sondern das ursprünglich mitwirkende, die Kräfte dreier Länder vereinigende Streben der Oligarchie erkannt werden muss. Eine Verbindung des Adels dreier Länder zum Sturze der fürstenthrone und zur Begründung des Adelsherrschaft ist eine wohl nie wiederkehrende und gewiss selten dagewesene Erscheinung.

давленіемъ внѣшнихъ событій вылилось въ конкретный образъ". Вліянія на развитіе своего сословія Грумбахъ не имѣлъ никакого. истинное намѣреніе его было освободить дворянство отъ всѣхъ подчиненныхъ отношеній къ князьямъ и „подъ покровительствомъ императора уничтожить побѣду территоріальнаго права и основать съ императоромъ во главѣ дворянское государство — ein Reich des Adels". Эта мысль Грумбаха была радикальной; княжеской власти готовился новый рѣшительный ударъ. Но какъ бы ни были сильны нѣкоторые политическіе промахи князей (напримѣръ. относительно Ливоніи, балтійскаго вопроса, ганзейскихъ городовъ), они все-таки были единственною поддержкою нѣмецкой національной самостоятельности, отъ тѣснаго союза ихъ съ бюргерами зависѣла будущность Германіи, поэтому и попытка разбить, уничтожить силу территоріальныхъ князей—явилась совершеннымъ анахронизмомъ. Съ самаго начала своего нѣмецкое дворянство (Adel) не такъ уже было организовано, чтобы возвыситься до общаго, національнаго дѣла; въ виду этого. все предпріятіе Грумбаха, не имѣя за собою историческихъ основаній, клонилось въ концѣ концовъ къ эгоистическимъ, сословнымъ выгодамъ. Причина неудачи всѣхъ его плановъ заключалась въ немъ самомъ, „въ его несостоятельности отличить объективный порядокъ вещей отъ своихъ личныхъ, узко индивидуальныхъ интересовъ, въ его настойчивости и упорной преданности одной извѣстной идеѣ, шедшей въ разрѣзъ съ живымъ національнымъ развитіемъ".

Въ Грумбаховскомъ движеніи принялъ дѣятельное участіе и герцогъ саксонскій Іоаннъ Фридрихъ. Кохъ съ достаточною убѣдительностью доказалъ, что Іоаннъ Фридрихъ первый вызвалъ Грумбаха на борьбу съ Августомъ и императоромъ, самъ сулилъ ему золотыя горы, чтобъ только перетянуть его на свою сторону, а не наоборотъ, какъ утверждали сторонники дрезденскаго двора, называвшіе Грумбаха злымъ геніемъ Іоанна, его мефистофелемъ и т. д., а за ними и нѣкоторые новые изслѣдователи, склонные видѣть въ Іоаннѣ орудіе честолюбивыхъ замысловъ франконскаго дворянина. Іоаннъ Фридрихъ жилъ только ради одной мысли — отомстить альбертинскому узурпатору, какъ онъ называлъ Августа, и Габсбургскому императору, освятившему эту узурпацію. Между Іоанномъ и Грумбахомъ заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго оба должны были дѣйствовать противъ Дрездена и Вѣны, затѣмъ — возстановивши право эрнестинской линіи—вернуть дворянству его права. Веймаръ и Дрезденъ съ этихъ поръ сдѣлались центрами двухъ враждебныхъ направленій; Іоаннъ Фрид-

рихъ нашелъ энергическое заступничество въ лотарингскомъ дворѣ, враждебномъ какъ Даніи, такъ и Саксоніи; здѣсь сосредоточивались всѣ элементы враждебной Альбертинской династіи, здѣсь находили пріютъ и представители эрнестинской линіи, и Грумбахъ, бѣжавшій сюда послѣ убіенія епископа Вюрцбургскаго. Одинъ изъ совѣтниковъ герцога лотарингскаго — Александръ фонъ-Брубахъ — особенно энергично отстаивалъ интересы германскаго авантюриста, какъ Грумбаха тогда называли: онъ обѣщалъ доставить ему для борьбы съ курфюрстомъ Августомъ 4000 конницы и 40 отрядовъ пѣхоты.

Внѣшняя политика веймарскаго и дрезденскаго дворовъ представляла совершенную противоположность: Іоаннъ Фридрихъ держался союза съ Лотарингіей, Гизами и Швеціей, Августъ—союза съ Габсбургами и Даніей; веймарскій дворъ былъ центромъ анти-габсбургской, анти-альбертинской и анти-датской оппозиціи, обнаружившейся такъ рельефно по отношенію къ балтійскому вопросу; въ религіозномъ отношеніи тоже рѣзкое различіе: веймарскій дворъ сталъ во главѣ болѣе либеральной меланхтоновой партіи, дрезденскій — былъ представителемъ строгаго, ортодоксальнаго лютеранства; оппозиція между Веймаромъ и Дрезденомъ была „систематической, живучей, сильной“. Для насъ эта оппозиція въ высшей степени интересна, такъ какъ ею опредѣлялись и различныя отношенія нѣмецкихъ князей къ сѣвернымъ, балтійскимъ событіямъ.

Безусловнымъ приверженцемъ Габсбурговъ Августъ никогда не былъ, онъ не позволилъ бы связать себя какими нибудь обязательствами, для него невыгодными. онъ не измѣнялъ Габсбургскому дому въ своихъ собственныхъ политическихъ интересахъ; сами Габсбурги были многимъ обязаны саксонскимъ курфюрстамъ. чѣмъ и объясняется особенное расположеніе ихъ къ послѣднимъ. Августъ умѣлъ и въ внѣшней политикѣ всегда выбирать среднюю позицію. напримѣръ, въ борьбѣ Филиппа II съ Нидерландами онъ умѣлъ остаться дружнымъ и съ Испаніей, и съ Вильгельмомъ Оранскимъ; по отношенію къ Филиппу II онъ держался очень осторожной политики, принималъ его пословъ всегда съ особеннымъ радушіемъ, появлялся предъ ними въ испанскомъ костюмѣ. Изъ бумагъ Гранвеллы видно. что дружескія отношенія Августа къ Испаніи вызывались и заботливостью его объ интересахъ Даніи; послѣдней было бы въ высшей степени невыгодно и опасно. еслибы Испанія примкнула къ союзу съ Швеціей [1]. *Августъ*

[1] Papiers d' Etat du Card. de Granvelle, VII, 405.

былъ стражемъ датскихъ интересовъ и въ Германіи, и въ другихъ государствахъ, онъ внимательно слѣдилъ за всѣми интригами шведскофильскихъ дипломатовъ. Шварценбергъ писалъ Вильгельму Оранскому, что Даніи нечего опасаться Шведовъ, пока курфюрстъ саксонскій будетъ слѣдить за Шведской политикой въ Германіи [1]). Кромѣ родственныхъ отношеній къ Даніи Августа сближала съ Фридрихомъ II и общность политическихъ интересовъ. Съ тѣхъ поръ какъ Грумбахъ соединился съ Лотарингіей, которая стремилась вернуть себѣ свои права на датскій престолъ, съ тѣхъ поръ какъ Іоаннъ Фридрихъ Эрнестинскій примкнулъ къ этой анти-датской коалиціи, Августу было рѣшительно необходимо спасти, удержать Данію, такъ какъ съ утвержденіемъ старшей линіи Ольденбургскаго дома на датскомъ престолѣ усилились бы союзники Грумбаха и Веймара, которымъ уже не трудно было бы направить ударъ на изолированнаго Августа. Нужно признать, что самымъ удачнымъ шагомъ политики Августа была его дипломатическая борьба съ Лотарингско-Грумбаховскимъ движеніемъ, съ этой грандіозной комбинаціей, въ которой внутренніе вопросы Германіи соединялись съ внѣшними предпріятіями, которой исходной точкой былъ балтійскій вопросъ [2]). Первый актъ этого движенія заканчивается 1563 годомъ, вторженіемъ Грумбаха, которому помогалъ и Іоаннъ Фридрихъ, въ Вюрцбургскую епископію, убіеніе епископа и бѣгство Грумбаха въ Веймаръ. Здѣсь нашли радушный пріемъ и самъ Грумбахъ, и его сторонники, противъ которыхъ объявлена была имперская опала (Reichsacht) въ ноябрѣ 1563 года. Слѣдующіе моменты борьбы совпадаютъ уже съ вступленіемъ на престолъ Максимиліана II, и мы въ слѣдующей главѣ разсмотримъ ихъ въ связи съ балтійскою политикою этого государя, о которомъ до сихъ поръ не установилось вполнѣ опредѣленнаго взгляда въ исторіографіи.

Слухи о военныхъ предпріятіяхъ Лотарингіи и эрнестинцевъ противъ Даніи и Саксоніи шли какъ изъ офиціальныхъ источниковъ, такъ и отъ частныхъ лицъ. Еще въ концѣ 1558 года какой то рейтеръ Фридрихъ Спетъ доносилъ Гансу Вурму, лицу близкому къ курфюрсту саксонскому, что извѣстный датскій дворянинъ Петръ Оксе, бѣжавшій изъ Даніи вслѣдствіе разнаго рода поборовъ и стѣсненій, какимъ самодержавный король подвергалъ дворянъ, энергически дѣй-

[1]) *Arnoldi*, 273.

[2]) *Droysen*, Gesh. des 30-jähr. Krieges, I, 82. *M. Ritter*, I, 123 и слѣд.

ствовалъ противъ датскаго правительства, составивъ даже планъ англо-лотарингскаго союза противъ Даніи и Саксоніи; успѣху военнаго предпріятія, говорилъ онъ, поможетъ внутреннее броженіе, начавшееся въ Даніи: аристократія какъ одинъ человѣкъ откликнется на зовъ и возстанетъ противъ Христіана III. Переговоры объ этой анти-датской коалиціи велись въ Любекѣ, съ тѣмъ чтобы и этотъ городъ вовлечь въ союзъ противъ Даніи. Чтобы курфюрстъ саксонскій ничего не зналъ о замышляемыхъ противъ него планахъ, заговорщики рѣшили сначала обратить оружіе на Вюрцбургъ, Бамбергъ и Нюренбергъ. Главное вниманіе лотарингскихъ дипломатовъ обращено было на то, чтобы не дать Саксоніи соединиться съ Даніей, изолировать каждую изъ нихъ. Если курфюрстъ Августъ отправитъ помощь Даніи, то первый ударъ постигнетъ его.

Спетъ обѣщалъ и впредь доносить Вурму обо всѣхъ планахъ противъ Саксоніи и Даніи, о какихъ онъ услышитъ [1]).

Въ продолженіе всего 1559 года въ Данію и Саксонію приходили извѣстія одно другаго тревожнѣе; изъ цѣлаго ряда донесеній мы слышимъ о наборѣ и формировкѣ новыхъ войскъ, о значительныхъ военныхъ сборищахъ близъ Гамбурга, о планахъ вторженія въ Данію съ сѣвера и съ юга, о расширеніи анти-датской коалиціи, къ которой будто-бы готовы были примкнуть, кромѣ герцоговъ Веймарскаго, Грумбаха и Іоанна Фридриха саксонскаго, Франція, Испанія, Лотарингія [2]) и Любекъ [3]). Languet подтверждалъ всѣ эти слухи въ своей пере-

---

[1]) Дрезд. арх. Zeittung, 9 Mai: Vonn dem Kriegsvolck bey Hamburgk: man sagt alhie, das bey 60 fendlein knechte vnd bey 4.000 pferden daselbst versamblet werden, vnd wiewol man vor gewiss noch zur zeit nicht weiss, wem ess gehen soll, so wirdt doch das gerücht vom hertzog von Lottringenn, das sich derselbig vmb Denmark antzunehmen vorhabens sey. Es ist auch hierumbhero auss dem Landt zu Schwaben ein grosser lauff vonn knechten, nach Thuringen vnd Meissen, vnd sagt man das sie dero orte fürtters jnn Denmarck gewiesen werden. Die vonn Lubeck vnd Hamburgk wie alhie die sage ist, sollen sich auch mit Kriegsvolck versehen, vnd gefest machen.

[2]) Ср. *Ortloff*, I, 169 и д.

[3]) Въ Дрезд. арх. Zeittung, 10-го іюня 1559: Vnns ist allhie (Augspurgk) gesagt, das der Konnig zu Schweden als der sich vielleicht vor diessem kriegs volck auch besorgt, mit Konnig Philipssen vnd dem hertzogen zu Lottringen in verstendtnuss stehe, vnd das Konnig Philips vnd Lottringen biss zu vier thausent pferde jn den Niederlanden vnd daselbst vmb hero jn bestallung haben solten. Ob nun solches also seie, vnd wass damit gemeint werde, konnen wir nicht wissen. Ср. Акты. I. № 3.

пискѣ съ Августомъ саксонскимъ и другими государями Германіи, говорилъ, что по окончаніи шотландскихъ дѣлъ будетъ предпринято вторженіе въ Голштинію; расходы предпріятія беретъ на себя Франція. Августъ саксонскій, передавая обо всемъ этомъ ландграфу гессенскому, присоединилъ, что вторженіе въ Данію ожидается со стороны моря. Ландграфъ вѣрилъ въ возможность французско-лотарингскаго сближенія [1]. Одинъ изъ многочисленныхъ дипломатическихъ агентовъ Августа—Heinrich von Staupitz, въ бытность свою въ Кобургѣ, называетъ всѣ эти проекты сильно преувеличенными и старается успокоить курфюрста; другія извѣстія ослабляли однако впечатлѣніе донесенія Штаупица; такъ Августъ въ началѣ 1560 года прослышалъ о рѣшеніи Испаніи принять активное участіе въ лотарингскихъ затѣяхъ, выставить свой флотъ въ Балтійскомъ морѣ и грозить Даніи съ запада [2]; эти планы, доносили Августу, стоятъ въ связи съ Грумбаховскимъ дѣломъ и стремленіями младшей линіи Саксонскаго дома.

Въ началѣ 1560 года Петръ Оксе былъ въ Нанси и здѣсь велъ переговоры съ Христиной о выдачѣ замужъ дочери ея за Фридриха датскаго; этимъ путемъ онъ надѣялся вернуть себѣ милость датскаго короля, но напрасно. Переговоры съ герцогиней не привели ни къ какимъ результатамъ. Въ началѣ апрѣля неутомимый дипломатъ приглашаетъ Грумбаха прибыть въ Пфальцъ для новыхъ переговоровъ съ нимъ. Грумбахъ извѣстилъ объ этомъ Іоанна Фридриха; не одобряя сближенія съ лотарингскимъ домомъ, послѣдній не довѣрялъ и Петру Оксе, онъ боялся попасться къ нему въ ловушку и не совѣтовалъ ему принимать предложенія „хитраго датчанина“.

Лотарингскій проектъ былъ предметомъ дипломатической переписки Августа саксонскаго какъ съ датскимъ королемъ, такъ и съ ландграфомъ гессенскимъ. Изъ этой переписки видно, что извѣстія о лотарингскихъ планахъ были до такой степени сбивчивы и запутаны, что сами современники съ трудомъ разбирались въ нихъ; извѣстія,

---

[1]) Ibid., 179, 194.

[2]) Дрезд. арх. Филиппъ Августу, 11-го мая, 1559: Der Doctor, welchenn wir jnn Frankreich gehabt, jnn seinem bericht vnns angezeigt, das jn Frankreich gesagt werde, das der hertzog von Lottringenn mitt hilff beider konnige zw Frankreich vnd Hispanien vnnderstehenn wolle, das konnigreich Dennemarck einzunemenn.... Were nicht vngut, das der Konnig zu Dennemarck dannest seiner sache wahr nehme, vnnd die nicht verachtet.... ein zichtiger wegk gegenn die, welche der Augspurgische Confession sein...

приходившія въ Дрезденъ. были очень противорѣчивы; мотивами всѣхъ лотарингскихъ интригъ одни выставляли политику. другіе религію.

Въ 1561 г. эрнестинская партія рѣшилась начать переговоры съ дворомъ въ Нанси и съ Петромъ Оксе; лотарингскія интриги расширялись. Снова выдвинули проектированное еще въ 1559 г. сближеніе съ ганзейскими городами. По мнѣнію Грумбаха необходимо было для успѣшности предпріятія имѣть на готовѣ 15.000 ландскнехтовъ и 10.000 конницы и прежде всего обезпечить за собою проходъ черезъ Эльбу. Своею нерѣшительностью Христина затягивала всѣ переговоры. Изъ Реймса. гдѣ она присутствовала на коронованіи новаго короля Франціи. она писала Грумбаху. что ничего не можетъ рѣшить относительно скандинавскихъ дѣлъ раньше. чѣмъ не вернутся ея послы отъ императора. и она не узнаетъ мнѣнія послѣдняго. Грумбахъ потерялъ уже всякую надежду на Христину; время упущено. писалъ онъ къ герцогу саксонскому. и предпріятіе наше можетъ быть выполнено лишь въ слѣдующемъ 1562 году. Всю осень и зиму 1561 года велась оживленная переписка между Оксе. Грумбахомъ и Іоанномъ Фридрихомъ.

Христина. желая скрыть свои истинныя намѣренія относительно Даніи. продолжала переговоры съ Фридрихомъ II о женитьбѣ его на Ренатѣ. Когда всѣ наши военныя приготовленія будутъ готовы. писала она. Фридрихъ II узнаетъ наши истинныя намѣренія. Въ письмѣ къ герцогу саксонскому Грумбахъ такъ высказался о дѣйствіяхъ Христины лотарингской и Оксе: оба они представляютъ дѣло то чернымъ. то бѣлымъ. и въ концѣ концовъ на нихъ положиться рѣшительно нельзя [1]). Хитрый датчанинъ отлично позналъ гвельфское искусство. Натянутыя отношенія обоихъ скандинавскихъ государствъ. предвѣщавшія скорое столкновеніе между ними. давали лотарингскимъ проектмахерамъ еще болѣе пищи для разнаго рода сенсаціонныхъ извѣстій. Къ сѣвернымъ событіямъ они привлекали вниманіе всѣхъ европейскихъ государей; Нанси и Гота были главными редакціонными центрами всякихъ политическихъ и дипломатическихъ сплетенъ. болѣе или менѣе вѣроятныхъ. Не бездѣйствовала и астрологія. создававшая всевозможныя комбинаціи и по звѣздамъ предсказывавшая будущее государствъ и государственныхъ дѣятелей; ясновидцы и прорицатели вошли въ моду. имъ всѣ внимали; дипломатія становилась суевѣрной.

---

[1]) *Ortloff*, I, 235.

Никто съ такимъ нетерпѣніемъ не ожидалъ разрыва скандинавскихъ государствъ, какъ Грумбахъ. Необходимо, говорилъ онъ, вонзить копье въ союзъ скандинавскихъ государей и вызвать борьбу между ними. Занятая войною съ Швеціей, Данія не будетъ имѣть возможности обезпечить свой тылъ и подчиненіе датской короны не представитъ Лотарингіи никакого затрудненія. Проектировался новый съѣздъ сторонниковъ Лотарингіи и эрнестинцевъ въ Нанси, явилась надежда вовлечь и Гессенъ въ сложную политическую игру, затѣянную противъ Фридриха и Августа, но до рѣшительныхъ дѣйствій договориться не успѣли. Любопытно, что въ концѣ 1563 года Фридрихъ II сдѣлалъ попытку склонить Грумбаха на свою сторону, но этотъ дипломатическій маневръ его не удался. Данцигскій ратъ извѣщалъ тогда же, въ концѣ года, герцога прусскаго о значительныхъ военныхъ наборахъ, дѣлаемыхъ Лотарингіей и Швеціей въ Магдебургѣ, Брауншвейгѣ и другихъ городахъ. Многіе изъ лотарингскихъ агентовъ разъѣзжаютъ по Германіи какъ купцы, чтобы скрыть свои дипломатическія намѣренія; ихъ видѣли даже въ Кенигсбергѣ и другихъ прусскихъ городахъ, гдѣ они дѣйствовали въ интересахъ своихъ господъ. Эрику XIV то же данцигское извѣстіе приписываетъ намѣреніе отомстить, по окончаніи войны съ Даніей, всѣмъ, кто тѣмъ или другимъ образомъ помогалъ Даніи [1]).

Въ слѣдующемъ 1564 году составлена была противъ Даніи и Саксоніи грандіозная коалиція, которая должна была начать свои дѣйствія въ то время, какъ Фридрихъ II съ главнѣйшими силами своими сдѣлаетъ вторженіе въ Швецію. Августъ остановилъ ударъ, готовый пасть на Данію. На императорскій престолъ вступилъ Максимиліанъ, отъ него Августъ получилъ полномочіе взять на себя все

[1]) Данц. арх. Lib. Missiv. An Furstl. D. zu Preussen, 10 Dec. 1563.. Sso sollen e. f. g. wir gantz dinstlicher wolmeinunge nicht pergen, dass unss gestern fur dato von vnserm vortraueten eine zeitunge zugekommen. Das von K. von Schweden, hertzog von Lottringen vnd anderen herren so sich vnder einander verbundet in Deutschlandt. zu Magdeburg, Braunschweig und anderen vmbligenden stedten vnd flecken ein fart heimliche vnd offenbare bestellung furhanden. Vnd auch etzliche, dafür man sich nicht hüttet kauffmansweise reisen, sich zum vil auch zu Konigspergk in Preussen beiegnen sollen. vnd vf anderen Orthere mehr, vnd soll sich hochstgemelter K. zu Schweden haben furnehmen lassen. wen es schon mit dem K. zu Danemark vortragen, wolte S. K. M. sich doch an den jenigen. so derselben feinden vorschub vnd hulffe gethan vnd dieselbe gehaustet vnd geheget hetten erholen vnd ersetzen.

дѣло Грумбаха и эрнестинцевъ. Съ этихъ поръ Данія могла быть спокойна; добрый геній ея не дремалъ, онъ стоялъ на стражѣ, и Фридрихъ II съ прежней энергіей могъ продолжать борьбу съ своимъ соперникомъ. Второй актъ Грумбаховскаго движенія совпадаетъ уже съ сѣверной войной. Могъ ли Эрикъ XIV строить какіе нибудь планы, опираясь на Грумбаховское движеніе въ Германіи?

Съ перваго года своего царствованія Эрикъ обратилъ особенное вниманіе на внѣшнюю политику, которую онъ направлялъ къ достиженію чисто шведскихъ интересовъ, и искалъ случая войдти въ дипломатическія сношенія съ сильнѣйшими европейскими государями. Ему было очень важно противопоставить Даніи рядъ политическихъ договоровъ; этой цѣли короля должны были служить, между прочимъ, и многочисленныя сватовства его [1]).

Съ 1557 года Швеція вошла въ сношенія съ Маріей Тюдоръ; Густавъ I искалъ для своего старшаго сына руки ея сестры Елизаветы. Марія тогда не приняла предложенія Швеціи; по ея смерти переговоры между обоими государствами возобновились. Елизавета, какъ извѣстно, была предметомъ безчисленныхъ исканій. По смерти Маріи Христіанъ III просилъ ея руки для Фридриха, онъ соглашался на союзъ съ Англіей противъ Франціи, Шотландіи и Испаніи, породнившихся между собою въ 1559 году. Но и предложеніе Христіана III было отвергнуто. Елизавета выражалась съ большою симпатіей о наслѣдникѣ шведскаго престола; не давая ему рѣшительнаго отвѣта, она только сильнѣе возбуждала въ немъ желаніе во что-бы то ни стало добиться ея руки. Письма Эрика къ Елизаветѣ полны любовнаго паѳоса. Осенью 1559 года Эрикъ отправилъ въ Англію своего брата Іоанна, чтобы офиціально сдѣлать предложеніе королевѣ; Елизавета съ особенною милостью приняла шведскихъ пословъ, что даже обезпокоило Фридриха II, который теперь уже искалъ руки Маріи Стюартъ, склонялся къ союзу съ Франціей, мечталъ объ императорской коронѣ, обѣщалъ французскимъ подданнымъ всевозможныя торговыя выгоды [2]). Эрикъ писалъ своему брату, что готовъ

---

[1]) *Arnheim*, 442 и д.

[2]) *L. Daae*, Om Frederik II's paataenkte lothringske Giftermaal og om Danmarks Forhold til de Grumbachske Uroligheder, Kristiania, 1871, стр. 21. Ср. *Arnoldi*, Historische Denkwürdigkeiten, 1817, II, 214. 19-го марта 1560 года въ Парижъ прибылъ датскій посолъ. Передавши правительницѣ соболѣзнованіе своего государя по случаю смерти Франциска II и поздравивъ новаго короля,

силою похитить Елизавету изъ Англіи, если она добровольно не отдастъ ему своей руки. Извѣстно, что страстно влюбленный король вызывалъ на поединокъ своего соперника, графа Лейчестера. Іоаннъ, герцогъ финляндскій, передавалъ Елизаветѣ отъ имени Эрика слѣдующія его обѣщанія: Эрикъ безвыѣздно будетъ жить въ Англіи и только съ разрѣшенія королевы будетъ уѣзжать въ Швецію; онъ не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Англіи; какъ Англія, такъ и Швеція удерживаютъ каждая свои законы и обычаи. Въ маѣ 1560 года Іоаннъ возвратился въ Швецію и объявилъ своему брату, что только его личное присутствіе въ Англіи можетъ привести дѣло къ желательному концу. Рейхстагъ далъ Эрику свое согласіе на отъѣздъ въ Англію, все было готово къ отплытію, какъ вдругъ пришла вѣсть о смерти Густава [1]). Теперь, сдѣлавшись королемъ, Эрикъ смотрѣлъ на проектировавшійся бракъ съ Елизаветой какъ на фактъ политической необходимости. Его честолюбію рисовались въ будущемъ самые заманчивые планы; онъ мечталъ о союзѣ съ Англіей и Москвой противъ Даніи и ея сторонниковъ. На рейхстагѣ 1561 года брачный проектъ короля былъ предметомъ всеобщаго обсужденія. Сословія во второй разъ выразили свое одобреніе намѣренію Эрика лично посѣтить Англію. Но и на этотъ разъ поѣздка короля не состоялась: его задержали сильныя бури [2]). Въ Англію былъ отправленъ Нильсъ Стуре. Въ инструкціи, данной ему, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе пункты: еслибы королева справилась объ отношеніяхъ Швеціи къ Москвѣ, Стуре долженъ отвѣтить, что у короля съ царемъ лучшія отношенія, что по смерти Густава миръ и дружба между обоими государями возстановлены и укрѣплены; ливонцы напрасно старались поднять Густава I противъ московитовъ; относительно Даніи Стуре долженъ заявить, что хотя не-

---

онъ предложилъ отъ имени Фридриха заключить съ Франціей наступательный и оборонительный союзъ; затѣмъ онъ просилъ у французскаго правительства содѣйствія для брачнаго союза датскаго короля съ Маріей Стюартъ или съ какою-нибудь другой родственной Франціи принцессой. Данія искала руки Маріи, желая составить противовѣсъ шведско-англійскому союзу. State Papers, 1866, № 77.

[1]) Calendar of State papers, 1866, № 540—подробности о пріемѣ ожидавшагося въ Лондонѣ Эрика XIV, 12 §§.

[2]) Франція боялась этого сближенія; De Rambouillet было предписано убѣдить датскаго короля какъ-нибудь воспрепятствовать отплытію Эрика въ Англію. State Papers, 717.

нависть ея короля къ Швеціи и всѣмъ очевидна, но онъ не осмѣливается ничего предпринять противъ нея [1]), зная, что въ открытомъ столкновеніи онъ будетъ побѣжденъ.

Между тѣмъ при лондонскомъ дворѣ стали ходить слухи о сватовствѣ Эрика XIV на Маріи Стюартъ, вдовѣ Франциска II; слухи становились все рѣшительнѣе и опредѣленнѣе; объ этомъ говорили въ своихъ донесеніяхъ и извѣстные дипломаты того времени, Шарль де Морнэ, Лангэ и др. Въ февралѣ 1562 года шведскіе послы дѣйствительно прибыли въ Шотландію, но здѣсь ихъ приняли безъ всякаго сочувствія. Марія сама впослѣдствіи говорила, что она не на сторонѣ Швеціи и предпочла бы брачный союзъ съ Фридрихомъ II [2]).

Неувѣренный относительно Англіи Эрикъ сталъ искать политическаго и родственнаго сближенія съ какимъ-либо княжескимъ домомъ въ Германіи; въ виду имѣлись Веймаръ, Лотарингія и Гессенъ. При лотарингскомъ дворѣ Фридрихъ II потерпѣлъ уже пораженіе; два раза онъ искалъ руки Ренаты лотарингской, дочери Христины и Франца, два раза его проектъ родства былъ встрѣченъ отказомъ. На веймарскій дворъ Эрикъ также могъ расчитывать: Веймаръ былъ соперникомъ Дрездена, и разъ Августъ держался союза съ Даніей, ясно было, что Іоаннъ Фридрихъ приметъ сторону Эрика XIV.

Всего ревностнѣе Эрикъ старался склонить на свою сторону Гессенъ. Не прерывая переговоровъ съ англійской королевой, Эрикъ еще въ 1561 году вошелъ въ сношенія съ ландграфомъ Филиппомъ, съ цѣлью жениться на его дочери [3]). Цѣлыхъ два года король велъ

---

[1]) *Wieselgren*, Delagardiska Archivet, Stockh. 1831,129 ....Cum Rutheno optime Sua Maiestas convenit: Nam post obitum serenissimi Regis Gostavi pax amicitiaque firma inter utriusque regna renovata et stabilita est. Dani vero et si semper innatum quoddam et geniale odium adversus Regnum Sueciae gerunt, non tamen audent quidpiam palam moliri, sciunt enim se aperto Marte nihil effecturos. Livonenses ...voluerunt enim ut aperto ageret R. M-tas contra Ruthenum, vindicaretque eos ab injuria, quod leges sancitae pacis inter haec duo Regna minime ferebant: quapropter magnis de caussis abstinuit se Regia M-tas nolens pacis foedera cum Rutheno semel confecta infringere.

[2]) Другое говоритъ Throckmorton въ письмѣ изъ Парижа 29-го апрѣля 1560 г.: that She (Mary) gives no great ear to the king of Denmarks suit for mariage. Фридриха II считали „a dissolute and insolent Prince", Эрика—„a wise and virtous Prince". State Papers, № 151.

[3]) Упоминаемъ еще о двухъ брачныхъ проектахъ—съ дочерью Фердинанда I (State Papers, IV 857) и съ Анной Саксонской. Ср. K. v. *Weber*, Zur Lebensgeschichte der Prinzessin Anna von Sachsen, стр. 266.

эту двойную игру. Сватовство Эрика за Христину гессенскую было вызвано исключительно только политическими соображеніями. Враждебныя отношенія его къ Даніи вызывали необходимость тѣснѣе сблизиться съ однимъ изъ германскихъ княжескихъ домовъ, тѣмъ болѣе, что Фридрихъ II имѣлъ въ Августѣ саксонскомъ вѣрнаго союзника и друга; Эрику казалось необходимымъ противопоставить датско-саксонскому союзу союзъ Швеціи съ какимъ-либо германскимъ княземъ: всего же желательнѣе было сближеніе съ Гессеномъ, интересы котораго въ имперіи нерѣдко сталкивались съ интересами хитраго Августа. Неутомимо и постоянно наблюдая за политическими движеніями своего времени, Августъ сразу же обратилъ вниманіе на завязавшіяся дипломатическія сношенія Швеціи съ Гессеномъ. Сближеніе это было для него крайне нежелательнымъ, и Августъ съ самаго начала старается возстановить Филиппа противъ Эрика; онъ въ концѣ концовъ добился своего: дружескія отношенія Швеціи къ Гессену рушились. На этихъ дипломатическихъ сношеніяхъ мы нѣсколько остановимся въ виду важности ихъ развязки для исторіи сѣверной семилѣтней войны [1]).

Въ іюлѣ 1562 года въ Кассель прибылъ посолъ шведскаго короля, Клавдій Колляръ (Collart), съ цѣлью просить для своего короля руки 19-лѣтней дочери ландграфа. Филиппъ высоко цѣнилъ родственный союзъ съ такимъ выдающимся государемъ, какимъ былъ Эрикъ XIV, и тотчасъ далъ свое согласіе. Въ октябрѣ къ Филиппу явилось новое посольство отъ короля, съ полномочіемъ покончить всѣ переговоры о брачномъ союзѣ Христины съ Эрикомъ XIV. Брачный договоръ дѣйствительно былъ составленъ, при чемъ ландграфъ настаивалъ на томъ, чтобы до Рождества назначить время и мѣсто для переѣзда невѣсты въ Стокгольмъ. Вѣсть о родственномъ союзѣ Гессена со Швеціей быстро разнеслась по Германіи и другимъ государствамъ и вызывала самые разнообразные толки, соображенія и дипломатическія комбинаціи. Эрикъ XIV, однако, не обратилъ вниманія на срокъ, назначенный ландграфомъ, и продлилъ его на цѣлыя шесть недѣль. Это сильно встревожило Филиппа, и 8-го февраля онъ отправилъ нарочнаго въ Стокгольмъ, чтобы узнать о причинахъ замедленія и добиться какихъ нибудь точныхъ обѣщаній. Посолъ успѣлъ уже покинуть Кассель, когда

---

[1]) Весь вопросъ о шведско-гессенскихъ отношеніяхъ разобранъ въ трудѣ *Schwabe*, Heirathspläne K. Erichs XIV von Schweden, на которомъ мы и основываемся.

къ ландграфу пришла вѣсть, что шведскіе послы уже уѣхали изъ Стокгольма, но по распоряженію датскаго правительства насильно задержаны въ Копенгагенѣ. Филиппъ обратился тогда за разъясненіемъ къ копенгагенскому двору. Задержка пословъ была фактомъ небывалымъ! Фридрихъ II въ апрѣлѣ отвѣчалъ ландграфу и изложилъ все дѣло съ послами въ неблаговидной для послѣднихъ редакціи. Мотивами ареста король выставлялъ дерзость пословъ по отношенію къ королевской стражѣ и оскорбленіе ими королевскаго имени. Одновременно съ этимъ извѣщеніемъ Фридриха II Филиппъ получилъ письмо отъ шведскаго короля, въ которомъ говорилось о снаряженіи новаго посольства въ Гессенъ, съ Шифферомъ во главѣ. Пріѣздъ Христины Эрикъ просилъ назначить не позже Троицы или ужъ отложить его до осени. Письмо было отмѣчено 9-го марта, такъ что до Троицы оставалось не особенно много времени, да и Шифферъ къ тому же не торопился.

Ландграфъ, съ нетерпѣніемъ желавшій покончить начатое дѣло, писалъ Эрику, что Христина 3-го мая выѣдетъ изъ Касселя и 20-го будетъ въ Ростокѣ. Шифферъ прибылъ къ ландграфу 28-го апрѣля и кромѣ письма отъ короля везъ съ собою еще и копію съ инструкціи, данной задержаннымъ въ Копенганѣ посламъ. Ландграфа инструкція изумила; оказывалось, что брачный союзъ, который онъ считалъ уже чуть ли не оконченнымъ, затягивался на дальній срокъ, что приданое уменьшено, что брачный союзъ обусловливался политическимъ сближеніемъ и форма инструкціи была холодной, непривѣтливой и строго-офиціальной. Христина ни разу не названа въ немъ невѣстою короля. Всего болѣе поразило Филиппа требованіе короля—отослать Христину обратно въ Кассель, еслибы она ему не понравилась.

Не смотря на такое явное оскорбленіе, на такое очевидное предпочтеніе политическаго союза брачному, Филиппъ не прервалъ сношеній съ королемъ. Шифферу однако отвѣтили, что требованіе его государя непристойно и что къ такому обращенію съ собой германскіе князья не привыкли. Ландграфъ соглашался заключить съ Швеціей оборонительный союзъ, но требовалъ, чтобы дипломатическіе переговоры велись отдѣльно отъ переговоровъ о брачномъ союзѣ. Для дипломатическихъ переговоровъ онъ согласенъ назначить особый съѣздъ въ Ростокѣ, Висмарѣ или Гамбургѣ.

За переговорами Гессена и Швеціи дѣятельно слѣдили какъ изъ Дрездена, такъ и изъ Копенгагена. Для Августа саксонскаго сближеніе Гессена съ Швеціей было „бѣльмомъ на глазу“. Курфюрстъ пере-

живалъ самое безпокойное время. его тревожили Грумбаховскія смуты, онъ своимъ необычайно тонкимъ политическимъ инстинктомъ предвидѣлъ. что съ успѣхомъ шведско-гессенскаго союза противъ него возникнетъ цѣлая коалиція враждебныхъ элементовъ; съ Грумбахомъ на сторону Швеціи и Гессена перейдутъ и представители эрнестинской линіи. Съ свойственною ему одному осмотрительностью, съ искусно прикрытымъ равнодушіемъ онъ слѣдилъ за каждымъ дипломатическимъ шагомъ своихъ противниковъ и искалъ только случая подорвать довѣріе Гессена къ Эрику, а затѣмъ и совершенно разбить ненавистный для него союзъ.

Первое извѣстіе о проектѣ брака Эрика и Христины Августъ получилъ въ октябрѣ 1562 года въ Марбургѣ. Онъ тотчасъ поспѣшилъ подѣлиться этимъ извѣстіемъ съ Фридрихомъ II: обоихъ оно одинаково живо интересовало и близко касалось; оба они съ равнымъ искусствомъ старались скрыть произведенное на нихъ вѣстью о брачномъ проектѣ впечатлѣніе, и Фридрихъ II писалъ даже Августу, что отъ всего сердца желаетъ своему двоюродному брату—шведскому королю—всякихъ успѣховъ, что̀, однако, не совсѣмъ вязалось съ поступкомъ короля съ шведскими послами въ Копенгагенѣ. Любопытно, что Фридрихъ II извѣстилъ объ арестѣ пословъ опять-таки первымъ Августа саксонскаго. Въ своихъ письмахъ къ Филиппу Августъ дѣлаетъ видъ, будто ничего не знаетъ о февральскомъ событіи въ датской столицѣ и совершенно игнорируетъ этотъ фактъ. Августъ скрывалъ даже отъ Филиппа гессенскаго свои дружескія отношенія къ Даніи, чтобы не дать повода относиться къ нему съ подозрѣніемъ; онъ обѣщалъ ландграфу обратиться въ Копенгагенъ съ просьбою освободить заключенныхъ пословъ и дѣйствительно сдѣлалъ это, чтобы совершенно скрыть свои настоящія намѣренія. Августу было въ высшей степени важно предупредить открытый разрывъ Даніи съ Швеціей, такъ какъ онъ справедливо опасался, что съ началомъ вражды между ними связано и движеніе въ Германіи противъ него, какъ союзника Даніи. Въ насильственной задержкѣ датскихъ пословъ, этомъ открытомъ нарушеніи международнаго права, онъ видѣлъ прелюдію къ открытой войнѣ между обоими скандинавскими государями; онъ всѣми силами старался примирить обоихъ государей, но разъ война началась—онъ всецѣло былъ на сторонѣ Даніи и, сколько могъ, ей содѣйствовалъ. Главною цѣлью его дипломатіи стало теперь расторгнуть шведско-гессенскій союзъ и лишить Эрика всѣхъ его союзниковъ въ Германіи; поэтому при каждой новой вѣсти о за-

медленіи брачнаго договора Христины и Эрика онъ радовался и торжествовалъ. Желая узнать причины, замедлявшія договоръ, онъ отправилъ въ Кассель опытнаго дипломата Ганса Іенитца. Офиціальное порученіе, данное ему, касалось посредничества между Даніей и Швеціей, втайнѣ же ему предписывалось развѣдать о причинахъ размолвки съ Швеціей. Въ Касселѣ Іенитцъ засталъ одного только Вильгельма, сына ландграфа. Послѣдній самъ повелъ рѣчь о предполагавшемся родствѣ Гессена съ Швеціей и сообщилъ Іенитцу причины замедленія. Когда въ Кассель вернулся и Филиппъ, то ловкому дипломату удалось получить отъ него копію съ отвѣта, даннаго имъ Шифферу, послу шведскаго короля. Съ этой копіей въ рукахъ Августъ могъ, наконецъ, всесторонне и основательно разобраться въ шведско-гессенскихъ отношеніяхъ. Ландграфъ просилъ Іенитца убѣдить своего государя не показывать полученной копіи датчанамъ, но Августъ, разумѣется, не послушался его; онъ торжествовалъ, что владѣетъ документомъ, при помощи котораго не только легко достигнуть размолвки стокгольмскаго и кассельскаго дворовъ, но и открытаго ихъ столкновенія.

Виды на успѣхъ шведскаго союза, между тѣмъ, снова нѣсколько прояснились для ландграфа. Дѣло въ томъ, что Эрикъ XIV обратился къ нему съ новымъ письмомъ (отъ 2-го апрѣля), въ которомъ отказывался отъ прежнихъ своихъ условій и выражалъ согласіе принять Христину въ Стокгольмѣ въ маѣ или іюнѣ. Кромѣ этого утѣшительнаго письма гессенскій посолъ Андрей Шитцъ, отправленный въ Стокгольмъ еще до прибытія Шиффера въ Кассель, доносилъ теперь Филиппу, что Эрикъ XIV съ радостью принялъ вѣсть о желаніи ландграфа въ маѣ отправить Христину въ Ростокъ и принялся уже дѣлать приготовленія къ торжественной встрѣчѣ своей невѣсты. Король самъ взялъ на себя заботы о флотѣ; невѣсту предположено было перевезти въ Стокгольмъ на „Лебедѣ“, отличавшемся своею красотою и комфортабельностью. Опасаясь нападеній со стороны датчанъ, Эрикъ велѣлъ 19 военнымъ кораблямъ конвоировать „Лебедя“. Въ присутствіи Шитца, наконецъ, шведскій король собралъ всѣхъ своихъ офицеровъ и приказалъ имъ во время переправы въ Ростокъ держать себя мирно и только при нападеніи на нихъ датчанъ прибѣгнуть къ силѣ. Все, что сообщалъ Шитцъ, было согласно съ истиною. Шведская флотилія дѣйствительно выплыла изъ Стокгольма. У Борнгольма шведы завидѣли датскій флотъ, среди которыхъ красовался адмиральскій корабль „Геркулесъ“. Налѣво отъ шведовъ лежалъ

Борнгольмъ, направо показался датскій флотъ. Какъ и можно было предвидѣть, не обошлось безъ столкновенія. Шведскій адмиралъ Яковъ Багге, желая показать датчанамъ, что экспедиція его совершенно мирнаго характера, велѣлъ музыкантамъ заиграть. Адмиралъ датскаго флота, Яковъ Брюкенгузенъ, велѣлъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, чтобы, какъ позже заявляли датчане, показать свое первенство на Балтійскомъ морѣ. Шведы сочли это за враждебное нападеніе, и бой начался. „Слонъ", „Лебедь", и „Ангелъ" открыли огонь. Послѣ трехчасовой пальбы три датскихъ корабля „Геркулесъ", „Гекторъ" и „Олень" сдались шведамъ. Шведы взяли до 900 плѣнныхъ, среди нихъ и самаго адмирала. Съ этого событія началась семилѣтняя борьба двухъ скандинавскихъ государствъ.

Шведы не преслѣдовали датчанъ, спокойно продолжали свое плаваніе и прибыли въ Варнемюнде, гдѣ рѣшено было дождаться прибытія Христины. Получивши здѣсь извѣстіе объ отвѣтѣ, какой ландграфъ далъ Шифферу, адмиралъ велѣлъ флоту обратно плыть въ Стокгольмъ, вѣрительныя же грамоты онъ отослалъ ландграфу [1]).

Донесеніе Шитца крайне смутило ландграфа, и онъ искренно сожалѣлъ о томъ, что къ назначенному сроку не отправилъ Христины въ Ростокъ. Донесеніе и письма шведскихъ пословъ, вмѣстѣ съ письмами Эрика и пфальцграфа Георга Іоанна, доставленными ему въ одно время съ вѣрительными грамотами адмирала, онъ отправилъ къ Августу саксонскому. Августъ не довѣрялъ донесенію Шитца и думалъ, что оно написано однимъ изъ шведскихъ секретарей для оправданія своего короля, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ писалъ къ Филиппу, онъ отъ Фридриха II получилъ совершенно иное донесеніе о Борнгольмскомъ событіи.

Ландграфъ рѣшилъ положить конецъ такому неопредѣленному положенію дѣлъ; ему наскучило находиться „inter spem et metum" тѣмъ болѣе, что напряженныя политическія отношенія вызывали всевозможныя затруднительныя комбинаціи. Политическое сближеніе Швеціи съ Гессеномъ, какъ мы видѣли, сильно безпокоило датско-саксонскую партію, и представители ея опасались, какъ бы Франція, Лотарингія и эрнестинцы не примкнули на сторону Швеціи и Гессена. Августъ саксонскій нашелъ новый источникъ, изъ котораго могъ извлечь данныя о ходѣ шведской политики. Пфальцграфъ Георгъ Іоаннъ, женатый на сестрѣ Эрика, поссорился съ нимъ изъ-за

---

[1]) Ср. Paralipomena *Elofsson'a*, 135 и далѣе.

приданаго своей жены и покинулъ Стокгольмъ; на обратномъ пути въ Германію онъ посѣтилъ Августа. Послѣднему удалось обо многомъ узнать отъ „сообщительнаго“ пфальцграфа, какъ относительно самого короля, такъ и относительно его внѣшней и особенно нѣмецкой политики. Никто лучше Августа не умѣлъ прикидываться безучастнымъ и вовсе не любознательнымъ и въ то же время успѣшно извлекать отъ легковѣрнаго и словоохотливаго гостя все, что ему было нужно. Одинъ изъ совѣтниковъ Августа, Гансъ фонъ Поникау, еще раньше видѣлся съ пфальцграфомъ въ Лейпцигѣ и доносилъ курфюрсту объ этомъ свиданіи. Донесеніе его полно любопытныхъ данныхъ о личности и характерѣ шведскаго короля. Конечно, на всемъ донесеніи лежитъ субъективная окраска, и всему въ немъ придавать вѣры нельзя, такъ какъ оно исходило изъ устъ человѣка недовольнаго, обиженнаго Эрикомъ XIV и потому весьма естественно склоннаго многое преувеличивать, многому давать свое, субъективное объясненіе. Личность шведскаго короля, говорилъ пфальцграфъ, производить сильное впечатлѣніе: онъ богато одаренъ, но нравственность его сомнительна; выдвигая его высокій умъ, личную отвагу, государственную опытность, онъ отмѣчаетъ въ немъ и многія странности, называетъ его человѣкомъ недовѣрчивымъ, хитрымъ, непостояннымъ, сладострастнымъ и до такой степени корыстолюбивымъ, что, еслибы онъ подчинилъ себѣ весь міръ и дошелъ до самого ада, онъ и его пожелалъ бы себѣ подчинить. Относительно Христины Іоаннъ Георгъ говорилъ, что ее, безъ сомнѣнія, хорошо бы встрѣтили въ Стокгольмѣ, но что, еслибы она не понравилась королю, онъ не задумавшись отдалъ бы ее кому-нибудь изъ своихъ приближенныхъ; теперь король едва ли расположенъ соединиться съ непривлекательною Христиной; онъ ищетъ свѣжаго мяса и красивыхъ людей. Копіи съ драгоцѣннаго донесенія Поникау Августъ отправилъ въ Данію.

О сношеніяхъ Эрика съ Гессеномъ узнали и при лондонскомъ дворѣ. До октября 1563 года въ Англіи ничего не было извѣстно о переговорахъ шведскихъ пословъ съ ландграфомъ, такъ какъ датчане никого не пропускали черезъ Зундъ въ Швецію. Въ концѣ октября въ Стокгольмѣ находился одинъ англійскій купецъ Антонъ Вастлинъ. Эрикъ XIV поручилъ ему отвезти отъ него письмо къ Елизаветѣ. Шведскій шиферъ, везшій Вастлина, встрѣтился у Готланда съ датскимъ флотомъ. Сопротивленіе было бы напраснымъ, и Вастлинъ сдался датчанамъ. Письмо короля, найденное у него на имя Елизаветы, было, разумѣется, перехвачено и вскрыто. Въ любовномъ по-

сланіи къ Елизаветѣ Эрикъ говоритъ, что никогда не думалъ серьезно о бракѣ съ Христиной, не питаетъ къ ней никакой любви и затѣялъ сватовство за ней только съ тѣмъ, чтобы возбудить ревность Елизаветы. Къ этому письму король присоединилъ и другое, болѣе трезваго характера; въ немъ онъ добивался политическаго сближенія съ Англіей противъ Даніи. Фридрихъ II, по своему обыкновенію, отправилъ оригиналъ письма Августу саксонскому, зная, какую цѣну онъ пріобрѣтетъ въ его опытныхъ рукахъ, копіи же съ письма доставилъ и Елизаветѣ, и Филиппу гессенскому. Въ Кассель король отправилъ своего тайнаго секретаря Каспара Паселика. Не успѣлъ Августъ получить извѣщеніе о знаменитомъ любовномъ письмѣ шведскаго короля, какъ тотчасъ же, въ самый день его полученія, написалъ о немъ Вильгельму, сыну ландграфа, и убѣждалъ его, на основаніи этого письма, не довѣряться болѣе шведамъ. Любопытно, что посольство Августа успѣло прибыть въ Кассель раньше датскаго: такъ поспѣшно дѣйствовалъ съ виду спокойный и осторожный курфюрстъ. Оба ландграфа, отецъ и сынъ, просили Августа доставить имъ самый оригиналъ письма, чтобы сличить его съ другими письмами Эрика XIV. Не успѣли они отправить нарочнаго къ Августу, какъ въ Кассель прибыли шведскіе послы, просившіе ландграфа разрѣшить ихъ государю наборъ кнехтовъ въ его владѣніяхъ и снова выдвинувшіе и брачный союзъ Христины съ ихъ государемъ. Желая показать посламъ всю неискренность ихъ государя, ландграфъ отправилъ своего нарочнаго къ Августу за оригиналомъ письма Эрика къ Елизаветѣ. Въ Кассель явился секретарь Августа Валерій Кракау съ драгоцѣннымъ оригиналомъ. Это было 16-го февраля 1564 года. Показавши шведскимъ посламъ знаменитое „любовное посланіе" Эрика, ландграфъ категорически отказался исполнить ихъ просьбу. Посламъ пришлось передъ отъѣздомъ выслушать много нападокъ на своего государя. Ландграфъ самъ писалъ къ Эрику и отказывался отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній съ нимъ.

Планъ шведско-гессенскаго союза не удался. Фридрихъ и Августъ достигли своего, благодаря совершенной случайности—плѣну Вастлина. Христина гессенская вышла замужъ за двоюроднаго брата Фридриха II—герцога Адольфа голштинскаго, и Гессенъ, такимъ образомъ, былъ вовлеченъ въ кругъ сторонниковъ и друзей Даніи и Саксоніи [1]).

---

[1]) Кромѣ статьи *Schwabe*, ср. о шведско-гессенскихъ дѣлахъ *Rommel*, Geschichte von Hessen, III, 2, 452—456. Любовное посланіе Эрика напечатано у

Внѣшняя политика Швеціи понесла первый рѣшительный ударъ. Въ Германіи Эрикъ могъ теперь расчитывать только на эрнестинскую партію, да на нѣсколько померанскихъ городовъ.

Обратимся къ сношеніямъ Эрика XIV и Фридриха II съ Нидерландами и Франціей. Въ первый же годъ войны съ Даніей Эрикъ вошелъ въ сношенія съ большею частью Европейскихъ государствъ, надѣясь дипломатическимъ путемъ пріобрѣсти союзниковъ въ борьбѣ съ Фридрихомъ II. И здѣсь, на поприщѣ дипломатическомъ, онъ обнаружилъ кипучую дѣятельность, какъ уже раньше на поприщѣ преобразовательномъ и военномъ (ливонскія дѣла).

До насъ дошло множество писемъ Эрика къ современнымъ ему государямъ Европы; они разсѣяны по архивамъ почти всѣхъ европейскихъ столицъ. Эти письма свидѣтельствуютъ о большомъ дипломатическомъ тактѣ Эрика, но обнаруживаютъ въ немъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наклонности софистическія; онъ старается наговорить на своихъ враговъ, выставляетъ ихъ въ невыгодномъ для нихъ свѣтѣ, выдвигаетъ свою правоту.

Въ войнѣ съ Фридрихомъ II Эрику было очень важно заручиться дружбою Нидерландъ, откуда онъ надѣялся получить и военные снаряды, и деньги, и корабли, и вотъ онъ еще до начала войны входитъ въ сношенія съ правительницей Нидерландъ Маргаритою пармской [1]). Онъ подробно изложилъ въ письмѣ къ ней причины своей вражды съ Даніей, и Маргарита должна была изъ этого письма проникнуться убѣжденіемъ, что вся вина начавшейся войны тяготѣетъ на Фри-

---

Leddcrhose, Kleine schriften, 1789, III, 216 и д. Ср. Göttingischer Historischer Magazin, 1788, III, 703—716—отвѣтъ Филиппа Эрику. См. *Weber* въ Archiv für Sächsiche Geschichte, II. 1864, Его-же—Aus vier Jahrhunderten, Neue Folge, I, 28. Calendar of State papers, Foreign Series of the reign of Elizabeth, 1559 — 1564. У *Arnoldi*, Denkwürdigkeiten, 274, напечатано письмо Филиппа гессенскаго Вильгельму Оранскому отъ 25-го февраля 1564 г. и отвѣтъ послѣдняго 25-го марта 1564 г.

[1]) Вопросъ объ отношеніяхъ Эрика XIV къ Нидерландамъ рѣшается нами исключительно на основаніи архивныхъ данныхъ Брюсселя. *Springhorn*, помѣстившій въ *Hist. Tidskrift* за 1885 годъ изслѣдованіе объ отношеніяхъ Швеціи къ Нидерландамъ до Густава Адольфа (Om Sveriges förbindelser med Nederländerna från äldsta tider till år 1614), также пользовался Брюссельскимъ архивомъ, но акты привели его къ совершенно странному и голословному заключенію о неспособности Эрика и во внѣшней, и во внутренней политикѣ. Ср. стр. 127—128. Авторъ проникнутъ враждебной тенденціей къ Эрику XIV, какъ Альквистъ и другіе шведскіе историки. Ср. наши Акты, № 16, стр. 43.

дрихѣ II. Онъ незаконно заключилъ въ тюрьму шведскихъ пословъ при проѣздѣ ихъ черезъ Копенгагенъ, онъ въ противность договорамъ препятствовалъ сношеніямъ своихъ поданныхъ съ Швеціей, онъ задерживалъ подвозъ различныхъ товаровъ въ Швецію. Чтобы задобрить и склонить Маргариту на свою сторону, Эрикъ изъ достовѣрныхъ источниковъ сообщаетъ ей о различныхъ стѣсненіяхъ, какія Фридрихъ датскій готовилъ подданнымъ испанскаго короля, возлюбленнаго брата и друга его. Фридрихъ захватываетъ корабли голландцевъ, конфискуетъ товары, заключаетъ ботсманновъ и т. д. Если Эрикъ рѣшается обо всемъ этомъ говорить правительницѣ Нидерландъ, то только въ силу той дружбы, которою скрѣплены отношенія шведскаго и испанскаго королей. Эрикъ, въ заключеніе своего письма, предлагаетъ Маргаритѣ заключить съ нимъ оборонительный союзъ, обѣщаетъ ея подданнымъ всевозможныя торговыя льготы и преимущества, согласенъ съ своей стороны имѣть съ испанскимъ королемъ однихъ друзей и враговъ и обѣщаетъ не вступать въ сношенія съ непокорными под данными его. Эрикъ просилъ Маргариту обо всемъ этомъ извѣстить Филиппа II и съ своей стороны помочь ему доставкою военныхъ снарядовъ, пороху и др. Маргарита могла бы репрессивно подѣйствовать на датскаго короля и настоять на свободномъ проѣздѣ своихъ торговцевъ черезъ Зундъ въ Балтійское море, добиться, однимъ словомъ, безпрепятственныхъ торговыхъ сношеній съ Швеціей. Примѣровъ того, что датчане задерживаютъ шведскихъ подданныхъ на ихъ пути за-границу, король могъ бы привести нѣсколько. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Эрикъ упоминаетъ о нѣкоемъ Ильѣ Гольдшмидтѣ, ѣздившемъ въ Голландію съ тѣмъ, чтобы привести оттуда кирасу. Испанское и нидерландское правительства интересовались сѣверными событіями лишь на столько, на сколько въ нихъ затрагивались торговыя выгоды ихъ подданныхъ. Въ XVI столѣтіи, какъ извѣстно, во время войнъ не соблюдалось международное право, нейтральныя державы въ одинаковой степени терпѣли отъ воевавшихъ державъ. Ливонская и семилѣтняя сѣверная война приносила наибольшій вредъ нидерландской торговлѣ. Датскій король взималъ съ подданныхъ Филиппа II непосильныя подати въ Зундѣ, а шведскій король внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы голландцы не сносились съ русскою Нарвой. Такимъ образомъ недоразумѣнія возникали у Нидерландъ и съ Даніей, и съ Швеціей. У голландцевъ, ѣздившихъ въ Нарву съ солью, шелковыми товарами и винами, всѣ ихъ товары отбирались то по распоряженію шведскаго правительства, то по распоряженію датскаго.

Къ 1562 году относится одинъ интересный документъ, освѣщающій отношенія испанскихъ Нидерландъ къ Швеціи. Жители Антверпена, оказывалось изъ этого документа, обратились съ жалобою къ Маргаритѣ на шведское правительство и сообщили ей слѣдующій фактъ. Нѣсколько антверпенскихъ и другихъ кораблей, нагруженныхъ солью. направлялись къ Ревелю; датскіе таможенные чиновники пропустили ихъ черезъ Зундъ, взявши съ нихъ обязательство, что они съ означеннымъ товаромъ отправятся въ Нарву, тогда уже русскій городъ. Такъ голландскіе купцы и сдѣлали; промѣнявши свой товаръ на мѣстные продукты, они спокойно возвращались назадъ, но около Ревеля попали въ руки шведовъ, которые и арестовали ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что голландцы, можетъ быть, везли свои товары датчанамъ и помогли врагамъ Швеціи. Шведское правительство не обратило никакого вниманія на завѣренія голландскихъ купцовъ въ противномъ, и ихъ отправили въ Стокгольмъ. Это одинъ изъ очень часто практиковавшихся случаевъ!

Маргарита была возмущена такимъ отношеніемъ Эрика къ ея подданнымъ и неоднократно обращалась къ нему съ требованіемъ удовлетворенія. Вышеприведеннымъ фактомъ не все еще исчерпывалось. Случаи захвата голландскихъ кораблей стали повторяться все чаще. Вскорѣ 50 голландскихъ кораблей съ солью были захвачены шведами тотчасъ по выходѣ ихъ изъ Зунда и отправлены въ Стокгольмъ, гдѣ король велѣлъ шведскимъ купцамъ раскупить всю соль по самой низкой цѣнѣ: вмѣсто 46 талеровъ за ластъ они платили всего по 25.

Подобные поступки, совершавшіеся съ вѣдома короля, не согласовались, по справедливому замѣчанію Маргариты, ни съ какими дружескими трактатами, на которые ссылался Эрикъ, ища помощи Нидерландъ противъ Даніи. Вмѣстѣ съ Филиппомъ II она потребовала для своихъ подданныхъ свободной, безпрепятственной торговли со Швеціей и на востокѣ съ русскими и настаивала на удовлетвореніи за всѣ убытки, причиненные шведскими губернаторами Ревеля и Стокгольма. О какомъ-либо союзѣ противъ Даніи не могло быть и рѣчи. Ни Маргарита, ни Филиппъ не желали отступать отъ Шпейерскаго трактата: онъ оправдывалъ ихъ нейтральность; на него они ссылались и въ переговорахъ съ Даніей. Отношенія Испаніи и Нидерландъ къ Даніи были гораздо сложнѣе, нежели ихъ отношенія къ Швеціи, такъ какъ Данія, владѣя Зундомъ, могла по своему усмотрѣнію допускать или нѣтъ подданныхъ ихъ въ Балтійское море. Мы

остановимся теперь на разсмотрѣніи этихъ отношеній до начала сѣверной войны и доведемъ ихъ до 1564, когда, какъ увидимъ, Фридрихъ II, не увѣренный въ Нидерландахъ, закрылъ временно Зундъ для всѣхъ торговцевъ ихъ.

Въ своей внѣшней политикѣ Фридрихъ II рѣшился держаться традиціи предшествовавшаго царствованія. Будучи самъ протестантомъ, онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ католическими державами; политическія выгоды онъ цѣнилъ всего выше, и поэтому сдѣлки съ совѣстью сдѣлались у него, какъ у большинства государей XVI столѣтія, самымъ обычнымъ явленіемъ. Поддерживая у себя дома ортодоксальный лютеранизмъ, онъ оставался безучастнымъ къ судьбамъ протестантовъ другихъ оттѣнковъ въ сосѣднихъ государствахъ. Не смотря на то, что испанское правительство открыто поддерживало реакцію, преслѣдовало протестантовъ, поднимало на нихъ гоненія, съ спокойною совѣстью предавало сотни и тысячи жертвъ инквизиціи и ауто-да-фе,—многіе протестантскіе государи, какъ Августъ саксонскій и Фридрихъ II датскій, не порывая съ штатами и съ Вильгельмомъ Оранскимъ, сохраняли къ нему наружное расположеніе, ибо этого требовали политическія выгоды ихъ государствъ [1]. То же нужно сказать и о католическихъ державахъ. Филиппъ II показалъ намъ своимъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Франціи, что и онъ готовъ изрѣдка сквозь пальцы смотрѣть на религіозную рознь тамъ, гдѣ отъ этого выигрывали политика и его универсальныя стремленія. Филиппъ II сохранялъ самую тѣсную дружбу съ Христіаномъ III, отцомъ Фридриха II; онъ надѣялся на его содѣйствіе въ борьбѣ съ Франціей, желалъ вовлечь его въ свои обширныя политическія комбинаціи; но это ему не удалось. Въ борьбѣ съ Генрихомъ II Валуа онъ обращался къ Христіану III съ просьбою доставить ему нѣсколько отрядовъ кнехтовъ и разрѣшить произвести въ Даніи наборъ пѣшихъ и конныхъ людей; онъ надѣялся на удовлетворительный отвѣтъ тѣмъ болѣе, что датскій король уже 13 лѣтъ не велъ ни съ кѣмъ войны и, слѣдовательно, безъ ущерба для себя могъ бы уступить Филиппу часть своихъ войскъ. Филиппъ просилъ также Христіана закрыть Зундъ для всѣхъ французскихъ судовъ, его же

---

[1]) Объ отношеніяхъ Фридриха къ Вильгельму Оранскому, см. *Groen van Prinsterer*, I, 68. *Kernkamp*, 16: De Nederlandsche maagd moest in haar prille jeugd nog streven naar „de gunste ende affectie“ van vorsten, tegenover wie zij, op meer gevorderden leeftijd, de coquette zou spelen.

подданнымъ разрѣшить безпошлинную торговлю въ датскихъ владѣніяхъ, даровать право закупать хлѣбъ и другіе съѣстные припасы [1]). Испанскій король не добился, однако, ничего отъ Христіана III. Осторожный король отвѣчалъ ему самыми общими выраженіями дружбы и расположенія. Отказываясь отъ политическаго союза, Христіанъ желалъ сохранить торговыя сношенія своихъ подданныхъ съ богатыми Нидерландами [2]). До конца своего царствованія онъ сумѣлъ удержаться въ мирныхъ и дружескихъ отношеніяхъ къ Филиппу. Оба короля, столь несхожіе между собою по своимъ политическимъ и нравственнымъ принципамъ, понимали, однако, что для ихъ подданныхъ дружба между ними необходима.

Союзъ съ Даніей былъ на столько важенъ для Филиппа II, что при воцареніи Фридриха онъ снова отправилъ въ Данію пословъ, въ инструкціи которымъ повторялъ свое прежнее желаніе заключить съ новымъ королемъ Фридрихомъ II оборонительный и наступательный союзъ противъ Франціи [3]). Фридрихъ отвѣчалъ Филиппу только 8-го сентября 1559 года [4]); въ это время, какъ извѣстно, заключенъ былъ

---

[1]) Брюссельск. архивъ. Collection des pièces de Secrétairerie d'Et. Allemand. № 338. Тамъ же—письма Филиппа Христіану III отъ 5-го и 10-го марта 1557 года.

[2]) Брюсс. архивъ., Христіанъ III Филиппу II, Копенгагенъ, 24-го апрѣля 1557 года: Vnnd wollen E. L. sich zw vnns versehenn vnd verlessenn, als wir E. L. freuntlich gemueth vnd naigung dermassenn befürdenn, das wir vnns aller Freundschaft gegenn E. L. mit götlicher verleyhung hinwidder wollenn verhalttenn, also, das an allem pilligenn vnnd was zu guter freundschafft dienlich beij vnns nicht soll erwindenn.... das sich pillig ein thail zu dem andernn aller Freundschaft vnnd guttenn, wie annhero allerseits mit gutem bestanndt wurcklich ertzaigt wordenn, zuuersehenn vnnd zuuerlassenn. Wurde auch zu Wasser vnnd zu Lannde was fürstossenn, vnnd vermergnt, daran E. L. vnnss gelegenn zu sein erachtenn, vnnd gemaine wolfart belanngenn möcht, oder das E. L. uff der naheitt vnnser Reich vnnd Lannde Krigsbewerk wurdenn anstellen lassenn, wollenn E. L. vnns dauon freuntlich zuuerwissigen vnbeschwerd sein, Es soll auch herwidder also gehalttenn werden, solchs habenn wir E. L. alss vnnserm besonnderrn lieben Ohaimen vnnd freundt hinwidder freuntlich vnangezaigt nicht wollen lassenn, vnnd seindt E. L. jnn alwege besondere freundschaft vnd willfarung zubeweisen freuntlich genaigt vnnd willig.

[3]) Въ Брюссельскомъ архивѣ хранятся двѣ инструкціи, данныя Филиппомъ II своимъ посламъ въ Данію, отъ 27-го января и 11-го марта 1558 года. Содержаніе третьей инструкціи, предназначавшейся Фридриху II, совершенно сходно съ двумя предшествующими.

[4]) Брюсс. архивъ. Подлинное письмо Фридриха II:... wir haben auch an dem allen gantz keinen zweiffell, wollenn vns auch hinwiderumb nach höchsten vermugenn beuleissenn das S. L. dem bruderlichen vertrauen vnnd vnnserm

уже Като-Камбрезійскій миръ, составляющій важный моментъ въ исторіи католической реакціи; съ этимъ миромъ и Франція вошла въ составъ державъ, обязавшихся поддерживать возродившійся католицизмъ. Фридрихъ II въ письмѣ къ испанскому королю выражаетъ свою радость по поводу примиренія съ Франціей; о союзѣ же съ Испаніей онъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ; большая часть письма занята общими заявленіями о братскомъ расположеніи и любви. Послѣ 1559 года и для Испаніи миновала потребность въ политическомъ сближеніи съ Даніей; Филиппъ II съ этихъ поръ добивается для своихъ подданныхъ безпрепятственнаго проѣзда черезъ Зундъ и свободной торговли на Балтійскомъ морѣ. Маргариту онъ просилъ войдти въ переговоры съ Фридрихомъ II, чтобы добиться для своихъ подданныхъ права торговать въ Бергенѣ и другихъ городахъ Норвегіи [1]).

Начавъ войну съ Швеціей, Фридрихъ II обратился къ Маргаритѣ пармской съ длиннымъ письмомъ [2]), въ которомъ выяснялъ ей причины, заставившія его въ союзѣ съ Любекомъ объявить Швеціи войну. Изъ этого письма оказывается, что война начата исключительно только по винѣ Эрика XIV: онъ продолжаетъ носить въ своемъ гербѣ три короны, не смотря на неоднократные протесты датскаго правительства, онъ не упускаетъ случая унизить или оскорбить королевское достоинство Фридриха II, препятствуетъ свободному плаванію на Балтійскомъ морѣ, захватываетъ корабли датчанъ и т. д. Фридрихъ, говорится въ письмѣ, неоднократно пытался возстановить прежнія дружескія отношенія съ Эрикомъ, посылалъ съ этою цѣлью пословъ въ Швецію, самъ писалъ къ королю, но тщетно: шведскій король отвергъ предложенія Фридриха и еще до начала войны велѣлъ своему адмиралу съ 20-ю кораблями напасть на семь датскихъ кораблей, стояв-

---

vorigen erbietten zuuolge die bruderliche zuneigung vnnd nachbarliche bes'endigkeit jnn allem guttenn vnnd Warer freundschafft bey vnns wurcklich zubefinden, wie solchs E. L. freundt vnd bruderlich erzeigung nicht anders erfurdet vnnd wir nicht weniger als vnnser Herr Vatter — E. L. zu erhaltung bestendiger freundschafft, verwandtnus vnnd nachbarschafft jnn allen muglichen zuwillfahren, freundt vnnd bruderlichen willens vnnd geneigt sein, vnnd habenn solchs E. L. hinwiederumb freundtlich nicht vngezeigt lassen wollen. Datum vf vnnserm Hoff Gissöe in Falster.

[1]) Въ Брюссельскомъ архивѣ. Coll. des pièces de la Secrétairerie d'Et. All. № 351 и 352. Тутъ имѣются письма Филиппа II къ Фридриху II, отвѣтъ Фридриха отъ 8-го сентября и письма къ Фридриху II Маргариты пармской.

[2]) Акты и письма, № 15.

шихъ у Борнгольма съ цѣлью наблюденія за пиратами. Датчане въ происшедшей стычкѣ понесли значительный уронъ, адміралъ ихъ взятъ былъ въ плѣнъ, и только небольшое число датчанъ спаслось бѣгствомъ. Послѣ этого шведы продолжали преслѣдовать датскіе корабли, грабили торговцевъ и ничѣмъ не отличались отъ морскихъ разбойниковъ. При такомъ отношеніи къ Даніи шведскаго правительства, Фридриху оставался одинъ исходъ—война, чтобы отстоять честь короны и своихъ подданныхъ.

Фридрихъ II напрасно полагалъ, что въ Нидерландахъ ничего не знали о взаимныхъ отношеніяхъ скандинавскихъ государей; онъ напрасно искажалъ истину,—Маргарита внимательно слѣдила за ходомъ дѣлъ на сѣверѣ и прекрасно знала всѣ обстоятельства борнгольмскаго столкновенія. Оно произошло совершенно не такъ, какъ писалъ король, не постѣснявшійся исказить истину, чтобы вызвать къ себѣ состраданіе и участіе испанскаго правительства. Онъ просилъ и Маргариту, и Филиппа, какъ друзей Даніи, не доставлять шведамъ ни кораблей, ни наемниковъ, ни военныхъ снарядовъ, ни провіанта и не пропускать черезъ свои владѣнія союзниковъ Швеціи. Фридрихъ твердо надѣялся на то, что какъ Филиппъ, такъ и Маргарита сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы укротить шведскаго короля и возстановить на сѣверѣ миръ. Онъ въ заключеніе своего письма просилъ ихъ содѣйствовать доставкѣ въ Данію всѣхъ нужныхъ для войны матеріаловъ, а также наемниковъ и кораблей, убѣждалъ помочь ему и предупреждалъ, что, быть можетъ, обстоятельства вынудятъ его присвоить себѣ товары голландскихъ и другихъ купцовъ при проходѣ ихъ черезъ Зундъ.

Маргарита не замедлила отвѣтомъ; ея письмо вполнѣ обнаруживаетъ програму дѣйствій мадридскаго и брюссельскаго дворовъ; въ начавшейся войнѣ обоихъ сѣверныхъ королей и Филиппъ и Маргарита рѣшили держаться строжайшаго нейтралитета. Въ силу шпейерскаго мирнаго трактата 1544 года [1]), пишетъ правительница Нидерландъ, Испанія и генеральные штаты должны сохранять миръ какъ съ Швеціей, такъ и съ Даніей; затѣмъ, въ силу того же трактата, плаваніе на Балтійскомъ морѣ должно быть совершенно свободно и безпрепятственно для нейтральныхъ государствъ. Между тѣмъ Фридрихъ уже съ самаго возникновенія войны съ Швеціей готовится нарушить эти постановленія трактата 1544 года. Уже были случаи, пишетъ

[1]) Ср. *Arnoldi*, 250.

Маргарита, остановки и задержки голландскихъ кораблей; многіе изъ нихъ датчане захватили на пути ихъ въ Швецію, Нарву и Ригу съ товарами, предназначавшимися шведамъ. Фридрихъ II также противозаконно сталъ увеличивать транзитную и другія пошлины въ Зундѣ, доведенныя до 25 талеровъ съ корабля. Часто въ Зундѣ задерживаютъ голландскіе корабли на такой продолжительный срокъ, что товары портятся, и продавать ихъ приходится за полцѣны. Хлѣбъ и муку датчане нерѣдко сами берутъ для себя, платя за нихъ слишкомъ низкую цѣну. Нерѣдко вслѣдствіе долгихъ задержекъ въ Зундѣ корабли не поспѣваютъ во время пріѣзжать домой. Наконецъ, Маргарита ставитъ на видъ Фридриху и беззаконное повышеніе пошлины и введеніе новыхъ налоговъ въ Норвегіи: вмѣсто трехъ талеровъ съ корабля, тамъ стали брать уже пять.

Дальнѣйшая переписка Маргариты и Филиппа II съ Фридрихомъ еще яснѣе раскрываетъ передъ нами политику Испаніи и Нидерландъ по отношенію къ сѣвернымъ государствамъ. Изъ этой переписки [1]) оказывается, что Фридрихъ отправилъ въ Нидерланды одного изъ своихъ довѣренныхъ слугъ съ тѣмъ, чтобы набрать тамъ опытныхъ ботсмановъ и моряковъ [2]). Не успѣлъ онъ отправить его, какъ узналъ объ изданіи въ Нидерландахъ эдикта, которымъ иностраннымъ державамъ запрещалось дѣлать наборы моряковъ, кнехтовъ и проч. Мысль, что слуга его въ виду такого эдикта легко можетъ подвергнуться заключенію, побудила Фридриха обратиться съ новою просьбою къ Маргаритѣ—не примѣнять запретительнаго эдикта къ Даніи и разрѣшить его слугѣ наборъ моряковъ, необходимыхъ для морской войны съ Эрикомъ XIV [3]). Маргарита отвѣчала на эту просьбу ссылкою на шпейерскій трактатъ, обязывавшій испанское и нидерландское правительства соблюдать по отношенію къ сѣвернымъ державамъ строгій нейтралитетъ. Она писала Фридриху, что ни Испанія, ни Нидерланды не будутъ помогать ни одной изъ воюющихъ державъ, но еслибы онѣ пожелали дипломатическаго посредничества Испаніи и Нидерландъ ко взаимному примиренію, то и она, и Филиппъ съ полною готовностью

---

[1]) Особенный интересъ представляетъ письмо Фридриха II къ Маргаритѣ отъ 7 января 1564 года и отвѣтъ на него Маргариты отъ 7 февраля того же года. (Брюсс. арх.).

[2]) Etzliche erferne Both oder Seheleutte.

[3]) Diesem unsernn in solchem seinem beuelch vorgerürtten Edicts ungehinndert befurderung zuertzeigen, damit demselbigen etzlich both und schiffleuthe wie gedacht zu unnserm dienst und behuff gefolgt und ausgestatt worden mugen.

возьмутся за это и надѣются, что миръ этимъ путемъ всего прочнѣе водворится въ сѣверной Европѣ [1]).

Политика Испаніи и Нидерландъ была, такимъ образомъ, строго нейтральною. Это не мѣшало, однако, нѣкоторымъ предпріимчивымъ людямъ на свой страхъ сноситься съ воевавшими державами, доставлять имъ оружіе и съѣстные припасы, помогать имъ наборомъ кнехтовъ и проч. Какъ скоро подобные случаи обнаруживались, между датскимъ и испанскимъ правительствами завязывалась переписка нерѣдко довольно враждебнаго характера. Фридрихъ II съ большою радостью ухватывался за такіе случаи, чтобы съ своей стороны присвоить себѣ богатые товары голландскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Зундъ; онъ пользовался вышеприведенными случаями, чтобы оправдать свое суровое обращеніе съ голландцами въ Зундѣ. Изъ-за нѣсколькихъ частныхъ лицъ терпѣла торговля цѣлой страны. 9 сентября 1564 года Фридрихъ II писалъ въ Брюссель, что нѣсколько голландскихъ кораблей были захвачены по его приказанію у Готланда за то, что съ военными снарядами. оружіемъ и провіантомъ направлялись въ Швецію; на корабляхъ голландцевъ находились и посланные шведскаго короля, ѣздившіе въ Германію для набора кнехтовъ; ихъ теперь доставляли на родину голландскіе купцы [2]). Одинъ изъ капитановъ Поппингъ имѣлъ порученіе отъ Эрика XIV набрать для него въ Германіи опытныхъ артиллеристовъ и закупить съѣстные припасы; эта миссія его обнаружилась изъ писемъ, адресованныхъ къ нему и вскрытыхъ по распоряженію датскаго правительства. Другой нидерландецъ, Адріянъ Кроллъ, везъ шведамъ оружіе и кнехтовъ и открыто хвастался тѣмъ, что онъ сторонникъ Швеціи и навсегда пребудетъ таковымъ [3]). Фридрихъ II велѣлъ заключить и Поппинга и Кролла, но послѣднему удалось бѣжать. Фридрихъ II указывалъ Маргаритѣ и на другіе факты. Нерѣдко голландскіе купцы, получившіе свободный проѣздъ черезъ Зундъ, говорили, что ѣдутъ въ Данцигъ, а сами вмѣсто того направлялись въ Швецію. Такъ было съ 200 торговыхъ судовъ, нагруженныхъ солью; капитаны ихъ поклялись, что не поѣдутъ въ Швецію, но обѣщанія своего не сдержали и доставили все огромное количество

---

[1]) Брюсс. арх. Письма Маргариты и Филиппа отъ 7 февр., 2, 16, 14 и 28 марта 1564 года. Ср. Papiers d'etat du Card. de Granvelle, VII, 309. *Gachard*, 90, 92.

[2]) Allerhandt andere dem K. zu Schweden verwandte personen, so mit commission in Deutschlant abgeferttigt jegen vns Kriegsleutte, Munition und anders zubewerben.

[3]) Dass er schwedisch war und sein wolt.

соли шведамъ, нуждавшимся въ ней [1]). Голландцы, наконецъ, сносятся со шведами и чрезъ Нарву, и чрезъ сѣверную Норвегію — путь, указанный имъ англичанами.

Сношенія скандинавскихъ государствъ, въ особенности Даніи, съ Франціей, становятся болѣе оживленными уже въ разгарѣ сѣверной войны.

Со Швеціей сношенія завязываются раньше, тотчасъ по вступленіи на престолъ Эрика XIV. Если Фридрихъ II вообще склоненъ былъ къ союзу съ консервативною партіей въ Германской имперіи (Саксонія и императоръ) и съ ея союзниками: Испаніей, Нидерландами, то Эрикъ XIV обнаруживалъ симпатіи къ анти-габсбургской партіи, всего болѣе питаемой и поддерживаемой Франціей. Это анти-габсбургское направленіе проходитъ и черезъ всю послѣдующую политику шведскихъ Вазъ, за исключеніемъ развѣ Іоанна и Сигизмунда III. Франція еще при Францискѣ I обращалась къ сѣвернымъ государямъ въ надеждѣ найдти въ нихъ союзниковъ противъ габсбургскаго дома; и тогда уже Швеція подавала ей больше надежды на союзъ, нежели Данія. Въ началѣ 1561 года Эрикъ отправилъ Charles de Mornay въ Парижъ, съ тѣмъ чтобы привѣтствовать новаго короля, Карла IX, и выразить ему искреннее желаніе Эрика продолжать и поддерживать дружбу съ Франціей; въ подтвержденіе такого настроенія шведскаго правительства къ Франціи, де Морнэ долженъ былъ указать на рядъ дипломатическихъ попытокъ габсбургскаго дома привлечь Швецію въ число своихъ союзницъ, и на то, какъ Швеція каждый разъ рѣшительно отклоняла всѣ подобныя предложенія. Инструкція, данная Морнэ, была составлена въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, никакихъ

---

[1]) См. Дрезд арх. 12 Dän. Bücher, Graff Ludewig zur Newgarten Августу Саксонскому, 20 іюля 1565 года: es soll auch gewiss sein das bej 200 Niederl. schieff zu Dantzig vor weinig tagen auss Schweden zurück seindt angekhummen, die in Schweden vielerlej wahre gebracht, vnnd jtzt zu Dantzig alle arrestirt seindt vnd soll sich darumb also erhalten, dass sie vorhin vorm Sunde der Kon. W. zu Denemark semptlich einen Eidtt geleistet, das jhrer keiner in Schweden sich begeben, oder darein ettwas bringen vnnd füren wollten, dem zuwiddern sie gehandelltt.— — haben vonn wahren nichts aus Schweden gebrachtt, allein die betzalunge jhrer wahren bej sich haben. Der Schwede aber soll albereitt darauf den von Dantzig drej Schiefe abngehalten haben, Derwegen die vonn Denemark jhre abgesandte abgefertigett die Relaxation jhrer Schieffe zubitten, Mitt dem anhange, jm fall solichs nicht geschehe, vnd vor feinden sollten gehalten werden, das sie sich in gleichem betzeigen mussten.

опредѣленныхъ или детальныхъ условій союза Франціи съ Швеціей она не заключала. Такая осторожность со стороны Эрика была не лишнею: онъ еще не зналъ, какое направленіе приметъ новое правительство Франціи; Гизы пали, Екатерина какъ правительница не успѣла еще обнаружить своихъ политическихъ стремленій, Эрикъ не зналъ ни ея будущей программы, ни ея правительственныхъ принциповъ; никто не подозрѣвалъ еще, чтобы забитая итальянка скрывала въ себѣ такое „демоническое“ властолюбіе, которому приносились въ жертву всѣ другіе интересы. И Карлъ IX, и Екатерина Медичи съ удовольствіемъ приняли посольство шведскаго короля и выразили желаніе закрѣпить дружбу съ нимъ какимъ-нибудь новымъ договоромъ; поднятъ былъ вопросъ и о женитьбѣ Эрика на Маріи Стюартъ, вдовѣ Франциска II, но проектъ этотъ исчезъ, когда Марія въ августѣ 1561 года уѣхала въ Шотландію. До формальнаго же возстановленія прежняго договора дѣло не дошло [1]). Переговоры между Стокгольмомъ и Парижемъ продолжались въ слѣдующіе годы. Возникшая между Швеціей и Даніей война не только не остановила дипломатическихъ сношеній обоихъ государствъ, но они стали еще оживленнѣе. Франція предлагала свое посредничество какъ Швеціи, такъ и Даніи, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ замѣтила живое участіе въ войнѣ Англіи и Испаніи, своихъ давнишнихъ соперницъ. Достаточно было обнаружиться дружбѣ Англіи и Испаніи къ Даніи, чтобы Франція явилась энергическою заступницей Швеціи. Нерѣдко французское правительство разрѣшало шведамъ производить у себя наборы кнехтовъ и рейтеровъ; шведамъ удавалось иногда переправлять въ Швецію до 3.000 французскихъ наемниковъ. Бывали въ взаимныхъ отношеніяхъ Франціи и Швеціи моменты, когда они и значительно обострялись: причиною этого были стѣсненія, какимъ шведское правительство подвергало французскихъ торговцевъ, отваживавшихся пріѣзжать въ Нарву; но до разрыва дѣло никогда не доходило; Франція была слишкомъ заинтересована въ балтійской борьбѣ, отъ нея зависѣли меркантильные интересы ея и, не становясь явно ни на ту, ни на другую сторону, она хлопотала о заключеніи такого мира, въ которомъ выиграла бы и ея сѣверная торговля.

Мы съ большою подробностью остановились на дипломатическихъ сношеніяхъ скандинавскихъ государей съ восточною и западною Евро-

---

[1]) Ср. *Springhorn*, Om Sveriges politiska förbindelser med Frankrike före Gustaf II Adolfs tid. Въ Historiskt Bibliotek, 1880, стр. 19 и далѣе.

пою до начала извѣстной сѣверной семилѣтней войны, чтобы выяснить положенiе каждаго изъ нихъ. Нужно замѣтить, что на сторонѣ Фридриха II были болѣе прочные союзники, какъ напримѣръ Любекъ, а главнымъ образомъ Августъ саксонскiй; количественно, Эрикъ былъ, можетъ быть, и счастливѣе обставленъ союзниками, но пользы отъ нихъ онъ извлекалъ очень не много. Вся грандiозная Грумбаховско-лотарингская затѣя рухнула, гессенскiй проектъ тоже, во Францiи начались религiозныя войны, Филиппъ II готовился къ борьбѣ съ Нидерландами. Елизавета называла Эрика коварнымъ, хотя сама была еще болѣе коварною, перетянуть на свою сторону Москву также не удалось неутомимому королю Швецiи. Ходъ сѣверной войны будетъ предметомъ слѣдующей главы. Значенiе ея въ обще-балтiйской борьбѣ громадно, почему съ началомъ ея мы и должны начать новый перiодъ этой борьбы. Вообще 1563 годъ представляетъ во многихъ отношенiяхъ поворотный пунктъ въ балтiйскомъ вопросѣ. Кромѣ паденiя Полоцка, въ значительной степени ослабившаго Польшу, въ этомъ году началась и сѣверная война, которая непремѣнно должна была невыгодно отразиться на положенiи Данiи, а въ частности Магнуса въ Ливонiи; къ 1563 году относится и заключенiе Іоанна финляндскаго въ Грипсгольмѣ, что прямо было вызовомъ Польшѣ, которая естественно протягивала руку Данiи для совмѣстной борьбы съ Швецiей. Наконецъ, въ 1563 году и нарвскiй вопросъ совпадаетъ съ зундскимъ, сближая Данiю съ Москвою. Съ этихъ поръ балтiйская борьба совершенно мѣняетъ свой характеръ: раньше всѣ взывали къ борьбѣ съ Москвою, теперь силы раздѣляются, будучи направлены и на Москву, и на Швецiю. Прочности новая дипломатическая постановка не могла имѣть; всего рѣзче бросалось всѣмъ въ глаза сближенiе дружественной къ Москвѣ Данiи съ Польшей, всѣ стремленiя которой были направлены противъ Россiи. Весь сложный узелъ дипломатическихъ сношенiй самъ собою, безъ Александрова меча, распался, когда началась сѣверная война.

ГЛАВА IV.

Первые годы сѣверной семилѣтней войны, 1563—1565.—Второй Ростокскій мирный конгрессъ.—Участіе въ немъ Помераніи и отношенія ея къ Даніи и Швеціи въ первые годы войны.—Любекъ и его роль на конгрессѣ.—Померанскіе города.—Посредничество ихъ въ концѣ 1564 и въ 1565 г.—Отношеніе Польши къ Данцигу, Зунду и нарвскому плаванію.—Широкіе размѣры нарвской торговли.—Сигизмундъ и Нидерланды.—Внутреннія движенія въ Германіи: Лотарингія, Грумбахъ и Веймаръ.—Проекты 1564 и 1565 годовъ.—Мѣры, принятыя Даніей и Саксоніей противъ Лотарингіи.—Закрытіе Зунда и дипломатическія сношенія Даніи съ Нидерландами.—Максимиліанъ и его указъ 5-го ноября 1565 года.—Августъ на аугсбургскомъ рейхстагѣ.—Конецъ борьбы съ веймарскимъ герцогомъ и Грумбахомъ.—Значеніе ихъ катастрофы.—Военныя событія 1566—1567 годовъ.—Посредничествующая роль аугсбургскаго рейхстага.—Участіе въ немъ Польши и Помераніи.—Любекъ и его отношенія къ императору.—Новое движеніе въ Германіи въ пользу сближенія съ Москвою.—Ливонско-балтійскій проектъ крупныхъ торговыхъ фирмъ.—Донесенія Либенауера и Сенга.—Значеніе новаго вѣянія въ имперіи на ходъ событій.—Эрикъ и Москва.—Ливонскія событія съ 1564 по 1567 годъ.—Швеція и Москва.—Coup d'état въ Швеціи въ 1568 году.

Семилѣтняя сѣверная война, начавшаяся въ 1563 году, главнымъ образомъ изъ-за Ливоніи, является событіемъ интереснымъ не только для сѣверной Европы: значеніе ея простирается за предѣлы Скандинавіи и Балтійскаго моря. Въ этой борьбѣ каждому прибалтійскому государству назначено было свое мѣсто, никто не оставался празднымъ зрителемъ ея, всѣ поневолѣ вовлекались въ нее, прямо или посредственно. „Балтійскій вопросъ соединяетъ въ себѣ съ этихъ поръ интересы династическіе, государственные, коммерсіальные“. Съ 1563 года мы должны слѣдить за двумя театрами войны, въ Скандинавіи, на Балтійскомъ морѣ и въ Ливоніи.

Семилѣтняя сѣверная война началась въ августѣ 1563 года. Датчане, во главѣ которыхъ стоялъ самъ король, покинувшій Копенгагенъ еще въ іюлѣ, направились въ Сконе, первые удары ихъ были направлены на важную въ стратегическомъ отношеніи крѣпость Эльфс-

боргъ, при верховьяхъ Гётаэльфа. Моментъ, выбранный Фридрихомъ II для вторженія въ Швецію, былъ какъ нельзя болѣе удобнымъ и выгоднымъ для него: Эрикъ XIV все еще занятъ былъ финляндскимъ возстаніемъ, военныя силы его были разбросаны и пойдти на помощь Эльфсборгу онъ не имѣлъ никакой возможности. Въ распоряженіи Фридриха было 28.000 чел. Осада Эльфсборга началась 1-го сентября, 3-го городъ былъ уже въ рукахъ датчанъ [1], а съ нимъ и большіе запасы оружія и пороха. Въ октябрѣ кампанія окончилась, датскія войска расположились на зимовку въ Сконе, король возвратился въ Копенгагенъ. Вѣсть о сдачѣ Эльфсборга застала Эрика въ Норркёпингѣ; она не смутила короля, напротивъ—онъ съ небывалою энергіей отдался войнѣ, дѣлалъ новые наборы, разсылалъ воззванія къ народу, склонялъ дворянъ и крестьянъ на защиту отечества, назначалъ чрезвычайные налоги; ожидались только припасы изъ Стокгольма, чтобы двинуться на датчанъ. Обращался Эрикъ и къ Ревелю съ просьбой доставить ему кнехтовъ и съѣстные припасы, указывая при этомъ, какъ безкорыстно онъ помогъ городу въ великой нуждѣ его въ 1561 году, какія большія затраты сдѣланы были для охраненія торговли города и для уничтоженія нарвскаго плаванія; война съ Даніей и Любекомъ, писалъ Эрикъ Ревелю, начата *исключительно ради Ревеля* [2]. Эрика удивило отступленіе датчанъ на зимнія стоянки, къ нему приходили самые противорѣчивыя извѣстія о намѣреніяхъ датскаго короля. Свѣтлыя надежды смѣнялись у него безпокойствомъ и страхомъ; подъ давленіемъ этихъ чувствъ король быстро издавалъ рядъ указовъ и столь же быстро отмѣнялъ ихъ; въ его дѣйствіяхъ на время изчезаетъ всякій планъ, всякая система, ему не доставало выдержки, спокойствія, военнаго такта, онъ точно не зналъ, на что рѣшиться. Мало по малу однако шведскія силы

---

[1]) Фридрихъ Августу саксонскому, 5-го сент. 1563. Дрезд. арх.—*Tegel*, 100, говоритъ, что Фридрихъ II взялъ Эльфсборгъ хитростью. *Hövel*, 23. Начальникомъ датчанъ при штурмѣ города былъ Георгъ фонъ Голле. Дрезд. арх. Донесеніе Генриху брауншвейгскому изъ Ростока: Sonnabend nach Nativitatis Mariae. Die Sage ist, dass das hauss Olsburk in Schmallandt gelegen von dem K. zu Dennemark belegen, durch Georg von Holle gesturmet, vnd am tag Egidij mit dem Sturm erobert sei. Въ Эльфсборгѣ было 700 человѣкъ, они были снабжены провіантомъ на 2 мѣсяца. См. труды *Westling*'а и *Vaupell*, Den nordiske Syvaarskrig 1563—1570. Kjöbenh. 1891.

[2]) *Hansen*, 147: Der Krieg ist fast nur euretwegen entstanden. Въ другой разъ: Doch vornehmlich euretwegen werden die Kriege geführt, Sonst sässen wir wohl im Frieden.

группируются у Іенкепинга, къ нимъ присоединяются и войска, возвратившіяся изъ Финляндіи. Въ октябрѣ Эрикъ рѣшился двинуться на югъ; 23-го числа онъ съ 28.000 войскомъ началъ осаду Гальмстада, важной крѣпости въ южной Швеціи. Два первыхъ штурма были безуспѣшны; на третій солдаты отказались идти. 8-го ноября на помощь къ осажденному городу подоспѣли датчане, наканунѣ же шведы отступили [1]). Датчане бросились преслѣдовать ихъ. взяли главное знамя шведскаго войска, 50 орудій и убили до $4^1/_2$ тысячъ человѣкъ [2]). Августъ саксонскій, извѣщая ландграфа гессенскаго о военныхъ событіяхъ, съ ироніей замѣчаетъ, что Эрикъ проявилъ удивительную храбрость; курфюрста возмущало презрительное отношеніе короля къ нѣмецкимъ наемникамъ [3]).

Въ первый годъ войны шведы сдѣлали рядъ наступательныхъ попытокъ въ Норвегіи, но также не имѣли успѣха [4]). Морскія событія этого года были очень незначительны. У шведовъ было 28 кораблей; завидѣвъ союзный флотъ (въ немъ было 38 кораблей), шведы скрылись въ шкерахъ, и союзный флотъ былъ полнымъ госпо-

---

[1]) Дрезд. арх. Kriegsübung zwischen den Königen Dannemark vnd Schweden vnd darher angebottene gütliche vnderhandlung. Письмо Генриху Брауншвейгскому, 14-го ноября. Ср. Данц. арх. Urk. Saml. CXL. E. 13781. Von newer zeitung ist wenig vorhanden, heute dato schreibt Albrecht Schilling von Lubeck das der Swede vor helmerstedt widerumb sein sol mit XXX millia man vnd sol fur sich brennen (?) wass jm furkumpt, des sol K. M. von Dennemarck nach dem sie jm Landt zu Holsten gewesen zum Kiel nach Dennemarck vorruckt sein vnd sich auff Krigsfolck begeben die selben zu besolten vnd ferner vff Sweden zu furen. *Dan er plath Konig jn Sweden sein wil.* Vnd solln die Lubschen jrer burgermeister vnd Ratsperson einsampt dem Syndico vnd secretario bej Irer Mat. gehabt haben, was aber beschlossen, schreibt er, ist noch stille, Sie sein allein eins vor Irer M. gewesen sein, vnd difficulter furgekommen. Das sich die Lubschen auch sterck mit schiffen sollen zum orlei sterken, vnd 24 schiff sampt pincken vnd jachten zurichten, jn meinung die schiffe zur Narue zu rotten, die zu rucke geiagt seint von den Sweden.

[2]) Цифры сильно колеблются; у *Менкенія*, 516, читаемъ, что шведовъ пало 7000 человѣкъ, оружія взято 60. Цифры текста по актамъ Дрезд. архива.

[3]) Дрезд. арх. Письмо Августа отъ 12-го дек., Grillenburg: „Es haben aber E. L. aus den brieff so der Konnig zu Schweden an Graue Guntern zu Schwartzburg geschrieben gnugsam zuuermercken, mit was Dapperkeit gemelter Konnig diesen Krieg furet, vnd wor für er die Deutschen Kriegsleute heldt, das er Inen so grobe vnkeuscheit darff anmuten … haben wir nie erfaren, das auch durch frembde Nationen ein solch vnerbar anmuten an ein deutsch Kriegsvolck gescheen were“.

[4]) Ср. *Daae*, En Episode af den nordiske Syvårskrig, Nordisk Tidskrift för Politik, Ekonomi och Litteratur. 1867, Lund.

диномъ на морѣ [1]). И на сушѣ, и на морѣ датчанамъ и ихъ союзникамъ принадлежало первенство.

1564-й годъ начался вторженіемъ шведовъ въ Норвегію; имъ удалось утвердиться въ Трондьемѣ, Бергенѣ и др. пунктахъ, но вскорѣ уже населеніе. недовольное высокими поборами шведовъ, стало подниматься противъ нихъ. и начальникъ шведскихъ войскъ Collart доженъ былъ сдаться въ плѣнъ датскому военачальнику Эрику Мунку. За шведами оставались лишь Herjedalen и Jemteland, положеніе которой между Швеціей и Норвегіей напоминало положеніе Шлезвига между Даніей и Германіей въ 19 столѣтіи Въ августѣ этого года Эрикъ сдѣлалъ попытку занять Блекингъ. но неуспѣшно.

Датчане должны были въ 1564 году двинуться къ Кальмару; имѣлось въ виду осадить этотъ городъ и съ суши. и съ моря, но такъ какъ флотъ запоздалъ. то войска начали одни осаду. На этотъразъ датчане потерпѣли неудачу: Кальмаръ стойко отражалъ всѣ ихъ приступы.

Гораздо значительнѣе были морскія событія этого года.

Всю зиму и весну 1564 года союзники и Эрикъ XIV дѣятельно готовились къ морской войнѣ. Въ Даніи и Любекѣ строились новые корабли, старые обновлялись, отовсюду сзывались моряки и дѣлались запасы провіанта для флота [2]); чтобы воспрепятствовать сношеніямъ Швеціи съ Германіей Фридрихъ принялъ въ свой флотъ и множество каперскихъ кораблей [3]). Въ мартѣ вышло два указа короля, обращенныхъ къ городамъ и духовенству; въ первомъ, говоря о своемъ намѣреніи тотчасъ-же послѣ Пасхи снарядить свои военные корабли, онъ проситъ города содѣйствовать набору экипажа и снаряженію всего нужнаго для отплытія въ море; къ 16-му апрѣля они должны были явиться въ Копенгагенъ. Во второмъ обращеніи король проситъ священниковъ въ Зеландіи и Фюненѣ и крестьянъ доставить къ 16-му же апрѣля провіантъ для военнаго флота [4]). Въ маѣ у Фридриха II было наготовѣ 28 военныхъ кораблей [5]). подъ командою адмирала

---

[1]) Дрезд. арх. Monumenta Historiae Daniae, II, 95. Число кораблей у данцигскихъ пословъ передается такъ: шведск. было 35, датск. 38. Acta Internunciorum, 1563, IX, v. 14.

[2]) Дрезд. арх., Фридрихъ II Августу саксонскому, 18-го марта 1564 г. Ср. Любекск. арх. Suecica, Vol. V. In Specie belli Dano-Lubecensis et Suetici a 1564.

[3]) *Westling*, II, 479. Ср. для морскихъ событій W. *Graah*, Udkast til Danmarks Söekrigshistorie, 1818.

[4]) Corpus Constitutionum Daniae, I, 241 и 242.

[5]) Ср. Monumenta Historiae Daniae, II, 279 и д. *Schlegel*, 249. Гранвелла въ письмѣ къ барону Bolwiller'у говоритъ о 25 корабляхъ. Lettres de Granvelle, VII, 456.

Герлуфа Тролле. Это былъ человѣкъ испытанный, „герой въ морскихъ дѣлахъ“, любимецъ моряковъ, которые готовы были за него идти на явную смерть [1]). Къ датскому флоту присоединились и корабли Любека подъ командой Фридриха Кнебеля. Всѣхъ кораблей у Любека было 24, не считая мелкихъ судовъ, яхтъ и т. д. [2]). Любекскій ратъ настаивалъ на томъ, чтобы союзный флотъ уже раннею весною вышелъ въ море и препятствовалъ шведамъ собрать свои корабли и начать первымъ враждебныя дѣйствія противъ союзниковъ. Главною задачей любекскаго флота было оградить своихъ торговцевъ на пути ихъ въ Нарву и изъ Нарвы [3]). При всей многочисленности союзнаго флота—ему недоставало экипажа [4]) и провіанта [5]).

Эрикъ XIV въ заботахъ объ усовершенствованіи шведскаго флота также проявилъ свойственную ему энергію. Къ концу 1563 года число кораблей, стоявшихъ у Стокгольма, было 65, считая и военныя и транспортныя суда. Желая увеличить это число, король обращался съ воззваніемъ къ народу—доставлять моряковъ и провіантъ; онъ велѣлъ также собрать въ Стокгольмскую гавань всѣ корабли, стоявшіе въ Финляндіи и у Кальмара. Эрикъ писалъ своему штатгальтеру въ Финляндіи Густаву Финке, чтобы онъ и въ Финляндіи готовилъ суда для отплытія въ море при первой навигаціи. Адмираломъ своего флота онъ назначилъ Якова Багге, „большаго тиранна и врага нѣмцевъ“, говоритъ любекскій хроникеръ [6]). Планъ, начертанный Эрикомъ для похода 1564 года, поражаетъ, какъ всегда, своею грандіозностью. Багге съ флотомъ долженъ былъ отплыть въ Зундъ, пожечь тамъ датскія селенія на островахъ и взимать пошлину съ иностранныхъ купцовъ. Въ это время самъ Эрикъ съ сухопутнымъ

---

[1]) Ср. *Hammerich*, 51.

[2]) Любекскій арх. Число любекскихъ кораблей разно передается. *Hövel*, Lüb. Chronik, 33, говоритъ о 10 большихъ и хорошо вооруженныхъ корабляхъ, „dergeliken vormals nene gesehn“, и нѣсколькихъ маленькихъ. Другіе источники—14 большихъ и 3 малыхъ. *Hammerich* говоритъ всего о 6 любекскихъ корабляхъ. Самъ Фридрихъ въ письмѣ къ Августу саксонскому отъ 3 мая говоритъ, что союзный флотъ состоялъ изъ 50 кораблей большихъ и малыхъ. (Древ. арх.). Съ этимъ согласно и донесеніе одного голландца, прибывшаго лѣтомъ 1564 г. въ Данцигъ. Ср. Данцигскій архивъ.

[3]) Любекскій архивъ.

[4]) *Celsius* 181; Ср. *Chytraeus*, 622.

[5]) Regesta diplomatica Historiae Daniae, II, 249.

[6]) „Ein grot tiranne und van nature den Dudeschen viendt“. *Hövel*, 33; ср. *Warmholtz*, Bibliotheca Sveo-Gothica. V, 66.

войскомъ рѣшилъ съ сѣвера вторгнуться въ датскія владѣнія южной Швеціи и совмѣстно тѣснить ихъ съ двухъ сторонъ. На рейхстагѣ этого года въ Упсалѣ король доказывалъ необходимость войны съ Даніей, на которой лежитъ вся вина въ возникновеніи ея; король просилъ представителей рейхстага доставить ему конницу, людей и съѣстные припасы.[1]) Въ первыхъ числахъ мая датскій флотъ выплылъ въ море; онъ былъ раздѣленъ на три колонны; каждому кораблю указано было мѣсто, на которомъ онъ долженъ былъ находиться. Мимо береговъ Сконе флотъ приплылъ къ Борнгольму; 18-го мая сюда явился и любекскій флотъ[2]). По предложенію Кнебеля рѣшено было двинуться къ Стральзунду, гдѣ, полагали союзники, у Nydyb'a находился шведскій флотъ; не найдя здѣсь шведовъ, враги размышляли, плыть ли имъ къ Ростоку или Борнгольму, какъ вдругъ получили извѣстіе, что шведы у Борнгольма захватили 15 торговыхъ судовъ, возвращавшихся съ товарами изъ Нарвы, и варварски съ ними расправились: связанные по рукамъ и ногамъ купцы были размѣщены на одномъ старомъ суднѣ, которое подожгли: они всѣ сгорѣли[3]).

24-го мая союзный флотъ достигъ острова Karlsön[4]); датчане и любчане жестоко отомстили шведамъ за захватъ ихъ кораблей; на Эландѣ они пожгли множество деревень и 8 церквей. У союзниковъ начались заразныя болѣзни; не смотря на это Тролле рѣшился отыскать враговъ и дать имъ битву. 30-го мая—оба флота столкнулись у Эланда. Шведскій флотъ былъ многочисленнѣе союзнаго, но не всѣ корабли принимали участіе въ битвѣ: бурей флотъ былъ разсѣянъ наканунѣ битвы. Въ шведскомъ флотѣ, состоявшемъ изъ 23 кораблей съ экипажемъ въ 2647 чел., выдавался „Марсъ" или „Magelös", защищенный множествомъ пушекъ, съ большимъ запасомъ пороха и съ экипажемъ до 1000 человѣкъ[5]). До 1563 года на Балтійскомъ морѣ еще

---

[1]) Equos, viros et cetera necessaria. *Nilson*, 28. На этомъ рейхстагѣ разсматривалось и дѣло Іоанна. 31: Äfven 1564 fick riksdagen tjenstgöra såsom politisk domstol.

[2]) Danske Magazin. III, 2, 81. *Westling*, 477.

[3]) Danske Mag., 1747, 247. Ср. Papiers d'etat du Cardinal de Granvelle, VII, 160, Monumenta Hist. Daniae II, 281. Regesta Diplom. Hist. Daniae, II, 256.

[4]) Danske Mag., 1747, 214: 25-го мая вечеромъ, въ 10 часовъ. Ср. *Arnoldi*, 272. *Celsius*, 181, говоритъ, что у шведовъ было 35 кораблей, *Resen*—50, *Tornqvist*—35, *Trolle*—38, *Westling*—37. О морскихъ событіяхъ 1564 года ср. Handlingar, II, стр. 262 и д.

[5]) *Hövel*, 37, говоритъ о 700 пушкахъ Марса: *Fryxell*, 213,—о 200; ср. *Hammerich*, стр. 51, *Garde*, 173. Съ этимъ согласны и данныя, сопоставленныя у *Zet-*

не появлялось корабля такихъ грандіозныхъ размѣровъ. Гарде говоритъ, что „Марсъ" по величинѣ равнялся 70 каперскимъ кораблямъ нашего времени. До начала битвы съ обѣихъ сторонъ слышно было пѣніе и молитвы. Битву началъ шведскій адмиралъ Багге; напомнивъ экипажу о клятвѣ, данной имъ королю на вѣрность, онъ сдѣлалъ нападеніе на союзный флотъ. Борьба продолжалась до вечера, шведы повсюду оставались побѣдителями. Датскій адмиралъ велѣлъ стрѣ-

---

tersten'a, 415. Пушки были вылиты изъ колоколовъ, отобранныхъ у католическихъ церквей и монастырей, и потому, когда вѣсть о 31 маѣ достигла Стокгольма, католики говорили, что шведы понесли достойную кару за то, что ограбили церкви. Ср. Danske Magazin, III Rœkke, 2, 2, стр. 81. Ср. Danske Magazin 1747, стр. 217, гдѣ помѣщенъ списокъ всего, что находилось на Марсѣ. Ср. Granvelle, VIII, 275. Въ любекскомъ архивѣ есть донесеніе о Эландской битвѣ датскихъ коммиссаровъ на Ростокскомъ конгрессѣ, отъ 4 іюля. Datum in grosser Eile den 4 Iul. unter Carlsone (Ср. Zeitung 1564 года, въ Мюнх. кор. библіотекѣ):

Newe Zeittung, vnd Warhafftige beschreibung, eines gehaltenen Scharmützels, zwischen Königlicher Maiestat inn Denmarck vnd Schweden, in welchem der König drey Schiffe gewonnen vnd eröbert, Darauff bey sieben hundert Man gefangen, Mit bericht, wie solche Gefangen in Schweden gehalten worden, Auch wie etzliche von solchen wieder aus Schweden entkommen sein. Geschehen auf der Sehe, bey der Insel Bornholm, Anno 1564. Beschrieben durch einen guten Gesellen, welcher von anfang, zu ende bey solchen Kriegshendeln gewesen, vnd in Druck geben.— (Экз. Мюнх. библ. Eur. 339198. in 4-to).

Anno 1564. am Pfingsttage, lagen des Königs in Denmarck Schiff, Eylffe an der zal, bey der Insel Bornholm im Hafen, Vnd nach dem sie sich der zeit keines Feindes befahrten oder dauon wusten, kommen im mitten tage Neuntzehn Schiffe mit vollem Siegel dort her gelauffen, welche dem Könige in Schweden zustunden, Gegen die rüsteten sich auch von Stund an die Eylff Schiffe, vnd lieffen jhnen entkegen. Vnd als sie so nahe zusammen kamen, das eins das ander mit dem Geschütz erreichen kundt, ward auff beiderseits Schiffen, ein gewaltigs schiessen gethan, Dermassen, das acht von des Königs inn Denmarck Schiffen die flucht nemen musten, Vnd wie solche abwichen, ward dem Ammeral Schiffe, der Mittelmast, in der Mitte herab geschossen, darauff waren sieben Schützen oben im Mastkorbe, die fielen mit Mast vnd Korbe inn die Sehe, wurden aber semptlich mit dem leben wider aus der Sehe errettet. Wie nun dieser Ammeral so versehret, hett er kein enthalt mehr, Must er sich derhalb dem Schweden gefangengeben.

Diesen Ammeral wolt ein Schiff, der Hirsch genandt, neben vnd mit dem Hector erretten, Wurden sie dermassen auch versehret vnd geschossen, das sie, wie die andern acht Schiffe gethan, die flucht nemen wolten, Geschicht auff bey—derseits Schiffen ein versehen, das sie mit den Trachen zusam hencken, Werden vber solchen versehen dem Schweden auch gefangen, vnd wart auff dem Hirsch bey Achtzehen Man geschossen, das Schiff auch so viel bekommen, das es begunnete zu sincken, welchs durch den Zimmerman, mit hülff aller, so darauff waren, verstopft vnd zugemacht ward.—

лять въ „Марса“, и долгое время всѣ корабли сгруппировались около этого „чуда“ Балтійскаго моря. „Море покрылось огнемъ и дымомъ“. „Марсъ“ съ успѣхомъ отражалъ всѣ нападенія враговъ и заставилъ Тролле отступить со своею „Фортуной“. Одинъ изъ любекскихъ кораблей получилъ такія сильныя поврежденія, что потонулъ со всѣмъ своимъ экипажемъ: спаслось лишь нѣсколько человѣкъ. Битва возобновилась на утро слѣдующаго дня—31-го мая. Это былъ день Троицы. Союзный флотъ терпѣлъ недостатокъ въ провіантѣ и оружіи; ему помогло то, что вѣтеръ, наканунѣ благопріятствовавшій шведамъ, теперь измѣнился. Багге съ большимъ искусствомъ и мужествомъ старался отогнать враговъ съ сѣвернаго берега Эланда. У него оставалось всего два корабля: сѣверо-западный вѣтеръ помогъ союзникамъ; они со всѣхъ сторонъ окружили шведскаго адмирала. Вскорѣ его оставили и два остававшихся съ нимъ корабля, и онъ все-таки не терялъ мужества и удачно отбивалъ всѣ приступы враговъ на „Марса“. „Фортуна“ должна была отступить; получая сильныя поврежденія, любчане съ мачтъ своихъ кораблей стали метать копья и капканы на матросовъ „Марса“. Но шведы такъ удачно направляли свои выстрѣлы на любчанъ, что они „какъ птицы падали съ мачтъ“. Битву рѣшило прибытіе двухъ новыхъ датскихъ кораблей; близко приплывши къ „Марсу“, они открыли огонь; возникла ужасная рѣзня, „не виданная ни на Балтійскомъ, ни на другомъ морѣ“, говоритъ очевидецъ. На „Марсѣ“ разорвало пушку, начался пожаръ. Багге, замѣтивъ, что огонь достигаетъ уже крютъ-камеры, сдался въ плѣнъ адмиралу любекскаго флота съ вице-адмираломъ, бургомистромъ Стокгольма и 100 матросами. По другому донесенію Багге самъ поджегъ крютъ-камеру, отчаявшись въ возможности спасенія [1]). Любчане кинулись на „Марсъ“, въ надеждѣ найти на немъ богатую добычу; раздался оглушительный трескъ: произошелъ взрывъ крютъ-камеры, въ которой находилось 13 ластъ пороха [2]). „Марсъ“ пошелъ ко дну, погибло 300 любчанъ, въ томъ числѣ и адмиралъ ихъ и 800 шведовъ. Послѣ битвы союзный флотъ, по желанію любчанъ, направился къ Борнгольму, гдѣ занялись починкою кораблей, а оставшіеся шведскіе корабли, предводительствуемые Флеммингомъ, Грипомъ и Банеромъ, отступили къ Dalarö [3]).

---

[1]) *Hövel*, 34: Und war ein gruwlick specktakel.

[2]) Monumenta Historiae Daniae, II, 283. Донесеніе Фридриху II его адмирала Тролле, Danske Mag. 1747, 188 и д. Подробный разсказъ у *Ludvickson'a* въ Handlingar, томъ II, стр. 267 и д.

[3]) *Granvelle*, VIII, 275.

Результатомъ Эландской битвы было временное господство датчанъ на Балтійскомъ морѣ.

Когда вѣсть о событіи 31-го мая дошла до Стокгольма, католики покачивали головой и говорили, что шведы понесли достойную кару за то, что вылили изъ церковныхъ колоколовъ пушки. Самъ Эрикъ не потерялся при этой вѣсти и уже черезъ мѣсяцъ велѣлъ своему флоту снова перейдти въ наступательное движеніе. 4-го іюля Флемингъ выплылъ въ море; 14-го шведскій флотъ появился въ виду Борнгольма. Союзный же флотъ, опустошившій въ третій разъ Эландъ, отплылъ на югъ къ нѣмецкому берегу. Союзники терпѣли недостатокъ въ порохѣ и оружіи [1]); среди нихъ начались заразительныя болѣзни. Одна треть экипажа сдѣлалась жертвою заразы. Тролле просилъ короля доставить ему корабли, находившіеся въ Норвегіи, такъ какъ часть своихъ онъ долженъ былъ отдѣлить для наблюденія за тѣмъ, чтобы шведы не сносились съ Помераніей [2]). Въ іюлѣ датскій адмиралъ совѣтовалъ всею армадою поплыть къ Ревелю, чтобы служить прикрытіемъ торговымъ судамъ, направлявшимся къ Нарвѣ [3]); это предложеніе не было принято, и мы имѣемъ извѣстіе о томъ, что шведы въ іюлѣ же захватили 22 любекскихъ торговыхъ судна, плывшихъ изъ Нарвы, и 8 голландскихъ, нагруженныхъ солью [4]).

Шведскій флотъ съ Борнгольма повернулъ къ Эланду и остановился у сѣверныхъ береговъ этого острова, откуда адмиралы доносили королю, что и ихъ постигли заразительныя болѣзни и чувствовался недостатокъ въ пищѣ и водѣ; запасы къ августу вовсе истощились; въ хлѣбѣ и водѣ завелись черви длиною въ палецъ [5]).

Первая незначительная стычка съ союзниками произошла 4-го августа у Борнгольма; противный вѣтеръ заставилъ шведовъ отступить. Это разсердило Эрика, который не задумался смѣнить Флеминга и передать адмиральство Класу Кристерссону Горну [6]).

13-го августа произошло новое столкновеніе съ союзнымъ флотомъ у сѣвернаго мыса Эланда. Датскаго и любекскаго адмираловъ соеди-

---

[1]) Regesta Diplomatica Historiae Daniae, II, Hafniae, 1870, стр. 256. Сообщеніе Шведера Кеттинга.

[2]) Донесеніе Тролле, въ Danske Mag. III Raekke.

[3]) Любек. арх.: „Damit unsere Narua khauffhart von dar desto sicherer wie derumb heraussег vergleitten worden“.

[4]) Handlingar, II, 270—271.

[5]) Ср. Донесеніе Мессершмидта изъ Копенгагена любекскому рату, 25-го авг. Люб. арх. См. *Zettersten*, 416.

[6]) *Zettersten*, ibidem.

няла тѣснѣйшая дружба, они дѣйствовали съ необычайнымъ мужествомъ и единодушіемъ. Битва продолжалась и слѣдующіе два дня, субботу и воскресенье послѣ Лаврентія. Между 7 и 8 часами утра 14-го августа шведы первые открыли огонь и продолжали стрѣлять до часа дня; съ перемѣною вѣтра и союзники перешли въ наступленіе. Датскій оберъ-адмиралъ оставилъ намъ любопытное донесеніе объ августовскихъ стычкахъ; канонада съ обѣихъ сторонъ была такъ сильна, пишетъ онъ рату, что на Балтійскомъ морѣ такой прежде не слыхали. Не смотря на то, что вѣтеръ благопріятствовалъ шведамъ, союзники вышли побѣдителями изъ битвы; одинъ изъ шведскихъ кораблей, финскій „Гекторъ", былъ совершенно разбитъ. Любекскіе моряки обнаружили въ эландской битвѣ необыкновенную стойкость; всѣ прославляли ихъ искусство стрѣлять. Пять разъ схватывались враги, и въ концѣ концовъ шведы должны были отступить [1]). Датчане потеряли три корабля. Горнъ отступилъ къ Кальмарзунду, откуда въ сентябрѣ вернулся въ Стокгольмъ.

Сухопутная война 1565 года была болѣе чѣмъ неудачна для шведовъ; всѣ старанія ихъ утвердиться въ Норвегіи и южной Швеціи, гдѣ они пробовали занять Эльфсборгъ, окончились полною неудачею; за то они взяли Варбергъ, особенно важный въ виду его превосходнаго торговаго положенія, его прекрасной гавани, соединенной съ моремъ широкимъ, длиннымъ каналомъ. Варбергъ палъ, и шведы предали его страшному раззоренію; за Варбергомъ шведы заняли и крѣпость города Варбергузъ. Эрикъ преслѣдовалъ въ войнѣ тотъ принципъ, чтобы опустошать пограничныя мѣстности и этимъ лишить датчанъ возможности проникнуть въ предѣлы Швеціи. Шведы оставляли за собою цѣлыя груды развалинъ, выжигали цѣлые города и села, избивали поголовно всѣхъ побѣжденныхъ. Датчане напрягли всѣ свои силы, чтобы вытѣснить шведовъ изъ Галланда, и это имъ удалось; они прежде всего сосредоточили значительныя военныя силы въ Эльфсборгѣ, Баагузѣ и Акерсгузѣ; съ паденіемъ этихъ крѣпостей Фридрихъ II долженъ былъ считать свое дѣло проиграннымъ. Главная заслуга въ укрѣпленіи этихъ городовъ, въ снабженіи ихъ войскомъ и провіантомъ всецѣло принадлежитъ лучшему тактику того времени Даніилу Рантцау [2]). Съ его выступленіемъ на военномъ поприщѣ дѣла

[1]) Любекск. арх. Ср. Донесеніе Тролле Фридриху II, Danske Magazin III Raekke, 2, 82—83.

[2]) Лучшая характеристика этого „датскаго" героя у *Tidander*, Studier öfver Slaget vid Axtorna den 20 oct. 1565. Halmstad, 1888, стр. 15.

Даніи снова улучшились. Его походы противъ шведовъ — это рядъ блестящихъ военныхъ тріумфовъ. Данія переживала тяжелое время: моровая язва сократила значительно населеніе ея, налоги вызывали въ народѣ ропотъ, первые два года войны обошлись ей въ 7 милліоновъ талеровъ; среди дворянъ началось движеніе противъ короля, опасались, какъ бы Фридриха II не постигла одна судьба съ Христіаномъ II. Лотарингскія смуты также отвлекали вниманіе короля. Еще бы рядъ военныхъ неудачъ — и Швеція могла-бы расчитывать на побѣду, но Рантцау спасъ Данію въ этотъ для нея критическій моментъ; счастливыя побѣды его подняли мужество въ датчанахъ, въ нихъ по прежнему сильно стало патріотическое чувство, они соглашались все вынести, только-бы доставить славному вождю средства для дальнѣйшей борьбы со шведами. Горизонтъ прояснился для Даніи послѣ того, какъ въ битвѣ при Свартеро разбиты были лучшія силы шведовъ. Эта битва должна была рѣшить участь двухъ воевавшихъ народовъ; одинъ историкъ назвалъ ее „et Dommedagsslag“ [1]). Датчане побѣдили; шведы въ безпорядкѣ бѣжали, потерявъ до 5.000 чел. и 53 орудія [2]). Походъ Рантцау отъ Варберга и до Свартеро — это удивительный военный шедевръ, доставившій ему неувядаемые лавры.

Зимою 1565 года Эрикъ XIV со свойственною ему энергіей занимался увеличеніемъ своего флота. Сословія обѣщали помочь ему при постройкѣ новыхъ кораблей. Выписывались иностранные моряки, исправлялись попорченные корабли, торговыя суда перестраивались въ военныя. Изъ-за границы въ Швецію свозили порохъ и оружія. Эрикъ желалъ довести число кораблей до 80. Какъ въ предшествовавшемъ году, такъ и теперь, онъ имѣлъ въ виду соединить съ главнымъ флотомъ и корабли, оставшіеся въ Кальмарѣ и финляндскихъ гаваняхъ, но прибытіе ихъ замедлилось. Въ виду недостатка съѣстныхъ припасовъ король обращался въ Финляндію съ просьбой доста-

---

[1]) *Vaupell*, 79. *Tegel*, 143 и дал. 205. *Westling*, 80.

[2]) Берл. арх. Zeitung aus Dennemark. По Резену битва при Свартеро была 18 октября, по донесенію Петра Билле къ Д. Рантцау—20, по Резену шведы потеряли 38 орудій, по Билле—48, по Резену пало 5.000 человѣкъ, по Билле 4,000, по Резену силы шведовъ равнялись 25.000, по Рантцау 24,000. Ср. Danske Mag. 3 Raekke, II, 86—88. Рантцау послѣ битвы жаловался на дурное состояніе своихъ войскъ: Jn summa wir sein dermassen geschwecht, vnd ist solche vnordnunge vnther Reutern vnd Knechten, weill kein gelt, oder prouiandt vorhanden, das einem auch vordriessen solte, lenger bei Jhnen zu bleiben, ich geschweig dan, vber sie zugebieten.

вить нужное количество ихъ. Дѣлались и новые военные наборы; каждаго третьяго человѣка записывали въ строй.

Адмираломъ шведскаго флота назначенъ былъ Горнъ, извѣстный уже своею дѣятельностью въ Финляндіи и проявившій въ послѣднихъ морскихъ походахъ свои способности. какъ морякъ. 15-го мая онъ вышелъ въ море. изъ Даларё съ 38 кораблями [1]). Адмиральскій корабль „Святой Эрикъ“ былъ вооруженъ 90 пушками; въ распоряженіи Горна было 4.034 ботсмановъ и отрядъ кнехтовъ. Согласно королевской инструкціи Горнъ долженъ былъ прежде всего отплыть къ Борнгольму, оттуда къ Стральзунду, чтобы освободить задержанные тамъ шведскіе корабли. Затѣмъ Горну было предписано двинуться на западъ къ Эрезунду и тамъ взимать съ проѣзжавшихъ торговыхъ судовъ транзитную пошлину.

Плаваніе шведскаго флота сопровождалось цѣлымъ рядомъ успѣховъ. У Готланда онъ захватилъ одинъ датскій корабль, у Эланда любекскій; тамъ-же, у Эланда, шведы присвоили себѣ нѣсколько купеческихъ судовъ, плывшихъ изъ Риги съ коноплей и каболкой; эти корабли они отправили въ Кальмаръ. Первое столкновеніе съ союзнымъ флотомъ произошло близь Рюгена. Фридрихъ II еще въ январѣ 1565 года обратился ко всѣмъ купеческимъ городамъ въ Даніи, съ просьбою доставить ему ботсмановъ, шкиперовъ, рулевыхъ и корабельныхъ плотниковъ, въ виду его намѣренія снарядить новые корабли и отправить свой флотъ весною въ море. Всѣмъ слѣдуетъ собраться у королевскаго адмирала Герлуфа Тролле; ботсманамъ король обѣщалъ по три гульдена жалованья. остальнымъ—смотря по ихъ заслугамъ. Вѣроятно. просьба короля тогда не была исполнена, потому что онъ 17-го мая вторично обратился съ таковою къ купеческимъ городамъ [2]). Соединившись съ любекскими кораблями, адмиралъ датскаго флота имѣлъ въ виду закрыть сообщеніе Швеціи съ Померанскимъ берегомъ, но въ битвѣ союзники были разбиты и обращены въ бѣгство. Нѣсколько кораблей ихъ укрылись у Грейфсвальдена, другіе были заперты въ заливѣ Jasmund. Не будучи въ состояніи

---

[1]) Копен. арх. Russland, 9 b. *Chytraeus*, 623. Monumenta historiae Daniae, II, 330 и д. *Zettersten*, 418 и д. *Celsius*, 226. Regesta diplomatica Hist. Daniae, II, 263. *Warmholtz*, V, 70. *Тегель* опредѣляетъ число шведскихъ кораблей въ 50, что невѣрно, какъ указалъ *Цеттерстенъ*, 418. Подробныя свѣдѣнія о морскихъ событіяхъ 1565 года также у *Hövel*'я, 36—39. Lindemanns Memorial Buch, 26: Die schwedische armada fast viertzig schieff.

[2]) Corpus Constitutionum Daniae. I, 279 и далѣе.

оборониться, датчане сами сожгли свои корабли. Шведы получили большую добычу и хотѣли преслѣдовать датчанъ, но Филиппъ Померанскій, державшійся въ сѣверной войнѣ строгаго нейтралитета, не позволилъ шведамъ преслѣдовать союзные корабли, укрывшіеся у Грейфсвальдена; чтобы лишить союзниковъ возможности препятствовать сношеніямъ шведовъ съ Помераніей, онъ далъ шведамъ обѣщаніе арестовать оставшіеся корабли союзниковъ. Послѣ Рюгенскаго дѣла 60 торговыхъ кораблей, стоявшіе въ нѣмецкихъ гаваняхъ, безпрепятственно поплыли въ Швецію, нагруженные провіантомъ и разными военными снарядами [1]).

Отъ Рюгена шведы поплыли къ Мёну. Не успѣли они достигнуть Фальстербо, какъ любекскій флотъ отступилъ передъ ними и уплылъ въ Эрезундъ. Въ половинѣ мая 18 большихъ и малыхъ кораблей были отправлены изъ Любека въ Копенгагенъ [2]). Датскій флотъ все еще не былъ готовъ къ отплытію; цѣлый рядъ обстоятельствъ замедлялъ отплытіе. Среди экипажа начались болѣзни, значительно уменьшившія число моряковъ, пришлось сдѣлать новые наборы и только въ началѣ іюня флотъ могъ начать свои дѣйствія. Шведы показались въ концѣ мая у Драгёра на Амагерѣ. Появленіе ихъ въ виду датской столицы произвело среди жителей ея страшную панику. Вѣсть о прибытіи шведовъ въ Зундъ дошла до жителей Копенгагена въ воскресенье, когда бо́льшая часть жителей и самъ король были въ церкви. Случилось, что Фридрихъ II именно въ этотъ день праздновалъ свадьбу одного изъ своихъ вельможъ; такимъ образомъ, страшная вѣсть застала датчанъ совершенно не подготовленными. Горнъ, ставши въ Зундѣ, взималъ пошлину со всѣхъ кораблей, прибывавшихъ въ Зундъ [3]); голландцы, прибывшіе сюда изъ Данцига въ количествѣ 250 кораблей, должны были заплатить Горну по два золотыхъ розенобля съ каждаго корабля [4]). Шведы завладѣли и большимъ числомъ датскихъ шкунъ, нагруженныхъ съѣстными припасами; они спокойно плыли къ Зунду, не зная, что тамъ ихъ ожидаетъ адмиралъ шведскаго флота. Шкуны были разрублены и потоплены, люди взяты въ плѣнъ, всѣ же товары перевезены на шведскихъ корабляхъ въ Швецію. Господство Горна въ Зундѣ про-

---

[1]) *Celsius*, 208. Stralsundische Chroniken, II, 26.
[2]) *Hövel*, 36.
[3]) Ibid. Handlingar, 11, 273. Stralsundische Chroniken, II, 26.
[4]) Handlingar, II, 273.

должалось не долго. 30-го мая онъ долженъ былъ оставить его, такъ какъ поднялся сильный западный вѣтеръ, и отплылъ къ Травемюнде. 1-го іюня за нимъ двинулся и союзный флотъ; у любчанъ было 12 кораблей, у датчанъ 13; но всѣ эти корабли были очень дурно вооружены. Горнъ сдѣлалъ попытку захватить адмиральскій корабль любчанъ „Styr-Schweden", но это ему не удалось. Рѣшительная битва между шведами и союзниками произошла 4-го іюня при Буховѣ между Ростокомъ и Висмаромъ въ Мекленбургѣ [1]). Кнебель, адмиралъ любекскаго флота, не совѣтовалъ вступать въ битву со шведами. Тролле же, адмиралъ датскаго флота, рѣшилъ сдѣлать нападеніе на шведовъ. Послѣ молитвы и рѣчи къ морякамъ, въ которой онъ напоминалъ имъ о чести и долгѣ, Тролле въ 12 часовъ дня велѣлъ сдѣлать первый выстрѣлъ. Въ половинѣ втораго битва была въ полномъ разгарѣ. Тролле, со свойственной ему отвагой, велѣлъ идти на абордажъ, сцѣпляться съ шведскими кораблями, но вскорѣ былъ раненъ. Опасаясь прибытія свѣжихъ силъ со стороны шведовъ, онъ велѣлъ отступать. На слѣдующій день на морѣ стоялъ штиль, такъ что продолжать битву было невозможно. 6-го числа поднялся вѣтеръ, и шведы могли преслѣдовать союзный флотъ; понеся сильныя потери, онъ отступилъ и уже 7-го іюня былъ у Драгёра. Тегель говоритъ, что союзники потеряли 700 человѣкъ, но онъ часто преувеличиваетъ потери противниковъ. Любекскій флотъ долженъ былъ уступить шведамъ 11 кораблей [2]). Послѣ битвы Горнъ поплылъ къ Борнгольму, гдѣ оставался цѣлую недѣлю. 17-го іюня онъ снова вышелъ въ море съ 48 кораблями, опустошилъ Менъ и двинулся къ Помераніи. Шведы господствовали на всемъ Балтійскомъ морѣ. 3-го іюля флотъ ихъ увеличился новыми кораблями, прибывшими изъ Финляндіи. Союзники рѣшились еще разъ попытать свое счастье и показались на морѣ; у нихъ было 36 кораблей. Адмираломъ датскаго флота назначенъ былъ Отто Руде.

7-го въ субботу произошла вторая битва обоихъ флотовъ между Борнгольмомъ и Нидьюпомъ; это была одна изъ самыхъ кровопролитныхъ морскихъ битвъ, когда либо происходившихъ на Балтійскомъ морѣ. Сначала бились безъ всякаго опредѣленнаго плана, затѣмъ битва распалась собственно на двѣ: съ одной стороны, датскій адмиральскій корабль „Яхтмейстеръ" сцѣпился съ „Св. Эрикомъ", съ дру-

[1]) *Girs*, 64—65. Handlingar II, 274 и далѣе.
[2]) State Papers, Foreign series, 1870, 400.

гой—любекскій адмиральскій корабль сдѣлалъ нападеніе на шведскаго „Гектора". Вскорѣ остальные корабли присоединились къ этимъ двумъ группамъ, и съ обѣихъ сторонъ бились съ небывалымъ ожесточеніемъ. Въ началѣ битвы успѣхъ былъ на сторонѣ союзниковъ; „Св. Эрикъ" сильно потерпѣлъ отъ непріятельскаго огня, и Горнъ принужденъ былъ перейдти на другой корабль. Вскорѣ на одномъ изъ шведскихъ кораблей произошелъ пожаръ, среди дыма и огня съ трудомъ отличали враговъ отъ друзей; Отто Руде, самъ того не зная, потопилъ одинъ датскій корабль. Сильныя потери потерпѣли датчане; у Руде къ вечеру оставалось всего 6 кораблей; его адмиральскій корабль былъ совершенно поврежденъ. Изъ 900 человѣкъ экипажа на немъ осталось всего 150 человѣкъ. Шведы въ концѣ битвы оправились, овладѣли адмиральскимъ кораблемъ датчанъ и послѣ шестичасоваго сопротивленія взяли самого Руде въ плѣнъ. Плѣну датскаго адмирала Гюлленшерна приписываетъ главную причину пораженія датчанъ.

Ночь прекратила кровопролитіе [1]). Шведы во второй разъ вышли побѣдителями изъ морской битвы съ союзниками, хотя побѣда и стоила имъ великихъ жертвъ; они потеряли три корабля, 362 человѣка убитыми и 523 ранеными. Союзники лишились своего адмирала и потеряли 4000 человѣкъ. Число потерянныхъ кораблей съ точностью не опредѣляется въ источникахъ; со стороны шведовъ оно колеблется между 4 и 5, со стороны датчанъ отъ двухъ до семи. Послѣднее число приводитъ Фрюксель, по обыкновенію не указывающій своего источника. Союзники, по окончаніи битвы, отплыли сначала къ Борнгольму, затѣмъ въ Зундъ; шведскій флотъ сдѣлалъ попытку высадиться на Борнгольмъ, но не успѣлъ этого и отплылъ въ Стокгольмъ. Тамъ Горну была устроена тріумфальная встрѣча. Уже въ началѣ августа

---

[1]) По другимъ источникамъ, битва окончилась въ 5 часовъ дня. Handlingar, II, 278.

[2]) Флорент. арх. Nouitates Danicae. 7 Iulij, anno 65. Julij die 7 naues sibi occurrentes conuenerunt, Suetici cum 46 Danici et Lubecenses cum 36, minoribus cum majoribus permixtis, magnaque clade affecti fuerunt, nam ex utraque parte circiter 4000 interijsse putantur. Lubecensi Admirali nauigia 4 ad oram—portum peruenerunt, quorum tria Bombarda. vi funditus deleuit et unum combussit, Attamen si non a nauigio quodam, Argentoratum appelato, subuentum illi fuisset, captius aut interitum certe passus unà fuisset. Quatuor enim horis circumdatum bombardis petiuerunt. Sex alij sociorum ipsius facti nequam nullum prestiterunt auxilium.

Горнъ, по желанію Эрика XIV, долженъ былъ снова выплыть въ море; адмиралъ повиновался, но противный вѣтеръ задержалъ его въ Эльфснаббенѣ до 5-го сентября. Шведскій флотъ крейсировалъ у Борнгольма и Готланда, но нигдѣ не встрѣтилъ враговъ. Шведы могли считать себя абсолютными господами на Балтикѣ. Фридрихъ II съ трудомъ снарядилъ нѣсколько кораблей, которые, завидѣвъ шведскій флотъ у Борнгольма, отступили къ Зунду. Оставивъ шесть кораблей у Борнгольма, Горнъ съ остальными кораблями отплылъ къ Кальмарзунду, гдѣ оставался до конца октября. Только 1-го ноября главная часть флота вернулась на зимовку въ Стокгольмъ. На Балтійскомъ морѣ осталось небольшое число кораблей, которые должны были захватывать каперскіе корабли датчанъ и поляковъ и поддерживать свободное и безпрепятственное сообщеніе шведовъ съ сѣверной Германіей. Союзный флотъ всю осень бездѣйствовалъ [1]).

Въ продолженіе 1564 и 1565 годовъ державы-посредницы старались примирить обоихъ скандинавскихъ государей; въ этомъ направленіи особенно усердно дѣйствовали нѣмецкіе князья и Франція [2]). Карлъ IX

Danorum et Lubecensium naues vndecim adversus Sueticos rem strenue gesserunt, reliquae antiquum obtinuerunt morem.

Danicus et Sueticus Admirales simul ad oram peruenerunt, Danicus quinque Sueticis circumdatus fuit, cum quibus illi sex horis dimicandum fuit, ita ut ex Bombardarum ictibus ei mali et vela omnia sublata fuerint. Et cum nullum haberet subsidium, coactus fuit se cum suis dedere. Captus itaque et Admiralis Danicus cum bombardarum armatura omni, tamquam (!) Electoris fuit quae (?) reliqua maxime insigni. Danicus Christoffer (similiter fundit) et deletus. Ex Sueticis nauibus interierunt Hector, Leo aureus anfer, Grypho, cum duabus alijs unaque capta. Virgo ante Elsburgum capta Suetico Admirali multum damni intulisse putatur ita ut mergeretur, altero tamen die unus ex regijs Admiralibus submersus dicitur, Herloff Troll in proxima pugna ex bombardae ictu perijt, nunc Otto Rutte Admiralis fuit, de cujus vel vita vel morte nihil constat.

Ср. донесеніе Гюльденшерны о Борнгольмской битвѣ въ Danske Magaz. III, 2, 84—85. *Hövel*, 38, говоритъ, что союзники вышли побѣдителями и что шведы потеряли 4000 человѣкъ, но данныя *Hövel*'я опровергаются донесеніемъ Гюльденшерны, въ которыхъ онъ говоритъ: „att wii nu *icke* slogo de Swenske". *Garde*, 75—77. Ср. Monumenta Hist. D., II, 339. Regesta Historiae Dan. 264.

[1]) Regesta, 267: Шведеръ Кеттингъ штатгальтеру Копенгагенскаго замка Магнусу Гюльденшернѣ, отъ 25-го октября 1565 г.: „at en svensk Flaade paa 12 skibe, der ledsagede 26 Kiöbmandsskibe til Stralsund, er kommen forbi Oen og tog underveis 2 skibe; han klager over den danske og lybske Flaadcs *Uvirksomhed*".

[2]) *Droysen*, 27, мѣтко говоритъ о попыткахъ посредничества: Fast wie mit Pendelschwingungen war es mit allen Interpositionsversuchen: immer in entgegengesetzten Plänen arbeitet man.

просилъ Августа Саксонскаго принять всѣ отъ него зависящія мѣры для примиренія воевавшихъ сторонъ; онъ заявлялъ, что не потерпитъ униженія одного изъ нихъ насчетъ другаго. Съ еще большей энергіей, чѣмъ Карлъ IX за дѣло примиренія взялись императоръ и сынъ его Максимиліанъ [1]); необходимость Императорскаго посредничества вызывалась очень вѣсскими мотивами: война на Балтійскомъ морѣ подрывала торговые обороты нѣмецкихъ городовъ, затѣмъ отъ вниманія императора не могло ускользнуть и дипломатическое сближеніе одного изъ скандинавскихъ государей съ недовольными элементами внутри самой имперіи, сближеніе, вызванное необходимостью имѣть союзниковъ въ войнѣ. Эти соображенія главнымъ образомъ руководили Фердинандомъ и Максимиліаномъ, когда они на май 1564 г. рѣшились собрать князей на конгрессъ въ Ростокѣ [2]); къ участію на конгрессѣ кромѣ нѣмецкихъ князей приглашались Фридрихъ II и Эрикъ XIV, затѣмъ Любекъ и Польша, какъ союзники Даніи. 22-го мая назначено было для открытія конгресса [3]). Въ Ростокъ съѣхались представители отъ Даніи, Польши, Любека, Брауншвейга и Саксоніи. По иниціативѣ Гранвеллы сюда прибылъ и посолъ отъ Нидерландскаго правительства—докторъ Филиппъ Кобеліусъ, энергически возстававшій противъ незаконныхъ стремленій Швеціи — присвоить себѣ господство на Балтійскомъ морѣ и въ увлеченіи обѣщавшій Даніи помощь артиллеріей и кораблями; представителемъ Франціи былъ извѣстный намъ уже дипломатъ Дансэ, также стоявшій за свободу нарвскаго плаванія.

Любекскіе депутаты, явившіеся въ Ростокъ, должны были добиться возстановленія прежнихъ привилегій Любека въ скандинавскихъ государствахъ и свободнаго плаванія на Нарву; они должны были также потребовать себѣ вознагражденія за военныя издержки въ количествѣ 500.000 талеровъ. Въ своей рѣчи къ императору они указывали на несправедливость и на несообразность закрытія Нарвскаго плаванія Любеку, тогда какъ всѣ иностранцы продолжаютъ пользоваться имъ; возставая противъ нарвскаго плаванія, Эрикъ тѣмъ самымъ обнаруживаетъ стремленіе создать Швеціи абсолютное господ-

---

[1]) Представителями Максимиліана были Heinrich von Walstain и Niclas von Warnstorff. Archiv für Kunde Oestr. Gesch., 212.

[2]) Ср. Danske Magazin, 1750, стр. 201 и слѣд.

[3]) См. Auszug aus König Maximilians II. Copey Buch vom Jahre 1564. Von A. R. Perger въ Archiv für Kunde Oesterreichischer Geschichtsquellen. 1864. Wien.

ство на Балтійскомъ морѣ (Domination der Ostsehe) [1]). Вторая часть рѣчи Любекскихъ депутатовъ непріятно поразила представителей Польши; въ ней они передавали слухъ о намѣреніи московскаго царя построить флотъ и набрать иностранныхъ моряковъ. Нѣтъ сомнѣнія, говорили депутаты Любека, что какъ остальные европейскіе государи, такъ и московскій царь, желаетъ пользоваться Балтійскимъ моремъ и всѣми выгодами свободныхъ торговыхъ сношеній съ западными государствами; любекскій ратъ полагаетъ, что при необыкновенной способности и воспріимчивости русскихъ царь скоро достигнетъ своей цѣли: сегодня у него 4 корабля, черезъ годъ ихъ станетъ 10, потомъ 20, 40, 60 и т. д. [2]).

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что слова Любека глубоко запали въ душу Максимиліану, тѣмъ болѣе, что требованія Любека поддерживались и Августомъ саксонскимъ, представители котораго на ростокскомъ съѣздѣ — графъ Людвигъ фонъ-Нейгартенъ, Адріанъ фонъ-Стейнбергъ, докторъ Георгъ Кракау, Генрихъ фонъ-Глейссенталь и Эрикъ Фолькмаръ фонъ-Берлепшъ—рѣшительно настаивали на свободѣ нарвскаго плаванія [3]). Въ инструкціи своимъ посламъ Максимиліанъ говоритъ, чтобы они во всемъ сообразовались съ представителями Августа саксонскаго [4]). Мы увидимъ, что, сдѣлавшись императоромъ, Максимиліанъ издалъ рядъ мѣръ съ цѣлью поднять торговое значеніе Ганзейскихъ городовъ. Какъ, однако, Любекъ понималъ свободу нарвскаго плаванія, всего лучше видно изъ переговоровъ, въ какіе онъ вошелъ во время ростокскаго конгресса съ московскимъ правительствомъ. Любекскій ратъ обратился къ царю, на-

---

[1]) Любекс. арх. Акты Ростокскаго собранія. 1564.

[2]) Etliche Puncts, so bei wehrendem Schwedischen Krieg als gemeiner wolffart hoch angelegen zu betrachten. Wie dann nicht ohne das albereit der Muscowiter vnnd seine vnterwörffige sich *vmb schiffe* beworbenn, denenn auch schon etliche erlangt, damit gleichs andern der Sehe gebrauchen, vnd durch die mannigfaltige, hantierung ab vnd vf Russlandt, nach dem das Muscowiterische Volck auch sunst fur sich der gewalt vnd allem was vorteil gibt mit unmessiger begir unnachlessig nachtrachtet, in stehender dieses kriegs unruhe, dar leicht zugeschehenn, das der Muscowiter heut 4, ubers jar 10, dann 20, 40, 60 und so vmmerforth vflegendt mher eigene schif zu wege bringen, sein volck sich damit vben lassem, vnnd in kurtzem mit mherer solcher gewalt zur Sehe sich sterckenn mocht, das er nachmals durch alle ander benachbarte schwerlich wurde abgewheret werdenn kunnenn.

[3]) *Droysen*, Aus den dän. Büchern, 404.

[4]) Archiv für Kunde oest. Geschichtsquellen, 31, 223.

дѣясь найдти въ немъ себѣ покровительство; онъ воспользовался посольствомъ, отправленнымъ въ Москву магистромъ нѣмецкаго ордена, и одному изъ членовъ посольства передалъ свои порученія.

Іоаннъ Вагнеръ,—такъ звали того члена посольства, который везъ съ собою просьбу Любекскаго рата,—вошелъ въ переговоры съ окольничимъ Головинымъ, къ которому и любекскій ратъ самъ обращался два года назадъ, добиваясь чрезъ него свободной торговли и безпошлиннаго ввоза и вывоза товаровъ въ Россію. Царь соглашался даровать Любеку нѣкоторыя торговыя преимущества, но никакъ *не желалъ допустить его монополіи*, что снова поставило бы русскую торговлю *въ зависимость отъ Любека*. Что Любекъ домогался монополіи на нарвскую торговлю, то это явствуетъ изъ крайняго недовольства его, когда вслѣдъ за его купцами въ Нарву стали пріѣзжать купцы изъ Гамбурга, Данцига, Стральзунда, изъ Англіи, Франціи, Шотландіи, Испаніи и Нидерландъ.

Опаснѣйшими соперниками любчанъ явились англичане, дѣйствовавшіе по той же своекорыстной программѣ, какъ и сами они. Англичане стремились сдѣлать нарвскую торговлю своей монополіей, какъ это имъ уже удалось относительно бѣломорской; они думали, что въ Грозномъ встрѣтятъ недальновиднаго Карла IX или бездѣятельнаго Фердинанда I. Ошиблись, однако, и тѣ и другіе претенденты на монополію: Нарва до самаго своего паденія продолжала оставаться „общеевропейскимъ рынкомъ". Что царь отказалъ англичанамъ въ ихъ нарвскихъ искательствахъ, тѣмъ болѣе говоритъ въ пользу политической дальновидности Іоанна, что вѣдь онъ осыпалъ англичанъ такими щедротами на Бѣломъ морѣ, которыя удивляли самихъ англичанъ; то, что было возможно относительно бѣломорской торговли, было немыслимо въ Нарвѣ: царь высоко цѣнилъ этотъ пунктъ, понималъ, что въ Нарвѣ у него звено, соединяющее его подданныхъ съ Западной Европой, въ Нарвѣ у него лучшая коммерческая школа для его еще начинающихъ коммерческій курсъ подданныхъ. Онъ всѣмъ готовъ былъ поступиться, только не этимъ любимымъ дѣтищемъ своимъ. Англичане напрасно думали, что Іоаннъ не видѣлъ насквозь ихъ своекорыстія; когда оно не вредило Россіи, онъ его допускалъ, но какъ скоро съ этимъ связывалось все будущее его государства,—онъ рѣшительно отказывался отъ прежней тактики, которой держался съ англичанами. Передать имъ Нарву значило потерять счастливую связь съ Европой.

Ростокскій конгрессъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ де-

путатовъ отъ шведскаго короля; долгая неявка ихъ заставила Фердинанда отправить къ Эрику XIV нарочнаго, чтобы узнать о причинѣ замедленія со стороны шведскаго правительства. Императорскаго гонца долго задержали въ Швеціи. Въ Ростокѣ замѣчалось не малое замѣшательство среди собравшихся тамъ депутатовъ. Наконецъ, вернулся изъ Швеціи посланецъ императора; онъ везъ съ собою письмо отъ Эрика, въ которомъ заключались лаконическія слова, что шведскихъ депутатовъ на конгрессѣ не будетъ. Письмо не объясняло странной выходки Эрика; онъ выражалъ только желаніе и готовность заключить миръ съ Польшей и Любекомъ, если они согласны отдѣлиться отъ коалиціи съ Даніей [1]). Если, говорилось въ письмѣ Эрика, Данія желаетъ начать съ нами переговоры о мирѣ, то пусть она пришлетъ своихъ пословъ въ Кальмаръ, куда не откажутся явиться и представители посредниковъ.

Письмо Эрика показывало ясно, какъ мало онъ склоненъ былъ къ мирному разрѣшенію своихъ отношеній къ Даніи. Представителямъ конгресса оставалось разъѣхаться по домамъ. Мирныя попытки императора и его сына оказались столь же неуспѣшными, какъ раньше попытки Франціи и князей. Цѣлый рядъ причинъ, впослѣдствіи выставленныхъ Эрикомъ, между прочимъ и на рейхстагѣ 1565 года [2]), не могли оправдать его оскорбительнаго поступка съ членами конгресса. Успѣхи шведскаго флота вдохнули въ Эрика надежду на благопріятный исходъ предпринятой войны, они еще болѣе возбудили его честолюбивые политическіе замыслы, и онъ считалъ не сообразнымъ съ интересами Швеціи сложить въ такой моментъ оружіе. Эрикъ многаго ожидалъ и отъ завязавшихся тогда сношеній Швеціи съ Лотарингско-Грумбаховской партіей. Въ письмѣ къ померанскимъ герцогамъ онъ также высказывалъ согласіе участвовать на конгрессѣ, еслибы онъ былъ созванъ въ какомъ нибудь пограничномъ съ Даніей

---

[1]) Въ маѣ Эрикъ сдѣлалъ дѣйствительно попытку заключить миръ съ Польшей. 30-го числа онъ далъ своимъ посламъ инструкцію, въ которой имъ предписывалось: 1) настоять у Сигизмунда II на освобожденіи изъ плѣна Христофа Мекленбургскаго; 2) обратиться къ королю съ предложеніемъ заключить съ Швеціей оборонительный союзъ; воевать съ Россіей Эрикъ не соглашался. Если, говорилось въ инструкціи Эрика, польскій король не согласится на миръ, то слѣдовало склонить его къ заключенію перемирія. Сигизмундъ II отвергнулъ предложеніе Эрика, сославшись на свой договоръ съ Даніей (Ср. Данц. арх. IX, 15, гдѣ Данциг. посолъ заранѣе уже предсказываетъ неудачу мирной попытки Эрика).

[2]) *Nilsson*, 31.

городѣ и еслибы его, Эрика, предупредили объ этомъ за 4 или 6 недѣль. Эрикъ такъ писалъ герцогамъ Помераніи, дабы поддержать въ нихъ надежду на возможность мирнаго разрѣшенія своихъ отношеній къ Даніи; онъ не терялъ надежды на то, что герцоги и города Помераніи, притѣсняемые Даніей, въ концѣ концовъ примкнутъ къ союзу съ Швеціей и явятся активными участниками въ балтійской борьбѣ.

На ростокскомъ конгрессѣ были представители какъ отъ герцоговъ Помераніи, такъ и отъ городовъ; тѣ и другіе дѣйствовали съ большимъ единодушіемъ; роль ихъ на конгрессѣ будетъ вполнѣ ясна, если мы предварительно разсмотримъ отношенія къ нимъ воевавшихъ государей въ продолженіе 1564 и 1565 годовъ.

Нейтральность Помераніи не могла быть желательной ни для Даніи, ни для Польши, ни для Любека. Въ виду того, что уже въ первый годъ войны датчане стали ощущать недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, Фридрихъ II тогда уже обратился къ Штеттину, Стральзунду и др. померанскимъ городамъ съ просьбою доставить въ Данію хлѣбъ и съѣстные припасы. Король никакъ не могъ согласиться съ точкою зрѣнія, господствовавшей въ померанскихъ городахъ, что они, какъ города нейтральной державы, въ правѣ поддерживать торговыя сношенія какъ съ одной, такъ и съ другой воюющей стороной, что ихъ гавани открыты и для датчанъ, и для шведовъ. Въ глазахъ Фридриха II такая политика померанскихъ городовъ была равносильна открытой враждѣ по отношенію къ нему и его подданнымъ, и онъ не переставалъ всѣми силами склонять померанскіе города на свою сторону. То же дѣлалъ и Эрикъ XIV. Съ необыкновеннымъ искусствомъ онъ старался удержать добрыя отношенія къ Стральзунду, являлъ этому городу нерѣдко свою королевскую милость, такъ напр., онъ возвратилъ ему одинъ корабль, захваченный его каперами на нарвскомъ фарватерѣ.

Въ продолженіе 1563 года датчане и любчане были очень сильны на морѣ, такъ что Стральзунду и другимъ городамъ приходилось испытывать на себѣ ихъ силу и превосходство. Союзный флотъ поставилъ себѣ задачей не допускать сношеній Помераніи съ Кальмаромъ или Стокгольмомъ; Данія и Любекъ поставили свои коммерческія суда около Геллена и Гидензее, чтобы не пропускать ни одного корабля въ Швецію. Не смотря однако на всѣ эти предосторожности сношенія съ Швеціей все таки поддерживались, хотя померанскимъ смѣльчакамъ и приходилось сильно терпѣть отъ обоихъ союзниковъ. Даніи

и Любека. Въ одномъ 1563 году датскіе каперы захватили 17 кораблей и лодокъ, мотивируя этотъ захватъ нежеланіемъ померанскихъ городовъ помочь Даніи.

Фридрихъ II отъ угрозъ переходилъ къ дипломатическимъ интригамъ; онъ сдѣлалъ попытку разъединить интересы герцоговъ и городовъ померанскихъ, желалъ вселить раздоры между ними, но безуспѣшно, такъ какъ герцоги и города сходились въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ и рѣшили держаться полнаго нейтралитета. Герцоги переслали городамъ письма короля, въ которыхъ онъ обвиняетъ ихъ въ сношеніяхъ съ Швеціей; города отвѣчали протестомъ, указывали на стѣснительныя мѣры, введенныя въ Даніи по отношенію къ ихъ торговцамъ, жаловались на репрессаліи и насилія; съ своей стороны они никакой вины за собою не сознавали, напротивъ, всѣми своими дѣйствіями они старались обнаружить свою дружбу и расположеніе къ Даніи; въ одно лѣто 1563 года туда отправлено ими до 2000 ластъ хлѣба и большое количество пива. Фридрихъ этимъ не трогался, продолжалъ держаться своего взгляда на дѣло и настаивалъ на томъ, чтобы ни одинъ померанскій городъ не сносился со шведами. Насилія со стороны Даніи не прекращались. Король для виду придавалъ вѣру всѣмъ толкамъ о шведскихъ сношеніяхъ Стральзунда, обвинялъ этотъ городъ въ нарушеніи нейтралитета, пытался поднять противъ него герцоговъ и выставлялъ себя совершенно правымъ; король находилъ поддержку въ своемъ постоянномъ союзникѣ и единомышленникѣ Августѣ саксонскомъ: оба они были государи, проникнутые макіавелизмомъ, двуличные и большіе интриганы. Фридрихъ II совершенно своеобразно и, вѣроятно, опять таки для виду—понималъ слово нейтральность; по его понятіямъ померанскіе города вовсе не были нейтральными въ шведско-датской распрѣ. „Вы стараетесь лишь о собственныхъ выгодахъ. писалъ онъ городамъ; поддерживая торговыя сношенія и съ Даніей, и съ Швеціей, вы одни извлекаете изъ нихъ пользу [1]); воюющія же державы остаются не при чемъ, точно одураченныя!“ Фридрихъ II требовалъ, чтобы Стральзундъ совершенно отказался отъ всякой торговли, не допускалъ пребыванія въ своемъ городѣ ни шведовъ, ни датчанъ, однимъ словомъ онъ посягалъ на самое существованіе города, державшагося одною торговлею. Это, по

---

[1]) ... das Jr vns erstlich prillen verkauffen, vnd darnach beyde vns vnd vnsere veindt gleich als zusamennziehen vnd aus beyder Reiche verderb euren gewinst vnd eigenen nutz suchen vnd befurderen wollet“. *Blümcke*, 220.

словамъ короля, была бы полная и правдивая нейтральность. Стральзундъ, Вольгастъ и др. города видѣли въ требованіи короля желаніе вовсе раззорить ихъ или этимъ путемъ заставить примкнуть къ датско-любекскому союзу. Беззаконныя требованія короля шли въ разрѣзъ съ международнымъ правомъ, въ силу котораго, какъ утверждали представители городовъ, „mutua commercia" для купеческихъ городовъ разрѣшается и свободна не только въ мирное, но и въ военное время. Городскіе раты Стральзунда и Ростока указывали датчанамъ на Швецію, которая требовала отъ нихъ лишь одного, чтобы они не доставляли датчанамъ и Любеку кораблей, денегъ и наемниковъ.

Швеція, дѣйствительно, держала себя по отношенію къ померанскимъ городамъ гораздо сдержаннѣе и осторожнѣе и успѣвала, благодаря этому, достигнуть бо̀льшихъ результатовъ. Стокгольмскій дворъ съ удовольствіемъ слѣдилъ за обострившимися отношеніями Помераніи къ Даніи; такія отношенія были въ его интересахъ, и онъ старался продлить ихъ; осенью 1563 года въ Стральзундѣ находились канцлеръ Эрика XIV—Нильсъ Гюлленшерна и герцогъ Францъ Саксенъ лауенбургскій; они старались увѣрить городской совѣтъ въ искреннемъ расположеніи своего государя къ городамъ, въ готовности его оказать имъ *всякое содѣйствіе*.

1563 годъ приближался къ концу. Отношенія Помераніи къ Даніи не улучшались. Политическая опытность подсказала теперь Фридриху II, что слишкомъ натягивать тетивы не слѣдуетъ, что его система репрессалій, захвата кораблей, насилія по отношенію къ купцамъ, конфискацій и т. д. можетъ ожесточить какъ герцоговъ, такъ и города, и вызвать въ нихъ рѣшимость примкнуть къ шведскому лагерю, и вотъ въ концѣ 1563 и въ началѣ 1564 года онъ уже смягчаетъ свой тонъ въ письмахъ и переговорахъ съ представителями Помераніи, выражаетъ готовность сдѣлать имъ даже нѣкоторыя уступки. Смягченію тона Фридриха II способствовали и другія обстоятельства. Данія заключила наступательный союзъ съ Польшей, антишведская коалиція расширилась, и король Фридрихъ II теперь сталъ опасаться, какъ бы эти счастливыя политическія конъюнктуры не были нарушены лигой Лотарингско-Грумбаховской партіи съ померанскими городами. Король слышалъ уже о намѣреніяхъ Лотарингіи, Грумбаха и герцога саксонскаго произвести диверсію на Голштинію; осуществленію этого плана Померанія по своему географическому положенію могла бы оказать наилучшее содѣйствіе. Вотъ въ виду этого то, главнымъ образомъ, Фридрихъ II и не рѣшался доводить своихъ отношеній къ Помераніи до полнаго разрыва.

Союзникъ Фридриха II—Любекъ также сдѣлалъ попытку склонить померанскіе города къ участію въ антишведской коалиціи. Принявъ участіе въ борьбѣ двухъ скандинавскихъ государствъ, Любекъ совершенно потерялъ свое значеніе среди прочихъ ганзейскихъ городовъ и въ особенности среди вендскихъ; сѣверная война не была популярной среди городовъ, и всѣ они рѣшились держаться въ ней *нейтралитета*. Расположеніе и уваженіе къ Любеку замѣнилось враждою, недовѣріемъ; въ особенности натянуты были отношенія къ Стральзунду, Анкламу, Ростоку, Висмару и др. послѣ того, какъ Любекъ за одно съ датчанами сталъ захватывать купеческія суда ихъ, направлявшіяся въ Швецію и изъ Швеціи; Фридрихъ далъ многимъ любчанамъ патенты на захватъ всѣхъ вендскихъ торговцевъ, предоставивъ имъ $^{9}/_{10}$ добычи и оставляя себѣ лишь одну десятую. Изъ-за этихъ захватовъ кораблей и товаровъ возникла цѣлая переписка между обиженною стороною и любекскимъ ратомъ, но она не привела ни къ какимъ результатамъ.

Въ началѣ 1564 года померанскіе герцоги рѣшились снарядить въ Данію посольство, которое должно было принести королю жалобу на притѣсненія, какимъ подвергаются подданные имъ города, и просить удовлетворенія. Имъ надлежало также обратить вниманіе датскаго правительства на то, что торговцы Стральзунда, Ростока и др. городовъ не могутъ быть спокойны даже въ своихъ фарватерахъ, что даже туда проникаютъ датскіе и любекскіе каперы. Послѣдній пунктъ посольской инструкціи касался совершенной готовности герцоговъ явиться посредниками къ примиренію обѣихъ державъ соперницъ, разъ обѣ стороны этого захотятъ. Послы померанскихъ герцоговъ прибыли 17 марта въ Копенгагенъ; послѣ аудіенціи у короля они продолжали переговоры съ его совѣтниками до начала апрѣля. Отвѣтъ, данный посламъ королемъ, былъ составленъ въ самой дружелюбной формѣ, но по существу дѣла Фридрихъ оставался вѣренъ своему взгляду. Такъ онъ, по просьбѣ пословъ, соглашался предоставить стральзундскимъ депутатамъ право отдѣльныхъ переговоровъ съ его представителемъ въ Копенгагенѣ, но съ тѣмъ, чтобы они уже къ концу мая дали ему рѣшительный отвѣтъ относительно того, какого образа дѣйствій они будутъ держаться. Заранѣе уже Фридрихъ II далъ знать стральзундцамъ, что не возвратитъ имъ конфискованныхъ товаровъ на томъ основаніи, что они, стральзундцы, противозаконно поддерживали торговыя сношенія со Швеціей; король соглашался оказать имъ нѣкоторое снисхожденіе только въ томъ случаѣ, если они

дадутъ ему выкупъ въ 10.000 талеровъ и обѣщаютъ до окончанія войны со Швеціей не дозволять своимъ торговымъ людямъ торговать со Швеціей и содѣйствовать успѣшной задержкѣ всѣхъ купцовъ, направлявшихся въ Швецію. И это обязательно не только по отношенію къ Стральзунду, но и къ другимъ померанскимъ городамъ. Всѣмъ подданнымъ померанскихъ герцоговъ, говорилось въ письмѣ короля, не запятнавшимъ себя вѣроломными сношеніями съ врагами Даніи, Фридрихъ II разрѣшаетъ безпрепятственно проѣзжать черезъ Зундъ и другія воды своего королевства [1]).

Что касается, наконецъ, до посредничества, предложеннаго померанскими герцогами, то король сказалъ имъ, что всегда готовъ воспользоваться имъ, если только на это выразитъ согласіе и Эрикъ XIV. Свое миролюбіе, продолжалъ король, онъ уже обнаружилъ, когда съ большою готовностью принялъ посредничество императора, курфюрстовъ, князей и французскаго короля. Ему только пріятно, если померанскіе герцоги пришлютъ и своихъ депутатовъ на назначенный въ Ростокѣ конгрессъ или если они инымъ путемъ будутъ способствовать возстановленію мирныхъ отношеній между Даніей и Швеціей.

Отвѣтъ Фридриха II замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ распадается на двѣ части. Король, какъ видно изъ этого отвѣта, никакъ не желаетъ видѣть въ герцогахъ и городахъ представителей одного государства, единодушнаго и солидарнаго во всѣхъ своихъ политическихъ предпріятіяхъ; онъ намѣренно такъ держалъ себя съ герцогскими и стральзундскими послами, какъ будто имѣлъ въ виду два посольства, отъ двухъ различныхъ государствъ.

Къ герцогскимъ посламъ онъ относился много милостивѣе и дружелюбнѣе, обнаруживалъ готовность компромисса; не то было съ стральзундскими послами. Фридрихъ II уже и раньше, въ 1563 году, выискивалъ всевозможныя средства, чтобы только разъединить интересы городовъ и герцоговъ, но искусные дипломатическіе пріемы его ни къ чему не привели. Антагонизмъ князей и городовъ уступилъ мѣсто полному единодушію въ виду опасности, могущей обрушиться на страну изъ за вражды обоихъ скандинавскихъ государей.

Двойной маневръ Фридриха II явствуетъ и изъ обстоятельнаго доклада пословъ по возвращеніи ихъ изъ Даніи домой. Изъ этого доклада видно, что въ Даніи къ стральзундскимъ посламъ относились насмѣшливо и враждебно, обвиняли ихъ въ сношеніяхъ съ Швеціей,

[1]) *Blümcke*, 239—240.

въ чемъ усматривали вредный примѣръ для остальныхъ городовъ. Совѣтники Фридриха II рѣзко подчеркнули въ своемъ отвѣтѣ стральзундскимъ посламъ, что всѣ уступки, сдѣланныя городу королемъ, являются лишь результатомъ расположенія его къ герцогамъ. Король, какъ оказывается, выражалъ даже сожалѣніе, что еще не имѣлъ возможности лично познакомиться съ Іоанномъ Фридрихомъ. По возвращеніи своихъ пословъ, городской совѣтъ Стральзунда и все бюргерство единодушно подтвердило свое прежнее рѣшеніе—не подчиняться требованіямъ датскаго короля и не порывать со Швеціей, дружба съ которою бывала всегда столь выгодной для всѣхъ померанскихъ городовъ. Съ Стральзундомъ были согласны всѣ померанскіе города; одинъ только Штеттинъ держался совершенно особой политики. Фридрихъ II высоко цѣнилъ дружбу съ этимъ городомъ, доставлявшимъ ему съѣстные припасы, хлѣбъ и пр. Городской совѣтъ Штеттина запретилъ своимъ жителямъ сношенія съ Швеціей, и съ этихъ поръ между Штеттиномъ и Даніей заключается тѣсный союзъ. Всѣ интересы этого города заключались въ его Сконской торговлѣ и въ ней-то разгадка обособленной политики штеттинцевъ.

При такихъ отношеніяхъ къ Даніи, герцоги и города Помераніи должны были страстно желать примиренія воевавшихъ государей и, дѣйствительно, энергично выступили на конгрессѣ какъ за свои права, такъ и за мирное рѣшеніе скандинавскаго спора.

Они прежде всего обратились къ имперскимъ представителямъ съ жалобою на стѣсненія, причиняемыя имъ датчанами и старались оправдаться отъ обвиненій, взведенныхъ на нихъ Фридрихомъ II. Любопытно, что стральзундскимъ депутатамъ было предписано войдти въ отдѣльное соглашеніе съ шведскими коммиссарами, съ цѣлью склонить ихъ добиться включенія Помераніи въ мирный трактатъ съ Даніей, еслибы таковой состоялся. Предвидя и возможность неудачи ростокскаго конгресса, герцоги уполномочили своихъ пословъ отправить въ Швецію нѣсколькихъ депутатовъ съ предложеніемъ посредничества померанскихъ герцоговъ [1]).

Конгрессъ объявляли уже закрытымъ, когда померанскіе депутаты вошли въ отдѣльные переговоры съ представителями императора объ отношеніяхъ своихъ правительствъ къ воевавшимъ державамъ. Они сочли это тѣмъ болѣе важнымъ, что Фридрихъ II продолжалъ обвинять въ особенности стральзундцевъ въ упорныхъ сношеніяхъ съ Шве-

[1]) Ср. *Blümcke*, 248.

ціей, куда они, будто бы, доставляютъ и провіантъ, и оружіе, и наемниковъ. Гнѣвъ датскаго короля обрушился не на одинъ Стральзундъ, но и на другіе города, какъ Грейфсвальденъ, Кольбергъ, Ругенвольде и др.: и ихъ корабли захватываютъ въ Зундѣ, товары конфискуются, шкиперовъ бросаютъ въ тюрьму. Померанскіе послы настаивали на томъ, чтобы датское правительство возвратило герцогамъ и городамъ отнятые товары и суда, чтобы оно не препятствовало болѣе свободному плаванію на Балтійскомъ морѣ, но Фридрихъ II оставался глухъ ко всѣмъ этимъ требованіямъ, не соглашался ни на какой компромиссъ съ Помераніей. Померанскіе послы имѣли рядъ данныхъ, говорившихъ и противъ Любека. Они, не взирая на вышеприведенныя заявленія любекскихъ депутатовъ, настаивали на томъ, что Любекъ беззаконно поддерживаетъ запрещенныя сношенія съ Москвою, доставляетъ русскимъ оружіе и другіе запрещенные товары, тогда какъ померанскіе города въ силу императорскаго указа совершенно оставили нарвское плаваніе. Война съ Швеціей, говорили они, дѣло одного Любека, ее не рѣшали на ганзетагѣ, почему померанскіе города и не считаютъ для себя обязательнымъ принимать участіе въ войнѣ противъ Эрика XIV. Система Фридриха II и его союзниковъ противна всѣмъ международнымъ сношеніямъ; арестуются суда, направляющіяся не только въ Нарву, но и въ ливонскія гавани, Ригу и др., а также и тѣ, которыя отваживаются держать свой курсъ на западъ въ Нидерланды.

Императорскіе послы обѣщали померанскимъ депутатамъ, что обо всемъ донесутъ императору, который не замедлитъ оказать герцогамъ и городамъ содѣйствіе къ водворенію ихъ правъ нейтральной державы. Уполномоченные отъ Фридриха II также соглашались передать ему все слышанное; щедры были обѣщанія любчанъ, рѣшительно отвергавшихъ обвиненіе въ сношеніяхъ съ Москвою.

Твердый и рѣшительный тонъ, съ которымъ померанскіе послы говорили въ Ростокѣ, не остался совсѣмъ безъ дѣйствія. Къ половинѣ 1564 года политическій горизонтъ сѣверной Европы нѣсколько видоизмѣнился; всѣ обстоятельства приводятъ Копенгагенскій дворъ къ необходимости сохранить дружбу съ Помераніей. 25 іюля на Германскій престолъ вступилъ Максимиліанъ II. Онъ болѣе, нежели Фердинандъ I, склонялся въ пользу саксонской программы дѣйствій и далъ согласіе на опалу (Reichsacht) противъ Грумбаха и Іоанна Фридриха эрнестинскаго.

Между тѣмъ и шведская дипломатія успѣла достигнуть нѣкото-

рыхъ немаловажныхъ результатовъ, и хотя нельзя еще говорить объ организованной шведской партіи въ Германіи, но несомнѣнно, что сторонники Швеціи все тѣснѣе сплачивались, что Эрикъ XIV въ это именно время старался улучшить свои отношенія къ Москвѣ, не прочь былъ и отъ отдѣльнаго мира съ Польшей, онъ велъ и успѣшные переговоры съ Лотарингіей. Обстоятельства складывались такъ, что Данія не безъ основанія стала оглядываться на югъ, боясь враждебной диверсіи съ этой стороны, и на востокъ, не увѣренная въ искренности дружбы Московскаго царя. Приготовить себѣ въ такое время еще новаго врага въ Помераніи было не политично, и вотъ съ осени 1564 года Фридрихъ II начинаетъ дѣлать рядъ уступокъ, правда слабыхъ, померанскимъ городамъ, чтобы хоть на время обезпечить себя съ ихъ стороны. Несомнѣнно, что Августъ саксонскій имѣлъ на него и тутъ большое вліяніе, хотя свое сдѣлало и политическое чутье самого короля. Въ августѣ 1564 года Фридрихъ далъ знать герцогамъ Помераніи, что изъ расположенія къ нимъ разрѣшаетъ городамъ свободный проѣздъ чрезъ датскія воды, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они не оказывали помощи шведамъ ни въ самой Швеціи, ни въ Ливоніи.

Осенью 1564 года сами померанскіе герцоги рѣшились снарядить посольство къ скандинавскимъ королямъ, съ предложеніемъ своего посредничества и съ цѣлью выяснить свои отношенія къ нимъ. Во главѣ посольства въ Данію стали Христіанъ Кюссовъ и Гансъ Сваве. Аудіенція ихъ у короля происходила 14-го сентября. Выразивъ желаніе и готовность герцоговъ взять на себя посредничество въ борьбѣ Даніи съ Швеціей, они просили короля согласиться на перемиріе отъ св. Мартина до Троицы; съ померанскими герцогами согласенъ соединиться для посредничества и герцогъ брауншвейгскій; затѣмъ— Кюссовъ и Сваве обратили вниманіе короля на стѣсненія померанскихъ купцовъ и отъ имени герцоговъ склоняли его дать удовлетвореніе за все перетерплѣнное и впредь не препятствовать взаимнымъ торговымъ сношеніямъ Помераніи съ Даніей (mutua commercia). Герцоги тѣмъ болѣе надѣются на удовлетворительный отвѣтъ, что король въ письмѣ къ нимъ отъ 9-го августа соглашался пойдти на компромиссъ [1]).

Король выразилъ крайнее сожалѣніе о безплодности ростокскаго конгресса и соглашался принять посредничество герцоговъ, если они

---

[1]) *Blümcke*, 267 и т. д., по архивнымъ даннымъ Стральзунда.

заранѣе заручатся и согласіемъ Эрика XIV, прежде не желавшаго вести переговоры со всею враждебною ему коалиціей—Данія, Любекъ и Польша. Городамъ король готовъ дать удовлетвореніе и вернуть имъ прежнія привилегіи, коль скоро онъ совершенно убѣдится въ томъ, что города болѣе не будутъ поддерживать сношеній съ Швеціей; въ знакъ дружбы къ герцогамъ, король теперь же дастъ свободу заключеннымъ въ Готландѣ торговцамъ ихъ.

Въ отвѣтѣ Фридриха было столь же мало искренности, какъ и во всей тогдашней дипломатіи; говоря съ послами герцоговъ въ такомъ мирномъ тонѣ, онъ подготовлялъ высадку въ Блекинге и осаду Кальмара. Переговоры о мирѣ были только средствомъ удержать герцоговъ отъ сближенія ихъ съ Швеціей; герцоги же померанскіе сами говорили, что такъ усердно хлопотали о мирѣ изъ боязни, чтобы московскій царь не воспользовался борьбою скандинавскихъ государей и не утвердился въ Ливоніи и на Балтійскомъ морѣ—любимая тема нѣмецкихъ князей, которою они прикрывали собственныя честолюбивыя стремленія! Герцоговъ не удовлетворилъ отвѣтъ Фридриха, въ которомъ каждый пунктъ ставился въ зависимость отъ цѣлаго ряда условій, но тѣмъ не менѣе онъ рѣшился продолжать свою примирительную политику и съ этою цѣлью снарядилъ посольство въ Швецію и Польшу; оба посольства рѣшено было отправить одновременно. Не успѣли назначенные въ Польшу послы уѣхать, какъ Сигизмундъ II Августъ прислалъ полное угрозъ письмо, въ которомъ упрекалъ ихъ въ дружелюбіи къ Швеціи и въ своекорыстіи и требовалъ, чтобы они присоединились къ антишведской коалиціи. Это письмо сначала нѣсколько поколебало герцоговъ въ ихъ рѣшеніи, но въ концѣ концовъ, послы были снабжены инструкціями и уѣхали [1]).

Въ ноябрѣ послы прибыли въ Петроковъ; Сигизмундъ, какъ всегда, выставлялъ на видъ свое миролюбіе, сказалъ посламъ, что Эрикъ XVI добивался отдѣльнаго мира съ нимъ, но что онъ не могъ его принять, такъ какъ связанъ договоромъ съ Даніей; депутатовъ онъ охотно пришлетъ на новый конгрессъ, если онъ будетъ созванъ въ одномъ изъ померанскихъ городовъ, Штеттинѣ, Ростокѣ или др. и не лѣтомъ, а зимою. На частной аудіенціи у вице-канцлера короля посламъ пришлось выслушать рядъ обвиненій въ поддержкѣ враговъ Польши; послы называли такія обвиненія незаконными, ссылались на дружественныя сношенія своихъ правительствъ съ Швеціей, что не помѣшало

[1]) *Blümcke*, 271 и д.

имъ одновременно доставлять провіантъ союзнику Польши, королю датскому и разрѣшить многимъ дворянамъ поступать на датскую службу. Іоаннъ Дульчицкій (такъ звали вице-канцлера Сигизмунда II) усматривалъ въ дружбѣ герцоговъ къ Швеціи прямое нарушеніе договоровъ и ленныхъ отношеній Помераніи къ Польшѣ (feudus et feudum). Поддерживая шведовъ въ войнѣ, герцоги и города сами содѣйствуютъ продленію войны и дѣлаютъ невозможнымъ всякое посредничество [1]).

Отвѣтъ Сигизмунда заключалъ въ себѣ также мало положительнаго, какъ и отвѣтъ Фридриха; разница только та, что Сигизмундъ еще и угрожалъ, и ссылался на ленныя отношенія Помераніи къ Польшѣ, возникшія въ средніе вѣка; все это давало особое, отнюдь не *миролюбивое* освѣщеніе всей его политикѣ.

Дипломатія померанскихъ городовъ оказывалась очень легковѣрной; отвергать усердія герцоговъ нельзя, но за то напрасно искать въ дѣятельности ихъ пониманія политическихъ отношеній, ясновидѣнія, знанія людей; 1564 годъ приближался къ концу, дипломатическія же старанія Помераніи ни на шагъ не подвинули впередъ дѣло мира. Положеніе Помераніи становилось между тѣмъ все затруднительнѣе, ее отовсюду тѣснили, торговымъ сношеніямъ препятствовали; казалось, „ей суждено было служить наковальней и терпѣливо сносить всѣ удары“. Датскіе и любекскіе пираты не обращали никакого вниманія на обѣщаніе, данное померанскимъ герцогамъ Фридрихомъ II, и продолжали преслѣдовать померанскихъ торговцевъ на пути ихъ въ Швецію; иногда дерзость пиратовъ доходила до того, что они высаживались на материкъ и тамъ еще преслѣдовали виновныхъ, по ихъ мнѣнію, купцовъ; нерѣдко они вторгались въ померанскія владѣнія и тамъ дерзко своевольничали [2]); высадка любекскихъ пиратовъ на Рюгенѣ, напримѣръ, сопровождалась небывалыми опустошеніями. Померанское правительство не рѣшалось прибѣгать къ энер-

[1]) Данц. арх. Copia Responsi Ill-mi Principis ac Domini Barnimi Ducis Pomeraniae. Alt Stetin, VIII Maij, 1565. Urk. Saml. CII. B. 22421. .... tamen quod R. M-tas Poloniae desiderat, de edictis et mandatis publice proponendis, ne quis subditorum Suorum Regi Sueciae quicquam apportet, sed omnes in universum Suedicis commercijs abstineant, de eo sua Ill-tas R-ae M-ti penitus pollliceri non potest. Fieri enim nequit quin per eam rationem Ill-as Sua Regis Sueciae inimicum et hostem se declaret, et a pacificatoris officio discedat, atque ita inceptam de amica compositione tractationem relinquere cogatur. Герцогъ будетъ содѣйств. тому: ne ex suis provincijs et ditionibus Sueco quidpiam ad nutriendum et protrahendum diutius bellum, in utriusque R. M-tis grauius aliquod detrimentum perferatur.

[2]) Подробности у *Blümcke*, 279 и др.

гическимъ мѣрамъ, зная, что сторону Любека держали императоръ и курфюрстъ саксонскій, благосклонные къ датско-любекской коалиціи.

Города Помераніи высоко цѣнили торговыя сношенія съ Швеціей и, не смотря ни на какіе запреты, продолжали ихъ; такъ акты говорятъ намъ о торговыхъ сношеніяхъ съ Швеціей Грейфсвальдена, Стральзунда, Трептова, Кольберга, Рюгенвальда и др. Въ Кольбергѣ была извѣстная фамилія Дамитцъ, представители которой служили торговыми агентами въ Швеціи; не смотря на всю зоркость датскихъ и любекскихъ каперовъ, померанскимъ смѣльчакамъ удавалось доставлять въ Швецію значительное количество зерна. Не порывались и дипломатическія сношенія съ Швеціей; такъ, три шведскихъ агента провели большую часть 1564 года въ Стральзундѣ; отсюда они сносились съ германскими наемниками, входили въ дипломатическіе переговоры съ нѣмецкими князьями, здѣсь они затѣвали выгодные финансовые обороты и нерѣдко имъ удавалось доставать въ заемъ значительныя денежныя суммы [1]). Все это дѣлалось, конечно, не офиціально, секретно. Деньги, полученныя въ заемъ шведскими агентами, шли на наемъ рейтеровъ и кнехтовъ. При всемъ стараніи Швеціи скрыть эти операціи отъ сосѣднихъ державъ, объ нихъ узнали: полякамъ удалось перехватить нѣсколько писемъ шведскихъ агентовъ, которыя и открыли имъ всю сущность такъ называемой померанской „нейтральности“. И говорить нечего, какую тѣнь подобныя разоблаченія бросали на герцоговъ, недавно ручавшихся въ томъ, что они не допустятъ никакихъ сношеній своихъ подданныхъ съ Швеціей [2]). Перехваченныя письма шведскихъ дипломатическихъ агентовъ очень любопытны, такъ какъ даютъ возможность проникнуть во всѣ интриги и „практики“ стокгольмскаго двора; изъ этихъ писемъ, между прочимъ, видно, что одинъ изъ агентовъ, Мёллеръ, сносился съ графомъ Эдуардомъ Остфрисландскимъ и добивался отъ него для своего короля наемниковъ; Мёллеръ находился въ сношеніяхъ и со многими другими предводителями нѣмецкихъ дружинъ, этими нѣмецкими кондотьери, число которыхъ такъ возросло во второй половинѣ XVI столѣтія; одинъ нюрнбергскій житель, Matthes Ebner, соглашался доставить королю отъ 30 до 40 тысячъ флориновъ, если только король по окончаніи войны предоставитъ ему право за умѣренную цѣну закупить всю имѣющуюся въ Швеціи мѣдь. Переписка шведскихъ аген-

---

[1]) Въ 1564 году, 8 ноября 1.000 гульденовъ, 12 ноября—3.100 гульденовъ.

[2]) *Blümcke*, 287 и д.

товъ показываетъ, что правительство нерѣдко давало плѣннымъ любчанамъ паспорты для плаванія на Нарву, и хотя оно назначало за нихъ очень высокія цѣны, они на расхватъ покупались,—такъ выгодна и заманчива была русская торговля! Мёллеръ прибѣгалъ нерѣдко къ шпіонству, средству, охотно практиковавшемуся самимъ Эрикомъ; онъ получалъ отъ „своихъ людей" свѣдѣнія о ходѣ рейхстаговъ, зналъ, что дѣлалось при иностранныхъ дворахъ, слѣдилъ за внѣшними событіями и изъ всего этого старался извлечь выгоду для Швеціи.

Герцоги едва-ли знали сами о тайныхъ сношеніяхъ городовъ съ Швеціей: по крайней мѣрѣ, когда Сигизмундъ открылъ имъ содержаніе перехваченныхъ писемъ шведскихъ агентовъ,— и Барнимъ, и Іоаннъ Фридрихъ очень неодобрительно отнеслись къ поведенію городовъ, указывали, какъ вредно это отзовется на мирномъ посредничествѣ, взятомъ на себя герцогами, напоминали имъ о нарушеніи нейтральности. Герцоги въ особенности возмутились, узнавъ, что въ Брандсгагенѣ наготовѣ 2.000 наемниковъ, ожидающихъ только случая переѣхать въ Швецію. На требованіе герцоговъ, чтобы Мёллеръ и др. агенты распустили привезенныхъ ими наемниковъ, имъ отвѣчали, что они же разрѣшали померанскимъ дворянамъ становиться подъ датскія знамена[1]). Герцоги, какъ умѣли, извинялись передъ Фридрихомъ II, старались выставить все дѣло въ наиболѣе мягкой формѣ, надѣялись еще на возможность мирнымъ путемъ уладить отношенія Швеціи къ Даніи, но напрасно: Фридрихъ уже принялъ свои мѣры, онъ рѣшился скинуть маску миролюбія и въ январѣ 1565 года закрылъ Зундъ для всѣхъ народовъ безъ различія, такъ что теперь стало не возможно какъ попасть въ Балтійское море, такъ и выйдти изъ него. Этою мѣрою онъ справедливо надѣялся нанести самый рѣшительный ударъ шведамъ. Такимъ образомъ, 1565 годъ начался для померанскихъ городовъ самыми неблагопріятными ауспиціями, онъ сдѣлался неблагопріятнымъ и для всѣхъ европейскихъ государствъ, торговавшихъ на Балтійскомъ морѣ. Строгое выполненіе январьскаго указа было прежде всего смертельнымъ ударомъ для южно-балтійскихъ городовъ; оно было равносильно совершенному обѣдненію ихъ, безповоротному соціальному раззоренію. Январьскій указъ поэтому сдѣлалъ необходимымъ новое дипломатическое сближеніе Помераніи съ Даніей. Въ 1565 году гер-

[1]) *Blümcke* говоритъ о прибытіи въ Вольгастъ герцога Магнуса саксенълауенбургскаго, сторонника Швеціи, и о переговорахъ его съ вольгастскими герцогами, но о результатахъ этихъ переговоровъ не имѣется до сихъ поръ никакихъ данныхъ.

цоги дѣлаютъ рядъ новыхъ попытокъ возстановить свои сношенія съ копенгагенскимъ дворомъ. Въ февралѣ они шлютъ посольство къ Фридриху, съ просьбою принять ихъ посредничество и согласиться на временное перемиріе. Фридрихъ отклонилъ второе предложеніе. Эрикъ XIV, который до декабря 1564 года медлилъ отвѣтомъ на предложеніе померанскихъ герцоговъ, пожелалъ прежде всего узнать, какія условія мира будутъ ему предложены посредниками, писалъ, что ожидаетъ въ Кальмарѣ для переговоровъ о мирѣ вдовствующую королеву Даніи Доротею и до окончанія переговоровъ съ ней не можетъ отвѣтить ничего опредѣленнаго. Весною, на пути въ Лотарингію, шведскіе послы остановились въ Штеттинѣ, гдѣ вели переговоры съ уполномоченными померанскихъ герцоговъ. Поблагодаривъ померанское правительство за доставку шведамъ съѣстныхъ припасовъ, они просили ихъ съ открытіемъ навигаціи снова прислать въ Швецію различные товары, за которые имъ заплатятъ наличными деньгами. Шведскимъ посламъ отвѣчали, что герцоги всегда согласны допустить „mutua commercia“, но только до тѣхъ поръ, пока это не противорѣчитъ ихъ нейтральности. Въ письмѣ къ Эрику герцоги предлагали съѣхаться для переговоровъ о мирѣ въ Ростокъ. Герцоги такъ твердо вѣрили въ возможность примиренія обоихъ сѣверныхъ королей, что даже составили прелиминарныя условія мира. Любопытно, что въ этихъ прелиминаріяхъ главною причиною сѣверной войны выставлена Ливонія; герцоги считаютъ совершенно неосновательными требованія Даніи и Польши, чтобъ шведскій король отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній на востокѣ Балтійскаго моря. Герцоги даже проектировали временное перемиріе, такъ какъ вести переговоры о мирѣ въ полный разгаръ военныхъ дѣйствій всегда безполезно. Перемиріе, по плану герцоговъ, должно было быть заключено на такихъ условіяхъ, что каждая сторона удерживаетъ на время за собою все, что ею завоевано, торговыя сношенія объявляются свободными, ни одна сторона не должна вооружаться, плѣнные обмѣниваются или освобождаются, каждое нарушеніе перемирія строго наказывается. плаваніе на Нарву пріостанавливается. Еслибы во время перемирія какой-нибудь иноземный государь вздумалъ захватить въ свои руки господство на морѣ, всѣ должны соединиться противъ него, на время забыть свои личныя счеты и повести борьбу съ узурпаторомъ. Легко угадать, кого герцоги разумѣютъ подъ иноземцемъ-узурпаторомъ— московскаго царя. Эти прелиминарныя условія перемирія были впослѣдствіи приняты въ расчетъ въ 1570 году.

Герцоги полагаютъ главнымъ условіемъ мира открытіе Зунда. съ чѣмъ связано процвѣтаніе Штеттина. вся торговля котораго шла черезъ Зундъ. Весь зундскій вопросъ разсматривался въ особой, побочной инструкціи. также составленной усердными герцогами; тутъ обращается вниманіе на то. что шведы никакимъ образомъ не могутъ усилиться отъ того. что штеттинцы чрезъ Зундъ будутъ проѣзжать въ Англію. Шотландію. Францію. Нидерланды и Испанію.

Фридрихъ II, услышавъ о новыхъ мирныхъ стараніяхъ герцоговъ. соглашался участвовать въ будущемъ конгрессѣ, если и Эрикъ XIV пришлетъ туда своихъ депутатовъ. Относительно перемирія онъ также отказывался отъ какого бы то ни было рѣшительнаго отвѣта, не узнавши раньше мнѣнія Швеціи и Польши. Просьбу штеттинцевъ о свободномъ плаваніи черезъ Зундъ король принялъ, взявши съ нихъ обѣщаніе, что они не станутъ доставлять шведамъ хлѣба, военныхъ снарядовъ и пр., проѣздъ черезъ Зундъ король только будетъ допускать по особымъ паспортамъ, съ условіемъ не сноситься съ шведами.

Въ іюнѣ померанскіе послы прибыли въ Швецію. Удачныя дѣйствія шведовъ на морѣ не обѣщали посламъ успѣха. Дѣйствительно, весь поглощенный войною, Эрикъ не далъ имъ удовлетворительнаго отвѣта; тонъ его рѣчи былъ рѣзкимъ, повелительнымъ; онъ обвинялъ датское правительство въ томъ, что оно во-время не давало его посламъ паспортовъ для проѣзда на мирные конгрессы, упрекалъ его въ томъ, что оно никогда точно не формулировало своихъ требованій. О перемиріи Эрикъ не хотѣлъ и слышать. Въ Ростокъ посылать своихъ депутатовъ онъ также не желалъ, а предлагалъ Кальмаръ. Долго померанскіе послы оставались въ Швеціи, въ надеждѣ склонить короля къ миру, напрасно—ревностная миссія ихъ не удалась. Герцоги надѣялись теперь на то, что, быть можетъ, польскій и датскій короли согласятся прислать своихъ депутатовъ въ Кальмаръ, но на это согласія не послѣдовало. Въ письмѣ къ герцогамъ Сигизмундъ II Августъ съ злою ироніей спрашивалъ ихъ, поняли ли они теперь, наконецъ, сколько вѣры можно придавать заявленіямъ шведскаго короля о миролюбіи.

Не удалось и посредничество Франціи.

Вражда Даніи и Швеціи была слишкомъ глубокою. силы ихъ были еще слишкомъ значительны, чтобы отказаться отъ поединка. Дипломатія померанскихъ герцоговъ оказывалась неудачною главнымъ образомъ отъ того, что мало сообразовалась съ общимъ политическимъ настроеніемъ, съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ.

Въ 1565 году любекскій ратъ рѣшилъ созвать „ганзетагъ", чтобы отъ лица всей ганзы предложить мирное посредничество воевавшимъ государямъ. Ганзетагъ 1565 года рельефно обнаружилъ разногласіе и взаимное недовѣріе, господствовавшее среди городовъ. За Швецію оказались всѣ померанскіе и мекленбургскіе города, за исключеніемъ Штеттина, готоваго за одинъ годъ торговыхъ сношеній съ Даніей на 20 лѣтъ лишиться своихъ привилегій въ Швеціи. На ганзетагѣ любекскому рату указывали, что онъ не имѣлъ права безъ согласія всѣхъ городовъ начинать войны съ Швеціей, не по праву и теперь требуетъ себѣ помощи противъ Эрика XIV. Представители городовъ обѣщали довести до свѣдѣнія своихъ ратовъ проектъ посредничества между Швеціей и Даніей и, ни на чемъ не остановившись, разъѣхались. Новый ганзетагъ, созванный въ слѣдующемъ году, также мало успѣлъ, и депутатъ Штеттина, Гадемеръ, доносилъ своему рату, что взаимныя несогласія городовъ все ростутъ, и нѣкогда славная Ганза близка къ своему паденію.

3-го августа представители „тага" предложили сѣвернымъ королямъ съѣхаться для мирныхъ переговоровъ въ Стральзундъ или Штеттинъ.

„Коллегіальное" посредничество не обѣщало успѣха, переписка ратовъ съ королями замедляла ходъ переговоровъ, между тѣмъ наружу всплывали новыя недоразумѣнія, новыя неудовольствія, и о мирѣ мало кто серьезно думалъ. Намъ необходимо теперь остановиться на этихъ недоразумѣніяхъ и неудовольствіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ отношеніяхъ одного изъ союзниковъ Даніи, Польши къ Данцигу. Въ предыдущей главѣ мы уже отмѣтили общій характеръ этихъ отношеній. Какъ Фридрихъ II хотѣлъ склонить на свою сторону померанскіе города, такъ Сигизмундъ употреблялъ всѣ средства къ тому, чтобы укротить Данцигъ и обратить его въ польскую гавань. Первымъ ударомъ Данцигу должно было служить запрещеніе нарвскаго плаванія.

Еще въ 1562 году Сигизмундъ рѣшился издать первые эдикты, запрещавшіе плаваніе на Нарву [1]); это тогда уже вызвало энергическій протестъ со стороны Данцига. Отношенія города къ польскому королю еще болѣе обострились, когда послѣдній заключилъ свой договоръ съ Даніей противъ Швеціи [2]). Теперь къ прежнимъ запрещеніямъ присоединилось новое—прекратить торговыя сношенія съ Швеціей. Этого же требовалъ и Фридрихъ II, который систематически

[1]) Дан. арх. Uberfeld—гор. магистрату, 22-го апр. 1562.

[2]) Весь вопросъ объ отношеніяхъ Сигизмунда къ Данцигу — на основаніи документовъ Данц. архива.

захватывалъ всѣ корабли, направлявшіеся черезъ Зундъ въ Швецію; въ руки королевскихъ чиновниковъ нерѣдко попадали и данцигскіе корабли. Городской совѣтъ Данцига обратился къ Сигизмунду II съ жалобой на самовольный, безсовѣстный захватъ датскимъ правительствомъ его торговыхъ людей; Сигизмундъ сначала пообѣщалъ городу уладить этотъ вопросъ, снесшись съ Фридрихомъ II; на дѣлѣ же онъ намѣренно оттягивалъ съ году на годъ исполненіе своего обѣщанія. Предъ нами письмо польскаго короля къ Фридриху II, отъ 23 февраля 1564 года, которое какъ нельзя лучше рисуетъ намъ крайнюю нерѣшительность короля: то въ немъ проскальзываетъ рѣшительная нотка—Сигизмундъ требуетъ безпрепятственнаго проѣзда своихъ подданныхъ черезъ Зундъ, то онъ самъ же содѣйствуетъ стѣсненію Данцига. Сигизмундъ хотѣлъ своими запретительными указами о шведской и русской торговлѣ достигнуть совершеннаго обѣднѣнія Данцига, чтобы тѣмъ легче покорить себѣ этотъ городъ, а затѣмъ и остальные прусскіе города сдѣлать орудіемъ своей воли.

Данцигъ нѣкоторое время сносилъ такую несправедливость, но вскорѣ уже уполномоченные города энергично требуютъ отмѣны стѣсненій, указываютъ королю, что всѣ его старанія клонятся лишь къ обогащенію померанскихъ и мекленбургскихъ городовъ, къ которымъ теперь перешла вся шведская торговля. Запрещеніе нарвскаго плаванія, говорили данцигскіе депутаты королю, также всего тяжелѣе ложится на Данцигъ; Любекъ, союзникъ Даніи и Польши, продолжаетъ же сноситься съ русскими и извлекаетъ изъ этихъ торговыхъ сношеній громадныя выгоды. Почему же одинъ Данцигъ только лишенъ права пользоваться этою торговлею? Новыя мѣры короля доведутъ его до совершеннаго паденія; онъ уже и такъ годъ отъ году бѣднѣетъ; въ городѣ, къ тому же, благодаря занесеннымъ заразительнымъ болѣзнямъ, началась большая смертность [1]).

Въ началѣ 1564 года Данцигъ вошелъ въ сношенія съ Фридрихомъ II, чтобы отъ него добиться свободнаго плаванія черезъ Зундъ; городъ жаловался на беззаконныя стѣсненія королевскихъ чиновниковъ. 14-го февраля послѣдовалъ характерный отвѣтъ Фридриха II: король далекъ отъ того, чтобы посягнуть на привилегіи города и дѣйствуетъ только на основаніи своихъ регалій, своего королевскаго права. Отнимая у торговцевъ ихъ товары (зерно, солодъ и др.), присваивая себѣ ихъ корабли, онъ выплачиваетъ имъ за всѣ убытки и.

---

[1]) Missivi.

стало быть, вовсе не нарушаетъ мирныхъ и добрыхъ отношеній къ городамъ [1]). Если Данцигъ желаетъ пользоваться своими прежними привилегіями, то пусть, какъ добрый сосѣдъ, доставитъ королю въ Гельзингборгъ или Гельмстедтъ съѣстные припасы, хлѣбъ, пиво, муку, соль—что много помогло бы королю въ виду его скораго похода въ Швецію. Осенью же этого года Фридрихъ просилъ Данцигъ уступить ему 8 кораблей.—Всѣ эти просьбы Фридриха II были отклонены, такъ какъ исполненіе ихъ нарушило бы нейтральность города, которой онъ рѣшился держаться.

Въ 1565 году послѣдовало временное закрытіе Зунда. Настали еще болѣе тяжелыя времена для нейтральныхъ городовъ. Датскіе каперы захватывали корабли Данцига, товары залеживались, приходилось платить высокіе выкупы. Данцигъ искалъ заступничества Сигизмунда: онъ, какъ государь прусскихъ городовъ, казалось бы, долженъ былъ энергично вступиться за ихъ интересы, на дѣлѣ же вмѣсто рѣшительнаго заступничества—просьбы къ Данцигскому магистрату—терпѣливо снести это временное закрытіе датскихъ проливовъ [2]), вызванное въ интересахъ общаго блага; такою мѣрою Даніи легче удастся склонить къ миру шведскаго короля. Въ перепискѣ Данцига съ Сигизмундомъ мы наталкиваемся и на другія страницы: король обѣщаетъ похлопотать у своего союзника о свободномъ пропускѣ данцигскихъ купцовъ черезъ Зундъ, но не надѣется на успѣхъ, такъ какъ обнаружено, что данцигскіе купцы, проѣхавъ Зундъ, тайкомъ направляются въ Швецію, доставляютъ туда всевозможные товары, забывая, что Швеція врагъ Даніи и Польши.

Данцигскіе депутаты отвѣчали на такія заявленія короля, что шведамъ и помимо Зунда доставляютъ все нужное для войны изъ Помераніи и Мекленбурга, и просили его дать торговымъ людямъ города особые паспорты или свидѣтельства [3]), по которымъ датскій король

---

[1]) Данц. арх. Urkunden Sammlung, XCV. B. 92. 22920... als wir dann auch jenen deren schiff, geschutz, oder Potsgesellenn wir zu vnnserm diennst angenohmenn, auff geburlich máss, oder Werdirung versicherung zustellenn lassen oder sonst der Besoldung halber richtige verordnung gethan, zuletzt auch des abgenohmenen Korns unnd Maltz halber bezalung zuthun. Ср. XCV. B. 100. 22924. и XCV. B. 96. 22198 -гдѣ заключается просьба о доставкѣ кораблей „bloss auff diesen vorstehenden fruelingk“.

[2]) Данц. арх. Acta Intern. 1565, IX, vol. 16: dass vnser Herr in die Schliessung des Sundes bewilliget.

[3]) Die vnsers herren furschrifft oder saluum conduct haben wurden. Клефельдъ Данцигу, 13-го апр. Dan was sie erstlich der Certification halben einbilden, ist

пропускалъ бы ихъ через Зундъ. Сигизмундъ II опять таки ограничился одними обѣщаніями и, имѣя въ виду все дѣло отложить ad Calendas Graecas, дѣйствовалъ необыкновенно вяло и нехотя.

Наконецъ, данцигскіе послы стали требовать, чтобы въ Данію отправлено было посольство, которое должно было добиться у Фридриха II отмѣны зундскихъ стѣсненій. Изъ-за этого у городскихъ депутатовъ начались продолжительные дебаты съ совѣтниками „лѣниваго" короля; не дѣло города, говорили послѣдніе, указывать королю, что ему дѣлать; онъ составитъ инструкцію по своему усмотрѣнію и не нуждается въ совѣтахъ Данцига [1]). На этотъ разъ, однако, Данцигъ добился своего—король согласился снарядить въ Данію посольство, и инструкція, данная посламъ, дѣйствительно, была составлена съ вѣдома и по соглашенію съ городскими депутатами 10 марта 1565 года. Этого же числа магистратъ Данцига обратился съ пространнымъ письмомъ къ Фридриху II, въ которомъ выражалъ и сожалѣніе и неудовольствіе по поводу рѣшенія короля закрыть Зундъ его торговымъ людямъ, тогда какъ Данцигъ всегда относился къ Даніи съ искреннимъ дружелюбіемъ, наблюдалъ за ея интересами, всѣмъ жертвовалъ ради нея. Предшественникъ Фридриха II въ признательность за это даровалъ городу льготы и привилегіи—безпрепятственно торговать по всей Даніи, проѣзжать чрезъ проливы, входить во всѣ города и гавани; Зундъ былъ открытъ данцигскимъ кораблямъ и на пути ихъ въ Нѣмецкое море и обратно въ Балтійское; не было стѣсненій, ни задержекъ, не назначались ни поборы, ни пошлины, и привилегіи эти имѣли одинаковую силу какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Теперь все, что было нѣкогда даровано городу и подтверждено за нимъ клятвою, нарушается безъ всякаго права. Въ виду такихъ отношеній прежнихъ датскихъ королей къ Данцигу, онъ и теперь проситъ короля прекратить стѣсненія и возстановить прежнія привилегіи его [2]).

---

derselben zu warheit nie im geringsten gedacht, vielweniger das Ire M. dem K. von Dennemarck einreumen solte, das die Schiffe aus Dantzich jn den Sundt kommende, daselbst certificiren solten.

[1]) Sie seint nicht schuldig die Instruction zu stellen, wie die Stadt will, sondern wie sie wollen. Польскіе совѣтники хотѣли помѣстить въ инструкціи, между прочимъ, такой пунктъ: wo ferne der K. von Dennemark den freien pass ghar abschluge, das auf den fall dennoch des eides gedacht wurde, das alleine die so aus dem Oressundt auf Dantzigk siegeln schweren sollen, nicht auf schweden zu lauffen; пропущены были слова: „durante bello".

[2]) Акты и письма, II, стр. 5, № 3.

Чрезъ мѣсяцъ, 8-го апрѣля, Данцигъ, еще не получивъ отвѣта на первое письмо, отправилъ Фридриху второе письмо, но уже въ гораздо болѣе рѣшительномъ тонѣ и снова требовалъ отмѣны торговыхъ стѣсненій, ничѣмъ со стороны города не вызванныхъ; письмо оканчивалось угрозою: если Зундъ не будетъ открытъ данцигскимъ кораблямъ, магистратъ города заключитъ договоръ съ Швеціей и будетъ доставлять ей всѣ нужные товары.

За этими письмами послѣдовало офиціальное посольство города въ Данію.

До отправленія данцигскихъ пословъ случилось событіе, также еще содѣйствовавшее ухудшенію отношеній Сигизмунда II къ Данцигу. Отправляя весною 1565 г. пословъ къ герцогамъ померанскимъ и мекленбургскимъ, король требовалъ, чтобы и Данцигъ принялъ участіе въ этомъ и также прислалъ нѣсколькихъ представителей. Думая, что посольство это имѣетъ цѣлью склонить вышеназванныхъ герцоговъ принять на себя посредничество въ борьбѣ Швеціи съ Даніей-Польшей, данцигскій ратъ согласился участвовать въ немъ. На дѣлѣ же оказалось, что инструкція, данная королемъ его посламъ, заключала въ себѣ просьбу къ герцогамъ присоединиться къ наступательному союзу противъ Швеціи. Участіе въ такого рода посольствѣ, разумѣется, выставило бы Данцигъ въ глазахъ Эрика въ враждебномъ свѣтѣ; оно было бы равносильно разрыву съ нимъ,—и магистратъ города поспѣшилъ отказаться отъ такой миссіи. Сигизмундъ, какъ оказывается изъ бумагъ данцигскаго архива, сначала тщательно скрывалъ отъ города содержаніе данной посламъ инструкціи, надѣясь, впослѣдствіи, заставить Данцигъ примкнуть къ антишведской коалиціи, что представлялось ему рѣшительно необходимымъ въ виду значительнаго флота, какимъ городъ обладалъ. Неудача эта еще только усилила его недовольство своевольнымъ городомъ. Напрасны были всѣ резоны Данцига, въ переговорахъ съ королевскими совѣтниками онъ ничего не могъ добиться. Тогда ратъ города рѣшился войдти въ непосредственные переговоры съ самимъ Эрикомъ, но Сигизмундъ рѣшительно запретилъ ему это [1]) и упорствовалъ, не смотря на то, что депутаты города въ яркихъ краскахъ представляли ему, какія большія бѣдствія повлечетъ за собою для города пріостановка шведской торговли; они указывали Сигизмунду и его секретарямъ, что шведское правительство при первомъ же удобномъ случаѣ отомститъ Данцигу, какъ скоро городъ

[1]) Acta Intern. 1566. IX. vol. 17.

исполнитъ желаніе своего государя, прекратитъ торговыя сношенія съ Швеціей; стѣснены будутъ прежнія торговыя преимущества города какъ въ Швеціи, такъ и въ ливонскихъ владѣніяхъ шведскаго короля. Уже теперь шведскіе товары покупаются въ Данцигѣ за двойную цѣну; въ городской гавани число иностранныхъ кораблей все рѣдѣетъ; многіе иностранцы по нѣсколько лѣтъ ждутъ разрѣшенія короля уѣхать, но тщетно: запретительные эдикты его строго выполняются.

Шведское правительство въ виду этого дало уже своимъ каперамъ право захватывать всѣ данцигскія купеческія суда, показывающіяся на ревельскомъ и нарвскомъ фарватерахъ.

Положеніе города становилось безвыходнымъ. Справедливость требуетъ, писалъ Данцигъ къ Сигизмунду, чтобы всѣ приморскіе города были лишены какъ шведской, такъ и русской торговли; на дѣлѣ же— терпитъ одинъ Данцигъ, потому что мекленбургскіе и померанскіе города сносятся со Швеціей, а Любеку самъ же Сигизмундъ въ 1563 году въ Ростокѣ разрѣшилъ пользоваться привилегіей нарвской товговли; это Любекъ самъ открылъ данцигскому рату, когда въ 1565 году, по приказанію Сигизмунда, ратъ велѣлъ схватить нѣсколько любекскихъ кораблей, возвращавшихся изъ Нарвы. Кромѣ любчанъ и датскіе подданные сносятся съ русскими.

Допустить шведскую торговлю Сигизмундъ II никакъ не соглашался; кромѣ обязательства по отношенію къ Даніи, ему это было важно и въ виду его враждебныхъ отношеній къ Швеціи въ Ливоніи. Чтобы не довести своихъ отношеній къ Данцигу до совершеннаго разрыва, онъ съ 1565 года начинаетъ склоняться къ необходимости открыть Данцигу по крайней мѣрѣ свободныя сношенія съ западной Европой черезъ Зундъ, онъ даже самъ 15 апрѣля слѣдующаго года писалъ объ этомъ къ Фридриху II [1]). У послѣдняго, однако, были свои воззрѣнія и онъ не поддавался на просьбы своего союзника.

Когда весною 1566 года данцигскіе послы явились въ Данію, они дспѣли добиться у короля только одного, что онъ допуститъ проѣздъ уанцигскихъ кораблей черезъ Зундъ, но не раньше, чѣмъ союзный датско-любекскій флотъ успѣетъ выплыть въ море. Данцигъ командировалъ въ Данію Павла Варникена, съ тѣмъ чтобы онъ въ Гельзингёрѣ наблюдалъ за интересами Данцига и доносилъ городу объ всѣхъ мѣрахъ, какія предпринимаются противъ него въ Даніи; онъ долженъ

[1]) Der König—fast böse dantzkerich vermercken lassen.

былъ, кромѣ того, оказывать данцигскимъ торговцамъ, пріѣзжающимъ въ Данію, всевозможное содѣйствіе, а главное—какъ можно чаще и обстоятельнѣе доносить магистрату обо всемъ, что дѣлается въ Даніи [1]). Изъ донесенія этого Варникена и другихъ данцигскихъ пословъ мы узнаемъ, что настроеніе Фридриха II къ городу было очень враждебное [2]), онъ не могъ не возмутиться угрозою Данцига — пристать къ Швеціи, онъ не могъ забыть, какъ рѣшительно возсталъ городъ противъ его желанія принять активное участіе въ войнѣ противъ Швеціи, какъ онъ отказалъ ему даже въ пустой просьбѣ—доставить или продать ему нѣсколько кораблей, какъ неодобрительно онъ отнесся къ польско-датскому сближенію и т. д.

Изъ Копенгагена данцигскіе послы отправились въ Любекъ [3]), гдѣ въ переговорахъ съ ратомъ поднятъ былъ вопросъ о нарвскомъ плаваніи. Любекъ твердо отстаивалъ свои права пользоваться русскою торговлею и въ военное, и въ мирное время и отражалъ всѣ нападки Данцига. Пренія, возникшія по нарвскому вопросу, приняли острый характеръ; любекскіе депутаты обвиняли данцигскій магистратъ въ томъ, что онъ за деньги продаетъ пасспорты всѣмъ торговцамъ, не зависимо отъ того, куда они отправлялись, въ дружескія или враждебныя государства [4]); данцигскіе послы въ долгу не оставались и поздравляли Любекъ съ паденіемъ Полоцка, говоря, что этимъ успѣхомъ

---

[1]) Донесенія Фербера и Якова Губенера Данцигу.

[2]) Данц. арх. Missiv..... Das ihr die gantze zeit der schiffart darselbst am houe vnnd zu Helscheneer eine beharliche mansion halten sollet, vnd da vnsern schippern was beschwerliches oder nachteiliges beiegnete, denselben rehtlich hülfflich vnd beistendiglich zu sein, domit sie von allem beschwer des orttes gefreiet vnnd ungehindert hin vnd herwider passiren muegen vnnd vns sonsten was darselbst am houe von allerlei vorloffen muchte berichten.

[3]) Данц. арх. Urk. Sammlung, XCV. B. 93. 20916..... ut vsum maris ac transitum cum nauibus mercibusque suis ita illi (Данцигу) permittat, vt sine ullo pignirationis metu comertia sua cum externis ultro citroque exercere possit: sicut et aequitas ipsa, et mutua nostra cum Serenitate Vra necessitudo atque conjunctio postulat et requirit.

[4]) 21 іюня 1566: Die von Lübeck verteidigen sich nicht alleine mit vngerimpten vnd vnfreuntlichen worten, sondern treiben auch allerlej seltsame Practiken mit beschuldigung das sie nicht theten wie die Dantzker, die gelt nemen vnd yhres gefallens wem sies gönten Pasport geben, mit den Schiffen zu laufen wo sie wolten. darob dan vnsers teils auch nicht vergessen, vnd gar harte rede gefallen, auch die congratulation der eroberung Polotzko, doch mitt angehefftet, wie wir berichtet, yhnen auch auf die cost geleget, welche sie dan hart beneinet vnd angenommen zuuorantworten, darüber zwischen vns beiderseits sehr scharpffe rede vorgelauffen.

русскіе обязаны Любеку. Какъ и можно было предвидѣть, данцигскіе послы ничего не добились отъ Любека, ратманны упорно стояли на своемъ и не допускали возможности — подѣлиться со своими привилегіями или временно отказаться отъ нихъ.

Сигизмундъ II Августъ, между тѣмъ, рѣшился на новую мѣру, не направленную первоначально противъ Данцига, но навлекшую на послѣдній негодованіе всѣхъ европейскихъ государствъ. Король назначилъ особыхъ морскихъ сыщиковъ, пиратовъ, которые, имѣя свою станцію около Данцига, должны были въ открытомъ морѣ захватывать всѣ корабли, направлявшіеся къ Нарвѣ. Въ виду того, что морскіе „speculatores" короля нерѣдко производили свои грабительства у самой данцигской гавани, у потерпѣвшихъ являлось убѣжденіе, что морскіе сыщики—подвластны городу, имъ поставлены, для него пиратствуютъ; объ этомъ они доносили своимъ государямъ, и вотъ—данцигскіе торговцы, ни въ чемъ неповинные, несутъ за это тяжкія наказанія въ Англіи, Голландіи, Франціи, Швеціи и Даніи: ихъ арестовывали, отбирали товары и т. д. [1]).

Новая бѣда для Данцига! Съ 1566 года начинается переписка его съ Сигизмундомъ объ этихъ морскихъ спекуляторахъ; городъ проситъ короля отмѣнить ихъ, онъ посылаетъ въ Польшу своихъ уполномоченныхъ; но никто на его жалобы и просьбы не обращаетъ вниманія, ихъ влекутъ изъ одной инстанціи въ другую, отъ однихъ чиновниковъ къ другимъ; одни взваливаютъ это дѣло на другихъ, и (какъ замѣчаютъ данцигскіе послы въ одномъ своемъ донесеніи) „не было такого храбреца, который бы рѣшился повѣсить коту колокольчикъ" [2]).

Данцигъ употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы только добиться отмѣны вреднаго учрежденія спекуляторовъ [3]), пересылался съ иностранными государями, доказывалъ, что морскіе сыщики поставлены королемъ, но тѣмъ не менѣе терпѣлъ изъ-за нихъ.

Сигизмундъ имѣлъ основаніе настаивать на закрытіи нарвскаго плаванія, такъ какъ къ русскимъ въ Нарву пріѣзжали иностранцы изъ Франціи, Англіи, Голландіи (Амстердама) и Шотландіи, изъ Гамбурга, Висмара и др. городовъ. Любекъ также поддерживалъ сношенія съ Нарвой, хотя и жаловался на уменьшеніе оборотовъ своей восточной торговли. Въ 1567 году въ Нарву ѣздили по 15 и болѣе тор-

---

[1]) Ist aber niemands, der der Katzen die schellen ahnhengen will. Акты и письма, II, № 4.

[2]) Die freibeutere abzuschaffen.

[3]) Мюнх. арх. Aus Lübeck, 30 іюля 1567; Ср. *Silverstolpe*, 94 и 122.

говыхъ судовъ изъ Любека. Нерѣдко, изъ опасенія шведскихъ и польскихъ каперовъ, любекскіе корабли не рѣшались покидать нарвскаго рейда, такъ лѣтомъ того же 1567 года въ Нарвѣ было 33 любекскихъ корабля. Съ русскими въ Нарвѣ торгуютъ купцы изъ Данцига, Бреславля, Аугсбурга, Нюрнберга, Лейпцига и Амторфа. Успѣшнѣе всего идутъ въ Россіи торговыя дѣла англичанъ. У нихъ во всѣхъ большихъ городахъ свои складочные магазины, черезъ Россію они проникаютъ въ Персію и Арменію, о чемъ никто раньше не слышалъ, не помышлялъ. Изъ Бѣлаго моря англичане надѣются найдти путь въ Гренландію [1]). Стеченіе иностранныхъ купцовъ въ Нарвѣ было по временамъ громадное, туда иногда свозилось столько товаровъ, что продавать ихъ приходилось по очень низкой цѣнѣ. Ніенстедтъ говоритъ, что нѣкоторые товары продавались тутъ дешевле, чѣмъ въ Германіи. Царь радовался, продолжаетъ тотъ же повѣствователь, такъ какъ этимъ путемъ онъ всего легче надѣялся добиться утвержденія въ Ливоніи. Иностранные факторы въ Нарвѣ были въ большомъ почетѣ, ихъ приглашали во дворецъ царскаго намѣстника, угощали ихъ, какъ своихъ дѣтей-любимцевъ.

Занятый одной идеею—поднять общеевропейскую коалицію противъ шведовъ [2]), Сигизмундъ II не забылъ и нидерландскаго правительства. До начала ливонской войны отношенія Польши къ Нидерландамъ носили характеръ исключительно торговый; изъ сохранившейся переписки Сигизмунда съ Маргаритой видно, что недоразумѣнія, возникавшія тогда между обоими правительствами, вызывались главнымъ образомъ нарушеніемъ торговыхъ привилегій нидерландскихъ подданныхъ въ польскихъ владѣніяхъ, а поляковъ въ Амстердамѣ и другихъ торговыхъ пунктахъ Испанскихъ провинцій [3]). Всего болѣе терпѣлъ отъ торговыхъ стѣсненій Данцигъ.

Характеръ отношеній Польши къ Нидерландамъ и Испаніи измѣняется съ начала 1558 г.; теперь они уже прямо враждебны, ибо польское правительство въ своихъ торгово-политическихъ интересахъ стало преслѣдовать всѣхъ торговцевъ, направлявшихся въ Нарву; такимъ образомъ, и въ польско-испанскихъ отношеніяхъ все опредѣлялось нарвскимъ вопросомъ. Отъ 1564 и 1565 годовъ сохранилось много писемъ

[1]) Мюнх. арх.

[2]) Ср. прекрасную страницу объ этомъ у *Le Bray*, II. 128.

[3]) Брюсс. арх. Письмо Сигизмунда Маргаритѣ 28 февр. 1557 года. (Акты, № 1).

Маргариты къ Сигизмунду II, въ которыхъ она жалуется на стѣсненія своихъ подданныхъ на пути ихъ въ Нарву и др. ливонскія гавани. Захватъ кораблей, направлявшихся на Востокъ, продолжался и въ слѣдующихъ годахъ. Сигизмундъ пустилъ въ ходъ всю свою дипломатическую мудрость, чтобы убѣдить нидерландское правительство временно, до окончанія войны съ Москвою, остановить свои торговыя сношенія съ Россіею. Въ 1567 году Маргарита писала Сигизмунду, что подданные испанскаго короля снова, не смотря на неоднократныя жалобы ея, подверглись преслѣдованію, хотя не везли съ собою запрещенныхъ товаровъ, пороха, оружія и пр. Ей ясно теперь, гдѣ кроется причина такого враждебнаго къ испанскимъ подданнымъ отношенія Польши и ея прусскихъ городовъ. Данцигъ стремился сосредоточить въ своихъ рукахъ всю русскую торговлю, сдѣлать ее своею монополіею, но этого *не потерпитъ*, *не допуститъ* Филиппъ II, такъ какъ его подданные издавна уже вели прибыльную для нихъ торговлю съ русскими.

Любопытно, что̀ Сигизмундъ приводилъ въ оправданіе практиковавшейся имъ каперской системы захвата всѣхъ иностранцевъ, ѣздившихъ въ Нарву. Предъ нами письмо его къ Маргаритѣ отъ 13 сент. 1567 года. И въ этомъ письмѣ знакомая уже намъ нота, неискренняя, плохо вяжущаяся съ образомъ мыслей короля: „ведя войну тяжелую и опасную, пишетъ онъ, съ московскимъ и шведскимъ государями, варварами, схизматиками и тиранами, онъ уже неоднократно запрещалъ провозить черезъ свои земли какіе либо предметы своимъ врагамъ; легко понять, какъ усиливается Московитъ, врагъ Польши и всего христіанства, пока его поддерживаютъ европейскіе торговцы; онъ съ каждымъ днемъ становится опаснѣе. Не смотря на это, многіе торговцы изъ личныхъ выгодъ старались обойдти наши постановленія и продолжали сноситься съ нашимъ врагомъ, цѣня свои интересы выше общаго блага всего христіанства“. Среди арестованныхъ торговцевъ, какъ видно изъ докладовъ польскихъ консуловъ въ Данцигѣ, нѣкоторые оказались подданными испанскаго правительства; это поразило короля тѣмъ болѣе, что онъ, какъ знаетъ и сама правительница, всегда съ особенной заботливостью относился къ выгодамъ Нидерландцевъ, высоко цѣнилъ дружбу съ Испаніей. Въ виду того, что Сигизмундъ все еще преисполненъ дружбы и расположенія къ испанскому королю, онъ просилъ Маргариту, вопервыхъ, не лишать его подданныхъ, данцигскихъ торговцевъ, тѣхъ привилегій, какими они издавна пользовались въ Нидерландахъ, а вовторыхъ,—запретить своимъ подданнымъ подвозить русскимъ оружіе и провіантъ, доставлять имъ опытныхъ въ

военномъ дѣлѣ людей. Въ заключеніе король говорилъ: если онъ рѣшился не допускать сношеній съ русскими, то главнымъ образомъ не изъ-за собственныхъ выгодъ, а ради спасенія всѣхъ христіанскихъ государей, которые не устоятъ противъ Москвы, какъ скоро она усвоитъ военное искусство западной Европы. Доставлять русскимъ свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ людей тѣмъ опаснѣе, что *русскіе все быстро усваиваютъ и легко постигаютъ*, стоитъ имъ лишь разъ показать.

Итакъ, благо всего христіанства—вотъ движущій мотивъ всей политики Сигизмунда. Любопытно, что Сигизмундъ не выдержалъ до конца взятаго имъ тона; въ послѣднихъ строкахъ письма онъ проговаривается, говоря, что въ видахъ *самосохраненія* опасается развитія военнаго дѣла въ Москвѣ. Усваивая себѣ съ необыкновенною быстротою всѣ пріемы западно-европейской военной тактики, русскіе безъ труда могли справиться съ разъединенными польско-литовскими войсками; устоять въ борьбѣ съ Россіей, которой достаточно было лишь нѣсколькихъ уроковъ западныхъ учителей, будетъ трудно, невозможно для Польши—вотъ истинная причина всѣхъ дипломатическихъ маневровъ Сигизмунда, не всегда искусно и умѣло прикрывавшаго свою цѣль фразами объ общемъ благѣ всего христіанства и т. д.

Какъ Маргарита, такъ и Филиппъ II мало тронулись риторическими краснорѣчивыми пріемами вѣнценоснаго дипломата и сами прибѣгли къ репрессаліямъ. Альба рѣзко заявилъ Сигизмунду, что дѣйствія его пиратовъ беззаконны и могутъ вызвать месть со стороны его государя. 23-го марта 1568 года онъ писалъ Сигизмунду, что одинъ голландскій корабль, потерпѣвшій крушеніе, былъ захваченъ пиратами польскаго короля. Думая, что корабль этотъ шелъ изъ Нарвы, Поляки велѣли стрѣлять по нему. Когда начальнику польской пиратской эскадры заявили, что голландскій корабль не изъ Нарвы, онъ все-таки велѣлъ сдѣлать еще нѣсколько выстрѣловъ въ него; убитъ былъ одинъ изъ голландскихъ моряковъ, капитанъ же корабля, Эбертъ Адріянсонъ, съ товарищами вынуждены были прибѣгнуть къ вооруженной защитѣ, но, конечно, должны были уступить численно превосходившему ихъ противнику; ихъ взяли въ плѣнъ и содержали подъ самымъ строгимъ надзоромъ [1]).

---

[1]) Брюсс. арх. Correspondance du duc d'Albe avec Sigismond II Roi de Pologne 1569—71. Альба Сигизмунду II (дупликатъ Данцигу), 23-го марта 1568: Da hate sich zugetragen, das Ime ainss von E. Kun. W. Kriegsschieffe die sij

Вотъ одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ самоволія польскихъ пиратовъ. Сигизмундъ долгое время представлялъ дѣло такъ, будто эти пираты дѣйствуютъ въ интересахъ Данцига, Данцигомъ поставлены на морѣ, и поэтому наиболѣе сильные удары ожидали въ Нидерландахъ данцигскихъ купцовъ. Король испугался Альбы, велѣлъ своимъ коммиссарамъ разсмотрѣть дѣло Адріянсона, который и былъ оправданъ и за всѣ потери, ему причиненныя, вознагражденъ.

Подробно разсмотрѣнныя нами отношенія Польши къ Данцигу сдѣлаютъ понятными старанія этого города вмѣстѣ съ померанскими и др. ганзейскими городами, добиться мира въ сѣверной Европѣ. Но померанскимъ городамъ роль мирныхъ посредниковъ не представляла затрудненія, такъ какъ и герцоги вмѣстѣ съ ними жаждали мира; Данцигъ-же во всѣхъ своихъ стараніяхъ встрѣчался съ упорнымъ нежеланіемъ Сигизмунда даровать Швеціи миръ. Въ то время, какъ ганзейскіе города и Померанія прилагали свое стараніе къ водворенію мира въ сѣверной Европѣ, контрмины этимъ мирнымъ попыткамъ создавались „революціонною“ партіей въ Германіи. Ея представителямъ, Іоанну Фридриху саксонскому, Грумбаху и Христинѣ лотарингской ничто не было менѣе желательно, какъ миръ между Даніей и Швеціей; война ихъ была имъ выгодна, они надѣялись воспользоваться ею для своихъ плановъ и замысловъ противъ императора и Августа саксонскаго. Знаменитое Лотарингско-Грумбаховское движеніе во второй своей стадіи представляетъ цѣлый рядъ любопытныхъ дипломатическихъ моментовъ.

---

bey jetzt werender Irer Kriegsvbung wider den Moscowiter zu verhinderung vnd abwehrung der Schiffart uff die Nerua vnd andere daselbst vmbligende ortter in Russlandt jn die Sehe bey Danzig aussgemacht vnd verordnet, uffgestossen, welches haubtman auss eytelern wahn vnd vermuethung, das gemelter suppl. Schiff von der Nerua, oder andern Reussischen Orttern gekhomen were, alss bald zwee Schuess in jre der Suppl. Schiffe thuen vnd nach Veindes gebrauch uff der Sehe die Segel zustreichen rueffen lassen, welchem er Suppl. zu erzaigung, das Er kain veindt als bald gehorsamst vnd seine Mast Seiler sinckhen vnd darbey jm haubt man was sein begern seie, angeschrien, vnd wol verhofft hette, Er solte ine daruber nach altem vblichen gebrauch vnd gewonheit zue Sehe weiter nicht vergewaltigt oder beschwerdt haben, so hette Er haubtman doch ausserhalb Rechtes vnd ohn ainiche befuegne vrsach noch 3 Schuess in ir der Suppl. Schiff thuen lassen, daraus erfolgt, das nachdem ainer von den schiffleuten erschossen и т. д. „in harter gefengkhnus enthalten“.

1564-й годъ былъ особенно обиленъ всякаго рода дипломатическими проектами; сѣверныя событія привлекали всеобщее вниманіе; Европа раздѣлилась на двѣ половины: одна стояла за Данію, другая за Швецію. Герцогиня лотарингская терялась во множествѣ представлявшихся комбинацій и не знала, какую предпочесть, на какой остановиться. Одинъ изъ ея агентовъ въ особенности рекомендовалъ ей опереться на Петра Оксе и Грумбаха. „Одно лицо, писалъ онъ Христинѣ, пользовавшееся большимъ вліяніемъ въ Даніи, вступило со мною въ тайные переговоры и объявило мнѣ, что датскій король безъ всякаго повода затронулъ его честь и доброе имя, и что онъ рѣшилъ предложить свои услуги герцогинѣ. Принимая во вниманіе дипломатическую опытность этого человѣка,—онъ одно время проживалъ въ Голштиніи, гдѣ занимался разнаго рода дипломатическими порученіями,—ваше королевское величество (такъ всегда титуловали Христину ея придворные льстецы и дипломаты), быть можетъ, могли бы воспользоваться его предложеніемъ и поручить ему какое-нибудь важное дипломатическое дѣло; дипломатъ онъ столь же ловкій, какъ тотъ, который въ настоящее время агитируетъ въ Германіи (то-есть, Грумбахъ)“. Очень важно было бы привлечь на свою сторону другаго датчанина, долгое время служившаго секретаремъ въ королевскомъ совѣтѣ и знавшаго всѣ секреты датской дипломатіи; его слѣдовало бы убѣдить вернуться въ Данію, возстановить тамъ свое положеніе и оттуда каждый мѣсяцъ доставлять герцогинѣ обстоятельныя донесенія о состояніи дѣлъ въ королевствѣ.

Сверхъ того, продолжаетъ нашъ корреспондентъ, дворянство въ Даніи сильно возмущено противъ короля, ненавидитъ его, жалуется на небывалыя стѣсненія, говоритъ, что король довелъ его до совершенной бѣдности: отнялъ у дворянъ для войны съ Швеціей всѣ ихъ деньги, навязалъ имъ содержаніе солдатъ, воспользовался даже драгоцѣнностями дамъ и дѣвицъ, позволялъ себѣ рѣзкіе отзывы о дворянахъ, бранилъ военачальниковъ. Одинъ изъ такихъ оскорбленныхъ дворянъ теперь у вашего величества, и на его бѣгство изъ Даніи намъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на Божескій промыслъ. Обширныя родственныя связи въ королевствѣ, почетъ и власть, какими онъ въ немъ пользовался, оскорбленный безъ всякаго повода королемъ,— вотъ что̀ дѣлаетъ его весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ для вашего величества. Всѣ дворяне въ Даніи возбуждены и открыто заявляютъ, что, избравши короля и оставаясь вѣрными ему, пока онъ хорошо

правилъ государствомъ, они теперь въ правѣ низложить его, чему были примѣры въ исторіи Даніи (очевидно, намекъ на низложеніе Христіана II). Пусть Христина только разрѣшитъ воспользоваться этимъ настроеніемъ дворянства, и его легко будетъ поднять противъ Фридриха и склонить на свою сторону.

Честолюбіе Христины росло съ каждымъ днемъ[1]); изъ-за нея началась обширная дипломатическая агитація въ Германіи, она становилась центральною личностью всѣхъ антидатскихъ и антисаксонскихъ движеній; всѣ давали ей обѣщанія, всѣ сулили успѣхъ и этимъ, конечно, только усиливали ея честолюбіе.

Одинъ Гранвелла не увлекался проектами лотарингскихъ и веймарскихъ придворныхъ дипломатовъ, онъ предвидѣлъ неудачу всѣхъ плановъ—втянуть сѣверную Европу въ австро-испанскій лагерь, обсуждалъ всесторонне получаемые имъ проекты и иногда давалъ свои поясненія. Въ бумагахъ Гранвеллы сохранился одинъ обстоятельный проектъ 1564 года о вторженіи въ Голштинію и Ютландію. Авторъ проекта считаетъ его легкимъ и вполнѣ достижимымъ въ виду финансоваго кризиса, переживаемаго Даніей; деньги въ Даніи такого низкаго свойства, что въ Германіи за нихъ ничего не даютъ, и всѣ наемники какъ одинъ человѣкъ отошли бы отъ датскаго короля, если бы герцогиня лотарингская обратилась къ нимъ. По мнѣнію автора нашего проекта, слѣдовало бы прежде всего обезпечить за собою какой-нибудь крѣпкій, безопасный пунктъ, который могъ бы служить резиденціей для принцевъ и ихъ спутниковъ; затѣмъ, имѣя наготовѣ достаточное количество войска и военныхъ снарядовъ—войдти въ сношенія съ Гамбургомъ и Бременомъ и убѣдить эти два города доставлять войскамъ провіантъ. Враждебное отношеніе этихъ городовъ къ Даніи, по мнѣнію автора, дастъ возможность надѣяться на успѣхъ. Гамбургу слѣдуетъ указать, что Фридрихъ II, владѣя уже Зундомъ, замышляетъ утвердиться и на Эльбѣ, готовится строить новую крѣпость у Браунспюттеля, въ Дитмарсенѣ; денежными субсидіями городъ ничего не добьется у датскаго узурпатора, который непремѣнно достигнетъ своего, захватитъ всѣ мельницы у города, присвоитъ себѣ право чеканить монету, судъ, пользованіе лѣсами и т. д. Кто можетъ

---

[1]) Екатерина Медичи говорила о Христинѣ: Voilà la plus glorieuse femme que je vis jamais. См. *Krarup*, Oplysninger om Kong Frederik den Andens Aegteskabs Forhandlingar. 1862, 8.

поручиться, что Фридрихъ, сознавъ безполезность войны съ Швеціей, не примирится съ нею и не двинетъ своихъ силъ для осады Гамбурга?

Нашъ авторъ не сомнѣвается, что Гамбургъ въ концѣ концовъ примкнетъ къ союзу противъ Даніи.

Бременцы въ большомъ страхѣ, ибо не знаютъ цѣли военныхъ движеній въ нижней Саксоніи, и охотно отдадутся подъ покровительство какого-нибудь сильнаго государя. Епископъ бременскій, администраторъ Вердена, герцоги брауншвейгскій и люнебургскій—также готовы помочь каждому предпріятію противъ Даніи съ тѣхъ поръ, какъ Фридрихъ II присоединилъ себѣ землю дитмарсовъ.

Для начала войны необходимо имѣть наготовѣ отъ 40 до 50 отрядовъ пѣхоты и 5.000 конницы; въ бременской епископіи можно собрать 20 отрядовъ пѣхоты и 1.000 конницы. Еслибы Фридрихъ II обратилъ вниманіе на эти военные сборы, ему можно было бы выставить дѣло такъ, какъ будто кредиторы архіепископа бременскаго взамѣнъ денегъ требуютъ у него содержанія своимъ наемникамъ. Векселя на архіепископа могутъ предъявить Мекленбургъ, Брауншвейгъ, Люнебургъ, маркграфъ бранденбургскій и герцоги померанскіе.

Самый походъ долженъ начаться съ земли дитмарсовъ. Приморская полоса дитмарсовъ должна служить складочнымъ пунктомъ провіанта, скота, военныхъ запасовъ и пр.; тутъ много овса и ржи, такъ что содержаніе конницы обезпечено, по крайней мѣрѣ, на одинъ годъ. Крестьянъ въ Дитмарсенѣ можно склонить къ участію въ войнѣ, обѣщавъ имъ свободу. Защитить Голштинію Фридрихъ можетъ только въ трехъ пунктахъ—въ Эйдерштедтѣ, Гейденѣ и Мельборнѣ. Очень важно, что эти три города на очень большомъ разстояніи другъ отъ друга; можно смѣло приступить къ осадѣ одного изъ нихъ, такъ какъ помощь датскихъ войскъ, стоящихъ въ другихъ двухъ городахъ, не подоспѣетъ во время. Двинуть сюда свой флотъ король также не можетъ изъ-за Швеціи. Думать, что король стянетъ главныя военныя силы къ голштинской границѣ, нельзя, опять-таки въ виду необходимости продолжать свою войну на сѣверѣ съ Швеціей; а для защиты голштинской границы королю, по крайней мѣрѣ, понадобится до 40 отрядовъ пѣхоты и 6.000 конницы.

Закупку провіанта въ Гамбургѣ можно также скрыть, сказавши, что провіантъ этотъ предназначается для Португаліи, Фландріи и другихъ государствъ. Рядомъ съ военными приготовленіями должно подготов-

ляться и дипломатическое сближеніе съ Нидерландами, папою и духовными князьями Имперіи.

Нидерланды отзовутся на предложеніе герцогини, такъ какъ они болѣе другихъ терпѣли отъ стѣсненій въ Зундѣ и высокихъ поборовъ, введенныхъ Фридрихомъ II въ своемъ государствѣ для всѣхъ иностранцевъ. Если они захотятъ попрежнему пользоваться Зундомъ и Балтійскимъ моремъ, пусть они доставятъ герцогамъ нѣсколько кораблей, чѣмъ еще болѣе обезпечатъ успѣхъ предпріятія. Духовныхъ князей можно склонить на свою сторону, обѣщавъ имъ возстановить католицизмъ и вернуть отнятыя у нихъ земли.

Главный союзникъ герцогини, Эрикъ шведскій, долженъ одновременно съ южной диверсіей вторгнуться въ Сконе и по возможности дольше задерживать тутъ датчанъ. Очень желательнымъ союзникомъ былъ бы и московскій царь. Ему можно было бы указать на тѣсныя и дружескія отношенія его отца и дѣда къ старшей линіи Ольденбургскаго дома, къ Іоанну и Христіану II, на выгоды, какія и настоящій царь можетъ извлечь изъ союза съ наслѣдниками свергнутаго короля. Живой фантазіи автора проекта представлялось уже, какъ Данія, окруженная съ четырехъ сторонъ врагами, по необходимости вернетъ скипетръ законному претенденту.

Наконецъ, ослабить Данію возможно было бы, подчинивъ себѣ Любекъ. А для этого зима представляетъ самое удобное время: по льду можно подойдти къ самому городу; для этого достаточно имѣть 1.200 конницы и 12 ротъ ландскнехтовъ, да въ запасѣ тысячи двѣ. Эти силы можно было бы сгруппировать въ Potrow или Брейтенфельдѣ. Отсюда слѣдовало бы двинуться къ Стекнитцу, гдѣ городъ всего слабѣе укрѣпленъ, и къ Вакнитцу, заселенному бѣднымъ людомъ, который едва ли станетъ оказывать сопротивленіе. Если за городскими стѣнами услышатъ шумъ, то на него не обратятъ вниманія, такъ какъ въ Вакнитцѣ множество сомнительныхъ домовъ, гдѣ собирается всякій сбродъ. Изъ Вакнитца легко уже захватить городъ врасплохъ и убѣдить жителей присягнуть герцогинѣ. Такъ какъ у капиталистовъ Любека большія деньги въ антверпенскомъ и другихъ фландрскихъ банкахъ, то туда можно было бы обратиться съ требованіемъ выдать ихъ и такимъ образомъ значительно обогатить свою казну.

Этотъ легкомысленный планъ былъ предложенъ для разсмотрѣнія барону Bolveyller, который въ письмѣ къ герцогинѣ и изложилъ свои

взгляды на него. Барону прежде всего казалось неудобнымъ присутствіе герцогини или сына ея въ данномъ предпріятіи. Гораздо лучше имъ на время войны остаться въ Клеве. Нецѣлесообразнымъ представляется ему и сближеніе съ Бременомъ, городомъ кальвинистскимъ: это возбудитъ неудовольствіе всего нижне-саксонскаго округа и католическихъ князей, которые могутъ оказать очень значительную помощь. Раньше, чѣмъ что нибудь предпринимать, писалъ Bolveyller, необходимо взвѣсить всѣ *pro* и *contra*. Безъ помощи Испаніи надѣяться на успѣхъ нельзя, поэтому пусть герцогиня отправитъ своихъ пословъ или къ самому Филиппу или къ Гранвеллѣ. Вліяніе Филиппа на императора сильно, что также важно имѣть въ виду. Баронъ заявляетъ далѣе, что по его мнѣнію, войну съ Даніей не слѣдуетъ начинать раньше, чѣмъ она не окончитъ своихъ счетовъ съ Швеціей. Война двухъ скандинавскихъ государей въ конецъ раззоритъ ихъ; платить наемникамъ будетъ нечѣмъ, и всѣ они съ охотою перейдутъ на службу къ герцогинѣ. Начать теперь войну опасно въ виду ненадежности Швеціи: король ея легко можетъ соединиться съ Фридрихомъ противъ испанскихъ и лотарингскихъ притязаній на Данію и Балтійское море. Раньше, чѣмъ строить какія нибудь надежды на Эрика, слѣдуетъ войдти съ нимъ въ переговоры, указать ему, что и для него сближеніе съ Лотарингіей и Испаніей будетъ выгодно въ торговомъ отношеніи. Разъ Эрикъ формально заключитъ союзъ съ герцогиней, ей уже легко будетъ утвердиться на датскомъ престолѣ, а затѣмъ вернуть къ жизни и Кальмарскую унію.

Важно, затѣмъ, сохранить весь проектъ въ тайнѣ, чтобы онъ преждевременно не былъ разглашенъ въ Германіи; поэтому необходимо и флотъ, и припасы доставлять не изъ Гамбурга, а изъ Голландіи. Предпріятіе противъ Любека также нѣтъ основанія откладывать до зимы; всего же лучше вовсе оставить планъ о захватѣ Любека, такъ какъ онъ—имперскій городъ и поползновеніе на его свободу подниметъ противъ герцогини всѣ Ганзейскіе города, вооружитъ противъ нея и императора.

Баронъ не расчитываетъ на помощь духовныхъ князей Германіи, за то рекомендуетъ сближеніе съ папой, Португаліей, Венеціей, Флоренціей, Мантуей, Феррарой, Урбино, а въ особенности съ Франціей.

Для начала войны, по мнѣнію Bolveyller, необходимо 25.000 пѣхоты и до 7.000 конницы; ежемѣсячно—для уплаты жалованья—понадобится 2.000 экю. Чтобы лишить Августа саксонскаго возможно-

сти помогать Даніи, необходимо предоставить Іоанну Фридриху всѣ средства для успѣшной борьбы съ нимъ; занятый веймарцами, Августъ по необходимости откажется отъ помощи Даніи.

Проектъ лотарингскихъ политиковъ подчинить себѣ Любекъ нѣкоторые ставили въ связь съ стремленіемъ Филиппа II испанскаго утвердиться въ Зундѣ. Это была давнишняя мечта испанскаго правительства; вспомнимъ его притязанія на Зундъ во время междоусобій, поднявшихся въ Даніи съ изгнаніемъ Христіана II, или во время извѣстной войны съ Вулленвеверомъ [1]); теперь, казалось, предстоялъ еще болѣе удобный случай для осуществленія этой традиціонной мечты, такъ какъ Испанія соединялась съ Швеціей и съ недовольными Габсбургскимъ режимомъ элементами въ Германіи. Испанія и Австрія,—говорится въ одномъ донесеніи,—въ которыхъ уже начали гнѣздиться іезуиты. могутъ съ утвержденіемъ въ Зундѣ нанести рѣшительный ударъ непокорнымъ голландцамъ, а затѣмъ осуществить проектъ Балтійскаго господства, подчинить себѣ Польшу, Литву, Ливонію и Пруссію. Такимъ образомъ, подъ видомъ помощи Швеціи Испанія затѣваетъ гибельные для всего скандинавскаго сѣвера, для всѣхъ Балтійскихъ государствъ проекты; для достиженія своей цѣли агенты Испаніи и Лотарингіи имѣютъ въ виду поднять въ Даніи дворянство, недовольное королемъ; они привлекаютъ дворянъ на свою сторону, обѣщая имъ большія льготы и привилегіи, какъ скоро они признаютъ наслѣдницей престола внучку Христіана II тиранна.

Автору вышеприведеннаго донесенія, Людвигу Нейгартену, нельзя отказать въ политической дальновидности, въ глубокомъ пониманіи австро-испанскихъ дипломатическихъ тенденцій; ему, очевидно, хорошо извѣстны пріемы габсбургской дипломатіи, онъ слѣдилъ за ними, ничего не ускользало отъ его вниманія; изрѣдка только онъ увлекается, и не все было такъ страшно, какъ рисовалось въ его воображеніи. Къ счастью Августъ саксонскій, болѣе сдержанный, болѣе спокойный, имѣлъ на него благотворное вліяніе; своимъ вѣскимъ словомъ онъ въ мигъ разбивалъ рядъ преувеличенныхъ слуховъ; всѣ ходы и комбинаціи европейской дипломатіи были для него такъ ясны, такъ несомнѣнны, что онъ могъ вести игру съ закрытыми глазами. Въ донесеніи Нейгартена союзъ Испаніи съ Лотарингіей представляется уже совершившимся фактомъ, тогда какъ онъ только еще проекти-

---

[1]) *Форстенъ*, Борьба, II.

ровался. Что война двухъ протестантскихъ государей была на руку Испаніи, стоявшей тогда уже во главѣ католическаго міра, это подтверждается рядомъ донесеній и писемъ; Филиппъ II надѣялся при взаимномъ обезсиленіи сѣверныхъ королей тѣмъ легче усилить свое вліяніе на Балтійскомъ морѣ, и онъ желалъ почерпнуть изъ выгоднаго въ торговомъ отношеніи источника. Эрика XIV онъ увѣрялъ въ своемъ къ нему расположеніи, успокаивалъ его относительно толковъ объ испанско-датскомъ сближеніи, убѣждалъ продолжать войну и не заключать мира, дѣйствительно *обѣщалъ* герцогинѣ лотарингской денегъ и войска, одобрялъ планъ внезапнаго вторженія въ Данію, когда король будетъ въ кампаніи [1]), но активнымъ дѣятелемъ въ сѣверной войнѣ Филиппъ никогда не былъ; онъ только обѣщалъ, платилъ пенсіи, щедро сыпалъ подкупами, внимательно прислушивался къ дипломатическимъ доносамъ, снабжалъ каждое извѣстіе утомительно длинными комментаріями, иногда даже улыбался, прочитывая о пораженіяхъ своихъ религіозныхъ и политическихъ противниковъ въ сосѣднихъ государствахъ.

Весною 1565 года неисполнимость лотарингскихъ проектовъ сдѣлалась уже для многихъ аксіомою. Ландграфъ гессенскій, напримѣръ, рѣшительно отвергалъ слухъ о согласіи, будто бы выраженномъ Эрикомъ XIV на просьбу Грумбаха доставить ему 300.000 талеровъ. Какъ человѣкъ очень подозрительный и недовѣрчивый, король никогда, по вѣрному выраженію ландграфа, не потратилъ бы такой большой суммы на дѣло, исходъ котораго казался еще сомнительнымъ. Едва ли, говоритъ ландграфъ, и герцогъ лотарингскій будетъ столь легковѣренъ, чтобы безъ всякихъ гарантій доставить грумбаховцамъ 200.000 кронъ; а что „заговорщики“ въ свою пользу употребили бы всѣ эти деньги, разъ бы имъ ихъ доставили, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Рядомъ съ скептическимъ отношеніемъ къ лотарингскимъ интригамъ мы замѣчаемъ и необыкновенное легковѣріе ко всѣмъ ходившимъ по Германіи слухамъ. Такъ пфальцграфъ Вольфгангъ съ полною вѣрою передавалъ Вильгельму гессенскому новые слухи о лотарингскихъ проектахъ; слухи необыкновенно варіировались. Такъ, изъ письма Вольфганга видно, что Христина лотарингская имѣла въ виду выдать свою дочь Ренату за какого-нибудь нѣмецкаго князя

---

[1]) *Groen van Prinsterer*, I, 132.

и предоставить послѣднему свои права на датскій престолъ. Герцогиня всего охотнѣе, будто бы, склонялась въ пользу сына Вольфганга Филиппа Людвига [1]). Данія не будетъ въ состояніи оказать большаго сопротивленія претенденту, такъ какъ у нея нѣтъ денегъ, подданные недовольны королемъ, ропотъ слышится въ войскахъ; союзника Даніи, курфюрста Августа, можно занять Грумбахомъ и такимъ образомъ совершенно отвлечь его отъ Даніи. Къ союзу противъ Даніи, безъ сомнѣнія, примкнетъ и герцогъ Адольфъ голштинскій, такъ какъ имѣетъ виды на норвежскую корону. Къ предпріятію присоединится Померанія, если только пфальцграфъ согласится выдать одну изъ своихъ дочерей за какого-нибудь изъ герцоговъ Померанскихъ. Для денежныхъ займовъ, какіе окажутся необходимыми, также не встрѣтится затрудненій.

Что самъ Вольфгангъ не соглашался ни на какое сближеніе съ революціонными элементами, видно изъ свиданія его съ ландграфомъ гессенскимъ, гдѣ онъ „bei seiner Seelen Seligkeit“ заявилъ, что не причастенъ ни къ какимъ замысламъ противъ Даніи [2]).

Что въ Германіи все еще было сильное возбужденіе умовъ, видно изъ многочисленныхъ листковъ, Zeitungen, ходившихъ тогда по рукамъ. Въ нихъ говорилось: ландскнехтовъ въ Германіи болѣе, чѣмъ грушъ на деревьяхъ, и всѣ они жаждутъ двинуться въ Данію или противъ курфюрста саксонскаго. Самъ пфальцграфъ готовъ былъ биться объ закладъ, что не сегодня завтра возникнетъ всеобщая война; пари держались на сумму отъ 10.000 гульденовъ до 2.000. Ландграфъ тоже соглашался на пари, но онъ осторожно представлялъ закладъ; вопросъ о войнѣ ставился на игру, какъ это любятъ дѣлать въ наши дни англичане [3]).

Іоаннъ Фридрихъ саксонскій также не бездѣйствовалъ и искалъ сближенія съ Швеціей; онъ старался „дискредитировать“ курфюрста въ глазахъ короля, доказывалъ, что главная вина въ возникшей войнѣ Даніи со Швеціей лежитъ на Августѣ; онъ будто бы высказалъ мысль о необходимости для Даніи подчинить себѣ Швецію, какою бы цѣною это ни было достигнуто; самъ онъ помогалъ, сколько могъ, Фридриху II, доставляя ему денегъ, кнехтовъ и военные сна-

---

[1]) *Ortloff*, II, 264.
[2]) Ibid., 273.
[3]) Ibid.,. 275

ряды. Герцогъ категорически заявлялъ, что, пока курфюрстомъ останется Августъ, о мирѣ нечего помышлять, онъ немыслимъ. Чтобы ослабить вредное вліяніе саксонскаго курфюрста Швеціи слѣдуетъ тѣснѣе соединиться съ Іоанномъ Фридрихомъ, помочь ему въ борьбѣ съ дрезденскимъ узурпаторомъ, ссудить денегъ для найма кнехтовъ; какъ скоро герцогъ вторгнется въ предѣлы курфюрста, и Августъ лишенъ будетъ возможности помогать Даніи, Эрикъ XIV легко утвердится въ Норвегіи, а затѣмъ и въ Датскомъ королевствѣ. Герцогъ не оставитъ оружія, пока король не добьется своего. Итакъ, союзъ Веймара съ Швеціей противъ Дрездена—вотъ новый планъ, осуществить который надѣялся Іоаннъ Фридрихъ. Эрика просили прислать своихъ уполномоченныхъ въ Веймаръ, доставить герцогу 300.000 талеровъ и имѣть при герцогѣ постоянныхъ агентовъ, которые бы могли слѣдить за тѣмъ, что все идетъ честно, согласно обѣщанію.

Къ Гюлленшернѣ съ вышеизложеннымъ проектомъ отправился Ditmarsch, но онъ не встрѣтилъ въ шведскомъ агентѣ никакого сочувствія; наивность всего проекта была не во вкусѣ Эрика; напрасно готскій дворъ думалъ, что король, ради его выгодъ, станетъ жертвовать сотнями тысячъ. Что у Іоанна Фридриха все вертѣлось на деньгахъ, видно изъ посольства его въ Вольгастъ, гдѣ посолъ его Justus Ionas долженъ былъ занять у вдовствующей герцогини Маріи 100.000 флориновъ [1]).

Сближеніе Эрика съ Веймаромъ не осуществилось, какъ и цѣлый рядъ другихъ проектовъ, фабриковавшихся при веймарскомъ дворѣ. Число проектмахеровъ, между тѣмъ, еще увеличилось однимъ новымъ, силезцомъ—Diprand von Gelhorn. Съ новымъ проектомъ шведско-саксонско-лотарингской коалиціи онъ ѣздилъ отъ одного германскаго князя къ другому, вызывая у нихъ самыя различныя впечатлѣнія; въ общемъ всѣ обнаружили къ нему очень мало довѣрія. Вскорѣ этотъ самозванный дипломатъ по приказанію императора былъ заключенъ въ тюрьму [2]).

До практическаго осуществленія не дошелъ ни одинъ проектъ нѣмецкихъ революціонеровъ [3]); императоръ старался удержать Христину

[1]) *Blümcke*, 347 и д.

[2]) *Ortloff*, II, 296 и д.

[3]) Ibid., 357: Die lothringischen und schwedischen Händel scheinen mehr in den Köpfen gespuckt zu haben, als dass ihre Realisirung nahe gelegen hätte.

отъ сближенія съ ними, указывая, что всѣ интриги грумбаховцевъ въ основѣ своей направлены къ самообогащенію, а никакъ не къ осуществленію ея честолюбивыхъ видовъ на датскую корону.

Изъ мелкихъ нѣмецкихъ князей сторонникомъ Швеціи оставался герцогъ Францъ саксенъ-лауенбургскій, въ его владѣніяхъ набирались для Эрика XIV кнехты и рейтеры, что не мало безпокоило Любекъ и заставляло его на всякій случай обезпечить себя помощью нижне-саксонскаго округа. О готовящейся для Любека опасности его увѣдомлялъ и Генрихъ брауншвейгскій. До лѣта держались слухи о грандіозныхъ вербовкахъ для Швеціи, ей сочувствовалъ будто бы графъ Veldenz и померанскіе герцоги, одинъ изъ которыхъ имѣлъ въ виду жениться на дочери пфальцграфа цвейбрюкенскаго; говорили еще о сочувствіи, выраженномъ будто бы померанскими дворянами дѣлу Грумбаха. Опасность для нейтральной Помераніи становилась еще значительнѣе въ виду честолюбивыхъ плановъ, съ какими выступилъ маркграфъ Гансъ кюстринскій. Онъ предъявилъ свои притязанія на часть Шлезвигъ-Голштиніи. Исторія этихъ притязаній такова.

Сынъ курфюрста Іоанна Цицерона бранденбургскаго Іоахимъ былъ женатъ на Елизаветѣ, дочери Іоанна I датскаго; какъ вообще въ XV и XVI столѣтіи, такъ и теперь, этотъ бракъ сопровождался заключеніемъ формальнаго обязательнаго договора, которымъ брачущіеся тѣснѣе связывались. Въ договорѣ Бранденбурга съ Даніей, подписанномъ 6-го февраля 1500 года въ Кельнѣ, постановлялось, что права на Шлезвигъ-Голштинію переходятъ къ Елизаветѣ и ея потомкамъ, коль скоро Іоаннъ датскій умретъ безъ мужскаго потомства. Договоръ въ такой формѣ былъ подтвержденъ и Христіаномъ II. Нужно помнить при этомъ, что Шлезвигъ еще съ XIII столѣтія былъ леномъ датской короны, а Голштинія афтерленомъ германской имперіи; съ половины XVI столѣтія императоры передавали его непосредственно въ ленъ датскимъ королямъ. По отношенію къ Шлезвигу, датскіе короли были одновременно и ленными господами и вассалами; по отношенію же къ Голштиніи императоръ высшій сюзеренъ, датскіе же короли вице-оберленники.

По смерти Іоанна курфюрстъ бранденбургскій добился отъ императора, какъ отъ высшаго сюзерена, подтвержденія за Елизаветой права наслѣдованія Голштиніи. Максимиліану I было важно заручиться дружбою Бранденбурга, въ виду предстоявшаго избранія его

внука на императорскій престолъ, и этимъ главнымъ образомъ и объясняется уступчивость его, готовность служить интересамъ Бранденбурга. Въ указѣ императора отъ 1517 года говорилось, что если умретъ безъ наслѣдниковъ и Фридрихъ голштинскій, то и его часть также должна перейдти къ Бранденбургу. На аугсбургскомъ рейхстагѣ 1530 года за Іоахимомъ снова подтверждалось право наслѣдованія въ Шлезвигъ Голштиніи. Прошло 14-ть лѣтъ, заключенъ былъ извѣстный въ исторіи сѣверной Европы шпейерскій миръ, въ силу котораго императоръ призналъ Христіана III королемъ и подтвердилъ также раздѣленіе Шлезвигъ-Голштиніи между Христіаномъ и его братьями; о Бранденбургѣ точно забыли. Новый курфюрстъ бранденбургскій Іоахимъ II говорилъ, что шпейерское постановленіе теряетъ свою силу, если вспомнить, что въ Аугсбургѣ, въ 1530 году, Карлъ V поклялся — всякое свое постановленіе, которое бы шло въ разрѣзъ съ рѣшеніемъ 1530 года, то-есть, было направлено противъ интересовъ Бранденбурга въ Шлезвигъ Голштинскомъ вопросѣ, считать беззаконнымъ и не имѣющимъ силы [1]). Ссылки на 1530 годъ не имѣли значенія для Даніи, опиравшейся на шпейерскій договоръ 1544 года. Новая династія все укрѣплялась въ Даніи; Бранденбургъ же переживалъ тяжелое время натянутыхъ отношеній къ Польшѣ, впалъ въ денежный кризисъ и долженъ былъ постоянно опасаться движеній со стороны Брауншвейга.

Въ разбираемое время, когда лотарингскія интриги такъ тревожили консервативную часть нѣмецкихъ князей и Фридриха II, Бранденбургъ снова дѣлаетъ попытку осуществить свои притязанія на эльбскія герцогства; теперь носителемъ этихъ притязаній явился маркграфъ Іоаннъ. Въ 1564 году датскій король произвелъ новый раздѣлъ земель съ своими братьями; такъ какъ Магнусъ промѣнялъ свой удѣлъ на Ливонію, королю принадлежали $^2/_3$, а Іоанну, младшему брату его, только $^1/_3$. Отсюда территоріальный перевѣсъ на сторонѣ младшей альтзондербургской линіи. Маркграфъ бранденбургскій Іоаннъ зналъ, что датчанъ въ Голштиніи не любятъ и желалъ

---

[1]) Ob wir auch etwas, das dieser Confirmation vnd neuen Zustellung vnd Verleihung entgegen wäre, hievor aufgehen lassen oder noch in künftiger Zeit aufgehen lassen würden, in welchen wege das geschehen wäre oder würde, dem allem wollen wir hiermit gänzlich derogirt vnd das aufgehoben, getödtet und vernichtet haben.

воспользоваться этою рознью двухъ народовъ и снова выдвинуть свои притязанія; въ виду борьбы Даніи съ Швеціей Іоаннъ не могъ выбрать лучшаго момента для осуществленія своихъ плановъ, какъ весною 1565 года. Онъ началъ съ того, что потребовалъ у Фридриха II уплаты долга. сдѣланнаго Даніей еще при Христіанѣ II: тогда Бранденбургъ ссудилъ ему большую сумму, теперь возросшую до 170.000 гульденовъ. Въ письмѣ къ королю маркграфъ указываетъ и на свои права въ эльбскихъ герцогствахъ, что подтверждается брачнымъ договоромъ Іоахима съ Елизаветой, императорскими указами и другими актами, копіи съ которыхъ онъ прислалъ королю вмѣстѣ съ письмомъ.

Фридрихъ долго ничего не отвѣчалъ маркграфу; отъ Альбрехта прусскаго онъ узналъ, что маркграфа болѣе всего подстрекаютъ къ вмѣшательству въ дѣла герцогствъ Лотарингія и Швеція, которымъ, конечно, на руку были всякія новыя замѣшательства въ Даніи. Король долженъ по мнѣнію Альбрехта предупредить столкновеніе съ бранденбургскимъ претендентомъ и сохранить дружескія отношенія со всѣми нѣмецкими князьями. Альбрехтъ совѣтовалъ Фридриху обѣщать ежегодную пенсію, чѣмъ, внѣ всякаго сомнѣнія, маркграфъ и удовлетворится. Фридрихъ отвѣчалъ послу Альбрехта прусскаго, что дѣло, поднятое маркграфомъ, на столько важно, что должно быть болѣе всесторонне обсужено, а потому на время и откладывается; ему необходимо переговорить объ этомъ съ герцогами, братомъ и двумя дядями, онъ къ тому же занятъ теперь войною съ Швеціей; пусть поэтому маркграфъ дождется окончанія шведской войны, отъ долга же въ 170.000 гульденовъ онъ теперь уже рѣшительно отказывался.

Брачный договоръ и обѣщанія, связанныя съ нимъ, Фридрихъ считалъ беззаконными и шедшими въ разрѣзъ съ обычаями государства.

Долгія пренія возникли у королевскихъ совѣтниковъ съ канцлеромъ и каммермейстеромъ маркграфа, явившимся въ Данію и отъ имени маркграфа требовавшимъ удовлетворенія притязаніямъ своего государя; споры эти ни къ чему не привели. То же было и съ оживленною перепиской короля съ маркграфомъ; тонъ въ письмахъ послѣдняго становился все раздражительнѣе и рѣшительнѣе, онъ грозилъ оружіемъ. Угроза должна была скоро перейдти къ дѣлу: маркграфъ сталъ готовиться къ войнѣ и имѣлъ въ виду примкнуть къ швед-

ской партіи въ голштинской борьбѣ. Готовившуюся борьбу бранденбургскаго маркграфа съ Даніей всѣхъ энергичнѣе хотѣлъ остановить Альбрехтъ прусскій; любопытно. что онъ писалъ маркграфу: Фридрихъ II, замѣтивъ, что всѣ противъ него вооружаются, рѣшится обратиться къ союзу съ Филиппомъ II испанскимъ, а этотъ не дешево продастъ свою помощь; вмѣшавшись въ сѣверныя распри онъ добьется господства на Балтійскомъ морѣ. Альбрехтъ повсюду распространялъ вѣсти объ отношеніяхъ маркграфа къ Даніи, зналъ объ этомъ, конечно, и курфюрстъ Августъ. Маркграфъ былъ очень недоволенъ вмѣшательствомъ Альбрехта, тѣмъ, что по его винѣ сношенія его съ Даніей оглашены и сдѣлались предметомъ общихъ толковъ въ Германіи и Европѣ. Маркграфъ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ: противъ его притязаній поднялась Польша, Саксонія, а главное поднялся императоръ Максимиліанъ II. Враги, поднявшіеся и ополчившіеся на маркграфа. были такъ сильны и опасны. что онъ предпочелъ сократить свои притязанія и удалиться со сцены сложныхъ дипломатическихъ интригъ, къ которымъ такъ мало подходилъ по своимъ средствамъ. Въ 1566 году замолкаютъ притязанія маркграфа, но Бранденбургъ, какъ извѣстно, до XVIII столѣтія все еще помнилъ о своихъ правахъ на эльбскія герцогства, подтвержденныхъ за ними императорами Германіи [1]).

Какіе-то враждебные планы боязливые агенты Августа саксонскаго приписывали и Гансу Альбрехту мекленбургскому; о немъ говорили, что онъ „bös dänisch“ и носится съ „какими то опасными политическими затѣями“, вербуетъ наемниковъ на нижней Эльбѣ, въ Вестфаліи и др. мѣстахъ. Скоро выяснилось, однако, что Гансъ Альхрехтъ имѣлъ просто въ виду смирить непокорный Ростокъ и съ этою цѣлью дѣлалъ свои наборы, показавшіеся столь страшными агентамъ саксонскаго курфюрста. Несомнѣнно одно, что герцогъ мекленбургскій былъ расположенъ къ Швеціи, и этого было достаточно, чтобъ герцоги померанскіе открещивались отъ него, какъ отъ опаснаго человѣка. Каково же было негодованіе герцоговъ, когда Гансъ Альбрехтъ назначилъ ихъ территорію сборнымъ пунктомъ для своихъ наемниковъ. Слухъ объ этомъ, конечно, дошелъ до всевѣдущаго Августа сак-

[1]) Весь вопросъ объ отношеніяхъ Бранденбурга къ Даніи въ XVI столѣтіи изслѣдованъ *J. Voigt*'омъ по даннымъ Кенигсбергскаго архива въ его трудѣ: Die Erb-Ansprüche des Brandenburgischen Hauses an die Herzogthümer Schleswig Holstein (въ *Allg. Zeitschr. für Geschichte*, von Ad. *Schmidt*, VII, 1877).

сонскаго, и онъ предостерегалъ померанскихъ герцоговъ отъ сближенія съ „опаснымъ“ мекленбургскимъ герцогомъ.

Осенью 1565 герцогиня лотарингская съ своими дочерьми прибыла въ Брюссель,—фактъ, обратившій на себя вниманіе всѣхъ дипломатовъ; всѣ рѣшили, что поѣздка ея къ нидерландской правительницѣ не есть случайность. Вильгельмъ гессенскій, ставшій также сторонникомъ Даніи послѣ неудавшагося проекта родственнаго сближенія со Швеціей, замѣчалъ, что герцогиня, конечно, не для того же прибыла въ Брюссель, чтобы поѣсть тамъ печеныхъ грушъ или протанцовать туръ гальярда, въ основаніи этой *дипломатической* поѣздки болѣе глубокіе мотивы, а именно „желаніе склонить нидерландское правительство къ войнѣ противъ Даніи, о чемъ въ народѣ ходятъ самые невѣроятные слухи“ [1]). Лангэ продолжалъ опасаться лотарингскихъ смутъ, пока они руководились во Франціи кардиналомъ Лотарингскимъ, пріобрѣвшимъ такое сильное вліяніе на дѣла въ Шотландіи, проектировавшимъ лигу Франціи, Лотарингіи, Шотландіи и Швеціи противъ Англіи и Даніи; честолюбіе этого человѣка не имѣло границъ, умъ его былъ всеохватывающимъ, не малы были и матеріальныя средства, какими онъ располагалъ [2]).

Императоръ Максиміліанъ II, желавшій скорѣйшаго мира не только внутри Германіи, но и въ Европѣ вообще, писалъ къ Христинѣ лотарингской и просилъ ее прекратить дипломатическіе переговоры съ Швеціей противъ Даніи и Голштиніи; они, какъ видно, безпокоили и главу имперіи, такъ какъ косвенно были направлены и на его опору, на его правую руку—Августа саксонскаго [3]). Городскому совѣту Франкфурта императоръ писалъ, что готовится вторженіе въ Голштинскія герцогства и Данію, и предостерегалъ его отъ участія въ новой антидатской, антисаксонской лигѣ [4]). Что въ Голштиніи ожидали этого вторженія, видно изъ того, что герцоги еще лѣтомъ 1565 года заключили договоръ съ Любекомъ и Гамбургомъ и просили сосѣднихъ гер-

---

[1]) Ibidem, p. 268.

[2]) Ср. *Languet*, Парижъ, 17-го ноября 1565: quia existimem Regem Daniae oportere esse intentum in Res Scoticas, quas nimium crescere non est ipsi tutum, praesertim si procedat conjugium inter Suecum et Lotharingam propter conjunctionem sanguinis, quae est inter ipsam et Reginam Scotiae; nemo enim ignorat, quam multum isti sua ambitione comprehendant, et quale sit ingenium Cardinalis Lotharingici.

[3]) Regesta Diplomatica, II, 265.

[4]) *Koch*, Quellen, II, 5.

цоговъ мекленбургскаго и лауенбургскаго также оказать содѣйствіе къ сохраненію земскаго мира [1]), свои владѣнія голштинскіе герцоги называли „форбургомъ“ Даніи. Герцоги мекленбургскіе не заключили формальнаго союза съ Голштиніей, но увѣряли неоднократно Фридриха II, что они не сторонники Швеціи, и что все, что говорится о сближеніи ихъ съ лотарингской партіей,—чистѣйшій вымыселъ; любопытно, что они съ своей стороны старались выставить въ неблаговидномъ свѣтѣ Любекъ [2]), можетъ быть, вообще въ силу своей вражды къ городамъ (Ростокъ и др.), или же побуждаемые къ этому Эрикомъ XIV.

Общее впечатлѣніе, какое производятъ современныя донесенія за 1565 годъ, таково, какъ будто лотарингскія интриги все еще усиливаются; одинъ современникъ съ юморомъ замѣчаетъ, что въ Данію хотятъ насильно ввести невѣсту (Ренату лотарингскую) для короля [3]). Не было княжества, не было города въ Германіи, который бы не принималъ мѣры къ самоограждению. „Въ Имперіи ожидается нѣчто небывалое. Вооруженія дѣлаются въ грандіозныхъ размѣрахъ; вооруженныя силы должны сгруппироваться въ трехъ пунктахъ — въ Лауенбургѣ, въ Гроссъ Зиммернѣ и въ Мюнстерѣ“ [4]). Рядъ противорѣчивыхъ слуховъ рѣшительно сбивалъ съ толку не твердыхъ политиковъ; слухи скрещивались, иногда въ нихъ намѣренно искажались факты, —и все это, конечно, поддерживало безпокойный духъ въ Германской имперіи. Удивительно ли, что Фридрихъ II и Августъ Саксонскій съ безпокойствомъ думали о 1566 годѣ?

И Фридрихъ и Августъ поняли, что терять времени болѣе нельзя. Они рѣшились дѣйствовать одновременно и противъ Швеціи и противъ эрнестинско-грумбаховскаго движенія; на Швецію они поднимали Максимиліана, съ Іоанномъ Фридрихомъ Августъ надѣяся самъ справиться

---

[1]) Ibid. II, 2—3.

[2]) Копенг. арх. Menklenburg, 6. Herzogh zu Meckl. an Friderich II, Rostock, 31 окт. 1565. „Dan wir das mitstt gutten bestand sagen mugen, das wir nicht Schwedisch sein viel weniger vns in des schweden bestallung eingelassen ..... Weiter geschicht vns auch mit denn betzichtigungen, als solten wir den Lottringischen Pracktiken verwant vnd anhengig sein, zw viel vnd gantz vngutlich..... Wir wissen aber das wol, was die von Lubeck mit dem teutschen Meister aller hand practick vorgehapt haben“. Ср. *Ortloff*, II, 262 и д.

[3]) Копенг. арх. Mekl. 8. Aus Antorff, 1565: Die Lotaringische Practica solle noch immer jm Schwanck gehen, vnd wirt mit fleiss getrieben, vnnd wie ich vornemmen, so solte man die braut mit gwalt hin jn zu fueren vorhabens sein.

[4]) *Ortloff*, II, 253—256.

Фридрихъ, видя, что сношенія Швеціи съ Западной Европой не прекращаются, еще въ 1564 году рѣшился на очень энергическую мѣру, а именно на временное закрытіе Зунда для всѣхъ западныхъ народовъ; онъ прибѣгнулъ къ этой мѣрѣ въ виду того, что голландцы, англичане и другіе народы, не смотря на запрещеніе датскаго короля, поддерживали торговыя сношенія со шведами, доставляли имъ оружіе и провіантъ и давали Эрику возможность съ тѣмъ большимъ упорствомъ вести войну. Обращенія Фридриха къ нидерландскому, англійскому и французскому правительствамъ не приносили никакой пользы; подданные ихъ шли на рискъ и, не смотря на всю бдительность таможенныхъ надсмотрщиковъ Фридриха II, провозили шведамъ такъ называемые запрещенные товары: соль, оружіе и т. д. Фридрихъ II рѣшился закрыть Зундъ для всѣхъ національностей безъ различія, велѣлъ поставить военные корабли и у береговъ Норвегіи, чтобы и тамъ препятствовать всякимъ сношеніямъ со шведами, такъ какъ названные народы подъ видомъ торговыхъ сношеній съ Москвою заѣзжаютъ въ шведскія владѣнія Финмаркена и тамъ доставляютъ шведамъ соль, оружіе и прочіе предметы. Наконецъ, въ союзѣ съ Любекомъ онъ рѣшился не допускать и нарвскаго плаванія. Это, думалъ король, единственное средство побѣдить шведскаго короля. По своему обыкновенію онъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи прежде всего курфюрсту Августу саксонскому [1]). Послѣдній, однако, не одобрилъ та-

---

[1]) Дрезд. арх. Das Siebende Denische Buch. Фридрихъ II Августу, 6-го ноября 1564 года, Ниборгъ... das wir gegen künfftigs vorjhar, sofern sich der Krigk zuuor nicht enden wirdt, die Segelation durch unsere Ströme hin vnd herwider gentzlich zuschliessenn im Werck sein. Wir haben solchs mittell, wiewol es vast beschwerlich aussiehet, wir auch bis daher ungern darahn gewolt, aus dabey angezeigten ursachen endtlich nicht wol umbzugehen. Dann ob wol die communication vast der gantzen ostsehe dadurch behindert werden will, derhalbenn wir dann auch willich damitt nicht eylen sollen, seint wir dannoch jtzo in dem zwang gesponnen, Dho wir ahn schwedenn etwas schaffen wollen, das wir ein sollichs nicht vnterlassenn mugen. Wir haben an Frankreich derwegen albereit geschrieben..., vnd hat vns der legat Dantzaeus hoffnung gemacht es werde des ortes kein sonderlich bedencken geben. Mit Hispanien vnd andern, denen es zu wissen vonnöten, wollen wir so lang einhalten, bis uns E. L. hierauff beantwortten.... Wir komen jn erfahrung, das Englische, Schottische vnd Hollender vntterm Schein Moschowijtterischer handtierungk einen langen Strich, vnsers Reichs Norwegen vorbeij siegeln und ahn des schwedischenn herrschafft, so zwischen Norwegen vnnd den Moschowitterischen grentzen des ortts heraus fehret, Finnemarck vnd Holgelandt geheissen, dem Schwedenn ahn Saltz und allerhandt Munition zufuhr gethan haben, auch forthan zu thun vorhabens sein sollen.

кихъ репрессивныхъ мѣръ короля и, какъ осторожный правитель, выразилъ опасеніе, какъ бы эта мѣра, являющаяся прямымъ нарушеніемъ шпейерскаго трактата, не повлекла за собою столкновенія съ Нидерландами и Испаніей [1]). На этотъ разъ Фридрихъ не послушался Августа; вообще во внутренней политикѣ своей Фридрихъ дѣйствовалъ съ большою самостоятельностью; вліяніе Августа было сильнымъ лишь во внѣшнихъ, европейскихъ отношеніяхъ Даніи.

Многіе изъ государственныхъ дѣятелей Даніи энергично совѣтывали королю закрыть временно Зундъ. Такъ поступалъ, между прочимъ, и Фелингъ, извѣстный своею умною и сдержанною политикою по отношенію къ русскимъ въ Нарвѣ. Онъ рѣшительно настаивалъ на закрытіи Зунда, говоря, что Швеція только и держится иноземной помощью. Теперь въ ней сильный голодъ, писалъ онъ Фридриху II, король прибѣгаетъ къ крайнимъ средствамъ, чтобы имѣть только возможность продолжать войну, онъ набираетъ каждаго третьяго человѣка и сильно нуждается въ съѣстныхъ припасахъ. Еслибы датскій король, хотя бы на нѣкоторое только время, закрылъ Зундъ, то шведы, не получая ни откуда помощи, поневолѣ были бы принуждены искать мира съ Даніей на какихъ бы то ни было условіяхъ. Датчанамъ эта мѣра принесла бы, такимъ образомъ, большую пользу [2]).

Какія же основанія приводилъ Фридрихъ II, издавая свой указъ о закрытіи Зунда въ навигацію 1565 года? Онъ прежде всего, по своему обычаю, указываетъ, что и Польша, и Любекъ, союзники его, просили его объ этой мѣрѣ [3]). Польскій король неоднократно обращался къ нему съ просьбой не допускать плаваніе на Нарву, столь выгод-

---

[1]) Отвѣтъ Августа, 27-го ноябр. Лохау: Erstlich das wir nicht wissen ob E. K. W. solchs auch werdenn thun vnd ins werck richten konnen, zum andern ob sie auch ohne letzung der alten bundtnuss vortrege und freyheiten, so die königreiche Hispanien, Franckreich, Engelandt, Schottlandt, Niederlande und andere Stende und Seestedte, der freyen segellation halben auff der Ostsee villeicht mit E. K. W. vnd dem Reich Dennemarck oder sonst haben mochten füglich vnd billich hinzukommen mögen.

[2]) Копенг. арх. Rusl. 9 c. Das geschrei gehett alhier das der Schwede den dritten Mann aus dem gantzen reiche aufmache vnd das im lande uberaus grosser mangell an allerlei prouiandt sei, heldtt es derhalben jederman daruor Wo E. Kon. M. den Sundt nur diesen Sommer schlösse neben dem das es grossen frucht bei dem Reussen zweifels ohn geberen wurde, das es auch darzu hoch von notten sei damitt vorstehende E. K. M. Kriegsexpedition desto leichtlicher zu gewunschtem ende geratten möchte.

[3]) Rapport de Adam Wiznick.

ное для московскаго царя и. напротивъ, страшно пагубное для его подданпыхъ. Любопытно, что вся польская знать была противъ закрытія Зунда и не раздѣляла взглядовъ Сигизмунда II Августа на вредъ для себя отъ нарвскаго плаванія. Все богатство вельможъ и вассаловъ короля состояло въ вывозѣ хлѣба заграницу, закрытіе же Зунда лишало ихъ всѣхъ выгодъ этого вывоза; король же, говорили они, попрежнему склоненъ требовать субсидій на московскую войну, а гдѣ ихъ взять? [1]).

Любекъ, какъ и Сигизмундъ, сильно протестовалъ противъ свободнаго для всѣхъ плаванія черезъ Зундъ; тенденція его была та, чтобы, какъ въ XIV и XV столѣтіяхъ, сосредоточить всю торговлю съ востокомъ въ своихъ рукахъ и явиться посредствующимъ звеномъ въ торговыхъ сношеніяхъ сѣвера и юга, запада и востока. Любеку въ силу этой тенденціи. конечно, важно было закрыть Зундъ для иностранцевъ. но онъ напрасно думалъ, что Фридрихъ II хоть на одно мгновеніе имѣлъ въ виду его выгоды; мы увидимъ, какъ по окончаніи войны со Швеціей, Фридрихъ сталъ вести себя по отношенію къ Любеку. Фридрихъ, усвоившій такъ прекрасно іезуитскія замашки своего родственника и друга Августа саксонскаго, всегда любилъ выставлять себя безкорыстнымъ, пекущимся лишь о благѣ другихъ и свято исполняющимъ договоры и трактаты. Такъ и теперь онъ указывалъ и ссылался на свои договоры съ Польшей и Любекомъ, которые заключали въ себѣ условіе, чтобы король не допускалъ свободнаго плаванія по своимъ водамъ врагамъ своихъ новыхъ союзниковъ. За этотъ пунктъ теперь и ухватился Фридрихъ, забывая, конечно, тѣ пункты шпейерскаго трактата, которые прямо отвергали возможность какихъ бы то ни было ограниченій въ Балтійскомъ плаваніи.

Изъ европейскихъ государствъ Фридрихъ опасался одной только Испаніи. Французское правительство онъ извѣщалъ о своемъ рѣшеніи черезъ Дансэ. и, думалъ онъ, во Франціи эта мѣра особеннаго неудовольствія не вызоветъ. Августъ совѣтовалъ Фридриху дождаться отвѣтовъ какъ отъ французскаго, такъ и отъ испанскаго и англійскаго дворовъ, чтобы нѣсколько сообразоваться съ желаніями этихъ правительствъ при проведеніи своей новой экономической и политической мѣры. Августъ обращалъ также вниманіе Фридриха на то, что сношенія съ Швеціей будутъ производиться черезъ Норвегію, гдѣ королю невоз-

---

[1]) Акты, № 23. Ср. *F. van der Hoeven*, Bijdrage tot de Geschiedenis van den Sonttol. Leyden, 1855, 54.

можно будетъ по всему берегу растянуть свои военные корабли. Но Фридриха, какъ мы сказали, мало тревожила Англія, Франція и Шотландія. Имъ по дѣломъ это новое стѣсненіе, думалъ онъ, разъ они поддерживаютъ враговъ Даніи. Другое дѣло Испанія и Нидерланды. Все богатство Нидерландовъ было въ ихъ торговлѣ, лишиться ея было равносильно совершенному банкротству. Предвидя сильное неудовольствіе мадридскаго и брюссельскаго дворовъ, Фридрихъ II отправилъ къ Маргаритѣ пармской своего рейхсратмана Люкке [1]). Онъ долженъ былъ указать на полное право Датскаго короля закрывать свои проливы и воды для иностранныхъ державъ, разъ съ этимъ связана судьба его королевства, разъ этого требуетъ „его собственная королевская репутація". Люкке надлежало указать правительницѣ Нидерландъ на всѣ причины, вызывающія эту рѣшительную мѣру и сказать ей, что король предпринялъ ее не противъ союзниковъ и друзей Даніи, а исключительно противъ Швеціи. Пусть поэтому, говорилъ Люкке Маргаритѣ, испанское правительство не предпринимаетъ ничего враждебнаго противъ Даніи [2]).

Въ мартѣ 1565 года Фридрихъ II самъ обратился съ письмомъ къ Маргаритѣ и рѣшительно заявлялъ, что его рѣшеніе закрыть Зундъ неизмѣнно, такъ какъ этою мѣрою только и возможно будетъ заставить шведскаго короля искать мира, а съ мирнымъ исходомъ настоящей войны связано экономическое процвѣтаніе всѣхъ сосѣднихъ государствъ. Сама справедливость требуетъ, пишетъ король, чтобы тѣ, кто въ мирное время извлекаетъ выгоды изъ плаванія на Балтійскомъ морѣ, теперь въ виду войны и затруднительнаго положенія Даніи, во власти которой ключъ къ этому морю, временно дѣлили съ ней и невзгоды ея.

17-го апрѣля 1565 года Фридрихъ отправилъ короткую записку Августу саксонскому, въ которой говорилъ, что какъ скоро онъ убѣдится въ дружескомъ настроеніи къ нему Испаніи, никто ему не страшенъ: ни Лотарингія, ни Грумбахъ, ни другіе враги.

Фридрихъ II скоро, однако, долженъ былъ убѣдиться, что въ

---

[1]) Дрезд. Арх. Фридрихъ Августу, 17 апр. 1565 г.

[2]) Брюссельск. арх. Ср. письмо Фридриха къ Маргаритѣ отъ 6-го октября 1564: Welchs dann vnsers verhoffens die K. W. zu Hispanien... Zu vnnserm bestenn auch also ermessenn vnd vnzweiffelich geneigt sein werden mit vnns jn dieser gelegenheit desfals souiel immer muglich freundtlich vnnd bruderlich gedult zuhaben vnnd zu vnnser vnd vnnserer Reiche hochstenn geferligkeit ein gerings bey denn Ihren nicht alzu hoch anzuziehen.

Нидерландахъ вовсе не желаютъ терпѣть нарушеній шпейерскаго трактата. Тамъ заговорили такимъ рѣшительнымъ голосомъ, что уже черезъ годъ король вынужденъ былъ смягчить свой запретительный указъ для голландцевъ.

Слѣдствіе зундскихъ стѣсненій обнаружилось въ Голландіи прежде всего въ сильномъ повышеніи цѣны на хлѣбъ. 6-го мая 1565 года Вильгельмъ Оранскій сообщалъ Маргаритѣ, что цѣна на хлѣбъ въ шесть дней возвысилась отъ 30 флориновъ золотомъ за ластъ до 50. Къ 15-му мая цѣна на рожь поднялась уже до 52 флор. золотомъ за ластъ, а на ячмень до 72 флор. Повсюду стали раздаваться жалобы на небывалую дороговизну. Правительство тогда вынуждено было издать плакаты, запрещавшіе вывозъ изъ Нидерландъ хлѣба въ сосѣднія государства [1]). Въ маѣ въ Зундъ прибыло 200 голландскихъ кораблей; такъ какъ король запретилъ пускать ихъ въ датскія гавани, то при первой бурѣ имъ грозила опасность. Съ каждымъ мѣсяцемъ положеніе Нидерландъ становилось затруднительнѣе. Въ Амстердамѣ опасались народныхъ движеній. Маргарита въ письмахъ къ Фридриху II указывала ему, какъ несправедливо изъ-за нѣсколькихъ частныхъ случаевъ лишать цѣлыя государства и народы плаванія и торговли на Балтійскомъ морѣ; она увѣрена, что король отмѣнитъ незаконное запрещеніе и поэтому еще не снеслась по этому дѣлу съ мадридскимъ дворомъ. Этотъ „кокетливый“ дипломатическій маневръ не удался. Фридрихъ снова повторялъ правительству Нидерландъ, что рѣшеніе его твердо и неизмѣнно; онъ выставлялъ прежніе мотивы къ временному закрытію Зунда и полагалъ, что дѣйствуетъ съ полною справедливостью; пусть же, говорилъ онъ, всѣ, кто въ мирное время пользовались значительными выгодами, теперь раздѣлятъ съ нимъ невзгоды войны и понесутъ временно нѣкоторые расходы.

Маргарита была въ большомъ затрудненіи; говорили уже, что она рѣшилась соединиться съ Лотарингіей и Эрнестинской партіей въ Германіи и объявить Даніи войну. Вильгельмъ Оранскій представлялъ ей два исхода: или вооруженною силою добиться свободнаго проѣзда черезъ Зундъ для своихъ подданныхъ, для чего необходимо выслать въ Зундъ значительный военный флотъ; или прибѣгнуть къ дипломатическимъ переговорамъ. Первый путь сопряженъ съ большими расходами; если торговыя суда придется каждый разъ сопровождать воен-

---

[1]) *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, prince d'Orange, 1847. II, 90—94.

ными, то цѣны на хлѣбъ не могутъ понизиться; объявить же Даніи войну—значитъ положиться на счастье; кто знаетъ, замѣчалъ Вильгельмъ, на чьей сторонѣ останется побѣда. Гораздо надежнѣе путь дипломатическихъ переговоровъ; ухудшать отношенія къ Даніи, по его мнѣнію, не слѣдуетъ; достаточно было бы на первое время добиться отъ датскаго короля пропуска въ Голландію кораблей, идущихъ изъ Данцига, Польши и Ливоніи, а затѣмъ и проѣзда черезъ Зундъ голландскихъ кораблей, нагруженныхъ балластомъ, который уже шведамъ совсѣмъ не нуженъ. Можетъ быть и такъ, что закры тіе Зунда вызвано интригами нѣкоторыхъ монополистовъ, въ надеждѣ воспользоваться дороговизною хлѣба для собственныхъ выгодъ; если такъ, то правительницѣ необходимо принять противъ нихъ самыя строгія мѣры.

Маргарита приняла совѣтъ Вильгельма и съ одобренія своего брата рѣшилась отправить къ Фридриху II посольство. Баронъ Баттембургъ, на которомъ Маргарита остановилась было въ своемъ выборѣ, отказался отъ возложенной на него миссіи, и во главѣ посольства сталъ Zegher de Groesbek, лейтенантъ графа д'Аренберга и братъ епископа ліэжскаго.

Отъ имени Филиппа и Маргариты посолъ Грёсбекъ просилъ датскаго короля отмѣнить запрещеніе плаванія черезъ Зундъ. Онъ указывалъ королю на небывалую дороговизну, возникшую вслѣдствіе закрытія Зунда во всѣхъ провинціяхъ Нидерландъ; накопились большіе запасы вина, соли, сельдей и др. товаровъ, которые голландцы обыкновенно сбывали въ восточную Европу, откуда привозили хлѣбъ. Теперь вся эта торговля стала. Данцигъ и другіе прусскіе города также не посылаютъ въ Нидерланды своихъ торговцевъ и сношенія съ ними прекращены. Къ королю и правительницѣ не перестаютъ приходить жалобы на несправедливыя притѣсненія въ Зундѣ; однажды 300 кораблей были задержаны тамъ въ продолженіе 6 недѣль,—срокъ, въ который они могли бы безъ труда совершить два или три рейса. Транзитную пошлину датскій король также сталъ повышать; Грёсбекъ указывалъ на случай, когда 4 корабля съ солью, направляясь въ Ригу, должны были заплатить таможеннымъ чиновникамъ въ Зундѣ 1.200 талеровъ. Сверхъ обычной подати была назначена еще спеціальная по $3^1/_2$ талера за каждый ластъ соли. Этого мало: пошлины назначались даже съ тѣхъ кораблей, которые нагружены были однимъ балластомъ; за 90 ластъ приходилось платить 100 талеровъ. Въ 1566 году положеніе еще ухудшилось.

Нидерландскихъ купцовъ заставляли оставлять въ Даніи своихъ учениковъ—Geselle—и опредѣляли ихъ на службу къ датскому правительству. Подати также увеличивались, стѣсненія таможенныхъ чиновниковъ стали невыносимы, и въ 1566 году голландцы убили одного изъ сборщиковъ въ Гельзингёрѣ [1]).

Посолъ затруднился бы опредѣлить общую сумму убытка, причиненнаго Нидерландамъ. Въ 1563 и 1564 годахъ нѣкоторымъ купцамъ приходилось противъ воли отдавать свои корабли въ распоряженіе датскаго правительства, которое уплатило за нихъ едва-ли пятидесятую часть ихъ стоимости. Такъ за одинъ корабль, стоившій 27.000 талеровъ, король велѣлъ заплатить всего 500.

Изъ этого перечня жалобъ видно, какъ широко Фридрихъ II пользовался своимъ господствомъ надъ Зундомъ.

Если Фридрихъ II январскимъ указомъ 1565 года надѣялся лишить Швецію внѣшней, иноземной помощи, то Августъ одновременно готовилъ ей и дипломатическій ударъ, поднимая противъ нея императора Максимиліана II.

Въ первые два года своего царствованія Максимиліанъ II, всецѣло поглощенный своими отношеніями къ Турціи, обращалъ мало вниманія на сѣверныя событія, не интересовался ими; Августъ саксонскій, сколько могъ, привлекалъ его вниманіе къ Балтійскому вопросу, неоднократно указывалъ ему, какъ вредно на Имперіи отразится абсолютное господство Швеціи на Скандинавскомъ сѣверѣ и Балтійскомъ морѣ: падетъ торговое значеніе Любека, вся восточная торговля сосредоточится въ рукахъ шведовъ, Балтійское море сдѣлается шведскимъ. Августъ не разъ указывалъ императору и на сближеніе Швеціи съ антигабсбургскими элементами въ Имперіи, онъ далъ императору совѣтъ — издать указъ, которымъ бы запрещались всякія сношенія представителей Германской имперіи съ подданными Эрика XIV.

Тотъ же совѣтъ далъ Максимиліану и Іоахимъ бранденбургскій и онъ просилъ императора объявить Швецію въ опалѣ (in der Acht und Oberacht ercleren), доказывалъ, что императоръ въ правѣ это сдѣлать, вопервыхъ потому, что шведскій король притѣсняетъ Любекъ, издавна имперскій городъ, пользовавшійся значительными привилегіями, вовторыхъ потому, что Эрикъ стремится утвердить свое господство на Балтійскомъ морѣ и захватить въ свои руки всю рус-

[1]) Данц. арх. IX. 17.

скую торговлю, которая раньше составляла привилегію Любека; втретьихъ, наконецъ, и потому, что отъ шведовъ терпитъ датскій король, а онъ, какъ владѣтель Голштиніи, членъ Имперіи и также надѣется на помощь и содѣйствіе себѣ императора [1]).

На третій годъ войны Максимиліанъ, окончивъ свои дѣла на востокѣ, могъ съ большимъ участіемъ отнестись къ сѣвернымъ событіямъ; успѣхи шведовъ на морѣ были такъ велики, что всѣ нейтральныя государства и города стали опасаться мести Эрика за ихъ нежеланіе примкнуть къ союзу противъ Даніи. Самые сильные удары грозили Любеку, виновнику всей сѣверной войны. Изъ пассивнаго наблюдателя балтійскихъ событій Максимиліанъ подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, Саксоніи становится дѣятельнымъ сторонникомъ датско-любекскихъ интересовъ, онъ все болѣе и болѣе проникается важностью сѣверной борьбы для Имперіи и ея торговыхъ выгодъ [2]). Максимиліанъ благодарилъ Августа за тѣ разъясненія, какія онъ ему далъ относительно стремленій Эрика: ему понятна теперь „откровенность" шведа [3]), пишетъ онъ курфюрсту; „практика" Эрика ни для кого болѣе не тайна и направлена къ захвату себѣ господства на Балтійскомъ морѣ, къ подчиненію себѣ прибрежныхъ областей его и къ присвоенію себѣ всѣхъ торговыхъ привилегій на этомъ морѣ. Священной Римской имперіи, заявляетъ Максимиліанъ, грозитъ большая опасность отъ такихъ плановъ шведскаго короля. Балтійское море— имперское владѣніе, оно издавно было нѣмецкимъ. Максимиліанъ рѣшилъ теперь не допускать осуществленія честолюбивыхъ замысловъ шведскаго короля, но медлилъ еще опубликованіемъ указа, не смотря на всѣ просьбы курфюрста Августа. Замедленіе императора было вызвано тѣмъ, что далеко не всѣ князья Имперіи одобряли предложеніе Августа, не всѣ раздѣляли взглядъ его на необходимость насильственныхъ давленій. Четыре рейнскихъ курфюрста рѣшительно

---

[1]) Любек. арх. Acta legationis Secret. M. Ioannis Engelstede ad Caesarem Maiestatem itemque Electores Saxoniae et Brandenburg. 1564. So ist der König zu Dennemark dass Hertzogthumb Holstein halben ein Mitgliedt vnd Stanndt (des Reiches)—vnd Lübeck gar ein alte lobliche vnd gehorsame statt des heiligen Reichs.

[2]) *Droysen*, Aus den dän. Büchern, 24: Die lübische Angelegenheit war gleichsam die Formel, welche der deutschen Kaiserkrone, handelnd in die baltische Frage einzutreten, das Recht gab—welche es ihr gerade zu zur Pflicht zu machen schien.

[3]) Archiv für österr. Geschichtsquellen, B. 31, стр. 201.

возставали противъ изданія указа; они совѣтовали императору предложить вопросъ объ указѣ на разсмотрѣніе рейхстага: пусть всѣ выскажутъ свое мнѣніе, и тогда только императоръ въ правѣ сдѣлать какое нибудь заключеніе. Издать же указъ противъ желанія нѣкоторыхъ членовъ имперіи—ни къ чему не приведетъ, надъ императоромъ станутъ смѣяться; скажутъ, что указы, изданные не съ согласія всѣхъ представителей имперіи, теряютъ тѣмъ самымъ свою обязательную силу; многіе, не взирая на указъ, будутъ продолжать свои сношенія съ Швеціей.

Августъ зналъ, что многіе князья возстановлены противъ него и не хотятъ признавать рекомендованной имъ мѣры, и въ виду этого продолжалъ убѣждать императора не измѣнять своего рѣшенія, а ускорить его обнародованіе. Фридрихъ II съ своей стороны склонялъ Любекъ и Польшу обратиться къ Максимиліану съ просьбою войдти въ ихъ положеніе, оградить ихъ отъ самоволія шведовъ, открыть имъ нарвское плаваніе; Любекъ, какъ подданный императору городъ, можетъ расчитывать на его заступничество. Фридрихъ вспоминалъ времена Іоанна II, когда императоръ Максимиліанъ I оказалъ Даніи существенную помощь. Любекскій ратъ не находилъ лучшаго посредника въ сношеніяхъ съ императоромъ, какъ Августа саксонскаго и убѣждалъ его продолжать свое ходатайство у Максимиліана. Въ обращеніи любекскаго рата къ Августу [1]) говорится, что Эрикъ XIV не обнаружилъ до сихъ поръ никакого желанія начать переговоры о мирѣ съ Даніей и ея союзниками, онъ твердо идетъ къ своей цѣли и близокъ къ осуществленію своего балтійскаго господства; приморскимъ городамъ предстоитъ совершенное обѣднѣніе и раззореніе, если своевременно не будетъ принято мѣръ. Настало время всѣмъ князьямъ обратить свое вниманіе на судьбы имперскихъ прибалтійскихъ городовъ. Потери, какія имъ ежедневно причиняютъ, страшны по своимъ размѣрамъ. Изъ ихъ рукъ уходитъ, вопервыхъ, вся торговля съ русскими, которую уже захватываютъ въ свои руки другія государства Европы, доставляющія русскимъ порохъ, оружіе, военные снаряды, чѣмъ русскіе очень дорожатъ: это усиливаетъ ихъ, обезпечиваетъ за ними успѣхъ въ ливонской борьбѣ; между тѣмъ русская торговля, какъ всѣмъ извѣстно, съ давнихъ поръ была исключительною привилегіей прибалтійскихъ, вендскихъ городовъ. Вовторыхъ, какъ скоро шведскій король добьется господства на Балтійскомъ морѣ, всѣ при-

[1]) Акты, № 25, стр. 54—56.

балтійскіе города ожидаетъ полное рабство у шведской короны. Любекъ, при этомъ, вспоминаетъ о тѣхъ временахъ, когда вся торговля Западной Европы съ восточной, южной и съ сѣверной проходила черезъ его руки. Теперь западныя и южныя государства уничтожатъ значеніе Любека на Балтійскомъ морѣ. Втретьихъ, если Швеціи удастся въ конецъ ослабить Данію и балтійскіе города, то некому будетъ защищать и Ливонію отъ московитовъ, которые легко утвердятся на восточномъ побережьѣ Балтики и будутъ съ этой стороны грозить Имперіи. Успѣхи московитовъ тѣмъ возможнѣе, что они начинаютъ обзаводиться флотомъ, покупаютъ на западѣ корабли, приглашаютъ ботсманновъ; усовершенствуясь въ морскомъ дѣлѣ, русскіе явятся грозными сосѣдями имперіи, справиться съ ними тогда не будетъ никакой возможности. Это мнѣніе Любека, пишетъ его ратъ Августу, раздѣляютъ всѣ, кто сколько нибудь знакомъ съ характеромъ русскаго народа, съ его способностями, быстрымъ усвоеніемъ разъ видѣннаго и слышаннаго.

Августъ переслалъ императору живое обращеніе къ нему Любека и торопилъ его изданіемъ мандата. Перваго августа 1565 года онъ писалъ Максимиліану, чтобы онъ не обращалъ вниманія на несогласіе нѣсколькихъ князей имперіи, а дѣйствовалъ въ силу принадлежащей ему власти и авторитета для пользы и выгодъ Имперіи. Долгъ императора заботиться о благосостояніи подданныхъ, а кому всего болѣе угрожаетъ абсолютное господство шведовъ на морѣ, какъ не имперскимъ городамъ и Любеку по преимуществу? Если императоръ будетъ медлить, настанетъ зима, и тогда всякій указъ, запрещающій сношенія съ Швеціей, явится запоздалымъ, а потому и лишеннымъ смысла.

Максимиліанъ внялъ, наконецъ, настоятельнымъ просьбамъ Августа саксонскаго и Любека и въ ноябрѣ 1565 года издалъ свой указъ о запрещеніи всякихъ сношеній съ Швеціей [1]). Августъ имѣлъ осно-

[1]) Ср. Quellensammlung für Schleswig-Holst. Geschichte, II, 2, 3. Оригиналъ указа въ Берлинскомъ, копіи—въ Дрезденскомъ архивѣ.—Въ Дрезденскомъ же архивѣ и инструкція Максимиліана его посламъ, отправленнымъ къ курфюрстамъ отъ 20-го іюля, Вѣна, 1565 г. Здѣсь стремленія Эрика выражены такъ: король „hat alle seine Anschlage dahinn gerichtet, das er sich der ganntzen Ostsee ain ainnigen Herren machen, alle darann wohnennde Stende, Lannd vnd Volcker vnndertruckenn, die Comercien vnnd freije gemaine Hanndtierung solcher Ostsee allein in seinn aintzige gewaltige hannd brinngen, vnnd also das hail. Reich Teutscher nation diser ortenn jn vnüberwindlichen schaden fueren mochte“. Балтійское море—ein weijtt berumpten Teutschen meer der Ostsee.

ваніе торжествовать; ноябрьскій указъ былъ косвеннымъ ударомъ и для нѣмецкихъ князей—сторонниковъ Швеціи, съ которыми справиться представлялось уже болѣе легкимъ.

Вотъ самое краткое содержаніе императорскаго указа: Обращаясь ко всѣмъ курфюрстамъ, духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ, ленникамъ и прочимъ представителямъ Имперіи [1]), Максимиліанъ указываетъ на неустанныя старанія своего отца и предшественника возстановить миръ въ сѣверной Европѣ, явить посредничество воевавшимъ державамъ, изъ которыхъ только Данія откликнулась на мирный зовъ его, Швеція же—нѣтъ; когда всѣ князья собрались въ Ростокъ, одна Швеція не прислала сюда своихъ депутатовъ, и представители конгресса напрасно прождали ихъ нѣсколько мѣсяцевъ [2]). Въ виду такого враждебнаго къ Имперіи отношенія шведскаго короля,—онъ задержалъ у себя и посла императора,—въ виду также его посягательствъ на свободу имперскихъ городовъ, Максимиліанъ снова обращался къ нему, съ просьбою отозваться на мирное посредничество его и князей, предупреждалъ его, что въ случаѣ отказа онъ, императоръ, будетъ вынужденъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы прекратить самоволіе шведовъ [3]). И на это свое обращеніе императоръ не получилъ отвѣта. Между тѣмъ къ нему ежедневно приходили извѣстія о новыхъ несправедливостяхъ и насиліяхъ, учиняемыхъ королемъ; онъ стремился подчинить себѣ свободное Балтійское море, уничтожить торговлю и навигацію на немъ нѣмцевъ. Любекъ сильно подавленъ этими мѣрами, ему грозитъ совершенное обѣднѣніе; сносить такое умаленіе своей репутаціи, своего авторитета императоръ болѣе не можетъ. Какъ глава Имперіи и христіанства, какъ Римскій король, онъ обязанъ заботиться о благѣ своихъ подданныхъ и не допускать поруганія чести Имперіи, отсюда необходимость

---

[1]) Churfürsten, Fürsten, Gaistlichen vnd Weltlichen, Prelaten, Grauen; Freyen, Herrn, Reitern, Knechten, Landsshauptleuten, Landuögten, Hauptleuten, Vitzthumben, Vögten, Pflegern, Verwesern, Ambtleuten, Landrichtern, Schultheissen, Burgermaistern, Richtern, Räthen, Burgern, Gemainden, vnd sonst allen andern. vnsern vnd des Reichs, auch vnserer Khunigreich, Erblichen Fürstenthumb vnd Lande, vnderthanen vnd getrewen, was wierden, Stands oder Wesens die sein...

[2]) Biss in den dritten Monat.

[3]) das wir alssdan nach denen mitln vnd wegen, notwendigklich würden trachten müssen damit dannoch solche beschwerliche khriegssübung abgestelt, vnd in sonderhait vnsere vnd des Reichs angehörige so Recht leiden mögen... vor gwalt geschützt vnd bey frieden vnd recht bleiben vnd gehandhabt werden möchten..

рѣшительныхъ мѣръ противъ шведскихъ „практикъ“ [1]). Императоръ предписываетъ каждому члену Имперіи, подъ страхомъ немилости и тяжкаго наказанія, слѣдить за тѣмъ, чтобы въ Швецію не доставлялись изъ Имперіи никакіе товары, чтобы прекращены были всякія сношенія съ ней. Въ силу долга и повиновенія всѣ члены имперіи должны задерживать всѣхъ, направляющихся въ Швецію съ купеческими товарами, провіантомъ, военными снарядами, оружіемъ и т. д. Кто, не взирая на императорскій указъ, будетъ продолжать свои торговыя сношенія съ шведами, лишится покровительства земскаго мира, будетъ подвергнутъ конфискаціи имущества, лишенъ всѣхъ правъ и привилегій, всѣхъ регалій и леновъ. Строго запрещается допускать въ своихъ земляхъ наемъ рейтеровъ или кнехтовъ и разрѣшать проѣздъ ихъ въ Швецію [2]).

Это запрещеніе имѣетъ силу до тѣхъ поръ, пока шведскій король не удовлетворитъ всѣхъ требованій императора, не прекратитъ стѣсненій и преслѣдованій имперскихъ городовъ, не откажется отъ своихъ беззаконныхъ стремленій къ господству—dominium—на Балтійскомъ морѣ.

---

[1]) ...vns khomen auch von tag zu tag, je lenger je mer, von ansehenlichen, namhafften Orten vnd Personen, glaubwirdige bericht, erinnerung vnd warnung ein, das vnder oftgemeltes Khünigs Namen jetz mer, dann vor je allerhand vnruehige Practicken vnd bewerbung im Reich... fürlauffen. vnd die gantze Ostsee vnderwürffig zumachen, vnd alle darauf biss daher uebliche Nauigation, Commertien, handthierung vnd gwerb allain in seiner lieb hand zubringen, etliche vnsere vnd des heiligen Reichs angehörige an der See gesessne vnd anrainende Stende vnd Glieder, so sich der See bissher gebraucht vnd sonderlich... Lübegk, ...gantz vnd gar ausszumatten, zuuertrucken vnd vnder seines lieb gwalt zubringen. ....Mitlerweil, nit desto weniger die Domination in der Ost See zu affectuiren, die freie Nauigation... vnsern vnd des heiligen Reichs angehörigen abzustricken vnd zubenemen, dieselben seiner lieb zuzuaignen vnd also... dem ...Reich schaden vnd nachthail, zuzufügen sich vnderstehen solle, Vns auch, als Römischem Khaiser vnnd obristem Haupt des heiligen Reichs, demselben in die leng nit zuezusehen, sonder vilmer solchen des Khünigs zu Schweden vnzimlichen furnemen ...zuweren.

[2]) Das sich niemands auss Euch hinfüro vnderstehen wirdet... ainiges Khriegssuolck, zu Ross oder Fuss, im Heil. Reich zuwerben, anzunemen oder auch dasselb, noch sonst ainiche Waffen oder Wehr, von Geschütz, Municion, noch ainicherley Khriegssrüstung, auch kain Prophiant, noch Wahr, Kaufmanschaft oder Gütter zuezufüren vndersteh. Auch Ir die Obrigkaiten solche zufuhr, ¦dessgleichen den Khriegssuolck ainigen musterplatz, Pass oder Durchzug noch Ewern Vnderthanen sich dem K. zu Schweden zu guetem wider des Reichs Glieder vnd Stende bestellen zulassen, nit gestatten, in kainerley weise noch wege, sonder ain jeder sich dessen gentzlich entholte. Оканчивается указъ словами: Das mainen wir ernstlich.

Указъ императора долженъ былъ быть опубликованъ во всѣхъ княжествахъ, городахъ, селахъ, приморскихъ центрахъ и т. д., такъ чтобы никто не могъ сослаться на то, что ему почему либо указъ остался неизвѣстнымъ.

Любопытно, что ноябрьскій указъ 1565 г. императора Максимиліана II не произвелъ на Эрика никакого впечатлѣнія, ни мало его не обезпокоилъ. Онъ пишетъ вскорѣ по полученіи извѣстія объ указѣ одному изъ своихъ приближенныхъ, что увѣренъ, что всѣ приморскіе города, не взирая на запретительный указъ императора, по прежнему будутъ сноситься съ Швеціей, ибо „какъ у насъ въ Швеціи, такъ и на всемъ свѣтѣ запрещенный плодъ всегда особенно заманчивъ и его всего болѣе добиваются" [1]). Король не ошибся: померанскіе города не оставили своихъ выгодныхъ торговыхъ сношеній со шведами, сами пріѣзжали въ Швецію и у себя давали пріютъ шведскимъ купцамъ и агентамъ. Эрикъ теперь съ особенною заботливостью поддерживалъ торговыя сношенія своихъ подданныхъ съ Россіей. Русскіе привозили въ Выборгъ большіе запасы провіанта, и шведы быстро все раскупали. Русскіе купцы имѣли въ виду отправиться въ самую Швецію, въ Стокгольмъ, съ коноплей и соболями, о чемъ короля извѣщалъ Бертиль Іёренссонъ. Эрикъ отвѣчалъ ему, что русскихъ не только не слѣдуетъ не допускать въ Швецію, а напротивъ, всѣми мѣрами привлекать ихъ туда [2]). Изъ этого мы видимъ, что Фридрихъ II съ излишнимъ оптимизмомъ относился къ увѣреніямъ московскихъ чиновниковъ въ Нарвѣ, которые обѣщали строго взыскивать съ каждаго, кто бы сталъ поддерживать торговыя сношенія со шведами. 26-го августа 1566 года Фридрихъ писалъ Августу, что нѣкоторые русскіе торговцы дѣйствительно доставили шведамъ селитру и другіе товары, но что по просьбѣ его, короля, это теперь прекратится; виновники понесутъ строгое наказаніе [3]).

---

[1]) *Silverstolpe*, 47.

[2]) Ibid. 44. 60. Акты № 30, в. вотъ отрывокъ изъ письма къ Фридриху Августа (Дрезд. арх.): Es gelangt wol von fern ahn vns, ehr (Эрикъ) solle mit dem Muscowiter einen Verstandt haben vnd sich seiner hülffe getrösten, auch damit vmbgehen, dz er —— den Muscowiter Reuel mit besondern conditionen übergebe vnd einreume, weil ehr es villeicht ohne das nicht zuerhalten vormeint. Es kumpt vns bestendige kuntschaft ein ehr habe heimlich seine gesante bey vnserm Vettern H. Johann Friderich zu Gota gehabt, vnd daselbst mit Grumbach vnd den andern Echtern practiciren lassen.

[3]) Курф. сакс. императору по поводу изданія мандата противъ Швеціи— Walchenstein, 1 августа 1565 г.: Wir bethen aber undertheniglich, do etzliche

Но если указъ 5-го ноября не подѣйствовалъ на Эрика, то явился гарантіею успѣха въ борьбѣ Августа съ веймарскимъ герцогомъ, и образовалъ широкую брешь въ шведско-лотарингскихъ „практикахъ“ и „интригахъ“ [1]). Теперь Августъ могъ съ бо́льшею увѣренностью повести борьбу съ своими противниками. На рейхстагѣ 1566 года онъ съ свойственною ему одному энергіей повелъ дипломатическую борьбу съ готско-веймарскими сторонниками; былъ моментъ, когда онъ находился въ такомъ „дипломатическомъ“ затрудненіи, что только съ его искусствомъ можно было рѣшить стоявшую на очереди дилемму. Дѣло въ томъ, что на рейхстагѣ 1566 года разсматривалось и дѣло курфюрста Фридриха III; съ его паденіемъ былъ бы нанесенъ смертельный ударъ кальвинистамъ, гугенотамъ, съ которыми Августъ вовсе не желалъ порывать: ихъ паденіе содѣй-

---

under den Churfürsten (а именно 4 рейнск. Курф. не одобряли намѣренія Имп—а) mit Irer Maist. disfals nicht einstimmen würden, wie wir dan wol erachten möchten, das darüber sonderbare bedencken gefallen würden, Ire Mt. wolle nicht desto weniger die notturfft diser grosswichtigen sachen für sich erwegen, vnd wan gleich von dem Churfürsten einhellige antwort derenthalben nicht gefallen solt, Iedoch dorinnen Irer Mat. authoritet und des Reichs nuts vnd wolfart fürtsetzen.

Dan ire Mat. gnedigst zu bedenken dieweil unzweiffelich des Königs v. Schweden entlich fürhaben dahin stünde, der Sehe derer ortt alleine gewaltig zu werden, die handlung, gewerbe und commertien seines gefallens zu hindern, die freie Schiffartt zustopfen dass daran nicht allein den benachbarten stenden sondern auch dem ganzen heiligen Römischen Reiche auch andern mehr grossen vnd hohen Potentaten zum höchsten gelegen sein wölle.

So seie es auch für sich selbst pillig das sich Ire Mat. und das Reich des Reichs angehörige glieder annehme und dieselbigen unpilliger weisse nicht vorgewaltigen und bedrängen lasse, — es würde dem Reich wenig fürtragen und zu nutz und vorteil gereichen das die mandaten so langsamb und zu der zeitt des jhars do die Sigillation auf der Ostsehe one das aufhören und des winters halben eingestellet würde, ausgehen und publicirt werden sollte.—Ждать еще отвѣта изъ Швеціи—неразумно. Императоръ извѣщаетъ Курфюрста о письмѣ, полученномъ имъ отъ рейнск. курф., они совѣтуютъ публикаціей Мандата не спѣшить, отложить вопросъ объ этомъ до будущаго рейхстага: So seind wir auch sonst von andern orten her wolmeindtlich gewarnet worden, in allweg wol zuerwegen und zubedencken, da solche Mandat nit von allen Ständen bewilligt und durch einen oder mehr der benachbarten oder anderer Stände nit exequirtt werden solten, was solche Mandat bei Schweden würden, auch was vns vnd dem heil. Reich für Schimpf und Spott auf solchen fall daraus erfolgen würde, und deswegen mit solchen Mandaten ohne vorwissen, Rath und zuthun gemeiner des heil. Reichs Stände nicht fürzugehen.—(Archiv für Sachs. Gesch., V, 51).

[1]) *Droysen*, I, 84.

ствовало бы внутреннему единству и силѣ Франціи, чего Августъ наименѣе желалъ въ виду общихъ интересовъ, связывавшихъ Францію съ Эрнестинской линіей; стать на сторону Пфальца, поддержать на рейхстагѣ Фридриха III было, съ другой стороны, и равносильно размолвкѣ съ вѣнскимъ дворомъ, порывать съ которымъ не входило въ политическую программу Августа; императоръ тотчасъ нарушилъ бы свои дружескія отношенія къ курфюрсту Саксонскому и тогда, гдѣ было ему искать поддержки, помощи противъ Іоанна Фридриха?. Трудную дипломатическую игру, ему предстоявшую, Августъ началъ съ того, что по отношенію къ фанатическимъ, ортодоксальнымъ лютеранамъ принялъ сторону пфальцграфа; съ другой стороны, онъ передалъ императору свой голосъ за приговоръ Фридриха III, и декретъ противъ послѣдняго, дѣйствительно, былъ составленъ 14-го мая. Въ награду за это императоръ издалъ строгій указъ противъ Грумбаха и давалъ три мѣсяца срока для выполненія его; кто не исполнитъ воли императора, подвергается имперской опалѣ. Какъ только Августъ достигъ желаемаго указа императора о Грумбахѣ, онъ въ самый кризисъ рейхстага „дезертировалъ", бѣжалъ. Послы его, не имѣя отъ него никакого полномочія, не могли примкнуть ни къ одному рѣшенію партій и этимъ помѣшали исключенію пфальцграфа изъ имперіи и лишенію его привилегій земскаго мира; этимъ предупредили они и тѣснѣйшее соединеніе Фридриха III съ Іоанномъ Фридрихомъ эрнестинскимъ. Въ это именно время Грумбахъ, злой геній Іоанна Фридриха, какъ его называли, начерталъ смѣлый и своеобразный по своимъ комбинаціямъ планъ: навербовать кнехтовъ на нижнемъ Рейнѣ, въ Вестфаліи, Бранденбургѣ и Помераніи, и съ этими силами одновременно вторгнуться и въ франконскія епископства и въ владѣнія курфюрста саксонскаго. Среди военныхъ дѣйствій Іоаннъ Фридрихъ долженъ былъ явиться въ Виттенбергъ и тамъ возложить на себя курфюрстскую корону. Въ этомъ чисто германскомъ движеніи должны были принять участіе Франція, Швеція и Турція; онѣ вторженіемъ съ запада, сѣвера и востока должны были помочь Іоанну Фридриху побѣдоносно достигнуть Вѣны и тамъ перемѣнить курфюрстскую корону на императорскую. Итакъ, въ виду имѣлась общеевропейская коалиція въ духѣ XVII столѣтія противъ габсбургскаго и альбертинскаго домовъ.

Но вся грандіозная дипломатическая интрига Грумбаха и герцога саксонскаго разбилась о тонкій и расчетливый умъ Августа; она рухнула, какъ карточные проекты; Августъ добился у императора

опальной грамоты на Іоанна Фридриха и самъ взялся привести ее въ исполненіе. Въ началѣ 1567 года подданные Іоанна были освобождены отъ присяги своему государю и присягнули Іоанну Вильгельму, брату Іоанна Фридриха, стороннику императора и курфюрста саксонскаго. Августъ съ желѣзною энергіей взялся за борьбу съ своимъ врагомъ. 14-го апрѣля Гота пала; Іоаннъ Фридрихъ сдѣлался плѣнникомъ курфюрста и въ 30-тилѣтнемъ плѣну окончилъ свою жизнь; Грумбахъ и его сторонники были казнены; казненъ послѣ мучительныхъ допросовъ и агентъ Іоанна Фридриха, попавшійся въ руки датчанъ и переданный Августу. Дрезденъ восторжествовалъ надъ Веймаромъ. Революціонное движеніе въ Германіи было подавлено, авторитетъ габсбургскаго императора возродился; косвенный ударъ нанесенъ былъ и Франціи, охотно поддерживавшей разныя смуты въ имперіи; но, что важнѣе всего для насъ,—готская катастрофа, бывшая торжествомъ для дипломатіи Августа, не осталась безъ вліянія на ходъ сѣверныхъ событій, она явилась фатальнымъ ударомъ и для внѣшней политики Швеціи, дала возможность Даніи всецѣло отдаться борьбѣ съ Эрикомъ, не бояться болѣе новыхъ враждебныхъ диверсій съ юга и смѣло углубляться въ Швецію, нанося пораженіе за пораженіемъ несчастной странѣ, король которой подъ давленіемъ всѣхъ событій этого года впалъ въ умопомѣшательство.

Ноябрьскій указъ императора, закрытіе Зунда, временное запрещеніе нарвскаго плаванія, Гота и торжество Августа—все это моменты, стоявшіе въ тѣсной связи и значительно поколебавшіе положеніе Швеціи. Дѣйствительно, съ этихъ поръ и военныя дѣла шведовъ шли уже не такъ удачно, какъ раньше,—мы отмѣтимъ ходъ ихъ за послѣдніе годы царствованія Эрика XIV,—съ этихъ поръ начинается и движеніе въ пользу плѣненнаго Іоанна. Энергія все еще не покидала короля: на рейхстагѣ 1566 года [1]) онъ обратился къ сословіямъ съ замѣчательною рѣчью, въ которой прежде всего постарался всю вину неудавшихся мирныхъ попытокъ взвалить на датчанъ. Затѣмъ онъ высказалъ мысль, давно созрѣвшую въ немъ,—что вѣчный миръ между Даніей и Швеціей возможенъ только въ томъ случаѣ, если одному народу удастся подчинить себѣ другой. Что эта мысль была справедлива, видно изъ требованій, какія ставила Данія и Швеція. Первая требовала себѣ Эльфсборга и всего Вестерготланда (Верендъ, Маркъ и Киндъ), кромѣ того—всего, чѣмъ

---

[1]) *Nilsson*, 39 и д.

шведы владѣли въ Ливоніи, и военной контрибуціи. Шведскій король долженъ былъ оставить датскій гербъ, датскій же король сохранялъ право носить всѣ три скандинавскихъ герба, онъ предъявлялъ притязанія на Кальмарскую унію. Самое же несообразное было требованіе—чтобы шведскій король безъ согласія Даніи не могъ заключать договоровъ съ иностранными державами и чтобы союзники Даніи пользовались совершенною свободою на Балтійскомъ морѣ: другими словами Швеція должна была довольствоваться второстепеннымъ значеніемъ на сѣверѣ Европы, быть какъ бы въ политическомъ подчиненіи у Даніи-Норвегіи.

На эти требованія Даніи Эрикъ отвѣчалъ не менѣе дерзкими: Швеціи должны быть уступлены области Блекинге, Герьедаленъ, Іемтлантдъ, Галландъ, Богусъ и Норвежскій заливъ и все, что она завоевала въ Ливоніи; кромѣ того, Эрикъ сохранялъ за собою притязанія на Готландъ, Норвегію и Сконе. Еслибы брачный проектъ съ Ренатою лотарингской увѣнчался успѣхомъ, она принесла бы съ собою въ приданое королю Норвегію, Сконе и Галландъ.

Рейхстагъ склонился къ мнѣнію короля, что войну съ Даніей необходимо продолжать, обѣщалъ помощь для увеличенія флота и войска. Такой же взглядъ высказалъ и рейхстагъ, созванный въ слѣдующемъ году. На немъ рѣшено было вступить въ отдѣльные переговоры съ Любекомъ, обѣщать ему новыя привилегіи и такимъ образомъ склонить его отпасть отъ Даніи и Польши. Нарвское плаваніе король могъ разрѣшить имъ, но за извѣстную пошлину: за корабль съ грузомъ—одинъ розенобель, за корабль безъ груза—одинъ гульденъ; король выговаривалъ себѣ право дѣлать наборы кнехтовъ въ Любекѣ, долженъ былъ добиться отъ этого города, чтобы онъ болѣе не заключалъ договоровъ съ врагами шведской короны, не доставлялъ имъ съѣстныхъ припасовъ, оружія и пр. Нѣмцамъ разрѣшалось безпошлинно торговать въ пяти приморскихъ городахъ Швеціи, шведамъ — въ пяти приморскихъ нѣмецкихъ городахъ; теряли, наконецъ, силу и всѣ долговыя обязательства Швеціи по отношенію къ Любеку, долги же частныхъ лицъ будутъ уплачены городу. Извѣстно, что попытка склонить Любекъ къ отдѣльному миру съ Швеціей не удалась.

Въ началѣ 1566 года шведы изъ Смоланда сдѣлали вторженіе въ Сконе. Они въ третій разъ принялись осаждать пограничную съ Норвегіей крѣпость Богусъ, но и на этотъ разъ не могли взять ее, хотя, казалось, датчане должны были проиграть дѣло: своевременное при-

бытіе свѣжихъ силъ спасло ихъ, и шведы, къ великому огорченію Эрика, должны были отступить. Лѣтомъ Рантцау побѣдоносно прошелъ чрезъ Вестерготландъ, нигдѣ не встрѣчая серьезнаго сопротивленія; оба шведскіе генерала—Морнэ и Hästsko были взяты въ плѣнъ. Послѣдняя попытка штурмомъ занять Гальмстадъ также не удалась Эрику XIV.

Морскія дѣла не представляли за этотъ годъ ничего замѣчательнаго. Фридриху удалось въ 1566 году примириться, наконецъ, съ знаменитымъ Петромъ Оксе, нѣсколько лѣтъ проведшимъ при дворѣ Христины лотарингской; въ его лицѣ Фридрихъ пріобрѣталъ лучшаго финансоваго дѣльца, какого когда либо раньше имѣла Данія. Одинъ историкъ въ увлеченіи назвалъ его датскимъ Сюлли [1]). Переговоры съ этимъ человѣкомъ начались въ сентябрѣ 1565 года; въ апрѣлѣ 1566 года король объявилъ амнистію знаменитому дворянину, который и при дворѣ Христины умѣлъ сохранить полную самостоятельность. Король далъ Оксе въ ленъ Вордингборгъ, а въ началѣ 1567 года назначилъ его штатгальтеромъ Копенгагенскаго замка, а вскорѣ—и рейхсгофмейстеромъ. Мѣры, къ какимъ Оксе прибѣгалъ, были тяжелыя, но онъ сумѣлъ вывести Данію изъ страшнаго кризиса, въ какомъ она находилась. Особенно тяжело приходилось дворянству [2]). Въ Зундѣ Оксе завѣдывалъ таможнею, которая въ 1567 году дала чистаго доходу 560.000 кронъ, тогда какъ въ предыдущемъ году правительство получило всего 175.000. Новый министръ финансовъ въ Даніи далъ Фридриху возможность выстроить нѣсколько новыхъ кораблей и пополнить ряды своего войска [3]). Въ январѣ 1567 года Эрикъ сдѣлалъ новую попытку завладѣть крѣпостями Норвегіи, онъ надѣялся теперь на успѣхъ въ виду того, что отъ одного норвежскаго перебѣжчика узналъ о возникшемъ среди норвежскаго дворянства недовольствѣ Фридрихомъ II. Но радостная для короля вѣсть оказалась ложною, и шведы также мало успѣли въ этомъ году, какъ и во всѣ предыдущіе.

Въ октябрѣ 1567 года Рантцау перешелъ шведскую границу и направился къ Іёнкепингу; движеніе его войска сопряжено было съ большими затрудненіями, въ лѣсахъ шведы имѣли наготовѣ блок-

---

[1]) *Schlegel.*

[2]) *Secher*, 300, 306, 316, 328, 329. На войну до августа 1567 года было израсходовано 89178½ тал. 18½ шил. Ioachim Platen Рантцау, Коп. арх. Lifl. 24 c.

[3]) *Vaupell*, 116—117; *Holberg*, Dänische Reichs Historie, 491.

гаузы, строили засады, срубали лѣсъ, заваливали дороги. Жители Iёнкепинга сами подожгли городъ и окрестность и покинули его; при приближеніи датчанъ сожженъ былъ и Линкёпингъ. Рантцау тщетно искалъ открытаго боя съ шведами: они уклонялись отъ битвы и все глубже отступали вовнутрь страны, внезапными вылазками безпокоя своихъ враговъ. Весь путь отъ Линкёпинга до Норкёпинга былъ обозначенъ пожарами. Сильно пострадалъ отъ датчанъ Сёдеркепингъ, богатый торговый городъ, гдѣ было не мало иностранцевъ. Въ декабрѣ датчане построились лагеремъ въ одной мили отъ Линкёпинга; не получая помощи изъ Даніи Рантцау не рѣшался дальше углубляться во вражескую страну и долженъ былъ отступить. Отступленіе Рантцау было сопряжено съ еще бóльшими затрудненіями, чѣмъ его наступательное движеніе, и шведы говорили, что ни одинъ датчанинъ живымъ не выберется изъ Швеціи; только благодаря удивительной выдержанности, спокойствію и тактическому таланту Рантцау, ему удалось невредимымъ достигнуть датской границы, 10-го февраля 1568 года. Блестящій походъ Рантцау не принесъ Даніи никакой существенной выгоды [1]).

Морскія событія этого года были незначительны. Лѣтомъ 1568 года Эрикъ имѣлъ въ виду лично предпринять походъ въ Сконе, но узналъ, что противъ него поднято цѣлое возстаніе его братьями Іоанномъ и Карломъ.

Неудача военныхъ дѣйствій шведовъ за 1566, 1567 и 1568 годы, казалось, должна была бы содѣйствовать скорѣйшему заключенію мира между шведами и датчанами, между тѣмъ попытки посредниковъ также были тщетны. Первый шагъ сдѣланъ былъ Доротеей, вдовствующей королевой Даніи. Эрикъ отвѣчалъ ей, что онъ своихъ условій не измѣнитъ: Фридриху подѣломъ тяжелыя условія за все то зло, какое онъ причинилъ Швеціи.

Не мало усердія къ примиренію Швеціи съ Даніей приложили французскій дипломатъ Дансэ и императоръ Максимиліанъ II. На извѣстномъ намъ уже рейхстагѣ въ Аугсбургѣ, созванномъ на іюнь 1566 г., рѣшено было обсудить и сѣверныя событія.

На немъ снова поднятъ былъ вопросъ о Балтійскихъ событіяхъ [2]).

---

[1]) Ср. для военныхъ дѣйствій *Tidander*, D. Rantzaus Vinterfälttåg i Sverge. 1567—1568. 1886. *Westling*, 372 и д. *Mejborg*, Om Antallet af Skytter i Frederik den Andens Haere, Hist. Tidsskrift, 5 Raekke.

[2]) На этомъ же рейхстагѣ присутствовали и послы герцога мекленбургскаго, требовавшіе освобожденія Христофа изъ польскаго плѣна. *Häberlin*, VI, 345.

Курфюрстскій совѣтъ стоялъ за то, чтобы Любеку возвращены были его прежнія привилегіи на Балтійскомъ морѣ, чтобы нарвское плаваніе было свободнымъ; въ совѣтѣ же князей—почти всѣ были противъ притязаній Любека, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ Даніи и курфюрста саксонскаго, поэтому здѣсь энергично требовали отмѣны указа предыдущаго года. Союзникъ Фридриха II-го въ борьбѣ съ Швеціей, Сигизмундъ польскій раздѣлялъ взгляды курфюрстской коллегіи, пока дѣло шло о запрещеніи сношеній съ Швеціей, но онъ никакъ не могъ одобрить либеральнаго отношенія Августа и императора къ нарвскому плаванію [1]). Сигизмундъ по отношенію къ Россіи держался твердой и опредѣленной политики и не желалъ идти ни на какіе компромиссы. Ради нарвскаго плаванія онъ рѣшился отправить къ императору посла, котораго снабдилъ тремя инструкціями. Въ первой (praescriptum legationis) заключались жалобы на сближеніе, возникшее между гохмейстеромъ и Москвою: они ведутъ оживленные переговоры, и императоръ долженъ былъ бы запретить гохмейстеру сноситься съ варваромъ и схизматикомъ, который съ императорскимъ именемъ и авторитетомъ обращается хуже змѣи и собаки [2]). Если московитъ безъ иноземной помощи успѣлъ столь многаго достигнуть, то чего же можно ожидать, если ему удастся сблизиться съ Европой? Какая будущность предстоитъ Швеціи, Норвегіи и остальнымъ сосѣднимъ христіанскимъ государствамъ, если московитъ достигнетъ господства на всемъ сѣверѣ Европы [3])? Во второй инструкціи, (instructia secretior) Красинскому,—такъ звали польскаго посла,—предстояло объяснить императору, что единственный мотивъ, заставившій польскаго короля вмѣшаться въ ливонскія событія, это—желаніе спасти христіанскій орденъ, притѣсняемый варваромъ-царемъ. На одной Польшѣ лежало все бремя борьбы съ русскими, тогда какъ шведскій король даже сближался съ ними. И Эрикъ, и московскій царь—такіе же тираны,

---

[1]) Еще въ 1564 г. венеціанскій посолъ доносилъ о дружескомъ настроеніи императора по отношенію къ московскому царю: Con il quale S. M. ha frequente comercio e buona intelligenza. *Fiedler*, 314.

[2]) Qui nomen et appellationem Romanam pejus cane et angue aversatur, sibi vero et titulum et coronam imperialem usurpat. *H. Hjärne*, 6 и далѣе—о миссіи Красинскаго.

[3]) Quid erit de Suetia, Norvegia et reliquis vicinis christianis Regnis ac Regionibus, si semel christianorum et catholicorum hominum favore ad augendam ac stabiliendam hanc jam pridem in animo suo designatam septentrionis dominationem niti coeperit?

и трудно рѣшить, кто изъ нихъ жаднѣе, кто безчеловѣчнѣе [1]). Швеція, дѣйствуя противъ Польши, не должна была бы забывать, что она всѣмъ обязана Польшѣ, которая одна поддерживала ея молодую династію.

Третья инструкція (instructio privata) заключала въ себѣ вопросъ о наслѣдствѣ Боны и объ установленіи новыхъ границъ между Польшей и Силезіей. Послѣднее король затѣвалъ съ тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе императора отъ ливонскихъ дѣлъ.

Краснорѣчивые доводы Красинскаго противъ нарвскаго плаванія не могли убѣдить Максимиліана, теперь уже помышлявшаго о томъ, какъ бы поднять значеніе имперскихъ городовъ на Балтійскомъ морѣ, какъ бы вернуть на этомъ морѣ авторитету имперіи подобающее ему значеніе. Максимиліанъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Августа саксонскаго, и польскій король напрасно строилъ надежды на дипломатической опытности своего посла. Императоръ не далъ Красинскому никакого опредѣленнаго отвѣта, самъ же снова обратился къ посредничеству между воевавшими державами. Послѣднее было наименѣе желательно Сигизмунду, который опасался, какъ бы императору не удалось ослабить вліяніе Польши на шведско-датскія событія; онъ хотѣлъ, чтобы только ему одному принадлежала посредническая роль въ сѣверной войнѣ. Между Максимиліаномъ и Сигизмундомъ были еще свои личные счеты: императоръ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на несчастную роль своей сестры, на которой Сигизмундъ былъ женатъ и съ которой хотѣлъ развестись; Максимиліанъ боялся, что съ разводомъ для него исчезнутъ всякія надежды на польскій престолъ послѣ смерти бездѣтнаго Сигизмунда. Какъ только Максимиліанъ дѣлалъ давленіе на Польшу, Сигизмундъ грозилъ ему поддержкою Іоанна Трансильванскаго, лелѣявшаго мечты на венгерскую корону.

Нѣкоторыя основанія для вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши императоръ видѣлъ въ натянутыхъ отношеніяхъ Польши къ Пруссіи и нѣкоторымъ сѣвернымъ нѣмецкимъ князьямъ [2]); судьба Ливоніи, на которую посягала Польша, также оставалась небезъинтересной императору. Сигизмундъ предвидѣлъ сближеніе Имперіи съ Москвою; этотъ союзъ вызывалъ у него наибольшій страхъ, и вотъ онъ старается всякими мѣрами занять императора у него же дома, то подстрекая венгровъ къ возстанію, то грозя императору турками, а чтобъ вознаградить императора за потерю Ливоніи, онъ представ-

[1]) Uter avarior et immanior sit difficile statuere est.

[2]) *Hjärne*, 1—5.

ляетъ ему въ будущемъ возможность занять польскій престолъ: отъ него, Сигизмунда, зависитъ уже теперь подготовить почву для габсбургскаго кандидата. Такимъ образомъ Сигизмундъ старался подѣйствовать на Максимиліана то угрозами, то заманчивыми обѣщаніями. Дипломатическая виртуозность его нигдѣ такъ не обнаружилась, какъ именно въ отношеніяхъ къ Имперіи, но, къ несчастію для Сигизмунда, другой дипломатъ виртуозъ пересиливалъ его вліяніе при вѣнскомъ дворѣ, и Максимиліанъ дѣятельнѣе прежняго сталъ относиться къ судьбамъ сѣверной Европы, въ особенности Любека.

Любопытно прослѣдить за ролью померанскихъ представителей на рейхстагѣ. Нужно замѣтить, что ноябрьскій указъ императора Максимиліана былъ съ большимъ неудовольствіемъ принятъ какъ князьями, такъ и городами Помераніи, и изъ-за этого указа, главнымъ образомъ, явилась необходимость войдти въ сношенія съ императоромъ и курфюрстами. Точное исполненіе императорскаго указа повлекло бы за собою совершенное обѣднѣніе Помераніи, всей ея торговлѣ нанесенъ былъ бы тяжкій ударъ; затѣмъ, какъ скоро Померанія согласилась бы точно выполнить требованіе императора, ей пришлось бы столкнуться съ Швеціей и борьба оказалась бы неравною: шведскому флоту ничего не стоило блокировать берега Помераніи. Всѣ эти соображенія должны бы быть представлены императору. Еще до аугсбургскаго рейхстага въ октябрѣ 1565 года Іоаннъ Фридрихъ посѣтилъ императора въ Вѣнѣ, гдѣ, вѣроятно, поднималъ и вопросъ о сношеніяхъ съ Швеціей, но о переговорахъ его здѣсь мы не имѣемъ данныхъ. Изъ Вѣны Іоаннъ Фридрихъ вмѣстѣ съ императоромъ отправился въ Аугсбургъ. Здѣсь долженъ былъ рѣшиться вопросъ, будетъ ли императоръ въ сѣверной политикѣ своей опираться на Августа саксонскаго, или онъ пойдетъ самостоятельнымъ путемъ. Мы уже знаемъ, что многіе князья не одобряли враждебнаго отношенія Имперіи къ Швеціи, не раздѣляли и взглядовъ Августа на необходимость имперской опалы и экзекуціи противъ Готы. Представители Помераніи должны были убѣдить и князей, и курфюрстовъ еще разъ обратиться къ мирному посредничеству для примиренія обоихъ воевавшихъ государей. Уже предварительные переговоры съ императоромъ померанскихъ представителей показали, какъ мало довѣрія къ нимъ питалъ онъ; виды на отмѣну или смягченіе ноябрьскаго указа были, поэтому, очень сомнительны. 24-го февраля императоръ обратился съ письмомъ къ герцогамъ и выражалъ неудовольствіе по поводу торговыхъ сношеній ихъ подданныхъ съ шведами, которымъ изъ Стральзунда, Грейфсвальдена, Анклама и Штет-

тина доставляютъ и провіантъ, и оружіе. Мало того, въ этихъ городахъ для шведовъ вербуются и наемные кнехты. Императоръ слышалъ, что его указъ 1565 года былъ выслушанъ съ презрѣніемъ въ Стральзундѣ, закиданъ грязью и разорванъ на части. Герцоги должны прекратить такое отношеніе къ указамъ Императора и подвергнуть виновниковъ тяжкому наказанію.

Итакъ, раньше чѣмъ добиваться смягченія императорскаго указа, приходилось оправдываться отъ взведенныхъ на нихъ обвиненій въ crimen laesae maiestatis.

Слухъ о презрительномъ отношеніи Стральзундцевъ къ указу 5-го ноября дошелъ до Максимиліана изъ Любека, что, какъ нельзя лучше, характеризуетъ отношенія Любека къ померанскимъ городамъ. Бургомистръ Стральзунда еще въ Ростокѣ, при свиданіи съ императорскимъ посломъ Гессенштейномъ, опровергалъ обвиненіе, изшедшее изъ Любека. На рейхстагѣ сами герцоги взялись за это. Затѣмъ, они сдѣлали попытку склонить императора смягчить свой указъ, обращали его вниманіе на то, что владѣнія ихъ тянутся по морскому берегу на 40 миль и что защищаться отъ нападеній шведскаго флота для нихъ совершенно не возможно, а они возникнутъ тотчасъ, какъ скоро Помераніи придется буквально выполнить „указъ". Если шведы высадятся на померанскомъ берегу, то герцогамъ нельзя будетъ справиться съ ними, и не ихъ вина, если имъ тогда придется порвать съ Имперіей,—*пророческія слова*, сбывшіяся менѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ [1])!

За герцогами каждый изъ померанскихъ городовъ прислалъ свои отдѣльные отвѣты на февральское письмо къ нимъ императора и требовалъ наказанія дерзкаго „диффаманта". Всѣ города, затѣмъ, съ большимъ единодушіемъ просили императора смягчить для нихъ указъ 5-го ноября, такъ какъ его исполненіе равносильно совершенному обѣднѣнію ихъ.

Однако померанскіе герцоги и города ничего не добились у императора; онъ оставался твердъ въ своемъ рѣшеніи и требовалъ безусловнаго, точнаго исполненія указа. Онъ съ большимъ недовѣріемъ относился ко всѣмъ нейтральнымъ князьямъ и сторонникамъ Швеціи, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ возникъ слухъ о сближеніи его съ Грумбахомъ и Лотарингіей.

Между тѣмъ Эрикъ XIV писалъ герцогамъ, что какъ скоро они

---

1) *Blümcke*, 376.

станутъ выполнять указъ императора, они нарушатъ свой нейтралитетъ. Шведскій король всегда дружески относился къ герцогамъ и городамъ Помераніи, а теперь особенно сталъ ласкать ихъ; такъ, онъ пригласилъ герцоговъ на свадьбу своей сестры Софіи съ Магнусомъ саксонскимъ, городамъ обѣщалъ возвратить конфискованный товаръ ихъ купцовъ. Но рядомъ со всѣмъ этимъ король не скрывалъ, что Померанія совершенно въ его власти. Въ виду успѣховъ шведскаго флота въ 1565 году оказывалось, что указъ императора одна пустая угроза, и его никто не станетъ исполнять. Положеніе Помераніи было очень тяжелое; ее тѣснили съ двухъ сторонъ, и надо сказать, съ сѣвера сильнѣе, чѣмъ съ юга. Эрикъ при малѣйшемъ упорствѣ городовъ грозилъ, что не выпуститъ изъ Швеціи ни одного померанскаго корабля, и напротивъ, если города будутъ продолжать сноситься съ Швеціей, онъ обѣщалъ расширить ихъ привилегіи. Бюргеры приморскихъ городовъ Помераніи уже въ 1566 году, не смотря на недавній указъ, снабжали шведскій флотъ провіантомъ и различными товарами, когда онъ стоялъ въ Грейфсвальденскомъ фарватерѣ.

Въ началѣ 1567 года Любекъ рѣшился обратиться къ Максимиліану II съ просьбою обратить, наконецъ, вниманіе на незаконное стремленіе шведскаго короля сдѣлать Балтійское море своимъ „приватнымъ“ достояніемъ и лишить права плаванія на немъ всѣ остальные народы; силою своею авторитета императоръ могъ-бы положить предѣлъ честолюбивымъ замысламъ шведовъ [1]).

Максимиліанъ соглашался еще разъ обратиться къ воевавшимъ государямъ, призывая ихъ къ участію въ новомъ мирномъ конгрессѣ, назначенномъ на мартъ въ Стральзундѣ; онъ убѣждалъ и Фридриха и Эрика прекратить военныя дѣйствія до окончанія переговоровъ о мирѣ. Въ Стральзундъ съѣхались представители Любека, Брауншвейга, Люнебурга, Гамбурга, Висмара, Ростока, Данцига и Кенигсберга. Но между представителями городовъ царилъ полный разладъ, придти къ какимъ-нибудь общимъ рѣшеніямъ они не могли, и прежде всего отъ другихъ представителей отдѣлились представители прусскихъ городовъ и Брауншвейга. Тутъ пробовали поднять и вопросъ о помощи городовъ противъ турокъ, но города не хотѣли и слышать о новыхъ турецкихъ поборахъ. Вскорѣ Максимиліанъ II долженъ былъ убѣдиться, что среди городовъ не было согласія и относительно нарв-

---

[1]) Берлинскій архивъ.

ствовало бы внутреннему единству и силѣ Франціи, чего Августъ наименѣе желалъ въ виду общихъ интересовъ, связывавшихъ Францію съ Эрнестинской линіей; стать на сторону Пфальца, поддержать на рейхстагѣ Фридриха III было, съ другой стороны, и равносильно размолвкѣ съ вѣнскимъ дворомъ, порывать съ которымъ не входило въ политическую программу Августа; императоръ тотчасъ нарушилъ бы свои дружескія отношенія къ курфюрсту Саксонскому и тогда, гдѣ было ему искать поддержки, помощи противъ Іоанна Фридриха? Трудную дипломатическую игру, ему предстоявшую, Августъ началъ съ того, что по отношенію къ фанатическимъ, ортодоксальнымъ лютеранамъ принялъ сторону пфальцграфа; съ другой стороны, онъ передалъ императору свой голосъ за приговоръ Фридриха III, и декретъ противъ послѣдняго, дѣйствительно, былъ составленъ 14-го мая. Въ награду за это императоръ издалъ строгій указъ противъ Грумбаха и давалъ три мѣсяца срока для выполненія его; кто не исполнитъ воли императора, подвергается имперской опалѣ. Какъ только Августъ достигъ желаемаго указа императора о Грумбахѣ, онъ въ самый кризисъ рейхстага „дезертировалъ“, бѣжалъ. Послы его, не имѣя отъ него никакого полномочія, не могли примкнуть ни къ одному рѣшенію партій и этимъ помѣшали исключенію пфальцграфа изъ имперіи и лишенію его привилегій земскаго мира; этимъ предупредили они и тѣснѣйшее соединеніе Фридриха III съ Іоанномъ Фридрихомъ эрнестинскимъ. Въ это именно время Грумбахъ, злой геній Іоанна Фридриха, какъ его называли, начерталъ смѣлый и своеобразный по своимъ комбинаціямъ планъ: навербовать кнехтовъ на нижнемъ Рейнѣ, въ Вестфаліи, Бранденбургѣ и Помераніи, и съ этими силами одновременно вторгнуться и въ франконскія епископства и въ владѣнія курфюрста саксонскаго. Среди военныхъ дѣйствій Іоаннъ Фридрихъ долженъ былъ явиться въ Виттенбергъ и тамъ возложить на себя курфюрстскую корону. Въ этомъ чисто германскомъ движеніи должны были принять участіе Франція, Швеція и Турція; онѣ вторженіемъ съ запада, сѣвера и востока должны были помочь Іоанну Фридриху побѣдоносно достигнуть Вѣны и тамъ перемѣнить курфюрстскую корону на императорскую. Итакъ, въ виду имѣлась общеевропейская коалиція въ духѣ XVII столѣтія противъ габсбургскаго и альбертинскаго домовъ.

Но вся грандіозная дипломатическая интрига Грумбаха и герцога саксонскаго разбилась о тонкій и расчетливый умъ Августа; она рухнула, какъ карточные проекты; Августъ добился у императора

опальной грамоты на Іоанна Фридриха и самъ взялся привести ее въ исполненіе. Въ началѣ 1567 года подданные Іоанна были освобождены отъ присяги своему государю и присягнули Іоанну Вильгельму, брату Іоанна Фридриха, стороннику императора и курфюрста саксонскаго. Августъ съ желѣзною энергіей взялся за борьбу съ своимъ врагомъ. 14-го апрѣля Гота пала; Іоаннъ Фридрихъ сдѣлался плѣнникомъ курфюрста и въ 30-тилѣтнемъ плѣну окончилъ свою жизнь; Грумбахъ и его сторонники были казнены; казненъ послѣ мучительныхъ допросовъ и агентъ Іоанна Фридриха, попавшійся въ руки датчанъ и переданный Августу. Дрезденъ восторжествовалъ надъ Веймаромъ. Революціонное движеніе въ Германіи было подавлено, авторитетъ габсбургскаго императора возродился; косвенный ударъ нанесенъ былъ и Франціи, охотно поддерживавшей разныя смуты въ имперіи; но, что важнѣе всего для насъ,—готская катастрофа, бывшая торжествомъ для дипломатіи Августа, не осталась безъ вліянія на ходъ сѣверныхъ событій, она явилась фатальнымъ ударомъ и для внѣшней политики Швеціи, дала возможность Даніи всецѣло отдаться борьбѣ съ Эрикомъ, не бояться болѣе новыхъ враждебныхъ диверсій съ юга и смѣло углубляться въ Швецію, нанося пораженіе за пораженіемъ несчастной странѣ, король которой подъ давленіемъ всѣхъ событій этого года впалъ въ умопомѣшательство.

Ноябрьскій указъ императора, закрытіе Зунда, временное запрещеніе нарвскаго плаванія, Гота и торжество Августа—все это моменты, стоявшіе въ тѣсной связи и значительно поколебавшіе положеніе Швеціи. Дѣйствительно, съ этихъ поръ и военныя дѣла шведовъ шли уже не такъ удачно, какъ раньше,—мы отмѣтимъ ходъ ихъ за послѣдніе годы царствованія Эрика XIV,—съ этихъ поръ начинается и движеніе въ пользу плѣненнаго Іоанна. Энергія все еще не покидала короля: на рейхстагѣ 1566 года [1]) онъ обратился къ сословіямъ съ замѣчательною рѣчью, въ которой прежде всего постарался всю вину неудавшихся мирныхъ попытокъ взвалить на датчанъ. Затѣмъ онъ высказалъ мысль, давно созрѣвшую въ немъ,—что вѣчный миръ между Даніей и Швеціей возможенъ только въ томъ случаѣ, если одному народу удастся подчинить себѣ другой. Что эта мысль была справедлива, видно изъ требованій, какія ставила Данія и Швеція. Первая требовала себѣ Эльфсборга и всего Вестерготланда (Верендъ, Маркъ и Киндъ), кромѣ того—всего, чѣмъ

[1]) *Nilsson*, 39 и д.

шведы владѣли въ Ливоніи, и военной контрибуціи. Шведскій король долженъ былъ оставить датскій гербъ, датскій же король сохранялъ право носить всѣ три скандинавскихъ герба, онъ предъявлялъ притязанія на Кальмарскую унію. Самое же несообразное было требованіе—чтобы шведскій король безъ согласія Даніи не могъ заключать договоровъ съ иностранными державами и чтобы союзники Даніи пользовались совершенною свободою на Балтійскомъ морѣ: другими словами Швеція должна была довольствоваться второстепеннымъ значеніемъ на сѣверѣ Европы, быть какъ бы въ политическомъ подчиненіи у Даніи-Норвегіи.

На эти требованія Даніи Эрикъ отвѣчалъ не менѣе дерзкими: Швеціи должны быть уступлены области Блекинге, Герьедаленъ, Іемтлантдъ, Галландъ, Богусъ и Норвежскій заливъ и все, что она завоевала въ Ливоніи; кромѣ того, Эрикъ сохранялъ за собою притязанія на Готландъ, Норвегію и Сконе. Еслибы брачный проектъ съ Ренатою лотарингской увѣнчался успѣхомъ, она принесла бы съ собою въ приданое королю Норвегію, Сконе и Галландъ.

Рейхстагъ склонился къ мнѣнію короля, что войну съ Даніей необходимо продолжать, обѣщалъ помощь для увеличенія флота и войска. Такой же взглядъ высказалъ и рейхстагъ, созванный въ слѣдующемъ году. На немъ рѣшено было вступить въ отдѣльные переговоры съ Любекомъ, обѣщать ему новыя привилегіи и такимъ образомъ склонить его отпасть отъ Даніи и Польши. Нарвское плаваніе король могъ разрѣшить имъ, но за извѣстную пошлину: за корабль съ грузомъ—одинъ розенобель, за корабль безъ груза—одинъ гульденъ; король выговаривалъ себѣ право дѣлать наборы кнехтовъ въ Любекѣ, долженъ былъ добиться отъ этого города, чтобы онъ болѣе не заключалъ договоровъ съ врагами шведской короны, не доставлялъ имъ съѣстныхъ припасовъ, оружія и пр. Нѣмцамъ разрѣшалось безпошлинно торговать въ пяти приморскихъ городахъ Швеціи, шведамъ — въ пяти приморскихъ нѣмецкихъ городахъ; теряли, наконецъ, силу и всѣ долговыя обязательства Швеціи по отношенію къ Любеку, долги же частныхъ лицъ будутъ уплачены городу. Извѣстно, что попытка склонить Любекъ къ отдѣльному миру съ Швеціей не удалась.

Въ началѣ 1566 года шведы изъ Смоланда сдѣлали вторженіе въ Сконе. Они въ третій разъ принялись осаждать пограничную съ Норвегіей крѣпость Богусъ, но и на этотъ разъ не могли взять ее, хотя, казалось, датчане должны были проиграть дѣло: своевременное при-

бытіе свѣжихъ силъ спасло ихъ, и шведы, къ великому огорченію Эрика, должны были отступить. Лѣтомъ Рантцау побѣдоносно прошелъ чрезъ Вестерготландъ, нигдѣ не встрѣчая серьезнаго сопротивленія; оба шведскіе генерала—Морнэ и Hästsko были взяты въ плѣнъ. Послѣдняя попытка штурмомъ занять Гальмстадъ также не удалась Эрику XIV.

Морскія дѣла не представляли за этотъ годъ ничего замѣчательнаго. Фридриху удалось въ 1566 году примириться, наконецъ, съ знаменитымъ Петромъ Оксе, нѣсколько лѣтъ проведшимъ при дворѣ Христины лотарингской; въ его лицѣ Фридрихъ пріобрѣталъ лучшаго финансоваго дѣльца, какого когда либо раньше имѣла Данія. Одинъ историкъ въ увлеченіи назвалъ его датскимъ Сюлли [1]). Переговоры съ этимъ человѣкомъ начались въ сентябрѣ 1565 года; въ апрѣлѣ 1566 года король объявилъ амнистію знаменитому дворянину, который и при дворѣ Христины умѣлъ сохранить полную самостоятельность. Король далъ Оксе въ ленъ Вордингборгъ, а въ началѣ 1567 года назначилъ его штатгальтеромъ Копенгагенскаго замка, а вскорѣ—и рейхсгофмейстеромъ. Мѣры, къ какимъ Оксе прибѣгалъ, были тяжелыя, но онъ сумѣлъ вывести Данію изъ страшнаго кризиса, въ какомъ она находилась. Особенно тяжело приходилось дворянству [2]). Въ Зундѣ Оксе завѣдывалъ таможнею, которая въ 1567 году дала чистаго доходу 560.000 кронъ, тогда какъ въ предыдущемъ году правительство получило всего 175.000. Новый министръ финансовъ въ Даніи далъ Фридриху возможность выстроить нѣсколько новыхъ кораблей и пополнить ряды своего войска [3]). Въ январѣ 1567 года Эрикъ сдѣлалъ новую попытку завладѣть крѣпостями Норвегіи, онъ надѣялся теперь на успѣхъ въ виду того, что отъ одного норвежскаго перебѣжчика узналъ о возникшемъ среди норвежскаго дворянства недовольствѣ Фридрихомъ II. Но радостная для короля вѣсть оказалась ложною, и шведы также мало успѣли въ этомъ году, какъ и во всѣ предыдущіе.

Въ октябрѣ 1567 года Рантцау перешелъ шведскую границу и направился къ Іёнкепингу; движеніе его войска сопряжено было съ большими затрудненіями, въ лѣсахъ шведы имѣли наготовѣ блок-

---

[1]) *Schlegel.*

[2]) *Secher*, 300, 306, 316, 328, 329. На войну до августа 1567 года было израсходовано 89178½ тал. 18½ шил. Ioachim Platen Рантцау, Коп. арх. Lifl. 24 с.

[3]) *Vaupell*, 116—117; *Holberg*, Dänische Reichs Historie, 491.

гаузы, строили засады, срубали лѣсъ, заваливали дороги. Жители Іёнкепинга сами подожгли городъ и окрестность и покинули его; при приближеніи датчанъ сожженъ былъ и Линкёпингъ. Рантцау тщетно искалъ открытаго боя съ шведами: они уклонялись отъ битвы и все глубже отступали вовнутрь страны, внезапными вылазками безпокоя своихъ враговъ. Весь путь отъ Линкёпинга до Норкёпинга былъ обозначенъ пожарами. Сильно пострадалъ отъ датчанъ Сёдеркепингъ, богатый торговый городъ, гдѣ было не мало иностранцевъ. Въ декабрѣ датчане построились лагеремъ въ одной мили отъ Линкёпинга; не получая помощи изъ Даніи Рантцау не рѣшался дальше углубляться во вражескую страну и долженъ былъ отступить. Отступленіе Рантцау было сопряжено съ еще бóльшими затрудненіями, чѣмъ его наступательное движеніе, и шведы говорили, что ни одинъ датчанинъ живымъ не выберется изъ Швеціи; только благодаря удивительной выдержанности, спокойствію и тактическому таланту Рантцау, ему удалось невредимымъ достигнуть датской границы, 10-го февраля 1568 года. Блестящій походъ Рантцау не принесъ Даніи никакой существенной выгоды [1]).

Морскія событія этого года были незначительны. Лѣтомъ 1568 года Эрикъ имѣлъ въ виду лично предпринять походъ въ Сконе, но узналъ, что противъ него поднято цѣлое возстаніе его братьями Іоанномъ и Карломъ.

Неудача военныхъ дѣйствій шведовъ за 1566, 1567 и 1568 годы, казалось, должна была бы содѣйствовать скорѣйшему заключенію мира между шведами и датчанами, между тѣмъ попытки посредниковъ также были тщетны. Первый шагъ сдѣланъ былъ Доротеей, вдовствующей королевой Даніи. Эрикъ отвѣчалъ ей, что онъ своихъ условій не измѣнитъ: Фридриху подѣломъ тяжелыя условія за все то зло, какое онъ причинилъ Швеціи.

Не мало усердія къ примиренію Швеціи съ Даніей приложили французскій дипломатъ Дансэ и императоръ Максиміанъ II. На извѣстномъ намъ уже рейхстагѣ въ Аугсбургѣ, созванномъ на іюнь 1566 г., рѣшено было обсудить и сѣверныя событія.

На немъ снова поднятъ былъ вопросъ о Балтійскихъ событіяхъ [2]).

---

[1]) Ср. для военныхъ дѣйствій *Tidander*, D. Rantzaus Vinterfälttåg i Sverge. 1567—1568. 1886. *Westling*, 372 и д. *Mejborg*, Om Antallet af Skytter i Frederik den Andens Haere, Hist. Tidsskrift, 5 Raekke.

[2]) На этомъ же рейхстагѣ присутствовали и послы герцога мекленбургскаго, требовавшіе освобожденія Христофа изъ польскаго плѣна. *Häberlin*, VI, 345.

Курфюрстскій совѣтъ стоялъ за то, чтобы Любеку возвращены были его прежнія привилегіи на Балтійскомъ морѣ, чтобы нарвское плаваніе было свободнымъ; въ совѣтѣ же князей—почти всѣ были противъ притязаній Любека, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ Даніи и курфюрста саксонскаго, поэтому здѣсь энергично требовали отмѣны указа предыдущаго года. Союзникъ Фридриха II-го въ борьбѣ съ Швеціей, Сигизмундъ польскій раздѣлялъ взгляды курфюрстской коллегіи, пока дѣло шло о запрещеніи сношеній съ Швеціей, но онъ никакъ не могъ одобрить либеральнаго отношенія Августа и императора къ нарвскому плаванію [1]). Сигизмундъ по отношенію къ Россіи держался твердой и опредѣленной политики и не желалъ идти ни на какіе компромиссы. Ради нарвскаго плаванія онъ рѣшился отправить къ императору посла, котораго снабдилъ тремя инструкціями. Въ первой (praescriptum legationis) заключались жалобы на сближеніе, возникшее между гохмейстеромъ и Москвою: они ведутъ оживленные переговоры, и императоръ долженъ былъ бы запретить гохмейстеру сноситься съ варваромъ и схизматикомъ, который съ императорскимъ именемъ и авторитетомъ обращается хуже змѣи и собаки [2]). Если московитъ безъ иноземной помощи успѣлъ столь многаго достигнуть, то чего же можно ожидать, если ему удастся сблизиться съ Европой? Какая будущность предстоитъ Швеціи, Норвегіи и остальнымъ сосѣднимъ христіанскимъ государствамъ, если московитъ достигнетъ господства на всемъ сѣверѣ Европы [3])? Во второй инструкціи, (instructia secretior) Красинскому,—такъ звали польскаго посла,—предстояло объяснить императору, что единственный мотивъ, заставившій польскаго короля вмѣшаться въ ливонскія событія, это—желаніе спасти христіанскій орденъ, притѣсняемый варваромъ-царемъ. На одной Польшѣ лежало все бремя борьбы съ русскими, тогда какъ шведскій король даже сближался съ ними. И Эрикъ, и московскій царь—такіе же тираны,

---

[1]) Еще въ 1564 г. венеціанскій посолъ доносилъ о дружескомъ настроеніи императора по отношенію къ московскому царю: Con il quale S. M. ha frequente comercio e buona intelligenza. *Fiedler*, 314.

[2]) Qui nomen et appellationem Romanam pejus cane et angue aversatur, sibi vero et titulum et coronam imperialem usurpat. *H. Hjärne*, 6 и далѣе—о миссіи Красинскаго.

[3]) Quid erit de Suetia, Norvegia et reliquis vicinis christianis Regnis ac Regionibus, si semel christianorum et catholicorum hominum favore ad augendam ac stabiliendam hanc jam pridem in animo suo designatam septentrionis dominationem niti coeperit?

и трудно рѣшить, кто изъ нихъ жаднѣе, кто безчеловѣчнѣе [1]). Швеція, дѣйствуя противъ Польши, не должна была бы забывать, что она всѣмъ обязана Польшѣ, которая одна поддерживала ея молодую династію.

Третья инструкція (instructio privata) заключала въ себѣ вопросъ о наслѣдствѣ Боны и объ установленіи новыхъ границъ между Польшей и Силезіей. Послѣднее король затѣвалъ съ тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе императора отъ ливонскихъ дѣлъ.

Краснорѣчивые доводы Красинскаго противъ нарвскаго плаванія не могли убѣдить Максимиліана, теперь уже помышлявшаго о томъ, какъ бы поднять значеніе имперскихъ городовъ на Балтійскомъ морѣ, какъ бы вернуть на этомъ морѣ авторитету имперіи подобающее ему значеніе. Максимиліанъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Августа саксонскаго, и польскій король напрасно строилъ надежды на дипломатической опытности своего посла. Императоръ не далъ Красинскому никакого опредѣленнаго отвѣта, самъ же снова обратился къ посредничеству между воевавшими державами. Послѣднее было наименѣе желательно Сигизмунду, который опасался. какъ бы императору не удалось ослабить вліяніе Польши на шведско-датскія событія; онъ хотѣлъ. чтобы только ему одному принадлежала посредническая роль въ сѣверной войнѣ. Между Максимиліаномъ и Сигизмундомъ были еще свои личные счеты: императоръ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на несчастную роль своей сестры, на которой Сигизмундъ былъ женатъ и съ которой хотѣлъ развестись; Максимиліанъ боялся, что съ разводомъ для него исчезнутъ всякія надежды на польскій престолъ послѣ смерти бездѣтнаго Сигизмунда. Какъ только Максимиліанъ дѣлалъ давленіе на Польшу, Сигизмундъ грозилъ ему поддержкою Іоанна Трансильванскаго, лелѣявшаго мечты на венгерскую корону.

Нѣкоторыя основанія для вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши императоръ видѣлъ въ натянутыхъ отношеніяхъ Польши къ Пруссіи и нѣкоторымъ сѣвернымъ нѣмецкимъ князьямъ [2]); судьба Ливоніи, на которую посягала Польша, также оставалась небезъинтересной императору. Сигизмундъ предвидѣлъ сближеніе Имперіи съ Москвою; этотъ союзъ вызывалъ у него наибольшій страхъ, и вотъ онъ старается всякими мѣрами занять императора у него же дома, то подстрекая венгровъ къ возстанію, то грозя императору турками, а чтобъ вознаградить императора за потерю Ливоніи, онъ представ-

[1]) Uter avarior et immanior sit difficile statuere est.

[2]) *Hjärne*, 1—5.

ляетъ ему въ будущемъ возможность занять польскій престолъ: отъ него, Сигизмунда, зависитъ уже теперь подготовить почву для габсбургскаго кандидата. Такимъ образомъ Сигизмундъ старался подѣйствовать на Максимиліана то угрозами, то заманчивыми обѣщаніями. Дипломатическая виртуозность его нигдѣ такъ не обнаружилась, какъ именно въ отношеніяхъ къ Имперіи, но, къ несчастію для Сигизмунда, другой дипломатъ виртуозъ пересиливалъ его вліяніе при вѣнскомъ дворѣ, и Максимиліанъ дѣятельнѣе прежняго сталъ относиться къ судьбамъ сѣверной Европы, въ особенности Любека.

Любопытно прослѣдить за ролью померанскихъ представителей на рейхстагѣ. Нужно замѣтить, что ноябрьскій указъ императора Максимиліана былъ съ большимъ неудовольствіемъ принятъ какъ князьями, такъ и городами Помераніи, и изъ-за этого указа, главнымъ образомъ, явилась необходимость войдти въ сношенія съ императоромъ и курфюрстами. Точное исполненіе императорскаго указа повлекло бы за собою совершенное обѣднѣніе Помераніи, всей ея торговлѣ нанесенъ былъ бы тяжкій ударъ; затѣмъ, какъ скоро Померанія согласилась бы точно выполнить требованіе императора, ей пришлось бы столкнуться съ Швеціей и борьба оказалась бы неравною: шведскому флоту ничего не стоило блокировать берега Помераніи. Всѣ эти соображенія должны бы быть представлены императору. Еще до аугсбургскаго рейхстага въ октябрѣ 1565 года Іоаннъ Фридрихъ посѣтилъ императора въ Вѣнѣ, гдѣ, вѣроятно, поднималъ и вопросъ о сношеніяхъ съ Швеціей, но о переговорахъ его здѣсь мы не имѣемъ данныхъ. Изъ Вѣны Іоаннъ Фридрихъ вмѣстѣ съ императоромъ отправился въ Аугсбургъ. Здѣсь долженъ былъ рѣшиться вопросъ, будетъ ли императоръ въ сѣверной политикѣ своей опираться на Августа саксонскаго, или онъ пойдетъ самостоятельнымъ путемъ. Мы уже знаемъ, что многіе князья не одобряли враждебнаго отношенія Имперіи къ Швеціи, не раздѣляли и взглядовъ Августа на необходимость имперской опалы и экзекуціи противъ Готы. Представители Помераніи должны были убѣдить и князей, и курфюрстовъ еще разъ обратиться къ мирному посредничеству для примиренія обоихъ воевавшихъ государей. Уже предварительные переговоры съ императоромъ померанскихъ представителей показали, какъ мало довѣрія къ нимъ питалъ онъ; виды на отмѣну или смягченіе ноябрьскаго указа были, поэтому, очень сомнительны. 24-го февраля императоръ обратился съ письмомъ къ герцогамъ и выражалъ неудовольствіе по поводу торговыхъ сношеній ихъ подданныхъ съ шведами, которымъ изъ Стральзунда, Грейфсвальдена, Анклама и Штет-

что онъ окруженъ дурными людьми. Стоитъ только установить съ царемъ дружескія отношенія, и отъ него добьешься многаго, чего и ожидать трудно. Всѣмъ извѣстно расположеніе царя къ нѣмцамъ. Каспару Эберфельду онъ далъ порученіе просить у герцога Клевскаго руки его дочери для молодаго царевича; ратъ Мюнстера возсталъ противъ этого, опасаясь вредныхъ отъ этого сближенія послѣдствій для его торговыхъ оборотовъ. Неоднократно слышали изъ устъ царя, что самъ онъ нѣмецкой, баварской крови. Преувеличенность въ разсказахъ о жестокостяхъ царя доказывается слѣдующими фактами: по взятіи Полоцка царь намѣревался двинуться на Вильну и въ Литву, но просьбы православныхъ епископовъ, подвластныхъ Польшѣ, остановили его; онъ не пожелалъ проливать христіанской крови. Съ плѣнными нѣмцами царь обращается всегда очень кротко, такъ 9000 плѣнныхъ ливонцевъ вовсе не проданы въ рабство, какъ утверждали, а разселены по разнымъ городамъ. Не ради утѣхи казнитъ царь, а только въ силу необходимости. Таковы были мнѣнія, высказанныя Крумгаузеномъ и Писспингомъ и подтвержденныя другими нѣмцами, жившими въ Москвѣ. Если оптимизмъ ихъ и наложилъ печать на все донесеніе, то все-таки всѣ эти любекскіе и другіе купцы, подолгу проживавшіе въ Москвѣ и близко знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, могли правильнѣе, справедливѣе и безпристрастнѣе оцѣнить дѣятельность Іоанна уже въ силу того, что они не принадлежали ни къ какой партіи.

Еще болѣе любопытныя данныя о „могучемъ царѣ“ находимъ мы въ донесеніяхъ и письмахъ Veit Seng'а. Онъ прожилъ весь 1567 годъ въ Любекѣ и слышалъ, что многіе изъ любекскихъ купцовъ и ратмановъ сожалѣютъ о сдѣланной ими 18 лѣтъ назадъ ошибкѣ, когда Шлитте направлялся съ своими „учителями“ въ Москву, сожалѣютъ, что въ продолженіе многихъ лѣтъ мѣшали сношеніямъ русскихъ съ Европой; они убѣдились, что каперская система ихъ нерѣдко наносила наибольшій вредъ имъ самимъ; нерѣдко усердные пираты безъ разбора захватывали всѣ на пути попадавшіеся корабли, и случалось, что отъ нихъ терпѣли дружественныя державы. Такъ было въ 1566 году съ Москвою. Намѣстникъ царя въ Нарвѣ Григорій Ивановичъ Заболоцкій (Zaboletzki)[1]) обратился 29-го апрѣля къ любекскому рату съ жалобою на то, что одинъ купецъ Арентъ фонъ-Деденъ, снабженный паспортомъ царскаго намѣстника, на пути своемъ изъ Нарвы въ Лю-

[1]) Houetmann vnd Beuelhebber Grigorij Iohanson Zaboletzkj.

бекъ, былъ захваченъ любекскими каперами, конфисковавшими весь его товаръ. Заболоцкій требовалъ у рата вознагражденія за причиненные царскому торговому агенту убытки. Не получивъ отвѣта на первое письмо свое, Заболоцкій написалъ вмѣстѣ съ Григоріемъ Васильевичемъ Путятинымъ второе письмо съ рѣшительнымъ требованіемъ освободить Дедена; они указывали рату, что любекскіе каперы самовольно захватываютъ всѣхъ торговцевъ, которыхъ они заподозривали въ торговыхъ сношеніяхъ со шведами [1]). Такъ было съ Іеронимомъ Линденбергомъ, заключеннымъ потому только, что Любекъ утверждалъ, что онъ тайно провозилъ въ Швецію селитру и др. товары; и это не смотря на то, что Захарій Фелингъ, уполномоченный датскаго короля въ Нарвѣ, писалъ рату, что Линденбергъ вовсе не имѣлъ въ виду ѣхать въ Швецію и отъ своего имени требовалъ освобожденія его. Линденбергъ самъ поклялся предъ ратомъ, что у него не было намѣренія ѣхать въ Швецію. Любекскій ратъ стоялъ на своемъ, основываясь на нѣсколькихъ перехваченныхъ письмахъ Линденберга въ Стральзундъ, въ которыхъ онъ самъ говоритъ о своемъ желаніи проникнуть въ Швецію. Любекскій ратъ отвѣчалъ на этотъ разъ намѣстникамъ царя и mutatis mutandis царю. Іоаннъ Грозный, узнавъ всѣ обстоятельства дѣла, потребовалъ, чтобы Линденберга, буде онъ виновенъ, судили въ Нарвѣ [2]).

Такой случай, какъ съ Деденомъ и Линденбергомъ и под. не могли остаться безъ вліянія на отношенія царя къ Любеку, и мы дошли теперь до того момента, когда Любекъ самъ вызывается дать русскимъ удовлетвореніе, сожалѣя о своихъ опрометчивыхъ дѣйствіяхъ. Сенгъ съ большимъ краснорѣчіемъ и увлеченіемъ доказывалъ, что дѣло еще не потеряно, только бы императоръ заключилъ прочный миръ съ царемъ. Многіе при императорскомъ дворѣ, какъ графъ Гаррахъ и др., не сочувствовали взглядамъ Сенга, Крумгаузена и др., говорили, что то, что было возможно два десятилѣтія назадъ, теперь уже совсѣмъ не достижимо; они подвергали сильному сомнѣнію искренность царя по отношенію къ императору, не вѣрили, чтобы царь, какъ утверждалъ Сенгъ, дѣйствительно имѣлъ въ виду сблизиться съ императоромъ, скрѣпить свою дружбу съ нимъ договоромъ; царь—

---

[1]) Люб. арх. Miscellaneorum Russicorum, Volumen II. Russischen Promotorialen wegen Andreas von Deden weggenommenen Schippes. 1566.

[2]) Acta Hieronymi Luneburg (Lindenbergh) Burgers zu Narua Bestrickung betreffend, der sich fur einen Russischen Freibeuter ausgegeben 1566.

тиранъ, онъ врагъ христіанъ и ждать отъ него помощи противъ турокъ—пустая мечта.

Такія возраженія, говорилъ Сенгъ любекскому рату, доказываютъ только одно,—что люди, выступающіе съ ними, и не дальновидны, и весьма неопытны.

Сенгъ желаетъ возстановить истину и представить всѣ отношенія при московскомъ дворѣ въ неискаженномъ свѣтѣ; онъ обѣщаетъ опираться на мнѣнія такихъ людей, которые уже извѣстны своею правдивостью и, кромѣ того, хорошо знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи; Сенгъ каждаго изъ таковыхъ подробно объ всемъ разспрашивалъ и внимательно выслушивалъ.

Сомнѣваться въ искреннемъ желаніи царя быть въ союзѣ съ императоромъ—нѣтъ никакихъ основаній; царь желаетъ находиться съ настоящимъ императоромъ въ такихъ же добрыхъ отношеніяхъ, въ какихъ былъ съ его отцомъ, свидѣтельствомъ чего можетъ служить письмо его къ Фердинанду отъ 1561 года. Сомнѣнія о матеріальныхъ средствахъ московскаго государя не можетъ быть никакого, такъ что выставить, напримѣръ, 30.000 человѣкъ или дать значительную денежную помощь императору никогда не затруднило бы его. Населеніе русскаго государства громадно; въ походахъ царя съ нимъ бываетъ рѣдко менѣе 200.000 человѣкъ; такъ, напримѣръ, отправляясь на Полоцкъ, воеводы имѣли два отряда конницы въ 7.000 и 12.000 человѣкъ, затѣмъ три отряда въ 12.000, 20.000 и 14.000 человѣкъ; за этими силами слѣдовалъ самъ царь во главѣ 40.000 коннаго войска, такъ что въ общей сложности конница равнялась 105.000. За царскимъ войскомъ слѣдовало 26.000 стрѣлковъ и неисчислимые отряды пѣхотинцевъ. Царь везъ съ собою 250 пушекъ, изъ которыхъ нѣкоторые были небывало большихъ размѣровъ. 40.000 крестьянъ несли стѣнобитныя машины и мѣшки съ землею. Царь заимствовалъ эти машины изъ Саксоніи, ими Августъ осаждалъ Готу. Если царь для осады одного города поднималъ такія силы, то что̀ стоило ему доставить императору 30.000 человѣкъ? Необходимо также помнить, что воины московскаго царя по общему свидѣтельству прекрасно дисциплинированы, опытны въ бояхъ, нагляднѣйшей иллюстраціей чего могутъ служить успѣшные походы русскихъ на татаръ казанскихъ и астраханскихъ, осада Полоцка, гдѣ 40.000 литовцевъ съ 26 пушками ничего не могли съ ними подѣлать. Что касается до денежныхъ средствъ царя, то ихъ у него больше, чѣмъ у всѣхъ нѣмецкихъ князей вмѣстѣ взятыхъ. Достаточно вспомнить громадные торговые

обороты русскихъ съ ливонскими, прусскими, ганзейскими и любекскими купцами, чтобы составить себѣ понятіе о доходахъ русскаго государства; деньги съ вывозимыхъ товаровъ—сала, конопли, хлопка, мѣховъ, кожъ сырыхъ и отдѣланныхъ, смолы, шерсти, цѣнныхъ мѣховъ (собольихъ, бобровыхъ, куньихъ)—идутъ въ царскую казну. Другой источникъ доходовъ—это несчетное количество податей и налоговъ. Денегъ у царя большое изобиліе; а громадныя сокровища, скрытыя въ монастыряхъ? Они одни превышаютъ сумму, какая императору требуется для турецкой войны.

Что касается до характера царя, то и Сенгъ выставляетъ его далеко не такимъ, какимъ онъ являлся въ другихъ современныхъ донесеніяхъ; царь не тиранъ, не кровопійца, ему противно проливать христіанскую кровь, онъ не мстителенъ, мягко обходится съ плѣнными. доказательствомъ чему служитъ его обхожденіе съ Фюрстенбергомъ: онъ далъ ему кусокъ земли, доходами съ которой тотъ могъ честно прожить остатокъ дней своихъ. А его милостивое отношеніе къ польскимъ плѣнникамъ послѣ паденія Полоцка: онъ почти всѣхъ ихъ отпустилъ домой, мало того,—онъ подарилъ имъ по нѣсколько золотыхъ, далъ имъ собольи мѣха.

Далѣе слѣдуетъ самое слабое мѣсто донесенія; оно касается религіозныхъ воззрѣній Іоанна Грознаго: царь обнаруживаетъ въ религіозныхъ вопросахъ много знанія и пониманія; человѣкъ глубоко вѣрующій, онъ много читаетъ и охотно ведетъ диспуты на догматическія и религіозныя темы; стараніями царя явился русскій переводъ библіи, и приближенные его теперь гораздо болѣе свѣдущи въ религіозныхъ таинствахъ, нежели прежде. Царь любитъ съ ливонскими плѣнными касаться и вопросовъ церковныхъ, разбирать различіе православія отъ католичества, *серьезно думаетъ о соединеніи церквей.*

Дали-ли Сенгъ, Крумгаузенъ, Либенауеръ и др. себѣ трудъ подумать, что̀ ожидаетъ протестантскій міръ, какъ скоро московскій царь приметъ католичество и въ союзѣ съ Римомъ станетъ содѣйствовать успѣхамъ католической реакціи; стѣсненные съ двухъ сторонъ протестанты погибли бы, борьба съ Римомъ и *вторымъ* Римомъ оказалась бы имъ не подъ силу.

А вѣдь и Сенгъ, и Крумгаузенъ, и другіе сторонники мирныхъ отношеній къ Москвѣ были почти всѣ протестанты, откуда это восторженное отношеніе къ соединенію православной церкви съ католической? И политическія, и религіозныя соображенія отступали у нихъ на второй планъ передъ торговыми выгодами; какъ настоящіе коммерсанты,

представители крупныхъ торговыхъ фирмъ приносили въ жертву интересамъ чисто коммерческимъ всѣ другіе.

Въ заключеніе Сенгъ констатировалъ искреннее желаніе царя находиться въ дружбѣ со всѣми европейскими государями; царь охотно и давно оставилъ бы въ покоѣ ливонцевъ, еслибы они сами не вызывали его на войну. Царь неоднократно призывалъ Бога въ свидѣтели своего миролюбія и отвращенія къ кровопролитію; онъ ничего такъ не желаетъ, какъ посредничества императора въ борьбѣ его съ Польшей; самъ онъ неоднократно обращался къ Польшѣ съ заявленіями своего миролюбія, но никогда не встрѣчалъ въ королѣ сочувствія. Питая отвращеніе къ войнамъ и кровопролитію, царь могъ бы служить примѣромъ всѣмъ католическимъ государямъ, нерѣдко безъ существенныхъ основаній начинающимъ между собою ссору, легко переходящую въ войну. Это, конечно, еще въ большей степени должно бы относиться къ протестантскимъ государствамъ, среди которыхъ, дѣйствительно, смуты и войны возникали изъ-за самыхъ мелкихъ вѣроисповѣдныхъ различій.

Миръ и дружба съ такимъ государемъ, какъ московскій царь, принесли бы Имперіи—какъ явствуетъ изъ всего вышеизложеннаго—великую пользу. Императоръ долженъ бы имѣть въ Москвѣ постояннаго посла, завязать съ Москвою почтовое сообщеніе, пожаловать царю орденъ, на что въ годъ потребовалось бы 1.042.262 талера, полагая послу и его свитѣ въ годъ 28.334 талера.

Ордена царь до сихъ поръ не домогался, но безъ сомнѣнія приметъ его съ большимъ удовольствіемъ; царь готовъ и съ своей стороны имѣть при вѣнскомъ дворѣ постояннаго посла, о чемъ неоднократно заявлялъ иностранцамъ, жившимъ въ Москвѣ.

Посломъ царя долженъ, конечно, быть нѣмецъ, одинаково хорошо знакомый какъ съ состояніемъ и нуждами Имперіи, такъ и Московскаго государства.

Противъ учрежденія постоянной почты между своимъ государствомъ и Имперіей царь никогда не станетъ возражать. Онъ согласится также послать молодыхъ людей въ европейскія школы, что всего болѣе сблизитъ его подданныхъ съ западомъ, такимъ путемъ образованіе мало по малу проникнетъ во всѣ слои общества его государства и распространится быстро. Давно уже царь мечталъ породниться съ императоромъ и теперь, имѣя взрослаго сына и дочь, онъ не измѣнилъ этому желанію, напротивъ,—онъ желаетъ также и дочерей своихъ бояръ выдать за иностранцевъ.

А русскія дѣвицы, кстати замѣтить, всѣхъ превосходятъ красотою и не имѣютъ себѣ подобныхъ.

Царю, какъ могущественному государю, тяжело быть отрѣзаннымъ отъ общенія съ западомъ и видѣть, какъ вся русская торговля сдѣлалась монополіей ливонцевъ, ганзейцевъ и пруссаковъ, вообще нѣмцевъ. Вначалѣ царь питалъ, было, къ нѣмцамъ нѣкоторый страхъ, хотѣлъ отъ нихъ путемъ договоровъ добиться какого-нибудь торговаго пункта на Балтійскомъ морѣ, но не могъ ничего достигнуть; видя, что ливонцы ведутъ междоусобныя войны, что императоръ предоставилъ ихъ самимъ себѣ и не обращаетъ на судьбу своей колоніи никакого вниманія, что даже среди имперскихъ князей не было ни единства, ни пониманія общей пользы, что князья возстаютъ противъ своего главы, постоянно воюютъ другъ съ другомъ,—видя все это, царь уже съ пренебреженіемъ сталъ относиться къ нѣмцамъ, страхъ къ ливонцамъ смѣнился ненавистью, и онъ рѣшительно началъ войну съ ними и силою захватилъ себѣ Нарву, за которою вскорѣ палъ и Дерптъ. Четырехъ епископскихъ совѣтниковъ онъ взялъ въ плѣнъ: Каспара фонъ Эберфельда, который вскорѣ удостоился большаго довѣрія царя и присутствовалъ при всѣхъ его совѣщаніяхъ съ боярами; Адріана Кальба, также заслужившаго любовь царя, Эйлерта Краусса (Крузе) и Ганса Таубе, хорошо содержавшихся въ Москвѣ, но далеко не пользовавшихся такимъ расположеніемъ царя и такимъ значеніемъ, какъ первые два. Со взятіемъ Нарвы начались торговыя сношенія русскихъ съ иностранными государствами, Франціей, Нидерландами и другими, съ каждымъ днемъ выростала торговая опытность русскихъ; съ каждымъ днемъ усиливалось развитіе ихъ, расширялись свѣдѣнія; это объясняется даровитостью русскихъ, ихъ необыкновенною воспріимчивостью, тѣмъ, что они все быстро усваиваютъ. Имъ достаточно разъ показать какое-нибудь дѣло, чтобы они тотчасъ усвоили его, переняли пріемы и т. д. Въ виду этого-то царь не сталъ уже болѣе искать сближенія съ нѣмцами. Настала пора, когда *нѣмцы сами должны добиваться дружбы съ русскими*. Царь не можетъ забыть оскорбленія, нанесеннаго ему, когда изъ особеннаго расположенія къ нѣмцамъ онъ обратился къ императору съ просьбою прислать въ Россію всякихъ ученыхъ мужей и мастеровъ, которыхъ, не смотря на согласіе, данное императоромъ, задержали на пути ихъ и не пропустили въ Россію. Нѣмцы тогда забыли, что царь могъ съ такою точно просьбою обратиться къ другимъ государямъ Европы, къ Франціи, Англіи, Шотландіи и Нидерландамъ—и,

сдѣлалъ же этого только изъ любви къ нѣмцамъ, торговцы отъ которыхъ пріѣзжали въ Россію съ солью, винами, пряностями, пивомъ, полотномъ и шелковыми тканями. Ошибку, сдѣланную нѣмцами при Кардѣ V, еще можно исправить, такъ какъ въ душѣ *царь до сихъ поръ остается расположеннымъ къ нѣмцамъ*, продолжаетъ интересоваться ими, справляется у Эберфельда и другихъ объ обычаяхъ ихъ, нравахъ и пр., и весьма внимательно выслушиваетъ ихъ разсказы, заключающіе въ себѣ большія похвалы нѣмецкой націи. Нѣтъ поэтому никакого основанія думать, чтобы царь ужъ окончательно рѣшилъ порвать съ нѣмцами; онъ и теперь щадитъ ихъ, не допускаетъ надъ ними никакого насилія и, какъ извѣстно, заставилъ митрополита заплатить 60.000 рублей штрафа за то, что тотъ хотѣлъ насильно заставить одного нѣмца перейдти въ православіе; царь все еще помышляетъ о родственныхъ сближеніяхъ русскихъ съ нѣмцами.

Ceterum censeo Сенга и другихъ коммерсантовъ касалось необходимости посольства къ царю. Чтобы оно не показалось страннымъ, неожиданнымъ, можно такимъ образомъ объяснить мотивъ его: избранный въ императоры и просматривая акты предшествующаго царствованія, онъ, императоръ, напалъ на слѣды дипломатическихъ сношеній его отца съ Россіей и видя, что дѣло сближенія съ Россіей осталось не выполненнымъ только по винѣ нѣкоторыхъ недоброжелателей, не смотря на великую важность его для Германіи, императоръ рѣшился для чести и пользы всего христіанства привести въ исполненіе это благое намѣреніе своего предшественника: онъ съ великимъ удовольствіемъ принимаетъ союзъ, предложенный царемъ Фердинанду I, радуется возможности дружескаго сближенія съ нимъ, предвидитъ успѣшность борьбы съ невѣрными, когда о бокъ съ имперскими войсками станутъ и стройные ряды московской конницы. Императоръ хорошо сдѣлаетъ, если съ участіемъ отнесется къ успѣхамъ московскаго оружія, напишетъ царю, какую радость онъ испытывалъ, когда слышалъ о великихъ побѣдахъ, дарованныхъ ему Богомъ надъ татарами и желаетъ ему въ будущемъ побѣдъ надъ невѣрными. Какъ друга и брата, проситъ императоръ царя открыть ему свои намѣренія относительно союза Москвы съ Имперіей, проситъ прислать къ нему своихъ пословъ для переговоровъ. Еслибы первое посольство не успѣло склонить царя къ участію въ анти-турецкой лигѣ, то слѣдовало бы немедленно отправить второе отъ имени императора и герцога баварскаго, котораго царь цѣнитъ больше другихъ нѣмецкихъ князей, къ нему онъ питаетъ наибольшее довѣ-

ріе. Важно было бы и участіе въ посольствѣ Любека, который пользуется въ глазахъ царя большимъ значеніемъ, какъ городъ, въ своихъ исключительно рукахъ сосредоточившій всю нарвскую торговлю.

Любопытны наставленія, какія Сенгъ даетъ посламъ, наставленія, детально разбирающія ихъ поведеніе, поступки, рѣчи, подарки и т. д.

Посламъ прежде всего слѣдуетъ откровенно разсказать о цѣли своей миссіи, иначе они дадутъ поводъ къ подозрительному къ нимъ отношенію, вызовутъ разные нелѣпые слухи и т. д. Во главѣ посольства должны стоять люди свѣдущіе и знатные, достойные выполнить великую задачу, на нихъ возложенную; главному изъ нихъ, генералъ-гофмейстеру, остальные должны повиноваться; все дѣло должно вестись чинно, что̀ очень цѣнится у русскихъ и послужитъ на пользу репутаціи императора и герцога баварскаго. Извѣстно, что ливонцы потеряли въ глазахъ московитовъ всякое уваженіе именно вслѣдствіе своихъ дурно организованныхъ, безпорядочныхъ посольствъ. Недавно еще гохмейстеръ отправилъ въ Москву пословъ, которые шесть недѣль провели на пути изъ Нарвы въ Москву въ пьянствѣ и разгулѣ, растративъ большую сумму денегъ. Въ Россіи пьянство считается величайшимъ порокомъ и пить пиво и медъ разрѣшается только въ большіе праздники; не удивительно, что въ Москвѣ съ насмѣшкой говорили о рыцаряхъ, основавшихъ орденъ, пребываніе въ которомъ обусловливается обильнымъ питьемъ. Послы должны быть во всемъ осторожны и осмотрительны, не позволять себѣ насмѣшливыхъ отношеній къ религіознымъ церемоніямъ русскихъ, не говорить о нихъ легкомысленно, шутливо, а если что ихъ и поразитъ, то обойдти молчаніемъ. Къ своей одеждѣ послы также должны отнестись повнимательнѣе, позаботливѣе, запастись богатыми атласными и дамасовыми платьями, снабдить приличнымъ одѣяніемъ слугъ; на послахъ должны быть черныя платья. Пусть послы также не забудутъ привести царю какой-нибудь цѣнный, дотолѣ въ Москвѣ невиданный подарокъ; для совѣтниковъ царскихъ надо имѣть съ собою золотыя цѣпи новой формы и образца.

Если императоръ гарантируетъ подданнымъ царя свободныя сношенія съ Западной Европой, купцамъ же его безпрепятственную торговлю безъ посредничества ливонцевъ, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что царь согласится уступить ему Ливонію. Главная, основная причина гнѣва царя на ливонцевъ и заключалась въ систематическихъ преградахъ, какія они ставили сношеніямъ его подданныхъ съ Европой. Это, между прочимъ, засвидѣтельствовано Христофомъ Шиффе-

ромъ, 16 лѣтъ жившимъ при ливонскомъ орденѣ; и онъ не разъ говорилъ, что еслибы только съ самого начала не препятствовали желанію царя сноситься съ Европейскими государствами, Лифляндія никогда не впала бы въ такое состояніе, въ какомъ она теперь находится.

Заключительныя слова Сенга были: величайшаго наказанія заслуживаютъ тѣ государственные люди, которые до такой степени неразумны и слѣпы, что не видятъ великой пользы для Имперіи отъ сношеній съ русскими и продолжаютъ настаивать на рядѣ положеній, совершенно несостоятельныхъ. Они вбили себѣ въ голову мысли (opinion), съ которыми трудно бороться.

Новый проектъ крупныхъ торговыхъ фирмъ Германіи о необходимости политическаго и родственнаго сближенія Габсбургской имперіи съ Московскимъ государствомъ долженъ былъ своею новизною многихъ поразить. Если прежде во имя блага всего христіанства взывали къ оружію противъ московита, то теперь во имя того же блага взываютъ къ миру съ нимъ, къ тѣснѣйшему единенію, родству. Московскій царь—то тормазъ мира, то всесокрушающій гуннъ, варваръ,—вдругъ преобразовывается въ мягкаго, поддающагося культурѣ монарха, все честолюбіе котораго состояло въ единственномъ желаніи войдти въ непосредственныя сношенія съ Европой. Какой крутой поворотъ! Присматриваясь внимательнѣе къ замѣчательнымъ донесеніямъ Крумгаузена и Сенга, слѣдуетъ отмѣтить въ нихъ двѣ стороны: положительную и фантастическую. Очень великую услугу оказали авторы донесеній Европѣ, представивъ ей въ истинномъ, лишь нѣсколько оптимистическомъ, освѣщеніи какъ царя, такъ и его подданныхъ; очень мѣтко подчеркнули они всѣ выгоды сближенія съ нимъ Имперіи, указали на то, какъ остальныя европейскія государства наперерывъ одно предъ другимъ стремились утвердить съ ней торговыя сношенія и сдѣлали такимъ образомъ нѣмцевъ ненужными царю и его подданнымъ; въ ихъ проектѣ исходная мысль—миръ съ Москвою и сохраненіе ливонскаго побережья за Германіей. Фантастическій элементъ разобранныхъ донесеній вошелъ въ нихъ въ слишкомъ большой дозѣ, чтобы склонить всѣхъ принять заключавшійся въ нихъ проектъ. Прежде всего—неизбѣжный и вѣчно наружу выплывающій вопросъ о соединеніи церквей, или, вѣрнѣе, о подчиненіи восточной церкви западной. Что папы и ихъ іезуитская фаланга тѣшили свою фантазію возможностью реально осуществить эту идею, еще понятно и простительно; но что протестантскіе купцы могли останавливаться на этомъ,—очень странно и объяс-

няется развѣ только тѣмъ, что Іоаннъ сумѣлъ обмануть ихъ, какъ онъ впослѣдствіи сдѣлалъ съ опытнымъ іезуитомъ—отцомъ Поссевиномъ, и въ душѣ склонный къ миру съ императоромъ, высказалъ готовность къ церковной уніи, надѣясь этимъ сильнѣе повліять на вѣнскій кабинетъ. Мечта о турецкой войнѣ также должна быть относима къ фантастической части проекта. Уже слишкомъ дорого цѣнили Сенгъ и другіе нѣмцы свободныя сношенія Россіи съ Европой; за право пользоваться ими московскій царь долженъ былъ выставить противъ турокъ 30.000 конницы, дать императору значительную денежную помощь и—что всего удивительнѣе—отказаться отъ Ливоніи, отъ всѣхъ своихъ завоеваній, стоившихъ тысячи жизней и милліоновъ денегъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ возраженіи Гарраха была своя доля истины: что было возможно 18 лѣтъ назадъ,—теперь уже стало неосуществимымъ. Если Іоаннъ Грозный, блестяще выполнивъ свою задачу на востокѣ, удовольствовался бы сначала только правомъ свободныхъ сношеній съ Европой, то теперь, когда въ его рукахъ были Нарва, Дерптъ, Феллинъ и другіе пункты Ливоніи, когда въ его нарвскую гавань приходили корабли со всѣхъ европейскихъ торговыхъ рынковъ, когда онъ былъ обезпеченъ дружбою обоихъ скандинавскихъ государей,—теперь прежняя скромность требованій сама собою исчезала; теперь Балтійское море кромѣ торговаго значенія пріобрѣтало въ его глазахъ и политическое значеніе; вопросъ шелъ теперь не о правѣ свободныхъ сношеній съ Европой, а объ участіи въ борьбѣ изъ за „dominium maris Balthici“, объ утвержденіи русскаго вліянія на восточномъ побережьѣ этого моря. Вопросъ шелъ о томъ, быть или нѣтъ Россіи морскою державою.

Проектъ Сенга, Крумгаузена и др. произвелъ сенсацію; онъ вызывалъ на всѣхъ „тагахъ“ толки и пересуды, онъ оживилъ вялыхъ нѣмецкихъ князей; теперь только и говорили о посольствѣ въ Москву.

Своей цѣли Сенгъ и его единомышленники достигли только на половину: до союза имперіи съ Москвою дѣло не дошло, за то оставлена была и мысль о войнѣ съ нею; если прежде Ливоніи мало помогали, то теперь и вовсе охладѣли къ ней, что рельефнѣе выступитъ изъ разбора рейхстаговъ и другихъ собраній въ послѣдніе полтора десятилѣтія Ливонской борьбы.

Изъ нѣмецкихъ князей всего сочувственнѣе къ сближенію съ Россіей отнесся Альбрехтъ баварскій. Онъ писалъ императору, что находитъ весьма цѣлесообразнымъ союзъ Имперіи съ Россіей въ виду турокъ; императору, по мнѣнію Альбрехта, не слѣдуетъ обращать

вниманія на Польшу и другія государства, не одобряющія союза съ Москвою (solches nit so gar gern sehen mochten), а, напротивъ, поддерживать сношенія съ могущественнымъ восточнымъ государемъ [1]). Такого же мнѣнія былъ и Фридрихъ датскій, дѣла котораго въ Ливоніи находились въ крайнемъ положеніи; только въ союзѣ съ Россіей представлялась возможность возстановить свое значеніе на востокѣ Балтійскаго моря. Ни для кого сближеніе или, вѣрнѣе. примиреніе Имперіи съ Россіей не представлялось столь опаснымъ, нежелательнымъ и неестественнымъ, какъ Польшѣ и Швеціи, когда въ послѣдней воцарился Іоаннъ III, родственникъ Сигизмунда II.

Эрикъ XIV въ душѣ одобрялъ сближеніе съ Россіей: въ послѣдніе годы своего царствованія между нимъ и Грознымъ завязываются очень оживленныя сношенія. Имъ мы предпошлемъ обзоръ Ливонскихъ событій съ 1564 года, намѣренно оставленныхъ нами до момента, когда, казалось, союзъ Москвы съ Швеціей противъ Польши изъ области мечтаній переходилъ въ дѣйствительность.

1564-й годъ не былъ счастливымъ для русскихъ въ Ливоніи; вторгнувшись въ предѣлы Ливоніи съ большими силами, въ сопровожденіи трехъ татарскихъ князей, получившихъ отъ царя право подчинить себѣ всѣ земли, какія удастся завоевать у поляковъ, русскіе потерпѣли два значительныхъ пораженія—при Улѣ (26 января) и при Оршѣ (7 февраля); въ первой битвѣ у русскихъ было 40.000 человѣкъ; Шуйскій, командовавшій ими, погибъ, трое остальныхъ воеводъ попались въ плѣнъ вмѣстѣ съ 1.000 русскими. Послѣ пораженія при Оршѣ русскіе бѣжали къ Смоленску; недостатокъ войска помѣшалъ Радзивиллу преслѣдовать ихъ дальше. Сигизмундъ II Августъ, узнавши о пораженіяхъ русскихъ, плакалъ отъ радости и умиленія, устраивалъ религіозныя шествія и пр. Въ западную Европу вѣсти о польскихъ побѣдахъ пришли въ самой преувеличенной редакціи; такъ, въ одномъ письмѣ, адресованномъ къ Гранвеллѣ, говорится, что русскихъ пало болѣе 10.000 чел., не считая тѣхъ, которые изъ страха сами утопились; въ плѣнъ взято было до 3.000 [2]), главный воевода въ отчаяніи утопился. Нѣсколько умѣреннѣе были извѣстія. приходившія изъ Данцига; въ нихъ мы находимъ небольшую подробность о 3.000 возахъ съ провіантомъ и оружіемъ, отнятыхъ поляками у русскихъ [3]).

---

[1]) Мюнх. арх. Альбрехтъ Максимиліану, 21 іюня 1566.

[2]) Papiers d'état du Card. de Granvelle, VII, 456. Cp. State Papers, For. series, 1870, №№ 606 и 654. ср. № 656.

[3]). Данц. арх.

Вѣроятно, неудачи, понесенныя русскими въ борьбѣ съ поляками, побудили Іоанна Грознаго держаться оборонительнаго образа дѣйствій въ продолженіе всей второй половины года [1]). Если припомнимъ, что къ этому году относится и бѣгство Курбскаго, то мы поймемъ стараніе Грознаго скрѣпить свои отношенія, по крайней мѣрѣ, съ Скандинавскими государствами. Мысль о скандинавско-московской лигѣ противъ Польши занимала не одного Іоанна; она могла бы быть осуществлена, еслибы не счеты обоихъ сѣверныхъ королей, Эрика и Фридриха II. Для Швеціи также ничего не представлялось столь желательнымъ, какъ сближеніе съ Москвою противъ Сигизмунда. Въ маѣ Эрикъ отправилъ пословъ въ Москву. Онъ желалъ заключить съ царемъ болѣе продолжительный миръ и окончательно установить границы между шведскими и русскими владѣніями въ Ливоніи. Ожидая со стороны русскихъ упрека относительно нарвской торговли и военныхъ дѣйствій противъ датчанъ (Магнуса) [2]), Эрикъ велѣлъ своимъ посламъ на первый пунктъ отвѣтить, что король въ виду своей борьбы съ Любекомъ вынужденъ запереть его торговцамъ путь въ Нарву; относительно же Магнуса слѣдовало сказать, что шведское правительство рѣшилось вторгнуться въ его владѣнія въ отместку за то, что датчане сдѣлали нападеніе на шведскія границы.

Іоаннъ Грозный не принялъ, однако, самъ шведскихъ пословъ, а поручилъ выслушать ихъ своему новгородскому, псковскому и ливонскому воеводѣ — Михаилу Морозову. Переговоры его съ шведскими послами привели къ заключенію семилѣтняго перемирія, съ 21-го ноября 1564 года по 21-е ноября 1571 года. За Швеціей признавалось право владѣнія Ревелемъ, Перновомъ, Виттенштейномъ и Каркусомъ. Шведы и русскіе должны были пользоваться свободою торговли, первые въ владѣніяхъ царя, вторые во владѣніяхъ шведскаго короля [3]).

---

[1]) Совершенно особнякомъ стоитъ извѣстіе изъ Кракова (Флор. арх.), отъ 31 іюля: московскій царь рѣшился выстроить крѣпость на польской границѣ, для чего отправилъ туда 20.000 всадниковъ и всѣ нужные матеріалы. Но навстрѣчу имъ вышло 10.000 польскихъ всадниковъ, которымъ удалось смѣлымъ напоромъ разбить московитовъ, половина коихъ пала, другая—бѣжала. Поляки преслѣдовали ихъ за московскія границы и все по дорогѣ предавали огню и мечу. Добыча поляковъ очень значительна.

[2]) Въ 1564 году Эрикъ далъ Юргену Искулю 4000 талеровъ, чтобы навербовать въ Германіи кнехтовъ и съ ними вторгнуться въ владѣнія Магнуса, дабы изгнать послѣдняго изъ Вика и Эзеля. Свое содѣйствіе Эрику обѣщала Марія графиня баденская, сестра его. *Lossius*, I, 72.

[3]) *Th. Annerstedt*, 15; *Richter*, *II*, 1, 18.

Актъ ноябрьскаго перемирія остался, однако, не ратификованнымъ; Эрикъ XIV, узнавши содержаніе его, хотѣлъ внести въ него нѣкоторыя измѣненія, вошелъ даже по этому случаю въ переписку съ царемъ. Онъ старался склонить послѣдняго къ наступательному договору противъ Польши, Даніи и Любека; затѣмъ, Эрикъ настаивалъ на исключеніи изъ перемирнаго акта параграфа, запрещавшаго ему дѣлать новыя завоеванія въ Ливоніи; не могъ онъ допустить и нарвскаго плаванія. Въ виду нѣкотораго разногласія между обоими государствами, они черезъ два года вступаютъ въ новые переговоры, сохраняя фактически видимо мирныя отношенія. Въ началѣ слѣдующаго, 1565 года, шведамъ принадлежали: Ревель, Виттенштейнъ, Гаррія и Jerwen, Перновъ и Каркусъ, Викъ, Леаль и Гапсаль, другими словами — средняя и западная часть Эстляндіи и сѣверо-западный уголъ Лифляндіи. Съ востока и юго-востока эти земли были открыты русскимъ, но вслѣдствіе перемирія съ ними Швеція могла быть съ этой стороны совершенно спокойна. Перновъ служилъ на югѣ оплотомъ противъ Польши, только Каркусъ былъ открытъ для нападенія полякамъ. 1565-й годъ ознаменованъ въ Ливоніи, главнымъ образомъ, интригами шведовъ противъ датчанъ и обратно и борьбою Польши съ Швеціей. Были также и столкновенія между русскими и поляками-литовцами [1]), но всѣ они были довольно незначительны; при Смоленскѣ русскіе разбили литовцевъ, взяли въ плѣнъ 3.020 человѣкъ, пожгли посадъ и многихъ побили [2]). Кетлеръ сдѣлалъ попытку наступательнаго движенія, но неудачно; въ декабрѣ онъ явился въ виду Дерпта, но, простоявши здѣсь 50 дней, долженъ былъ отступить, „не сотворивши городомъ и людемъ государевымъ зла ничтожъ"; русскіе преслѣдовали нѣмцевъ и многихъ взяли въ плѣнъ [3]). Датчане надѣялись вызвать столкновеніе русскихъ со шведами, но это имъ не удалось, не смотря на цѣлый рядъ дипломатическихъ интригъ, пущенныхъ ими въ ходъ [4]). Такъ, въ Нарвѣ датчане распускали слухъ

[1]) Имъ помогали татары; см. Фелингъ Фридриху II, 13 января 1565 (Акты, № 24, а): поляки вооружили противъ русскихъ татаръ; захвативъ въ плѣнъ сына татарскаго хана, они послали сказать хану, что отпустятъ его сына, какъ скоро онъ поможетъ имъ противъ русскихъ; въ противномъ же случаѣ они предадутъ его такой пыткѣ, о которой всѣ заговорятъ. Ханъ исполнилъ волю польскаго короля, вторгся въ Московскіе предѣлы; царь бѣжалъ въ Бѣлоозеро.

[2]) Симб. сб. XIV, 15.

[3]) Львов. Лѣт., V, 305.

[4]) Въ 1564 году вышла брошюрка „Bellum Livonicum anno 1564", насквозь проникнутая анти-шведской тенденціей. Цѣль брошюрки видна изъ полнаго загла-

о русско-польскомъ сближеніи противъ Швеціи, чѣмъ надѣялись вселить раздоры между Эрикомъ и царемъ. Агентъ Фридриха II въ Нарвѣ, извѣстный намъ уже Фелингъ, обнадеживалъ своего государя скорою размолвкою Московскаго и Стокгольмскаго дворовъ; 5-го іюня онъ писалъ королю: осенью ожидаютъ вторженія русскихъ въ шведскія владѣнія со стороны Ивангорода; русскіе ставятъ шведамъ два условія, при которыхъ они только согласны заключить съ ними миръ, 1) чтобы нарвская торговля была безпрепятственно открыта всѣмъ Европейцамъ и 2) чтобы шведы возвратили всѣ захваченные ими на пути къ Нарвѣ корабли. Шведы терпятъ большой недостатокъ въ селитрѣ, порохѣ и оружіи и ищутъ примиренія съ русскими только для того, чтобы получать отъ нихъ и то, и другое, и согласны за это уступить русскимъ нѣкоторые пункты на финляндскихъ и карельскихъ границахъ. Прослышавши объ этомъ онъ, Фелингъ, тайно отправилъ въ Москву одного датчанина, который долженъ былъ убѣдить царскихъ совѣтниковъ, какъ важно для ихъ государя продолжать дружескія сношенія съ Даніей, не помогать врагамъ ея и не придавать никакой вѣры словамъ и увѣреніямъ шведскаго правительства. Посланецъ Фелинга узналъ, что царь медлилъ отвѣтомъ на мирныя предложенія Эрика XIV, зная его критическое положеніе и готовился осенью напасть на шведскія земли; что послы, отправленные царемъ въ Швецію, все еще пребываютъ въ Дерптѣ. Сообщая обо всемъ этомъ Фридриху II, Фелингъ опасается, нѣтъ-ли во всемъ этомъ замедленіи, какъ и во всемъ поведеніи русскихъ, какихъ-либо коварныхъ замысловъ по отношенію къ Даніи, не думаютъ ли они нечаяннымъ вторженіемъ захватить Гаррію и Вирландъ. Русскимъ это будетъ легко, такъ какъ они съ необыкновеннымъ мастерствомъ умѣютъ склонять ливонцевъ на свою сторону; ищущихъ у нихъ защиты они богато одариваютъ, подвозятъ имъ съѣстные припасы, словомъ хитро и умѣло заманиваютъ ихъ въ свои сѣти; къ шведамъ, напротивъ того, ливонцы, не питаютъ никакого довѣрія, они удивля-

---

вія ея: Kurtzer gegrundeter vnnd warhaftiger Bericht deren hendel vnd gescheffte, so sich zeyt dieses werenden Moscowiterischen Krigs zwischen der K. W. zu Schweden vnd dem herren Meystern zu Lyfflandt zugetragen, darauss sich klerlichen befindet, mitt wass unfug, unbilligkeit vnd unrechten, auss eyteler unzimlicher begirlickeit ihre regirung weytt zu erstrecken, die K. W. zu Schweden den unnottigen und algemeyner christenheit hocbst geferlichen und vorterblichen krigk unvorursachten unvorsehens (gegen) die K. M. zu Polen etc. jemmerlichen angefangen vnd biss daher nicht ohne bludsturtzunge gefuret. *Hildebrand*, 67—68.

ются, что шведы помимо желанія бюргеровъ укрѣпляютъ Ревель, возмущаются тѣмъ, что они захватили Перновъ, сожгли укрѣпленія Виттенштейна и переселили его гражданъ въ Ревель [1]).

Изъ ожидавшагося датчанами разрыва Швеціи съ Россіей ничего не вышло; перемиріе соблюдалось обѣими сторонами, и Эрикъ XIV могъ направить все свое вниманіе на поляковъ.

Всѣ враждебныя дѣйствія шведовъ и поляковъ сосредоточивались у Пернова [2]). Въ апрѣлѣ 1565 года этотъ городъ былъ взятъ измѣною у шведовъ рейтерами герцога курляндскаго; утвердившись здѣсь, они стали дѣлать нападенія на Ревель [3]), но были отбиты съ большимъ урономъ; вскорѣ и Перновъ былъ очищенъ отъ Кетлеровыхъ всадниковъ. Въ началѣ мая поляки приступили къ правильной осадѣ этого спорнаго пункта; шесть недѣль длилась осада, и 9-го іюня городъ сдался полякамъ. Ливонскій историкъ, при изложеніи этого событія прибавляетъ одно любопытное извѣстіе, что русскіе, прослышавъ объ измѣнѣ нѣмцевъ шведамъ въ Перновѣ, рѣшились выселить въ Москву всѣхъ остававшихся въ Дерптѣ нѣмцевъ.

Переходъ Пернова въ руки поляковъ—фактъ самъ по себѣ незначительный—долженъ, тѣмъ не менѣе, быть выдвинутъ, такъ какъ въ немъ враги шведовъ усматривали важнѣйшій операціонный пунктъ для дальнѣйшихъ вторженій въ шведскія владѣнія. Какъ таковой—Перновъ и былъ дорогъ какъ Кетлеру, такъ и польскому военачальнику Каспару Ольденбокуму; первый, стремясь изгнать шведовъ изъ всѣхъ занятыхъ ими пунктовъ въ Ливоніи, дѣйствовалъ исключительно въ видахъ и интересахъ династическихъ, второй—главнымъ образомъ изъ желанія мщенія; оба они были воодушевлены одною мыслью—образовать, создать изъ Ливоніи самостоятельное территоріальное герцогство подъ польскимъ протекторатомъ [4]). Перновъ обезпечивалъ за ними тылъ, и они съ большею смѣлостью могли теперь отважиться на борьбу съ шведами. Изъ Пернова Ольденбокумъ также сдѣлалъ попытку захватить Ревель, но онъ былъ смертельно раненъ;

---

[1]) Копенг. архивъ. Наши *акты и письма*, № 24, в., стр. 51.

[2]) Ср. для военныхъ событій этого года — *Chytraeus*, 623; *Henning*, 248, *Fabricius*, 478; *Hjärn*, 258; *Tegel*, 159 и дал., *Celsius*, 206—257; *Russow*, 136 и дал., *Renner*, 352.

[3]) Nach deme der Hertzogh zur Churlandt neben wehr Lifflendern die Stadt Bernow vnd entlichen das Schloss auch erobert, das solch kriegs volck vortgerucht vmb Reuall zuberennen.

[4]) Ср. *Lossius*, II, 99.

съ его смертью погасла послѣдняя надежда Кетлера и польской партіи, палъ послѣдній рыцарь страны, а съ нимъ сошли въ могилу и всѣ планы, всѣ честолюбивые замыслы курляндскаго герцога [1]).

Дальнѣйшія столкновенія шведовъ съ поляками не имѣли серьезныхъ послѣдствій. Эрикъ XIV далъ своимъ военачальникамъ приказаніе вернуть Перновъ, но въ 1565 году всѣ попытки шведовъ были отбиты, они опустошали лишь мѣстность около Пернова, высадились на Эзель и тамъ произвели сильныя опустошенія, съ Аренсбурга взяли большую военную контрибуцію и вернулись съ значительной добычей домой. Любопытно, что два извѣстныхъ кондотьери—братья Фаренсбахъ—подписали еще въ началѣ 1565 года реверсъ, которымъ обязывались передать герцога Магнуса въ руки Шведскаго короля [2]).

Эрику вообще удалось склонить на свою сторону не малое число такъ называемыхъ Hofleute,—особые отряды, ферейны изъ обѣднѣвшихъ и раззорившихся дворянъ; потерявши все, они отдались военному дѣлу, какъ наиболѣе выгодному ремеслу. Отдѣльные отряды Hofleute служили и у польскаго правительства, и у датскаго; имѣлъ ихъ при себѣ и Магнусъ, но вслѣдствіе недостатка денегъ онъ не могъ такъ аккуратно выплачивать жалованье и они попереходили всѣ къ шведамъ. Въ началѣ 1564 года Эрикъ издалъ особые статуты или артикулы для нѣмецкихъ гофлейтовъ, въ которыхъ имъ предписывалось соблюдать дисциплину, повиноваться начальникамъ, не дезертировать, не производить смутъ, не переходить на службу къ другимъ государямъ, не заключать съ ними договоровъ, не приносить въ лагерь ложныхъ вѣстей, покупать провіантъ только въ заранѣе для этого назначенныхъ пунктахъ, не нарушать перемирій; всѣ должны довольствоваться своимъ жалованьемъ и не требовать лишняго; за каждое нарушеніе дисциплины слѣдуетъ смертная казнь. Въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ устраивается судъ изъ нѣмцевъ и шведовъ. По взятіи какого-нибудь города слѣдовало ожидать приказанія начальника, а безъ таковаго не грабить, не жечь, не убивать. Захваченное при штурмахъ оружіе, провіантъ, военные сняряды принадлежатъ королю; за каждаго плѣннаго наемники получали особую, добавочную награду. Еслибы король оказался въ опасности, всѣ гофлейты должны были поспѣшить къ нему на помощь и не жалѣя жизни защи-

[1]) Ibid., II, 103.

[2]) Ихъ звали Класъ Адеркассъ и Отто Гильсенъ; ср. *Lossius*, I, 68, на основаніи „Fickel“sches Archiv.

щать его. Возстающіе противъ начальства, нарушающіе свои клятвы, оскорбляющіе женщинъ—предаются смертной казни [1]).

Mäns Ille съ 9 кораблями долженъ былъ со стороны моря опустошать эзельскіе и курляндскіе берега [2]). Въ виду слуховъ о несогласіяхъ между ревельскимъ ратомъ и Горномъ поляки не покидали мысли захватить Ревель. Шиферъ писалъ Фридриху II, что у польскаго воеводы Ласскаго 3.000 конницы и 2.000 пѣхоты, и совѣтовалъ королю воспользоваться кризисомъ, наступившимъ въ городѣ [3]), двинуть къ рейду его свой флотъ и съ значительными военными силами высадиться въ городѣ: утвердиться въ немъ теперь легче, чѣмъ когда либо и не будетъ стоить большихъ трудовъ. Поляками же всѣ недовольны и имъ ревельцы не отдадутся; не оказывая никому дѣятельной помощи, наемныя войска Сигизмунда II-го только жгли, грабили и уводили въ плѣнъ жителей; всего болѣе натерпѣлся отъ поляковъ Викенскій округъ [4]).

Фридрихъ II не рѣшился послѣдовать совѣту Шифера, онъ боялся разбрасывать свои силы, боялся сразу дѣйствовать на два фронта и продолжалъ держаться въ Ливоніи оборонительной политики; на царя онъ никогда не могъ съ твердостью надѣяться, такъ какъ тотъ исключительно преслѣдовалъ свои личныя выгоды и не желалъ давать перевѣса въ Ливоніи ни шведамъ, ни датчанамъ; между тѣмъ агенты короля постоянно указывали ему на Іоанна Грознаго, отношенія котораго къ Швеціи они не могли считать вполнѣ твердыми. Въ концѣ 1565 года снова пошли толки о вторженіи русскихъ въ Финляндію; царь, дѣйствительно, былъ недоволенъ тѣмъ, что въ Швеціи такъ

---

[1]) *Hansen*, 149—154.

[2]) Копенг. арх. Heinrich von Wulff an Herloff Trollen, 12 іюля, говоритъ, что владѣнія Магнуса, zur jegenwehr weinig oder gar nichts stafieret.

[3]) Das nun alle sachen mit Schweden und der Stadt Reuall in missuerstandt vnd feindtlicher zuuersicht stehenn.

[4]) Christoff Schiefer Фридриху II, 2 іюля 1565, Данцигъ. Ср. Vnnderthenigste Anndtwortt uff die Werbung so jme Nhamen vnnd von wegen des... Konig Friderich II zu Denemark durch Zachariassenn Vheling der Rechtenn Doctorn Capittell Rethenn vnnd Ritterschafftenn der Stifft Ozell vnnd Wick geburlicg andtwortt... Dass durch demselben Polnischenn schutz leider biss daher weinig beschafft oder fruchtbarlichs ausgerichtett, sonndern dass der mehr uff Raub, Nahm vnnd Verfhurung der armenn Leuth, dann das die vestenn mitt ernst gemeinett und beengstigt werden solttenn, befundenn, dann wie jemmerlich die Wieck diessenn Krieg uber, durch das Polnische kriegsuolck verwüstet, verherett, verdorbenn vnnd uff diesen letztenn zug jnn die etzlich hundertt Personen mitt Weib vnnd Kindern verfhurett wordenn.

долго задерживали его посла, не отпускали его домой; озабоченный и самъ слухами о недовольствѣ Москвы шведскимъ правительствомъ, Эрикъ XIV отправилъ въ Москву Ганса Ларссона, который отъ его, Эрика, имени долженъ былъ извиниться предъ царемъ. [1]) Московская гроза миновала.

Въ началѣ 1566 года (февраль) Эрикъ XIV обратился къ Горну съ цѣлымъ рядомъ приказаній относительно укрѣпленія Ревеля; онъ велѣлъ спѣшить окончаніемъ работъ, совѣтовалъ для этого нанять большее число рабочихъ рукъ, для уплаты за которыя воспользоваться податными деньгами изъ Боргосской области; нѣмецкихъ кнехтовъ король также велѣлъ удалить, такъ какъ они своимъ дурнымъ поведеніемъ только тормозили успѣхъ шведовъ [2]).

Зимою 1566 года, въ концѣ января, Горнъ осадилъ Перновъ. съ 700 рейтеровъ и 500 пѣхотинцевъ. Онъ позаботился прежде всего о занятіи всѣхъ дорогъ, ведущихъ въ городъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ подвозъ въ городъ съѣстныхъ припасовъ. Городъ защищался отрядомъ въ 400 рейтеровъ; къ нимъ Польскій король прислалъ на помощь 2.000 человѣкъ, которые должны были отвлечь шведовъ отъ осады [3]).

Осада Пернова продолжалась 7 недѣль, и въ концѣ концовъ шведы вслѣдствіе неимѣнія артиллеріи должны были оставить ее. Любопытно, что Эрикъ, узнавши о безуспѣшной осадѣ Пернова, обратился съ письмомъ къ Грозному, въ которомъ побуждалъ его сдѣлать вторженіе въ Рижскую область, дабы этимъ отвлечь вниманіе поляковъ отъ Эстляндіи. Это письмо короля было перехвачено поляками. Оставивъ осаду Пернова Горнъ перешелъ на Эзель, гдѣ шведы производили страшныя опустошенія, превосходившія все, что до сихъ поръ дѣлали русскіе [4]). Для Эзельцевъ этотъ походъ былъ тѣмъ неожиданнѣе, что они до этого просили Горна заключить съ ними перемиріе. Аренс-

---

[1]) *Silverstolpe*, 6—7.

[2]) *Silverstolpe*, Kong. Kansliets Diarium öfuer ingångna skrifuelser 1566. Historiska Handlingar, VIII, 3.

[3]) Данцигскій архивъ, Acta Intern., IX. Vol. 17. *Tegel*, 243. Польша сносилась въ это время съ татарами, убѣждая Крымскаго хана вторгнуться въ Россію съ юга. Данц. арх. IX. Vol. 17.

[4]) Капитулъ Эзеля Магнусу, Arnsburch, Donnerstag nach Reminiscere. Копенг. арх. Liflandt, 16: hat sich dieser (шведъ) viel schwerer vntreglicher vnd schedtlicher dan jenner (московитъ) erzeigt. О польской дружбѣ: Sie hat vns weinich erfreulichess mit gebracht.

бургъ, нѣсколько оправившійся, благодаря заботамъ о немъ Магнуса, былъ сожженъ, при чемъ въ плѣнъ взято было много дворянъ; съ большою добычей шведы отступили и заключились въ крѣпостяхъ, боясь открытой встрѣчи съ поляками, прибывшими на помощь Пернову. Перваго марта они были уже у города Лоде; число ихъ было 2.400 чел. Опустошивши область Викена, поляки отступили. Христофору фонъ-Валькендорфу удалось отнять у шведовъ островъ Дагё, который и оставался нѣкоторое время въ его рукахъ [1]). Положеніе Валькендорфа было здѣсь очень затруднительно, такъ что онъ обращался даже за помощью къ Данцигу. Шведы, говорилъ онъ въ письмѣ къ бургомистрамъ города, впродолженіе всей зимы дѣлали вторженія на Эзель, жгли тутъ села и деревни, грабили и убивали жителей. Такъ какъ лѣтомъ ожидается новое вторженіе ихъ, то Валькендорфъ и просилъ Данцигскій ратъ прислать ему стрѣлковъ и кнехтовъ и позволить дѣлать наборы кнехтовъ въ предѣлахъ города [2]).

Успѣшныя дѣйствія поляковъ были парализованы смертью ихъ капитана Каспара фонъ-Ольденбокума; между остальными начальниками ихъ возникли раздоры (unrichtigkeiten vnnd widerwillen) и, ничего не успѣвъ противъ шведовъ, они отступили. Шведы преслѣдовали ихъ до Пернова, страшно опустошивши всю мѣстность и сжегши попадавшіяся имъ на встрѣчу села и деревни. 19-го февраля датчане заперлись въ своихъ крѣпостяхъ, избѣгая встрѣчи со шведами. Все бѣжало отъ ихъ ярости. Весь путь шведовъ до Гапсаля былъ обозначенъ трупами и останками выгорѣвшихъ деревень. Датчане писали къ своему королю, что безъ помощи отъ него они не въ силахъ будутъ устоять противъ многочисленныхъ враговъ. Все воинство Аренсбурга обратилось также къ королю за помощью, раздавались жалобы на небывалую дороговизну, на недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и т. д. Иллюстраціей ихъ донесенію служилъ перечень цѣнъ на различные съѣстные продукты, какъ масло, рыбы, сало, горохъ [3]). Кетлеръ ожидалъ высадки шведскихъ войскъ въ Курляндіи или Пруссіи [4]).

Не могли и шведы быть довольны своими дѣйствіями; среди ихъ

---

[1]) *Busse*, 37. *Gadebusch*, II, 81.

[2]) Данцигскій архивъ, Urkunden Sammlung, XCV. B. 122. 22220. Eine antzal Krieges vnnd Bossleut, auch etzliche Schutzenn und Bossleuthe zu bestellen.

[3]) Копенг. арх. Лифляндія 16. Suplication der samptlichen kriegsleute an Kön. Fr. II.

[4]) *Gadebusch*, II, 83.

войскъ начались заразныя болѣзни, жертвою которыхъ пало 100 человѣкъ [1]). Конецъ 1566 года и начало слѣдующаго были ознаменованы рядомъ болѣе или менѣе крупныхъ стычекъ между шведами и поляками, шведами и Магнусовыми кнехтами. Опустошительные набѣги поляковъ доходили до Ревеля.

Русскіе въ 1566 году заняты были опустошеніемъ мѣстностей у Вейссенштейна; они дѣйствовали за одно съ шведами противъ поляковъ, напримѣръ, когда поляки, съ Полобенцкимъ во главѣ, сдѣлали попытку захватить Каркусъ. Воевода Везенбергскій предлагалъ также помощь Генриху Классону Горну [2]). Когда Эрикъ узналъ объ этомъ, то онъ совѣтовалъ Классону не пренебрегать этимъ предложеніемъ. Что помощь предложена искренно—король не сомнѣвается, такъ какъ въ интересахъ русскихъ какъ можно болѣе вредить полякамъ; пускать-же воеводу въ шведскія крѣпости король не совѣтовалъ [3]).

Къ концу года самъ Сигизмундъ II рѣшился принять участіе въ походѣ. Изъ Маркова онъ отправился въ Любетчево. Въ его отсутствіи Магнусъ, желавшій въ виду неудачъ противъ шведовъ тѣснѣе сблизиться съ Польшей, прислалъ въ Польшу пословъ—просить руки Анны, сестры короля [4]); въ приданое онъ требовалъ уступки себѣ всей Ливоніи. Такъ какъ короля въ Польшѣ не было, то переговоры сами собою прекратились [5]). Все вооруженіе короля—съ насмѣшкою замѣчаютъ Данцигскіе послы — состояло въ ломотѣ въ правой рукѣ и ногѣ [6]). Въ февралѣ 1568 года король уже вернулся, истративъ много денегъ, опустошивши страну, но не выигравши у враговъ ни одной битвы [7]). Если дѣйствія поляковъ и увѣнчивались когда-нибудь успѣхомъ, то этотъ успѣхъ, какъ-бы незначителенъ онъ ни былъ, праздновался съ торжественностью, подходящей только къ крупнымъ военнымъ побѣдамъ. Такъ Ходкѣвичу, одержавшему незначительную побѣду надъ шведами и везшему съ собою нѣсколько шведскихъ

---

[1]) *Silverstolpe*, 40. *Fabricius*, 478. *Renner*, 353.

[2]) *Silverstolpe*, 54 и 55.

[3]) *Silverstolpe*, 101. Московскій царь убѣждалъ шведскихъ купцовъ доставлять ему всю мѣдь, идущую изъ Швеціи; въ случаѣ несогласія послѣднихъ — грозилъ изгнать всѣхъ шведовъ изъ Нарвы.

[4]) Das Frewlein von Poln zubesehenn.

[5]) *Busse*, 39.

[6]) ...Mit aller rüstung, selber aber keine rüstung angehabt, als der die gicht in den rechten arm und schenckel wiederumb bekommen.

[7]) Gross gelt hat man verthan, das land verheret, vnnd nichts dabei ausgerichtet.

плѣнныхъ, устроили тріумфальную встрѣчу на подобіе тріумфовъ древне-римскихъ консуловъ. Военныя силы короля были слишкомъ незначительны, чтобы справиться и съ шведами, и съ русскими. У него не оказалось и одной трети тѣхъ силъ, о которыхъ поляки повсюду хвастали. Такъ вмѣсто 170.000 литовскаго войска оказалось всего 20.000; вмѣсто 200.000 польскаго—2.400 человѣкъ [1]). Если, при такой слабости и нерѣшительности польскаго короля, русскіе не возьмутъ Вильны, пишутъ изъ Польши послы Данцига, то жители этого города должны ликовать, ибо никогда дѣла его не обстояли такъ плачевно, какъ теперь. „Поляки должны теперь убѣдиться, что на несмазанныхъ колесахъ далеко не уѣдешь" [2]). Сигизмундъ II сталъ даже сожалѣть о томъ, что началъ борьбу и съ Швеціей: два врага были ему не подъ силу. Энергія его такъ ослабѣла, что онъ готовъ былъ на всякія условія мира какъ со шведами, такъ и съ русскими, чтобъ только раздѣлаться съ войною. Свидѣтели придворной польской жизни—данцигскіе послы въ своихъ донесеніяхъ пишутъ, что въ королевствѣ никто о войнѣ не думаетъ; всѣ тамъ болѣе склонны къ свадебнымъ пиршествамъ, нежели къ военнымъ дѣйствіямъ; громкихъ словъ и обѣщаній тѣмъ не менѣе не жалѣютъ, выполненія же ихъ надо безконечно долго ждать; сборы затягиваютъ, правительственныя лица весело себѣ проживаютъ въ своихъ помѣстьяхъ или при дворѣ, а враги въ это время все дальше и дальше распространяютъ свои завоеванія [3]).

Въ продолженіе 1567 года характеръ военныхъ дѣйствій русскихъ чисто оборонительный; какъ русскіе, такъ и поляки вели войну уже не съ прежней рѣшительностью и страстностью; въ Польшѣ—все было поглощено еще нерѣшеннымъ вопросомъ о литовской уніи, въ Москвѣ, быть можетъ, опричники слишкомъ отвлекали Іоанна. Среди тогдашнихъ дипломатовъ говорили, что польскій король еще разъ намѣренъ самъ повести войска противъ русскихъ, что у него наготовѣ 50.000

---

[1]) Ist weit von 200.000—замѣчаетъ данцигскій посолъ.

[2]) Wer nicht schmiret, wirdt nicht alzuweit fahren konnen.

[3]) Данцигскій архивъ. Missivi, 1567, IX, vol. IX. Dan dis Volck wehre viel bereiter zur hochzeit dan jn den Krieg zuziehenn. Ihr M. stellet sich wol als wehr es lauter ernst, so doch wenig oder nichts dahindenn ist". „Nun wehrenn die wort woll gutt, wen etwas jn der that erfolgen wolt, vnd da man etwas thun wolt, wehre es hoch zeit, das man anfinge"... „Darnach machen wir vns fein seuberlich zu vnd bleibenn zu hause".

человѣкъ, но что шляхта энергично возстаетъ противъ войны, что между польскими и литовскими вельможами крупныя несогласія: послѣдніе жалуются, что вся тяжесть войны до сихъ поръ ложилась на нихъ [1]). Успѣхамъ Польши мѣшали и несогласія, возникшія въ Ригѣ между населеніемъ и польской администраціею. Извѣстны попытки Магнуса склонить въ виду этого Ригу на свою сторону. Въ началѣ года шведы разбивали поляковъ, но вскорѣ и сами проиграли одну значительную битву при Рунаферѣ [2]). Сигизмундъ склонялъ Фридриха II и Магнуса къ войнѣ съ московскимъ тиранномъ; онъ радовался успѣхамъ ихъ противъ шведовъ, но отъ этого ему было мало пользы, такъ какъ главный врагъ его, московскій царь, для Лифляндіи былъ гораздо болѣе опасенъ нежели Эрикъ XIV [3]). Сигизмундъ, по его словамъ, совершенно не постигалъ, какъ могли Фридрихъ и братъ его заключить съ царемъ мирный договоръ.

Въ 1567 году между Москвою и Польшей возникли переговоры о мирѣ. Русскіе послы предъявляли Польшѣ слѣдующія требованія—уступить Россіи Вильну, Ковну и другіе города Литвы и Самогитіи, которые по смерти короля также должны отдаться московскому царю. Королю царь согласенъ вернуть Полоцкъ со всѣмъ его богатствомъ и другіе города, покоренные имъ въ Лифляндіи, но съ условіемъ, чтобы по смерти короля и они отошли къ Москвѣ. Русскихъ пословъ очень долго задерживали въ Польшѣ; данцигскіе послы говорятъ, что главною причиною неудачныхъ переговоровъ съ царскими послами надо считать безхарактерность и нерѣшительность польскаго короля; что онъ не имѣлъ серьезнаго на-

---

[1]) См. Акты № 44, стр. 119. Ср. *Haustmann*, Ueber die angebliche Belagerung Riga's im 1567. Въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Est, Liv- und Kurland, 1880.

[2]) *Hjärn*, 262 и д.; ему *буквально слѣдуетъ Тегель*, 244. Ср. *Gadebusch*, II, 94.

[3]) Копенг Арх., Lifl. Responsum S. R. Mtis Poloniae, Datum Jllustrissimo Principi Mrgno Duci Holsatiae. 21 Nou. 1567. Quod bellum cum sibi non aduersus Suedum modo, sed etiam multo magis multoque acrius aduersus Moschum sit gerendum quod (?) Moscus quam Suecus infinitis gradibus potentior atque etiam Liuoniae Provinciae infestior atque atrocior hostit et existat et habeat. Illustritatj autem Suae non minus quam Serenissimo ipsi Regi Daniae... foedera interim cum Moscho solennia intercedant. Idcirco nulla ratione videre potest Maiestas eius quo admodum in eo bello opera Ill-tis Suae et Duce (?) uti posset cuj cum altero hoste Maiestatis ejus atque eo multo grauiore dimicare et religione foederis fas non est, cuius sane hostis tanta sibi ratione Ill. habendam esse ducit, ut ne hic quidem in hoc apparatu bellico M-tj ejus adesse voluerit, ne quis vid., in sinistra apud nos opinione incurrere videret.

мѣренія заключать мира, замѣчали и сами русскіе. Дѣйствительно, ведя переговоры съ московскими послами Сигизмундъ одновременно искалъ союзниковъ противъ Іоанна Грознаго, старался поднять противъ него прусскаго герцога и съ этою цѣлью отправилъ своихъ пословъ въ Кенигсбергъ. Герцогъ не могъ однако дать королю отвѣта, не узнавши предварительно мнѣнія сословій и только обѣщалъ созвать представителей ихъ для обсужденія предложеннаго вопроса.

Сигизмундъ снова помышлялъ о личномъ участіи въ войнѣ съ Россіей, хотя первый опытъ и оказался столь плачевнымъ, въ Польшѣ и Литвѣ приготовлялись къ новому походу противъ русскихъ.

Въ это именно время Эрикъ XIV снарядилъ посольство къ Іоанну Грозному съ тѣмъ, чтобы добиться права безпрепятственно продолжать военныя дѣйствія противъ Польши, магистра и ливонцевъ и удержать въ своей власти все завоеванное, затѣмъ права дѣлать нападенія на нѣмцевъ. подъ которыми разумѣлись торговые люди Любека, и, наконецъ. права возвратить Христофу Мекленбургскому тѣ города, какими онъ владѣлъ. когда отдался Швеціи, а именно Лемсаль, Трейденъ, Кремонъ, Даленъ, Роопъ, Гогроссенъ, Салисъ и Вайнсель. Шведскіе послы должны были въ самыхъ унизительныхъ и раболѣпныхъ выраженіяхъ благодарить царя за честь, оказанную имъ королю, что выразилось въ допущеніи шведскихъ пословъ къ личнымъ переговорамъ съ царемъ, и сказать царю, что король выше цѣнитъ дружбу съ нимъ, чѣмъ съ какимъ бы то ни было другимъ христіанскимъ государемъ. Что касается до просьбы царя [1]) выдать ему жену герцога Финляндскаго, то король готовъ сдѣлать по желанію царя все, что̀ только не будетъ въ противорѣчіи съ его совѣстью. Теперь же исполнить желаніе царя невозможно, потому что Іоаннъ, братъ короля, еще живъ; царь, столь свѣдущій въ священномъ писаніи, долженъ знать. что люди безсильны расторгнуть то, что Богъ соединилъ. Какъ скоро Іоаннъ умретъ, король тотчасъ исполнитъ желаніе царя. И теперь онъ готовъ содѣйствовать желанію царя, на сколько это будетъ согласоваться съ Божескими законами. Королю хотѣлось бы также знать, съ какою цѣлью царь добивается уступки ему Екатерины; не надѣется ли онъ этимъ путемъ

---

[1]) Любопытно, что Elofsson (Paralipomena)—современникъ этихъ событій (онъ былъ секретаремъ Эрика), говоритъ, что Эрикъ первый предложилъ Грозному выдать ему Екатерину „въ подарокъ“. Къ сожалѣнію ни одинъ современникъ не подтверждаетъ этого; придавать вѣру Elofson'у въ данномъ случаѣ нельзя. Онъ писалъ свои замѣтки въ 1599 году.

добиться мира у Польши, или достигнуть территоріальныхъ уступокъ со стороны Сигизмунда II Августа. Король со своей стороны согласенъ, еслибы таково было желаніе царя, соединиться съ нимъ противъ Польши и напасть на послѣдняго со стороны моря и съ суши; онъ готовъ не заключать съ Польшей отдѣльнаго мира безъ желанія царя. Далѣе шведскимъ посламъ предписывалось довести до свѣдѣнія царя, что многіе изъ феллинскихъ бояръ притѣсняютъ шведскихъ подданныхъ Каркуса и Вейссенштейна; вторгаясь въ ихъ границы они требуютъ себѣ дани, многихъ крестьянъ уводятъ въ плѣнъ и убиваютъ. Король въ виду этого проситъ царя приказать своимъ воеводамъ въ Феллинѣ, Дерптѣ и Везенбергѣ воздержаться отъ такихъ насилій, нарушающихъ лишь добрыя отношенія Швеціи къ Россіи.

Таково было содержаніе первой оффиціальной инструкціи, данной Эрикомъ своимъ посламъ и отмѣченной 22-го октября 1566 года, Свартшё. Эту инструкцію король отправилъ Нильсу Гюлленшернѣ съ собственноручнымъ письмомъ отъ 26-го октября, въ которомъ, назначая Гюлленшерну состоять во главѣ посольства къ московскому царю, онъ проситъ его какъ можно скорѣе тронуться въ путь; „Каждый день дорогъ", пишетъ Эрикъ XIV, „а потому спѣшите"! Для Швеціи было бы въ высшей степени опасно, еслибы царь успѣлъ заключить съ Польшей миръ, поэтому и слѣдуетъ предупредить этотъ гибельный фактъ.

Уже на слѣдующій день, 27-го октября, Эрикъ шлетъ Гюлленшернѣ новое письмо и вторую инструкцію, къ которой онъ долженъ прибѣгнуть, какъ скоро убѣдится, что царь первой инструкціи не исполнитъ. Въ этомъ письмѣ король перечисляетъ и подарки, какіе предназначалъ царю, царицѣ и ихъ сыновьямъ [1]); онъ снова торопитъ посла, предписываетъ ему спѣшить въ Москву, если бы даже по дорогѣ и узналъ о заключеніи мира между царемъ и Польшей.

Во второй инструкціи, данной Гюлленшернѣ, разсмотрѣны отношенія Швеціи и Россіи къ Польшѣ. Еслибы въ переговорахъ съ царемъ возникъ вопросъ о Польшѣ, Гюлленшерна долженъ былъ потребовать для своего государя уступки Везенберга, Феллина, Дерпта или Нарвы и вообще дать понять царю, что король его другъ, а не слуга; Гюлленшерна долженъ былъ выставить всю выгоду для Россіи отъ совмѣстныхъ со Швеціей дѣйствій въ Ливоніи, тѣмъ болѣе,

¹) *Rydberg*, IV, 2, 558.

что Швеціи и Россіи грозятъ войною германскій императоръ и имперскіе князья, завидующіе успѣхамъ Швеціи и Россіи въ Ливоніи. Относительно сношеній съ Любекомъ царю слѣдовало указать, что Любекъ слишкомъ ничтожный городъ и едва ли будетъ въ состояніи доставлять могущественному государству царя все ему нужное. Заключивъ тѣсный союзъ съ Швеціей, царь войдетъ въ непосредственныя сношенія съ Испаніей и германскими князьями, ему не придется обращаться къ тяжелому посредничеству своекорыстнаго Любека; его подданные будутъ вести самостоятельную торговлю съ европейскими торговыми рынками. Наконецъ, въ силу этой инструкціи, Гюлленшерна долженъ былъ добиться у царя—проведенія границы между царскими и королевскими землями, такъ чтобы за Швеціей оставалась вся западная Ливонія и западная же часть Курляндіи. Ригу король ни подъ какимъ видомъ не соглашался уступить царю. Еслибы царь не пожелалъ заключить новаго мира съ Швеціей безъ выдачи ему Екатерины, то сдѣлать уступку и дать согласіе.

Какъ видно изъ содержанія обѣихъ инструкцій, вторая отличается бо́льшею твердостью и болѣе гарантируетъ интересы Швеціи, нежели первая.

Въ ноябрѣ 1566 года къ Эрику явился посланникъ отъ московскаго царя, который долженъ былъ передать отъ своего государя желаніе жить съ нимъ въ мирѣ и готовность уступить ему всѣ отнятые отъ польскаго короля города. Въ бесѣдѣ съ табелляріемъ царя король выразилъ также желаніе сродниться съ царемъ бракомъ своей старшей дочери съ сыномъ царя. 8-го декабря царскій посланецъ уѣхалъ изъ Стокгольма съ отвѣтными письмами отъ шведскаго короля. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что прибытіе царскаго посла въ Стокгольмъ вызвало и новое, третье по счету, письмо короля къ своимъ посламъ (отъ 6-го декабря). [1]) Онъ пишетъ имъ о прибытіи къ нему царскаго посла и о письмахъ царя, преисполненныхъ дружескихъ чувствъ и расположенія къ королю. Въ виду такого настроенія московскаго правительства къ Швеціи, Эрикъ предписывалъ Гюлленшернѣ твердо держаться первой инструкціи отъ 22-го октября съ слѣдующими лишь видоизмѣненіями.

Такъ какъ царь чрезъ своего посла далъ королю согласіе расширять свои завоеванія въ Ливоніи, то Гюлленшерна и его товарищи должны добиться отъ царя, чтобы относительно этого вопроса составленъ

---

[1]) Rydberg, IV, 2, 563.

былъ особый пунктъ, который и долженъ быть внесенъ въ окончательный договоръ, имѣющій быть скрѣпленнымъ крестнымъ цѣлованіемъ. Король съ своей стороны разрѣшаетъ и русскимъ расширять свои завоеванія насчетъ Польши. Но пусть однако русскіе, говоритъ король, не считаютъ своими всѣ тѣ мѣстности, по которымъ они проходили съ своей пѣхотою, какъ это иногда дѣлалось. За Швеціей царь долженъ безусловно признать всѣ города и лены по морскому берегу и, кромѣ того, 50 городовъ. [1])

Еслибы царь пожелалъ исключить нѣкоторые изъ этихъ городовъ, напримѣръ, Ригу или какой-нибудь другой, то король уже не согласится заключить съ нимъ наступательный союзъ, не выговоривши себѣ права отдѣльнаго мира съ врагомъ, какъ скоро потребуютъ выгоды Швеціи. Въ случаѣ отказа царя помочь королю въ борьбѣ его съ Даніей и Любекомъ, король требуетъ себѣ права наносить имъ вредъ, гдѣ только представится случай, на морѣ или на сушѣ.

Мирный договоръ, затѣмъ, король желалъ бы выговорить на время жизни обоихъ правителей или, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ. Наконецъ, въ виду того, что нѣмецкіе купцы, пріѣзжающіе въ Нарву и Дерптъ, нерѣдко распространяютъ о шведахъ самыя ложныя и невыгодныя свѣдѣнія съ цѣлью внести раздоры въ отношенія шведовъ къ русскимъ,—чего они уже отчасти и достигли, такъ какъ шведскіе купцы много терпятъ отъ московскихъ воеводъ въ обоихъ названныхъ городахъ,—то послы и должны обратить на это вниманіе московскаго царя и добиться отстраненія всего, что нарушаетъ и идетъ въ разрѣзъ съ мирнымъ договоромъ, заключеннымъ между Швеціей и Россіей.

Въ февралѣ 1567 года, шведскіе послы — Нильсъ Гюлленшерна, Монсъ Іонсонъ, Эрикъ Гаконсонъ, Матіасъ Шубертъ и Бертиллъ Іерансонъ—прибыли въ Слободу, гдѣ тогда находился Грозный; царь далъ посламъ торжественную аудіенцію. Переговоры пословъ съ уполномоченными царя длились не долго; уже 16-го февраля они заключили между собою договоръ, который Іоаннъ самъ подтвердилъ

---

[1]) Гельмедъ, Эрмисъ, Трикатенъ, Ругинъ, Буртеникъ, Вольмаръ, Венденъ, Армисъ, Ронненбургъ, Сербенъ, Пебальмъ, Нитау, Шуйгенъ, Сунтцель, Роденпойсъ, Зегевальтъ, Нюмуле, Дюнамюнде, Рига, Даленъ, Керкгольмъ, Митава, Баушкау, Ашераде, Зельбургъ, Сванебургъ, Доблинъ, Нюенбургъ, Фрауенбургъ, Шрунденъ, Амботенъ, Гольдингенъ, Газемподтъ, Дербенъ, Гробинъ, Виндава, Пильтенъ, Донданкъ, Альцвангенъ, Кандау, Сабель, Трейденъ, Кремонъ, Ропенъ, Мейанъ, Гохросенъ, Розенбекъ, Вайнсель, Лемсаль и Салисъ.

въ Москвѣ. По этому договору царь и король заключаютъ между собою братскій и дружескій союзъ и будутъ имѣть общихъ враговъ и друзей. За высокую дружбу и братское расположеніе царя король соглашается выдать ему Екатерину, жену брата своего Іоанна, доставить ее на русскую границу въ Нотебургъ, гдѣ ее и приметъ царскій посолъ, намѣстникъ Ливоніи, князь Михаилъ Яковлевичъ Морозовъ. Отъ всего приданаго Екатерины, какъ и отъ владѣній ея въ Финляндіи, царь отказывается; онъ жалуетъ короля своими ливонскими владѣніями, какъ-то: Ревелемъ, Перновомъ, Вейссенштейномъ, Каркусомъ, Гельмедомъ, Руйеномъ, Эрмисомъ, Буртникомъ, Салисомъ, Пуркилемъ, Гапсалемъ и Лоде. Шведскіе и московскіе послы должны сойтись въ Ливоніи, чтобы тамъ установить точныя границы королевскихъ и царскихъ владѣній; если случится, что королевскія владѣнія входятъ гдѣ-нибудь во владѣнія царскія или наоборотъ, то рѣшено было ими обмѣняться; уполномоченнымъ обоихъ государей слѣдуетъ постараться провести границы по рѣкамъ и озерамъ. Шведскіе послы отъ имени своего короля просили царя, чтобы онъ пожаловалъ какими-нибудь землями и герцога Христофа Мекленбургскаго. Царь согласился, чтобы земли, какія Эрику удастся завоевать въ Курляндіи, были уступлены Христофу; русскимъ онъ запретитъ ихъ воевать. Какъ только шведы займутъ какіе-нибудь города въ Курляндіи, король долженъ прислать своихъ пословъ къ царю и царь черезъ нихъ передастъ ихъ Христофу; онъ готовъ помочь Эрику и деньгами и войскомъ. Далѣе: шведскому королю разрѣшалось впредь непосредственно сноситься съ московскимъ царемъ, штатгальтеры же его съ новгородскими намѣстниками и боярами въ Стокгольмѣ или Ревелѣ. На границахъ рѣшено было имѣть постоянно двухъ уполномоченныхъ и съ шведской, и съ московской стороны, чтобы на случай какихъ-либо столкновеній или недоразумѣній немедленно дать удовлетвореніе; подданнымъ того и другаго государства возбранялось наносить другъ другу обиды или причинять убытки. Русскимъ и шведамъ разрѣшалось свободно проѣзжать изъ одного города Ливоніи въ другой, а также безпрепятственно вести торговлю. Рѣшено было затѣмъ отпустить всѣхъ плѣнныхъ шведовъ.

Самые любопытные пункты были слѣдующіе: ни Швеція, ни Россія не могутъ, не предупредивши другъ друга, ни съ кѣмъ заключать отдѣльнаго мира; шведскій король обязывался не стѣснять датскихъ, любекскихъ и др. купцовъ, пріѣзжающихъ въ Нарву съ мѣдью, оловомъ, свинцомъ, содою и др. предметами, за что московскій царь вы-

разилъ готовность склонить къ миру со Швеціей и датскаго короля, и Любекъ. Еслибы ни Фридрихъ II, ни Любекъ не вняли царю, то онъ обѣщаетъ заключить съ Эрикомъ наступательный союзъ противъ его враговъ.—Кромѣ того царь разрѣшаетъ торговымъ людямъ Стокгольма, Выборга, Ревеля и др. городовъ свободно торговать въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и др. городахъ; имъ открыты всѣ дороги какъ рѣчныя, такъ и сухопутныя. Еслибы иностранные купцы, ремесленники, доктора, *ученые* и другіе захотѣли чрезъ Швецію проѣхать въ Россію съ различными купеческими товарами, военными снарядами и пр., то Эрикъ XIV долженъ былъ обязаться не препятствовать этому и на обратномъ пути изъ Россіи также не стѣснять ихъ.

Однимъ словомъ *Іоаннъ Грозный требовалъ для иностранцевъ свободнаго проѣзда и выѣзда изъ Россіи.* Еслибы русскіе торговцы пожелали чрезъ Швецію проѣхать въ Германію или другія европейскія государства, то король долженъ былъ давать имъ свободный проѣздъ и нигдѣ ихъ не задерживать. Посламъ обоихъ государствъ предоставляется безпрепятственный проѣздъ какъ чрезъ Москву, такъ и чрезъ Швецію.

Послѣдніе общіе пункты касались выдачи перебѣжчиковъ и захваченныхъ ими товаровъ, а затѣмъ границъ, которыя между Москвою и Швеціей рѣшено оставить прежнія.

Относительно Ливоніи рѣшено было, что оба государя остаются при своихъ владѣніяхъ и обязываются не воевать другъ у друга земель и не препятствовать одинъ другому дѣлать новыя завоеванія въ предѣлахъ Курляндіи или Польши. Эрикъ отдѣльно еще долженъ былъ обязаться не воевать Риги и другихъ городовъ въ Ливоніи, принадлежащихъ московскому царю [1]), Вендена, Роннебурга, Вольмара, Дерпта, Феллина, Нарвы и т. д.

Всѣ вышеперечисленные пункты февральскаго договора будутъ выполнены царемъ только послѣ того, какъ Екатерина будетъ выдана одному изъ царскихъ бояръ; это—conditio sine qua non, безъ этого условія договоръ не выполнимъ. Въ случаѣ смерти Екатерины—договоръ также теряетъ свою силу.

Шведскіе послы на все согласились, поцѣловали крестъ и приложили къ договору свои печати. Они сказали: какъ только московскіе бояре Иванъ Михайловичъ Воронцовъ, Василій Ивановичъ Наумовъ и дьякъ Иванъ Васильевичъ явятся въ Швецію и передадутъ королю

---

[1]) Перечень ихъ у *Rydberg*'а, IV, 2, 546.

актъ договора, король отрѣжетъ печати своихъ пословъ и замѣнитъ ихъ своею королевскою печатью, подкрѣпитъ договоръ крестнымъ цѣлованіемъ и тотчасъ возвратитъ его царю. Тогда же король передастъ Мих. Яковл. Морозову и Екатерину, сестру польскаго короля Сигизмунда II Августа.

Изъ одного уже бѣглаго знакомства съ февральскимъ трактатомъ видно, что онъ обозначаетъ собою рѣшительный тріумфъ московской дипломатіи надъ шведской. Царь Іоаннъ не уступилъ ни одному требованію шведовъ и заставилъ пословъ искусными переговорами дать на все свое согласіе. Въ этомъ трактатѣ болѣе чѣмъ гдѣ либо сказался государственный умъ и политическое чутье Іоанна.

Какъ обстоятельно остановился онъ на вопросѣ о свободныхъ сношеніяхъ своихъ подданныхъ съ Западною Европою, какъ ясно сознавалъ онъ необходимость тѣснаго союза съ однимъ изъ европейскихъ государей, какъ осторожно шелъ онъ на уступки, могущія уронить достоинство Россіи и вредно отозваться на политической или коммерсіальной самостоятельности ея! Съ этимъ февральскимъ трактатомъ, еслибы только онъ въ дѣйствительности былъ выполненъ, обозначился бы новый поворотный пунктъ въ политическомъ и территоріальномъ развитіи Россіи. Чего не доставало ей? Техническихъ, военныхъ и морскихъ усовершенствованій Западной Европы, а февральскій тракратъ уничтожалъ всѣ преграды къ ознакомленію, сближенію и родству Россіи съ Европой. Ни Польшѣ, ни Курляндіи, ни даже Даніи не устоять бы было противъ шведско-московской коалиціи.

Ганзейскіе города первые примкнули бы къ этой коалиціи, такъ какъ она открывала имъ доступъ въ заманчивую Нарву, въ богатую Россію. Весь вопросъ зависѣлъ теперь отъ того, захочетъ ли Швеція раздѣлить съ Россіей господство на восточномъ побережьи Балтики; шведы владѣли Ревелемъ, Іоаннъ Грозный требовалъ себѣ Риги. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Рига скоро затмила бы собою Ревель; этому способствовало бы и болѣе выгодное географическое положеніе при устьѣ судоходной рѣки, по которой легко достигнуть до внутреннихъ торговыхъ пунктовъ, Полоцка и др. городовъ, и близость Риги отъ ганзейскихъ городовъ прусской и мекленбургской трети. Значитъ, взаимное господство на востокѣ Балтійскаго моря рано или поздно должно было обратиться въ безусловное коммерсіальное господство на немъ одной только Россіи. Цѣну Россіи нигдѣ не знали лучше, чѣмъ въ Швеціи. Уже предъ первымъ Густавомъ носился образъ могущественной восточной державы; политическій тактъ подсказывалъ

и Эрику, что въ Россіи онъ имѣетъ опасную соверницу! Поэтому, дѣлать ей такія обширныя уступки было равносильно политическому и торговому самоубійству Швеціи, и вотъ Эрикъ, узнавши о февральскомъ трактатѣ, самъ ужаснулся.

Точное выполненіе его равнялось подчиненному положенію Швеціи къ Москвѣ; подписать его значило бы склонить голову подъ московское ярмо, а оно давало бы все сильнѣе себя чувствовать по мѣрѣ роста и развитія восточнаго государя. Да и могъ ли Эрикъ положиться на обѣщанія Грознаго? Онъ въ глазахъ Эрика и Европы варваръ, схизматикъ, тираннъ. Часто самъ давая обѣщанія съ заранѣе принятымъ рѣшеніемъ не выполнять его, Эрикъ могъ того же ждать и отъ Іоанна.

Предпославъ эти общія замѣчанія, обратимся къ фактамъ.

18-го мая 1567 года въ Упсалу прибыло московское посольство съ тѣмъ, чтобы отъ Эрика добиться подтвержденія февральскаго договора, заключеннаго его посломъ съ царемъ [1]). Московскій царь на этотъ разъ имѣлъ еще въ виду скрѣпить свои отношенія къ Швеціи брачнымъ союзомъ и искалъ для своего сына руки сестры короля Эрика; о послѣдней шла молва, что она отличалась необыкновенною красотою; по лѣтамъ она также подходила: принцессѣ было 16, царевичу 18 лѣтъ. Въ приданое за принцессой царь просилъ уступить ему Ревель. Одновременно съ посольствомъ царь отправилъ къ финляндскимъ границамъ многочисленное войско: угроза войною, еслибы Эрикъ XIV не выполнилъ обѣщаннаго [2])!

Вѣсть о посольствѣ московскаго царя въ Стокгольмъ успѣла уже повсюду распространиться и вызывала самыя разнообразныя толкованія. Въ Любекѣ утверждали, что уже въ іюлѣ сестра Эрика XIV была въ Нотебургѣ на русско-шведской границѣ; она—говорили въ Любекѣ — предназначалась въ супруги или самому царю, или сыну его, или татарскому князю — зятю царя, которому съ рукою принцессы передано будетъ и штатгальтерство въ Дерптѣ [3]). И по любекскимъ извѣстіямъ Эрикъ обѣщалъ уступить московскому царю Ревель. Лучше, сказалъ будто бы Эрикъ XIV, отдать московскому

---

[1]) Посольство состояло изъ трехъ человѣкъ, двухъ старыхъ сѣдыхъ князей и одного секретаря. Paralipomena *Eloffson*'а, (157) современника этого посольства. Онъ принималъ участіе въ составленіи отвѣта царю.

[2]) Bibliothèque Nat. Дансэ Карлу IX, 20 сент., 1567, см. Акты, № 44.

[3]) Aus Lubeck, 30 Iuli. Мюнх. архивъ. Акты, № 41.

царю свою сестру и жить въ вѣчномъ мирѣ съ нимъ, нежели въ войнѣ съ нимъ потерять все свое королевство.

Не успѣли московскіе послы прибыть въ Швецію, какъ тамъ начались преслѣдованія и казни выдающихся аристократическихъ фамилій; настала пора самаго жестокаго правленія Эриковой „опричнины“ съ Георгомъ Перссономъ во главѣ. Московскіе послы не могли добиться аудіенціи ни у короля, ни у его совѣта [1]). Осенью изъ Москвы явился гонецъ Eliasarus Liuonteoffsin Rzouschoi; и его подъ разными предлогами задерживали и только въ апрѣлѣ 1568 года онъ могъ вручить королю письмо царя, въ которомъ онъ торопилъ ратификаціей договора 16-го февраля и выдачей Екатерины. На это письмо Эрикъ еще самъ отвѣчалъ Грозному 18-го апрѣля. Онъ извинялся передъ царемъ за то, что такъ долго задерживалъ его пословъ и причиной выставлялъ свою болѣзнь; враги его—датчане—воспользовались этимъ и нанесли большой уронъ его подданнымъ. Теперь онъ совершенно оправился и съ открытіемъ навигаціи надѣется отпустить царскихъ пословъ. Дѣйствительно, Эрикъ тогда-же собралъ рейхсратъ и съ своими совѣтниками приступилъ къ разсмотрѣнію заключеннаго его послами февральскаго договора. Рейхсратманны [2]) подали свое мнѣніе королю 23-го іюня. Они рѣшительно отвергали необходимость подтвердить договоръ 16-го февраля. „Не къ чему“, говорили они, „заключать съ Москвою новые договоры о мирѣ и дружбѣ, когда старые ни съ чьей стороны не нарушены“. Всего обстоятельнѣе члены рейхсрата остановились на вопросѣ о выдачѣ царю Екатерины. Они указывали королю, что онъ не давалъ своимъ посламъ рѣшительнаго полномочія относительно выдачи Екатерины и поэтому вправѣ сказать царскимъ посламъ, что его послы, бывшіе въ Москвѣ, переступили его короля полномочіе. Соглашаясь начать переговоры о выдачѣ Екатерины, король имѣлъ въ виду, съ одной стороны, тяжкую болѣзнь своего брата, а также и слухъ о разводѣ царя съ своей женой. Теперь-же, при измѣнившихся обстоятельствахъ, онъ рѣшительно не можетъ расторгнуть брака Іоанна съ Екатериной; это было бы высшей

[1]) Стральзундскій посолъ Штраупитцъ писалъ: die Russische Legation wirt dissen Winter uber auch was pacientia haben müssen. О царѣ: zu befurchten, weil er (царь) vormerckt, dass sich beide konnige nuhe fast vntereinander aussgeruttet, das er nichts guttes, sondern viel mer vrsach zum kriege suchen wirdt.

[2]) Графъ Перъ Брагэ, Габріель Оксеншерна, Нильсъ Гюлленшерна и Бенгтъ Гильта; съ ними отвѣтъ царю составлялъ и Eloffson—секретарь. Paralipomena, 158.

несправедливостью. Если царь изъ-за этого не согласится на миръ съ королемъ, то на это Божья воля. Еслибы московскіе послы указали на крестное цѣлованіе, то, по мнѣнію ратманновъ, король могъ бы имъ возразить, что оно касалось лишь подтвержденія добрыхъ отношеній Швеціи къ Россіи, а никакъ не скрѣпляло договора цѣликомъ со всѣми его условіями. Далѣе совѣтники Эрика XIV указывали ему, что такъ какъ исполнить требованіе царя относительно Екатерины рѣшительно невозможно, то королю слѣдовало бы войдти въ переговоры съ герцогомъ Іоанномъ, какъ объ отношеніяхъ его къ Польшѣ, такъ и объ отношеніяхъ къ Россіи. Пусть Іоаннъ выскажется, согласенъ ли онъ воевать съ королемъ противъ Польши или служить королю въ Ливоніи съ отрядомъ кнехтовъ, или принять участіе въ походѣ противъ датчанъ. Если у Эрика возникнетъ война съ московитами, то Іоаннъ долженъ добиться у своего родственника, Сигизмунда польскаго, обѣщанія—не заключать съ Москвою отдѣльнаго мира, а дѣйствовать противъ русскихъ заодно съ шведами. Іоаннъ долженъ также убѣдить Сигизмунда освободить изъ заключенія Христофа Мекленбургскаго и возвратить отнятыя у него земли; онъ обязанъ, наконецъ, открыть королю свои дипломатическія сношенія съ иностранными дворами, показывать ему всѣ письма, получаемыя имъ отъ Европейскихъ государей и гарантировать короля отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій къ нему его, герцога, сторонниковъ. Разъ король добьется всего этого, Москва не будетъ ему страшна и герцога Іоанна можно будетъ съ полною безопасностью возстановить въ его герцогскомъ достоинствѣ и возвратить ему его ленъ.

Вотъ совѣтъ, данный королю его ратомъ. Эрикъ принялъ его къ свѣдѣнію и постарался убѣдить московскихъ пословъ въ совершенной невозможности исполнить всѣ §§ договора 16-го февраля. Послы упорно стояли на своемъ и требовали выдачи Екатерины. Не для забавы же, говорили они, государь снарядилъ ихъ въ столь далекій путь, не даромъ же они понесли и большія денежныя затраты. „Мы не дѣти", говорили послы, „которыхъ можно всячески проводить и обманывать" [1]). Дѣло протянулось до осени. Не за долго до своего паденія Эрикъ далъ имъ рѣшительный отказъ уже на всѣ ихъ требованія; онъ предлагалъ въ невѣсты царевичу свою дочь Виргинію [2]), не

[1]) Paralipomena, 159.

[2]) Danzay говоритъ, что Эрикъ предложилъ царю „sa belle mere troyziesme famme dudict Roy gustave—dame fort belle agee denuiron trante cinq ans et ses dictes deux soeurs".

принялъ и предложенной царемъ помощи въ 10.000 человѣкъ противъ своего брата Іоанна и настоялъ на отъѣздѣ пословъ. 15-го сентября онъ писалъ своему штатгальтеру въ Финляндіи, Гансу Ларссону, чтобы онъ приготовился съ честью встрѣтить русскихъ пословъ, „долгое время пробывшихъ въ Швеціи и теперь получившихъ отъ насъ рѣшительный отвѣтъ".

Извѣстно, что Георга Перссона подъ пыткою допрашивали, имѣлъ ли въ виду Эрикъ выдать московскому царю Екатерину, но и этотъ допросъ подтвердилъ, что у короля никогда серьезно не было этого намѣренія, что онъ неоднократно называлъ это требованіе нехристіанскимъ, а потому и неисполнимымъ. Не смотря на это, Іоаннъ продолжалъ вѣрить въ намѣреніе Эрика расторгнуть его бракъ съ Екатериной; онъ продолжалъ выставлять этотъ фактъ, какъ одну изъ причинъ, заставившихъ его возстать противъ брата. Опасаясь движенія со стороны своихъ братьевъ, Эрикъ еще въ 1567 году вошелъ въ переговоры съ Іоанномъ, добивавшимся освобожденія изъ Грипсгольмской тюрьмы. Преслѣдуемый страхомъ за свою корону и жизнь, Эрикъ въ іюлѣ этого года далъ Іоанну рядъ обѣщаній; Іоаннъ требовалъ себѣ Финляндіи и всѣхъ шведскихъ завоеваній въ Ливоніи и предлагалъ свое посредничество къ примиренію Эрика съ Польшей. Переговоры съ Іоанномъ затянулись, король не принялъ предложеній герцога. Между тѣмъ состояніе короля все ухудшалось, онъ впалъ въ сумасшествіе; осенью 1567 года Рантцау вторгнулся въ самое сердце Швеціи, онъ дошелъ до Остерготланда и король захотѣлъ самъ стать во главѣ войска, отправленнаго противъ отважнаго датскаго генерала; онъ сталъ снова бодрѣе, чувствовалъ себя лучше и уже не хотѣлъ слышать объ условіяхъ примиренія, какія ему предложилъ Іоаннъ. Такъ съ Польшей онъ допускалъ возможность примиренія только въ томъ случаѣ, если польскій король уступитъ ему всѣ свои завоеванія въ Ливоніи; отъ брата онъ требовалъ, чтобы тотъ не оказывалъ помощи Польшѣ, отпустилъ всѣхъ своихъ слугъ и оставался вѣренъ Арбогскимъ постановленіямъ. Іоаннъ отвергнулъ эти требованія, чѣмъ еще болѣе возбудилъ подозрѣніе короля, давшаго штатгальтеру Стокгольма приказаніе бдительнѣе прежняго стеречь герцога и его семью. Мы знаемъ, что Іоаннъ получилъ свободу, вѣроятно, подписавши всѣ требованія короля [1]).

---

[1]). Ср. *Th. Annerstedt*, Resningen 1568. En historisk studie. Göteborg, 1880, стр. 41.

Онъ тотчасъ соединился съ Карломъ сёдерманландскимъ и сталъ готовить возстаніе противъ короля. Все дворянство, такъ сильно униженное Эрикомъ, откликнулось на зовъ Іоанна; герцогъ извѣстилъ о начавшейся революціи своего родственника Сигизмунда польскаго, который изъ Данцига отрядилъ нѣсколько кораблей къ Ревелю на помощь Іоанну. Въ іюлѣ 1568 года Іоаннъ и Карлъ двинулись къ Вадстенѣ и Стокгольму. Іоаннъ разослалъ населенію манифестъ, полный клеветъ на несчастнаго короля, имѣвшій цѣлью оправдать начавшіяся движенія противъ Эрика XIV. У Фридриха II Іоаннѣ добивался временнаго перемирія до низложенія „сумасшедшаго“ короля; перемирія Фридрихъ не заключилъ, но далъ своимъ войскамъ приказаніе остановить всѣ враждебныя дѣйствія. Уступчивость Фридриха II въ данномъ случаѣ была очень странною; онъ могъ бы прекрасно воспользоваться выгодою своего положенія, окончательно ослабить и уничтожить Швецію, предупредить или замедлить сентябрьскій coup d'etat, но вѣсть обо всѣхъ шведскихъ событіяхъ пришла къ нему слишкомъ поздно: Эрикъ былъ уже плѣнникомъ своихъ братьевъ, Іоаннъ провозглашенъ шведскимъ королемъ.

Было что то загадочное въ быстротѣ, въ легкости, съ какой произошло сверженіе Эрика XIV! Внутреннее движеніе могло быть подавлено, оно оставалось бы безуспѣшнымъ, еслибы Эрикъ дѣйствовалъ счастливо во внѣшнихъ предпріятіяхъ своихъ. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что каждая внутренняя смута, внутренняя оппозиція, всего успѣшнѣе подавляется энергичною, ловко направленною внѣшней политикой. Пока эта политика счастлива, правитель всегда справится съ внутренними движеніями, но стоитъ ему потерпѣть малѣйшую неудачу въ внѣшнихъдѣлахъ—и смута получаетъ бóльшую силу, бóльшую интенсивность. Такъ и въ разбираемой катастрофѣ: неудачи въ войнѣ съ Даніей содѣйствовали успѣху возстанія, поднятаго братьями короля [1]).

Съ трагической катастрофою Эрика совпала и катастрофа Грумбаха и Эрнестинцевъ въ Германіи: Гота пала, шведскіе сторонники разсѣялись и погибли. Вступленіе Іоанна III на шведскій престолъ обозначаетъ собою рѣшительный поворотъ въ Балтійской борьбѣ; оно начинаетъ собою новый, четвертый періодъ войны.

---

[1]). Ср. *Droysen*, Aus den Dän. Büchern, 70. Archiv für Sächs. Gesch. II и V.

ГЛАВА V.

Значеніе дворцоваго переворота въ Швеціи.—Роскильдскій конгрессъ.—Новыя недоразумѣнія между Швеціей и Даніей. — Сѣверная война съ 1568 по 1570 годъ.—Штеттинскій миръ. — Событія въ Ливоніи съ 1568 года. — Сближеніе Магнуса съ Москвою.—Роль Фридриха II въ этомъ сближеніи.—Августъ Саксонскій и Магнусъ. Польша и ея отношеніе къ союзу Магнуса съ Грознымъ.— Шпейерскій рейхстагъ. — Балтійская политика Максимиліана. — Вопросъ объ адмиралтействѣ на Балтійскомъ морѣ.—Осада Ревеля въ 1570—1571 г.— Данія и Москва.—Любекъ и Швеція.—Военныя событія въ Ливоніи до 1572 года.—Значеніе польскихъ избраній на ходъ войны.—Генрихъ Анжуйскій.— Максимиліанъ.—Ливонскій проектъ Франціи.—Баторій.—Борьба Данцига съ Баторіемъ.—Сближеніе Вѣны съ Москвою.—Военныя событія въ Ливоніи до 1577 года.—Баторій и его первые походы противъ русскихъ.—Имперія и ея отношенія къ Ливоніи при Рудольфѣ.—Любекъ и его отношенія къ Іоанну III съ 1575 по 1579 годъ.—Политика Даніи въ Ливоніи, послѣ измѣны Магнуса Москвѣ. — Дипломатическое сближеніе Швеціи съ Испаніей.—Походы Делагарди. — Поссевинъ. — Соперничество Швеціи и Польши. — Ямъ-Запольскій миръ.—Швеція и Москва.—Разрѣшеніе балтійскаго вопроса въ сѣверной Европѣ въ исходѣ XVI столѣтія.

Переворотъ, происшедшій въ Швеціи въ сентябрѣ 1568 года, начинаетъ собою третій періодъ балтійской или ливонской войны. Сверженіе Эрика съ трона, совершившееся съ такою поразительною легкостью и быстротою, и вступленіе на него Іоанна III — это фактъ глубокой исторической важности въ разбираемомъ нами вопросѣ. Новый король Швеціи былъ родственникомъ Польскаго дома; отсюда необходимость союза Швеціи съ Польшей; Іоаннъ требовалъ помощи Польши противъ Даніи, Сигизмундъ II Августъ—общихъ дѣйствій противъ Москвы; необходимости воевать одновременно и съ Швеціей, и съ Россіей, чтò такъ не по силамъ было Сигизмунду, о чемъ онъ такъ скор-

бѣлъ, теперь не стало. У Москвы былъ новый врагъ—Іоаннъ шведскій; вступленіе Іоанна на шведскій престолъ не могло не отразиться и на отношеніяхъ Польши къ Даніи; договоръ 1563 года теперь терялъ свою силу, и Сигизмундъ сталъ требовать, чтобы Фридрихъ II прекратилъ свою борьбу съ родственной ему державой и соединился съ нимъ противъ Москвы, склонивши къ союзу противъ послѣдней ганзейскіе города; помогать Даніи теперь, когда отстраненъ былъ главный врагъ Эрикъ XIV, не имѣло для Польши никакого смысла. Важность coup d'état въ Швеціи для нашего вопроса и сводится, главнымъ образомъ, къ тому, что съ этихъ поръ *вся прежняя схема союзовъ и договоровъ съ самаго 1563 года необходимо рушилась*: дипломатія перемѣнила нарядъ. Женатый на Екатеринѣ Ягеллонкѣ Іоаннъ III при своей безхарактерности рано или поздно становился орудіемъ католической реакціи, въ его сынѣ католики нашли одного изъ самыхъ усердныхъ ревнителей іезуитизма. Родственное сближеніе новаго короля Швеціи съ Польшей внесло рознь и въ самый домъ Вазы, что̀, какъ увидимъ, не замедлило обнаружиться въ Ливоніи.

Мы уже имѣли случай охарактеризовать новаго короля Швеціи; мы не станемъ возвращаться къ сказанному и отмѣтимъ лишь его отношенія къ Балтійскому вопросу; важность этого вопроса Іоаннъ на столько же цѣнилъ и понималъ, какъ его предшественникъ, и заслуги его въ этомъ отношеніи до сихъ поръ еще не оцѣнены съ достаточною безпристрастностью. Какъ-то невольно переносили на Іоанна крупные недостатки его сына, ихъ соединяли и разсматривали какъ одно лицо, чуждое традиціямъ интересовъ Вазы, ревностное орудіе реакціи. Ультрамонтанскіе историки слишкомъ грубо искалѣчиваютъ факты и выставляютъ Іоанна и Сигизмунда чуть-ли не святыми королями; изъ такого отношенія къ нимъ ультрамонтанскихъ историковъ возникло и враждебное отношеніе къ обоимъ этимъ королямъ протестантскихъ историковъ, тогда какъ между отцомъ и сыномъ цѣлая пропасть: Іоаннъ еще шведъ, Сигизмундъ же III — не принадлежалъ ни къ какой національности, онъ убѣжденный папистъ эпохи реакціи, онъ не служилъ ни польскимъ интересамъ, ни шведскимъ, а интересамъ Рима; это настоящій сынъ римской куріи, афилированный членъ іезуитскаго ордена. Высокія дарованія, свойственныя дому Вазы, сказались и въ Іоаннѣ III; рѣдко кто съ такою блестящей виртуозностью и устно, и письменно отстаивалъ свое королевское величіе и достоинство; въ цѣломъ рядѣ запутанныхъ и слож-

ныхъ вопросовъ онъ обнаруживалъ здравый смыслъ и политическій тактъ, умѣлъ себя сдерживать, но только не въ переговорахъ съ ганзейскими городами, былъ талантливымъ эпистолографомъ, могъ въ этомъ отношеніи поспорить съ Іоанномъ московскимъ, не поддавался Баторію. При всемъ томъ, въ Іоаннѣ всегда преобладалъ прекрасный теоретикъ, а не практикъ; недостатка въ идеяхъ въ его внѣшней политикѣ не было, но осуществить ихъ ему рѣдко удавалось. Вообще безхарактерный, поддававшійся лести и вліянію, онъ обнаружилъ необыкновенную силу, выдержанность и твердость въ преслѣдованіи балтійскаго господства; его онъ понималъ и уклонялся отъ всякихъ компромиссовъ, могущихъ повредить дѣлу. Его борьба съ Москвою составляетъ важнѣйшій моментъ всего его царствованія, она научила шведовъ военному искусству, иллюстраціей котораго могутъ служить двѣ мужественныя обороны Ревеля въ 1570—1571 и 1577 годахъ и блестящая битва при Венденѣ, „открывшая собою рядъ величайшихъ побѣдъ шведскаго оружія, закончившихся Полтавою“. Свѣдѣнія самого Іоанна въ военномъ дѣлѣ также были очень значительны, хотя и въ нихъ теорія перевѣшивала практику [1]).

Съ большою энергіей Іоаннъ въ первый же годъ своего царствованія отдался внѣшней политикѣ. Вниманіе его было поглощено прежде всего отношеніями къ Даніи и къ Москвѣ въ Ливоніи. Онъ обратился съ письмомъ къ Фридриху II, въ которомъ, извѣщая его о своемъ вступленіи на престолъ, просилъ временно прекратить военныя дѣйствія; на перемиріе Фридрихъ II согласія не далъ, но велѣлъ своимъ войскамъ остановить дальнѣйшее движеніе впередъ. Чѣмъ объяснить такую уступчивость Фридриха? Почему онъ не воспользовался выгодою своего положенія? Или онъ надѣялся на то, что Іоаннъ подтвердитъ прелиминарныя мирныя условія, выработанныя на конгрессѣ въ Роскильде? Или онъ опасался рѣшительно дѣйствовать, потерявъ одного изъ своихъ союзниковъ—Польшу? Вѣроятнѣе всего, уступчивость Фридриха была вызвана незнаніемъ всѣхъ обстоятельствъ низложенія Эрика и быстрымъ окончаніемъ этого дѣла, придавшимъ ему что-то загадочное [2]).

Еще за годъ до шведской придворной революціи иностранная дипломатія энергично взялась за дѣло мира на скандинавскомъ сѣверѣ.

---

[1]) Заслуга вѣрнаго пониманія Іоанновой политики всецѣло принадлежитъ ученому *Hammarskjöld*'у, стр. 214, и мы рады, что можемъ архивными данными подтвердить его взглядъ.

[2]) Ср. *Th. Annerstedt*, Resningen 1568. En Historisk studie. Göteb. 1880.

Съ миссіей императорскаго посла фонъ Берге въ Данію совпадала и дипломатическая дѣятельность Дансэ въ Любекѣ и Стокгольмѣ. Ловкій французъ мечталъ о новомъ мирномъ конгрессѣ въ Стральзундѣ, но не успѣлъ ничего: въ Швеціи наступилъ тотъ политическій хаосъ, при которомъ не могло быть и рѣчи о какой-либо здравой политической системѣ. Герцоги, какъ мы видѣли, возстали противъ короля. Іоаннъ III зналъ, что съ внутренними партіями онъ справится только при условіи временнаго мира съ Даніей; вотъ почему онъ и начинаетъ переписку съ Фридрихомъ II, старается задобрить его, склоняетъ къ временному перемирію; своего брата онъ обвинялъ въ совершенномъ непониманіи интересовъ государства, себя выставлялъ миролюбивымъ. Іоаннъ обращался съ письмомъ и къ датскому дворянству, добиваясь его содѣйствія къ заключенію перемирія.

Фридрихъ II согласился войдти въ переговоры съ Швеціей о мирѣ; они начались въ Роскильде. 14-го сентября 1568 года Іоаннъ далъ подробную инструкцію своимъ посламъ (Гюлленшерна, Бьэльке, Іонсонъ) на конгрессѣ. Имъ надлежало прежде всего взвалить всю вину начавшейся войны на Эрика XIV; Іоаннъ, Карлъ и все дворянство съ самаго начала не одобряли ея. Іоаннъ готовъ возстановить договоръ Густава I и Христіана III.

Относительно условій мира Іоаннъ уполномочилъ своихъ пословъ соглашаться на уступку Даніи Варберга, если за Швеціей будутъ оставлены Эльфсборгъ, Готландъ, Іемтландъ и Герьедаленъ и Викенъ въ Ливоніи. Только въ крайнемъ случаѣ послы могли уступить Даніи и Іемтландъ и Герьедаленъ; Готландъ, Эльфсборгъ и Викенъ должны принадлежать Швеціи. Еслибъ Фридрихъ II предложилъ какія-нибудь болѣе тяжкія условія, то послы должны были извѣстить о нихъ короля и только съ его согласія и полномочія продолжать переговоры. Еслибы имъ не удалось добиться мира, то король согласенъ и на временное перемиріе съ Даніей. Въ кредитивѣ Іоанна къ Фридриху II первый проситъ втораго питать полную вѣру къ посламъ, „какъ еслибы мы были на ихъ мѣстѣ“ — гласятъ слова Іоанна, но онъ не давалъ посламъ полномочія отклоняться отъ инструкціи и продолжать переговоры по своему личному усмотрѣнію [1]).

22-го октября шведскіе послы были въ Роскильде, на слѣдующій день ихъ принялъ Фридрихъ II. Онъ прежде всего предложилъ обмѣнъ плѣнныхъ, соглашался за Варбергъ уступить Эльфсборгъ и воз-

---

[1]) *Westling*, 48—49.

становить договоръ Густава I и Христіана III. Отъ трехъ коронъ Швеція, по его мнѣнію, должна была отказаться. Когда Фридрихъ II узналъ, что въ инструкціи пословъ ни словомъ не упоминалось о Любекѣ и ливонскихъ дѣлахъ, онъ заявилъ имъ, что считаетъ невозможнымъ далѣе продолжать переговоры. Съ самаго начала Роскильдскихъ переговоровъ датчане старались нагнать на шведовъ страхъ, запугивали ихъ русскимъ нашествіемъ, сами грозили предпринять новое вторженіе, и эта тактика производила дѣйствіе. Шведскіе послы не заикнулись даже о Готландѣ, писали королю о воинственномъ настроеніи датчанъ и просили его въ виду ненадежности Россіи принять всѣ условія Фридриха II.

29-го октября въ Роскильде явились представители Любека, и переговоры приняли большое оживленіе. Шведскіе послы передали датскимъ коммиссарамъ копію съ ихъ инструкціи; датчане были недовольны заключавшимися въ инструкціи условіями мира и, однако, запретили шведамъ отправить кого-нибудь изъ своей среды къ королю въ Стокгольмъ для полученія новыхъ полномочій. Шведскіе послы, по нерѣшительности своей и запуганные датчанами, приняли всѣ условія послѣднихъ, и 18-го ноября мирный договоръ былъ подписанъ. Въ силу Роскильдскаго договора шведскій король обязывался сложить три короны, отказаться отъ всякихъ притязаній на Норвегію, Галландъ, Сконе, Блекинге и Готландъ. Возвращались всѣ завоеванія и всѣ захваченные корабли и пушки. Относительно Ливоніи постановлялось, что за Даніей должны остаться: Эзель, Зоненбургъ, Викенъ и Падисъ и епископство Ревельское и Курляндское. Швеція должна была отказаться и отъ Пернова. Нарвское плаваніе объявлялось свободнымъ. Наконецъ, датчане настояли и на денежномъ вознагражденіи, сумма котораго должна была быть опредѣлена 6 третейскими судьями.

24-го ноября Фридрихъ II и его ратъ ратификовали Роскильдскій договоръ; [1]) перваго января предполагался обмѣнъ ратификацій.

Черезъ четыре дня послѣ заключенія мира Даніи съ Швеціей заключенъ былъ и миръ Любека съ Швеціей. Датскіе коммиссары явились посредниками между Любекомъ и Швеціей, о безпристрастіи не могло быть, значитъ, и рѣчи. Шведскіе послы, въ инструкціи которыхъ ни единымъ словомъ не упоминалось о Любекѣ, на свой страхъ подписали и съ нимъ договоръ, въ силу котораго за Любе-

---

[1]) А не 21, какъ у *Girardet*, 28. *Westling*, 52—53.

комъ подтверждались привилегіи, дарованныя ему Густавомъ I Ваза; долгъ шведскихъ королей долженъ былъ быть уплаченъ городу, торговля любчанъ объявлялась свободною, сношенія съ Россіей—безпрепятственными; исключеніе дѣлалось для запрещенныхъ товаровъ — оружія и военныхъ снарядовъ. Обмѣнъ ратификацій предполагался также 1-го января 1569 года.

Шведскіе послы, подписавши оба договора, вернулись въ Швецію, гдѣ ихъ ожидала достойная награда за превышеніе полномочій.

Іоаннъ III успѣлъ удачно окончить борьбу съ Эрикомъ, побѣда была на его сторонѣ и въ ноябрѣ онъ писалъ посламъ, чтобы они не очень добивались мира, такъ какъ это могло-бы обнаружить тяжелое и крайнее положеніе шведовъ; если датчане не согласятся на его условія, онъ думаетъ продолжать съ ними войну. Русскіе послы увѣрили Іоанна въ миролюбіи ихъ государя, значитъ и съ этой стороны Іоанну нечего было опасаться, и онъ, дѣйствительно, сталъ дѣлать приготовленія къ возобновленію военныхъ дѣйствій.

При такомъ благополучномъ для Іоанна положеніи дѣлъ, при такомъ энергичномъ настроеніи его — къ нему приходитъ письмо изъ Роскильде, открывавшее ему все малодушіе, все самовольство его пословъ.

30-го ноября король узналъ, что послы переступили его полномочія, 18-го декабря, что они приняли всѣ унизительныя для Швеціи условія мира, предложенныя имъ Фридрихомъ II. Въ Іоаннѣ закипѣла кровь Вазы. Онъ тотчасъ созвалъ свой ратъ и представилъ ему положеніе дѣлъ. 29-го декабря ратъ подалъ мнѣніе о невозможности ратификаціи Роскильдскаго договора; то-же рѣшилъ и Іоаннъ. 25-го января Іоаннъ представилъ условія мира 18 ноября сословіямъ; онъ высчиталъ, что однѣ военныя контрибуціи достигнутъ 6 бочекъ золота. Всѣ въ одинъ голосъ потребовали продолженія войны; мирныя условія были отвергнуты. Іоаннъ, не желая такъ рѣзко порывать съ Даніей, обратился къ дипломатическимъ переговорамъ.

Какъ скоро Фридрихъ II убѣдился, что онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ на миролюбіе Іоанна, онъ съ прежней энергіей сталъ готовиться къ войнѣ [1]). Іоаннъ III не желалъ подчиняться Роскильд-

---

[1]) 23-го апрѣля онъ писалъ Августу о нежеланіи Іоанна ратификовать договоръ: „Sondern sich viel mehr beflissen vnd angelegen sein lassen, denselben durch allerlej dartzu gesuchte vnerhebliche behelff gentzlich zuhinterziehen vnd zuuernichtigenn, vnd die sachen, darin wir auf ihr ansuchen jn gutem christli-

скому рѣшенію, не желалъ и войны съ Даніей, имѣя въ виду главнымъ образомъ восточное побережье Балтійскаго моря, и вотъ онъ вступаетъ на поприще дипломатической переписки, дипломатическихъ переговоровъ. Въ письмѣ къ Фридриху II отъ 19-го января 1569 года онъ старается оправдать свое поведеніе относительно Роскильдскаго договора. Какъ только онъ узналъ содержаніе его, онъ созвалъ рейхстагъ, чтобы узнать мнѣнія всѣхъ сословій относительно принятыхъ въ Роскильде мирныхъ постановленій. По внимательномъ разсмотрѣніи ихъ оказалось, что многіе пункты въ роскильдскихъ прелиминаріяхъ прямо умаляли достоинство шведской короны; принять ихъ не позволяла честь короля. Такъ, напримѣръ, требованіе, предъявленное Даніей, чтобы шведы возвратили ей все, что завоевано стараніями шведскаго народа, что стоило ему не мало жертвъ и крови — это требованіе король, разумѣется, принять не можетъ. Также отвергаетъ Іоаннъ и требованіе Фридриха II о вознагражденіи Даніи за всѣ ею понесенные расходы на содержаніе и наемъ войска. Выборные отъ всѣхъ сословій объявили на рейхстагѣ, что прелиминарныя условія Роскильдскаго конгресса были составлены исключительно только къ одной выгодѣ Даніи, съ цѣлью достигнуть совершеннаго униженія Швеціи, поэтому принимать эти условія рѣшительно невозможно. Кромѣ того,—на это Іоаннъ въ особенности напираетъ,—онъ, король, не уполномочивалъ своихъ пословъ въ Роскильде принимать (bestettigen vnd zubekrefftigen) такихъ унизительныхъ для Швеціи условій, они обошли королевскія инструкціи и дѣйствовали вопреки желанію и полномочію своего государя [1]). Если Фридрихъ II желаетъ, то Іоаннъ готовъ отправить своихъ уполномоченныхъ на новый конгрессъ, чтобы еще разъ разсмотрѣть взаимныя отношенія къ Даніи; быть можетъ, еще и удастся предупредить борьбу, быть можетъ, новый конгресъ увѣнчается болѣе благопріятными и справедливыми условіями [2]).

---

chen Konniglichen Vertrauen die handlung eingeraumbt, auf ferner zusamenschickung, oder, dahin wir's vielmehr verstehen mussen, zu voriger weitleuftigkeit vnd thättlicher kriegshandlung zustellen" (Дрезд. арх.).

[1]) ...Was vonn vnsern abgesandtenn, vber vnnd wieder vnnsern willen vnnd beuhell gelobt vnnd zugesagt haben.

[2]) Дрезд. арх. Das zehende denische Buch. Іоаннъ III къ Фридриху II, 29-го января и 19-го февраля. Въ первомъ мы читаемъ: konnen darauff E. L. freundtlich nicht verhaltenn, das nach dem jnn derselbigen fridtshandlung etzlich Punct verfasset, die vnns vnnd dem reich Schweden zu nachteil vnnd schaden zugerei-

Началась любопытная переписка обоихъ скандинавскихъ государей. Фридрихъ писалъ Іоанну 7-го марта, что прекращаетъ съ нимъ всякіе переговоры. Іоаннъ требовалъ „ревизіи“ всего мирнаго трактата; онъ обратился къ посредничеству Сигизмунда II Августа. Польскій король согласился разыграть роль посредника и отправилъ пословъ въ Копенгагенъ. Оба скандинавскихъ короля соглашались на новый съѣздъ, хотя въ душѣ рѣшили продолжать войну; съѣздъ не состоялся только потому, что датчане не приняли мѣста, указаннаго Іоанномъ, а шведы отказались прибыть въ Ульфсбекъ или Кнередъ, отмѣченные Фридрихомъ II. Между тѣмъ Фридрихъ II далъ приказаніе своимъ адмираламъ держать курсъ на Ревель. Союзный флотъ явился въ виду этого города, сжегъ часть шведскихъ кораблей, многіе увезъ съ собою, но существеннаго вреда онъ не могъ нанести городу. Тѣмъ не менѣе враждебная диверсія датско-любекскаго флота встревожила Іоанна. Въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ онъ все еще обсуждалъ съ своимъ ратомъ и Карломъ Сёдерманландскимъ условія Роскильдскаго мира, проектировалъ новыя условія, предлагалъ сдѣлать Ревель и Выборгъ стапельными пунктами на востокѣ, запрещалъ русскую торговлю. Относительно Любека—король требовалъ для своихъ подданныхъ такихъ же привилегій въ ганзейскихъ городахъ, какихъ ганзейцы домогались въ Швеціи.

Фрихрихъ II стоялъ на роскильдскихъ требованіяхъ и не дѣлалъ никакихъ уступокъ. Ясно, что всѣ новые съѣзды, переговоры, переписка—были напрасны; они любопытны только со стороны дипломатической полемики XVI столѣтія.

Іоаннъ III тѣмъ не менѣе снарядилъ въ Данію новое посольство, представители котораго должны были доказать Фридриху II всю не-

---

chenn, auch vast verweisslich seinn, vnnder denen dann sein, das wir nicht allein sollen wiedergebenn alles was bey diesem Krieg mit gewaldt vnnd grossen vncosten auch verlierung mennigen ehrlichen Mannes leben, ahn die Cron Schweden gewonnen, es seie ahn Schlosser, Vesten, Landt vnnd Leuthen, Schieffen, vnd geschutz, sonndern auch noch daruber E. L. krigsvolck, vonn der zeitt ahnn, das wir E. L. erstmals vmb gleidt vor vnnsernn abgeferttigten gesandtenn geschrieben, besolden sollten... Weill dan die gemeinen des Reichs Schweden stennden daraus gnugsam zuuernehmenn, das mit solcher friedtshandlung nicht annders, als des Reichs Dennemark nutz, vortheill vnd vermehrunge, des Reichs Schweden aber vnderdruckung, schaden vnnd verderb gesucht, habenn sie derwegenn jun solchen vnnleidlichen Puncten nicht konnen oder wollen bewilligenn vnd volwortten.

возможность требованій датскаго короля [1]). Протесты шведскихъ пословъ, прибывшихъ въ Данію, касались главнымъ образомъ 4, 8, 10 и 12 пунктовъ роскильдскихъ прелиминаріевъ. Первый касался вопроса о трехъ коронахъ, три послѣдніе—торговли съ Россіей и Ливоніей.

Въ силу § 8 шведы должны были отказаться отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Ливоніи; послы Іоанна заявили, что этого пункта государь ихъ принять не могъ, вопервыхъ, потому, что утвержденіе шведовъ въ Ливоніи стоило имъ не мало денегъ и людей, а вовторыхъ, и потому, что шведское правительство не по своей волѣ вмѣшалось въ дѣла Ливоніи, а было призвано къ участію въ нихъ самими ливонцами, молившими о помощи противъ русскихъ. Эрикъ XIV далъ своимъ полководцамъ приказаніе перейдти къ наступленію только послѣ того, какъ датскій король объявилъ Швеціи войну.

10 и 12 §§ постановляли свободное плаваніе на Нарву. Шведскіе послы указывали датскимъ коммиссарамъ, что допустить нарвское плаваніе или, что равносильно, согласиться на свободныя торговыя сношенія Россіи съ Западной Европой государь ихъ не можетъ, такъ какъ результатъ этихъ сношеній—усиленіе Россіи какъ военной и морской державы—непремѣнно вредно отразится на благосостояніи Польши, родственной и союзной съ Швеціей державы. Ловкій маневръ! Не въ своихъ интересахъ, а въ интересахъ Польши Швеція не можетъ согласиться на выполненіе соотвѣтствующихъ §§ роскильдскаго договора.

Черезъ два дня, 3-го августа, датскіе коммиссары, собравшись въ Кнерѣдѣ, отвѣчали пунктъ за пунктомъ шведскимъ посламъ [2]). Они утверждали, что Эрикъ XIV, взявши Ревель подъ свое покровительство, нарушилъ мирный трактатъ въ Брёмсебро, по которому Христіанъ III и Густавъ Ваза обязывались не заключать никакихъ договоровъ, не предупредивши одинъ другаго. Между тѣмъ Эрикъ не удовольствовался занятіемъ Ревеля, онъ пошелъ еще дальше:

---

[1]) Дрезд. арх. Das zehende denische Buch. Der Schwedischen Gesandtenn erclärung vf etliche Punctenn, welche in der beschwerlichenn vernottlung begriffen seindt, die da jungst zu Rotschildt wieder K. M. zu Schweden Beuhell bewilligt worden, Actum Sunderbo, 1 Aug. 1569.

[2]) Дрезд. арх. Der K. M. zu Dennemark Gesandtenn erklerung vf alle artikeln darjnnen die Schwedische Gesandtenn sich von wegen der Rotschilt. vernottlung beschwert finden, welche erstlich muntlich furgetragen, vnnd hernacher in Schrifften vbergeben worden. Knerodt, 3 Aug. 1569.

онъ старался поднять населеніе Гарріи и Виррланда противъ датскаго короля, законнаго государя этихъ областей.

Всѣмъ извѣстно, говорили послы Фридриха II, что государи Даніи издавна мечемъ покорили себѣ всю Эстляндію и часть Лифляндіи, они ввели въ этихъ провинціяхъ христіанство и основали здѣсь нѣсколько епископствъ, Ревельское, Эзельское и др.

Хотя они впослѣдствіи и уступили эти земли Ливонскому ордену, но съ сохраненіемъ за собою верховнаго господства (die höchste Obrigkeitt) надъ ними. Это было подтверждено за Христіаномъ III императоромъ Карломъ V на шпейерскомъ конгрессѣ. Послѣдній магистръ Ливонскаго ордена обращался къ датскому королю за помощью противъ русскихъ, какъ къ своему протектору. Все это, заключили свою рѣчь датскіе послы, можетъ быть доказано подлинными грамотами и актами. Еслибы шведскіе послы потребовали послѣдняго, они поставили бы датскихъ пословъ въ очень затруднительное положеніе, потому что заявленіе датчанъ было лишено всякой фактической почвы; все, что они говорили въ защиту правъ Даніи на Эстляндію, чистѣйшій вымыселъ; мы уже знаемъ, что фактъ присвоенія себѣ датскими королями верховной власти надъ Эстляндіей— мистификація, идущая въ разрѣзъ съ исторической истиной [1]).

Датскіе послы, желавшіе взвалить всю вину враждебныхъ отношеній своего государя съ Швеціей на Эрика XIV, не успѣли въ этомъ; доводы ихъ не убѣдили шведовъ; они категорически отказывались выполнить § 8, называли требованіе датчанъ беззаконнымъ [2]): они говорили, что государь ихъ не согласится отказаться отъ своихъ завоеваній уже и потому, что тогда явится возможность захвата ихъ московскимъ царемъ; кто не знаетъ злостныхъ „практикъ", къ какимъ этотъ варваръ прибѣгаетъ, онъ не замедлитъ воспользоваться замѣшательствомъ въ Ливоніи и навѣрное утвердится во всей Эстоніи [3]).

И относительно нарвской торговли шведскіе послы продолжали стоять на своемъ; они говорили: „ни императоръ, ни Польша, ни

---

[1]) См. главу первую.

[2]) Der Schwedischen Gesandten Replica oder wiedererclerung vf das jenige, so von den denischen verordenten geantworttet wordenn, Actum Fieratt, 6 Aug.

[3]) ...das solches nicht dem Grosfursten in der Muskow zu handen einigen nutz oder vortheill kommen soll, dan es ist nicht gnugsam bewust, was fur Practiken ehr in dieser vergangener Zeitt, vnnd nun itzo vnlangst mitt etlichenn furgehabt hatt, dieser sachenn halb in Lifflandt, vnnd ist fast wunderlich aldar ge trieben wordenn.

имперія, ни другіе государи ничего не имѣютъ противъ запрещенія нарвской торговли, по преимуществу выгодной для однихъ только русскихъ, слѣдовательно нечего возражать противъ этого и датскому королю [1])". Датскіе послы находили, что шведскій король не долженъ былъ бы стѣснять датчанъ на пути ихъ въ Нарву уже и потому, что шведовъ же пропускаютъ черезъ Эрезундъ. Съ этимъ возраженіемъ вступили на очень скользкій путь; шведы могли указать на рядъ случаевъ захвата шведскихъ кораблей и кораблей ихъ союзниковъ въ Зундѣ и Бельтахъ. Вопросъ этотъ вызвалъ долгія пренія. Эти переговоры тянулись до 19-го августа; они ясно показали, что войнѣ суждено было еще протянуться нѣкоторое время. Ни шведы, ни датчане не шли на компромиссъ.

Отказъ Іоанна ратификовать Роскильдскій прелиминарный мирный трактатъ произвелъ сильное впечатлѣніе на союзниковъ Даніи, Любекъ и Польшу. Любекъ теперь уже не желалъ продолжать войны съ Швеціей и совѣтовалъ Фридриху еще разъ попытаться мирными переговорами окончить тягостную для всѣхъ войну. Населеніе Швеціи, писалъ любекскій ратъ Фридриху II, страстно желаетъ мира, такъ какъ силы его совершенно истощены. Если же война возобновится, то шведы будутъ вести ее съ тѣмъ большею энергіей, что терять имъ уже нечего, позорному миру они предпочтутъ смерть. Швеціи поможетъ Польша, а съ ней и Ливонія, Данцигъ, Померанія, Пруссія и Мекленбургъ; вести войну, стало быть, будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ раньше въ царствованіе Эрика, когда можно было разсчитывать на Сигизмунда Польскаго [2]). Неутомимый Дансэ

---

[1]) So wollen die K. M. sich nicht darwieder setzenn, oder etwas lassen thun oder furnehmen.

[2]) Дрезд. арх. Vnnd wan gleich alle Sachenn also geschafft, das man gnugsame vrsachen finden mochte den Krieg zu renouiren, so werde es etwas hefftiger zugehenn, dan niemals, Dan zubesorgenn, das die ausgangene Mandata, wie es ettlich mall bey K. Erichs zeiten, darauff gestandenn, auff anhalten schwedischer freundtschafft vnnd gonner, möchten retractirt werdenn, so stunde Irer K. W. gantz Liefflandt Preussen Dantzig Pommern vnnd Meklenburg, vnd also die gantze Ostsee offenn, so woll auch der Pass ann der Westsee, dadurch sich jre K. W. villeicht auch vortroster hulffe von allen ortten zuuersehenn, Was es fur sorge, mühe vnnd arbeit gekostet hatt, die auffsichtung bey Zeitt der werenden Mandatenn, da sich jederman scheuwenn vnnd furchten mussenn, was wurde es vor arbeite gestehenn, wann es jederman freij vnnd offen stunde, zu dem das auch Polenn mit jrer K. W. gefreundett, dauor sich K. Erich auf der einen seittenn zum hefftigsten zubefahrenn hatt.

также продолжалъ склонять скандинавскихъ государей къ миру. 25-го августа уполномоченные съ обѣихъ сторонъ собрались въ послѣдній разъ, и этотъ съѣздъ оказался столь же безплоднымъ, какъ и всѣ предшествующіе. 26-го августа шведскіе послы уѣхали въ Стокгольмъ. Война разгорѣлась съ новою силой [1]). Датчане двинулись къ Варбергу; послѣ непродолжительной осады городъ капитулировалъ (13—14 ноября). Взятіе Варберга стоило Фридриху жизни двухъ его лучшихъ полководцевъ—Рантцау и Брокенгуза. Шведы еще въ октябрѣ вторглись въ Сконе съ цѣлью отвлечь датчанъ отъ Варберга и послѣ страшныхъ опустошеній и разореній вернулись въ шведскіе предѣлы. Любопытно, что датчане теперь распространяли извѣстіе, что они явились освободить несчастнаго короля Эрика, беззаконно свергнутаго и заключеннаго.

1569 годъ окончился взаимными опустошеніями, слѣдующій 1570 начался таковыми же [2])! Шведы перешли норвежскую границу и дошли до Трондьэма, но должны были вскорѣ отступить; не удалось и вторженіе шведовъ въ Норвегію со стороны Акерсгуса. Къ концу зимы они вторглись въ Богусъ, гдѣ путь ихъ также обозначился разбоемъ и огнемъ, но утвердиться въ Норвегіи имъ все-таки не пришлось.

Швеція сильно терпѣла отъ продолженія войны; начались волненія, ропотъ слышался всего сильнѣе въ пограничныхъ провинціяхъ Швеціи; въ низшихъ слояхъ населенія Вестерготланда оно, напримѣръ, достигло такихъ размѣровъ, что приходилось прибѣгать къ угрозамъ военною расправою. Іоаннъ имѣлъ полное основаніе опасаться этихъ движеній, такъ какъ молва ставила ихъ въ связь съ интригами и стараніями Эрика XIV вернуть себѣ шведскій престолъ, и прибѣгъ къ даровой раздачѣ хлѣба и пониженію податей.

Не лучше было и положеніе Даніи [3]). Ясно, что война не могла долго продлиться. Фридриху не доставало средствъ для новыхъ вооруженій; въ 1570 году онъ былъ въ состояніи организовать только одно вторженіе въ Швецію; оно было направлено на Смоландъ и является послѣднимъ наступательнымъ фактомъ войны. Морскія событія за два послѣднихъ года были совершенно незначительны.

---

[1]) Для военныхъ событій ср. *Westling*, 73 и далѣе. Danzay предвидѣлъ, что переговоры о мирѣ ни къ чему не приведутъ. См. письмо его къ Екатеринѣ Медичи отъ 1 сентября.

[2]) *Westling*, 76.

[3]) Фридрихъ объявилъ рату, что если онъ не согласится на новыя субсидіи, онъ сложитъ съ себя корону. Regesta, II, 295.

Іоаннъ больше Фридриха желалъ покончить войну на западѣ, чтобы сосредоточить и силы и вниманіе на восточныхъ, ливонскихъ событіяхъ, принимавшихъ угрожающій для Швеціи характеръ съ 1570 года.

Общее утомленіе обѣихъ воевавшихъ сторонъ, желаніе ихъ заключить миръ, совершенное истощеніе силъ скандинавскихъ народовъ— все это не укрылось отъ вниманія неутомимыхъ посредниковъ мира— Франціи, Польши и Саксоніи—и, съ начала 1570 года, дипломатія дѣйствуетъ уже съ бóльшими шансами на успѣхъ, нежели въ первые годы послѣ шведскаго переворота.

Не смотря на неудачу переговоровъ 1569 года, Данеэ снова предлагалъ собраться въ Ростокѣ [1]). И Польша и Данія соглашались принять участіе въ новомъ съѣздѣ [2]), Іоаннъ же III выставлялъ рядъ причинъ, по которымъ его участіе было невозможно. Данеэ говорилъ польскимъ посламъ, что шведскій король одинъ виноватъ въ томъ, что конгрессъ въ Ростокѣ не состоялся. Сигизмудъ II Августъ отправилъ тогда своихъ пословъ къ Іоанну въ Стегеборгъ, гдѣ они убѣждали его принять участіе въ переговорахъ о мирѣ, какъ скоро состоится новый съѣздъ. Мѣстомъ его назначили Штеттинъ. На Фридриха производили давленіе съ двухъ сторонъ: со стороны Польши и императора, и, долго не соглашаясь участвовать въ новомъ конгрессѣ, онъ въ концѣ концовъ сдался на убѣжденія пословъ. За императоромъ въ пользу мира всѣхъ энергичнѣе ратовалъ Августъ Саксонскій; онъ убѣдилъ императора взять на себя посредничество, онъ настроилъ и Фридриха въ пользу мира. Уже въ маѣ посолъ Максимиліана Минквитцъ былъ въ Даніи; Фридрихъ II со своей стороны согласился даже на перемиріе съ 16-го іюня по 31-го іюля, если только и Іоаннъ III приметъ его. Но шведскій король и братъ его Карлъ отвѣтили, что согласятся на перемиріе только въ томъ случаѣ, если оно будетъ заключено на шесть лѣтъ. Минквитцъ не могъ склонить Іоанна къ уступкамъ; онъ жаловался, что и въ Даніи, и въ Швеціи настроеніе очень не миролюбивое: Данія не желаетъ разставаться съ своими сухопутными побѣдами, Швеція ожидаетъ морскихъ тріумфовъ для своего флота. Рѣшено было и безъ заключенія перемирія собраться въ Штеттинѣ. Шведскимъ посламъ король предписалъ, тотчасъ же по прибытіи въ Штеттинъ, начать переговоры съ польскими депутатами; Іоаннъ III надѣялся на поддержку Польши не

---

[1]) *Westling*, II, 83 и далѣе. *Blümcke*, 20 и далѣе.

[2]) Дрезд. арх. Фридрихъ Августу, 12 іюня 1569.

только въ виду родства обоихъ королей, но главнымъ образомъ въ виду сближенія датскаго принца Магнуса съ московскимъ царемъ. Шведскіе послы должны были предъ посредниками раскрыть враждебные поступки Даніи по отношенію къ Швеціи, выставить Данію виновницей войны и особенно подчеркнуть дружелюбныя отношенія Даніи къ Москвѣ. Іоаннъ былъ увѣренъ, что посредники, прослышавъ обо всемъ этомъ, тотчасъ же перейдутъ на его сторону [1]. Наконецъ, до начала переговоровъ, шведскимъ посламъ надлежало узнать, намѣрены ли датчане отстаивать свои прежнія на Роскильдскомъ съѣздѣ предъявленныя требованія или нѣтъ, и въ случаѣ они узнаютъ, что датчане уступокъ не сдѣлаютъ, они должны были тотчасъ покинуть съѣздъ. На перемиріе они могли согласиться только въ томъ случаѣ, если оно заключится на одинъ или на два года. Требованія Іоанна были—заставить Фридриха отказаться отъ трехъ коронъ, удержать притязанія на Галландъ, Сконе, Готландъ и Норвегію, настаивать на уступкѣ Іемтланда, Герьедалена, Ливоніи и Эльфсборга, заплатить 100.000 талеровъ и тотчасъ передать шведамъ Викенъ въ Норвегіи и Готландъ. Любчане не должны пользоваться бо́льшими правами, чѣмъ остальные торговцы.

Таковы были высшія требованія шведовъ. Смотря по обстоятельствамъ послы могли мало по малу сбавлять, уступать; такъ первая уступка касалась трехъ коронъ, вторая притязанія на Норвегію, Галландъ, Сконе и Готландъ; за Эльфсборгъ Іоаннъ соглашался передать датчанамъ Гапсаль, Лоде, Леаль и Зоннебургъ, въ крайнемъ случаѣ даже Перновъ и 100.000 талеровъ въ придачу; разрѣшалось оставить притязанія на Іемтландъ и Герьедаленъ. Относительно нарвскаго плаванія Данія и Любекъ должны были войдти въ переговоры съ германскимъ императоромъ. Польскимъ депутатамъ король обѣщалъ сдѣлать нѣкоторыя уступки въ Викенѣ, если только они помогутъ его посламъ удержать за нимъ Эльфсборгъ.

Такимъ образомъ Іоаннъ III, какъ видно, всего выше цѣнилъ пріобрѣтеніе Эльфсборга, ради него отказывался отъ всѣхъ своихъ прочихъ притязаній; Эльфсборгъ дѣлалъ для него ненужнымъ плаваніе чрезъ Зундъ, сношенія съ западной Европой могли существовать безъ посредничества Даніи.

17-го іюля шведскіе послы прибыли въ Штеттинъ, гдѣ уже были депутаты Фридриха II и Любека. Фридрихъ въ инструкціи, данной

[1] Ibid. 87.

имъ своимъ посламъ, настаивалъ на трехъ коронахъ и на возвращеніи Даніи отнятыхъ у нея кораблей и, по совѣту Августа Саксонскаго, отказывался уступить шведамъ Эльфсборгъ. Король предупредилъ однако пословъ, чтобы они не проявляли слишкомъ много гордости и настойчивости, такъ какъ для продленія войны у государства нѣтъ средствъ [1]).

Въ Штеттинъ явился Дансэ, уполномоченный отъ Августа Саксонскаго. Ожидали еще пословъ отъ императора и Польши.

Общею темою служили каперства московитовъ и сближеніе Магнуса съ царемъ.

Только въ августѣ съѣхались всѣ депутаты; представителями императора были графъ Іоахимъ Шликъ, Христофоръ фонъ-Карловицъ, Минквицъ и Іоаннъ Фридрихъ, герцогъ Штеттинскій. Какъ и можно было ожидать, Саксонія горячо отстаивала во время преній интересы Даніи, Польша интересы Швеціи; но самое заступничество Польши за Швецію не было безкорыстнымъ. „Польскій король выступилъ не только какъ посредникъ, но и какъ заинтересованный участникъ въ борьбѣ“. Императорскіе послы явно не обнаруживали еще своихъ симпатій ни къ шведамъ, ни къ датчанамъ. Сближеніе Магнуса съ Москвою много портило дѣло датчанъ [2]). 5-го сентября начались съѣзды коммиссаровъ. Переговоры велись на нѣмецкомъ языкѣ; сначала требованія сторонъ высказывались устно, затѣмъ уже письменно. Сначала разрѣшено было выслушать датчанъ, затѣмъ представителей Любека и Швеціи. На заявленія своихъ враговъ шведы отвѣчали, что за любчанами никогда не были юридически подтверждены ихъ привилегіи въ Швеціи; нарвское же плаваніе шведскіе короли закрывали имъ по просьбѣ императора Фердинанда. Денежныя требованія любчанъ они считаютъ беззаконными, государь ихъ рѣшительно отказывается отъ нихъ. Отъ датчанъ потребовали, чтобъ они отказались отъ трехъ коронъ, возвратили Швеціи Эльфсборгъ и не претендовали на какія либо земли въ Ливоніи. Они продолжали поднимать противъ Даніи иностранныхъ пословъ указаніемъ на дружбу Даніи съ Москвою, они показывали копіи съ писемъ Магнуса, въ которыхъ онъ признавалъ царя своимъ господиномъ и съ писемъ

---

[1]) Изъ одной замѣтки къ инструкціи датскихъ пословъ курфюрсту саксонскому видно, что Фридрихъ II былъ долженъ одному Августу 87797 талеровъ и 77430 золотыхъ гульденовъ.—Дрезд. арх. Das Zehende denische Buch.

[2]) *Westling*, II, 91—92.

Фридриха II, въ которыхъ король, повидимому, одобрялъ каперства московитовъ. И не смотря на это, общее настроеніе коммиссаровъ все болѣе и болѣе клонилось въ пользу Даніи.

Переговоры затягивались, посредникамъ приходилось не легко, нужна была большая дипломатическая опытность, чтобы снова не допустить разрыва; „надежды на миръ очень шатки, писалъ депутатъ Данцига въ октябрѣ, Фридрихъ II энергично готовится къ войнѣ и намѣренъ помочь Магнусу занять Ревель“ [1]); между тѣмъ въ виду новаго столкновенія съ Москвою, Іоаннъ далъ знать своимъ посламъ, чтобы они не возвращались домой безъ мира, и шведскіе послы почли минуту удобною для ряда уступокъ. Уступки эти привели, наконецъ, къ соглашенію Швеціи съ Даніей, подписанному 2-го декабря. Прежде всего обѣ стороны сошлись на томъ, чтобы миръ былъ вѣчнымъ. Затѣмъ— датчане совершенно отказывались отъ военной контрибуціи, на которой сначала такъ сильно настаивали [2]). Возстановлялись границы временъ Густава I и Христіана III, а въ Норвегіи границы, существовавшія съ незапамятныхъ временъ. Окончательно этотъ пунктъ былъ такъ формулированъ: оба сѣверныхъ короля прекращаютъ между собою всякую вражду, несогласіе, споры; война совершенно утихаетъ и пріостанавливается; оба короля заключаютъ между собою прочный, постоянный, вѣчный, непоколебимый миръ, дружбу и сосѣдство. Все, что можетъ быть вреднымъ или опаснымъ для подданныхъ того и другаго государства, отмѣняется; каждый государь долженъ по мѣрѣ силъ отстаивать честь, пользу и интересы своего королевства, своихъ подданныхъ, онъ долженъ сообщать своему союзнику и другу обо всемъ, что ему придется слышать, будетъ ли это заговоръ, злые умыслы и т. д.

Очень продолжительны были пренія изъ за Эльфсборга. Для Швеціи обладаніе этимъ городомъ было вопросомъ жизни, такъ какъ это былъ единственный пунктъ на Каттегатѣ и Нѣмецкомъ морѣ. Іоаннъ далъ своимъ посламъ полномочіе за Эльфсборгъ уступить Даніи Іемтландъ и Герьедаленъ. Фридрихъ, въ виду такой важности для Швеціи этой крѣпости, не желалъ ее уступать. Послы Августа Саксонскаго помогли дѣлу, убѣдивши датскихъ коммиссаровъ въ необходимости пойдти на компромиссъ. Тогда Фридрихъ II запросилъ за Эльфсборгъ 400.000 талеровъ, разрѣшивъ, впрочемъ, своимъ посламъ

---

[1]) Данц. арх. Acta Intern. IX.
[2]) Ibid. 96.

понизить эту сумму до 100.000. Ловкіе агенты Фридриха II медленно уступали и добились-таки 150.000 талеровъ за спорную крѣпость: 7-го іюня 1571 года она должна была перейдти къ Швеціи со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ.

Кромѣ денегъ датчане настояли еще и на уступкѣ имъ Іемтланда и Герьедалена, на возвращеніи имъ всѣхъ захваченныхъ въ войнѣ кораблей и пушекъ. Протесты шведскихъ коммиссаровъ были напрасны; на сторонѣ датчанъ были и посредники [1]).

Не мало дебатировался также и вопросъ о трехъ коронахъ. Въ концѣ концовъ рѣшено было, что въ будущемъ оба короля—датскій и шведскій — могутъ носить изображеніе ихъ, но помнить, что съ этимъ не связаны никакія права на возстановленіе уніи; на случай какихъ либо новыхъ споровъ весь вопросъ о коронахъ долженъ быть предоставленъ третейскому суду императора, курфюрста саксонскаго, герцога брауншвейгскаго, курфюрста бранденбургскаго и пфальцграфа Георга Іоанна и представителей обоихъ скандинавскихъ государствъ.

Сложнѣе другихъ былъ ливонскій вопросъ: онъ затрагивалъ не только шведскіе и датскіе, польскіе и русскіе интересы, но и общеевропейскіе. Всѣ коммиссары съ необычайною живостью отнеслись къ нему; это былъ сложный вопросъ, касавшійся и политической, и коммерсіальной будущности воевавшихъ державъ. Мы подробнѣе остановимся на немъ, его рѣшеніе было вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшеніемъ вопроса о Dominium maris balthici. Дипломатическій конфликтъ разгорѣлся прежде всего между скандинавскими государствами и Польшей. Положеніе, принятое послами Сигизмунда II Августа, сразу сдѣлалось вызывающимъ. Они передали шведскимъ посламъ письмо своего государя, въ которомъ тотъ требовалъ отъ шведовъ, чтобъ они отказались отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Ливоніи, соединились съ Польшей противъ Россіи и содѣйствовали прекращенію нарвской торговли. Такое требованіе польскаго короля было тѣмъ удивительнѣе и неожиданнѣе, что самъ онъ, не обращая вниманія на интересы Швеціи, недавно заключилъ трехлѣтнее перемиріе съ Москвою, предоставивъ царю возможность поддерживать Магнуса противъ шведовъ [2]). Шведскіе послы, какъ и можно было ожидать, рѣшительно отвергли такое незаконное требованіе, отношенія становились очень натянутыми.

---

[1]) Шведы дѣлали попытки склонить на свою сторону Бранденбургъ. *Blümcke*, 42.
[2]) *Westling*, 101.

По отношенію къ Даніи польскіе легаты также приняли враждебный тонъ; они начали съ жалобъ на захватъ датчанами данцигскихъ кораблей; указывали, что въ Ливоніи поляки не пользовались никакою помощью датчанъ, хотя по договору 1563 года датчане и обязались дѣйствовать заодно съ поляками противъ шведовъ и *противъ русскихъ*. Польскіе легаты искажали текстъ договора, и это легко было доказать имъ, какъ ссылкою на договоръ, такъ и письмами Сигизмунда II Августа послѣ 1568 года. Отношенія Даніи къ Польшѣ ухудшились въ значительной степени послѣ договора Магнуса съ царемъ, который польскіе послы не иначе толковали, какъ договоръ Даніи съ Москвою [1]). Когда выдвинули дѣло Магнуса, императорскіе послы стали распрашивать (examiniren) датскаго секретаря, на какихъ условіяхъ былъ заключенъ договоръ Магнуса съ Москвою, цѣною какихъ пожертвованій Магнусъ согласился дѣйствовать за одно съ Москвою противъ Ливоніи. Разумѣется, датчане представили императорскимъ посламъ все дѣло въ такой же редакціи, въ какой Магнусъ представилъ его впервые Фридриху II, то-есть что по смерти Магнуса Ливонское королевство сдѣлается леномъ Даніи, править имъ будутъ герцоги Голштинскіе [2]).

Другое доносили императору и его посламъ Польскій король и его депутаты [3]). Желая произвести давленія на императора, Сигизмундъ II Августъ чрезъ своихъ пословъ при Вѣнскомъ дворѣ давалъ ему знать о датскихъ интригахъ противъ Польши, о „единомысліи“ Копенгагена и Москвы. Адаму Конарскому и Лукѣ Подоскому король пишетъ въ августѣ (1570), что до него дошли достовѣрныя свѣдѣнія объ интригахъ Даніи и Москвы противъ Польши. Такія свѣдѣнія, пишетъ онъ, приходятъ къ намъ изъ Германіи, кромѣ того о нихъ сообщилъ намъ одинъ плѣнникъ, человѣкъ честный, участвовавшій (conscius et particeps) во всѣхъ переговорахъ между Московскимъ царемъ съ одной стороны, и Магнусомъ и Фридрихомъ II съ другой; все, что онъ намъ сообщилъ подтверждается донесеніями нашихъ пословъ, вернувшихся изъ Москвы. О союзѣ Московскаго царя съ Магнусомъ король слышалъ, что онъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Магнусъ съ согласія и разрѣшенія царя становится феодальнымъ герцогомъ (prin-

---

1) *Chytraeus*, 658—659.

2) Берл. арх.

3) *Xaver Liske*, Öfversigt af den polska litteraturen med särskildt afseende på den svenska historien. Hist. Bibl. II.

ceps) всей Ливоніи; онъ долженъ подчиниться царю „tamquam supremo Caesari et Jmperatori Rutenorum“. Наслѣдовать Ливонію будутъ сыновья Магнуса, а если таковыхъ не будетъ—короли Датскіе. Данія должна доставить царю флотъ для борьбы съ Швеціей и Польшей, царь Даніи сухопутное войско. Начало уже сдѣлано: русскіе пираты препятствуютъ торговымъ сношеніямъ на Балтійскомъ морѣ. Затѣмъ: Датскій король и Магнусъ взяли на себя примирить Московскаго царя съ имперскими князьями, сблизить ихъ, соединить, такъ чтобы у нихъ были общіе друзья и враги. Это сближеніе царя съ князьями можетъ быть опаснымъ для императора.

Въ сентябрѣ польскій король сообщаетъ Лукѣ Подоскому объ успѣшной осадѣ Ревеля русскими и Магнусомъ. Пусть онъ извѣститъ объ этомъ императора, скажетъ ему, что, если вб-время не затушитъ пламени, оно достигнетъ наслѣдственныхъ земель Габсбургскихъ государей. Король просилъ своего посла добиться у императора, чтобы его коммиссары взяли на себя и его жалобы, помогли ему добиться мира и справедливаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ.

Чрезъ мѣсяцъ король уже пишетъ о началѣ враждебныхъ дѣйствій Датчанъ: они напали на 4 данцигскихъ корабля, оберегавшихъ море отъ московскихъ пиратовъ. Представленія Польши сильнѣе подѣйствовали на императорскихъ пословъ, нежели представленія датчанъ, и за Польшу, съ этихъ поръ, раздаются голоса императорскихъ коммиссаровъ. Тема была старая:русскіе въ Ливоніи, русскіе господа Балтійскаго моря—это симптомы скораго, неминуемаго паденія всѣхъ приморскихъ нѣмецкихъ княжествъ. Ливонія не должна быть отторгнута отъ имперіи, а составлять съ нею одно цѣлое. Сколько разъ повторялось это желаніе, сколько разъ выискивались средства къ выполненію его—и всегда все кончалось протестами, угрозами, чернильною войною.

Рѣшено было войдти въ переговоры съ функціонировавшимъ тогда въ Шпейерѣ рейхстагомъ; переписка штеттинскихъ коммиссаровъ съ императорскими депутатами въ Шпейерѣ затягивала ходъ переговоровъ, время уходило, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали мира.

Естественно, что датчане стояли за то, чтобы Магнусу были возвращены всѣ у него отнятыя земли, но согласно инструкціи Фридриха II они изъ-за Ливоніи не должны были тянуть дѣло, и датскіе депутаты въ этомъ отношеніи готовы были на рядъ компромиссовъ.

Шведскіе депутаты получили отъ своего государя цѣлый рядъ указаній относительно Ливоніи. Іоаннъ началъ съ того, что находилъ

вмѣшательство Даніи въ дѣла Ливоніи совершенно неумѣстнымъ съ тѣхъ поръ, какъ царь принялъ Магнуса подъ свое покровительство и пожаловалъ его всею Ливоніей. Если иностранные посредники пожелаютъ вознаградить датчанъ, то онъ—Іоаннъ—согласенъ уступить имъ Гапсаль, Лоде и Леаль; но за Швеціей отстаивалъ Ревель, Падисъ, Виттенштейнъ и Каркусъ. Польшѣ Іоаннъ допускалъ возможность уступить эти города, если послѣдняя заключитъ съ нимъ наступательный союзъ противъ Россіи и заплатитъ ему милліонъ талеровъ.

Уже 20-го сентября Іоаннъ прислалъ своимъ депутатамъ новое полномочіе, по которому они не должны были вступать въ переговоры о Ливоніи съ поляками; датчанамъ они могли сдѣлать рядъ обѣщаній, только удостовѣрившись, что союзъ Магнуса съ царемъ *не* направленъ противъ шведовъ.

Въ третьей инструкціи отъ 2-го октября Іоаннъ уполномочиваетъ своихъ пословъ предложить всѣ владѣнія шведовъ въ Ливоніи императору за денежное вознагражденіе въ 100.000 талеровъ или за уступку шведамъ Эзеля, Дагё и другихъ острововъ, заселенныхъ шведами. Еслибы императоръ не пожелалъ лично принять Ливонію подъ свою власть, онъ могъ бы назначить леннымъ владѣтелемъ какого нибудь шведскаго принца или другаго князя съ обязательствомъ заключить съ Швеціей договоръ противъ Россіи. Датчанамъ шведскіе коммиссары могли сдѣлать уступки только съ условіемъ, чтобы уступленныя земли не были переданы Магнусу и Москвѣ. Наконецъ, еслибы императоръ совершенно отказался отъ всякаго рода сдѣлокъ съ Ливоніей, король разрѣшалъ предложить ее за денежное вознагражденіе Польшѣ, съ тѣмъ, чтобы Польша порвала свой договоръ съ Даніей и заодно съ шведами дѣйствовала противъ Москвы.

Послѣ долгихъ преній рѣшено было ливонскій вопросъ разсмотрѣть на особомъ конгрессѣ въ Ростокѣ, 24-го мая 1571 года, на которомъ должны были съѣхаться депутаты отъ Швеціи, Даніи и германскаго императора. На этомъ конгрессѣ Іоаннъ долженъ былъ передать свои ливонскія владѣнія императору; императорскіе коммиссары тутъ же уступали Даніи Эзельскую и Ревельскую епархіи—къ послѣдней городъ Ревель не принадлежалъ—съ правомъ передать ихъ Магнусу, какъ скоро онъ порветъ свой договоръ съ Москвою. Остальные пункты—Ревель, Виттенштейнъ и др.—императоръ уступалъ въ ленное владѣніе Іоанну, обѣщавъ уплатить ему военные расходы, понесенные Швеціею.

имперія, ни другіе государи ничего не имѣютъ противъ запрещенія нарвской торговли, по преимуществу выгодной для однихъ только русскихъ, слѣдовательно нечего возражать противъ этого и датскому королю [1])". Датскіе послы находили, что шведскій король не долженъ былъ бы стѣснять датчанъ на пути ихъ въ Нарву уже и потому, что шведовъ же пропускаютъ черезъ Эрезундъ. Съ этимъ возраженіемъ вступили на очень скользкій путь; шведы могли указать на рядъ случаевъ захвата шведскихъ кораблей и кораблей ихъ союзниковъ въ Зундѣ и Бельтахъ. Вопросъ этотъ вызвалъ долгія пренія. Эти переговоры тянулись до 19-го августа; они ясно показали, что войнѣ суждено было еще протянуться нѣкоторое время. Ни шведы, ни датчане не шли на компромиссъ.

Отказъ Іоанна ратификовать Роскильдскій прелиминарный мирный трактатъ произвелъ сильное впечатлѣніе на союзниковъ Даніи, Любекъ и Польшу. Любекъ теперь уже не желалъ продолжать войны съ Швеціей и совѣтовалъ Фридриху еще разъ попытаться мирными переговорами окончить тягостную для всѣхъ войну. Населеніе Швеціи, писалъ любекскій ратъ Фридриху II, страстно желаетъ мира, такъ какъ силы его совершенно истощены. Если же война возобновится, то шведы будутъ вести ее съ тѣмъ большею энергіей, что терять имъ уже нечего, позорному миру они предпочтутъ смерть. Швеціи поможетъ Польша, а съ ней и Ливонія, Данцигъ, Померанія, Пруссія и Мекленбургъ; вести войну, стало быть, будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ раньше въ царствованіе Эрика, когда можно было разсчитывать на Сигизмунда Польскаго [2]). Неутомимый Дансэ

---

[1]) So wollen die K. M. sich nicht darwieder setzenn, oder etwas lassen thun oder furnehmen.

[2]) Дрезд. арх. Vnnd wan gleich alle Sachenn also geschafft, das man gnugsame vrsachen finden mochte den Krieg zu renouiren, so werde es etwas hefftiger zugehenn, dan niemals, Dan zubesorgenn, das die ausgangene Mandata, wie es ettlich mall bey K. Erichs zeiten, darauff gestandenn, auff anhalten schwedischer freundtschafft vnnd gonner, möchten retractirt werdenn, so stunde Irer K. W. gantz Liefflandt Preussen Dantzig Pommern vnnd Meklenburg, vnd also die gantze Ostsee offenn, so woll auch der Pass ann der Westsee, dadurch sich jre K. W. villeicht auch vortroster hulffe von allen ortten zuuersehenn, Was es fur sorge, mühe vnnd arbeit gekostet hatt, die auffsichtung bey Zeitt der werenden Mandatenn, da sich jederman scheuwenn vnnd furchten mussenn, was wurde es vor arbeite gestehenn, wann es jederman freij vnnd offen stunde, zu dem das auch Polenn mit jrer K. W. gefreundett, dauor sich K. Erich auf der einen seittenn zum hefftigsten zubefahrenn hatt.

также продолжалъ склонять скандинавскихъ государей къ миру. 25-го августа уполномоченные съ обѣихъ сторонъ собрались въ послѣдній разъ, и этотъ съѣздъ оказался столь же безплоднымъ, какъ и всѣ предшествующіе. 26-го августа шведскіе послы уѣхали въ Стокгольмъ. Война разгорѣлась съ новою силой [1]). Датчане двинулись къ Варбергу; послѣ непродолжительной осады городъ капитулировалъ (13—14 ноября). Взятіе Варберга стоило Фридриху жизни двухъ его лучшихъ полководцевъ—Рантцау и Брокенгуза. Шведы еще въ октябрѣ вторглись въ Сконе съ цѣлью отвлечь датчанъ отъ Варберга и послѣ страшныхъ опустошеній и разореній вернулись въ шведскіе предѣлы. Любопытно, что датчане теперь распространяли извѣстіе, что они явились освободить несчастнаго короля Эрика, беззаконно свергнутаго и заключеннаго.

1569 годъ окончился взаимными опустошеніями, слѣдующій 1570 начался таковыми же [2])! Шведы перешли норвежскую границу и дошли до Трондьэма, но должны были вскорѣ отступить; не удалось и вторженіе шведовъ въ Норвегію со стороны Акерсгуса. Къ концу зимы они вторглись въ Богусъ, гдѣ путь ихъ также обозначился разбоемъ и огнемъ, но утвердиться въ Норвегіи имъ все-таки не пришлось.

Швеція сильно терпѣла отъ продолженія войны; начались волненія, ропотъ слышался всего сильнѣе въ пограничныхъ провинціяхъ Швеціи; въ низшихъ слояхъ населенія Вестерготланда оно, напримѣръ, достигло такихъ размѣровъ, что приходилось прибѣгать къ угрозамъ военною расправою. Іоаннъ имѣлъ полное основаніе опасаться этихъ движеній, такъ какъ молва ставила ихъ въ связь съ интригами и стараніями Эрика XIV вернуть себѣ шведскій престолъ, и прибѣгъ къ даровой раздачѣ хлѣба и пониженію податей.

Не лучше было и положеніе Даніи [3]). Ясно, что война не могла долго продлиться. Фридриху не доставало средствъ для новыхъ вооруженій; въ 1570 году онъ былъ въ состояніи организовать только одно вторженіе въ Швецію; оно было направлено на Смоландъ и является послѣднимъ наступательнымъ фактомъ войны. Морскія событія за два послѣднихъ года были совершеннно незначительны.

---

[1]) Для военныхъ событій ср. *Westling*, 73 и далѣе. Danzay предвидѣлъ, что переговоры о мирѣ ни къ чему не приведутъ. См. письмо его къ Екатеринѣ Медичи отъ 1 сентября.

[2]) *Westling*, 76.

[3]) Фридрихъ объявилъ рату, что если онъ не согласится на новыя субсидіи, онъ сложитъ съ себя корону. Regesta, II, 295.

явлено свободнымъ, датчане и любчане могли ѣздить въ Швецію и Россію, шведы свободно проѣзжать Зундъ. Фридрихъ II за уступку въ нарвскомъ вопросѣ обѣщалъ шведамъ свое посредничество и примиреніе ихъ съ царемъ и Магнусомъ. Поляки протестовали противъ принятаго рѣшенія, императорскіе послы удерживали за своимъ государемъ право съ согласія нѣмцевъ и иностранныхъ князей вносить новые параграфы и дѣлать въ этомъ отношеніи новыя постановленія на пользу всего христіанства.

Остальные пункты мирнаго договора касались мелкихъ вопросовъ объ обмѣнѣ плѣнныхъ и пр., что̀ преній не вызывало. Кто изъ державъ нарушитъ миръ, подлежитъ штрафу въ одинъ милліонъ золотомъ. Въ штеттинскій договоръ Швеціи съ Даніей рѣшено было включить со стороны Даніи императора, но такъ „чтобъ это не повліяло на дружескія отношенія Даніи къ Франціи, Испаніи, Англіи, Польшѣ и Шотландіи“, курфюрстовъ саксонскаго, бранденбургскаго, пфальцскаго, герцоговъ брауншвейгскаго, люнебургскаго, померанскихъ, мекленбургскаго, шлезвигъ-голштинскаго, прусскаго, курляндскаго, бургомистра, ратъ и общины Любека; со стороны Швеціи—императора, Францію, Испанію, Польшу, Англію, Шотландію, курфюрста бранденбургскаго, архіепископа бременскаго, епископовъ мюнстерскаго, оснабрюкскаго и падерборнскаго, пфальцграфа Георга Ганса, герцоговъ Юлиха и Клеве, герцоговъ померанскаго, саксонскаго, Энгернъ и Вестфаленъ, герцога прусскаго, маркграфа баденскаго, Мекленбургъ, Курляндію, графа остфрисландскаго и подданныхъ всѣхъ поименованныхъ государей.

Договоръ 1570 года былъ скрѣпленъ 23 печатями. 25-го января 1571 года послѣдовала ратификація его со стороны Фридриха II, 24-го февраля со стороны Іоанна III и Карла Сѣдерманландскаго [1]). Оставалось примирить Швецію съ Любекомъ, за что посредники принялись съ такою же готовностью и рѣшимостью довести переговоры до конца, какъ и въ дѣлѣ примиренія Даніи съ Швеціей.

Всего сложнѣе оказался вопросъ о привилегіяхъ Любека въ Швеціи. Шведскіе послы настаивали на томъ, что привилегіи любчанъ въ Швеціи были вынуждены у Густава Вазы въ тяжелую пору шведскаго государства, да и кромѣ того, любчане разнаго рода злоупотребленіями сами потеряли право на пользованіе ими. Поэтому шведы пред-

---

[1]) Желаніе Доротеи, чтобы и Магнусъ былъ включенъ въ мирный договоръ, было отвергнуто. Ср. Aarsberetninger, III, 95.

лагали совершенно оставить старыя привилегіи и повести переговоры о новыхъ. Любекъ же и посредники настаивали на томъ, чтобы исходною точкою именно и служили привилегіи временъ Густава I. Нѣкоторые пункты въ старыхъ привилегіяхъ были совершенно вычеркнуты, напримѣръ, запрещеніе шведамъ ѣздить въ Нѣмецкое море черезъ Зундъ и Бельты, право Любека переносить свои привилегіи и на другіе вендскіе города и пр. Постановлено было, что любчане могутъ торговать во всѣхъ городахъ Швеціи; принудительныя таксы отмѣнялись; шведамъ не удалось провести пунктъ о томъ, что привилегіи имѣютъ силу только, пока любчане въ мирѣ со шведами; онѣ сохраняли силу и въ мирное и въ военное время.

Послѣ привилегій слѣдовалъ вопросъ о денежномъ вознагражденіи любчанъ; они требовали уплаты долга Густава I и возвращенія захваченныхъ кораблей. Шведы отъ долга Густава I отказывались, возвратить же захваченные до войны корабли они соглашались, если и Любекъ сдѣлаетъ то же. Любчанамъ пришлось сильно поубавить свои требованія. Посредники постановили, что шведское правительство въ общей сложности должно въ семилѣтній срокъ уплатить Любеку 75.000 талеровъ. Захваченные корабли возвращались съ той и съ другой стороны. Всякія недоразумѣнія, могущія въ будущемъ возникнуть, должны быть разсмотрѣны 8 третейскими судьями, по четыре съ каждой стороны.

Мирный договоръ Швеціи съ Любекомъ былъ подписанъ 13-го декабря 1570 г. Іоаннъ ратификовалъ его 24-го февраля 1571, Любекъ—16-го января.

Остальные ганзейскіе города были очень недовольны поведеніемъ Любека на конгрессѣ, въ особенности же Данцигъ. Депутатомъ этого города на конгрессѣ былъ Мартинъ Ланге; онъ прибылъ сюда 9-го сентября и представилъ собравшимся привилегіи Данцига въ Швеціи и Даніи съ 1370 года, затѣмъ привелъ всѣ нарушенія трактатовъ, сдѣланныя обоими королевствами и обратилъ вниманіе депутатовъ на притѣсненія, какимъ Данцигъ подвергался во время войны. Отъ лица всего городского управленія Данцига Ланге просилъ дать городу удовлетвореніе въ его справедливыхъ требованіяхъ.

Изъ донесеній Мартина Ланге [1]) мы узнаемъ и о своекорыстномъ поведеніи на конгрессѣ Любека. Игнорируя совершенно интересы остальныхъ ганзейскихъ городовъ и дѣйствуя исключительно въ своихъ

---

[1]) Acta Jntern. Данц. архива, IX.

выгодахъ, Любекъ сильнѣе всего столкнулся съ Данцигомъ. Такъ, когда шведскіе коммиссары представили привилегіи, дарованныя Густавомъ I Данцигу и Любеку совмѣстно, то депутаты Любека объявили, что и слышать не хотятъ о какихъ то общихъ привилегіяхъ, а требовали себѣ совершенно самостоятельныхъ, отдѣльныхъ отъ другихъ городовъ привилегій. Любекъ надѣялся, между прочимъ, на то, что Данцигъ будетъ лишенъ своихъ привилегій въ Швеціи и что право торговли въ ней будетъ исключительною привилегіею его жителей [1]). Шведскіе коммиссары, узнавъ объ этомъ, конечно открыли эти притязанія Любека данцигскому депутату, прибавивъ, что Данцигу нечего опасаться Любека, такъ какъ государь Швеціи никогда не подтвердитъ за нимъ всѣхъ требуемыхъ имъ привилегій. Іоаннъ III скорѣе окажетъ бо́льшее снисхожденіе Данцигу, какъ городу, подвластному его родственнику.

Послѣ продолжительныхъ дебаттовъ, Данцигъ не могъ, однако, добиться свободнаго проѣзда черезъ Зундъ и продолжалъ настаивать на этомъ въ 1571 и 1572 годахъ.

Не довольны Любекомъ были и Померанскіе города.

Нигдѣ съ такимъ нетерпѣніемъ не ожидали примиренія скандинавскихъ государствъ, какъ въ Помераніи; здѣсь внимательно слѣдили за ходомъ переговоровъ и въ Роскильде и въ Штеттинѣ [2]). Новый герцогъ въ Вольгастѣ Эрнстъ Людвигъ и города Стральзундъ, Штеттинъ и др. были враждебно настроены и къ Любеку, и къ Даніи. Герцогъ рѣшилъ на конгрессѣ отстаивать исключительно интересы своихъ подданныхъ и не дѣлать уступокъ ни Даніи, ни Швеціи. Онъ требовалъ удовлетворенія городамъ за причиненные имъ убытки въ войнѣ. Любека обвиняли въ поддержкѣ Карстена Роде и др. московскихъ пиратовъ, въ сближеніи съ Магнусомъ, дававшимъ любчанамъ паспорты на плаваніе въ Нарву и пр. [3]); все это косвенно касалось и московито-фильской политики Фридриха II датскаго.

Любекъ не замедлилъ отвѣтить на всѣ обвиненія померанскихъ депутатовъ; нашъ городъ привыкъ уже къ тому, говорили представители Любека, чтобы его всячески чернили въ глазахъ императора и князей; но никто свои обвиненія не сопровождалъ доказательствами.

---

[1]) Die Lubischen gedencken dass Schwedische Priuilegium allein auff die Stadt Lübeck zu ziehen und die Stadt Dantzig ausszulassen.

[2]) Ср. *Otto Blümcke*, II, стр. 10 и далѣе.

[3]) *Blümcke*, 54.

Любекъ не поддерживалъ пиратовъ, Польша же напротивъ снарядила спеціальныхъ спекуляторовъ для преслѣдованія всѣхъ, кто направлялся въ Нарву, и причинила Любеку убытокъ въ 100.000 талеровъ, Карстенъ Роде — не любекскій торговецъ, а изъ земли дитмарсовъ, также какъ Клаусъ Тоде и др.

Померанскіе послы возстали, затѣмъ, и противъ нарвскаго плаванія; они предложили устроить конторы въ Ригѣ и Ревелѣ, гдѣ бы каждый могъ торговать съ московитами. Но Любекъ твердо стоялъ на своемъ, его поддерживала и Данія, и Саксонія.

Жалобы и представленія Померанскихъ герцоговъ и городовъ оставались тщетными, никто не обращалъ на нихъ вниманія. „Помераніи пришлось до конца довольствоваться ролью терпѣливой наковальни".

Сѣверная семилѣтняя война тѣмъ не менѣе имѣла важное значеніе и для Помераніи; она показала ей, что въ новой борьбѣ изъ за балтійскаго вопроса ей необходимо опереться на какую нибудь сильную сосѣднюю державу; на императора же надѣяться нельзя. Ненависть Помераніи къ Даніи и Любеку заставила ее обратиться за поддержкою къ Швеціи и съ этихъ поръ между обоими этими государствами завязываются отношенія, приведшія къ тѣсному союзу ихъ въ 1630 году, а съ 1648 года къ уступкѣ Швеціи всей побережной полосы Помераніи. Вражда померанскихъ городовъ съ Любекомъ была, такимъ образомъ, на руку Швеціи. Торговое сближеніе Помераніи съ Швеціей привело въ XVII ст. къ политическому сближенію ихъ.

Семилѣтняя сѣверная война окончилась. Но Штеттинскій договоръ далеко еще не былъ разрѣшеніемъ балтійскаго вопроса; онъ только откладывался на неопредѣленное время. Главный иниціаторъ борьбы Любекъ не достигъ въ ней того, на что расчитывалъ. Хотя Швеція и обязалась не стѣснять болѣе нарвскаго плаванія и выплатить Любеку свой долгъ, но она не исполнила ни того, ни другаго; благосостоянію Любека нанесенъ былъ смертельный ударъ, и городъ этотъ уже никогда не игралъ той роли въ сѣверной исторіи, какую онъ игралъ въ предшествовавшія столѣтія. Постановленія о Ливоніи также оставались мертвою буквою: императоры никогда серьезно не помышляли выкупить у Швеціи занятыя ею части Ливоніи, да и Ливонія никогда не признавала протектората имперіи. Одна Данія вынесла болѣе существенныя выгоды изъ войны, и съ этихъ поръ преимущество на Балтійскомъ морѣ и скандинавскомъ сѣверѣ безусловно принадлежало ей. Это не значитъ еще, чтобы борьба о dominium'ѣ

maris была окончена. Іоаннъ III слишкомъ высоко цѣнилъ важность на очереди стоявшаго балтійскаго вопроса и, раздѣлавшись съ Даніей, еще болѣе десяти лѣтъ велъ борьбу съ Москвою и Польшей о преобладаніи на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря. Штеттинскій миръ имѣлъ важное значеніе на ходъ собственно ливонской войны; теперь съ примиреніемъ на западѣ — вниманіе всѣхъ сосредоточивается на востокѣ, всѣ здѣсь ищутъ своихъ выгодъ; положеніе Магнуса значительно ухудшилось, такъ какъ съ заключеніемъ штеттинскаго мира онъ не имѣлъ собственно уже основаній воевать съ Іоанномъ III, да и отъ Даніи не могъ ожидать помощи. Тогда-то онъ рѣшается на роковое сближеніе съ Москвою.

Мы въ предшествовавшей главѣ довели обзоръ ливонскихъ событій до 1568 года. Съ этого года начинается новый, четвертый періодъ войны, непродолжительный, но въ высшей степени важный по своему значенію.

Россія достигаетъ апогея своего роста въ Ливоніи; она близка уже къ осуществленію своихъ стремленій къ Балтійскому морю, но встрѣчаетъ неожиданный отпоръ при осадѣ Ревеля, того пункта, который бы, такъ-сказать, заполнилъ собою русское завоеваніе Ливоніи. Съ 1571 по 1577 годъ было временемъ самыхъ опустошительныхъ походовъ и набѣговъ; побѣды доставались безъ особеннаго труда; Польша дѣйствовала вяло въ виду переворотовъ внутри; прусскіе города возстали противъ нея; но вотъ на престолѣ утверждается Баторій,—начинается послѣдній періодъ двадцатипятилѣтней борьбы; Россію тѣснятъ два лучшихъ полководца вѣка — Баторій (stimato come oracolo nella disciplina militare) и Делагарди, и обезсиленный гигантъ, предъ которымъ Европа трепетала въ продолженіе трехъ десятилѣтій, складываетъ оружіе, съ тяжелымъ чувствомъ разстается съ своими завоеваніями, а въ особенности съ Нарвою, и черезъ два года сходитъ въ могилу.

Въ 1568 году въ управленіи Польскою Ливоніей произошла перемѣна: мѣсто Кетлера занялъ Ходкевичъ. Польша помышляла о реальной уніи съ Литвой; Рига протестовала; въ ней начались движенія и смуты, которыми задумалъ воспользоваться Магнусъ; одновременно и шведы дѣлаютъ попытку захватить Перновъ; оба предпріятія, однако, окончились неудачей.

Съ 1568 года и въ шведскихъ владѣніяхъ административная власть переходитъ къ новому лицу—Габріэлю Оксеншернѣ. Война велась сначала главнымъ образомъ противъ Магнуса и датчанъ. Шведскій флотъ

занялъ лѣтомъ фарватеръ между Эзелемъ и материкомъ Курляндіи; жители острова нѣсколько разъ взывали къ Фридриху II за помощью, говоря, что съ Эзелемъ будетъ то же, что съ Ревелемъ, если помощь не подоспѣетъ во-время [1]). Магнусъ и Фридрихъ II обращались за помощью къ Данцигу и Польшѣ, указывая имъ на договоръ 1563 года [2]), но съ вступленіемъ Іоанна на шведскій престолъ—договоръ потерялъ для Сигизмунда II всякую обязательную силу, и онъ въ помощи отказалъ. Онъ рѣшился за-одно съ шведами дѣйствовать противъ московитовъ; его сильно тревожили слухи о морскихъ предпріятіяхъ русскихъ.

Изъ Данцига къ нему приходили извѣстія о сильныхъ вооруженіяхъ московита на морѣ и о намѣреніи его подойдти къ Ригѣ [3]). Онъ сколько могъ помогалъ Іоанну противъ датчанъ и Магнуса. 19-го апрѣля 1569 года регенты и ратманны Аренсбурга сообщали Фридриху II, что шведы получаютъ помощь изъ Пруссіи и Польши. Фридрихъ рѣшился снова послать союзный флотъ къ Ревелю; 30 кораблей явились 9-го іюля въ виду ревельскаго рейда; вслѣдствіе сильнаго тумана ихъ не замѣтила стража, и союзники могли бы внезапнымъ нападеніемъ захватить городъ, но экипажъ былъ слишкомъ незначительный, и удобнымъ случаемъ нельзя было воспользоваться [4]). За то они ограбили многіе корабли, нѣкоторые сожгли, а шведскіе корабли, плывшіе въ Ревель изъ Гефле съ мѣдью и другими товарами, всѣ попали въ ихъ руки.

Успѣхи рускихъ были также очень значительны; папскіе нунціи доносили въ Римъ, что Польшѣ едва ли устоять противъ Москвы: расходы королевства все увеличивались, энергія исчезла, а изъ Москвы все пребываютъ новыя силы [5]).

---

[1]) Копенг. арх. Фридриху II его штатгальтеръ на Эзелѣ, 16-го августа. Datum jlentz Pilten jn Churlannd. Ср. тамъ же, Lifl., Anno 1568 den 19 Aug. Reinoldi Szoien bericht, wie es sich vnd nicht anderst mit dem vbergab der vorbrantten vnd kurtz eingenhommenen Sonenburg zugetragen — geschehenn.

[2]) Данц. арх. Urk. Saml. XCV, B. 143. 22178 и XC, 85. 22120. Шведы намѣрены „daselbige Jnsel sampt dem loblichen Furst jn jre gewalld zu brengende“.

[3]) Данц. арх. Acta Intern. IX vol. 18.

[4]) *Hjärn*, 274. *Gadebusch*, II, 113.

[5]) Bibl. Barberini, Relatione copiosissima del regno di Polonia riferita dall Abbate Ruggiero a Pio V ritornando Nuntio del Re Sigismondo Augusto nel anno 1568.. „Non potendo il Re piu lungamente resistere a cosi eccesiua spese, et difficilmente difendersi da cosi gagliardo nemico“. Ср. Bibl. Vatic. Ottoboniana, 2433, p. 178 и д.

Въ актахъ 1569 и 1570 годовъ часто упоминается о московскихъ пиратахъ, во главѣ которыхъ стоялъ Карстенъ Роде. Снарядилъ ихъ царь съ цѣлью вредить Польшѣ; самъ Іоаннъ не называлъ ихъ пиратами, а въ письмѣ къ Фридриху II говоритъ о нихъ, какъ о своихъ слугахъ; все, что ими дѣлается, дѣлается съ его, царя, вѣдома, съ цѣлью вредить подданнымъ польскаго короля [1]). 30-го марта 1570 года царь далъ Карстену Роде жалованную грамоту, предоставляющую ему дѣйствовать на морѣ противъ короля польскаго, „его подданныхъ, помощниковъ, пособниковъ и друзей“, съ тѣмъ, чтобы въ пользу царя поступалъ третій корабль и лучшая пушка съ каждаго изъ остальныхъ захваченныхъ Роде судовъ [2]). Карстенъ въ силу этой жалованной грамоты имѣлъ право уполномочивать на каперство другихъ, какъ онъ сдѣлалъ съ Клаусомъ Тоде, Гансомъ Дитмерскеномъ и др. Данцигъ на столько придавалъ значеніе московскимъ пиратамъ, что обращался къ Любеку, съ тѣмъ, чтобы соединенными силами искоренить это „морское разбойничанье“; никогда раньше, писалъ Данцигъ Любеку, не слышно было о появленіи московитовъ на морѣ. Данцигъ выставилъ нѣсколько военныхъ судовъ на Балтійскомъ морѣ для защиты своихъ торговцевъ; одинъ изъ нихъ, лежавшій у Борнгольма, былъ захваченъ датчанами и отправленъ въ Копенгагенъ. Этого было достаточно для обвиненія Фридриха II въ симпатіяхъ къ Москвѣ, въ поддержкѣ московскихъ пиратовъ. Къ Фридриху стали обращаться съ жалобою на пиратство Карстена, который у Готланда и Борнгольма нападалъ на купеческіе корабли и препятствовалъ свободному плаванію на Балтійскомъ морѣ. И говорить нечего, что эти обвиненія датскаго короля не имѣли никакого основанія. Фридрихъ II писалъ Грозному, что Роде надо захватить, арестовать, онъ вредитъ и датскимъ купцамъ. Въ октябрѣ онъ даетъ приказаніе своимъ людямъ схватить Карстена, но не сажать его въ тюрьму [3]). Данцигъ на эту же тему пишетъ Іоанну Фридриху Померанскому; изъ его письма, 31-го іюля 1570, видно, что пираты Карстена доходили до самаго Данцига и захватывали всѣхъ, кто съ товарами направлялся къ Польшѣ. Если царь по своей волѣ будетъ распоряжаться на морѣ, пишутъ бургомистры Данцига, то это скоро вредно отзовется на

---

[1]) Копен. арх. Въ Берл. арх. Muscouitischer Bestallung auf Kersten Rhode. 30-го марта 1570 г. Здѣсь онъ названъ „Unser Kaisserlicher Hauptman“.

[2]) *Щербачевъ* (*Чтенія*, 1893), 66.

[3]) Копенг. арх., Rusland, 10 b.

всѣхъ прибалтійскихъ государствахъ. Необходимо предотвратить господство московита на морѣ, пока это зло еще не успѣло пустить слишкомъ глубокихъ корней (tieffer einwurtzelln)[1]). Подалъ ли померанскій герцогъ помощь Данцигу противъ московскихъ пиратовъ— остается неизвѣстнымъ. Еще сильнѣе было негодованіе[2]) всѣхъ прибалтійскихъ князей и городовъ, когда они узнали, что Карстенъ Роде лѣтомъ 1570 года былъ въ Копенгагенѣ, гдѣ ему доставляли все нужное.

Въ донесеніяхъ того времени нерѣдко смѣшиваются польскіе и московскіе пираты; первые, носившіе названіе королевскихъ спекуляторовъ, приносили гораздо болѣе вреда, чѣмъ вторые, о которыхъ уже въ слѣдующемъ году прекращаются всякіе слухи. Карстенъ былъ схваченъ по приказанію Фридриха II.

Отношенія Москвы къ Швеціи оставались вполнѣ дружественныя въ первые два года царствованія Іоанна III. Когда Карлъ и Іоаннъ заняли Стокгольмъ, ихъ воины, между прочимъ, сдѣлали вторженіе въ домъ, гдѣ находились русскіе послы, съ цѣлью пограбить; они думали этимъ выслужиться передъ Іоанномъ. Какъ только узналъ объ этомъ Карлъ, онъ тотчасъ же явился въ помѣщеніе русскихъ, велѣлъ солдатамъ отдать все награбленное, вознаградилъ пословъ за всѣ причиненные имъ убытки, а шведскихъ кнехтовъ наказалъ. Элофсонъ говоритъ, что московскій царь съ большимъ уваженіемъ отзывался о Карлѣ; такого-же мнѣнія держался и сынъ царя—Ѳедоръ[3]).

Занявъ Стокгольмъ, король тотчасъ же отправилъ письмо къ Грозному и просилъ его сохранитъ къ Швеціи миръ и дружбу. Новый король Швеціи рѣшилъ не отпускать московскихъ пословъ раньше, чѣмъ получитъ отвѣтъ царя. Іоаннъ Грозный далъ знать Іоанну III, что согласенъ начать съ нимъ переговоры о мирѣ, и Іоаннъ лѣтомъ

---

[1]) Берл. арх. Rep. XI. Russland. 1-е. Dem durchleuchtigen hochgebornen Fursten und Herrn Johan Friederichen Hertzogenn zu Stetin Pommern der Cassuben uud Wenden Fürsten zu Rügen etc... „Was grosser vnd abscheulige gefahrligkeit nicht allein dieser statt, Sunder allen andern anrinnenden und benachbarten Potentaten Fürstenn Landenn vnd Statten an der Ostsehe belegenn, künftig zu erwartenn, wenn der grausame Feindt der Muscouiter welcher ohne dass all zu starck (?) auch zu der Sehe einen Fuhs setzen vnd seines gefallens dominiren sollte“.

[2]) Данц. арх. Intern. IX. Tom. 21. 4. Ein gross geschrei—говорится въ донесеніи данцигскихъ пословъ.

[3]) Paralipomena, 167.

1569 года снарядилъ въ Москву новое посольство; его сопровождали и московскіе послы, пробывшіе въ Швеціи около двухъ лѣтъ. Судьба этого шведскаго посольства извѣстна. Царь Іоаннъ Грозный былъ въ сильномъ гнѣвѣ по случаю отказа шведскаго правительства выполнить договоръ 16-го февраля и оскорбленъ долгою задержкою своихъ пословъ въ Швеціи, и поэтому велѣлъ бросить въ темницу пословъ Іоанна; только въ 1572 году они получили свободу.

Что Іоаннъ Грозный тогда еще не желалъ порывать дружескія отношенія съ Швеціей, не подлежитъ сомнѣнію. Между нимъ и шведскимъ королемъ завязывается съ перваго же года царствованія послѣдняго— любопытная переписка. Оба государя были прекрасные стилисты, оба любили выставлять наружу свою правоту, оба отличались мнительностью; Іоаннъ Грозный предвидѣлъ, что требованіе его о выдачѣ Екатерины, жены его, вызоветъ въ Іоаннѣ шведскомъ сильное негодованіе, и поэтому въ первомъ же письмѣ къ королю онъ мотивируетъ свое требованіе слухомъ о смерти Іоанна въ темницѣ; думая, что Екатерина продолжаетъ жить узницей, онъ пожелалъ освободить ее и препроводить къ ея брату королю Польши [1]).

Въ слѣдующихъ письмахъ тонъ становится болѣе враждебнымъ. Грозный говорилъ, что вслѣдствіе брака короля на Екатеринѣ Ягеллонкѣ онъ, царь, не могъ изгнать поляковъ изъ Ливоніи. Не лишенъ же онъ разума, продолжаетъ Грозный, чтобы просить жены живаго мужа. Смерть Іоанна подтвердилъ еще посолъ Эрика—Гансъ Ларсонъ; послѣдовавшіе за нимъ послы уже прямо предлагали царю выдать ему Екатерину. Стало быть, послы солгали.

На требованіе Іоанна сноситься прямо съ царемъ, а не съ Новгородомъ, царь отвѣчалъ отказомъ. Это затронуло честолюбіе шведскаго короля. Въ 1569 году до короля дошелъ слухъ о сношеніяхъ съ царемъ Эрика XIV. Въ это же время онъ узнаетъ о сближеніи Магнуса съ Грознымъ. Всѣ эти обстоятельства должны были способствовать охлажденію обоихъ государей и сближенію Швеціи съ Польшей.

Знаменитое, поднявшее столько шуму, сближеніе Магнуса съ

---

[1]) Слухъ насъ дошелъ, что тебя въ пойманье у Ирика короля въ животѣ не стало, а дѣтей намъ въ тебя не сказали, а короля польскаго сестра Катарына также сидитъ у него въ пойманье безлебъ. И мы о томъ ссылались сырикомъ королемъ; что бъ у него польскаго короля сестра напрасно не сидѣла, а отдалъ бы еѣ намъ; а мы бы еѣ отдали брату еѣ польскому королю, а черезъ неѣ бы съ братомъ еѣ польскимъ королемъ миръ учинили. *Hjärne*, Ur brefvexlingen mellan konung Iohan III och tsar Ivan Vasilievitj. Hist. Bibl. VII.

Московскимъ тираномъ—было дѣломъ двухъ ливонскихъ ренегатовъ, Элерта Таубе и Іоанна Крузе.

Оба они принадлежали къ очень древнимъ фамиліямъ, упоминаемымъ еще въ XIV столѣтіи; они были въ родствѣ съ Анрепами, Икскулями, Тизенгаузенами и др.

Таубе и Крузе мы первоначально встрѣчаемъ на службѣ у Дерптскаго епископа. Крузе былъ штифтсфохтомъ Дерпта, а затѣмъ перешелъ къ дипломатической и военной дѣятельности. Человѣкъ очень образованный и краснорѣчивый, онъ искусно владѣлъ какъ мечемъ, такъ и перомъ. Въ 1557 году онъ участвовалъ въ ливонскомъ посольствѣ въ Москву. Когда Дерптъ палъ подъ власть русскихъ, Крузе тамъ не было; онъ успѣлъ бѣжать въ Викенъ и поселился въ Гапсалѣ, гдѣ ожидалъ результатовъ переговоровъ магистра съ Даніей; отсюда, отчаявшись въ помощи отъ Даніи, онъ бѣжалъ въ Перновъ: намѣреваясь дальше проплыть въ Ригу, онъ въ декабрѣ 1560 года попался въ плѣнъ къ русскимъ. 6 недѣль его продержали въ заключеніи въ Вейссенштейнѣ, затѣмъ въ Дерптѣ, откуда чрезъ Псковъ и Новгородъ отправили въ Москву. Московскій царь какъ разъ въ это время заключилъ договоръ съ Даніей, въ Эстляндіи рѣшено было провести границу датскихъ и русскихъ владѣній; такъ какъ въ Москвѣ не было человѣка знакомаго съ Эстляндіей, то одинъ нѣмецъ, состоявшій на службѣ у царя, Каспаръ Оберфельдъ, указалъ царю на Крузе. Ему предложили перейдти на службу къ царю, и онъ безъ колебанія принялъ предложенныя ему условія. Онъ сохранилъ свободу вѣроисповѣданія, ему возвратили его жену и дѣтей и обѣщали употреблять его только для честныхъ дѣлъ (zu ehrbaren sachen). Крузе сдѣлали богатые подарки, назначили жалованье, пожаловали имѣніе, каменный домъ и такъ далѣе; кушанья стали подавать ему съ царскаго стола, онъ могъ пользоваться царскою конюшней и проч. Ясно, что эти милости царь жаловалъ ему не за такое ничтожное дѣло, какъ указаніе границъ Эстляндіи, царь надѣялся воспользоваться имъ въ своихъ ливонскихъ проектахъ. Крузе получилъ жизнь, свободу и семью за потерю чести; онъ сдѣлался измѣнникомъ отечества. До 1565 года мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о Крузе; болѣе систематическую московитофильскую политику начинаетъ онъ проявлять съ тѣхъ поръ, какъ соединился съ другимъ ливонскимъ ренегатомъ Іоанномъ Таубе. Совѣтникъ дерптскаго епископа Таубе также принималъ участіе въ несчастномъ посольствѣ въ Москву 1557 года; послѣ паденія Дерпта и епископъ Германъ, и его совѣтникъ

были отправлены въ Москву, гдѣ ихъ заключили. Всѣ сдѣланныя ими попытки бѣжать изъ плѣна были неудачны. Прошло 4 года; Таубе отказывался поступить на русскую службу и былъ отправленъ въ Владиміръ, гдѣ цѣлыхъ 32 недѣли провелъ въ заточеніи. Освобожденный отсюда по просьбѣ Германа, онъ послѣ смерти послѣдняго снова былъ привлеченъ къ суду, такъ какъ его обвиняли въ присвоеніи себѣ части наслѣдства епископа. Грозный, выслушавъ дѣло Таубе, призналъ его невиновнымъ, но не освободилъ изъ заточенія. Пожизненное заключеніе стало пугать Таубе, и съ осени 1563 года онъ самъ сталъ уже предлагать свои услуги московскому правительству; но теперь и къ его просьбамъ оставались глухи, и только благодаря подкупамъ ему удалось, наконецъ, получить свободу. Ему дали большія земли въ Рязанской области, нѣсколько имѣній въ Дерптской епископіи, ежегодную пенсію въ 200 рублей, платье и пр. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ относительно обязательствъ, взятыхъ на себя Таубе, когда онъ былъ отпущенъ въ Дерптъ, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что царь и съ него потребовалъ дорогой цѣны—служить русскимъ интересамъ въ Ливоніи[1]).

Явившись въ Ливонію, Таубе самъ повсюду распространялъ мысль, что единственное средство спасти погибающую Ливонію—это признать надъ собою власть московскаго царя; свои аргументаціи онъ сопровождалъ разнаго рода иллюстраціями, тайно показывалъ ливонцамъ письма императора къ папѣ, исполненныя однихъ пустыхъ обѣщаній, выдвигалъ наружу всю ненадежность и непрочность польскаго или скандинавскаго протектората; царь, говорилъ онъ, одинъ удержитъ за ливонцами и ихъ свободу и ихъ религію. Соединившись съ Крузе—оба они стали дѣйствовать по одному плану, по одной программѣ. Послѣ обѣщанія передать царю всю Ливонію, имъ некогда было бездѣйствовать; они широко раскинули свои дипломатическія сѣти; въ случаѣ удачи своихъ агитацій. они мечтали о еще бо̀льшихъ отличіяхъ. Вліяніе ихъ въ Ливоніи распространялось[2]); изъ Дерпта они вошли въ сношеніе съ Ригой, доносили обо всемъ въ Москву, а въ 1569 году оба отправились туда для переговоровъ съ царемъ о помощи, обѣщанной ему прусскимъ герцогомъ противъ Польши. Въ виду имѣлась антипольская коалиція; она, какъ извѣстно, не осуществилась, но отсюда мы видимъ, какъ сильна была еще традиція прусско-московскаго

---

[1]) *Schiemann*, Charaktere, 6, 13.

[2]) Копенг. арх. Dorbtische Handlunge.

сближенія; она вела свое начало съ Альбрехта и Василія III. На случай побѣды надъ Польшей, Ливонія безъ сомнѣнія отошла бы къ Москвѣ, а не къ Пруссіи, напрасно мечтавшей распространить свои владѣнія на все Балтійское побережье, къ Москвѣ, въ виду того твердаго положенія, какое она уже занимала въ Ливоніи [1]). Іоаннъ Грозный, не смотря на неудачу проекта сближенія съ Пруссіей, тѣмъ не менѣе щедро наградилъ обоихъ ливонцевъ: Таубе пожалованъ былъ въ князья, а Крузе въ великіе бояре; оба они получили привилегію на винокуреніе. Новую услугу оказали оба ливонца царю, создавши проектъ ливонскаго королевства подъ протекторатомъ Россіи. Еще въ 1567 году, не безъ вліянія Таубе и Крузе, Іоаннъ Грозный, въ виду трудности одновременной борьбы съ Польшей и Швеціей, пришелъ къ мысли сдѣлать одного изъ прежнихъ орденскихъ дѣятелей правителемъ всей Ливоніи, но поставить этого правителя въ ленныя къ себѣ отношенія; такой правитель долженъ былъ присягнуть московскому царю на вѣрность, какъ прежніе магистры присягали германскимъ императорамъ; еслибы такой проектъ удался, вдоль Балтійскаго побережья возникъ бы рядъ мелкихъ владѣтельныхъ князей, какъ герцогъ прусскій, герцогъ курляндскій, эзельскій и такъ далѣе, обязанныхъ ленною присягою одинъ Польшѣ, другой Даніи, Швеціи Москвѣ и такъ далѣе. Сначала Іоаннъ Грозный обратился съ своимъ проектомъ къ Фюрстенбергу, но онъ отказался быть орудіемъ царя. Тогда присутствовавшіе при переговорахъ Іоанна съ Фюрстенбергомъ Таубе и Крузе предложили Іоанну войдти по этому дѣлу въ сношенія съ Кетлеромъ и Магнусомъ. Царь съ радостью согласился на это, и щедро награжденные дипломаты уѣхали въ Ливонію. Но Кетлеръ не поддался ихъ предложенію и, какъ вѣрный вассалъ Сигизмунда II польскаго, послалъ къ нему письмо, полученное имъ отъ Крузе и Таубе. Третій кандидатъ за то сразу согласился на заманчивое предложеніе ливонскихъ дипломатовъ; этотъ кандидатъ былъ Магнусъ. Въ концѣ апрѣля къ нему обратился Таубе, а въ іюнѣ и Крузе, съ просьбою прибыть въ Дерптъ для переговоровъ съ великокняжескими послами. Царскіе агенты извѣщали Эзельскаго герцога о намѣреніи царя пожаловать герцога всей Ливоніей и убѣждали его принять это пожалованіе. Они просили Магнуса совершенно положиться на царя и безъ страха явиться въ Дерптъ; въ принятіи леннаго пожалованія

---

[1]) Причины неудачи прусско-московскаго союза еще неизвѣстны; быть можетъ, какой нибудь изъ ливонскихъ архивовъ скрываетъ ихъ въ своихъ актахъ.

московскаго царя—не только залогъ безконечнаго благоденствія Ливоніи, писали Магнусу оба дипломата, но и великая услуга Даніи предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что датскій король сочувственно отнесется къ новому проекту и будетъ очень недоволенъ, если будетъ упущенъ такой „небывалый, Богомъ ниспосланный случай.“ „Счастье въ вашихъ рукахъ“, „васъ ожидаетъ ливонская корона“—вотъ заключительныя слова обоихъ дипломатовъ [1]).

Магнусъ, положеніе котораго въ Ливоніи со дня на день ухудшалось, не замедлилъ отвѣтить Таубе и Крузе, что вполнѣ вѣритъ искренности намѣренія царя, но ни на что не можетъ согласиться, не снесшись предварительно съ своимъ братомъ, датскимъ королемъ [2]). Одного онъ уже теперь требовалъ отъ московскихъ агентовъ, а именно права сохранить за собою протестантское вѣроисповѣданіе.

Изъ отвѣта Магнуса Таубе и Крузе уже заключили, что ихъ старанія увѣнчаются успѣхомъ. Магнусъ еще въ апрѣлѣ обращался къ своему брату за помощью противъ шведовъ, такъ какъ на польскую помощь рѣшительно нельзя было надѣяться [3]); поляки давно уже не исполняли принятыхъ на себя въ штеттинскомъ договорѣ обязательствъ, они все только обѣщали, и Магнусу пришлось одному выдерживать непосильную борьбу со шведами. Съ вступленіемъ Іоанна на шведскій престолъ его положеніе еще ухудшилось, такъ какъ шведы и поляки изъ враговъ становились союзниками. Шведы, писалъ Магнусъ къ своему брату, намѣрены утвердиться въ Аренсбургѣ, откуда уже не трудно завоевать и Готландъ. Проектъ, предложенный ему теперь царскими агентами, явился столь неожиданнымъ и великимъ для него благодѣяніемъ, что онъ тотчасъ поспѣшилъ подѣлиться съ нимъ съ Фридрихомъ II. Любопытно подробнѣе прослѣдить отно-

---

[1]) Дрезд. арх. 12-го іюня 1569: nicht allein Lifland vnaussaglicher Heil vnnd wolstandt erwachsenn vnd erfolgt, sondern auch der hochlöblichen Cron zu Dennemarck vnnd der gantzen Christenheit darmit gedientt vnnd zu allen gutten gedeiet vnd gereichett als werden vil mehr die K. W. zu Dennemarck einen missgefallen haben, wan solch vnaufsaglich von Gott gegebener handell vnnd gnad vonn E. F. G. versumbt... Derwegen I. F. habenn itzo das glück in jren furstlichen hendenn, etwa ein Herr vnnd Konnig vber gantz Lifflandt vnnd mehr.

[2]) Mit vorwissen, willen, mit beliebung vnd ratification der K. Würde zu Dennemarck.

[3]) Копенг. арх. Lifl. 22. Магнусъ Фридриху, Newenhausen, 5 апр. 1569: Vf die Polnische hulff habenn wir vnss weinig zuuorlassen, dan vber vielfeltiges vnsers fleissiges suchen vnd pitten, wir derselbenn bis daher gar seltenn vnd mit keinem ernst genossen.

шенія обоихъ братьевъ за это время, такъ какъ они проливаютъ совершенно новый свѣтъ на ливонскую политику Фридриха II. Фридрихъ II вовсе не безучастно относился къ балтійскому вопросу на востокѣ, какъ это ошибочно предполагали до послѣдняго времени, напротивъ—онъ имѣлъ для него великое меркантильное значеніе; въ душѣ онъ одобрялъ сближеніе Магнуса съ Москвой, но скрывалъ это отъ европейскихъ государей, боясь прослыть въ ихъ глазахъ другомъ, союзникомъ и родственникомъ царя схизматика.

Переписка Магнуса съ Фридрихомъ II обнимаетъ время отъ іюля 1569 года до 1578 г. [1]), когда Магнусъ порвалъ съ Москвою и перешелъ на сторону Польши.

Развивая предъ своимъ братомъ королемъ проектъ, предложенный ему Таубе и Крузе, Магнусъ говоритъ, что не счелъ возможнымъ не принять его въ двухъ соображеніяхъ [2]). Вопервыхъ, съ осуществленіемъ его Ливонія будетъ спасена отъ совершеннаго порабощенія ея московитами, вовторыхъ, съ проектомъ Таубе и Крузе связаны интересы датскаго господства на Балтійскомъ морѣ. Магнусъ обѣщаетъ своему брату прежде всего настоять на правѣ для датскихъ королей назначать въ ливонскіе короли исключительно принцевъ изъ голштинскаго дома, затѣмъ безъ вѣдома Даніи не заключать никакихъ договоровъ съ царемъ, постоянно соблюдать датскіе интересы и, наконецъ, предоставить Фридриху II главное руководительство и направленіе всѣми своими дѣйствіями въ Ливоніи и Москвѣ [3]). Магнусъ обѣщаетъ, что ни одно постановленіе въ новомъ королевствѣ не будетъ имѣть силы безъ одобренія и ратификаціи его датскимъ правительствомъ. Съ осуществленіемъ проекта Ливонско-Московскаго королевства границы Даніи значительно расширятся на востокѣ Балтики, увеличится и количество населенія Датскаго королевства [4]) (Dadurch

---

[1]) Она отчасти напечатана въ первомъ томѣ приложеній (Акты и Письма, №№ 54, 56, 57, 58, 60, 63, 65, 71, 73). Значеніе этихъ актовъ, впервые изданныхъ нами, *Th. Schiemann* опредѣляетъ въ критическомъ разборѣ перваго выпуска нашихъ актовъ, *Sybel, Histor. Zeitschrift*, 1890, II, 379—382.

[2]) 6-го іюля, Пильтенъ: so haben wir vnss gedancken lassenn, das vns nicht geburen wolle, die gelegenheitt vnnd erreichtes glück vmb errettung der armen lande vnnd betrückten Christen willenn zunorseumen oder ausszuschlagen.

[3]) Sondern soll alles vf mitbeliebung, bewilligung vnnd ratification E. K. W. vnnd vnsers fürstlichen hauses vnd stammen Holstein dirigirt und gerichtet werdenn.

[4]) За этимъ слѣд. декоративная фраза: Vnnd viell armer Christen auss der Dienstbarkeit, Elendt, jammer vnd nott errettet werden konnen.

wir zu erweitterung vnd vermehrumg Landt vnd Leuth kommben). Резюмируя въ заключенiи своего перваго письма (отъ 6-го iюля) всѣ доводы въ пользу принятiя проекта Таубе и Крузе, Магнусъ говоритъ, что все новое предпрiятiе Москвы высоко подниметъ значенiе Данiи и ея короля.

Не получивъ еще отвѣта отъ своего брата, все вниманiе котораго было поглощено борьбою съ Швецiей на скандинавскомъ материкѣ и Балтiйскомъ морѣ, Магнусъ въ сентябрѣ отправилъ своихъ пословъ въ Москву. Пословъ приняли съ большимъ почетомъ; условiя, предложенныя чрезъ нихъ Магнусу, вполнѣ удовлетворили послѣдняго. Получая титулъ Ливонскаго короля, Магнусъ становился ленникомъ царя, обязывался служить ему на войнѣ и платить незначительную дань. Послы Магнуса вернулись въ Аренсбургъ 27-го января 1570 г. 13-го марта Магнусъ извѣщалъ уже Фридриха о результатахъ ихъ миссiи. Великiй князь, пишетъ Магнусъ, рѣшительно заявилъ его, Магнусовымъ, посламъ, что не желаетъ имѣть своими сосѣдями въ Ливонiи ни королей польскаго, ни шведскаго, готовъ продолжать борьбу съ ними еще 20 лѣтъ, чтобы только достигнуть своей цѣли. Все, что ему удастся покорить въ Ливонiи, царь уступаетъ Магнусу; затѣмъ онъ обѣщаетъ вывести изъ Ливонiи всѣхъ русскихъ, предоставить нѣмцамъ всѣ права торговли, помочь Магнусу покорить Ригу, Ревель и др. города, и всѣ свои завоеванiя поставить подъ управленiе Магнуса. Свое покровительство царь обѣщаетъ не только Магнусу, но и наслѣдникамъ его; когда же потомство Магнуса вымретъ, право наслѣдованiя въ Ливонiи будетъ принадлежать датской коронѣ. Такимъ образомъ, въ будущемъ рисовалась картина династическаго соединенiя Датско-Норвежскаго королевства съ Ливонскимъ. Магнусъ просилъ своего брата глубже вникнуть въ дѣло, всесторонне разсмотрѣть его и не оставлять его своими совѣтами. О своемъ соглашенiи съ царемъ онъ, Магнусъ, не могъ раньше извѣстить короля какъ изъ-за зимней поры года, такъ и вслѣдствiе постоянныхъ нападенiй, дѣлаемыхъ на датскiя владѣнiя польскими пиратами, занявшими фарватеръ между Эзелемъ и Данiей.

Сообщивъ Фридриху II условiя своей ленной присяги Iоанну Грозному, Магнусъ въ послѣднiя недѣли великаго поста самъ отправился въ Москву [1]). Своему брату онъ писалъ, что не только Таубе и Крузе

---

[1]) Великiй постъ въ 1570 году начался 5-го февраля, пасха была 26-го марта (*Fleischhauer*, 57).

умоляли его безъ отлагательствъ ѣхать въ Москву и тамъ покончить въ личныхъ переговорахъ съ царемъ все дѣло, но его побуждало къ этому и все населеніе Ливоніи, обращая къ нему ежедневно мольбы и просьбы: поѣздка герцога въ Москву, говорили въ Ливоніи, единственное средство прекратить бѣдствія, перетерпѣваемыя ливонцами. Магнусъ прибылъ въ Москву въ маѣ 1570 года; его удостоили самаго роскошнаго и торжественнаго пріема. Очевидецъ, Шульце, говоритъ, что царь пожаловалъ герцога богатыми дарами, каждому изъ 400 спутниковъ его далъ по 150 золотыхъ, кромѣ того собольи мѣха, серебряныя вещи и т. д. Царь, говоритъ Шульце, обратился къ Магнусу съ слѣдующими словами: за твое довѣріе ко мнѣ, любезный братъ, я назначаю тебя и твоихъ наслѣдниковъ правителями всей страны (Ливоніи), хотя и самъ имѣю двухъ сыновей. Вы сродни мнѣ по крови, ибо я нѣмецкаго происхожденія. Своихъ непокорныхъ подданныхъ я унижу, смирю и буду попирать ногами [1]).

Въ нѣсколько дней переговоры Магнуса съ царемъ были окончены, и онъ былъ провозглашенъ королемъ Ливоніи подъ протекторатомъ московскаго государя; союзъ ихъ скрѣплялся еще родственною связью: Магнусъ далъ Іоанну обѣщаніе жениться на Евфиміи, племянницѣ царя, въ приданое за которой царь давалъ 5 бочекъ золота. За Ливоніей Іоаннъ Грозный обѣщалъ сохранить вѣроисповѣдную свободу, оставить всѣ нѣмецкія учрежденія, на должности не

[1]) Копенг. арх. Lifland, 27. Bericht eines Burgers von Dantzig, den 11 Sept. Gunstiger Freundt, Ich kann euch nicht verhalten, dass hanss Schultze Burger zu Dantzig heut widerumb auss der Moschow alhier ankommen, ist nuhr sechs wochen vnterwegen gewesen, hat auch seinen gefangnen diener, welcher demselbigen herrn Heinrich von Dohna 2000 thaler vorgestreckt, durch vorbitt Hertz. Magni loskommen vnd mit sich bracht, berichtet, das H. Magnus vom Moschowitter stadtlich empfangen, wol gehalten vnd gar ehrlich begabt vnd widerumb abgefertigt sein solle, wie er der Schultze von anfang biss zu ende den Triumpf selbst angesehen, Dan er sich leibes gefahr zu uermeiden vmb Hertz. Magnuss halten, vnd vor der seinen einen bekennen mussen. Слова царя при разставаніи съ Магнусомъ. Въ Берл. арх. Rep. XI. Russland, I-e. Da er der Grossfürst hertzog Magnum im abschied bey ibme stehen gehapt, soll er ihme in beysein aller seiner Herrn Rhete auf die schultern geschlagen vnd gesagt haben: Lieber Bruder, dieweil Ihr vnd die deutschen mir trawet auch dass ich den deutschen gewogen dan ich selbst deutscher herkunfft vnd von sechsischem geblute sey, unangesehen das ich zwene sohne habe... (daruon der eine von 17 der ander von 13 Iarren ist, Берл. арх.). Wan ich mein heubt lege, sollen Ewer Liebe, Herr vnd Erben zu meinem lande sein, vnd wil meine vntrewe vnterthanen so aussrotten vnd demutigen, das ich mit fussen vber sie gehen wil. Solches hat H. Schultze alles mit angehoret.

назначать русскихъ. Кромѣ того, какъ уже утверждалъ Магнусъ, Іоаннъ обѣщалъ помочь датскому королю возстановить кальмарскую унію, подчинить себѣ Швецію. „Царь не желаетъ имѣть лучшаго сосѣда, чѣмъ датскій король; пусть Фридрихъ II, поэтому, только выразитъ свое согласіе принять предложеніе царя, и онъ тотчасъ же поспѣшитъ привести его въ исполненіе; онъ уже отправилъ свои войска къ границамъ и намѣренъ зимою лично принять начальство надъ ними. Этимъ путемъ и осада Ревеля пойдетъ успѣшнѣе—шведскій король будетъ вынужденъ раздѣлить свои силы, да и Фридриху II оказана будетъ не маловажная помощь къ подчиненію себѣ Швеціи. Датскую корону ожидаетъ великая честь, имя ея будетъ безсмертно“. Наконецъ, изъ сообщенія Магнуса, доставленнаго имъ датскому королю, видно, что московскій царь обѣщалъ также заключить съ германскимъ императоромъ союзъ противъ турокъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Магнусъ отъ себя много прибавилъ къ обѣщаніямъ царя, чтобы въ тѣмъ болѣе выгодномъ свѣтѣ выставить свое сближеніе съ нимъ; это скажется изъ дальнѣйшихъ переговоровъ царя съ Фридрихомъ II.

Итакъ, Ливонія получила своего короля, но въ ту именно минуту, когда весь общественный, соціальный строй ея былъ до корня расшатанъ, когда уже лучшія части ея—Эстляндія и Ливонія—были расхищены услужливыми сосѣдями. Шиманъ видитъ въ этомъ „злую

---

[1]) Дрезд. арх. Магнусъ Фридриху, Ревель, 21-го окт. 1570... Wir wissen gar woll, das S. L. (царь) viel lieber E. L., dan den König von Schweden zum nachbarn haben, vnd E. L. zu der Cron Schweden gerne vorhelffen wollen, wan sein Lieb den durchbeschickung oder auch nur durch ein Post vnd schreiben darumb were ersucht worden, oder noch ersucht würde, vnd dass der Grossfürst itz sein Kriegsvolck in Finlandt nach Wiborch verordnet vnd diesen winter daselbst den Krieg zu continuiren gedencket, ist nicht allein vmb vnsernt willen, dass wir der vehsten Reuel vmb souiel ehrmechtig werden mugen, sondern auch E. L. mit zum besten geschehen, dass dieselb vmb souiel mehr vorteil hetten schwedenreich glücklich zubekriegen vnd vnter jre gewalt von regirung zu bringen. 24-го мая 1571 года Магнусъ писалъ Фридриху:... „Was nhun aber fur ein vnsterblicher Name, hocheit, nutz vnnd frommen der Cronen Dennemarcken, dass die selbe durch diese vorgeschlagne handell hette des gantzen Schweden Reichs mechtig mugen werden, hierauss entstanden, vnnd was fur bluttvergiessen, vncostenn vnnd geldtspilderung bissanhero geschehen; Itzo in einer summam wiedergeniessen vnnd einnehmen mugen, were alles, wie wir uormercken, durch vnserer wiederwertigen vnnd feinden Practicken vnd List gehindertt vnnd jres gefallens dass Redlein biss auss zill getrieben, aber wie wir verhoffenn, noch nicht gantz vnnd allerdings erreicht“.

иронію судьбы". Судьба, дѣйствительно, точно посмѣялась надъ несчастною страною. Не прочною, не спасительною оказалась „ливонская корона" въ рукахъ почти мальчика, легкомысленнаго, безъ знаній и опыта, добивавшагося популярности безумною расточительностью, искавшаго всегда случая какъ можно дороже продать свое участіе въ борьбѣ трехъ балтійскихъ соперницъ, Польши, Швеціи и Россіи, „короля-прожектера", безразсудно мѣнявшаго свои убѣжденія, переходившаго отъ одной политической партіи къ другой и дипломатическими интригами въ конецъ запутавшаго свое и такъ уже непрочное и ложное положеніе.

Вѣсть о союзѣ Магнуса и московскаго царя быстро облетѣла всѣ европейскіе дворы; когда тамъ узнали объ осуществленіи проекта Ливонскаго королевства подъ протекторатомъ Москвы, всѣ забили тревогу. Всѣхъ болѣе напугался Сигизмундъ II Августъ, а за нимъ мелкіе нѣмецкіе князья, герцоги Померанскій, Прусскій и др. Союзъ Магнуса съ московскимъ тиранномъ— вотъ главный предметъ дипломатической переписки нѣмецкихъ князей, Польши и Швеціи; этотъ же вопросъ послужилъ новою, обильной темою на „скучныхъ" нѣмецкихъ рейхстагахъ. Во всѣхъ современныхъ политическихъ листкахъ, въ открытыхъ письмахъ и плакатахъ только и было рѣчи объ утвержденіи Московскаго „кровопійцы" на Балтійскомъ морѣ. Страхъ Европы обратился въ ужасъ, когда Іоаннъ Грозный началъ осаду Ревеля, въ которомъ, онъ зналъ, будетъ пріобрѣтенъ важный въ торговомъ отношеніи пунктъ и откуда явится возможность безъ большаго труда и риска распространить свою власть по всей восточной линіи Балтійскаго моря до Риги. Отъ успѣха осады зависѣло все: неудача этого предпріятія, какъ мы увидимъ, стала равносильною совершенному пораженію всего ливонскаго проекта.

Сигизмундъ II Августъ, узнавъ еще весною 1569 года о переговорахъ, возникшихъ между Магнусомъ и Москвою, обратился къ Фридриху II, побуждая его прекратить войну съ Швеціей и дѣятельнѣе направить свое вниманіе на московскаго царя [1]). Онъ началъ съ того, что просилъ Фридриха II временно запретить своимъ подданнымъ плаваніе на Нарву. Получая отъ иностранныхъ торговцевъ все нужное ему для войны, Московитъ, писалъ король, тѣмъ скорѣе и легче достигнетъ своей цѣли; въ Московское государство доставляютъ теперь такое оружіе, употребленіе котораго до этого

[1]) Акты, I, № 50.

было совершенно неизвѣстно русскимъ; къ русскимъ нанимаются и иностранные моряки, учащіе ихъ морскому дѣлу. Пройдетъ немного времени, русскіе не будутъ болѣе нуждаться въ помощи иностранцевъ, и всѣ, кто теперь помогаетъ московитамъ, сами готовятъ себѣ большой вредъ. Разъ русскіе научатся морскому дѣлу, они захватятъ въ свои руки господство на Балтійскомъ морѣ и будутъ препятствовать свободному плаванію на немъ; они не будутъ спокойно пользоваться плодами своей морской торговли, а — какъ варвары—начнутъ захватывать всѣ корабли, какія только завидятъ на Балтійскомъ морѣ; никто не будетъ спокоенъ, какъ скоро русскіе утвердятся на морѣ, каждое приморское государство должно быть на-готовѣ отразить ихъ нападеніе. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, продолжаетъ Сигизмундъ II Августъ, необходимо теперь уже, пока пламя не успѣло еще распространиться, подумать о средствахъ къ погашенію его; разъ будетъ упущено время, и прибалтійскіе государи не найдутъ болѣе спасенія. Только *ради общей пользы* польскій король предлагаетъ Фридриху II сосредоточить мѣновую торговлю или въ Польшѣ, или въ Ливоніи, но только не въ Нарвѣ. Ясно, что Сигизмунду II всего важнѣе было не допустить русскихъ до непосредственныхъ сношеній съ иностранцами и самому стать посредникомъ этихъ сношеній. Для всего христіанскаго міра настанетъ лучшая пора, онъ извлечетъ величайшую пользу, какъ скоро съ русскими будутъ прекращены всякія торговыя сношенія—вотъ заключительныя слова длиннаго письма Сигизмунда II.

6-го апрѣля неутомимый король Польши обратился съ открытымъ плакатомъ [1]) ко всѣмъ европейскимъ государямъ съ просьбою—порвать торговыя сношенія съ Россіей, не доставлять русскимъ ни пороху, ни дроби, ни сѣры, ни селитры, ни съѣстныхъ припасовъ, чѣмъ они только подготовляютъ дальнѣйшіе успѣхи московитовъ въ войнѣ. Въ виду того, что подвозъ его врагу всѣхъ нужныхъ для войны предметовъ усиливаетъ его, онъ—король—рѣшился выставить въ морѣ нѣсколько вооруженныхъ кораблей для захвата всѣхъ торговцевъ, направляющихся въ Нарву; и это король будетъ практиковать до окончанія войны съ русскими; десятую часть всего захваченнаго король будетъ оставлять себѣ. Вотъ неприкрашенная программа дѣйствій польскаго правительства, оно рѣшается устанавливать законное и правильное каперство на Балтійскомъ морѣ безъ различія государствъ,

---

[1]) Акты, I, № 54.

не обращая вниманіе на то, нейтральны они или нѣтъ; тутъ уже не упоминается объ участіи короля ко всему христіанству, король на мгновеніе забылъ свою маску, онъ проговорился. Обвиняя русскихъ въ захватѣ иностранныхъ купцовъ, предсказывая въ будущемъ рѣшительную невозможность торговать на Балтійскомъ морѣ, если Россія утвердится на немъ, Сигизмундъ II, сердцу котораго такъ будто бы близки были интересы сосѣднихъ съ нимъ державъ, а въ особенности Ливоніи, теперь самъ принялся приводить въ дѣйствіе систему каперства на нарвскомъ фарватерѣ; мало того: отъ нарвскаго фарватера польскіе пираты перешли мало по малу на все Балтійское море; ихъ встрѣчали у Данцига, они попадались и у померанскихъ береговъ. Эта варварская система пиратства была причиною рѣшительной вражды къ Польшѣ всѣхъ европейскихъ державъ, что́ рельефнѣе скажется въ событіяхъ слѣдующихъ лѣтъ.

Фридрихъ II, на что мы уже неоднократно указывали, во все свое царствованіе не оставлялъ мысли упрочить дружескія отношенія къ Москвѣ и усердно добивался для своихъ подданныхъ права безпрепятственно торговать въ обширныхъ владѣніяхъ Московскаго царя. Чѣмъ больше прибывало въ Зундъ иностранныхъ кораблей, направлявшихся на востокъ, въ Нарву, тѣмъ выгоднѣе это было для короля: въ его казну шли обильные источники доходовъ отъ транзитной и ластовой пошлины. Сближеніе съ Москвою, выдвинемъ этотъ фактъ еще разъ, имѣло въ глазахъ Фридриха II несомнѣнно и политическую важность; всѣ его предшественники съ Іоанна II сознавали важность политическаго сближенія съ Россіей въ виду Швеціи; съ конца XV столѣтія союзъ съ Россіей становится политическою, историческою задачей Даніи. Датскіе короли готовы были забыть свои счеты съ Москвою въ Норвегіи, чтобы только сохранить столь важный для нихъ торгово-политическій союзъ. Для Фридриха II, которому въ продолженіе семи лѣтъ приходилось бороться съ Швеціей, стало въ высшей степени необходимо обезпечить себя со стороны Россіи полнымъ миромъ; онъ могъ сосредоточить всѣ свои силы противъ шведовъ въ Скандинавіи, не тратя, не разбрасывая ихъ въ Ливоніи. Тамъ, зналъ король, русскіе не тронутъ датчанъ и ихъ владѣній; пораженія, изрѣдка наносимыя тамъ датчанамъ шведами, въ достаточной степени вознаграждаются торговыми выгодами, какія датчане извлекали изъ нарвской, русской торговли.

Въ виду вышеизложенныхъ фактовъ насъ не долженъ удивить спокойный, рѣшительный тонъ, съ какимъ Фридрихъ II отвѣчалъ

польскому королю, взывавшему къ антимосковской лигѣ [1]). Фридрихъ II на-отрѣзъ отказался исполнить желаніе Сигизмунда. Съ вступленіемъ на шведскій престолъ Іоанна III взаимныя отношенія ихъ непремѣнно мѣнялись: изъ союзника Даніи Сигизмундъ становился союзникомъ Швеціи, поэтому Фридрихъ II нисколько не затруднялся дать отвѣтъ польскимъ посламъ. Онъ сказалъ имъ, что въ виду своихъ договоровъ съ нѣмецкими и другими христіанскими государями, а также и съ Московскимъ царемъ, онъ не можетъ, онъ не въ правѣ препятствовать плаванію на Нарву. Торговля съ русскими на столько выгодна всѣмъ европейскимъ государствамъ, что пріостановить ее значило бы нажить себѣ враговъ во всѣхъ европейскихъ государяхъ. Еслибы всѣ приморскія государства просили короля закрыть Зундъ, тогда бы онъ могъ исполнить это, но не иначе.

Этого мало: давъ такой отвѣтъ польскимъ посламъ, Фридрихъ обратился съ категорическимъ требованіемъ къ Сигизмунду отмѣнить каперство и пиратство на Балтійскомъ морѣ и не препятствовать нарвскому плаванію. Человѣкъ дѣла, а не словъ, Фридрихъ II, не найдя въ Сигизмундѣ готовности исполнить его требованіе, самъ обратился къ репрессаліямъ и сталъ задерживать въ Зундѣ всѣ корабли Данцига и другихъ прусскихъ городовъ.

Насталъ 1570 годъ; политическое и родственное сближеніе Магнуса съ Московскимъ царемъ было уже фактомъ совершившимся, и вотъ Сигизмундъ II Августъ снова обращается къ дипломатическимъ сношеніямъ съ Копенгагенскимъ дворомъ; вступаетъ въ переписку и съ Августомъ Саксонскимъ [2]); въ яркихъ краскахъ рисуетъ весь вредъ для Даніи отъ сближенія съ Москвою, предсказываетъ окончательную гибель всей Ливоніи, ждетъ бѣды и для своихъ подданныхъ. Ему было, поэтому, очень важно узнать, съ согласія ли датскаго короля рѣшился Магнусъ на такой безразсудный шагъ, или нѣтъ [3]). Сигизмундъ былъ убѣжденъ въ солидарности воззрѣній обо-

---

[1]) Акты, I, 51, 52 и 53.

[2]) Дрезд. арх. Письмо его отъ 19-го іюня Люблинъ, 10-го ноября Книшинъ и 19-го января 1570 Варшава.

[3]) Сигизмундъ II Августъ Фридриху II, 20-го января 1570: Sed uicissim a Ser—te Vestra peramanter ac fraterne quaerimus, quoniam Illust. Ducem Magnum Ser—tis V—rae fratrem cum Moschorum principe hoste nostro secreta consilia inire et nouas quasdam practicas de terris Liuoniae molirj, non tantum crebris litteris atque nunciis ad nos perfertur, sed etiam multis et magnis indicijs comprobatur. Dubium autem nobis non sit, eam ipsam rem cum ad nostrarum prouin-

ихъ братьевъ, Фридрихъ II неоднократно уже обнаруживалъ, какъ дешево онъ цѣнилъ польскій союзъ; между датскимъ и польскимъ правительствами стали все чаще возникать препирательства и по вопросамъ торговымъ и по вопросамъ религіознымъ. Католическая партія значительно усилилась въ Польшѣ въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда II Августа, и король, прежде равнодушно относившійся къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ, теперь явно сталъ клониться на сторону католиковъ. Узнавши, что католическіе священники были захвачены въ Даніи на пути ихъ въ Швецію и заключены въ темницу, Сигизмундъ энергично потребовалъ освобожденія ихъ и свободнаго пропуска въ Швецію [1]).

Когда Сигизмундъ узналъ о поѣздкѣ Магнуса въ Москву, для него не оставалось уже никакого сомнѣнія въ томъ, что Фридрихъ II благосклонно и съ участіемъ относится къ Магнусу и царю; онъ прямо обвинялъ датскаго короля въ подстрекательствѣ, въ поддержкѣ Магнуса. Видя, что отъ Даніи ему уже нечего ждать, Сигизмундъ въ болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ сталъ жаловаться на притѣсненія католиковъ въ Даніи и на нападенія, какимъ со стороны датскихъ моряковъ стали подвергаться его „спекуляторы", оберегавшіе, какъ утверждалъ король, Балтійское море и препятствовавшіе вредному нарвскому плаванію. Магнусъ, говоритъ Сигизмундъ, заключилъ союзъ съ Москвою противъ Польши [2]). Сильно возставалъ Сигизмундъ противъ Даніи и на Шпейерскомъ рейхстагѣ, который мы ниже разберемъ. Къ Сигизмунду примкнулъ и родственникъ его Іоаннъ III шведскій.

Какъ же на дѣлѣ относился къ сближенію Магнуса съ Москвою Фридрихъ II? Ему было важнѣе, чѣмъ Магнусу, оправдать себя въ

---

ciarum tum vero ad Reip. Christianae detrimentum spectare: num Illustris Dux Magnus ea quae molitur, consilio atque voluntate Ser—tis V—rae moliatur, aut num quae de amico speranda sunt, ea omnia de illo et sperare et nobis polliceri debeamus. Дрезд. арх. Das eilffte denische Buch.

[1]) Сигизмундъ II Августъ Фридриху II, 29-го января. Postulamus a S—e V—a maiorem in modum, ut Sacerdotes praedictos, non tantum libere in Suetiam cum nauj et rebus eorum omnibus dimittj jubeat, sed etiam ne eisdem quidquam impedimentis atque molestiae in posterum exhiberj permittat.

[2]) Plurimorum nuncijs et literis certissimisque indicijs comprobatur Ducem Magnum... consilio, uti dicitur, Serenitatis Vestrae ad Moschorum principem profectum, noua et perniciosa contra nos et Liuoniam consilia inire, nouas practicas et machinationes struere, idque non tantum ad occupandum, quem ipse sibj finxit principatum, quantum ad Vniversae Christianae Reipublicae pestem inferendam.

глазахъ Европы отъ обвиненій въ дружественныхъ отношеніяхъ къ *ненавистному* всей Европѣ Московиту. Во всѣхъ дѣйствіяхъ, словахъ и дипломатическихъ пріемахъ датскаго короля съ этихъ поръ замѣчается какая-то двойственность, неискренность, стремленіе замаскировать свои настоящія намѣренія и планы. Обращаясь къ Европѣ, Фридрихъ II удачно и съ успѣхомъ отклонялъ отъ себя всякое участіе въ дѣлѣ датско-русскаго союза; онъ утверждалъ даже, что союзъ этотъ заключенъ противъ его воли. Въ интимной же перепискѣ его съ Магнусомъ и его министрами, какъ и въ письмахъ его къ Іоанну Грозному, звучитъ уже иная нота, сильно диссонирующая съ тономъ писемъ, обращенныхъ, напримѣръ, къ императору и курфюрстамъ; въ этой перепискѣ — ключъ къ настоящей оцѣнкѣ русской политики Фридриха II. Среди документовъ этого времени, хранящихся въ дрезденскомъ архивѣ, попадается одинъ „sine loco et dato", разбирающій вопросъ, имѣлъ ли Магнусъ право заключить договоръ съ московскимъ царемъ, не только не равнымъ германскому императору, но не признаннымъ даже среди христіанскихъ государей [1]), и принять изъ его рукъ Ливонію, часть Римской [2]) имперіи, въ ленное владѣніе; не подалъ ли онъ этимъ поступкомъ гибельнѣйшій примѣръ отпаденія отъ имперіи искони принадлежавшихъ ей леновъ! Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это небольшое разсужденіе вышло изъ-подъ пера голштинскихъ агентовъ; въ немъ за Магнусомъ признавалось и право союза съ Москвою и право принятія въ ленъ Ливоніи, и вотъ на какихъ основаніяхъ: 1) Магнусъ въ тѣхъ земляхъ, какія онъ получилъ въ ленъ отъ московскаго царя не полновластный владѣтель, у него нѣтъ въ нихъ ничего своего, ни замковъ, ни людей [3]). 2) Хотя московскія земли нѣкогда и принадлежали германской имперіи, но въ настоящее время онѣ—jure belli—во власти московскаго царя, а не императора. 3) Императоръ самъ виновенъ въ потерѣ Ливоніи, и ливонцевъ нельзя винить въ измѣнѣ ему; они

---

[1]) Der als angegebenn schutzherr nicht allein kein Römischer Kayser, sondern auch wohl nicht vnter die Zahl Christlicher Potentatem gesetzt oder gerechnet wirdt.

[2]) Nicht alleine der Deutschen, sondern auch der gantzenn Christenheit ein newes hochbedenckliches schedliches exempell, vnnd aller handt beschwerliche dinge, darauf jtziger Zeit nicht gedacht werdenn magk, erfolgen konnten.

[3]) Obwohl S. Furstl. Gn. der gesambten belehnung halben ein fürst des Reichs zuachtenn Das doch S. F. Gn. weder Lande noch leute darjn habe, vnd der anwartung halben in solcher weidtleuftigkeit stehe, das sich S. F. G. solcher mit belehnung halbenn weinigk zugetroestenn.

неоднократно обращались къ нему за помощью, но никогда не находили въ немъ сочувствія къ себѣ. Много претерпѣвъ отъ враговъ, они, наконецъ, были вынуждены отдаться иноземному государю и промѣнять свободу на рабство [1]). 4) Спасти ливонцевъ Магнусъ могъ только принявши земли ихъ въ ленъ отъ настоящаго владѣтеля ихъ— царя московскаго. 5) Поступокъ Магнуса имѣлъ свой антецедентъ въ Пруссіи, герцогъ которой отдался подъ покровительство Польши и сдѣлался ленникомъ ея, въ чемъ однако никто изъ имперскихъ князей не требовалъ отъ него отчета. Другія государства также расширяютъ свои владѣнія на счетъ имперіи (намекъ на Францію) и даже самъ императоръ вынужденъ платить дань туркамъ и оказывать имъ всевозможный почетъ (verehrung), чтобы обезпечить свои владѣнія отъ ихъ вторженій [2]). Очень любопытно, что всѣ эти мотивы встрѣчаются и въ письмахъ Фридриха, и въ письмахъ Магнуса.

По поводу родственнаго и политическаго сближенія Магнуса съ Москвою Фридрихъ II прежде всего обратился къ курфюрсту Августу Саксонскому [3]).

Этотъ дальновиднѣйшій изъ европейскихъ государей второй половины XVI столѣтія меньше другихъ шумѣлъ по поводу неслыханнаго поступка Магнуса, но вѣрнѣе всѣхъ понялъ всю важность совершившагося факта. Фридрихъ, сообщая ему о союзѣ Магнуса съ Москвою, называетъ это дѣло очень важнымъ, необыкновеннымъ, оно открываетъ широкіе виды, но оно и опасно и можетъ вызвать много толковъ и pro и contra. Августу Фридрихъ представляетъ все это дѣло такъ, какъ будто Магнусъ безъ всякаго съ его стороны вліянія вошелъ въ переговоры съ царемъ въ виду, главнымъ образомъ, враждебныхъ отношеній къ себѣ польскаго правительства, которое, вопреки договорамъ съ Даніей, всѣми силами притѣсняетъ

---

[1]) Das das Reich ahn solcher verlust derselbenn Lande *selbst schuldigk* vnd den Vnderthannen gantz keine defection oder Rebellion zugemessenn werden kan... vnd sie also mit schrecklichem bluetvergiessen vnd vorherung Lande vnd Leute entlich in frembde gewalt gerathenn, vnd sich wider jhren willen auss foriger freijheit in erbermliche Dienstbarkeit ergeben haben mussenn.

[2]) Дрезд. арх. Etliche schriften, den Herzog Magnus zu Holstein und die liefländischen Lande betr. 1569—1573. Antwort auf die Frage ob N*, die angebottene Lande vnd leutte von N¹. als einem schutzherrenn ohne vorweiss zw lehenn empfahenn oder annehmen könde. (N*=Магнусъ; N¹=Іоаннъ Грозный).

[3]) Ему онъ писалъ: Vnnd obwoll der Handell an jm *selbst* vast *wichtig*, *seltsam* vnd *gar weitt* vnnd *geferlich aussicht*, vnd pro et contra zu disputiren macht. Отношенія Магнуса къ Москвѣ вызываютъ „allerley argwohn vnd verdacht".

Магнуса, отправляетъ вооруженные отряды въ его владѣнія, и эти отряды безпощадно жгутъ и грабятъ все, что только попадается имъ навстрѣчу, жителей убиваютъ и отводятъ въ плѣнъ [1]). Фридрихъ далѣе увѣряетъ Августа, что ни въ письмахъ, ни путемъ посольствъ не сносился по этому дѣлу съ царемъ, и до сихъ поръ непрестанно предостерегаетъ своего брата отъ сношеній съ московскимъ государемъ, совѣтуетъ до какого-бы то ни было рѣшенія всесторонне и зрѣло обдумать свое положеніе и на первомъ мѣстѣ поддерживать честь датскаго королевства и озаботиться о сохраненіи дружескихъ отношеній къ Германской имперіи и Польшѣ.

Августъ, отвѣчая Фридриху II, настаиваетъ на томъ, что московскій царь затѣялъ родство съ Магнусомъ исключительно только съ цѣлью утвердиться на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря, и если онъ достигнетъ своей цѣли, то германское вліяніе на востокѣ Балтики безусловно падетъ и уничтожится; о выгодахъ-же Магнуса царь—это ясно для Августа—нисколько не помышляетъ [2]).

Зная близость отношеній Саксоніи съ Даніей, и Магнусъ обратился къ Августу; свой союзъ съ Москвою онъ оправдывалъ главнымъ образомъ желаніемъ водворить дружескія отношенія между Москвой и Германской имперіей; союзъ съ царемъ—писалъ Магнусъ—принесетъ имперіи значительную выгоду, такъ какъ онъ обѣщалъ предпринять походъ противъ турецкаго султана, а военныя силы его такъ значительны, что онъ, безъ сомнѣнія, одолѣетъ султана.

Такимъ увѣреніямъ Магнуса Августъ не придавалъ никакой вѣры. Такимъ образомъ о своихъ собственныхъ выгодахъ отъ союза съ Мо-

---

[1]) .... dass er (Magnus) mer durch die Polnische bedrangnus, vnd lässigkeit in verfolgung der mitt vnns auffgerichtenn bundtnus, alss durch einigen vnnsern Rath vnnd anschaffung dem Moschowitischen anbietten stadt zugebenn, bewogen wordenn.

[2]) Письмо Августа отъ 7-го іюня 1570, Heidelberg. То-же, Torgau, 8-го октября: Der Moschowiter werde vnter solcher hulffe vnnd erhöhung E. L. Bruder seinen vortheil auch suchen, ob ehr mit der Zeit der lieflendischen steten vnd also der sehe kundigk vnd mechtigk werden möchte, darauss künftigk der ganzen Christenheit sonderlich aber den angesessenen trefliche gefahr entstehen vnd erfolgen wolte. Въ 1571 г., 7-го сентября, Августъ изъ Шёнбека in d. Marke писалъ Фридриху, что необходимо исходъ дѣлъ предоставить Богу: den aussgangk Got den allmechtigenn beuhelen, gleichwol aber wirt gutes aufsehnes von nöten sein, wor mit der Moschowiter vmbgehe vnnd das ehr den fuss nicht zu weitt jns Reich setzte... Dan solte ehr (царь) der stadt Reuel oder andere pesse ahn der sehe mechtig werden, zu besorgen, dass ehr jme gelust... lassen wurde, von jaren zu jare weiter zugreiffen.

сквою ни Фридрихъ, ни Магнусъ ничего не говорятъ. Сдѣлавши шагъ къ союзу съ Россіей, они какъ будто сами этого испугались и принялись создавать самыя странныя комбинаціи, въ родѣ вышеупомянутаго обѣщанія царя пойдти походомъ на турокъ, чтобы только помирить Европу съ фактомъ датско-московскаго родства. Магнусъ въ письмѣ къ Ульриху Мекленбургскому такъ увлекся, что утверждалъ, будто-бы въ Москвѣ онъ умолялъ царя пощадить его отъ высокой чести быть ливонскимъ королемъ, но царь рѣшительно не внималъ его просьбамъ, и его, Магнуса, принудили принять на себя титулъ короля Ливоніи. Не смотря на вынужденное согласіе соединиться съ московскимъ царемъ, онъ тѣмъ не менѣе твердо будетъ помнить объ интересахъ Германіи и вѣрно сохранять свои прежнія отношенія къ императору и князьямъ; онъ будетъ стремиться лишь къ одной цѣли — освободить Ливонію отъ *шведскаго* владычества. Магнусъ призываетъ Бога въ свидѣтели своей невинности и своихъ всегда благонамѣренныхъ отношеній къ Германской имперіи, ради пользы которой онъ единственно только и рѣшился на союзъ съ царемъ [1]).

Невинность Магнуса и вынужденное принятіе имъ ливонской короны всего лучше опровергается письмомъ къ Фридриху II Іоанна Грознаго отъ 26-го сентября 7079 года Въ немъ мы читаемъ:

„Вашъ братъ былъ у насъ и *просилъ* насъ уступить ему нашу прародительскую землю Лифляндію съ городами Ревелемъ, Ригою и другими, которые еще во власти Швеціи и Польши. Мы Божьей милостью Царь и Великій князь — почтили Вашего брата и сдѣлали его королемъ Лифляндіи, короновали его и обязали вѣрно намъ служить. Магнусъ поклялся намъ въ вѣрности и подтвердилъ свою клятву крестнымъ цѣлованіемъ; онъ обязался вѣрно служить намъ и дѣтямъ нашимъ и дѣтямъ дѣтей нашихъ противъ всѣхъ нашихъ враговъ; онъ поклялся, что будетъ имѣть съ нами однихъ друзей и недруговъ, за что мы и почтили его и даровали въ наслѣдственное владѣніе Лифляндію, съ городами Ригой, Ревелемъ и др., которые нами еще будутъ покорены. Къ Вамъ, какъ другу и доброму сосѣду, мы посылаемъ пословъ, которые и извѣстятъ Васъ подробнѣе обо всемъ случившемся. По смерти Магнуса правителемъ Ливоніи назначается

---

[1]) Дрезд. арх. Магнусъ Ульриху, Оберпаленъ, 25-го іюля 1571... Ob wir woll jre Kays. M. (царя) dienstlich gebetenn, jre Keys. M. vnns mit sollichen hohen ehren (то-есть, пожалованіе въ короли Ливоніи) zuuerschonen, haben jre Mait. sollichs vns in nichts erlassen wollen.

одинъ изъ датскихъ принцевъ, который долженъ клятвенно присягнуть на вѣрную службу намъ и нашему потомству. Вы—король Фридрихъ — должны быть съ нами въ союзѣ противъ нашихъ враговъ Польши, Литвы и Швеціи и прислать намъ Вашихъ пословъ, которые все нами заключенное должны подтвердить. Если король на это не согласенъ, то въ Ливоніи не бывать королей изъ датскаго дома" [1]).

Фридрихъ отвѣчалъ Грозному 5-го апрѣля 1571 года изъ Фридрихсборга. Онъ выражалъ радость и удовольствіе по поводу союза и родства его брата съ царемъ. Онъ желаетъ имъ полнаго успѣха въ борьбѣ съ Швеціей и Польшей; не смотря на все свое

---

[1]) Дрезд. арх. Переводъ (Ungefehrliche verdeutschte translation) письма Грознаго къ Фридриху II, Москва, 7079, 26-го сентября. — — Es war bey vnns eur Bruder — — vnnd batt vnns darumb, das ich jme gonnen vnnd verehren wolte mein vätterlich landt jnn Liffland, die Stadt Riga, Stadt Reuell, vnnd alle die anndern, so noch vbrig seindt jnn Liffland, vnder Polen vnd Schwedenn, vnnd wir vonn gotts gnaden grosser Herr Keyser — — verehrten eurem Brudern Hertzog Magnus vnnd machten vnnd setzten jnen zum Konnige vber Liffland vnnd krönete vnnd gab jme aus meyner — — Hand, Das er soll sein vnnder vnns jm Regimend vnd eur Bruder Konnig vber Liffland, Hertzog Magnus, diss nachfolgendes zu regierenn, Ozell, wyck, vnnd Herr vber die Churische Lande, vnnd halter vber das Reuelsche gebiette, wan es eröbert, Erbe zu Norwegenn, Hertzog zu Schleswig Holsteinn, Stormarn vnnd der Dittmarschenn, Graffe zu Oldenburg vnd Delmenhorst, thate vnnsere Keys. Grossmechttigkeit eidtliche huldigung vnnd kussete das Kreutz darauff, das er soll vnnder vnnser Regierung seinn vnnd vnns dienen, vnnd vnnsern Keyserlichen Kindern, vnnd derselben Kindern, mit trewen vnnd Rechtferttigkeit gegen vnnser Vheinde, vnnd vnns beystehen widder all vnnser vnnfreunde vor eins vnnd wer vnnser Keys. grossmechtigkeit freundt ist, der soll auch K. Herz. Magnus freundt seinn, vnnd der da ist vnser — — vnfreund, der soll auch Kon. Hertz. Magnus vnfreundt sein, vnnd wer da ist — — Magnusen freund, der ist auch gleicher gestaldt mein —— freundt, vnnd wer da ist — — Magnusen vnfreundt, der ist auch mein vnfreundt, vnnd verehreten alsso eurem Bruder dem Liffland. Kon. Hertz. Magnuso, vnd gaben jme vnd seinen Kindern vnd Söhnen, erblich vnd endtlich zubesitzenn, vnnser gewunnen landt in Liffland, Stedte, Stad Riga, vnd die Stad Reuell, vnd alle die anndern so noch vbrig sein jnn Liffland vnter Polenn, Littawen vnd vnnder dem Schwed. Konnige, sampt allen denn Stedten so gewesen sein, vnnder euch dem K. zu Denemark vnd verehrenn euch dem K. zu Denemark, wir vonn vnnser Keys. Grossmechtigkeit, durch entdliche Brieffliche verschreibung mit diessen Stedten vnnder euch, vnd nuhn diese Stedte nicht zu Kauffe vnnder eurem Bruder — —, das Schloss Pijllhen (?), Schloss Yettualin, Schl. Angermunde, Schl. Dondangen, Schl. Nijuts, Stadt Ambotten, Stadt Aren (?), Kauffstedlein Saken, vnnd den Stedten jnn Liffland vnnder eurem Bruder — — zu sein, als jhr jme vnndergeben vnd nicht zukauffen, Stad Arenssburg, St. Son-

желаніе соединиться съ ними теперь-же король этого не можетъ, такъ какъ явился-бы нарушителемъ недавно заключеннаго съ Швеціей мира въ Штеттинѣ. Что Фридрихъ въ письмѣ къ Грозному говорилъ истину, не представляетъ никакого сомнѣнія; мы видѣли уже, сколько выгодъ представляло ему поддерживать традиціонную дружбу съ Россіей; по мѣрѣ силъ своихъ онъ помогалъ Магнусу; такъ есть извѣстіе о томъ, что Фридрихъ II велѣлъ отправить въ 1570 году въ Аренсбургъ соль и др. съѣстные припасы. Просилъ Магнусъ у короля и денежной помощи, но оказать ее было трудно именно въ это время, такъ какъ семилѣтняя война съ Швеціей страшно истощила все королевство [1]). По окончаніи этой войны все

nenburg, vnnd jnn Wijkischen Lande die St. Habsell, Schl. Leall, Schl. Lode, Schl. Feckill, Schl. Foltsk, Schl. Kast, die St. alte Pernow, vnd vnnder dem Reuelschen gebiette, St. Podeck, Schl. Tegefewr, auff Reusisch Rijuegell vnd wir mit diesen Stedten verehren euren Brudern — —, Darauff wir dann vor vnnser Keys. Grossmechtigkeit schicken vnnsern Bottenn zu euch, als vnnserm bestenn vnd warhafftigenn freundt vnd nachbarnn, Kon. Fried. zu D., zuuernehmen vnnsere lieb vnd freundtschafft an denselben Stedten vnnder eurem Bruder — — nach vnnser verehrung, Wan eurem Bruder — — mit alter oder schwacheit beladen, oder seine Kinder vnnd Erben entlich abgingen, als dann soll aus dem Konnigreich D. vnnd auss keinem anderm Stammen erwehlet werden ein Herre vber die Lifflland. Lande, so noch vbrig sein vnd vnnser Keys. Grossmecht. vnd vnnsern Kindern, Keyserlichen söhnen, vnnd derselben Kindts Kindern, also gehalten, vnnd durch die Kreutzküssung beschworen werdenn, mitt Recht vnd Rechtfertigkeit zu dienenn, gegen vnnser vnd vnnser Reiche vheinde, ohne alle argelist vnd betrug, vnd jr Konnig Fr. zu D. wegenn vnnser Keys. Gross. mit vnns vereinet sein, wider vnnser Polnischenn, Lettowischen vnd Schwedischen vnfreunde vor eins zu bestehen, vnd euere gesandten an vnns abzuferttigenn, solchs mit vnns endtlich zuschlissenn vnd zubefestigenn, des gleichen auch das anndere Konnige zu D. mit vnnsern geschlecht vor eins stehenn wollen gegen Littowen vnnd Schweden, wann aber die Konnige aus dem Reich D. nicht vor eins mit beistehen wollenn, so soll auch kein Herre aus D. erwehlt oder angenohmen werden zu einem Herrn der vbrigen Lande zu Liffland, vnnd jr mein wahrhafftiger des freundt vnnd nachbar, Kon. Fr. zu D., werdet zu vns schicken eure Gesandtenn vnuerhindert, vnd jnen beuehlenn, da jr mit vnns bestendige Nachbar vnd freundtschafft vnd Liebe zuerhaltenn, vnd gegen vnnser Poln., Littauw., vnd Schwed. Vnnfreunde vor eins beizustehenn geneigt, solchs mit vnns endtlich zubeschlissen vnd zubeuestigenn.

[1]) Финансовое состояніе Даніи въ 7-лѣтнюю сѣверную войну было весьма тяжелое, безотрадное. За семь лѣтъ войны государство израсходовало всего 4.762.380 талеровъ, или ежегодно по 680.340 тал., тогда какъ до войны ежегодный расходъ равнялся 230.330 тал., меньше на 450,010 тал. Расходы, такимъ образомъ, утроились, при чемъ на войско уходило $^{6}/_{7}$ всей суммы, $^{1}/_{7}$—на содержаніе двора, флота и пр.; такъ что въ общемъ война поглотила у Даніи 4.176,540

вниманіе Фридриха было занято внутренними вопросами королевства; такъ, напримѣръ, вопросомъ о герцогствахъ Шлезвигѣ и Голштиніи, объ отношеніяхъ къ своему второму брату Іоанну и т. д. Въ виду этихъ внутреннихъ дѣлъ, онъ и не могъ отдаться ливонскимъ дѣламъ и вообще внѣшней политикѣ съ тою энергіей, какъ-бы онъ самъ желалъ; эти внутреннія дѣла—единственная причина кажущейся только безучастности его къ балтійско-московскому вопросу. Это обыкновенно упускаютъ изъ вида и готовы думать, что Фридрихъ II совершенно игнорировалъ ливонскія событія. На самомъ-же дѣлѣ этого не было. Могъ-ли онъ съ свойственной ему энергіей думать о Магнусѣ, когда отношенія его къ Адольфу голштинскому ухудшились на столько, что послѣдній сталъ искать возможности захватить себѣ норвежскую корону? Окончились эти натянутыя къ Голштиніи отношенія въ 1580 г., когда умеръ Іоаннъ Младшій и когда Фридрихъ II окончательно подѣлилъ герцогство между собою и Адольфомъ. Отстранены были эти внутреннія, семейныя смуты въ Голштинскомъ домѣ—и мы снова видимъ, съ какимъ участіемъ Фридрихъ II относится къ ливонскому вопросу, какъ его озабочиваютъ успѣхи польскаго короля, введшаго въ Ливонію іезуитовъ и покровительствовавшаго имъ, какъ онъ старался отстоять свои владѣнія на Эзелѣ и противолежащемъ материкѣ. И не смотря на то, что Фридрихъ II былъ занятъ у себя внутренними дѣлами, мы увидимъ, что онъ время отъ времени снова обращался на востокъ, входилъ въ переговоры съ имперскими князьями по ливонскому вопросу и т. д. Еще въ 1571 году—лѣтомъ—есть извѣстіе о сильныхъ вооруженіяхъ на сушѣ и на морѣ, дѣлаемыхъ въ Даніи; о цѣли ихъ иностранные послы ничего опредѣлительнаго сказать не могли, но очень вѣроятно, что они готовились

тал. (въ годъ 596.650). Доходы королевства равнялись 100.320 тал. въ годъ, что далеко не хватало на покрытіе военныхъ расходовъ. Приходилось прибѣгать къ разнаго рода искусственнымъ мѣрамъ, займамъ и пр., чтобы пополнить недостававшіе 580,020 талеровъ. Одни займы давали въ годъ до 457.000 тал.; деньги ссужали курфюрстъ саксонскій, бюргеры, духовенство, крестьяне, отдѣльные богачи капиталисты, ганзейскіе города. Экстренные налоги доходили до 265.940. Благодаря этимъ мѣрамъ правительство имѣло возможность расходовать ежегодно до 670.420 талеровъ.

Послѣ семилѣтней войны расходы снова уменьшились до 223.700 тал.; такъ что Фридрихъ II могъ, вопервыхъ, дѣйствовать менѣе энергично въ Зундѣ, а затѣмъ и оказывать помощь своему брату въ Ливоніи. Долги выплачивались медленно, военные расходы окончившейся войны поглотили всѣ государственные доходы за 50 лѣтъ.

для защиты датскихъ владѣній въ Ливоніи, для защиты датсконарвской торговли [1]).

Союзъ Магнуса съ Москвою сдѣлался также однимъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ на шпейерскомъ рейхстагѣ, открытомъ императоромъ Максиміліаномъ II 13 іюля 1570 года [2]). Цѣль созыва этогорейхстага заключалась въ примиреніи протестантовъ съ католиками, въ разсмотрѣніи судьбы кальвинистовъ и турецкаго вопроса [3]). Императоръ явился на рейхстагъ въ сопровожденіи своихъ сыновей, трехъ духовныхъ курфюрстовъ и одного свѣтскаго—пфальцграфа Фридриха; Августъ Саксонскій прислалъ вмѣсто себя шесть депутатовъ, среди которыхъ главное мѣсто занималъ Генрихъ Людевигъ фонъ Эберштейнъ. Курфюрстъ Бранденбургскій также вслѣдствіе болѣзни не могъ лично присутствовать на рейхстагѣ; среди его четырехъ представителей выдавался Георгъ Гансъ Путлитцъ. Въ Шпейеръ явились и представители отъ Польши, отъ ганзейскихъ городовъ, герцога прусскаго, администратора прусскаго ордена и короля датскаго. Каждый изъ нихъ представлялъ собранію положеніе дѣлъ въ Ливоніи съ точки зрѣнія своей выгоды [4]). Представители отъ администратора прусскаго ордена [5]) указывали, между прочимъ, на большую опасность для Германской имперіи отъ союза датскаго принца съ московскимъ царемъ; долгъ имперскихъ князей и самого императора принять участіе въ судьбѣ Ливоніи и настоять на удаленіи изъ нея всѣхъ иноземныхъ войскъ [6]). Польскіе послы добились на рейхстагѣ отдѣльной аудіенціи у императора и въ сильныхъ выраженіяхъ представили полную ужаса картину московскаго господства въ Ливоніи; осуждали поступокъ Магнуса, рѣшившагося на союзъ съ Москвою; сношенія иностранныхъ государей съ Москвою только усиливаютъ этихъ варваровъ московитовъ, ихъ пираты теперь уже появляются на Балтійскомъ морѣ; пусть всѣ имперскіе князья вникнутъ въ эти обстоятельства, и они увидятъ, какая опасность грозитъ всей Германской имперіи. Ливонскія событія—это общее

---

[1]) Данцигскій архивъ.

[2]) *Häberlin*, VIII, 74 и д. *Hiärn*, 276.

[3]) Ср. *Ritter*, Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des 30-jährigen Krieges. 1555—1648. Stuttgart, 1889, I, 432.

[4]) Дрезденскій архивъ заключаетъ въ себѣ интересныя данныя для разбираемаго рейхстага.

[5]) Supplication an die Rom. K. M. vnsern allergnedigsten Hern, hern George Administrator, den vberlestigen Zustandt der landt Lieffland betreffendt. Lectum 8 Nou.

[6]) Liffiendische Reuss. Handlung aufm Reichstage zu Speyer.

дѣло всѣхъ государей; они поэтому должны общими усиліями добиться прекращенія торговыхъ сношеній съ русскими Любека и др. городовъ. Теперь-же, съ союзомъ Магнуса съ Москвою—Ливонія на вѣчныя времена отпадаетъ отъ Германской имперіи и становится датско-московской провинціей [1]).

Уполномоченные отъ германскаго императора въ Штеттинѣ также прислали въ Шпейеръ донесеніе о ливонскихъ дѣлахъ [2]). Всѣ они выражаютъ опасеніе, какъ-бы московитамъ не удалось захватить Ревель; владѣя такимъ важнымъ приморскимъ пунктомъ, московскій царь будетъ полнымъ властителемъ Балтійскаго моря; отъ Ревеля ему всего 3 дня пути до Помераніи и др. имперскихъ земель и онъ съ свойственной ему страстью къ пріобрѣтеніямъ и завоеваніямъ не ограничится одною Ливоніей; весь союзъ его съ Магнусомъ и предпринятъ главнымъ образомъ изъ желанія добиться господства на Балтійскомъ морѣ, доступа къ нему своихъ подданныхъ и расширенія своихъ владѣній вдоль приморской полосы восточной Балтики [3]). Если московскій царь добьется этого, то онъ будетъ абсолютнымъ господиномъ всего сѣвера Европы. Въ виду всего этого необходимо снарядить посольство и къ Магнусу и къ московскому царю и потребовать отъ нихъ, чтобы они оставили осаду Ревеля [4]). Магнусу слѣдуетъ поставить на видъ, что онъ—какъ голштинскій князь—ленникъ императора, а потому и не имѣетъ права признавать надъ собою ленное господство Москвы; къ тому-же ему слѣдуетъ указать, что московскій царь мало заботится о его интересахъ; какъ скоро онъ достигнетъ своей цѣли—господства на Балтійскомъ морѣ—онъ уже и не будетъ цѣнить союза съ Магнусомъ. Дѣла приняли въ сѣверной Европѣ такой угрожающій характеръ, что всѣмъ приморскимъ городамъ слѣдовало-бы укрѣпить свои гавани и крѣпости [5]).

Длинное донесеніе датскихъ пословъ [6]) заключало въ себѣ оправда-

---

[1]) Копенгаг. арх. Лифляндія, 26.

[2]) Extract auss der Kays. Commissarien Schreiben aus Stettin, 13 oct 1570. Lectum 11 Nou.

[3]) dardurch dan die Moscowiter einen freien pass zu der Ostsehe vnd daruber zu dominiren erlangen mochten.

[4]) denn Lieffland dem Reich vnuermeinlich zugehorig.

[5]) Дрезден. арх. Es hetten auch Ire Mai. den Stenden des heil. Reichs zu befehlen jre Portus an der Ostsee mit gutter Behutt zu bewahren vnd zuuersehen.

[6]) Der Konigl. Dhenischen Commissarien antwort vnd gegenbericht auff die furgehaltene zeittung vnd erjnnerung der hern Kays. Konigl. vnd Churfurst. Commissarien. Lectum 9 und 10 Nou. Къ этому акту присоединено 12 приложеній.

ніе ихъ короля въ обвиненіяхъ, взведенныхъ на него за союзъ съ Россіей и сочувствіе начинаніямъ Магнуса. Послы возражали противъ того, будто-бы Фридрихъ II дѣйствовалъ въ Ливоніи за-одно съ московскимъ царемъ, помогалъ деньгами и войскомъ Магнусу, оказывалъ въ своемъ королевствѣ покровительство московскимъ пиратамъ. Они заявили представителямъ рейхстага, что датскіе короли съ незапамятныхъ временъ были въ дружескихъ отношеніяхъ съ московскими князьями, заключали съ ними договоры, и никто отъ этого не страдалъ. Соприкасаясь въ своихъ владѣніяхъ съ московскимъ государствомъ, датскій король высоко цѣнитъ дружбу и миръ съ нимъ; они обезпечиваютъ за норвежцами полную безопасность. Еслибы король порвалъ свои дружескія отношенія къ Москвѣ, его подданные въ Норвегіи много пострадали-бы. Защитить ихъ королю было-бы очень трудно въ виду отдаленности его столицы отъ сѣверной Норвегіи. Если союзъ съ московскимъ государемъ кажется нѣкоторымъ правителямъ Европы предосудительнымъ, то что-же сказать о тѣхъ, которые заключаютъ дружескіе договоры съ турецкимъ султаномъ [1]).

Не отъ московитовъ терпятъ приморскіе государи и города, а отъ польскихъ пиратовъ; на нихъ жаловались и Любекъ, и Померанскіе города, къ нимъ присоединяется теперь и король датскій. Все же, что распускаютъ о московскихъ пиратахъ преувеличено, о нихъ даже и не слышно на Балтійскомъ морѣ [2]). Если-же въ Копенгагенѣ и скрывались нѣкоторые изъ нихъ, то это не можетъ быть вмѣнено въ вину королю: въ Копенгагенѣ лѣтомъ, при громадномъ стеченіи иностранцевъ, трудно за всѣми услѣдить; можетъ быть, въ городѣ и скрывалось нѣсколько русскихъ.

---

[1]) Die Könige von Dennemarck haben *von vndenklichen jaren* hero also lang Dennemarck vnd Norttwegen vnder einem hern gewesen, vnd zuuor die Konige zu Norttwegen fur sich selbst mit dem Muscawittischen Grossfursten friedensbundtnuss gehabt vnd gehalten, wie auch nach oder(?) niemandts zuwider oder nachteil, vnd ist die K. M. zu Dennemarck — — hoch vnd viel daran gelegen, das solche friedtsbundtniss vnuorrückt bleibe, so fern Ihre Maiest. derselben arme vnderthanen des orts oder auch des gantzen reich Norttwegen wider jhr gewissen, vnd wagendt(?) Kon. Ampt, ohne not, nicht wollen jn eusserste gefahr vnd vorderbe setzenn, welches jhm souiel desto weniger von Ihrer May. zu uerhengen, alss mehr es war ist, das berurte ortt der Nordwegischen vnd Muscawitterischen Grenitz von Coppenhagen in die 300 meilen abgelegen ist, vnd desshalben jn eil wenig entsatzung daher zugewarten hatt, vnd ist nicht neu, das Christliche Potentaten dergleichen fridtsbundtnuss mit dem allerhessigisten feinde, dem Turcken machen vnd halten.

[2]) das man von dieser zeit jn der Ostsee von Muscawitterischen freibeutter *nichts* gehört oder gewust habe.

Представители Любека, которые, согласно своей инструкціи, должны были главнымъ образомъ отстаивать свободу нарвскаго плаванія, указывали на стѣсненія, претерпѣваемыя ими отъ шведскаго и польскаго королей [1]). Любекъ, хотя и имперскій городъ, но лишенъ всякой свободы на Балтійскомъ морѣ, почему городской совѣтъ его и обращается за помощью къ императору и князьямъ, чтобы добиться своихъ прежнихъ привилегій и выйдти изъ своего стѣсненнаго положенія.

Затѣмъ представители Любека замѣтили, что хотя московитъ и опасный врагъ, но Германіи не слѣдуетъ изъ-за частныхъ интересовъ нѣкоторыхъ округовъ начинать съ нимъ войну, тѣмъ болѣе, что война съ нимъ Германіи не по силамъ [2]); враговъ Германія найдетъ и въ Даніи, и въ Польшѣ, и въ Магнусѣ. Къ тому же московскій царь *никогда* еще не обнаруживалъ вражды къ имперіи [3]). Политическое положеніе имперіи такъ ненадежно, что, по мнѣнію Любека, ей невозможно брать на себя еще новыя обязательства. Майнцскій депутатъ также поднялъ вопросъ о Любекѣ; городъ этотъ, говорилъ онъ въ своемъ денесеніи, лежитъ у самаго Балтійскаго моря, составляющаго владѣніе императора; при свободномъ плаваніи на этомъ морѣ Любекъ производитъ широкіе торговые обороты, выгодные и имперіи; а теперь-же вся торговля города, его жизненный нервъ, уничтожена благодаря Швеціи и Польшѣ, пираты которыхъ слѣдятъ бдительно за тѣмъ, чтобы никого не допустить до плаванія въ Нарву.

Вотъ съ какими противорѣчивыми донесеніями императору и князьямъ пришлось считаться. На рейстагѣ по рукамъ ходило любопытное разсужденіе на тему „о страшномъ вредѣ и великой опасности для всего христіанства, а въ особенности Германской имперіи и всѣхъ прилежащихъ королевствъ и земель, какъ скоро московитъ утвердится въ Ливоніи и на Балтійскомъ морѣ“ [4]). По враждебному тону къ Россіи, которымъ это разсужденіе проникнуто, можно предположить, что авторъ его—ливонецъ, шведъ или полякъ; это подтверждается еще и тѣмъ неудовольствіемъ, какое обнаруживается авто-

---

[1]) Eines erbarn Raths der Stadt Lubeck gesandten Anttwortt, auf der hern Commissarien gethane Proposition wegen des Grossfursten Freibeutterej vnd anderen Liefflendischen angebrachter handel. Lectum, 10 Nouemb.

[2]) Ср. *Koch*, II, 55. Wegen etlicher Particular Stände einen so mächtigen Potentaten anzugreifen.

[3]) Nie als offener Reichsfeind declarirt.

[4]) См. Акты и Письма, № 10. Оригиналъ въ Берл. арх.

ромъ къ русской политикѣ Фридриха II и Магнуса, политикѣ совершенно „своекорыстной“.

Начинается наше любопытное разсужденіе съ положенія, что уже издавна сношенія западныхъ народовъ съ варварскими націями запрещались подъ страхомъ высокихъ пеней и даже казни; варварамъ нельзя было доставлять ни оружія, ни военныхъ снарядовъ, ни матеріаловъ для постройки кораблей. Теперь же, не смотря на такое запрещеніе, московскому царю доставляютъ изъ Германіи, а въ особенности изъ Франціи, Англіи, Шотландіи и Нидерландъ, разнаго рода оружіе, панцыри, мечи, алебарды и пр., а также и съѣстные припасы, соль, сельдей, патоку, разныя вина, водки и пряности. Всего важнѣе для русскихъ—соль; не получая ее въ такомъ количествѣ отъ западныхъ народовъ, они бы не могли продолжать войны и скоро запросили бы мира. Въ Москву провозятъ кромѣ того разнаго рода полотна, шелковыя и бархатныя матеріи. Русскіе, до этого не умѣвшіе выдѣлывать никакихъ тканей, теперь сами научаются всему и, конечно, разбогатѣютъ. Много доставляютъ царю и золотой и серебряной утвари, драгоцѣнные металлы въ Германіи истощаются и сильно поднимаются въ цѣнѣ. Не имѣетъ царь недостатка и въ мѣди, оловѣ, свинцѣ, сѣрѣ, селитрѣ, пуляхъ и порохѣ,—эти предметы въ избыткѣ привозятся въ Россію изъ сосѣднихъ государствъ; скоро московскій князь столько соберетъ военныхъ снарядовъ, что будетъ сильнѣе всѣхъ другихъ. Всего же опаснѣе то обстоятельство, что многіе государи доставляютъ московитамъ опытныхъ кораблестроителей, знающихъ морское дѣло и искусныхъ въ сооруженіи гаваней, портовъ, бастіоновъ и крѣпостей, затѣмъ оружейныхъ мастеровъ, умѣющихъ лить пушки, приготовлять порохъ, бумагу, проволоку, строить полировальныя мельницы, наконецъ и разныхъ другихъ мастеровъ, красильщиковъ и опытныхъ моряковъ, которымъ хорошо знакомо Балтійское море, его теченіе, гавани и пр. Всѣ эти сношенія Европы съ царемъ придали ему мужества, и онъ такъ уже усилился, что всѣ сосѣднія государства должны его страшиться. Теперь всѣ его стремленія клонятся къ тому, чтобы сдѣлаться господиномъ Балтійскаго моря; достигнуть этого ему не трудно, вопервыхъ, въ виду изобилія лѣса въ Россіи для постройки кораблей, желѣза для литья якорей и различныхъ другихъ матеріаловъ для корабельныхъ снарядовъ, парусовъ, талька, дегтю и т. д. Къ тому же страна его изобилуетъ населеніемъ, и онъ безъ труда наберетъ людей для экипажа. Русскіе—крѣпки, сильны и отважны и, навѣрно,

будутъ отличные мореходцы. Много у царя и купеческихъ товаровъ, такъ что онъ можетъ повести мѣновую торговлю съ иностранными государствами и отъ нихъ получать все нужное.

Въ виду всего этого, говоритъ авторъ „Diskurs'a“, не найдутъ никакого оправданія тѣ государи, которые ко вреду всего христіанства, а въ особенности Германіи, поддерживаютъ гибельныя сношенія съ московскимъ царемъ и посылаютъ въ Нарву своихъ торговыхъ людей. Сильный подрывъ будетъ нанесенъ всѣмъ прибалтійскимъ городамъ и государствамъ, какъ скоро московскій царь завяжетъ самостоятельныя торговыя сношенія съ Западною Европою, на своихъ корабляхъ станетъ доставлять на западъ продукты и произведенія своей страны. Сразу сократятся доходы нѣмецкихъ княжествъ, а вслѣдствіе этого и доходы всей имперіи; на ярмаркахъ не будетъ прежняго оживленія, поднимутся въ цѣнѣ всѣ товары, тысяча людей, занимавшихся раскладкою и развозкою товаровъ, останется безъ занятія и заработковъ. Прежній торговый путь черезъ Люблинъ, Варшаву, Познань и Бреславль въ Австрію, а оттуда въ Лейпцигъ—потеряетъ свое значеніе. Значеніе ганзейскихъ городовъ, имѣвшихъ свои „конторы“ и „резиденціи“ въ многочисленныхъ городахъ Европы—Лондонѣ, Брюгге, Бергенѣ, Новгородѣ—сведется къ полному ничтожеству, какъ скоро царь сдѣлается господиномъ Балтійскаго моря. Страшно вспомнить о судьбѣ новгородской конторы, продолжаетъ нашъ авторъ; царь какъ варваръ и язычникъ поступилъ съ нѣмцами: однихъ онъ сослалъ, другихъ размѣстилъ по тюрьмамъ. Послѣ этой катастрофы нѣмцы сосредоточили свою торговлю въ Ревелѣ и отсюда внимательно слѣдили за тѣмъ, чтобы никто не обходилъ этого стапельнаго пункта, не ѣздилъ ни въ Выборгъ, ни въ Нарву, ни въ другія гавани и не доставлялъ русскимъ *запрещенныхъ* товаровъ; и что же: не смотря на запрещенія, не смотря на угрозы—всѣ сносятся съ московитами, и эти варвары, безчеловѣчнѣе турокъ, получаютъ все нужное и ко вреду христіанства усиливаются!

Сожалѣнія достойно, что своекорыстіе на столько всѣми овладѣло, что ради собственныхъ выгодъ позабываютъ объ общемъ благѣ; руководимые единственно такими низкими чувствами, люди ввѣряются царю, который никогда не сдерживалъ своего слова, своей клятвы даже по отношенію къ тѣмъ, съ кѣмъ онъ заключалъ договоры и союзы; достаточно вспомнить его расправу съ Новгородомъ, Псковомъ, Смоленскомъ, Кіевомъ, Полоцкомъ и Дерптомъ, его поступокъ съ Вильгельмомъ Фюрстенбергомъ, у котораго онъ отнялъ Нарву, Фел-

линъ и бо́льшую часть Ливоніи. Можетъ ли понимать силу клятвы, силу честнаго слова тотъ, въ комъ нѣтъ ни истинной религіи, ни чести, ни воспитанія [1]).

Отъ такого тиранна императоръ и князья должны оградить себя и не забывать, что̀ ихъ ожидаетъ, какъ скоро царь снарядитъ многочисленный флотъ и высадится съ нимъ гдѣ-нибудь въ Ливоніи, Пруссіи или Помераніи, произведетъ опустошеніе, отведетъ людей и корабли. Всѣ сосѣднія государства поймутъ опасность для себя, когда царь овладѣетъ всею Ливоніей, ея прекрасными гаванями, до этого, какъ стѣна, защищавшими Западную Европу отъ вторженія варваровъ. Чего онъ не добился открытою силою, онъ легко достигнетъ хитрыми „практиками“ и подкупами. При пожарѣ сосѣдняго дома надо заботиться, какъ бы не сгорѣлъ собственный домъ, „пе quod mihi hodie cras tibi“. Царь умѣетъ награждать довѣрчивыхъ нѣмцевъ! Онъ какъ нельзя лучше „водитъ ихъ за носъ“ и въ концѣ концовъ отправитъ противъ турокъ, гдѣ всѣ они погибнутъ, а въ завоеванные города онъ вмѣсто нѣмцевъ отправитъ своихъ „звѣрскихъ“ подданныхъ, какъ онъ сдѣлалъ съ Новгородомъ.

Быть можетъ, скажутъ нѣкоторые, судьба Ливоніи не можетъ интересовать Пруссію, Померанію или вообще Германію; этой послѣдней нечего опасаться усиленія Москвы; они забываютъ, однако, совершенно, что царь, усилившись въ Ливоніи, захочетъ распространить свои владѣнія дальше и непремѣнно столкнется съ нѣмецкими прибалтійскими княжествами. Если московскій царь въ настоящее время въ дружбѣ съ датскимъ королемъ, то только изъ своекорыстныхъ видовъ: черезъ Зундъ онъ теперь можетъ посылать свои корабли во Францію, Англію и Нидерланды и оттуда вывозить нужные ему товары. Своекорыстные интересы связывали царя и съ Швеціей. Чтобы безпрепятственно воевать Ливонію, царь заключилъ миръ съ турками и татарами. Союзъ царя съ турками грозитъ совершенною гибелью Европѣ.

Все это говорилось авторомъ для того, чтобы императоръ и князья не забывали Ливоніи, больше заботились о ней, чѣмъ до настоящаго времени, не допускали сношеній западныхъ государей съ Москвою. Отъ нарвской торговли всего больше терпитъ польскій король; онъ поставилъ на морѣ нѣсколько военныхъ кораблей, которые должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы къ русскимъ не провозили запрещенныхъ това-

---

[1]) Акты, стр. 18.

ровъ. Успѣшнымъ дѣйствіямъ поляковъ препятствуютъ датчане, захватывающіе польскихъ спекуляторовъ и доставляющіе ихъ въ Копенгагенъ. Даніи всего важнѣе было бы внушить, чтобы она отказалась для общей пользы отъ сношеній съ русскими. Данія ничего не потеряетъ отъ того, что стапельнымъ пунктомъ сдѣлается Ревель. Союзъ съ московскимъ царемъ навлечетъ на короля только неудовольствіе и вражду всего христіанскаго міра. Другое дѣло польскій король: онъ имѣетъ въ виду единственно только общую пользу; ради нея онъ готовъ даже отказаться отъ своихъ владѣній въ Ливоніи, какъ скоро ему заплатятъ за всѣ военные расходы.

Всѣ европейскіе государи должны бы дѣйствовать съ такимъ же безкорыстіемъ, соединиться для общаго блага и спасти Ливонію. Изъ исторіи видно, какъ не прочны были всѣ союзы, заключенные съ Москвою. Датскій король долженъ былъ бы послѣдовать примѣру Іоанна I, который отвергнулъ союзъ и сближеніе съ Москвою (!); его обязанность остановить и Магнуса, предупредить роковой шагъ къ сближенію съ царемъ и убѣдить его, что цѣль царя при помощи Магнуса утвердиться въ Ливоніи и на Балтійскомъ морѣ; слѣдуетъ, наконецъ, предупредить разъединеніе, замѣчаемое между Польшей и нѣмецкими князьями, потому что чѣмъ согласнѣе всѣ будутъ дѣйствовать, тѣмъ труднѣе будетъ царю достигнуть господства на морѣ. Если Магнусъ не измѣнитъ своей политики, онъ наживетъ себѣ враговъ во всѣхъ прибалтійскихъ государяхъ, которые не пожелаютъ долѣе сносить дерзкихъ поступковъ московскихъ пиратовъ; главный изъ этихъ пиратовъ—Карстенъ Роде—имѣетъ свободный доступъ въ датскую столицу, закупаетъ тамъ корабли и затѣмъ захватываетъ попадающіяся ему на встрѣчу торговыя суда; такъ онъ недавно захватилъ нѣсколько данцигскихъ кораблей. Другой нѣмецъ—Сильвестръ Франкъ—везъ изъ Даніи помощь Магнусу и московитамъ въ Аренсбургъ. И это не взирая на то, что въ силу договора 1563 года Данія обязана помогать Польшѣ противъ Москвы, воевать съ царемъ, какъ врагомъ всего христіанства, препятствовать гибельной для всѣхъ нарвской торговлѣ и преслѣдовать московскихъ пиратовъ. Ганзейскіе города, настаивающіе на свободѣ нарвской торговли, должны бы понять, что въ концѣ концовъ она обратится къ ихъ же погибели, такъ какъ создастъ Россіи флотъ и моряковъ. Въ старину вся восточная торговля производилась въ Ревелѣ; въ 1299 г. магистръ даровалъ ганзейскимъ городамъ особыя привилегіи въ этомъ городѣ. Исторія показываетъ, что ганзейскіе города не дѣйствовали прежде

врозь, не преслѣдовали каждый своихъ интересовъ; они были сильны своимъ единствомъ, помогали своимъ собратьямъ въ Ливоніи, оберегали ихъ отъ русскихъ. Теперь по винѣ городовъ христіанская провинція снова подпадаетъ подъ власть варваровъ, не смотря на все ея желаніе остаться въ зависимости отъ императора и имперіи. Царь сразу подмѣтилъ несогласіе, возникшее между ливонскими и ганзейскими городами, съ высокомѣріемъ принялъ посольство любчанъ, съ презрѣніемъ отвергъ предложенія ливонскихъ пословъ; между тѣмъ не далѣе какъ 68 лѣтъ назадъ Любекъ помогъ ордену добиться мира съ Москвою, нарушеннаго только настоящею губительною войною. Какъ-то не вѣрится, чтобы Любекъ, теперь допускающій московитовъ къ утвержденію на Балтійскомъ морѣ, когда-то готовъ былъ объявить войну голландцамъ только вслѣдствіе ихъ желанія пріѣзжать въ Балтійское море, пользоваться балтійскою торговлею, что грозило подорвать благосостояніе ганзейскихъ городовъ. Какъ теперь согласить съ такимъ поведеніемъ Любека его просьбы и мольбы къ императору — не допускать сношеній съ Москвою французскихъ, англійскихъ, шотландскихъ и другихъ купцовъ; запрещая другимъ государствамъ торговлю съ русскими, Любекъ самъ доставляетъ въ Москву все, что необходимо русскимъ, помогаетъ имъ въ войнѣ и содѣйствуетъ ихъ усиленію. Съ нарвскимъ плаваніемъ въ Россію стали ѣздить ремесленники, научающіе русскихъ разнаго рода издѣліямъ, которыя прежде шли въ Россію изъ Европы. Мало по малу русскіе уже не будутъ нуждаться въ европейскихъ издѣліяхъ. Выходитъ, такимъ образомъ, что европейскія государства себѣ же вредятъ; торговыя сношенія ихъ съ русскими сдѣлаютъ русскихъ равными имъ, и Россія будетъ страшна для своихъ сосѣдей—Швеціи и Польши. Въ предупрежденіе этого слѣдуетъ разрѣшить ганзейскимъ городамъ пользоваться правомъ торговли въ ливонскихъ городахъ, закрыть, запретить нарвскую торговлю. „Всевышній не оставитъ нѣмцевъ своею помощью".

Вотъ—краткое содержаніе знаменитаго „дискурса" о московитахъ. Онъ весь проникнутъ несправедливою и непримиримою враждою къ Россію; авторъ не постѣснился по мѣстамъ жертвовать и историческою истиною ради своей тенденціи; это полонофилъ, имѣющій въ виду только и единственно интересы Польши и прусскихъ городовъ. Пустилъ онъ въ ходъ свое разсужденіе съ цѣлью остановить нарвское плаваніе, прекратить сношенія западныхъ народовъ съ московитами. Авторъ не достигъ своей цѣли; его попытка

испугать Западную Европу — уже не первая, и всѣ они оканчивались неудачею.

Всего менѣе обратилъ вниманія на „дискурсъ“ императоръ Максимиліанъ II.

Максимиліанъ II съ самаго вступленія своего на престолъ внимательно слѣдилъ, какъ мы видѣли, за событіями на Балтійскомъ морѣ и Скандинавскомъ сѣверѣ. Онъ не желалъ допустить отпаденія Ливоніи отъ Германской имперіи. Онъ понималъ всю важность сохранить вліяніе па южномъ и восточномъ побережьѣ Балтики. Выслушавъ всѣ представленія о ливонскихъ дѣлахъ — онъ, безъ сомнѣнія, сумѣлъ замѣтить небольшую долю истины въ докладахъ польскихъ и прусскихъ пословъ, какъ и своихъ уполномоченныхъ изъ Штеттина. Сознавая, какъ важны для имперіи торговыя сношенія съ русскими, онъ никакъ не могъ согласиться съ необходимостью закрытія нарвскаго плаванія, и датскіе и любекскіе послы находили у него больше сочувствія, нежели послы Сигизмунда II Августа или Іоанна III шведскаго. Онъ видѣлъ, что какъ скоро Любекъ лишенъ будетъ права торговать съ русскими, этою торговлею завладѣютъ иностранцы и въ убыткѣ останутся его же подданные. Союзъ Магнуса съ Грознымъ, кажется, не испугалъ его, и онъ поддерживалъ, какъ извѣстно, мирныя отношенія съ Россіей, отъ которой не переставалъ надѣяться получить помощь противъ турокъ. Ничего опредѣленнаго на шпейерскомъ рейхстагѣ въ пользу ливонцевъ или вѣрнѣе Польши—не достигли. Важность представленій на этомъ рейхстагѣ о ливонско-литовскихъ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе, очень велика; Максимиліанъ II, ближе ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ на сѣверо-востокѣ Европы, съ бо́льшимъ интересомъ сталъ относиться ко всѣмъ событіямъ въ этой мало знакомой части Германской имперіи.

Послѣ Штеттинскаго мира Максимиліанъ II уже рѣшительнѣе ходатайствуетъ за Любекъ и другіе города и требуетъ, чтобы плаваніе на Нарву было свободно. Онъ составилъ любопытный планъ сдѣлать Германскую имперію морскою державою. Всѣ государства, владѣя береговыми линіями, имѣютъ на моряхъ своихъ адмираловъ, которые наблюдаютъ за ихъ правами и интересами, римская же имперія, омываемая столькими морями, лишилась всякаго значенія на морѣ; она не имѣетъ ни гаваней, ни флота; отсюда и торговля ея не производится въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Императоръ долженъ платить большія деньги за товары, получаемые имъ при посредничествѣ иноземныхъ купцовъ. Имперскіе

города лишаются своихъ прежнихъ торговыхъ льготъ и привилегій, и иностранные государи захватываютъ въ свои руки и самую прибыльную торговлю съ Москвою [1]). Изъ такого ненормальнаго положенія дѣлъ Максимиліанъ хотѣлъ выйдти; онъ рѣшилъ, поэтому, назначить особаго адмирала на Балтійскомъ морѣ, съ тѣмъ чтобы онъ возстановилъ на немъ прежнее положеніе дѣлъ и, наблюдая за интере сами имперскихъ городовъ, обо всемъ доносилъ. Адмиралу слѣдовало заняться розысканіемъ такихъ вопросовъ, какъ напримѣръ относительно права плаванія и торговли на Балтійскомъ морѣ имперскихъ городовъ въ прежнія времена, относительно прерогативъ самихъ императоровъ на этомъ морѣ, какъ далеко простиралась власть императора, каковы были причины упадка императорскаго авторитета въ тѣхъ мѣстностяхъ и какія, по его мнѣнію, слѣдовало-бы предпринять мѣры, чтобы снова утвердить вліяніе императора на Балтійскомъ побережьѣ. Съ запасомъ такихъ свѣдѣній императоръ имѣлъ въ виду

---

[1]) Копенг. арх. Lifl. 27. Extr. der K. M. Gesandten Resolution schreibens, dat. 9 sept. 1570. Was der K. von Polen auff jtzigem Reichstage suche und furdere wider vns Herrn Hertzoge Magnum und sonsten der freyen schiffart halben, solchs haben E. K. M. hierneben auch auss dem extract Doctor Vehlings schreibens an die von Lubeck gnedigst zuerfaren. *Extract*. Ex grauaminibus quae Regis Poloniae Commissarijs danicis proposuerunt. Ill-mus Dux Magnus, ser—mi Daniae Regis frater, conjungit se cum Moscho hoste omnium communi, idque fortasse non sine ser-mi Daniae Regis scientia. Notandum, Articulo V adiectum fuisse, famam increbescere, Reualiam a Duce Magno obsideri, quae ad Polonos ex foedere redire debeat.

Extract aus der K. M. gesandten vberschickten protocolln vom 10 biss auff den 21 sept. was da furgelassen sein. — Im grundt ist es hierumb also geschaffen das die Polnischen gesandten sollen anfenglich bey dem hertzogen Pommern folgendes auch bei den andern Keys. Commissarien, auf sonderliche erlangte Audients gar hoch vnd hefftig Hertz. Magnus verstendnuss mit dem Moscowitter vnd. S. F. G. gegenwertige expedition jn Lieflandt dessgleichen die Moscowittische Freybeuterey auff der Ostsehe angezogen, vnd was fur eine gefahr diesen anreinenden landen vnd letzlich dem gantzen Rom. Reich deutscher Nation darauff stunde, den Herrn zu gemuete gefuret, vnd dabey gesucht haben, diesem angehenden fewr als einer gemeinen sachen bey zeiten zu weren, vnd das es eine notturfft sein solle, solchs an alle stende auf gemeinen Reichstage zu Speier versamblet, gelangen zulassen, bey gehörttem furbringen, so wol der Mosch. verstendnuss, als der freibeutereij halber hette ein schwerer Verdacht Ewer K..M. vnd von wegen der freibeutereij auch denen von Lubeck, durch die Polnischen wellen zugeschoben werden.

Dies ist an den kon. Fiscal nach Dantzig geschickt, welcher es ferner an die Herrn Kon. Commissarien vbersandt, dieselbe es der Rom. Keys. M. commissarien vnd Rethen verreichen lassen.

поднять балтійскій вопросъ сначала на рейхстагѣ, а затѣмъ и на депутаціонстагахъ, всесторонне разсмотрѣть его вмѣстѣ съ членами имперіи, дать ему ту или другую форму и тотчасъ приступить къ возстановленію значенія Германской имперіи на Балтійскомъ морѣ. Главною цѣлью при назначеніи новаго административнаго лица на Балтійскомъ морѣ было поддержать репутацію и права императора на южномъ и восточномъ берегахъ его. При адмиралѣ должны были находиться 4 коммисара[1]).

Таковы были намѣренія Максимиліана II относительно Балтійскаго вопроса. Живо интересуясь имъ, императоръ, однако, далѣе плановъ ничего не сдѣлалъ, въ чемъ, впрочемъ, не его вина. Положеніе германскаго императора становилось все затруднительнѣе, пока не рѣшенъ былъ религіозный вопросъ, волновавшій имперію, и пока Испанія имѣла такое сильное вліяніе на австрійскую вѣтвь Габсбургской линіи: она тянула Германію на религіозную борьбу, на борьбу съ Турціей; она заклинала ее не дѣлать уступокъ протестантамъ; а всѣ прибалтійскіе княжества и города были ревностными сторонниками лютеранства. Затѣмъ — авторитетъ императора былъ слишкомъ ничтожнымъ; территоріальная княжеская власть все расширялась, и императоръ всецѣло находился въ ея рукахъ; между князьями же не было согласія: одни были за Любекъ и Данію, другіе за Швецію. Императоръ во всѣхъ своихъ планахъ наталкивался на ихъ упорство; политическая ограниченность князей, или, какъ иронически замѣчаетъ одинъ историкъ, ихъ слишкомъ всеохватывающая ширина—вотъ что, между прочимъ, мѣшало улучшиться и строю всей имперіи.

Доля вины падаетъ и на личныя качества Максимиліана II, обнаруживавшаго и во внѣшней политикѣ не больше твердости, послѣдовательности и систематичности, чѣмъ во внутренней. И тутъ на всѣхъ предпріятіяхъ его лежитъ отпечатокъ нерѣшительности, мелочности и своекорыстія. Нѣмецкихъ, общенаціональныхъ интересовъ онъ не понималъ и упускалъ не разъ случай воспользоваться политическими комбинаціями въ сосѣднихъ государствахъ ради интересовъ имперіи; такъ, внутреннія неурядицы во Франціи давали ему возможность возвратить Германіи нѣсколько присвоенныхъ Франціей епископствъ; въ борьбѣ Испаніи съ Нидерландами ему слѣдовало бы рѣшительно стать на сторону возставшихъ штатовъ и тогда бы ему, весьма вѣроятно, удалось лишить испанскихъ Габсбурговъ владѣнія

[1]) Мюнхен. арх.

Нидерландами: они снова сдѣлались бы достояніемъ старшей, нѣмецкой линіи и скоро подняли бы благосостояніе имперіи, расширили ея торговлю, обогатили бы казну. Къ ливонскимъ событіямъ— то же нерѣшительное отношеніе. А какъ бы онъ могъ помочь ливонцамъ, еслибы располагалъ морскими силами Нидерландъ и еслибы соединился съ національной нѣмецкой партіей въ Германіи. Выигравъ хоть одно предпріятіе во внѣшней политикѣ, онъ сразу выросъ бы въ глазахъ своихъ подданныхъ и явился бы центральной личностью въ объединенной Германіи, измѣнивъ испанской традиціи и рѣзко перейдя къ національной партіи. Только тамъ, гдѣ интересы имперіи совпадали съ его династическими интересами, Максимиліанъ II обнаруживалъ энергію и стойкость, напримѣръ въ отношеніи къ туркамъ, но и тутъ результаты весьма плачевные: туркамъ уступлена была нѣкоторая часть венгерскихъ владѣній императора и онъ продолжалъ оставаться данникомъ султана, какъ и Фердинандъ I. Уже съ начала своего царствованія связанный дружбою съ Испаніей и папистской реакціей, женатый на сестрѣ Филиппа II, а въ 1568 году выдавши за Филиппа свою дочь Анну, Максимиліанъ послѣ смерти Донъ Карлоса совершенно отдался своей фантастической Габсбургской политикѣ: ему рисовалась въ перспективѣ возможность соединить въ однихъ рукахъ владѣнія обѣихъ Габсбургскихъ линій и возстановить универсализмъ Карла V [1]).

Увлекаясь универсальными планами, Максимиліанъ забывалъ о насущныхъ нуждахъ своихъ подданныхъ. Не надо упускать изъ виду, наконецъ, и отношеній Максимиліана въ Польшѣ; тамъ для него открылась широкая перспектива. Занявъ польскій престолъ или посадивъ на него одного изъ габсбургскихъ принцевъ, онъ достигъ бы еще бо́льшихъ династическихъ выгодъ; польская часть Ливоніи признала бы его своимъ господиномъ, а также и Пруссія. Достиженіе польскаго престола обезпечило бы за имперіей и почетное положеніе на Балтійскомъ морѣ; съ такими гаванями, какъ Данцигъ и Рига, императоръ легко бы усилился въ Ливоніи, вытѣснилъ бы изъ нея какъ датчанъ, такъ и шведовъ.

На имперскомъ рейхстагѣ рѣшено было отправить посольства и къ царю, и къ Магнусу; еслибы посольства ничего не достигли, то можно будетъ—говорилось въ рецессѣ рейхстага—прибѣгнуть къ оружію (Waffengewalt). Княжеская коллегія высказалась за то, чтобы

---

[1]) *Droysen*, Das Zeitalter des 30-jährigen Krieges, I, 36 и далѣе.

Магнусу, если онъ не порветъ своихъ отношеній къ Москвѣ, пригрозить лишеніемъ всѣхъ правъ и преимуществъ, какія онъ имѣлъ какъ ленникъ императора; затѣмъ эта же коллегія считала необходимымъ сманить Фридриха датскаго къ посредничеству между имперіей и Магнусомъ. Далѣе, большинствомъ представителей рейхстага рѣшено было снова запретить сношенія съ русскими; съ иностранными державами слѣдовало войдти по этому вопросу въ сношенія. На послѣднее рѣшеніе имѣло сильное вліяніе вѣсть о взятіи русскими Ревеля, кѣмъ-то пущенная и дошедшая до Шпейера, и о появленіи 40 русскихъ галеръ у южнаго побережья Балтійскаго моря. Эта вѣсть произвела необычайное волненіе, многіе хотѣли бѣжать изъ Шпейера. Когда на рейхстагѣ убѣдились, что вѣсть о паденіи Ревеля—выдумка и всѣ нѣсколько поуспокоились, снова вернулись къ вопросу о посольствѣ въ Москву.

Курфюрстская коллегія, всегда болѣе здраво и спокойно относившаяся къ сѣвернымъ событіямъ, кромѣ того и сочувствовавшая Даніи, рѣшила 29-го декабря прибѣгнуть къ мирному посольству въ Москву, такъ какъ ни Магнусъ, ни царь не враги имперіи (Reichsfeinde); если результаты посольства не будутъ соотвѣтствовать ожиданіямъ князей, то необходимо созвать депутаціонстагъ.

Вопросъ объ учрежденіи на Балтійскомъ морѣ адмиралтейства сильно занималъ умы послѣ шпейерскаго рейхстага, былъ темою разныхъ летучихъ листковъ, брошюръ, меморіаловъ; въ нихъ указывали на печальную роль императора и имперскихъ городовъ на Балтійскомъ морѣ; убытки, какіе города терпятъ вслѣдствіе торговыхъ преимуществъ иностранцевъ на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, опредѣлялись въ нѣсколько бочекъ золота; нѣмцамъ приходилось покупать всѣ товары за гораздо болѣе дорогую цѣну. Если во-время не остановить такого положенія дѣлъ, иностранцы еще болѣе усилятся, усилится и московскій царь, безпрепятственно сносившійся съ Западною Европою. На Балтійскомъ морѣ, продолжаетъ одно политическое донесеніе, никто въ настоящее время не огражденъ отъ самоволія русскихъ пиратовъ, котораго не искоренили ни указы, ни письма, ни дипломатическія обращенія; для отстраненія этого зла — необходимо административное лицо, адмиралъ, уполномоченный отъ императора для активнаго преслѣдованія пиратовъ. Поручить обязанности адмирала необходимо человѣку испытанному, къ которому императоръ могъ бы имѣть полное довѣріе; одну треть конфискованныхъ товаровъ слѣдовало бы уступить ему, $^1/_4$ часть отдѣлить для расходовъ по судеб-

нымъ слѣд ... отря по усердію и энергіи адмирала, императоръ могъ бы назначить ему еще спеціальное вознагражденіе.

Адмиралу слѣдовало бы прежде всего навести рядъ справокъ, какъ то: узнать, какими привилегіями въ прежнія времена ганзейскіе города пользовались въ Швеціи, Даніи, Польшѣ, Нидерландахъ, Норвегіи и Россіи, сколько у нихъ было конторъ, въ какихъ городахъ онѣ были расположены, сколько времени города пользовались своими привилегіями и кѣмъ и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ они лишились ихъ. Важнѣе всего справки о главнѣйшихъ конторахъ въ Новгородѣ, Бергенѣ, Лондонѣ и Антверпенѣ. Необходимо точно узнать привилегіи каждаго ганзейскаго города въ отдѣльности, какіе были предметы его торговли, сколько онъ потерпѣлъ отъ пиратовъ, число захваченныхъ у каждаго города кораблей, затѣмъ, опредѣлить количество зундскихъ пошлинъ; весьма важно, наконецъ, знать и число кораблей, появляющихся на Балтійскомъ морѣ отъ каждаго иностраннаго государства, таксу, примѣняемую къ нимъ въ Зундѣ, на сколько они заинтересованы въ вопросѣ о морскомъ господствѣ. Однимъ словомъ in genere et specie слѣдуетъ все обсудить до деталей.

Съ заключеніемъ Штеттинскаго мира, говорится въ одномъ разсужденіи, городамъ были обѣщаны ихъ привилегіи въ Швеціи и Даніи; получить же вознагражденіе за захваченные корабли и товары имъ не удалось. Датскіе уполномоченные говорили, что еслибы они вздумали заплатить за всѣ захваченные и конфискованные ими товары, имъ пришлось бы заложить свое королевство, всѣ земли свои, людей своихъ. Голландцы одни опредѣляли убытокъ, причиненный ими въ Зундѣ, въ 7 бочекъ золота. Въ послѣдней войнѣ между городами царило также разъединеніе: одни служили датскимъ интересамъ, другіе шведскимъ; этого бы, конечно, не было, еслибы у городовъ былъ одинъ глава, одинъ государь. Кто, говорилъ одинъ дипломатъ, останется слѣпымъ и къ такимъ яснымъ „демонстраціямъ", съ тѣмъ, очевидно, уже ничего не подѣлаешь. Изъ мелкихъ нѣмецкихъ князей большимъ сторонникомъ новаго проекта былъ пфальцграфъ Гансъ Георгъ, графъ Veldenz'a. Онъ былъ родственникомъ шведскихъ Вазъ, хватался за каждый проектъ, сколько нибудь обезпечивавшій его разстроенное матеріальное состояніе, увлекался, былъ одаренъ краснорѣчіемъ и весьма обширною фантазіей, помогавшей ему иногда увлекать за собою легковѣрныхъ, начитанъ, знакомъ съ исторіей Ганзы и Скандинавскаго сѣвера, притворный патріотъ, ненавистникъ Москвы, индеферентенъ въ религіи, мотъ, самолюбивый эгоистъ, врагъ курфюрстовъ.

Этотъ человѣкъ и взялся съ наибольшей энергіей за распространеніе новой идеи и за осуществленіе ея. Вопросъ объ адмиральствѣ разсматривался на двухъ рейхстагахъ, на нѣсколькихъ депутаціонстагахъ и ганзетагахъ.

На Шпейерскомъ рейхстагѣ онъ обсуждался въ коллегіи курфюрстовъ и въ коллегіи князей. Почти всѣ князья согласились въ необходимости новаго учрежденія, сознавали пользу его для всей имперіи. Медлить, по ихъ мнѣнію, нельзя, необходимо тотчасъ же осуществить проектъ. Курфюрсты обнаружили гораздо меньше энергіи и интереса къ дѣлу. Императоръ, предлагая новый вопросъ на обсужденіе, ставилъ его въ тѣсную связь съ ливонскимъ. Нѣкоторые подали мнѣніе за то, чтобы вопросъ объ адмиралтействѣ отложить по его важности и предварительно разсмотрѣть его на депутаціонстагѣ въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Большинство же высказалось за то, чтобы вопросъ объ адмиралтействѣ былъ всецѣло предоставленъ императору. Принявъ сторону тѣхъ, которые предлагали отложить разсмотрѣніе вопроса до слѣдующаго депутаціонстага, Максимиліанъ просилъ въ предстоящій промежутокъ времени навести всѣ нужныя справки о морской, побережной линіи, о гаваняхъ и прочее.

До Франкфуртскаго депутаціонстага представители Бургундскаго, Вестфальскаго и Нижнесаксонскаго округовъ собрались въ Гренингенѣ. Здѣсь главнымъ агитаторомъ, двигателемъ новаго морскаго проекта былъ Гансъ Георгъ. Въ Гренингенѣ были выработаны слѣдующія постановленія. 1) Составить особую коммиссію для разслѣдованія вопроса, разослать по имперіи строгіе указы о томъ, чтобы никто подъ страхомъ наказанія не поддерживалъ пиратовъ, не пускалъ ихъ въ свои гавани и воды, не разрѣшалъ имъ продавать захваченные товары въ своихъ земляхъ, а захватывалъ и задерживалъ пиратовъ, строго ихъ наказывалъ, а найденные у нихъ товары возвращалъ по принадлежности. 2) Отрядить въ балтійскіе города—Любекъ, Ростокъ и Стральзундъ, а также и въ Бременъ, Гамбургъ и Эмбденъ, по одному коммиссару, которые должны слѣдить за выполненіемъ императорскаго указа. Какъ скоро коммиссары узнаютъ о нарушеніи его, они должны донести объ этомъ имперскому фискальному камерпрокуратору. 3) Императоръ долженъ кассировать постановленія принца Оранскаго и его родственниковъ, направленныя противъ императорскаго мандата. 4) Императоръ долженъ обратиться къ Франціи, Англіи, Шотландіи, Даніи и Голштиніи съ просьбою содѣйствовать искорененію пиратовъ и не принимать ихъ въ свои гавани, а задерживать и выдавать. 5) Снарядить 20 кораблей съ спеціальною цѣлью—слѣдить за безопасностью

плаванія на Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ (предложено Бургундскимъ округомъ). 6) Убѣдить кого нибудь изъ князей прибалтійскихъ или князей при Нѣмецкомъ морѣ взять на себя должность „Обриста адмирала“, къ которому въ качествѣ совѣтниковъ должны быть поставлены еще нѣсколько приморскихъ князей. 7) Настоять на томъ, чтобы Бременъ и Гамбургъ соорудили четыре военныхъ корабля въ 200 и 100 ластъ, Ростокъ и Висмаръ по одному въ 150 ластъ, Любекъ— два корабля въ 200 и 100 ластъ, и снабдили ихъ всѣмъ нужнымъ, оружіемъ, съѣстными припасами и прочее. Расходы должны быть распредѣлены между всѣми сословіями имперіи.

Въ маѣ 1571 года проектъ адмиралтейства разсматривался рейнскими курфюрстами въ Бингенѣ, въ августѣ и сентябрѣ на Франкфуртскомъ депутаціонстагѣ. Здѣсь весь новый проектъ разсматривался въ связи съ стремленіями московитовъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ. „Если не поставить предѣла самоволію московскихъ и другихъ пиратовъ, то на Балтійскомъ морѣ повторятся времена Виталіевъ, грозившихъ скандинавскимъ государствамъ; прерваны будутъ торговыя сношенія, остановлена навигація, настанетъ дороговизна провіанта, обнаружится недостатокъ во всѣхъ нужныхъ товарахъ, не станетъ сбыта мѣстныхъ производствъ. Учрежденіе адмиралтейства сразу измѣнитъ все положеніе вещей“.

26-го сентября Гансъ Георгъ сдѣлалъ собранію подробное донесеніе объ адмиралтействѣ. Онъ началъ съ того, что указалъ, что однихъ указовъ и коммиссій мало для осуществленія поставленнаго вопроса, необходимо командировать въ балтійскія государства какое-нибудь довѣрія заслуживающее лице, который бы наблюдалъ за всѣмъ, что тамъ дѣлается; ex longo usu онъ лучше отмѣтитъ и выдѣлитъ насущныя нужды имперіи въ этой части ея. Необходима постоянная „бдительная инстанція“. Мало *только* разсматривать тотъ или другой вопросъ, только говорить о немъ, необходимо слова сопровождать дѣломъ. Адмиралъ, по мнѣнію пфальцграфа, долженъ явиться этою активною силою. Дѣйствуя во всемъ съ согласія сословій, онъ не можетъ безъ ихъ совѣта вводить какихъ-либо нововведеній, въ каждомъ возникающемъ дѣлѣ онъ привлекаетъ къ участію 4 коммиссаровъ, съ которыми и долженъ рѣшить: назначать ли провинившемуся арестъ, или денежный штрафъ, или прибѣгнуть къ инаго рода наказанію.

Содержаніе адмирала обезпечивается конфискованными товарами. Въ заключеніи своего доклада пфальцграфъ подчеркнулъ, что весь адмиралтейскій вопросъ чуждъ какой бы то ни было религіозной под-

кладки, не связанъ ни съ какими вѣроисповѣдными выгодами или невыгодами.

На Франкфуртскомъ депутаціонстагѣ новый проектъ не былъ встрѣченъ съ сочувствіемъ. Всѣ находили, что осуществленіе его потребуетъ слишкомъ большихъ расходовъ; въ имперіи о такомъ учрежденіи, какъ адмиралтейство, прежде не было слышно; о новыхъ наборахъ нечего и думать, такъ какъ сословія и безъ того отягчены ими. Необходимо выслушать по этому вопросу мнѣнія всѣхъ приморскихъ городовъ, имѣющихъ гавани на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ. „so portus in mari haben". Опасно также давать такое неограниченное полномочіе на морѣ одному лицу. Собравшіеся пожелали узнать, кто иниціаторъ всего проекта, настаивали на томъ, чтобы на спѣхъ ничего не рѣшали, а мирно, спокойно обсудили предварительно всѣ стороны вопроса. Приморскимъ городамъ и князьямъ легко справиться съ пиратами и безъ всякаго адмиралтейства; такъ Гамбургъ и Любекъ до сихъ поръ удачно справлялись съ ними.

Акты, разбирающіе Франкфуртскій депутаціонстагъ, даютъ намъ понять, что собравшіеся въ Франкфуртъ князья склонны были приписать иниціативу всего новаго проекта Бургундіи; было бы интересно опредѣлить, какъ Испанія относилась къ проекту, не боялись ли князья, чтобъ съ осуществленіемъ проекта не усилилось вліяніе Испаніи на Балтійскомъ морѣ. Послѣднее—проскальзываетъ кое-гдѣ въ актахъ, сохранившихся до насъ о новомъ проектѣ.

Какіе бы, однако, мотивы ни руководили князьями, не подлежитъ сомнѣнію, что самыя серьезныя препятствія представились съ ихъ стороны; они не одобряли новаго проекта, не потому, чтобы они не сочувствовали идеѣ, а потому единственно, что осуществленіе его требовало извѣстныхъ затратъ для *общей* пользы, а ея то они и не признавали. Каждый проектъ, не обѣщавшій имъ прямыхъ выгодъ, рѣдко проходилъ черезъ ихъ коллегію.

Неудачи не останавливали Ганса Георга, этого дипломата прожектера par excellence. Онъ выработалъ обстоятельный меморіалъ, въ которомъ разсматривалось, на что̀ адмиралу слѣдовало всего болѣе обратить вниманіе, каковы его функціи и какихъ результатовъ можно ожидать отъ новаго учрежденія.—Авторъ меморіала указываетъ прежде всего на то, что учрежденіемъ адмиралтейства не только стало бы возможно возвращеніе къ имперіи Ливоніи, но и Данцига. Гамбурга и др. городовъ, безнаказанно тѣснимыхъ датскимъ правительствомъ; прекратились бы стѣсненія въ Зундѣ, теперь „tacite" практикуемыя

датскимъ королемъ, отчего нѣмецкіе города въ конецъ разорились[1]). Имперіи важнѣе всего не дать утвердиться въ Ливоніи ни королю Даніи, ни Магнусу, такъ какъ оба они въ мирѣ и союзѣ съ московскимъ царемъ, (in ewiger bundnus und correspondenz), поддерживаютъ его въ надеждѣ „tacite" присоединить всю область себѣ. Въ соединеніи съ Москвою они еще надѣятся осилить Швецію и возстановить скандинавскую унію. Царю будутъ доставлять оружія и разные военные снаряды, нарвское плаваніе приметъ широкіе размѣры, русскіе безъ труда утвердятся въ Финляндіи, и у Швеціи не будетъ уже соединительнаго звена съ Ливоніей. Царь не удовольствуется Балтійскимъ моремъ и будетъ стараться проникнуть въ Нѣмецкое. На дружбу московскаго царя нечего полагаться, она направлена лишь къ собственнымъ выгодамъ. Договоръ его съ Магнусомъ—хитрый маневръ съ цѣлью завлечь его въ свои сѣти и присоединить себѣ всю приморскую область павшаго ордена.

Еслибы въ Ливоніи было учреждено адмиралтейство — все бы сразу видоизмѣнилось. Гансъ Георгъ не скрываетъ своего желанія быть назначеннымъ адмираломъ именно въ Ливоніи. Онъ составилъ новый ливонскій проектъ. Швеція, разсуждалъ онъ, будетъ на его сторонѣ, какъ родственная держава и въ силу дружескаго договора его съ Эрикомъ XIV въ 1562 году. Если династія Вазы вымретъ, престолъ наслѣдуетъ Анна, дочь Густава I, жена Ганса Георга. Швеція охотно, въ виду такихъ отношеній ея къ пфальцграфу, поможетъ ему осуществить планъ адмиралтейства; содѣйствія онъ можетъ смѣло ждать и отъ ганзейскихъ городовъ. Швеція всегда возставала противъ нарвскаго плаванія; а такъ какъ съ учрежденіемъ адмиралтейства оно необходимо прекратится, то Швеція въ благодарность за это согласится уступить императору свою часть въ Ливоніи. Устроивъ адмиралтейство въ Ливоніи, легко будетъ уничтожить зундскія стѣсненія. Можно всего лучше заставить Данію прекратить ихъ,

[1]) So were schon Danzig vnd ein gut teil anderer stette beim reich, da sie jetzunder Dennemarkt fur ein schirmherrn hat angenomen, vnd so er also Hamburg, auch von wegen des herzogthumbs Holstain im rechten gewant vnd von keinem kein grossere beschwernus dem reich vnd sonderlich den geistlichen churvnd fursten, so am Rein gesessen, mit dem unleidlichen zoll im Sunde tut, vnd was Liefflands halben von herzog Magnussen wegen vnd des konigs von Dennemark practicken zu besorgen, das wirdt man, so mans jetz nit glauben wil, mit schaden erfahren. Es ist aber ein jar etliche zu tun, so schlegt er wieder ein taler auf die last, und also tacite allen umbliegenden königreichen tribut geben mussen und unser vaterland schendlich aussaugen lassen.

пріостановивши съ ней на время всякія торговыя сношенія (mit gegenverbietung der commercien). Разъ за императора будетъ Швеція и ганзейскіе города, можно было бы сдѣлать попытку передать Зундъ въ вѣдѣніе городовъ. Всѣ знаютъ какую силу представляютъ ганзейскіе города, когда дѣйствуютъ съ единствомъ и единодушіемъ Разъ императоръ будетъ въ состояніи гарантировать за бургундскими городами плаваніе въ Зундѣ, и они станутъ на его сторону [1]). А Зундъ даетъ датскому правительству ежегодно отъ 24 до 30 бочекъ золота. За проектъ пфальцграфа стоитъ Данцигъ и другіе прусскіе города, уже и раньше выражавшіе ему согласіе признать надъ собою власть императора. Польша при такихъ обстоятельствахъ будетъ вынуждена отказаться какъ отъ Ливоніи, такъ и отъ Пруссіи. Есть надежда, что отъ Польши отпадутъ и литовцы, которые также передадутся императору.

Все это блестящее политическое и коммерсіальное будущее имперіи будетъ возможно только въ томъ случаѣ, если во главѣ всего дѣла будетъ поставленъ пфальцграфъ [2]). Городамъ нечего опасаться за свою свободу: адмиралъ всегда будетъ сообразоваться съ ихъ привилегіями, онъ стремится освободить ихъ отъ рабства, а не наоборотъ.

До 1575 года Гансъ Георгъ переѣзжаетъ изъ одного города въ другой, отъ одного князя къ другому: всѣ остаются глухи къ его проекту, не смотря на то, что онъ красокъ не жалѣлъ и блестящѣе прежняго рисовалъ будущее. Максимиліану онъ предлагалъ свои услуги возвратить имперіи шесть или семь замковъ въ курляндской епископіи, принадлежащихъ Магнусу; онъ брался также вернуть имперіи Ригу.

---

[1]) Mittheilungen, 35: Dan was macht bei den seestetten, da sie einig und bei einander gehalten, mit entsetzung und einsetzung der königen sie gehabt, das beweisen die historien. Wil geschweigen, die Burgundischen eben so wenig in die hart solche beschwernus im Sund leiden und sich der sachen annehmen werden. Dan mit was gewissen ein jede obrigkeit, sonderlich das reich, solches leiden könne, das man sol den sechzehenden pfennig aller waaren, so deren zu meer komen und im reich gebraucht werden, bezalen, und was das fur ein grausame exaction sei und ob das heisse das reich gemehret, geb ich menniglich zu bedenken. Und ist der konig in Schweden von wegen S. kon. W. undertanen dessen alles frei, zalt auch am zoll weiters dan von alters nicht sonder schutzet sie fur solche exaction. Derohalben ein schand, das es das reich leidet, dessen undertanen nicht so wol als andere schirmen konnen bei altem herkomen.

[2]) weil ich die sachen vermutlich besser als ein ander incorporirt und tuen wurde. Въ другомъ мѣстѣ: Darmit aber doch Liefland zum amiralwerk gebracht werde und dem reich zu gutem komme, so ist kein ander mittel als durch mein person und aus nachuolgenden persuasionibus.

Эти города послужатъ прекраснымъ фундаментомъ для адмиралтейства, мысль о которомъ постоянно всплываетъ наружу до самаго конца ливонской войны. Владѣя Ригою, не трудно будетъ завоевать польскую часть Ливоніи. Максимиліанъ, занятый въ это время отношеніями къ Испаніи, отвѣчалъ пфальцграфу на всѣ его предложенія, что и они, и самый проектъ адмиралтейства на столько сложны и важны, что необходимо ихъ обсудить на новомъ рейхстагѣ. Онъ присоединялъ къ этому еще, что проектъ былъ безъ сочувствія встрѣченъ на франкфуртскомъ депутаціонстагѣ, что это дѣло новое, небывалое. Самъ онъ продолжаетъ сочувствовать проекту и съ своей стороны готовъ всѣми силами содѣйствовать его выполненію.

Въ 1575 году Гансъ Георгъ поспѣшилъ извѣстить императора, что онъ заручился одобреніемъ и сочувствіемъ своему проекту всѣхъ курфюрстовъ. Императоръ отвѣчалъ, что это дѣло слѣдуетъ отложить до рейхстага и высказывалъ предположеніе, что изъ всего проекта ничего не выйдетъ. Дѣйствительно, на рейхстагѣ 1576 года проектъ объ адмиралтействѣ былъ отвергнутъ. Пфальцграфъ горько жаловался на безучастіе князей къ его проекту, не могъ забыть такого отношенія до конца войны; видя безучастіе князей, онъ на ганзетагѣ 1581 года обратился со своимъ проектомъ къ ганзейскимъ городамъ, но и тутъ онъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ; обращенія его къ отдѣльнымъ городамъ также оставались безплодными, хотя онъ представлялъ имъ, что какъ скоро они бы выбрали себѣ покровителя и государя, они могли бы поставить ему рядъ условій, напримѣръ, сохранить за ними ихъ внутреннее самоуправленіе, привилегіи и т. д. Онъ былъ бы ихъ „executor et sollicitator“, сообщилъ бы имъ единство, далъ бы средства къ борьбѣ съ Даніей, у которой на морѣ не болѣе 100 кораблей, экипажъ же весь состоитъ изъ иностранцевъ, которыхъ города легко привлекутъ на свою сторону. Соединеннымъ городамъ легко будетъ въ 5 или 6 дней захватить въ свои руки Гельзингеръ и Эльфсборгъ. Это единственныя сильныя крѣпости Даніи; Копенгагенъ, какъ таковая уже не имѣетъ значенія. При отсутствіи единства Данія подчинитъ себѣ и Гамбургъ и Любекъ: свобода плаванія на Балтійскомъ морѣ исчезнетъ.

Послѣ сближенія Магнуса съ московскимъ царемъ, послѣдній рѣшился приступить къ осадѣ Ревеля.

Политическій переворотъ, происшедшій въ Швеціи въ 1568 и 1569 годахъ, уже возбудилъ въ Грозномъ надежды на возможность

захватить Ревель. Моментъ былъ избранъ какъ нельзя болѣе удачно. Іоаннъ Грозный основательно предполагалъ, что губернаторъ Ревеля, преданный Эрику XIV, не согласится присягнуть Іоанну III; произойдетъ возстаніе—и городу не устоять противъ многочисленныхъ московскихъ полчищъ. Союзъ съ Магнусомъ подавалъ Грозному надежду и на помощь Даніи. Онъ зналъ, что въ Ревелѣ—главная опора шведскаго владычества въ Ливоніи; успѣшное предпріятіе противъ этого города равносильно совершенному паденію шведскаго вліянія; въ Ревелѣ онъ пріобрѣтетъ важный въ торговомъ отношеніи морской пунктъ, откуда, дѣйствуя съ войскомъ и флотомъ, не трудно распространить свою власть на всю восточную линію Балтійскаго моря до самой Риги. Сознавая великую важность захвата Ревеля, Іоаннъ Грозный рѣшился все поставить на карту, чтобы только достигнуть намѣченной цѣли. Онъ зналъ, что неудача предпріятія будетъ равносильна совершенному пораженію русской политики.

Таубе и Крузе, желавшіе снискать расположеніе царя и его новаго ленника—Магнуса Голштинскаго, сдѣлали попытку путемъ дипломатическихъ переговоровъ склонить ревельцевъ на сторону „ливонскаго короля". Искусные дипломаты, ловкіе и находчивые интриганы — они еще въ началѣ 1569 года обратились къ ревельскому рату, побуждая его отпасть отъ Швеціи. Выставляя себя ревностными и горячими патріотами, они указывали рату, что все ихъ прошлое связано съ Ливоніей, она ихъ общая родина; проникнутые безкорыстною любовью къ ней, они уже много ради ея благоденствія перенесли и выстрадали. Богъ внялъ ихъ мольбамъ, оказалъ имъ свою милость: московскій царь по ихъ ходатайству отпустилъ многихъ плѣнныхъ ливонцевъ домой. Теперь и Ревелю представляется случай сбросить съ себя чужеземное владычество и вернуться къ прежней самостоятельности и свободѣ. Пусть городской совѣтъ, писали Таубе и Крузе, пришлетъ нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ въ Дерптъ, Нарву, Везенбергъ или какой-нибудь другой городъ; имъ необходимо тамъ переговорить съ ними по общему, всѣхъ касающемуся дѣлу. Ревельцы, не видѣвшіе въ предложеніи Таубе и Крузе ничего для себя опаснаго, согласились вступить съ ними въ переговоры и предложили мѣстомъ ихъ городокъ Альпе, къ юго-востоку отъ Ревеля на полпути отъ Везенберга. Городской совѣтъ не скрылъ предложенія Таубе и Крузе и отъ шведскаго губернатора. Таубе и Крузе со своей стороны выбрали Везенбергъ и просили ревельцевъ явиться туда къ началу апрѣля; они отправили въ городъ и охран-

ную грамоту, составленную ими отъ имени московскаго царя. Ревельцы приняли и мѣсто, и время переговоровъ. Они происходили 5-го и 6-го апрѣля въ Везенбергѣ [1]); со стороны Ревеля явились Конрадъ Деллинггаузенъ, Фридрихъ Зандстеде, Дидрихъ Кауеръ и Генрихъ Рутенъ. Таубе обратился съ витіеватою рѣчью къ ревельскимъ посламъ; въ ней онъ обращаетъ ихъ вниманіе на безнадежное положеніе Ливоніи, раздираемой внутренними несогласіями и смутами, на войну съ Москвою, которую сами же ливонцы вызвали, и на твердую рѣшимость царя—подчинить себѣ всѣ еще непокоренные города и мѣстечки въ Ливоніи, издавна вѣковъ его вотчины. Помощи ливонцамъ ждать не откуда, говорилъ Таубе: императоръ уже показалъ ливонцамъ, чего отъ него ждать; онъ ограничивается лишь безплодными посольствами къ московскому царю. Датскій король не захочетъ нарушить своихъ дружественныхъ отношеній къ Москвѣ; Польша достаточно уже обнаружила свою своекорыстную политику въ Ливоніи; города, подчинившіеся польскому правительству, терпятъ отъ непосильныхъ наборовъ; поляки напрасно выставляютъ себя добрыми христіанами, русскихъ же нехристями и варварами. Обратное положеніе гораздо ближе соотвѣтствовало бы истинѣ. Поляки оклеветали московскаго государя въ глазахъ ливонцевъ, поэтому они и представляютъ его себѣ далеко не такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ; война разгорѣлась между Польшей и Москвой изъ-за слишкомъ неумѣренныхъ требованій Сигизмунда II Августа; когда московскій государь сваталъ его сестру, то онъ соглашался на это не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы дѣти отъ его сестры считались единственно законными наслѣдниками московскаго престола Въ войнѣ сразу обнаружилась вся слабость Польши; русскіе отняли у нихъ Полоцкъ и такъ стѣснили ихъ, что поляки молили даровать имъ миръ и соглашались уступить всѣ ливонскія земли и Кіевъ. Московскій царь въ свою очередь не принялъ этихъ условій и, узнавши о смерти Іоанна финляндскаго и желая отомстить польскому королю, требовалъ во что-бы то ни стало выдачи себѣ Екатерины.

Московскій царь—такъ заключилъ Таубе свою длинную рѣчь—ни за что не отступитъ отъ своего плана покорить себѣ Гаррію и Ревель и уже дѣлаетъ большія приготовленія для осады города; любя нѣмцевъ, онъ охотнѣе всего избѣгъ бы кровопролитія и даровалъ бы имъ свободу отъ господства шведовъ, поляковъ и литовцевъ, еслибы

---

[1]) *Чтенія*, 1891, 11—12.

ревельцы и другіе ему добровольно подчинились. Царь даже согласенъ вовсе удалить русскихъ изъ Ливоніи и предоставить нѣмцамъ полное самоуправленіе, такъ какъ русскій народъ грубый и необразованный, и самъ царь не питаетъ къ нему довѣрія. Правитель онъ справедливый и умный, онъ готовъ расширить привилегіи Ревеля, и городъ этотъ подъ его покровительствомъ превзойдетъ своимъ богатствомъ всѣ другіе торговые города. Ревельскіе послы выразили Таубе свою благодарность и удовольствіе за его доброе къ нимъ расположеніе; намѣреніе московскаго царя ихъ изумило; они думали, что везенбергскіе переговоры имѣли цѣлью водворить миръ между шведами и русскими, а имъ предлагаютъ признать московское господство. Неуполномоченные городскимъ совѣтомъ вести подобные переговоры, они уклонились отъ рѣшительнаго отвѣта и обѣщали обо всемъ донести рату. 6-го апрѣля переговоры возобновились.

Таубе сказалъ ревельскимъ посламъ, что съ сверженіемъ Эрика XIV не можетъ быть и рѣчи о примиреніи Москвы съ Швеціей, и напрасны будутъ всякія посольства Іоанна III въ Москву, съ какимъ бы великолѣпіемъ и торжественностью они ни были обставлены. Царь не положитъ оружія, пока Ревель не сброситъ съ себя шведскаго господства и не сдѣлается свободнымъ городомъ. Если дѣло дойдетъ до осады, онъ не пощадитъ ни женщинъ, ни дѣтей. Добровольное же признаніе царскаго протектората поведетъ за собою увеличеніе и расширеніе льготъ и привилегій; благосостояніе города быстро возрастетъ и по богатству онъ не будетъ имѣть себѣ равнаго въ мірѣ. Ревель свободенъ отъ присяги шведской коронѣ съ той минуты, какъ Іоаннъ III силою захватилъ престолъ; московскій царь желаетъ, чтобы Ревель впредь могъ титуловаться вольнымъ царскимъ городомъ; онъ даруетъ ему свободу выбора должностныхъ лицъ, освободитъ его отъ налоговъ и податей, во время внѣшнихъ войнъ отъ военнаго постоя и обязательства доставлять военную помощь, какъ это было при шведскомъ владычествѣ. Ревель сдѣлается единственнымъ центромъ и стапельнымъ пунктомъ на всемъ востокѣ. Царь требуетъ не подчиненія, а только признанія его протектората, его покровительства, за что будетъ постоянно оберегать его отъ внѣшнихъ враговъ. Царь даже готовъ предоставить Ревелю право избрать себѣ въ правители какого-нибудь нѣмецкаго князя или дворянина, который уже отъ себя присягнетъ царю на вѣрность, какъ это дѣлаютъ нѣмецкіе курфюрсты по отношенію къ императору. Онъ готовъ всячески сблизиться съ нѣмцами, женить своихъ сыновей на нѣмец-

кихъ принцессахъ, заключить вѣчный миръ съ Германскою имперіей, пойдти войною на турецкаго султана, изгнать невѣрныхъ изъ Европы и доставить христіанской церкви полное торжество. Царь поклянется со всѣмъ своимъ духовенствомъ, что вѣрно выполнитъ все имъ обѣщанное.

Мы не знаемъ, имѣли ли ливонскіе дипломаты полномочіе отъ царя такъ далеко доводить его уступчивость; едва ли. Не номинальнаго господства добивался Грозный, а реальнаго; какъ ни расположенъ былъ онъ къ нѣмцамъ, онъ однако всего болѣе добивался для своихъ подданныхъ непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ Западной Европой. Таубе и Крузе также преувеличивали, какъ и Магнусъ, когда онъ доносилъ своему брату и Августу Саксонскому о своемъ союзѣ съ Москвою. На этотъ разъ однако ихъ краснорѣчіе оказалось напраснымъ. Много потратили они словъ, но ревельскіе послы устояли отъ великаго соблазна, снова благодарили обоихъ дипломатовъ за ихъ заботливость и любовь къ общему отечеству, но откладывали всякое рѣшеніе до свиданія съ ратомъ; они просили Таубе и Крузе употребить все ихъ вліяніе къ тому, чтобы предупредить враждебныя намѣренія царя относительно Ревеля и Ливоніи.

Такъ окончились знаменитые везенбергскіе переговоры. Таубе и Крузе не теряли еще надежды поднять ревельцевъ противъ шведскаго короля. Узурпаторы и письменно продолжали обращаться то къ городскому совѣту, то къ гильдіямъ, то къ бюргерамъ, привлекая и заманивая ихъ различными обѣщаніями. Не прошло и двухъ недѣль послѣ везенбергскихъ переговоровъ, какъ они отправили городскому совѣту Ревеля проектъ подчиненія московскому царю, состоявшій изъ 12 §§, по содержанію сходныхъ съ тѣмъ, что̀ они предлагали въ Везенбергѣ. Городской ратъ отправилъ этотъ проектъ въ Стокгольмъ, не скрылъ отъ короля и своихъ переговоровъ съ московскими совѣтниками; онъ рѣшился начать ихъ съ цѣлью выиграть время и лучше приготовиться къ оборонѣ [1]); это же было и причиною долгихъ споровъ ихъ о мѣстѣ переговоровъ. Въ виду враждебныхъ намѣреній московскаго царя ратъ просилъ короля помочь ему войскомъ, деньгами, провіантомъ и военными снарядами.

1570 годъ начался для Ревеля при самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ; произошло возстаніе кнехтовъ, начались заразныя

---

[1]) Um den Feind aufzuhalten und den harten Winter vorübergehen zu lassen. Ср. *Hjärn*, 268—274. *Gadebusch*, II, 111. *Руссовъ*. G. von *Hansen*, 271. Подробное и обстоятельное изложеніе везенбергскихъ переговоровъ—въ Beiträge *Pabst*'а, III, 349 и далѣе.

болѣзни, смертность возрастала съ каждымъ днемъ [1]). Въ виду внутреннихъ волненій въ Швеціи и войны съ Даніей, Іоаннъ III не могъ съ достаточнымъ вниманіемъ слѣдить за ливонскими событіями, и Ревель былъ предоставленъ самъ себѣ. Таубе и Крузе все это знали; вскорѣ мягкій и заискивающій тонъ ихъ писемъ уступилъ мѣсто угрозамъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ревельцы задержали у себя одного изъ русскихъ пословъ. Въ началѣ 1570 года дерптцы,— ратъ и гильдіи,—по побужденію обоихъ ренегатовъ, отъ себя обратились къ Ревелю и склоняли его отдаться Магнусу, избранному королю Ливоніи. Дерптцы представили имъ картину своего прошлаго, указывали на невзгоды и несчастія, какія имъ пришлось вынести и противупоставляли этому свое нынѣшнее благосостояніе и счастье. Дерптцы отвергали ходячіе толки о варварствѣ московитовъ и призывали Бога въ свидѣтели, что русскіе никого не лишали свободы, никого не притѣсняли налогами и десятинами; государь ихъ щедръ на милости, любитъ иностранцевъ, а изъ нихъ всего болѣе нѣмцевъ, изъ одного расположенія къ нимъ онъ взялъ Магнуса подъ свое покровительство, даровалъ ему въ наслѣдственное владѣніе всѣ земли, покоренныя имъ въ Ливоніи. Еслибы Ревель согласился отдаться покровительству царя, онъ сохранилъ бы свою самостоятельность и въ союзѣ съ Москвою сталъ бы процвѣтать на ряду съ другими ганзейскими городами. Магнусъ даровалъ бы ревельцамъ защиту отъ внѣшнихъ враговъ.

Дерптцамъ повезло не болѣе, чѣмъ ливонскимъ ренегатамъ: Ревельскій ратъ твердо и рѣшительно отказывался вступить въ какія-бы то ни было сношенія съ Магнусомъ и Москвою. Въ Ревелѣ, между тѣмъ, произошло событіе, обѣщавшее Магнусу успѣхъ: Курссель, начальникъ наемныхъ кнехтовъ, внезапнымъ нападеніемъ на ревельскій кремль успѣлъ захватить его, а губернатора заключить. Таубе и Крузе торжествовали; снова началась переписка съ ратомъ. Нѣмцамъ легко будетъ, утвердившись въ крѣпости города, вытѣснить изъ него всѣхъ шведовъ,—писали они; Ревель безъ труда вернетъ себѣ свою прежнюю свободу; въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ они представляли будущее Ревеля, какъ скоро онъ сброситъ съ себя иноземное иго; подъ русскимъ покровительствомъ, въ мирѣ съ сосѣдними государями, Ревель распространитъ свою торговлю на всю Европу, Россію, Гирканію, Мидію, Арменію и Персію. Пусть-же городъ, поэтому, не отвергнетъ предлагаемаго пути къ спасенію и приметъ его.

---

[1]) *Hjärn*, 281.

Торжество Таубе и Крузе оказалось преждевременнымъ; Курссель не долго удержался въ ревельскомъ кремлѣ. Шведы, съ Нильсомъ Доббелеромъ во главѣ, ворвались ночью на страстную пятницу, 24-го марта, въ кремль и частью избили, частью взяли въ плѣнъ наемниковъ Курсселя. Самъ Курссель былъ въ числѣ послѣднихъ; Ходкевичъ совѣтовалъ шведамъ казнить его. Негодованіе ревельцевъ противъ Москвы и Магнуса теперь еще болѣе усилилось; жители готовились съ мужествомъ встрѣтить враговъ и рѣшили скорѣе погибнуть, чѣмъ оставить оборону города. 14-го августа Магнусъ сдѣлалъ воззваніе къ эстонцамъ и латышамъ, призывая ихъ соединиться съ русскими противъ непокорнаго города, подвластнаго шведамъ, но и на этотъ разъ безуспѣшно. Тогда-то рейтеры его, раздѣленные на три роты, и кнехты, числомъ до 1000, соединились съ 25000 отрядомъ русскихъ и заняли Ierwen и Wirland [1]). Не мало присоединилось къ нимъ ливонцевъ, надѣявшихся найдти въ Магнусѣ защитника своихъ мѣстныхъ нѣмецкихъ интересовъ и протестантской церкви; они готовы были видѣть въ королѣ-мальчикѣ надежную поддержку нѣмецкой колоніи на востокѣ и думали съ его помощью изгнать изъ Ливоніи чужеземцевъ. При войскѣ Магнуса находились неотлучно его проповѣдникъ и ближайшій совѣтникъ—Христіанъ Шрапферъ, о которомъ Фридрихъ II говорилъ, что онъ больше интересуется свѣтскими дѣлами и политикою, нежели своею паствою, Таубе, Крузе и нѣсколько знатныхъ ливонцевъ. Русскими предводительствовалъ Иванъ Хиронъ Петровичъ Яковлевъ, Михаилъ Юрьевичъ Лыковъ и Никита [2]) Ивановичъ Крапоткинъ. За мѣсяцъ до осады царь велѣлъ „подѣлати города по Колыванской дорогѣ и отъ Шебора, а для береженья были воеводы, какъ городъ дѣлали, изъ земскаго Яковлевъ, изъ опричнины окольничій и воевода Василій Ивановичъ Умной Колычовъ. А городъ дѣлали воеводы Романъ Алферьевъ да Дмитрій Шефериновъ Пушкинъ да Аѳонасій Новокщеновъ“ [3]). Осада Ревеля началась 21-го августа и продолжалась 30 недѣль [4]). Она совпадаетъ съ шпейерскимъ рейхс-

---

[1]) Вернувшись изъ Москвы, Магнусъ сталъ собирать рейтеровъ въ Оберпаленѣ, Дерптѣ и Везенбергѣ.

[2]) Въ Beiträge, а въ *Чтеніяхъ* Николай.

[3]) Симб. Сбор. Разряды 14,26. *Renner*, 361. *Chytraeus*, 658. *Hjärn*, 279. *Nyenstedt*, 70. Ср. *Annerstedt*, 57. Beiträge *Pabst*'а, III, 281 и д.

[4]) Объ осадѣ Ревеля, кромѣ Beiträge, см. *Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи*. 1891, II, *Чумиковъ*. Осада Ревеля (1570 — 1571 гг.) герцогомъ Магнусомъ королемъ Ливонскимъ, голдовникомъ царя Ивана Грознаго.

тагомъ и имѣла большое вліяніе на ходъ преній въ рейстагѣ. Во главѣ ревельской городской милиціи стоялъ штатгальтеръ шведскаго короля Карлъ Генриксонъ Горнъ, Микель Слойеръ и нѣкоторые другіе. Въ защитѣ города принимали участіе всѣ три городскія гильдіи. Вся городовая милиція Ревеля распадалась на 34 роты; численность каждой роты не была точно опредѣлена; кромѣ того въ городѣ стояло 15 ротъ ландскнехтовъ. Шведскій гарнизонъ былъ очень незначителенъ, и ревельцы неоднократно жаловались, что шведскій король оставляетъ ихъ безъ всякой помощи. По отношенію къ наемникамъ примѣнялась самая строгая дисциплина, выработана была особая инструкція изъ 10 §§, преступить которые никто не могъ подъ страхомъ смертной казни [1]). На сторонѣ Ревеля было огромное преимущество: со стороны моря онъ могъ получать постоянные подвозы съѣстныхъ припасовъ, оружія и пороху. Фридрихъ II и Любекъ были связаны постановленіями штеттинскаго договора; да къ тому-же — продолжительная война съ Швеціей въ конецъ разорила ихъ. Все вниманіе Фридриха II было обращено съ этого времени на голштинскія дѣла, давно уже стоявшія на очереди. Любекъ-же употреблялъ все свое усиліе, чтобы вернуть себѣ свободу плаванія на Нарву; этотъ городъ скорѣе склонялся къ союзу съ Москвою, чѣмъ къ союзу съ Швеціей.

Въ первые дни осады русскія и нѣмецкія войска заняли каменный госпиталь св. Іоанна; они рѣшили отсюда начать бомбардированіе города, но осажденные сдѣлали удачную вылазку, отбили у русскихъ госпиталь св. Іоанна, сожгли предмѣстья города со всѣми домами, мельницами и т. д. Послѣ первой-же неудачи Магнусъ, титуловавшій себя „Божьей милостью король лифляндскій, господинъ эстовъ и леттовъ, наслѣдникъ Норвегіи, герцогъ шлезвигъ-голштинскій, стормарнскій и дитмарскій, графъ ольденбургскій и дельменгорстскій“, обратился 23-го августа къ ревельцамъ съ новымъ воззваніемъ; онъ все еще надѣялся склонить ихъ къ добровольной сдачѣ, указывалъ, какъ вѣроломно шведы обошлись съ нимъ, вторгшись въ его владѣнія на Эзелѣ и предавши тамъ все огню; теперь ему, Магнусу, удалось склонить на свою сторону московскаго государя — вѣрующаго христіанина, расположеннаго къ нѣмцамъ. Онъ даровалъ Магнусу Ревель и др. города Ливоніи въ наслѣдственное владѣніе; дарственная грамота его скрѣплена золотою печатью. Ревельскій ратъ долженъ помнить, что Ревель основанъ датчанами, датскимъ

---

[1]) Инструкція въ Beiträge, III, 286.

королямъ обязанъ своими привилегіями и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій подчинялся имъ; все это даетъ ему право теперь требовать себѣ, какъ родственнику датскаго короля, покорности; пусть городъ присягнетъ ему на вѣрность и изгонитъ шведовъ, или онъ силою заставитъ его подчиниться своимъ требованіямъ. Магнусъ даетъ городу нѣсколько дней на размышленіе и предупреждаетъ его, что отказъ повлечетъ за собою осаду, при чемъ его воины не пощадятъ ни женъ, ни дѣтей. „Какъ ни увлекательны были звуки Магнусовой флейты, говоритъ Hjärn, ревельцы не захотѣли плясать по ней“ [1]).

Въ послѣдніе дни августа произошло нѣсколько незначительныхъ схватокъ между осаждавшими и осажденными. 2-го сентября къ русскимъ явилось подкрѣпленіе изъ Нарвы, ожидалось также прибытіе князя Юрія съ новыми силами и бо̀льшими запасами пороху и различныхъ военныхъ снарядовъ. Около этого-же времени въ Ревель пришло открытое воззваніе Магнуса, въ 19 пунктовъ, въ которомъ онъ обращается ко всей ревельской общинѣ. Тема обращенія старая, варіаціи ея новыя. Все въ немъ сводилось къ необходимости рано или поздно сбросить шведское иго и возвратиться къ прежней свободѣ. Русскіе и Магнусъ—согласно § 15—имѣютъ въ виду изгнать шведовъ не изъ одной только Ливоніи, но и изъ Финляндіи; это тѣмъ легче, что съ Польшей они заключили трехлѣтнее перемиріе [2]).

Съ воззваніями Магнуса въ Ревель приходили воззванія и съ другихъ государствъ, но съ совершенно противоположнымъ содержаніемъ. Такъ Сигизмундъ II Августъ, родственникъ новаго короля Швеціи, побуждалъ ревельцевъ остаться вѣрными своей присягѣ шведской коронѣ и не вѣрить никакимъ обѣщаніямъ Магнуса, такъ какъ войну

---

[1]) *Hjärn*, 275—279. *Annerstedt*, 53. Beiträge, III, 282 и д. Данц. арх. Acta Internunciorum, IX.

[2]) Всѣ §§ въ Beiträge, III, 284 и приложеніе 5-е. У Руссова пропущены §§ 9, 14 и 15. Ср. Берлинскій архивъ. Hertzog Magnus Absagsbrief an die Statt Reuell, 23 августа 1570. Тутъ говорится: Dieweill Statt Reuel von der Chron Dennemͣrck fundirt vnd stattlich priuilegirt vnd für etlichen hundert jahren der Chron zuuerleibt gewesen. Copia Herzog Magnus Schreiben an die Landschaft in Liefflandt. Въ этомъ письмѣ читаемъ: So seint wir nicht destoweniger mit vnsern biss her habenden Deutschenn vnd zusampt den von der Reussischen Kays. Mayt. zugeordneten Kriegsvolck erstes tages fortzurücken die Stadt Reuell znbelegern, vnd den Schwedischen feindt durch hilff vnd zufügen des allerhoechsten Gottes mit gantz ernst anzugreiffen gentzlich daraus zuentheben, vnd die Estnischen Lande widerumb zu vnser Regiment zupringen entschlossen. Ср. Regesta diplomatica Historiae Daniae. II, 303.

ведетъ не онъ, а московскій государь, съ которымъ имъ и придется имѣть дѣло. Ревельцы съ своей стороны просили Магнуса не безпокоить ихъ больше своими воззваніями, такъ какъ они ни въ какомъ случаѣ не измѣнятъ своей присягѣ Швеціи. Это не остановило Магнуса: черезъ недѣлю онъ пишетъ городскому совѣту новое письмо, полное угрозъ и застращиваній; вина будущаго кровопролитія ляжетъ на ревельцевъ [1].

Съ Магнусомъ чередовались Таубе и Крузе; и они продолжали обращаться къ Ревелю съ длинными письмами, въ которыхъ въ тысячѣ оборотахъ представляли имъ всѣ выгоды союза съ Москвою и повторяли то, что уже и раньше говорилось въ ихъ обращеніяхъ къ городу. 27-го октября въ Ревель пришла грамота отъ воеводъ Ивана Петровича Яковлева и Василія Ивановича Умнова; въ ней они убѣждали ревельскій ратъ и бургомистровъ признать Магнуса королемъ Ливоніи и передать ему, какъ вассалу московскаго государя, городъ [2].

Къ октябрю русскія войска все тѣснѣе стягивались къ городскимъ стѣнамъ; окруживъ городъ со всѣхъ сторонъ, они надѣялись вынудить сдачу его голодомъ. Но для этого Грозному и Магнусу необходимъ былъ флотъ, дабы занять фарватеръ и не допускать сношенія Ревеля съ ея метрополіей. Послѣдняя моремъ доставляла осажденнымъ провіантъ и военные снаряды какъ изъ Швеціи, такъ и изъ Финляндіи.

Численность московскихъ полчищъ все возрастала, о чемъ неутомимый Магнусъ спѣшилъ доносить осажденнымъ; величая себя „избраннымъ королемъ Ливоніи", онъ доказывалъ ревельцамъ, что сопротивленіе напрасно: онъ не отступитъ раньше, чѣмъ не овладѣетъ крѣпостью и не очиститъ ее отъ шведовъ [3]. Ревельцы, замѣчая, что враги стягиваютъ свои многочисленныя силы все ближе къ городу, рѣшили пожертвовать еще однимъ предмѣстьемъ Fischermai; сожжено было до 200 домовъ. Многіе ливонцы, бывшіе въ рядахъ московскихъ войскъ, просили воеводъ еще разъ обратиться отъ себя къ осажденнымъ и убѣдить ихъ остановить напрасное сопротивленіе и кровопролитіе. Должны же они видѣть, говорили ливонцы, что воля царя всегда исполняется и сопротивленіе, оказываемое ему, напрасно; также и теперь: рано или поздно Ревель перейдетъ въ его руки; Швеція не устоять противъ него, почему городу и слѣдуетъ признать Магнуса, которому царь оказываетъ особенное покровительство. Въ от-

---

[1] См. приложеніе VII въ Beiträge.
[2] *Hansen*, № 94.
[3] Beiträge, прил. VII.

вѣтъ на это воззваніе ревельцы указывали, что миръ Швеціи съ Москвою еще продолжается и требованія царя—явное нарушеніе его; они сомнѣваются, чтобы осаду началъ московскій царь; отдаться Магнусу они не могутъ въ виду присяги шведскому правительству. Московскіе бояре, замѣтили ревельцы въ заключеніи, не уступили бы и самой незначительной деревушки изъ царскихъ владѣній, еслибы кто-нибудь сталъ у нихъ таковой требовать. Если московскій государь дѣйствительно желаетъ пожаловать Магнуса землями, то пусть жалуетъ его своими московскими владѣніями. Ревельцы же не пожалѣютъ своей жизни и останутся вѣрными своей присягѣ. „Пусть ливонцы, предавшіеся Москвѣ, знаютъ, что ревельцы не желаютъ прослыть безчестными негодями" [1]).

Въ исходѣ одиннадцатой недѣли осады ревельцы обратились за помощью къ Іоанну III; они указывали ему на совершенное истощеніе хлѣбныхъ запасовъ; нивы затоптаны и выжжены, писали они,—враги намѣрены отрѣзать имъ и подвозъ воды; въ городѣ свирѣпствуютъ заразныя болѣзни. Обращались ревельцы и къ императору Максимиліану II; они просили его запретить плаваніе на Нарву, отъ которой русскіе извлекаютъ большую выгоду; нѣмецкіе и другіе купцы могли бы привозить свои товары въ Ревель и Выборгъ. Нарву слѣдуетъ во чтобы то ни стало лишить ея торговаго значенія; пока русскіе владѣютъ этимъ городомъ, они не перестанутъ добиваться господства на Балтійскомъ морѣ. Любекъ наиболѣе дѣятельно поддерживаетъ торговыя сношенія съ московитами, писалъ ревельскій ратъ императору; осенью 1570 года 40 любекскихъ кораблей прибыло въ Нарву съ солью, сельдями, хлѣбомъ и др. продуктами; еслибы не постояннный подвозъ русскимъ и Магнусу съѣстныхъ припасовъ со стороны Любека—имъ бы не удержаться долго подъ стѣнами Ревеля. Императоръ могъ бы побудить любчанъ доставлять нужные товары, какъ хлѣбъ, соль и пр. ревельцамъ, которые много терпятъ отъ голода и небывалой дороговизны жизненныхъ продуктовъ; онъ могъ бы указомъ временно запретить [2]) ганзейскимъ городамъ вся-

---

[1]) Beiträge, III, 291.

[2]) Mandat или sendschreiben. Въ Берл. арх. есть также копія письма Ревеля къ императору отъ 1570 г., но безъ числа; въ немъ говорится: so seye doch die Schiffart gegen der Narua keins wegs zugedulden, dieweill der Muscowiter, als dess heiligen Reich auch des Kunnigs zu Polen offentlicher Feindt, dadurch mit zufuhr nicht allein allerhandt Kriegsrüstung sonder auch getreides, saltzes, hering, honich, Tuch, wartz, kupffer, zinn, bley etc. wider die christen-

кія сношенія съ Нарвой. Если—говорилось въ заключеніи—императоръ не поможетъ Ревелю, то вся Ливонія будетъ вынуждена отпасть отъ имперіи; онъ долженъ знать привычку московитовъ: захватомъ Ревеля они не удовольствуются, а распространятъ свое господство дальше по всему восточному побережью Балтійскаго моря до Риги. Магнусъ искалъ помощи у Фридриха II. Онъ просилъ и денегъ въ размѣрѣ 20.000 талеровъ и доставки съѣстныхъ припасовъ. Послѣднюю просьбу король исполнилъ: въ Аренсбургъ было отправлено значительное количество соли и другихъ товаровъ [1]).

Какъ и можно было, ожидать—Максимиліанъ II многое обѣщалъ Ревелю, но ни одного изъ своихъ обѣщаній не исполнилъ; побуждая ревельцевъ крѣпко держаться противъ русскихъ и рекомендуя имъ стойкость и мужество, онъ съ негодованіемъ опровергалъ слухъ о томъ, будто бы осада начата съ его вѣдома, затѣмъ перечислялъ все, что имъ сдѣлано для пользы Ливоніи; онъ ставилъ себѣ въ особенную заслугу, что созвалъ шпейерскій рейхстагъ, что *побуждалъ* Іоанна III защищать Ревель и *разрѣшалъ* ему временное покровительство надъ нимъ. Максимиліанъ называлъ Ревель своимъ имперскимъ леннымъ городомъ. Въ заключеніи его письма—новыя обѣщанія заступничества, скорый подвозъ провіанту и т. д. [2]).

Обращались ревельцы за помощью и къ Польшѣ, и къ ганзейскимъ городамъ, и къ герцогамъ Померанскимъ [3]). Первое обращеніе очень обстоятельное. Благодаривъ польскаго короля за доброе и сочувственное отношеніе къ городу и за обѣщанную помощь, они въ яркихъ краскахъ рисуютъ свое тяжелое положеніе. Московиты построили шанцы и блокгаузы уже у самаго моря, чтобы отсюда препятствовать свободному плаванію въ ревельскомъ рейдѣ. Если московскому царю удастся утвердиться въ Ревелѣ, то у него будетъ надежная опора для дальнѣйшихъ завоеваній и для захвата

---

heitt zum höchsten gesterckt vnd gefurdert. Если русскіе удержатъ въ своей власти Нарву, то у нихъ будетъ „occasion nitt allein zu einnehmung dess übrigen theils zu Liefflandt, sunder auch sich daneben zum *herrn der Ostsee* zu machen guthen gewunschte gelegenheit an der handt gegeben würde werden“.

[1]) Дрезд. арх. Zwölf Bücher Dänischer Geschichte.

[2]) Письма императора Максимиліана II въ Inland, Dorpat, 1847, № 38.

[3]) Берл. арх.: was grosse vnd abscheulige gefahrligkeit nicht allem dieser Statt sunder allen andern anrinnenden vnd benachbarten Potentaten Fürstenn Landenn vnd Statten an der Ostsehe belegenn, künftig zu erwartenn, wenn der grausame Feindt der Muscouiter welcher ohne dass all zu mechtig auch zu der Sehe einsn Fuhs setzen vnd seines gefallens dominiren sollte.

балтійскаго господства [1]). Отъ сосѣднихъ городовъ помощи нѣтъ, мало того: ревельцы узнали, что Рига и Перновъ даже поддерживали торговыя сношенія съ русскими и доставляли въ ихъ лагерь съѣстные припасы. То же дѣлаютъ и прусскіе города. Сигизмундъ II Августъ могъ бы своимъ авторитетомъ, [который однако ревельцы цѣнили слишкомъ высоко], запретить прусскимъ городамъ сношенія съ русскими. Всего болѣе городъ нуждается въ хлѣбѣ, о доставкѣ котораго онъ и проситъ короля. Судьба Ревеля связана и съ судьбою Польши: московскій царь не ограничится униженіемъ одной Швеціи, онъ стремится подчинить себѣ и Польшу; Магнуса онъ хочетъ поставить господиномъ надъ эстами и латышами, „украсить его чужими перьями". Если нарвская торговля останется свободной, Ревелю не устоять противъ русскихъ.

Въ ноябрѣ ревельцы обратились къ Висмару, Ростоку, Стральзунду и Штеттину съ просьбою доставить имъ военные снаряды, а затѣмъ и ржи, пшеницы, солоду, пива и др.

Просьбы ревельцевъ производили мало впечатлѣнія; ганзейскіе города заняты были своими интересами; сосѣдніе государи, не сочувствуя успѣхамъ русскихъ, не помогали однако осажденному городу: все вниманіе ихъ поглощено было религіозными и дипломатическими вопросами. Положеніе осажденныхъ между тѣмъ становилось все безотраднѣе; въ исходѣ 1570 года въ городѣ начались заразительныя болѣзни, унесшія множество жертвъ; крестьяне называли новую болѣзнь „русскимъ бичемъ". Къ счастію для ревельцевъ, недостатокъ въ провіантѣ чувствовался и у противниковъ, и они, долго щадившіе одинъ госпиталь близъ ревельской гавани, расхитили все имущество его, унесли подушки, тюфяки и пр. Магнусъ самъ отвергаетъ истину этого факта и въ отвѣтъ на обвиненія своихъ новыхъ союзниковъ въ жестокости приводитъ рядъ фактовъ, рисующихъ звѣрство шведовъ при занятіи Гапсаля и Пернова. Самозванный король Ливоніи сталъ уже обнаруживать неудовольствіе по поводу безуспѣшно затѣянной осады; роптать стали и служившіе

---

[1]) Er wirt sich vnterstehen ein Herr der Ost vnd Westsehe zuwerden... ein Herr vnd Gebieter der Ost sehe zu werden, der schiffung vnnd Handtierung aus derselben in die West sehe gesetz Recht vnd ordnung seines gefallens zugeben vnd dan durch diese gelegenheit seinem Gewalt vnd das Heyl. R. Reich dasselben engst an vnd vmblijgende stende auch andere Potentaten vnd Kunnigreichs fur der zu setzen. Vnd wan er Riga hatt, so bringt er auch woll ganz Lifflandt, vnd wan das geschehe, möchte er seinen fuss weiter setzen.

ему ливонцы; или надо отступить, говорили они, признавъ городъ неприступнымъ, или болѣе энергично повести дѣло.

Ревельцы дѣйствовали съ небывалымъ единодушіемъ; ссорамъ и своекорыстію не было мѣста. Ничего не щадя для защиты роднаго города, они собрали 23.170 марокъ деньгами и предоставили эту сумму шведскому губернатору для уплаты жалованья наемнымъ кнехтамъ [1]). Дисциплина въ городѣ была образцовая; за малѣйшимъ нарушеніемъ ея слѣдовало строгое наказаніе; одинъ барабанщикъ, дважды опоздавшій при тревогахъ на свой постъ, былъ 22-го января 1571 года присужденъ къ смертной казни. Успѣшно ревельцы разрушали шанцы и блокгаузы, построенные русскими; вылазки ихъ не мало вредили осаждавшимъ. Магнусъ сдѣлалъ еще разъ попытку дипломатическаго маневра; сначала онъ 10-го декабря прислалъ въ городъ письмо, полное угрозъ, въ которомъ требовалъ, вопервыхъ, выдачи двухъ ревельскихъ бюргеровъ—Германа Тиммермана и Маре Бретгольта, виновныхъ въ томъ, что въ Ливоніи и Германіи распространяли разные ложные слухи о немъ, а затѣмъ грозилъ городу судьбою Іерусалима, если жители не сдадутся на гнѣвъ или милость; приэтомъ онъ обѣщалъ, что не впуститъ въ городъ болѣе 8 или 9 человѣкъ русскихъ [2]).

Письмо, конечно, впечатлѣнія не произвело, и вотъ Магнусъ старается вселить раздоры среди самихъ бюргеровъ Ревеля и поднять бюргеровъ противъ рата. Онъ указывалъ на 4 ревельцевъ [3]), выразившихъ будто бы въ Везенбергѣ готовность служить московскому царю и сдать ему крѣпость города подъ условіемъ, что Магнусъ будетъ править городомъ подъ протекторатомъ царя. Только понадѣявшись на ихъ обѣщаніе, Магнусъ и поѣхалъ въ Москву, гдѣ царь пожаловалъ его Ревелемъ и другими землями. Въ доказательство истинности своего сообщенія Магнусъ согласенъ доставить ревельскому рату копію съ обѣщанія, даннаго 4 вышеупомянутыми бюргерами. Далѣе Магнусъ доноситъ рату о сношеніяхъ, начатыхъ нѣкоторыми ревельцами съ московскими воеводами [4]). Не помогла и эта мѣра; грубый вымыселъ всего сообщеннаго былъ слишкомъ очевиденъ.

13-го января русскіе начали бомбардировать городъ, но большаго вреда они городу не наносили. 17-го января ревельцы сдѣлали очень

---

[1]) Beiträge, III, 295.

[2]) Beiträge, III, прилож. XI.

[3]) Конрадъ Деллинггаузенъ, Фридрихъ Стандстеде, Генрихъ Руте и Дидрихъ Кауеръ.

[4]) Ревельцы, говоритъ Магнусъ, нерѣдко взламывали печати, поддѣлывали подписи и т. д.

удачную вылазку, оттѣснили русскихъ отъ каменнаго госпиталя у гавани и разрушили часть ихъ укрѣпленій. Къ концу января они сожгли дома и селенія около Фишермайя. Слухъ о новыхъ подкрѣпленіяхъ, идущихъ на помощь русскимъ, испугалъ защитниковъ Ревеля. Они снова обратились за помощью къ Польшѣ; утѣшительныя посланія императора только озлобляли ихъ. Заключеніе штеттинскаго мира и полное примиреніе Швеціи съ Даніей явились за то гарантіей скорой помощи со стороны Іоанна III; ратъ Ревеля могъ теперь надѣяться и на то, что Магнусъ, не включенный въ мирный трактатъ, покинутый Даніей и Польшей, вынужденъ будетъ оставить свое предпріятіе и приложить все свое стараніе къ возстановленію своихъ прежнихъ отношеній къ брату и его союзнику—королю Сигизмунду II. Августу.

5-го марта ревельцы сдѣлали еще одну вылазку, при чемъ разрушили три вновь построенныхъ русскими блокгауза у Калькофена. На этотъ разъ схватка была очень рѣшительною, и ревельцы вышли изъ нея побѣдителями. Магнусъ приходилъ въ совершенное отчаяніе и рѣшился еще разъ—но уже въ послѣдній—испробовать мирные переговоры; онъ отправилъ къ городскимъ воротамъ своего духовника Христіана Шрапфера, который и вызывалъ кого либо изъ ратмановъ для переговоровъ. Ловкій и хитрый духовникъ недалекаго Магнуса началъ свою рѣчь въ чисто евангельскомъ тонѣ; онъ упрекнулъ жителей въ тяжкомъ грѣхѣ за то, что они рѣшились распространить рядъ ложныхъ извѣстій о Магнусѣ и московскомъ государѣ; онъ склонялъ ихъ къ сдачѣ, открылъ имъ намѣреніе Іоанна Грознаго перейдти въ католицизмъ, а потомъ принять и ученіе Лютера; всѣ слухи о тираніи царя ложны: онъ государь доблестный и сильный, истинный христіанинъ. Переговоры съ ревельцами доказали неудачному дипломату, такъ безцеремонно искажавшему истину, что они убѣждены въ совершенно противномъ, какъ относительно царя, такъ и относительно Магнуса. Шрапферъ долженъ былъ поспѣшить удалиться, потому что раздраженные ревельцы грозили ему силою.

Въ послѣдніе дни осады начались переговоры о размѣнѣ плѣнныхъ. Таубе и Крузе обрушились на ревельцевъ съ новыми обвиненіями въ забвеніи общей пользы; городской совѣтъ виновенъ во всемъ, такъ какъ не внялъ просьбамъ и угрозамъ Магнуса и обоихъ непризнанныхъ ливонскихъ патріотовъ. Теперь они сознали, что всѣ труды ихъ напрасны: съ слѣпцами не много нанижешь бисеру и глухимъ напрасно читать проповѣди [1]).

[1]) Es ist aber mit blinden nicht gutt Perlen sticken, alss woll vnnutz vnd forgebens fur tauben menschen zupredigen.

Въ ночь на 16-е марта 1571 года Магнусъ сжегъ свой лагерь; утромъ того же числа онъ снялъ осаду города и отступилъ. Русскіе направились къ Нарвѣ, нѣмцы къ Вейссенштейну; попытка ихъ занять этотъ городъ не удалась, благодаря мужественной защитѣ его Флеммингомъ. Магнусъ уѣхалъ въ Оберпаленъ.

30-ть недѣль продолжалась разсказанная нами первая осада Ревеля. Рѣшительная неудача этого предпріятія была роковымъ ударомъ для новаго короля Ливоніи и его протектора. Они потратили свои лучшія силы и все-таки должны били признать превосходство своихъ противниковъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Фридрихъ II однимъ движеніемъ своего сильнаго флота сразу могъ бы помочь дѣлу Магнуса и Грознаго. Но онъ не только не сдѣлалъ этого, но и заключилъ еще миръ съ Іоанномъ шведскимъ, давъ послѣднему полную возможность сосредоточить всѣ силы свои, все свое вниманіе на Ревелѣ. Не могъ же Фридрихъ II думать, что Максимиліанъ II дѣйствительно выкупитъ у Іоанна всѣ его владѣнія въ Эстляндіи и Лифляндіи. Акты умалчиваютъ о мотивахъ страннаго равнодушія и бездѣйствія со стороны Фридриха II. Глубоко заинтересованный въ судьбѣ Ливоніи, онъ долженъ былъ понять, что въ Ревелѣ—у него ключъ къ господству на Балтійскомъ морѣ. Отнять этотъ ключъ у шведовъ было теперь гораздо легче, чѣмъ при Эрикѣ XIV. Правда, что Польша съ 1568 года находилась въ дружбѣ съ Швеціей, правда и то, что Любекъ, совершенно истощивъ свои средства въ семилѣтней сѣверной войнѣ, не могъ бы помочь Фридриху ни флотомъ, ни деньгами; за то у Даніи теперь новый союзникъ— московскій царь, громадными силами котораго она отлично могла бы воспользоваться для ослабленія шведовъ. Поддерживая нарвское плаваніе, она довела бы до нуля торговлю Ревеля и другихъ ливонскихъ городовъ; занявъ Ревельскій рейдъ, она отрѣзала бы сообщеніе его съ Швеціей. Польша была совершенно неопасна. Сухопутныя силы ея могли бы быть отбиты русскими, а флота у Польши не было; Сигизмундъ II Августъ напрасно взывалъ къ Данцигу о помощи кораблями и матросами: отношенія польскаго короля къ своимъ прусскимъ городамъ грозили перейдти въ открытую вражду. Итакъ, судьбу Ревеля могъ бы всецѣло рѣшить Фридрихъ II; его бездѣйствіе въ данномъ случаѣ свидѣтельствуетъ только о политической близорукости его и можетъ быть объяснено развѣ только совершеннымъ истощеніемъ, предшествовавшими тяжелыми годами и желаніемъ выяснить свои отношенія къ Голштиніи.

Неудавшаяся осада Ревеля Магнусовыми и московскими войсками

и отступленіе ихъ составляетъ поворотный пунктъ не только въ жизни ливонскихъ ренегатовъ Крузе и Таубе, но и въ исторіи самой ливонской войны [1]). Магнусъ обвинялъ ихъ въ неудачѣ осады, они увѣряли, ручались ему въ полномъ успѣхѣ и легкости предпріятія Оба ренегата дѣлаютъ съ тѣхъ поръ попытку перейдти на службу къ польскому королю.

Іоанна Грознаго неудача подъ Ревелемъ не смутила, и въ дальнѣйшемъ ходѣ войны мы еще встрѣтимся съ двумя попытками его подчинить себѣ этотъ городъ, значеніе котораго онъ, безъ сомнѣнія, также хорошо понималъ, какъ и значеніе Нарвы.

Нарвская торговля шла бы еще успѣшнѣе, еслибы не каперства шведовъ и ревельцевъ. Іоаннъ Грозный былъ совершенно правъ, когда въ своихъ неудачахъ подъ Ревелемъ обвинялъ Фридриха II. Вѣсть о заключеніи мира съ Швеціей какъ разъ въ моментъ осады Ревеля какъ громомъ поразила его.

Магнусъ писалъ своему брату, что вѣсть о штеттинскомъ мирѣ привела царя въ сильный гнѣвъ и не мало повредила всему предпріятію противъ Ревеля [2]). Самъ Грозный въ письмѣ къ Фридриху II выражаетъ неудовольствіе на него за примиреніе съ Швеціей въ тотъ именно моментъ, когда соединенными силами царь и Ливонскій король собрались вытѣснить шведовъ изъ Ливоніи. Грозный просилъ Фридриха II, по крайней мѣрѣ, не помогать шведамъ противъ русскихъ, не позволять имъ набирать войска въ Даніи, въ противномъ же случаѣ грозилъ ему своимъ гнѣвомъ; въ заключеніе письма Іоаннъ просилъ Фридриха извѣстить его, какъ онъ порѣшилъ съ Швеціей относительно Ревеля [3]).

---

[1]) *Schiemann*, 19.

[2]) Welches dann vns in der gantzen landtag grossen schaden vnd argwohn gemacht vnd geschappfet. Магнусъ Фридриху, 19-го іюля 1571 г., Копенг. арх.

[3]) Verdolmetschte Copey des Reussischen schreibens an Kon. M. zu Dennemark, 1-го іюня, Москва 1571. (Дрезд. арх. 12 Dän. Buch)... Das Ihr vnd Konig Hans zu Schweden einen frieden aufgerichtet, welches dan vbel von euch gethan ist, Dan vnuerneinlich (?) welcher gestalt Ich meine nachbarschafft vnd aufgerichte freundschaft erwiesen, vnd wie jhr darkegen vnser meynung vnd beger vbertretten, jn deme, das Jhr mit vnserm vngehörsamen dem K. zu Schweden einen frieden aufgericht vnd bewilligt, Ihnen zustercken, vnd jn allen dingen hulf vnd eindrechtigen beystande zuleisten wider vns, Derhalben wollet auch bedencken, vnd vnsere andtwordt vnd suchung vngebuerlicher weis nicht vbertretten, wie auch vnserm vngehorsamen Konnig zu Schweden keine hulffe thuen, oder zukomen lassen, durch ewer landt es sey an volck oder besoldung, noch auch vor euch selbst jn aufstandt wider vns begeben, also das wir dardurch jn keinen zorn be-

Фридрихъ II поспѣшилъ успокоить Іоанна Грознаго; онъ писалъ ему 25-го августа 1571 г., что при заключеніи штеттинскаго мира были приняты въ соображеніе и интересы Россіи, и рѣшительно опровергалъ слухъ о союзѣ съ Швеціей противъ Россіи. слухъ, пущенный какими-нибудь недоброжелателями. Король проситъ царя твердо полагаться на дружбу и расположеніе къ нему Даніи и вѣрить, что король продолжаетъ питать къ нему тѣ же чувства дружбы, что и прежде [1]).

Фридрихъ II не ограничился однимъ письмомъ: онъ отправилъ къ Грозному посольство, съ Эйзенбергомъ во главѣ, которое должно было убѣдить царя, что король желаетъ поддержать прежнія дружественныя отношенія съ нимъ.

Вражду съ Москвою удалось предупредить; но это сближеніе Даніи съ Москвою вызвало полную размолвку Фридриха II съ Сигизмундомъ II Августомъ.

Послѣ штеттинскаго мира, когда Польшу уже не связывали никакія обязательства по отношенію къ Даніи, между прежними союзниками возникаетъ охлажденіе, а затѣмъ и открытая вражда. Польскій король требовалъ помощи Даніи противъ Москвы, а затѣмъ и совершенной свободы для своихъ подданныхъ въ Зундѣ и другихъ водахъ Датскаго королевства. На 24-е іюня 1571 года оба правительства рѣшили устроить съѣздъ въ Стральзундѣ, чтобы здѣсь рѣшить тѣ вопросы, которые не могли быть улажены въ Штеттинѣ. На стральзундскій съѣздъ и Данцигъ прислалъ своихъ депутатовъ; они должны были потребовать удовлетворенія за всѣ тѣ стѣсненія, какимъ городъ подвергался въ продолженіе всей семилѣтней борьбы Даніи съ Швеціей; не смотря на штеттинскій миръ, датское правительство продолжаетъ стѣснять торговцевъ Данцига; такъ лѣтомъ 1570 года данцигскіе корабли, возвращавшіеся изъ Бруажа съ солью, были въ продолженіе 8 недѣль задержаны въ Зундѣ; товаръ обложенъ небывало высокою пошлиной: за 180 ластъ соли пришлось заплатить 400 талеровъ [2]). Во второй половинѣ 1571 года въ Зундѣ

---

wogen werden vnd begeren derhalb einen bericht vnd wissenschaft worauf der friedt mit dem Schweden gerichtet, vnd wie es der Stadt Reuel halb beschlossen worden ist vnd gehalten werden soll, auch welche schlosser der Schwede euch abgetretten, vnd widerumb aufgetragen hatt.

[1]) Дрезд. арх. Акты, I, № 63.

[2]) Акты, II, № 6 и № 7. Фридрихъ II былъ недоволенъ и тѣмъ, что Данцигъ помогалъ Швеціи. Каликстъ Шейнъ писалъ королю, что въ Данцигѣ опублико-

задержали 30 кораблей и конфисковали имущества на 200.000 флориновъ. Данцигъ неоднократно обращался какъ къ королю, такъ и къ его таможеннымъ коммиссарамъ въ Зундѣ; въ городскомъ совѣтѣ высказывалась мысль о необходимости имѣть въ Даніи своего постояннаго резидента, который бы тамъ наблюдалъ за интересами города [1]). Ни представленія Сигизмунда II, ни доводы данцигскихъ депутатовъ— не дали ожидаемыхъ результатовъ. Съѣздъ оказался безполезнымъ. Дѣлу не помогло и ходатайство за Данцигъ Максимиліана и курфюрстовъ. Они обращались къ Фридриху II съ просьбою прекратить захваты данцигскихъ кораблей и дать городу удовлетвореніе за всѣ причиненные убытки. Фридрихъ II давалъ всѣмъ одинъ отвѣтъ: стѣсненія прусскихъ городовъ и Данцига въ особенности—являются возмездіемъ за захватъ польскими пиратами данцигскихъ кораблей на пути ихъ къ Нарвѣ [2]).

Дѣйствительно, Сигизмундъ II Августъ, продолжавшій войну съ Москвою въ союзѣ съ Іоанномъ III шведскимъ, рѣшился прервать всякія сношенія русскихъ съ датчанами и другими иностранцами; съ неумолимой строгостью преслѣдовалъ онъ всѣхъ ослушниковъ. 17-го сентября 1571 года польскій король издалъ указъ, запрещавшій плаваніе на Нарву подъ страхомъ лишенія всѣхъ привилегій, обвиненія въ оскорбленіи королевскаго величества (crimen laesae majestatis); не исключались никакіе товары. Какъ скоро возникалъ вопросъ о пла-

---

вано такое распоряженіе: wer harnisch, Munition vnnd andere notturfft inn Schweden fueren wolle dem solle ess frey stehen vnnd erleubett seynn. Ср. *Schumacher*, III, 261.

[1]) Данц. арх. Liber Missiv. 1571: Данцигъ Іоанну Клефельдту, 6-го декабря.

[2]) Acta Internunciorum, 1571—1573. IX. Vol. 22a. Письмо Максимиліана отъ 1-го ноября 1571, Вѣна. Ср. письмо Фридриха II Сигизмунду, Фридрихсбургъ, 24-го октября 1571: Ni Serenitas Vestra in refrenanda speculatorum istorum malitia et rapacitate suam nobis beneuolentiam, tempestiue probaret, et publicae utilitatis in permittendis mercimonijs licitis et reseruatis, eam quam decet, rationem haberet, tum ad alia remedia, ad securitatem nauigantibus per stationes nostras praestandam necessario nobis recurrendum esse.... Quod quidem Serenitas Vesra tanto minus moleste aut indigne feret, quanto magis a Diuina benegnitate sibi concessa singulari prudentia, optime intelligit, ob publicam utilitatem, rerumque necessariarum commoditatem, nauigationis et mercimoniorum usum, a summis principibus non impediendum, sed promouendum esse, quod certe in primis de Naruica nauigatione ac mercimonijs Rhutenicis, aequum esse statuit. Cum eius usum et libertatem subditis nostris in mutuis foederibus reseruauerimus, eamque quam plurimi Serenitatis Vestrae subditi, quod multis exemplis doceri potest, ipsi exerceant.

ваніи на Нарву, король заявлялъ, что нѣтъ различія между запрещенными и дозволенными товарами. Своимъ морскимъ сыщикамъ король предписывалъ съ особенною строгостью взыскивать со всѣхъ, кто бы вздумалъ обойдти сентябрьскій указъ. Въ обращеніи по данному вопросу къ Данцигу говорилось, что морскіе „speculatores“ подвластны одному королю, отъ него всецѣло зависятъ, и всякій, кто станетъ ихъ преслѣдовать, самъ подвергается наказанію.

„Мы строго приказали, говорится въ письмѣ короля къ Данцигу, чтобы никто изъ жителей города ни отъ своего лица, ни черезъ другаго, ни явно, ни тайно, никакимъ путемъ и способомъ не возилъ въ Нарву военныхъ снарядовъ, провіанта или другихъ товаровъ, безъ всякихъ исключеній, и не смѣлъ тамъ продавать ихъ, мѣнять и вообще производить торговлю съ нашими врагами, хотя бы и имѣли для этого основаніе и право въ своихъ договорныхъ грамотахъ. Затѣмъ — мы приказали не оскорблять нашихъ слугъ, начальниковъ морской охраны ни словомъ, ни дѣйствіемъ, ни бранить ихъ, ни обманывать ихъ; имъ и ихъ товарищамъ мы предоставили полное право и гарантировали полную безопасность плаванія и пребыванія въ предѣлахъ нашего государства—; не причинять новыхъ опасностей и безпокойствъ подстрекательствомъ народа къ мятежу подъ страхомъ лишенія чести, имущества и жизни“ [1]).

Въ 1571 году „спекуляторы“ были поставлены у Пернова и нѣсколькихъ прусскихъ гаваней. Эти королевскіе сыщики—тѣ же опричники Эрика XIV и Грознаго, но опричники моря. Король прямо называлъ ихъ своими вѣрными и преданными слугами; въ письмѣ къ Фридриху II онъ отстаивалъ свое право имѣть такихъ спекуляторовъ, сфера дѣятельности которыхъ ограничивалась водами польско-литовскаго королевства (intra littora nostra) и, слѣдовательно, не касалась сосѣднихъ государей [2]).

---

[1]) Акты, II, № 9.

[2]) Данц. арх. Urkunden Sammlung. LXXXIV. C. 24031. Ср. письмо Сигизмунда Данцигу отъ 18-го іюля 1571, Варшава. Говоря о переводѣ спекуляторовъ въ Перновъ, король прибавляетъ: Non tamen ea lege, ut eosdem inde ex isto portu Gedanensi pelli et exterminari atque quasi proscribi cupiamus, quin ibidem et in ciuitate nostra Gedanensi obversari nequeant. Verum ut semper *ex arbitrio nostro tota haec res dependeat*, eosdem seruitores nostros universos et singulos vel etiam aliquos in praesentiarum Pernauiam et alios portus nostros Liuonicos transferendi, inde reuocandi, siue nunc quoque in Gedanensi et aliis portubus nostris Pruthenicis retinendi, prout id ipsum ratio atque necessitas rerum et temporum requirere videbitur.—Urkunden Sammlung, LXXXIV. C. 24041.

Итакъ зундскія стѣсненія Фридриха II явились отвѣтомъ на учрежденіе морской опричнины Сигизмунда польскаго.

Враждебныя отношенія обоихъ королевствъ принимаютъ все болѣе и болѣе острый характеръ. Отъ польскаго правительства не могло укрыться то вниманіе, какое Фридрихъ II оказывалъ Магнусу и московскому царю, съ которымъ родственникъ его, Іоаннъ шведскій, воевалъ въ однихъ видахъ съ Польшей—откинуть его дальше на востокъ и не допускать сближенія и знакомства съ западомъ. Сигизмундъ II видѣлъ, что Данія агитируетъ противъ утвержденія польско-католической державы на восточномъ побережьѣ Балтики. Король ея выше цѣнитъ дружбу съ Москвою, нежели съ Польшей, союзницей традиціоннаго врага Даніи—Швеціи; выгодныя торговыя сношенія съ русскими перевѣшиваютъ опасеніе предать московскому тирану ту или другую ливонскую гавань. Данія скорѣе бы допустила Грознаго утвердиться на востокѣ Балтійскаго моря, нежели союзную Швеціи Польшу [1]). Понятно, какое чувство злобы и негодованія должно было волновать Сигизмунда II, когда рядомъ съ этой московитофильской политикой Фридриха II соединялось и упорное преслѣдованіе прусскихъ и польскихъ торговцевъ, какъ только они появлялись въ датскихъ водахъ. Онъ прямо совѣтовалъ Данцигу и другимъ прусскимъ городамъ въ отвѣтъ на зундскія стѣсненія захватывать датскихъ купцовъ, пріѣзжающихъ въ восточныя гавани Балтійскаго моря, брать ихъ товары, сжигать корабли и т. д. Эту рекомендованную королемъ мѣру Данцигъ не принялъ, указавъ Сигизмунду на неимѣніе военныхъ судовъ и на опасеніе, какъ бы этимъ путемъ не нажить себѣ въ Фридрихѣ открытаго врага; послѣднее было бы равносильно потерѣ права пользоваться Зундомъ на болѣе продолжительный срокъ времени.

12-го сентября 1571 года Сигизмундъ II обратился къ Фридриху съ требованіемъ прекратить стѣсненія его подданныхъ и не нарушать договоровъ, заключенныхъ Даніей и Польшей. Тонъ письма, раздражительный, рѣзкій и гнѣвный, показывалъ настроеніе короля [2]). Фрид-

[1]) *Chytraeus*, 658: Cum Moscho haereditaria Danis foedera utrinque a majoribus accepta, et osculo crucis firmata, quibus renunciare inhonestum sibi videatur. Cum Cromerus ipse alicubi scripserit, ***Moschos meliores aliquibus Germaniae statibus Christianos esse.***

[2]) Acta Jnternunciorum, 1571. IX. Vol. 22b.... als befrembdet es der K. M. zu Polen nicht wenig, wes halben der Konig aus Dennemark die Polnischen ausliger so iemerlich hette hinrichtenn lassen, seine armada in der Putzker vnd der stadt Dantzig hafung allerley eingriff vnd gewaldt zu vben befehlich gegeben vnd der

рихъ II обыкновенно не отвѣчалъ на такія посланія, а если иногда и писалъ Сигизмунду, то указывалъ ему на его пиратовъ, которые, не разбирая, врагъ ли или другъ встрѣтился съ ними, съ одинаковою яростью накидывались на него и конфисковали имущество. При такомъ положеніи дѣлъ прусскіе города стали просить Сигизмунда снарядить въ Данію посольство, которое бы вошло въ правильные переговоры съ совѣтниками короля. Магистратъ Данцига указывалъ своему государю на два пути, которыми можно добиться удовлетворенія отъ Фридриха II—путь насильственный и мирный. Первый путь невозможенъ, такъ какъ ни у Данцига, ни у Польши нѣтъ военнаго флота; пираты своими набѣгами мало помогутъ дѣлу, расчитывать же на помощь Швеціи—большой рискъ. Второй путь—мирный; слѣдуетъ прибѣгнуть къ посредничеству сосѣднихъ государей, войдти въ переговоры съ самой Даніей, но на это время отмѣнить морскихъ спекуляторовъ [1]). Сигизмундъ согласился исполнить это предложеніе, но между нимъ и городами возникъ споръ, на кого должны пасть расходы по этому посольству—на короля или на Данцигъ [2]). Данцигъ справедливо требовалъ, чтобы расходы были раздѣлены: часть возьметъ король на себя, другую—городъ. Важно лишь скорѣе снарядить посольство, чтобы дѣло уладить до весны 1572 г., то-есть, до открытія навигаціи. Во главѣ посольства долженъ стать человѣкъ опытный и свѣдущій, который бы съ основательностью могъ противостать всѣмъ требованіямъ датчанъ и толкованіямъ ихъ о регаліяхъ „de dominio maris". Городской совѣтъ Данцига настаивалъ между прочимъ и на томъ, чтобы посольство обставить „cum dignitate principis", ибо не разъ уже Фридрихъ II выражалъ неудовольствіе на то, что въ посольствахъ къ нему принимаютъ участіе одни только секретари города, а не бургомистры или ратманны, какъ это бывало въ посольствахъ другихъ городовъ къ нему. „Коморники" польскаго

Dantzker Schiffe ohne irkeine erhebliche vrsache eingezogen vnd in seinen nutz gewandt hette. Король спрашиваетъ „wes man sich ferner zuuersehen". Ср. Дрезд. арх. Das zwelffte Denische Buch, Данцигъ Фридриху 17-го сентября 1571.

[1]) Варшава, 2-го марта. Das factum mit gewalt zuhinderenn wil vns nicht dienen, wan wir gleich des vermuegens wehren das wir es thun köndten, damit vnsre schiffe vnd wahren allerseits frei passiren mögen, so ists mit den freibeutern viel weniger ferner zu hinderen als die viel zu wenig sein, zugeschweigen ihre plackerei vnd vngeburliche verhaltung, vnnd solt es durch gewalt geschehen, wan es je mit Dennemarcken nicht köndte der fart halben zu billiger vergleichung kommen, so muste entweder schweden das beste thun, oder der Naruische port ausgetilgett werdenn. Das ander was ist das recht, durch arbitros vnd superarbitros и т. д.

[2]) Acta Intern. 1572. IX. Vol. 25. Донесеніе 2-го февраля.

короля отнюдь не должны участвовать въ посольствѣ, такъ какъ о нихъ въ Даніи сложилось такое мнѣніе, что они болѣе искусны въ пляскахъ, нежели въ дѣловыхъ вопросахъ [1]).

Наконецъ, городъ указывалъ Сигизмунду, что ограничиться одними письменными заявленіями никакъ нельзя; съ промедленіемъ посольства положеніе города только ухудшится, такъ какъ настроеніе датскаго правительства къ Польшѣ и Данцигу со дня на день становится враждебнѣе. Данцигъ не ошибался: Фридрихъ II выставилъ въ Балтійскомъ морѣ свои военныя суда, которыя должны были оберегать его торговый флотъ; въ Зундѣ же пошлины взимали не только съ каждаго корабля, но еще и со всѣхъ товаровъ; за ластъ соли, напримѣръ, брали два талера. Такія ластовыя пошлины шли совершенно въ разрѣзъ съ привилегіями, раньше дарованными городамъ. Ульрихъ мекленбургскій, въ бытность свою въ Копенгагенѣ, былъ свидѣтелемъ безцеремонной расправы королевскихъ чиновниковъ съ данцигскими купцами и въ письмѣ къ Августу саксонскому выражалъ даже опасеніе, какъ бы между Даніей и Польшей не возникла вслѣдствіе этого война [2]). Любопытно, что когда послы Данцига, Эбергардъ Клейнфельдтъ и Вильгельмъ Бёмъ, были въ Копенгагенѣ, то королевскіе чиновники говорили имъ, что Сигизмундъ II самъ распро-

---

[1]) Liber Missivorum 1572. 1573. О коморникахъ: „die zum tantz als zu wichtigen handeln geschickter sein solten".

[2]) Дрезд. арх. Mecklenburgk.. Hertzog Ulrichs Brieue in allerlei sachen an Churf. August zu Sachsen. 1572—77. Des Königs zu Dennemark Irrung mit Polen wegen etlicher angehaltenen Dantzigker Schieffe vnd Freybüter. Письмо Ульриха къ Августу, 20 марта 1572:... Das, nachdem Ire K. W. dabeuor etliche Ausslieger in der Ostsee, da sie es gut, recht vnd macht gehabtt, aussgemacht, die See in acht zu haben, vnd rein zuhalten, etliche Freibeuter, so sich auff die K. W. zu Polen vorsprochen, solliche Ihrer K. W. Ausslieger, gewaltiglich angegriffen, gefangenn vnd derer etliche vber die bortt gehauwen, derowegen Ihre K. W. zu erhaltung ihrer habenden Rechten vnd gerechtigkeitt in der Ostsee, auch in betrachtung des Schimpfs vnd gewalts, so ihr dissfalss von den Poln. Freibeutern zugefugt worden, notwendigk geursacht vnd gedrungen, sollichem gewaldthettigem beginnen zugegen zutrachten, Darüber sich begeben, Das Irer K. W. Ausslieger etlicher der Polnischen Freibeuter wiederumb mechtig geworden, vnd nachdem sich dieselbigen nicht allein vngescheuwet hoerenn vnd lassen, das sie von der K. W. zu Polen ausgemacht vnd beuelcht auf die K. W. zu Denemarck vnd die Ihrigen, dan auch auf die von Lubeck vnd andere seefarende Leute, so ihrer Commertien halben auff die Narua schiffeten zu nemen vnd zu streiten, sondern auch der K. W. zu Polen bestallungen bei Ihnen gefunden worden, hat die K. W. zu Denemarcken derselben einen guten teill wiederumb vom leben zu todte richten folgents auch derer von Dantzigk schiffe... anhalten lassen...

странялъ въ Даніи слухъ, что буйствовавшіе на Балтійскомъ морѣ пираты и спекуляторы — вовсе не его слуги, а поставлены на морѣ самимъ Данцигомъ, ему представляютъ и отчеты о своихъ дѣйствіяхъ [1]. Если вѣрно то, что говорили совѣтники Фридриха,—оно могло быть и намѣренно распространено самимъ Данцигомъ,—то несомнѣнно, что въ этихъ пріемахъ польскаго короля скрывалось злое намѣреніе въ конецъ унизить Данцигъ, довести его до крайности, а затѣмъ уже безъ труда себѣ подчинить.

Но мы уклонились въ сторону. Предполагавшееся посольство, послѣ продолжительныхъ споровъ, дѣйствительно состоялось весною 1572 года. Раньше еще, въ февралѣ этого года, вышелъ эдиктъ польскаго короля, запрещавшій спекуляторамъ захватывать торговыя суда; къ этой мѣрѣ король, вѣроятно, прибѣгъ съ совѣта Данцига и въ расчетѣ, что теперь уже датскій король будетъ много уступчивѣе, сдѣлка съ нимъ окажется легче и возстановлены будутъ привилегіи прусскихъ городовъ. Но король ошибся: Фридрихъ II въ союзѣ съ померанскими городами продолжалъ свою прежнюю тактику по отношенію къ подданнымъ Сигизмунда II Августа. Въ апрѣлѣ посольство двинулось въ путь. Но удивительно, что королевскій посолъ Георгій Павловскій не дождался данцигскихъ пословъ—Іоанна Пройтена и Георга Розенберга [2]. Въ началѣ мая послѣдніе прибыли въ Копенгагенъ, откуда Павловскій тогда уже уѣхалъ съ письмомъ короля къ своему государю. Данцигскихъ пословъ Фридрихъ II вовсе не принялъ, а препроводилъ ихъ къ своему гофмейстеру. Король не далъ имъ никакого удовлетворенія [3]. Тогда данцигскій ратъ рѣшился предложить королю, безъ вѣдома своего правительства, нѣкоторую сумму денегъ, чтобы хотя этимъ путемъ сохранить свои привилегіи [4]. Но и это не помогло; переговоры съ Даніей, не смотря на это, продолжались, и только въ 1573 году отношенія Данцига и датскаго правительства уладились окончательно.

---

[1]) Данц. арх. Liber Missiv. 1571. Auch lassen sich etzliche Rehte des Königs in Dennemarken vernehmen, als solt vnser herr an den K. in Dennemarken haben gelangen lassen, dass Ihre M. von keinen freibeutern wuste, die den seefarenden Man bestreiffet, hetten aber die Dantzker freibeuter ausgemacht, so möchten es die verantwortten.

[2]) Ср. въ Liber Missivarum за 1572 и 73 годы письмо Данцига Фридриху Тедену отъ 10 марта 1572 г.

[3]) Письмо данц. пословъ отъ 23 мая. Говоря объ отвѣтѣ короля, они приводятъ его дословно; король указывалъ на „nichts gentzlich abgeschaften freybeuterey“.

[4]) Ein stück goldes.

Письмо Фридриха II къ Сигизмунду II Августу очень любопытно. Насилія пиратовъ, пишетъ онъ, достигаютъ небывалыхъ размѣровъ; они рѣшительно препятствуютъ свободному плаванію на Балтійскомъ морѣ, учрежденіе ихъ противно всякимъ договорамъ и понятіямъ о международномъ правѣ. Всѣ европейскіе государи ищутъ содѣйствія Даніи для прекращенія этого небывалаго разбоя. Самъ король уже обращался по этому вопросу къ императору, жаловался ему на произволъ польскаго правительства, отчего страдаютъ интересы Даніи, страдаетъ ея честь (schedtliche plackereyen) [1]). Король ставитъ польскому правительству слѣдующія условія, при которыхъ только согласенъ считать Польшу дружеской державой: 1) уничтожить институтъ морскихъ пиратовъ, отозвать ихъ съ Балтійскаго моря и отказаться совершенно отъ всякихъ замысловъ препятствовать нарвскому плаванію; 2) удовлетворить датскихъ торговцевъ за всѣ стѣсненія, причиненныя имъ польскими пиратами до и послѣ штеттинскаго мира; 3) уступить Даніи городъ Перновъ. Фридрихъ II затѣмъ подробно останавливается на доказательствѣ того, что Сигизмундъ не имѣлъ никакого права стѣснять нарвское плаваніе, такъ какъ датскіе короли издавна уже заключили договоры съ московскими государями о свободной торговлѣ своихъ подданныхъ какъ въ Даніи, такъ и въ

---

[1]) 14 апрѣля 1572, Фридрихсборгъ. (Acta Intern. 1572. IX. Vol. 23): 1) si temeratores istos ab inferenda cuiquam injuria arceat, ex mari eos in terra reuocet ac custodiam istam obseruationemque Naruicae nauigationis suspendat. 2. Quod si fiet, ac simul S. Vra subditis nostris, quibus Excubitores isti naues et bona per injuriam, numero sat magno, tam ante quam post pacem Stetinensem eripuerunt, restitutionem ablatorum decreuerit, quod quidem antea transmissa ad S. Vram designatione, saepius amice postulauimus ac etiamnum fraterne postulamus. 3. Ac ea in eliberanda tradendaque nobis Pernouia, expectationi nostrae mutuisque foederibus demum satisfecerit. Tum eas si quae supersunt offensiones, tanti momenti vix esse arbitramur, ut necessarium sit, aut conuentus commissariorum nostrorum jam instituere, aut communibus amicis et consanguineis, propriis ac grauioribus negotiis alias occupatis, molestiam facere. Nam quantum ad ipsam Naruicam nauigationem pertinet, cuius usum S. Vra, ut sempre ita iterum jam detestari videtur, Prope meminit S. Vra eam, neque tam nouam, inusitatam aut nociuam, nec a foederibus nostris mutuis tam alienam esse, ut eam iure impedire ipsa aut possit, aut debeat, cum tam subditi nostri, quam alii huius maris accolae, ab antiquo, merceneonia licita cum Rhutenis exercuerint; nosque eorum ac imprimis Naruicae nauigationis liberum usum, non tantum in foedere cum Serenitate Vra pridem sancito, verum etiam in pace Stetin. ipsa Serenitate Vra intercedente expresse reseruauerimus.

Москвѣ; кромѣ того нарвское плаваніе признано свободнымъ и безпрепятственнымъ также въ штеттинскомъ мирномъ трактатѣ [1]).

Сигизмундъ II не успѣлъ отвѣтить на это письмо. Но мы можемъ отлично представить себѣ, каковъ бы былъ этотъ отвѣтъ, еслибы смерть Сигизмунда не помѣшала ему осуществиться. Король польскій сослался бы, конечно, на свою борьбу съ Москвою, указалъ, какъ усиливается схизматикъ царь отъ сношеній съ иностранными государями и т. д., какъ уже онъ сотни разъ писалъ и къ Фридриху, и къ Эрику XIV, и къ другимъ государямъ. Лѣтомъ 1573 года данцигскіе послы снова явились въ Копенгагенъ. Сюда же въ это время прибылъ и посолъ Нидерландскаго правительства и посолъ французскаго короля.

Съ Нидерландами у Даніи возникли нѣсколько натянутыя отношенія еще съ 1568 года вслѣдствіе зундскихъ стѣсненій.

Альба неоднократно обращался къ Фридриху II съ просьбою отмѣнить стѣсненія испанскихъ подданныхъ въ Зундѣ [2]), гдѣ съ нихъ брали по одному талеру больше обыкновеннаго съ каждаго ласта товаровъ; въ Зундѣ была повышена также пошлина на вино. Разнымъ стѣсненіямъ подвергались голландцы и въ Норвегіи. Все это, писалъ Альба, противно трактатамъ, заключеннымъ нидерландскимъ правительствомъ съ датскими королями. Фридрихъ обыкновенно въ очень рѣшительномъ тонѣ отстаивалъ свое право увеличивать зундскую пошлину, въ случаѣ необходимости даже вовсе закрывать Зундъ всѣмъ иностранцамъ [3]); король указывалъ и въ свою очередь на рядъ поборовъ и стѣсненій, причиняемыхъ въ Нидерландахъ его подданнымъ, съ неудовольствіемъ отмѣчалъ фактъ сношеній голландцевъ съ Швеціей.

---

[1]) Дрезд. арх. Фридрихъ II императору, Кольдингъ 25 февраля 1572. ...So woll zu erhaltung vnser vnnd vnsers Reichs Regals vnnd hoheit als zu handthabung der schiffart vnd commercien.

[2]) Брюс. арх. Sommaire de ce que son Ex-ce (Duc d'Albe) escript presentement en faueur de ceulx de Hollande au Roy de Danemarc. XII jour d' Apuril. 1568

[3]) Такъ въ письмѣ его отъ 12-го іюня, Fridrichsburgh..., Wir hetten da wir darzu neigung truegen, auss oberwehnten vnd andern mehr stettlichen vrsachen, vnd das vnser vnd vnser Reiche vnderthanen bey vorgewesener gelegenheit zu den Niederlanden, mit entrachtung Ihrer schiffe vnd aussrichtung aufgesatztes Pfundgeldes vnd mehr andern Newerungen (die sich nicht allenthalben mit den oft angezogenen Erbuertragen vergleichenn) auch nicht ein gerings geleist, wol gutten grundt vnd bewegnussen anzuzeigen, das wir nicht allein zu solcher vnser verordnung mit abfurderung des thalers von jedem last, sondern auch zu ferner prosecution derselben gutten fueg vnd ankunft haben, seindt aber nicht gemeint dasselbe alhier zuerwegen oder weitleuftig ausszufhueren.

Не желая порывать съ Нидерландами и Испаніей, Фридрихъ „изъ расположенія къ королю и правительницѣ“ отмѣнилъ въ іюнѣ 1568 года какъ налогъ на вино, такъ и установленную таксу въ одинъ талеръ съ ласта, но за это требовалъ нѣкоторыхъ льготъ и своимъ подданнымъ въ Нидерландахъ [1]).

Въ концѣ 1568 года настала очередь Испаніи искать помощи у Фридриха II. Рѣшившись покончить съ Нидерландами, Филиппъ II надѣялся получить изъ Даніи кнехтовъ и рейтеровъ; съ такою же просьбою обращался къ Фридриху II и Вильгельмъ Оранскій [2]). Первый расчитывалъ на то, что Фридрихъ II ради торговыхъ выгодъ согласится на политическое сближеніе съ Испаніей, второй полагался на приверженность датскаго короля къ протестантизму. Фридрихъ II, какъ и Августъ саксонскій, игнорировалъ совершенно религіозную сторону нидерландской борьбы и старался удержать мирныя отношенія съ Испаніей, сознавая важность сближенія съ могущественнымъ представителемъ католической Европы для торговли своихъ подданныхъ. Извѣстно, что и Елизавета въ это время обращалась къ Фридриху и его родственнику курфюрсту саксонскому за помощью противъ Испаніи, но и ей въ видахъ политическихъ отвѣтили отказомъ [3]). Въ письмѣ къ Альбѣ (1568 г. 5-го мая) Фридрихъ II обнаруживаетъ искреннее расположеніе къ испанскому королю; о смутахъ, начавшихся въ Нидерландахъ, онъ говоритъ въ очень сдержанномъ тонѣ, выражая твердую надежду на скорое умиротвореніе какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ распрей подданныхъ съ своимъ государемъ. Обращаясь затѣмъ къ Альбѣ, какъ къ администратору Нидерландовъ, датскій король высказываетъ увѣренность въ томъ, что между Даніей и Испаніей будетъ пребывать „дружба и довѣріе добрыхъ сосѣдей“. Въ политическомъ отношеніи дружба мадридскаго и брюссельскаго дворовъ была не менѣе желательной для Фридриха и онъ просилъ Альбу не входить въ сношенія съ Швеціей, король которой ищетъ только случая завязать ссору съ своими сосѣдями.

---

[1]) das sie sich jn vnsern zollstetten jn leistung der gebuerlichen Zollen gerechtigkeitt vnd was sich wegen angeregter vnser vnd vnsers Reiches Regals vnd alt hergebrachter gewönheit, eignet, mit gebuerlicher richtigkeit erzeigen mugen.

... zu vns bestendiger vnd aufrichtiger gutter Freundt vnd nachbarschaft vnd was die beiderseits wolhergebrachte Erbuertrage vermogen, vnzweifenlich vnd freundlich verlassen.

[2]) Дансэ Карлу IX, 1 декабря 1568 г. Акты. 12 Dän. Bücher Дрезд. арх.

[3]) Акты, I, № 61.

Не смотря на такія открытыя заявленія дружбы и расположенія Фридрихъ II не принялъ активнаго участія въ нидерландскихъ событіяхъ, не помогъ ни Филиппу, ни Вильгельму.

По заключеніи штеттинскаго мира Альба снова питаетъ надежды на политическое сближеніе съ Фридрихомъ, но король былъ далекъ отъ этого какъ прежде, такъ и теперь; онъ исключительно преслѣдуетъ свои выгоды и интересы, продолжаетъ взимать высокія пошлины въ Зундѣ, вызывая неудовольствія и нерѣдко рѣзкіе протесты со стороны Альбы. Въ рядѣ писемъ послѣдній жалуется на притѣсненія въ Зундѣ, на небывало высокія пошлины, собираемыя датскими чиновниками съ торговыхъ судовъ нидерландцевъ и испанцевъ; въ письмѣ къ королю отъ 8-го марта онъ разсматриваетъ годъ за годомъ эти притѣсненія, отмѣчаетъ рѣзкій характеръ ихъ [1]). Торговые люди Гельдерна и Zutphen'а непрестанно, слышимъ мы, обращались къ Альбѣ за заступничествомъ; кромѣ обычной транзитной пошлины, брали особую за каждый корабль въ размѣрѣ одного талера. Два года испанскіе подданные платили эту подать, думая, что она была вызвана финансовою нуждою государства, между тѣмъ и по окончаніи войны съ Швеціей король не отмѣнялъ ея, нарушая такимъ образомъ старые трактаты и контракты [2]). Послѣ штеттинскаго мира Альба рѣшительно требуетъ отмѣны стѣснительныхъ нововведеній и денежнаго удовлетворенія за причиненные убытки. Во время войны испанскій король еще могъ терпѣть ихъ, „теперь же эти взиманія ничѣмъ не могутъ быть оправданы" [3]). Фридрихъ старался оправдать поступки своихъ таможенныхъ чиновниковъ, обѣщалъ употребить всѣ старанія къ тому, чтобы проѣздъ чрезъ Зундъ и плаваніе по Балтійскому морю были свободны и безпрепятственны. Сразу сдѣлать это невозможно, въ виду большихъ денежныхъ затратъ для очищенія Балтійскаго моря отъ московскихъ и польскихъ пиратовъ, препятствующихъ правильнымъ торговымъ сношеніямъ западныхъ торговцевъ съ восточными. Король много терпитъ, организовавъ правильное преслѣдованіе пиратовъ на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, и справедливость требуетъ участія всѣхъ націй, торгующихъ на Балтійскомъ морѣ, въ этихъ затратахъ [4]).

---

[1]) Акты, I, № 55, стр. 131.
[2]) Charles de Brunen au duc d'Albe, 19 января 1570 г.
[3]) Акты, I, № 61, стр. 143.
[4]) Акты, I, № 62, стр. 144.

Такого рода переписка не мѣшала обоимъ правительствамъ сохранять дружбу въ международныхъ отношеніяхъ; уже въ слѣдующихъ 1573 и 1574 годахъ мы встрѣчаемся съ рядомъ выраженій, подтверждающихъ дружеское настроеніе обоихъ государей другъ къ другу [1]).

Французскій посолъ Дансэ явился въ Копенгагенъ съ тѣмъ, чтобы добиться у Фридриха II свободнаго проѣзда черезъ Зундъ для Генриха анжуйскаго, новоизбраннаго короля Польши. Дансэ воспользовался пребываніемъ въ Копенгагенѣ данцигскихъ пословъ, чтобы предрасположить ихъ въ пользу Генриха; онъ сказалъ имъ, что Генрихъ подтвердитъ за прусскими городами всѣ ихъ привилегіи и даруетъ свободу вѣроисповѣданія. Дансэ, какъ извѣстно, не получилъ согласія Фридриха II на свое предложеніе и долженъ былъ уѣхать. Уже послѣ отъѣзда его совѣтники Фридриха II приступили къ переговорамъ съ послами Данцига. Послѣднихъ непріятно поразило при пріѣздѣ въ Данію, что король занятъ былъ укрѣпленіемъ Зунда, воздвигая на берегахъ его новые блокгаузы, строя шанцы, и все это съ тою цѣлью, чтобы никто не могъ силою проложить себѣ путь чрезъ проливъ. Строился также и флотъ, и главныя морскія силы короля собрались въ Гельзингёрѣ [2]). Однимъ словомъ, казалось, что Данія готовится къ новой войнѣ; послы сочли все ими видѣнное за несчастливое предзнаменованіе. Дѣйствительно, переговоры начались неблагопріятно для Данцига. Король упорно стоялъ на своемъ и отказывался исполнять ихъ требованія за сумму меньше 100,000 талеровъ. Послы же не могли дать такой большой суммы, предлагали меньше—и переговоры замедлялись. Фридрихъ II становился все несговорчивѣе и, наконецъ, объявилъ посламъ свой ультиматумъ: если они не удовлетворятъ тре-

---

[1]) Фридрихъ II Альбѣ, 10 января 1574 г. Въ этомъ письмѣ мы встрѣчаемся съ такими выраженіями: „zur continuation vertrawlicher nachbahr vnnd freundtschafft vnnd gutter correspondentz gegenn vnss erbietenn wollen"; „die zwischenn jhrer L. vnnd vnss vnnd beiderseits Reichenn vnnd Landen, wolhergebrachte Erbuertrege sambt vertraulicher freundt vnnd nachbarschafft vnnd gutter correspondenz jnn allewege, wor vnss solchs nur gebueren mag, vnuerrucht zu vndterhalten vnnd zu continuiren". Брюсс. арх.

[2]) Данц. арх. Acta Intern. 1573—1576. IX. Vol. 24. mitt schantzkorben vnd newen Blockheusern dermassen werde bewaren, das niemandt mitt gewalt herdurch wird kommen konnen, vber das auch die konigl. hoffane, die gestern ankommen, nach Helschinör soll verleget werden, sampt noch andere kriegsschiffen die man teglich ausrüstet.

бованій короля, то онъ секвестрируетъ всѣ ихъ корабли, находящіеся въ его водахъ; затягивать дѣло—равносильно оскорбленію королевскаго величія.

5-го іюня составленъ былъ черновой набросокъ мирнаго договора, по которому Данцигъ въ четырехлѣтній срокъ обѣщалъ выплатить королю 80.000 талеровъ [1]), а король за это подтвердить всѣ прежнія привилегіи города, возвратитъ ему всѣ захваченные корабли и открыть Зундъ для свободнаго проѣзда чрезъ него [2]). Въ сентябрѣ договоръ въ такой формѣ и былъ подтвержденъ обѣими сторонами [3]). Фридрихъ тогда же рѣшился отправить свои военныя суда въ Гаагу для преслѣдованія морскихъ разбойниковъ [4]). Это сообщилъ посламъ самъ адмиралъ короля Jorgen Daa zu Wolderup [5]).

Отношенія Фридриха II къ ганзейскимъ городамъ оставались мирными до конца его царствованія. Гамбургъ, какъ и Данцигъ, деньгами добился мира, а за Любекъ самъ король нерѣдко вступался, когда, напримѣръ, рѣчь заходила о нарвскомъ плаваніи.

Семилѣтняя сѣверная война была послѣдней попыткою Любека силою возстановить свое прежнее господство на Балтійскомъ морѣ. Эта попытка окончилась совершенною неудачей: сношенія съ сѣверомъ и востокомъ Европы были прерваны, торговыя суда его захватывались, война стоила городу 1.600.000 марокъ. Не смотря на союзъ съ Даніей, любекскихъ купцовъ подвергали въ Даніи всевозможнымъ

---

[1]) ... den werdt auf 33 groschen Polnisch gerechnet. О срокахъ платежа: alzeit zwischenn Ostern vnd Johannis jm 1544 fur den ersten termin antzufanen.

[2]) Urkunden Sammlung Данц. архива XCV, B, 157. 9701.

[3]) Regesta diplomatica Historiae Daniae, II. Фридрихъ Петру Оксе 18-го іюля: at han skal lade de anholdte Danziger Skibe vaere urörte og at seiladsen paa Danzig indtil videre maa vaere fri.

[4]) Данц. арх. Liber Missiv. 1570 и 1571. 19-го апрѣля 1571 года Eberard Kleinfelt и Wilhelm Behem писали о таковомъ же намѣреніи Фридриха: Dann es wirdt gesagt, das er (Friderich) schiffe auszurüsten furhabens, damit des Reichs ströme zubeschutzen, vnnd in der see die freyheit zuhalten, damitt alle Pass vnnd schiffart ann allen orttenn muegen frey vnnd sicher sein. Imgleichen soll der K. von Schweden auch thuenn; weil die hoheit in den wassern vnnd strömen alleine den beiden königreichenn vnd niemanden anders gebuere.

[5]) Jorgen Daa zu Wolderup, Königl. Dänischer in die Ostsee verordneter Admiral zeigt Danzig an, dass er vom könige von D. an den die klagen der in der Ostsee handelnden kaufleute über namentlich bei Hela verübten Seeraub gelangt seien, abgordnet wäre, um diese Seeräuber aufzusuchen vnd verspricht, dass die umwohnenden Untersassen Danzigs keine Belästigung erleiden sollen. 28 Iuli 1571.

поборамъ, какъ-то пивной акцизъ, ластовыя деньги и пр.; когда въ 1570 году послы отъ города явились въ Данію, они не могли добиться аудіенціи ни у короля, ни у его гофмейстера—всесильнаго тогда Петра Оксе. На жалобы Любека отвѣчали указаніемъ на совершенное финансовое истощеніе самой Даніи, на крупные расходы, вызываемые шведскою войною и превосходящіе доходы государства. Миръ не помогъ Любеку; по заключеніи его начались прежнія стѣсненія. Война стоила главѣ Ганзы послѣднихъ силъ его и повлекла за собою непоправимый финансовый кризисъ. Другіе города не помогали Любеку, находя, что нищенствованіемъ добьешься бóльшихъ и лучшихъ результатовъ, нежели войною. Данія, вмѣсто того, чтобы защитить своего недавняго союзника отъ стѣсненій, какимъ его подвергалъ Іоаннъ шведскій, сама дѣлала для него обязательными тѣ же ластовые поборы, какими связаны были остальные города и всѣ иностранцы, проѣзжавшіе Зундъ. Паденію Любека точно радовались; въ Ганзѣ расшатались всѣ узы, и каждый, кому отдѣльнымъ договоромъ удавалось сохранить за собою какія-либо льготы, радовался и торжествовалъ. Особенно тяжело приходилось Любеку отъ шведскаго короля; онъ оказывался безсильнымъ въ борьбѣ съ окрѣпшими скандинавскими государствами. Прежній властелинъ Балтійскаго моря низошелъ на степень обыкновеннаго торговаго города [1]).

Не смотря на то, что Іоаннъ III ратификовалъ въ началѣ 1571 г. свой мирный договоръ съ Любекомъ, онъ продолжалъ держаться и своихъ прежнихъ взглядовъ на ганзейскіе города, и своей самовольной политики по отношенію къ главному изъ нихъ. „Резоны" же не дѣйствовали на короля, онъ всегда умѣлъ придраться къ случаю, чтобы обвинить любчанъ въ нарушеніи штеттинскаго договора и вымещалъ на нихъ всѣ свои неудачи въ борьбѣ съ Москвою. Сначала Любекъ терпѣлъ, потомъ сталъ обращаться съ жалобами и воззваніями къ нѣмецкимъ князьямъ и къ самому императору [2]).

Изъ нѣмецкихъ князей Любекъ всегда съ наибольшей откровенностью высказывался курфюрсту Саксонскому, на него онъ всего болѣе надѣялся. Не проходило мѣсяца, чтобы городской совѣтъ не обращался къ „мудрому" князю съ запросомъ, жалобою, указаніемъ.

---

[1]) Ср. *Sartorius*, III, 174. *Waitz*. Schleswig-Holsteinische Geschichte, II, 2, 355. *Chytraeus*. 672, 676.

[2]) Отношенія Любека къ императору, князьямъ и Швеціи разобраны цѣликомъ по арх. даннымъ Дрездена и Копенгагена.

Главный мотивъ всѣхъ этихъ обращеній города къ князю—торговыя стѣсненія [1]). Вся балтійская и русская торговля, писалъ Любекъ Августу саксонскому, все болѣе и болѣе переходитъ въ руки иностранныхъ государей, отъ чего терпятъ всѣ имперскіе города [2]). Иностранные купцы по своимъ соображеніямъ оцѣниваютъ русскіе товары и изъ торговли съ русскими извлекаютъ громадныя выгоды [3]). Въ виду этого Любекъ и просилъ курфюрста—добиться на франкфуртскомъ съѣздѣ совершенной отмѣны всѣхъ запретительныхъ указовъ о нарвскомъ плаваніи. Если кто-нибудь доставляетъ русскимъ такъ называемые запрещенные товары, какъ оружіе, военные снаряды и пр., то не Любекъ [4]), а англійскіе и голландскіе купцы; иностранцы безъ разбору привозятъ русскимъ все, что бы только они ни пожелали [5]). Въ Ревелѣ любчане сами были свидѣтелями того, какъ къ русскимъ свозили военные снаряды и провіантъ. Шведскій король на это закрываетъ глаза, но стоитъ на нарвскомъ фарватерѣ появиться кораблю изъ Любека, какъ его тотчасъ захватываютъ шведскіе каперы, отправляютъ въ Стокгольмъ, гдѣ отбираютъ товары и конфискуютъ ихъ,— мѣра, едва ли согласная съ недавнимъ миромъ, заключеннымъ въ Штеттинѣ [6]). До конца 1571 года продолжали раздаваться жалобы любчанъ!

Въ концѣ 1571 года начались любопытные дипломатическіе переговоры между шведскимъ правительствомъ и Любекомъ по вопросу о

---

[1]) Дрезд. арх. Stadt Lübeck contra Schweden der Schiffartts halben nach Narva, 1571—1572. Письма Любека Августу отъ 6-го іюля, 18-го августа и 6-го и 12-го декабря.

[2]) mehr vnd mehr gesterckte Uebung anderer fremden Nationen, die sich deren dabenor gar weinig gebrauchtt.... mit hohem mercklichem nachteil gemeiner wolfartt.

[3]) .... die macht vnd facultet... Russische wharen Ihres gefallens zu schatzenn vnd auszusaugenn.... Городамъ „ist die hantirunge mith denn Russen interdicirt".

[4]) mit allem menschlichen vnd muglichem vleiss возстававшій противъ этого.

[5]) dass vonn gedachten frembdenn vnnd andern wir auch wol berichtet dem Russen¯ one allen vnderschiedt—vberheuffigk—was sie nur am liebsten begeren ein zeit lang hero zubracht vnd durchgeschleufft. (Kriegsrüstung vnd Prouiandt).

[6]) Vnnd ist ahn dem, das vnss vnlängst glaubwirdige kundschafft vnd bericht einbracht, welcher gestalt der högstgedachtenn K. W. zu Schweden Bestelte Ausslieger vor wenig wochenn etlich der vnsernn schiffe mith beladenenn khaufmañsswharenn vonn der Narua zurück kommend, ohn alle gegebene vrsache auch ohne, vorgehende einige vorinnerung jnn der sehe gewaldtsam angefhallenn, vberweldigt vnnd nach Stockholm jnn Schwedenn mith sich hinwegk gefhürtt.

нарвскомъ плаванiи. Въ Любекъ былъ отправленъ Делагарди, который долженъ былъ добиться у города прекращенiя торговыхъ сношенiй съ русскими [1]). Делагарди обратился къ рату города съ такими словами: городу, безъ сомнѣнiя, извѣстно, что московскiй царь безъ всякой причины, не предупредивъ даже шведовъ, сдѣлалъ на нихъ нападенiе и въ продолженiе 8 мѣсяцевъ осаждалъ Ревель; городу извѣстно также, какъ царь, противно всякимъ международнымъ отношенiямъ, до сихъ поръ не отпускаетъ шведскихъ пословъ, а держитъ ихъ въ заключенiи. Шведскiй король не могъ снести такихъ оскорбленiй и объявилъ царю войну. Исходя изъ постановленiя штеттинскаго договора, въ которомъ обѣ стороны—Швецiя и Любекъ—обязывались помогать другъ другу и не сноситься съ врагами, король Iоаннъ проситъ городской совѣтъ Любека прiостановить свои сношенiя съ русскими и на время отказаться отъ нарвскаго плаванiя. Московскiй царь, это всѣ знаютъ, не ограничится одною Ливонiей, а посягнетъ и на самый Любекъ, если ему во-время не будетъ оказано сопротивленiя. Какъ скоро королю удастся заключить съ царемъ прочный миръ, нарвское плаванiе снова будетъ свободно и открыто городамъ. Любекъ отвѣчалъ Делагарди, что онъ никогда и не думалъ помогать царю противъ Швецiи, его подданные ведутъ съ русскими самую обыкновенную и законную торговлю, отъ которой русскiе нисколько не усиливаются. Такого рода торговлю съ русскими любчане ведутъ уже съ незапамятныхъ временъ; по стариннымъ привилегiямъ имъ разрѣшалось вести ее и въ мирное и въ военное время [2]) Карлъ V, воюя съ Францiей и Турцiей, не стѣснялъ же торговыхъ сношенiй на Средиземномъ морѣ и въ Нидерландахъ. Русская тор-

---

[1]) Акты, № 64, стр. 146.

[2]) Дрезд. арх. So viel aber die vnbefarte vnd redtliche gewerbshandlung mith den Reussen selbst anlangt, das keine macht dadurch nicht gesterckt werde, ist menniglich bewust nicht allein den jennige an der Ostsee gesessenen, sunder auch denen, welche an der Westsee jhre Kauffenschaft treiben, das die stadt Lubeck, jre Burg vnd Einwoner, sowol als andere stedte der hanse verwant, von vielen vndenckliche jaren her, ohne alle hinderung mit den Reussen nicht allein jn jhrem Lande, sondern auch jn den andern Liffland. Kaufmanschaft getrieben... Dieweil aber wie angetzogen gewis vnd ohne zweifell ist, das die Furstenthume vnd Lande des heil. Rom. Reichs, sowol auch andere Kunigreiche vnd Prouintien an der Westsee gelegene, Ihre Kaufmanschaft ohne Reussische wharen nit vortsetzen noch treiben konnen, vnd das dar an vielen vnzelich tausent Mensch vnterhalt vnd narung gelegen.... So fürchtet man sich doch aus erfarenheit, es muchte dadurch der Moscowitter sich desto feind seliger wieder die benachbarten zuschicken.

говля для приморскихъ городовъ и княжествъ—самая прибыльная, съ ея прекращеніемъ они понесли бы невозвратимую потерю. Съ русскою торговлею связано существованіе многихъ тысячъ людей; обезлюдѣетъ все Балтійское море (wüste und öde), закрытіе русской торговли вгонитъ многихъ въ нищенство (an bettelstab gebracht). Въ Россіи — изобиліе товаровъ, въ которыхъ нуждается вся Европа. Король совершенно упускаетъ изъ виду, что, если нѣмцы прекратятъ всякія сношенія съ русскими, то послѣдніе еще враждебнѣе станутъ относиться къ ливонцамъ, станутъ мстить имъ за это еще безпощаднѣе. Согласиться на временное закрытіе нарвскаго плаванія Любекъ *могъ бы только въ томъ случаѣ, еслибы и всѣ другіе народы согласились на это*; между тѣмъ, они безпрепятственно сносятся съ русскими, доставляютъ имъ безъ разбору и дозволенные, и запрещенные товары. Въ виду всего изложеннаго любекскій ратъ заявилъ Делагарди, что онъ не пріостановитъ своихъ сношеній съ русскими и проситъ короля дать ему удовлетвореніе за причиненные убытки.—Шведскіе послы стояли на своемъ [1]), утверждая, что даже „обыкновенная" торговля любчанъ съ русскими усиливаетъ послѣднихъ; любчане сами себѣ готовятъ гибель, такъ какъ конечная цѣль московита укрѣпить свое господство на Балтійскомъ морѣ; если онъ достигнетъ этого, Любеку придется уже считаться съ нимъ лицомъ къ лицу. Любекскій ратъ не понижалъ тона, онъ рѣшился даже обратиться съ письменнымъ заявленіемъ къ самому Іоанну III, представилъ ему на 28 страницахъ очеркъ своихъ торговыхъ привилегій и преимуществъ, обѣщалъ приложить все стараніе (die fleissige Auffachtung) къ тому, чтобы московитамъ не доставлялись запрещенные товары, но отъ своихъ сношеній съ русскими не соглашался отказаться. Если, писалъ Любекъ королю, его торговцы доставляютъ русскимъ сельди, соль и другіе товары, то это не усиливаетъ же ихъ въ военномъ отношеніи; у русскихъ и своего провіанта такое изоби-

---

[1]) ... nicht alleine darumb zuthuen, wie er der K. M. zu Schwedenn vnnsers gnedigstenn herrnn vntherdane vnnd angehorige jnn Lifflandt vnnd Finlandt, vnder seine gewalt bringenn mochte, sondernn auch darnach trachtett, wie er des gantzenn Lifflandts, vnd also folgents der Ostsehe mechtig werdenn mochte, wan aber solchem seinem feindtlichem vornhemen jnn zeiten nicht geweret werdenn solte, ist leichtlich abtzunhemenn das es anderenn nachgelegenenn, vnnd der Statt Lubeck selbst mit jnn die jarre endtlich nichts weniger also jrer K. M. vnderthanenn zum mercklichem schadenn vnd nachthaill gereichenn vnnd gerathenn mochte.

ліе, что для войны они обезпечены. Вино любчане очень рѣдко привозятъ русскимъ, да и это безразлично, такъ какъ у русскихъ и своихъ напитковъ много [1]). Полотна—также товаръ не запрещенный, ихъ русскимъ доставляютъ и англичане „новымъ небывалымъ путемъ", (an der Newen vmbfahrt), то-есть, Бѣлымъ моремъ. Въ концѣ своего длиннаго донесенія Любекъ указывалъ королю, что готовъ былъ бы промѣнять Нарву на Новгородъ, который имѣетъ гораздо болѣе преимуществъ, гавань его обширнѣе и удобнѣе [2]).

Переговоры Делагарди съ Любекомъ, какъ можно было предвидѣть, не привели ни къ какимъ результатамъ и развѣ только показали, что интересы Швеціи и Любека непримиримы, пока шведское правительство будетъ посягать на русскую торговлю Любека. Іоаннъ III не зналъ уступчивости и продолжалъ стѣснять купцовъ. Случаи совершенно самовольныхъ арестовъ стали повторяться все чаще; такъ въ декабрѣ 1571 года два любекскихъ шкипера и ботсманъ доносили городскому рату, что у Ревеля на ихъ корабли напали шведы, сдѣлали два выстрѣла [3]) и опечатали весь ихъ товаръ [4]). Одного шкипера отвели на шведскій корабль и потребовали отъ него паспорта и цертификата (Seebriewe vnd beweiss, Certification vnd seebriewe) на плаваніе въ Нарву, затѣмъ отправили въ Гельсингфорсъ; здѣсь шведскій адмиралъ, отобравши у шкипера паспортъ, объявилъ его негоднымъ (er passe vf denn beweiss nicht), товары и корабли велѣлъ конфисковать, а обоихъ шкиперовъ и ботсмана на наемныхъ судахъ отпустить домой. Одинъ изъ шкиперовъ сталъ требовать у адмирала удовлетворенія; ему отвѣчали, что любчане, поддерживая плаваніе на Нарву, обнаруживаютъ этимъ враждебныя отношенія къ королю [5]) и что шкиперъ заслуживалъ бы быть повѣшеннымъ на мачтѣ корабля. Шведы такъ ограбили любчанъ, что они почти голыми должны были возвратиться домой. Взявши отъ шкиперовъ ключи, шведы раскрыли всѣ сундуки, бывшіе на любекскихъ корабляхъ, и все имущество ихъ от-

---

[1]) Derwegen auch der herinck vör eine sölche wahre vör alters her alizeit gehaltenn, die ohne sterckung der Russen vnnd ohne Schaden der christenheit.... Souiel den Wein betrifft, der wirdt vonn Lubeck auff Russlandt gahr seltenn abgeschifft... Daruör jnn Russlandt viel andere vnnd bessere wahren der Christenheit nöttig vnnd derer keineswegs entperenn kan, bekommen werden.

[2]) Dieweil daselbst (въ Нарвѣ) die Hawen vnnd ahnfahrten vonn Natur so gar gelegen vnnd bequeme nicht.

[3]) Vnd als sie die lose zu beiden seiten geschossen.

[4]) hatten sie jhr siegell fallen lassenn.

[5]) Sie hetten vf die Narue zu der K. M. zu Swedenn feindenn gesegelt.

няли. Тогда же шведы захватили и два датскихъ корабля, прибывшихъ въ Нарву [1]).

Съ начала 1572 года явилась надежда, что отношенія Любека и Швеціи примутъ мирный характеръ; Іоаннъ, безъ сомнѣнія, зналъ, что Любекъ взываетъ о помощи и заступничествѣ и къ императору, и къ князьямъ, зналъ также, что изъ-за Любека и нарвскаго плаванія имѣютъ въ виду созвать съѣздъ всѣхъ курфюрстовъ; онъ съ недовѣріемъ слѣдилъ за все возраставшей дружбою Даніи и саксонскаго курфюрста, и въ январѣ шлетъ любекскому рату болѣе мягкое письмо; въ немъ онъ обѣщаетъ дать любчанамъ удовлетвореніе за всѣ причиненные имъ убытки, но съ условіемъ, чтобы впредь и до заключенія мира съ Москвою они не поддерживали никакихъ сношеній съ русскими: съ такою же просьбою король уже обратился и ко всѣмъ другимъ народамъ, ведущимъ торговлю съ московитами. Іоаннъ обстоятельно представлялъ рату, что, доставляя русскимъ съѣстные припасы, любчане этимъ много облегчаютъ имъ движеніе впередъ; везти за собою провіантъ было бы для нихъ крайне затруднительно и сопряжено съ большими расходами. Настаивать на своихъ прежнихъ привилегіяхъ городу нечего, ибо то, что было возможно прежде, теперь уже вредно отзывается на благосостояніи государства (jn detrimentum alterius partis), pro ratione temporis et circumstantiarum о прежнихъ привилегіяхъ не можетъ быть и рѣчи [2]).

Любекскій ратъ не оставилъ этого письма безъ отвѣта и прислалъ королю цѣлое разсужденіе о своихъ правахъ на нарвскую торговлю. Ratio temporis и circumstantiarum не убѣдила нисколько любчанъ, и

---

[1]) Anno 1571 den 12 Decembris seind vf erfurden eines Erbarn wolweisen Radts der stadt Lubeck, vor derselben hirzu verordente commissarien erschienen Berndt Dunnehövel, vnd Herman Stöninck beide schiffere, vnd Heinrich Vilandt ein Botsmann vf Hans Muchonwen schif, vnd haben bei jrem leiblichen eide so jnen zu dem ende abgenommenn, nebenst zeigung eines swedischen Passbriefe, daruon die Copei hirbeivorwart, geschworen, gezeugett vnd berichtet, als folget. .... Въ донесеніи втораго шкипера любопытны слѣдующіе два пункта: 1) das sie von den Swedenn so gar feintlich getractirt, geplundert vnd bekommen, das sie kaum die Seekleider vber dem leib behalten mugen. 2) Es hattenn auch die Swedenn zwei denische schiffe so nach der Narue gewolt, genommen, dieselbenn zu Helschenfors angebracht vnd darmit gleich mitt den Lubischenn schiffenn gehandelt, die leutte daruonn geweisett vnd schif vnd gutt behalten. Vnd weren sunst noch andere schiffe zur Narwe angekommen, die welche keine sweden jn der see gesehenn hatten, vnd hatten zur Narwe vfgelegt, dieweil sie daselbst keine ladung bekommen konnen.

[2]) Дрезд. арх. Копія съ письма Іоанна отъ 26 янв. 1572, Кальмаръ.

они опять вспоминаютъ времена Густава I, когда они, не взирая на войну его съ Россіей, продолжали сноситься съ русскими. Любекъ категорически заявлялъ, что *не можетъ* отказаться отъ русской торговли; требовать этого у города значитъ посягать на единственный жизненный доходъ его; „у самыхъ нашихъ воротъ“, пишетъ ратъ, „у насъ вырываютъ кусокъ“ наши сосѣди и иностранцы, безъ всякихъ стѣсненій пользующіеся русскою торговлей [1]); и Балтійскимъ, и Бѣлымъ (ahn der neuen vmbſhartt) моремъ они имъ доставляютъ всевозможные товары.

Торговый городъ и государь самодержецъ не могли другъ друга понять, не могли согласить своихъ интересовъ. Требовалось энергическое посредничество императора и князей.

29-го марта Любекъ пишетъ по поводу нарвскаго плаванія къ Августу саксонскому и Максимиліану II. Въ письмѣ къ первому [2]) городъ подчеркиваетъ въ особенности стремленіе шведскаго правительства захватить въ свои руки всю русскую торговлю, заставить нѣмецкихъ купцовъ у шведовъ покупать русскіе товары [3]), лишить ихъ непосредственныхъ сношеній съ русскими, — то же самое стремленіе, какое когда то было у ганзейцевъ! Любекъ указываетъ на то, что сами шведы торгуютъ съ русскими; не смотря на войну обоихъ правительствъ, эта торговля принимаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры [4]); въ виду такихъ честолюбивыхъ и своекорыстныхъ стремленій Іоанна III, Любекъ проситъ курфюрста о заступничествѣ предъ императоромъ и князьями, на разные лады повторяя, что русская торговля—единственный и главный источникъ существованія города.

Въ письмѣ къ Максимиліану Любекъ очень подробно расписывалъ вредъ для имперіи отъ закрытія русской торговли, указывалъ, какъ

---

[1]) Любекъ Іоанну, 22 марта 1572. „das andere nahe vnnd weit abgesessene vnss gleich für der thüre die Nahrung abschneiden vnnd ahn sich allein bringen solten“. Далѣе: „viel vndzelliches tausend Menschen an der Ostsehe лишены ihrer nahrung vnnd vnterhalt“.

[2]) Дрезд. арх.

[3]) ...dass wir alssdann bei Jhnenn die Russischenn Wahren haben, vnnd jhnen die vnnsern widerumb zuführen mustenn, vnnd ist sollches vntzweifelich diss nochmaligen betrübenns der warhaftiger grundtt, dass vnnss die immediata negociatio mitt denn Russenn missgegunnet.

[4]) ...die Schweden, bei denen die Russische handlung vonn tag zu tage jm schwang getrieben wirth..., wünschen „vnns vnnd dieser statt einwohnern vonn der Russischenn hanndlung gar abtzustossenn“.

необходима она для имперіи, обращалъ вниманіе императора на то, что все существованіе приморскихъ городовъ зиждется только на русской торговлѣ, которою теперь желаетъ завладѣть шведскій король [1]). Любекъ умоляетъ императора спасти ганзейскіе города отъ окончательной гибели, предупредить паденіе ихъ и заставить шведскаго короля отмѣнить свои беззаконныя стѣсненія [2]).

Акты не говорятъ намъ ничего о впечатлѣніи, произведенномъ на императора письмомъ Любека. Августъ же саксонскій тотчасъ же отозвался на просьбу города и въ апрѣлѣ писалъ императору о необходимости заставить шведскаго короля въ точности исполнять штеттинскій договоръ и не препятствовать сношеніямъ Любека съ русскими въ Нарвѣ [3]). По инииціативѣ Августа, по всей вѣроятности, созванъ былъ и съѣздъ курфюрстовъ въ Мюльгаузенѣ, въ іюнѣ 1572 года [4]).

На этомъ „тагѣ" разсмотрѣнію подлежали, кромѣ нарвскаго вопроса, еще вопросы о Ригѣ и о посольствѣ къ московскому царю. Въ интересахъ имперіи, говорили на съѣздѣ, удержать Ригу въ своей власти и не дать Польшѣ совершенно подчинить ее себѣ; между тѣмъ вся политика Польши клонилась къ тому, чтобы обратить Ригу въ подчиненный себѣ городъ. Необходимо было бы обратиться къ польскому королю и указать ему, что Рига приняла польское покровительство безъ вѣдома и разрѣшенія императора, своего высшаго сюзерена; городъ не имѣлъ права это сдѣлать, въ виду чего польскій король и долженъ былъ бы отказаться отъ своихъ неосновательныхъ притязаній на этотъ городъ [5]). Относительно московскаго посольства императору предложено было рѣшить, какимъ лицамъ участвовать въ посольствѣ и откуда взять

---

[1]) Ferners, jnn sunderheit diese stadt vnnd andere benachbarte betreffendt, die auf vnnd auss der Sehe vornemblich jhre gewerb vnnd handlung threibenn, wie daher erbauweth vnnd bisshero erhalttenn, auch hinfurth zuerhaltten sein werdenn, diehin vnnd wieder jhre vbliche nutzbare commercia ohne die mith den Russenn fruchtbar nicht würdenn verfolgen mugen.

[2]) von so beharlich schwedischer gewaldt vnnd vnaufhörlich andrengender schwedischer gewaldt. Безъ русской торговли города будутъ: öde, verlassen vnnd wüste.

[3]) Дрезд. арх. Письмо Августа 25-го апрѣля.

[4]) Дрезд. арх. Mülhausische Churfurstentags Handlung vnd Abschiedt Anno 1572.

[5]) Акты, I, № 68, стр. 151. Въ инструкціи князьямъ отъ 10-го іюня 1572 года пунктъ о Ригѣ выраженъ въ такихъ словахъ: dass er (польск. кор.) sich der stadt Riga ferner nicht anzumassen wolte, sondern dieselbe als ein einuorleibt geliedt des heil. Reichs mit zumuetung weiterer subiection gentzlich zuuerschonen.

средства, нужныя для него, отъ 20.000 до 30.000 гульденовъ. Этотъ вопросъ слабо дебатировался; видно было, что никто уже не придавалъ особенной важности этому посольству, всѣ понимали, что не дѣло императора вмѣшиваться въ русско-ливонскія отношенія, всѣ съ гораздо бо̀льшимъ интересомъ озирались на Польшу, которой суждено было вскорѣ сдѣлаться мѣстомъ поединка цѣлаго ряда претендентовъ на вакантный престолъ, гдѣ готовился такой же аукціонъ на корону, какъ въ Германіи въ 1519 году. Съ гораздо бо̀льшимъ интересомъ курфюрсты занялись третьимъ вопросомъ, поставленнымъ на съѣздѣ, а именно вопросомъ нарвскимъ и отношеніями Любека къ Швеціи.

Курфюрсты называли притязанія Іоанна III беззаконными, они указывали императору, что король не обращалъ никакого вниманія ни на шпейерскій рейхстагъ, ни на франкфуртскій депутаціонстагъ, представители которыхъ обращались къ нему съ энергическимъ протестомъ противъ его стѣснительныхъ торговыхъ указовъ. Императору, какъ главѣ имперіи и единственному посреднику мира, слѣдуетъ еще разъ обратиться къ шведскому королю и требовать отъ него возстановленія нарвскаго плаванія и возвращенія Любеку отнятыхъ у него кораблей и товаровъ. Любекъ со своей стороны даетъ обѣщаніе не доставлять московитамъ запрещенныхъ товаровъ [1]).

Любопытно, что вмѣстѣ съ Августомъ саксонскимъ и Фридрихъ II датскій обращалъ вниманіе Максимиліана II на беззаконныя дѣйствія шведскихъ пиратовъ [2]). Іоанна III извѣстили о рѣшеніи мюльгаузенскаго собранія, онъ получилъ коллективное заявленіе императора и князей, но такъ какъ оно не сопровождалось никакимъ реальнымъ давленіемъ, онъ не обратилъ на него никакого вниманія. По его понятіямъ, каждый городъ или князь, поддерживающій его враговъ оружіемъ или съѣстными припасами—все равно, становится его врагомъ, и онъ въ правѣ обращаться съ нимъ, какъ съ таковымъ. XVI вѣкъ не зналъ вооруженныхъ нейтралитетовъ, и не заинтересованнымъ въ той или другой войнѣ державамъ рѣшительно невозможно было поддерживать свои торговыя сношенія, не подвергаясь постоянно риску потерять какъ корабли, такъ и товары свои.

Въ 1572 году война Швеціи съ Россіей принимаетъ еще болѣе широкіе размѣры, и король по своей логикѣ былъ въ правѣ арестовывать и конфисковать товары, привозимые въ Нарву. Въ сентябрѣ

---

[1]) Акты, I, № 67, стр. 150.

[2]) Дрезд. арх.

Любекъ пишетъ Августу, что шведы не обращаютъ никакого вниманія на его заявленія, опирающіяся на рѣшеніяхъ курфюрстскаго съѣзда и на указахъ императора, и продолжаютъ свою пиратскую систему; купцовъ захватываютъ въ плѣнъ, до-гола обираютъ ихъ и выгоняютъ на всѣ четыре стороны. Такіе факты, мало того что являются нарушеніемъ постановленій съѣздовъ и конгрессовъ, прямо оскорбляютъ какъ императора, такъ и князей [1]), на слова которыхъ, такимъ образомъ, не обращаютъ никакого вниманія, надъ ними глумятся, на ихъ рѣшенія отвѣчаютъ новымъ разбоемъ [2]).

Августъ Саксонскій отказывался теперь уже отъ всякаго посредничества [3]) въ дѣлѣ Любека съ Іоанномъ III и прямо отсылалъ любекскихъ пословъ къ императору: пусть онъ обратится къ королю и *заставитъ* его исполнить имъ же ратификованные договоры. Послѣднее, однако, было не въ силахъ императора; онъ только могъ писать, увѣщевать, собирать конгрессы, издавать патенты, а рѣшительно дѣйствовать онъ не имѣлъ возможности, онъ не былъ уполномоченъ всей имперіей; курфюрсты стояли, правда, за Любекъ и Данію, другіе же князья или совершенно пассивно относились къ сѣвернымъ событіямъ, или склонялись къ союзу съ Польшей и Швеціей.

Ганзетагъ 1572 года также мало помогъ Любеку; данцигскіе депутаты предлагали сосредоточить всю восточную торговлю въ ливонскихъ гаваняхъ, чѣмъ, думали они, отстранены будутъ всѣ безконечные споры о Нарвѣ [4]). Здѣсь, на ганзетагѣ, снова возникъ вопросъ о возстановленіи прежней „новгородской“ ганзейской конторы въ одномъ изъ городовъ Россіи; это стремленіе Любека нашло себѣ уже сочувствіе и въ императорѣ и въ кюрфюрстахъ; уже на шпейерскомъ и франкфуртскомъ съѣздахъ всѣ сходились на необходимости сохранить за Любекомъ право на нарвскую торговлю, главнымъ

---

[1]) Nicht zu geringer jhrer hohn Reputation verschmelerung vnd vorkleinerung.

[2]) Дрезд. арх. Любекъ Августу 24-го сентября: Es habenn newlicher weile Jhr K. Würde (von Schweden) aussliegere abermals zweij schiff der Vnsern, das eine welchs von der Narua khommen, vnd das ander welchs dahin gewolth, jhnn der sehe, vnd so ghar weith von hinnen nicht ahnfallen, durchschiessen, vberweldigen vnd erobern, das eine nach Schwedenn das ander nach Reuel bringen, vnd ohne alle vorgehende cognitionn partieren vnd beutenn, das volck erbarmlichen schlagen, darzu nakendt vnd bloss ausziehen vnd leuffen lassenn, darzu etzliche andere der vnsern jhn strandt geiageth.

[3]) Vermahnungsschreiben—Августъ считаетъ для себя „hoch bedencklich“.

[4]) Данцигъ Розенбергу, 17-го іюля, 1572. Ср. *Chytraeus*, 170, *Gadebusch*, II. 149. Ср. *Форстенъ*, Архив. занятія въ Любекѣ и Данцигѣ, стр. 314, д.

образомъ на томъ основаніи, что Римская имперія не можетъ обойдтись безъ русскихъ товаровъ. Любекъ надѣялся достигнуть этого всего удобнѣе основаніемъ новой или возстановленіемъ старой новгородской конторы. Симпатіи курфюрстовъ были всѣ на сторонѣ Любека, и они твердо рѣшились помочь ему въ осуществленіи этого стремленія; при всемъ своемъ изысканномъ краснорѣчіи польскому послу не удалось разубѣдить въ Шпейерѣ и Франкфуртѣ князей; курфюрсты сознавали, какъ важно было не дать русской торговлѣ перейдти въ руки англичанъ, голландцевъ и другихъ иностранцевъ. Всѣ торговыя конторы нѣмцевъ, говорили депутаты князей и ганзейскихъ городовъ, основываются на русской торговлѣ, новая русская контора явилась бы матерью всѣхъ прочихъ конторъ. На предложенія Гамбурга и Кельна — сосредоточить русскую торговлю въ одномъ изъ ливонскихъ городовъ, Любекъ отвѣчалъ, что основывать контору въ ливонскихъ городахъ невозможно потому, что они теперь во власти Польши и Швеціи, враждебныхъ Россіи державъ; торговцамъ пребываніе въ Ригѣ, Ревелѣ или другихъ пунктахъ не безопасно; къ тому же шведскій и польскій короли не допустятъ сношеній съ Россіей въ военное время. Въ виду этихъ соображеній всего выгоднѣе было бы основать контору въ Нарвѣ. Брауншвейгъ и Ростокъ присоединились къ взгляду Любека, возставалъ уже одинъ только Данцигъ, предлагавшій перенести всю восточную торговлю въ одну изъ ливонскихъ гаваней, чѣмъ бы сразу устранены были всѣ споры о Нарвѣ, которые, безъ сомнѣнія, возобновятся въ ближайшемъ будущемъ. Города и князья все рѣшительнѣе высказываются за то, чтобы открытою силою добиться свободы торговыхъ сношеній съ Россіей.

Смуты, поднявшіяся въ Польшѣ вслѣдствіе прекращенія тамъ династіи, привлекли къ себѣ вниманіе всѣхъ сосѣднихъ государствъ, и о притязаніяхъ Любека всѣ точно забыли: они всплываютъ наружу только въ 1575 и слѣдующихъ годахъ.

Послѣ смерти Сигизмунда II Августа въ Польшѣ возникъ сильный антагонизмъ между Малой и Великой Польшей. Партіи группировались около двухъ человѣкъ, Якова Уханскаго, архіепископа гнѣзненскаго, и Якова Фирлея, воеводы краковскаго и сендомирскаго, великаго маршала королевства. Избирательный сеймъ походилъ на военный лагерь передъ битвою, въ Варшавѣ собралось по случаю выборовъ 40.000 вооруженныхъ людей. Для Польши настали тяжелые годы, время частыхъ сеймовъ, господство партій, внутреннія

интриги. „Анархія господствовала въ полной силѣ", что вмѣстѣ съ матеріальнымъ паденіемъ Польши не могло не отразиться и на внѣшней политикѣ. Для польскаго королевства настала „минута сиротства". Всѣ политическіе факторы сѣверной Европы были заинтересованы въ вопросѣ объ избраніи новаго короля Польши; этотъ вопросъ усложнялся еще и вслѣдствіе религіозной раздвоенности Польши: одни, какъ Станиславъ Карнковскій, поддерживали католическихъ кандидатовъ, другіе протестантскихъ. Папскій нунцій Коммендоне прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы поддержать единство среди католиковъ и усилить рознь среди протестантовъ, представлявшихъ пестрое смѣшеніе разныхъ ученій и сектъ. Междуцарствіемъ рѣшили воспользоваться прусскіе города — Данцигъ, Эльбингъ и Торнъ, а также и Рига, чтобы какъ можно дороже продать свое согласіе новымъ кандидатамъ, возстановить подъ собою почву независимости и свободы [1]). Кандидатами на польскій престолъ явились— императоръ габсбургскій, Генрихъ Валуа, герцогъ саксонскій, король Швеціи и наслѣдникъ его, герцогъ прусскій и московскій царь.

Императоръ Максимиліанъ II отправилъ въ Польшу пять пословъ, которые должны были склонить въ пользу австрійскаго кандидата польскую знать [2]), нѣкоторымъ же вельможамъ онъ собственноручно писалъ объ этомъ. Своимъ посламъ императоръ предписалъ раздѣлиться такъ, чтобы каждый дѣйствовалъ въ одной изъ пяти провинцій королевства. Кромѣ этихъ пяти пословъ, въ Польшу ожидался и чрезвычайный посолъ императора [3]). Австрійскій домъ не пользовался однако расположеніемъ поляковъ [4]); одною изъ причинъ этого нерасположенія приводятъ тотъ фактъ, что императоръ вопреки интересамъ Польши отстаивалъ свободу нарвской навигаціи, требовалъ отъ Іоанна шведскаго, чтобы онъ прекратилъ стѣсненія въ нарвскомъ фарватерѣ. Покойному королю эти письма доставляла его сестра-королева; знали польскіе вельможи и о томъ, что императоръ скло-

---

[1]) Riga principal citta di Liuonia — per sui adesso non uuol consentire all' Unione anzi piu tosto uuol rendersi al Moscouito, et questo bisogna prouedere et è stato la causa che il Moscouito fatto brusciare tanti castelli allo Magnus fratello del Re di Dania li quali erano della Maesta sua. Danczko, Toron, Elbinga— queste tre terre principale non uogliono esser obediente al Regno.

[2]) Ватик. Nunz. di Polonia.... per preoccupare gl'animi et che ad alcuni di quei signori haueua anco scritto di sua mano, et diuiso fra questi cinque le prouincie.

[3]) Un Amb-ria di maggiore importanza et mi nomino anco le persone.

[4]) A l'incontro la casa d'Austria non trova gran fautori.

нялъ Ригу отпасть отъ Польши и признать надъ собою власть императора [1]).

Тѣ же вельможи усиленно поддерживаютъ кандидатуру Сигизмунда шведскаго и герцога прусскаго, чтобы за ихъ малолѣтствомъ управлять страною и сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть [2]).

Съ громадными обѣщаніями отъ своего короля явились въ Польшу послы Генриха анжуйскаго, стремленія котораго стояли въ тѣсной связи со всею программою Франціи уничтожить испанскую гегемонію. Никто лучше Альбы не видѣлъ этихъ стремленій Франціи. Такъ, послѣ Варѳоломеевской рѣзни, когда католики ликовали, Филиппъ II улыбался, а протестанты ожидали катастрофы, Альба заявлялъ королю, что вся цѣль Екатерины состояла въ томъ, чтобы отстранить адмирала Колиньи, что съ его исчезновеніемъ она снова вернется къ своей политикѣ до св. Варѳоломея, къ политикѣ анти-испанской, будетъ искать скорѣйшаго осуществленія брачнаго союза съ Англіей, дипломатическаго сближенія съ Турціей и протестантскими князьями и утвержденія своего сына на польскомъ престолѣ [3]).

Оставляя въ сторонѣ всѣ тѣ широкія привилегіи и льготы, какъ политическія, такъ и религіозныя, какія Генрихъ обѣщалъ шляхтѣ, выдвинемъ одинъ пунктъ, любопытный для нашей темы. Послы Генриха должны были обѣщать Польшѣ содѣйствіе своего правительства для уничтоженія нарвскаго плаванія [4]), усмиренія Даніи и утвержденія Польши на Балтійскомъ морѣ. О датскомъ королѣ католики уже раньше замѣчали, какъ много вредилъ онъ Польшѣ задержкою торговыхъ судовъ и помощью, какую онъ оказывалъ московскому царю; поэтому будущему королю Польши надлежало имѣть наготовѣ достаточное количество военныхъ судовъ, для огражденія торговли

[1]) .... una mala satisfattione presa da alcuni signori Polacchi de l'Imperatore per certe lettere scritte al Re di Suetia ne le quali l'essorta a mantenere la nauigatione Neruica contra i Polacchi, le quali lettere sono state mandati da la Regina di Suetia in Polonia al Re suo fratello, et furono uedute da molti. Et la città di Riga in Liuonia mando parimente alcune altre lettere per le quali l'Imperatore l'essortaua a mantenersi in fede de l'Imperio. Ватик. арх. Во Флор. арх. Filza 314: Discorso sopra la nuoua elettione da farsi del Re di Polonia.... Li Tedeschi obsta il poco amore, il quale è fra Natione Tedesco et la Polaccha.

[2]) Anton Maria Gratiani кардиналу Комо. Di Vienna, 28 di luglio. 1572. Ват. арх.

[3]) Ср. *Le Comte de la Ferrière*, l'Election du duc d'Anjou au trone de Pologne, Revue des q. hist. 1888. Ср. The polish Interregnum. Wisbet *Bain*, English Hist. Rew. 1889 Oct.

[4]) di far cessare con consenso del Re di Dania la Nauigatione in Moscouia.

своихъ будущихъ подданныхъ [1]). Французская дипломатія, столь наблюдательная и чуткая къ интересамъ своего правительства, знала о враждебныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между Даніей и Польшей съ самаго штеттинскаго мира, почему и подчеркивала съ особенною старательностью желаніе герцога анжуйскаго—прежде всего разрѣшить этотъ нарвскій вопросъ; финансовый кризисъ Польши ставили въ зависимость отъ враждебныхъ отношеній къ Даніи [2]).

Восхваляя своего короля, выдвигая его воинственность Монлюкъ говорилъ, что онъ прежде всего отстоитъ самостоятельность Ливоніи, на свои средства построитъ флотъ для защиты экономическихъ интересовъ Польши на Балтійскомъ морѣ [3]).

Въ своихъ памфлетахъ Монлюкъ съ особенною подробностью распространялся о морскихъ силахъ Франціи, о ея галерахъ и корабляхъ; Франція сама будетъ заинтересована въ морской торговлѣ поляковъ, станетъ ей всѣми мѣрами покровительствовать и содѣйствовать. Важно, что и многіе Ганзейскіе города—подъ покровительствомъ Франціи (погрѣшность усерднаго дипломата по отношенію къ исторической вѣрности: до XVIII столѣтія ни одинъ ганзейскій городъ не признавалъ надъ собою суверенитета Франціи), что, поэтому, они дружески отнесутся къ польскимъ торговцамъ [4]).

Подобными заявленіями Монлюкъ и другіе многочисленные агенты французскаго кандидата достигли своего: депеши, приходившія изъ Польши во Францію, свидѣтельствовали объ исключительномъ расположеніи вельможъ къ герцогу анжуйскому и о рѣшеніи ихъ подать единодушно за него голосъ [5]). Много помогали дѣлу деньги, под-

---

[1]) Proposte fatte questo di XII Marzo nella dieta di Varsauia. 1572. Il Re di Danimarca fa tanto dispiacere alli Vasalli della Maesta sua, intertiene li passagieri li quali vengono di diuersi paesi con le naui cariche di Mercantie in Danzico et da aiuto al Moscouito, che hauerà il porto di Mare, per il fiume Narua in Moscovia. Bisogna trouar il modo che la Maesta sua potesse tener l'armata nauale delle galere per potersi diffender da quel nemico.

[2]) Qui non si trouan dinari, essendo cessato il comertio di Danzich per la guerra di Dania et li mercanti, su la morte del Re di Polonia, hanno rimesso fuori del Regno tutto quello che hanno potuto. Ват. арх.

[3]) *Вержбовскій*, 16.

[4]) *Трачевскій*, 316.

[5]) Bibl. de l'Inst. de France t. 258, Brulart à Henri III, 3 Mai..... et comme pour le regard de Poloigne elles (les depeches) contiennent tousiours a Votre faueur et en bonne esperance estant la Noblesse resolue de donner sa voix chacun particulierement en lelection contre ce que lon auoit essayé de reduire les choses aux voix de peu de personnes.

купы; упорствовали еще только литовцы, стоявшіе за габсбургскаго кандидата [1]). Противъ московскаго кандидата говорили два обстоятельства: вопервыхъ, принадлежность его къ православной церкви и затѣмъ постоянная вражда его съ Польшей, у которой онъ отнялъ два литовскихъ княжества; польская знать, къ тому же, боялась, чтобы царь по деспотической натурѣ своей не умалилъ ея вольностей, не подчинилъ ее самодержавной власти. Противъ избранія царя дѣятельно возставали и султанъ турецкій и германскій императоръ; ни тотъ, ни другой не желали имѣть своимъ непосредственнымъ сосѣдомъ могущественнаго царя, въ особенности же не желалъ избранія царя султанъ, изъ опасенія, какъ бы его православные подданные, опираясь на помощь единовѣрнаго имъ царя, не подняли возстанія и не скинули съ себя турецкаго господства. Въ виду этого, говорится въ одномъ политическомъ разсужденіи, султанъ и помогалъ Польшѣ противъ Москвы во все время войны ихъ.

За царя стояла Литва. Выгодныя стороны избранія его авторъ выше цитированнаго разсужденія видитъ въ слѣдующемъ: легко будетъ достигнуто совершенное слитіе Литвы съ Польшей, у русскихъ и поляковъ родство въ языкѣ и въ характерахъ, у нихъ общіе враги—татары и австрійскій императоръ, не покидающій своихъ притязаній на Ливонію [2]); царь очень богатъ и „неоднократно выражалъ желаніе перейдти въ католичество и соединить православную церковь

---

[1]) Флор. арх. Di Varsouia, 16 aprile 1573.... Francesi sotto nomo di Polachi han fatto fare et fanno ancora gran quantita d'argenti per presentarli fra nobili et saffatigano con ogni arte, guadagnarsi gli animi loro ne mancano alla loro causa proccurano di più aquistare i Lituani i quali si mantengono constanti per casa d'Austria, et hanno francesi con modi et uie sottili tentato et tentono tirarli nella loro sententia, ma in uano si affatigano.

[2]) Флор. арх. Discorso.... Al Moscouito obsta l'esser stato nemico perpetuo della Corona et hauerla offesa, con hauerla spogliata di due ducati in Littuania, l'esser di Religione Greca, et l'esser reputato di natura acerba, et tirannica, onde insolentemente domina, et tratta male la Nobilta.

Obstarangli ancora quanto potranno l'Imperatore et il Turco: ciascuno de quali teme grandemente hauerlo uicino, massimamente il Turco; imperciocheuerrebbe à confinare con un Principe potentissimo, valoroso et bellicoso, che per esser della Religione Greca, sarebbe attissino à commoueri popoli della Grecia, cosa grandemente tenuta da lui, che per questo timore nella guerra stata fra Moscouiti et Polacchi: Hà sempre offerto à Polacchi aiuti grandissimi benche da essi siano stati prudentemente ricusati... et anco a l'Imperatore sarebbe formidabile la uicinità del Mosco, tanto piu essendoli aperto nemico, hauendo il detto Mosco occupato gran parte della Liuonia, prouintia già dell'Imperio.

съ католической" [1])—мысль пущенная въ ходъ еще со времени Шлитте. Когда уже на избирательныхъ преніяхъ обнаружилось, что большинство склоняется на сторону Генриха анжуйскаго, его братъ Карлъ IX вошелъ въ дипломатическіе переговоры съ многими нѣмецкими князьями съ тѣмъ, чтобы и они помогли дѣлу. Такъ Карлъ отправилъ посла къ ландграфу гессенскому, Казиміру пфальцскому и Іоанну Вильгельму саксонскому, прося ихъ склонить на сторону французскаго кандидата польскихъ протестантовъ. Шомбергъ (такъ звали французскаго посла) долженъ былъ представить нѣмецкимъ князьямъ, какая опасность предстоитъ имъ, если только перевѣсъ будетъ на сторонѣ Габсбургскаго кандидата. Австрійскій домъ еще больше усилится [2]). Генрихъ анжуйскій самъ отправилъ въ іюлѣ 1573 года посла къ нѣмецкимъ князьямъ, который долженъ былъ увѣрить послѣднихъ, что Генрихъ все стараніе приложитъ къ тому, чтобы поддержать дружбу Польши съ нѣмецкими князьями, тѣснѣе слить ихъ интересы и постоянно имѣть въ виду „благо всего христіанства" [3]).

На варшавскомъ сеймѣ каждый претендентъ чрезъ своихъ пословъ снова выдвигалъ преимущества, связанныя съ его избраніемъ. Императорскіе послы обѣщали полякамъ уладить недоразумѣнія съ Даніей, освободить торговлю и плаваніе по Балтійскому морю отъ всякихъ стѣсненій, понизить, а впослѣдствіи и вовсе уничтожить пошлины на иностранное вино, защитить Польшу отъ турокъ и т. д. Споры изъ-за Пруссіи и Ливоніи сами собою разрѣшатся, какъ скоро Габсбургъ займетъ польскій престолъ.

Французскіе послы говорили въ еще болѣе рѣшительномъ тонѣ о твердомъ рѣшеніи Генриха тотчасъ же по прибытіи въ Польшу, послѣ привѣтствія, двинуться въ Ливонію, воевать съ царемъ, за-

---

[1]) Di unirsi con la Chiesa latina.

[2]) Paris, Bibl. Nat. Lettre du Roy à M-r de Schomberg. Luy ordonne de uoir les Duc Casimir Landgraue de Hesse, le Comte Palatin et le Duc Iean Guillaume de Saxe pour les inuiter a escrire en Pologne aux Protestans, en faueur pour l'Election de Mr. d'Anjou, ayant esté dit à sa M. quil la seruirait beaucoup l'inuite d'y apporter tous les soins. 17 Mars, Fontembleau. (№ 15967). Lettre du Roy à Mr. de Schomberg.... estant en Allemagne... sur... lelection du Roy de Pologne. 21 Aur. 1573: affin de faire en sorte que les Princes protestans d'Allemagne escriuissent aux Religionnaires de Pologne en faueur de M-r d'Anjou.

[3]) Bibl. Nat., Il (Henry) ne sera pas seullement obseruateur des anciens traictez et alliances qui sont entre les princes et estats de la Germanye, mais les liera dung plus estroict lien et ne fera aucun acte que de Prince qui est entier zelateur du bien commun et vniuersel de toute la crestienté.

вести флотъ на Балтикѣ и поставить польскую торговлю на одну ногу съ французской.

Въ рѣчи шведскаго посла главное вниманіе обращено было на московскій вопросъ, „на эту историческую тяжбу между двумя возникавшими великими державами на сѣверѣ Европы“ [1]). Соединенныя силы Польши и Швеціи легко отразятъ напоръ московитовъ, разрушатъ ихъ военныя полчища и заставятъ очистить Ливонію. Въ особой запискѣ, распространенной шведскими агентами въ Польшѣ, указывалось на вредъ для Польши отъ нарвской торговли, отъ которой только усиливается московитъ, которая погубитъ Польшу, Пруссію Литву и Ливонію. Соединенныя силы шведовъ и поляковъ отнимутъ у Москвы Ливонію и всѣ земли до самаго восточнаго моря.

Отъ московскаго царя посольства не было на варшавскомъ сеймѣ. Въ одномъ современномъ донесеніи говорится, что онъ точно ожилъ и съ необычайною страстью отдался войнѣ; онъ желалъ избранія своего сына въ короли польскіе и, по словамъ одного современника, былъ увѣренъ въ успѣхѣ его, въ виду того, что сынъ его въ угоду полякамъ перешелъ въ латинство.

Въ началѣ сейма цѣлую недѣлю только и было рѣчи что объ избраніи московскаго царевича, его имя было въ устахъ всѣхъ; къ апрѣлю его репутація однако пала, о немъ никто болѣе не говоритъ, его приверженцы точно исчезли. Въ маѣ почти всѣ голоса соединились за Генриха; въ два дня за него подписалось 34.000 голосовъ [2]). Была надежда, что выборы окончатся къ Троицѣ.

---

[1]) *Трачевскій*, 426. Ср. *Ahlqvist*, Om aristokratiens förhållande till konungamakten under Ioh. III-s. reger., 1866, стр. 79 и д.

[2]) См. Акты, № 70, стр. 153. Ср. Bibl. Nat. 1573 a 5 daprile, Giorno di Domenica. Sommaire de ce que les Ambassadeurs qui sont pres les Electeurs de Pologne leur ont proposé à leur derniere Audiance sur l'Election du Roy de Pologne.

Объ императорскихъ послахъ: Promissero poi far ogni opera di acommodar le differentie con il Re di Dania, la nauigatione et ogni altra difficulta con lettere maritime di Germania e ancho con limperio e le pretensione di quele parti di liuonia et di prussia che tiene quel Regno.... Тамъ-же, Relation de la premiere assemblée pour l'election d'un Roy de Pologne. Varsouia, 23 Aprile 1573. „Gia otto giorni il Moscouito era in gran consideratione et in bocca di tutti li nobili. Hora e cascato di reputatione et a pena se ne parla“.... Si tien per fermo che alle Pentacoste haueremo Re, et sono in predicamento il Moscouito, Monsignor Dangiou, fratello del Re di Francia et il Principe Ernesto, et al sicuro sara Re vno de queste tre. Тамъ-же. Di Viena, 20 di Maggio 1573.... Il Moscouito non hebbe quasi niuna parte... Fu sottoscritta questta elettion (Генриха) in duoi giorni di mille 34 nobili poi da tutti.

Въ одной любопытной брошюрѣ на французскомъ языкѣ приводятся причины, почему въ Польшѣ необходимъ король; авторъ выдвигаетъ въ защиту своего воззрѣнія слѣдующія соображенія. Внутреннія раздоры между многочисленными партіями въ Польшѣ могутъ быть устранены только королемъ; король поможетъ Польшѣ выйдти изъ крайней финансовой нужды, въ какой страна находилась; король защититъ Польшу отъ многихъ внѣшнихъ враговъ ея, онъ искоренитъ и множество сектъ и религіозныхъ ученій, заставитъ замолкнуть разныя мелкія дрязги и интриги шляхты. Всего этого можетъ достигнуть король съ властью, а не связанный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ всесильною шляхтою[1]).

26-го января 1574 года новый король Польши Генрихъ анжуйскій вступилъ въ Польшу,—король скрытный, лукавый, безъ убѣжденій, безъ принциповъ, безъ религіи. Первымъ дѣломъ его должно было быть заручиться дружбою Германіи, Даніи и Швеціи; отъ этого зависѣло, по мнѣнію одного француза, все будущее Польши и ея новаго короля. Карлъ IX, чтобы обезпечить за нимъ путь въ Польшу черезъ Германію, пересылался со всѣми нѣмецкими князьями, прося ихъ дать его брату свободный проѣздъ; король посылалъ ему 4.000 гасконцевъ, которые должны были оберегать его особу[2]).

---

[1]) Парижъ, Bibl. Nat. Sentiment d'un particulier touchant les affaires de la Pologne après le partement du Roy Henry de Valois. 1574. Chiedemi, V. S. Car-ma ch'io gli dica il mio parere circa le cosse di Polonia presuponendo ch'io come praticha di quei paesi, in quai son stato qualche tempo cognosca quei humori, ma forse restara ingannata, non dimeno per obedirla farò quanto mi comanda, non patto pero che non lasci ueder questo mio discorso ad alcuna persona, per che molti si crederebeno ch'io ò per maleuolentia ò per passione hauesse scritto di questa maniera, ma solo iddio ch'e testimonio di queste mie parole di dirli senza alcuna passione. Вотъ 5 пунктовъ, выдвигаемыхъ авторомъ. 1) perche la Polonia da alcun tempo in qua e cresciuta in tante parti et discordie fra S-ri et principali et nobili, che non è bastante alcuno, eccetto ch'il Re a ritenergli ò rastehargli che non si amazzino fra loro et mandino in total ruina quel Regno. 2) ....quel Regno in effetto è pouero, però non possano quei ss-ri Principali mezani et plebe trattenersi ad alcuna maniera senza l'aiuto del Re. 3) Hanno molti nemici confinanti che spessogli, infestano, da quale alcuno Palatinato da se non è bastante à difendersi senza l'aiuto del Re. 4) La Religione e diuisa in più parti, le qualli senza la presentia del Re facilimente un giorno sariano la ruina del Regno, come sono statte et sono d'alcun altro. 5) Vi sono anche infinite altre discordie et virluppi che senza la Presentia del Re non si possano suiluppare.

[2]) Du Roy Charles IX au Roy de Pologne Henry III, 1-er juin 1573. Monsieur mon frere, Encores que nous se soyons resollus du chemyn que vous tiendrez pour aller en vostre Royaume, touteffois par ce qu'il est besoing de faire partir le plus

21-го января Генрихъ былъ коронованъ, 18-го іюня онъ бѣжалъ изъ Польши, проведя въ ней не полныхъ пять мѣсяцевъ.

Еслибы Генриху удалось удержаться на польскомъ престолѣ и еслибы Франціи удались ея попытки, тогда же сдѣланныя, поддержать недовольные элементы во Фландріи, она одержала бы и военную и дипломатическую побѣду надъ обѣими линіями Габсбургскаго дома [1]).

Отношенія Франціи къ сѣвернымъ, скандинавскимъ и ливонскимъ событіямъ принимаютъ съ 1575 года совершенно иной характеръ; если прежде замѣчалось нѣкоторое расположеніе къ Швеціи, то теперь напротивъ: узнавъ о дипломатическомъ сближеніи Испаніи съ Іоанномъ III, Франція являетъ энергическое заступничество Даніи вездѣ, гдѣ только представляется возможность. Отзывы французскихъ дипломатовъ о Фридрихѣ II самые восторженные, тогда какъ Іоанна они иначе не называютъ, какъ государемъ весьма слабымъ и недалекимъ; имъ въ Швеціи недовольны, и французскіе дипломаты предсказывали новый дворцовый переворотъ въ Стокгольмѣ. Фридрихъ рѣдко съ такой энергіей помышлялъ объ активной политикѣ въ Ливоніи, какъ послѣ смерти послѣдняго Ягеллона. Ревелемъ онъ рѣшилъ завладѣть, чего бы это ему ни стоило; въ королевствѣ дѣятельно готовились къ войнѣ, набирали кнехтовъ, приготовляли флотъ, запасались провіантомъ. Для французской дипломатіи сближеніе Испаніи съ Швеціей дѣлало абсолютно необходимымъ тѣснѣйшее политическое единеніе Франціи съ Даніей; если, говорили въ Парижѣ, Данія до сихъ поръ не обнаруживала особеннаго желанія дѣйствовать за одно съ Франціей, то это объясняется тѣмъ, что враги Франціи настраивали ее враждебно къ ней. Теперь французскій кабинетъ долженъ добиться сближенія съ Даніей, долженъ обѣщать ей помощь, дабы не дать Испаніи возможности утвердиться въ Зундѣ. Былъ у французскихъ дипломатовъ и другой планъ, убѣдить свое правительство въ союзѣ съ Даніей добиться прочной позиціи въ Ливоніи. Плодородіе этой области, прекрасныя торговыя условія, изобиліе лѣса—все это дѣлало Ливонію заманчивымъ пріобрѣтеніемъ. Ливонія подъ протекторатомъ Франціи представила бы подобіе Пруссіи, признающей верховенство Польши.

---

tost que faire se pourra les quatre mille gascons qui vous sont demandez, je prepareroi les princes par les pais desquels vous auez a passer soyt par mer ou par terre a vous accorder le passaige.

[1]) *De Noailles*, II, 40. Объ отношеніяхъ Генриха къ Данцигу, ср. Акты, I, № 75.

Идея объ утвержденіи въ Ливоніи такъ заняла французскихъ дипломатовъ, что они выискивали всякіе пути къ достиженію его. Еслибы это не удалось въ союзѣ съ Даніей, необходимо обратиться къ Швеціи, соединиться съ ней брачными узами, напримѣръ, женивши одного изъ Валуа на шведской принцессѣ. Въ Ливоніи Франція имѣла бы превосходное орудіе противъ Испаніи; на случай войны съ ней Франція закрыла бы доступъ нидерландскимъ купцамъ въ Данцигъ и другіе хлѣбные рынки востока. Новые политическіе образы предстали разгоряченной фантазіи французскихъ дипломатовъ-прожектеровъ: въ будущемъ Франція могла явиться съ своими притязаніями на шведскій престолъ и возможно было такое положеніе вещей, что весь сѣверъ Европы признавалъ бы протекторатъ Валуа.

Въ цѣломъ рядѣ разсужденій французскіе дипломаты разсматривали и pro и contra ливонскаго проекта. Сначала они разсматривали вопросъ, какъ быть новому властелину Ливоніи—Валуа, если ему одновременно придется вести борьбу и съ Москвою, и съ Швеціей; все стараніе слѣдуетъ въ такомъ случаѣ приложить къ тому, чтобы Швецію вовлечь въ антимосковскую коалицію и дружно ударить на московитовъ въ союзѣ съ Швеціей и Польшей. Обѣщаніе польскаго короля Генриха Валуа не заключать перемирія съ Москвою безъ участія Швеціи въ свое время произвело весьма благопріятное впечатлѣніе на Іоанна шведскаго, и можно надѣяться, что, держась этого обѣщанія и теперь, новый герцогъ или король Ливонскій можетъ вполнѣ расчитывать на дружелюбіе Іоанна. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что шведскій король въ большомъ финансовомъ затрудненіи, онъ не въ состояніи платить жалованья наемникамъ, задолжалъ имъ, а въ ихъ рукахъ всѣ главнѣйшія крѣпости Ливоніи, кромѣ Ревеля; оказавъ королю помощь, можно уже совершенно увѣренно положиться на его дружелюбіе. Далѣе — еще неизвѣстно, удовлетворится ли Генрихъ III пріобрѣтеніемъ для принца Валуа той части Ливоніи, которая принадлежала Швеціи, или онъ захочетъ передать ему и то, чѣмъ онъ самъ владѣлъ, бывши польскимъ королемъ; затѣмъ—будетъ ли онъ согласенъ сдѣлать принца ленникомъ короля или королевства Польскаго. Все это заставляло дипломатовъ строить рядъ гипотезъ. Они не думали, чтобы польскій король имѣлъ право передавать свои ливонскія владѣнія кому бы то ни было безъ согласія на то польско-литовскаго сейма; если же онъ и имѣлъ это право, то едва ли бы онъ рѣшился имъ воспользоваться, зная, что такая мѣра

нанесла бы смертельную обиду полякамъ. Но и тутъ возможенъ дипломатическій маневръ, шведскій король можетъ помочь дѣлу: пусть онъ начнетъ съ указанія, какія большія затраты были сдѣланы имъ во время борьбы съ Даніей и для защиты Ливоніи отъ московитовъ, съ которыми онъ долгое время воевалъ, не получая ни отъ кого помощи; не будучи въ состояніи дольше защищать Ливонію, онъ готовъ уступить ее польскому королю, съ правомъ передать ее кому онъ считаетъ выгоднымъ или необходимымъ. Король тогда займется защитою Финляндіи, польскій же король защитою Ливоніи. Но такъ какъ и Польшѣ одной не справиться съ царемъ, то всего лучше было бы возстановить прежнее ливонское государство, соединить въ одно цѣлое всѣ его разрозненныя части и передать его шурину шведскаго короля, принцу Валуа на „приличныхъ условіяхъ". Если же сословія Польши не согласятся на такую комбинацію и оставятъ шведскаго короля одного бороться съ Москвою, какъ они „легкомысленно" дѣлали это до сихъ поръ, то Іоаннъ долженъ „напрямикъ" заявить имъ, что онъ рѣшилъ передать свои ливонскія владѣнія московскому царю съ правомъ на герцогство Литовское и другія польскія области.

Такая программа дѣйствій предлагалась шведскому королю.

Самъ Генрихъ III также долженъ былъ обратиться къ Польшѣ—Литвѣ съ указаніемъ на то, что до сихъ поръ радѣетъ объ ихъ интересахъ и о сохраненіи Ливоніи отъ московитовъ, почему и сдался на просьбу шведскаго короля, неоднократно обращавшагося къ нему еще въ то время, какъ онъ былъ королемъ Польши, съ предложеніемъ женить на шведской принцессѣ своего брата и принять отъ него, шведскаго короля, всѣ его ливонскія владѣнія. Такое рѣшеніе ливонскаго вопроса—Генрихъ не сомнѣвается въ этомъ—будетъ пріятно и Польшѣ и Литвѣ, такъ какъ, вѣдь, отъ судьбы Ливоніи зависитъ отчасти и ихъ спасеніе, и ихъ безопасность. Генрихъ охотно приложитъ свои старанія къ такому рѣшенію ливонскаго вопроса, которое было бы наивыгоднѣйшимъ для Польши и обезпечило бы благо всего христіанскаго міра.

Если Генрихъ III и Іоаннъ шведскій одобрятъ новый планъ, то они уже оба вмѣстѣ могутъ болѣе настойчиво требовать его выполненія у Польши и Литвы; поэтому прежде всего, по мнѣнію усердныхъ дипломатовъ, слѣдуетъ покончить съ бракомъ французскаго принца на шведской принцессѣ и прійдти къ соглашенію относительно шведской части Ливоніи; французскіе дипломаты думали, что

тутъ безъ денежныхъ пожертвованій со стороны Франціи не обойдется. Затѣмъ, французскому правительству надлежало имѣть двухъ постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ, одного въ Польшѣ, другаго въ Пруссіи, чтобы и прусскіе города обезпечить за собою; эти два агента должны находиться въ постоянной перепискѣ другъ съ другомъ и дѣйствовать согласно выгодамъ французскаго проекта. Пообѣщавъ рядъ привилегій Пруссіи, Франціи слѣдуетъ указать и герцогу, и городамъ, что, какъ скоро польскій король передалъ бы кому-нибудь Ливонію и освободился отъ тяжкой зависимости изъ-за нея воевать съ Москвою, положеніе Пруссіи сразу стало бы выгоднѣе, прекратились бы и налоги, и поборы, мотивомъ которыхъ Польша постоянно выставляетъ необходимость защищать Ливонію. Пруссіи можно было бы обѣщать, что новый владѣтель Ливоніи съ своей стороны всегда будетъ блюсти интересы Пруссіи. Прусскій герцогъ и города въ виду такихъ комбинацій не откажутся дать Франціи въ займы извѣстное количество денегъ по умѣреннымъ процентамъ и съ вѣрнымъ и надежнымъ обезпеченіемъ въ видѣ нѣсколькихъ крѣпостей въ Ливоніи; какъ скоро въ рукахъ Пруссіи окажутся нѣсколько ливонскихъ крѣпостей, она сама будетъ въ гораздо большей степени заинтересована ливонскими дѣлами, нежели до этого. Получивъ деньги взаймы отъ Пруссіи, слѣдуетъ тотчасъ же отдать ихъ Швеціи и вступить во владѣніе Ливоніей; за этимъ уже успѣшно выполнятся и остальныя детали заманчиваго ливонскаго проекта. Еслибы почему нибудь у Пруссіи нельзя было получить взаймы денегъ, то король можетъ смѣло обратиться къ купцамъ Нормандіи и Бретани, къ городамъ Парижу, Орлеану, Ларошелю и другимъ, имѣющимъ торговыя дѣла съ Россіей, объявить имъ, что онъ, государь Ливоніи и Ревеля, нуждаясь въ 100.000 экю для упроченія за своимъ домомъ этихъ владѣній, проситъ ихъ доставить ему эту сумму, или быть поручителями въ ней,—и всѣ они съ удовольствіемъ исполнятъ просьбу короля. Король можетъ объявить имъ, что только тѣ города, которые согласятся помочь ему, получатъ право торговать съ русскими. Какъ скоро окончится московская война, и Ливонія нѣкоторое время будетъ пользоваться миромъ, государь ея станетъ извлекать изъ нея большіе доходы. Два три года ему придется пособлять жителямъ и брать съ нихъ лишь столько, сколько будетъ необходимо для содержанія солдатъ, которые будутъ находиться въ главныхъ крѣпостяхъ страны; по мнѣнію французскаго дипломата, для защиты крѣпостей достаточно будетъ двухсотъ

или трехсотъ французскихъ солдатъ. На первое время можно было бы назначить въ Ливонію губернатора съ небольшимъ содержаніемъ; онъ бы собралъ свѣдѣнія о новыхъ владѣніяхъ Франціи, обѣщалъ жителямъ правильный судъ, сказалъ имъ, что государь его такъ любитъ ливонцевъ, что разрѣшаетъ имъ въ продолженіе двухъ лѣтъ пользоваться всѣми доходами ихъ земли и не будетъ отъ нихъ ничего требовать. Когда о такой мягкости французскаго правительства узнаютъ сосѣдніе города, угнетаемые жестокими и скупыми правителями, то они запросятъ подданства принца. Плодородіе Ливоніи привлечетъ туда множество французскихъ колонистовъ; не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ 10.000 человѣкъ переселятся туда.

Такъ какъ весь проектъ стоитъ въ зависимости отъ новаго короля Польши, то французское правительство должно всѣми мѣрами воспрепятствовать избранію Габсбургскаго принца или московскаго царевича; есть основаніе думать, что Польша не захочетъ оскорбить соединенныя договоромъ Францію, Швецію, Пруссію и Ливонію. Положеніе французскаго принца совершенно упрочится въ Ливоніи, если судьба поможетъ ему занять и шведскій престолъ, на что есть надежда, такъ какъ у короля Іоанна всего одинъ сынъ и одинъ братъ, а въ Швеціи нѣсколько враждебныхъ партій; шведы, конечно, охотнѣе избрали бы родственнаго имъ французскаго принца, нежели иностранца. То-же можно предположить и относительно Польши, гдѣ престолъ избирательный. Ливонскому государю и королю Швеціи слѣдуетъ держаться одной политики по отношенію къ Москвѣ: жить съ нею въ мирѣ или вмѣстѣ воевать съ нею. Въ первомъ случаѣ вся русская торговля будетъ зависѣть отъ союзниковъ, а такъ какъ шведы народъ не торговый, то всѣ выгоды восточной торговли сосредоточатся въ рукахъ французовъ. На случай войны съ царемъ, оба союзника должны склонить къ общимъ дѣйствіямъ и Польшу, и Литву, и Пруссію, указавъ имъ, что лучше защищаться всѣмъ вмѣстѣ, нежели отдавать себя одинъ за другимъ на явную погибель.

Владѣніе Ливоніей и дружескія отношенія къ Швеціи и Пруссіи—полезнѣе для Франціи, нежели десять польскихъ королевствъ.

Теперь все дѣло въ томъ, такъ заключаетъ нашъ дипломатъ свой проектъ, чтобы ясно представить королю и королевѣ Франціи важное значеніе родства съ Швеціей и соединенныя съ нимъ выгоды для Франціи. Если ихъ величества благосклонно отнесутся къ проекту, то я (Дансэ) надѣюсь, что могу быть имъ полезнымъ, если имъ угодно будетъ довѣрить выполненіе проекта мнѣ. Все предпріятіе

должно быть ведено съ большою предусмотрительностью и осторожностью и до поры до времени держаться въ секретѣ.

Дансэ, передавшій и подробно развившій свой ливонскій проектъ секретарю Генриха III, Пинару, отправлявшемуся въ Швецію для переговоровъ о бракѣ герцога d'Alençon на Елизаветѣ Ваза, надѣялся на содѣйствіе себѣ нѣсколькихъ ливонскихъ прожектеровъ, какъ Конрадъ Икскулль, Фридрихъ Спедтъ и др. Это были искатели приключеній, для которыхъ политика являлась ремесломъ; свои услуги они предлагали тѣмъ, кто дороже вознаградитъ ихъ, а французское правительство щедростью своихъ пенсій и подкуповъ прослыло за очень богатое. Ливонскіе прожектеры распространяли всякаго рода сенсаціонныя извѣстія, сильно безпокоившія общественное настроеніе; такъ какъ оба они стояли въ близкихъ отношеніяхъ одинъ къ герцогу прусскому, другой къ рижскому архіепископу, то иностранные дипломаты все принимали на вѣру; основываясь на ихъ показаніяхъ, они строили свои комбинаціи и проекты, и лучшимъ образчикомъ такихъ дипломатическихъ фантазій является французской проектъ о Ливоніи [1]).

Мечты Дансэ, которыя раздѣлялъ и Генрихъ III, были, разумѣется, совершенно неосуществимы; мы уже не разъ видѣли, какъ быстро составлялись коалиціи, какъ скоро обнаруживалось, что кто-нибудь грозилъ сдѣлаться единовластнымъ владѣтелемъ Ливоніи: то Данія съ Польшей соединялись для борьбы съ Швеціей, то Польша съ Швеціей для борьбы съ Даніей, Магнусомъ и Москвой; нѣтъ поэтому основанія думать, чтобы и противъ Франціи не составилась коалиція изъ скандинавскихъ государей и Польши. Родство съ Франціей ничего бы не значило, какъ это было позже съ родствомъ Баторія и Іоанна III: между ними готова была вспыхнуть война, еслибы не ловкое посредничество іезуита Поссевина.

Съ бѣгствомъ Генриха анжуйскаго изъ Польши [2]) въ ней начались

[1]) Ср. Handlingar rör. Skandinaviens Historia, XI. Dançay's Correspondance. Коп. арх. Livonica, 21: Spetten und Uxels instruction und werburg an den frantzosen, Liffland belangen, wie dem erbniderlanden der Sund vast abzustricken. См. *Mollerup*, Conrad Uexkull's und Fr. Spedt's Plan einer Eroberung Livlands durch Frankreich. Mittheilungen aus dem Gebiet der Geschichte Liv,—Est und Kurlands. XII. 1880.

[2]) Man ist alhier sehr bös französisch, Ahm vergangenen Donnerstage, da man Ascensionis Domini memoriam auf diese weise celebriret, vnd allezeit gewönlich, das man den Teuffel pflegt herunter von der Kirchen zuwerffenn hat man effigiem Henrici Regis auff die ort zugerichtett herunter geworffen, vnd ein wunderlich Spiel damit gehalten, woruber sich das Freulein Anna sehr lustig soll gemachen haben.

новыя избирательныя смуты, новыя дипломатическія интриги [1]). Главныхъ кандидатовъ было двое—императоръ Максимиліанъ и Іоаннъ московскій [2]); за перваго стояли польско-литовскіе магнаты, за второго шляхта [3]); первые представляли изъ себя однако самый слабый политическій факторъ; шляхта требовала конвокаціоннаго сейма, который и назначенъ былъ въ Варшавѣ 7-го ноября. И тутъ за Максимиліана стали сенаторы, духовенство и прусскіе города, съ его избраніемъ надѣявшіеся совершенно порвать свою зависимость отъ Польши. Голоса, не высказавшіеся за Габсбурга, сгруппировались около Пяста и другихъ кандидатовъ, среди которыхъ слышалось имя семиградскаго воеводы Стефана Баторія. Въ собраніи возникъ расколъ: сенаторы удалились и подъ стѣнами Варшавы объявили королемъ Максимиліана—12 декабря 1575 года. Шляхта, кричавшая, что не желаетъ, не допуститъ избранія нѣмца (vnnd soltes vns alle vnser leib

[1]) Много любопытныхъ данныхъ о нихъ въ Данц. арх. Acta Intern. IX. Tom. 25. 1575—1576. *Girs*, 14.

[2]) Wiewol auff den Moscowiter die aller meisten. Reiholdt Moller Данцигскому рату, 18-го ноября 1575, Варшава: ....Endtlich sol auch ein Moscowiterischer Goniez angekommen seynn, welchen jedermann hören wollen, jn hoffnung das ehr amplissimas conditiones mit sich bringen wurde, vnd sol so ein gedrengnus gewesenn seyn wie ehr zu dem Kolo gefuhrett, das einer für dem andern schwerlich stehen und zuhörenn können, Wie aber nichts vorhandenn gewesenn, ohne seyne entschuldigung, das ehr fur diesem seine bottenn jn die Crohn Poln nicht geschickett, vnd dan das noch ein Goniez vorhandenn, welcher fur den grosbotenn so zu Schmolensko auff der grentsenn lege, ein geleitt werbenn soltt, sein sie sehr vbel mit dem Moscowits zufriede gewesen, vnd dan das man mit etzlichen der h. woiewoden die sie also auffgesprenget ubel zufriede gewesen auch sie widerumb geurlaubett, der geringe Adel alhier aus der Masaw mitt hauffen daruon gemachett, welcher vns dieses morgens allein auff dieser strassen wol jn die 200 wegen begegenett, ohn die da gerittenn vnd zu fuss gegangenn, Alse das man nun vermeinett das es mit dem Moscoviter aus sey vnd ehr weit hinden werde stehen mussen.

[3]) Данц. арх. Und stehen die Rom. K. M. alhier fast bei allen grossen herrn vnd sonderlich den Littawen in bonis terminis. Die vom Adel aber wollen keiner weges ahn einen deudtschen Herrn, sondern ahn den Moscowiter, yhrer wenig in Gros Polen ansgenohmmen die mit der Keys. M. zufallenn. Въ другомъ донесеніи: es krieget einer alhier bald einen anhang, vornemlich wo stadtliche zusagen folgen, vnd es scheinet, das man dem Frantzosenn viel abgelernet hab. Шведскій посолъ, fast mit schimpff vnd verlachung soll sein gehörett worden, vnangesehenn das ehr nicht geringe conditiones vorgeschlagen. Предложенія маркграфа Ансбахскаго—plane ineptae et ridiculae, das ich (данц. посолъ) nicht gleuben kan, das sie von Jhrer f. g. her gekommen, sondern sonsten von spötteren erdichtett seyen. Der von Rosenberg hat auch noch seine partes, nicht weiniger der von Ferrara. Ср. *Ahlqvist*, 81.

vnnd leben kosten — такъ передаютъ данцигскіе депутаты слова шляхты), избрала Анну Ягеллонку, съ тѣмъ чтобы она вышла замужъ за Баторія. Итакъ, избрано было два короля, положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшилось.

Максимиліана призналъ и Іоаннъ Московскій. Императоръ отправилъ къ нему пословъ, заставшихъ его въ Можайскѣ [1]). Іоаннъ Кобентцль и Давидъ Принцъ, такъ звали пословъ, должны были просить царя пощадить Ливонію и—что было важнѣе всего для Максимиліана—заключить съ императоромъ договоръ противъ избранія Баторія. Избраніе Баторія означало миръ Польши съ Турціей, что̀ было одинаково не желательно какъ для Москвы, такъ и для императора [2]). Царь высказался за габсбургскаго кандидата, но отъ Ливоніи не желалъ отказываться; онъ готовъ былъ даже склонить литовцевъ въ пользу Максимиліана или Эрнста, предостерегалъ ихъ отъ избранія турецкаго вассала [3]).

Въ то время какъ императоръ терялъ время на посольства, письма и всякаго рода приготовленія, Баторій—человѣкъ дѣла—поспѣшилъ въ Польшу, вошелъ въ Краковъ, женился на Аннѣ и 1-го мая 1576 года былъ коронованъ Станиславомъ Карнковскимъ, епископомъ куявскимъ. Первымъ дѣломъ новаго короля была борьба съ Данцигомъ.

Отношенія Данцига къ Сигизмунду II Августу были уже, какъ мы видѣли, весьма натянутыми. Во время польскихъ междуцарствій эти отношенія становятся уже прямо непріязненными; Пруссія явно обнаруживаетъ свои симпатіи къ Германіи и, какъ извѣстно, первая присягнула Максимиліану II. Изъ прусскихъ городовъ Данцигъ всегда отличался наибольшей самостоятельностью; мы уже знаемъ, что никакія угрозы Сигизмунда II Августа не могли заставить этотъ городъ принять активное участіе въ борьбѣ съ Швеціей; онъ требовалъ себѣ не только внутренней независимости, но и внѣшней и всегда сильно

---

[1]) Дрезд. арх. Rom. Kays. M. Gesannten Relation Irer aussrichtung auff der Muscowitterischen Reise bey dem Grossfurstenn in Reussen vonn dem 15 oct. des 75 Jars bis vf den 13 Martij anno 1576.

[2]) *Schiemann*, стр. 359; Турція стояла за Баторія. Она объявляетъ: so sie (поляки) anders thun werden, wolle ehr eh bei jhnen zur malzeit sijtzenn als sie sichs versehen sollen.

[3]) Дрезд. арх. So wolt S. M. Polen gern lassen, aber Littau selbst behalten, betreffend aber der Liffland wäre dasselb vonn alters her seiner M. vnd jrem Erb gewest hatte Jren vorfern yeder zeit tributirt, da es sich aber solches gegen Iro geweigert auch sich sonsten in viel weeg gegen Iro ungeburlich erzaigt, hat es sein M. ferner nit leiden khünden, sondern mit straff dargegen verfahren mussen.

терпѣлъ во время всѣхъ войнъ Польши съ сосѣдними государствами. Рельефно это сказалось въ XVII столѣтіи; въ 30-лѣтнюю войну. Въ декабрѣ 1575 года Польша присягнула Стефану Баторію. Данцигъ долго упорствовалъ и не желалъ измѣнить своей присягѣ Габсбургскому государю [1]). Онъ согласился признать Стефана королемъ только при условіи—добиться подтвержденія всѣхъ своихъ привилегій и удовлетворенія за причиненные Данцигу въ предшествовавшее царствованіе убытки и потери.

Торнъ и Эльбингъ вскорѣ присягнули Баторію, съ Данцигомъ же ему пришлось вести войну; она дорого стоила королю и связывала ему руки въ борьбѣ съ Москвою, такъ успѣшно дѣйствовавшей въ Ливоніи въ 1576 и 1577 годахъ. Эта борьба короля съ подданнымъ ему городомъ представляетъ для насъ особенный интересъ въ виду отношеній къ ней сосѣднихъ ганзейскихъ городовъ и Даніи. Баторій не скрывалъ своего намѣренія совершенно подчинить себѣ вольный городъ, сравнять его съ другими, нанести ударъ его богатству перенесеніемъ стапельнаго пункта въ какой нибудь другой прусскій портъ; такое намѣреніе короля встрѣчало мало сочувствія въ сосѣднихъ державахъ, ревниво слѣдившихъ за борьбою на Балтійскомъ морѣ восточныхъ государей; Данія боялась паденія Данцига; Фридрихъ II не хотѣлъ допустить усиленія на морѣ Польши, католической и іезуитской державы, дѣйствовавшей за одно съ Римомъ и потому опасной для политическаго и религіознаго будущаго сѣверныхъ государствъ. Данцигъ въ это время былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и цвѣтущихъ городовъ и, по свидѣтельству современника, могъ быть поставленъ на ряду съ лучшими городами Европы. Данцигъ былъ прекрасно укрѣпленъ и правительство города постоянно улучшало его укрѣпленія, какъ будто предвидя будущее. Гавань города—по тому же современному свидѣтельству—самая большая въ мірѣ, въ ней свободно помѣщалось до 2000 и болѣе кораблей. Рѣка протекаетъ у самыхъ дверей кладовыхъ, такъ что нагрузка и разгрузка судовъ обставлены какъ нельзя болѣе удобно. Населенъ городъ очень густо; жители занимаются преимущественно торговлею; обороты послѣдней громадны. Главными предметами торговли служатъ соль и хлѣбъ [2]). Изъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Данцигѣ, акты называютъ намъ

---

[1]) Ср. *Бобржинскій*, II, 121.

[2]) Списокъ вывозимыхъ и привозимыхъ товаровъ см. Акты, I, № 75, стр. 165 и дал.

англичанъ, фландрцевъ, голландцевъ. Ко времени борьбы съ Баторіемъ Данцигъ успѣлъ уже окончить свои укрѣпленія, ради чего прибѣгнулъ къ новымъ налогамъ, напримѣръ на пиво, и заставлялъ гражданъ черезъ двѣ недѣли посылать людей на работы. Сенатъ, правившій городомъ, принималъ вспомоществованіе виномъ, деньгами, рентами. Каждый жертвователь зналъ, на что расходуются взимаемыя съ него деньги. Большой доходъ городъ имѣлъ и отъ своей мельницы; такъ какъ она была единственной въ городѣ, то и давала доходу до 20.000 талеровъ. На эти деньги, между прочимъ, поддерживалась гавань города. Данцигъ располагалъ и собственнымъ войскомъ, служившимъ ему гарантіей его привилегій. Послѣднее обстоятельство давно уже смущало государственныхъ дѣятелей Польши, доказывавшихъ, что въ городскомъ войскѣ—вся опасность для королевства; опираясь на него, городъ всегда можетъ поднимать возмущенія. Поэтому городъ необходимо лишить такого преимущества, какимъ не пользовались другіе подданные королевства. Данцигъ, какъ мы уже неоднократно указывали, ревностно оберегалъ свои привилегіи и рѣшительно отвергалъ всякія попытки вмѣшательства въ его внутреннія дѣла польскаго правительства.

24-го сентября 1576 года Стефанъ Баторій издалъ грамоту, въ которой объявлялъ жителей Данцига виновными въ государственной измѣнѣ [1]). Переговоры съ городомъ оказались безполезными и противъ воли пришлось начать борьбу: она была необходимой, разъ король не желалъ пожертвовать для Данцига слѣдствіями Люблинской уніи [2]). Рѣшившись силою добиться у Данцига покорности, онъ изъ Маріенбурга двинулся въ Диршау, а оттуда въ Гребинъ, гдѣ сталъ лагеремъ [3]). 6-го октября онъ еще разъ обратился къ городу, стараясь указать ему на совершенную беззаконность его требованій. Что касается до третьяго пункта этихъ требованій—чтобы отмѣнены были всѣ стѣсненія, введенныя въ предшествовавшее царствованіе, то оно, говоритъ Баторій въ вышеприведенномъ письмѣ, совершенно

---

[1]) Ср. *Бобржинскій*, II, 122. Нельзя согласиться съ авторомъ въ его оцѣнкѣ борьбы Баторія съ Данцигомъ. Этотъ фактъ въ его изложеніи получаетъ характеръ какой то фронды, между тѣмъ какъ борьба съ Данцигомъ вовсе не была легкимъ дѣломъ, что сознавалъ и высказывалъ самъ Баторій; католическіе нунціи рѣшительно опасались исхода борьбы, находя многія преимущества на сторонѣ города.

[2]) *Закржевскій*.

[3]) Ср. *Hoburg*, въ Neue Preussische Provinzial Blätter, III Folge, V, 1860.

невозможно раньше, чѣмъ городъ не присягнетъ королю, ибо какъ королю отстранить тѣ или другія стѣснительныя для города постановленія, когда самъ городъ не признаетъ за нимъ верховной власти. Одинъ Данцигъ, продолжаетъ король, не прислалъ къ нему своихъ депутатовъ послѣ коронаціи и, запасшись войскомъ и провіантомъ, заперся въ своихъ стѣнахъ и не пустилъ даже въ городъ королевскихъ пословъ, чѣмъ нанесъ королю сильное оскорбленіе. Рядъ такихъ дѣйствій нельзя не называть самымъ тяжкимъ преступленіемъ противъ королевскаго величества, заключаетъ король. Съ своей стороны король сдѣлалъ попытку мирно покончить дѣло, отправивъ своихъ пословъ въ городъ, тамъ ихъ однако не только не приняли, но забросали камнями [1]).

Другими глазами Данцигъ самъ смотритъ на свои отношенія къ Польшѣ и Баторію; причины столкновенія съ послѣднимъ получаютъ иную окраску въ донесеніяхъ данцигскихъ депутатовъ. Они выдвигали на первый планъ тотъ фактъ, что Баторій въ своей присягѣ въ Седмиградіи и въ Краковѣ ни единымъ словомъ не упомянулъ о прусскихъ городахъ, полякамъ же и литовцамъ онъ обѣщалъ сохранить ихъ привилегіи; всѣ прежніе короли Польши давали особо присягу Данцигу, Баторій первый отклонился отъ этого и даже не назвалъ этого города. Все это свидѣтельствовало въ достаточной степени о недружелюбномъ отношеніи короля къ городу. Совѣтъ города писалъ объ этомъ неоднократно польскимъ вельможамъ, но и они держали сторону короля, требуя, чтобы городъ первый присягнулъ королю, такъ какъ въ противномъ случаѣ на него падетъ вина въ crimen laesae maiestatis. Данцигскій ратъ объясняетъ отсутствіе своихъ де-

---

[1]) Данц. арх. Acta Internunciorum, 1575, 1576, IX. Tom. 25 Responsum nomine Sacrae Regiae Mtis datum nunciis Gedanensibus, Grebini die VI Octobris Anno MDLXXVI. Вотъ двѣ выдержки изъ этого письма:.... Causas has cur M-tem Ser-mi regis et regni, quam reliquae omnes communis reip.: Terrae, Ciuitates ac ordines colerent, se culturos solenni interposita ceremonia profiteri nollent, has adferrebant. Unam, quod illi vrbi a Regia Mte iureiurando de seruandis iuribus illius prius caueri oporteret. Alteram, quod pax et amicitia cum Caesarea Romanorum Mte et eius consortibus ante componenda et sancienda esset. Tertiam quod actiones superiorum temporum, quibus illa ciuitas grauata sit, tollere et abrogare regia Mtas prius itidem necesse haberet.... Etenim nullam legationem ad Regiam Mtem post illius coronationem a Gedanensibus missam esse.... Quae si non essent crimina laesae Mtis nullum certe rationem ledendae maiestatis regis et regni reperiri posse. Ср. Дрезд. арх. Stettinische Zeitung, Colbergische Zeitung, Zeitung an Königsberg.

путатовъ на коронаціи Баторія тѣмъ, что у него оставалось слишкомъ мало времени: не поспѣть было собрать ратманновъ и обсудить дѣло, безъ чего и отправленіе депутаціи было невозможно. За это король назвалъ жителей Данцига бунтовщиками, поляки избили ихъ кнехтовъ, опустошили окрестности города и потребовали отъ города, чтобы онъ немедленно распустилъ свое войско, далъ королю присягу на вѣрность, удалилъ изъ города всѣхъ иностранцевъ, если они откажутся отъ присяги. „Если эти условія будутъ приняты, король отведетъ свое войско отъ стѣнъ города, не иначе". Послѣ этого городу надлежало еще отправить своихъ депутатовъ въ Торнъ и тамъ просить прощенія у короля, который тогда только и смягчитъ свой декретъ противъ города и отмѣнитъ нѣкоторыя стѣсненія [1]). Данцигъ этихъ условій не принялъ, но соглашался присягнуть королю, какъ скоро ему представятъ копію съ королевской присяги, гарантируютъ отмѣну стѣсненій, возстановятъ прежнія привилегіи и даруютъ религіозную свободу [2]).

Какъ видно, Данцигъ считалъ себя юридически правымъ и не желалъ безусловно подчиниться всѣмъ требованіямъ короля. Не смотря на то, что король съ своимъ войскомъ находился въ Гребинѣ и что поляки ознаменовали свой походъ на Данцигъ рядомъ самыхъ необычайныхъ жестокостей и варварствъ, городъ все еще надѣялся добиться своего путемъ переговоровъ; въ надеждѣ мирно уладить дѣло, городъ послалъ депутатовъ въ Гребинъ. Вначалѣ переговоры обѣщали счастливый исходъ, но уже скоро они были прерваны благодаря Карнковскому и Іоанну Косткѣ, двумъ полякамъ, извѣстнымъ своею ненавистью къ прусскимъ городамъ и Данцигу въ особенности. Желаніе Данцига миромъ окончить свои враждебныя отношенія къ Баторію стало тѣмъ сильнѣе и естественнѣе, что Максимиліанъ II уже умеръ 12-го октября 1576 года, и вотъ городъ рѣшается вторично отправить пословъ въ Торнъ. Торнское засѣданіе было еще болѣе бурное; король заключилъ данцигскихъ пословъ и сначала поставилъ городу слѣдующія тяжкія условія—разрушить въ знакъ покорности часть

---

[1]) Данц. арх. Acta Internunciorum, IX, t. 25.

[2]) Данц. арх. Acta Intern IX.... Das wir vns des eides jn vnterthenigkeit erpieten thetten, wan man vns nur die copias zuzeigen allergnedigst wolt wie die declaration des Königl. eides lauten vnd wir auch der confirmirung halben vnser Priuilegien vnd thetlicher abeschaffung vnser beschwer solten versichert sein, vnd das die vns zugleich, bei geleisteten eide in originali forma dermassen mochten zugestellett werden, zu dem das wir des Religionsfriedens halben genugsam möchten versehenn sein.

городскихъ стѣнъ. уступить королю крѣпость Вейксельмюнде. выдать все оружіе, заплатить прежнія недоимки и 100.000 гульденовъ и предоставить въ распоряженіе короля на 6 лѣтъ городскую милицію для борьбы съ Москвою. Данцигъ протестовалъ противъ этихъ требованій и въ 40 пунктахъ доказывалъ беззаконность ихъ. Въ декабрѣ Баторій сдѣлалъ нѣсколько уступокъ, смягчилъ условія и требовалъ лишь уплаты 400,000 гульденовъ. Данцигъ не согласился и на эти требованія; онъ обѣщалъ королю 20.000 гульденовъ, если тотъ сохранитъ за нимъ протестантское вѣроисповѣданіе и подтвердитъ ихъ привилегіи [1]). Депутаты Данцига писали городскому совѣту, чтобы онъ прислалъ имъ полномочія къ заключенію мира, заставилъ наемныхъ рейтеровъ прекратить опустошенія, не захватывать подданыхъ короля, какъ это случилось въ Оливѣ, такъ какъ иначе переговоры съ королемъ ни къ чему не приведутъ [2]). 2-го декабря Константинъ Ферберъ и Георгій Розенбергъ просили городской совѣтъ немедленно же дать знать, каковы его окончательныя намѣренія. Если Данцигъ станетъ намѣренно замедлять и оттягивать переговоры, то, писали они рату, король рѣшится на небывалую мѣру: онъ скорѣе заключитъ на какихъ бы то ни было условіяхъ миръ съ Москвою, нежели дозволитъ городу насмѣхаться надъ собою [3]). Уполномоченные Данцига были въ большомъ затрудненіи: городъ не присылалъ имъ своего ультиматума, а король грозилъ ихъ заключить и пойдти войною на Данцигъ. Отвѣта они отъ рата не получали, а между тѣмъ собраніе въ Торнѣ стало рѣдѣть, и король, потерявъ всякое терпѣніе, готовился открыто объявить войну. Всю ночь съ 20-го на 21-е декабря онъ занятъ былъ проектомъ войны и письмами къ герцогамъ прусскому и померанскимъ; онъ извѣщалъ ихъ, что противъ своей воли долженъ прибѣгнуть къ оружію, что Данцигъ самъ вынуждалъ его къ этому [4]). Черезъ двѣ недѣли онъ надѣялся окончить вооруженіе и двинуться въ походъ. Любопытно, что король, когда вопросъ зашелъ

---

[1]) Ср. *Hoburg*.

[2]) Данц. арх. Данцигскіе депутаты Данцигу, 1 дек. 1576 г. Acta Internunciorum: „Mit dem rauben vnd plundern muege eingehalten werden".

[3]) Письма депутатовъ къ городу съ 1-го по 22-е дек. въ Acta Intern. Данц. архива. 2-го дек.: E. W. vnd Erb. wollen den Handelen mit mehrem ernst nachsetzen, weil Ihr K. M. damit auff ein ende wollenn, angemercktt das der Reichstagk fast zergehett.

[4]) ....als das sie die verkleinerung von der stadt leidenn vnd vber sich gehen lassen soltt.

о вѣроисповѣдной свободѣ, замѣтилъ, что не имѣетъ вовсе въ виду реформировать церковь и руководить совѣстью людей,—это все онъ предоставляетъ Богу и духовенству, но за притѣсненія своихъ единовѣрцевъ онъ накажетъ жителей Данцига; король желаетъ, такъ онъ самъ заявлялъ, чтобы въ его государствѣ всѣ религіи уживались въ мирѣ [1]).

Въ февралѣ 1577 года Данцигу была объявлена война; послы города Ферберъ, Розенбергъ и секретарь Торбекъ были заключены въ Торнѣ. Этимъ Данцигъ воспользовался, чтобы въ яркихъ и, конечно, преувеличенныхъ краскахъ представить самовольность и тиранническій образъ дѣйствій Баторія; такъ въ письмахъ къ герцогу прусскому Данцигъ жаловался, что пословъ его въ Торнѣ сильно притѣсняютъ, не разрѣшаютъ имъ даже сноситься письменно съ городскимъ совѣтомъ и т. д. Цѣлая кипа писемъ данцигскихъ депутатовъ лучшее опровержение этихъ извѣстій [2]). Въ письмахъ къ ганзейскимъ городамъ и сосѣднимъ государямъ Данцигъ выставляетъ себя правою стороною; рядъ брошюръ „Zeittungen", летучихъ листковъ—содержатъ въ себѣ обвиненія противъ беззаконныхъ дѣйствій Польши; они украшены обыкновенно виньетками, нерѣдко символическаго характера; такъ на одной брошюркѣ, вышедшей въ 1577 году, представлены два разъяренныхъ льва, набрасывающихся на человѣка, сидящаго съ сложенными для молитвы руками (Данцигъ) [3]).

Война Баторія съ Данцигомъ продолжалась до декабря 1577 года; во все продолженіе ея обѣ стороны старались обезпечить себя союзомъ и помощью сосѣднихъ городовъ—померанскихъ, мекленбургскихъ и прусскихъ, а также прибалтійскихъ князей и государей.

Данцигъ еще въ октябрѣ 1576 года обратился за помощью противъ Польши къ Любеку, Висмару, Ростоку, Стральзунду, Штеттину, Кольбергу, Столпе и Рюгенвальдену; онъ просилъ ихъ доставить

---

[1]) Письмо 22-го декабря:.... das er durch die stadt Danzig dazu fast bey den Haren gezogen vnd gezwungen wurde. Desgleichen hat Ihr M. an alle gebiette geschrieben vnd beyde Canzeleyen mitt schreiben occupirett, lest das landt vnd die Crone auffmanen, also das sie im 14 thagen ausziehen sollen, *vnd sieht die sache sehr saur vnd gefehrlichen auss...*. Тамъ же о религіозныхъ розняхъ: Es ist meines Dinges nicht, die gewyssen zureformieren, Ich hab allezeit Got gern gelassen was gottes ist vnd wil es auch hiernachmals thun.

[2]) Данц. арх. Acta Intern.

[3]) Breve et Summarium scriptum quo innocentia Regiae Ciuitatis Gedanensis hoc rerum perturbato statu, contra aduersariorum calumnias paucis. ostenditur. Gedani, Excudebat Jacobus Rhodus. MDLXXVII. Данц. арх.

городу съѣстныхъ припасовъ и корма для лошадей [1]). Изъ Ганзейскихъ городовъ многіе набирали для Данцига рейтеровъ; Любекъ прислалъ городу 2.000 талеровъ и также разрѣшалъ дѣлать наборы [2]). Въ мартѣ 1577 года Данцигъ завязываетъ сношенія съ прусскимъ герцогомъ, ища его посредничества въ борьбѣ съ королемъ [3]); лѣтомъ того же года возникаютъ переговоры Данцига съ Бранденбургомъ, Помераніей, Іоанномъ III шведскимъ, Вильгельмомъ Оранскимъ и 17 провинціями Нидерландовъ [4]). Подробности этихъ переговоровъ неизвѣстны намъ въ деталяхъ; сущность же ихъ—добиться посредничества всѣхъ вышеназванныхъ государей въ борьбѣ съ Баторіемъ, поддержать съ ними торговыя сношенія вопреки запретамъ короля и оказать помощь.

Весьма оживленными становятся съ этихъ поръ сношенія Данцига съ Фридрихомъ II датскимъ. Весною 1577 года въ Данію прибыло посольство изъ Данцига, во главѣ котораго стояли Гансъ фонъ деръ Линде и Матѳей Моллеръ. Король благосклонно принялъ ихъ; онъ былъ доволенъ, что представился случай вмѣшаться въ отношенія короля польскаго и непокорнаго торговаго города; Фридрихъ II давно уже съ неудовольствіемъ и опасеніемъ взиралъ на дѣятельное участіе Польши въ ливонскихъ дѣлахъ; онъ не въ силахъ былъ воспротивиться ливонской уніи, за то теперь рѣшился все употребить, чтобы не допустить порабощенія Данцига, за которымъ непремѣнно послѣдовала бы и прусская унія, и весь востокъ и юговостокъ балтійскаго побережья оказались бы въ рукахъ новаго претендента на балтійское господство.

Опасаясь съ другой стороны и открытаго столкновенія съ Баторіемъ, онъ игралъ въ двойную игру, подымалъ Данцигъ противъ ко-

---

[1]) Данц. арх. Lib. Missiv. 1574, 1575, 1576:.... dieselbe wollen ihren schippere und burgern nachgeben damit sie vns mit bier, gerste, haber und dergleichen notturff, zufuhr thun wollen.

[2]) *Schumacher*, Gelehrter Männer Briefe an die Könige in Dännemark. 1758. III, Каликстъ Шейнъ Фридриху II, 1 авг. 1576.

[3]) Liber Missiv. 1577. Acta Intern. IX, vol. 26. Письмо 2 марта къ герцогу прусскому.

[4]) Данц. арх. въ вышеназванныхъ отдѣлахъ. Electori Brandenburgico et mutatis mutandis Marchioni Onolspacen. Ducibus Pomeraniae, ciuitatibus Ansae foederatis.... Ist aber leider die versehrung vndt verbitterung der gemueter allerseits dermassen eingerissen, das wir nicht sehen kunnen, wie wir vnns eines enntlichen vnndt bestendigenn friedenns zuuermueten. Письмо Вильгельму Оранскому 13 августа.

роля, сулилъ ему помощь и поддержку, а Баторія не переставалъ увѣрять въ полной привязанности и дружелюбіи. Такой образъ дѣйствій датскаго короля доказываетъ, что онъ вполнѣ усвоилъ тактику и дипломатію своего родственника и ментора—Августа саксонскаго.

Данцигъ могъ быть вполнѣ доволенъ миссіей Линде и Моллера. Король разрѣшилъ жителямъ Данцига строить въ Даніи военныя суда или нанимать готовыя, но не дѣлать нападеній на морѣ безъ нужды и причины; онъ далъ имъ два патента, одинъ на датскомъ, другой на нѣмецкомъ языкѣ, на свободный проѣздъ по всѣмъ владѣніямъ датской короны, позволилъ закупать съѣстные припасы, самъ написалъ своимъ фохтамъ на Борнгольмѣ и Готландѣ, чтобы они не препятствовали жителямъ Данцига закупать тамъ быковъ и другихъ домашнихъ животныхъ; въ довершеніе всего, онъ написалъ своему штаттальтеру въ Голштиніи, Генриху Рантцау, чтобы онъ, если это только будетъ возможно, доставилъ Данцигу нѣкоторую сумму денегъ [1]).

Король соглашался и у другихъ государей и городовъ занять для Данцига денегъ. Но сами послы города мало надѣялись на успѣшность займа [2]); повсюду, говорятъ они, требуютъ значительныхъ зало-

---

[1]) Данц. арх. Acta Intern. 1577, 1578, 1579. IX. Vol. 27. Донесеніе Моллера изъ Гельзингёра, 2 апрѣля 1577 года..... Was die Orlogsschiffe erstlich belanget, darein gewilliget, das sie Ein Erbar Radt möge aussrusten vnd jrem gefallen nach zur jehnwerts brauchen, so lange es die nodt erheischen wirdt, jedoch dass Niemandt ohne vrsach durch sie gefehret oder beschediget werden möge. Vnd damitt dessen die vorsicherung so viel gewisser were, haben Ire Mt. gnedigst bewilliget, das mir 2 patenten denisch vnd deutsch vnder Ir. M. handt vnd siegel mitgeteilt wurden.... Mitt der zufuhr ahn Victualien sein Ire M. auch wol zufrieden, wollen auch allerlei beforderung darzu thuen lassen..... Ср. Данц. арх. Urkundensammlung, XCV. B. 183. 17794. Вотъ отрывокъ нѣмецкаго патента:—„Vnd ist demnach an alle vnd jede vnsere Vnderthanen, sonderlich aber vnsern Admiraln vnd Aussliegern jnn der sehe, vnser gnedigster will vnd beuhell, Do obberurter der von Dantzigk schieffe an vnser Landt oder auch vnsere Orlogschieff jnn der sehe gelangten, Das sie dieselbigen wieder diesem vnsern gnedigsten zulass, nicht beschweren, noch einige verhinderung thuen, sonder sie vnangefochtten, auff vnsernn strömen, der gelegenheitt nach, liegen vnd passieren lassen, jdoch das sie sich aller widrigen handlung vnd beschwerungen auff vnsern strömen, sowoll gegen mhenniglich, was fur frembde die auch seindt als vnsern eigen vnderthanen, enthalten, Domitt sich niemandts daruber mitt fug, einiger gestaltt zubeschweren haben mochte“.

[2]) Данц. арх. Acta Intern. 1577—1579. IX. Vol. 27. 8 іюля Копенгагенъ:... promotorialen aber vnd befurderung anderswo etwas aufzutreiben solten mir (Moller'y) gerne mittgeteilet werden.. Hier im Reich ist nichts zuwege zubringen, darumb das der Adel ahn gelde arm, vnd dan auch zu itzigem zustande bey der Stadt nichts ebenteuren will.

говъ, и Данцигъ рѣдко гдѣ пользуется кредитомъ. Любекъ, Брауншвейгъ и Люнебургъ рѣшительно отказались доставить городу денегъ, также и Гамбургъ, выставившій на видъ необходимость согласія на ссуду всѣхъ Ганзейскихъ городовъ. Оставалась еще одна надежда, не поручился-ли бы весь Ганзейскій союзъ за Данцигъ или, напримѣръ, вендскіе города, и не удалось-ли бы подъ этимъ поручительствомъ занять гдѣ-нибудь деньги. Испробованы были всякія комбинаціи, но онѣ не удались [1]).

Фридрихъ II сдѣлалъ все, что могъ; онъ враждебно настроенъ къ Польшѣ—ist bös polnisch, пишутъ Линде и Моллеръ къ Данцигу, и если Баторій пришлетъ сюда своихъ пословъ, то они навѣрно ничего не добьются [2]). Однажды Фридрихъ II воскликнулъ, что скорѣе бы пожертвовалъ половиною своего королевства, чѣмъ допустилъ порабощеніе Данцига польскимъ королемъ. „30 мая король и Ульрихъ Мекленбургскій такъ усердно пили за процвѣтаніе и благоденствіе Данцига, что оба съ трудомъ могли стоять“ [3]).

И Линде, и Моллеръ убѣждали городской совѣтъ прислать королю въ подарокъ нѣсколькихъ красивыхъ лошадей (schönen Wallachen), чтобы еще больше расположить его къ себѣ [4]).

Какъ близко къ сердцу короля лежала судьба Данцига, видно и изъ сношеній его съ остальными ганзейскими городами. Въ августѣ на сегебергскомъ съѣздѣ онъ представилъ городамъ опасное положеніе, въ какомъ находился Данцигъ, и старался поднять въ защиту послѣдняго Любекъ, Бременъ, Ростокъ, Стральзундъ, Висмаръ и Люнебургъ. Но на сегебергскомъ съѣздѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо сказалась слабость и безучастіе городовъ. Всѣ города подъ разными предлогами отказы-

---

[1]) ibid. Acta Int. 1578, 1579. IX. Vol. 28. 12 авг. Любекъ... Sonsten befindet sich in aufbrengung der gelde fast grosse schwerikeit, weil in diesem zustande niemant auf die Statt sehen will, vnd wollen andere vergewisserung vnd burgschafft haben, welche zubestellen auch gantz schwerlich furfellet. *Ioannes Boccatius hatt fast allenthalb angeklopffet*, aber nichts erhalten. Lübeck, Brunschwig, Luneburg haben es gar abgeschlagen, Hamburg ist es ohne di gemeine nicht mechtig..... 31 авг.: haben vns die von Lubeck derer von Luneburg eingebrachte Resolution auf die gelthandel zugestellet, die nuhn gar abschleglich.

[2]) Письмо Moller'а 23 апрѣля.

[3]) То-же, 31 мая:... das sie (Königliche Maiest.) ehe die Stadt solte vertorben oder jn der Polen dienstbarkeit gebracht werden, Ire halbes konigreich daran setzen wolten vnd haben noch gestriges tags mitt Hertzogk Vlrichen auf Iren schiffen der Stadt Wolfartt dermassen getruncken, das schier keiner gehen oder stehen konnen.

[4]) Вышеприведенное письмо 2 апрѣля.

вались отъ помощи Данцигу; одни выставляли на видъ свою зависимость отъ имперіи, безъ согласія которой они не могутъ ничего предпринять; другіе ссылались на мѣстныхъ князей, герцоговъ померанскихъ и мекленбургскихъ, которые не допустили бы ихъ принять участіе въ борьбѣ противъ Польши; третьи—указывали на свои зависимыя отношенія къ самой Польшѣ. Всѣ боялись потерять свои торговыя льготы и привилегіи въ Польшѣ и Ливоніи.

Обращался Данцигъ, наконецъ, и къ Елизаветѣ англійской, но отъ нея не могъ добиться никакой помощи, такъ какъ она всецѣло была поглощена своими враждебными отношеніями къ Испаніи [1]).

Баторій желалъ парализовать дипломатію непокорнаго Данцига и самъ вступилъ въ переговоры какъ съ ганзейскими городами, такъ и съ Даніей. Король писалъ къ городскому совѣту Любека и другихъ городовъ о своихъ отношеніяхъ къ Данцигу и просилъ ихъ не помогать возставшему городу ни войскомъ, ни съѣстными припасами. Онъ обѣщалъ расширить привилегіи ихъ въ Польшѣ и Пруссіи и основать новый стапельный пунктъ въ Эльбингѣ, если только они согласятся порвать всякія сношенія съ Данцигомъ; но если они, не смотря на просьбу короля, будутъ „фаворизировать“ Данцигу, король найдетъ средства смирить ихъ [2]). Противъ Даніи Баторій сначала поднялъ было своего союзника Іоанна III шведскаго. Этотъ въ угоду Польшѣ и изъ злобы на Данцигъ за его отказъ помочь ему противъ Москвы, выставилъ на морѣ нѣсколько военныхъ кораблей, чтобы закрыть доступъ въ данцигскую гавань иностраннымъ судамъ. Какъ скоро Фридрихъ II узналъ объ этомъ, онъ (30-го ноября 1577 года) обратился къ Іоанну съ рѣзкимъ письмомъ, въ которомъ выражалъ удивленіе по поводу враждебныхъ дѣйствій короля; вначалѣ Фридрихъ не хотѣлъ даже повѣрить этому,—такъ невѣроятнымъ казался ему *дерзкій* замыселъ шведскаго короля. Данцигъ, какъ королю должно быть извѣстно, пишетъ Фридрихъ, важнѣйшій стапельный пунктъ на Балтійскомъ морѣ, сюда стекаются торговцы со всѣхъ европейскихъ государствъ. Закрыть имъ гавань Данцига—

---

[1]) Данц. арх. Acta Int. IX, vol. 28. Копенгагенъ, 4-го декабря: „Mitt der Königin auss Engelandt wirdt vns auch weinig gedienet sein, jnsonderheit weil auss jrem schreiben zu ersehen, das sie allerlei Motiuen furwendet...., между прочимъ, и испанскія отношенія.

[2]) Acta Int. IX, 27. Hans von der Linde Данцигу изъ Любека 29-го мая 1577. „Würden sie aber den Dantzkern fauorisiren, so wurde ehr auch die lubschen wissen zu finden“.

значитъ убить ихъ торговлю, что отзовется вредно на всѣхъ Балтійскихъ государствахъ, которыя именно въ Данцигѣ и производятъ торговлю съ иностранцами. Фридрихъ II рѣшительно ставитъ вопросъ и требуетъ, чтобы Іоаннъ отказался отъ своего намѣренія [1]).

Это замѣчательное письмо Фридриха II стоитъ въ связи съ его отношеніями къ Данцигу; хотя онъ ни единымъ словомъ и не обмолвился о нихъ, но между строчекъ такъ и чувствуется настроеніе короля. Желаніе помочь Данцигу и не дать его на произволъ Баторію—вотъ мотивы, вызвавшіе письмо 30-го ноября.

Отъ внимательныхъ взоровъ Баторія не могла укрыться близкая дружба Фридриха II съ непокорнымъ городомъ. Еще въ началѣ іюля 1577 года онъ отправилъ къ датскому королю своего спальничаго Мартина Страдомскаго, съ письмомъ, въ которомъ выражалъ сожалѣніе, что доброе согласіе и миръ, связывавшіе уже давно Польшу съ Даніей, теперь нарушены вслѣдствіе упорства подданнаго ему города; король жаловался, между прочимъ, на захватъ датчанами польскихъ подданныхъ и убѣждалъ Фридриха возстановить прежнія дружескія отношенія [2]).

Фридрихъ II, доставлявшій данцигскому рату копіи со всѣхъ писемъ, какія онъ получалъ отъ Стефана Баторія (лучшее доказательство его отношеній къ воевавшимъ сторонамъ!) не замедлилъ отвѣтить Баторію; онъ старался разувѣрить короля въ томъ, что онъ помогалъ Данцигу и враждебно настроенъ къ Польшѣ. Напротивъ, говоритъ Фридрихъ, онъ готовъ своимъ посредничествомъ способствовать скорѣйшему примиренію короля съ Данцигомъ [3]). То, что король ему пишетъ о нападеніи датчанъ на польскихъ купцовъ въ Путиценской бухтѣ, совершенно лишено всякой истины. Польскіе же пираты дѣйствительно продолжаютъ нападать на датчанъ и причиняютъ имъ большіе убытки. Баторій отвергнулъ датское посредничество. Фридриху онъ писалъ: довольно уже переговариваться съ непокорнымъ городомъ, все испробовано, и теперь уже король дове-

---

[1]) Данц. арх. Original Urk. XCV. B. 183. 17794. Att E. K. schulle wille vndersta sig nogit ther mett att forethage.

[2]) Данц. арх. Original Urk. XCV. B. 194, 17798. Тутъ же и отвѣтъ Фридриха.

[3]) Данц. арх.: Ideoque si quid ad istam conciliandam pacem penes nos esset situm, promptissimo animo conferremus in medium. Nos certe in eum euentum, in actione ista instituenda, ita nos gerere vellemus, ut intercessoris officio esset dignum, ac neutra pars in nobis aliquid iure desiderare posset. (Urk. Saml. XCV. B. 195, 17795).

детъ дѣло до конца, тѣмъ болѣе, что всѣ его требованія вполнѣ законны. Торговля прибалтійскихъ князей и городовъ отъ этого нисколько не потерпитъ, такъ какъ во владѣніяхъ короля еще много прекрасныхъ и удобныхъ гаваней и богатыхъ торговыхъ городовъ, гдѣ безопасно можно продолжать торговыя сношенія [1]).

Отношенія Баторія къ Даніи сохраняли враждебный характеръ до конца его царствованія. Когда, по заключеніи мира съ Москвою, ожидалось столкновеніе съ Швеціей, Баторій опасался, что Данія соединится съ Швеціей противъ Польши [2]).

Война Баторія съ Данцигомъ была ознаменована цѣлымъ рядомъ опустошеній съ той и другой стороны. Наемники Данцига разрушили Оливу, Вейеръ въ отвѣтъ на это опустошилъ Гелу. Въ самый разгаръ войны Баторій 7-го марта издалъ эдиктъ, которымъ запрещалъ всякія торговыя сношенія съ Данцигомъ и объявлялъ стапельными пунктами для польскихъ и иностранныхъ купцовъ Торнъ и Эльбингъ. Это еще болѣе ожесточило данцигскихъ жителей. Надъ городской милиціей и наемными кнехтами командовалъ извѣстный уже по оборонѣ Магдебурга въ 1550 году Гансъ Винкельбрухъ изъ Кельна. Изъ города дѣлались частыя вылазки, имѣвшія цѣлью удерживать поляковъ дальше отъ города. Надъ польскими войсками, численность которыхъ опредѣлялась въ 1.446 чел. конницы и 1.000 чел. пѣхоты, начальствовалъ Зборовскій. Первая значительная битва, изъ которой поляки вышли побѣдителями, произошла у озера Либшау (Любешово) 17-го апрѣля 1577 года. Второе столкновеніе произошло подъ стѣнами Вейксельмюнде; послѣ долгой, но нерѣшительной схватки поляки должны были отступить, благодаря тому, что на помощь Винкельбруху явилось два вспомогательныхъ отряда изъ Данцига.

Поляки не воспользовались либшаускою побѣдою, не преслѣдо-

---

[1]) Ibid. Отвѣтъ Баторія отмѣченъ 28-ымъ августомъ.... Eas merces quae ex ea urbe exportari solitae sunt, non ipsam urbem suppeditasse, sed undique ex Regno et Prouincijs nostris ad eam comportari solitas: Veruntamen non deesse nobis pp multas fluminum commiditates, etiam alia loca, ad quae hae merces demittantur, ideoque ea commerciorum re integra maneat.... Jam igitur satis tractatum est et tractari per Ser. V-am pacem inter nos et subditos nostros, nec nobis nec Serenitati vestrae satis honorificum videretur: verum petenda sunt ab iis ea, quae sunt aequa et justa. Quod si fecerint, nos, ne nunc quidem humanitatis nostrae obliuisceremur, eamque et Serenitati Vestrae et omnibus hominibus probabimus.

[2]) *Закржевскій.*

вали враговъ, и Данцигъ быстро оправился послѣ этого пораженія: пополнили ряды войска, обратились къ Фридриху II за наемными кнехтами, оружіемъ, военными снарядами и съѣстными припасами. 27-го апрѣля всѣ жители Данцига, ратъ и высшіе чины поклялись защищать городъ до послѣдней капли крови. Дѣло съ упорнымъ городомъ грозило на долго затянуться [1]. Католическія державы съ безпокойствомъ слѣдили за ходомъ военныхъ дѣйствій. Къ кардиналу Коммендоне приходили вѣсти одна другой тревожнѣе. Внутреннія дѣла въ Польшѣ въ самомъ безотрадномъ положеніи, писали ему; въ Данцигѣ рѣшительно не желаютъ признавать власти польскаго короля и отказываются платить королю по 300.000 флориновъ, которые платились прежнимъ польскимъ королямъ. Мало того: теперь городское управленіе Данцига само требуетъ отъ короля вознагражденія за понесенные въ войнѣ съ нимъ убытки. Надъ королемъ просто смѣются. У Данцига значительныя военныя силы (800 нѣмецкихъ всадниковъ и 6.000 пѣшихъ воиновъ), запасами же онъ снабженъ на долгое время. Королю для успѣшной борьбы съ городомъ недостаетъ пѣхоты; всѣ противъ него: и Данія, и Ганзейскіе города [2].

---

[1]) Ср. *Chytraeus*, 699 и 702.

[2]) Ватик. арх. Al Cardinale Commendone, 10 Mart, 1576:

Quouis se occasio offert, haud equidem libenter praetermitto ad Illustr. Domin. Vestrum scribere, pro mea ueteri erga illam obseruancia. Itaque et nunc cum Mag. Dnus Pontus a Gardije, Ser-mi Regis Suecorum legatus, in Italiam proficisceretur, praetermittendum non putaui ut non aliquid per eum ad Ill. D. Vr. litterarum darem. Accepi nuper ex Polonia litteras, ex quibus regni illius statum esse turbatum, et magnis periculis expositum video. Regi cum ordinibus his contra eum rege(?) non satis bene conuenit. Dantiscani posteaquam magno auri pondere oblato, Regis gratiam frustra supplices quaesiuissent, arma coeperunt et acriter se defendunt, adiuuantibus eos Rege Daniae et Germaniae maritimis urbibus, qui magna militum et pecuniae auxilia ultro illis obtulerunt. Video et Moschum ea occasione non esse sibi defuturum, etiamsi more suo promittat inducias. Deus meliora. Sed ego certe post tot mutationes maiorem adhuc aliquam mutacionem in Polonia timeo.

То же, X Mart. 1577..... Audistine tu quid Polonia noui? Sursum illa ac deorsum miscet omnia. Hos deponit, illos deprimit, quot non creat Reges, Reges dico, qui regnare et imperare se uelle denunciant, et minus tamen regnant, quam olim ij, qui sibi multa in Polonia dissimulanter ferenda ut diucius regnarent putauerunt. Dantiscani quid agant quo iam audacius processerint ignoras. Trecenta hi florenorum millia regi primum obtulerunt, Nunc tantum abest, ut ea dare uelint, ut eciam damnorum nomine (quae passi sunt) a rege nescio quid postulent, et eum plane irrideant. Otingentos equites germanos habent, sex millia peditum

41

Изъ другихъ мѣстъ приходили не менѣе отрадныя извѣстія [1]. Жители Данцига, говорится въ одной замѣткѣ, отправленной въ Мюнхенъ, получаютъ помощь и людьми, и запасами. Они день и ночь укрѣпляютъ свои стѣны и готовятся къ рѣшительной борьбѣ. Изъ Кенигсберга пришло извѣщеніе, что Баторій обратился къ ливонцамъ и сказалъ имъ, чтобы они отъ него не ждали никакой помощи противъ московитовъ.

Королю Стефану не покорить города открытою силою, — таково было всеобщее мнѣніе. Всѣхъ безпокоила судьба Ливоніи, въ которой московскій царь безпрепятственно хозяйничалъ; пошли слухи о занятіи имъ даже Ревеля и Риги. Симпатіи къ Баторію въ Польшѣ охладѣваютъ [2].

Таковы были слухи, обратимся же къ дѣйствительности.

Послѣ либшауской побѣды требованія поляковъ еще возросли въ сравненіи съ прежними; принять ихъ было равносильно потерѣ всякой самостоятельности. Возникшіе вскорѣ новые мирные переговоры ни къ чему не привели. Въ маѣ датскій король прислалъ на помощь къ городу Георга фонъ Фаренсбека и Клауса фонъ Унгерна съ наемными кнехтами. Военныя силы Данцига стали уже доходить до 21 тысячи. Положеніе Баторія при всемъ этомъ вовсе не было такимъ безотраднымъ, какъ готовы были думать боязливые нунціи Римскаго папы. Знаменитый король не терялъ энергіи. Чтобы лишить Данцигъ подвоза съ моря съѣстныхъ припасовъ Баторій обратилъ всѣ свои силы на захватъ форта Вейксельмюнде; съ паденіемъ этой крѣпости необходимо слѣдовала и сдача самого Данцига. Вейеръ хотѣлъ, чтобы Зборовскій двинулся къ Вейксельмюнде съ суши, а самъ хотѣлъ построить блокгаузъ со стороны моря. Въ іюнѣ самъ король двинулся къ Данцигу съ 20.000 войскомъ. Ближайшіе къ Данцигу города и предмѣстья, какъ Шидлицъ, Нейгартенъ, Штольценбургъ и другіе, были сожжены; 14 іюня король началъ бомбардированіе города [3].

---

commeatus quantum sufficit. Iam tu iudica ad eius modi urbem expugnandam quanto peditatu Polonico Rex opus habeat, praesertim (si ut certo affirmant) a Rege Dano et a maritimis ciuitatibus suppecias sunt habituri. — Videorque mihi uideri insignem aliquam mutacionem Poloniae iminentem.

[1]) Мюнх. архивъ. Наши акты и письма, I, № 82, стр. 172.

[2]) Мюнх. арх.

[3]) Въ Ватик. арх. Nunziatura di Polonia I. A. Среди писемъ, адресованныхъ въ Коммендоне, сохраняется слѣдующая записка, безъ начала, года, числа,

Рѣшительныя дѣйствія короля вызвали серьезныя опасенія со стороны датчанъ, бывшихъ въ городѣ. Клаусъ фонъ Унгернъ въ письмахъ своихъ въ Данію называлъ Баторія тиранномъ, безъ всякой причины начавшимъ тѣснить Данцигъ. Король стремится къ господству на Балтійскомъ морѣ и съ этою цѣлью имѣетъ въ виду совершенно поработить себѣ вольный городъ. Въ виду честолюбивыхъ замысловъ Стефана Баторія, который простираетъ виды свои на Данію (sic), необходимо было-бы убѣдить датскаго короля выслать въ данцигскій фарватеръ свой флотъ, который-бы могъ воспрепятствовать полякамъ вести осаду Вейксельмюнде со стороны моря.

Фридрихъ II не забывалъ Данцига, и помощь отъ него продолжала приходить. Глубокій интересъ, съ которымъ Фридрихъ II относился къ борьбѣ Данцига съ Баторіемъ, далъ поводъ къ любопытному извѣстію, что Данцигъ имѣлъ въ виду отдаться датской коронѣ. Тогда повторилось-бы то-же, что было съ Ревелемъ и Швеціей.

Съ 17 по 24 іюня обѣ стороны заключили перемиріе. Король настаивалъ на томъ, чтобы во время перемирія Данцигъ прекратилъ навигацію, не выпускалъ жителей за городскія стѣны; себѣ онъ требовалъ право и во время перемирія строить шанцы и другія укрѣпленія. При переговорахъ о мирѣ король продолжалъ требовать безусловной сдачи города, но ему отвѣчали мужественнымъ отказомъ [1]). Варварства и жестокости, какія поляки совершали во время осады Вейксельмюнде, яркими красками передаются протестантскими писателями; если въ нихъ и есть преувеличеніе, то во всякомъ случаѣ любопытно сопоставить эти факты съ возмутительными отзывами о русскихъ тѣхъ-же поляковъ и ливонцевъ.

Возобновившаяся осада Вейксельмюнде шла крайне неуспѣшно, и

автора и мѣста: — — et le guerre di Prussia, le quali non ancora finite ò impedita la uia di Polonia in Italia et ò conuerso dalla gente dell' Imperatore, se ancor questa non sarà assai sicura non so che sarà altro di fare, che pigliar la prattica con qual che hebreo mercante, il quale ha li suoi corrispondenti in Vienna fin che non si acquetaranno queste cose di quà, le quali si crede s'accomodarono presto con gran diligenza, che si fà da coteste Re, perche questi giorni passati si sono prese parecchie naue grosse cariche *di genti et di munitioni, che ueniuano dalla città di Lubech per dar soccorso a questi quà di Danzich*, et sono stati presi dalla gente del Rè di Suetia *ad istanza del Re nostro*. Otra ciò ha già fatto pigliar tutte le ville et castelli attorno quella città et ha fatto già una buona scaramuccia dopo la quale parte se n'è fuggita et parte dimanda misericordia dal Rè.

[1]) Liber Missivorum 1577.

поляки должны были снять ее. Все ограничивалось теперь бомбардированіемъ Данцига. Оно дорого стоило Баторію, городу-же особеннаго вреда не приносило. Для бòльшаго удобства въ военномъ отношеніи городъ раздѣлили на 9 участковъ; въ Данцигѣ царилъ совершеннѣйшій порядокъ и жизнь внутри городскихъ стѣнъ протекала своимъ обычнымъ порядкомъ. Городской ратъ много заботился о дисциплинѣ и нравственности войска какъ въ Данцигѣ, такъ и въ Вейксельмюнде; иностранцевъ сюда не допускали и предупреждали всякіе могущіе произойдти безпорядки[1]); жители посѣщали еженедѣльныя ярмарки, недостатка въ съѣстныхъ припасахъ не чувствовалось никакого. Моремъ городу доставляли и продукты, и наемниковъ, и денегъ, и оружіе. Данцигскій флотъ, сколько могъ, препятствовалъ плаванію въ Эльбингъ, захватывалъ корабли польскихъ союзниковъ, какъ напримѣръ Швеціи, и успѣшно разрушалъ всѣ осадныя работы поляковъ. Баторій хотѣлъ занять фарватеръ города эльбингскими кораблями; онъ хотѣлъ сдѣлать плаваніе въ немъ невозможнымъ, затопляя корабли, погружая большіе камни и т. д., но все это безуспѣшно. Въ августѣ въ Данцигъ вернулись его послы изъ Даніи, везшіе съ собою 5.000 розенноблей (20.000 талеровъ), 14 орудій, 6 ластъ пороху и бомбы. Данцигскіе корабли конвоировались военными судами Даніи. Попытка Зборовскаго остановить сношенія датчанъ съ городомъ ни къ чему не привела, такъ же какъ и личное обращеніе его къ датскому адмиралу Эрику Мунку.

Осада Вейксельмюнде и бомбардированіе Данцига возобновились въ августѣ. 21 августа король назначилъ штурмъ Вейксельмюнде, онъ желалъ построить черезъ Вислу мостъ, но жители Данцига помѣшали этому. Штурмъ 21 числа не удался; поляки были отбиты съ большимъ урономъ. Теперь Баторій созналъ рѣшительную невозможность силою овладѣть Данцигомъ. Онъ сталъ чувствовать недостатокъ въ порохѣ и военныхъ снарядахъ. 3 сентября онъ велѣлъ сжечь лагерь у Вейксельмюнде, шестаго числа онъ самъ отступилъ отъ города. Съ сентября до декабря тянулись начавшіеся переговоры о мирѣ. Данцигъ успѣлъ за это время возстановить свои торговыя сношенія съ скандинавскими государствами и ганзейскими городами

---

[1]) Lib. Missivorum 1577. Іоанну Зборовскому, 17 іюня 1577: ...Sie wolle bey der K. M. vmbeschweret anhalten vnd gnedig vnd gunstig verbitten helffen, das alte offensiones auf ein ennde gesetzet, vnnd nun weiter nichts mehr als der liebe friede vndt Ruhe in wehrendem diesem stillstande muege gesucht werden.

и готовился вступить въ борьбу съ эльбингцами, присвоившими себѣ съ согласія короля стапельное право, принадлежавшее раньше Данцигу.

Неудачны были мирныя посредничества Даніи, ганзейскихъ городовъ и ливонцевъ; переговоры ни къ чему не привели. Болѣе повезло посредничеству Альбрехта Фридриха Прусскаго. 12 декабря 1579 года заключенъ былъ миръ между польскимъ королемъ и Данцигомъ. Городъ обязался въ продолженіе пяти лѣтъ выплатить королю 200.000 гульденовъ и присягалъ ему на вѣрность; своихъ наемныхъ кнехтовъ онъ распускалъ, а за разрушенный монастырь Олива платилъ 20.000 гульденовъ. Король съ своей стороны подтверждалъ права и привилегіи города, даровалъ ему свободу вѣроисповѣданія, вознаграждалъ за причиненный торговцамъ города убытокъ, возвращалъ конфискованные товары, уничтожилъ всѣ постановленія, декреты и эдикты во вредъ города и единичныхъ личностей.

Борьба Данцига съ Баторіемъ, стоившая первому болѣе полутора милліона гульденовъ, окончилась къ великому удовольствію всѣхъ прибалтійскихъ городовъ и государствъ. Это одинъ изъ весьма любопытныхъ эпизодовъ въ вопросѣ о господствѣ на Балтійскомъ морѣ. Еслибы Польшѣ удалось безусловно подчинить себѣ Данцигъ, то остальные прусскіе города едва-ли устояли-бы въ неравной борьбѣ съ могущественнымъ королемъ, и Польша безъ особенныхъ усилій подчинила-бы себѣ все восточное побережье Балтійскаго моря и стала-бы морскою державой, опасной какъ для Швеціи, такъ и для Даніи.

Со вступленіемъ Баторія въ ливонскую войну, военное счастье стало измѣнять русскимъ, начался послѣдній тяжелый для Москвы періодъ войны, когда одновременно пришлось сражаться на два фронта, противъ шведовъ и противъ поляковъ.

Мы остановились въ обзорѣ ливонскихъ событій на 1571 годѣ. Время польскихъ междуцарствій было счастливымъ для русскаго оружія; московиты расширяли свои владѣнія во всѣхъ направленіяхъ. Магнуса царь рѣшилъ еще тѣснѣе сблизить съ собою, женивъ его по смерти Евѳиміи на Маріи Владиміровнѣ.

Весною 1572 года московскій царь прислалъ Магнусу значительныя подкрѣпленія войсками; мѣстности около Везенберга и Оберпалена были преданы разоренію. Въ концѣ этого года самъ царь съ своими сыновьями во главѣ большаго войска вторгнулся въ Ливонію со стороны Нарвы. Опустошивъ окрестности Пернова и Ревеля, русскіе осадили Вейссенштейнъ и въ первый день новаго, 1573 г., взяли

его послѣ шестидневнаго сопротивленія приступомъ: первый
говоритъ одинъ ливонскій лѣтописецъ, чтобы московитамъ
штурмъ. По взятіи Вейссенштейна царь съ частью своего войс
лился въ Новгородъ; другая часть, раздѣлившись на два отряда, от
лась на Каркусъ, который скоро палъ, и на Викенъ, гдѣ русскіе
опустошили мѣстности около Гапсаля, Лоде, Леаля и Нейгауза, но
этихъ городовъ не могли: шведы оказали имъ сильное сопротивлен
Въ концѣ 1572 г. русскіе были даже разбиты шведами въ
битвѣ у Коловери, „грѣхъ нашихъ ради", говоритъ лѣтописецъ.

Въ иностранныхъ донесеніяхъ за 1573 годъ говорится, что мос
скій царь точно ожилъ и съ небывалою энергіей обратился къ за
нымъ—ливонскимъ и польскимъ дѣламъ [2]). Изъ разрядовъ этого
мы видимъ, что „царь наказывалъ боярамъ, чтобы они похода сво
на свитцкіе нѣмцы не откладывали, а которые дѣти боярскіе
съ государемъ и тѣмъ молвить, чтобы они были готовы на госу
реву службу, по прежнему государеву указу, и службу свою тѣ
показали и съ службы не съѣзжали" [3]).

1574-й годъ также не представляетъ ничего выдающагося въ воен
номъ отношеніи; въ началѣ года шведы сдѣлали попытку захватит
Везенбергъ, но она имъ не удалась; русскіе же всего чаще появля
лись въ окрестностяхъ Ревеля, которыя подвергались сильнымъ опу-
стошеніямъ. Шведы имѣли въ виду занять нѣкоторыя владѣнія
Магнуса, почему Делагарди, назначенный губернаторомъ Эстляндіи
вмѣсто Тотта, пробовалъ осаждать Феллинъ, Каркусъ и Оберпаленъ,
но долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, вѣроятно, за мало-
численностью своихъ силъ [4]). Шведскій флотъ занятъ былъ исклю-
чительно наблюденіемъ за нарвскимъ фарватеромъ; поднявшаяся осенью
буря причинила ему не мало вреда.

Въ январѣ 1575 года 12.000 русскихъ и татаръ показались въ
виду Ревеля; послѣ стычки съ ревельцами при Гирведѣ русскіе отсту-
пили въ Трейденсбушъ.

Какъ въ 1570 году, такъ и теперь окрестные дома города, сады

---

[1]) *Henning*, 261, *Hjärn*, 287; число русскаго войска опредѣляется *Hjärn*'омъ въ 200.000 чел., *Реннеромъ* (366) въ 80.000. Ср. *Симб. Сборн.* 14, 31. *Псков. лѣт.*, 319. *Chytraeus*, 684.

[2]) Акты и письма, I, № 70, стр. 153. Ср. Beiträge, IV, Heft 2, 138. Ioan IV im Gespräch mit einem polnisch—litauischen Abgeordneten.

[3]) *Симб. Сборн.*, 14, 38.

[4]) *Renner*, 370, Beiträge, III, 317, *Hjärn*, 289. Ср. *Симб. Сборн.* XIV, 45.

и амбары были преданы огню [1]); въ концѣ января новый отрядъ русскихъ въ 1.000 чел. подошелъ уже къ самому городу, но опять таки послѣ непродолжительной перестрѣлки отступилъ чрезъ Падисъ и Кегель въ Викенъ; одновременно русскіе по льду прошли на сосѣдніе острова, Дагё, Моонъ, Эзель, Вормсъ, гдѣ также произвели опустошенія. Въ Викенѣ на пространствѣ 10 миль пылали огни. Не пощадили русскіе и Перновскаго округа; сжегши дворы въ Шальцѣ и взявши многихъ въ плѣнъ, они ушли чрезъ Буртникъ и Ругенъ. Магнусъ въ это время находился въ Оберпаленѣ, въ самой бѣдной обстановкѣ; владѣнія ливонскаго короля все суживались; царь-покровитель, послѣ измѣны Крузе и Таубе, отказался выдать ему обѣщанныя за Маріей 5 бочекъ золота; отношенія обоихъ родственниковъ ухудшались, царь былъ недоволенъ тѣмъ, что молодая королева надѣваетъ нѣмецкія платья, окружаетъ себя нѣмцами и т. д. Магнусъ все еще не терялъ надежды на возможность склонить на свою сторону ревельцевъ; какъ скоро это бы ему удалось, онъ не задумался бы ни минуты и измѣнилъ своему покровителю: Данія тогда достигла бы своего, она сумѣла бы защититься и отъ русскихъ, и отъ шведовъ. 25-го февраля Магнусъ писалъ ревельскому рату, что неоднократно старался предупредить несчастія его, но ревельцы сами считали его слишкомъ ничтожнымъ пророкомъ, чтобы придавать ему вѣру. Если московскій царь еще не двинулъ всѣхъ своихъ силъ къ стѣнамъ города и не началъ правильной осады его, то это единственно заслуга Магнуса. И теперь еще Ревель имѣетъ возможность отклонить отъ себя грозящую бѣду, пусть только пришлетъ въ Оберпаленъ 10 или 12 человѣкъ для переговоровъ съ Магнусомъ. Ревель не внялъ словамъ ливонскаго короля, онъ обращался и къ Фридриху II и къ Іоанну Фридриху померанскому съ просьбою взять на себя посредничество для примиренія города съ Москвою и содѣйствовать прекращанію нарвскаго плаванія [2]); рядомъ съ этимъ онъ готовился

[1]) Берл. арх. Khurzer bericht wie die statt Reuall vnnd anhangende Landschafften in Liefflandt nach gemachter Stetinischen friedshandlung von einer zeit zur andern in merckliche beschwer, abnahm, vnnd gefahr gerathen, vnnd wie sie ieziger gelegenheit noch darauss geretet zu sein verhoffen. 1575.

[2]) Берл. арх. Ревель герцогу Іоанну Фридриху, 24-го іюня 1575 г.: Dan wie der Muschowitter vnnd feindt der Christenheit diess voriar auf die Narua vber gute zuuorsicht aus allen deutschen stetten fast auch Dennemarck, Engelandt, Frankreich, mit allerhandt Prouiandt an Korn, Roghen, Malz, Mehl, bier vnd brodt, wein, heringh vnnd salz etc. nicht allein bespieset, sondern auch mit Kriegs munition, Puluer, Schwefel, bley, büchssen vnd andern wharen etc. bewap-

къ встрѣчѣ московитовъ. Данцигъ помогалъ ему оружіемъ и порохомъ.

Чтобы возстановить прежнее согласіе и добрыя отношенія съ Москвою, Фридрихъ II снарядилъ къ царю въ 1575 г. посольство, во главѣ котораго стоялъ Эліасъ Эйзенбергъ. Выѣхавъ 11-го мая изъ Копенгагена датскій посолъ прибылъ только 19-го мая въ Нарву [1]). Въ Новгородѣ къ нему прибылъ вѣстникъ отъ царя, который просилъ его 24-го іюня выѣхать изъ Новгорода въ Dorschell, въ 12 миляхъ отъ котораго находился самъ царь [2]). 28-го числа Эйзенбергъ былъ уже въ Твери (Otfer), откуда, пишетъ онъ въ своемъ журналѣ, до Старицы (Stargitz), гдѣ находился царь, 12 миль. Перваго іюля онъ достигъ мѣста своего назначенія. Прошло четыре дня; царскіе пристава спросили его, имѣетъ ли онъ съ собою подарки для царя и царевича; если имѣетъ, пусть на особомъ листѣ отмѣтитъ, какіе везъ съ собою подарки. 7-го іюля Эйзенбергъ представлялся царю. Рядомъ съ Грознымъ сидѣлъ его сынъ Иванъ, на скамьяхъ по обѣимъ сторонамъ бояре и царскіе совѣтники [3]). Посолъ передалъ царю поклонъ отъ своего государя, затѣмъ удостоился руки царской. Грозный спросилъ о здоровьи Фридриха II. Послѣ этихъ привѣтствій царю передали инструкцію датскаго короля. По окончаніи аудіенціи Эйзенберга почтили царскимъ обѣдомъ за царскимъ столомъ.

Іоаннъ Грозный поручилъ разсмотрѣть миссію Эйзенберга Аѳанасію Ѳедоровичу Нагому и Василію Щелкалову (Offanassi Federwitz Nagoua и Basilj Solkau); пока они исполняли приказаніе царя, посолъ оставался „въ канцеляріи". Отъ имени своего государя Нагой и Щелкаловъ упрекали датскаго короля въ томъ, что онъ вопреки договорамъ съ Москвою продолжалъ оказывать шведамъ помощь противъ Россіи и требовали, чтобы Фридрихъ возвратилъ Магнусу всѣ земли, какія онъ ему обѣщалъ, заключая съ нимъ договоръ [4]). Эйзен-

---

net, vns armen Leuten zu ewigen vorderb vnd vnterganck; ja deutscher Nation zu künfftigen vnuorwindtlichen schaden vnnd vnheill, solchs ist leider am tage vnd zubeclagen.

[1]) Копен. арх. Russl. 10 g. Begrieff wass wir Eliasen Eysenbergk jnn der schickung ahn den Muschowiter allenthalben furgefhallen. 1575.

[2]) Dorschell—въ 58 миляхъ отъ Новгорода.

[3]) Welcher (царь) ihren eltisten son, herren Iwan Iwanowitz neben sich, vnd sonsten auff den Bäncken herumb ihre Baiorn und Räthe sitzendt gehabtt.

[4]) Царь велѣлъ сказать послу: Es hette zwar hiebeuor seine die Kon. M. mitt den Stifften Ozell, Wieck vnd Reuhall, vnd was fur Schlosser vnd landen dartzu gelegen, auss Ihrem Erbe Lifflandt begnadet, die Kon. M. aber hernacht solchs durch Schweden einnehmen vnd so lange zeit behalten lassen, daraus S. M. allerlei schade vnd vordriss, jn der Kriegsübung wieder Schweden zugestanden и т. д.

бергъ отвѣчалъ на эти требованія, что не имѣетъ полномочія вести о нихъ переговоровъ; царскіе совѣтники остались недовольны такимъ отвѣтомъ посла и ушли [1]). 13-го іюля происходили новые переговоры ихъ. Случилось, что въ это время изъ Даніи явился гонецъ съ письмомъ къ Эйзенбергу. Канцлеръ царя выхватилъ письмо изъ рукъ гонца и, не смотря на протесты посла, не отдалъ ему письма [2]). Послѣ такой прелюдіи перешли къ разсмотрѣнію ливонскихъ дѣлъ. Эйзенбергъ указывалъ царскимъ совѣтникамъ, что шведы захватили въ Ливоніи города, издавна принадлежавшіе Даніи; не будучи въ состояніи отстоять своихъ ливонскихъ владѣній, Фридрихъ II обращался къ содѣйствію Польши, но и это не помогло [3]). По штеттинскому миру шведы, наконецъ, обязались вернуть Даніи все, что они захватили въ Ливоніи, но не исполнили этого. Изъ этого царь можетъ убѣдиться, какъ мало основаній имѣетъ датскій король питать дружбу къ Швеціи, а тѣмъ болѣе помогать шведамъ противъ Москвы. Датскій король, хотя и имѣлъ бы основанія укорить московскаго царя за его дѣйствія на норвежскихъ границахъ, однако этого не дѣлаетъ изъ дружбы къ нему [4]). Аѳанасій Нагой настаивалъ на томъ, что Фридрихъ, заключивъ съ Швеціей штеттинскій миръ, преступилъ крестное цѣлованіе съ царемъ. Эйзенбергъ возразилъ на это, что въ такомъ случаѣ и царю не слѣдовало заключать договора съ Эрикомъ XIV, и указывалъ на то, что Фридрихъ II, по заключеніи штеттинскаго мирнаго договора, направилъ все свое вниманіе на очищеніе Балтійскаго моря отъ пиратовъ и настаивалъ на полной свободѣ нарвскаго плаванія, имѣя въ

---

[1]) In dem aber die beiden Räthe wir eingefallen vnd gesagtt weill ich jn dem nicht beuhelicht, so were es auch vnnötig jnen zu dem bedencklich, etwas von mir antzuhören, seindtt domitt auffgebrochen vnd weggegangen.

[2]) Dies alles aber hatt nichts helffen muegen, sönder die Reussen seindt bey ihrem vornhemen bestanden.

[3]) Es hette der Schwede, nicht lange nach der zeit also die Kon. M. solche gedachten Orter jn Lifflandt einbekommen vnd also nach auffgerichter vereinigung mitt dem Grossfursten dieselbigen Stuck landes feindtlicher weise vnd eins theils fur der entsatzung übertzogen, als aber dieselbigen lande dem Reich Denemark etwas abgelegen vnd der entsatz daher so balde an dieselbige orter nicht zugelangen, habe die Kon. M. bey Polen, durch die gemachte Buntnuss wieder Schweden dies verhandlet, das Polen solche stuck jnn Lifflandt vor der schweden feindtlichen überfall freien vnd der Kon. M. zum besten erhalten solle, als aber Polen in dem nachlessig gewesen, where daher entstanden, das der Schwede solche orter mechtig worden.

[4]) Es hetten sich aber die K. M. nicht alleine dessen enthalten, sonder des Grossfursten Person desshalben entschuldigt genhommen.

виду интересы царя. По окончаніи этого втораго конвента, Эйзенбергу возвратили отнятыя у него письма.

15-го іюля Эйзенбергъ былъ вторично представленъ царю. Царь сказалъ ему, что разсмотрѣлъ инструкцію, данную ему его королемъ, и нашелъ, что главное содержаніе ея сводится къ посредничеству, предлагаемому королемъ, для примиренія его, царя, съ шведскимъ королемъ. Царь не можетъ принять королевскаго посредничества въ виду слѣдующихъ соображеній: шведы противозаконно вторглись въ наслѣдственныя земли царя въ Ливоніи и отказывались платить царю слѣдуемую подать,—отсюда необходимость войны съ ними. Шведскій король надолго прекратилъ всякія сношенія съ русскими и не желалъ входить въ переговоры съ новгородскимъ намѣстникомъ московскаго царя. Мы не мало удивлены, говоритъ Грозный, что другъ и сосѣдъ нашъ—датскій король предлагаетъ намъ, великому князю и Божьей милостью царю всея Руси, ведущему свой родъ отъ Августа Кесаря, начать переговоры съ страдникомъ и шельмой. Іоаннъ не наслѣдственный, а избранный король, онъ низкаго происхожденія, какъ и отецъ его Густавъ, не можетъ писаться никакимъ королевствомъ, до вступленія на престолъ писался только владѣтелемъ Або, Выборга и другихъ замковъ. Удивительно, что король Фридрихъ въ своемъ письмѣ величаетъ Іоанна королемъ, что онъ не принялъ въ расчетъ какъ своей, такъ и нашей чести, когда обращался къ намъ съ предложеніемъ посредничества. Мы готовы считать своими братьями императора и другихъ государей, шведъ же, осмѣлившійся сноситься съ нами, какъ государь, этого не достоинъ.—Если Фридриху удастся убѣдить Іоанна войдти въ сношенія съ нашимъ намѣстникомъ въ Новгородѣ и съ нимъ начать переговоры о мирѣ, если Фридрихъ согласенъ туда, въ Новгородъ, прислать своихъ пословъ, тогда дѣло другое: дабы прекратить пролитіе крови христіанъ мы готовы на это согласиться. Царь готовъ также забыть о помощи, оказанной Фридрихомъ шведамъ, какъ о дѣлѣ прошедшемъ и болѣе объ этомъ не вспоминать [1]).

Окончивъ свою рѣчь, Іоаннъ всталъ, подалъ Эйзенбергу руку и просилъ поклониться королю Фридриху.

Оставшись наединѣ съ приставами, Эйзенбергъ просилъ какого нибудь рѣшительнаго отвѣта относительно норвежскихъ дѣлъ, но ничего не могъ добиться; Нагой и Щелкаловъ объявили ему, что царь

---

[1]) Wir haben verstanden was Ihr erstlich für werbung von vnserm freunde vnd Nachtbarn K. Friderichen zu Denemark etc. an vns zubringen gehabt, vnd

по случаю взятія [1]) Пернова весело настроенъ и о дѣлахъ съ нимъ теперь говорить нельзя.

Грозный, которому все таки доложили о Норвежскихъ дѣлахъ, велѣлъ послу ѣхать домой [2]), пожаловавши его столь прекрасными соболями, что Эйзенбергъ подумалъ, что они предназначаются ко-

---

was zwischen vnsern verordenten Räthen vnd euch geredett vnd gehandlet worden. Es hat vns auch vnser Freundt vnd Nachtbar K. Friderich bey seinem diener Marten zwei schreiben zugeschickt, die wir im gleichen verstanden, jn demselben einem helt ehr bey vns an, das wir vnss mitt dem Schweden vortragen wolten, vnd ehr gedachte, da vns solchs gefellig auch desshalben an den Schweden zu schreiben, vnd zur vnderhandlung zwischen vns vnd dem Schweden seine Gesandten herein an vns abzufertigen, nhun weiss vnser Freundt vnd Nachtbar K. Friderich woll, wie sich der Schwede vnderstanden zu unser Erb Liefflandt sich eintzuwickeln, dorumb, vnd das ehr vnss sonsten auch den Tributt domit ehr vns verhafft nicht geben wollen, haben wir ihm, mit vnser kriegsmacht verfolget, Er hat vns aber, in so lange zeit nicht geschrieben, wie auch sich mit vnserm Stadthalter zu Newgarden in keinen vertrag eingelassen, vnd verwundert vns, das unser Freundt vnd Nachbar K. Friderich vns anmuetet, das wir, der Grossmechtige Herr, von Gotes Gnaden Iwan B. Grossf. vnd Keyser aller R. vns mitt dem Schelm [на поляхъ Nota: Ob wole des Grossf. Dolmetscher das wort Schelm ahn dem Orte gebraucht, so berichtett mich doch hernacher der K. M. eigen dolmetscher— dass das Reussische wort „Strattenick"—so ahn dem Ort vom Grossf. geredet wurde, proprie hiess ein strassen Suff] vertragen solten, den wir nhemen vnsern vrsprung vom Keys. Augusto her, Er aber ist ein erwelter Konig, vnd von geringem herkommen, wie auch sein Vater Gostaff, zu dem, so hat ehr sich auch von keinem Konigreich zu schreiben, dan zuuor haben sie sich geschrieben von Abo, Wiborch vnd den Schlössern vnd ist niemals ein Königreich gewesen, derwegen verwundert vns, das jhn Konig Friderich einen Konig in seinem schreiben nhennet, vnd das K. Friderich mit solchem schreiben vns vnd seiner selbst nicht in acht gehabt, Vnsern tewren bruder Keys. Max. vnd andere Könige halten wir fur vnsere Brueder den Schweden aber nicht wirdig, mitt dem wir handeln wölten. Er hatt sich auch nicht geschewet, sich gegen vnss fur ainen Potentaten antzuziehen, Wir haben nhun wiederumb vnsere Boiarn vnd Kriegsvolch zu unser Erb lifflandt abgefertigt vnser Erb zu freien, dan aber K. Friderich beim Schweden erhalten, das ehr an vnserm Stadthalter zw Nevgarden schreibe, vnd mit ihme sich in handlung einlasse, vnd do dartzu K. Friderich auch seine Gesandten haben wolte, domit nicht mher Christlichs blutes vergossen werde, solchs konnen wir woll zu lassen. .... О помощи шведамъ: aber das ist vorbey, Ewer Herr... hatt biss daher die Creutzkussung gehalten, wirdt erss fernher halten, so wöllen wir sie auch halten. (На поляхъ противъ этого мѣста: hoc dicit in Summa).

[1]) Es where der Grossfurst auff die Zeitung wegen der eröberten Pernau, derer ehr desselben Tags verstendigt worden, lustig, derwegen könte der Cantzler desselben tags in die sachen nichts bey Seiner M. gedencken.

[2]) Wan ich gleich viell drumb thette, so wurde ich doch nichts anderss zum bescheidt bekommen.

ролю. „Еслибы королю, отвѣтили ему,—они должны бы быть много лучше!“ [1]).

19-го іюля датскій посолъ уѣхалъ изъ Старицы, 31-го августа онъ былъ въ Копенгагенѣ.

Въ это время Магнусъ все еще занятъ былъ мыслью склонить на свою сторону Ревель.

Первая дипломатическая неудача не остановила его: онъ былъ большой охотникъ до пространныхъ докладовъ, реляцій, обращеній. Такъ, 26-го августа 1575 года онъ пишетъ Ревелю, что движимый любовью и расположеніемъ къ городу, онъ еще разъ проситъ жителей войдти съ нимъ въ переговоры. Августовское обращеніе, очень длинное, заключаетъ въ себѣ сумму всѣхъ его прежнихъ обѣщаній и приманокъ. Если же ревельцы и теперь станутъ упорствовать, писалъ Магнусъ, то городъ ихъ будетъ обращенъ въ татарскую пустыню [2]). Но и угроза „татарскимъ опустошеніемъ“ не испугала стойкихъ ревельцевъ.

Изъ крупныхъ военныхъ успѣховъ московитовъ въ 1575 году слѣдуетъ отмѣтить взятіе Гельмета и Пернова. 14-го февраля русскіе приступили къ Гельмету; окрестность города, какъ и все почти теченіе Вислы, представляла рядъ разрушеній. Московскій военачальникъ обратился къ жителямъ Гельмета съ воззваніемъ добровольно сдаться ему и предупредить напрасное кровопролитіе; чѣмъ проливать кровь христіанскую, пусть гельметцы добровольно признаютъ надъ собою господство московскаго царя, который желаетъ даровать имъ миръ; царь никого не будетъ силою удерживать въ городѣ: желающіе могутъ свободно выйдти изъ него. Отвѣта не послѣдовало, и русскіе пошли къ Пернову [3]).

---

[1]) So mussten sie etwas besser dan diese sein.

[2]) Beiträge, III, 319.

[3]) Данц. арх. Urk. Samml. XCI, 127, 18749 — донесеніе Георга фонъ Вольсторфа. См. Акты, II, 1893, № 11. Вотъ обращеніе, присланное Гельмету отъ московскаго воеводы: Von Gotes gnaden des grotten Herren Kay: May: aller Russen Iwann Wassieliwitz von der Key: May: Statthalter tho Derpet von Kness offonasihewitz vnd von aller Key: May: Pojaren vnd Kriegs Oberste jn der Key: May: Erue vp Helmet an die Stadthalter dhon di tho wettenn, dat wir jm toge sin mit des Key: May: grotte macht vnd grotte geschutz vnd gedencken des Key: May: Erue jn tho nemen vnd nach deme so haben wir vns vber euch erbarmet vnd schriuen juw tho dat gi mochten ewer grotte schult erkennen jegen vnse Key: May: aller Russen vnd sehet tho dat gi so nicht dhon alse de Wittenstenischen de dem Key: May: sin Erue wolten entholden, alse idt en wedder fur so wert

Перновъ рѣшился испытать счастье и готовился съ мужествомъ отбить всѣ приступы русскихъ; жители этого города обращались за помощью къ Данцигу, просили пороха, свинца, оружія. Обстоятельное посланіе ихъ въ живыхъ краскахъ передавало критическое положеніе города въ виду многочисленнаго врага; но всѣ подробности посланія, съ цитатами изъ Цицерона и Гезіода, мало дѣйствовали на данцигскій магистратъ, помощи онъ не прислалъ. Въ понедѣльникъ передъ днемъ Петра и Павла (27-го іюня) русскіе съ разсвѣтомъ между 2-мя и 3-мя часами приступили къ Пернову, въ количествѣ 30.000 чел.; съ ними было 74 пушки, 9 мортиръ и 4 меньшихъ пушекъ (Cartowen). 28-го числа они построились лагеремъ у самаго города и начали его обстрѣливать; много пострадали отъ русскихъ пушекъ стѣны, башни и дома города; огненныя ядра, попадая въ городъ, производили пожары. Первые пять приступовъ русскихъ были отбиты, городу помогали рижане; въ шестой разъ русскіе отказались идти на штурмъ, и военачальникъ ихъ—князь Юрій—долженъ былъ прибѣгнуть къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Тогда только штурмъ состоялся; нѣмецкіе кнехты Магнуса, участвовавшіе въ осадѣ, взывали къ осажденнымъ собратьямъ, чтобы они добровольно сдались, что ихъ пощадятъ, что имъ дарують миръ. Воззваніе было съ радостью принято. Одно обстоятельство болѣе воззваній нѣмцевъ побудило перновцевъ сдаться: къ нимъ пришла вѣсть, что къ русскимъ идутъ свѣжія вспомогательныя силы. 8-го іюля, въ пятницу, обмѣнялись заложниками, и русскій воевода—татарскій князь—вошелъ въ переговоры съ жителями. Онъ обѣщалъ имъ свободный выходъ изъ города въ продолженіе не одного, а нѣсколькихъ дней; а кто изъ жителей пожелалъ бы перейдти на службу къ царю, будетъ награжденъ большими милостями, какими раньше не пользовались. Когда 4.000 русскихъ вошли въ городъ, жители его собрались на городской площади и, по выраженію современника, какъ стадо овецъ ожидали покорно своей судьбы. Русскіе и на этотъ разъ сдержали свое обѣщаніе, и всѣ пожелавшіе

Juw ok ghaen so gi dat hus nicht mit gude jngeuen werden, vnd geuet helmet mit gude vp vnd vorgettet vnschuldig Blodt nicht, vnd so gi dem Key: May: lust vnd leue hebben tho denen vnd de jenige schollen wol begnadiget werden vnd de dem Key: May: nicht denen willen de willen wir daruth laten mit allem Jrem guderen, vnd willen leit sagen latten dar se hen begerren sampt Jren husfrowen vnd Kindern vnd schriuet vns mit dem aller erst en tho wett gi in der Ille von dage in vnse lager wes gi gesinnet sin vnd so willen wir die Kriegsvolck vorbeden dat dar kein blodt nicht mochte vorgoten werden, vnd willen ok vorbeden rouen vnd brennen so gi mit gude Juw geuen geschreuen in der Ille.

могли выйдти изъ города. Въ Перновѣ русскіе нашли 30 орудій; осада города стоила имъ 3.000 человѣкъ [1]).

Перновъ палъ; Кетлеръ, опасаясь дальнѣйшаго наступленія русскихъ, обратился за помощью къ Данцигу; онъ сообщалъ ему о ходѣ осады Пернова со словъ одного купца, бѣжавшаго изъ города по сдачѣ его; онъ былъ очевидцемъ всей осады и сообщилъ Кетлеру рядъ любопытныхъ подробностей. Данцигъ, однако, и теперь отказывался отъ всякаго участія въ ливонскихъ дѣлахъ: онъ всецѣло отдался своимъ отношеніямъ къ Польшѣ и Даніи. Опасенія Кетлера сбылись: русскіе двинулись дальше, имъ сдались Гельметъ, Эрмисъ, Руйенъ и Пуркель. Ходкѣвичъ успѣлъ изъ этихъ городовъ вернуть Польшѣ только Руйенъ.

Всего больше опасались за судьбу Ревеля; въ немъ начался голодъ, жители взывали ко всѣмъ о помощи, говоря, что со взятіемъ Ревеля русскіе будутъ господами всего Балтійскаго моря [2]). Делагарди самъ писалъ Іоанну, что онъ безъ пороха, безъ денегъ и безъ войска; оставшіеся у него солдаты уже нѣсколько лѣтъ безъ жалованья, они наги; необходимо какъ можно скорѣе доставить въ городъ оружія, пороху, съѣстныхъ припасовъ и солдатъ, и тогда городъ долго еще продержится, и русскимъ съ позоромъ придется отступить отъ него.

[1]) Объ осадѣ Пернова Данц. арх. Urk. Samml. XCI, 130, 18721, сообщеніе Риги Данцигу отъ 19 іюля 1575. См. наши Акты, II, 1893, № 13; затѣмъ — донесеніе рижскаго бургомистра Фридриху II отъ 20 іюля, почти сходное съ предыдущимъ. Число защитниковъ Пернова опредѣляется въ 300 человѣкъ. Въ первомъ донесеніи, вѣроятно, по ошибкѣ упомянуто о 9 приступахъ русскихъ. — Ср. Копенг. арх. Lifland; Montags vor Petri vnd Pauli hatt der Musk. die Stadt vnd Schloss Pernow 28 meile von vnser Stadtt, mitt einer bequemen haffen ahn der Ostsehe belegen, morgen zwischen 2 vnd 3, wie der Tag angebrochen, mitt 30000 man ahn Reussen vnd Tatteren zu ross vnd fuss vnd 74 Stucke grossen geschutz, neun feurmössern vnd 4 dubbeln Cartowen berandtt. Остальное въ этомъ донесеніи сходно съ напечатаннымъ въ II томѣ актовъ, подъ № 13. Ср. еще третье донесеніе о паденіи Пернова, присланное Данцигу Кетлеромъ, Данц. арх. XCII. 14. 22078. Изъ этого донесенія видно, что Кетлеръ у себя не бездѣйствовалъ: „das er das Blockhaus zwr Saliss wiederumb zu demselben ende mitt grosser gewaltt aufbawenn vnd befestigenn lesset". Ср. Акты, II, № 12. Ср. Берл. арх. R. N. Polen contra Moskau. Zeitung, 19 іюля 1575. Ср. *Turgeniew,* I, CLXXX.

[2]) Берл. арх. Solten sie (ревельцы) in seine (моск. царя) gewalt khommen wurde durch Iren verlust der gannze Vmbkreis der Ostsehe gefehret werden vnd man wurde allssdann erst erfahren vnnd vorstehen was an Verlust der Statt Reuall gelegen gewesen. Царь alls ein mechtiger Potentat—wird umb sich greiffen vnnd den nechst belegenen an sehe fürsten vnd steten vngezweifelt, gleichs den Lieflandern baldt gefehrlich bekhant werden.

На пути къ Ревелю русскіе успѣли занять Фиккель, гдѣ начальствовалъ Юргенъ Икскулль; штатгальтеръ Эзеля совѣтовалъ Икскуллю принять въ городъ датскій гарнизонъ, чтобы успѣшнѣе выдержать столкновеніе съ русскими; Икскулль отказался, и русскіе безъ труда заняли городъ. Напрасны были и обращенія къ перновскому воеводѣ Никитѣ Романовичу Захарьину Юрьеву, и къ царскимъ совѣтникамъ, и къ датскому правительству: Икскулль былъ плѣнникомъ отправленъ въ Москву [1]). Съ каждымъ новымъ успѣхомъ русскихъ увеличивалась опасность для Ревеля [2]); Рига убѣждала ревельскій ратъ отдаться подъ покровительство Польши, которая тѣмъ легче могла бы отстоять городъ, что у нея съ Москвою теперь перемиріе [3]); Рига въ то же время старалась склонить къ помощи Данцигъ и писала ему съ этою цѣлью, указывая на безотрадное положеніе Ливоніи, гдѣ все сожжено и опустошено русскими до Салиса, убито до 30.000 человѣкъ [4]).

Успѣхи, одержанные русскими въ 1575 г., были очень значительны; важность владѣнія Перновомъ сознавали и шведы, и поляки; изъ за этого города было пролито много крови; Сигизмундъ II Августъ сосредоточилъ въ его фарватерѣ своихъ морскихъ спекуляторовъ, и теперь этотъ важный стратегическій пунктъ былъ во власти русскихъ; не забудемъ, что онъ лежалъ на самомъ берегу моря, имѣлъ прекрасную гавань, такъ что съ его пріобрѣтеніемъ русскіе сдѣлали еще одинъ лишній шагъ къ морю. Почти вся Эстляндія была покорена ими. Очень понятно, что все вниманіе царя съ этихъ поръ исключительно было направлено на Ревель, который одинъ держался среди покоренной области. Занятіе этого города, дѣйствительно, обезпечивало бы за Россіей то, къ чему такъ стремился ея знаменитый первый царь, и Россія сдѣлалась бы Балтійской державой. Ливонцамъ 1575-й годъ на долго остался памятенъ, онъ стоилъ имъ 30.000 человѣкъ убитыхъ и множество плѣнныхъ [5]).

Ливонскія событія этого года привлекли къ себѣ вниманіе Герман-

---

[1]) *Lossius*, I, 80 и дал., на основаніи архивовъ дома Фиккель.

[2]) Grosser Gefahr... wenn ein soliche herliche dominium vnnd furnehmste Ostsehepfordt Lieflandts vber allerseits vnnd zu rawhner(?) zeit gesuchter Hilf trost vnnd mittel der Christenheit zu nachteill abbruch vnnd vorweiss so schümpflich dem Moschobiter in rachen fallen solte, so doch jtzo per media leichtlich zu retten.

[3]) *Hjärn*, 291.

[4]) Beiträge, II, 141.

[5]) Данц. арх. Urk. Samml. 19-го іюля 1575 г.

ской имперіи, рѣшено было созвать новый рейхстагъ и на немъ обсудить какъ ливонскія дѣла, такъ и отношенія Швеціи къ Любеку, принимавшія все болѣе и болѣе враждебный характеръ.

Притѣсненія Іоанномъ III любекскихъ купцовъ достигли крайнихъ размѣровъ къ 1575 году, и любекскій ратъ рѣшился обратиться къ заступничеству германскаго императора. Въ началѣ этого года Любекъ отправилъ къ Максимиліану II своего синдика Каликста Шейна, которому и предписано было принести императору жалобу на захватъ шведами любекскихъ купцовъ и на рядъ стѣсненій, какія шведское правительство причиняетъ всѣмъ торговцамъ на Балтійскомъ морѣ. Такъ весною 1574 года шведы захватили 18 торговыхъ судовъ, не разобравъ, ѣдутъ ли любекскіе купцы въ Нарву или возвращаются домой. Оказалось, что они направлялись въ Выборгъ, Перновъ и другія ливонскія гавани; купцовъ ограбили, а товары конфисковали; изъ экипажа многихъ выбросили за бортъ въ море [1]). Такіе случаи стали повторяться все чаще и чаще.

Весь убытокъ, причиненный шведами Любеку, Шейнъ полагалъ въ 700.000 талеровъ. Ему поручено было передать императору, что на шведскомъ правительствѣ кромѣ того еще значительный долгъ со времени Густава I. И не одни шведы нарушаютъ права и привилегіи ганзейцевъ, но и датчане: въ Сконе и другихъ мѣстностяхъ они лишаютъ ганзейцевъ ихъ прежнихъ преимуществъ. Посольства, отправляемыя ко дворамъ скандинавскихъ государей не приносили никакой пользы [2]).

Русская война служила Швеціи только прикрытіемъ ея репрессалій; любчане съ горестью замѣчали, что русская торговля мало по малу переходила въ чужія руки, на своихъ рынкахъ имъ приходилось покупать русскіе товары у шведовъ и датчанъ. Бывали такіе случаи, что тѣ же шведы и датчане, отобравши у любчанъ русскіе товары, являлись съ ними въ Любекъ, гдѣ продавали ихъ по очень высокой цѣнѣ. Любекъ былъ бы согласенъ отправлять своихъ торговцевъ въ Ревель, еслибы туда допускались русскіе торговцы [3]). Любчане

---

[1]) Любек. арх., Suecica, Vol. VI. Этотъ случай разсказанъ, между прочимъ, въ письмѣ Максимиліана II къ Іоанну III, Прага, 30-го марта 1575 г. ... „ohne alle gegebne ursach vnd one vnderscheidt dess hin vnd widerfahrens, vnd vngeachtet derselben etlich nit nach der Narua, sonder Viborg, Pernaw vnd andere dergleiche ortt gesegelt... etlich aber gar erwürget oder jhe halb lebendig über die schiff geworffen".

[2]) *Häberlin*, IX, 327.

[3]) ... aber von dannen ist der Russe abgewichen.

въ заключеніе умоляли императора заступиться за нихъ, тѣмъ болѣе, что ихъ городъ—имперскій городъ, членъ одного общаго германскаго отечества [1]).

Максимиліанъ II согласился исполнить просьбу Любека и самъ обратился къ Іоанну III по вопросу о привилегіяхъ Любека и о нарвскомъ плаваніи [2]). Онъ указывалъ королю, что не отъ одного только Любека слышитъ о самовольныхъ поступкахъ шведскаго правительства, но и отъ курфюрстовъ и князей. Такое поведеніе шведовъ идетъ въ разрѣзъ съ постановленіями штеттинскаго мира. Максимиліанъ II рѣшительно требуетъ для Любека и другихъ городовъ свободнаго плаванія на Нарву и не желаетъ допускать униженія имперскаго города шведскимъ королемъ; подданные его дѣйствуютъ хуже морскихъ разбойниковъ. Если между королемъ и городомъ возникли какія либо недоразумѣнія, то онъ готовъ служить посредникомъ для примиренія ихъ; закрывать же сношенія Любека съ русскими—значитъ подрывать все благосостояніе этого города, такъ какъ русская торговля его кормилица [3]).

Между императоромъ и шведскимъ королемъ завязывается любопытная переписка, характеризующая какъ того, такъ и другаго. Іоаннъ рѣшительно и неотступно стоялъ на своемъ правѣ во время борьбы съ Москвою не допускать сношеній съ русскими ганзейцевъ, онъ намѣренно подчеркиваетъ глубокую пропасть, отдѣляющую его, самодержавнаго государя, отъ ничтожнаго города торгашей; ему—королю надлежитъ предписывать, а городу подчиняться. Максимиліанъ II какъ всегда, такъ и теперь дѣлалъ попытку повысить тонъ, но постоянно наталкивался на рѣшительное нежеланіе скандинавскихъ королей признавать его авторитетъ, чего-то пугался и въ концѣ концовъ обнаруживалъ бездѣятельность и нерѣшительность: слова ни у кого такъ не расходились съ дѣломъ, какъ у этого „либеральнаго“ императора.

8-го іюля послѣдовалъ замѣчательный по своей твердости отвѣтъ

---

[1]) Любек. арх. Любекъ Максимиліану, 2-го августа 1575 г.: vnnd mus also der Muschowiterische Khrig souiel vns betrifft, der Mantel vnd Deckhle sein, do wir vnd die vnsern doch teglichen mit schmerzen ansehen mussen, dass Schweden vnd denen in vnnsere Stadt russische wharen zu khauff bringen auch woll die wahren, welche sie den vnnsern abgenommen.

[2]) Любек. арх., Suecica, Vol. VI. Вышецитированное письмо 30-го марта; отвѣтъ Іоанна III тамъ же, Стокгольмъ; 8-го іюля 1575 г.

[3]) Въ Нарвѣ, пишетъ Максимиліанъ, „alle Ire (Любека) Narung vnd wolfahrt“.

Іоанна [1]). Онъ прежде всего опровергаетъ извѣстіе о захватѣ шведами 18 кораблей; любчане, говоритъ онъ, по обычаю своему и на этотъ разъ исказили истину; захвачено было лишь нѣсколько кораблей и съ купцами обошлись вовсе не такъ жестоко, что могутъ подтвердить и нѣкоторые любекскіе купцы [2]), бывшіе свидѣтелями вышеизложеннаго событія. Іоаннъ со своей стороны указывалъ императору на желаніе Любека незаконно увеличивать и расширять свои привилегіи, выдвигалъ своекорыстіе этого города, обнаруживавшееся во всѣхъ войнахъ, говорилъ о помощи, оказываемой Любекомъ Магнусу, о доставкѣ русскимъ военныхъ снарядовъ, о враждебныхъ договорахъ противъ Швеціи [3]); представители Любека, являясь въ Швецію, держали себя съ неподобающимъ высокомѣріемъ, не платили установленныхъ податей, они виновны въ „crimen laesae Majestatis"; они причинили Швеціи столько вреда, что о возстановленіи ихъ прежнихъ привилегій не можетъ быть и рѣчи. Товаровъ, отнятыхъ у нихъ, король не возвратитъ имъ, такъ какъ любчане поддерживаютъ сношенія съ его врагами—московитами. Со своей стороны король соглашался назначить 4 коммиссаровъ для разсмотрѣнія своихъ отношеній къ Любеку, но предупреждалъ, чтобы Любекъ не вздумалъ указывать ему мѣсто и время будущаго съѣзда или не вздумалъ ему предписывать свои требованія. Король никогда не допуститъ торговому городу дѣлать себѣ указанія или замѣчанія. Мѣстомъ съѣзда король предлагаетъ избрать городъ Кальмаръ. Если Любекъ, императоръ и князья надѣятся, что король согласится допустить нарвское плаваніе— они ошибаются: Нарва не можетъ быть стапельнымъ пунктомъ на востокѣ Балтійскаго моря, пока она принадлежитъ московскому царю. Пусть города выбираютъ между Ревелемъ, Выборгомъ и Ригою.— Такимъ категорическимъ заявленіемъ оканчивалось письмо Іоанна. Онъ дѣйствительно рѣшился не дѣлать уступокъ Любеку. Нарвское плаваніе все болѣе затруднялось, и тогда то рѣшили сначала на съѣздѣ курфюрстовъ, а потомъ на рейхстагѣ еще разъ разсмотрѣть этотъ обоюдоострый вопросъ.

---

[1]) Любек. арх. Вотъ, между прочимъ, любопытныя слова короля: Wie aber diesse Stadt von vielen jahren heer auss stoltzer Vernunfft vnd grober Hoffart alle zeit hatt mehr sein wollen, als andere... Затѣмъ: Weil wir dan als ein gekrönter khonig von jnen alss einer gemeiner khauffstadt, *wedder jn disen noch andern vnns nichts furschreiben zulassen bedacht seind.*

[2]) Ihre eigennen Verwandten Khaufleutten.

[3]) sich mit andern wider vns in bündtnuss vnd Admiralschafft einlassen.

Ливонскія дѣла были предметомъ преній восьмой сессіи курфюрстентага въ Регенсбургѣ 1575 года. 25-го октября шесть вендскихъ городовъ передали собранію „супликацію“ по вопросу о Ливоніи, которой грозило совершенное покореніе русскими; послѣдніе захватили уже Перновъ, доходили до Риги, гдѣ все предавали опустошенію, и отвели въ плѣнъ до 10.000 человѣкъ. Русскіе въ незначительное время успѣютъ распространить свое могущество по всему востоку Балтійскаго моря. Всего удобнѣе для русскихъ вести войну зимою, поэтому представители городовъ и находятъ необходимымъ, чтобы и курфюрсты и сосѣдніе иностранные государи теперь же походатайствовали о заключеніи мира или по крайней мѣрѣ перемирія съ московскимъ царемъ. Курфюрсты почти единогласно высказались за необходимость отправить къ царю посольство отъ имени всей имперіи. Курфюрстъ Майнцскій заявилъ, что посольство въ Москву рѣшено было отправить еще на шпейерскомъ рейхстагѣ, затѣмъ и на рейхстагахъ во Франкфуртѣ и Мюльгаузенѣ; императору тогда предоставили для этой цѣли до 30.000 гульденовъ. Всѣ надѣялись дипломатическимъ путемъ удержать московскаго царя отъ продолженія войны и такимъ образомъ сохранить Ливонію и другія прибалтійскія земли, присвоенныя себѣ Польшей, Швеціей, Даніей и Москвою, за Германскою имперіей. Теперь, въ Регенсбургѣ, въ особенности энергично стоялъ за посольство курфюрстъ Бранденбургскій, владѣнія котораго всего ближе соприкасались съ ливонскимъ театромъ борьбы. Курфюрстъ кельнскій, раздѣляя этотъ взглядъ, предложилъ обсудить вопросъ о расходахъ на посольство на будущемъ же рейхстагѣ, такъ какъ этотъ вопросъ касался интересовъ всей имперіи. Курфюрстъ пфальцскій не согласился съ послѣднимъ предложеніемъ и настаивалъ, чтобы всѣ расходы или по крайней мѣрѣ бо̀льшая часть ихъ была возложена на сосѣдніе съ Ливоніей округа, которые всего болѣе подвергаются опасности со стороны русскихъ; пусть эти округа, наконецъ, сдѣлаютъ первый взносъ, такъ какъ они несутъ менѣе всѣхъ другихъ повинности въ пользу имперіи. Вопросъ о расходахъ на посольство вызвалъ оживленныя пренія, и такъ какъ крупные территоріальные князья имперіи въ душѣ мало интересовались судьбою Ливоніи, то одинъ за другимъ пристали къ предложенію курфюрста пфальцскаго, и Августъ саксонскій, и Іоахимъ бранденбургскій. Всѣ они пообѣщали вознаградить того, кто первый сдѣлаетъ свой взносъ.

Порѣшивъ вопросъ о расходахъ на посольство, перешли къ составленію самой инструкціи проектировавшагося посольства. Но и тутъ

возникли обыкновенныя замедленія. Одни указывали на необходимость предварительно навести точныя справки о положеніи дѣлъ въ Москвѣ, о самомъ царѣ и т. д. и, уже сообразуясь съ этимъ, составлять инструкцію; другіе находили преждевременнымъ останавливаться на какомъ бы то ни было рѣшеніи, не добившись согласія со стороны всѣхъ представителей имперіи; третьи снова выдвигали на первый планъ вопросъ финансовый, требуя участія въ расходахъ и всѣхъ вендскихъ городовъ. Въ девятой сессіи курфюрстъ пфальцскій высказался въ такомъ смыслѣ, что опасно вообще связывать себя какимъ либо договоромъ съ Москвою, который навѣрно повлечетъ за собою и какія нибудь обязательства всей имперіи. Курфюрстъ бранденбургскій, присоединившись къ этому взгляду, заявилъ, что необходимо прежде всего узнать у императора, какъ далеко намѣренъ онъ довести свои отношенія съ царемъ. Получивъ отвѣтъ императора, слѣдуетъ весь московско-ливонскій вопросъ еще разъ обсудить на рейхстагѣ.

Обсужденіямъ и толкамъ не предвидѣлось конца. 2-го ноября, въ 15-й сессіи возникъ вопросъ о томъ, какой характеръ придать посольству; должно ли оно исходить отъ имени всей имперіи, или каждое сословіе отправитъ отъ себя отдѣльнаго посла? какого содержанія должны быть инструкціи? Къ собравшимся, между тѣмъ, приходили новыя свѣдѣнія о крайне опасномъ положеніи Ливоніи, въ которой московитъ уже почти все себѣ подчинилъ и близокъ къ своей завѣтной цѣли—Балтійскому морю; въ виду такихъ вѣстей всѣ понимали, что медлить нельзя. Пренія о формулировкѣ инструкціи также были продолжительны. Курфюрсты требовали, чтобы императорскіе коммиссары выработали ее, послѣдніе желали поручить дѣло майнцской канцеляріи. Дѣлались и предложенія—отсрочить посольство, дождаться возвращенія императорскаго вѣстника (Vorbotschaft) и уже сообразно съ его донесеніемъ составить инструкцію. Всего болѣе затрудненій представлялъ денежный вопросъ. Вендскіе города совершенно отказывались отъ взноса денегъ, другіе, когда вопросъ дошелъ до денегъ, предлагали все отложить до будущаго рейхстага, третьи стояли за то, чтобы предоставить императору все дѣло и потребовать отъ него только право „ревизіи“ его. Меньшинство стояло за немедленное посольство къ царю и полагало цѣлью посольства—потребовать отъ царя обязательства возвратить все имъ завоеванное въ Ливоніи, болѣе не воевать имперской провинціи, жить съ императоромъ въ мирѣ и согласіи; договора же (ein ordentliches Bündniss) заключать съ царемъ, по ихъ мнѣнію, не слѣдовало.

Въ 15-й сессіи, наконецъ, разсмотрѣны были и отношенія Любека къ Швеціи, жалобы любчанъ на стѣсненія шведовъ, указанія на стремленія Іоанна добиться господства на Балтійскомъ морѣ, морѣ чисто германскомъ (ein deutsches Meer).

3-го ноября состоялась 16-я сессія; на ней прочтена была инструкція къ московскому царю, составленная майнцскою канцеляріей. Главная мысль инструкціи заключалась въ важности сближенія и мира Москвы съ Германской имперіей, обезпечивающаго за ней успѣшную борьбу съ Турціей.

Императоръ объявилъ собравшимся, что всѣмъ, кто дастъ ему взаймы денегъ, будетъ дано обезпеченіе (ein Versicherung).

Въ этой послѣдней сессіи рѣшено было обратиться и къ шведскому королю съ требованіемъ не стѣснять привилегій ганзейскихъ городовъ [1]).

Въ 1576 году русско-татарскія полчища трижды подходили къ Ревелю изъ Вейссенштейна и Падиса. Окрестности были опустошены, много народа отведено въ плѣнъ. Стычки съ ревельцами оканчивались удачно для послѣднихъ и имъ не разъ удавалось отбивать у русскихъ захваченную добычу. Особенно успѣшно дѣйствовали крестьянскіе отряды, организованные по мысли шведскаго губернатора. Ревель получалъ одно за другимъ воззванія отъ сторонниковъ Москвы — сдаться царю; ревностнѣе другихъ побуждалъ его къ этому Генрихъ Геллинггузенъ, сынъ умершаго уже ратманна Юргена Геллинггузена. За убійство онъ былъ изгнанъ изъ Ревеля и долго проживалъ въ Копенгагенѣ. Отсюда онъ еще въ 1575 году два раза писалъ къ Ревелю и убѣждалъ его передаться московскому царю. Въ своихъ письмахъ онъ называетъ себя опальнымъ изъ Ревеля, „der unterdrückte von Reval“ [2]). Геллинггузенъ бывалъ въ Москвѣ, видѣлся съ Андреемъ Щелкаловымъ и въ апрѣлѣ 1576 года получилъ приказаніе съ 300 всадниковъ двинуться изъ Вейссенштейна къ Ревелю. 15-го мая Геллинггузенъ писалъ Ревелю изъ Вейссенштейна, что былъ у московскаго царя и убѣжденъ, что отъ него городъ можетъ добиться выгоднаго мира съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ привилегій. Царь требуетъ только дани и покорности; еслибы городъ подчинился ему, „согла-

[1]) О рейхстагѣ 1575 года см. *Häberlin*, IX, 327 и далѣе.

[2]) Beiträge, 320.

сился бы склонить предъ нимъ голову“, то онъ даровалъ бы ему великія милости. Если же городъ не откликнется на предложеніе царя, ему придется испытать всю тяжесть царскаго гнѣва и мести; не найдутъ пощады и дѣти въ колыбеляхъ.

Въ примѣръ всѣмъ непокорнымъ онъ предастъ Ревель такому же разграбленію. какому нѣкогда былъ преданъ Іерусалимъ.

Въ заключеніе своего обращенія Геллинггузенъ требовалъ. чтобы его впустили въ городъ и начали съ нимъ переговоры [1]).

Предложеніе Геллинггузена было отвергнуто, копіи съ его письма отправлены къ царю и Щелкалову.

Въ виду новыхъ угрозъ со стороны русскихъ, Ревелю оставалось прежде всего обратиться за помощью къ своему сюзерену, Іоанну шведскому. Король отвѣчалъ городу, что и такъ уже много израсходовалъ на защиту его, что ревельцы виновны въ томъ, что онъ не можетъ добиться мира съ царемъ; пусть они ищутъ помощи у императора и ганзейскихъ городовъ, пусть выбираютъ себѣ покровителемъ какого-нибудь нѣмецкаго князя, только не Магнуса и не царя московскаго. Король ограничился бы только незначительнымъ почетомъ (eine kleine Erkentniss und Verehrung). который не стоилъ бы такъ дорого, какъ думаютъ нѣкоторые.

Ревель не ожидалъ такого холоднаго отношенія къ себѣ короля и обратился за помощью къ ганзейскимъ городамъ, обѣщая вознаградить ихъ за это тотчасъ по достиженіи мира съ Москвою. Въ Любекъ отправился синдикъ города — Конрадъ Деллингсгаузенъ и ратманъ Бартоломей Ротертъ. Изъ письма къ нимъ ревельскаго рата отъ 3-го іюля видно, что городъ дѣлалъ попытки склонить воеводу Вейсенштейна къ перемирію. „Это тѣмъ важнѣе, писалъ Ревель, что у Пскова стоитъ отрядъ въ 16.000 человѣкъ, которому предписано наступать къ Ревелю“ [2]).

Буря задержала ревельскихъ пословъ, и только 6-го они прибыли въ Любекъ. Здѣсь на общемъ собраніи представителей городовъ они въ пространномъ донесеніи ознакомили собравшихся съ отчаяннымъ, безвыходнымъ положеніемъ, въ какомъ находился городъ. Отъ ганзейскихъ городовъ Ревель ничего не добился. кромѣ обѣщанія. Старались города склонить Фридриха II датскаго къ войнѣ съ Россіей, но не успѣли въ этомъ.

---

[1]) Beiträge, IV, 320 и 321.
[2]) Ibid., 324.

Іоаннъ Грозный воспользовался столкновеніемъ Баторія съ Данцигомъ и приступилъ снова къ осадѣ Ревеля. Приготовленія, какія сдѣланы были русскими для осады, обѣщали имъ повидимому успѣхъ. Еще въ концѣ 1576 года Іоаннъ рѣшилъ идти на Ревель; онъ „приговорилъ сбираться всѣмъ людемъ Московскія земли и Ноугородскія и татаромъ всѣмъ въ Великомъ Новѣгородѣ, а срокъ приговорили учинити за недѣлю до Рождества Христова“ [1]). Запасы пороха, пушекъ и различныхъ военныхъ снарядовъ были огромны. Начальниками русскихъ войскъ (большаго полка) были князь Өедоръ Ивановичъ Мстиславскій и бояринъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ. Изъ другихъ военачальниковъ современникъ называетъ намъ Өедора Ивановича Шереметева (Zelematoff), князя Ивана Юрьевича Голицина, князя Никиту Борисовича Пріимкова (Prinnckoff), Юрія Тимирова и др. Когда бургомистры Ревеля узнали о движеніи къ ихъ городу 50.000 русскихъ, они собрали бюргеровъ на городской площади, представили имъ всю опасность ихъ положенія и убѣждали вѣрно исполнять лежащій на нихъ долгъ. 23-го января русскіе. числомъ 50.000 чел., подступили къ стѣнамъ Ревеля. 24-го произошло первое столкновеніе съ ревельцами, сдѣлавшими вылазку изъ города, 26-го—второе. Русскіе хотѣли вызвать жителей подальше отъ города, чтобы затѣмъ внезапно напасть на нихъ и отрѣзать, но это имъ не удалось. Черезъ четыре дня, въ воскресенье 27-го января, они сдѣлали первый приступъ, но были отбиты. Осаду начали съ пяти пунктовъ, построили блокгаузы и шанцы; къ 28-му января шанцы уже были готовы на горѣ Тённисбергѣ. Начавшееся 28-го января бомбардированіе Ревеля продолжалось шесть недѣль. Русскіе ме-

---

[1]) Вивліоѳик. 114, 318. Paralipomena, 230. Для осады Ревеля 1) Warhafftiger Bericht des Reuelschen kriegsbelegerung vnd fürnembsten scharmützeln, auch was sich von beiden teilen innen vnd ausserhalb der Statt, vom anfang bis zum end zugetragen hat, ordentlich vnd gründlich verfasset, durch einen studiosum, so in solchen hendeln bey vnd mit gewesen. Anno MDLXXVII. Изд. *Russwurm*, Beiträge, II, Heft 3, 1877. Въ этомъ донесеніи гораздо больше подробностей, нежели у Руссова. 2) Zwo warhafftige erbermliche vnd klegeliche zeitungen und bericht einer furnemen personen von des Moscowiters grausamen vnd gewaltigen tirannei; so er in Lyfflandt von dem 13 julii an bis auff den 30 Augusti dieses 1577 jares erschrecklich geubet und aus Riga den 30 Augusti geschriben worden. Sampt einer treuhertzigen erinnerunge und vermanunge an alle gotfurchtigen christen in diesen letzten geschwinden vnd geferliche tzeiten. Beiträge, II, 133. 3) Донесеніе Ревеля Сѣсту (Reval an Soest), 11-го апрѣля 1577. Beiträge, II, 144. Ср. *Henning*, 267 и д., *Fabricius*, 480. *Russow*; *Renner*, 376.

тали въ день до 300 ядеръ; одинъ изъ очевидцевъ осады. не покидавшій города до 3-го апрѣля, говоритъ, что картечные снаряды московитовъ доходили до 60 фунтовъ; другіе снаряды въ $^3/_4$ локтя вѣсили 36 фунтовъ. Къ началу осады у русскихъ было 2.000 бочекъ пороху. Кромѣ того порохъ подвозили изъ Вейссенберга, Феллина. Дерпта и Вейссенштейна; однихъ зажигательныхъ снарядовъ, пущенныхъ въ городъ русскими, насчитывали до 2.000 и столько же ядеръ. Въ трехъ шанцахъ, построенныхъ русскими на Тённисбергѣ и подъ нимъ, было до 31 блокгауза и 800 туръ. Очевидецъ приводитъ и названія русскихъ пушекъ: Молодецъ, Свитокъ вѣсомъ въ 2.100 ядеръ, каждое въ 60 фунтовъ, Соловей вѣсомъ въ 700 ядеръ по 52 фунта каждое, „Glacki“—въ 1.400 ядеръ, въ 36 фунтовъ, Пѣвецъ и Левъ—въ 14.000 ядеръ, въ 10 фунтовъ, „Polutornie“—15.000 ядеръ по 15 фунтовъ и т. д. Всѣхъ орудій было 44 [1]).

Во главѣ шведскихъ войскъ въ Ревелѣ стоялъ старый и опытный воинъ Генрихъ Горнъ; ему много помогалъ и сынъ его Карлъ Горнъ; днемъ и ночью видѣли ихъ на городскихъ стѣнахъ, гдѣ они подвергали себя большимъ опасностямъ и служили примѣромъ для остальныхъ; всѣ башни города, цитадель, бастіонные фланги и насыпи были снабжены орудіями въ гораздо бóльшемъ количествѣ, чѣмъ у русскихъ. Успѣху обороны и частыхъ вылазокъ содѣйствовали также: Лоренцъ-фонъ-Цёлленъ, начальникъ шведскихъ кнехтовъ, Клауссъ Гольстъ, начальникъ городской милиціи, и извѣстный своею отвагою Иво Шенкенбергъ, котораго въ насмѣшку называли „крестьянскимъ Ганнибаломъ“. Пожары, возникавшіе въ городѣ отъ бомбардировки, старательно тушили посредствомъ мокрыхъ бычачьихъ шкуръ, которыми каждый домовладѣлецъ долженъ былъ быть снабженъ; зажигательные снаряды тушили замерзшимъ навозомъ, котораго также имѣлись большіе запасы. Полы на чердакахъ и въ домахъ приказано было посыпать толстымъ слоемъ песку и мелкаго камня; все легко воспламеняемое, какъ сѣно, солома, деревянныя вещи, слѣдовало выносить изъ домовъ. Горнъ снарядилъ 400 человѣкъ для тушенія зажигательныхъ снарядовъ; за каждый поднятый на улицахъ снарядъ назначено было вознагражденіе въ 2 марки, а за каждый снарядъ, найденный на крышахъ домовъ—5 марокъ. Доставившій военачальнику бомбу получалъ 3 марки. Поощряемые наградами эти 400 человѣкъ быстро и ловко тушили снаряды. Они были такъ устроены.

[1]) Handlingar rörande Ryska kriget i konung Iohann III's tid. D. 36.

что когда крестьяне били по нимъ дубинами, они разлетались во всѣ стороны, какъ ракеты; вѣсомъ они были отъ 12 до 15 фунтовъ. Горнъ писалъ Акессону Тотту, что крыши домовъ въ Ревелѣ были такъ испорчены, точно ихъ изгрызли крысы. Въ Ревелѣ царила образцовая дисциплина; въ шесть часовъ закрывались всѣ пивныя лавки и шинки, чѣмъ устранялись буйства и безпорядки.

Осада Ревеля московитами испугала сосѣднихъ государей, и многіе изъ нихъ присылали городу помощь; такъ Баторій доставилъ ему 100 ластъ ржи. Обращался Ревель къ прусскимъ и померанскимъ городамъ. Два измѣнника — Дидрихъ Мунцордъ, сынъ кузнеца изъ Дерпта и Гансъ Кокъ изъ Оберпалена открыли московитамъ положеніе дѣлъ въ осажденномъ городѣ. Къ 29-му марта, дню Св. Маріи, къ городу ожидали самого царя, который съ своими сыновьями находился въ Новгородѣ.

Всѣ старанія русскихъ пробить въ какомъ-нибудь мѣстѣ стѣны бреши были безплодны, такъ какъ на валу и стѣнахъ не было мѣста, которое бы не было снабжено пушками. Сдѣлали русскіе попытку подвести подкопы и мины, но ревельцы помѣшали этому, начавъ прокладывать контрмины. 6-го февраля русскіе построили третій рядъ шанцевъ на Тѣннисбергѣ.

13-го февраля море очистилось отъ льда, осажденные вздохнули легче: изъ Швеціи стало возможнымъ доставить городу давно обѣщанную помощь. Русскіе понесли значительную потерю со смертью Шереметева-Кольцова, раненаго въ ногу. Смерть этого героя повергла русскихъ въ уныніе, и они уже не дѣйствовали съ такимъ мужествомъ и увѣренностью, какъ раньше. Объ этомъ узнали ревельцы отъ одного знатнаго татарина — мурзы Булата, сдавшагося имъ въ плѣнъ съ своими семью слугами. Онъ же сообщилъ имъ объ отъѣздѣ Пріимкова Ростовскаго въ Москву, о потерѣ русскими 1.000 человѣкъ, о томъ, что, подводя мину, русскіе натолкнулись на воду, о неосновательности слуха, будто самъ царь идетъ къ Ревелю, слуха, пущеннаго въ ходъ самими русскими, чтобы нагнать на осажденныхъ страхъ. Показанія другихъ плѣнныхъ подтверждали все, что сообщилъ мурза Булатъ. 18-го февраля русскіе просили начать съ ними переговоры; царь просилъ пропуска для своихъ пословъ въ городъ, но ревельцы отказались отъ переговоровъ, и бомбардировка возобновилась. Царь, какъ въ 1570—1571 годахъ, такъ и теперь обѣщалъ городу въ случаѣ сдачи полную свободу, а желающимъ свободный выходъ изъ него.

Новыя показанія русскихъ плѣнныхъ отъ 1-го марта открыли, между тѣмъ, что русскіе стали подводить новую мину, что бояре дѣятельно готовились продлить осаду, войско же было убѣждено въ неприступности Ревеля. 8-го числа русскіе сожгли корабли, находившіеся въ гавани города; на слѣдующій день осажденные сдѣлали удачную вылазку. Каждому, доставившему въ городъ одного плѣннаго, давали 50 марокъ награды. Въ этой вылазкѣ русскіе потеряли до 300 человѣкъ, ревельцы же всего 30, но среди этихъ тридцати палъ Niclas Holst. 10-го марта, отчаявшись въ успѣшности осады, русскіе сняли ее. 13-го—сожгли лагерь и отступили, потерявъ во все время осады 4.000 человѣкъ.

Ревель не могъ быть спокоенъ со стороны русскихъ, онъ ожидалъ новаго появленія ихъ у своихъ стѣнъ и обращался за помощью къ императору, князьямъ и городамъ прусскимъ: Кенигсбергу, Торну, Эльбингу, Браунсбергу и Данцигу, померанскимъ: Штеттину, Кольбергу и Грейфсвальдену, затѣмъ къ Брауншвейгу, Магдебургу, Гильдесгейму, Геттингену, Ганноверу, Кельну и Сесту, къ герцогамъ померанскимъ и Адольфу Голштинскому. Въ обращеніи къ городамъ Ревель говоритъ, что ожидаетъ новой осады со стороны русскихъ, которые не оставляютъ своего намѣренія утвердиться въ Эстляндіи. 13-го августа ревельскій ратъ обратился съ циркуляромъ къ курфюрстамъ и князьямъ, въ которомъ разсказываетъ о двухъ тяжелыхъ осадахъ, мужественно выдержанныхъ жителями; они однѣми своими силами сдерживали напоръ московитовъ къ морю и теперь должны ихъ ежедневно ждать; послѣ каждой неудачи враги становятся еще настойчивѣе и яростнѣе, „подобно дикому медвѣдю, который раненый дѣлается отважнѣе и страшнѣе“. Между тѣмъ всѣ средства и запасы города истощены, нѣтъ ни воиновъ, ни артиллеріи, ни пороха, ни съѣстныхъ припасовъ. Ратъ говоритъ о своемъ городѣ, какъ о единственной опорѣ христіанства на востокѣ, какъ о „propugnaculum“ всѣхъ государей и городовъ на Балтійскомъ морѣ. Если Ревель перейдетъ подъ власть московитовъ, падетъ вся Ливонія, и слѣдствія пораженія ливонцевъ отразятся на всей германской имперіи. Московитамъ не долго научиться морскому дѣлу, построить значительную армаду и добиться господства на всемъ Балтійскомъ морѣ.

Лѣтомъ 1577 года русскіе сдѣлали рядъ попытокъ утвердиться на Двинѣ; послѣ 20-го іюля они съ большими полчищами явились въ двинскую область, покорили всѣ замки и города по Двинѣ, многихъ взяли въ плѣнъ, жгли и убивали. Рижане ожидали осады своего го-

рода и просили ревельскій ратъ прислать къ нимъ одного изъ руководителей послѣдней обороны. Обращался Ревель и къ Стефану Баторію, и его побуждалъ помочь противъ русскихъ: если послѣдніе утвердятся въ Ревелѣ, къ нимъ будутъ пріѣзжать торговцы всѣхъ націй: шотландцы, англичане, французы, испанцы, и русскіе найдутъ возможность завести на Балтійскомъ морѣ свой флотъ. Принципъ тиранновъ таковъ: si violandum est jus, regnandi causa violandum.

Обращенія Ревеля не оставались безплодными: города саксонскаго округа (Брауншвейгъ, Магдебургъ, Геттингенъ, Гильдесгеймъ, Госларъ, Эймбехъ, Ганноверъ и Гамельнъ) доставили ему 235 талеровъ, Рига 400 ластъ хлѣба и 6 тонъ пороху, Баторій—100 ластъ ржи.

Любопытно, что осада Ревеля русскими совпала почти съ осадою Данцига войсками Баторія: оба города съ одинаковымъ мужествомъ отстояли свою свободу. Свою неудачу подъ Ревелемъ Грозный рѣшился выместить на остальныхъ городахъ Ливоніи. Въ Псковѣ онъ свидѣлся съ Магнусомъ и здѣсь рѣшено было, что всѣ земли, лежавшія на востокъ отъ рѣки Аа, должны перейдти къ Магнусу, остальныя же земли остаются за Москвою [1]). Въ одномъ современномъ донесеніи мы читаемъ: съ 13-го іюля по 30-е августа русскіе предавали огню и мечу всю страну около Двины. Кто не тронется ужасною картиною несчастія, у того сердце изъ стали или камня! Съ 11.000 человѣкъ русскіе прошли вдоль и поперекъ всю страну, опустошая и сжигая все на пути, стариковъ избивали, молодыхъ уводили въ плѣнъ. За іюль—убито 3.000, уведено въ плѣнъ 9.000. Увидавши, что курляндцы не единодушны, что у нихъ нѣтъ оружія, русскіе стали тѣмъ сильнѣе дѣйствовать. 1-го августа царь самъ показался въ виду Людсена, съ большимъ войскомъ и пушками. 6 и 8 августа онъ взялъ Людсенъ и Роситтенъ; въ плѣнъ тогда же попали Ольденбокумъ и Фабіанъ фонъ-деръ-Бургъ. 14-го августа палъ Крейтцбургъ, переданный татарскому князю; 18-го—Лаудонъ, совершенно раззоренный; 21-го—Сессвегенъ. Начальники этихъ городовъ были четвертованы, разрываемы на части лошадьми, насаживаемы на колы и разрубаемы саблями. Затѣмъ сдались Певальгенъ, Берсонъ и Кальтценоу, откуда всѣ Тизенгаузены отпущены на свободу. Магнусу сдались города: Фестенъ, Эрленъ, Ниттоу, Іёргенсбургъ, Зонцель и Венденъ. Изъ Кокенгаузена и Ашерада русскіе изгнали сторонниковъ Магнуса и посадили въ нихъ своихъ и татаръ. Старый ландмаршалъ былъ высѣченъ кнутами, затѣмъ разорванъ на части. Въ Ашерадѣ 40 женщинъ были обез-

[1]) *Hjärn*, 312.

чещены; крикъ и вопль ихъ слышалъ по ту сторону Двины полковникъ Бартель Бютлеръ. Магнусъ успѣлъ занять еще Лейневартъ. Керкгольмцы сами сожгли свой городъ, подведя подъ стѣны бочки съ порохомъ. Еще держатся, благодаря Богу, Вольмаръ, Трикатенъ, Руйгенъ, Бортникъ, Сегевольдъ, Кремонъ, Трейденъ, Дюнамюнде и Рига. Трудно описать отчаяніе, всѣми овладѣвшее, и несчастное положеніе раззоренной страны. Изъ Риги пришло извѣстіе, что русскіе отняли у Магнуса Венденъ, казнивши 30 человѣкъ его свиты и 400 человѣкъ изъ жителей города.

Всѣ эти несчастія—оканчиваетъ нашъ повѣствователь—наказаніе Божье за отпаденіе отъ его ученія. Въ Ливоніи происходили неправыя казни, обманы, притѣсненія бѣдныхъ. Курляндцы, литовцы и пруссаки теперь бездѣйствуютъ, не желаютъ помочь своимъ собратьямъ, но и они не избѣгнутъ той же участи [1]).

---

[1]) *Warhafftige, erbärmliche vnd klägliche Zeitung vnnd Bericht einer fürnemen Personen, vonn der grewlichen Tyranney des Moscowiters, auss Ryga geschriben, den 30 Augusti, im Jar MDLXXVII.*

[Слѣд. изображеніе осады города: солдаты по лѣстницамъ всходятъ на стѣны, ихъ приступъ отбиваютъ, они навзничъ падаютъ назадъ и т. д.].

Gedruckt zu Augsburg, Michael Mauger.

(Мюнхенская библ. Eur. 342—31).

in 4-to.

Was vnerhörte, grewliche, grausame Tyranney, mit Rauben, Morden, Brennen, Verfüren, Blutschanden vnd eröberung, nun fast des gantzen Vberdünischen Hertzogthumbs der Moscowiter, dise zwen Monat, von dem 13. Iulij an, biss auff den 30. Augusti, ohn auffhören geübt, werdet jr zweiffels frey, gnůgsam verstanden haben, Ich glaube, das dergleichen jamer zetter vnd Mordgeschrey vnder Teutschen, sein lebenlang nicht mag gehört worden sein. Wenn solches vnsere Oberkeit wüste im grund, vnnd glauben kündte, so wolt ich sagen, sie solten mit jren armen, ellenden, verlassenen vnd vergessenen Vnterthonen mitleiden vnd erbarmung haben, wenn auch jhr Hertz von Stahl oder Stein were.—Den Monat Iulium hat der Feind mit eylff Tausen Man, das gantze Land durchzogen vnd gebrant, verhöret vnd gefänglich genommen, alles was Alt, vnd sich zur gegenwehre gestelt, erschlagen. Man meinet, das fast bey neun Tausent junger Manschafft gefangen, vnd bey drey Tausent erschlagen sind.

Disen hauffen hette man mit Gottes hülffe, wol erlegen können, wenn wir mit den Churlendern vnd vnsern Bawren bey einander gehalten, vnd wenn diser Hauft erlegt, wer der Moscowiter mit dem grossen Hauffen vnd dem Geschütz, wol zurücke bliben. Aber weil er gesehen, das wir zertrent, wehrloss vnd kein Geschütz vnd entsatzung verhanden, ist er souil Tyrannischer worden, vnd einen můt geschöpft. Im 1. Augusti, ist der Moscowiter eygner Person bey Lüdsen inn Lyfland, mit dem grossen Hauffen vnd dem grossen Geschütz ankommen, auch den 6. vnd 8. Augusti Lüdsen vnd Rositten eingenomen, darauss den Oldenbuckum vnd Fabian

von der Burg gefänglich genomen, vnd sie neben aller Ritterschafft vnd Vntersassen, mit Weib vnd Kind verfüret, vnnd sie alle geplündert.

Den 14. Augusti hat er Creutzburg eingenommen, vnd einem Tattern eingeben, der es befestiget. Den 18. Augusti hat er Laudon eingenomen, dem *Teschmer* einem freyen ausszug vergönnet, aber alle geplündert.

Den 21. Augusti hat er Sesswegen erobert, vnd die Obersten Spissen, Viertheylen vnd mit Rossen zerreissen, etliche Säbeln lassen, vnnd die Iunckfrawen vnnd Frawen sind verfüret. Darnach hat er Pewalgen eingenomen, Herrn Grollen weggefüret, vnd alle die drauff gewesen. Also Berson vnnd Kaltzenaw eingenommen, alles geplündert, die jungen Tiesenhaussen, Frawen vnd Iunckfrawen sind abgestattet, sollen mit eigene Pram, die Düna herunter komen.

Vesten, Erlen, Nittaw, Iörgensburg, Sonzel, haben sich auss eusserster noht vnnd gefahr, so wöl Wenden, Hertzog Magno ergeben, Also hat sich Kockenhausen vnd Ascherrat, auch Hertzog Magno ergeben, Aber der Moscowiter hat die Magnisten auss beyden Heusern aussgejagt, vnnd die mit Moscowitern vnd Tattern besetzt, alle Burger vnd Landsknecht von Kockenhausen sind gesäbelt, vnnd Frawen vnnd Iunckfrawen sin verfüret, Auff Ascherrat sind alle verfüret.

Der alte Landmarschalck ist wol durch peütschet vnd auff zwey Bawren Klepper gebunden worden. Herr Iohann von Münster, vnd Nicolaus Schorstein, vnnd noch einer, sind zusamen gebunden vnd gekuppelt, vnd alle andere weggefüret Bey 40. Frawen vnnd Iunckfrawen, auff Ascherrat, sind in ein Garten gebracht vnnd vier stunden darinnen von den Moscobitern ohne zal geschendet worden, derer geschrey vnd weinen der Oberste, Bartel Bütler uber die Düna gehört, darnach sind sie hinter die Moscowiter aus Pferde gesetzt vnd verfüret worden.

Item, Leinewart haben die Magnisten innen, das Haus Kerckholm haben des Tauben Diener der Statt Riga eingeben, welche es drey tage innen gehabt, hernach weil der Feind so nahe gerückt, vnd es vor dem gewalt nicht halten könen, haben sie es gestern aussgebrand, vnd wollen es sprengen. Der Moscowiter sol sich mit dem Geschütz nach Ronenburg begeben vnd ist zubesorgen, so nicht eilends entsatz kömpt, erhawet mit dahin. Wolmar, Trikatten, Ruigen, Bortniken, Segewalt, Cremon, Treiten, Dünemund vnd Riga, halten sich Gott lob wol, Gott gebe entsatz, vnd das es vnser Oberkeit ein auffrichtiger ernst sey, lassen die Armen trewen Vndtersassen, doch so erbärmlich, auff die Fleischbanck nicht opffern, Ich kan vor jamer vnnd Hertzenleid, so wir im Lande sehen, hören vnnd erfahren, nicht mehr schreyben.

Ein ander Zeitung, so etliche wenig tage hernacher,
auss Riga von einer glaubwirdigen Person geschriben worden.

Ihr habt sonder zweiffel, auss meinem vorigen Schreiben gnügsam verstanden, wie grewlich der Moscowiterische Erbfeind in dem Vberdünischen Fürstenthumb Tyrannisieret vnd getobet hat. Diese stunde kömpt nun weiter Zeitung, das er Wenden mit gewalt eröbert, so sich vorhin Hertzog Magno ergeben gehabt, darin er alles erwürgen vnd vmbringen lassen, Auff solches ist Hertzog Magnus, welcher mit dreissig Pferden in Wenden gewesen, zum Grosfürsten inn sein Läger geritten, den hat der Grosfürste von stund an gefänglichen annemen, vnd jm seine Fürstliche Kleyder abziehen lassen, die andern aber, somit jm hinkomen, stracks

высшей степени успѣшно въ Ливоніи. Захвативъ рядъ незначительныхъ городовъ, они направились на Динабургъ, который сдался имъ

---

hinrichten vnd in stücken zerhawen lassen. Wie den zu Wolmar auch alles erwürget vnd erschlagen worden.

Also nun, das Gott im hohen Himel geklagct sey, ist das gantze Vberdünische Fürsthenthumb dahin, Gott der Allmechtige sey vnser aller trost, vnnd verleyhe vns in diesem vnserem schweren Creutz, Christliche gedult, Amen. In der gantzen Welt aber ist zum höhesten zubeklagen, das dise arme bedruckte Lande, von den Christen also vbel verlassen werden.

Als nun der Erbfeind die Stat Wenden obbemelter gestalt einbekomen, haben sich in die vier hundert Personen von Man, Frawen vnd Kindern auff das Schloss daselbs begeben, vnd dem Feind, als er darfür komen, einen Fussfal gethan, der Tyrannische Feind aber, hat sie keines weges zu gnaden annemen wollen, sie alle jemerlichen ermordet, auch vil auss jhnen Spissen lassen, ausserhalb disen, sind jhrer vil die solche grausame Tyraney gesehen, in eine gewelbte Kirchen gangen, sich darinnen verschlossen, die Kirche mit Pulffer vnterlegt vnd angesteckt, vnd also jr Leben gantz kleglichen geendet, deren Seelen der liebe Gott wölle gnedig sein, vnnd für diser grausamen Tyranney vns gnediglichen schützen, vnd den Feind vmb seines Namens willen zuruck halten.

Ietzvnd sol er vor Ronnenburg mit dem grossen Geschütz sein. Kein verlassener Volck mag auff diser Welt nicht erfunden werden, als wir arme Lyfflender Mehr kan ich vor grossem schmertzen nicht schreiben.

Jeremie 30.

Alle die dich gefressen haben, sollen gefressen werden, vnnd alle, die dich geengstet haben, sollen alle gefangen werden, vnnd die dich beraubet haben, sollen beraubet werden etc.

Esaie 33.

Wehe aber dir du Verstörer, meinstu du werdest nicht verstöret werden? Vnd du Verechter, meinstu, man werde dich nicht verachten? Wenn du das Verstören volendet hast, so wirstu auch verstöret werden, Wenn du des verachtens ein ende gemacht hast, so wird man dich wider verachten.

Мюнх. библіотека, Eur. 342 — 32. Есть другое изданіе этой брошюры, съ загл. Newe Zeytung. Warhafftige, Erbermliche vnd klägliche Beschreibung vnd Bericht, einer furnemen Personen, von der grewlichen Tyranney des Moscowiters, auss Riga geschriben, den 30. Augusti, im Iar (слѣд. виньетка) MDLXXVII. Gedruckt zu Dantzge.

Печать—гораздо мельче; цитатъ изъ пророковъ нѣтъ, но въ заключеніи приведено назиданіе.

Erinnerung.

Diss ist ja eine schreckliche Zeytung, vnd solt sonderlich vns nechsten Nachbarn das Hertz im Leib dafür erschütten, vnd die Haar gen Berge gehen. Denn was jnen begegnet wirdt (hab ich sorge), nicht lange von vns aussen bleiben, weil die vrsachen da sind so diss grosse vnglück vber Lyfland gebracht haben. Luce 13. stehet also geschriben: Es waren aber zur selbigen zeit etliche dabey, die verkündigten jhm von den Galileern, welcher Blut Pilatus sampt jhrem Opffer vermischet hatte, vnd Iesus antwortet vnd sprach zu jnen, meinet jr, das dise Ga-

уже 11 августа. За Динабургомъ пали Крейцбургъ, Шваненбургъ, Зессвегенъ, Берсонъ и др. [1]).

Въ то время, какъ русскіе одерживали рядъ побѣдъ надъ без-

lileer für andern Galileern Sünder gewesen sind, dieweil sie das erlitten haben? Ich sage nein, sondern so jhr euch nicht bessert, werdet jr alle auch also vmbkommen. Mit disen worten, vermanet vns vnser lieber Herr vnd Heiland Christus, wie wir schreckliche newe Zeittung annemen vnd deuten solen, Nemlich das wir starcke gedencken sollen, solche grewliche erschreckliche straffen, sind nicht anders, denn den vmbligenden Nachbarn vnnd Lendern warnungen, Ia es sind vns die Leute, die Gottes zorn also hinweg reumet, zeichen worden (wie Moses redet, Num: 26) wie Gott auch mit vns Nachbarn vmbgehen wolle, wo wir nicht hertzliche Busse thun. Denn niemand vnter vns wird leugnen, das wir gleiche schuld vnd sinden auff dem Halse vnd das Land grewlich damit beschweret haben. Hie ist Verachtung Gottes worts, vnd keine lust mehr die lehr rein zuerhalten, Sondern vielmehr falsche Lere zumenteln. Reinen Leren ist man feindt, verfolget sie, vnd trachtet mit fleiss, nach vnreinen vnd verdechtigen Leren: Fluchen, Schweren, Zeubern, gehet ohne schew im schwang: Vngehorsam vnd verachtung der Oberkeit ist am tage: Mit vielen Todtschlegen vnd vnschuldigem Blute, wird das Land beschweret vnd verunreiniget (wie die Schrifft redet) vnzucht, finantz, wucher, beschwerung des armuts, affterrede vnd lügen wider den nehesten ist so gemein worden, das frome Leut sorge haben, es muss ein gross vnglück verhanden sein. Wachet derhalben auff lieben Churlender, ja auch vnser Nachbarn jhr Littawen vnd Preussen, thut ernste Busse, wie die Niniuiter, fallet Gott mit hertzlichem Gebett in die Arme vnd bittet, das er mitten im Zorn seiner Barmhertzigkeit gedencken, vnd dieselbe grösser sein lassen wölle, denn vnsere sünden, wolte vns mit mass züchtigen, auff das er vns nicht auffreibe. Wir wöllen lieber in seine Hände fallen, denn in der Menschen. Denn bey den Menschen gilt weder Fussfal noch bitten, weder heulen noch threnen, wie diese klägliche Zeitung ausweiset. Aber bey Gott ist gnade zu finden, villeicht möcht er sich vnser erbarmen, vnnd diesem schrecklichen Feind einen Ring in die Nasen legen, vnd jn füren von dannen er kommen ist, werden wir vnd vnsere Nachbarn nicht gleuben, sondern sicher sein, wie die armen Lyflender gewesen, so werden wir gewisslich hernach mit einander fülen vnnd vergeblich schreyen. Dieses habe ich dar rumb erinnern vnd in Druck geben müssen, auff das frome Hertzen erwecket werden Gott zu bitten, das er König. Mag. vnd den grossen Heubtern der gantzen hochlöblichen Kron, das mitleidige Hertz geben wolte, in dieser grossen gefahr, dem Feind zubegegnen, jm ritterlichen widerstand thun, vnd zu rücke zutreiben, vnnd also jhre Vnderthanen, als eine Gottselige Oberkeit zuretten. Andren fromme Christen aber die jnen mit der Faust nicht helffen Können, doch mit jrem seuftzen, trenen vnd ernsten Gebett zuhülffe kommen möchten. Gott erbarm sich vnser, Amen.

Въ Цюрихѣ: Warhafftige, erbörmliche vnd klägliche Zeytung vnd Bericht, einer fürnemen Personen, von der grewlichen Tyranney des Muscouiters auss Riga geschrieben den XXX Aug. im 1577 Iar. Gedruckt zu Rostock durch Iacob. Lucium, MDLXXVII.

[1]) Берл. архивъ. Ср. *Hjärn*, 313. *Renner*, 377.

сильными и всѣми покинутыми ливонцами, Магнусъ вошелъ въ сношенія съ Кокенгузеномъ, что было противно псковскому договору, по которому Магнусъ имѣлъ право завоевывать города только къ востоку отъ Аа, другіе же—лишь извѣстивъ объ этомъ предварительно царя. Іоаннъ Грозный явился къ Кокенгузену, который сдался ему 25-го августа. Примѣру Кокенгузена послѣдовали Ашерадъ и Леннварденъ; Эрла также безъ сопротивленія открылъ царю ворота. 31-го августа Грозный былъ уже у стѣнъ Вендена. Городомъ русскіе скоро завладѣли, крѣпость же мужественно защищалась и досталась русскимъ вся въ развалинахъ; осажденные, какъ извѣстно, взорвали крѣпость, при чемъ всѣ погибли. Царь страшно отомстилъ городу за упорство защитниковъ крѣпости. Ульрихъ мекленбургскій, донося Августу саксонскому о паденіи Вендена, пишетъ: расправа русскихъ съ жителями была самая звѣрская; одинъ изъ совѣтниковъ Магнуса, оказавшійся въ городѣ, былъ отведенъ въ русскій лагерь и тамъ сожженъ [1]). Защита Вендена сильно прикрашена ливонскими историками, которые видятъ въ паденіи его примѣръ необычайнаго героизма. На дѣлѣ же всего вѣроятнѣе, что жителями, представлявшими изъ себя пеструю смѣсь наемниковъ, нѣмцевъ и иностранцевъ, католиковъ и протестантовъ, руководило не высокое, благородное мужество, а страхъ и отчаяніе [2]).

Сентябрьскій походъ русскихъ также обозначенъ рядомъ побѣдъ и успѣховъ; палъ Вольмаръ, за нимъ сдались Ронненбургъ, Смильтенъ и Трикатенъ.

Послѣ столь успѣшнаго похода, Іоаннъ Грозный впервые посѣтилъ Дерптъ; сюда онъ призвалъ и Магнуса и въ сильныхъ словахъ выражалъ ему свое неудовольствіе за его легкомысленное и неблагонадежное по отношенію къ Москвѣ поведеніе. Безъ сомнѣнія, царь уже предвидѣлъ тайные замыслы герцога-авантюриста, но счелъ еще возможнымъ сохранить къ нему свое довѣріе и простилъ ему все, пообѣщавъ даже новыя милости за вѣрную службу себѣ.

Не успѣли русскіе оставить Ливоніи, какъ поляки и литовцы принялись дѣйствовать. Легко добытое оказалось непрочнымъ и ненадежнымъ. Внезапнымъ набѣгомъ поляки заняли Динабургъ, Сунтцель, Эрлу и нѣкоторые другіе города. Зимою возвращенъ былъ и Венденъ; его хитростью захватилъ Гансъ Бюрингъ; застигнутые

---

[1]) Дрезд. арх. Письмо 8-го января 1578 г. Акты, I, № 85.

[2]) *Renner*, 378. Ср. *Lossius*, II, 188.

врасплохъ, русскіе мужественно защищались, дома обращали въ крѣпости; черепки съ крышъ служили имъ оружіемъ; но, не смотря на всю свою отвагу, они должны были уступить хорошо вооруженному врагу. Гансъ Бюрингъ захватилъ и Буртникъ, Лемзаль, Ропе, Нютау и Пуркель. Въ это то время — начало 1578 года — Магнусъ неожиданно присягнулъ на вѣрность польскому королю: вотъ какъ выразилась признательность его Грозному за всѣ оказанныя ему милости. Жители Оберпалена, узнавши объ измѣнѣ Магнуса, сдались шведамъ [1]). Весною 1578 возникли новые дипломатическіе переговоры Даніи съ Москвою. Фридрихъ II не подтвердилъ перемирнаго договора, заключеннаго его посломъ съ Іоанномъ на 15 лѣтъ. Отсюда натянутыя отношенія къ Москвѣ до конца царствованія Іоанна и стѣсненія нарвскаго плаванія Фридрихомъ II [2]).

Неудачны были и дѣйствія русскихъ противъ шведовъ; послѣдніе производили страшныя опустошенія около Пернова. Нападеніямъ ихъ подвергались по очереди Гапсаль, Леаль, Лоде. Гапсаль они заперли и съ суши и съ моря, такъ что городъ рано или поздно долженъ былъ сдаться имъ, какъ писалъ Ульфельдъ Фридриху II если не подоспѣетъ помощь изъ Даніи. Набѣги шведовъ простирались до самаго Новгорода; нигдѣ они не встрѣчали сопротивленія. 4-го іюня шведы явились къ Дерпту и выжгли все его предмѣстье, побили много народу и, по признанію самихъ русскихъ, нанесли имъ не мало вреда. Русскіе въ числѣ 600 человѣкъ столкнулись 7-го іюня со шведами у Пернова, но были разбиты, потерявъ убитыми 80 человѣкъ [3]).

Осенью соединенныя силы шведовъ и поляковъ разбили русскихъ, захваченное у нихъ оружіе отправили въ Вильну, плѣнныхъ въ

---

[1]) *Hjärn*, 315—319. Ср. *Форстенъ*, Арх. занятія въ Берлинѣ, 21 и Mittheilungen aus der livl. Gesch. 1892, XV, 1, гдѣ сообщается о планѣ вторженія въ Россію съ сѣвера.

[2]) *Ю. Щербачевъ*, о посольствѣ Ульфельда. Перечисленіе актовъ, касающихся этого посольства, Чтенія, 1893.

[3]) Ср. донесеніе Фридриху Ульфельда и др. изъ Пернова, іюнь, 1578 г. о Гапсалѣ: Die Reussen (seind) von den Schwedischen dermassen eingehalten, das sie sich selten vor der Pforten sehen lassen, vnd von den Pernauischen, weil sie bedrenget werden, mit Victualien vnd andern nicht konnen entsetzet werden. „Die Schweden seind bis 6 meilen von Grozsen Naugarden gewesen“. Die Schweden haben dis gantze jahr vndt noch keinen wiederstandt gehabt, sondern jrem willen jm gantzen lande so weit der Reusse zu gebiete gehabt geschaffedt. О Дерптѣ: abgebrandt, todt geschlagen, vnd trefflichen grossen schaden, wie die Reussen selbest bekennen, gethan.

Гродно [1]). Московское войско въ это время находилось въ Ливоніи около мѣстечка Kisson, въ числѣ 22.000 человѣкъ, съ 20 орудіями [2]).

Въ началѣ 1579 года шведы съ двухъ сторонъ вторглись въ московскіе предѣлы: со стороны Финляндіи они напали на Новгородскую область; у Нарвы они повернули къ югу. Изъ Кракова пришло извѣстіе [3]) о побѣдѣ шведовъ надъ русскими, у которыхъ выбыло 18.000 человѣкъ. Но объ этомъ событіи нѣтъ никакихъ точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній. Ревельцы снова ожидали русскихъ къ своимъ стѣнамъ, они терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Горнъ писалъ къ королю, что шведы повсюду терпятъ отъ голода, солдаты безъ одежды, жалованье имъ нечѣмъ платить. Лѣтомъ русскіе опустошали Гаррію, у Везенберга они нанесли сильное пораженіе шведамъ; позже—въ іюлѣ—они разбили курляндцевъ между Кокенгузеномъ и Ленварденомъ. Это были послѣднія удачныя дѣйствія русскихъ. Въ августѣ Баторій предпринялъ свой походъ на Полоцкъ—и съ этихъ поръ счастье измѣнило русскимъ. Менѣе удачно дѣйствовали шведы. Попытка ихъ въ сентябрѣ осадить нѣмецкую Нарву окончилась неудачно, такъ-же какъ и планъ захвата Гапсаля [4]). У Нарвы шведы, какъ говорили, потеряли 4.000 человѣкъ убитыми [5]).

Фаренсбекъ сообщалъ Фридриху II о намѣреніи шведовъ поднять противъ русскихъ татаръ. Чѣмъ увѣнчалась такая попытка Іоанна III неизвѣстно. Надѣялся король и на помощь германскаго императора. Въ іюлѣ 1579 года онъ отправилъ къ Рудольфу пословъ, которые должны были внушить послѣднему, что государь ихъ только изъ состраданія къ ливонцамъ рѣшился начать войну съ русскими. Въ то время, какъ всѣ оставили Ливонію безъ помощи, онъ одинъ, не жалѣя силъ, поддерживалъ ее противъ русскихъ, потерялъ многихъ доблестныхъ воиновъ, истратилъ много денегъ; русскіе, между тѣмъ, все еще продолжаютъ грозить Ливоніи. Швеціи по праву должно принадлежать Directum dominium immediate надъ той частью Ливоніи, которая теперь подъ ея властью [6]).

---

[1]) *Stryikowski* у *Hausman'a*, 45, прим.

[2]) Lettere del S. Talducci, 5-го ноября. Флор. арх.

[3]) Di Cracouia, 2 Mai. Firenze, Arch. Naz.

[4]) *Hjärn*, 312 и д.

[5]) Фаренсбекъ Фридриху II, 27-го октября. Копенг. арх. *Man will alhie sagen*, das der Reusse den Schweden fur der Narua niedergelegt, vnd bej 4.000 seiner kriegesleutte solle erschlagen haben. Ob dem nhun so sey, weis man noch nitt fur gewiss. Ср. Симб. Сб. XIV, 167. *Кояловичъ*, Дневникъ. приложенія, 449.

[6]) Акты, I, № 87.

По поводу этого заявленія Іоанна Рудольфъ обратился къ курфюрстамъ, чтобы тѣ указали ему средства, какъ сохранить Ливонію отъ захвата ее русскими; онъ носился съ очень широкими планами относительно Ливоніи и во что бы то ни стало хотѣлъ сохранить за имперіей directum dominium въ ней. Нерѣдко Рудольфъ высказывалъ очень дѣльныя мысли, но не имѣлъ средствъ выполнить ихъ. Такъ Іоанну Георгу бранденбургскому онъ писалъ о необходимости помочь Польшѣ противъ русскихъ, о важности имперской морской армады, о союзѣ съ татарами, которые со стороны Азіи могли бы сдѣлать вторженіе въ предѣлы московскаго государства [1]).

Ничего опредѣленнаго курфюрсты не отвѣчали императору. Августъ саксонскій требовалъ его заступничества за Любекъ противъ Швеціи; второй по старшинству курфюрстъ Іоаннъ Георгъ бранденбургскій (1571 — 1598) не былъ изъ тѣхъ князей, которые могли бы поддержать въ императорѣ чисто нѣмецкія, національныя стремленія. Воздержная, честная, но посредственная натура курфюрста не возвышала его надъ будничнымъ, внѣшнимъ, условнымъ; безъ честолюбивыхъ стремленій онъ искалъ только покоя; не будучи совсѣмъ безучастнымъ къ внѣшнимъ событіямъ, онъ однако держался въ сторонѣ отъ нихъ. Вполнѣ обнять ту или другую политическую комбинацію мѣшалъ ему крайне узкій кругозоръ. Въ религіозномъ отношеніи строгій лютеранинъ, онъ въ политическомъ отношеніи былъ ревностнымъ приверженцемъ императора и былъ твердо убѣжденъ, что во власти одного лишь императора водворить миръ на западѣ и востокѣ Европы [2]).

Въ отвѣтъ на воззваніе императора онъ представилъ страшную

---

[1]) Дрезд. арх. Rudolff ann alle andere Churfursten abgesandtenn, 8 Iul. 1579 Prag. So habenn wir fur notigk geachtet, D. E. wie auch andere dero mit Churfurstenn dieser dinge hiermit auch zuberichttenn mit den freundtlichen vnd genedigenn gesinnenn, D. E. wolle der sachen fur sich selbst noch ferner guethertzig nach seinenn vnd vns ihr wolmeinlich gutachtenn durch was wege vnd mittel vngefehrlich diese orth wo nicht gar in des heyl. Reichs handt vnd subiection wieder zubringenn jedoch zum wenigstenn das directum Dominium derselbenn biss zu etwa bessere vermögen vnd gelegenheit erhaltten werden mögenn vnbeschweret eroffnenn das gereicht zu des heil. Reichs wolfarth vnd bestenn vnd beschickt darann vnser angenehmes freundtliches gefallenn jnn freundtschafft vnnd gnadenn damit wir D. E. ohne das jederzeit wolgeneigt wiederumb zuerkennenn.

Ср. Берл. арх. Письмо Рудольфа Пфальцграфу Георгу Іоанну Бранденбургскому 26-го августа 1579. Tattern welche den Moscowitter aus Asia angreiffen wurden.

[2]) *Droysen*, Gesch. der Preuss. Politik, II.

картину бѣдствій, если русскіе утвердятся на Балтійскомъ морѣ; на него, безъ сомнѣнія, производили давленіе изъ Польши и Пруссіи, гдѣ редактировались всѣ чудовищныя извѣстія о намѣреніяхъ московитовъ. Къ энергическимъ мѣрамъ онъ не былъ способенъ и ограничился общими заявленіями о необходимости спасти древнюю нѣмецкую колонію.

Остальные курфюрсты были слишкомъ заняты у себя дома и мало интересовались далекой Ливоніей. Торговые города Германіи, для которыхъ нарвское плаваніе представляло столько выгодъ, напрасно взывали къ императору, заключившемуся въ своемъ дворцѣ-музеѣ въ Прагѣ. Живопись, скульптура, мозаичное производство, химія и астрономія—эти его любимыя занятія привлекали его больше политики. Проходили мѣсяцы и годы, а Рудольфъ не находилъ свободнаго времени для рѣшенія неотложныхъ по важности своей вопросовъ; дипломатическіе агенты не могли дождаться аудіенціи, а съ Кеплеромъ и Тихо де Браге императоръ не разставался. Охотникъ до проектовъ—даже политическихъ—императоръ не имѣлъ энергіи сдѣлать первый шагъ для выполненія ихъ. Рудольфъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Испаніи, которая въ это время также дѣлаетъ попытку завязать прочныя отношенія съ сѣверными державами, чтобы въ нихъ имѣть опору въ борьбѣ съ Голландіей.

Послѣ неудачной попытки склонить на свою сторону Данію, Филиппъ II обратился къ Іоанну III въ надеждѣ получить отъ него помощь противъ Нидерландъ; онъ добивался права вывозить изъ Вестерготланда кораблестроительные матеріалы. Католическому государю хотѣлось вовлечь подозрительнаго протестанта—Іоанна—въ кругъ католическихъ государствъ, сдѣлать его орудіемъ реакціи. Въ началѣ іюня 1578 года, вскорѣ по возвращеніи Поссевина въ Италію, въ Швецію прибылъ посолъ отъ Филиппа II—Франциско де Эразо, остававшійся въ Швеціи болѣе года [1]). Въ инструкціи, данной Эразо, Филиппъ рекомендуетъ ему прежде всего обратиться къ Понтусу Делагарди и выразить ему удовольствіе короля по поводу переговоровъ его съ испанскими уполномоченными въ Неаполѣ. Филиппъ желалъ, чтобы Делагарди былъ въ будущемъ посредникомъ во всѣхъ переговорахъ Испаніи съ Швеціей. Послу затѣмъ предписывалось

---

[1]) Iohann III och Filip II. Depescher från det Spanska Sändebudet till Sverige Kapten Francisco de Eraso. 1578—1579. *Hist. Tidskrift*, 1886, VI Argång. Ср. *Theiner*, I, 562, 589, 606.

узнать у Поссевина о религіозномъ настроеніи Іоанна и сойдтись съ итальянцемъ Павло Феррато, находившимся на службѣ у королевы Екатерины. Какъ скоро послу дарована будетъ аудіенція, ему надлежало вручить королю собственноручное письмо Филиппа и передать ему расположеніе и любовь короля. Онъ долженъ былъ сказать, что намѣреніе шведскаго короля перейдти въ лоно католической церкви обрадовало короля; этотъ фактъ—лучшій и вѣрнѣйшій залогъ дружбы и союза Швеціи съ Испаніей.

Вторая половина инструкціи предписываетъ Эразо разузнать о военныхъ силахъ королевства, сухопутныхъ и морскихъ, о морскомъ пути изъ Швеціи въ Нидерланды, о морскихъ вооруженіяхъ шведовъ, объ ихъ артиллеріи; освѣдомиться, дѣйствительно ли въ Швеціи такое богатство минераловъ, какъ говорятъ; узнать о количествѣ военныхъ запасовъ и пр. Эразо долженъ былъ добиться аудіенціи и у королевы.

Эразо прислалъ Филиппу нѣсколько весьма цѣнныхъ донесеній, которыя однако должны были разочаровать знаменитаго представителя католическаго міра. Изъ Стральзунда Эразо пишетъ своему повелителю, что положеніе дѣлъ въ Швеціи представляетъ мало отраднаго, государство занято московскою войною, и королю, поэтому, было бы выгоднѣе добиться сближенія съ Даніей, въ рукахъ которой находится Зундъ. У Борнгольма Эразо видѣлъ значительный военный флотъ датчанъ—18 кораблей и 4 галеры,—предназначавшійся для Магнуса. Въ іюнѣ онъ прибылъ въ Стокгольмъ.

8-го іюня состоялась первая аудіенція его у короля. Іоаннъ радушно принялъ его и справился о здоровьи Филиппа. Въ неофиціальной аудіенціи, данной ему вскорѣ, король ближе сошелся съ посломъ и подробнѣе обсуждалъ съ нимъ вопросъ о союзѣ съ Испаніей. Увѣривъ Эразо, что онъ искренно готовъ содѣйствовать распространенію католичества, онъ прибавилъ, что не можетъ открыто заявить это изъ опасенія Даніи, которой достаточно услышать объ этомъ, чтобы порвать дружескія отношенія съ Швеціей.

Принявъ отъ Эразо письменное изложеніе его миссіи, Іоаннъ на второй офиціальной аудіенціи (15-го іюня) снова повторилъ о своей полной готовности исполнить желаніе католическаго короля.

Эразо имѣлъ въ виду склонить къ своему предложенію главнѣйшихъ изъ совѣтниковъ Іоанна и съ этою цѣлью прибѣгъ къ обыкновенно практиковавшемуся испанской дипломатіей пріему—подкупамъ, раздачѣ подарковъ, пенсій и пр. Особенно важно было бы,

по мнѣнію Эразо, обезпечить себя расположеніемъ графа Браге и вице-канцлера короля Эрика Спарре. Эразо писалъ своему государю, что братъ короля Карлъ сёдерманландскій согласенъ за извѣстную годовую пенсію перейдти на службу къ Испаніи [1]).

Сближеніе, о которомъ помышлялъ Филиппъ II, предполагалось въ слѣдующей формѣ: договоръ между обоими королевствами заключался срокомъ на 20 лѣтъ; во всѣхъ спорныхъ вопросахъ посредничество должно принадлежать папѣ Григорію XIII. Въ договорѣ, по желанію, могутъ принять участіе императоръ, короли Франціи, Португаліи и др. Шведскій король долженъ доставить Испаніи 40 кораблей на 7 мѣсяцевъ. Еслибы Испаніи флотъ не понадобился, король обязанъ заплатить шведскому правительству за всѣ расходы. Какъ скоро Швеціи понадобилась бы помощь, Испанія должна прислать ей такое же количество кораблей; кромѣ того въ первые два года Испанія должна доставить Іоанну деньги для найма иноземныхъ полковъ для борьбы съ московитами, въ размѣрѣ 200.000 скуди.

Эразо мало по малу сталъ увлекаться планомъ испанско-шведскаго сближенія и въ донесеніи отъ 30-го сентября развиваетъ предъ королемъ идею захвата Гельзингборга или Гельзингёра и утвержденія при помощи Швеціи въ Зундѣ: давнишняя мечта испанскихъ дипломатовъ. Филиппъ, такъ любившій помечтать и пофантазировать о всемъ грандіозномъ, съ удовольствіемъ перечитывалъ, конечно, подобныя донесенія и по своей привычкѣ снабжалъ ихъ подробными детальными комментаріями. Разъ бы Испаніи удалось утвердиться въ Зундѣ, она легко бы справилась съ своими политическими и религіозными антагонистами—еретиками Великобританіи и Нидерландъ. Самый чувствительный ударъ былъ бы нанесенъ Голландіи. Эразо пишетъ, что 400 голландскихъ купцовъ спаслись въ Швецію отъ преслѣдованія испанскаго правительства; въ Швеціи они ведутъ прибыльную торговлю; вообще голландцы прекрасно приняты въ сѣверо-восточныхъ государствахъ; торговые обороты ихъ тутъ значительны. Свой курсъ голландцы всегда направляютъ черезъ Зундъ. Въ антидатской коалиціи, по мнѣнію нашего дипломата-прожектера, участіе приняли бы Голштинія и Брауншвейгъ. Съ сухопутнымъ вторженіемъ можно было бы соединить и морскую экспедицію на Зеландію. Стоило бы лишь утвердиться въ Гельзингёрѣ, и тогда покореніе

---

[1]) Акты, I, № 76, 77 и 78: эти три акта показываютъ, что еще въ 1574 и 1575 годахъ поднимался вопросъ о переходѣ Карла на службу Испаніи.

всего государства уже не стоило бы большаго труда. Испанскій король сдѣлался бы абсолютнымъ владѣтелемъ Балтики, никто безъ разрѣшенія Испаніи не могъ бы появляться на Балтійскомъ морѣ. Осуществленію заманчиваго проекта могъ бы помочь и польскій король, остановивъ вывозъ хлѣба изъ своихъ рынковъ во Фландрію и Англію.

Вотъ свѣтлыя мечты, занимавшія и увлекавшія короля и его посла. Онѣ скоро омрачились рѣзкимъ поворотомъ, принятымъ шведскимъ правительствомъ какъ по отношенію къ католикамъ, такъ и по отношенію къ Испаніи. Эразо въ отчаяніи писалъ Филиппу: король въ совершенномъ замѣшательствѣ, въ немъ все чаще и сильнѣе стали обнаруживаться тиранническія наклонности, онъ желаетъ показать иностраннымъ посламъ, въ частности Эразо, что нисколько не нуждается въ союзѣ и сближеніи съ Испаніей, что отъ него зависитъ оказать испанскимъ торговцамъ покровительство или нѣтъ. По приказанію короля стали распечатывать письма, приходившія къ Эразо. Мнѣніе послѣдняго о Іоаннѣ изъ восторженнаго становится все болѣе и болѣе неблагопріятнымъ. Король—человѣкъ, пишетъ онъ, который въ состояніи завтра издать діаметрально противоположные указы тѣмъ, которые самъ онъ сегодня составилъ, подписалъ, запечаталъ.

Внезапная метаморфоза съ Іоанномъ объясняется тѣмъ, что съ году на годъ вліяніе королевы католички ослабѣвало, и онъ сталъ поддаваться вліянію національной партіи, всѣми силами отрывавшей его отъ союза съ католическою державою. Кромѣ того, измѣнились и отношенія къ Польшѣ: изъ-за Ливоніи оба короля, женатые на родныхъ Ягеллонкахъ, стали враждовать. Съ измѣною Магнуса московскому царю Іоанну не было и основанія опасаться Даніи, составлять противъ нея ненадежныя коалиціи. У Іоанна могло закрасться сомнѣніе, не на пользу ли Польши трудятся Филиппъ и его дипломатъ, а Вазѣ достаточно было заподозрить что-либо, чтобъ уже не быть господиномъ своихъ чувствъ: онъ не зналъ ни мѣры, ни политическихъ и дипломатическихъ приличій, разражался потокомъ укоровъ, гнѣвныхъ словъ, подозрѣній. Замѣтивъ это новое, неожиданное настроеніе короля, Эразо поспѣшилъ удалиться. Новая балтійская мечта Испаніи—оказалась такою же неосуществимою, какъ рядъ подобныхъ же въ разсмотрѣнномъ нами уже періодѣ и въ XVII столѣтіи. Германская торговля, между тѣмъ, терпѣла ударъ за ударомъ; ее захватили въ свои руки иностранцы. Ганзейскіе города бѣднѣли годъ отъ году.

Въ 1579 году было два ганзетага—доказательство сильнаго напряженія, до какого дошли въ своихъ отношеніяхъ города и сосѣдніе государи, въ особенности Швеція Ни Іоаннъ, ни Баторій не хотѣли допускать нарвскаго плаванія и изъ-за него происходили постоянныя препирательства. Данцигъ совѣтовалъ Баторію прислать своихъ представителей на ганзетагъ или написать городамъ, такъ какъ у Любека едва-ли удастся добиться какой-нибудь уступки относительно нарвскаго плаванія. Баторій прислалъ дѣйствительно на любекскій тагъ своихъ депутатовъ [1]. „Тагъ“ былъ не многочисленъ; съѣзжались очень медленно, и далеко не всѣ города прислали сюда своихъ представителей. На любекскомъ тагѣ, между прочимъ, выработана была новая форма соединенія ганзейскихъ городовъ. Цѣль втораго тага, созваннаго въ Гамбургѣ въ декабрѣ 1579 года, была—добиться у Даніи отмѣны ластовыхъ пошлинъ въ Зундѣ. Но Фридрихъ II не обратилъ никакого вниманія на это требованіе городовъ. Только когда вопросъ касался нарвскаго плаванія, датскій король стоялъ за города, такъ какъ и самъ отправлялъ корабли въ нарвскій фарватеръ: три изъ нихъ, принадлежавшихъ лично королю, захватилъ шведскій унтеръ-адмиралъ Бенгтъ Северинссонъ. Недовольны были города тогда и англійскими „Aduanturer“; нѣмецкіе торговцы сильно притѣснялись въ Лондонѣ.

Главнымъ тормазомъ торговыхъ сношеній Ганзы—являлась Швеція. Флотъ ея, крейсировавшій въ нарвскомъ фарватерѣ, вредилъ имъ больше всего. Съ 1574 до 1577 года Любекъ не могъ безъ риску направить ни одного корабля на востокъ. То шведы за-

---

[1] Ср. *Häberlin*, XI, 119 и д.; *Gadebusch*, II, 214. *Chytraeus*, Saxonia, 658—660. См. Regesta Diplomatica, II, 386. Данц. арх. Missivi. Stephano Regi Nostro. 4 Maij. Quod praeterea Regia Vestra Maiestas moneri nos jussit, ut de inhibenda Naruica nauigatione cum ciuitatibus Anseaticis diligentius ageremus: nihil nos quidem hac in parte officio nostro deerimus. Nam detrimentum, quod inde consequitur, non minus ad nos priuatim, quam generaliter ad uniuersum regnum Poloniae redundare experimur. Quod si vero Sacra Regia Majestas clementissime dignaretur specialibus literis id ipsum nobis iniungere ut Internuncijs nostris, quos ad instantem Conuentum Lubecam missuri sumus, illud in mandatis demus, ea spe freti sumus, ut hoc modo ijs, quae iam antea R. Nostra Maiestas de vitandis Mosci commercijs ad eas civitates perscripsit, maior accessura sit autoritas.—Ioanni Zamoiski Regni Cancellario: Verum quoniam non desunt ex ijs, qui eius nauigationis lucrum impense sectantur, qui existimant, quicquid huius rei gratia dicitur, a nobis saltem proficisci, neque tam Principem ea curare, quam nos commodi nostri causa, alijs inuidere.

хватывали по 16 торговыхъ судовъ, какъ, напримѣръ, въ 1574 году, то отбирали всѣ товары у купцовъ, то сжигали ихъ пакгаузы у Нарвы. Тогда-то, не предвидя конца самовольному каперству шведовъ, Любекъ рѣшился войдти въ сношенія лично съ королемъ, и 16-го іюня 1579 года ратъ снарядилъ къ нему посольство, чтобы выяснить вопросъ о нарвскомъ плаваніи и о торговлѣ съ русскими [1]). Городской совѣтъ предписалъ своимъ посламъ согласиться на пріостановку Нарвскаго плаванія въ продолженіе одного года на томъ, однако, условіи, чтобы король уничтожилъ и не давалъ ни тайно, ни открыто за деньги пропускныхъ грамотъ на Нарву шведамъ и другимъ народамъ; въ Копенгагенѣ послы должны были добиться временнаго закрытія Зунда для иностранцевъ, съ тѣмъ чтобы они одни не пользовались выгодами русской торговли. Городской совѣтъ имѣлъ въ виду склонить пфальцграфа рейнскаго, курфюрстовъ и герцоговъ—снарядить и отъ себя со этою цѣлью посольства къ Фридриху II; въ обращеніи къ нѣмецкимъ князьямъ Любекъ указывалъ на то, что до послѣдняго времени иностранцы свободно проѣзжали черезъ Зундъ и сносились съ русскими; лишенъ былъ нарвской торговли только одинъ Любекъ.

16-го августа 1579 года любекскіе послы Германъ Вармбекке, синдикъ города и два ратмана Іоаннъ Лудингузенъ и Арнольдъ Боннъ прибыли въ Стокгольмъ.

Отношеніе шведскаго правительства къ Любеку было крайне враждебно; до сентября оно не давало посламъ аудіенціи безъ вся-

---

[1]) Любек. арх. Suecica: „Acta legationis Suecicae Nauigationem Naruicam et ablatas merces de anno 1579 concernentia". Среди этихъ актовъ: „Instruction Was bey der Kun. Mai. zu Sweden eines Erbarn Radts der Stadt Lubeck gesandten Doctor Herman Warnbuche Syndicus, Her Iohan Ludinghausenn vnd Her Arndt Bonnus Rathmanne, zuwerben, zuhandlen vnd zuuerrichten haben sollen". „Bey der Reussischen Handlung vnd Naruefhart" 1) Vor allen dingen mussen alle Passbortenn auf die Narua zugebene eingestellet werdenn, weder heimlichen noch offentlichenn, frembden noch einheimischenn oder benachbartenn, wer die auch sein mochten, so seints wir erbotig, ein jar von nun an zurechnenn mit der segellation auf die Narua stille zuhalten. 2) Daneben do Ire K. M. neben Polen, Preussen, Lifland vnd Dantzigk mitt der K. M. zu Dennemarcken so uiel handlen wolten, Das Ire K. M. der zeitt wherendes krigs den Sundt schlissen, vnd keine frembde Nationes nach der Narua durchgestatten mochtenn, Darbey der Pfaltzgraf, Churfurst. Pommern vnnd Mekelnburgk auch viel guts thun kontten, dieselbigen dan darumb zuersuchen, das eine gemeine Legation an die K. M. zu Dennemark abgefertiget". За этими актами слѣдуютъ протоколы переговоровъ пословъ съ королемъ и его совѣтниками. Ср. *Häberlin*, XI, 109.

кой видимой причины. Только 13-го числа (въ воскресенье) аудіенція состоялась. Король очень недружелюбно принялъ пословъ; въ продолженіе всей аудіенціи онъ не скрывалъ своего неудовольствія по поводу ихъ инструкціи, былъ сильно возбужденъ(mit bewegter gemuet) противъ нихъ, часто перебивалъ ихъ, неожиданно ставилъ имъ насмѣшливые вопросы и то и дѣло давалъ имъ чувствовать свою силу, выдвигая впередъ идею самодержавія и отстаивая независимость и самостоятельность шведской политики въ предѣлахъ ея территоріи. Не уразумѣвъ, зачѣмъ послы въ своей инструкціи упомянули о Даніи, Іоаннъ, по словамъ пословъ, вспылилъ, прервалъ ихъ рѣчь и просилъ не касаться его отношеній къ Даніи. Не легко было успокоить раздраженнаго короля и съ трудомъ послы досказали свое порученіе относительно нарвской торговли. Затѣмъ они перешли къ вопросу о своихъ привилегіяхъ въ Швеціи; указывали на рядъ нарушеній ихъ и просили возстановить ихъ въ прежней силѣ [1]).

Въ отвѣтѣ Іоанна любекскимъ посламъ звучала злобная нота. Онъ рѣшительно заявилъ, что допуститъ плаваніе на Нарву только „tempore pacis", что Любекъ не заслужилъ ни одной привилегіи въ Швеціи, такъ какъ постоянно дѣйствовалъ противно ея интересамъ, поддерживалъ ея враговъ, нападалъ на корабли, вводилъ на морѣ адмиральство и т. д. „Какъ король". сказалъ Іоаннъ III, „онъ полновластный господинъ въ своихъ земляхъ и водахъ и не намѣренъ стѣсняться съ ослушниками своей воли". Если, по мнѣнію рата, датскій король въ правѣ назначать транзитныя и другія пошлины въ Зундѣ, то почему, спрашивалъ король, „онъ не имѣетъ такого же права въ водахъ между Финляндіей и Нарвой, въ которыхъ господство принадлежитъ ему".

Относительно привилегій король просилъ пословъ напомнить рату города, что шведскіе короли даровали ему эти привилегіи только „ex gratia", по особой милости своей; требовать теперь прежнихъ привилегій, послѣ того какъ городъ неоднократно обнаруживалъ свою вражду къ Швеціи, совершенное беззаконіе. Любчане виновны въ „crimen laesae Majestatis", такъ какъ въ посольствахъ и письмахъ своихъ къ императору взводили несправедливыя обвиненія на швед-

---

[1]) Король намѣренно пренебрегалъ этою частью посольской миссіи и съ усмѣшкою (spottisch) спросилъ, кого Любекъ подразумѣваетъ подъ „Holmfahrer". „Это купцы", отвѣчали ему послы, „поддерживающіе торговыя сношенія съ Швеціей".—„Вотъ какъ! Стало быть такихъ называете вы Holmfharer!"

ское правительство, умаляли королевскій титулъ, шведовъ называли морскими разбойниками и т. д. Жалобы Любека на повышеніе акциза король находилъ столь же неосновательными, какъ и всѣ прочія жалобы его, потому что можетъ же онъ, какъ король, по своей волѣ возвышать или понижать ихъ. Любекскіе послы, желая отстоять свои требованія, ссылались на императора и на штеттинскій трактатъ, но король съ сильнымъ гнѣвомъ прервалъ ихъ и, взволнованный и раздраженный, сталъ быстро ходить по залѣ. „Какъ лицо коронованное“, говорилъ онъ, „онъ отвѣтственъ только предъ Богомъ, до германскаго же императора ему нѣтъ никакого дѣла; что же касается до ссылокъ на штеттинскій трактатъ, то любчане совершенно невѣрно и произвольно его толкуютъ“.

Въ концѣ аудіенціи Іоаннъ нѣсколько смягчился, и любекскіе послы уже тономъ просителей стали домогаться милости къ себѣ. Король обѣщалъ дать имъ письменный отвѣтъ и отпустилъ ихъ. Вторая и третья аудіенціи состоялись лишь въ февралѣ (12 и 26 числа) 1580 года. И на этихъ аудіенціяхъ, какъ и на первой, краеугольнымъ вопросомъ явился нарвскій. Послы настаивали на правѣ нейтральныхъ державъ поддерживать съ русскими торговыя сношенія черезъ Нарву въ военное время, тѣмъ болѣе, что всѣ остальныя государства пользуются же этимъ правомъ. Новые споры и дебаты! 14-го марта король отпустилъ пословъ и пообѣщалъ имъ болѣе не давать никому паспортовъ для проѣзда въ Нарву, обусловивши это временною пріостановкою нарвской торговли и со стороны Любека [1]). Спорный нарвскій вопросъ подлежалъ дальнѣйшему разсмотрѣнію на рейхстагѣ 1582 года. Еще до этого рейхстага любекскій ратъ въ концѣ 1580 года снарядилъ посольство въ Прагу, ища содѣйствія императора и курфюрстовъ для возстановленія своихъ торговыхъ правъ въ Нарвѣ. Во главѣ посольства сталъ синдикъ города Каликстъ Шейнъ. 10-го декабря городской совѣтъ далъ ему обстоятельную инструкцію [2]), въ которой указывалось, что и въ штеттинскомъ мирномъ договорѣ, и въ рецессахъ депутаціонстага во Франкфуртѣ Любеку предоставлено было право свободно пользоваться своими давними привилегіями—поддерживать съ русскими торговыя сношенія

---

[1]) См. Endtlicher Abschied въ указ. собр. Любекскаго архива.

[2]) Любек. арх. Special Instruction Darnach sich vnser des Radts zu Lubeck abgesandter Syndicus D. Calixtus Schein am Kaiserlichenn Hofe vnnd bei denn Churfursten Sachsen vnd Brandenburgk zuschickenn vnd zurichten haben solle. 10 Dec. 1580. Съ городской печатью.

не только въ мирное время, но и во время войны [1]). Императору, говорилось далѣе въ инструкціи, принадлежитъ господство на Балтійскомъ морѣ за исключеніемъ шведскихъ и датскихъ береговъ; это господство, какъ reservatum summo principi, даетъ императору право заступаться за имперскіе города [2]). Иностранные государи сносятся съ русскими и чрезъ Бѣлое море, и чрезъ Балтійское; одинъ только Любекъ всѣ хотятъ лишить этого права. За деньги всѣмъ предоставляютъ паспорты для плаванія на Нарву; такими покупными паспортами запаслись безъ вѣдома городскаго совѣта и многіе подданные Любека [3]). Закрытіе нарвскаго плаванія подорвало все благосостояніе Любека; въ городѣ распространяется бѣдность, съ нею неразрывны и внутреннія волненія. Шведское правительство, узнаемъ мы далѣе изъ инструкціи, не стѣсняясь требовало, чтобы любчане покупали у него паспорты; цѣну на эти паспорты оно назначаетъ столь высокую, что, согласившись даже покупать ихъ, городъ въ конецъ разорился бы [4]). Ясно, такъ заключаетъ любекскій ратъ свою инструкцію, что шведское правительство желаетъ изъ нарвскаго плаванія сдѣлать себѣ выгодный источникъ доходовъ, что уже прямо оскорбительно для авторитета императора. Въ виду вышеприведенныхъ соображеній, городской совѣтъ просилъ императора и курфюрстовъ издать указъ (offentliche Edicte), по которому бы за Любекомъ предоставлялось право пользоваться нарвскимъ плаваніемъ и въ мирное и въ военное время и потребовать отъ Швеціи должнаго вознагражденія въ размѣрѣ 75.000 талеровъ за отнятые у Любека товары.

---

[1]) .... Das wir auch solche handelung vns nicht alleine zu friedens sundern auch Krigszeitenn mitt vnuorbottenenn redlichen Kaufmans wharenn, vormoge vnser alten Priuilegien vorbehaltenn, des zihen wir vns auf das domals von denn Kaiserlichen Commissarien gehaltenes Protocol, wiewol es der Zeit in die vernottelung des Vortrags nicht gebracht, wie hefftig wir darumb angehaltenn, Es haben vns aber domals die Commissarien gebettenn, solches so hart in vornotelung zubrengen nicht zueifern, es wurde sich sunstenn allenthalben wol schickenn.

[2]) .... Wir wollen geschweigenn, das sunsten die Romische Kaiser sich alle Zeits der hocheitt in der Ost vnd Westsee ausserhalb der koniglichenn stromenn vnnd hauenn, als ein reseruatum summo principi, angenommen, Darinnen *jres gefallens* ordnung gemacht vnd disponiret.

[3]) .... Daher dan die handlung sofern, das vor gelt so wol frembde Nationes als auch vnsere eigene burger doch vns vnwissend, Passbortt vff die Narua erlangen konnen.

[4]) .... dardurch die vnsern ausgesauget, zu armut geraten, vnd wirtt also aus dieser freienn erlaubten handlung gegen vns vnd die Reichs vnderthanen ein Mercatantz dardurch mann gelt zu wege bringen kann, gemacht.

Въ случаѣ неисполненія этихъ двухъ условій императоръ долженъ пригрозить Швеціи репрессаліями.

Императоръ обѣщалъ городамъ разсмотрѣть ихъ жалобы, обѣщалъ войдти и въ сношенія съ Швеціей, но, какъ всегда, ничего не могъ сдѣлать.

Польша точно ожила съ тѣхъ поръ, какъ корона досталась Баторію. Знаменитый полководецъ, произведшій коренную реформу въ военномъ строѣ Польши, считалъ внѣшнюю политику своею настоящей сферою. Предоставивъ внутреннія дѣла въ государствѣ Замойскому, „papista acerrimus regis cor in manu sua habens", онъ понималъ, что участіе во внѣшней политикѣ обусловлено войною. Война—вотъ его призваніе; она сдѣлала его знаменитымъ, она должна была дать ему то, что онъ полагалъ своей высшей цѣлью—личную славу и славу новому отечеству. Войну онъ признавалъ только наступательную; самъ король всегда былъ впереди другихъ, его мужество увлекало лучшія силы Польши, военные успѣхи обезпечивали за нимъ довѣріе воиновъ; его внѣшняя политика была задумана въ широкихъ размѣрахъ: покорить себѣ весь востокъ Балтійскаго моря, ради чего война съ Москвою должна была быть поставлена на первомъ мѣстѣ; при этомъ война не въ Ливоніи, а въ предѣлахъ самого Московскаго государства. Еще въ 1578 году онъ развивалъ такой планъ войны предъ папскимъ нунціемъ Laureo. Искусная артиллерія и образцовое по выправкѣ войско — вотъ что обезпечивало за Баторіемъ успѣхъ въ войнѣ

Рѣшивши уже начать войну съ московскимъ царемъ, Баторій, желая выиграть время, завязалъ съ нимъ переговоры о мирѣ. Посламъ, отправленнымъ въ Москву, предписано было какъ можно дольше продлить переговоры, всячески замедлять ходъ ихъ, чтобы король этимъ временемъ могъ успѣшнѣе готовиться къ войнѣ [1]). Объ этомъ,

---

[1]) Данц. арх. Acta Intern. IX, vol. 28. Донесеніе Константина Фербера, Альбрехта Гизе и Конрада Лембке, 16-го февраля 1578: Vnsers Herren Gesandten welche in die Moscaw abgefertigett sollen den befelich gehabtt habenn, das sie so viel muglich cunctiren vnnd fein langsam vortziehenn soltenn, damit man alhier vnterdes mitt den radtschlagenn vnd anderer notturfft fertig werden köndt solchs aber soll dem Moscouiter verspehrt sein, welcher jhnen bald sol entkegen geschickett, vnnd sie mit gewaltt zu sich haben forderen lassenn, vnnd das vorteil des sie sich kegen Ihn vermeinett zugebrauchenn das soll ehr zu sich gezogenn haben, also das sie noch jhrer erlangeten abefertigung den tag nicht mehr als eine meile vortziehen mussen, vnd vber dem verzuge sol ehr sich mit seinem volcke rusten vnd jhnen auff dem fusse folgern.

пишутъ данцигскіе послы своимъ бургомистрамъ, прослышалъ царь и отправилъ своихъ гонцовъ на встрѣчу польскимъ посламъ и велѣлъ силою заставить ихъ быстрѣе двинуться къ Москвѣ. Когда послы явились къ Грозному, онъ объявилъ имъ, что соглашается вести съ ними переговоры только относительно Литвы, Ливоніи же онъ запретилъ касаться [1]). Рѣшено было заключить только перемиріе, но Баторій, какъ извѣстно, перемирія не принялъ и предпринялъ свой первый походъ въ предѣлы Московскаго государства [2]). Въ Вильнѣ въ концѣ 1579 года назначенъ былъ смотръ войскамъ Баторія, составился военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было двинуться на Полоцкъ; эта крѣпость, по мнѣнію короля, всего болѣе грозила открытой беззащитной Литвѣ. Самъ Баторій покинулъ Вильну 30-го іюня, отпустивши иностранныхъ пословъ. Поляки медленно двигались впередъ, дороги были испорчены. Для рекогносцировки отряженъ былъ

---

[1]) Ibid.

[2]) О пріемѣ русскихъ пословъ у Баторія данцигскіе послы пишутъ: „Als aber der Herr Prziemskj vnd h. seuerin Bonner wegen der Kön. M. sie empfangen wollen, haben sie sich der alten barbariae nach wegen des hutts vnd entplosung des hauptes gezankett... (5-го декабря, аудіенція ихъ у короля): Als aber die gesanten auffgeholett, vnd fur Ihre M. gekommen, haben sie die vnseligen tittel jhres grossfursten referiret, vnd nachmals vnsers koniges dergleichen vnd dem gruss abgelegett, Nach verrichtunge desselben, jst von alters her der vorigen Koninge gebrauch gewesenn, das sie aufgestanden vnd Ihr Haupt entdecken vnd also mitt blosem heupt gefragett, wie es Ihrem bruder dem grossfursten gehe. Solchs hatt Ihre K. M. nicht thuen wollen, sondern ist sitzen bliebenn, vnd hat durch den hern Eustachi fragen lassen, Als solchs die Moscowiter gesehen haben sie die kopffe geschuttelt vnd weiter nichtes anthworten wollen, es stunde den der Koning zuuor auf, vnd blösse sein heupt, Als man solchs gemerket, hatt der herr Eustachi gesagett, das Ihre M. nicht Polnisch kunde, darumb hette er es jhm zu reden befolen, Da sahett der Moscowiter so solte er auffstegen vnd die Magecke abnhemen. Wie Ihre K. M. der leute stoltz gesehen, hatt er als balde gesagett, das sie entweder Ihr gewerbe ablegen, oder widerumb jn ihre herberge gehen solten, Also seint sie widerumb zurucke in jhre herberge geleittet worden, und haben nichts verrichtett. Als sie aber aussgegangen, vnd Ihr K. M. jn den rathe getreten, hatt Ihre M. gesaget: Redigemus illos in ordinem, man solte weder Inen noch Ihrem volke noch Ihren rossen zuessen oder zutrinken geben biss so lange sie die botschafft abgelegett, vnd (welchs ich vergessen) als sie in Ihrer der Koning auch auf seiner meinung geblieben, hatt der herr Eustachi gesagett, es hette Ihr Grossfurst, der K. M. gesanten dem Masauschen woywoden auch der gleichen gethan vnd die gewönliche reuerentz nicht erzeigett, da hat der Moscowiter geanthwort er were dabey gewesen, sein Grossfurst der hette seinen hutt abgenommen vnd an gewonlicher ehrerpittung nichtes abgehen lossen, als nu der her lit-

Николай Радзивилъ. По донесеніямъ итальянцевъ [1]), Полоцкъ, нѣкогда богатый и населенный городъ, съ широкою торговлей, куда стекались купцы и торговцы со всѣхъ окрестныхъ государствъ и даже изъ Азіи, теперь вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ обратился въ пустынный городъ, съ очень незначительной торговлей, окрестности его были выжжены и опустошены. По дорогѣ къ Полоцку заняты были нѣкоторые незначительные пункты, какъ Красное [2]) и другіе. Осада Полоцка началась 11-го августа. Самъ Баторій признавалъ за московитами доблестную отвагу и мужество. 29-го августа полякамъ удалось поджечь городъ, огонь быстро распространился, что и помогло польскимъ войскамъ безъ особаго труда занять его. За Полоцкомъ палъ Соколъ. Съ паденіемъ Полоцка, Двина вся была въ рукахъ Баторія; она являлась надежнымъ операціоннымъ базисомъ для дальнѣйшихъ походовъ его. Уже теперь можно было предвидѣть, что звѣзда Іоанна должна закатиться, уступить мѣсто новой, Баторіевой. Послѣ такихъ славныхъ дѣлъ Баторій вернулся въ Вильну [3]). Въ ноябрѣ Фаренсбекъ писалъ Фридриху II, что Баторій созвалъ на сеймъ представителей Польши, Литвы и Пруссіи, чтобы съ ними обсудить вопросъ о новыхъ налогахъ, необходимыхъ для продолженія войны съ русскими. Нѣмецкій орденъ обѣщалъ королю помощь, если онъ дастъ согласіе возстановить Ливонію въ прежнемъ ея видѣ, къ чему король обнаружилъ очень мало склонности [4]). Баторій входилъ въ сношенія и съ иностранными государями,

---

tausche Cantzler sagett, das solchs Ihrer Kön. M. abgesandter eingebracht, spricht der Moscowiter das der gesante der warheit gesparet hette, und das er auch selbst nicht war rebette(?).

In summa sie sein so vnuerrichter sache in die herberge gefuret, vnd haben die kopfe geschuttelt nicht anders als wan man einem beren auf die nase geschlagen". Ср. Акты, I, № 84.

[1]) Barberini, XVI, 56. Raguaglio del successo della guerra mossa l'anno 1579 tra il Rè di Polonia et il Duca di Moscovia.

[2]) Coszama, Crasne и Lituo.

[3]) *Schiemann*, 373. Лучшій источникъ для походовъ Баторія—*Гейденштейнъ*, котораго *Haustmann* (Studien zur Geschichte des Königs Stephan von Polen, Dorpat, 1880) назвалъ герольдомъ военной славы Баторія. Характеръ всего труда Гейденштейна – офиціальный. Очень обстоятельный и достовѣрный источникъ походовъ Баторія—это *Renner*. Ср. также *Oderborn*, Ioannis Basilidis Magni Ducis Moscoviae vita tribus libris conscripta, Witebergae, 1585. Ср. Дневникъ послѣдняго похода Баторія, изд. *Кояловичъ*. Ср. *В. Васильевскій*, Польская и нѣмецкая печать о войнѣ Баторія съ Іоанномъ Грознымъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889.

[4]) Копенг. арх. Фаренсбекъ королю 15-го ноября. Акты, I, № 89.

такъ онъ искалъ союза противъ Москвы Фридриха II датскаго. Въ концѣ года предполагалось съ этою цѣлью съѣхаться представителямъ обоихъ государствъ. Но Баторій ошибался относительно Фридриха II; онъ соглашался помочь ему только противъ шведовъ, а не противъ Москвы. Баторій добивался дружбы Даніи, чтобы быть обезпеченнымъ относительно провіанта [1]).

Баторій всего болѣе надѣялся на Данцигъ и другіе прусскіе города, съ которыми онъ недавно заключилъ миръ; они могли дѣятельнѣе другихъ помочь ему—подчинить себѣ Ливонію. Король потребовалъ въ 1579 году новыхъ податей для московской войны. Данцигъ отказался; другіе прусскіе города дѣйствовали безъ единодушія: одни слѣдовали политикѣ Данцига, другіе исполняли волю короля [2]).

Это всего рельефнѣе сказалось на ландтагѣ въ Кульмѣ, въ февралѣ 1580 года. Представителямъ Данцига на этомъ тагѣ, Константину Ферберу и Конраду Лембке, предписано было съ энергіей противостать новымъ контрибуціямъ; только въ томъ случаѣ, если всѣ прусскіе города дадутъ королю свое согласіе, и они могутъ присоединиться къ нимъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ грозитъ быть совершенно изолированными [3]). Между прусскими городами не было никакого единства; особенно сильной и упорной была распря между Данцигомъ и Эльбингомъ. Она возникла изъ за притязаній англичанъ—монополизировать всю прусскую торговлю.

Въ Эльбингѣ англичане основали свою контору и желали сдѣлать ее средоточіемъ всей прусской торговли. Данцигъ возсталъ противъ привилегій, данныхъ англичанамъ въ Эльбингѣ; онъ обращался даже къ Баторію, раскрылъ ему своекорыстіе англичанъ, стремящихся

---

[1]) Danske Mag. 1747, 139.

[2]) Данц. арх. Missiv.

[3]) Данц. арх. Zurletzt, do vnsere gesanten ie vermercken vnd spuren wurden, das sie mit keinem der obgedachten mittel fortkommen kunten, vnd die Contribution vber das gantze Landt so wie sie nach der Preussischen nottel vnd anlage verfasset ergehen solte, Domitt nur nicht die Polnische Contribution zur sequeler eingefuret, so musten wir auch vnsers teils aus der nott eine Tugend machen, vnd domitt wir nicht von vnsern widdersachern, wie zuuoren geschehen, derwegen belegt, vnd bey der Kon. M. verdechtig gemacht werden möchten, als sollen wir vns allein dawidder sperren, vnd daher ettwan grössern vnlust auf die Statt erregen, musten wir also den gemeinen beschluss, deme wir vns sonsten nicht entbrechen kunnen, vns desfals mitt den andern bequemen.

захватить въ свои руки все Балтійское море[1]). Король внялъ представленіямъ Данцига и указомъ отъ 8-го мая 1580 года запретилъ допускать англичанъ въ Эльбингъ. Эту уступку онъ сдѣлалъ Данцигу въ надеждѣ склонить городъ къ новымъ контрибуціямъ, но и этотъ маневръ не удался.

Въ 1581 году столкновенія съ Данцигомъ возобновились изъ за тѣхъ же требованій короля. Отношенія короля къ Данцигу на столько обострились, что Баторію приписывали намѣреніе по окончаніи московской войны начать борьбу съ Данцигомъ и на этотъ разъ уже окончательно подчинить себѣ строптивый городъ [2]).

Любекъ обѣщалъ королю помощь, какъ скоро онъ за нимъ подтвердитъ его привилегіи въ Ригѣ, Нарвѣ и Новгородѣ [3]).

---

[1]) Die Englischen vnterstehen sich in den stetten an der Ost sehe Monopolische, eigennutzige vnd zu rechte verpotene Companien, residentien vnd handlungen anzustellen vnd aufzurichten, dodurch sie die wahren, deren sie aus diesem orte nicht emperen kunnen, an sich allein schlagen, vns aber vnd andern hantier vnd narung entziehen, Dorkegen aber jhre Saken, die sie hirein brengen, dermassen steigen vnd ausshöken, das sie die Lantsassen yhres gefallens vnd muttwillens beschatzen, aussaugen, vnd ins letzte gants vnd gar erschepffeu wollen, und somitt sie solche vngewönliche Monopolia vnd vnterschleiffliche handelung desto besser yhres fortels vnd gesuchs halber anstellen vnd bedreiben mugen, haben sie nun eine gewisse Companey gemacht derer Kauffleutte, die allein auff Preussen handeln sollen, vnd muss sich dieser segelation sonst kein Englischer vnterstehn welchs doch zuuor vnd von alters iedermenniglichen frey gewesen, Haben auch zu solchem behuef mit vnsern Nachbarn, des Statt Elbing durch sonderliche Practiken vnd fast allein dieser statt zu verdriess dohin gehandelt vnd beschlossen, das sie doselbst yhre residentz anzulegen vnd also alle gutere, die sie Ostwerts schiffen, an dieselb stelle alleine vnd sonst nirgents anders hin zu brengen vnd doselbst alleine zu verkauffen im werck sein, dodurch also die Elbinger vermeinen die handlung alleine bej sich zuhaben, die Englischen aber iedermenniglich an der gantzen Ostseh zuzwingen, das man yhnen solle nachlauffen vnd yhres gefallens mit yhnen handeln vnd hantieren mussen, dobey sie auch eigene regierung Collegia vnd Verbüntnisse aufzurichten vnd durch yhre Curtinierer eigennutzige hochschedliche auffsetze vnd verordnunge zumachen sich erdreisten, als das sie vnter sich yhre wahren yhres eigenen gefallens vnd zu yhrem selbst fortel, setzen vnd steigern, vnd widderumb andere wahren die hiro zu lande anderswo herkommen regulieren vnd setzen durffen, wie teur vnd nicht teurer die Englische Companej vnd yhre factoren aller hant wahren verkauffen vnd einkauffen sollen, Item das heiner keine wahren zur sehwarts in andere schiffe frachten oder auffuren solle, so lang als ir keine Englische schiffe verhanden sein mugen, Item das yhre Piloten keinen andern schiffen, als nurt den Englischen dienen helffen vnd befördern solle, vnd was solcher vnd dergleichen eigennutziger vnd vngewonlicher auffsatzungen mehr sein.

[2]) Данцигъ Любеку, 20-го апрѣля 1582.

[3]) Данц. арх. Intern.

Не смотря на ропотъ и протестъ. мѣстами уже поднимавшійся противъ воинственнаго короля, Баторій добился согласія на новые налоги. и лѣтомъ 1580 года начался его второй походъ [1]). Переговоры о мирѣ также не прерывались; требованія короля были чудовищны: кромѣ Ливоніи—онъ требовалъ Новгорода, Смоленска. Пскова. Грозный настаивалъ на Ливоніи [2]).

Второй походъ Баторія былъ направленъ къ Великимъ Лукамъ. По дорогѣ онъ осадилъ Велижъ.

Не смотря на всю храбрость и стойкость русскихъ. они вынуждены были уступить подавляющей массѣ враговъ и сдать имъ Велижъ. „въ 16 миляхъ отъ Витебска", 7-го августа. Отсюда поляки рѣшили идти къ Великимъ Лукамъ, удобнѣйшему пункту для нападенія на другія московскія области; отъ этого города дорога открыта и къ Смоленску, и къ Пскову [3]). Фаренсбекъ писалъ Фридриху II, что поляки были раздѣлены на три отряда: впереди шелъ великій канцлеръ, за нимъ слѣдовалъ Фаренсбекъ и литовцы. Великіе Луки. пишетъ своему королю датскій кондотьери. не крѣпость, а большой открытый городъ, густо населенный; земля тутъ очень плодородная и доставляетъ жителямъ большое количество всякихъ плодовъ. Торговое значеніе города опредѣляется его географическимъ положеніемъ на пути къ Пскову и Новгороду. Для Ливоніи пріобрѣтеніе такого пункта, по мнѣнію Фаренсбека, было бы въ высшей степени полезнымъ.

Великіе Луки сдались полякамъ на гнѣвъ и милость; послѣдніе сожгли городъ. Польскіе воины и гайдуки, воспламененные яростью, всѣхъ убивали и рѣзали—безъ различія пола и возраста; жителей бросали со стѣнъ, ввергали ихъ въ пламя [4]). Погибло много тысячъ народа, среди которыхъ было не мало знатныхъ князей и бояръ, въ особенности дорогихъ для царя. Фаренсбекъ плѣнилъ цѣлый отрядъ русскихъ, но не могъ спасти ихъ отъ гайдуковъ, перебившихъ всѣхъ до

---

[1]) Nachdeme wir geneigt zu erster und furderlichster gelegenheit den Krieg mit ernst vnd allem vleiss jhnn vnsers feijendts landt antzustellen vnd gerurten vnsern feijndt ahn die hantt auch biss ahn die Muscow antzugreiffen.

[2]) Коп. арх. письмо Фаренсбека отъ 8-го сентября 1580.

[3]) *Гейденштейнъ*. 107. Акты, I, № 86.

[4]) Данц. арх. Da hatt man ein iemmerlich specktakel gesehen, wie ihr viel gewund vnd halb todt in den Wassergraben gesturzt worden, viel seindt das naker ausgezogen vndt dan gesabelt worden. Ср. *Васильевскій*, 54—55.

послѣдняго; онъ сожалѣлъ объ этомъ, наивно замѣчая, что, еслибы не гайдуки, ему удалось бы получить съ плѣнныхъ весьма значительный выкупъ. Всѣхъ русскихъ въ городѣ было до 10.000 человѣкъ. Городъ до-тла сгорѣлъ, расплавились всѣ металлическія вещи и оружіе. Баторій долженъ былъ построить новыя укрѣпленія.

Донесеніе Фаренсбека, рисующее намъ страшную жестокость поляковъ, вполнѣ сходно съ донесеніемъ, отправленнымъ въ Данцигъ Даніиломъ Германомъ, 8-го сентября.

За Великими Луками настала очередь Заволочью и другимъ городамъ на пути къ Пскову [1]). Рѣшивши направить новый третій походъ къ

[1]) О событіяхъ послѣ паденія Великихъ Лукъ современникъ говоритъ слѣдующее: Nach dem Königkliche May: Wylickyluki etzlicher massen befestiget vnd mit frischem kriegs volck besetzet, welchs er dem Muscowiter mit sturmeter hand eingenommen hatte, ist Kön: May: wider verursacht worden den feindt anzugreiffen.

Den 24. Septemb: ist Kö: Ma: mit dem gantzen Heer auffgebrochen vnd auff Morassky zugerücket, da denn der feind mit seiner gantzen macht gelegen ist, welches nur 14. meil von Welickiluki gelegen, da denn ein klein Stedtlein vnder wegen mit namen Byllawen genandt, gelegen ist, daselbst vnser Königliche May: jhr läger auffgeschlagen vnd sich wol beschantzt denn man alle tag mit dem feind scharmützelt vnd schutzgefehr helt, ist auch nicht vber 3. meilen dauon gelegen.

Den 28. Septembris sind vnser Kö: May: ankommen 36. Schiff auss Engelland, mit kriegssrüstung wol beladen, als puluer, harnisch vnd ander wehr, auch mit Engelendischem kriegsvolck welchs ein grosse summa ist gewesen, auch sonderliche gute kriegsleute zu wasser sein, ist auch ein Hauptman darauff gewesen Stephanus Warsborg genandt.

Den 29. Septemb: ist Kö: May: mit jren kriegs herrn zu rath gangen, welcher gestalt man den feindt möcht angreiffen, denn er sich gewaltig sterckte, hat auch bey 30. brücken vber die Iubis geschlagen, darauff er gewaltig herüber zeucht Tag vnd Nacht, mit Geschütz vnnd Volck auffs allerbest sich versorget, vnd ist wol zubesorgen, so wir nicht mit gewalt werden darein schlagen, wirdt er vns zu starck werden, denn ob er gleich ein Tausent oder sechs verleuret, so ist es jhm ein kleiner schad, denn er ein guten hinderhalt hat, vnd sich alle Tag mit frischem volck versorgen kan.

Den 30. Septemb: hat K. M. mit wolbedachtem rath fürgenommen, das man soll die Schiff welche vns geschickt sein, mit Geschütz vnd Wehr wol versorgen, darauff die Engelendische Hauptleute setzen, vnd des Morgens wenn der Tag anbricht die Imbes hinauff ziehen mit 6. vollen Massken, ob Gott glück geben würde, das sie dem feinde die Brücke möcht entzwey lauffen, vnd dem feindt ein schrecken machen, vnd wenn solchs durch Gottes willen möcht geschehen, solten sie etzliche pech Tonnen anzünden, dabey man köndte mercken das solchs geschehen were, als den wölle K. M. mit dem gantzen Heer auff den feind zufallen, ohn auffhören, biss er die flucht geben wurde.

Den 2. Octobris hat K. M. jhr Volck vermanen lassen, das sie Gott wolten

этому городу, Баторій обращался за денежною помощью къ нѣмец-

bitten, das er glück wolte geben, das man den feind möcht schlagen, welcher wider Gott vnd sein heiligs wort streit, vnd jhre ehre vnd trew, die sie Gott vnd K. M. geschworen, ja fest halten, als denn wölle er sie auch ehrlich bezalen, wie einem redlichen Kriegsfürsten zustehe.

Den 3. Octobris hat K. M. auff blasen lassen, vnd das kriegsvolck in fünff Schlacht ordnung gestelt, die Vngerischen 20. tausent an dem kürischen geberge her ziehen lassen, mit jhrem Völckern Burnamissa, ein Herr auss Vngern, mit 15. stück geschütz, darnach Fibranosskeu, Grossken, Trabetzken, welche sind Herren vber die Heiducken, bey 15. Tausent starck, welche ein halbe meil herunter gehalten, vnd die Wagenburg vnd das meiste Geschütz bey sich gehabt, vnd ist der hauff bey 30. Tausent gewest, darnach an der Imbes her hat gehalten der gestrenge Herr Ernst Weger, ein Teutscher auss Pommern, mit 8. schwader Teutsche reuter, vnd 12. Fenlein deutscher Lantsknecht, darnach hat der Edle Ehrnueste herr Iörgen Fernspach der Kö. M. zu Dennemarck vnd Nordwegen Ertzstadthalter zu Wylyckiluky vbers wasser gezogen mit 18. Fenlein wol gerüstem kriegsuolck, den feind auff allen seiten anzugreiffen, vnd ist alles des Morgens frü geschehen. Darnach vmb sechse hat Steffanus Warsborg eilends auff den Schiffen die segel auffgezogen, nach dem die fluth ist angangen, die Imbes hinauff gesegelt, denn er guten Windt gehabt, vnd Got hat glück geben, das die Schiffbrücke, welche der feind gemacht hatte, alle entzwey gelauffen sein worden, denn sie an die vber gehefftet gewesen, darnach hat der Herr auff den Schiffen etzliche pechtonnen anzünden lassen, welches dar hoch gebrant hat. Darnach vmb die glocke sieben ist K. M. mit dem gantzen heer heran geruckt, das der feind schnel vberfallen ist worden, ehe sie sich haben zur wehr stellen können, wiewol der hauff gross ist gewest, haben die im hinderhalte ein Schlachtordnunge vnnd gegenwehr gestelt vnd sich geweret, so haben die Heiducken von vnsern den Feindt erst angelangt, darnach sein die Teutschen Landsknechte angefallen vnd haben dem feinde das Geschütz vnterlauffen vnd in vnser hand bracht das er kein schaden hat thun können.

Vmb glocke 8. ist K. M. mit dem gantzen hauffen ankommen, vnnd sein die Vngern von dem Geberge herunder gezogen, vnnd haben den feind auff der seiten angefallen, vnd jhnen die Schlachtordnunge zubrochen, das der feindt hat weichen müssen, es haben die Krabaten aber dem feind den weg verlegt, das er nicht hat weichen können, vnd alles auff das wasser zu müssen fallen, verhofften also vber die Brücken zu komen, wie sie aber angelauffen, haben sie mit schaden erfaren, denn es sindt die vnsern so hart auff den Feindt gedrungen, das sich keiner für dem andern hat können regen, vnnd haben alle im wasser müssen ersauffen, welche aber hinüber sein kommen, hat das Teutsche Heer alles erschlagen vnd gefencklich genommen, das so ein Blůtbad da ist gewesen, das man nicht gnug dauon schreiben kan.

Des Mittags hat K. M. friede blasen lassen, vnd die, welche noch bey leben gewesen, gefencklich annemen vnd in der schantzen verwaren lassen, welcher noch gewesen sind bey 8. hundert, die sich in greber vnnd löcher verborgen hatten. Nach Mittage hat K. M. preiss gegeben das man plünderen alles was da ist, so hat man ein gross beuth bekommen, bey 12. hundert lebendige Ross, auch 1500. kolotzkie wagen alles wol beladen, auch 70. stück Geschütz, das hat man K. M. zu handen

кимъ князьямъ [1]). Знаменитая осада Пскова началась 26 августа и безуспѣшно продолжалась до конца войны. Въ то время какъ русскіе проявляли чудеса храбрости и стойкости подъ стѣнами Пскова, дипломатія усердно хлопотала о прекращеніи войны. Осенью 1580 года къ Баторію явились послы отъ царя, выражавшіе готовность послѣд-

bracht, auch vil gelt vnd Gut welchs man bey den Todten Cörpern hat funden, vnnd hat diese Schlacht gewehret 8. stunde, man hat K. M. den Feldtherrn der Muscowiter sampt 4. Weywoden gefencklich bracht, vnnd vil andere Herren mehr, dieselben hat K. M. gegen Polotzki geschickt, welche gesagt haben, das 4. gewaltige Herren sein Todt bliben. Des andern tages hat K. M. 800. schantz grebern befohlen die todten Cörper zu begraben, welche gefunden haben 24000. Todte Cörper, ohne welche mit dem groben Geschütz sein zustossen worden, vnnd ist auch lautbar, das vber 6000. im Wasser versoffen, welche jhr leben retten wollen, die alle auff diser walstat blieben sein, vnnd hat vnser K. M. vber 3000. nicht verlorn.

Den 5. Octobris ist K. M. wider auffgebrochen, vnnd für Waraskie gezogen, vnnd seine Gesandten hinein geschickt, das sie wolten K. M. die Statt gutwillig ergeben, vnd für seiner gewalt nicht enthalten, als denn wölle jhn K. M. alle wolthat erzeygen vnnd sie zu gnaden annemen, wie denn die verschreibunge laut, darauff die Herren in der Statt herauss gezogen vnnd K. M. zu füss gefallen vnd gnad begert auch ein herrlich reuerents gethan, vnd gebeten, das sie K. M. bey Leib vnd gut bleiben vnd jre Statt nich plündern auch keinen schaden noch leidt thun, so wollen sie sich K. M. ergeben, vnd vnderthenigen gehorsam leisten, vnnd auch Christlich Religion annemen, darauff sich K. M. in allen gnaden gegen sie erzeigt hat, auch zugelassen was sie begert, darauff hat Kö. May den Herrn Iohannes Steuossken mit 6. Fenlein Kasacken hinein geschickt vnd die Statt besetzen lassen.

Der Allmechtige Gott, in welches hand stehet aller Menschen gewalt vnnd Regierung, zu straffen die bösen vnd handthaben die fromen, wolle K. M mit dem heiligen Geyst regieren, damit K. M. das Weltliche schwerdt, so jhr von Gott befohlen, inn Gottes furcht brauchen möge, jhr auch weissheit, verstandt vnd Leibs gesundtheit vnnd vberwindunge vber seine Feinde gnedigklich verleyhen, damit K. M. jhre vnderthanen im friede ruhe vnd einigkeit durch Gottes gnad beschützen vnd regieren möge, durch Jesum Christum vnsern warhafften helffer vnnd Seligmacher.

Amen.

Newe zeytung von der grossen Schlacht vnd Scharmützel so Königliche Maiestat zu Poln gegen dem Erbfeind dem Muscowiter, nach eröberung der schönen, grossen vnd reichen Stadt Wilickiluki vnd Ausswits genandt, gehalten hat, welche Victoria sich zugetragen hat den 3. Octobris 1581.

(виньетка).

Gedruckt zu Marburg, durch Augustin Colben im Jahr.

1581.

(Мюнхенская библіотека, Eur. 343—14).

in 4-to.

[1]) *Соловьевъ*, VI, 328.

няго уступить Полоцкъ и нѣсколько городовъ въ Ливоніи, но имъ не дали даже никакого отвѣта. Узнавъ о паденіи Великихъ Лукъ, московскіе послы просили короля разрѣшить имъ отправить гонца къ царю за новымъ полномочіемъ. Король рѣшительно заявилъ посламъ, что безъ Ливоніи онъ не согласится ни на какой миръ [1]). Въ день отпуска пословъ великій канцлеръ перешелъ Ловать и построился лагеремъ на противоположномъ берегу. 4-го сентября Баторій отправилъ пословъ въ Москву съ требованіемъ себѣ всей Ливоніи. Въ октябрѣ послы вернулись, съ донесеніемъ, что царь согласенъ отказаться отъ Усвята, Велижа, Полоцка и Кокенгаузена, Ливонію же не уступитъ. Въ концѣ 1580 года современныя донесенія говорятъ намъ о крайне тяжеломъ состояніи московскаго государя. Силы его страны истощены, самъ онъ преисполненъ какого-то невыразимаго страха; успѣхи короля и собственныя пораженія заставили его *будто бы* вовсе забыть о Ливоніи. Преувеличенность этого извѣстія всего лучше докажетъ ходъ самихъ мирныхъ переговоровъ. Во все время ихъ царь не терялъ изъ виду ни Ливоніи, ни Нарвы, постоянно указывалъ на необходимость сношеній съ западной Европой. Сознаніе этого не покидало знаменитаго государя до конца его жизни.

По свидѣтельству Фаренсбека, Баторій въ 1581 году съ бо́льшей энергіей, чѣмъ когда-либо, готовился къ новому походу на Псковъ [2]): набиралъ всюду кнехтовъ, посылалъ своихъ вербовщиковъ заграницу, даже въ Нидерланды; побуждалъ своихъ подданныхъ въ Польшѣ, Литвѣ и Пруссіи всѣмъ жертвовать для успѣшнаго окон-

---

[1]) Данц. арх. Den 29 Aug. ist die Moschkowitersche grosse Bottschafft erstlich fur den König im Feldtlager kommen, vnd nach abgelegtem langem grus ein Credentz schreiben überreicht. Als ihnen nu vergunt worden zu reden, haben sie nichts anders furgebracht als mit kurzen worten das der König mit seinem kriegsvolck wieder in sein landt sich wenden soll, dahin will der Grosfurst seyne gesandten verordnen vnd aller zwistung halben tractiren lassen, Darauff sie zum ersten, andern vnd dritten mal gefragt worden, ob sie nichts weiters furzubringen hetten, vndt als sie auch etlich mal gesagt, sie hetten weiter nicht befelch, ist ihnen durch den H. Christoff Radziuil herrn von Trocken dieser bescheid gegeben worden, weil sie mit einer solchen nichtigen werbung fur kommen, mögen sie also wieder one bescheid dauon zihen, sindt also in das Littawisch Lager beleitet worden, vndt des herrn Gros Cantzlers als general obresten hauffen von stundt an vber das Wasser Louade geruckt vnd das lager auff der anddern seiten geschlagen. Отвѣтъ Баторія: dass er den Moskowiter nitt eynen pawren ihn Liffland gedenk zulassen. Ср. Акты, I, № 84.

[2]) Акты, I, № 86. *Кояловичъ*, Дневникъ, приложенія, 329, откуда видно, что Баторій рѣшилъ или идти на Новгородъ, или на Псковъ.

чанія войны. Численность его военныхъ силъ превосходила численность предшествовавшаго года. Фаренсбекъ писалъ Фридриху II, что о мирѣ съ русскими не можетъ быть рѣчи, такъ какъ московскій царь велѣлъ казнить нѣсколько сотъ знатныхъ поляковъ, попавшихся къ нему въ плѣнъ. Эта расправа сильно разгнѣвала короля; онъ затаилъ жестокую месть. Изъ того же источника—донесенія Фаренсбека—мы узнаемъ, что Грозный снова точно ожилъ, сталъ обнаруживать энергію и дѣятельность, совершенно покинувшія его въ предыдущихъ годахъ, склонилъ даже на свою сторону нѣсколько тысячъ татаръ. Не покидала царя и мысль о флотѣ; такъ въ 1581 году онъ думалъ о наймѣ голландскихъ кораблестроителей; имъ онъ желалъ ввѣрить постройку флота на Бѣломъ морѣ; онъ сталъ нанимать и голландскихъ матросовъ [1]). Царь мечталъ о новомъ походѣ на Ревель, его онъ думалъ сдѣлать главнымъ торговымъ центромъ на морѣ, а не Нарву; дорога шла бы отъ Пейпуса на Дерптъ и Ревель.

20-го августа поляки взяли Островъ. Они ограбили жителей „до послѣдней рубашки", говорится въ донесеніи изъ Пскова Рейнгольда Тизенгаузена. Городъ былъ обороняемъ всего тремя стами стрѣлковъ; въ немъ нашли 80 ластовъ пороху. Въ августѣ [2]) Баторій расположился лагеремъ у Пскова, куда онъ прибылъ изъ Полоцка, гдѣ произведенъ былъ наборъ войска. Современникъ говоритъ, что Псковъ въ два раза больше Данцига и распадался на три части; Псковъ единственный городъ въ Московскомъ государствѣ, который окруженъ каменными стѣнами. Русскіе до прибытія поляковъ уничтожили всѣ деревянныя постройки на стѣнахъ [3]). Построивъ съ

---

[1]) *Scheltema*, 143. Ср. Дневникъ, переводъ Милевскаго, 62.

[2]) Когда началась осада? Фаренсбекъ говорилъ 27-го августа; участникъ осады—Тизенгаузенъ приводитъ 28-е число; Николай Корфъ въ донесеніи Данцигу, (отъ 23-го сентября, Рига, 1581) указываетъ 7-е сентября.—Штурмъ происходилъ 8-го сентября, въ часъ дня. Дневникъ, 65.

[3]) Die Pleskaw ist in drey vnderschedliche Stedte geteilet, vndt ist die einige in der gantzen Moschkaw welche mit mawren vmbgeben, doch inwendig alles von holtz gebawet, ein iede stadt hatt ihre besondere Mawer in die drey Klafter breit oder dick nit von ziegeln sondern steinen... Die furnembste stadt hatt Streich vndt Brust weren auch pasteyen die andern aber allein schlechte runde mawren, doch hat ein iede Stadt ein besonder zimlich fest hoch blockhaus. Oben auff den Mawren seindt hülzerne planken oder genge gewest. Nach dem aber die Moschkouiter sich nu mer der gluenden Kugeln halben befurchten haben sie alles was zu oberst auff den Mawren von holz gebawet gewest, vor der Kon. M. ankunfft herunder gerissen. Etliche so Danzig vndt Pleskaw gesehen haben, sprechen das Pleskaw noch ein

трехъ сторонъ шанцы, онъ велѣлъ приступить къ бомбардировкѣ 6-го сентября. Черезъ два дня назначенъ былъ штурмъ. Фаренсбекъ со ста человѣками былъ посланъ для рекогносцировки. Подъ стѣнами Пскова собралась пестрая толпа наемниковъ: тутъ были и венгерцы, и французы (Жанъ Гаронъ), и датчане, и нѣмцы. Фаренсбекъ, донося Фридриху о штурмѣ 8-го сентября, писалъ, что онъ первый съ своими наемниками оказался на высокой башнѣ города, но былъ отбитъ съ большимъ урономъ: 300 человѣкъ было убито. Венгерцевъ и поляковъ, цѣлыхъ три часа державшихся на стѣнахъ, пало въ этотъ день до 600 человѣкъ; среди павшихъ было два знатныхъ мужа, пользовавшихся большимъ почетомъ у короля. Баторій желалъ возобновить штурмъ черезъ два дня, но по неизвѣстнымъ причинамъ, пишетъ Фаренсбекъ, штурмъ не былъ возобновленъ. Причины, однако, вовсе не были неизвѣстными: король боялся повторенія 8-го сентября; онъ имѣлъ въ виду подвести подъ городъ траншеи и взорвать его, но оставилъ и этотъ планъ. Фаренсбекъ отмѣчаетъ въ своемъ донесеніи, что Грозный поручилъ оборону Пскова своимъ отборнѣйшимъ и лучшимъ воинамъ.

Не одинъ Фаренсбекъ отмѣчаетъ этотъ фактъ: въ польскихъ донесеніяхъ мы читаемъ объ изумительной выдержанности и стойкости русскихъ, которые въ состояніи биться до послѣдняго издыханія, лишь бы только не сдаваться врагамъ [1]).

Въ сентябрѣ русскіе потеряли Салисъ; выйдя изъ города они сожгли блокгаузъ и оружіе. Отъ Ревеля до Пернова все свободно отъ русскихъ—говорится въ донесеніяхъ этихъ дней [2]).

Война Швеціи съ Россіей приняла совершенно иной характеръ съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ шведскаго войска сталъ графъ Дела-

---

mal vndt mer grosser Vmbfang sey in der Ringmawer als Danzig. Sonst die stadt mit aller kriegs munition überaus wol versehen. Ср. Дневникъ, 92, гдѣ Псковъ сравнивается съ Парижемъ.

[1]) Берл. арх. R. N. Polen c. Moskau. Ex Polonia, 1581. Stephanus Rex alia conditione pacem facere non vult, nisi Moscus toto Livonia cedat. Capta enim Moscouia Moscus omni Liuonia excluderetur. Mirum est dictu quam sint Mosci genus hominum pertinax et vitae prodigum in defendendis munitionibus suis usque ad extremum spiritum. Sed ad bellum in acie, in campo, in aperto gerendum nullus nunc suplam apparet exercitus, sed ubique fuga consternatio omniumque rerum desperatio.

[2]) Кетлеръ Данцигу 20-го и 25-го сентября. Письмо изъ Риги, 24-го сентября; письмо Ѳомы Эмбдена—виновника паденія Салиса—Данцигу отъ 24-го сентября. Всѣ письма въ Данцигскомъ архивѣ.

гарди. Его военная карьера началась въ 1580 году, когда шведское правительство ввѣрило ему командованіе военными силами, отправляемыми въ Ливонію [1]. Въ сентябрѣ этого года онъ во главѣ 7.000 человѣкъ двинулся изъ Финляндіи въ предѣлы Россіи [2]; 23-го октября онъ перешелъ русскую границу въ двухъ миляхъ отъ Выборга; въ короткое время онъ успѣлъ уже занять Кексгольмъ. Онъ подошелъ къ нему 26-го октября; такъ какъ финскіе кнехты, которыхъ онъ поджидалъ, запоздали явиться, то онъ повелъ осаду Кексгольма однѣми своими силами, принялся строить плоты и перевезъ свое войско черезъ рѣку, возвелъ шанцы и окружилъ городъ со всѣхъ сторонъ. 3-го ноября явились и вспомогательныя силы изъ Ньюслотта и отрядъ шведскихъ кнехтовъ. Послѣ перваго приступа въ городѣ начались пожары. 5-го ноября крѣпость сдалась Делагарди; самою природою Кексгольмъ былъ такъ укрѣпленъ, что взять его возможно было только голодомъ. Съ занятіемъ этой крѣпости шведы пріобрѣли важный пунктъ на своей восточной границѣ для борьбы съ русскими [3].

За Кексгольмомъ палъ Падисъ; осажденные терпѣли голодъ и холодъ, и только угроза вторично штурмовать городъ заставила воеводу Даніила Чихачева сдать городъ. Отъ голода терпѣли и сами шведы, не получавшіе ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ; начались болѣзни, наемники толпами дезертировали. Делагарди долженъ былъ руководить и дѣйствіями шведскаго флота, которому предписано было задерживать подвозъ съѣстныхъ припасовъ русскимъ со стороны Нарвы и Пернова. Къ октябрю 1581 года Делагарди могъ донести своему государю, что, не смотря на рядъ лишеній, съ которыми ему приходилось бороться, ему удалось занять всѣ владѣнія русскихъ отъ Кексгольма до Нарвы.

20-го февраля 1581 года Делагарди изъ Выборга перешелъ съ компасомъ въ рукѣ Финскій заливъ и вошелъ въ Эстляндію; онъ началъ осаду Везенберга, сильно укрѣпленнаго русскими, и 4-го марта заставилъ воеводу его Степана Сабурова сдать ему эту крѣпость. Отсюда побѣдоносный и неутомимый полководецъ пошелъ къ Тольс-

---

[1] *Wieselgren*, Delagardiska Archivet, Stockh. 1831—1843. *Lossius*, Die Urkunden der Grafen de Lagardie in der Universitätsbibliothek zu Dorpat. Dorp. 1882. О походахъ Делагарди см. *Handlingar* rörande Skandinaviens Historia, I—XLI. St. 1811—1865. *Hjärn*, 327, *Renner*, 393.

[2] pour luy (le czar) faire guerre tout cest hiver—пишетъ Дансэ.

[3] Делагарди писалъ Іоанну, что взятіе Кексгольма стоило ему только одинъ ластъ пороху. *Lossius*, 43.

бургу, взялъ его 8-го марта и вернулся въ Финляндію, откуда дѣлалъ рядъ удачныхъ вторженій въ Россію.

18-го іюня 1581 года Іоаннъ III прислалъ весьма любопытную инструкцію своимъ военачальникамъ—Делагарди, Флемингу и Горну слѣдующаго содержанія. Собравши всѣ имѣвшіяся у нихъ военныя силы, вышеназванные полководцы должны были идти къ Нарвѣ и тамъ развѣдать, какую изъ двухъ Нарвъ легче взять, русскую или нѣмецкую; еслибы обнаружилось, что взятіе Нарвы не выполнимо, то Делагарди долженъ былъ идти въ Ингерманландію и занять тамъ Нотебургъ, Ямъ и другія крѣпости; если же нѣтъ, то, начавши осаду Нарвы, предварительно отправить по Пейпусу развѣдчиковъ къ Пскову, чтобы тамъ узнать, какъ обстоятъ дѣла польскаго короля. Во все время осады Нарвы, которая должна производиться и съ суши и съ моря, 1000 человѣкъ должны находиться между Новгородомъ и Псковомъ для рекогносцировокъ. Если Делагарди удастся занять Нарву, то военную добычу, которую онъ въ ней найдетъ, слѣдуетъ распредѣлить по остальнымъ крѣпостямъ. Кнехтамъ Делагарди можетъ разрѣшить, въ случаѣ штурма, грабить городъ въ продолженіе 24-хъ часовъ; каждый можетъ увезти съ собою столько, сколько въ силахъ взвалить на себя. Ни колоколовъ, ни военныхъ снарядовъ никто себѣ присваивать не въ правѣ. Пусть Делагарди слѣдитъ за тѣмъ, чтобы грабежу не подвергались церкви и монастыри, священство и монахи, женщины, старики и дѣти. Каждый, кто нарушитъ это желаніе короля, долженъ быть подвергнутъ смертной казни. Неприкосновенными должны остаться и всѣ тѣ, кто получилъ пропускъ отъ главнаго военачальника. Взявши Нарву, ее слѣдуетъ снова укрѣпить, при чемъ всѣ кнехты должны принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Всѣхъ ослушниковъ королевской воли Делагарди долженъ заковать въ цѣпи и прислать въ Швецію. Вторая половина королевской инструкціи составлена на тотъ случай, еслибы Делагарди не удалось взять Нарвы. Въ такомъ случаѣ, говоритъ король, онъ долженъ построить у устья Наровы нѣсколько блокгаузовъ, чтобы заградить подвозъ къ городу съѣстныхъ припасовъ. Важно укрѣпить также Нейшлоссъ на Пейпусѣ.

Неудачу осады Іоаннъ какъ то неохотно допускаетъ и снова удаляется въ мечтанія о томъ, что̀ предпринять—на случай взятія Нарвы. Важно, говоритъ онъ, двинуться въ такомъ случаѣ къ Нотебургу, Новгороду или въ Ливонію [1]). Еслибы какіе-нибудь русскіе города за-

---

[1]) *Lossius*, 50.

хотѣли отдаться Швеціи, то слѣдуетъ взять съ нихъ присягу въ вѣрности; шведскихъ и финскихъ солдатъ оставить дольше въ Россіи, гдѣ они могутъ содержаться и кормиться на счетъ покореннаго населенія.

Получивши королевскую инструкцію, Карлъ Горнъ и Гансъ Вахтмейстеръ лѣтомъ этого года вторглись въ Викенъ, заняли Лоде, Фикель и Леаль; у Гапсаля съ Горномъ соединился Делагарди и 9-го августа имъ удалось занять Гапсаль [1]. 4-го сентября шведы начали осаду нѣмецкой Нарвы, окруживъ ее съ трехъ сторонъ. Два дня шведы стрѣляли не переставая по стѣнамъ города, но не могли причинить ему никакого вреда. Осада затянулась, и только 15-го сентября Нарва пала. Делагарди долженъ былъ прибѣгнуть къ штурму, при чемъ въ городѣ было убито 5.000 человѣкъ [2]. Слѣдствіемъ паденія нѣмецкой Нарвы была сдача шведамъ и русской Нарвы Аѳанасіемъ Бѣльскимъ [3]; вскорѣ шведамъ подчинились Ямъ и Копорье [4]. Делагарди имѣлъ теперь возможность отдѣлить отъ своего войска часть для помощи осаждавшимъ Вейссенштейнъ. Осада этого города была одной изъ самыхъ упорныхъ: только 24-го ноября городъ сдался Гансу Бойе. Въ перспективѣ у Делагарди была осада Пернова, Дерпта и Феллина. Такимъ образомъ къ концу 1581 года весь Финскій заливъ былъ въ рукахъ шведовъ, русскіе были совершенно отрѣзаны отъ моря, шведы достигли своей завѣтной цѣли— захватили Нарву и теперь могли уничтожить ненавистное имъ нарвское плаваніе, такъ долго поддерживавшее энергію и стойкость русскихъ. Уже осенью 1581 года шведы захватили нѣсколько англійскихъ кораблей, шедшихъ на помощь русскимъ [5]; они отнимали у русскихъ оружіе и военные снаряды [6]. Движенія и военныя операціи Делагарди были такъ изумительно быстры, что вызывали всеобщее удивленіе; говорили,

---

[1]) Ср. *Bunge* und *Toll*, II, 61: письмо Іоанна къ Ревелю, въ которомъ онъ проситъ городъ помочь Делагарди.

[2]) По *Renner'у* (394) 7045 человѣкъ. По другимъ извѣстіямъ—7000 (*Lossius*, 57). *Turgeniew*, CCXXXIV.

[3]) Beiträge, 347.

[4]) *Lossius*, 55.

[5]) Берл. арх. Aus der Wilde, 12 Aug. 1581: Es wirdt auch alhier gesaget, das der K. aus Schweden ezliche Schiffe, darauff Engelische Kriegsvolck, auf dem Fürwasser ar der Naruen so dem Grosfürsten zuziehen wollen, soll beommen haben.

[6]) Берл. арх. Zeittung aus Lübech 19 Apr. 1582: Von Zeittungen ist hin wie das der Schwede dem Reussen alle dage geschütze, so der Reusse aus Lifflandt genommen hat, vnd nach Reusslandt fueren lassen wollen, genommen vnd mehr als 2000 dabey erschlagen.

что злой духъ помогаетъ ему, ибо не въ силахъ человѣка дѣлать такіе быстрые переходы, успѣвать съ такими незначительными силами.

Рѣдко, кто такъ умѣлъ преодолѣвать разнаго рода затрудненія, какъ Делагарди; когда ему пришлось изъ Выборга идти къ Кексгольму, кнехты отказывались нести оружіе: дороги были непроходимы вслѣдствіе осенней поры года; Делагарди сумѣлъ воодушевить ихъ; онъ обѣщалъ каждому прибавить по полмаркѣ къ раньше условленной платѣ. У него всегда въ запасѣ былъ рядъ магическихъ словъ, которыми ему удавалось воодушевлять уставшихъ, недовольныхъ наемниковъ.

Русскіе, увидавъ Делагарди у Везенберга, куда онъ явился, совершивъ зимою тяжелый переходъ черезъ Финскій заливъ, сочли его появленіе за чудо. Еслибы не смерть этого великаго полководца, превосходившаго Баторія смѣлостью и быстротою своихъ военныхъ операцій, шведское правительство скоро принудило бы московскаго царя если не просить мира, то принять его при самыхъ тяжкихъ условіяхъ.

Посредникомъ между претендентами на Ливонію явился іезуитъ Антоній Поссевинъ [1]). Іоаннъ Грозный зналъ о завѣтныхъ планахъ римской куріи подчинить себѣ восточную церковь, достигнуть церковной уніи, что̀ уже принципіально было принято на Флорентійскомъ соборѣ и пока еще лишь спорадически проведено въ литовско-польскихъ земляхъ [2]). Дѣйствительно, послѣ ложныхъ извѣстій, распущенныхъ Шлитте о готовности царя принять унію, всѣ папы съ особенною любовью отдавались этой утопичной мысли; Пій V Гизлери искалъ въ царѣ союзника противъ турокъ. Григорій XIII возобновилъ эти сношенія, обратившись за посредничествомъ уже не къ Польшѣ, а къ Австріи. Это объясняется сближеніемъ Максимиліана съ Грознымъ въ виду польскихъ междуцарствій. Въ 1575 году въ Москву былъ отправленъ Іоаннъ Кобентцль, съ цѣлью склонить царя въ пользу кандидатуры герцога Эрнста Австрійскаго; отзывы этого посла о Москвѣ и ея государѣ самые восторженные, оптимистическіе. И вотъ явился планъ снарядить въ царскую столицу папскаго эмиссара какъ въ виду антиоттоманской лиги и интересовъ Габсбургскаго дома, такъ и въ виду церковной уніи. Когда московскіе

[1]) Для исторіи посредничества Поссевина см. *Pierling*, Documents inédits, 1887 и наши Акты, I.

[2]) *Schiemann*, 380.

послы въ 1576 году явились въ Регенсбургъ, кардиналъ Мороне просилъ ихъ передать царю письмо, чтò послы однако учтиво отклонили. Пусть папа, сказали они, самъ снарядитъ въ Москву посольство или передастъ свое желаніе императорскимъ посламъ, которыхъ ожидаютъ въ Москву [1]).

Зная о такомъ желаніи Рима завязать съ нимъ сношенія, Грозный теперь самъ рѣшился обратиться къ посредничеству папы, чтò доставило послѣднему величайшее удовольствіе, такъ какъ съ этимъ у папы связывались мечты о возможности церковной уніи съ православной Москвой. Прежде папы обращались къ царямъ, теперь православный царь рѣшилъ обратиться къ римскому первосвященнику. Григорій XIII преждевременно торжествовалъ. 27 февраля 1581 года онъ въ блестящей аудіенціи принялъ царскаго посла Шевригина [2]).

Леонтій Истома-Шевригинъ отправился въ Италію въ сопровожденіи друхъ переводчиковъ, Вильгельма Поплера и миланскаго купца Францеско Паллавичино. Изъ Пернова онъ направился моремъ въ Копенгагенъ, оттуда чрезъ Лейпцигъ, Прагу, Мюнхенъ, Инспрукъ, Тріентъ, Венецію въ Римъ. Царскому послу отвели апартаменты во дворцѣ Колонна [3]). Григорій XIII былъ изумленъ, когда въ письмѣ къ нему не нашелъ и намека на возсоединеніе церквей, на признаніе суприматіи Рима. Письмо ограничивалось лишь просьбою взять на себя посредничество къ примиренію Москвы съ Польшей. О религіи „ne verbum quidem“.

Тактичная римская курія никогда не смущалась неудачами. Папа, не смотря на разочарованіе, рѣшился снарядить въ Москву посла, въ надеждѣ, что ему, быть можетъ, въ личныхъ переговорахъ съ царемъ удастся склонить его къ признанію папы главою церкви. Воображенію Григорія рисовалась новая, широкая арена дѣятельности. Выборъ папы палъ на іезуита Поссевина, человѣка опытнаго и ловкаго, фанатическаго приверженца католическаго культа, съ разнообразными знаніями, дипломатическимъ талантомъ, испытанной практичности, умѣвшій примѣняться ко всякимъ вліяніямъ, не всегда искренній, то снисходительный, то рѣзкій, неутомимый въ трудахъ на пользу Рима; однимъ словомъ лучшій продуктъ ордена

---

[1]) *Pierling*, 66—67; 83; 97 и далѣе.

[2]) *Толстой*, Римскій католицизмъ. 1876, 30. *Григоровичъ*, Переписка папъ съ россійскими государями въ XVI столѣтіи. 1834, 39.

[3]) *Pierling*, Un Nonce du Pape en Moscovie, 18.

Іисуса Христа. Онъ былъ уже знакомъ съ положеніемъ дѣлъ на сѣверѣ, такъ какъ дважды ѣздилъ по порученію папы въ Стокгольмъ, для обращенія въ католичество Іоанна Вазы. Обѣ миссіи окончились неудачей. Такая-же участь ожидала и третью миссію неутомимаго служителя куріи. Поссевина снабдили разнаго рода трудами о Россіи, Герберштейномъ, Джіовіо и другими. Поссевину дали слѣдующія порученія: завязать торговыя сношенія между Венеціей и Москвой, содѣйствовать примиренію Польши и Москвы, создать антиоттоманскую лигу и добиться церковной уніи, то-есть, *подчиненія* восточной церкви западной: своеобразное пониманіе уніи папами.

Дипломатическая миссія Поссевина началась въ Венеціи [1]); здѣсь онъ старался склонить республику къ сближенію съ Россіею, говорилъ о надежной опорѣ Россіи въ борьбѣ съ турками. Изъ Венеціи іезуитъ и московскіе послы направились различными путями. Эрцгерцогъ Эрнстъ снабдилъ Поссевина рекомендательнымъ письмомъ къ Грозному. Въ Прагѣ итальянецъ и московиты снова съѣхались. Поссевинъ писалъ кардиналу Комо, что московскій посолъ во время своего пребыванія въ Прагѣ распространилъ тамъ рядъ невыгодныхъ слуховъ о Римѣ, съ негодованіемъ говорилъ о кардиналахъ, у которыхъ сыновья и прочее. Теперь, пишетъ Поссевинъ, эти разсказы, къ великому скандалу Рима, расходятся изъ устъ въ уста. Московитовъ это еще болѣе возстановило противъ Рима. И въ Даніи и въ Москвѣ эти разсказы произведутъ неблагопріятное впечатлѣніе. Въ виду этого случая Поссевинъ впослѣдствіи и хлопоталъ, чтобы московскаго посла не помѣщали въ домѣ кардинала или другаго синьора, а въ отдаленнѣйшихъ комнатахъ Бельведера, гдѣ-бы не было никакихъ украшеній или картинъ съ изображеніемъ нагихъ людей или съ какимъ-либо безнравственнымъ миѳологическимъ содержаніемъ, такъ какъ московиты удивительно стѣсняются такими вещами; пусть въ ихъ комнатахъ развѣсятъ изображенія святыхъ, Христа и Богоматери. Заботливый іезуитъ дважды повторялъ эту просьбу, присоединивъ во второй разъ наставленіе, чтобы московскій посолъ не увидѣлъ Бельведерскую Клеопатру, „не былъ скандализованъ и утвержденъ въ своемъ лживомъ представленіи о насъ“.

Поссевинъ не былъ доволенъ дѣйствіями австрійскаго кабинета, отношеніемъ его къ ливонско-московскимъ событіямъ; его попытки вывести Рудольфа изъ его апатіи были безплодны, и, ничего не до-

---

[1]) *Pierling*, Un Nonce, 43.

стигнувъ, іезуитъ уѣхалъ въ Польшу, московскій же посолъ чрезъ Данію въ Москву. Баторій далъ Поссевину паспортъ для проѣзда черезъ Польшу, и іезуитъ направился въ Москву. Въ переговорахъ съ королемъ іезуитъ убѣждалъ его въ расположеніи къ нему папы, императора и Венеціи, склонялъ его подготовить въ Ливоніи тріумфъ католичеству и достигнуть религіознаго единенія съ Москвою. Баторію выпала роль Карла Великаго: покорить земли и распространить въ нихъ истинную вѣру. Король можетъ быть увѣренъ, что въ переговорахъ съ Москвою папа всегда будетъ болѣе благосклоненъ къ Польшѣ, чѣмъ къ царю.

Рѣчь іезуита произвела впечатлѣніе; коронованный воинъ заявилъ о своемъ безграничномъ довѣріи къ Риму, разсказалъ о своихъ отношеніяхъ къ Москвѣ съ самаго вступленія своего на престолъ. Разставаніе было самое сердечное. Изъ Вильны Поссевинъ отправился въ сопровожденіи Замойскаго. Зная вліяніе послѣдняго на короля, іезуитъ понялъ, какъ важно привязать его къ себѣ, пріобрѣсти силу надъ нимъ. Въ Диснѣ они ожидали отвѣта, ультиматума, отъ московскаго царя относительно мирныхъ условій, предложенныхъ королемъ. Здѣсь происходили любопытные переговоры ихъ съ Джіованни Тедальди, сообщившимъ имъ многое любопытное о Грозномъ; все, что говорилъ флорентинецъ, было чуждо обычныхъ пессимистическихъ увлеченій.

Между тѣмъ къ іюню уже выяснилось, что Грозный условій Баторія не принимаетъ; его въ особенности возмутило требованіе военной контрибуціи; отъ всей Ливоніи онъ ни подъ какимъ видомъ не желалъ отказываться [1]. Надо думать, что Баторій не ожидалъ отказа; приходилось прибѣгнуть къ новому походу, не смотря на то, что средствъ къ походу не было. Посредничество Поссевина приходилось теперь на руку и Баторію. Король просилъ іезуита переговорить съ московскими послами; трижды принимался іезуитъ убѣждать ихъ, они твердо стояли на своемъ и оставались глухи ко всѣмъ краснорѣчивымъ пріемамъ святаго мужа.

Обѣщавъ водворить іезуитскія коллегіи въ Ливоніи, возстановить въ ней католичество, Баторій двинулся къ Пскову, Поссевинъ въ Москву. Царь находился въ это время въ Старицѣ, куда папскій посредникъ явился 18-го августа 1581 года. Черезъ два дня—20-го—

---

[1]) Грозный хотѣлъ удержать Нарву. Баторій прекрасно понималъ значеніе для русскихъ Нарвы, ср. *Коляловичъ*, Дневникъ, приложенія, 284.

ему дана была аудіенція. Іезуитъ стоялъ предъ царемъ. Грозный спросилъ о здоровьи папы Григорія XIII. Когда Поссевинъ отвѣчалъ ему поклономъ отъ папы, онъ всталъ. За аудіенціей послѣдовали переговоры съ боярами и приглашеніе іезуита и его спутниковъ къ царскому столу. Медленный ходъ переговоровъ волновалъ Поссевина, желавшаго скорѣе водворить миръ между Польшей и Москвой, чтобы затѣмъ приступить къ главной миссіи—уніи церквей[1]). Грозный съ удивительнымъ умѣніемъ избѣгалъ религіозныхъ вопросовъ, не соглашался включать Швецію въ договоръ, уступалъ Баторію всю Ливонію, кромѣ Дерпта и Нарвы; онъ упрекалъ своего противника въ томъ, что тотъ хочетъ заключить несправедливый миръ. „Тутъ которому миру быть, что на одну сторону высоко, а на другую низко? добро то миръ, чтобъ на обѣ стороны ровно было". Говоря о Ливоніи, царь прибавилъ знаменательныя слова, доказывающія, что до послѣднихъ лѣтъ жизни важность обладанія моремъ не покидала его: „если намъ Ливонію всю уступить, то намъ не будетъ ссылки ни съ папою, ни съ цезаремъ, ни съ какими другими государями италійскими и съ *поморскими* мѣстами, развѣ только, когда король польскій захочетъ пропустить нашихъ пословъ" [2]). Поссевинъ предлагалъ царю сообщить эти условія Баторію. 12-го сентября послѣдовало разрѣшеніе, 14-го онъ уже былъ на пути къ Пскову. 5-го октября онъ представился Баторію въ лагерѣ подъ Псковомъ. Положеніе поляковъ было самое незавидное; осада стоила дорого и ни на шагъ не двигалась впередъ. Обороною руководила „тысяча героевъ съ Шуйскимъ во главѣ" [3]). 8-го сентября—памятный день въ осадѣ Пскова. Только благодаря героизму Шуйскаго, поляки въ этотъ разъ были отбиты. Положеніе осаждавшихъ все ухудшалось: чувствовался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, наступали холода, не доставало денегъ для уплаты наемникамъ, слышались угрозы—дезертировать. При такихъ обстоятельствахъ Баторій долженъ былъ также съ радостью ожидать іезуита, въ надеждѣ, что онъ принесетъ ему согласіе царя на миръ. Узнавъ, однако, условія Іоанна, Баторій рѣшительно отвергнулъ ихъ: вся Ливонія или война—вотъ его точка зрѣнія. Поссевинъ писалъ кардиналу Комо о положеніи дѣлъ и выра-

---

[1]) Дневникъ, 250.

[2]) *Соловьевъ*, VI, 338, 339. Ср. *Rambaud*, Ivan le Terrible et les Anglais, R. des D. M. 1876, 856.

[3]) *Pierling*, Un nonce, 131.

жалъ надежду, что Ливонію удастся поставить подъ сюзеренство папы: новый ливонскій проектъ. Онъ сообщалъ ему также о готовности царя даровать венеціанцамъ различныя торговыя привилегіи; царь разрѣшилъ имъ пріѣзжать въ Ливонію и въ Каспійское море. Если же венеціанцы будутъ направляться къ Бѣлому морю, то можетъ случиться, что шведы и датчане станутъ имъ препятствовать. О мирныхъ переговорахъ Поссевинъ не пишетъ ничего опредѣленнаго; есть лишь двѣ замѣтки объ этомъ въ его письмахъ: первая,— что мирные переговоры не встрѣтятъ никакого сопротивленія со стороны Даніи: Магнусу достаточно назначить ежегодную пенсію, и онъ откажется отъ всякихъ притязаній на Ливонію; вторая—болѣе щекотливаго характера: московиты обнаруживаютъ глубокое отвращеніе къ католикамъ. Баторій соглашался еще разъ обратиться къ Іоанну, онъ соглашался на съѣздъ уполномоченныхъ гдѣ-либо на границѣ. 22-го октября Поссевинъ писалъ Іоанну Грозному и просилъ его поспѣшить отвѣтомъ. Что побудило Іоанна въ концѣ концовъ согласиться на условія Баторія? Царь, безъ сомнѣнія, искалъ мира съ Польшей, чтобы всѣми силами повести борьбу со шведами и спасти для себя хотя одну только Нарву [1]). Какъ скоро русскіе будутъ обезпечены со стороны Польши, они, думалось царю, быть можетъ, еще и отстоятъ какой-нибудь пунктъ на Балтійскомъ морѣ. Но царь и безъ этого письма уже снарядилъ новыхъ пословъ въ польскій лагерь. Переговоры начались въ концѣ 1581 года у Запольскаго Яма, между Порховомъ и Заволочьемъ, они окончились заключеніемъ десятилѣтняго перемирія 15-го января 1582 года. Своимъ посламъ царь также велѣлъ сказать: „если государь нашъ уступитъ всю Ливонію и не будетъ у него пристаней морскихъ, то ему нельзя будетъ ссылаться съ папою, цесаремъ и другими поморскими государями“. Конечно, не о сношеніяхъ съ папою думалъ при этомъ царь, а о торговыхъ сношеніяхъ своихъ подданныхъ съ западными европейцами; разстаться съ мыслью о сближеніи съ Западомъ было тяжелѣе территоріальныхъ потерь.

По Ямъ-Запольскому миру Грозный потерялъ всѣ свои завоеванія въ Ливоніи [2]). Энергическая политика и геніальная стратегія Баторія обезпечили за Польшей владѣніе Ливоніей и заставили Россію отказаться отъ своихъ плановъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ. Борьба съ Швеціей стоила Грозному и Нарвы.

---

[1]) Ср. Дневникъ, 260.

[2]) *Погодинъ* и *Дубенскій*, Метрика, 2, 230 и далѣе.

Представителями Польши при мирныхъ переговорахъ были палатинъ Брацлавскій, Янъ Збораскій, герцогъ Альбертъ Радзивиллъ, литовскій маршалъ и извѣстный уже какъ дипломатъ Гарабурда. Со стороны русскихъ явились князь Дмитрій Елецкій, намѣстникъ Кашина, Романъ Олферьевъ, намѣстникъ Козельска, „секретарь" (дьякъ) Верещагинъ и одинъ подъячій. Поссевинъ былъ посредникомъ, но далеко не безпристрастнымъ. Въ интересахъ его миссіи было, чтобы Ливонія вся была уступлена Баторію, потому что тогда только могъ тутъ водвориться обновленный іезуитскій католицизмъ; а окатоличеніе Ливоніи, говоритъ и самъ Поссевинъ въ своей Московіи, способствовало бы и обезпечивало бы дѣло окатоличенія всего востока. Никто, говоритъ онъ, еще не владѣлъ всею Ливоніею; принадлежать она должна тому, кто возстановитъ въ ней католичество. Іезуитъ разсуждалъ совершенно по уставу своего ордена: чѣмъ больше гарантій Польша предоставитъ къ утвержденію католицизма въ Ливоніи, тѣмъ больше уступокъ слѣдуетъ сдѣлать ей на мирномъ конгрессѣ [1]).

Переговоры въ Ямѣ Запольскомъ были очень продолжительны; нѣсколько разъ дѣло грозило дойдти до разрыва. Причиною замедленія было не желаніе московскихъ пословъ „писать въ сторону польскаго короля ливонскихъ городовъ, взятыхъ шведами". Съ трудомъ Польша отказалась отъ своего стремленія—включить и Швецію въ мирный договоръ. 6-го января дѣло, однако, выяснилось: московскіе послы уступили Баторію Ливонію, Полоцкъ и Велижъ, Баторій возвращалъ русскимъ—Великіе Луки, Заволочье, Невель, Холмъ, Себежъ и другія русскія крѣпости [2]). Спорили еще изъ за титуловъ и рѣшили въ русскомъ экземплярѣ договора написать Іоанна царемъ и государемъ Смоленска и Ливоніи, а въ польскомъ—этотъ титулъ опустить. 4-го марта постановлено было выполнить договоръ; 10-го іюня онъ долженъ былъ быть клятвенно подтвержденъ польскими послами въ Москвѣ, 15-го—московскими послами въ Польшѣ.

15-го января условія мира были подтверждены крестнымъ цѣлованіемъ.

Баторій направился въ Польшу, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ 4-го февраля; послѣ службы короля привѣтствовали музыкою и, по иниціативѣ іезуитовъ, діалогомъ священника съ московитомъ. Священникъ

---

[1]) Ср. *Christiani*, Die Gegenreformation in Lifland. Balt. Monatschrift, 1889, 391—396.

[2]) *Schiemann*, 388. См. *Чтенія*, 1861, 169 и 177.

(папскій нунцій) обращается въ немъ съ длинною рѣчью къ московиту и въ концѣ ея предлагаетъ ему на выборъ масляничную вѣтвь и мечъ. Московитъ выбираетъ масляничную вѣтвь—эмблему мира. Діалогъ оканчивается пѣніемъ „Тебе Бога хвалимъ". Въ соборѣ водрузили королевское знамя въ воспоминаніе о великихъ побѣдахъ надъ московитами [1]).

Такъ окончилась полувѣковая борьба изъ-за Ливоніи, изъ за господства на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря. Россія была еще болѣе отодвинута на востокъ; сношенія съ западной Европой велись съ этихъ поръ исключительно чрезъ Бѣлое море. Вѣка должны были еще пройдти раньше, чѣмъ великая задача, выдвинутая знаменитымъ Грознымъ царемъ, могла быть съ честью выполнена. Въ слѣдующемъ актѣ балтійской борьбы Россія уже не принимаетъ активнаго участія. Яблоко раздора — Ливонія оказалась во власти шведовъ и поляковъ, протестантовъ и католиковъ-іезуитовъ. Конфликтъ между этими народами былъ неминуемъ, и Ливонія снова становится лозунгомъ борьбы изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ.

Напрасно германскій императоръ Рудольфъ протестовалъ противъ январьскаго договора. Онъ не хотѣлъ допускать расширенія Польши въ Ливоніи и, какъ заявлялъ Баторій Поссевину, обращался даже къ Данцигу и Эльбингу, какъ къ подданнымъ ему городамъ, и приглашалъ ихъ участвовать на рейхстагѣ. Рудольфъ обращался къ жителямъ этихъ городовъ со словами: наши вѣрные и искренно любимые подданные. Такъ, говоритъ Баторій, императоръ могъ бы обращаться къ жителямъ Вѣны или Праги, но никакъ не къ жителямъ нашихъ городовъ. [2]) Вообще Баторій былъ очень недоволенъ поведеніемъ императора въ ливонскихъ дѣлахъ.

Баторій желалъ обратить Ливонію въ польскую провинцію; самъ чужеземецъ, онъ зналъ, что пріобрѣтетъ въ Польшѣ популярность скорѣе всего утвержденіемъ польскаго вліянія въ Ливоніи; въ като-

---

[1]) Данц. арх. Intern. Ein statliche musik, furs dritt ein Dialogus von den Iesuitern agirt worden, Darin ein Priester mit einen Moschkowiter redendt eingefurt ist, zu bedenken den Bebstlich gesandten, Derselbe priester hatt nach langen gehaltenem gesprech dem Moschkowiter in der rechten handt ein Schwert angebotten, in der lincken hand ein zweig vonn Olbaum, zur bedenkung ob der Feindt lieber Krieg wolt haben oder fried, da hatt der Moschkouiter den zweig vonn Olbaum begert, vndt damit ist der Dialogus geschlossen worden vnd Das Te Deum laudamus gesungen.

[2]) Поссевинъ кардиналу Комо, 27-го мая 1582, Варшава.

лицизмѣ знаменитый король видѣлъ связующій цементъ разнородныхъ частей королевства. Началась систематическая рекатолизація Ливоніи. И Поссевинъ, и Фаренсбекъ говорятъ о быстрыхъ успѣхахъ здѣсь реакціи. Въ Ригѣ протестантская церковь была обращена въ костелъ, въ другихъ городахъ также явились многіе католическіе священники. Папа ассигновалъ большую сумму денегъ для учрежденія въ Вильнѣ семинаріи для московитовъ и рутеновъ.

Побѣды шведовъ не нравились Баторію; онъ хотѣлъ одинъ властвовать на всемъ восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря и думалъ, что дипломатическими переговорами ему удастся остановить дальнѣйшія дѣйствія шведовъ. 17-го января 1582 года Замойскій извѣщалъ Делагарди о мирѣ, заключенномъ Баторіемъ съ Россіей, и требовалъ, чтобы шведы не осаждали ни Феллина, ни Оберпалена, ни Каркуса, такъ какъ эти города теперь уже уступлены Москвою Польшѣ. Кромѣ того, онъ настаивалъ и на томъ, чтобы шведы не воевали земель Магнуса, отдавшагося подъ покровительство Польши. Вскорѣ къ Делагарди явились польскіе послы, Эрнстъ Вейеръ и Михаилъ Конарскій, которые должны были указать на незаконность вторженій шведовъ въ ливонскія владѣнія Польши и предложить отъ имени короля размѣстить польскіе гарнизоны въ Нарвѣ и другихъ крѣпостяхъ, чѣмъ достигнуто будетъ скорѣйшее примиреніе Швеціи съ Россіей [1]). Непрошенное вмѣшательство Польши въ отношенія Швеціи къ Россіи привело Іоанна въ сильное негодованіе; онъ не скрывалъ болѣе своего нерасположенія къ Баторію, потерялъ вѣру въ Поссевина, неудачныя уловки и маневрированія котораго вскорѣ всѣмъ раскрыли глаза. Хитрый іезуитъ напрасно увѣрялъ Іоанна, что папа изъ всѣхъ христіанскихъ государей Европы чтитъ и наиболѣе любитъ шведскаго короля, горячо молится за его благоденствіе [2]); подобныя фразы Поссевинъ преподносилъ поочередно венеціанскому дожу, королю Польши, царю Московіи и, наконецъ, королю Швеціи; онѣ ничего не стоили ему, но онъ напрасно надѣялся на ихъ магическое дѣйствіе: Іоанна онѣ не тронули; онъ все болѣе и болѣе убѣ-

---

[1]) *Lossius*, 58. *Гейденштейнъ*, 274 и далѣе. Для польско-шведскихъ отношеній см. приложенія у Кояловича, въ особ. №№ 193, 199 и 288.

[2]) Римъ, Ватик. арх. Nuntiatura di Germania. Поссевинъ Іоанну 12-го апрѣля 1581:... Interea obsecro V. M—tem ut sibi persuadeat neminem maiore affectu paterno inter reges omnes a summo Pontifice diligi, nec esse quemquam inter Christianos principes cuius salutem ardentioribus uotis expetat.

ждался въ томъ, что посредничество Поссевина пристрастно; въ Польшѣ іезуита называли двуличнымъ. Въ переговорахъ съ царемъ Поссевинъ говорилъ, что святѣйшій отецъ никогда не думалъ оказывать бо́льшаго расположенія шведскому королю, нежели другимъ государямъ—польскому и московскому. Къ кардиналу Комо онъ пишетъ: 2-го сентября великій князь прислалъ ко мнѣ своего сенатора (?) Michele di Andrea Begino, чтобы узнать отъ меня, какія условія мира предлагалъ ему съ своей стороны шведскій король; при этомъ великій князь чрезъ этого сенатора далъ Поссевину знать, что шведскій король его, царя, вассалъ и подчиненный, такъ какъ его предшественники на шведскомъ престолѣ признавали надъ собою власть Новгорода и Пскова, городовъ, которые теперь во власти царя. Поссевинъ отвѣчалъ Begino, что святѣйшій отецъ не имѣлъ въ виду оказывать Швеціи бо́льшаго расположенія, нежели другимъ. Пусть царь, сказалъ іезуитъ, довѣритъ переговоры съ Швеціей святому отцу и мнѣ, покорному слугѣ царя. Сенаторъ спросилъ Поссевина, какія по его мнѣнію будутъ требованія Швеціи. Поссевинъ отвѣчалъ, что шведы, вѣроятно, потребуютъ возвращенія отнятыхъ у нихъ крѣпостей; на это ему возразилъ сенаторъ, что эти крѣпости по закону не принадлежали Швеціи, а были безъ всякаго права отняты у Россіи. Поссевинъ замѣтилъ на это, что еслибы судъ принадлежалъ ему, то онъ отдалъ бы каждому то, что ему дѣйствительно по праву принадлежало: ибо такъ требуетъ справедливость, такъ желаетъ и святой отецъ. Въ заключеніе сенаторъ пожелалъ узнать, отъ чьего имени Поссевинъ будетъ писать королю, отъ своего ли, или отъ имени папы. Оказалось, что Поссевинъ рѣшился обратиться къ Іоанну III отъ имени святѣйшаго отца. Въ письмахъ къ кардиналу Комо патеръ-дипломатъ опасается разрыва между Польшей и Швеціей; Баторій, пишетъ онъ, очень недоволенъ дѣйствіями шведовъ въ Ливоніи. Онъ обвинялъ Іоанна въ томъ, что тотъ, воспользовавшись продолжительною осадою Пскова, въ тылу у русскихъ отнялъ часть Ливоніи [1]). Іоаннъ считалъ вмѣшательство Баторія неумѣстнымъ: какъ Стефанъ не спрашивалъ соизволенія у шведовъ брать русскія крѣпости, такъ и шведы не намѣрены давать полякамъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Шведскій король обязанъ отчетомъ одному Богу [2]); война непремѣнно

---

[1]) *Chytraeus*, 754. На это Іоаннъ отвѣчалъ: ne literula quidem Polonus jurisdictionis suae mentionen fecerit.

[2]) Praesertim cum Rex Sueciae neminem praeter Deum agnoscat, cui actionum suarum rationem reddere teneatur.

вспыхнетъ, какъ скоро царь откажется отъ своихъ притязаній на Ливонію [1]). Іоаннъ грозилъ соединиться противъ Польши съ турками [2]).

Баторій не могъ мириться съ тѣмъ, что Эстляндія остается въ рукахъ шведовъ; въ особенности протестовалъ онъ противъ занятія шведами Нарвы и Вейссенштейна [3]), писалъ къ Екатеринѣ шведской, склоняя ее добиться у короля уступки Нарвы, но получилъ отказъ въ весьма рѣзкой формѣ [4]). Данцигскій депутатъ, писавшій объ этомъ бургомистрамъ, говоритъ: если шведы уступятъ полякамъ Нарву, то торговымъ центромъ будетъ Ревель, въ Нарвѣ будетъ лишь польскій praesidium.

Неуступчивость, какую Іоаннъ обнаружилъ по отношенію къ Польшѣ, совершенное охлажденіе къ идеѣ религіозной уніи — все это заставляетъ Поссевина отзываться о немъ съ меньшимъ восторгомъ, нежели дѣлалъ онъ это въ первое свое пребываніе въ Швеціи. Въ письмѣ къ кардиналу Комо онъ дѣлаетъ слѣдующую любопытную характеристику шведскаго короля: Іоаннъ III стремится въ своемъ государствѣ къ абсолютизму, онъ сильный врагъ народныхъ движеній. Ему уже за 45 лѣтъ. Полный, тучный, небольшаго роста, съ длинной бородой, приподнятыми бровями, съ волосами красноватаго оттѣнка— онъ еще бодръ, считаетъ себя выше всѣхъ государей и князей, говоритъ, что среди нихъ онъ единственный воинъ, ораторъ и богословъ. Король говоритъ въ совершенствѣ на нѣмецкомъ языкѣ, недурно полатыни, посредственно по-англійски и по-итальянски. У него не много совѣтниковъ, да и тѣ не изъ мудрѣйшихъ. Королева моложе короля и имѣла на него большое вліяніе, но съ развитіемъ ея болѣзни вліяніе стало ослабѣвать. Правленіе все въ рукахъ самого короля и

[1]) Акты и письма, I, 187.

[2]) Дневникъ, приложенія, 523.

[3]) Берл. арх. Zeitung aus Ryga, 17-го апрѣля 1582. Vnd will etwa der K. aus Pohlen von d. K. zu Schweden die deutsche Narua, das Haus wittenstein vnd sonsten mehr zu Liefflandt fordern soll, welche ihm der Schwede nitt leichtlich abtretten muchte, machet man sich die Gedancken, dass beide Khonige, wo nitt mittel darin getroffen, darüber noch in einander wachssen werden. Ср. Дневникъ, 257. Приложенія, 365, № 83 и 449, № 143.

[4]) Данц. арх.: Nunc vero cum intelligamus ser-tem v-ram a praefato serenissimo coniugo nostro et quidem minaciter postulare eiusmodi quae ad detrimentum suae M-tis atque liberorum tum praeterea regnorum nostrorum iacturam vergunt, qua ratione in animum nostrum inducere possimus illud ut faciamus certe non vi demus, Quapropter nos Ser-tas V-ra excusatam habeat.

двухъ трехъ приближенныхъ его, не выдающихся ни умомъ, ни добродѣтелью. Характеръ короля очень нерѣшительный; онъ вѣчно колеблется среди двухъ рѣшеній, во всемъ неумѣренъ, и въ гнѣвѣ, и въ страхѣ, и въ своихъ надеждахъ. Особенно сильно полагается онъ на свои родственныя связи. Иностранцевъ король не любитъ, они же его просто ненавидятъ за дурное обращеніе съ ними; онъ назначаетъ чрезмѣрно высокія пошлины, ни къ кому не имѣетъ довѣрія, тираннически обращается съ иностранными купцами, нерѣдко отнимаетъ у нихъ товары, самъ назначаетъ цѣны на нихъ, заставляетъ противъ воли покупать разные предметы и пр. Изъ иностранныхъ государей Іоаннъ всѣхъ больше боится датскаго короля, посылаетъ къ нему подарки, старается вообще поддержать съ нимъ самыя лучшія отношенія. Поляковъ король ненавидитъ; еслибы не королева, онъ бы—по собственнымъ словамъ его—всѣхъ бывшихъ въ Швеціи поляковъ повѣсилъ. Въ характерѣ короля отмѣчается, наконецъ, чрезмѣрная мнительность—черта, общая всѣмъ Ваза.

Еслибы Іоаннъ Грозный отвергнулъ постановленія Ямъ-Запольскаго мира, протянулъ еще хоть на нѣсколько лѣтъ войну съ Польшей, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Польшѣ пришлось бы одновременно воевать и съ Швеціей, которая непремѣнно воспользовалась бы борьбою Баторія съ Москвою и стала бы расширять свои владѣнія въ Ливоніи. Трудно что-нибудь предугадывать; но современники говорили, что миръ съ Москвою явился спасеніемъ для Польши, дольше выдержать осаду Пскова она была бы не въ состояніи, особенно еслибы пришлось раздѣлить свои силы, выставивъ часть ихъ противъ шведовъ.

Къ 1583 году отношенія Швеціи съ Польшей еще болѣе обострились; вражду обоихъ государствъ ярко иллюстрируетъ сохранившаяся переписка Іоанна III съ Баторіемъ; такъ Іоаннъ однажды писалъ Баторію, что онъ не намѣренъ давать отчетовъ Польшѣ относительно своихъ дѣйствій въ Ливоніи, онъ господинъ всѣхъ тѣхъ городовъ и крѣпостей, какіе удастся завоевать у русскихъ. Пора польскому королю совершенно отказаться отъ своихъ „абсурдныхъ“ требованій на земли, завоеванныя у русскихъ шведскимъ оружіемъ, шведскою кровью [1]).

---

[1]) Парижъ, Bibl. Nat. Lettre du Roy de Suede au Roy de Pologne, 1583, copié à l'original.... Et si ut omnes in Liuonia arces a Moscouitico occupare potuissemus non esset ut S. V. et cuique mortalium huius facti rationem aliquam reddere teneamur. Haec cum ita sint Serenitatem Vestram serio exhortamur, ut imposterum

Баторій во-время отказался отъ своихъ „абсурдныхъ" требованій, война съ Швеціей миновала, и онъ весь отдался окатоличенію завоеваннаго имъ края.

Поссевинъ не достигъ примиренія Швеціи съ Москвою. Іоаннъ добивался совершенно вытѣснить русскихъ изъ предѣловъ бывшей орденской территоріи и стоялъ уже близко къ цѣли. Земли Ливонскаго ордена были раздѣлены между Польшей и Швеціей. Императоръ не могъ примириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ и созвалъ еще разъ рейхстагъ.

Аугсбургскій рейхстагъ 1582 года пріобрѣтаетъ для насъ особенный интересъ въ виду оживленныхъ переговоровъ, поднятыхъ на немъ относительно Швеціи и Ливоніи [1]). Въ третьей части своей „пропозиціи" рейхстагу императоръ Рудольфъ указывалъ на необходимость возвратить имперіи отпавшіе и отнятые у нея части и города; поднятъ былъ вопросъ и о посольствѣ въ Москву. Императоръ напомнилъ курфюрстамъ, князьямъ и представителямъ округовъ, что о посольствѣ помышлялъ уже и отецъ его, но что до настоящаго времени еще не представилось удобнаго случая для выполненія этого важнаго дѣла, вслѣдствіе чего событія въ Ливоніи принимаютъ все болѣе и болѣе неблагопріятный оборотъ. Всѣ рѣшенія прежнихъ съѣздовъ въ Шпейерѣ, Регенсбургѣ, Франкфуртѣ и Вормсѣ остаются до сихъ поръ невыполненными. Что касается до посольства въ Москву, то дѣла въ Ливоніи такъ измѣнились, что посламъ нельзя расчитывать на свободный проѣздъ. На царя имперіи нечего надѣяться, такъ какъ онъ считалъ Ливонію своею вотчиною и поступиться ею не желаетъ. Императоръ обращалъ вниманіе рейхстага и на успѣхи шведовъ, успѣвшихъ уже утвердиться въ Русской Нарвѣ и другихъ пунктахъ; Польша также расширила свои завоеванія и не согласится на миръ съ Москвою, не получивъ всей Ливоніи.

Представителямъ рейхстага предложено было разсмотрѣть слѣ-

---

ab ejusmodi iniqua postulatione quae scilicet absurda est et iniqua abstineat, maxime certe iniuria qua hactenus tam a Serenitate Vestra quam statibus Polonicis simus affecti et adhuc afficimur quod et Deo et hominibus non potest non maxime displicere.

[1]) Кромѣ *Häberlin'а* ср. Дрезд. арх. Schrifften auf dem Reichstage zu Augburgk einkommen anno 1582, anlangende Liefflandt, Schweden. Muscowiter. Мюнх. арх. 291, Schwarze Kasten: Schwedens Beschwerden wider Moscau wegen Liefflannd, communiciren Sr. Röm. K. M. den Churfürsten, Fürsten vnd Standen. 1576—1582.

дующіе акты: переписку императора съ Іоанномъ шведскимъ, выдержки изъ писемъ императора къ царю, письмо императора къ епископу базельскому и отвѣтъ послѣдняго. Въ своей перепискѣ съ императоромъ Іоаннъ жалуется на безучастіе къ Ливоніи всѣхъ европейскихъ государей и императора, который и не думаетъ выкупать у короля Ливоніи, какъ было рѣшено на штеттинскомъ конгрессѣ.

Напрасно, говорится въ одномъ письмѣ Іоанна III, императоръ надѣется на помощь Москвы противъ турокъ: вопервыхъ, царю нельзя вѣрить, а вовторыхъ, онъ и не способенъ бороться съ турками, если уже татары его осиливали. Поддерживалъ же царь идею объ антитурецкой лигѣ, чтобы тѣмъ свободнѣе хозяйничать въ Ливоніи. Такъ какъ императоръ не шлетъ Швеціи никакой помощи противъ русскихъ, король считаетъ и Ревель, и другіе города своею собственностью и всякіе счеты съ императоромъ поконченными, если императоръ до будущаго дня Петра и Павла не выскажется, желаетъ ли онъ выполнить постановленіе штеттинскаго мира о Ливоніи, или онъ отказывается отъ всякой юрисдикціи и права какъ на Ревель, такъ и на другіе города Эстляндіи. Если императоръ и теперь не выскажется опредѣленно, то король не будетъ считать себя виновнымъ въ нарушеніи добрыхъ отношеній къ имперіи. Іоаннъ требовалъ отъ императора также изданія эдикта противъ пиратовъ Магнуса и московитовъ.

Таково было содержаніе писемъ Іоанна къ Максимиліану и Рудольфу. Въ послѣднихъ письмахъ тонъ еще рѣшительнѣе; король жаловался, что не въ силахъ болѣе защищать Ливонію, какъ ленъ имперіи, тѣмъ болѣе, что его вездѣ во всѣхъ дипломатическихъ переговорахъ обходятъ, оказывая предпочтеніе даже московскому царю, котораго стали возвеличивать и склонять къ дружескому договору. Пусть императоръ знаетъ, что король присвоиваетъ себѣ „directum dominium“ надъ всѣми землями, которыя теперь подъ его властью и не будетъ ждать, когда императору представится случай заплатить королю (Protectionskosten halber). Пусть императоръ поставитъ себя на мѣсто короля и скажетъ, согласился ли бы онъ ради чужихъ выгодъ тратить свои силы и не получать за это ровно никакихъ выгодъ.

Въ перепискѣ царя съ императоромъ обращала на себя вниманіе просьба царя о томъ, чтобы императоръ кассировалъ запретительный эдиктъ о нарвскомъ плаваніи и разрѣшилъ доставлять въ Москву оружіе, военные снаряды и пр. Царь называлъ вмѣшательство скандинавскихъ государей и Польши въ ливонскія дѣла незаконными. Им-

ператора онъ называетъ любезнымъ другомъ и братомъ (lieber Freund und Bruder) и желаетъ жить съ нимъ въ дружбѣ [1]).

Послѣ продолжительныхъ преній, вызванныхъ разсмотрѣніемъ вышеприведенныхъ корреспонденцій, на рейхстагѣ постановили, что посылать въ Москву посольство теперь уже, въ виду измѣнившихся отношеній въ Ливоніи, не имѣетъ основаній. Швеціи же слѣдуетъ напомнить о штеттинскомъ договорѣ, указать, что Нарва и Ревель— лены имперіи, которые могутъ оставаться за Швеціей только временно. На рейхстагѣ 1582 года разсмотрѣны были и отношенія Любека къ сосѣднимъ государствамъ. Послы отъ Любека просили императора убѣдить датскаго короля освободить ихъ городъ отъ высокихъ и тягостныхъ ластовыхъ пошлинъ въ Зундѣ, а шведскаго короля не препятствовать нарвскому плаванію [2]).

Любекъ указывалъ рейхстагу на то, какъ, не смотря на всѣ стѣсненія со стороны скандинавскихъ государей, онъ все-таки участвовалъ во всѣхъ поборахъ въ имперіи, какъ Türkenpfennig и др., при чемъ его таксировали наравнѣ съ князьями.

Мечты Рудольфа вернуть имперіи отторгнутыя у нея земли оставались мечтами; князья всецѣло были поглощены религіозными спорами, событіями въ западной части имперіи, протестанты помышляли объ уніи, католики высоко подняли голову, предвидя выгодный для себя поворотъ въ императорской политикѣ; складывались, однимъ словомъ, отношенія, въ началѣ XVII вѣка разразившіяся страшною и продолжительною религіозно-политическою борьбою. При такихъ животрепещущихъ вопросахъ, какой интересъ для князей могъ представить ливонскій, балтійскій вопросъ? Онъ былъ слишкомъ отдаленъ, меркантильное значеніе его они не цѣнили. Поэтому ни одинъ изъ князей не желалъ ничего давать императору для выкупа у Швеціи Эстляндіи, и постановленія штеттинскаго мира о Ливоніи, сдѣланныя императорскими послами въ 1570 году для поддержки сла-

---

[1]) Дрезд. арх. Damit zwischen vns brüderliche Liebe vnd Einickaitt möchte redtlich volbracht werden.

[2]) Der Lübeckischen Abgesanten Anzaig, was Dennemarck und Schweden vor weitere Zollbeschwerung fürgenommen. Lectum Augustae den 31 Aug. Anno 1582. Nun aber sey dieser Lastzoll eine solche Auflage, das, wenn dieselbe nicht abgeschafft würde, die Stadt mit ihrer ganzen Bürgerschaft in wenigen jahren ins gänzliche Verderben gerathen und eine wüste Stadt werden müsste, indem dadurch alles baare Vermögen aus ihrer Stadt nach Dännemark kommen würde. *Häberlin*, XII, 287.

баго тогда уже авторитета императора въ сѣверныхъ событіяхъ, оставались мертвою буквою. Теперь болѣе, чѣмъ когда либо, сказалась совершенная неспособность германскихъ государей съ императоромъ во главѣ понять насущныя нужды имперіи.

Іоаннъ III спокойно владѣлъ всѣми завоеванными городами Эстляндіи. Борьба съ русскими шла для шведовъ успѣшно.

Въ 1583 году заключено было перемиріе между шведами и русскими; Делагарди еще лѣтомъ этого года убѣждалъ своего короля начать переговоры о мирѣ съ Россіей, говорилъ, что теперь, въ виду стѣсненнаго положенія царя, всего легче добиться отъ него выгодныхъ условій [1]). 10-го августа его желаніе было исполнено; представителями Швеціи при заключеніи перемирія у Плюсы были Класъ Океccонъ Тоттъ и Понтусъ Делагарди, представителями Россіи—намѣстники Новгорода и Мурома—Иванъ Семеновичъ Лобановъ-Ростовскій и Игнатій Петровичъ Татищевъ.

Въ 1584 году Іоаннъ далъ Эстляндіи тѣ же границы, въ какихъ она существуетъ и въ настоящее время, за исключеніемъ Нарвы; онъ соединилъ въ одно цѣлое всѣ завоеванныя и добровольно отдавшіяся Швеціи части ея. Съ этихъ поръ Іоаннъ смотрѣлъ на Эстляндію какъ на неотъемлемую часть шведскаго королевства, что̀ успѣло сдѣлаться убѣжденіемъ и самихъ эстляндцевъ, чѣмъ только и можно объяснить ихъ покорность при редукціи, начатой Іоанномъ въ Эстляндіи въ 1586 г. Какъ шведы въ Эстляндіи, такъ и поляки въ Ливоніи стремились совершенно слить, инкорпорировать свои остзейскія владѣнія съ собственными королевствами. Это та же политика, которая въ настоящее время, наконецъ, сдѣлалась сознательной задачей Россіи [2]).

Въ 1583 году между Даніей и Польшей возникли враждебныя отношенія изъ-за Эзеля и Пильтена. Дѣло было такъ. Магнусъ, потерявши Эзель, заключился въ Пильтенѣ, Эзель же призналъ надъ собою власть датскаго короля. Послѣ смерти Магнуса—18-го марта 1583 г.—Фридрихъ II изъявилъ притязанія и на Пильтенъ, который польское правительство считало неотъемлемою частью Курляндіи. Пильтенская епархія раздѣлилась между Даніей и Польшей; въ ней возникли двѣ партіи. Готгардъ Кетлеръ настаивалъ на томъ, что бы

---

[1]) *Lossius*, 66.

[2]) Ср. *Hammarskjöld*, Ätten von Mengden och Livland under Svenska Väldet. Hist. Tidskr. 1889, стр. 204.

Пильтенъ, какъ того желалъ и Магнусъ, оставался за сыномъ его— герцогомъ Фридрихомъ, котораго Магнусъ съ самаго ранняго дѣтства приблизилъ къ себѣ какъ сына. Религіозная рознь католиковъ и протестантовъ еще болѣе разжигала вражду; католики желали окатоличить спорную епископію и сдѣлать ее собственностью католической церкви. Во главѣ датской партіи стоялъ Іоаннъ Беръ; онъ сумѣлъ представить Фридриху всю неминуемую опасность для лютеранства и для датскаго господства на востокѣ Балтики отъ перехода Пильтена на сторону Польши.

Баторій назначилъ, между тѣмъ, штатгальтеромъ Пильтена Фаренсбека. Фридрихъ не ожидалъ измѣны со стороны Фаренсбека, такъ недавно еще бывшаго на датской службѣ, щедро награжденнаго королемъ многими привилегіями.

Началась война. Фридрихъ опасался за свои владѣнія на Эзелѣ, еще и въ виду того, что рѣшился ввести тамъ редукцію духовныхъ и дворянскихъ земель, и могъ ожидать возстанія привилегированныхъ сословій; послѣднія дѣйствительно стали на сторону Фаренсбека. Посредничество въ начавшейся польско-датской распрѣ взялъ на себя маркграфъ Георгъ Фридрихъ прусскій. Фридрихъ II отправилъ на Эзель значительный флотъ и войско. Дворянство, чувствуя свое безсиліе, снова присягнуло на вѣрность королю. Только въ 1585 году, 15-го апрѣля, между Польшей и Даніей былъ заключенъ миръ въ Кроненбургѣ. Фаренсбекъ съ этихъ поръ совсѣмъ перешелъ на польскую службу, былъ назначенъ даже сенаторомъ [1]).

Полувѣковая борьба изъ за балтійскаго вопроса окончилась, но вопросъ этотъ не нашелъ еще въ ней своего окончательнаго разрѣшенія. Послѣ десятилѣтняго затишья борьба снова возникаетъ. Положеніе дѣлъ въ сѣверной Европѣ совершенно измѣнилось въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ первой половинѣ вѣка, когда борьба еще была въ первой стадіи своего развитія. Начавшись при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ для Россіи, она окончилась полнымъ пораженіемъ колосса.

Съ перваго года войны было ясно, что она сдѣлается европейской; вопросъ, стоявшій на очереди, былъ интернаціональный. Въ политической и коммерсіальной эволюціи сѣверныхъ государствъ балтійскій вопросъ игралъ большую роль. Наименѣе подготовленной при-

[1]) † 1602 г. (Ср. *Schiemann*, 64 и д.).

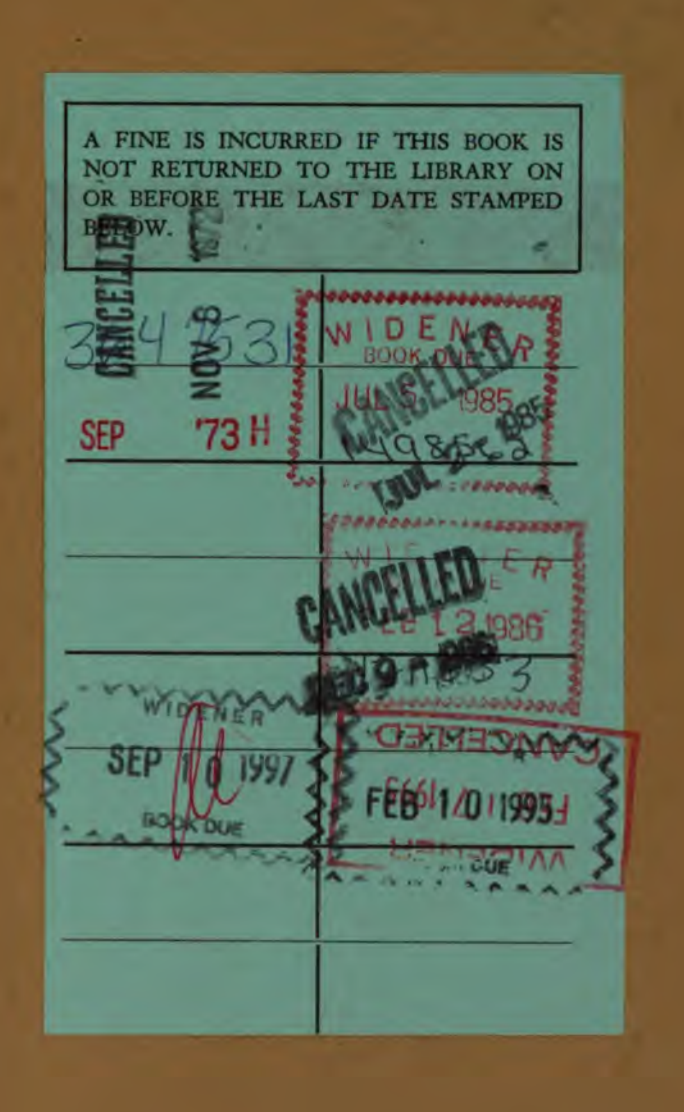
ступила къ борьбѣ Польша; ея пріобрѣтенія оказались весьма непрочными, и въ слѣдующей стадіи балтійской борьбы она теряетъ все, чѣмъ владѣла. Швеція поднялась на степень первой державы въ Сѣверной Европѣ; Данія, владѣя Зундомъ, сохраняла свое политическое значеніе, не смотря на то, что потеряла все, что успѣла захватить въ Ливоніи. Предугадать будущее въ балтійскомъ вопросѣ было не трудно. Всѣ коалиціи, съ какими мы встрѣчались въ нашей темѣ, заключались противъ Россіи; страхъ предъ Россіей тотъ цементъ, который связывалъ государства другъ съ другомъ. Послѣдняя коалиція противъ Москвы составилась изъ двухъ родственныхъ державъ Швеціи и Польши; какъ скоро не стало необходимости воевать съ общимъ врагомъ, обѣ державы необходимо сталкивались изъ за владѣній разбитаго и ушедшаго со сцены московскаго царя. Раздѣлъ его владѣній — вотъ искра, рано или поздно долженствовавшая вызвать новое пламя, новый конфликтъ Польши и Швеціи. Вмѣсто четырехъ претендентовъ на восточное побережье Балтики — осталось только двое, но и они не смогли подѣлить между собою завоеваннаго. Польша раньше потеряла свои владѣнія, посягнувъ на религію своихъ новыхъ подданныхъ,—крупнѣйшее недомысліе Баторіевой политики. Борьба съ Швеціей должна была окончиться пораженіемъ Польши какъ въ виду ея религіозной нетерпимости, такъ и въ виду внутренней непрочности шляхетскаго государства.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ четыре державы, принявшія активное участіе въ балтійской борьбѣ, понимали, зачѣмъ онѣ въ нее вмѣшались, ясно представляли себѣ меркантильное значеніе на очереди стоявшаго вопроса. И рѣчи не можетъ быть объ одной жаждѣ территоріальныхъ расширеній, какъ, напримѣръ, это высказывалось относительно Грознаго.

Для Швеціи и Даніи ливонское побережье являлось, если можно такъ выразиться, роскошью, для Россіи же и Польши—насущною потребностью. Утвержденіе на Балтійскомъ морѣ стало съ этихъ поръ сознательною задачею Москвы.

Слѣдующій актъ балтійской борьбы, обезпечившій за Швеціей полное господство на Балтійскомъ морѣ, разыгрался уже при совершенно пассивномъ участіи Россіи.




A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.
CANCELLED
NOV 8
SEP '73 H
WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED
JUL 2 1985
CANCELLED
WIDENER
SEP 10 1997
BOOK DUE
FEB 10 1995



